ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XIII.

Южная Африка: Южный Атлантическій Океанъ.—Камерунъ.—Габонъ.—Конго.—Ангола.—Да-Мара.—Лимпопо.—Ку-Банга.—Мозамбикъ.—Занзибаръ.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова**,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

ЮЖНАЯ АФРИКА.

Глава I.

Южный Атлантическій океанъ и его острова.

I. Гвинейское море.

Воды, омывающія западные берега южной Африки, могутъ быть разсматриваемы какъ особое море, отличающееся формою ложа, особенностями въ теченіяхъ и выдвигающимися изъ его пучинъ островами. Благодаря промѣрамъ и изслѣдованіямъ морскаго дна,—которые вблизи береговъ материка и острововъ производились на довольно близкихъ другъ отъ друга разстояніяхъ, а южнѣе, по направленію къ антарктическимъ землямъ, на разстояніяхъ, все болѣе и болѣе взаимно отдаляющихся,—подводный рельефъ Гвинейскаго моря уже нанесенъ на карты; и хотя получившееся, такимъ образомъ, его изображеніе не можетъ быть признано строго точнымъ, но, тѣмъ не менѣе, оно настолько приближается къ дѣйствительности, что общія черты его могутъ считаться уже извѣстными. Оказалось именно, что подводный горный кряжъ, пересѣкающій въ косвенномъ направленіи, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, часть океана, заключающуюся между берегами Либеріи и берегами Бразиліи, измѣняетъ свое направленіе, не доходя приблизительно пяти градусовъ до берега материка на уровнѣ Пальмоваго мыса. Книзу отъ этой области, самая высокая часть дна океана—прикрываемая, однако же, въ среднемъ, толщею воды отъ двухъ до трехъ тысячъ метровъ—направляется какъ-разъ прямо съ сѣвера на югъ и разобщаетъ, такимъ образомъ, пучины океана, прилегающія къ Африкѣ, отъ еще болѣе глубокихъ безднъ морей около Южной Америки. Эта-та водораздѣльная гряда—на которой, надъ поверхностью океана, высятся пикъ Вознесенія и острова Тристанъ-д'Акунья и Гонзало-Альварецъ—и составляетъ срединную границу между двумя половинами Южнаго Атлантическаго океана. Всѣ моря, лежащія отъ нея къ востоку, принадлежатъ къ области африканскаго материка, при чемъ западною границею ихъ служитъ прямая линія, проведенная въ направленіи меридіана отъ Сьерра-Леоне къ Тристанъ-д'Акуньѣ и проходящая черезъ самыя высокія точки сейчасъ описаннаго водораздѣла между Гвинейскимъ и Бразильскимъ морями.

Область океана, четыреугольной формы, заключающаяся между раздѣльнымъ порогомъ и берегами Африки, отъ мыса Пальмоваго до мыса Доброй Надежды, не вездѣ имѣетъ одинаковую глубину. Она распадается на два бассейна, пучины которыхъ углубляются болѣе, чѣмъ на 5.000 метровъ ниже поверхности моря. Изъ этихъ котловинъ одна, продолговатая по формѣ, простирается съ запада на востокъ, параллельно берегамъ Золотому и Невольничьему, а наиболѣе углубленная часть другой котловины, по формѣ почти овальной, находится къ юго-востоку отъ острова Св. Елены. Въ этой впадинѣ африканскихъ морей наибольшая найденная до сихъ поръ глубина 5.840 метровъ. Совокупность морскаго пространства противъ южной Африки, глубина котораго превышаетъ 4.000 метровъ, равна приблизи-

тельно семи милліонамъ квадратныхъ километровъ, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ вдвое превосходитъ поверхность Средиземнаго моря. Къ югу отъ линіи, соединяющей устье р. Оранжевой съ о-вомъ Тристанъ-д'Акуньей, простирается другая котловина, глубиной тоже въ 4.000 метровъ, ограничиваемая на югѣ подводными каменными грядами, на гребнѣ которыхъ стоитъ островъ Бувэ (Bouvet) и которыя поднимаются полого къ берегамъ антарктическихъ земель.

Въ этомъ обширномъ какъ-бы котлѣ африканскихъ морей воды находятся въ вѣчномъ движеніи, при чемъ средняя равнодѣйствующая всѣхъ перемѣнныхъ или даже противоположныхъ теченій выражается въ томъ поступательномъ движеніи водъ, которое въ началѣ, на протяженіи отъ мыса Доброй Надежды до мыса Лопецъ, направляется параллельно берегу, затѣмъ поворачиваетъ на западъ, къ берегамъ Новаго Свѣта, и, наконецъ, для завершенія всего этого громаднаго водоворота, возвращается снова къ югу и къ востоку. Это кругообращеніе водныхъ массъ въ южной части Атлантическаго океана соотвѣтствуетъ тому круговороту ихъ въ сѣверной его области, западною вѣтвью котораго является Гольфстремъ, но, въ сравненіи съ послѣднимъ, оно совершается, во-первыхъ, въ противоположномъ направленіи, а, во-вторыхъ—благодаря общей конфигураціи того водоема, въ которомъ выполняется - болѣе правильными оказываются также и его очертанія. Средній діаметръ этого потока можетъ быть исчисленъ въ 4.000 метровъ. Что же касается его скорости, то она весьма измѣнчива, но, при отсутствіи вліянія зыби, обыкновенно незначительна. Такъ, корабль «Gazelle»,—совершая свой переходъ между островами Зеленаго мыса и устьемъ Конго, при чемъ путь его лежалъ чрезъ островъ Вознесенія,—опредѣлилъ, что, къ югу отъ экватора, часть экваторіальнаго потока движется къ западу со скоростью 2.906 метровъ въ часъ, тогда какъ большинство наблюденій указываютъ скорость менѣе одного километра въ часъ, или даже только около 150 метровъ. Во многихъ мѣстахъ этихъ областей океана даже вовсе нѣтъ ощутительныхъ скоростей; вся масса водъ лишь медленнымъ поступательнымъ движеніемъ совершаетъ свой обширный круговоротъ и только кое-гдѣ къ главному потоку присоединяются второстепенныя теченія, обусловливаемыя либо вдающимися въ море выступами береговъ (мысами и т. п.), либо мѣстными вѣтрами, и происходящія въ направленіяхъ противоположныхъ главному теченію.

Самымъ сильнымъ изъ этихъ отливныхъ теченій, т. е. устремляющихся отъ береговъ, оказывается теченіе, направляющееся вдоль берега материка, между Пальмовымъ мысомъ и бухтою Камерунъ, со среднею скоростью немного большею, чѣмъ одинъ километръ въ часъ, при чемъ, однако, около Пальмоваго мыса, въ болѣе открытомъ морѣ—*мористѣе*, по выраженію моряковъ, скорость этого теченія можетъ достигнуть въ часъ 6 километровъ или въ день почти 150. Моряки даютъ этому потоку названіе «Гвинейскаго теченія», и такъ какъ оно врѣзывается между двумя половинами экваторіальнаго потока, направляющагося отъ береговъ Стараго Свѣта къ берегамъ Новаго, то корабль, плывущій параллельно экватору, въ направленіи ли къ западу или обратно, къ востоку, можетъ, отдавшись теченію, или противотеченію, значительно ускорить свой ходъ [1]). «Гвинейское теченіе» перемѣщается соотвѣтственно временамъ года, и въ сентябрѣ занимаетъ болѣе половины ширины океана къ югу отъ архипелага Зеленаго мыса. Какая причина этого перемѣщенія водъ въ томъ же направленіи, какъ движется и земля, т. е. съ запада на востокъ? Разсматривать этотъ вопросъ отдѣльно—нельзя, такъ какъ онъ связанъ съ тою великою проблемою о круговращеніи океаническихъ водъ, разрѣшеніе которой принадлежитъ еще будущему времени. Какая въ этихъ движеніяхъ доля зависитъ отъ обращенія земнаго шара вокругъ своей оси? Поскольку они, затѣмъ, обусловливаются: вліяніями вѣтровъ, различіемъ температуры на поверхности моря или на его днѣ, а также взаимною противоположностью и смѣшеніемъ неодинаково соленыхъ водъ? Воззрѣнія относительно всѣхъ этихъ вопросовъ различны, и ни одно изъ предположеній не оказывается достаточнымъ для объясненія всѣхъ явленій, наблюдавшихся метеорологами, еще слишкомъ малочисленными, которые посѣщали тѣ моря. Вообще полагаютъ, что Гвинейское теченіе есть боковой водоворотъ, «компенсаціонное теченіе», производимое отливомъ экваторіальныхъ водъ: однако, непосредственному дѣйствію вѣтра нельзя приписывать направленіе Гвинейскаго противо-теченія съ запада къ востоку, такъ какъ оно совершенно не совпадаетъ съ направленіемъ пассатовъ и муссоновъ, дующихъ въ этихъ отдѣлахъ океана; даже мористѣе устьевъ Нигера и Камерунской бухты—тамъ, гдѣ гвинейскій потокъ направляется сначала къ юго-востоку, затѣмъ поворачиваетъ къ югу, чтобы слиться съ экваторіальнымъ теченіемъ,—поступательное движеніе водъ совершается какъ-разъ обратно среднему направленію вѣтровъ [2]). Не составляетъ ли это теченіе,- направляющееся противъ бризы (т. е. береговаго вѣтра) и оттѣсняемое въ сторону другимъ морскимъ потокомъ, устремляющимся

---

[1]) Philippe de Kerhallet;—François, „Instructions nautiques".

[2]) „Путешествіе на кораблѣ Gazelle", Hydrographische Mittheilungen, 1874. Annales Hydrographiques, 1-ier Trimestre, 1876.

въ ротивоположномъ направленіи—причину того грознаго напора волнъ, который образуетъ «*бару*», дѣлая столь затруднительной, а иногда и столь опасной высадку на пляжи Гвинеи, между Пальмовымъ мысомъ и Камеруномъ? Противъ устья Конго, во второстепенномъ водоворотѣ, которой образуется вслѣдствіе встрѣчи Гвинейскаго теченія съ другимъ потокомъ, идущимъ съ юга, параллельно берегамъ Португальской Африки, кружится небольшое «саргассовое море», гдѣ «тропическій виноградъ» плаваетъ такими же длинными полосами, какъ и въ «саргассовомъ морѣ» около Антильскихъ острововъ.

Относительно вѣтровъ анемометрическія карты Brault и другихъ моряковъ-наблюдателей показываютъ, что въ африканской части Южнаго Атлантическаго океана они дуютъ вообще съ большою правильностью. Собственно бури тамъ чрезвычайно рѣдки, и «общіе вѣтры, т. е. юго-восточные пассаты, дуютъ тамъ столь правильно, что экипажи парусныхъ судовъ могутъ, особенно въ эпохи солнцестояній, исчислять съ весьма большой вѣроятностью продолжительность своихъ переходовъ въ этой части океана. Однако, такое постоянство въ направленіи вѣтра существуетъ только въ открытомъ морѣ; вблизи же береговъ, воздушныя теченія изгибаются къ внутренности материка: такъ, надъ южными владѣніями англичанъ, германцевъ и португальцевъ, а также и надъ приморскими областями Конго и Огоуэ, вѣтры дуютъ съ юго-запада или даже прямо съ запада; на берегахъ же, находящихся западнѣе Камеруна, они приходятъ съ юга. Эти-то притоки морскаго, насыщеннаго парами воздуха, и приносятъ прибрежнымъ странамъ дожди; горы Камеруна наводняются ими во всякое время года; значительное число ливней приходится на долю также и другихъ приморскихъ кряжей; въ открытомъ же морѣ, между выдающимися частями Африки и Южной Америки, цѣлый поясъ—представляющій измѣнчивыя очертанія и заключающій въ себѣ двѣ области пассатныхъ вѣтровъ, сѣверо-восточнаго и юго-восточнаго,—есть одинъ изъ тѣхъ отдѣловъ океана, гдѣ дожди выпадаютъ въ наибольшемъ изобиліи: штиль воздуха останавливаетъ облака, приносимыя со всѣхъ сторонъ пассатами; пары сгущаются, и образующіяся, вслѣдствіе этого, частицы воды ниспадаютъ въ находящійся внизу океанъ цѣлыми потоками. Во многихъ мѣстахъ эта выпадающая изъ атмосферы прѣсная вода, разливаясь, въ силу своего меньшаго удѣльнаго вѣса, по поверхности соленыхъ водъ, образуетъ слои настолько толстые, что моряки проходящихъ кораблей могутъ черпать ее.

Соленость водъ Южно-Атлантическаго бассейна, не смотря на безостановочное перемѣшиваніе ихъ и воздушными, и морскими теченіями, оказывается различною, и не только на разныхъ мѣстахъ поверхности океана, но также и на различныхъ его глубинахъ. Наибольшею соленностью обладаютъ воды, омывающія островъ Св. Елены: удѣльный вѣсъ ихъ равняется 1.0285; во всемъ Гвинейскомъ теченіи,—воды котораго прибываютъ вслѣдствіе ливней, ниспадающихъ въ области безвѣтрія,—соленость уже меньше; затѣмъ, во всей сѣверо-восточной части Гвинейскаго моря, т. е. въ тѣхъ отдѣлахъ его, гдѣ потоки Нигера и Конго, этихъ двухъ самыхъ большихъ рѣкъ Африки, примѣшиваютъ свои массы прѣсной воды къ водѣ соленой, степень солености менѣе двухъ и даже трехъ тысячныхъ; и наконецъ, въ южныхъ областяхъ Атлантическаго океана соленость меньше, чѣмъ вокругъ острова Св. Елены, вслѣдствіе таянія ледяныхъ глыбъ и полей, приплывающихъ изъ областей антарктическихъ. Эти ледяныя массы спускаются наидалѣе къ сѣверу въ мѣсяцы іюнь, іюль и августъ, когда въ южныхъ полярныхъ моряхъ господствуютъ холода; въ это время года, кристальные куполы, башни и обелиски,—измѣняющіе, вслѣдствіе безпрерывнаго перемѣщенія центра тяжести, какъ свои основанія, такъ и очертанія,—виднѣются даже въ моряхъ, сосѣднихъ съ мысомъ Доброй Надежды, около 36° и даже 35° южной широты; а южнѣе такіе обломки ледовитаго материка непрерывно движутся другъ за другомъ цѣлыми миріадами. Взорамъ путниковъ на корабляхъ, огибающихъ Африку, представляется на западѣ дефилированіе, въ причудливыхъ процессіяхъ, какъ-бы безконечнаго города, состоящаго изъ дворцовъ, храмовъ и колоннадъ, искрящихся подъ лучами заходящаго солнца.

Уменьшая соленость воды, льдины эти значительно понижаютъ также температуру водныхъ массъ, текущихъ отъ экватора къ югу. Такъ, начиная отъ Камерунской бухты и до мыса Доброй Надежды, на поверхности моря наблюдаютъ постепенное уменьшеніе тепла, соотвѣтствующее уменьшенію теплоты и въ слояхъ атмосферы. Съ +28° на Невольничьемъ берегу до +15° около южной оконечности континента, изотермы слѣдуютъ одна за другой довольно правильно; но вслѣдствіе притока водъ изъ антарктическихъ морей въ постепенно съуживающуюся воронку, которую представляетъ Атлантическій океанъ,—въ глубокихъ слояхъ уменьшеніе температуры, въ направленіи отъ поверхности ко дну океана, обнаруживаетъ замѣчательныя противоположности. Въ этомъ отношеніи, всего болѣе поражаетъ сравнительно низкая температура экваторіальныхъ водъ. Такъ, если взять среднюю температуру всей массы жидкости, находящейся подъ экваторомъ между Африкою и Америкою, то окажется, что эта уравнительная температура между водами: теплой—на поверхности моря, и

холодной—на его днѣ, равняется 4.8°, т. е. она теплѣе всего лишь на одну десятую градуса тѣхъ массъ воды, которыя находятся подъ 33° южной широты; съ другой стороны, эти же самыя экваторіальныя воды окажутся на 2,5° холоднѣе водъ умѣреннаго сѣвернаго пояса подъ 33° сѣв. широты. Эта поразительная противоположность между сѣверной и южной половинами Атлантическаго океана, свидѣтельствующая о большомъ перевѣсѣ антарктическаго теченія надъ арктическимъ, можетъ быть наблюдаема также и въ толщѣ каждаго изотермическаго слоя воды: на однѣхъ и тѣхъ же глубинахъ океана температуры оказываются совершенно различныя. Такъ, лотъ длиною въ 914 метровъ попадаетъ подъ 33° сѣв. широты въ воду въ 10°, а подъ 33° южной широты онъ встрѣчаетъ слой лишь въ 4°: такимъ образомъ, разница между двумя соотвѣтствующими другъ другу широтами опредѣлится въ 6° [1]). Что касается температуры воды вблизи береговъ, то она нѣсколько уменьшается вслѣдствіе прилива водъ изъ открытаго моря, такъ какъ онѣ приносятъ съ собою отчасти и воды изъ болѣе глубокихъ слоевъ; для нѣкоторыхъ изъ прибрежныхъ водныхъ пространствъ констатирована, между водами вблизи берега и водами въ открытомъ морѣ, разница въ два градуса [2]).

Колебанія въ температурѣ слоевъ южныхъ атлантическихъ водъ опредѣляютъ также границы областей жизни животной, и, смотря по временамъ года, очертанія этихъ областей измѣняются. При этомъ, если виды, проживающіе въ глубокихъ водахъ, въ холодныхъ пучинахъ съ однообразною низкою температурою, могутъ разселяться далеко, на пространствѣ между обоими полюсами земли, то нельзя сказать того же относительно тѣхъ видовъ, которые обитаютъ въ поверхностныхъ слояхъ водъ, каковы китообразныя, рыбы и другія животныя. Такъ, «южные киты», будучи весьма многочисленны въ моряхъ, простирающихся къ западу и къ юго-западу отъ Мыса Доброй Надежды, вплоть до западной стороны небольшаго архипелага Тристанъ-д'Акунья,—не достигаютъ широты острова Св. Елены: здѣсь, по выраженію Мори, они задерживаются теплыми водами тропическихъ морей, точно огненной стѣной. Животныя, обитающія въ водахъ около Испаніи и Португаліи, а также и въ Средиземномъ морѣ, постепенно исчезаютъ въ направленіи къ югу. То же самое наблюдается и относительно тѣхъ видовъ, которые держатся около Антильскихъ островов, хотя большое число ихъ еще и встрѣчается даже около острова Вознесенія, въ самомъ центрѣ Южнаго Атлантическаго океана [1]). Въ сравненіи съ открытымъ моремъ, животная жизнь около устьевъ рѣкъ гораздо обильнѣе. Такъ, по мѣрѣ приближенія къ лиману р. Конго, число рыбъ въ поверхностныхъ слояхъ воды увеличивается, а вмѣстѣ съ этимъ, несмотря на уменьшеніе солености въ водѣ, усиливается по ночамъ и фосфоресценція волнъ.

[1]) Промѣры кораблей „Challenger" и „Gazelle".

[2]) Von Dankelmann, „Verhandlungen der Gesellchaft für Erdkunde zu Berlin", 2 окт 1886 г.

II. Африканскіе острова южнаго Атлантическаго океана; Тристанъ-д'Акунья.

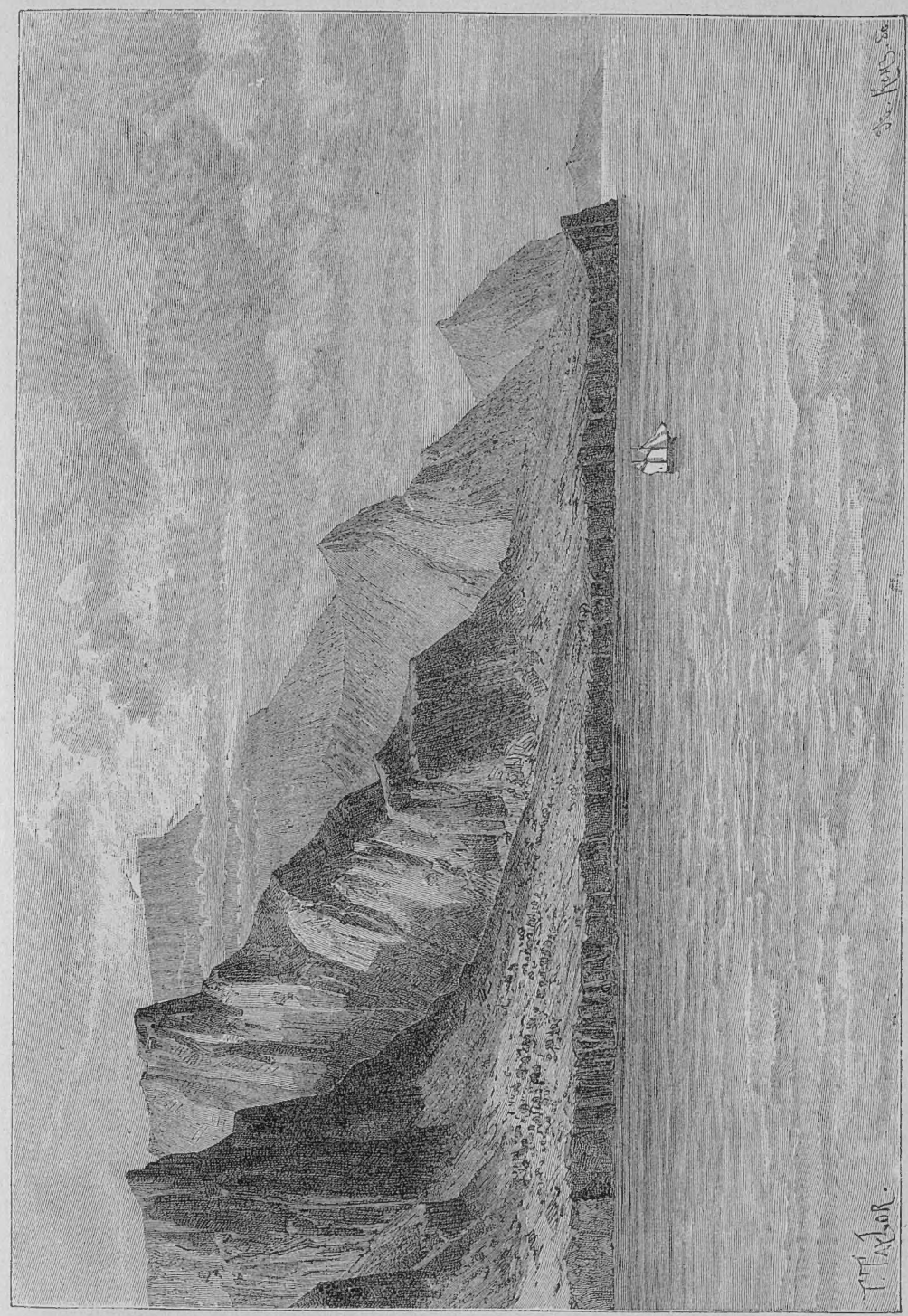
Гвинейскія моря бѣдны островами, хотя вплоть до новѣйшаго времени карты и оказывались усѣянными тѣми призрачными землями, которыя создавало воображеніе моряковъ, принимавшихъ облака на горизонтѣ за острова и каменные рифы; существовало даже предположеніе, будто-бы области океана, разсѣкаемыя кораблями на пути изъ Португаліи въ Индію, ограничиваются на югѣ берегами материка. Предположеніе Птоломея о существованіи «великой южной земли», соединяющей Африку съ восточными продолженіями Азіи, было воспринято картографами XVI го вѣка, хотя, конечно, и подверглось измѣненіямъ, сообразно съ открытіями позднѣйшихъ мореплавателей. По ихъ представленію, эта южная земля начиналась къ югу отъ Америки и отъ всей окружности земнаго шара. Долгое время на картахъ виднѣлся и берегъ этого материка; но, по мѣрѣ открытій въ южныхъ областяхъ океана, онъ начиналъ распадаться уже на отдѣльныя части: такъ на картѣ Homann'a, изданной въ 1722 г., обозначена какая-то «Земля Жизни», съ архипелагомъ островковъ впереди ея, какъ граница Южнаго Атлантическаго океана въ тѣхъ широтахъ, гдѣ мореплаватели открыли островъ Гонзало-Альварецъ [2]). Новѣйшія изслѣдованія отодвинули далѣе къ югу эти воображаемые или дѣйствительные берега, превратившіеся нынѣ въ «Антарктическій материкъ», и Бувэ, открывъ, въ 1739 году, островъ и небольшой архипелагъ изъ островковъ, носящіе нынѣ его имя, назвалъ ихъ мысомъ Обрѣзанія, предполагая, что эти снѣжныя скалы не что иное, какъ выдающіяся части полярнаго материка. Но въ этихъ областяхъ, между 54° и 55° южной широты, мы находимся уже далеко за предѣлами африканскихъ водъ, въ моряхъ, которыя своими ледяными полями составляютъ, такъ сказать, продолженіе сплошныхъ льдовъ и снѣжныхъ земель ледовитаго пояса.

Подобно тому, какъ исчезла изъ Южнаго

[1]) Gunther, „Shore Fishes"; Schmarda, „Geographisches Jahrbuch" 1882.

[2]) „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde", 1886.

Атлантическаго океана «Земля Жизни», пропали изъ этихъ морей и многіе другіе острова, въ существованіи которыхъ прежде не сомнѣвались. благодаря обстоятельнымъ повѣствованіямъ мореплавателей. Изъ такихъ островов долгое время на карты наносился, къ юго-западу отъ мыса Трехконечнаго и въ двухъ съ половиною градусахъ къ югу отъ экватора, островъ Св. Матвѣя, который, однако, новѣйшіе наблюдатели тщетно розыскивали. А между тѣмъ, нѣкій монахъ, командуя эскадрою изъ семи парусныхъ судовъ, приставалъ въ 1525 году къ этому острову и пробылъ на немъ въ теченіе двухъ недѣль. Но такъ какъ даваемое имъ описаніе вполнѣ подходитъ къ острову Аннобонъ, то вѣроятно, что въ дѣйствительности онъ и посѣтилъ эту землю, но при этомъ ошибся на тысячу километровъ,



Тристанъ д'Акунья.

исчисляя ходъ своего корабля, что не представляетъ ничего ненормальнаго въ исторіи мореплаванія той эпохи [1]). Градусахъ въ десяти къ западу отъ о-ва Св. Матвѣя, значился на картѣ еще и другой островъ—Санта-Круцъ, или Св. Креста, хотя повѣствованіе объ его открытіи не встрѣчается ни у одного изъ путешественниковъ. Возможно, что тутъ произошло простое смѣшеніе этого названія съ «Землею Св. Креста», какъ впервые были названы берега Бразиліи.

Въ Южномъ Атлантическомъ океанѣ самою отдаленною отъ материка Африки землею можетъ считаться островъ Гонзало-Альварецъ, названный такъ открывшимъ его въ первые годы XVI вѣка кормчимъ; считаться же принадлежащимъ къ африканскимъ морямъ этотъ островъ можетъ потому, что находится около южной оконечности подводнаго раздѣльнаго порога, называемаго кряжемъ Челленджера. Названіе этого острова тоже подвергалось видоизмѣненіямъ: такъ, вслѣдствіе сокращеннаго написанія словъ Гонзало-Альварецъ: «*I de go Alvarez*», его стали называть островомъ Діего Альварецъ; а съ 1713 г. онъ также наносился на карты и по имени англичанина Gough'a, который, посѣтивъ его въ этомъ году, полагалъ, что островъ не былъ извѣстенъ раньше. Островъ Гонзало-Альварецъ представляетъ скалистый массивъ, самая высокая вершина котораго достигаетъ 1.300 метровъ, а берега острова, составляя въ общемъ наружность приблизительно въ тридцать километровъ, изрѣзаны узкими бухточками въ перемежку съ утесами и кряжами. Этотъ главный островъ окруженъ на сѣверо-востокѣ тремя скалистыми островками, изъ которыхъ одинъ: «Утесъ-церковь» (Church-rock) походитъ на такъ называемый въ церковной архитектурѣ главный, продольный, нефъ, фланкируемый своею колокольнею. Маленькія бухточки, защищенныя этими островками, позволяютъ высаживаться на главный островъ, а нѣсколько плодоносныхъ небольшихъ долинъ и склоновъ, одѣтыхъ густымъ низкимъ кустарникомъ, также такъ и воды, изобилующія рыбою, манятъ поселенцевъ; но, несмотря на все это, островъ лишь по временамъ посѣщался кое-кѣмъ изъ американскихъ рыболововъ для ловли тюленя въ окрестныхъ пространствахъ океана. Земледѣліемъ эти рыбаки не занимались, а промышляли рыбою и птицами, которыхъ привлекали, разводя большіе огни на мысахъ. Нынѣ же о пребываніи мореходцевъ на этой затерявшейся въ океанѣ землѣ свидѣтельствуютъ лишь камни надъ ихъ могилами.

Километрахъ въ четырехстахъ къ сѣверозападу отъ острова Гонзало-Альварецъ высится надъ уровнемъ моря другая гористая группа, какъ бы служащая бакеномъ на пути отъ мыса Доброй Надежды къ устью Ла-Платы при чемъ эта группа приходится на разстояніи около трехъ тысячъ километровъ отъ мѣста отправленія и четырехъ тысячъ километровъ отъ мѣста прибытія. Это — островной массивъ Тристанъ - д'Акунья, названный такъ въ честь мореплавателя, «имя котораго, по словамъ Камоенса, не изгладится никогда въ моряхъ, омывающихъ южные острова». Открытіе этого архипелага совершилось въ 1506 году, и съ того времени, даже до правильнаго изслѣдованія его голландцами, въ 1697 году, Тристанъ-д'Акунья часто былъ посѣщаемъ мореплавателями, такъ какъ онъ находится къ югу отъ пояса правильныхъ юго-восточныхъ вѣтровъ, въ тѣхъ областяхъ океана, гдѣ моряки встрѣчаютъ уже сильные западные бризы, пособляющіе имъ при огибаніи мыса Доброй Надежды Главный островъ, именуемый спеціально Тристанъ-д'Акуньей, примѣтенъ уже съ разстоянія слишкомъ 150 километровъ по правильному конусу его вулкана, покрытаго снѣгомъ и возвышающагося, по однимъ—на 2.300, а по другимъ—на 2.539 метровъ надъ уровнемъ моря. Островъ Неприступный, лежащій въ 32 километрахъ къ юго-западу отъ Тристанъ-д'Акуньи, оправдываетъ свое наименованіе отвѣсностью своихъ кручъ, взбираться на которыя возможно лишь по узкимъ водомоинамъ; на вершинѣ его находится бугристое плато, часто скрывающееся въ облакахъ. Найтингель, или Соловьиный островъ, находящійся въ 20 километрахъ къ юго-востоку отъ о-ва Неприступнаго, есть не что иное, какъ большая скала съ двумя вершинами, окаймленная островками и подводными каменными рифами. Вулканическія земли всей этой группы составляютъ площадь въ 8.000 гектаровъ, при чемъ болѣе трехъ четвертей этой площади принадлежатъ главному острову. Онѣ цѣликомъ состоятъ изъ лавъ, или изъ сплошныхъ, или уже розломившихся на безчисленное множество кусковъ, или же превратившихся въ черноватую и плодородную массу. Высшій пикъ на Тристанъ-д'Акуньѣ, на который уже многіе всходили, оканчивается, подобно вулканическимъ конусамъ другихъ острововъ, кратеромъ, заключающимъ въ себѣ голубое озеро. Къ сѣверозападу, осыпавшіяся кучи лавы приняли видъ обширной морены и спустились до самаго моря, которое является на протяженіи нѣсколькихъ километровъ обнесеннымъ своего рода естественною оградою изъ глыбъ. Быть-можетъ, это—слѣды древняго ледниковаго періода.

Нынѣ снѣгъ остается лежать только на высотахъ, и хлопья его лишь изрѣдка доносятся бурями до мѣстностей вблизи моря. Кли-

[1]) O. Mac Carthy, „Iles de l'Afrique", collection de l'Univers.

матъ—очень мягкій, но очень сырой, и, несмотря на ограниченность поверхности небольшихъ географическихъ бассейновъ, узкихъ разсѣлинъ по сторонамъ горы, во многихъ мѣстахъ виднѣются сверкающіе на солнцѣ обильные каскады, доставляющіе влагу для тѣхъ облаковъ, которыя скопляются на высокихъ склонахъ. По показаніямъ миссіонера Тэйлора, термометръ вообще держится лѣтомъ на 20°, а зимой на 14° и 15°, и даже по ночамъ лишь изрѣдка опускается до 4° ниже нуля. Господствующіе вѣтры, столь благопріятные для парусныхъ судовъ, направляющихся къ Южной Африкѣ или къ Австраліи,—западные или сѣверо-западные; но въ теченіе антарктической зимы, въ особенности въ августѣ и въ сентябрѣ, часто по нѣсколькимъ днямъ и съ чрезвычайной силой дуютъ южные вѣтры, которые разводятъ громадное волненіе въ океанѣ, порою усиливаемое внезапными шквалами. На песчаные берега вскатываются, особенно во время затишья, громадные валы, называемые англійскими моряками «rollers», а французами «rouleurs»: выше всего эти волны вздымаются и съ наибольшимъ рокотомъ низвергаются въ декабрѣ, который представляетъ одинъ изъ самыхъ благорастворенныхъ мѣсяцевъ въ году. Гигантскія водоросли, называемыя Macrocystis pyrifera, образуютъ вокругъ острова настоящій поясъ, имѣющій въ ширину приблизительно 600 метровъ: въ этомъ водорослевомъ лѣсу растенія длиною въ 50 или 60 метровъ весьма обыкновенны; встрѣчаются даже экземпляры, стволъ которыхъ достигаетъ толщины боченка, а общая длина такого каната простирается до 300 метровъ; менѣе прочныя водоросли разрывались бы при прибоѣ волнъ къ подводнымъ рифамъ. Эти водоросли, ниспуская свои корни въ глубину, въ среднемъ, отъ 25 до 27 метровъ, значительно ослабляютъ волненіе, чѣмъ и облегчаютъ морякамъ высадку на берегъ.

Представляя независимую океаническую землю, вѣроятно, никогда не сообщавшуюся перешейкомъ съ материковымы массами, островъ Тристанъ-д'Акунья имѣетъ и свою особенную флору: это центръ родины тѣхъ особенныхъ растительныхъ формъ, которыя снова встрѣчаются и по другую сторону африканскаго материка, приблизительно на 100° долготы болѣе къ востоку, на островкахъ Св. Павла и Амстердама. Эти любопытныя растенія, область произростанія которыхъ столь обширна, суть папоротники, одинъ видъ плауна, а изъ другихъ травянистыхъ растеній—колючій злакъ (startina arundinacea), который произрастаетъ по всѣмъ низменнымъ склонамъ, образуя рощицы изъ плотно переплетающихся другъ съ другомъ растеній, такъ что во многихъ мѣстахъ невозможно проникнуть вглубь чащи. Единственное дерево этой островной флоры—особый видъ крушины, phylica arborea, которая кое-гдѣ достигаетъ въ высоту шести и даже болѣе метровъ, но которая обычно стелетъ по землѣ свой искривленный стволъ; на обширныхъ пространствахъ, эти переплетающіяся другъ съ другомъ деревья образуютъ непроходимую сѣть изъ покрытыхъ мохомъ стволовъ и вѣтвей. Вмѣстѣ съ сплавнымъ лѣсомъ съ восточныхъ береговъ, phylica составляетъ единственное на Тристанъ-д'Акуньѣ дерево, пригодное для топлива. Что касается растеній изъ умѣренныхъ странъ Европы и Новаго Свѣта, то они отлично удаются въ защищенныхъ долинахъ. Овощи, разные виды капусты, свеклы, рѣпы, лука и тыквы произрастаютъ удивительно, и сборы ихъ бываютъ настолько обильны, что жители могутъ снабжать ими даже приходящіе корабли; прежде сѣяли также кукурузу и пшеницу, но отъ производства этихъ хлѣбовъ пришлось отказаться, такъ какъ ихъ поѣдали мыши. Произведенія плодовыхъ садовъ: груши, персики и виноградъ—превосходны

Киты, преслѣдуемые американскими китоловами, стали рѣдки въ этихъ областяхъ океана. За исключеніемъ этихъ морскихъ звѣрей, рыбъ и посѣщающихъ островъ разнообразныхъ породъ птицъ: чаекъ, буревѣстниковъ, пингвиновъ, альбатросовъ, а также капскихъ цесарокъ, на Тристанъ-д'Акуньѣ нѣтъ никакихъ туземныхъ животныхъ. Не находили тамъ также ни пресмыкающихся, ни насѣкомыхъ. Дикія свиньи, встрѣчаемыя на островѣ,—очевидно, европейскаго происхожденія, хотя и нельзя опредѣлить времени ихъ привоза на Тристанъ-д'Акунью; то же самое слѣдуетъ сказать и о козахъ, которыя нѣкогда виднѣлись въ большомъ числѣ на скалахъ, но которыя недавно, по неизвѣстной причинѣ, исчезли. Домашняя кошка выродилась на волѣ въ одну изъ породъ дикихъ кошекъ, иногда съ успѣхомъ отбивающуюся отъ собакъ и производящую большія опустошенія на птичьихъ дворахъ. Стада крупнаго рогатаго скота, овецъ и свиней, вмѣстѣ съ кроликами и съ домашнею птицею, составляютъ главное богатство жителей: немного этого скота Тристанъ-д'Акунья вывозитъ и на островъ Св. Елены. Животныя, пущенныя на о-въ Неприступный, прижились также и тамъ, и два нѣмецкихъ колониста въ теченіе двухъ лѣтъ единственно прокармливались охотою за ними.

Тристанъ-д'Акунья обитаемъ съ 1811 года. Въ этомъ году, американскій матросъ Джонатанъ Ламбертъ поселился тамъ съ двумя товарищами и началъ распашку почвы. Затѣмъ въ 1816 году, англійское правительство, опасаясь, чтобы не организовалась какая-нибудь тайная экспедиція для освобожденія плѣнника острова Св. Елены, помѣстила на островѣ Тристанъ-д'Акунья военную стражу. Въ 1821 году этотъ

небольшой гарнизонъ, какъ уже безполезный, былъ удаленъ; но нѣсколько солдатъ пожелали остаться, и съ тѣхъ поръ образовавшаяся такимъ образомъ колонія поддерживается, то увеличиваясь лицами, потерпѣвшими отъ кораблекрушеній, то уменьшаясь вслѣдствіе эмиграціи молодыхъ людей, или же и цѣлыхъ семействъ, пожелавшихъ освободиться изъ этой узкой океанической тюрьмы. Въ 1863 г., во время междоусобной войны въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, одинъ американскій каперъ высадилъ на островъ сорокъ плѣнниковъ, не позаботясь объ ихъ дальнѣйшемъ продовольствіи; въ другихъ случаяхъ мореплаватели насильственно запасаются провизіею въ убогомъ поселеніи колонистовъ, которымъ уже неоднократно доводилось благородно отмщать за это, подавая помощь многочисленнымъ кораблямъ, потерпѣвшимъ крушеніе въ этихъ водахъ океана. Благодаря превосходному климату, маленькое общество, будь оно предоставлено самому себѣ, нашло бы, вѣроятно, достаточно въ себѣ силъ и для самосохраненія, и для дальнѣйшаго развитія. Говорятъ, будто въ семьяхъ тамъ никогда дѣти не умираютъ въ раннемъ возрастѣ: такимъ образомъ, вслѣдствіе избытка въ рожденіяхъ, естественный приростъ населенія весьма значителенъ, и туземцы, происшедшіе отъ европейцевъ, американцевъ и голландцевъ изъ Капской Земли, поженившись на метискахъ съ острова Св. Елены, а также изъ Южной Африки, образовали породу, типъ который отличается замѣчательной граціозностью и гармоніей формъ. Въ 1886 году населеніе состояло изъ 112 индивидовъ; но жестокая буря сразу погубила пятнадцать человѣкъ взрослыхъ, что составитъ приблизительно одну четверть общаго числа способныхъ къ труду жителей.

Языкъ этихъ островитянъ—англійскій. Какъ государство, они составляютъ республику, патріархомъ или «президентомъ» которой бываетъ глава семьи, имѣющей наибольшее число дѣтей, но они признаютъ сюзеренитетъ Великобританіи, которая иногда дѣлаетъ коекакіе подарки своей вассальной колоніи.

III. Островъ Св. Елены.

Несмотря на то, что островъ Св. Елены находится въ тропическомъ поясѣ, на 2.350 километровъ ближе къ экватору, чѣмъ Тристанъ-д'Акунья, между 15 и 16° южной широты, онъ былъ открытъ всего лишь четырьмя годами ранѣе, именно въ 1502 году, уроженцемъ испанской Галиціи, Жуаномъ-де-Нова, который потерялъ около его берега одинъ изъ своихъ кораблей. Но, можетъ-быть, эту землю видѣлъ кто-либо изъ мореплавателей и раньше, такъ какъ берега ея нанесены уже на плоскошаріе Жуана-де-ла-Коза, которое было окончено въ 1500 году. Находясь среди морей, гдѣ правильно дуютъ юго-восточные пассаты, островъ Св. Елены занимаетъ счастливое положеніе на возвратномъ пути парусныхъ судовъ, плывущихъ изъ Индійскаго океана въ сѣверную Атлантику; отъ ближайшаго берега материка, — на которомъ находится португальская провинція Моссамедесъ,—островъ этотъ отстоитъ почти на 1.300 километровъ.

Превосходя пространствомъ (около 12 тысячъ гектаровъ) почти вдвое Тристанъ-д'Акунью, островъ св. Елены представляетъ лишь ядро того, чѣмъ онъ былъ нѣкогда. Современные крутые берега острова, во многихъ мѣстахъ представляющіе отвѣсные утесы высотою до 600 метровъ, окаймлены кругообразною террасою, имѣющею, въ среднемъ, отъ 3 до 4 километровъ въ ширину и на 100 или 200 метровъ прикрытою водою. Эта, погруженная въ воду, платформа, сразу поднимающаяся изъ морскихъ пучинъ, есть цоколь древней вулканической массы, отъ которой остался лишь обломокъ. Имѣя большій діаметръ, островъ и вздымался также на болѣе значительную высоту; но, одновременно съ тѣмъ, какъ морскія волны подтачивали его основу и нивеллировали окаймляющую его террасу, дожди размывали горы и увлекали отдѣляющіяся при этомъ ихъ частицы. Такое двойное размываніе, продолжавшееся съ незапамятныхъ временъ, должно было совершаться съ большою медленностью, такъ какъ лавы вообще отличаются особенною прочностью: Мелиссъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ изучавшій процессъ разложенія горныхъ породъ прибрежья, вычислилъ, что для разрушенія инаго мыса, отъ котораго къ настоящему времени остались лишь подводные рифы, было бы необходимо слишкомъ 44 тысячи лѣтъ. Всѣ находимыя на Св. Еленѣ горныя породы: базальтъ, пуццоланъ (вулканическій туфъ), пемза, вещества превратившіяся въ стекло или вспучившіяся—происхожденія вулканическаго; до сихъ поръ не открыли никакого иного камня, осадочнаго или кристаллическаго, который оправдывалъ бы высказываемое порою предположеніе, что островъ этотъ былъ нѣкогда соединенъ съ материковою массою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ острова, между прочимъ, въ Gregory's Valley, базальтовыя скалы пронизаны другими, значительно болѣе твердыми базальтами, излившимися изъ глубины при какомъ-либо землетрясеніи. И въ то время, какъ остатки каменистой основы острова оказываются изъѣденными до большой глубины, эти базальтовые взбросы (dykes), перекрещивающіеся въ разныхъ направленіяхъ, высятся словно стѣны какого-то громаднаго разрушеннаго зданія, при чемъ иллюзію въ осо-

бенности усиливаютъ суставы колоннъ, напоминающіе работу каменщиковъ.

Изученіе рельефа Св. Елены показало, что центръ изверженія находился въ той мѣстности южнаго берега, которая нынѣ называется Sandy-bay, или Песчаною бухтою. Кратеръ виденъ еще—правильный полукругъ, куда проникаютъ волны съ открытаго моря, окаймляя черный пляжъ своими бѣлыми фестонами. Но вокругъ этого центральнаго кратера развертывается, въ видѣ величественнаго амфитеатра, другой полу-кратеръ, край котораго образованъ самыми высокими пиками острова. Нѣкоторые выступы на этой иззубренной окраинѣ походятъ на гигантскія колонны: таковы колонны Лота и Жены Лота, которыя, находясь на южной части этой вулканической ограды, высятся на 90 и 80

Общій видъ Джемстауна.

метровъ; на вершинѣ же ея, на подобіе тѣхъ качающихся камней, которые прославлялись въ миѳологіи народовъ Европы, покоится громадная фонолитовая глыба. Діаметръ верхняго кратера не менѣе 7 километровъ, а многія мѣста этого жерла являютъ хаотическое нагроможденіе камней, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и такія названія, какъ «Врата въ Адъ» и «Садъ Дьявола;» но на внутреннихъ склонахъ этого кратера находятся также самыя богатыя нивы и наиболѣе густоразросшіеся сады. Извиваясь змѣйкой вокругъ утесовъ и скалъ, идетъ годная для проѣзда въ экипажѣ дорога, спускающаяся съ самаго верхняго гребня до дна жерла.

Изгрызенный временемъ, развѣнчанный, лишенный своихъ эруптивныхъ конусовъ, островъ Св. Елены не имѣетъ съ сѣверной стороны того величественнаго вида, какой являютъ другіе вулканическіе острова. Онъ представляется въ видѣ груды черныхъ и красноватыхъ скалъ, при чемъ крутые берега и откосы на его окружности кажутся какъ бы поверхностями излома; но надъ прибрежными оврагами, выше ихъ, профиль острова представляетъ уже мало разнообразія; и только на востокѣ глубокая вырѣзка отдѣляетъ вдающійся въ океанъ мысъ отъ остальной массы острова. Многія изъ высотъ превышаютъ 600 метровъ, а самая высокая изъ нихъ, пикъ Діаны, достигающій 825 метровъ, господствуетъ надъ панорамою всего острова, съ его хребтами и долинами, съ его шпицами и прибрежными оврагами. Въ то время, когда островъ Св. Елены только-что нашли, онъ казался темнымъ отъ покрывавшихъ его лѣсовъ, а вверху надъ его берегами виднѣлись нависшія надъ краемъ морской бездны деревья. Нынѣ уже не то: пять шестыхъ острова лишены всякой зелени, и почти всѣ встрѣчающіяся на немъ деревья—иностраннаго происхожденія, будучи ввезены изъ Европы, Африки, Новаго Свѣта и даже изъ Австраліи [1]).

Мягкій климатъ благопріятствуетъ разведенію этихъ иноземныхъ растеній. Хотя о. Св. Елены находится въ такъ называемомъ «жаркомъ поясѣ», тѣмъ не менѣе, лѣтніе жары тамъ не сильнѣе, чѣмъ въ Англіи: сѣверо-восточные вѣтры и прохладныя воды антарктическаго теченія безпрерывно понижаютъ нормальную температуру, а облака, скопляющіяся вокругъ возвышенностей, защищаютъ низменныя долины отъ солнечныхъ лучей. Въ теченіе года число облачныхъ дней вдвое болѣе безоблачныхъ; средняя разница между холодами зимою (12°) и жарами лѣтомъ (29°) всего лишь 17°. Дожди весьма обильны: такъ, годичное выпаденіе атмосферныхъ осадковъ въ теченіе 140 дождливыхъ дней достигаетъ 685 миллиметровъ для Джемстаунскаго порта, гдѣ атмосфера относительно еще суха; но въ горахъ, въ Лонгвудѣ, средній дождь превышаетъ одинъ метръ и 20 сантиметровъ въ годъ; тамъ травы почти непрерывно купаются во влажномъ туманѣ, а съ листьевъ деревьевъ ниспадаютъ капли. Большіе ливни бываютъ главнымъ образомъ въ мартѣ и апрѣлѣ, т. е. въ началѣ южной зимы. Грозы въ областяхъ океана, окружающихъ Св. Елену, крайне рѣдки: иногда поколѣнія отходятъ въ вѣчность, ни разу не слыхавъ грома. Поэтому, громоотводы оказываются безполезными на островѣ, и ихъ не помѣщаютъ даже надъ пороховыми заводами. Такъ называемая толчея, по-бѣломорски сула [1]), возникающая у сѣверо-западныхъ береговъ, происходитъ преимущественно въ январѣ и въ февралѣ, при прекрасной погодѣ и слабомъ вѣтрѣ; природа затихаетъ, какъ бы для того, чтобы созерцать этотъ грозный прибой морскихъ валовъ.

Народясь вдали отъ всякаго материка, островъ Св. Елены имѣлъ нѣкогда и свою совершенно отличную отъ другихъ флору; но многіе изъ туземныхъ видовъ, въ томъ числѣ черное дерево, исчезли, будучи либо вырваны человѣкомъ, либо съѣдены овцами и свиньями, либо заглушены ввезенными растеніями; такимъ образомъ, въ теченіе настоящаго столѣтія одна часть первоначальныхъ растеній погибла, а другая сохраняется пока еще въ садахъ, и ботаники опасаются, что скоро не будутъ имѣть ихъ иначе, какъ въ своихъ гербаріяхъ. На всю флору, состоящую изъ 746 явнобрачныхъ растеній, увеличившуюся нынѣ приблизительно 300-ми видами, Дарвинъ насчиталъ всего 52 туземныхъ вида, въ числѣ коихъ находятся красивый древовидный папоротникъ и вереска; Мелиссъ же перечисляетъ 77 этихъ «представителей древняго міра», которые почти всѣ нашли себѣ убѣжище на пикѣ Діаны и на окрестныхъ гребняхъ; растенія эти сѣроваты и не окрашены въ яркіе цвѣта [2]). Дубъ, сосна, европейскій кипарисъ прижились превосходно, а между промышленными и пищевыми растеніями наблюдаются другъ возлѣ друга занесенныя какъ изъ жаркаго пояса, такъ и изъ умѣреннаго; но воздѣлываніе хиннаго дерева было оставлено. Кофейное дерево, даже чайный кустъ, сахарный тростникъ, хлопчатникъ, индигоносница, ананасовыя растенія, гуіява и бананъ процвѣтаютъ въ однихъ и тѣхъ же садахъ рядомъ съ яблонями, грушами и виноградомъ; картофель растетъ рядомъ съ

[1]) Ioseph Hooker, „Nottingham meeting of the British Associa tion“, 1886.

[1]) По-англійски: race, tide-gate, по-французски: ras de marée—есть особенное волненіе, а также и возвышеніе воды, которое независимо отъ вѣтра образуется мгновенно у нѣкоторыхъ береговъ и часто бываетъ причиною большихъ несчастій.

[2]) Mrs Gill, „Six Months in Ascension“.

бататомъ и діоскореею. Завладѣли полями Св. Елены также и сорныя травы различныхъ странъ, и ежевика, дикій тернъ и дрокъ до того вредили воздѣлываемымъ растеніямъ, что пришлось, въ видахъ общественной пользы, предпринять всеобщее ихъ искорененіе.

Первоначальная фауна острова равнымъ образомъ отличалась отъ фауны обоихъ ближайшихъ материковъ; она заключала въ себѣ даже одну птицу (charadrius pecuarius), неизвѣстную на всѣхъ другихъ островахъ. Кромѣ того, островъ Св. Елены служитъ мѣстомъ остановки и роздыха для морскихъ птицъ дальняго полета, каковы «бѣлая» птица и фрегатъ, который, по выраженію Мишле (L'oiseau), есть какъ-бы одно только крыло и «который спитъ на бурѣ». Дикія козы, довольно многочисленныя въ первое время колонизаціи, но неоднократно осужденныя декретомъ на истребленіе, уже почти исчезли, и нынѣ свободная фауна заключаетъ въ себѣ только лишь кроликовъ и крысъ, наносящихъ много вреда земледѣльцамъ. Не существуетъ и пресмыкающихся, если не считать тысяченожекъ и скорпіоновъ, попавшихъ на островъ, повидимому, по недосмотру. Изъ 96 видовъ мотыльковъ половина сомобытные, тогда какъ другія формы встрѣчаются также либо на африканскомъ материкѣ, либо на островахъ Атлантическаго океана, вплоть до Азорскихъ [1]). Изъ земныхъ раковинъ на о. Св. Елены живутъ еще 11 туземныхъ видовъ, которые походятъ на моллюсковъ, обитающихъ на островахъ Сейшельскихъ и въ Океаніи, но не тождественны съ ними. На высотахъ находятъ много и другихъ видовъ, но уже въ «подъископаемомъ» состояніи, т. е. погибшихъ въ недавнюю эпоху, послѣ уничтоженія на островѣ лѣсовъ [2]). Что касается хлѣва и птичника, то обитатели ихъ тѣ же самые, какъ и въ Европѣ: это—лошади, коровы, овцы, козы, фазаны, цесарки и прочая домашняя птица; всѣ они завезены первыми колонистами острова, португальцами и голландцами; затѣмъ многочисленныя разновидности привезены и англичанами. Въ числѣ завоевателей острова находится также и воробей, большой врагъ посѣвовъ. Нѣкоторыя насѣкомыя, и въ томъ числѣ пчела, не могли приспособиться къ климату и исчезли спустя немного времени послѣ занесенія; но другія, напротивъ, черезъ-чуръ размножились: таковъ, именно, термитъ, по недосмотру занесенный въ 1840 г. изъ Бразиліи. Уже пять лѣтъ спустя, городъ Джемстаунъ оказался разрушеннымъ на-половину, точно отъ землетрясенія; для исправленія разрушеній, причиненныхъ этимъ насѣкомымъ, понадобилось полтора милліона франковъ. Нѣкогда часто посѣщали смежныя съ Св. Еленою области океана также ламантины (манаты), прозванные островитянами «морскими коровами»; послѣдняго изъ нихъ видѣли въ 1810 г. Но рыбами, особенно тунцами, окружающія островъ воды изобилуютъ.

Поселенцевъ островъ Св. Елены сталъ получать въ первые же годы послѣ его открытія; такъ, въ 1513 году туда были высажены португальскіе солдаты, осужденные Альбукеркомъ за побѣгъ; съ ними вмѣстѣ были свезены на берегъ также нѣсколько рабовъ изъ негровъ, домашнія животныя и провіантъ; обработывать эти колонисты стали ту долину, гдѣ находится нынѣ столица острова, Джемстаунъ. Впослѣдствіи, однако, наступилъ періодъ, когда островъ оказался покинутымъ совершенно; въ 1651 году португальскимъ поселенцамъ наслѣдовали голландцы, а имъ, въ свою очередь, англичане, между которыми было много семействъ, разорившихся послѣ большаго пожара въ Лондонѣ въ 1666 году. Были привозимы на островъ также негры и другіе новольники изъ Африки, а съ 1810 года послѣдовалъ ввозъ земледѣльцевъ изъ Китая и съ Малайскихъ острововъ. Образовавшаяся такимъ образомъ изъ столь различныхъ элементовъ раса далеко не представляетъ той розоватой бѣлизны кожи, которою отличаются англичане метрополіи, но граціозность тѣла и красота чертъ составляетъ общій отличительный признакъ островнаго населенія. За пятнадцать лѣтъ до уничтоженія рабства въ другихъ англійскихъ колоніяхъ, на островѣ Св. Елены, въ день Рождества 1818 года, была провозглашена свобода дѣтей, рожденныхъ отъ женщинъ-рабынь; а въ 1822 году были освобождены также и послѣдніе, еще остававшіеся въ рабствѣ 614 человѣкъ.

Имя этого маленькаго острова Южнаго Атлантическаго океана прогремѣло въ исторіи Франціи, а также и всего міра: здѣсь Наполеонъ, плѣнникъ Англіи, провелъ къ ссылкѣ послѣднія шесть лѣтъ своей жизни, и въ теченіе этого періода мира, смѣнившаго эпоху волненій и войнъ, всѣ взоры были устремлены «на этотъ подводный камень, о который ударяла жалобная волна», на эту недавно безвѣстную глыбу лавы, гдѣ умиралъ завоеватель. Съ островомъ Св. Елены связаны также многозначительныя воспоминанія и въ исторіи науки. Такъ, вершина горы Галлея, возвышающейся въ центрѣ острова на 741 метръ, была избрана въ 1676 году астрономомъ того же имени для устройства обсерваторіи, имѣвшей задачею составить каталогъ южнымъ звѣздамъ и наблюдать прохожденіе Меркурія; другая вершина была избрана въ 1840 г. Сабиномъ для магнитной обсерваторіи; наконецъ, на Св. Еленѣ производили свои, капитальной важности, изслѣдованія какъ надъ распредѣленіемъ

[1]) T. Vernon Wollaston, „Testacea Atlantica".
[2]) Darwin;—Melis и др.

растительныхъ видовъ, такъ и въ области физической географіи, Дарвинъ и другіе ученые.

Этотъ знаменитый островъ имѣетъ въ міровомъ хозяйствѣ лишь весьма небольшое значеніе. Въ прежнее время, когда путешествія вокругъ земнаго шара или вокругъ континентовъ были не часты, островъ Св. Елены служилъ мѣстомъ остановки для кораблей, и въ теченіе долгаго времени онъ былъ почтовою станціею для плавающихъ въ Атлантическомъ океанѣ: такъ, еще до сихъ поръ сохраняется та глыба лавы, подъ которою проходящія суда клали свои депеши [1]). Замѣна парусныхъ судовъ пароходами повлекла за собою измѣненіе въ обычаяхъ, а прорытіе Суэзскаго перешейка уменьшило посѣщеніе судами южныхъ морей. Торговая дѣятельность на островѣ въ 1894 г. выразилась слѣдующими цифрами: движеніе судоходства по приходу и отходу судовъ—81.161 тонна; ввезено товаровъ на 31.777, а вывезено на 14.717 фунт. стерл. Островъ потерялъ почти всякое значеніе какъ якорная стоянка и мѣсто запаса провизіею; самъ онъ не вывозитъ почти ничего, кромѣ добываемыхъ американскими китоловами продуктовъ (ежегодная цѣнность улова—около 2.000 фунт. стерл.); островитяне, привыкшіе жить на счетъ посѣщающихъ ихъ иностранцевъ, а также получать и денежныя вспомоществованія отъ британскаго правительства, не обладаютъ необходимымъ починомъ для возмѣщенія путемъ земледѣлія тѣхъ доходовъ, которые они нѣкогда извлекали изъ торговли; къ тому же, большая часть землевладѣльцевъ, будучи обременена долгами, должна была продать свои земли городскимъ купцамъ, и послѣдствіемъ монополіи явилась нищета. Подумывали было о расширеніи полей, засѣваемыхъ новозеландскимъ льномъ, объ увеличеніи табачныхъ плантацій и другихъ промышленныхъ растеній; но всѣ эти благіе помыслы не возъимѣли послѣдствій, и населеніе острова значительно уменьшилось, вслѣдствіе эмиграціи, по преимуществу на мысъ Доброй Надежды. Въ 1861 году число жителей достигло 6.860 человѣкъ, двадцать лѣтъ спустя оно равнялось уже 5.060, а въ 1891 г, состояло уже только изъ 4.116 душъ, хотя народное здравіе оставалось превосходнымъ, и рождаемость значительно превышала смертность. Такъ, въ 1893 году рождаемость составляла 26,9, а смертность 13,8. Доходы колоніи въ 1894 г.: 9.152, расходы—7.874 фунт. стерл. Въ 1891 г. было 11 начальныхъ школъ, съ 822 учащихся. Хотя, благодаря здоровости климата, на островѣ Св. Елены и поселяются, на болѣе или менѣе долгое пребываніе, иностранцы, но они немногочисленны.

Единственный городъ Св. Елены, Джемстаунъ, расположенъ на западномъ берегу, или «подъ вѣтромъ»; въ другомъ мѣстѣ его нельзя было построить, такъ какъ судамъ почти никогда невозможно приставать къ бухточкамъ противоположнаго берега, гдѣ волны, гонимыя пассатами, съ яростью разбиваются о каменья. Мѣстоположеніемъ городу служитъ треугольная выемка между откосами крутыхъ береговъ; окружающіе ихъ дома и сады занимаютъ исходный конецъ долины, съуженной въ своей верхней части и расширяющейся къ устью; иногда, послѣ большихъ дождей, массы воды, стекая чрезъ это ущелье, уносятъ въ море скотъ, древесные стволы и обломки строеній. Къ западу отъ Джемстауна, откосы повышаются и образуютъ Ladder-hill, или «Лѣстничную гору», имѣющую 183 метра высоты и увѣнчанную укрѣпленіями и военными постройками; своимъ наименованіемъ гора обязана лѣстницѣ въ 700 ступеней, которая по прямой линіи ведетъ къ ея вершинѣ изъ города. Тоже къ западу отъ города, дорога, поднимающаяся косвенно на холмъ Руперта, ведетъ къ домику въ Лонгвудѣ, въ которомъ жилъ Наполеонъ. Неподалеку оттуда находится «долина могилы»: похороненное тамъ, подъ группою ивъ, тѣло этого изгнанника было перевезено, въ 1840 году, въ Домъ Инвалидовъ въ Парижѣ.

Жители острова Св. Елены не имѣютъ никакихъ представительныхъ учрежденій: островъ, до 1834 г. принадлежавшій Остъ-Индской Компаніи, составляетъ нынѣ «коронную колонію», и администраторы его назначаются лондонскимъ правительствомъ.

IV. Островъ Вознесенія.

Этотъ островъ—тоже «земля англійской короны»—былъ открытъ въ томъ же году, какъ и о. Св. Елены и тѣмъ же мореплавателемъ, Жуаномъ-де-Нова. Онъ лежитъ почти на срединной линіи атлантическаго бассейна, а поддерживающій его цоколь покоится на подводномъ кряжѣ Челленджера, который отдѣляетъ африканскія пучины отъ еще болѣе глубокихъ безднъ бассейна, омывающаго Новый Свѣтъ. Островъ Вознесенія находится приблизительно въ 2.200 километрахъ отъ бразильскихъ береговъ, именно отъ Пернамбуко; отъ береговъ же Африки, находящихся подъ тою же широтою, именно отъ Анголы, онъ отдаленъ нѣсколько болѣе, хотя отъ ближайшаго къ нему континентальнаго мыса, Пальмоваго, онъ, по направленію къ юго-западу, отстоитъ всего лишь на 1.550 километровъ. Подобно Св. Еленѣ, островъ Вознесенія лежитъ въ области юго-восточныхъ пассатовъ: около него наблюдаются точно такія же явленія морской зыби, вслѣдствіе чего его южный берегъ превращается почти въ неприступный, и суда бываютъ вы-

[1]) Melliss, „Saint-Helena, physical, historical and topographical description".

нуждены причаливать «подъ вѣтромъ» къ берегу сѣверному; что касается внезапно набѣгающихъ огромныхъ волнъ (raz de marée или

Водопадъ Бли-бею на Гоа Гранде.

«rouleurs»), которыя, даже въ тихую погоду, особенно въ періодъ съ декабря по апрѣль, обрушиваются на плоскіе берега, то, быть-можетъ, здѣсь онѣ еще болѣе грозны, чѣмъ на островѣ Св. Елены. Иногда это величественное зрѣлище продолжается цѣлые дни и недѣли: но случается также, что достаточно какихъ-нибудь десяти минутъ, чтобы поднялись громадные валы въ 8 или 10 метровъ высотою и, затѣмъ, все снова успокоилось. Эвансъ приписываетъ образованіе этихъ валовъ паденію гро-

мадныхъ массъ льда, отрывающихся отъ крутыхъ береговъ антарктическихъ земель и сразу погружающихся въ море [1]).

Пространствомъ островъ Вознесенія меньше Святой Елены, такъ какъ занимаетъ всего лишь 90 кв. километровъ; по формѣ же онъ болѣе правиленъ, при чемъ очертанія его представляютъ сферическій треугольникъ, а круче всего та изъ его поверхностей, которая обращена къ пассатнымъ вѣтрамъ; въ центрѣ острова возвышается въ 850 метровъ конусъ, съ котораго у его же подножія виднѣются множество кратерообразныхъ холмиковъ, нѣкогда извергавшихъ пепелъ или лаву: геологи насчитываютъ на островѣ сорокъ одинъ угасшій вулканъ. Съ высоты центральной горы, Дарвинъ убѣдился, что всѣ пепельные холмики имѣютъ болѣе продолговатый склонъ со стороны юго-востока, откуда дуетъ пассатный вѣтеръ, и что наиболѣе значительныя кучи обломковъ были выбрасываемы на противоположную сторону, гдѣ и образовали крутой откосъ; большая часть кратеровъ, подъ вліяніемъ воздушнаго теченія, срѣзаны наискось [2]), но почти всѣ внутренніе цирки представляютъ большую правильность, при чемъ одинъ изъ нихъ получилъ наименованіе Riding school, или «манежъ». На протяженіи острова, повидимому, уже не чувствуются подземные толчки; однако, мореплаватели разсказываютъ о землятрясеніяхъ, ощущавшихся въ экваторіальныхъ моряхъ, къ сѣверу отъ острова Вознесенія [3]).

Вокругъ жерлъ изверженія разсѣяны вулканическія бомбы, а въ массѣ окалинъ оказываются заключенными глыбы другихъ породъ, именно сіенита и гранита. За исключеніемъ этихъ извергнутыхъ изъ нѣдръ земли обломковъ, островъ Вознесенія, красная и кальцинированная масса, представляетъ лишь формаціи огненнаго происхожденія, базальты, пемзу, пуццоланъ или глину, и только по окружности острова кучи изломанныхъ раковинъ, кораллы и вулканическій песокъ оказываются сплоченными въ такую известковую породу, что ее можно употреблять на постройки. Нѣкоторыя разновидности этой породы достигаютъ плотности и бѣлизны мрамора; другія, отлагаясь прозрачными и почти кристаллическими слоями, на подобіе эмали покрываютъ подводные камни, омываемые водами приливовъ и отливовъ. Это обволакиваніе естественнымъ цементомъ совершается столь быстро, что вылупляющіяся въ пескѣ изъ яицъ черепашки охватываются и замуровываются въ этой массѣ.

Температура, когда бриза не обновляетъ воздуха, очень тягостна, такъ какъ островъ Вознесенія находится къ югу отъ экватора всего лишь въ 900 километрахъ (7° 57′). Средняя годовая температура, въ мѣстѣ якорной стоянки, 29° по Ц., тогда какъ на тѣхъ плато, которыя освѣжаются правильнымъ дуновеніемъ пассатовъ, термометръ колеблется между 20 и 21° и спускается даже до 15°. Хотя въ 1823 году эпидемія желтой лихорадки похитила треть гарнизона, однако климатъ Вознесенія, несмотря на его высокую температуру, считается исключительно здоровымъ; поэтому островъ служитъ санитарною станціею для европейцевъ, проживающихъ на берегахъ Африки. Дожди, будучи значительно изобильнѣе, чѣмъ на Св. Еленѣ, не достаточны, однако, для потребностей жителей: вслѣдствіе этого, заботливо охраняются малѣйшіе ключи, между которыми называютъ и одинъ родничекъ, открытый, въ 1701 году, Дампіеромъ, во время претерпѣннаго имъ кораблекрушенія; вершину одной горы пробуравили даже туннелемъ только для того, чтобы струю воды, сбѣгавшую по противоположному откосу, направить къ мѣсту якорной стоянки. Рѣдкіе ливни, приносимые облаками, почти полностью поглощаются тѣмъ пепломъ, который покрываетъ большую часть острова [1]). И только остроконечныя вершины, купающіяся порою въ туманахъ самаго верхняго пояса, получаютъ немного влажности: относительной зелени своихъ склоновъ центральный конусъ и обязанъ наименованіемъ «Green Mountain» (Зеленой Горы). Впрочемъ, въ 1836 году, во время посѣщенія острова Дарвиномъ, на этой горѣ не было уже ни одного дерева.

Съ 1860 года, на высотахъ острова стали дѣлать уже попытки къ облѣсенію ихъ вновь и эти опыты удались превосходно. Въ туземной флорѣ насчитывается всего шестнадцать видовъ явнобрачныхъ растеній, и между ними одно полукустарное деревцо, называемое hedyotis Ascensionis; ввезенныхъ же растеній насчитываютъ сотнями. Одинъ изъ ботаниковъ, Bell, превратилъ высокіе склоны въ обширный опытный садъ, и народившіеся вскорѣ лѣса изъ акацій, чилійскихъ сосенъ, каучуковыхъ деревьевъ, сосенъ, можжевельника и эвкалиптовъ измѣнили, приблизительно на пространствѣ 160 гектаровъ, внѣшній обликъ вулканическихъ холмовъ. При этомъ, не только вновь посаженныя растенія нашли въ окружающемъ воздухѣ необходимую для себя влагу, но отъ тумановъ, прежде уносившихся вѣтромъ безъ увлажненія почвы, теперь на листьяхъ деревьевъ осѣдаетъ излишекъ влаги, медленно стекающій и собираемый подъ деревьями не только для водопоя животныхъ, но даже и для удовлетворенія потребностей человѣка. Такимъ образомъ, прямыми опытами

[1]) Mrs Gill, упом. соч.

[2]) Ch. Darvin, „Geological observations on the Volcanic Islands".

[3]) „Comptes rendus de l'Académie des sciences", 1838,— „Nautical Magazine", 1838.

[1]) Lyell, „Principles of Geology".

было доказано, что, по крайней мѣрѣ въ этихъ жаркихъ климатахъ, насажденія растеній въ состояніи въ нѣкоторой степени увеличивать осажденіе влаги изъ атмосферы, при чемъ водяные пары облаковъ превращаются въ капельножидкое состояніе [1]).

Подобно флорѣ, и фауна острова—за исключеніемъ птицъ дальняго перелета и морскихъ животныхъ—по своему происхожденію чужеземная. Такъ, издавна уже одичавшія козы, превратившіяся въ хищныхъ звѣрей кошки, крысы и собаки занесены изъ Европы; то же самое слѣдуетъ сказать какъ о фазанахъ въ лѣсахъ на вершинахъ, такъ и о домашней птицѣ въ птичникахъ; цесарки, впрочемъ, были привезены съ африканскаго материка. Змѣи неизвѣстны на этой океанической землѣ; но островъ Вознесенія представляетъ одинъ изъ тѣхъ острововъ океана, на которыхъ практикуется ловля черепахъ: съ декабря по май изъ океана выходятъ для кладки въ песокъ своихъ яицъ большія chelonia; въ сравненіи съ черепахами Антильскихъ острововъ, эти животныя оказываются громадными, но любители поѣсть цѣнятъ ихъ мясо менѣе. Подстерегающіе ихъ охотники сначала переворачиваютъ ихъ на спину, затѣмъ переносятъ въ садки, наполняющіеся водою при приливѣ. Большая часть этихъ животныхъ вѣситъ отъ 200 до 250 килограммовъ, но порою бывали находимы также и такія черепахи, которыя вѣсили до 400 килограммовъ; общее число пойманныхъ такимъ образомъ животныхъ въ исключительные годы доходило прежде до 2.500, а нынѣ оно, въ среднемъ, не превышаетъ 300. Чтобы, во время этой кладки яицъ, не напугать робкихъ черепахъ, не дѣлаютъ выстрѣловъ ни съ кораблей, ни съ фортовъ, а также не зажигаютъ огней и на морскихъ берегахъ. Никогда не наблюдали, чтобы на островъ выходила черепаха-самецъ. Что же касается молодыхъ черепахъ, то по выходѣ изъ яицъ, онѣ дѣлаются днемъ добычею птицъ, кружащихся надъ побережьемъ.

Единственное населеніе острова Вознесенія составляютъ солдаты, матросы, чиновники и поставщики на гарнизонъ. Въ политическомъ отношеніи островъ Вознесенія разсматривается какъ военное судно, а его жители—какъ экипажъ. Губернаторъ острова, подобно капитану судна, есть полноправный властелинъ; никто не вступаетъ на островъ безъ особеннаго разрѣшенія лордовъ адмиралтейства, а въ случаѣ высадки получаетъ содержаніе отъ государства [2]). Военный постъ англійское правительство помѣстило тамъ въ 1815 году, съ цѣлью сторожить Наполеона; но и съ 1821 года постъ этотъ былъ сохраненъ, благодаря тому, что островъ представляетъ какъ-бы караулку въ центрѣ Атлантическаго океана и находится на половинѣ пути между двумя материками; проходящіе пароходы находятъ въ Джорджтаунѣ, поселеніи на островѣ, запасъ угля и нѣкоторой провизіи, но воду имъ отпускаютъ только въ случаѣ крайней необходимости.

[1]) Bell, „Gardener's Chronicle", апрѣль 11, 1874 г.
[2]) Mrs. Gill, упом. соч.

V. Острова Гвинейскаго залива.

Эти четыре острова отличаются отъ грудъ лавы, приподнявшихся надъ уровнемъ Южнаго Атлантическаго океана, если не способомъ образованія,—такъ какъ всѣ они тоже вулканическаго происхожденія,—то по крайней мѣрѣ своимъ мѣстонахожденіемъ въ сравнительно неглубокомъ заливѣ и въ сосѣдствѣ материка. Въ Гвинейскомъ заливѣ дно повсюду углублено менѣе, чѣмъ на 1.000 брассъ (т. е. саженей въ 6 англ. футовъ), и даже островъ Фернандо-По выступаетъ одною изъ своихъ сторонъ съ части морскаго ложа, имѣющей менѣе 100 метровъ глубины. Острова эти составляютъ естественную принадлежность Африки, какъ по своему положенію на наклоненномъ днѣ, на которомъ они покоятся, такъ и потому, что образуютъ прямолинейный рядъ кратеровидныхъ горъ, которыя на материкѣ продолжаются другимъ вулканомъ, пикомъ Камерунъ; нѣтъ поэтому никакого сомнѣнія, что какъ эти островные массивы, такъ и тотчасъ упомянутая континентальная группа, находятся на одной и той же разсѣлинѣ вулканическаго изверженія. Можетъ-быть, принадлежащимъ къ этому же ряду долженъ считаться также и островъ Св. Елены; однако, онъ настолько отдаленъ, подверженъ столь отличнымъ климатическимъ условіямъ и разобщенъ съ материкомъ столь глубокими морями, что, въ дѣйствительности, составляетъ какъ бы особенный мірокъ. Разсматриваемые же четыре острова, размѣщенные въ Гвинейскомъ заливѣ на одной и той же линіи, протягивающейся съ юго-запада къ сѣверо-востоку, представляютъ также особую географическую группу, земли которой правильно отстоятъ одна отъ другой на разстояніяхъ приблизительно въ 200 километровъ. Въ политическомъ отношеніи эти острова распредѣлены между двумя европейскими державами: два внутреннихъ, св. Ѳомы и Принсипе, принадлежатъ Португаліи; два же крайнихъ, Аннобонъ и Фернандо-По, съ 1778 г. составляютъ земли испанскія.

Аннобонъ, Anno Bom, или «Добрый Годъ»,—названный такъ открывшими его 1-го января португальцами Эскобаромъ и Сантаремъ,—есть самый малый изъ острововъ Гвинейскаго залива; поверхность его равняется всего лишь

17-ти квадр. километрамъ. Это не что иное, какъ гора изъ потрескавшейся лавы, возвышающая свой центральный пикъ, Пико-до-Фого, на 990 метровъ и окруженная нѣсколькими боковыми холмами, сплошь покрытыми лѣсомъ; вблизи вершины, небольшой кратеръ превратился въ озеро, отражающее въ своихъ голубыхъ водахъ листву апельсинныхъ деревьевъ; нижняя часть острова составляетъ къ густымъ лѣсамъ внутренности поясъ изъ болѣе нѣжной зелени, образуемой пальмовыми и банановыми деревьями. Около береговъ Аннобона находится нѣсколько островковъ, съ островерхими горами. Зеленѣющая наружность острова свидѣтельствуетъ о значительно большемъ количествѣ дождей, чѣмъ на островахъ Св. Елены и Вознесенія; но, по сравненію съ дождливостью сѣверныхъ островов, дождей здѣсь все-таки меньше. Будучи же менѣе сырымъ, чѣмъ острова Фернандо-По и Принципе, Аннобонъ, вслѣдствіе этого, оказывается и значительно болѣе здоровымъ; экваторіальное теченіе, въ началѣ котораго онъ находится и которое питается сравнительно холодными водами, притекающими параллельно берегу изъ антарктическихъ морей, способствуетъ своими свѣжими водами очищенію атмосферы. Тѣмъ не менѣе, островъ не сдѣлался европейскою колоніею. Всѣ жители, числомъ приблизительно до 3.000, суть негры или цвѣтнокожіе, потомки либо моряковъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, либо невольниковъ, сопровождавшихъ португальцевъ, впервые овладѣвшихъ островомъ; по вѣроисповѣданію, это ревностные католики, по крайней мѣрѣ въ отношеніи исполненія обрядовъ. Главное селеніе этой маленькой чернокожей республики, Санъ-Антоніо-да-Прайя, расположенное на южномъ берегу острова, продаетъ проходящимъ судамъ воду, дрова и плоды, и между послѣдними въ особенности—превосходные апельсины.

Островъ св. Ѳомы, имѣющій овальную форму, какъ и другіе острова Гвинейскаго залива, значительно больше острова Вознесенія, такъ какъ поверхность его равняется 929 квадратнымъ километрамъ. Будучи тоже образованъ изъ остывшихъ лавъ, островъ этотъ имѣлъ, повидимому, нѣсколько центровъ вулканическихъ изверженій, ибо профиль его показываетъ не одинъ господствующій вулканъ, но нѣсколько массивовъ съ островерхими вершинами, каковы: пикъ Санта-Анна-Шавесъ, по срединѣ острова, и пикъ Св. Ѳомы, неподалеку отъ его западнаго берега. По сравненію съ С. Анна-Шавесъ, пикъ Св. Ѳомы нѣсколько выше, достигая высоты 2.142 метровъ; на склоны его проникали—сквозь лѣса, низкіе кустарники и скатывающіеся камни—ботаникъ Мюллеръ и другіе путешественники; а къ сѣверу и къ востоку отъ него находится, расположенный полукругомъ, высокій гребень, относительно котораго полагаютъ, что онъ—часть кратера; называютъ его Кордильерою Св. Ѳомы [1]). Существуютъ и другія островерхія вершины, менѣе высокія, но болѣе поражающія смѣлостью своихъ контуровъ и представляющія бурые или черные утесы, возвышающіеся надъ зеленью лѣсовъ; таковы пикъ Прайя-Ланса и пики двухъ «Собакъ»: Канъ Гранде и Канъ Пекено, находящіеся на южной оконечности цѣпи изъ этихъ вершинъ. Вблизи крутыхъ береговъ острова выступаютъ изъ воды нѣсколько островковъ, изъ которыхъ самые большіе суть: на сѣверѣ, островъ дасъ-Кабрасъ, или Козлиный, а на югѣ, островъ дасъ-Роласъ, или островъ Горлицъ; этотъ островокъ составляетъ частную собственность и отдѣляется отъ большаго острова экваторомъ. Бухточки, врѣзывающіяся въ берега неглубоко, представляютъ для кораблей лишь весьма ненадежное пристанище, а мѣстами рокочущія волны проникаютъ даже и въ глубокіе гроты.

Экваторіальный потокъ, омывающій Аннобонъ, касается обыкновенно и южной оконечности острова Св. Ѳомы; иногда же, въ періодъ лѣта сѣвернаго полушарія, когда вся система вѣтровъ и теченій устремляется къ сѣверу, широкій водный потокъ, увлекаемый съ востока на западъ, вполнѣ опоясываетъ островъ и, благодаря своей относительной свѣжести, умѣряетъ температуру. Это и составляетъ причину того, что даже низменныя мѣстности острова Св. Ѳомы значительно здоровѣе другихъ островов, лежащихъ въ глубинѣ залива и вблизи болотистыхъ областей материка; такимъ образомъ, тогда какъ мѣсяцы іюнь, іюль и августъ самые нездоровые на берегу континента и на островѣ Фернандо-По,—на островѣ Св. Ѳомы, они, напротивъ, менѣе всего неблагопріятны для здоровья европейцевъ; но они опасны для негровъ, которые страдаютъ въ теченіе ихъ отъ холода и заболѣваютъ ревматизмами. Вообще, европейцы безъ затрудненій могутъ акклиматизироваться на высотахъ острова, гдѣ жаръ менѣе силенъ въ сравненіи съ берегами; тамъ каждая возвышенная плантація становится и санаторіей. А это уже весьма важный фактъ въ виду такихъ областей Африки, каковы: Калабаръ, Камерунъ и Габонъ, гдѣ до сихъ поръ такъ мало удавались попытки бѣлыхъ къ акклиматизаціи. Со всѣмъ тѣмъ, хотя и менѣе нездоровыя, чѣмъ берегъ материка, прибрежья острова Св. Ѳомы считаются вообще весьма опасными для иностранцевъ. Островъ лежитъ почти на границѣ перехода океаническаго климата въ климатъ тропической Африки; количество дождей на немъ значительно; такъ, по J. A. Henriquez, среднее

[1]) Greff, „Petermann's Mittheilungen", 1884, тетр. IV.

количество ихъ въ долинѣ Св. Ѳомы, съ 1877 по 1881 годъ, равнялось 1 метру и 8 миллиметрамъ; вслѣдствіе этого, каждая долина имѣетъ свою ribeira, несущуюся съ скалы на скалу; между этими рѣками наибольшею извѣстностью пользуется, благодаря городу, находящемуся при ея устьѣ, рѣка Агоа-Гранде, на сѣверо-восточной покатости острова; при водопадѣ Блю-Блю, ея кристальныя воды низвергаются въ сады, орошая своими брызгами листья банановъ.

Разстояніе острова Св. Ѳомы отъ ближайшаго берега материка, именно мыса Лопецъ, всего лишь около 250 километровъ, и потому флора этого острова, въ которой насчитывается 430 различныхъ растеній, большимъ числомъ своихъ видовъ походитъ на флору смежной суши; а между тѣмъ нѣкоторые естественно-историческіе факты заставляютъ думать, что островъ никогда не находился въ связи съ Африкою; такъ, изъ 18 видовъ наземныхъ моллюсковъ только одинъ оказывается общимъ ему и материку; только на островѣ водится одна изъ летучихъ мышей (cynonycteris stramineus); также точно только въ его лѣсахъ живетъ одинъ видъ обезьяны (cercopithecus albigularis) [3]). Ядовитая змѣя, cobra negra, дѣлаетъ опасными работы по расчисткѣ нови, а крысы часто пожираютъ жатвы.

Уже съ конца 15-го столѣтія, на островѣ св. Ѳомы были колонисты европейцы, плантаторы, обрабатывавшіе свои поля при посредствѣ рабовъ. Однако, эти владѣтели острова, португальцы, не всегда имѣли возможность мирно пользоваться своими помѣстьями. Въ 1567 году, французскіе корсары принудили жителей укрыться въ глубь лѣсовъ; а спустя нѣсколько лѣтъ негры изъ Анголы, приставъ, вслѣдствіе кораблекрушенія, къ острову, поселились въ его юго-западной части и отсюда повели войну съ сѣверными собственниками. Часто они сожигали жилища и опустошали жатвы; такая война между бѣглыми неграми и бѣлокожими продолжалась болѣе, чѣмъ столѣтіе, пока наконецъ, въ 1693 г., одинъ «капитанъ лѣсовъ» не заставилъ негровъ покориться. Эти-то ангольцы, въ числѣ приблизительно полутора тысячъ, до сихъ поръ еще владѣютъ большею частью западнаго берега, при чемъ ревностно сохраняютъ свои обычаи; будучи дровосѣками, солеварами, садовниками, разводителями птицъ и свиней, они сами производятъ все необходимое для удовлетворенія своихъ потребностей и держатся въ сторонѣ отъ остальныхъ островитянъ. Нарѣчіе *bounda*, которымъ они говорятъ, исказилось лишь немного [2]). Во время первой половины этого столѣтія, островъ Св. Ѳомы потерялъ было свою экономическую важность, вслѣдствіе переселенія многихъ изъ его обитателей въ Бразилію; однако, съ 1876 года—времени освобожденія рабовъ—онъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе богатыхъ колоніальныхъ владѣній Португаліи; число обработанныхъ земель увеличилось, и съ низменныхъ, лишь слегка наклонныхъ къ сѣверу, мѣстностей плантаціи распространились уже по склонамъ и даже заняли верхнія долины. Въ первое время колонизаціи возделывали въ особенности сахарный тростникъ, ввезенный съ Мадеры, и годичное производство сахара достигло 2.000 тоннъ. Но въ садахъ острова произрастаетъ также большое число и другихъ тропическихъ растеній; такъ, въ настоящее время, между 600 и 1.400 метрами высоты, растутъ до милліона хинныхъ деревьевъ; однако благосостояніе острова зиждется на разведеніи деревьевъ кофейнаго и шоколаднаго; продукты съ нихъ почти исключительно вывозятся въ Лиссабонъ, гдѣ они весьма цѣнятся и считаются въ числѣ лучшихъ сортовъ, значительно превосходя кофе и какао съ Антильскихъ острововъ. Такъ, при общемъ торговомъ балансѣ въ 1881—82 году въ 5.519.640 франковъ, въ теченіе 1882—83 податнаго года вывезено въ килограммахъ: кофе—1.893.608, а какао—505.338. Возделываются вся низменная и вся средняя области сѣверной части острова; южная же половина его находится почти повсюду въ состояніи первобытномъ.

Плантаторы острова Св. Ѳомы, лишившись труда своихъ прежнихъ рабовъ,—которые нынѣ либо возделываютъ свои собственныя поля, либо занимаются въ городѣ и въ селахъ мелкою торговлею,—нанимаютъ для полевыхъ работъ негровъ съ материка, по преимуществу изъ Анголы; въ числѣ пришлыхъ рабочихъ есть также нѣсколько крумановъ и кабиндцевъ, но большая часть этихъ переселенцевъ нанимаются на суда въ матросы. Впрочемъ, земледѣльцы плохо вознаграждаются; по минованіи двухъ или пяти договорныхъ лѣтъ, ангольцы или другіе работники нанимаются у плантаторовъ уже по полюбовному соглашенію. Въ довольно большомъ числѣ прибыли также колонисты изъ Бразиліи, привезя съ собою растенія и животныхъ изъ своихъ областей; между прочимъ, по недосмотру, ими же занесена нигва (pulex penetrans), насѣкомое, котораго такъ боятся расчищатели почвы подъ пашни. Послѣдствіемъ увеличенія площади возделываемыхъ земель было значительное возрастаніе населенія. Такъ, въ 1855 году, число жителей—свободныхъ, рабовъ и ссыльныхъ—равнялось 8.072; а въ 1878 году оно поднялось до 18.260 человѣкъ, изъ которыхъ 1.200 было бѣлыхъ или метисовъ. Образованіе распространено пока весьма незначительно; въ годъ переписи насчитали умѣющихъ читать и писать островитянъ только 261, что составитъ около одной семидесятой части населенія.

[1]) Greeff, „Zoologischer Anzeiger", 1883.
[2]) Greeff, „Petermann's Mittheilungen", 1884, тетр. IV.

Столица острова, называющаяся Сидадэ, что значитъ «городъ», красиво расположилась, утопая въ зелени, по окраинѣ полукруглой бухты Анна-де-Шавесъ, находящейся на сѣверо-восточномъ берегу. Ручей Агоа-Гранде дѣлитъ городъ на двѣ половины, при чемъ въ сосѣдствѣ залегаютъ солончаки и нездоровыя болотистыя мѣстности. Въ этомъ городѣ имѣютъ пребываніе губернаторъ и комендантъ португальскаго гарнизона.

Островъ до-Принсипе, или «островъ принца», прозванъ такъ вслѣдствіе того, что спустя 30 лѣтъ послѣ своего открытія, въ 1471 году, былъ отданъ въ удѣлъ наслѣдному принцу; онъ въ шесть разъ меньше острова Св. Ѳомы, такъ какъ занимаетъ всего лишь 151 кв. километръ. Довольно низменный въ сѣверной части, островъ этотъ поднимается въ южной своей половинѣ, гдѣ высится и главный, въ 825 метровъ, пикъ, окруженный другими вершинами, усѣянными утесами въ формѣ шпицевъ. Изобильные дожди, выпадающіе на островѣ, этомъ «садѣ Африки», одѣли склоны горъ густыми лѣсами и избороздили ихъ столькими же потоками, «сколько дней въ году» [1]). На о. Принсипе воздухъ болѣе нездоровый, чѣмъ на южныхъ островахъ: Св. Ѳомы и въ особенности Аннобонѣ; зависитъ это отъ того, что экваторіальное теченіе, съ своими водами сравнительно болѣе освѣжающими, чѣмъ воды Гвинейскаго потока,—никогда не простирается настолько къ сѣверу, чтобы омывать берега Принсипе. Воздѣлываемый руками рабовъ—съ самыхъ первыхъ лѣтъ занятія его португальцами,—островъ Принсипе, подобно острову Св. Ѳомы, имѣлъ большія плантаціи сахарнаго тростника; но въ особенности онъ игралъ важную роль въ торговлѣ, благодаря своимъ депо негровъ, откуда они и вывозились въ Новый Свѣтъ. Нынѣ его торговля ничтожна; вывозятся лишь небольшія количества кофе и какао, добываемыя съ плантацій на сѣверной половинѣ острова. Народонаселеніе острова, почти исключительно состоящее изъ чернокожихъ, именующихъ себя португальцами и католиками, значительно уменьшилось съ половины этого столѣтія: такъ, будучи въ то время почти пятитысячнымъ, оно свелось нынѣ приблизительно къ половинѣ этого числа. Именно, въ 1878 году, оно равнялось всего лишь 2.262 ч. Почти всѣ островитяне пребываютъ на сѣверо-восточномъ берегу, въ городѣ Св. Антонія, расположенномъ по окраинѣ хорошо защищенной бухты, въ водахъ которой качается нѣсколько гребныхъ судовъ.

[1]) F. Travassos Valdez, „Six Years of a Traveller's Life in Western Africa".

Изъ всей цѣпи вулкановъ, дѣлящихъ надвое Гвинейскій заливъ, островъ, сохранившій имя открывшаго его португальца, Fernâo do Poo, или, по-испански, Фернандо-По, есть самый большой и самый красивый; въ началѣ онъ былъ прозванъ островомъ Формозою, (Прекраснымъ), каковое наименованіе дѣйствительно вполнѣ заслуживаетъ. Поверхность его равняется 2.071 кв. километру; но изъ этого пространства на долю равнинъ приходится весьма немного, такъ какъ островъ представляетъ лишь горы, постепенно возвышающіяся отъ его окружности къ центру, гдѣ и высится, сокрытый въ облакахъ, пикъ, почти постоянно называемый англичанами: Кларансъ-пикъ, а испанцами: пико Санта-Изабелла. Высота этого пика можетъ быть принята приблизительно въ 3.000 метровъ, такъ какъ исчисленія ея неодинаковы: по Буртону, она равняется 3.261 метру, а на морскихъ картахъ показывается различно: въ 2.900, въ 3.108 и въ 3.500 метровъ. По формѣ, островъ представляетъ параллелограммъ, удлиненный въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу и оканчивающійся на всѣхъ четырехъ фасахъ крутыми берегами, которые лишь въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ мѣстахъ прерываются отлогими покатостями, спускающимися къ закругленнымъ бухтамъ. Отъ африканскаго материка островъ отдѣляется проливомъ всего въ 30 километровъ. Мореплаватели, вступающіе въ этотъ проливъ, при ясной погодѣ, созерцаютъ одну изъ грандіознѣйшихъ картинъ, какія встрѣчаются на нашей землѣ. Съ одной стороны, массивъ Камерунъ, съ его лѣсистыми холмами, его лысыми горами, его конусомъ, пестрѣющимъ полосами снѣга, съ другой, островъ Фернан до-По, съ его высокими берегами, его зеленѣющими отъ подошвы до маковки склонами, его геометрически правильнымъ вулканомъ,—образуютъ величественный порталъ. Этотъ великолѣпный входъ внутрь Гвинейскаго залива былъ бы одною изъ мѣстностей, пользующихся, за красоту пейзажа, всемірной извѣстностью, если бы онъ, какъ Гибралтарскій проливъ или Босфоръ, велъ въ оживленное плавающими судами море или въ многолюдный городъ, а не къ пустыннымъ или окаймленнымъ убогими деревеньками морскимъ берегамъ.

Фернандо-По—не океаническій островъ, какъ другія земли Южнаго Атлантическаго океана: сѣверной своей половиной онъ покоится на цоколѣ, образующемъ окружность материка Африки, и который моряки называютъ «промѣрочнымъ плато». Самая большая глубина пролива между берегами Камеруна и Фернандо-По равняется 88 метрамъ, и отсюда морское дно въ обѣ стороны быстро приподнимается къ песчанымъ берегамъ. На востокъ и на западъ отъ острова промѣрочное плато сохраняется до нѣкотораго разстоянія, за-

тѣмъ море вдругъ становится глубокимъ, а рѣзкія крутизны морскаго дна указываютъ начало океанскихъ пучинъ; такъ, на небольшомъ разстояніи отъ Фернандо-По къ югу, глубина океана переходитъ уже за тысячу метровъ. Островъ расположенъ, такъ сказать, наискось, при чемъ одна его часть покоится на морскомъ днѣ, а другая на откосѣ африканскаго материка. Границѣ между этими двумя отдѣлами соотвѣтствуютъ два углубленія береговъ острова: на западѣ—глубокая бухта Санъ-Карлосъ, а на востокѣ—бухта Зачатія. Такимъ образомъ, четыреугольникъ острова оказывается раздѣленнымъ на двѣ половины, при чемъ упомянутымъ выемкамъ въ берегахъ соотвѣтствуетъ также форма рельефа острова: именно, между двумя сейчасъ названными заливчиками проходитъ невысокое ущелье, от-

Видъ съ подошвы горы Камерунъ.

дѣляя сѣверные вулканы отъ южныхъ. Южный массивъ ниже массива центральной области, надъ которою господствуетъ пикъ Св. Изабеллы; однако, и его вершина достигаетъ высоты 2.098 метровъ. Изъ всѣхъ этихъ горъ ни одна не извергаетъ пламени; хотя иногда и говорили о дымѣ, будто-бы исходящемъ изъ самаго высокаго пика, но такъ какъ разбиваемые и разносимые вѣтромъ густые морскіе туманы легко можно смѣшать съ клубами дыма, то надо подождать точныхъ свидѣтельствъ въ этомъ отношеніи. До сихъ поръ ни о какомъ изверженіи вулкана островитяне не разсказывали.

Повсюду на Фернандо-По льются съ горъ воды, въ видѣ небольшихъ каскадовъ, даже ручьевъ; въ каждомъ ущельѣ, въ каждой долинѣ имѣется по своему потоку, обновляющему производительную силу почвы и поддерживающему свѣжесть и блескъ растительности; каждое дерево покрыто сплошь цѣлымъ лѣскомъ орхидей, папоротниковъ, бегоній, каждая вѣтка увѣшана мхомъ. Чащи изъ переплетающихся другъ съ другомъ растеній представляютъ для изслѣдованія острова еще большее препятствіе, чѣмъ крутизна его склоновъ; тѣмъ не менѣе островъ пройденъ во всѣхъ направленіяхъ, и со времени восхожденія, совершеннаго Бикрофтомъ,—тѣмъ самымъ, который первымъ поднялся вверхъ по рѣкѣ Уаоно,—много разъ взбирались уже какъ на центральную вершину острова, такъ и на сосѣдніе съ нимъ конусы, тоже съ кратерами. Густыя деревья виднѣлись даже внутри кратера [1]), но, въ одно изъ послѣдующихъ восхожденій, Маннъ удостовѣрился, что *буби* выжгли весь самый верхній поясъ лѣса, съ цѣлью заставить дичь спуститься съ горы въ лѣса, лежащіе внизу. Изобиліе древесной растительности на Фернандо-По объясняется большимъ количествомъ дождей, которое приносятъ юго-западные муссоны, дующіе регулярно въ теченіе большей части дождливаго сезона; пассаты и муссоны часто бываютъ прерываемы бурями, которыя вообще обозначаются именемъ торнадосовъ, какъ и вѣтры съ круговращательнымъ движеніемъ, и которыя иногда также изливаютъ значительную массу воды на высоту острова. Пельонъ упоминаетъ объ одномъ смерчѣ, изъ тучъ котораго въ одинъ часъ низвергся на землю слой воды, толщиною въ 150 миллиметровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ возвышенныхъ циркахъ горъ выпадаютъ еще болѣе обильные дожди, такъ какъ часто, даже во время сезона, сухаго для нижнихъ склоновъ, въ возвышенныхъ поясахъ острова наблюдаютъ образованіе такихъ скопленій облаковъ, что вершины постоянно остаются скрытыми въ нихъ.—Средняя температура въ главномъ городѣ о. Фернандо-По, Санта-Изабель, равняется 25°, 60 (25°, 44); крайнія же температуры наблюдались: въ февралѣ 1871 г. 32°, 8, и въ сентябрѣ 1862 г. 19°, 1. Дождливыхъ дней насчитывали 167, а среднее количество выпадавшей изъ атмосферы воды составляло 2.577 миллиметровъ (или по *Rey'ю*—3.057 миллиметровъ).

Флора на островѣ Фернандо-По весьма разнообразна, благодаря тому обстоятельству, что его высокія горы, поднимаясь надъ тропическою жарою, вступаютъ въ области холоднаго верхняго воздуха; поэтому внизу растенія соотвѣтствуютъ флорѣ сосѣднихъ береговъ материка, а вверху—флорѣ африканскихъ горъ. Вершина пика покрыта такими растеніями, которыя походятъ на растенія умѣреннаго пояса, при чемъ въ ихъ числѣ Маннъ распозналъ семнадцать видовъ, встрѣчаемыхъ на высокихъ горахъ Эѳіопіи, удаленной отъ Фернандо-По на 3.300 километровъ. Тотъ же ботаникъ утверждаетъ, что флора пика Фернандо-По представляетъ родственныя черты съ флорой Индійскаго океана, но, зато вполнѣ отлична отъ флоры Капской земли и атлантическихъ острововъ [1]). Всѣ воздѣлываемыя растенія тропическаго пояса преуспѣваютъ на низменныхъ мѣстахъ Фернандо-По, какъ равнымъ образомъ превосходно удаются на среднихъ склонахъ и всѣ ввезенныя растенія умѣреннаго пояса. И вообще, островъ могъ бы сдѣлаться акклиматизаціоннымъ садомъ для всей наземной флоры. Главныя воздѣлываемыя растенія—тѣ же самыя, какъ и на островѣ Св. Ѳомы: шоколадное и кофейное деревья, сахарный тростникъ, хлопчатникъ и табакъ. Бананъ, кукуруза, рисъ, маніокъ, иньямъ, идутъ въ пищу чернокожимъ; на распаханныхъ новяхъ высотъ произростаютъ всѣ овощи Европы; плантаціи хиннаго дерева дали столь же хорошіе результаты, какъ на островѣ Св. Ѳомы и въ архипелагѣ Зеленаго мыса, на островѣ Св. Антонія.

Европейцы ввели на Фернандо-По также и своихъ домашнихъ животныхъ. Рогатый скотъ живетъ стадами по полянамъ въ лѣсахъ, а изобиліе морской фауны въ прибрежныхъ бухточкахъ присоединяетъ и свою долю къ продуктамъ культуры и къ разведенію животныхъ. Что-же касается первобытной (туземной) фауны острова, то, за исключеніемъ червей, насѣкомыхъ и птицъ, она чрезвычайно бѣдна; въ травѣ ползаютъ различнаго рода змѣи, какъ ядовитыя, такъ и безвредныя. Изъ дикихъ четвероногихъ животныхъ извѣстенъ только одинъ видъ антилопы, кожей которой, изрѣзанной на тонкіе ремешки, украшаютъ

[1]) Mann; — Burton, „Abeokuta and the Cameroons Mountains".

[1]) „Journal of the Linnean Society", 1861.—„Petermann's Mittheilungen", 1862, тетр. IV.

свои головы туземцы *cabeceres* (начальники племени): бѣдное преслѣдуемое животное должно было искать убѣжища на высотахъ и потому нынѣ оно встрѣчается только по сосѣдству съ высокими кратерами [1]). Прежде между обитателями лѣсовъ острова перечисляли также три вида обезьянъ, и большая часть натуралистовъ еще и до сихъ поръ признаетъ ихъ происходящими съ Фернандо-По. Но, по словамъ Марша [2]), хотя шкурки этихъ четверорукихъ дѣйствительно и получаются съ Фернандо-По, тѣмъ не менѣе, они все-таки попали туда съ материка.

О человѣкѣ на Фернандо-По имѣется древнее сказаніе, будто бы чернокожіе, населявшіе нѣкогда этотъ островъ, отличались отъ негровъ, проживающихъ тамъ нынѣ [3]), и будто бы найденные въ различныхъ мѣстностяхъ острова каменные топоры принадлежатъ этимъ первобытнымъ его жителямъ. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что нынѣшнее населеніе острова прибыло съ материка, при чемъ это совершилось или до появленія европейцевъ, или же въ первые годы послѣ открытія острова. Населеніе это состоитъ изъ разсѣянныхъ группъ, въ общемъ, по приблизительному исчисленію, заключающихъ въ себѣ около 30 тысячъ индивидовъ. Какъ ни ни островъ, по сравненію съ сосѣднимъ материкомъ, обитатели его считаютъ его безконечнымъ. Они называютъ его «*атшимама*», что означаетъ «*всѣ страны*»: по мнѣнію туземцевъ, онъ—вселенная, а сами они—человѣчество; названіе, даваемое ими себѣ: *буби*, превращенное англичанами въ *boobies*, означаетъ просто «людей» [4]), и, по словамъ одного миѳа этихъ островитянъ, они изошли изъ кратера горы [5]). Повидимому, они происходятъ изъ различныхъ племенъ, такъ какъ говорятъ по крайней мѣрѣ на пяти нарѣчіяхъ, происходящихъ, подобно нарѣчіямъ на сосѣднихъ берегахъ [6]), отъ банту, и хотя трудно понимаютъ другъ друга, но, тѣмъ не менѣе, по наружному виду и пріемамъ, всѣ они схожи между собою. Застѣнчивые и боязливые, вслѣдствіе чего умаляется достоинство въ ихъ осанкѣ, они также значительно меньше ростомъ и слабосильнѣе по сравненію съ неграми материка: они худощавы, съ большимъ животомъ и выдающимся пупомъ. Они татуируются, или, вѣрнѣе сказать, глубоко надрѣзываютъ кожу лица и тѣла, вслѣдствіе чего гладкая сама по себѣ кожа становится шероховатою; кромѣ того, они покрываютъ тѣло красною глиною, смѣшанною съ пальмовымъ масломъ, и это же косметическое средство употребляютъ для превращенія въ твердую массу своихъ волосъ на головѣ, которые прикрываютъ шляпою изъ сплетенныхъ травъ; у мужчинъ борода довольно густа, и, встрѣчаясь, они въ знакъ выраженія дружбы, взаимно трутся подбородками. Всѣ буби, мужчины и женщины, носятъ на лѣвомъ плечѣ ремень изъ жесткой кожи, съ тою цѣлью, чтобы низвести размѣры этой части руки къ размѣрамъ кисти руки (запястья): мужчины засовываютъ за этотъ ремень свой ножъ. Этимъ браслетомъ, шляпою и передникомъ и ограничивается костюмъ въ деревушкахъ, удаленныхъ отъ морскихъ береговъ. Когда же туземцы спускаются къ морю—при чемъ они всегда бываютъ вооружены палкою, на подобіе употребляемой путешествующими въ Альпахъ—то, чтобы появиться въ благопристойномъ видѣ между бѣлыми, они украшаютъ себя различными матеріями; въ качествѣ монетъ, у нихъ есть два рода раковинъ, которыя они находятъ въ бухтахъ острова, и которыя служатъ имъ также для украшенія самихъ себя, и для защиты ихъ хижинъ отъ злыхъ духовъ.

Всѣ буби живутъ въ глубинѣ острова, въ отдаленіи отъ горожанъ, которымъ они съ полнымъ правомъ не довѣряютъ. Въ прежнее время они страшились быть плѣненными и проданными въ рабство; поэтому прятались въ пещерахъ и въ непроницаемыхъ чащахъ, будучи охраняемы храбрыми собаками, которыя ворчатъ и кусаютъ, но не лаютъ [1]); нынѣ буби обзавелись хижинами, но проникать въ нихъ европейцамъ они позволяютъ лишь съ крайнею неохотою. Съ другой стороны иногда они бывали весьма опасными сосѣдями: такъ, они два раза отравляли ручьи и источники, съ цѣлью изгнанія португальцевъ, которые, вслѣдствіе этихъ попытокъ, и дѣйствительно покинули островъ. Также и испанцы въ 1858 году собирались-было, всѣ до единаго человѣка, удалиться съ острова, такъ какъ туземцы отказались доставлять имъ жизненные припасы. Нынѣ бубу признаютъ власть губернатора, которому, для возстановленія мира, достаточно послать двумъ воюющимъ племенамъ свою палку съ толстымъ набалдашникомъ. Буби не живутъ выше 1.000 метровъ надъ уровнемъ моря, такъ какъ на верхнихъ областяхъ острова не произрастаютъ ни масличная пальма, ни банановое дерево, доставляющія имъ пищу. Они нажимаютъ немного масла, которое и продаютъ въ Санта-Изабеллѣ, но не берутъ на себя труда доставить на рынокъ самые

[1]) Thiercelin, „Journal d'un Baleinier".
[2]) „Trois voyages dans l'Afrique occidentale".
[3]) Richard Burton, упом. соч.; — Adolf Bastian, „Ein Besuch in San-Salvador".
[4]) Richard Burton, упом. соч.;—Rogozinski, „Revue Scientifique", 20 марта 1886.
[5]) J. Hutschinson, „Ten Year's Wanderings among the Ethiopians";—Adolf Bastian, упом. соч.
[6]) R. N. Cust. „The modern Languagues of Africa".

[1]) Josè Maria Gomez y San Juan, „Ausland" 1884, № 42.

орѣхи. Ихъ инъямовыя поля содержатся съ такою же тщательностью, какъ овощныя грядки у европейскихъ огородниковъ.

Къ какому изъ африканскихъ племенъ должны быть причисляемы буби по ихъ религіознымъ воззрѣніямъ—неизвѣстно. Ихъ Великій Духъ или *Умо*, есть существо, которое никто не можетъ видѣть, но которое проявляется въ ослѣпительномъ блескѣ и въ пещерномъ голосѣ, исходящемъ изъ нѣдръ земли. Когда туземецъ желаетъ себѣ вымолить прощеніе, или узнать свое будущее, онъ проникаетъ чрезъ узкую щель въ пещеру, въ которой пребываетъ жрецъ и, идя ощупью, кладетъ свое приношеніе. Тотчасъ изъ отверстія въ сводѣ грота показывается снопъ лучей, и предстаетъ жрецъ, осѣняемый божественнымъ свѣтомъ. Ему предлагаютъ вопросы, онъ же передаетъ Умо молитвы, и вскорѣ пещера оглашается звуками: голосъ самого бога, кажущійся исходящимъ изъ бездны, отвѣчаетъ своимъ вѣрующимъ [1]). Подобно этому Великому Духу, и «могущественный царь», пребывающій вблизи восточнаго берега, при бухтѣ Зачатія тоже не допускаетъ къ себѣ приближенія, но свою исполнительную власть передаетъ обществу, называемому *буля*, которое и дѣйствуетъ отъ его имени; со времени своей коронаціи, онъ затворяется въ гротѣ, для общенія, при посредствѣ змѣй, съ діяволомъ [2]). Второстепенные же царьки племенъ, сосѣднихъ съ Санта-Изабеллой, ничѣмъ не отличаются отъ большей части своихъ подданныхъ. Что касается женщинъ, то онѣ еще довольно порабощены обычаемъ: передъ замужествомъ, невѣсту запираютъ въ хижинѣ, гдѣ ее и откармливаютъ до свадьбы; затѣмъ, послѣ совершенія брака, она снова возвращается въ свою лачугу, гдѣ и остается годъ или болѣе, если только рожденіе ребенка не возвратитъ ей свободу ранѣе [3]); съ своей стороны, женихъ долженъ подчиниться нѣкоторому роду искуса, даромъ работая въ теченіе двухъ лѣтъ родителямъ своей будущей жены. Неизлѣчимыхъ больныхъ относятъ въ лѣсъ, кладутъ около нихъ немного пищи и затѣмъ предоставляютъ ожидающей ихъ участи.

Населеніе прибрежья Фернандо-По, сосредоточивающееся въ Санта-Изабеллѣ, на сѣверномъ берегу, и въ нѣсколькихъ деревушкахъ, въ большей своей части состоитъ также изъ чернокожихъ, похожихъ на буби; но это—потомки рабовъ, освобожденныхъ или англійскими крейсерами, или ихъ испанскими владѣльцами. Европейскіе торговцы привезли съ собой или поставили своими замѣстителями, для веденія ихъ дѣлъ, негровъ изъ Лагоса, Капъ-Коста, Сіерра-Леоне и съ острова Св. Ѳомы, которые представляютъ наиболѣе цивилизованную часть чернокожаго населенія и доставляютъ преобладаніе англійскому языку надъ испанскимъ. Изгнанники съ Кубы, недавно находившіеся на Фернандо-По въ числѣ двухсотъ, болѣе всего содѣйствовали развитію промышленности и торговли острова; имъ принадлежитъ честь введенія плантацій шоколаднаго дерева, сахарнаго тростника и табаку; ими же начато выдѣлываніе прославленныхъ санта-изабельскихъ сигаръ; но, по отбытіи наказанія, большая часть этихъ ссыльныхъ возвратились на родной островъ и никѣмъ не замѣнены въ ихъ занятіяхъ.

Торговля Фернандо-По, также какъ и Анобона, другаго испанскаго острова въ Гвинейскомъ заливѣ, находится въ рукахъ англійскихъ и португальскихъ купцовъ. Впрочемъ, она незначительна и даже въ послѣднее время уменьшилась. На этомъ «Прекрасномъ» островѣ господствуетъ система крупнаго землевладѣнія: земля подѣлена на обширныя помѣстья, поля которыхъ обработываются руками крумановъ; но эти временные рабочіе часто подвергаясь дурному обращенію, неохотно возвращаются на островъ, и потому иногда плантаторамъ не хватаетъ рукъ для сбора ихъ произведеній [4]).

Единственный городъ острова, Санта-Изабелла (Санта-Изабель), англичанами именуемый Кларанстаунъ, представляетъ скопленіе деревянныхъ домиковъ, окруженныхъ каждый верандою и сплошь утопающихъ въ зелени, въ тѣни драценъ и индійскихъ poinciana pulcherrima, съ пышными блестящими цвѣтами. Терраса, на которой стоитъ городъ, простирается по гладкой равнинѣ, при подошвѣ зеленѣющихъ холмовъ и по берегу хорошо защищенной бухты, похожей на половину кратера; съ песчанаго же берега взоръ, переходя съ вершины на вершину, достигаетъ до высотъ внутри острова и, при ясной погодѣ, на горизонтѣ сѣвера виднѣется подернутыя фіолетовой дымкой очертанія «горы боговъ». Лавки въ городѣ насчитываются сотнями, но въ нихъ производится лишь мелочной торгъ съ рабочими съ плантацій и съ туземцами. Собственно торговое движеніе совершается въ резиденціи большей части бѣлокожихъ, въ портѣ, гдѣ англичане и американцы содержатъ свои суда съ запасомъ угля и гдѣ качаются на волнахъ понтоны. Общее число жителей города, включая и гарнизонъ, около 1.300, бѣлыхъ же въ этомъ числѣ только 50 человѣкъ. Климатъ Фернандо-По есть одинъ изъ самыхъ не здоровыхъ въ экваторіальномъ поясѣ: землю эту называли «островомъ смерти». Въ

[1]) Rogozinski;—Janikowski, и т. д.
[2]) Hutchinson;—Bastian, упом. соч.
[3]) Rogozinski;—Baikie, „Narrative of an exploring voyage up the rivers Kwora and Binué".

[4]) Hügo Zöller, „Kamerun".

1862 году, четвертая часть бѣлаго населенія, состоящаго изъ 250 человѣкъ, была похищена желтою лихорадкою. Три кладбища, на которыхъ покоятся тѣла знаменитыхъ путешественниковъ, въ томъ числѣ Ричарда Лендера, занимаютъ обширное пространство земли близъ города. Съ 1859 года Фернандо-По обладаетъ санаторіей, первой изъ устроенныхъ въ тропическихъ странахъ бѣлыми. Это—селеніе Basileh, расположенное на высотѣ 300 метровъ, въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ Санта-Изабеллы и вблизи деревни племени буби; главныя плантаціи хиннаго дерева разведены по сосѣдству съ этимъ возвышеннымъ пунктомъ.

Фернандо-По былъ уступленъ съ 1778 года Португаліей испанцамъ, которые, однако, вскорѣ покинули островъ, какъ весьма нездоровый; между тѣмъ англичане исподоволь замѣщали испанцевъ, не заявляя, впрочемъ, правъ на обладаніе островомъ, а въ 1827 г., во время своихъ преслѣдованій судовъ негроторговцевъ, основали тамъ одну изъ своихъ главныхъ станцій, Кларансъ, расположенный въ сосѣдствѣ «Невольничьяго берега». Но Испанія, опасаясь, чтобы Англія не завладѣла этимъ островомъ совершенно—съ которымъ, однако, сама ничего не дѣлала,—въ 1845 году снова и окончательно взяла его въ свое владѣніе. Нынѣ небольшой гарнизонъ занимаетъ форты, испанскіе миссіонеры обращаютъ въ христіанство чернокожихъ, и часто на островъ ссылаются политическіе преступники. Губернаторъ назначается на два года и, въ виду угрожающихъ ему опасностей со стороны климата, получаетъ весьма значительное содержаніе.

Глава II

Камерунъ.

Португальское названіе «Camaraos», что̀ означаетъ «Креветты», было первоначально дано мореплавателями главному лиману, находящемуся въ глубинѣ Гвинейскаго залива; но это наименованіе, видоизмѣненное въ различныхъ европейскихъ языкахъ, Camarones по-испански, Camaroons, по-англійски, Kamerun по-нѣмецки, въ этой нѣмецкой своей формѣ сдѣлалось общеупотребительнымъ въ послѣднее время. Вмѣстѣ съ этимъ, подъ названіемъ Камерунъ стали разумѣть не только ту область, которая обнимаетъ собственно бассейнъ Камерунской рѣки, но также распространили его, во-первыхъ, на всѣ низменныя равнины по сосѣдству съ лиманомъ, и во-вторыхъ, на величественный массивъ вулкановъ, которымъ на материкѣ продолжается цѣпь острововъ, простирающаяся отъ Аннобона до Фернандо-По; напослѣдокъ оно было распространено на всю ту Гвинейскую территорію, которую германцы отграничили на картѣ, какъ долженствующую составлять ихъ владѣніе въ этой части экваторіальной Африки. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что главной горѣ и сосѣднимъ съ нею берегамъ португальцы давали названіе «Terra Amboses», а на старинныхъ французскихъ картахъ она обозначалась подъ именемъ «Terre des Zambous ou d'Ambois», и, въ видѣ остатка отъ этого наименованія, одинъ изъ острововъ залива называется даже и понынѣ île d'Ambas.

Извѣстно, какъ, послѣ долгихъ дипломатическихъ препирательствъ, — Германія сдѣлалась сюзереномъ этого обширнаго края. Англійскіе миссіонеры уже издавна имѣли свою станцію при подошвѣ Камерунской горы, англійскій языкъ сдѣлался общеупотребительнымъ между жителями приморскихъ береговъ, и даже британское знамя развѣвалось надъ многими селеніями внутри страны. Съ другой стороны, германскіе негоціанты тоже имѣли свои факторіи на морскомъ берегу и пріобрѣтали въ собственность земли на склонахъ горы. Съ теченіемъ времени между агентами обѣихъ націй стали возникать столкновенія, правительства начали обмѣниваться рѣзкими нотами, и, наконецъ, всѣ эти распри завершились тѣмъ, что въ 1885 г. Великобританія отозвала своихъ миссіонеровъ и консуловъ, отказавшись отъ всякихъ претензій на Камерунскій массивъ.

Въ иномъ положеніи находился лежащій южнѣе лимана морской берегъ, который черезъ рядъ бухточекъ тянется по направленію къ Габону. Эту приморскую полосу, раздѣленную на множество небольшихъ владѣньицъ, посѣщали многочисленные моряки и торговцы, принадлежащіе къ различнымъ націямъ, при

чемъ всѣ они заключали договоры съ царьками, у которыхъ, за нѣсколько ружей и боченковъ дрянной водки, и пріобрѣтали себѣ помѣстья. Старинные документы, затерявшіеся въ архивахъ, удостовѣряли, что иной мысъ, иное рѣчное устье принадлежатъ Испаніи или Франціи. Такимъ образомъ, къ тому времени, когда европейскими правительствами овладѣла бѣшеная страсть къ пріобрѣтеніямъ, весь южный берегъ Камеруна оказался раздѣленнымъ на цѣлую массу небольшихъ землицъ, чередующихся, точно клавиши въ клавіатурѣ, и присваиваемыхъ—однѣ Франціею, а другія – Германіей [1]). Всѣ эти распри, въ свою очередь, были урегулированы тоже въ 1885 году, когда, въ силу особаго договора, гвинейскія концессіи были уступлены Германской имперіи, въ замѣнъ нѣмецкихъ факторій, расположенныхъ на «Южныхъ рѣкахъ», которыя отнынѣ уже составляютъ часть Французской Сенегамбіи.

Обширная область, центромъ которой является Камерунскій лиманъ, занимаетъ великолѣпное географическое положеніе, и понятны тѣ старанія, которыя географъ Нахтигаль,—уполномоченный вести переговоры съ туземными начальниками, — приложилъ къ тому, чтобы пріобрѣсти это побережье для своего отечества. Возможно, что массивъ Камерунскихъ вулкановъ, возвышающійся надъ равнинами и нездоровыми протоками-каналами, образующими побочныя устья рѣкъ, со временемъ превратится въ область, пригодную для заселенія ея бѣлыми; но даже если бы этой территоріи суждено было обработываться руками только однихъ чернокожихъ, то и тогда, рано или поздно, она не преминетъ пріобрѣсти существенную важность, какъ мѣсто сліянія великихъ путей сообщенія на материкѣ. Такъ, между прочимъ, не можетъ не продолжиться до Камерунскаго залива и та желѣзная дорога отъ Триполи къ озеру Чадъ, вопросъ о которой столь часто возникалъ при проектированіи дальнѣйшаго устройства Африки.

Нынѣ границы германской территоріи, по морскому прибрежью, опредѣлены точно. Именно, на сѣверѣ эта территорія отграничивается отъ англійскихъ владѣній Нигера при посредствѣ Мемэ или Ріо-дель-Рей; на югѣ же, отъ французской колоніи, она отдѣляется посредствомъ Этамбэ или Ріо-дель-Кампо; и въ общемъ, все это поморье—не вводя въ исчисленіе тысячъ незначительныхъ углубленій въ берегѣ—имѣетъ отъ лиманообразнаго устья Ріо-дель-Рей до мѣста впаденія Ріо-дель-Кампо приблизительно около 500 километр. длины. Въ глубь-же материка, къ сѣверо-востоку, границы территоріи еще не опредѣлены. * Со стороны британскихъ владѣній на Нигерѣ граница Камеруна, по трактатамъ съ Англіей отъ 14 апрѣля и 15 ноября 1893 г., идетъ отъ устья Ріо-дель-Рей, къ Іолѣ, обходя полукругомъ этотъ городъ, и продолжается къ южному берегу озера Цадъ (14° вост. долготы отъ Гринвича). На востокѣ и югѣ колонія эта трактатами съ Франціей отъ 24 декабря 1885 г. и 15 марта 1894 г. отграничена такимъ образомъ, что отъ озера Цадъ къ Багирми границу составляетъ р. Шари до 10° сѣв. широты, вдоль котораго граница слѣдуетъ къ западу до 14° 20′ вост. долготы, затѣмъ она тянется до 15°, вдоль котораго слѣдуетъ до 4° южн. широты, потомъ направляется на югъ къ р. Санга, откуда вообще параллель 2°15′ южн. широты и р. Кампо образуютъ южную границу. Въ этихъ предѣлахъ пространство германской колоніи Камерунъ 493.600 кв. километр., а населеніе нынѣ исчисляется въ 3.500.000 душъ *.

Гора Камерунъ,—возвышающаяся, насупротивъ Фернандо-По, на тысячу метровъ болѣе, чѣмъ пикъ на этомъ островѣ,—представляетъ одну изъ наиболѣе величественныхъ вершинъ на земной поверхности. Правда, вершина эта не самая большая на африканскомъ материкѣ; высотою она уступаетъ Кеніи, Килп-манджаро и главнымъ вершинамъ Симена, въ Эѳіопіи; возможно, затѣмъ, что существуютъ соперники ей и въ Марокскомъ Атласѣ, но, тѣмъ не менѣе, благодаря своему положенію на берегу моря, внѣшность этой горы величественнѣе всѣхъ названныхъ горъ; начиная съ приподошвенныхъ заливчиковъ, кругообразно углубляющихся между покрытыми лѣсомъ мысками, взоръ сразу окидываетъ гору во всю ея высоту въ 3.960 метровъ, вплоть до ея трехъ остроконечныхъ главъ, которыя стяжали вершинѣ наименованіе «Трехъ Сестеръ». Смѣняются на склонахъ горы также и климаты, о разнообразіи которыхъ свидѣтельствуетъ нахожденіе: внизу горы—лѣсной растительности: выше—луговъ, а ближе къ вершинѣ—оголенныхъ пластовъ пепла и лавы, пестрѣющихъ порою, даже и снѣгомъ. Колоссъ этотъ казался туземцамъ столь страшнымъ, что они прозвали его Монго-ма-Лоба, т. е. «горой боговъ». И въ былое время, когда бѣлые не совершали еще восхожденій на пикъ, негры не осмѣливались даже приближаться къ самымъ высокимъ пикамъ, опасаясь быть схваченными и замученными злыми духами Нынѣ вѣра въ чародѣйственную силу горы подорвана. Въ 1847 году, Меррикъ поднимался уже до луговъ на высокихъ хребтахъ; но полное восхожденіе совершено въ 1861 году группою путешественниковъ, состоявшею изъ Буртона, Кальво и ботаника Манна, которые обслѣдовали уже и среднія области горы. Съ того времени многіе путешественники также поднимались до края самаго верхняго кратера Камеруна.

[1]) Hügo Zöller, упом. соч.

По своему происхожденію, Монго-ма-Лоба— хотя вполнѣ она еще и не изслѣдована—принадлежитъ, несомнѣнно, къ горамъ вулканическимъ. Восходившіе на нее видѣли на ея склонахъ только конусы изъ пепла, потоки лавъ и конусы изверженія, а между грудами выброшенныхъ изъ нѣдръ горы окалинъ нѣкоторыя казались даже недавняго происхожденія; на многихъ мѣстахъ обширныя пространства разрыхлѣвшей лавы вовсе не одѣлись еще растительностью; по сторонамъ главной горы десятками высятся боковые конусы, настолько высокіе, что ихъ называютъ пиками и горами, при чемъ одинъ изъ нихъ, на юго-западѣ, называемый Монго-ма-Этиндехъ, т. е. «Отдѣльная гора», или Малый Камерунъ, съ нѣкоторыхъ мѣстъ кажется соперникомъ главнаго пика. Во время восхожденія Буртона, одна

Главная улица города Викторіи.

изъ трещинъ большаго кратера свѣтилась; островитяне съ Фернандо-По неоднократно разсказывали о поднимавшемся въ видѣ спиралей дымѣ съ горы боговъ; отблески клокочущей лавы окрашивали въ красный цвѣтъ небо надъ кратеромъ, въ 1868 году. Эта гора Камерунъ, по мнѣнію Буртона и большинства другихъ комментаторовъ, и есть та «колесница боговъ», которую, двадцать пять столѣтій назадъ, видѣли карѳагенецъ Ганнонъ и его спутники, разсказывавшіе о громадномъ пожарѣ, увѣнчивавшемъ вершину. Какъ бы то ни было, внѣшній видъ горы, съ ея второстепенными конусами, при чемъ изъ каждаго изъ нихъ совершались изверженія и исходили потоки лавы, свидѣтельствуетъ о длинномъ рядѣ годовъ дѣятельнаго состоянія горы: весь массивъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ громадный вулканъ, покоющійся на основаніи приблизительно въ двѣ тысячи квадратныхъ километровъ. Отовсюду онъ вполнѣ отдѣленъ: съ юга и съ запада онъ омывается водами, а съ сѣвера и съ востока окруженъ наносными землями. Комберъ, путешествовавшій въ 1878 году, исчисляетъ высоту равнины, простирающейся на сѣверной сторонѣ основанія горы и отдѣляющей ее отъ другихъ возвышенностей континентальнаго рельефа, всего лишь въ триста метровъ [1]). Наклонъ того цоколя, на которомъ покоится Фернандо-По, продолжается правильно къ сѣверу, подъ гору Монго-ма-Лоба.

Лѣсъ, опоясывающій основаніе вулкана, сохраняетъ характеръ тропическаго лѣса вплоть до высоты приблизительно въ двѣ тысячи метровъ. Воздѣлываемыя растенія: кокосовыя деревья, бананы и масличныя пальмы исчезаютъ послѣдовательно, и выше тысячи метровъ—границы обитанія негровъ—ихъ не видно и вовсе; но большія деревья, eriodendron и bombax, поднимаются по склонамъ горы и выше, сплетаясь другъ съ другомъ своими мшистыми и украшенными гирляндами изъ ліанъ вѣтвями. Подъ высокими вѣтвями деревьевъ воздухъ всегда влаженъ и тепелъ, такъ что проходящій подъ ними путешественникъ чувствуетъ себя какъ-бы въ теплицѣ между листвою древовидныхъ папоротниковъ. Вблизи верхней окраины лѣсовъ, деревья по своему наружному виду походятъ на деревья европейскихъ лѣсовъ, съ тою лишь разницею, что гнѣздящіяся на нихъ паразитныя растенія, образуя густую сѣть, сплетаютъ другъ съ другомъ сосѣднія деревья. Такъ какъ лѣсистый поясъ быстро, безъ всякаго перехода, смѣняется луговымъ, то путешественникъ, идущій лѣсомъ, вдругъ попадаетъ въ полосу пробивающагося сквозь листву яркаго солнечнаго свѣта, и взорамъ его открываются поросшіе травой хребты, скалистыя кручи, откосы изъ осыпавшихся обломковъ, вздымающіеся къ конечному пику горы. Выше раздѣльной линіи между поясомъ лѣсовъ и поясомъ низкихъ травъ, путешественникъ встрѣчаетъ деревья только въ хорошо защищенныхъ небольшихъ долинахъ; но здѣсь они уже вообще разсѣяны группами или порознь, на подобіе того, какъ разсаживаются деревья въ паркѣ; затѣмъ, выше двухъ тысячъ метровъ вовсе нѣтъ даже и одиночныхъ деревьевъ. Вблизи вершинъ все голо, какъ-бы сдуто вѣтромъ, и лишь въ прогалинахъ пріютились кое-какія ползучія растенія. Обликъ растеній въ верхнихъ областяхъ такой же, какъ и въ Европѣ; кромѣ того, встрѣчаются нѣкоторыя изъ растительныхъ формъ, свойственныхъ Эѳіопіи и Маскаренскимъ островомъ; но нельзя сказать, чтобы на Камерунѣ,—подобно другимъ высокимъ горамъ тропическаго пояса,—находилась «въ резюмэ вся земная флора»; альпійскія растенія тамъ рѣдки, что, несомнѣнно, зависитъ отъ сравнительной молодости вулкана, образованнаго изъ безчисленныхъ, напластованныхъ другъ надъ другомъ, слоевъ лавы и пепла. Изъ млекопитающихъ животныхъ на высотахъ встрѣчается только одинъ видъ антилопъ; въ лѣсахъ же нижнихъ склоновъ водятся слоны, буйволы, обезьяны и леопарды.

Около верхней границы деревьевъ находятся по отлогостямъ горы также и послѣдніе изъ родниковъ. Источникъ Манна вытекаетъ на высотѣ 2.200 метровъ, недавно открытый источникъ Левина—на высотѣ 2.740 метр. Эта рѣдкость родниковъ удивляла первыхъ путешественниковъ, такъ какъ въ Африкѣ вообще мало такихъ областей, гдѣ бы дожди выпадали въ такомъ изобиліи, какъ на скатахъ Камерунской горы; объясняется же это явленіе ноздреватостью почвы, на которой, какъ и на почвѣ Этны, дождевыя и снѣговыя воды уходятъ немедленно въ глубь и уже не пробиваются снова наружу на склонахъ. Поэтому и санаторіи для европейцевъ могли бы быть устраиваемы только въ тѣхъ рѣдкихъ мѣстахъ, гдѣ таится необходимая для нихъ вода. Одну изъ такихъ оздоравливающихъ станцій уже пытались учредить шведы Вальдау и Кнутсонъ, а послѣ нихъ и миссіонеръ Томсонъ; избранная ими мѣстность находилась около источника Манна, и вокругъ дома былъ разведенъ даже и садъ; однако, продержаться въ этомъ жилищѣ они смогли только нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ оно оказалось выставленнымъ слишкомъ влажнымъ вѣтрамъ, дующимъ съ моря; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что на другихъ склонахъ горы нашлись бы болѣе подходящія мѣстности. Впрочемъ, пребываніе на высокихъ склонахъ Камеруна дѣлаютъ довольно тягостнымъ также и жесто-

[1]) „Proceedings of the Royal Geographical Society", апрѣль, 1879.

кія бури: такъ Комберъ разсказываетъ, что на краю большаго кратера его съ одной стороны пронизывалъ леденящій вѣтеръ, а съ другой—жгло палящее солнце. Съ этихъ высотъ, доминируемыхъ остроконечной горой Альберта (Альбертъ-Пикъ), можно созерцать на громадномъ пространствѣ нижнія террасы, океанъ и побочныя долины. По направленію къ сѣверу Буртонъ видѣлъ на горизонтѣ, какъ ему показалось, другія коническія массы, служащія, быть-можетъ, продолженіемъ того ряда вулкановъ, которые начинаются южнѣе, на Аннобонѣ.

Горы и дѣйствительно существуютъ въ этой области: когда, въ 1885 году, Шварцъ и Кнутсонъ углубились слишкомъ на 120 километровъ внутрь страны, они увидѣли, что сѣверный горизонтъ ограниченъ рядомъ пиковъ, весьма отличающихся другъ отъ друга по формѣ и опоясанныхъ вокругъ своихъ подошвъ лѣсами. Высота этихъ горъ казалась имъ колеблющеюся между 2.500 и 3.000 метровъ; называютъ же ихъ Ба-Фарами, по имени того племени, которое обитаетъ на ихъ склонахъ. Вопросъ о томъ, не вулканическаго ли происхожденія и эти горы, лежащія на продолженіи, къ сѣверо-востоку, той оси, на которой находятся вулканы Камерунъ и Фернандо-По, могутъ разрѣшить лишь будущія изслѣдованія; пока же извѣстно, что въ обширномъ проломѣ между Камеруномъ и Ба-Фарами,—занятымъ широко раскинувшимися равнинами,—во многихъ мѣстахъ нагромождены скалы изъ лавъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эта послѣдняя цѣпь не представляетъ, въ противоположность «горѣ боговъ», островнаго характера; напротивъ того, она покоится на плоскогоріи, южные откосы котораго, около пятаго градуса широты, имѣютъ уже въ высоту 259 метровъ. Къ сѣверо-западу отъ Камеруна возвышается другой массивъ горъ, приблизительно въ 900 метровъ высоты, называемый Румби и господствующій надъ низменными землями, раздѣленными на полуострова побочными устьями Ріо-дель-Рей.

Къ востоку отъ Камерунскаго лимана ни одинъ путешественникъ не проникалъ еще такъ далеко, чтобы видѣть внутри страны другія высокія горы; тѣ же, которыя были усмотрѣны Джонстономъ на сѣверо-западѣ, были, повидимому—судя по мѣстонахожденію и разстоянію—уже упомянутыми выше горами Ба-Фарами.

Что же касается высотъ, лежащихъ къ югу, то онѣ находятся не вдалекѣ отъ берега моря. Первые кряжи показываются къ югу отъ устья Лакундже, приблизительно въ 80 километрахъ къ юго востоку отъ мыса Суелаба; а за этой невысокой цѣпью съ моря виднѣется еще второй рядъ, унизанный конусами и остроконечными пиками. Самая высокая изъ вершинъ въ этой области есть гора, называемая туземцами Муоди, а европейцами Слоновою горою; возвышается она, будучи въ 15 километрахъ отъ берега, всего на 520 метровъ, но, несмотря на то, никто еще не всходилъ на нее до верху. Также не вступала нога бѣлаго и на массивъ, называемый «Перси», на «пикъ Жаворонка» (1.041 метръ) и на горы «Сѣдло» и «Столъ»—хотя всѣ онѣ одинаково находятся въ небольшомъ разстояніи отъ прибрежныхъ факторій. Такъ какъ внѣшнія предгорія, нѣсколько небольшихъ второстепенныхъ цѣпей и господствующія вершины—единственныя высоты, видимыя съ моря, то можно сказать, что орографія этой части африканскаго материка остается пока еще «невѣдомою землею». Въ общемъ же, сообразуясь съ нѣкоторыми показаніями путешественниковъ, большая часть картографовъ считаютъ рельефъ этой области состоящимъ изъ краеваго кряжа, разчленяющагося на нѣсколько параллельныхъ цѣпей, ограничиваемыхъ на востокѣ землями, которыя полого спускаются къ бассейну Конго и которыя въ изобиліи орошаются протекающими тамъ рѣками.

Камерунскій массивъ почти совершенно окруженъ либо морскими, либо рѣчными водами. На западѣ, въ обширный лиманъ, называемый Ріо-дель-Рей, вливается рѣка Мемэ, многочисленные притоки которой зарождаются въ равнинѣ Ба-Кунду, причемъ истоки этихъ притоковъ перемѣшиваются съ истоками рѣки Мунго, которая огибаетъ Камерунскую гору уже съ востока; въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ водораздѣломъ этихъ рѣкъ находится каменистый водоемъ, представляющій озеро, которому Комберъ далъ названіе озера Риккарда, и которое изобилуетъ рыбой; изъ него потокъ воды низвергается каскадомъ, и возможно, что въ дождливый сезонъ, вслѣдствіе переполненія водоема, образуется и другой потокъ, спускающійся по направленію къ Мунго; во всякомъ случаѣ, Вальдау удостовѣрился, что въ сезонъ жаровъ, водоемъ этотъ не имѣетъ истока; тогда воды его мутны, вонючи и негодны для питья. Возможно, что это озеро,—имѣющее въ окружности около десяти километровъ,—было нѣкогда кратеромъ: въ центрѣ бассейна высится дикій, кое-гдѣ одѣтый деревьями, утесъ, представляющій древнюю остроконечную вершину изъ лавы, и служащій нынѣ мѣстонахожденіемъ поселенію Баломби-ба-Котта, имѣющему нѣсколько сотенъ жителей. Будучи защищены отъ внезапнаго нападенія окружающими ихъ громадными пространствами болотистыхъ водъ, эти поселяне каждый день отправляются воздѣлывать свои поля на рѣчныхъ берегахъ, а на ночь возвращаются снова въ свои хижины. По вечерамъ же на деревьяхъ острова рѣзвятся милліоны попугаевъ — птицы, священной въ глазахъ туземцевъ; вѣтви деревьевъ тогда

сплошь усѣяны ими, и въ воздухѣ стоитъ шумъ отъ драки за обладаніе мѣстомъ для насѣста. Утромъ эти птицы тучами снимаются съ деревьевъ и, въ поискахъ за пищею, разлетаются по всевозможнымъ направленіямъ [1]).

Другое озеро, болѣе обширное, расположено въ шестидесяти километрахъ, по направленію къ сѣверо-востоку. Оно называется обыкновенно Баломби-ма-Мбу, или обычнѣе Мбу, а иногда также и «озеромъ слоновъ». Уподобляясь, по формѣ, кратеру вулкана, оно овально, а высокія, огневаго происхожденія, скалы съуживаютъ то тѣсное ущелье, чрезъ которое избытокъ этихъ озерныхъ водъ изливается въ сторону рѣки Мунго. Первое плаваніе по этому озеру совершилъ въ 1883 году Томчекъ. И онъ же, вмѣстѣ съ Рогозинскимъ, за нѣсколько недѣль до этого, поднялся до той же самой широты также и по рѣкѣ Мунго. Въ этомъ мѣстѣ рѣка—верхнія воды которой глубокими ущельями проходятъ сквозь Ба-Фарамійскія горы—достигаетъ берега скалистой террасы и, будучи шириною до тридцати метровъ, низвергается посредствомъ семи послѣдовательныхъ уступовъ съ высоты, въ общемъ равняющейся 20 или 25 метрамъ. Приближаться къ этому водопаду туземцы отваживаются рѣдко, будучи увѣрены, что около него бродятъ злые духи [2]). Во многихъ мѣстахъ сосѣднихъ лѣсовъ, на восточномъ склонѣ бассейна, Рогозинскій встрѣчалъ днища древнихъ болотистыхъ озеръ, нынѣ высохшихъ и замѣчательныхъ своимъ внѣшнимъ видомъ: именно, по выходѣ изъ чащи сплетенныхъ другъ съ другомъ деревьевъ, сразу попадаешь на окраину кругообразныхъ бассейновъ, гдѣ деревья уступили мѣсто высокимъ травамъ; затѣмъ, послѣ труднаго перехода чрезъ это море зелени, разстояніемъ въ одинъ или два километра, снова вступаешь въ темный лѣсъ.

Мунго становится судоходною для лодокъ въ двадцати километрахъ книзу отъ водопада. Въ этомъ мѣстѣ, рѣка, шириною въ 80 метровъ, равномѣрно течетъ по песочному дну, межь большихъ деревьевъ, свѣсившихъ свои вѣтви съ крутыхъ береговъ. На протяженіи всего нижняго теченія, длиною приблизительно около 120 километровъ, Мунго имѣетъ до нѣкоторой степени опасные подводные камни только въ одной мѣстности; повсюду глубина ея не менѣе полу-метра, и обыкновенно она достаточна для того, чтобы слоны могли пройти въ бродъ, погрузившись въ воду по самыя уши, которыя они, въ видѣ опахала, выставляютъ надъ водой. Однако, рѣка эта непосредственно не втекаетъ въ море. Еще вдалекѣ отъ него, она широко расплывается по илистымъ наносамъ, скопляющимся около корней ризофоръ. Архипелагъ необитаемыхъ островковъ тянется вдоль морскаго берега, который перерѣзанъ безчисленными извилистыми потоками, наполненными грязною, съ полосками пѣны, водою. Самый широкій изъ потоковъ-каналовъ, называемый «рѣкою Бимбіею»,—потому что онъ ведетъ къ факторіи этого имени,—направляется къ юго-западу и, омывъ подошву цѣпи лѣсистыхъ холмовъ, соединяется съ океаномъ посредствомъ широкой и глубокой гавани, въ которую могутъ проникать самыя большія суда. Въ южномъ и юго-восточномъ направленіи открываются другіе каналы-протоки, не практикуемые судами; главный потокъ, за которымъ сохранилось наименованіе Мунго, дѣлаетъ поворотъ къ востоку и вливается не въ море, а въ лиманъ рѣки Камерунъ, выше бара (мелководія предъ входомъ въ рѣку или въ гавань). Такимъ образомъ, Мунго находится къ переходномъ состояніи; нѣкогда она изливалась непосредственно въ море, нынѣ же, вслѣдствіе увеличенія поверхности материка, происшедшаго отъ отложенія ила, приносимаго мутными водами, превратилась въ простой притокъ другой, болѣе значительной рѣки.

Рѣка Камерунъ (Rio-dos-Camaraos, или «рѣка Креветокъ»), средній между нѣсколькими сливающимися во-едино потоками, еще не была обслѣдована на столь же значительной длинѣ ея теченія, какъ Мунго. Джонстонъ, восходившій на Килиманджаро, поднимался, въ 1886 году, по рѣкѣ Камерунъ на сотню километровъ отъ начала бара, довольно далеко, слѣдовательно, отъ пляжей, покрытыхъ корнепусками (rhizophorae). Въ этомъ мѣстѣ, Камерунская рѣка, извѣстная подъ именемъ Вури, течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, между гнейсовыми скалами, и только-что спустилась водопадомъ съ тѣхъ внутреннихъ террасъ, которыя, въ этой области Африки, повидимому, образуютъ какъ бы лѣстницу, ведущую къ окружности континента. Въ нижнемъ своемъ теченіи, Вури сначала дѣлится на два рукава, обходящіе съ обѣихъ сторонъ большой островъ; затѣмъ принимаетъ въ себя съ сѣвера рѣку Або или Абіянгъ, истоки которой находятся недалеко отъ мѣста низверженія Мунго. Вплоть до самаго сліянія Вури съ Або ощутителенъ морской приливъ, а далѣе книзу рѣка постепенно преобразуется въ лиманъ. По берегамъ же ея, лѣсныя деревья смѣняются панданами, пальмами raphia, тростниковыми растеніями, а затѣмъ начинаются корнепуски, свѣшивающіе свои густыя вѣтви на тѣ наносы ила и тины, которые дважды въ день покрываются водою на два или на три метра; наконецъ, лиманвступаетъ въ широкій внѣшній, т. е. соединяющійся съ моремъ, заливъ, въ который, на подобіе аллей, изливается множество другихъ рѣчекъ: такъ, съ сѣвера и съ сѣверо-запада несутся воды тѣхъ протоковъ дельты, которые

[1]) „Deutsche Geographische Blätter", 1886. I.
[2]) Rogozinski, „Petermann's Mittheilungen", IV, 1884.

сообщаются съ Мунго; на востокѣ, извилистые каналы-протоки соединяютъ заливъ съ рѣкою Лунгази; на юго-востокѣ, дельта Донга и рѣчка Куа-куа проникаютъ внутрь земель, а на югѣ протокъ Молимба отсѣкаетъ лѣсистый островъ того же имени, нѣкогда уступленный французскимъ мореплавателямъ его жителями, называющимися тоже молимба. Впереди этого залива, командующаго надъ входами въ многочисленныя рѣчныя устья, выдаются два низкихъ мыса: на сѣверо-западѣ—мысъ Камерунъ, окруженный песчаными мелями, а на юго-востокѣ—мысъ Суеллаба, своею удлиненностью походящій на наконечникъ копья. Самое близкое разстояніе между этими двумя низменными мысами, во время прилива, равняется приблизительно двѣнадцати километрамъ.

Камни-фетиши на берегу Огуэ.

Къ югу отъ Камерунскаго залива, между

нимъ и мысомъ Сенъ-Жанъ, изливаются въ море также многія другія рѣки, между которыми есть и такія, которыя по массѣ своихъ водъ не уступятъ Мунго и Вури. При этомъ, всѣ эти потоки сходны другъ съ другомъ въ томъ отношеніи, что русло ихъ еще не установилось: именно, на различномъ разстояніи отъ моря ихъ прерываютъ водопады, низвергающіеся съ окраинъ первой континентальной террасы, въ которой эта стекающая вода еще не успѣла промыть для себя углубленіе. Устья этихъ рѣкъ также представляютъ одно постоянное явленіе: всѣ они замаскированы покрытымъ корнепусками выступомъ наносной земли; выступъ этотъ протянулся съ юга на сѣверъ и заставляетъ отклоняться въ томъ же направленіи и рѣку; очевидно, причину такого удлиненія берега въ направленіи къ сѣверу слѣдуетъ искать во вліяніи прибрежнаго морскаго теченія [1]). Наиболѣе сѣверная изъ рѣкъ этой части берега есть Эдея, по которой судно даже съ килемъ болѣе одного метра можетъ плавать на протяженіи 56 километровъ отъ поморья [2]); рѣка эта сообщается посредствомъ боковыхъ притоковъ съ Молимба и Куа-куа, т. е. съ Камерунскимъ заливомъ, а посредствомъ своего раздвоеннаго устья—съ моремъ. Затѣмъ слѣдуетъ Моанія, т. е. «Большая вода», по которой до водопада, находящагося въ 40 километрахъ отъ ея устья, первымъ поднялся Целлеръ. Эта рѣка, имѣя въ ширину 150, а въ глубину отъ 4 до 8 метровъ, судоходна на протяженіи всего нижняго теченія, и небольшіе пароходы, поддерживаемые волнами прилива, могли бы доходить до подошвы пяти гранитныхъ островковъ, оставшихся среди водопада. Во время посѣщенія рѣки упомянутымъ нѣмецкимъ изслѣдователемъ, въ серединѣ сухаго сезона, водопадъ, низвергаясь тремя послѣдовательными прыжками, въ общемъ имѣлъ около десяти метровъ высоты; въ дождливое же время года, форма каскада должна быть совершенно иная, такъ какъ уровень водъ поднимается тогда на нѣсколько метровъ и оба берега затопляются на большое разстояніе. По словамъ туземцевъ, Моанія судоходна кверху отъ водопада на всемъ томъ ея протяженіи, которое нынѣ извѣстно; однако, этимъ путемъ передвиженія жители пользуются очень рѣдко.

Другой потокъ Камеруна еще болѣе славится въ странѣ, за красоту его водопада: это—Лобэ, или «Большая Ба-Танга» мореплавателей,—небольшая рѣка, какъ кажется, питаемая преимущественно избыткомъ дождей, выпадающихъ на Слоновую гору. Водопадъ этотъ виденъ даже съ моря, и мореплавателямъ онъ представляется какъ бы серебряною нитью. Вблизи же, это широкая поверхность воды, низвергающаяся одною цѣльною струею съ высоты 15 метровъ, при чемъ изъ нѣдръ клокочущихъ водъ выдвигаются два гранитныхъ утеса, съ деревомъ и сотнею кустовъ на вершинѣ одного изъ нихъ; въ 700 метрахъ ниже, рѣка впадаетъ въ море между двумя песчаными мелями, по которымъ разбросаны гранитные камни [1]).

Германская территорія Камерунъ—съ исключеніемъ «горы Боговъ», составляющей особый мірокъ—отличается отъ Невольничьяго берега и низменныхъ земель Нигера лишь оттѣнками въ отношеніи климата, флоры и фауны. Подобно сосѣднимъ областямъ тропическаго пояса, дожди выпадаютъ въ изобиліи въ то время года, когда въ сѣверномъ полушаріи бываетъ лѣто, когда землю освѣщаютъ вертикальные лучи солнца; при этомъ, будучи сильными уже въ маѣ, ливни увеличиваются въ іюлѣ и въ августѣ, а къ концу сентября обыкновенно прекращаются. Порывистый вѣтеръ, такъ называемый торнадо, часто бываетъ въ ноябрѣ: но съ особенной яростью,—хотя и не съ такой силой, какъ циклоны,—онъ дуетъ въ апрѣлѣ и въ маѣ, въ періодъ смѣны одного времени года другимъ. Пары образуются въ такомъ изобиліи, что, даже съ берега моря, у подошвы вулкана, вершину можно бываетъ разглядѣть только утромъ и вечеромъ, если, впрочемъ, не дуетъ такъ называемый харматанъ, т. е. сухой сѣверо-восточный вѣтеръ.

Столь же сильно нагрѣваемый солнечными лучами и въ такомъ же изобиліи орошаемый, какъ и находящаяся западнѣе прибрежная область,—Камерунскій край представляетъ ту же самородную растительность: это корнепуски—на приморскихъ болотистыхъ пространствахъ, панданы и пальмы raphia—на незатопляемыхъ низменныхъ земляхъ, а выше—лѣса изъ высокихъ деревьевъ, сплетенныхъ въ одну волнующуюся массу сѣтями ліанъ. Равнымъ образомъ и негры воздѣлываютъ тѣ же самые роды древесныхъ и травянистыхъ растеній какъ-то: пальмы кокосовыя, масличныя и винныя, бананы, инъямы, арахиды (земляные фисташковые орѣхи), пататы, маніокъ, и въ особенности colocasia (caladium esculentum, arum acaute, и т. д.), одно изъ клещевинныхъ растеній (aroideae), которое называютъ «коко» въ камерунскихъ поселеніяхъ, и которое не что иное, какъ таро океанійцевъ.

Хотя область эта пока еще была посѣщена лишь небольшимъ числомъ естествоиспытателей, да и тѣ не переступали за черту приморской полосы, тѣмъ не менѣе извѣстно, что фауна Камеруна весьма богата. Такъ, на берегахъ Або, Бухгольцъ нашелъ около сорока видовъ

[1]) Hugo Zöller, упом. соч.

[2]) George Grenfell, „Proceedings of the Royal Geographical Society“, 1882.

[1]) Hugo Zöller, упом. соч. — Langhans, „Petermann's Mittheilungen“. 1887, тетр III.

змѣй и ящерицъ какъ ядовитыхъ, такъ и безвредныхъ; правда, что для того, чтобы собрать столь великолѣпную зоологическую жатву, у него былъ опытный «заклинатель», который, посредствомъ мелодичныхъ и часто повторяемыхъ подсвистываній, умѣлъ вызывать упомянутыхъ пресмыкающихся изъ ихъ норокъ [1]). Этотъ же германскій естествоиспытатель нашелъ въ Камерунѣ и новые виды черепахъ, хамелеоновъ, лягушекъ, жабъ и рыбъ. Доказано также, что какъ рѣка Камерунъ, такъ и сосѣдніе лиманы, періодически, чрезъ четыре года, переполняются въ августѣ или въ сентябрѣ маленькими желтоватыми креветками (принадлежащими къ tha'assina), прежде неизвѣстными для зоологовъ: вслѣдствіе изобилія этихъ рачковъ, ихъ собираютъ корзинами. Во время охоты за ними, которая, смотря по числу образовавшихся отмелей, длится отъ трехъ до пятнадцати дней, всѣ другія работы прерываются; даже между селеніями, ведущими междоусобную войну, наступаетъ перемиріе, и живущіе по берегамъ жители становятся друзьями. Эти-то креветки, которыхъ коптятъ милліардами для отсылки внутрь страны, жителямъ плоскогорій, вѣроятно, и дали поводъ для наименованія главной рѣки края по ихъ имени. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Камеруна чрезвычайно богатъ также и міръ насѣкомыхъ; часто бабочекъ бываетъ такъ много, что въ воздухѣ стоитъ какъ-бы густой туманъ, а жуки усѣеваютъ почву рубинами и изумрудами. Одинъ изъ видовъ glossinae,— почти не отличающійся отъ настоящей мухи цеце, — жужжитъ около людей и животныхъ; но уколъ этого насѣкомаго, не влекущій за собою никакой опасности, даже не очень болѣзненъ. Пауки представлены лишь весьма малымъ числомъ видовъ, и это тѣмъ удивительнѣе, что здѣсь они могли бы найти для себя обильную пищу.

Большія млекопитающія мало-по-малу удаляются отъ приморскаго берега, уже часто посѣщаемаго бѣлыми, съ ихъ мѣткими ружьями и разрывными пулями. Ламантины стали рѣдки въ лиманахъ; обезьяны еще многочисленны въ прибрежныхъ лѣсахъ, но пока еще ни одинъ натуралистъ не встрѣчалъ тамъ ни шимпанзе, ни гориллъ, хотя, по словамъ миссіонеровъ, эти породы обезьянъ не подвергались истребленію. Что касается слоновъ, то нѣкоторые изъ запоздавшихъ изъ нихъ еще остались вблизи моря; но чтобы проникнуть въ ту область, гдѣ они еще водятся массами, слѣдуетъ подняться по Мунго уже на сотню километровъ: тамъ эти представители древней фауны на нѣкоторое время все еще остаются властелинами лѣсовъ. Комберъ, Рогозинскій, и Томчекъ разсказываютъ объ опасностяхъ, которымъ они подвергались, желая незамѣтно проскользнуть между стадами слоновъ, и какъ имъ часто приходилось измѣнять направленіе своего пути, чтобы не пересѣчь дороги, проторенной слонами. Въ равнинахъ, пересѣкаемыхъ Мунго, туземцы не осмѣливаются охотиться за этимъ животнымъ, которое, при видѣ человѣка, приходитъ въ ярость; но, разсказываютъ, будто-бы, горцы съ Ба-Фарами не опасаются, собравшись въ весьма большомъ числѣ, нападать на слона, и хотя часто они теряютъ по нѣсколько человѣкъ, но, въ концѣ концовъ, животное, подвергшись тысячѣ пораненій пулями, дротиками и копьями, становится добычею нападающихъ [1]). Защищаются Камерунскіе слоны довольно толстыми, темно-коричневыми бивнями [2]). При извѣстныхъ обстоятельствахъ и, быть-можетъ, въ случаѣ болѣзни слонъ можетъ освобождаться отъ этихъ своихъ огромныхъ клыковъ, подобно тому, какъ олень сбрасываетъ свои рога; по крайней мѣрѣ такъ говорятъ купцы, которые также увѣряютъ, будто-бы, судя по вѣсу бивня, можно распознать: былъ ли слонъ здоровъ или боленъ [3]).

Почти всѣ туземцы территоріи, принадлежащей Германіи, причисляются этнологами къ неграмъ банту, т. е. относятся ими къ семейству южно-африканскихъ народовъ, типическими представителями которыхъ являются кафры. Только къ сѣверо-западу отъ Камерунской горы, племена, родственныя племенамъ Стараго Калабара и тоже говорящіе на языкѣ, называемомъ эфикъ, занимаютъ часть областей, простирающихся по лѣвому берегу Мэмэ, главнаго притока Ріо-дель-Рей. Помимо этихъ народцевъ—которые исчисляются приблизительно въ 20 тысячъ человѣкъ [4])—въ обслѣдованной доселѣ европейцами Камерунской области не знаютъ другихъ, говорящихъ на такихъ негритянскихъ нарѣчіяхъ, которыя представляли бы нѣкоторое сходство съ говорами, слышимими вдоль Нигера. Правда, что научное изслѣдованіе этой территоріи едва началось, и что изъ племенъ, проживающихъ внутри ея, многія извѣстны только по имени. Поэтому опредѣленіе границъ глоссологическихъ областей можетъ быть дѣлаемо лишь предположительно. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что весь приморскій берегъ—за исключеніемъ болотистыхъ или очень сырыхъ земель, вслѣдствіе нездоровости климата необитаемыхъ—населенъ сравнительно цивилизованными туземцами, говорящими на нарѣчіяхъ, родственныхъ съ тѣми, которыя господствуютъ во всей южной Африкѣ; однако, нужно замѣтить, что сходство языковъ вовсе не предпо-

[1]) Reinhold Buchholz, „Reisen in West-Afrika".

[1]) Bernhard Schwarz, упом. соч.
[2]) Westendorp, „Ausland", 12 дек. 1885.
[3]) Hugo Zöller, упом. соч.
[4]) Koss, „United Presbyterian Mission Record", авг. сент. 1877.

лагаетъ общности происхожденія самыхъ племенъ. Отъ устьевъ Нигера до Камеруна и до Моаніи, переходы въ обликѣ жителей почти нечувствительны. Черты и окраска кожи однѣ и тѣ же; что же касается до достоинства, съ которымъ они держатъ себя, то оно зависитъ не отъ расы или языка, а отъ степени свободы, которою данное племя пользуется.

Если бы нужно было подыскать коллективное названіе для жителей этой территоріи, то имъ можно было бы просто дать имя камерунскихъ банту, такъ какъ ни одно изъ обитающихъ тамъ племенъ не оказывается ни настолько многочисленнымъ, ни настолько могущественнымъ, чтобы его можно было разсматривать какъ націю-представительницу; при томъ же многія изъ нихъ представляютъ большія отличія другъ отъ друга. Главныя племена суть слѣдующія: ба-кишъ, или «люди» земли Кишъ, на лѣвомъ берегу Мэмэ; ба-фарами, при подошвѣ и въ долинахъ горъ того же имени; ба-кунду, въ равнинахъ, простирающихся къ сѣверу отъ «Горы Боговъ»; бамбуку, на западномъ склонѣ того же массива; ба-купри и изубу, на югѣ, около бухты Амбаской; ба-лонгъ и муфунду, на Мунго; дуалла, або, вури, будиманъ, въ предѣлахъ бассейна рѣки Камерунъ и, южнѣе, басса, ба-коко, баноко, ба-пуко и ибея. Многія изъ этихъ племенъ воюютъ между собою и, вслѣдствіе взаимной боязни, между ихъ селеніями остаются необитаемыя полосы, посѣщеніе которыхъ не безопасно.

Наиболѣе извѣстно, въ западной части территоріи, племя ба-купри, которое владѣетъ селеніями въ сосѣдствѣ съ факторіями Викторія и Бимбія, и черезъ землю котораго нужно пройти для восхожденія на «Гору Боговъ»; европейцы часто проживали у этихъ туземцевъ мѣсяцами и годами. По собственному ихъ преданію, ба-купри пришли съ востока, увлекаемые тѣмъ общимъ стремленіемъ къ переселенію, которое побуждаетъ народы материка направляться, слѣдуя движенію солнца, съ востока на западъ. «Люди кустовъ»—таково значеніе ихъ наименованія—вообще ростомъ нѣсколько выше своихъ сосѣдей, жителей равнинъ, но въ особенности велика разница у нихъ между обоими полами, такъ какъ большая часть женщинъ замѣчательно малорослы; цвѣтомъ же кожи онѣ свѣтлѣе своихъ сосѣдокъ. Бакупри, раздѣленные, по числу своихъ селеній, на шестьдесятъ общинъ,—смѣлые охотники и мужественные воины [1]). Они обладаютъ живымъ умомъ и въ своихъ совѣщательныхъ собраніяхъ, — предсѣдательствуемыхъ отвѣтственнымъ старшиною, называемымъ «королемъ», и состоящихъ изъ всѣхъ женатыхъ мужчинъ,— бакупри выказываютъ истинный ораторскій талантъ страстностью рѣчи, мѣткостью и картинностью образовъ, удачнымъ выборомъ выраженій. Въ вечерніе отдыхи, они импровизируютъ разсказы и пѣсни, при чемъ отличаются своимъ музыкальнымъ вкусомъ; ихъ тріо пріятны даже и для уха европейца [1]). Выраженіе ихъ отеческой или сыновней любви трогательно, и разсказываютъ даже о случаяхъ помѣшательства и самоубійства, вызванныхъ потерею ребенка. Затѣмъ, у ба-купри чувство взаимной общности интересовъ не ограничивается своимъ семействомъ. Охотникъ изъ племени, принеся дичь, никогда не преминетъ подѣлиться ею и съ своими сосѣдями; бутылка водки, данная носильщику, тотчасъ же распивается сообща всѣмъ обществомъ. Когда старѣйшины налагаютъ на кого-нибудь штрафъ и наказанный не въ состояніи его уплатить, то друзья складываются и этимъ предотвращаютъ изгнаніе бѣдняка изъ племени. Но въ случаяхъ убійства, вольнаго или невольнаго, обычай неумолимъ. «Кровь за кровь!»—таковъ законъ въ странѣ «кустовъ». До объявленія шведскими поселенцами приказа туземцамъ жить въ мирѣ, между многими селеніями происходили безпрестанныя войны, если—что, впрочемъ, бывало рѣдко, — обиженное село не удовлетворялось вознагражденіемъ, въ видѣ извѣстнаго количества скота. Часто путешественники и торговцы должны бывали дѣлать большіе обходы, такъ какъ ихъ носильщики не могли, вслѣдствіе междоусобій деревень, проходить по той или другой мѣстности.

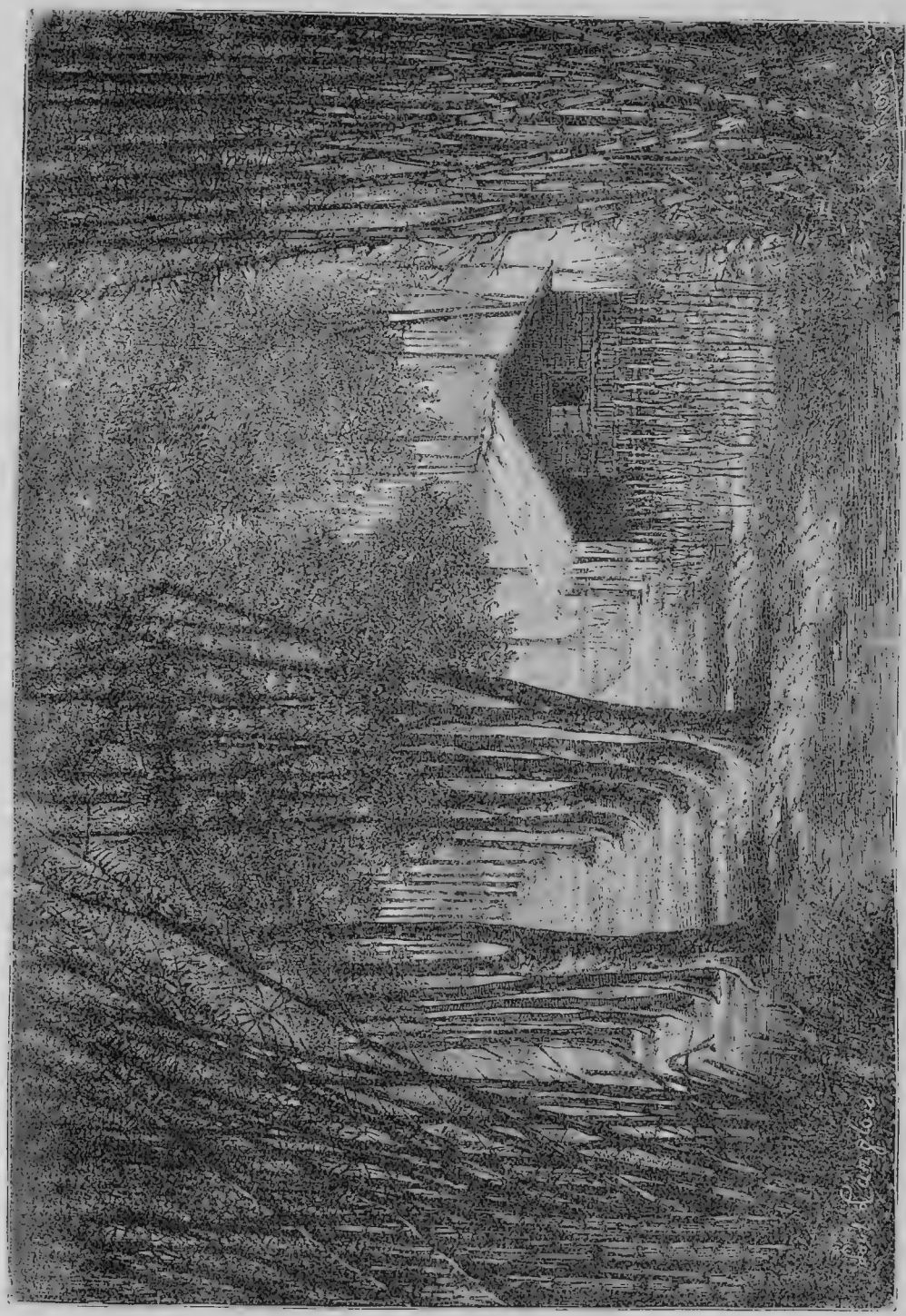
Колдовство влечетъ, однако, къ еще большему взаимному истребленію, чѣмъ кровавая месть: обвиненія въ чародѣйствѣ, возбуждаемыя фетишерами противъ безплодной женщины, или, всего чаще, противъ личнаго врага, прежде бывали весьма часты; на цѣлыя территоріи налагалось табу, и жители бывали принуждены покидать свои села; островъ Амбасъ, въ небольшомъ заливѣ того же имени, около Викторіи, обратился въ совершенную пустыню, такъ какъ большинство его жителей отравили другъ друга, а послѣдніе, оставшіеся въ живыхъ, сами покинули островъ, изъ боязни того воздуха, которымъ они дышали, и того моря, которое ихъ окружало; благодаря продѣлкамъ и мщенію чародѣевъ, племя изубу, проживавшее на южномъ склонѣ горы, было почти совершенно истреблено [2]). Жизнь каждаго изъ ми-купри напередъ урегулирована предписаніями чародѣевъ. Такъ, ни одинъ изъ начальниковъ не могъ бы, подъ опасеніемъ смертной казни, спуститься къ морю. Тѣ или другія мясныя блюда и плоды воспрещены ему—подъ опасеніемъ дурнаго рока либо собственнымъ

[1]) Rogozinski, „Bulletin de la Société de Géogradhie de Paris“, 1885.

[1]) Bernhard Schwarz, упом. соч.

[2]) Saker; — Cust, „Modern Languages of Africa“;— Hugo Zöller, упом. соч.

его отцомъ, либо фетишеромъ. Ни одна женщина не должна ѣсть яицъ или домашней птицы. Во многихъ мѣстностяхъ баранина можетъ быть употребляема въ пищу только въ праздничные дни: ѣсть ее въ будни значитъ совершать преступленіе, наказуемое смертью. Когда европейцы впервые проникли въ страну, то каждая брошенная ими бумажка считалась предметомъ, сулящимъ несчастіе, и ее торжественно возвращали съ просьбою не заграждать болѣе дорогъ такими чародѣйствами [1]). Клятва, произнесенная надъ книгою, считается самой страшной, въ особенности если это Библія, указанная миссіонерами туземцамъ, какъ «самая важная изъ всѣхъ книгъ» [2]). Обрѣзаніе



Хижина племени мпонгуэ.

[1]) Buchholz, упом. соч.

[2]) Valhau, „Deutsche geographische Blätter“, т. IX, тетр. 1, 1886.

совершается у мо-купри точно такимъ же образомъ, какъ и у большей части негровъ-язычниковъ въ Западной Африкѣ. Мертвые, какъ и у племенъ Нижняго Нигера, погребаются въ ихъ хижинахъ, и во время траура женщины обязаны, въ знакъ печали, прогуливаться нагими. Религія, не выражаясь въ опредѣленныхъ догматахъ, въ сущности есть культъ предковъ. Въ случаѣ смерти короля, ему, по обычаю, приносятъ въ жертву одного изъ плѣнныхъ, и въ прежнее время трупъ этого плѣнника дѣлился, для похоронной трапезы, между мертвецомъ и живыми. Боги, добрые и злые, господствуютъ на землѣ; богъ лѣсовъ и богъ горъ считаются особенно грозными. Для горцевъ Камеруна, «мѣстопребываніе бога»—то же самое, что самъ богъ: «полу-камень, полу-человѣкъ», онъ облекается въ бѣлую одежду, въ снѣгъ вершинъ, каждый разъ, когда для вѣрующихъ въ него пріуготовляется какое-либо важное, сулящее счастье или несчастье, событіе.

Какъ это замѣчается въ большинствѣ областей африканскаго поморья, наиболѣе цивилизованныя племена Камеруна — не тѣ, которыя обитаютъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ берега. Эти прибрежные народцы по большей части состоятъ изъ разсѣянныхъ и обѣднѣвшихъ бѣглецовъ, потерявшихъ, при своемъ переселеніи, часть своей первобытной культуры и приходившихъ затѣмъ въ соприкосновеніе съ европейскими матросами и торговцами, которые развратили ихъ своими пороками и отравили своею водкою. Западный склонъ горы, принадлежащій племени ба-мбуку, почти необитаемъ; но на сѣверѣ, ба-кунду, занимающіе большую часть равнинъ и террасъ, расположенныхъ между Камерунскимъ массивомъ и горами Ба-Фарами, весьма многочисленны; по своимъ промысламъ, они значительно превосходятъ ба-купри, хотя отъ природы въ умственномъ отношеніи и не кажутся выше ихъ. Физически они отличаются выдающеюся нижнею губою. Ихъ хижины—не простыя плетенки изъ вѣтвей или тростника, какъ въ приморскихъ поселеніяхъ, но настоящіе, построенные изъ камня и тщательно обмазанные, дома; нѣкоторые дома даже разрисованы грубыми фресками, изображающими животныхъ или людей. «Дворцы» королей украшены изваянными фетишами; но особенно проявляютъ свой талантъ ба-кундскіе артисты въ украшеніи тѣхъ зданій, въ которыхъ собираются представители племени, и которые, кромѣ того, служатъ бойнями [1]). Воинъ, убившій врага, женщина, родившая сына, выкрашиваютъ себя въ красный цвѣтъ, для засвидѣтельствованія своей славы предъ всѣми. Предметы изъ плетенія, цыновки и корзины, дѣлаются съ большимъ искусствомъ и вкусомъ, и умѣло окрашиваются въ различные яркіе и прочные цвѣта. Будучи весьма искусными дубильщиками, ба-кунду приготовляютъ замѣчательно мягкія кожи. Главное занятіе жителей—плетенье сѣтей и витье веревокъ, при помощи которыхъ они окружаютъ обширныя пространства въ лѣсу, чтобы запереть дичь, загоняемую загонщиками; когда животныя ослабѣютъ отъ голода, ихъ атакуютъ охотники, вооруженные ружьями, дротиками и ножами.

Многими своими обычаями ба-кунду приближаются къ племенамъ, населяющимъ внутренность Африки: такъ, въ знакъ добраго расположенія, они предлагаютъ своимъ гостямъ орѣхи кола [1]). Къ тому же они состоятъ въ частыхъ сношеніяхъ съ сѣверными племенами, а чрезъ эти племена знакомы съ арабами и фулами. Почти всѣ ихъ рабы покупаются по другую сторону горъ Ба-Фарами: въ среднемъ, болѣе высокіе и сильные, чѣмъ ихъ владѣльцы, а также болѣе храбрые и равные имъ по уму, эти невольные эмигранты оказываются слугами только по имени: они скорѣе колонисты-дольники, чѣмъ рабы, хотя владѣльцы все-таки считаются сохраняющими относительно ихъ право жизни и смерти. Эти рабы не живутъ въ однихъ и тѣхъ же городахъ съ ба-кунду, такъ какъ ихъ владѣльцы не безъ основанія опасаются, чтобы рабы не стали вскорѣ предписывать имъ законы; населяемыя же рабами деревни, или батанга, разсѣяны по плантаціямъ въ лѣсу, которыя почти всѣ столь же тщательно обработаны, какъ хорошіе сады въ Европѣ [2]). Независимость ихъ общинъ полная, и во многихъ мѣстахъ они совершенно освободились отъ всякаго поземельнаго оброка. Многія изъ невольничьихъ деревень образуютъ самостоятельныя республики, имѣя своихъ начальниковъ и свои совѣщательныя представительства; и случается, что въ важныхъ дѣлахъ, уполномоченные рабовъ, на равныхъ правахъ, засѣдаютъ съ своими мнимыми властелинами, съ ба-кунду. По словамъ миссіонера Ричардсона, много лѣтъ прожившаго въ этой странѣ, можно ожидать перехода политической власти къ «рабамъ»; вмѣстѣ съ этимъ возможно также, что и господствующимъ языкомъ перестанетъ быть нарѣчіе банту, такъ какъ между собою колонисты говорятъ на языкѣ нигриційскаго происхожденія.

Власть фетишеровъ почти не менѣе сильна у ба-кунду, чѣмъ у ба-купри. Ѣсть цыпленка запрещено подъ страхомъ смерти: одинъ молодой человѣкъ, провинившійся въ томъ, что ѣлъ его за столомъ у миссіонера, былъ самъ

[1]) Bernhard Schwarz, уп. соч.

[1]) Rogozinski, „Petermann's Mittheilungen", 1884, т-тр. IV.

[2]) Valdau, упом. соч.

съѣденъ своими сотоварищами. Видъ ночной совы сулитъ большія бѣды, и когда эта птица сядетъ на какомъ-нибудь домѣ, женщины бросаются съ мольбами къ ней избрать себѣ другой насѣстъ. Туземцы эти страшатся привидѣній, въ особенности привидѣній враговъ и, безъ сомнѣнія, приписываютъ имъ вкусы вампировъ, такъ какъ въ случаѣ смерти мо-кунду, ему вырываютъ двѣ могилы, одну въ его хижинѣ, а другую въ лѣсу, съ цѣлью сбить съ толку злыхъ духовъ и не дать имъ возможности узнать, гдѣ погребенъ трупъ; однако эта предосторожность оказывается, повидимому, недостаточною, такъ какъ, по минованіи извѣстнаго времени, трупъ вырываютъ и переносятъ въ отдаленный гротъ. Церемоніи похоронъ становятся въ особенности таинственными, когда приходится скрыть трупъ короля или одного изъ членовъ тѣхъ тайныхъ обществъ, которыя почти у всѣхъ африканскихъ племенъ косвенно властвуютъ посредствомъ террора. Случается, однако, что страхъ передъ злыми духами въ концѣ концовъ перевѣшивается тщеславіемъ королей: такъ, во многихъ мѣстахъ страны, населенной племенемъ кунду, находятъ могильные курганы, прочно облицованные камнемъ по окружности и покрытые сѣтями изъ сплетенныхъ травъ; предполагается, вѣроятно, что эти препятствія должны предотвратить ночное посѣщеніе привидѣній.

Къ востоку отъ ба-кунду живутъ ба-лонги, на берегахъ Мунго, и або на берегахъ Ябіанга: оба эти племени ревностно соперничаютъ другъ съ другомъ въ качествѣ судовщиковъ и торговцевъ. Впрочемъ, ба-лонги изъ всѣхъ народовъ Камерунскаго края менѣе всего увлекаются стремленіемъ къ личной наживѣ: доходы каждаго изъ нихъ суть въ то же время доходы общины. Нѣкоторыя изъ ихъ жилищъ настолько велики, что могутъ укрыть населеніе цѣлой деревни: въ нихъ проживаютъ вмѣстѣ до пятисотъ лицъ; для совмѣстнаго проживанія въ одномъ большомъ помѣщеніи собираются также и меньшія группы, семействъ въ десять. Напротивъ, або проживаютъ отдѣльными семействами, каждое въ своей хижинѣ, достаточно удаленной отъ другихъ; при этомъ, даже въ селеніяхъ на низинахъ, хижины возводятся на искусственныхъ холмикахъ и окружаются каналами, въ которыхъ и собираются воды при наводненіи; во время половодій каждый домикъ представляется отдѣльнымъ островкомъ [1]).

Изъ всѣхъ народовъ-банту Каммерунской территоріи наиболѣе извѣстенъ — благодаря положенію своихъ поселеній на берегахъ лимана и постояннымъ торговымъ сношеніямъ съ нѣмцами и англичанами — народъ, называемый дуалла. Численность этого племени, по Нахтигалю и Цёллеру, равняется 28 тысячамъ; по своему же типу оно изъ всѣхъ негритянскихъ племенъ Камеруна наиболѣе приближается къ типу европейцевъ и семитовъ, хотя цвѣтъ его кожи столь же теменъ, какъ и у сосѣднихъ племенъ. Женщины покрываютъ свое тѣло рисунками, но мужчины татуируютъ себѣ только лицо, да и то весьма осторожно, проводя лишь нѣсколько геометрическихъ линій; есть, впрочемъ, и такіе, у которыхъ на лицѣ нѣтъ ни одного значка [1]). Здѣсь слѣдуетъ, кстати, замѣтить, что у большинства племенъ, въ особенности же у племени молимба, и мужчины, и женщины имѣютъ привычку вытаскивать себѣ рѣсницы [2]). Дуалла прекраснаго тѣлосложенія, а развитіе ихъ икръ доказываетъ, какъ ошибоченъ взглядъ тѣхъ писателей, которые въ этой анатомической чертѣ видятъ характеристическій расовый признакъ для западныхъ арійцевъ. Дѣти растутъ быстро, и въ возрастѣ девяти или десяти лѣтъ это уже маленькіе мужчины, которые женятся и продаютъ свое пальмовое масло, какъ настоящіе торговцы. Ни въ одной странѣ Африкѣ женщины не считаются столь общепринято простыми предметами торговли, какъ здѣсь. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія, маленькая дѣвочка бываетъ уже продана какому-нибудь богачу, который воспитываетъ ее съ цѣлью либо превратить ее впослѣдствіи въ свою жену, либо уступить кому-либо другому; такимъ образомъ, каждый король можетъ торговать цѣлыми сотнями своихъ подданныхъ женскаго пола, которыя въ то же время составляютъ также его движимую собственность. Даже разбогатѣвшіе рабы бываютъ иногда владѣльцами многочисленнаго гарема, содержимаго въ большомъ подчиненіи. Но женщины, съ виду лишенныя всякихъ правъ, рабыни, которыхъ можно обмѣнивать и продавать, умѣютъ—благодаря взаимной поддержкѣ—добиваться, въ важныхъ случаяхъ, нѣкоторой свободы. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всѣ женщины племени акуа ушли въ отдаленную деревню, отказываясь, если имъ не будетъ воздана справедливость, возвратиться въ дома своихъ мужей [3]). Дѣтей у женщинъ обыкновенно бываетъ мало, двое или самое большое трое, и свободное населеніе возрастаетъ медленно; наибольшую часть жителей въ странѣ составляютъ рабы. Дуалла весьма ревниво охраняютъ чистоту своей крови, и еще недавно они убивали мулатовъ, какъ какихъ-нибудь уродовъ, безчестящихъ племя своимъ оттѣнкомъ кожи [4]).

[1]) Grenfell, „Proceedings of the Royal Geographical Society", 1882.

[1]) Carl Passavant, „Craniologische Untersuchung der Neger und der Negervölker".

[2]) Buchholz, „Reisen in West-Africa". — Rabenhorst, „Ausland".

[3]) Pauli, „Petermann's Mittheilungen", 1885, тетр. I.

[4]) Hugo Zöller, упом. соч.

Всѣмъ африканскимъ племенамъ извѣстенъ барабанъ или тамъ-тамъ; этотъ инструментъ употребляется ими при танцахъ, во время церемоній и въ битвахъ; но дуалла, вмѣстѣ съ своими сосѣдями: ба-купри, ба-лонгъ, або, вури, басса и донга, составляютъ единственную группу негровъ, которые пользуются барабаномъ не только для призыва къ войнѣ или къ празднованію, но также и для подробной передачи новостей [1]). Эта своеобразная телефонія,—изобрѣтеніе которой, конечно, свидѣтельствуетъ о столь же большомъ остроуміи, какъ и изобрѣтеніе идеографическаго письма,—состоитъ въ томъ, что съ различною силою и звучностью ударяютъ по барабану, при чемъ различнымъ комбинаціямъ этихъ ударовъ соотвѣтствуютъ или слоги, или отдѣльныя слова. Это настоящій языкъ, для пониманія котораго требуется весьма изощренный слухъ и который посвященные умѣютъ воспроизводить, бормоча губами; ба-купри, кромѣ того, переговариваются также при помощи особаго рожка, звукъ котораго несется отъ одной горы къ другой. При этихъ переговорахъ, всѣ посвященные въ дѣло, услыша бой барабана, должны тотчасъ же повторять его, и такимъ образомъ новости передаются вплоть до самыхъ границъ края, «на подобіе того, какъ по водѣ распространяются круги отъ брошеннаго въ нее камня» [2]). Рабы не имѣютъ права учиться языку барабана; также весьма мало женщинъ, которыя его понимаютъ; съ другой стороны, до сихъ поръ еще ни одинъ туземецъ не открылъ секрета относительно этого языка кому-либо изъ европейскихъ путешественниковъ. Понятно, какое важное политическое значеніе имѣетъ это средство переговариваться на протяженіи всей страны. При существованіи такого способа взаимнаго обмѣна свѣдѣніями, стоитъ только путешественнику появиться въ какомъ-нибудь селеніи, какъ тотчасъ же объ его прибытіи сообщается съ этапа на этапъ, и всѣ тѣ, которыхъ ему предстоитъ посѣтить, бываютъ уже ранѣе предувѣдомлены о предстоящемъ его прибытіи къ нимъ.

Людоѣдство, какъ религіозный обрядъ, существовало еще въ недавнее время; такъ, при торжественныхъ случаяхъ расчленяли тѣло одного мужчины, и четыре главные начальника получали каждый по четвертой части. Убійство предшествовало всякому вступленію во власть, такъ какъ, не обагривъ рукъ въ крови, король не имѣлъ права повелѣвать своими подданными [3]). Королевская власть—по сравненію съ большею частью другихъ камерунскихъ племенъ—сильнѣе всего у дуалла. Объясняется это большимъ вліяніемъ, которое доставили властелинамъ этой страны выгоды отъ торговли: богатство ихъ далеко разноситъ славу ихъ имени. Одинъ изъ этихъ царьковъ есть несомнѣнно одинъ изъ богатѣйшихъ людей во всей Африкѣ, и даже въ Европѣ онъ былъ бы въ числѣ крупныхъ капиталистовъ. Пріобрѣтаютъ эти значительныя богатства начальники дуалла путемъ посредничества, такъ какъ вся мѣновая торговля между внутренностью страны и приморскими факторіями идетъ черезъ ихъ руки. Въ качествѣ же носильщиковъ, охранителей и складчиковъ товаровъ, въ этой торговой монополіи участвуютъ также и всѣ дуалла, а потому и между ними есть весьма много богатыхъ «джентльменовъ», которые съ важностью прогуливаются передъ своими домами, играя, висящею у нихъ на животѣ, связкою ключей, свидѣтельствующею объ ихъ богатствѣ. Нравственно испорченные своимъ ремесломъ паразитовъ, дуалла съ боязнью взираютъ на попытки европейцевъ проникнуть въ глубь страны, и всѣми имѣющимися у нихъ средствами стремятся отвратить ихъ отъ этого. Эта торговая зависть и составляетъ главную причину, которая до сихъ поръ препятствовала изслѣдованію этой части Африки. Путешественники, перешедшіе за предѣлы приморской полосы, задерживаются всевозможными препятствіями: проводники отказываются ихъ сопровождать; носильщики скрываются или покидаютъ свою ношу на половинѣ дороги: быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже прибѣгали къ отравленію, чтобы охладить рвеніе этихъ бѣлыхъ, вѣчно жаждущихъ новыхъ открытій. Даже когда прибрежные складчики товаровъ и допустятъ организоваться экспедиціямъ, они все-таки находятъ средства остановить ихъ на недалекомъ разстояніи отъ мѣста отправленія, раньше чѣмъ такіе піонеры бѣлыхъ успѣютъ завязать непосредственныя торговыя сношенія. Въ свою очередь, и бѣлые стремятся обезпечить за собою монополію. Еще не такъ давно восемь домовъ, англійскихъ и германскихъ, оспаривали другъ у друга привилегію мѣновой торговли съ камерунскими племенами: нынѣ политическое обладаніе страною рѣшило споръ въ пользу торговцевъ Гамбурга.

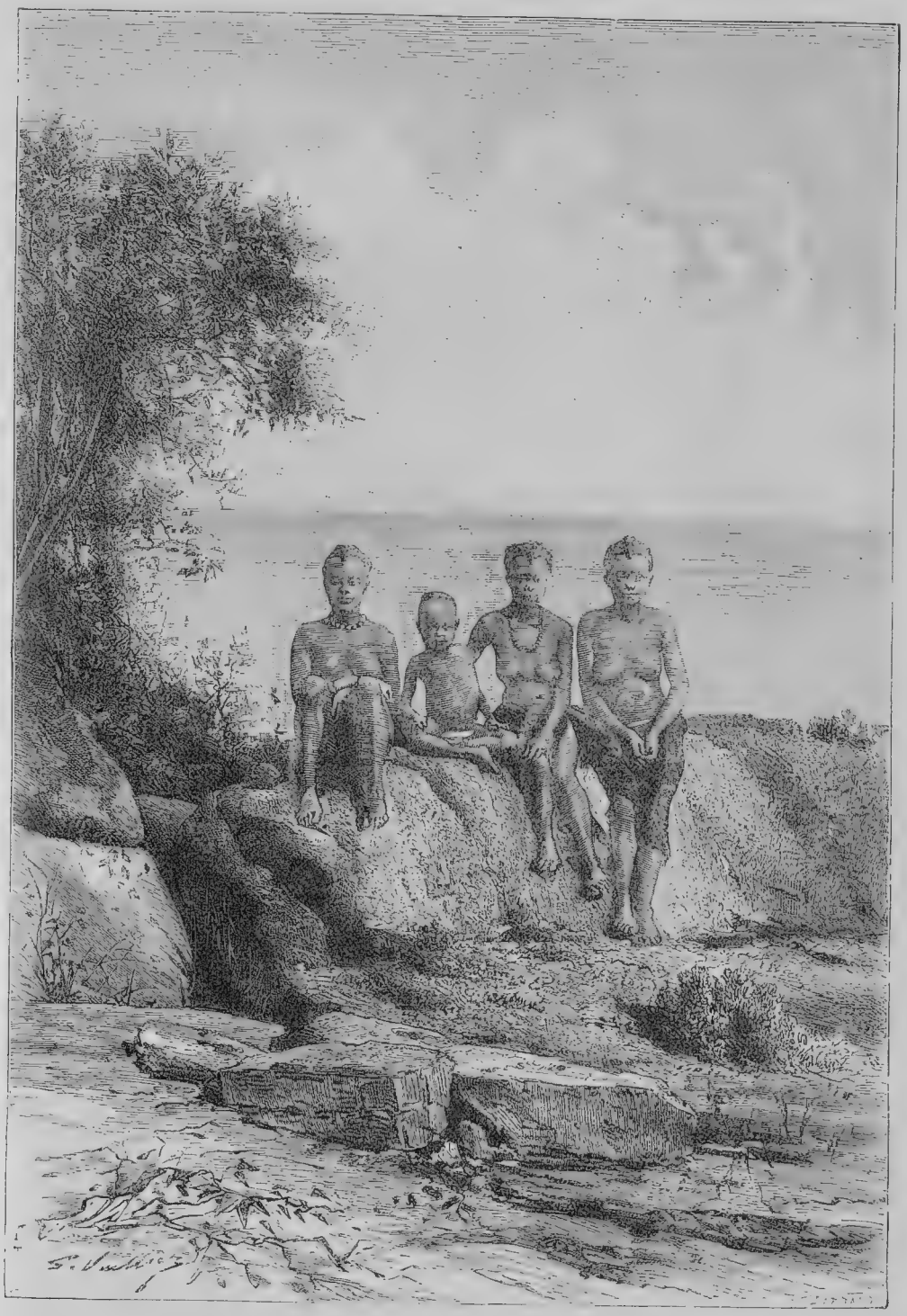
Также какъ на устьяхъ Нигера и на западномъ берегу, въ Камерунѣ главный предметъ вывоза составляютъ пальмовые орѣхи и масло. Если же негоціанты и предпочитаютъ заниматься торговлею слоновою костью, то это лишь благодаря легкости торговыхъ сдѣлокъ и большой прибыли, доставляемой этимъ драгоцѣннымъ товаромъ; но, въ общемъ оборотѣ, эта «благородная» торговля оказывается значительно менѣе важною, чѣмъ пачкотливая возня съ масломъ; наконецъ, торговлѣ слоновою костью, по мѣрѣ сокращенія стадъ толсто-

[1]) Рогозинскій;—Büchner;—Zöller;—Langhaus;—Reichenow и т. д.

[2]) Buchholz, упом. соч.

[3]) Buchholz, упом. соч.

кожихъ, благодаря употребленію огнестрѣльнаго оружія,—предстоитъ изъ года въ годъ уменьшеніе. Далѣе, камерунскіе негоціанты



Женщины и ребенокъ племени пагуанъ.

вывозятъ также нѣкоторыя красильныя деревья, а въ послѣднее время прибавился еще одинъ продуктъ—каучукъ, который шведы, поселившіеся на склонахъ главнаго пика, добываютъ изъ одного вида ліанъ, обвивающихъ лѣсныя деревья; ліана эта, называемая landolphia florida, имѣетъ въ длину отъ 50 до 60 метровъ, и самый лучшій продуктъ даетъ на высотѣ между 900 и 1.000 метр. надъ уровнемъ моря. Ротангъ (calamus rotang), эбеновое дерево (аспалатъ, aspalatus arboreus, brya

ebenus) и небольшое количество кофе—дополняютъ грузъ судовъ, а, въ обмѣнъ, бѣлые доставляютъ туземцамъ: гибельную водку, подъ громкимъ именемъ рома, табакъ, ткани, оружіе, бусы и разные предметы роскоши и омеблированія. При этомъ, двѣ трети цѣнности всего ввоза приходятся на долю спиртныхъ напитковъ [1]). Продажа доброкачественнаго пороха и хорошихъ ружей воспрещена купцамъ закономъ. Употребленіе денегъ еще не распространилось въ краѣ, и цѣнность товаровъ исчисляютъ на фиктивныя монеты, при чемъ данное число ихъ приравниваютъ къ тому или другому количеству товара, которое, въ свою очередь, различно, смотря по тому, ближе или дальше отъ факторій совершается торговая сдѣлка. * Съ 1886 г. въ Камерунѣ господствуетъ германская имперская валюта *.

Хотя съ 1885 года Камерунъ числится германскою «колоніею», но колонистовъ въ краѣ еще нѣтъ, если не считать таковыми нѣсколькихъ шведскихъ охотниковъ и торговцевъ, которые, какъ упомянуто, занимаются на склонахъ горъ добываніемъ каучука. Проживающихъ же на приморскомъ берегу негоціантовъ или миссіонеровъ изъ бѣлыхъ такъ мало, что на всю территорію они насчитываются только десятками, и многіе изъ торговыхъ домовъ управляются не европейцами, а либо неграми, либо цвѣтнокожими, изъ которыхъ послѣдніе обнаруживаютъ такой большой навыкъ къ торговлѣ, что еще неизвѣстно: не кончатъ ли они присвоеніемъ себѣ и монополіи занятія ею? Непосредственное пользованіе богатствами почвы вокругъ факторій еще незначительно: нѣсколько аллей изъ пальмовыхъ деревьевъ, нѣсколько украшающихъ мѣстность растеній—вотъ пока все, что, съ точки зрѣнія культуры, дало присоединеніе Камеруна къ Германской имперіи. Впрочемъ, въ Гамбургѣ образовалось общество для разведенія плантацій, при чемъ сдѣланный имъ выборъ мѣстности для нихъ, естественно, упалъ на южный склонъ «Горы боговъ». Впрочемъ, хотя бы даже климатъ расчищаемой подъ культуру мѣстности оказался не слишкомъ неблагопріятнымъ для европейцевъ, все-таки они могутъ поселиться въ краѣ лишь въ весьма незначительномъ числѣ, такъ какъ трудъ, который потребуется для плантацій, несомнѣнно, приметъ форму воздѣлыванія почвы руками плохо оплачиваемыхъ негровъ, а организація собственности выразится въ созданіи большихъ помѣстій. Такимъ образомъ, собственно колонизація окажется невозможною.

Въ лиманѣ Ріо дель-Рей, составляющемъ границу Камерунской территоріи, европейцы не имѣютъ факторій; впрочемъ, намывныя земли въ этой части берега дотого нездоровыя, что тамъ не основалось даже ни одного поселенія негритянскаго; самыя близкія къ морю хижины находятся на разстояніи 50 километровъ. На западномъ же берегу собственно Камерунской возвышенности, первымъ поселеніемъ является деревня Бибунди, населенная рыбаками, отваживающимися пускаться на узкихъ лодочкахъ въ открытое море даже на разстояніе десяти километровъ отъ берега. Эта деревня Бибунди служитъ портомъ для большаго поселенія Бомана, расположеннаго на пятнадцать километровъ дальше внутри страны. Германскіе негоціанты предполагаютъ устроить въ этомъ пунктѣ складъ тѣхъ товаровъ, которые идутъ съ верховьевъ р. Оіоно (Кроссъ) и которые доставляются нынѣ въ англійскія факторіи Стараго Калабара.

Главная станція Камеруна, Викторія, основана въ 1858 году миссіонерами-баптистами, удаленными съ острова Фернандо-По тогдашнимъ его губернаторомъ; при этомъ, отошедшая подъ станцію территорія, вмѣстѣ съ сосѣдними островами, была пріобрѣтена отъ туземцевъ всего лишь за нѣсколько боченковъ солонины и сухарей. Викторія находится въ одной изъ самыхъ красивыхъ мѣстностей въ свѣтѣ, у покрытой лѣсомъ подошвы «Горы боговъ» и на берегу залива, усѣяннаго островами: такъ, на западѣ и на югѣ, передъ взорами наблюдателя развертываются зеленѣющія крутизны берега, а на юго-западѣ, два красивыхъ островка: Амбасскій (Ambozes и Amboise) и Мандолэ—выдѣляются своею темною зеленью на туманномъ фонѣ острова Фернандо-По, съ его конусомъ, окруженнымъ облаками. Какъ морская станція, Викторія представляетъ нѣкоторыя удобства: сбѣгающая съ горъ вода чиста и изобильна, а суда, средняго водоизмѣщенія, безъ труда становятся на якорь въ рейдѣ, къ сѣверу отъ острововъ; кромѣ того, глубокая бухта, именуемая «Man-of-War», что значитъ «военное судно», глубоко вдается внутрь той части берега, который причисляется къ Викторіи, и эту, созданную природою, гавань было бы легко соединить съ городомъ посредствомъ короткой дороги или даже канала, прорытаго въ плистой почвѣ. Въ настоящее время въ Викторіи проживаютъ лишь ба-купри, выселившіеся изъ Боніонго, Мапуніи и другихъ горныхъ деревень, да нѣсколько бѣглецовъ, которымъ грозитъ мщеніе или преслѣдованіе какого-нибудь фетишера; но, несомнѣнно, городъ этотъ современемъ получитъ важное значеніе, какъ портъ западной гористой области и какъ центръ плантацій деревьевъ шоколаднаго и кофейнаго: предлагали перенести сюда столицу всей территоріи. Политическая перемѣна повлекла за собою перемѣну и въ религіи жителей, населяющихъ страну; именно, миссіонеры-баптисты, проживавшіе въ Викторіи, были принуж-

[1]) „Afrique explorée et civilisée", іюль 1886.

дены продать какъ свое заведеніе, такъ и патронатъ надъ сосѣдними землями, а на ихъ мѣсто германское правительство привлекло миссіонеровъ изъ Базеля, которымъ поручено обучать туземцевъ нѣмецкому языку и пріучать ихъ къ повиновенію новымъ владѣльцамъ края.

Къ востоку отъ лѣсистаго мыса, которымъ оканчивается весь вулканическій массивъ Камерунскихъ горъ, находится другой портъ: гавань Бимбія, отчасти защищенная отъ морскаго волненія островомъ Николь (Nichols); но входъ въ нее извилистъ и труденъ, а во время дождливаго сезона волны яростно разбиваются на барѣ. Три деревни, образующія почти непрерывный рядъ домовъ и извѣстныя подъ собирательнымъ именемъ Бимбіи, опоясываютъ бухту, но проживающіе въ нихъ рыбаки настолько боязливы, что не отваживаются пускаться въ открытое море; ловятъ же они рыбу, устанавливая свои тростниковыя снасти по дну. Бимбія является естественнымъ портомъ для наиболѣе населенныхъ бакуирійскихъ селеній: Сопа, Лиссока, Буасса, Буэа или Беа, расположенныхъ приблизительно на высотѣ тысячи метровъ, посреди лѣсовъ и пастбищъ, надъ которыми господствуетъ съ запада, въ видѣ высокаго вала, одно изъ нагроможденій скалъ на горѣ Монго-ма-Лоба. Буэа—подобно всѣмъ другимъ деревнямъ, или *ибука*, горцевъ—состоитъ изъ уединенныхъ хижинъ, разсѣянныхъ на большомъ разстояніи одна отъ другой по небольшимъ долинамъ. Жители, самые сильные и отважные между ба-куирійцами,—смѣлые охотники, проводящіе цѣлыя недѣли въ горахъ; они любятъ купаться въ холодной водѣ потоковъ и, подобно швейцарскимъ горцамъ, часто предаются состязаніямъ въ силѣ и ловкости. Ихъ коровы пасутся стадами на сосѣднихъ лугахъ и своею силой и красотою масти напоминаютъ швейцарскій скотъ.

Въ бассейнѣ Мунго, входный портъ и главный рынокъ, неподалеку отъ большаго мѣстечка Мбинга, сообщается съ Бимбіею глубокимъ каналомъ-протокомъ, представляющимъ при своемъ устьѣ превосходные рейды для судовъ. Выше по рѣкѣ находится городъ Бакунду-ба-Намбелэ; онъ лежитъ, какъ это видно изъ его названія, въ землѣ племени бакунду и представляетъ тамъ единственный городъ, въ которомъ проживали бѣлые люди, именно американскіе миссіонеры; хорошо проторенная дорога соединяетъ его съ его пристанью на р. Мунго, которая протекаетъ въ нѣсколькихъ километрахъ къ востоку. Другой городъ отчасти того же имени, Бакунду-ба-Мусака, группирующій свои домики къ западу отъ озера Rickards'a, Баламби-ма-Мбу, вблизи западнаго берега озера Мбу; Мококуэ, Кумба или Бафонъ, Кименди—слѣдующіе одинъ за другимъ сѣвернѣе, на дорогѣ къ горамъ Бафарами,—пока еще были только мимоходомъ посѣщены европейскими путешественниками, но, тѣмъ не менѣе, и они входятъ въ кругъ притяженія торговли Камеруна. Кумба—большой рынокъ рабовъ и пальмоваго масла; по Шварцу, въ немъ около четырехъ тысячъ жителей. Городъ этотъ содержится въ образцовой чистотѣ; каждый день отрядъ рабочихъ чиститъ улицы и вырываетъ сорныя травы.

Города съ именемъ Камерунъ собственно не существуетъ, но это собирательное наименованіе даютъ дюжинѣ деревень, расположенныхъ вдоль высокой глинистой террасы, на восточномъ берегу лимана, и имѣющихъ вмѣстѣ до двѣнадцати тысячъ жителей: это—«города» королей племенъ бель, акуа, дидо. Досюда поднимаются суда средняго водоизмѣщенія; суда же, глубоко сидящія въ водѣ, останавливаются при входѣ на рейдъ. Нѣсколько понтоновъ стоятъ на якорѣ передъ факторіями; но большая часть торговцевъ пребываетъ на сушѣ, въ хорошо вентилируемыхъ домахъ новѣйшей конструкціи. Кромѣ того, въ Камерунѣ есть нѣсколько зданій, соотвѣтствующихъ его рангу столицы: таковы, между прочимъ, таможня и тюрьма. Дворецъ губернатора стоитъ на вершинѣ отлогой террасы, на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась негритянская деревня, разрушенная въ 1885 г. бомбами германской флотиліи. Высота эта, обвѣваемая вѣтромъ съ моря,—самая здоровая мѣстность въ Камерунѣ; но санаторія, въ которой обыкновенно проживаютъ высшіе чиновники, находится на оконечности мыса Суеллаба, на плоскомъ песчаномъ берегу, на который съ открытаго моря вкатываются волны; въ сосѣднемъ лѣсу, превращенномъ въ паркъ, змѣйками извиваются аллеи. Поселокъ, въ которомъ устроены купальни, названъ нѣмцами странно звучащимъ въ Африкѣ именемъ: Kaiser Wilhelm's Bad. Внѣшняя торговля Камеруна въ 1896 г., по цѣнности оборотовъ: привозъ—5.377.943, вывозъ—4.323.656 германск. марокъ. Главные предметы вывоза (въ тысячахъ марокъ): пальмовые орѣхи—1.282, каучукъ—1.074, пальмовое масло—988, слоновая кость—562, какао—159.

Между многочисленными деревнями, разсѣянными на берегахъ верхней Вури, Або и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Камерунскую бухту, нѣтъ ни одной, носящей имя Біафры, показанное на большей части новѣйшихъ картъ, даже тѣхъ, которыя были составлены португальцами, и присвоиваемое, кромѣ того, половинѣ Гвинейскаго залива, заключающейся между вулканическими островами отъ Аннобона до Фернандо-По. Слѣдовательно, это имя, относящееся къ какому-то воображаемому королевству или главному городу, не имѣетъ болѣе причины бытія и должно быть вычерк-

нуто изъ географическаго словаря. По мнѣнію португальскихъ авторовъ, это слово обязано своимъ происхожденіемъ просто недосмотру переписчика. Именно, первымъ мореплавателямъ была извѣстна гора Мафра (Mafra mons), расположенная на сѣверо-востокѣ залива и, съ ихъ словъ, это названіе и было нанесено на одну изъ Страсбургскихъ картъ, изданную въ 1513 году; впослѣдствіи же это наименованіе превратилось въ Біафра, Біафаръ и Біафара [1]). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что на первыхъ картахъ положеніе горы Мафра или Біафра вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію горъ Ба-Фарами, и потому, возможно, что смѣшеніе этихъ наименованій другъ съ другомъ произошло не случайно.

По берегу, простирающемуся къ югу отъ Камерунскаго лимана, слѣдуютъ одна за другой многочисленныя факторіи, вокругъ которыхъ группируются также и деревни негровъ. Три такихъ факторіи находятся на косѣ, которая загибается спереди устья рѣки Моанія; называются же эти факторіи конторами «Малыхъ» или Сѣверныхъ Ба-танговъ. Далѣе отъ берега, возвышеннѣе, лежитъ большое селеніе Джаванджа; на рѣкѣ оно расположено какъ разъ въ томъ мѣстѣ, до котораго достигаетъ верхняя граница прилива; служитъ это селеніе центромъ мѣстной торговли и является пунктомъ соприкосновенія болѣе цивилизованныхъ ба-танговъ низовья рѣки съ жителями внутренней страны, извѣстными подъ именемъ ба-коко; оба эти народца проживаютъ другъ съ другомъ въ мирѣ и уже сливаются въ одну расу. Отличаются отъ ба-танговъ ба-коки первобытностью своего оружія и украшеніями: мужчины носятъ небольшіе браслеты изъ слоновой кости; кромѣ того, они завиваютъ свои бороды по-ассирійски, въ косы, расположенныя вертикально и, для приданія себѣ болѣе важности, въ свои волосы вплетаютъ также и волосы животныхъ; усы же совсѣмъ выщипываютъ; у женщинъ къ ушамъ подвѣшиваются толстые деревянные кружки, а южнѣе женщины изъ племени ба-ноко прокалываютъ себѣ также носовой хрящъ и пропускаютъ черезъ него косточку изъ скелета животныхъ [2]). Подъ общимъ именемъ «большихъ» ба-танга обозначаютъ два племени: ба-пуко, живущее къ сѣверу отъ Слоновой горы, въ прибрежномъ округѣ, называемомъ Плантаціей, и ба-ноко, живущее у подошвы этой горы, въ мѣстности, называемой Крибы, и еще южнѣе, вплоть до устья Ріо-дель-Кампо. Эти малочисленныя племена часто воюютъ другъ съ другомъ; но войны эти—не что иное какъ кровавая месть, которая и прекращается, какъ только съ обѣихъ сторонъ окажется одинаковое число убитыхъ; недавно одна изъ такихъ войнъ между ба-пуко и ба-ноко, продолжавшаяся четыре года, окончилась, благодаря вмѣшательству европейскихъ купцовъ, принесеніемъ въ жертву одного изъ мужчинъ того племени, которому довелось отрѣзать болѣе головъ; по достиженіи же такого уравненія долей обѣихъ сторонъ, устроенъ былъ роскошный примирительный пиръ. Изъ всѣхъ африканскихъ народовъ, большіе ба-танга наименѣе интересуются религіею; у нихъ нѣтъ ни фетишизма, ни фетишей, и вся ихъ религія сводится къ неопредѣленному чествованію предковъ и страху предъ мертвецами. Въ противоположность нигерскимъ племенамъ и банту, у ба-танга дѣтей не обрѣзываютъ [1]). Хотя матери очень привязаны къ своимъ младенцамъ, однако, имъ удается сохранить жизнь не болѣе пятой части своихъ дѣтей: такъ велика смертность въ младенческомъ возрастѣ [2]).

Ба-коко, также какъ сѣверные и южные ба-танга, суть самые искусные на всемъ материкѣ Африки строители лодокъ. Они спускаютъ на Моанію большія, вмѣщающія по пятнадцати гребцовъ, военныя суда, съ которыми не можетъ состязаться въ скорости ни одно европейское гребное судно. На тѣхъ же берегахъ, гдѣ проживаютъ южные или большіе ба-танга, этихъ лодокъ уже не видно, и скользятъ лишь утлые, поразительно легкіе, челночки, сравниваемые Цёллеромъ съ рыбкою-конькомъ (hippocampus). Это нѣчто въ видѣ выдолбленныхъ поплавковъ, длиною въ два метра, шириною въ 30 сантиметровъ, глубиною въ 15 сантиметровъ и вѣсомъ отъ 4 до 8 килограммовъ: садятся въ нихъ какъ-бы верхомъ, высовывая за борты направо и налѣво ноги, которыми или весломъ и гребутъ; а такъ какъ каждый пѣнистый гребень волны до половины заливаетъ челнокъ, то одною рукою пловецъ все время отливаетъ изъ него черпакомъ воду. Когда же плавающіе на такихъ причудливыхъ судахъ взбираются на бортъ настоящаго корабля, то свои челночки они берутъ подмышку, при чемъ, можетъ-быть, ими сохраняется эта старая привычка просто съ той цѣлью, чтобы похвастаться своею ловкостью. Любо смотрѣть, какъ эти утлые челны скользятъ по гребнямъ волнъ, едва погружаясь въ воду, вздымаясь съ каждымъ ударомъ весла и, легкіе какъ насѣкомыя, разсѣкая тѣ грозные прибои волнъ на барахъ, къ которымъ гребцы европейскихъ лодокъ подходятъ не безъ волненія. Пускаться далеко въ открытое море ба-танги, однако, не любятъ, опасаясь, впрочемъ, не волнъ, а акулъ [3]).

---

[1]) „Atlas de Santarem"; —Carlos de Mallo, рукописныя замѣтки.

[2]) Wilson, „Western Africa".

[1]) Hugo Zöller, упом. соч.

[2]) Beyrich, „Petermann's Mittheilungen", 1885.

[3]) Hutchinson, „Ten Years Wanderings among the Ethiopians"; — Wilson; — Zöller.

Факторіи южныхъ ба-танга сохранили, въ Германской Гвинеѣ, наиболѣе важное значеніе по торговлѣ слоновой костью. Туземцы, приносящіе изъ лѣсовъ Внутренней Африки эти клыки, принадлежатъ къ «народу кустовъ», ибеа или ма-беа, и говорятъ на языкѣ, отличномъ отъ языка болѣе развитыхъ жителей поморья, хотя, вѣроятно, языкъ этотъ также принадлежитъ къ семейству языковъ банту. Эти ибеа, также какъ фаны или пагуины, слѣдующіе за ними, постоянно подвигаются впередъ въ направленіи съ востока на западъ; подобно дуалла и бакуири, они пришли съ востока, тѣсня предъ собою приморскія племена. Нынѣ ибеи достигли берега моря уже въ двухъ мѣстахъ, къ сѣверу и югу отъ рѣки Лобэ, гдѣ они образуютъ помѣси съ племенами, поселившимися тамъ раньше. Надо пройти чрезъ ихъ землю, чтобы, по ту сторону прибрежныхъ плоскогорій и предполагаемаго горнаго кряжа, Сіерра Геррейра, проникнуть въ тѣ внутреннія области, которыя простираются до верховьевъ У-Банги и Хари, и гдѣ находится «Озеро» или Либа, часто упоминаемое туземцами. Дѣйствительно ли это обширная водная площадь или большая рѣка, быть-можетъ, самая У-Банги—пока не извѣстно Вообще, изъ всѣхъ неизвѣданныхъ странъ Африки, эта область всего лучше хранитъ свои тайны.

Глава III

Габонія.

Испанскія, французскія и португальскія владѣнія.

До недавняго времени наибольшая часть африканскаго поморья, простирающагося приблизительно на пространствѣ 1.500 километровъ, между устьями Ріо-дель Кампо и Конго или Запрою, была оставлена ея туземнымъ чернокожимъ обитателямъ, и европейскія государства ограничивались занятіемъ только нѣсколькихъ пунктовъ на берегу, какъ-то: Кориско, Либревилля, Кабинды. Но теперь нѣтъ ни одного пустыннаго пляжа, ни одной рощицы корнепусковъ (rizophorae), на которые не заявлялось бы притязанія какъ на нераздѣльную часть чьего-либо политическаго владѣнія, и даже въ глубинѣ еще неизслѣдованныхъ или по крайней мѣрѣ мало извѣстныхъ странъ уже проведены воображаемыя границы этимъ владѣніямъ европейскихъ державъ. Если бы первенство открытія страны составляло единственное основаніе для права обладанія ею, то нельзя было бы оспаривать притязаній португальцевъ, ибо уже съ 1470 года лузитанскіе мореходы, слѣдуя берегомъ Африки, переплывали экваторъ, а многіе изъ мысовъ и бухтъ африканскаго поморья еще и по-нынѣ носятъ или настоящія, или исковерканныя португальскія наименованія. Такъ, кандалѣе выдвинутый мысъ этого поморья, мысъ Лопецъ, напоминаетъ имя корчмаго Лопе Гонзальвеса, а нѣсколько южнѣе этого песчанаго выступа, названъ по имени португальскаго же мореплавателя, Фернанда Вацa, и одинъ изъ лимановъ. Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ поморья португальцы пребывали въ теченіе долгаго времени; такъ, напр., на находящемся посреди Габонскаго лимана островѣ Коникэ найдены остатки ихъ зданій и попорченныя пушки. Однако, со времени открытія этихъ береговъ, европейцы, въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій, занимались тамъ только одною торговлею рабами; при этомъ, негроторговцы старались всячески вести втихомолку свои прибыльныя операціи, и чѣмъ болѣе процвѣтала ихъ гнусная торговля, тѣмъ менѣе слышалось объ ихъ факторіяхъ.

Дѣло изслѣдованія габонской области началось, собственно говоря, лишь съ половины XIX столѣтія, послѣ пріобрѣтенія Франціею полосы земли на сѣверномъ берегу Габонскаго лимана, какъ продовольственнаго пункта для экипажей крейсеровъ. Первый постъ былъ основанъ въ 1842 году, и вскорѣ послѣ того моряки эскадры изучили весь лиманъ; затѣмъ посылались развѣдочныя экспедиціи вверхъ по двумъ рѣкамъ, впадающимъ въ заливъ, Комо и Рамбоэ, а дю-Шалью совершилъ нѣсколько охотничьихъ экскурсій внутри материка и своими разсказами о гориллѣ, страшномъ «лѣсномъ человѣкѣ», привлекъ всеобщее вниманіе къ этимъ странамъ. Послѣ того бассейнъ большой рѣки Огоуэ (Оговэ) открылся передъ изслѣдователями, и Braouezec, Serval, Griffon du Bellay, Aymès, de Compiègne и Marche под-

нимались вверхъ по рѣкѣ и ея притокамъ и описали рѣчную долину, съ ея жителями и продуктами. Англичанъ Walker принялъ участіе въ этихъ открытіяхъ, равно какъ и австріецъ Ленцъ, начавшій изслѣдованіемъ Огоуэ свои большія путешествія для перехода черезъ весь континентъ Африки, столь прославившія его имя. Съ 1875 года начались слѣдующія одна за другою экспедиціи, руководимыя Браццой и направленныя къ изслѣдованію страны въ географическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Благодаря его усиліямъ, а также и усиліямъ многочисленныхъ его сотрудниковъ: Ballay, Jaques de Brazza, Guiral, de Chavannes, Ponel, Fourneau, Cordier, Dolisie, Mizon, Rouvier и другихъ, почти вся треугольная область, ограниченная съ востока и съ юга—Конго, а съ сѣвера—Габонскимъ лиманомъ и экваторомъ, уже извѣстна въ главныхъ чертахъ, а астрономическое опредѣленіе многочисленныхъ пунктовъ сдѣлало возможнымъ также начертаніе и подробныхъ картъ. Съ своей стороны, испанскіе путешественники: Iradier, Montes-de-Oca и Ossorio, въ разныхъ направленіяхъ изслѣдовали также всю ту часть области, которая, къ сѣверу отъ Габона, простирается до Ріодель-Кампо; при этомъ, внутрь страны они углублялись километровъ на двѣсти. Такимъ образомъ, остается лишь посѣтить нѣкоторыя части сѣверо-восточной области, орошаемой притоками Конго, и тогда весь этотъ край—въ силу дипломатическихъ договоровъ, отошедшій, въ тропическомъ поясѣ африканскаго материка, къ тому или другому изъ европейскихъ государствъ—окажется предварительно уже изслѣдованнымъ.

Такъ какъ путешествія съ цѣлью изслѣдованія часто сопровождались покупками у туземныхъ начальниковъ земель, то непосредственное завладѣніе начиналось на части территоріи, гдѣ находились эти купленныя земли. Въ настоящее время наибольшая часть края принадлежитъ Франціи, которая владѣетъ областями, находящимися въ предѣлахъ бассейновъ Габона, Огоуэ, Куилу и притоковъ Конго до У-Банги. Испаніи, кромѣ острова Корписко и двухъ островковъ Флобей, принадлежитъ на материкѣ лишь небольшая полоса; на долю же Португаліи приходится мѣстность, ограниченная на сѣверѣ рѣкою Массаби, а на востокѣ и югѣ тѣми геометрическими линіями, которыя отдѣляютъ ее отъ новаго Конгскаго государства. Поверхность португальскихъ владѣній можетъ быть исчислена приблизительно въ 2.400 кв. километровъ, а число жителей, принимая во вниманіе относительно густую населенность территорій, по крайней мѣрѣ въ 30 тысячъ. Что же касается французскихъ и испанскихъ владѣній, то для исчисленія ихъ пространствъ остается воспользоваться пока только сѣтью градусовъ. Въ этомъ отношеніи, объ «экваторіальной Франціи» можно лишь сказать, что она имѣетъ свыше шести сотъ тысячъ квадратныхъ километровъ и пространствомъ превосходитъ европейскую Францію. Относительно границъ политической области Испаніи слѣдуетъ замѣтить, что на сѣверѣ Габона они не опредѣлены; пространство же области, по показаніямъ испанскихъ картографовъ, исчисляется слишкомъ въ двадцать пять тысячъ квадр. километровъ, между тѣмъ какъ по другимъ документамъ оно едва-ли составитъ и два десятка кв. километровъ. Что касается населенія Габоніи вообще, то путешественники, пересѣкавшіе страну въ различныхъ направленіяхъ, сильно противорѣчатъ другъ другу: по берегамъ многихъ рѣкъ деревни слѣдуютъ другъ за другомъ такъ тѣсно, что составляютъ какъ-бы одинъ непрерывный городъ; но зато, въ обширныхъ лѣсахъ, удаленныхъ отъ рѣкъ, охотничьи семейства разселены далеко одно отъ другаго. Приблизительно, все населеніе края, включая также и склонъ къ Конго, нужно считать не менѣе двухъ милліоновъ; а если принять предлагаемую Бэмомъ и Вагнеромъ цифру для средней плотности населенія въ экваторіальныхъ областяхъ, т. е. 12 человѣкъ на одинъ квадратный километръ, то получится около семи милліоновъ [1]). По мнѣнію Браццы, наиболѣе вѣроятная цифра—пять милліоновъ [2]).

Всю совокупность французскихъ владѣній въ этой части континента назвали «Африканскимъ Западомъ». Однако, было бы весьма желательно, чтобы это наименованіе, гораздо болѣе пригодное для Сенегамбіи, было оставлено раньше, чѣмъ оно войдетъ во всеобщее употребленіе. На весь этотъ край гораздо лучше распространить названіе «Габонія», имѣя въ виду, что въ данномъ португальскими мореплавателями наименованіи «Gabão или Gabon» подразумѣвался не только тотъ лиманъ, надъ которымъ нынѣ господствуетъ Либревилль, но что оно также распространялось и на весь берегъ, простирающійся отъ мыса Сенъ-Жанъ, иногда даже отъ самаго Камерунскаго лимана до Лоанго [3]). Этотъ же терминъ «Габонъ» встрѣчается, между прочимъ, также на картѣ Жуана-де-ла-Коза, относящейся къ концу 15-го столѣтія [4]).

Габонійская область, въ предѣлахъ между моремъ и р. Конго, высокихъ горъ не имѣетъ. Наиболѣе возвышающіяся вершины не превосходятъ полутора тысячъ метровъ, да немного

[1]) „Petermann's Mittheilungen", Ergänzungshefte, № 62 и 69.

[2]) „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", assemblée du 21 janvier 1889.

[3]) Richard Burton, упом. соч.;—Wilson, „Western Africa".

[4]) Atlas de Santarem; —„Carlos de Mello, рукописныя замѣтки.

и такихъ, которыя были бы выше тысячи метровъ. На сѣверѣ больше всего бросается въ глаза морякамъ гора Батта, представляющая башню, возвышающуюся надъ близкими другъ къ другу холмами. По ту сторону ея, къ востоку, протягиваются параллельныя горы, называемыя по-испански Siete sierras, т. е. «Семь Кряжей». Гора Митры (1.201 метръ), — раздвоенная вершина которой виднѣется со скалистаго и лѣсистаго мыса Сенъ-Жанъ, и на хребтѣ которой находятся остатки укрѣпленій, возведенныхъ, вѣроятно, португальцами [1]), — соединяется, при посредствѣ Сіерры Палювіоль съ наиболѣе возвышенными кряжами области, въ былыя времена называвшимися Serra-do

Американская миссія на берегу Огуэ.

[1]) Hugo Zöller, „Mittheilungen der Afrikanischen gesellschaft in Deutschland". T. IV. 1883—1885.

*

Crystal: тамъ именно и высятся вершины, превосходящія 1.400 метровъ. Къ югу отъ Огоуэ, самый высокій—господствующій надъ приморскимъ склономъ Сетте-Кама—пунктъ, называемый Игумби-Иделэ, достигаетъ лишь 1.097 метровъ надъ морскимъ уровнемъ, а горы, господствующія надъ верховьями Кіулу, не поднимаются и на тысячу метровъ. Въ общемъ, рельефъ габонійскаго края представляетъ большую правильность: онъ состоитъ изъ параллельныхъ берегу возвышенностей, въ формѣ окаймленныхъ гористыми гребнями террасъ, слѣдующихъ отъ запада къ востоку, и составляетъ продолженіе орографической системы восточной части Камерунской территоріи. При этомъ, центральная терраса—на которой виднѣются самыя живописныя скалы, въ формѣ башенъ,—состоитъ изъ гнейса, къ массамъ котораго на востокѣ примыкаютъ кварцъ, слои слюды и талька, и, наконецъ возвышенныя песчаныя равнины, съ гладкой, точно озеро, поверхностью [1]); къ западу простираются пласты мѣла и юрскія образованія [2]), профили которыхъ, съ нѣкоторыми перерывами, виднѣются на незначительномъ разстояніи отъ поморья; во многихъ мѣстахъ они прикрыты тѣми латеритами, или распавшимися на глинистые слои скалами, которыя покрываютъ столь большую часть Африки, въ видѣ сѣрыхъ, желтыхъ, синеватыхъ, чаще всего темно-красныхъ утесовъ, кряжей и остроконечныхъ вершинъ. Наконецъ, тамъ и сямъ на террасы вылились также и лавы [3]), а первые путешественники разсказывали даже объ «огнедышащихъ» горахъ, Оніпко и Отомби, которыя, будто-бы, находятся въ сѣверной части бассейна Огоуэ, приблизительно—съ высоты птичьяго полета—въ 200 километрахъ отъ моря. Новѣйшія изслѣдованія показали, что эти «горы-фетиши» не вулканы, и что окутывающіе ихъ вершины пары суть облака, приносимыя муссонами. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что и въ этой части Африки совершились великіе геологическіе перевороты: о значительномъ видоизмѣненіи въ относительномъ рельефѣ моря и суши свидѣтельствуетъ и самая форма поморья. Разрывы берега, видимые между мысами Сенъ-Жанъ и Лопецъ, напоминаютъ вторженія морскихъ водъ, имѣвшія мѣсто къ югу отъ мыса Бѣлаго, въ Сахарѣ, и къ югу отъ р. Казаманки, въ Сенегамбіи. Кривая берега, довольно правильная къ сѣверу отъ мыса Сенъ-Жанъ и имѣющая почти геометрическій профиль къ югу отъ мыса Лопецъ, прерывается между этими двумя пунктами глубокой вырѣзкой, и берегъ образуетъ три залива: бухту Корписко, Габонъ и бухту Назаретъ. Самый островъ Корписко есть лишь отломокъ отъ прежняго берега. Къ югу отъ мыса Лопецъ многочисленныя мертвыя, т. е. несообщающіяся съ моремъ, лагуны суть остатки отъ прежнихъ рѣчныхъ потоковъ, перемѣстившихъ свои ложа; быть-можетъ, даже слѣдуетъ, вмѣстѣ съ Пешуэль-Леше, видѣть въ большой приморской лагунѣ Банія остатокъ устья р. Конго.

Область, заключающаяся между Камеруномъ и Конго, будучи орошаема изобильными дождями, прорѣзывается также и большимъ числомъ рѣкъ, имѣющихъ многочисленные вѣтвистые притоки. Изъ нихъ Ріо-дель-Кампо или Этамбуэ, служащая южною границею для германскихъ владѣній,—одна изъ наименѣе значительныхъ. Эйо туземцевъ, São-Bento (Санъ-Бенито) португальцевъ, изливающаяся въ море приблизительно въ 60 километрахъ къ сѣверовостоку отъ мыса Сенъ-Жанъ, представляетъ уже рѣку болѣе величественную; она судоходна на пространствѣ 35 километровъ, вплоть до своего перваго водопада, называемаго Побэ, т. е. «могучія воды» [1]); выше слѣдуетъ рядъ другихъ водопадовъ: всѣ потоки, спускающіеся съ краеваго кряжа континента, до своего вступленія на наносныя равнины приморскаго берега, запружены такимъ образомъ скалами и камнями. Такъ, и Ріо-Муони—Angra на португальскихъ картахъ, и Danger англійскихъ моряковъ—изливающаяся въ бухту Корписко, насупротивъ двухъ островковъ Элобей, тоже прерывается мощными каскадами при своемъ проходѣ чрезъ горные валы изъ красноватаго песчаника. Данное ей туземцами названіе «Муни», что значитъ «берегись!», объясняется страхомъ, который имъ внушала эта рѣка.

Къ югу отъ Муни, узкій и усѣянный островами заливъ, ограничиваемый съ запада полуостровомъ мыса Эстейрасъ, получилъ названіе Ріо-Мунда, какъ будто здѣсь и въ самомъ дѣлѣ протекаетъ рѣка; въ дѣйствительности же это не что иное какъ лиманъ, въ который изливаются простые ручьи. То же самое слѣдуетъ сказать и о другой, слѣдующей за нимъ, выемкѣ въ морскомъ берегу, о Габонѣ, которому дали названіе «rio» не только первые посѣтители гвинейскихъ морей, но который даже и во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка разсматривали какъ одну изъ пяти великихъ рѣкъ Африки, приравнивая его къ Нилу, Нигеру, Конго и Замбезе, при чемъ истокъ его искали даже въ великихъ восточныхъ озерахъ [2]). Въ дѣйствительности же Габонъ есть собственно лиманъ, лишь углубляющійся на 70 километровъ внутрь суши. Нѣкогда весьма посѣщаемый негро-торговцами, этотъ заливъ—на берегу котораго ны-

[1]) Giacomo de Brazza, „Bolletino dello societa italiana". 1887.

[2]) Ossorio, „Rivista de Geographia comercial", julio-setiembre 1884.

[3]) Oscar Lenz, „Geologisches von Africa"; — „Petermann's Mittheilungen", 1882. Тетр. I.

[1]) Guiral, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris". Seance du 8 mai 1883.

[2]) Heimbürger, „Petermann's Mittheilungen", 1858.

нѣ находится главный городъ французкихъ владѣній, лежащихъ между моремъ и Конго—сообщилъ свое имя также и сосѣднему берегу. Что же касается происхожденія этого названія, то слѣдуетъ замѣтить, что португальское слово gabão, однозначущее съ французскимъ caban, т. е. матросская шинель для прикрытія отъ непогоды, было дано португальскими моряками заливу вслѣдствіе сходства его формы съ формою такой шинели, матросскаго зипуна. Заливъ Габонъ, по своимъ очертаніямъ и всему режиму, напоминаетъ лиманъ Жирондскій съ его «междуморьемъ» (Entre-deux-Mers), косой Амбезъ, отмелями, протоками и съуженнымъ устьемъ; приблизительно онъ имѣетъ тѣ же размѣры, какъ и заливъ французскій; но, въ среднемъ, Габонъ нѣсколько шире и глубже, хотя, при промѣрѣ, въ его днѣ и не найдены впадины, схожія съ тѣми, которыя потокъ Жирондскихъ водъ выдолбилъ около мыса де-Гравъ. Габонъ, какъ и Жиронда, загражденъ при входѣ песчаными отмелями, требующими тщательной бализаціи, т. е. обставленія ихъ вѣхами, баканами и буями; но съ открытымъ моремъ онъ сообщается четырьмя проходами, имѣющими отъ 8 до 10 метровъ глубины при спавшей водѣ; приливъ, смотря по времени года, увеличиваетъ еще на одинъ или два метра эту толщину слоя воды. Въ верхней своей части лиманъ доступенъ только тѣмъ судамъ, которыя сидятъ въ водѣ не болѣе какъ на четыре метра. Равнымъ образомъ и сходныя по формѣ своихъ устьевъ съ Дордонью и Гаронною двѣ главныя втекающія въ заливъ рѣки: Комо и Рамбоэ, а также и многіе изъ ихъ притоковъ — тоже проходимы для судовъ съ неглубокою осадкою. Изъ двухъ сейчасъ названныхъ потоковъ болѣе значительна рѣка Комо, которая, подобно Муни, беретъ свое начало въ высокихъ долинахъ Кристальнаго кряжа (Serra-do-Crystal).

Въ сотнѣ километровъ къ юго-западу отъ Габонскаго лимана, изливается въ море самая мощная изъ двухъ рѣкъ между Нигеромъ и Конго - Огоуэ [1]). Первые изслѣдователи ея дельты полагали, что это одна изъ главныхъ рѣкъ Африки, и даже когда Ливингстонъ открылъ Луа-Лаба, въ которой онъ ошибочно признавалъ Верхній Нилъ, многіе географы полагали, что каналъ истеченія большихъ озеръ Казембэ изгибается къ западу, для соединенія съ рѣкою Огоуэ; это-то предположеніе и было побудительною причиною путешествій, предпринятыхъ въ область этой рѣки Ленцомъ и другими изслѣдователями. Конечно, роль Огоуэ очень скромная въ сравненіи съ той, какую ему приписывали: онъ не собираетъ, какъ думали, болѣе половины водъ центральной Африки; тѣмъ не менѣе по его руслу пробѣгаетъ значительно большая масса воды, чѣмъ по Рейну, Ронѣ или какой-либо другой рѣкѣ Западной Европы. Говорили даже,—вѣроятно, ошибочно,—что дебитъ Огоуэвъ половодье составляетъ отъ 45.000 до 50.000 кубич. метр. въ секунду [1]). Какъ бы то ни было, невозможно допустить, чтобы онъ катилъ, въ среднемъ, болѣе 10.000 куб. метровъ, предполагая даже, что четыре пятыхъ атмосферной воды, выпадающей въ его бассейнъ—обнимающій триста тысячъ квадратныхъ километровъ—достигаютъ, въ концѣ концовъ, моря. Развернутая длина его теченія приблизительно равняется 1.200 километровъ.

Первыя его воды вытекаютъ на поверхность земли менѣе, чѣмъ въ 200 километрахъ къ западу отъ Конго, въ странѣ племени ба-теке: небольшая лужа, посѣщенная Браццой въ 1882 году, есть начало главной рѣки бассейна. Огоуэ описываетъ большую дугу къ западу и къ сѣверу, идя на соединеніе съ Пассою, послѣ чего образуетъ съ этимъ притокомъ уже настолько сильный потокъ, что, по крайней мѣрѣ во время дождей, онъ судоходенъ для пирогъ. Кверху отъ сліянія этихъ рѣкъ, обѣимъ имъ приходится пробѣгать чрезъ цѣлый рядъ уступовъ каскадами, изъ которыхъ иные имѣютъ отъ 12 до 15 метровъ высоты, вслѣдствіе чего торговыя тропы переходятъ Пассу по висячимъ мостамъ изъ сплетенныхъ ліанъ. Книзу отъ соединенія, Огоуэ течетъ излучинами, сначала къ западу, затѣмъ къ сѣверу, при чемъ мѣстами рѣку прерываютъ наклонныя плоскости, а мѣстами даже настоящіе водопады, гдѣ пирогги, влекомыя бичевою изъ ліанъ, испытываютъ большой рискъ опрокинуться; да и вообще, на протяженіи всего своего средняго теченія, Огоуэ есть не что иное, какъ одинъ «длинный порогъ». Около каскада Думэ, рѣка круто поворачиваетъ къ западу и, послѣ нѣсколькихъ новыхъ отклоненій вправо и влѣво, подходитъ къ экватору, параллельно которому и слѣдуетъ, направляясь на западъ, какъ-бы для впаденія въ Габонскій лиманъ. Кверху отъ водопада Боуэ, къ главной рѣкѣ присоединяется большой притокъ Ивиндо, истокъ котораго, какъ полагаютъ, находится по сосѣдству съ У-Банги. Воды въ рѣкѣ теперь уже весьма большая масса, но потокъ—прерываемый мѣстами скалистыми порогами, составляющими продолженіе поперечныхъ горныхъ кряжей—снова бѣжитъ неровнымъ ходомъ между утесами и «камнями-фетишами», разбить о которые свой челнокъ страшится пловецъ и которые онъ, проплывая мимо, окропляетъ концомъ своего весла. Далѣе, отклоняясь отъ экватора, рѣка дѣлаетъ новую излучину къ юго-западу, и отсюда-то и начинается нижнее ея теченіе, уже доступное пароходамъ. Изъ нѣдръ клокочущихъ водъ

[1]) Ого-Увай, Ого-вай Оговай, Оговэ и Огуэ другихъ авторовъ. Также: Оканда—по Walker'у, Авонго—по Робертсону и т. д.

[1]) F. Czarny, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde".—J. Chavanne, „Africa's Strömen und. Flüsse".

высятся два утеса, и потокъ, въ тѣснинѣ канала, имѣющаго не болѣе ста метровъ въ ширину, несется между крутыми берегами со скоростью, при половодіи, въ десять слишкомъ километровъ въ часъ. Длина теченія отъ поста Нжолэ, находящагося книзу отъ послѣднихъ пороговъ, до бухты Назарета, равняется 350 километрамъ [1]).

На этомъ нижнемъ теченіи ширина рѣки весьма значительна: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она съуживается до 500 метровъ, тогда какъ въ другихъ имѣетъ не менѣе трехъ километровъ въ ширину; во время же половодій, ея красноватыя воды разливаются по состоящимъ изъ наносныхъ почвъ берегамъ вглубь лѣсовъ такъ далеко, что очертанія береговъ становятся уже неуловимы для глаза. Многочисленные острова усѣеваютъ рѣку, при чемъ одни изъ нихъ скрѣплены корнями деревьевъ, а другіе—простыя песчаныя отмели, на которыхъ задерживаются громадными пластами несомыя волнами травы и сучья, исподволь превращающіяся впослѣдствіи въ перегной; во многихъ мѣстахъ образуются даже пловучіе острова изъ всякаго рода рѣчныхъ выкидокъ, зацѣпившихся за длинныя растенія, поднимающіяся со дна рѣки: лодки могутъ находить себѣ защиту, укрываясь за этими островами, но ногою ступить на нихъ было бы опасно. Рѣдко случается, чтобы плывущее вверхъ или внизъ по рѣкѣ судно не сѣло на мель; но подобныя приключенія обыкновенно влекутъ за собою только потерю времени, такъ какъ дно состоитъ изъ чистаго песка, который легко перемѣщается подъ опорнымъ якоремъ килемъ [2]); канонерка, сидящая въ водѣ на одинъ метръ, можетъ подняться, въ сезонъ мелководья, болѣе чѣмъ на 300 километровъ отъ устья. До недавняго времени бѣлые не могли переступать за «Мысъ-Фетишъ», находящійся при сліяніи рѣки съ самымъ большимъ ея притокомъ, съ Нгунье, по которому гребныя суда могутъ подниматься на сотню километровъ къ югу, до водопадовъ Замба, гдѣ высота воды, даже въ половодье, едва достигаетъ одного метра.

Книзу отъ впаденія Нгунье, Огоуэ, на подобіе Сенегала, развѣтвляется на побочные потоки (мариго), получающіе излишекъ водъ разлива, и даже соединяется съ обширными озероподобными и болотистыми резервуарами, усѣянными островами. Таково и то большое озеро—элива или либа—которое обычно называютъ Зоненге и которое прославилось между туземцами, какъ своимъ священнымъ островомъ, мѣстопребываніемъ могущественнаго фетишера, такъ и миражами, въ которыхъ отражающіеся, въ дождливое время года, корабли въ морѣ даютъ поводъ туземцамъ принимать ихъ за суда, плывущія на небо [1]). Цѣлый архипелагъ изъ нѣсколькихъ островковъ со скалистыми берегами усѣеваетъ—по преимуществу южную часть этого озера—горами и группами зелени; въ самыхъ впалыхъ мѣстахъ дна оно достигаетъ глубины 13 метровъ. Вся же поверхность этой массы водъ—не менѣе пятисотъ квадратныхъ километровъ. Съ Огоуэ озеро сообщается тремя судоходными каналами, при чемъ при посредствѣ двухъ изъ нихъ шлетъ свои воды въ озеро рѣка, а третій вытекаетъ изъ озера въ рѣку. Западнѣе, и все на томъ же южномъ берегу, другая элива, Ананге [2]), тоже получаетъ излишекъ высокихъ водъ; наконецъ, къ сѣверу отъ Огоуэ, берега одного изъ его развѣтвленій окаймляются большими лужами, заслуживающими названія озеръ: при этомъ въ сухое время года, на обнажившемся днѣ одной изъ лужъ, именно Азинго, находятъ куски копаловой камеди, происходящіе отъ прибрежныхъ деревьевъ [3]).

Собственно дельта начинается противъ озера Ананге, при чемъ два ея главныя развѣтвленія: нижній Огоуэ, или сѣверная рѣка, и Уанго, или южная рѣка, охватываютъ пространство приблизительно въ 4.800 квадратныхъ километровъ, считая въ этомъ числѣ и островъ съ мысомъ Лопеца, который далеко вдается въ море. Эта область во всѣхъ направленіяхъ прорѣзывается перемѣнчивыми побочными потоками и каналами, сѣть которыхъ еще не изслѣдована вполнѣ; проникнуть же въ нее, во время половодій, можно по крайней мѣрѣ по тремъ устьямъ, именно: на сѣверѣ,—бухтой Назаретской, имѣющей глубину отъ 6 до 9 метровъ, или бухтой мыса Лопецъ, на югѣ—бухтой Фернандо Ваца. Кромѣ того, къ югу отъ пояса дельты находится большая лагуна Нкоми, берега которой, въ свою очередь, изрѣзаны тысячами бухточекъ и въ которую изливаются: съ сѣвера—Уанго, вытекающій изъ Огоуэ, а съ юга—самостоятельная рѣка, или *рембо*, Овенга, истоки которой находятся въ горахъ, возвышающихся къ югу отъ озера Зоненге. Въ этой еще неопредѣленной области между землею и моремъ перемѣшиваются другъ съ другомъ рѣки, лагуны и морскія воды: иное устье рѣки одновременно является также и морскимъ проливомъ. Такъ, прибрежный морской потокъ, проникнувъ чрезъ проливъ Мексіасъ къ югу отъ острова Лопеца и прослѣдовавъ по цѣлой сѣти каналовъ-протоковъ, въ концѣ концовъ, черезъ бухту Лопеца снова вливается въ море, къ востоку отъ ея конечнаго мыса. Отъ такого изобилія материковыхъ

[1]) Trivier, „Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort“, 1886, № 4.

[2]) E. Duboc, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1884.

[1]) Griffon de Bellay, „Revue Miritime et Coloniale“. Septembre, 1863.

[2]) То же имя, какъ и Зонанге. Пишутъ, кромѣ того, и такъ: Іонепга, Онангюэ, Джонанго и т. д.

[3]) Trivier, упом. мемуаръ.

водъ, на весьма большое разстояніе поверхность моря покрыта слоемъ прѣсной воды.

Другія лагуны продолжаютъ на юго-востокъ горнаго кряжа, чтобы излиться въ море, оградивъ себя отъ морскаго потока посредствомъ длиннаго песчанаго пляжа; ни въ какомъ

Въ тростникахъ озера Бангуэло.

полу-затопленную прибрежную область, затѣмъ другая рѣка, Ніанга—истоки которой недавно открыты путешественникомъ Мизономъ—вырывается изъ ущелій окаймляющаго область другомъ мѣстѣ габонійскаго берега не бываетъ такъ сильна морская зыбь, или калема, при чемъ часто бури совершенно измѣняютъ очертанія берега. Вообще всѣ рѣки этого края, за

исключеніемъ Луэммэ, изгибаютъ на-подобіе Ніанги, свое устье къ сѣверо-востоку, параллельно какъ теченію въ морѣ, такъ и среднему направленію морской зыби: задерживаемыя при своемъ изліяніи морскими волнами, онѣ разливаются кверху отъ бара, образуя лагуны. Что же касается Луэммэ, то наблюдаемый въ ея устьѣ изгибъ къ югу объясняется присутствіемъ скалистыхъ отмелей, измѣняющихъ направленіе даже и самаго прибоя волнъ [1]). Воздѣйствію на берегъ прибоя морскихъ волнъ, приносящихъ съ юга песокъ, должна быть приписана также и форма тѣхъ бухтъ, которыя, на-подобіе зарубокъ, уступами, какъ бы пилообразно, врѣзываются въ низменные берега поморья.

Куилу (Нгюэлла), называемая въ ея верхнемъ теченіи Ньяди или Ніяри, представляетъ самую многоводную рѣку въ области, заключающейся между Огоуэ и Конго, при чемъ длина ея равняется приблизительно 600 километрамъ. О названіи этой рѣки слѣдуетъ замѣтить, что въ бассейнѣ Конго то же самое наименованіе «Куилу» дается многимъ потокамъ водъ, и что въ этихъ случаяхъ оно, вѣроятно, употребляется какъ родовое обозначеніе «рѣки» вообще. Подобно Огоуэ, съ которымъ она представляетъ нѣкоторый параллелизмъ, р. Куилу описываетъ большую дугу къ сѣверу, затѣмъ, соединившись съ однимъ значительнымъ своимъ притокомъ, Лалли, а также съ притокомъ, посылаемымъ къ ней рѣкою Ніанга, проходитъ, рядомъ дефилей съ крутыми поворотами, область сланцевыхъ горъ. Подниматься отъ устья рѣки вверхъ паровые барказы могутъ лишь на 60 километровъ, къ такъ называемымъ «воротамъ», гдѣ вертикальныя скалы возвышаются на 30 метровъ надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ: здѣсь могущественный фетишъ, хотя и держитъ ворота открытыми, но туземцы опасаются, чтобы, разсердясь, онъ когда-нибудь не заперъ ихъ, мгновенно сблизивъ, на-подобіе челюстей дракона, оба крутые берега рѣки. За этимъ узкимъ проходомъ, вверхъ по рѣкѣ слѣдуютъ другъ за другомъ еще болѣе величественныя ущелья, и въ одномъ изъ нихъ, рѣка—имѣющая въ нижней своей долинѣ отъ 300 до 700 метровъ разстоянія отъ одного берега до другаго—низводится къ ширинѣ всего въ шесть метровъ. Вообще, въ этой области прохода рѣки черезъ горы, пороги и водопады смѣняются одни другими [2]). Тѣмъ не менѣе въ цѣломъ, долина Куилу оказывается—по сравненію съ долиною Огоуэ—менѣе загроможденною скалами, а общій наклонъ отдѣльныхъ участковъ ея дна къ берегу моря болѣе пологимъ; при пробѣгѣ же рѣки по плоскогорію рѣка, впрочемъ неглубокая на этомъ плесѣ, не имѣетъ на разстояніи двухсотъ километровъ ни одного порога [1]). Возможно, что, вслѣдствіе этихъ преимуществъ, дѣлающихъ рѣку Куилу болѣе доступною для судовъ, ей суждено стать однимъ изъ бойкихъ африканскихъ торговыхъ путей сообщенія, по крайней мѣрѣ на большей части своего протяженія. Поднимаясь по ея долинѣ, можно, съ одной стороны, достигнуть, въ разстояніи менѣе чѣмъ сто километровъ отъ Конго, области, которая, какъ говорятъ, изобилуетъ мѣсторожденіями мѣди и свинца, а съ другой стороны, при посредствѣ естественнаго прохода черезъ горное плато,—проникнуть въ другую долину, спускающуюся къ Конго, книзу отъ озера Нкуна, Stanley-Pool европейскихъ путешественниковъ, т. е. къ тому пункту, съ котораго начинается лѣстница водопадовъ, дѣлающая невозможнымъ судоходство по этой части Конгской рѣки. Такимъ образомъ, желѣзная или даже обыкновенная дорога сдѣлала бы возможною—минуя тягостный путь черезъ рядъ водопадовъ—перевозку товаровъ съ берега моря непосредственно къ среднему теченію Конго. Это-то обстоятельство и было причиною того большаго оживленія въ спорахъ представителей Франціи и государства Конго, когда предстояло рѣшить, кому должна принадлежать эта многообѣщающая долина.

Колебанія въ прибыли или убыли воды въ рѣкахъ обнаруживаютъ въ общихъ чертахъ и явленія климата. Такъ, уровень воды въ Огоуэ начинаетъ подниматься въ сентябрѣ и къ срединѣ декабря достигаетъ своего максимума; затѣмъ, до конца января вода убываетъ: сезонъ зимнихъ дождей—обусловливаемыхъ перемѣщеніемъ, вслѣдъ за солнцемъ, къ югу также пояса экваторіальныхъ штилей и облаковъ—оканчивается, и наступаетъ кратковременный сухой сезонъ. Вслѣдъ за нимъ начинается сезонъ большихъ дождей; при этомъ, уровень рѣки представляетъ колебанія, соотвѣтственно изобилію или рѣдкости дождей,—но, въ среднемъ, повышается до первыхъ дней мая, когда достигаетъ наибольшей высоты. Послѣ втораго дождливаго сезона, вода правильно убываетъ съ 15 мая до сентября: это—сезонъ большой засухи, такъ какъ солнце увлекло весь поясъ облаковъ къ сѣверу. Нужно замѣтить, что геометрическій экваторъ не совпадаетъ въ этихъ областяхъ съ экваторомъ метеорологическимъ; вслѣдствіе этого, Габонъ, хотя и лежитъ подъ равноденственной линіей, съ точки зрѣнія климата находится въ дѣйствительности въ южномъ полушаріи, и переходъ изъ одной половины земнаго шара въ другую совершается въ 250 километровъ сѣвернѣе, около устья Ріодель-Кампо [2]). Отъ этой части поморья до мы-

[1]) Pechuel-Lösche, „Die Loango-Expedition".

[2]) Paul Güssfeldt, „Loango-Expedition". — Peschuel-Loesche, „Petermann's Mitteilungen", 1877, тетр. I.

[1]) Jos Chavanne, „Afrika's Ströme und. Flusse".

[2]) Hugo Zöller, упом. соч.

са Лопецъ и отъ послѣдняго до португальской территоріи дожди постепенно уменьшаются. Къ сѣверу отъ Габона среднее количество дождя исчисляется въ три метра въ теченіе года; въ Габонѣ же, по наблюденіямъ, продолжавшимся десять лѣтъ, оно равно 2 метрамъ и 51 миллиметру [1]). Но, конечно, внутри страны, въ горахъ, задерживающихъ дождливые вѣтры, количество это гораздо значительнѣе. На берегу Лоанго оно сильно колеблется: такъ, достигнувъ въ 1875 году 1 метра и 578 мм., оно въ 1877 году равнялось всего лишь 300 миллиметрамъ. Количество выпадающей влаги соотвѣтствуетъ учащенности и густотѣ облаковъ, и основанная на изысканіяхъ Teisserenc de Bort карта изонефовъ показываетъ, что изъ всѣхъ странъ на западномъ берегу Африки самая большая облачность наблюдается въ Габоніи. Различію во влажности соотвѣтствуетъ различіе въ растительности и въ наружномъ видѣ страны. Между тѣмъ, какъ во влажной сѣверной области и горы, и долины покрыты сплошнымъ лѣсомъ, на сравнительно сухомъ приморскомъ берегу Лоанги лѣса уже чередуются съ саваннами. Этимъ прерывающимъ темную зелень большихъ лѣсовъ прогалинамъ или «луговинамъ» португальцы даютъ названіе sernas [2]); видъ саваннъ измѣняется соотвѣтственно произростающимъ на нихъ четыремъ родамъ злаковъ; трава на нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ высока, что совсѣмъ скрываетъ всадника съ конемъ. На плоскогоріяхъ внутри страны, между рѣками Кунлу и Конго, лѣсовъ уже не существуетъ, и взору представляются лишь безграничные луга и кустарники.

Годичная температура колеблется въ Габонѣ между 25° и 26° Ц.: въ періодъ самыхъ жаркихъ дней, въ мартѣ и апрѣлѣ, колебанія термометра совершаются между 26° и 34°, а въ періодъ сравнительно холодныхъ іюльскихъ и августовскихъ дней—между 23° и 30°: разница между крайними мѣсячными температурами не достигаетъ и 11°. Крайнія температуры въ промежутокъ двухъ лѣтъ оказались: для Чинчочо (подъ 10 град. и 9 мин. южн. шир.) maximum 38,2°, minimum 14,8°; и для Сикангэ (0 град. 30 мин. сѣв. шир.): maximum 34,4° и minimum 17,4° [3]). Такимъ образомъ, въ Габонѣ надо бояться не жаровъ, а содержащагося въ атмосферѣ большаго количества паровъ воды. Бризы съ берега и съ моря чередуются съ большой правильностью; именно: вѣтры съ берега начинаются около одиннадцати часовъ вечера или съ полуночи и дуютъ въ утреннее время; вѣтры же съ моря поднимаются съ одиннадцати часовъ утра и продолжаются во время послѣобѣденное; такимъ образомъ, для кораблей время входа въ заливы, а также и выхода изъ нихъ, уже заранѣе опредѣлено воздушными теченіями. Но, кромѣ береговыхъ вѣтровъ, массы атмосфернаго океана увлекаются также общими вѣтрами, южными и юго-западными; вѣтры эти настолько сильны, что парусныя суда, идущія отъ Камеруна къ Габону, слѣдовательно, и противъ вѣтра, и противъ теченія, употребляютъ втрое болѣе времени, чѣмъ на обратное путешествіе, которому благопріятствуетъ и водное, и воздушное теченіе [1]). Что касается торнадосовъ, то они бываютъ преимущественно въ тотъ періодъ дождей, который приходится на первые мѣсяцы года, при чемъ почти всегда разражаются вечеромъ, между восемью и десятью часами вечера. Торнадосы вообще такъ часты, что Понель насчиталъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ на мысѣ Лопецъ только двадцать два дня, въ которые не слышался громъ. Этихъ вѣтровъ особенно не боятся, а по причинѣ приносимаго ими освѣженія воздуха европейцы Либревилля привѣтствуютъ ихъ даже съ радостью. Гибельное вліяніе климата чрезвычайно усиливается для бѣлыхъ тѣми испареніями, которыя поднимаются изъ болотъ. Пребываніе на берегахъ Огоуэ не считается столь же нездоровымъ, какъ пребываніе въ Габонѣ, несмотря на то, что около береговъ рѣки имѣется много побочныхъ каналовъ (мариго) и обширныхъ, но не глубокихъ разливовъ рѣки по низинамъ Причина этого иммунитета заключается въ томъ, что и ложе рѣки, и окрестная почва состоятъ изъ песка: кверху отъ дельты илъ и тина встрѣчаются рѣдко, а міазмы, по преимуществу, исходятъ изъ тинистаго дна. Со всѣмъ тѣмъ, число изслѣдователей, скончавшихся въ бассейнѣ Огоуэ, уже довольно велико, такъ какъ климатъ этой страны не таковъ, чтобы, подвергая себя всѣмъ опасностямъ, можно было безнаказанно изнурять себя работой. Опасна для европейца, по словамъ туземцевъ, между прочимъ, и вода рѣки Комо: обладая даже прекраснымъ здоровьемъ, выкупавшійся въ ней европеецъ выходитъ изъ воды съ кожею, покрытою прыщами [2]). Вообще, въ Габоніи нѣтъ ни одного бѣлаго, который бы вполнѣ ускользнулъ отъ лихорадки или отъ язвъ на голеняхъ. Часто эти болѣзни чередуются другъ съ другомъ. У нѣкоторыхъ же европейцевъ, изъѣденныя язвами голени, покрываясь струпьями, становятся столь же черными, какъ у негровъ.

Флора не представляетъ ни того богатства, ни того разнообразія формъ, которыя можно было бы предположить въ области, находящей-

[1]) Vincent;—Griffon du Bellay;—Rey, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris". 1878.
[2]) Richard Burton, „Two Trips to Gorilla Land".
[3]) Süssfeldt;—Hann, „Handbuch für Meteorologie".

[1]) Hugo Zöller, упом. соч.
[2]) Trivier, упом. мемуаръ.

ся въ экваторіальной Африкѣ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ территоріи, обширныя пространства даже вовсе лишены деревьевъ. И вообще, растительность, столь пышная на глубокихъ и жирныхъ земляхъ другихъ тропическихъ странъ, умѣряется здѣсь песчаною почвою. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ Габона, гдѣ имѣются лѣсныя чащи, надъ всѣми окружающими деревьями господствуютъ своими пирамидальными вѣтвями громадныя драцены. Различные виды пальмовыхъ деревьевъ,—за исключеніемъ шоколаднаго, несвойственнаго туземной флорѣ — высятся по берегамъ водъ, и всѣ промышленныя растенія другихъ странъ жаркаго пояса безъ труда были разводимы миссіонерами въ ихъ садахъ, но пока не дали практическихъ результатовъ. Впрочемъ, и лѣсныя растенія, питавшія торговлю въ первые годы занятія страны, понизились, во-первыхъ, въ своей относительной цѣнности, а, во-вторыхъ, обходятся нынѣ торговцамъ дороже, такъ какъ съ обѣднѣніемъ приморскаго берега лѣсами, идущіе въ торговлю продукты этихъ растеній необходимо доставлять уже издалека. Между прочимъ, не вывозятъ уже больше краснаго дерева (baphia nitida), нѣкогда имѣвшаго большую цѣну и въ нѣкоторыхъ своихъ разновидностяхъ предпочитавшагося въ красильномъ дѣлѣ такимъ же деревьямъ изъ Бразиліи: нынѣ плавающіе около Габона пароходы употребляютъ это дерево на топливо. Туземцы продаютъ купцамъ немного зеленаго и чернаго эбеноваго дерева (diospyros), а также доставляютъ имъ каучукъ; но ліана, производящая гуммиластикъ, становится рѣдкостью вблизи поселеній, такъ какъ чернокожіе имѣютъ обыкновеніе срѣзать самый стебель растенія, вмѣсто того, чтобы дѣлать на немъ надрѣзы. Съѣдобными растеніями туземная флора не богата. Однако, одно изъ племенъ, проживающихъ въ бассейнѣ Огоуэ, называемое окота, питается почти единственно довольно крупнымъ зеленымъ плодомъ, имѣющимъ приблизительно вкусъ какао: это—ягода въ изобиліи находящагося въ ихъ лѣсахъ растенія *дика*[1]). Растенія же зерновыя, плодовыя, корнеплодныя и съѣдобныя клубневыя—какъ и на остальномъ берегу—происхожденія иностраннаго. Такъ, въ концѣ XVIII столѣтія, въ Лоанго картофель назывался bala n'Poutou, т. е. «европейскимъ корнемъ»[2]), а шоколадное дерево—banga n'Poutou, т. е. «европейскимъ орѣхомъ». На берегахъ Габона шоколадное дерево было посажено сосланными туда преступниками лишь въ 1852 году[3]).

[1]) Marche et de Compiègne, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", septembre, 1874.

[2]) Proyart, „Histoire de Loango, Kakongo et autres royaumes d'Afrique", 1776.

[3]) Marche et de Compiègne;—Ponel,—рукописныя замѣтки.

Габонійская область прославилась своими крупными четверорукими. Къ югу отъ рѣки Огоуэ,—въ лѣсахъ, окаймляющихъ марпго и озера вблизи рѣкъ,—встрѣчаются въ наибольшемъ числѣ тѣ приматы съ страшнымъ лицомъ, на которыхъ перенесли названіе «гориллы», данное Ганнономъ и его карѳагенскими спутниками первоначально волосатымъ женщинамъ съ африканскаго берега; туземцы зовутъ этихъ обезьянъ: нжина или жина. Полоса земли, обитаемая этимъ животнымъ, простирается отъ Сенъ-Бенито до Лоанго; на верховьяхъ Огоуэ оно весьма рѣдко, и его никогда не встрѣчали на берегахъ Конго[1]), хотя, по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, его, будто-бы, находили въ землѣ Ніамъ-Ніамъ[2]). Объ этомъ звѣрѣ имѣлись лишь смутные разсказы чернокожихъ[5]), пока, въ 1847 году, американскій миссіонеръ Savage не нашелъ на Габонѣ черепа гориллы, который имъ былъ данъ бостонскимъ анатомамъ для изученія[4]). Лѣтъ двѣнадцать спустя, путешественникъ дю-Шалью встрѣчалъ и охотился за этими ужасными обезьянами въ ихъ родныхъ лѣсахъ; однако, опьяненный своимъ тріумфомъ, дю-Шалью видѣлъ въ этомъ животномъ болѣе страшное созданіе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ: не повторяя басенъ негровъ о томъ, что, будто-бы, гориллы нападаютъ на слона и иногда вступаютъ въ правильныя сраженія съ жителями деревень, — дю-Шалью описалъ младшаго брата Неандертальскаго человѣка чудовищемъ въ шесть футовъ высоты, которое смѣло идетъ на человѣка, грузно переваливаясь своимъ огромнымъ туловищемъ на короткихъ ногахъ, разѣваетъ пасть, чтобы показать свои страшныя челюсти, затѣмъ вдругъ останавливается на нѣсколько секундъ, чтобы, подъ ударами своихъ кулаковъ, заставить звучать свою грудь на подобіе барабана, и заревѣть могильнымъ и пронзительнымъ голосомъ, слышнымъ на пять километровъ въ окружности! Горе противнику, если чудовище не будетъ убито первымъ выстрѣломъ! Звѣрь бросается на охотника, однимъ ударомъ зубовъ разбиваетъ въ дребезги оружіе, а руками разрываетъ или переламываетъ ему позвоночникъ[5]). Однако, путешественники, посѣщавшіе прибрежья Огоуэ послѣ дю-Шалью, не описываютъ уже «царя лѣсовъ» такимъ грознымъ созданіемъ. Въ дѣйствительности горилла—которую легко приручить, если поймать совсѣмъ молодою[6]) и если она не уморитъ се-

[1]) Ponel, рукописныя замѣтки.

[2]) Th. von Heuglin, „Petermann's Mittheilungen", 1864.

[3]) Bowdich, „A mission to Ashantee", 1819.

[4]) Wyman, „Journal of Natural History", Boston, 1887. — Savage, „Proceedings of the Zoological Society", february 22, 1848.

[5]) Paul B. du Chaillu, „Explorations and Adventures in Equatorial Africa";—A Journey to Ashango-Land.

[6]) Marche et de Compiègne, упом. соч.

бя голодомъ — представляетъ трусливую обезьяну, бѣгущую передъ человѣкомъ и не отваживающуюся пускать въ ходъ свои мощныя мышцы; средній ростъ ея, повидимому, равняется полутора метрамъ; однако тотъ экземпляръ гориллы, который дю-Шалью доставилъ въ Англію, по измѣренію Оуэна, имѣлъ 1,676 миллиметровъ,—ростъ, превосходящій средній ростъ европейца; а Понель видѣлъ, около Боуэ, одну гориллу, ростъ которой былъ не менѣе 1 метра и 724 миллиметровъ. Изъ большей части тѣхъ лѣсовъ, въ которыхъ гориллу находили первые охотники, она исчезла: ее уже не видятъ на островѣ мыса Лопеца. Во время пребыванія германской экспедиціи въ Чинчочо, животное это не переступало на югъ за Лоангскіе лѣса.

Видъ на западномъ берегу озера Танганійки.

Шимпанзе тоже обитаетъ въ Габоніи, осо-

бенно въ южномъ бассейнѣ Огоуэ и въ бассейнѣ Куилу, но онъ весьма рѣдко встрѣчается по сосѣдству съ жилищами людей и ловится гораздо труднѣе гориллы, такъ какъ весьма ловко лазитъ по деревьямъ и, для сокрытія отъ взоровъ охотниковъ, взбирается на маковки деревьевъ; однако онъ любитъ держаться около лѣсныхъ лужаекъ. Ручнѣютъ молодые шимпанзе, какъ и другія обезьяны этого семейства, весьма легко. Nchfego mbouvé (troglodytes calvus) представляетъ менѣе рослое, чѣмъ шимпанзе и горилла, животное, съ лысою головою и меланхолически-кроткимъ выраженіемъ лица. Эта обезьяна устраиваетъ себѣ изъ вѣтокъ и листьевъ гнѣзда, которыя, при помощи сплетенныхъ ліанъ, крѣпко привязываетъ къ толстымъ сучьямъ. Дю-Шалью открылъ еще одну разновидность троглодита, называемую кула или кулу; это животное, очень рѣдкое, отъ габонійскихъ человѣкообразныхъ отличается болѣе значительною емкостью черепа въ сравненіи съ своимъ ростомъ, менѣе прогнатическимъ лицомъ, болѣе высокимъ лбомъ, возвышающимся надъ менѣе выпуклыми надбровными дугами, и ушами, едва отличимыми отъ ушей человѣка. Изъ всѣхъ обезьянъ, троглодитъ кула, быть-можетъ, всего болѣе приближается къ типу человѣка, такъ какъ, конечно, разстояніе между первой изъ обезьянъ и послѣднимъ изъ людей менѣе велико, чѣмъ между двумя крайними представителями человѣческаго рода. Жанъ де-Брацца тоже открылъ въ бассейнѣ Огоуэ одинъ новый видъ обезьяны: colobus tholoni.

Льва не встрѣчаютъ въ лѣсахъ западной Габоніи, но леопардъ и другіе виды изъ большихъ животныхъ семейства кошачьихъ тамъ водятся, хотя на человѣка они нападаютъ рѣдко. Слонъ, который, по словамъ дю-Шалью, составлялъ будто-бы особую разновидность, сталъ нынѣ довольно рѣдокъ; онъ удалился къ плоскогоріямъ внутри Африки и, какъ и въ Камерунской области, бивни слона стали уже въ торговлѣ скорѣе рѣдкимъ предметомъ роскоши, чѣмъ предметомъ правильнаго обмѣна. Изъ дикихъ звѣрей туземцы всего болѣе боятся особой породы буйволовъ, которые съ поразительною быстротою проходятъ въ подлѣсьѣ, и кабановъ съ бѣлымъ лбомъ (potamochaerus albifrons), которые однимъ прыжкомъ перескакиваютъ чрезъ ручьи въ нѣсколько метровъ шириною: эти животныя одомашнены въ нѣкоторыхъ частяхъ центральной Африки [1]), но не въ Габоніи. Носороги еще довольно многочисленны въ рѣкахъ, и ихъ встрѣчаютъ даже въ соленыхъ лиманахъ около мыса Лопецъ; такимъ образомъ оказывается, что это громадное толстокожее привыкло къ морской водѣ въ этой области Африки такъ же хорошо, какъ и въ морскихъ пространствахъ архипелага Биссагосъ [1]). Говорятъ, будто ламантинъ поднимается также и въ боковые потоки Огоуэ; по Зюссфельдту, онъ не рѣдокъ въ лагунахъ Лоанго, гдѣ также весьма обыченъ крокодилъ и гдѣ онъ никогда не нападаетъ на человѣка. Въ лѣсахъ многочисленные грызуны живутъ рядомъ съ обезьянами; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: кендо, самая маленькая изъ бѣлокъ, и мбоко, т. е. «грызущій слоновую кость» (sciurus eborivorus), зубамъ котораго въ самомъ дѣлѣ доступны слоновьи бивни [2]).

Кромѣ млекопитающихъ, и остальной животный міръ—птицы, рыбы, пресмыкающіяся и насѣкомыя доставилъ—естествоиспытателямъ большое число новыхъ формъ, хотя въ этомъ отношеніи страна оказалась менѣе богатою, чѣмъ другія части африканскаго материка. Натуралисты ловятъ тамъ привлекательную золотистую кукушку (chrysococcyx smaragdineus), окрашенную сплошь въ золотисто-желтый цвѣтъ, съ изумруднымъ оттѣнкомъ; металлическаго дрозда, не менѣе красиваго, какъ и дроздъ сенегальскій; суимангу (souimanga magnificus) и сѣраго попугая съ краснымъ хвостомъ, одного изъ тѣхъ, которые легче всего дрессируются [3]). Одна изъ рыбъ Огоуэ, шондо, оказывается умѣющею весьма искусно вырывать своимъ роговымъ рыломъ—для кладки яицъ—геометрически правильныя кругообразныя ямки, располагая ихъ, для выигрыша мѣста на песчаныхъ отмеляхъ, косыми рядами [4]). Островъ Кориско, въ своихъ лужахъ, пропитываетъ одну разновидность протея [5]), а электрическія рыбы живутъ въ водахъ Куилу. Изъ змѣй, по большей части ядовитыхъ, Компьенемъ изучены тридцать видовъ. Представители муравьевъ настолько грозны, что жители страны съ полнымъ правомъ опасаются ихъ болѣе, чѣмъ слоновъ и леопардовъ: въ особенности свирѣпыми оказываются башикуэ. Случается видѣть ихъ полчища, въ которыхъ, между двумя рядами наблюдающихъ за порядкомъ офицеровъ, двигаются милліоны индивидовъ, и всякое животное существо, не посторонившееся передъ ними, обречено на неминуемую гибель; не заботясь о своей собственной жизни и заранѣе обрекши себя въ жертву для торжества своей общины, они съ яростью набрасываются на свою добычу; когда они проникаютъ въ какую-нибудь хижину, то живущіе въ ней люди спѣшатъ ее покинуть, а возвратясь уже не находятъ ни грызуновъ, ни насѣкомыхъ, ни гадовъ: очистка произведена полная. Но башикуэ очень боятся бле-

[1]) R. Hartmann, „Nigritier".

[1]) Du Chaillu;—Dufourcq;—Trivier, упом. мемуаръ.
[2]) Du Chaillu, упом. соч.
[3]) Du Compiègne, упом. соч.
[4]) Griffon du Bellay, „Revue Maritime et Coloniale", Septembre, 1863.
[5]) R. Burton, упом. соч.

стящаго свѣта: такъ, если, слѣдуя въ избранномъ ими направленіи, имъ доводится идти при непосредственномъ освѣщеніи солнцемъ, то подъ озаренною его лучами частью пути они вырываютъ галлереи и продолжаютъ свое движеніе въ темнотѣ [1]). Другіе муравьи живутъ въ деревьяхъ, которыя они окружаютъ красиво скроенными покрывалами; иные, обитая на равнинахъ, возводятъ себѣ тамъ изъ глины жилища, которыя походятъ на совершенно правильные гигантскіе шампиньоны, съ голубоватой кожицею; наконецъ, есть также красные муравьи, живущіе въ сообществѣ съ термитами въ ихъ муравейникахъ, похожихъ на колоколенки [2]). Что касается пауковъ, почти неизвѣстныхъ въ Камерунѣ, то, по словамъ Компьеня, въ Габоніи ихъ «невѣроятное число видовъ»; моллюски, напротивъ, чрезвычайно рѣдки. Великимъ бичемъ для страны является нарывная блоха, pulex penetrans, завезенная изъ Бразиліи.

Населеніе Габоніи, также какъ въ Камерунѣ и областяхъ по Нигеру, состоитъ, повидимому, въ большей своей части, изъ прибывшихъ съ востока негритянскихъ племенъ. Подобно тому, какъ волны морскаго прибоя, прежде чѣмъ широко разлиться по прибрежью, набѣгаютъ одна на другую, такъ и различныя по происхожденію и по языку племена, оттѣсняя все болѣе и болѣе своихъ предшественниковъ къ морскимъ берегамъ, послѣдовательно надвигались другъ на друга въ направленіи къ западу, при чемъ такое поступательное движеніе ихъ оканчивалось или тѣмъ, что они истребляли встрѣченныя племена, или же сливались съ ними и образовывали новые народы. Такимъ образомъ, переселенія слѣдовали за переселеніями, до безконечности видоизмѣняя географическое распредѣленіе семействъ и племенъ и дѣлая, поэтому, невозможнымъ всякое раздѣленіе расъ. Именъ народцевъ, разсѣявшихся между моремъ и нижнимъ теченіемъ Конго, насчитываютъ сотни; но между этими разобщившимися другъ съ другомъ группами сколько сходства въ физическихъ чертахъ, характерѣ и нравахъ, свидѣтельствующаго о нѣкогда существовавшихъ сосѣдскихъ или родственныхъ связяхъ между этими племенами!

Съ точки зрѣнія привычекъ и промысловъ, де-Брацца дѣлитъ всѣ эти народцы на двѣ группы: на «людей кустовъ» или лѣсныхъ, и на «людей прирѣчныхъ». Изъ нихъ, прибрежные, будучи потомками негроторговцевъ и складчиками товаровъ, считаютъ себя болѣе цивилизованными, но зато люди кустовъ, при всей своей меньшей внѣшней вылощенности, умнѣе и менѣе развращены, въ сравненіи съ племенами, проживающими около моря и рѣкъ.

Племена, наиболѣе извѣстныя и говорящія на языкѣ, наилучше изученномъ миссіонерами и лингвистами, суть мпонгуэ, м'понгуэ, понгуэ или понго. Разселены эти племена по берегамъ Габона, но языкъ ихъ—самый распространенный во всей приморской области; именно, по Компьеню, на немъ постоянно говорятъ восемь племенъ, понимаютъ его одиннадцать другихъ племенъ, а нѣкоторыя изъ его словъ извѣстны почти на протяженіи всего края. Этотъ языкъ, первый лексиконъ котораго появился уже въ 1840 году, представляетъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ типовъ обширнаго семейства нарѣчій банту, и знакомые съ нимъ признаютъ, что изъ всѣхъ языковъ на материкѣ только онъ одинъ и отличается какъ благозвучностью, такъ и логичностью своихъ формъ: на немъ—благодаря точности и совершенству правилъ, управляющихъ соединеніемъ корней и приставокъ—можно съ удивительною ясностью выражать всѣ идеи, а словарь языка, не подвергаясь запутанности, можетъ увеличиваться до безконечности [1]). На этомъ языкѣ миссіонеры были въ состояніи переводить Евангеліе и писать религіозныя сочиненія, не заимствуя ни одного иностраннаго слова. Мпонгуэ—называющіе себя также айого, что̀ значитъ «мудрые», — обладаютъ большимъ количествомъ пѣсенъ, басенъ и преданій, которыя они и пересказываютъ въ часы вечерняго досуга; кромѣ того, у старѣйшинъ ихъ имѣется также тайный языкъ, называемый ими: «сокровенныя слова», которыя, можно думать, составляютъ остатокъ древняго языка, сдѣлавшагося, по преданію, священнымъ. Переходъ отъ языка мпонгуэ къ другимъ языкамъ довольно рѣзокъ; но, тѣмъ не менѣе, родственность между языками африканскихъ склоновъ къ Атлантическому и Индійскому океанамъ сохранилась: именно, пятая часть словъ языка мпонгуэ встрѣчается, въ свою очередь, и въ языкѣ сауахили на восточномъ берегу Африки [2]).

Должно, однако, замѣтить, что нынѣшніе мпонгуэ—въ собственномъ смыслѣ этого слова—представляютъ лишь слабые отпрыски нѣкогда значительной націи, такъ какъ мало-по-малу они сливаются съ тѣми чернокожими, которые надвигаются извнутри страны. Семейства, называющія себя «дочерями почвы» и отличающіяся красотою, постепенно исчезаютъ, уносимыя эпидемическою оспою, легочною чахоткою, золотухою и послѣдствіями невоздержной жизни. Многіе изъ туземцевъ курятъ листья ліамбы (растенія вродѣ конопли), и отъ такого куренія впадаютъ, подобно

[1]) Du Chaillu, упом. соч.;—de Compiègne, „l'Afrique équatoriale".
[2]) Ponel, рукописныя замѣтки.

[1]) F. Ricard, „Le Sénégal", Etude intime.
[2]) Wilson, „Grammar of the Mpongwa Language";—K. W. Cust, „Modern Languages of Africa"

восточнымъ народамъ отъ гашиша, сначала въ неистовство, а затѣмъ въ отупѣніе: вообще эта пагубная привычка приводитъ ихъ къ преждевременному увяданію. Затѣмъ, все увеличивающееся вымираніе расы обусловливаютъ также и весьма частые искусственные выкидыши. Наконецъ, многіе габонійцы—не желая отбывать натуральную повинность по содержанію дорогъ и набережныхъ въ Либревиллѣ—переселяются на островъ Кориско, на которомъ они занимаются рыболовствомъ [1]). Такимъ образомъ, на берегахъ лимана представителей племени мпонгуэ осталось лишь весьма немного, да и тѣ уже утратили свои первоначальные нравы; одни изъ нихъ, группируясь около католическихъ или протестантскихъ миссіонеровъ, называютъ себя христіанами; а другіе, сохраняя своихъ фетишей, выпрашиваютъ крестики у европейцевъ и продаютъ своихъ, выстроганныхъ изъ дерева, боговъ за боченки съ водкою. Будучи остроумными, эти мпонгуэ отличаются непостоянствомъ, тщеславіемъ и болтливостью, вслѣдствіе чего для работъ по управленію ихъ приходится замѣнять нанятыми людьми изъ племени кру или изъ сенегальцевъ.

Чтобы видѣть туземцевъ, еще не утратившихъ характеристическихъ чертъ своей расы, надо идти далеко отъ Габона, къ племенамъ: *мбута*, на берегахъ бухты Кориско, *булу*, на р. Комо, *нкоми* и *орунгу*, на нижнемъ теченіи Огоуэ, *ининга* и *галоа*, около озера Зоненге. Всѣ эти племена вообще сильны и хорошо сложены, кожу имѣютъ отливающую прозрачнымъ бронзовымъ цвѣтомъ, лобъ высокій, глаза блестящіе, лицо умное. Женщины изъ племени галоа считаются даже самыми красивыми во всей Габоніи, вслѣдствіе чего начальники сосѣднихъ племенъ стараются обзавестись, частью путемъ похищенія, частью же путемъ покупки, возможно большимъ количествомъ дѣвушекъ изъ того края. Вообще продажа бѣлымъ или чернокожимъ иностранцамъ своихъ женщинъ составляетъ, послѣ сбыта въ Либревилль домашней птицы и цыновокъ, главный промыселъ мѣстныхъ жителей, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые проживаютъ по сосѣдству съ мысомъ Лопецъ, гдѣ нѣкогда находился одинъ изъ главныхъ притоновъ негроторговцевъ на африканскомъ берегу. Однако, хотя женщины и считаются просто товаромъ, тѣмъ не менѣе онѣ находятъ средства для самозащиты: именно, въ каждомъ племени основались по образцу мужскихъ франкмасонскихъ обществъ, женскія тайныя общества, и при помощи хитрости и чаръ этимъ сообществамъ удается пріобрѣтать иногда большую власть, участвующія въ нихъ женщины устраиваютъ свои собранія въ лѣсахъ, вокругъ мѣднаго котла, наполненнаго травами-фетишами; и къ этому священному мѣсту ихъ совѣщаній никогда не осмѣлится приблизиться ни одинъ мужчина, какъ равно женщины никогда не дерзнули бы произнести магическое слово «ясси», употреблять которое имѣютъ право только мужчины: такое преступленіе повлекло бы за собой смертную казнь. Чтобы устранить дурной рокъ, женщины расцарапываютъ себѣ кожу, прикрываютъ голову *моганою*, присоединяемою къ убранствамъ въ прическѣ, къ ожерельямъ и кольцамъ изъ бусъ, которыми онѣ украшаютъ себѣ грудь и шею.

Селеніямъ, какъ и жителямъ ихъ, покровительствуютъ фетиши, вслѣдствіе чего входъ въ главную аллею села—находящуюся между двумя рядами хижинъ—защищаютъ отъ злыхъ духовъ либо вѣтвями деревьевъ и лоскутами тканей, либо очистительнымъ огнемъ. Вещами, которымъ приписываются охранительныя свойства, окружаютъ также и могилы; но, для болѣе дѣйствительнаго охраненія мѣстъ погребенія начальниковъ племени, прибѣгаютъ къ утаиванію отъ постороннихъ ихъ могилъ, которыя и вырываются близкими друзьями покойныхъ въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстѣ. Что касается самаго погребенія, то, вмѣстѣ съ трупами, кладутъ также и пищевые припасы необходимые для дальняго путешествія; нѣкогда, вмѣстѣ съ покойниками, зарывали также и ихъ рабовъ, для доставленія умершимъ на томъ свѣтѣ собесѣдниковъ; также сѣкли женъ, чтобы у нихъ сохранилось воспоминаніе о проявленной обществомъ печали по покойномъ; но нынѣ эти обычаи, сопровождавшіеся, кромѣ того, людоѣдствомъ, покинуты. Ежегодно мпонгуэ чествуютъ праздникъ мертвыхъ; они сжигаютъ траву на кладбищахъ и приносятъ на могилы бананы и мясо, которые и отвѣдываютъ сами, чтобы наглядно показать усопшимъ, что принесенныя кушанья не отравлены. Если затѣмъ къ слѣдующему утру пища исчезнетъ, то все племя радуется, такъ какъ такое исчезновеніе свидѣтельствуетъ о принятіи жертвы; напротивъ, если кушанья на могилахъ окажутся нетронутыми, то приносителямъ угрожаютъ великія бѣдствія, для предотвращенія которыхъ снова приготовляютъ погребальныя яства, которыя, конечно, рано или поздно и будутъ съѣдены лѣсными животными и птицами. Галоа полагаютъ, что умершій оживаетъ въ формѣ животнаго, и обыкновенно въ формѣ бабочки [1]). Исламъ еще не проникъ въ Габонію; и хотя обрѣзаніе дѣтей и обыденно у извѣстныхъ племенъ, а у нѣкоторыхъ справляется даже съ большимъ торжествомъ, но это лишь древній обычай принигерскихъ народцевъ, установившійся значительно ранѣе появленія Магомета.

[1]) Ponel, упом соч.

[1]) De Compiègne, „Afrique equatoriale“.

По словамъ de-Brazza, у племени *ма-дума* обрѣзаніе совершается лишь въ юношескомъ возрастѣ, между 18 и 20 годами.

Негры *бенга* или *мбенга*, живущіе на небольшомъ испанскомъ островѣ Кориско, говорятъ на языкѣ одного происхожденія и одного строя съ языкомъ мпонгуэ; но, тѣмъ не менѣе, различія между этими обоими языками настолько значительны, что позволяютъ предположить отсутствіе всякихъ сосѣдскихъ сношеній между этими племенами даже и въ недавнее еще время. Повидимому, ни одинъ изъ островитянъ, имѣвшихъ въ 1855 году преклонные годы, не былъ рожденъ на Кориско: всѣ они прибыли съ материка, изъ той области, которая расположена къ сѣверу отъ Муни. Области же распредѣленія двухъ языковъ перемѣшались другъ съ другомъ столь причудливо, что, вѣроятно, натискъ переселенцевъ съ востока былъ крайне стремителенъ, и бѣгущія передъ ними племена разсѣивались направо и налѣво. Между одиннадцатью племенами, которыя, по Compiegne'ю, говорятъ на языкѣ бенга или на весьма близкихъ къ нему нарѣчіяхъ, есть и такія, какъ напримѣръ племя *шекіани*, главная масса которыхъ обитаетъ къ югу отъ Габонскаго лимана, затерявшись между племенами, родственными съ мпонгуэ: такимъ образомъ вражескія нашествія раздѣлили народъ на доли, разсѣявшіяся по разнымъ областямъ. Однако, къ сѣверу отъ Муни, племена языка бенга сплочены въ одну цѣльную этническую группу: *мбэ*, *мусседжи*, *эгара*, *ба-пуко*, *ба-ноко* и *ба-танга* принадлежатъ къ тому семейству, которое занимаетъ морской берегъ вплоть до страны племени дуалла, находящейся уже въ германскихъ владѣніяхъ. Такъ какъ въ говорахъ поименованныхъ племенъ встрѣчается довольно большое число португальскихъ словъ, то это свидѣтельствуетъ о долгомъ пребываніи этихъ народовъ на морскомъ берегу, къ которому они были отброшены племенемъ фанъ, т. е. «людьми кустовъ» [2]). Другими указаніями на продолжительность сношеній этихъ туземцевъ съ европейцами служитъ ихъ сравнительное равнодушіе къ фетишизму и колдовству. И вообще, посѣщаемые миссіонерами чернокожіе—даже и въ томъ случаѣ, когда они не обратились въ новую вѣру—оказываются, изъ поколѣнія въ поколѣніе, все болѣе и болѣе поколебленными въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ. Санъ начальника у этихъ туземцевъ передается не по наслѣдству, а по избранію. Главное занятіе бенга и ихъ сосѣдей на морскомъ берегу—торговля: прирожденные торгаши, они безъ устали бродятъ вокругъ факторій, чтобы только совершить мѣновую сдѣлку. Въ этой области всѣ служащіе въ факторіяхъ—изъ ихъ племени; крумены, занимающіе подобныя же мѣста въ торговыхъ учрежденіяхъ Камеруна, здѣсь уже не встрѣчаются. Бенга также опытны и предпріимчивы и въ рыболовствѣ.

Весьма близки къ бенга, по языку, *ба-калэ* [1]),—племя, еще не достигшее моря и обитающее во внутреннихъ лѣсахъ большей части той, параллельной морскому берегу, полосы, которая простирается между Муни и Сетте-Камма. Главныя колѣна этого племени находятся къ югу отъ Огуэ: по Вильсону, численность его можно принять въ сто тысячъ человѣкъ; но, подобно мпонгуэ, ба-калэ быстро уменьшаются въ числѣ, вслѣдствіе оттѣсненія ихъ къ западу племенами, направляющимися извнутри страны: такъ, за время одного поколѣнія уже исчезли цѣлые кланы. Говорятъ, будто ба-калэскія женщины мало плодовиты, а междоусобныя войны, процессы по обвиненію въ колдовствѣ и въ особенности насильственныя перемѣщенія, обусловливаемыя вторженіемъ племени фанъ, увеличиваютъ къ тому же и естественную смертность. Подвигаясь съ юго-востока вдоль р. Нгуніэ [2]), ба-калэ разсѣяли передъ собою племя шекіани; въ свою очередь, и сами они были разъединены другими завоевателями и должны были разселиться порознь, частями, между другими народцами. Впрочемъ, перемѣна мѣстожительства не очень затрудняетъ ба-калэ; будучи отъ природы весьма склонны къ кочевой жизни, они зачастую покидаютъ свое селеніе, даже не убравъ вполнѣ и жатву съ своихъ полей. Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ переселеніямъ служитъ чрезвычайный страхъ смерти: когда два человѣка умираютъ другъ за другомъ въ промежутокъ нѣсколькихъ дней, то ба-калэ воображаютъ, что деревня ихъ заколдована, а потому и спѣшатъ ее покинуть [3]). Если, разсказываетъ по этому же поводу дю-Шалью, у престарѣлаго отца нѣтъ сына, который могъ бы за него заступиться, то старика выгоняютъ изъ села, чтобы онъ шелъ умирать въ лѣсъ и не навлекалъ бы злосчастія на голову своихъ согражданъ.

Ба-калэ держатъ рабовъ лишь въ небольшомъ числѣ; плѣнниковъ же своихъ они продаютъ. Какъ и въ большей части другихъ племенъ Габоніи, молодые люди осуждены на экзогамію: добывать себѣ женъ они должны не только внѣ своихъ селеній, но, если возможно, даже внѣ своего клана или колѣна; и только въ случаяхъ наслѣдованія, сынъ получаетъ

---

[1]) Duloup, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille".

[1]) А-Келлэу Ленца, ба-калеу большинства французскихъ авторовъ. А-калэ—названіе въ единственномъ числѣ, ба-калэ—во множественномъ (Ponel, рукописныя замѣтки).

[2]) Oscar Lenz, „Mitteilungen des geographischen Gesellschaft in Wien", 1878.

[2]) Paul de Brazza, „Tour du Monde", 1887.

себѣ въ супруги женъ своего отца, за исключеніемъ, однако, своей собственной матери. У ба-калэ законъ о наслѣдствѣ иной, чѣмъ у сопредѣльныхъ съ ними племенъ: именно у ба-калэ отцу наслѣдуетъ сынъ, между тѣмъ, какъ у сосѣдей—братъ, а если брата нѣтъ, то племянникъ. Подобно габонійскимъ женщинамъ, и у ба-калэ женщины составляютъ сообщества для взаимной защиты; при этомъ мѣстомъ для ихъ собраній и совершенія мистерій служитъ хижина, входить въ которую мужчинамъ воспрещено. Законъ о возмездіи строго соблюдается въ землѣ ба-калэ, но порою онъ примѣняется очень страннымъ способомъ, свидѣтельствующимъ о весьма слабомъ развитіи идеи справедливости. Такъ, если у кого-либо похитили барана, то обокраденный беретъ схожаго съ украденнымъ барана изъ какого-нибудь другаго стада; за этою второю кражею слѣдуетъ, въ свою очередь, третья, уже со стороны обокраденнаго при второмъ похищеніи, а, затѣмъ, похищенія слѣдуютъ одно за другимъ до тѣхъ поръ пока, наконецъ, община не возмутится и не возстановитъ справедливости. Если въ какомъ-нибудь селѣ одинъ изъ его обитателей будетъ убитъ постороннимъ селенію человѣкомъ, то за кровь должно отплатить также кровью; но если убійца принадлежитъ къ настолько могущественному клану, что тронуть его опасно, то обиженные съискиваютъ себѣ жертву въ другомъ какомъ-нибудь колѣнѣ. Однако, истиннымъ виновникомъ втораго преступленія считается все-таки первый убійца, какъ зачинщикъ всего зла, и поэтому оба оскорбленныя колѣна соединяются противъ того, которое дало убѣжище первому, теперь уже двойному, убійцѣ [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ область р. Огоуэ стала часто посѣщаться бѣлыми, ба-калэ измѣнили свой образъ жизни. Прежде они были по преимуществу воины и охотники, а нынѣ стали торговцами, разнощиками и гребцами. Имъ принадлежитъ монополія перевозки товаровъ на протяженіи одной части нижняго теченія рѣки. Ихъ нарѣчіе, ди-келэ, стало, въ смѣшеніи съ языкомъ мпонгуэ, посредствующимъ торговымъ языкомъ между прирѣчными населеніями вплоть до первыхъ водопадовъ. Они перестали вырабатывать желѣзо и мѣдь, такъ какъ необходимую для себя утварь и оружіе получаютъ, при мѣновомъ торгѣ, уже изъ Европы. Наконецъ, они перестали уже строить деревни на-подобіе небольшихъ крѣпостей, какія кое-гдѣ еще встрѣчаются въ лѣсу, защищенныя крѣпкими воротами на обоихъ концахъ единственной улицы, на которую выходятъ фасады хижинъ.

Между племенами, населяющими берега Огоуэ кверху отъ деревень ба-калэ, Compiègne упоминаетъ только объ одномъ, говорящемъ на томъ же нарѣчіи: это племя *ба-нгуэ* (бангуэ), живущее въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ водопадовъ, у которыхъ оканчивается среднее теченіе рѣки. Остальные же народцы, за исключеніемъ племени *фанъ*, всѣ принадлежатъ, по языку, къ этническимъ группамъ мпонгуэ или мбенга. Негры ивили, на нижнемъ Огоуэ—родственные племени *ба-вили*, обитающему въ верховьяхъ Нгуніэ—смирные и трудолюбивые люди, пришедшіе съ юга и непрерывно возрастающіе въ числѣ на счетъ своихъ сосѣдей; повидимому, они другой расы, чѣмъ мпонгуэ, но усвоили языкъ послѣднихъ; на этомъ же нарѣчіи говорятъ также *аджумба*, прибрежные жители озера Азинго. Что же касается племенъ апаніи, пшого, ялибонго, окота, оканда, адума или ма-дума, ауанши и обамба, то ихъ нарѣчіе съ трудомъ можно отличить отъ говора негровъ, живущихъ на испанскомъ островѣ Кориско. *Ба-нгуэ*—обладающіе коммерческимъ духомъ, подобно своимъ сородичамъ ба-калэ, но менѣе развращенные соприкосновеніемъ съ торговцами поморья и менѣе подвергшіеся гибельному дѣйствію водки—кажется, также ведутъ болѣе осѣдлый образъ жизни. Старинные нравы у нихъ еще сохранились, удержался, между прочимъ, и обычай укрѣплять свои деревни. Женщины ба-нгуэ—по большей части одаренныя богатырской силой—отличаются отъ женщинъ другихъ племенъ рельефною татуировкою на груди. Бангуэ, подобно своимъ сосѣдямъ оканда, имѣютъ чрезвычайную страсть къ соли, которую и ѣдятъ полными горстями, если, впрочемъ, соль не запрещена имъ фетишеромъ, ибо въ Габоніи, также какъ въ Камерунѣ и многихъ другихъ странахъ земнаго шара, религіозныя предписанія строго регулируютъ пищу, при чемъ одно кушанье бываетъ разрѣшено, а на другое, напротивъ, наложено табу. *Ерунда*, т. е. запрещеніе какой-нибудь пищи, бываетъ временнымъ для однихъ и постояннымъ для другихъ, и отъ прикосновенія къ запрещенной вещи должны воздерживаться не только цѣлыя семьи, но даже цѣлыя колѣна и племена. Для женщинъ племени *оканда*, ерунда обнимаетъ всѣ виды мяса; кромѣ овощей, плодовъ и зерна, онѣ могутъ ѣсть только черепаху, которая въ глазахъ окандскихъ фетишеровъ есть существо сомнительное, «ни рыба, ни мясо». Женщина—будучи рабыней, такъ какъ она покупается—все-таки, опираясь на поддержку другихъ женщинъ, обладаетъ нѣкоторыми средствами самозащиты. Въ колѣнахъ племени апинжи она можетъ заставить уступить ее другому мужу, подъ условіемъ, чтобы этотъ второй мужъ выплатилъ всю стоимость ея покупки. Равнымъ образомъ слуги могутъ мѣнять своихъ господъ; когда же рабъ убьетъ

[1]) Winwood Reade, „Savage Africa"; —P. du Chaillu, упом. соч.

свободнаго человѣка, то вмѣстѣ съ рабомъ долженъ умереть и его владѣлецъ, ибо только свободный человѣкъ можетъ искупить свободнаго.

такъ и переселившіеся. Во время утвержденія французовъ на берегахъ Габона, имя фановъ было еще почти не извѣстно въ странѣ, хотя Bowdich и упоминаетъ о нихъ уже въ 1819 го-

У-Банга. Видъ съ поста Нкунджіа.

Къ востоку отъ Габона и къ сѣверу отъ Огоуэ, большая часть территоріи занята племенемъ *фанъ*, оттѣснившимъ передъ собою, въ направленіи съ сѣверо-востока къ юго-западу, всѣ остальныя племена, какъ аборигенныя,

ду, подъ названіемъ Paamways, характеризуя ихъ, какъ расу фула [1]). Передовыя селенія ихъ

[1]) Sketch of Gabon;—R. Burton, „Two trips to Gorilla Land".

еще находились въ глубинѣ страны, на гористыхъ плоскогоріяхъ, къ сѣверу отъ притоковъ Огоуэ. Нынѣ же они живутъ на берегахъ Комо, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ поселеніями мпонгуэ около Гласса и Либревилля; къ сѣверу они граничатъ съ племенемъ батанга; къ югу отъ Габона ихъ развѣдчики достигли уже во многихъ мѣстахъ моря; одно изъ ихъ колѣнъ, *сіяке*, занимаетъ полосу пороговъ въ верховьяхъ Ивиндо, а *осіэба* переправились на плотахъ чрезъ среднее теченіе Огоуэ и даже проникли въ области дельты, до Рембо-Овенго. Внушая страхъ всѣмъ другимъ народцамъ, они—на восходѣ своего могущества, и повсюду, гдѣ ни появляются, становятся безспорными властелинами. Численность ихъ только въ тѣхъ областяхъ, въ которыя проникали европейцы, предполагается равняющеюся двумъ стамъ тысячамъ, при чемъ съ средины текущаго столѣтія народъ этотъ утроился не только вслѣдствіе непрерывной иммиграціи, но благодаря также избытку рожденій, такъ какъ фанскія женщины, позднѣе выходя замужъ, оказываются и болѣе плодородными, въ сравненіи съ женщинами сосѣднихъ племенъ, именно мпонгуэ и мбенга. Будущее французскаго вліянія въ краѣ зависитъ по преимуществу отъ тѣхъ отношеній, которыя установятся между бѣлыми и этими грозными завоевателями, такъ какъ другія племена, вслѣдствіе своего крайняго дробленія, не въ состояніи противопоставить европейцамъ серьезныхъ затрудненій.

«Фанъ», то-есть «люди», извѣстны также и подъ многими другими наименованіями [1]): такъ, французы въ Либревиллѣ обычно называютъ ихъ *пагуинами*, и тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ въ предѣлахъ Габонійской территоріи, дѣлятъ на двѣ главныя группы: *ма-кима* на верховьяхъ Огоуэ и *ма-зуна*—по сосѣдству съ Габономъ; эти группы говорятъ на разныхъ нарѣчіяхъ и ведутъ другъ съ другомъ кровопролитныя войны; многіе ма-зуна имѣютъ около угла лѣваго глаза особый голубой значекъ, какъ-бы клеймо [2]). Кромѣ этихъ подраздѣленій разсматриваемой расы, существуютъ также и другія; таковы *мбакши*, на сѣверѣ, у которыхъ, по словамъ ихъ сосѣдей, ноги, будто-бы, имѣютъ «форму лошадинаго копыта» [3]). По нѣкоторымъ авторамъ, фаны—потомки тѣхъ джагга, которые опустошили королевство Конго въ 17-мъ вѣкѣ; однако, изъ словарей, составленныхъ Wilson'омъ, Lenz'омъ и Zöller'омъ, видно, что языкъ фановъ того же корня, какъ и языки оттѣсненныхъ ими племенъ; онъ тоже принадлежитъ къ нарѣчіямъ банту, хотя произношеніе въ немъ чрезвычайно гортанное, и иностранцы не въ состояніи ему подражать; въ частности же, онъ гораздо менѣе отличается отъ говора мбенга, чѣмъ отъ нарѣчія мпонгуэ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ будущемъ изученіе языка пагуанъ, а также и тѣхъ языковъ, на которыхъ говорятъ въ центральныхъ областяхъ материка, дастъ возможность распознать истинное родство этихъ завоевателей Габоніи. Пока же между антропологами господствуетъ мнѣніе о принадлежности пагуиновъ къ тому же самому семейству, какъ и племя ніамъ-ніамъ страны Рѣкъ и областей Верхней Уэллэ; и хотя эти части Африки отстоятъ отъ нынѣшняго мѣстообитанія пагуиновъ на полторы тысячи километровъ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки возможно, что населяющія ихъ племена родственны пагуинамъ. Послѣдніе сходны съ ніамъ-ніамами въ физическомъ отношеніи—оттѣнкомъ цвѣта кожи, станомъ, чертами и осанкою; подобно ніамъ-ніамамъ, они также подпиливаютъ себѣ рѣзцы, заплетаютъ волосы въ одну толстую и въ нѣсколько отдѣльныхъ косъ, прикрываютъ голову корою деревьевъ и разрисовываютъ себѣ тѣло красящими травами; начальники ихъ тоже одѣваются въ шкуру леопарда и употребляютъ тѣ же дротики, снабженные нѣсколькими остріями для разрыванія мяса; синія бусы и раковина cypraea moneta одинаково употребляются для украшенія какъ пагуанами, такъ и ніамъ-ніамами; одна и та же порода собакъ сопровождаетъ охотниковъ въ обоихъ племенахъ; наконецъ, оба эти народца—людоѣды, и на языкѣ обоихъ слово *ніа* значитъ одно и то же, именно: «ѣсть». Такимъ образомъ, фаны—это западные ніамъ-ніамы [1]).

Цвѣтомъ кожи пагуины свѣтлѣе своихъ сосѣдей на морскомъ берегу и по рѣкѣ Огоуэ, а волосы у нихъ менѣе курчавы, вслѣдствіе чего нѣкоторые черезъ-чуръ рьяные классификаторы хотѣли выдѣлить пагуиновъ въ отдѣльную отъ всѣхъ остальныхъ негровъ расу. Мужчины, единственное занятіе которыхъ состоитъ въ ношеніи своего оружія да въ хожденіи по лѣсамъ въ погонѣ за дичью, вообще стройны и худощавы, хотя съ сильно развитыми мускулами; ходятъ они поступью твердою, взглядъ имѣютъ увѣренный, открытый, чѣмъ рѣзко отличаются отъ габонійцевъ, имѣющихъ рабскій обликъ и понуро смотрящихъ въ землю [2]).

Напротивъ, пагуинскія женщины, будучи обречены на всѣ тяжелыя работы по домашнему хозяйству и по воздѣлыванію растеній, по большей части, тотчасъ же по минованіи первой молодости, становятся неуклюжими и некрасивыми; у большинства изъ нихъ—ухватки

---

[1]) Ба-фанъ, м'фанъ, па-муэ, м-пангуэ, фангуэ и т. д. Не сюда-ли должно быть причислено также и имя банту?

[2]) Ponel, рукописныя замѣтки.

[3]) Ossorio. „Rivista de geografia comerciale". Іюль-Сентябрь. 1886.

[1]) Schweinforth, „Au coeur de l'Afrique".—De Compiègne, упом. соч.

[2]) P. de Brazza, „Tour du Monde". 1888. Ponel. рукоп. замѣтки.

дикихъ звѣрей. Характеристичною и для мужчинъ, и для женщинъ чертою является выпуклость лба, который въ видѣ полушара выдается надъ бровями. Что касается украшеній, то между африканскими племенами мало найдется такихъ, у которыхъ молодые парни и дѣвушки болѣе бы любили украшать свое тѣло, чѣмъ у нѣкоторыхъ колѣнъ пагуиновъ. Къ татуировкѣ они прибавляютъ разрисовываніе; волосы на головѣ убираютъ жемчугомъ, травами и перьями, шея и станъ увѣшиваются гирляндами изъ бусъ, раковинъ каури и фар-

Женщина племени пагуинъ

форовыхъ пуговицъ, а лодыжки отягощаются мѣдными кольцами, браслетами, схожими съ тѣми, которыя употребляютъ восточные африканцы: такимъ образомъ, нѣкоторыя женщины оказываются разукрашенными какъ фетиши и изъ-за тяжести украшеній не могутъ даже ходить [1]). Однако, когда женщинамъ приходится оплакивать смерть начальника или кого-либо изъ родственниковъ, то онѣ должны снять съ себя всѣ ткани, всѣ убранства и оставаться вполнѣ голыми или же прикрытыми одною листвою; тѣло же свое онѣ должны вымазать желтою или зеленоватою глиною, которая и придаетъ ихъ кожѣ оттѣнокъ трупа. Метисы бѣлыхъ, впрочемъ не многочисленные, у пагуиновъ считаются фетишами и подобно имъ и чествуются [1]).

Людоѣдство – о существованіи котораго единогласно свидѣтельствовали всѣ первые путешественники—повидимому, уже болѣе не практикуется вблизи морскаго берега. Но внутри страны еще ѣдятъ мясо взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ, при чемъ такая трапеза носитъ, однако, религіозный характеръ: именно, въ священной хижинѣ, вдали отъ взоровъ женщинъ и дѣтей, воины съѣдаютъ мясо, которое должно къ ихъ храбрости прибавить также храбрость и ихъ врага [2]). Говорятъ, будто-бы, такимъ же образомъ съѣдаются колдуны, и будто при многихъ обстоятельствахъ были приносимы въ жертву и обмѣниваемы между деревнями для торжественныхъ празднествъ также и рабы [3]). Какъ бы тамъ ни было, людоѣдство становится у пагуиновъ все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ, и должно быть разсматриваемо въ особенности какъ остатокъ ихъ древняго культа;

[1]) Jardin, „Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort". T. V, № 2, 1884.

[1]) Ponel, рукоп. замѣтки.
[2]) Richard Burton, „Two Trips to Gorilla Land".
[3]) Winwood Reade, „Savage Afrika".

у нѣкоторыхъ племенъ имѣютъ право на человѣческое мясо только одни старики; для всѣхъ остальныхъ оно есть фетишъ [1]). Какъ и у другихъ сосѣднихъ племенъ, трупы начальниковъ погребаются тайно, чтобы ихъ не могли найти злые духи и чтобы они не были осквернены врагами-чародѣями, могущими воспользоваться ими для приготовленія ядовъ или любовныхъ напитковъ. Хоть и завоеватели, пагуины должны, однако, по мѣрѣ приближенія къ морскому берегу и соприкосновенія при этомъ съ иноплеменниками, измѣнять свои нравы, въ виду новыхъ условій среды. Изъ звѣролововъ они принуждены превращаться въ земледѣльцевъ, лодочниковъ и торговцевъ. Впрочемъ, практикуемый ими способъ охоты приводитъ къ совершенному истребленію лѣсныхъ животныхъ. При помощи ліанъ и кольевъ, они огораживаютъ обширныя пространства лѣса и загоняютъ туда всѣхъ встрѣчающихся имъ звѣрей, ставя имъ въ загонѣ для питья пироги съ отравленною водою. Когда же загонъ наполнится животными, его запираютъ, и послѣ этого приступаютъ къ убіенію, по мѣрѣ надобности, отуманенныхъ отравою слоновъ; перебивъ съ теченіемъ времени всѣхъ животныхъ въ одной мѣстности, пагуины переселяются въ другую, въ которой повторяютъ тотъ же охотничій пріемъ.

Изъ всѣхъ народовъ Габоніи, фаны—самое дѣятельное и самое промышленное племя. Они искусные кузнецы и изобрѣтательные оружейники, придумавшіе—для охоты за пугающимися ружейныхъ выстрѣловъ обезьянами и антилопами—лукъ изъ эбеноваго дерева, стрѣлы котораго обмакиваются въ весьма тонкій ядъ, называющійся онаи. Славятся пагуины также и какъ горшечники, а изъ племенъ, проживающихъ въ сосѣдствѣ съ европейцами, они лучшіе садоводы; вообще, они—надежда колоніи. Одни они во всемъ краѣ знали употребленіе монеты, которою у нихъ служили маленькіе желѣзные кружечки, нанизанные, какъ у китайцевъ, на веревочку. Пагуане, живущіе по берегамъ рѣки Комо—находясь нынѣ въ переходномъ состояніи отъ кочеваго къ осѣдлому быту, отъ прежнихъ условій жизни свободнаго воина къ условіямъ жизни поставщика припасовъ для французовъ, живущихъ въ Либревиллѣ—всегда устроиваютъ себѣ по два селенія, удаленныхъ одно отъ другаго. У нихъ есть селеніе прирѣчное, выгодно помѣщенное въ торговомъ отношеніи, но выставленное нападеніямъ военныхъ шлюпокъ, и селеніе лѣсное, куда жители, извѣщенные объ опасности звуками тамъ-тама или рога изъ слоновьяго клыка, во-время и убѣгаютъ; при этомъ, если ихъ деревню на берегу рѣки выжгутъ, то это не важно: драгоцѣнныя вещи сохраняются въ тѣхъ жилищахъ, которыя расположены въ лѣсу, а что касается сожженныхъ хижинъ, то ихъ можно возстановить въ нѣсколько дней [1]). Всѣ деревни располагаются такимъ образомъ, что внезапное нападеніе невозможно и, кромѣ того, сторожа, съ обѣихъ концовъ улицы, оберегаютъ село постоянно, и днемъ и ночью. Такъ называемая совѣщательная хижина, въ которую собираются воины для обсужденія общихъ дѣлъ, а также и въ торжественныхъ случаяхъ (при пріемѣ, напр., путешественниковъ и торговцевъ), находится въ центрѣ села, и всякій, кто можетъ носить оружіе, имѣетъ право требовать, чтобы былъ выслушанъ его совѣтъ.

Къ востоку отъ плоскогорій, населенныхъ фанами, къ Конго спускается склонъ, обитаемый племенами, въ этническомъ отношеніи принадлежащими къ группѣ народцевъ великой рѣки; но къ югу отъ Огоуэ, на морскомъ берегу и на горахъ внутри страны, проживаютъ различныя племена, по своему языку приближающіяся къ народцамъ Габоніи. Таковы: *камма*, *гумба* или *ма-гумба*, поселенія которыхъ находятся по сосѣдству съ моремъ, лиманами и рѣчными притоками между Огоуэ и Ніанга; далѣе, на берегахъ Ніанги основались *ба-лумбо*, *ба-яка* и *ба-пуно*; южнѣе, вдоль каналовъ-протоковъ, живутъ *ба-вили*, а еще далѣе *ма-гомбе* занимаютъ область нижняго теченія Куилу и прирѣчныхъ земель. Наконецъ, въ томъ гористомъ краѣ, гдѣ берутъ свое начало верхніе притоки Огоуэ, Ніанги и Куилу, обитаютъ *а-шанго*, родственные племенамъ *ашандо*, и *а-шира* на рѣкахъ Нгуніэ и Рембо. По словамъ дю-Шалью, экскурсіи котораго были совершены въ 1858 и 1865 годахъ,—а-шира, которые цвѣтомъ кожи чернѣе своихъ сосѣдей, принадлежатъ къ числу самыхъ красивыхъ и самыхъ умныхъ народовъ Африки: грація а-ширскихъ женщинъ и есть, будто-бы, даже одна изъ причинъ быстраго уменьшенія численности этого племени, такъ какъ ба-калэ и другіе народцы покупаютъ за дорогую цѣну, или же просто воруютъ а-ширскихъ дѣвушекъ въ возрастѣ невѣстъ. Но главныя причины обезлюдненія а-ширскаго края, вѣроятно,—оспа, много разъ страшно свирѣпствовавшая, и употребленіе конопли или ліамбы, которая мало-по-малу ослабляетъ и губитъ а-шировъ. Изъ а-ширской земли и сѣверныя племена добываютъ себѣ это губительное снадобье, составляющее, вмѣстѣ съ водкою или алугу, «великое цивилизующее средство» во всей Габоніи. А-ширы и смежные народцы: ба-пунго и а-шанго имѣютъ привычку вырывать у себя по два верхнихъ рѣзца и подпиливать остальные зубы; что касается ихъ шевелюры, то, обработываемая съ удивительной тщатель-

[1]) Decazes, „Société de Géographie de Paris". 1887.

[1]) Trivier, упом. соч.

ностью, она, подъ рукой артистовъ, принимаетъ самыя причудливыя формы. Такъ, а-ширскія женщины придаютъ ей видъ генеральской шляпы, съ галунами, бахромой и развѣвающимися перьями.

Пороги Геллала

Группы лиственныхъ хижинъ, разсѣянныя по лѣсамъ среди поселеній а-шонго и восточнѣе, около большой рѣки, даютъ убѣжище семействамъ малорослыхъ людей: *а-бонго (обонго)*, пугливому народцу, питающемуся корнями, ягодами и дичью; это о-коа или а-коа, описанные Маршемъ [1]), ба-бонго, видѣнные Фалькенштейномъ въ Лоанго. По словамъ дю-Шалью, а-бонго—желтоватаго цвѣта, съ низкимъ, убѣгающимъ кзади лбомъ, выдающимися скулами, боязливымъ взоромъ и мелкими курчавыми за-

[1]) „Trois voyages dans l'Afrique occidentale".

витками на головѣ; въ сравненіи съ общею длиною ихъ тѣла, ноги у нихъ коротки. Изъ десяти измѣренныхъ путешественникомъ [1]) женщинъ, самая рослая, почти исполинъ между остальными, была высотою въ 1 метръ и 53 сантим., а самая маленькая всего лишь 1 метръ и 32 сант.; молодой же, достигшій полнаго развитія, мужчина не превышалъ 1 м. и 37 сант.; о-коа, видѣнные Маршемъ въ предѣлахъ верхняго теченія Огоуэ, были, въ среднемъ, на десять сантиметровъ выше. У а-бонго вступаютъ въ бракъ другъ съ другомъ не только двоюродные, но даже и родные братъ и сестра; объясняется это малочисленностью разсѣянныхъ колѣнъ этого племени, проживающаго вдали не только отъ селеній, но даже и въ сторонѣ отъ торныхъ тропинокъ; около ихъ хижинъ легко пройти мимо, даже и не примѣтивъ ихъ,— дотого скрытно ютятся они въ углубленіяхъ почвы и между скалами и утесами: по словамъ дю-Шалью, эти, сплетенныя изъ вѣтвей, хижины имѣютъ и въ высоту, и въ ширину не болѣе 1 метра 30 сантиметровъ. О-бонги поспѣшно хоронятъ своихъ мертвецовъ, либо въ дуплахъ деревьевъ, либо на днѣ ручьевъ, отведя на-время воду. Слѣдуетъ замѣтить, что сосѣди ихъ, а-шонги, обращаются съ ними очень ласково, почти съ нѣжностью, и когда а-бонгскія женщины приходятъ на рынокъ, ихъ одариваютъ бананами и другими плодами. Хотя и весьма мало смѣшиваясь съ сосѣдними племенами, о-коа съ верховьевъ Огоуэ мало-по-малу усвоиваютъ ихъ нравы. Въ предѣлахъ обитанія племени оканда, о-коа любятъ лакомиться мясомъ питона [изъ сем. удавовъ], за которымъ они охотятся съ копьями и предварительно зажегши траву. Маршу довелось посѣтить, между прочимъ, одну деревню о-коа, начальникъ которой обладалъ могущественнымъ фетишемъ, предотвращающимъ смерть дѣтей въ раннемъ возрастѣ: вслѣдствіе этого, къ нему отовсюду присылали въ пансіонъ женщинъ и дѣтей.

Различные народцы, живущіе по сосѣдству съ берегомъ моря, къ югу отъ Ніанга,—очень смѣшаннаго происхожденія, хотя ихъ и называютъ общимъ именемъ *ба-лумбо* или *ба-вили*. Такъ какъ эта часть морскаго берега находится между рынками Габона, съ одной стороны, и рынками португальскихъ факторій около устья Конго, съ другой, то многіе изъ бѣглыхъ невольниковъ, ускользавшихъ отъ негро-торговцевъ на сѣверѣ и на югѣ этой области, нѣкогда укрывались на здѣшнихъ опасныхъ пляжахъ, защищаемыхъ бурунами, болотами и лѣсами. Смѣшиваясь съ туземцами, эти бѣглецы образовали новыя группы, которыя, однако, не отличаются по своимъ обычаямъ и нравамъ отъ сосѣдняго съ ними, живущаго глубже въ странѣ, племени *ба-яка*, столь замѣчательнаго по своему гармоническому и ласкающему слухъ выговору; какъ и это племя, ба-вили обвертываютъ своихъ мертвецовъ и подвѣшиваютъ ихъ, при помощи перевязей, къ деревьямъ; и у ба-вили тоже имѣются могущественные фетишеры, которые, совсѣмъ запрещая женщинамъ ѣсть мясо козы и домашней птицы, предписываютъ имъ заниматься обработкою полей и во всемъ слушаться своихъ мужей. Татуировка и обмазываніе тѣла не имѣютъ такой важности въ ихъ глазахъ, какъ у негровъ, живущихъ внутри страны; однако, и между ними встрѣчается еще много туземцевъ, которые по-прежнему татуируются и обмазываются. Поморскіе ба-вили и ба-лумбо избѣгаютъ сношеній съ европейскими торговцами, такъ какъ воспоминанія о времени торговли неграми вовсе не такого свойства, чтобы возбуждать любовь къ бѣлымъ. Къ тому же, ба-вили нѣтъ надобности и вести торговыя сношенія съ бѣлыми: вмѣстѣ съ бананами и другими плодами своихъ платанцій, они въ изобиліи имѣютъ необходимую пищу, благодаря мариго, которыя тянутся параллельно морскому берегу и которыя усѣяны устричными мелями; берега этихъ каналовъ-протоковъ покрыты кухонными остатками, свидѣтельствующими о томъ, какую громадную пользу приносятъ моллюски въ дѣлѣ питанія данныхъ племенъ. Главный промыселъ ба-вили и ба-лумбо заключается въ добываніи соли. Но, при этомъ, они не ждутъ, подобно жителямъ Средиземнаго моря, того времени, когда солнце испаритъ воду изъ лужъ и когда на днѣ этихъ послѣднихъ осядутъ соляные пласты, а добываютъ соль при помощи искусственнаго нагрѣванія. Въ каждой хижинѣ имѣется глиняный горнъ, который наполняютъ морскою водою и подъ которымъ поддерживаютъ сильный огонь; отлагающуюся соль упаковываютъ въ цилиндрическіе коробы и продаютъ ба-якскимъ маклерамъ, предпочитающимъ её соли европейской [1]). Прежде для добыванія соли исключительно употребляли мѣдные тазики, которые нынѣ считаются предметами роскоши, и изъ которыхъ вырѣзываютъ также пластинки для украшенія ружей и ножей.

Ма-йомбе, обитающіе на р. Куилу и въ португальскихъ владѣніяхъ, подраздѣляются, какъ и всѣ другіе народцы этой области, на большое число республикъ различной величины: отъ одной лишь деревни до союза изъ нѣсколькихъ общинъ. Эти негры уже цѣлые вѣка находятся въ сношеніяхъ съ португальскими торговцами, вслѣдствіе чего, какъ ихъ дома, такъ и сараи для складовъ, по способу постройки, напоминаютъ европейскіе; также и въ нарѣчіе ихъ вошло множество выраженій изъ языка Камоенса. Однако, съ углубленіемъ

[1]) „A Journey to Ashango-Land".

[1]) Paul Güssfeldt, „Die Loango-Expedition".

внутрь страны, къ востоку, по ту сторону пограничныхъ горъ, перейденныхъ изслѣдователями лишь очень недавно, вліяніе цивилизаціи бѣлыхъ быстро исчезаетъ. И какихъ только диковинокъ не разсказывали ма-йомбе о своихъ восточныхъ сосѣдяхъ: ба-кунія, ба-камба и другихъ! Одни изъ нихъ, будто бы, сущіе карлики, другіе—великаны; въ нѣкоторыхъ племенахъ всѣ люди имѣютъ-де только по одной рукѣ или по одной ногѣ; люди съ хвостами, прежде чѣмъ сѣсть, вырываютъ-де ямки для своихъ хвостовъ. Возможно, однако, что между этими легендами есть и такія, въ основѣ которыхъ лежитъ правда: такова, напр., легенда о королѣ, который не иначе поднимался съ мѣста, какъ вонзивъ по копью въ грудь двумъ несчастнымъ, осужденнымъ на смерть!

Что касается племенъ, обитающихъ въ южной части территоріи, въ предѣлахъ тѣхъ небольшихъ рѣчныхъ бассейновъ, которые находятся между рѣками Куилу и Конго, то они смотрятъ на себя какъ на обладающихъ высшею цивилизаціею и ни-за-что не хотятъ быть уподобленными варварскимъ сѣвернымъ племенамъ. Впрочемъ, они и на самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ другой этнической группѣ и составляютъ переходную ступень между банту габонійскими и банту конгскими: ихъ расовое имя *ба-фіотъ* или *ба-фіортъ*, а языкъ ихъ почти не отличается отъ того языка, на которомъ говорятъ прирѣчные жители португальской Конгской провинціи. Какъ извѣстно, въ XVI столѣтіи и въ первой половинѣ XVII, весь край, ограничиваемый на сѣверѣ рѣкою Куилу, составлялъ часть имперіи «великаго отца» или мфума, короля Конго; но представителями власти монарха являлись его намѣстники, *муэне* или *мани-фума*, и эти вице-короли мало-по-малу сдѣлались независимыми.

Негръ племени кабинда.

Такъ образовались: Королевство Лоанго—первое по значенію—и два другія государства: Каконго и Нгойо, которыя, въ свою очередь, подраздѣлялись еще на автономныя провинціи, имѣвшія каждая своего начальника, съ состоящими при немъ министрами и совѣтомъ старѣйшинъ. Послѣ смерти короля всегда выжидали нѣсколько лѣтъ съ его похоронами, а въ теченіе этого междуцарствія власть вручали ма-бома или «господину страха». Легенда гласитъ, будто при послѣдней смѣнѣ монарха, подвластныя ему племена не оказались настолько богатыми, чтобы, даже выждавъ установленное количество лѣтъ, устроить своему

великому королю похороны, достойныя его могущества, и оттого совсѣмъ отказались его хоронить: поэтому онъ считается все еще живущимъ, а нынѣшніе начальники, оффиціально лишь его уполномоченные, суть не болѣе какъ *мани*, или вице-короли; это, однако, не препятствуетъ имъ окружать себя такимъ же величіемъ, какъ если бы они сами были императорами, и въ сношеніяхъ съ подданными придерживаться самаго церемоніальнаго этикета. Многіе изъ нихъ носятъ португальскія имена, а титулы и должности окружающихъ ихъ лицъ напоминаютъ о томъ вліяніи, которое нѣкогда здѣсь имѣли представители лиссабонскаго двора. Въ прежнее время эти вице-короли могли прикасаться изъ заморскихъ вещей только къ оружію, металламъ и издѣліямъ изъ дерева и слоновой кости: взглядъ на всякую европейскую ткань былъ имъ воспрещенъ [1]).

Равнымъ образомъ, еще не исчезли совершенно изъ религіи ба-фіотовъ и слѣды обрядовъ, преподанныхъ имъ португальскими доминиканцами. Въ концѣ XVIII столѣтія, значительнымъ «христіанскимъ» центромъ было поселеніе Мангюэнзо, находящееся въ восточной части Коконго [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приморскіе поселяне еще совершаютъ крестные ходы, а дѣтей крестятъ, но, по достиженіи юношескаго возраста, все-таки подвергаютъ обрѣзанію [3]). У большинства ба-фіотовъ главный богъ, Нзамби, есть существо женское, смѣшиваемое ими съ Са-Мануэлу, Пресвятою Дѣвою Маріею, и съ «землею, матерью всего»: ораторы, которымъ предстоитъ произнести торжественную рѣчь, никогда не преминутъ прежде всего призвать имя богини, а жрецы обращаются къ ней съ молитвами, стоя на пирамидѣ изъ костей животныхъ [4]). У ба-фіотскихъ богослововъ существуетъ также и идея о нѣкоторомъ родѣ Божественной Троицы: Нзамби, мать Конго, присоединила къ себѣ своего сына для управленія вселенною, а третье лицо—наименованіе котораго, Deisos, очевидно португальскаго происхожденія—принимаетъ участіе въ правленіи міромъ. Представителемъ богини является фетишъ, болѣе уважаемый, чѣмъ другіе, и наказывающій смертью тѣхъ нечестивцевъ, которые ѣдятъ запрещенное мясо: быть-можетъ, въ этомъ суевѣріи слѣдуетъ видѣть воспоминаніе предписаній о постѣ. Каждая молитва, обращенная къ фетишу, подкрѣпляется вколачиваніемъ гвоздя въ чурбанъ, изображающій священный ликъ богини: ибо для того, чтобы богиня помнила о мольбѣ ея смиреннаго поклонника, необходимо, чтобы впечатлѣніе отъ моленія было глубоко и даже болѣзненно [1]); поэтому же, прежде всякій приговоръ, для полученія дѣйствительной силы, долженъ былъ подкрѣпляться жестокимъ ударомъ, наносимымъ преступнику. Въ цѣломъ, религія ба-фіотовъ есть такъ называемый культъ *мкисси-бома*, или «фетиша ужаса», одновременно и добраго, и злаго духа, которому поклоняются и котораго страшатся. Человѣческія жертвы при погребеніи короля приносились еще въ 1870 году, а одна вѣдьма была сожжена передъ факторіями бѣлыхъ въ Кабиндѣ въ 1877 году. Какъ и сенегамбійскіе и сіерра-леонскіе негры, ба-фіоты имѣютъ своихъ блюстителей общественной нравственности, *ба-дунго* или *пагасаріосъ*, которые являются въ села ночью—замаскированные, одѣтые въ листву и вооруженные деревяннымъ мечемъ—для наказанія невѣрныхъ женъ, указанія воровъ, а также и для воровства, производимаго уже ими самими, при чемъ они требуютъ себѣ все то, къ чему прикоснется ихъ деревянная сабля. Мѣста, предназначенныя для поклоненія домашнимъ богамъ, представляютъ обыкновенно пространства, покрытыя травою и цвѣтами и окруженныя безплодною зоной: здѣсь, по словамъ легенды, нѣкогда и опочили сыновья короля Конго, послѣ того, какъ они прибыли въ страну для управленія ею отъ имени своего отца. Но кто же этотъ богъ Конго, такъ прославляемый ба-фіотами? Вѣроятно, они видятъ въ немъ въ одно и то же время духа великой рѣки, которая течетъ на югѣ ихъ территоріи, и душу того императора, котораго подданными были ихъ предки.

Ба-фіоты, называемые португальцами кабинда или кабенда—по имени торговаго городка, расположеннаго на берегу бухточки, въ шестидесяти километрахъ къ сѣверу отъ устья Конго—славятся какъ искусные лодочники и моряки: они сами строятъ пальяботы, т. е. прочныя гребныя суда, на которыхъ и совершаютъ каботажъ по Конго и морскимъ и рѣчнымъ берегамъ Африки на протяженіи отъ Габона до Моссамедеса. Подобно племени кру, ба-фіоты временно эмигрируютъ на борты судовъ или въ факторіи бѣлыхъ: къ югу отъ Камеруна, всѣ факторіи, гдѣ не можетъ быть примѣненъ трудъ мѣстныхъ негровъ, принимаютъ къ себѣ кабиндовъ. Они также весьма искусные каменщики, повара и портные, и вообще въ южныхъ португальскихъ владѣніяхъ кабинды составляютъ большую часть ремесленнаго сословія. Несомнѣнно, что кабиндовъ, проживающихъ вдали отъ своего отечества, несравненно больше, чѣмъ остающихся у себя на родинѣ.

Въ Кабиндѣ и у сосѣднихъ племенъ время

[1]) R. E. Dennet, „Seven Years among the Fjort".
[2]) Proyart, упом. соч.
[3]) Herman Soyaux, „Aus der West-Africa".
[4]) Adolf Bastian, „Die Deutsche Expedition an der Loango-Küste".

[1]) Adolf Bastian, „Zeitschrift f. Etgnologie". T. VI, 1874.—Donnet, упом. соч.

не дѣлится на періоды, состоящіе изъ семи дней, какъ въ странахъ христіанскихъ и мусульманскихъ. У нихъ каждый четвертый день посвящается относительному покою: такъ, въ этотъ день не выходятъ на работу въ поляхъ [1]). Женщины у кабиндовъ вообще гораздо свободнѣе, чѣмъ у другихъ негритянскихъ племенъ Габона и Огоуэ; напр., наслѣдство передается по женской линіи, и часто молодая дѣвушка имѣетъ право избрать себѣ мужа; бракъ считается заключеннымъ, даже вопреки волѣ родителей, если дѣвушка приготовила два блюда для своего избраннаго и если онъ съѣлъ ихъ въ ея хижинѣ [2]). Замѣчателенъ также одинъ фактъ, который ставитъ кабиндовъ, а также и всѣхъ ба-фіотовъ весьма высоко въ средѣ народовъ, и который заключается въ томъ, что смертность дѣтей равняется почти нулю; семьи здѣсь не многочисленны, но зато матери не теряютъ своихъ грудныхъ питомцевъ, которые растутъ не зная рахитизма, ни другихъ многочисленныхъ болѣзней, столь обыкновенныхъ въ цивилизованныхъ краяхъ. Между кабиндами нѣтъ ни хворыхъ, ни плѣшивыхъ: ихъ голова узкая и высокая и всегда покрыта густыми волосами [3]).

Вѣроятно, пройдутъ еще долгіе годы, прежде чѣмъ другіе негры области, лежащей между Гвинейскимъ моремъ и р. Конго, окажутся способными принимать участіе въ промышленномъ и торговомъ трудѣ съ тою же ревностью и съ такимъ же умѣньемъ, какъ и кабинды; по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ бѣлые пришли по ихъ территоріи въ разныхъ направленіяхъ, среди нихъ совершилась настоящая революція; они уже болѣе не отгорожены узкими предѣлами своихъ мѣстообитаній, изъ которыхъ имъ доводилось выходить только въ качествѣ захватчиковъ или въ видѣ просящихъ убѣжища. Еще не такъ давно гребцы различныхъ племенъ наталкивались на непреоборимыя преграды на р. Огоуэ, и даже европейцы въ теченіе долгаго времени принуждены были останавливаться около мыса Фетиша, находящагося за сліяніемъ Нгуніэ съ главною рѣкою. И хотя эту святую святыхъ духи постоянно охраняютъ и понынѣ, но теперь они довольствуются каплею водки и листкомъ табаку, ввергнувъ которые, въ видѣ жертвы, въ рѣку, путешественникъ уже безпрепятственно можетъ совершать свой дальнѣйшій путь. Такъ, Брацца, въ 1883 году, могъ уже подняться по рѣкѣ съ флотиліей, состоявшей изъ 58 пирогъ, на которыхъ помѣщались 60 тоннъ товаровъ и 900 людей самаго разнообразнаго происхожденія: бѣлыхъ, сенегальцевъ, крумановъ, габонійцевъ и прирѣчныхъ обитателей Огоуэ. Съ тѣхъ поръ, какъ туземецъ, сдѣлавшійся солдатомъ и научившійся владѣть оружіемъ, включительно до перевозчика и чернорабочаго, могущаго нести тюкъ въ теченіе семи дней, около семи тысячъ человѣкъ снуютъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ, перенося и перевозя различные товары, при чемъ, примѣняясь къ новому порядку вещей, позабываютъ свои старинные обычаи. Теперь въ Габоніи нѣтъ ни одного племени, которое бы заграждало путь чрезъ всю страну и такимъ образомъ препятствовало бы торговлѣ. А между тѣмъ въ былое время требовалось болѣе года, чтобы какой-нибудь ножъ или ожерелье могли съ берега моря достичь до средняго теченія Конго.

Отнынѣ внутреннія области открыты для бѣлаго человѣка, и народцы, не принимавшіе до сихъ поръ никакого участія въ міровой торговлѣ, теперь могутъ, въ свою очередь, обмѣнивать камедь и бивни слона на европейскіе товары; но въ то время, какъ для этихъ, еще недавно совершенно изолированныхъ населеній открывается новая эра, возникаетъ вопросъ: готовы ли уже приморскія племена совершить въ своемъ промышленномъ развитіи соотвѣтственный прогрессъ, который долженъ выразиться въ переходѣ отъ простаго сбора плодовъ къ земледѣлію? Безъ правильнаго пользованія почвою, Габонія не можетъ имѣть никакого экономическаго значенія; ей придется оставаться лишь мѣстомъ для содержанія гарнизона, якорною стоянкою и передаточнымъ пунктомъ между морскимъ побережьемъ и внутренностью страны, небольшою группою факторій и миссій. А между тѣмъ—кромѣ исподоволь совершающейся замѣны мпонгуэ болѣе работящими и болѣе смышлеными пагуинами — не существуетъ еще указаній на большія перемѣны въ Габонѣ. Помимо мѣноваго торга, съ сопутствующими ему обманами и пороками, попытки къ цивилизаціи были столь малозначительны, что почти все еще предстоитъ совершить въ будущемъ. Правда ли, что цивилизаторскія попытки относительно племенъ, обитающихъ по сторонамъ дороги отъ Огоуэ до Конго, чрезъ Алиму, совершаются нынѣ съ благоразуміемъ и добросердечностью? Сколько дикарей, которые описывались первыми путешественниками какъ свирѣпыя существа, будто недоступныя никакому прогрессу, превратились—благодаря справедливому и благожелательному обращенію съ ними — въ преданныхъ друзей и людей, стремящихся къ пріобрѣтенію познаній! Болѣе же всего, по словамъ Брацца, слѣдуетъ остерегается вмѣшательства силы въ это дѣло, подготовляемое терпѣніемъ и кротостью,—иначе десятилѣтніе труды будутъ разрушены въ одинъ день.

Къ сѣверу отъ Габонскаго лимана, на континентѣ нѣтъ городовъ, есть лишь нѣсколько

[1]) Bastian;—Dennett, упом. сочиненія.
[2]) Hermann Sayaux, упом. соч.
[3]) Paul Güssfeldt, упом. соч.

факторій и миссіонерскихъ становъ при устьяхъ Сенъ-Бенито и другихъ рѣкъ. Наибобѣе значительная группа чернокожаго населенія скучена на испанскомъ островѣ Кориско, иначе называемомъ также «Островомъ Молніи», по причинѣ грозъ, которыя наблюдались на немъ первыми мореплавателями. Это—почти плоская, приблизительно въ 14 кв. километровъ, земля, составляющая продолженіе—впереди бухты Ріо-Муни—того полуострова, на которомъ находится мысъ Нинже или Сенъ-Жанъ. Изъ тысячи мбенга, которые проживаютъ въ нѣсколькихъ построившихся на островѣ деревняхъ, болѣе четверти умѣютъ читать и писать, благодаря поселившимся между ними католическимъ и протестантскимъ миссіонерамъ. Изъ европейскихъ купцовъ, однако, на островѣ не пребываетъ постоянно ни одинъ: попытки голландцевъ, въ 1879 г., превратить этотъ островъ въ торговую колонію были неудачны, и мбенгскіе землевладѣльцы такъ и остались единственными его обладателями. Оставленнымъ въ пользованіе однимъ туземцамъ оказывается также и островокъ Большой Элобей,—находящійся къ сѣверо-востоку отъ Кориско, въ глубинѣ бухты; и только островъ Малый Элобей,—поверхностью всего въ одинъ квадратный километръ, лежащій почти напротивъ устья Муни—занятъ иностранными торговцами. Отсюда они могутъ наблюдать за своими факторіями на берегу материка и сообщаться съ ними во всякое время, такъ какъ въ этой тихой бухтѣ, защищенной отъ вѣтровъ и волнъ островами Кориско и Большимъ Элобеемъ, не бываетъ буруновъ (прибоя), и потому можно во всякое время нагружать и разгружать товары, не опасаясь аварій. На этомъ островкѣ нѣтъ другихъ жителей, кромѣ европейскихъ купцовъ, съ ихъ агентами и служителями изъ племени кру, при чемъ необходимые жизненные припасы имъ ежедневно доставляютъ мбенги съ Большого Элобея. Европейскаго стиля домики, снабженные широкими верандами—на которыхъ вволю можно дышать морской бризой, имѣютъ очень привлекательную наружность, и пребываніе тамъ относительно даже благопріятно для здоровья, вслѣдствіе чего Малый Элобей составляетъ санаторію для живущихъ на берегу материка. Хотя главный административный центръ испанскихъ владѣній на этомъ берегу континента, городокъ на островѣ Малый Элобей не имѣетъ, однако, другихъ торговыхъ домовъ, кромѣ дома негоціантовъ изъ Гамбурга, не платящихъ Испаніи ни налоговъ, ни торговыхъ пошлинъ. По довольно распространенному мнѣнію, разногласіе между Франціей и Испаніей относительно границъ ихъ владѣній на материкѣ въ предѣлахъ Габоніи старательно поддерживается тою европейскою державою, подданные которой уже и теперь являются почти единственными извлекателями пользы изъ мѣстной торговли. Оффиціально острова бухты подчинены губернатору, управляющему островомъ Фернандо-По; но еще въ 1885 году эта политическая зависимость ихъ была фактивной, и ни одинъ испанскій солдатъ не представлялъ на Маломъ Элобеѣ суверенной державы.

Главный пунктъ французскихъ владѣній, Либревилль (Либрвиль), названный такъ поселившимися тамъ въ 1849 г. освобожденными неграми,—расположенъ на сѣверномъ берегу Габонскаго лимана, при основаніи и на вершинѣ террасы, надъ которою высятся съ сѣвера горы Буэ и Боденъ, достигающія приблизительно двухсотъ метровъ; центральную часть города обыкновенно называютъ «плато», и помѣщающееся на немъ массивное, съ правильными очертаніями, зданіе правительственныхъ учрежденій господствуетъ надъ остальными домиками и хижинами. Почва этого плоскогорья—желѣзистая и доставляетъ камень, употребляемый на постройку зданій и для гидравлическихъ сооруженій. Имѣя всего только около полутора тысячи жителей, французовъ и другихъ бѣлыхъ, сенегальцевъ, круменовъ и мпонгуэ [1]),—Либревилль раскинулся, однако, вдоль рейда на пространствѣ приблизительно семи километровъ: внизу около прибрѣжей дороги, находятся дома, окруженные садами; а въ кустарникахъ, подъ сѣнью высокихъ драценъ, ютятся бамбуковыя хижины, обитаемыя мпонгуэ. Западнѣе отъ «плато», на взморьѣ, ближайшее заведеніе принадлежитъ католической миссіи, гдѣ обучается болѣе сотни дѣтей различнымъ ремесламъ и воздѣлыванію обширныхъ плантацій деревьевъ: шеколаднаго, масличной пальмы и другихъ, при чемъ эти плантаціи служатъ опытнымъ садомъ и древеснымъ питомникомъ для всей той области Африки, которая заключается между устьями Нигера и Конго; такъ, отсюда, между прочимъ, было заимствовано и воздѣлываніе ванили, введенное на островѣ Св. Ѳомы. На другомъ концѣ Либревилля, называемомъ Барака, находится станція американскихъ миссіонеровъ, которымъ отнынѣ предписано вести преподаваніе на французскомъ языкѣ, сдѣлавшимся оффиціальнымъ. Близко оттуда находятся факторіи Глассъ, почти всѣ принадлежащія иностранцамъ и представляющія гораздо болѣе значенія, чѣмъ факторіи французскія: такимъ образомъ, и на Габонѣ, какъ на Маломъ Элобеѣ, въ рукахъ германцевъ находится наибольшая доля тор-

[1]) Къ 1 іюня 1885 г. всѣхъ европейцевъ въ Габоніи было 391 человѣкъ. Изъ нихъ европ. гарнизонъ Либревилля и эскадры—186 ч.; въ самомъ Либревиллѣ—140 и по Огоуэ—29 человѣкъ. Въ теченіе 1884 года, у европейцевъ не было ни рожденій, ни браковъ; умерло же 9 человѣкъ.

говаго движенія. Въ концѣ 1873 года эвакуація этого поста, занимаемаго ротою сенегальскихъ стрѣлковъ, была почти рѣшена, при чемъ охотно готовы были промѣнять его англичанамъ на Гамбію; и только со времени пріобрѣтенія французами бассейна Огоуэ, а также для образованія Конгскаго государства, Либревилль снова получилъ дѣйствительную политическую важность. Однако, колонія эта далеко еще отъ того, чтобы доставлять доходъ Франціи: и налоги, и ввозныя пошлины не возмѣщаютъ и четвертой части годичныхъ расходовъ. Такъ, въ 1887 году, въ бюджетѣ Габоніи исчислялось во франкахъ: доходовъ на 482 тысячи, а расходовъ—на 2 мил. 434 тысячи.

Бангала. Станція независимаго Конгскаго государства.

Либревилль не имѣетъ порта, а лишь молъ, подъ защитою котораго лодки и могутъ при-

ставать безъ опасенія: волненіе съ открытаго моря рѣдко проникаетъ на рейдъ. Хотя нынѣ торговыя сношенія Либревилля и слабы, но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что рано или поздно онъ сдѣлается большимъ торговымъ центромъ. Онъ не только естественное складочное мѣсто для всѣхъ колоніальныхъ товаровъ, идущихъ изъ бассейновъ Комо и Рамбоэ, но чрезъ эту послѣднюю рѣку,—воды которой зарождаются между холмами на юго-востокѣ,—Либревилль является также пунктомъ, командующимъ надъ путемъ по р. Огоуэ: поэтому, съ проведеніемъ рельсоваго пути или даже обыкновенной дороги, доступной для проѣзда экипажей, весь торговый грузъ, плывущій по Огоуэ кверху и книзу отъ мѣста соединенія этой рѣки съ Нгуніэ, долженъ направиться къ Габонскому лиману. Слѣдуя этому пути, Серваль и открылъ въ 1862 году среднее теченіе р. Огоуэ, обойдя при этомъ область нижняго ея теченія, подняться по которому не дозволяли ему прирѣчныя племена. Какъ только установится чрезъ французскія владѣнія правильный торговый путь съ запада на востокъ, Либревилль несомнѣнно превратится въ исходный пунктъ, какъ для бассейна р. Огоуэ, такъ даже и для областей р. Конго. Но пока все это совершится, небольшой городокъ на берегу Габона, если и имѣетъ какое-либо значеніе, то только какъ главный военный постъ. Кромѣ садовъ католической миссіи, существуетъ лишь одна большая плантація въ окрестностяхъ Либревилля, именно кофейная плантація Сибангэ, основанная въ 17 километрахъ сѣвернѣе отъ «плато» однимъ германскимъ домомъ. О состояніи торговли могутъ свидѣтельствовать слѣдующія данныя: въ 1884 г., въ Либревилль ввезено изъ Франціи товаровъ на сумму 314.615 фр., вывезено же изъ Габона на 112.950 фр. Торговля Габона съ иностранцами: ввезено на 3.905.521 фр., вывезено на 4.929.410 фр., всего же оборота было на 8.834.931 фр. Въ общемъ, торговля Габона съ Франціей и другими странами составила 9.262.476 фр., а съ контрабандою приблизительно до 14 милл. фр. Всѣхъ судовъ, прибывшихъ и отошедшихъ, въ 1883 году было 318, съ вмѣстимостью въ 99.400 тоннъ; изъ нихъ, французскихъ 36, съ вмѣстимостью въ 8.700 тоннъ, а иностранныхъ 282, съ вмѣстимостью въ 90.500 тоннъ.

Торговцами посѣщаются также и нѣкоторыя деревни на берегахъ лимана и впадающихъ въ него рѣкъ. Главное изъ этихъ селеній есть Нангэ-Нангэ на р. Комо; но чтобы найти поселеніе, гдѣ пребываютъ европейцы постоянно, нужно изъ Габонскаго залива отправиться къ мысу Лопеца, отстоящему отъ Либревилля на 150 километровъ. На этомъ песчаномъ мысѣ, выставленномъ морскимъ вѣтрамъ и брызгамъ набѣгающихъ волнъ, находятся склады товаровъ, предназначаемыхъ для распродажи вдоль Огоуэ: это—начальная станція той цѣпи постовъ, которые де-Brazza основалъ на всемъ протяженіи отъ берега моря до р. Конго. Кверху отъ дельты, одна изъ первыхъ гаваней на рѣкѣ, обладающая постояннымъ депо для товаровъ, портъ Лапбарэнэ, находится въ мѣстѣ скрещенія естественныхъ путей, направляющихся, въ одну сторону — къ долинѣ р. Нгуніе, а въ другую—къ Габонскому лиману; тамъ есть также нѣсколько факторій и станъ католическихъ миссіонеровъ. Выше, кверху отъ американской миссіи и по сосѣдству съ первыми водопадами, на одномъ изъ островковъ находится селеніе, называемое Нжолэ: это главный постъ на Огоуэ, охраняемый чернокожими солдатами и уже имѣющій вокругъ себя факторіи. Выше этого селенія прежде находилась граница свободной торговли, такъ какъ подниматься по рѣкѣ вверхъ запрещалось всѣмъ путешественникамъ, кромѣ оффиціальныхъ изслѣдователей. Затѣмъ, еще выше по рѣкѣ, слѣдуютъ поселенія: Окота, Обомби и Ашука, лежащая близъ Лопэ, пунктъ, въ которомъ бываетъ посѣщаемая во множествѣ туземцами ярмарка, но въ обычное время совершенно пустующаго, Боуэ, Бунджи и Ластурвилль; послѣдній постъ названъ такъ въ память умершаго тамъ изслѣдователя этой мѣстности. Ластурвилль окруженъ рощами масличной пальмы. Здѣсь же строются пироги и составляются рѣчные караваны, направляющіеся внизъ—къ Нжолэ, вверхъ—къ Франсевиллю; при этомъ, почти всѣ гребцы набираются между племенемъ а-дулла, такъ какъ сосѣднія племена: окота, аппинжи и оканда, находятся уже на пути къ своему исчезновенію [1]). Недавно около Ластурвилля основалась католическая миссія.

Далѣе, миновавъ постъ Думэ, находящійся въ дивномъ краю веселыхъ а-дума и вблизи одного изъ сопменныхъ ему водопадовъ, и водопадъ Ма-Поко, находящійся вблизи богатой деревни и имѣющій выше себя еще нѣсколько пороговъ,—путешественникъ покидаетъ долину Огоуэ и слѣдуетъ уже долиною ея притока, рѣки Пасса, которая и приводитъ къ центральной станціи всей изслѣдованной территоріи, къ Франсевиллю. Этотъ пунктъ находится неподалеку отъ селенія Нгилли, расположеннаго по другую сторону р. Пасса. Въ будущемъ изъ Франсевилля создастся городъ, а нынѣ это лишь небольшая группа домовъ и хижинъ, вокругъ которой ютятся хижины носильщиковъ, лодочниковъ и бѣлыхъ рабовъ, право которыхъ на свободу признается, благодаря покровительству Франціи, сосѣдними племенами; въ саваннахъ, разстилающихся по берегамъ Пасса, а также вдоль Огоуэ или Либани, пасутся стада. Изъ Франсевилля идетъ дорога, протяженіемъ въ

[1]) Fourneau, рукописныя замѣтки.

83 километра, къ судоходной рѣкѣ Алимѣ, черезъ волнистое плато, скаты котораго усѣяны деревьями; въ Франсевиллѣ можно набрать въ теченіе недѣли изъ приписанныхъ къ рѣчному округу жителей болѣе тысячи носильщиковъ и гребцовъ, для транспортированія товаровъ съ р. Огоуэ къ р. Конго черезъ станціи Алима, Діэлэ, Лекети и Помбо, въ землѣ племени мбаши.

Къ югу отъ мыса Св. Екатерины до устья рѣки Конго, по берегу моря идетъ рядъ (болѣе пятидесяти) факторій. Изъ нихъ, къ сѣверу отъ Лоанго, значительнѣе всѣхъ факторія Макомба, расположенная на песчаной косѣ, между моремъ и мариго Банія; группирующіеся около этой станціи негры племенъ ба-вили, ба-лумбо и ба-йяка приносятъ главнымъ образомъ каучукъ, собираемую въ сосѣднихъ лѣсахъ. При каждомъ рѣчномъ устьѣ или лиманѣ есть торговый постъ. Такой постъ имѣется и при устьѣ рѣки Куилу, именно островъ Рейсъ, а находящійся на лѣвомъ ея берегу сарай-навѣсъ для товаровъ называютъ уже городомъ, такъ какъ, по мнѣнію изслѣдователей, посылавшихся Африканской Международной Ассоціаціей, самъ товарный складъ на нижнемъ теченіи Куилу долженъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ пути между моремъ и р. Конго чрезъ станціи, которыя, если и не существуютъ въ дѣйствительности, то, по крайней мѣрѣ, уже намѣчены на картахъ. Три главныхъ поста, основанные французами, суть Ніари-Бабуэндэ—на верхнемъ теченіи Куилу, Ніари Лу-Дима—при сліяніи этого притока, и Нгуту—въ области водоновъ, на возвышенномъ крутомъ берегу. Не подлежитъ сомнѣнію, что со временемъ путь этотъ получитъ важное торговое значеніе, но только не раньше, чѣмъ сдѣлается проѣзжимъ для товаровъ, такъ какъ сама Куилу не судоходна. Недавно Шолэ доказалъ, что съ морскаго берега до Браццавилля, находящагося на р. Конго, можно достичь въ теченіе двадцати пяти дней.

Нынѣ мѣстомъ ввоза и вывоза товаровъ для этой области служитъ портъ Лоанго или Буала, старинный городъ, принадлежавшій нѣкогда Португаліи, а теперь отошедшій къ Франціи; говорятъ, будто, во время своего процвѣтанія, будучи главнымъ пунктомъ одной изъ провинцій Конгской имперіи, этотъ городъ имѣлъ 15 тысячъ жителей; въ наши-же дни это собственно не городъ, а скорѣе группа факторій, окруженная *шимбеками*, хижинами, выстроенными изъ стволовъ дерева raphia и «лоангскихъ травъ» или папируса. Въ Лоанго морской берегъ такъ изгибается къ западу, что нижній край образующейся при этомъ бухты, вслѣдствіе присутствія выступа, впадающаго въ море нѣсколько выше, защищаетъ рейдъ отъ господствующихъ вѣтровъ и морскаго волненія; такимъ образомъ, нагрузка и отправка товаровъ можетъ совершаться здѣсь съ большею легкостью, чѣмъ въ другихъ пунктахъ побережья, что и было причиной основанія на этомъ защищенномъ пляжѣ факторій португальскихъ, испанскихъ, французскихъ, англійскихъ, голландскихъ и германскихъ. Неподалеку отъ Лоанго, въ селеніи Лоангири, виднѣется некрополь древнихъ королей, нѣкогда окруженный оградою изъ слоновыхъ бивней. Некрополь государей, въ *Лубу*, обставленъ фетишами, выточенными изъ дерева. И никогда тѣ, которымъ придется быть здѣсь погребенными, не должны проникать сюда при жизни: такое посѣщеніе было бы предзнаменованіемъ близкой смерти.

Понта Негра, или «Черный мысъ», находясь тридцатью километрами южнѣе, представляетъ расположеніе берега, подобное существующему въ Лоанго: и здѣсь также берегъ изгибается полукругомъ около тихой бухты, чѣмъ и воспользовались многочисленные торговцы, устроивъ свои склады. Затѣмъ, еще южнѣе, слѣдуютъ факторіи Массаби—первыя на португальской территоріи—и постъ Шиншошо, служившій главною квартирою для германскихъ путешественниковъ во время Лоангской экспедиціи. Чтобы охранить свои магазины отъ нападеній воровъ, прибрежные негоціанты объявили ихъ фетишами и увѣрили туземцевъ, что за боченками съ водкою и за тюками бумажныхъ тканей скрывается грозный богъ бѣлыхъ [1]).

Гавань Ландана, въ двухъ километрахъ къ югу отъ устья р. Ши-Лоанго или Малой-Лоанго, находится уже въ португальскихъ владѣніяхъ, вкрапленныхъ между владѣніями французскими, на сѣверѣ, и Конгскимъ государствомъ на югѣ. Мѣсто это очаровательно: красноватые береговые утесы, возвышающіеся посреди зелени, обвалы изъ каменныхъ глыбъ у ихъ подошвы, осѣняемые пальмами домики, барки, лежащія на пляжѣ или качающіяся на волнахъ, дѣлаютъ изъ Ланданы одинъ изъ прелестнѣйшихъ пейзажей африканскаго берега. Вокругъ католической миссіи разстилаются великолѣпные сады и самыя лучшія оранжереи экваторіальной Африки; къ несчастію, вслѣдствіе существованія въ Ланданѣ болотистаго потока, хотя нынѣ и обсаженнаго эвкалиптовыми деревьями, климатъ въ этой мѣстности нездоровый. Также какъ поселенія на «Масляныхъ рѣкахъ» (Oilrivers) къ востоку отъ Нигера, Ландана и ея сосѣдка, Малемба (Молембо), торгуютъ преимущественно масломъ и пальмовыми орѣхами; каучукъ же, этотъ главный продуктъ болѣе сѣверныхъ факторій, доставляется въ Ландану лишь въ незначительныхъ количествахъ. Въ этомъ округѣ прежде, пока слоновыя бивни не сдѣлались рѣдкостью, процвѣтала скульптура изъ слоновой кости, отли-

[1]) Paul Güssfeldt, упом. соч.

чавшаяся большимъ вкусомъ. Большая часть рѣзныхъ изображеній, вьющихся спиралью, на-подобіе барельефовъ Траяновой колонны,— представляютъ процессіи, войны, сцены заключенія мира. Между этими произведеніями негритянской скульптуры есть очень любопытныя, гдѣ фигурируютъ бѣлые люди различныхъ народностей, воспроизведенные съ большимъ талантомъ наблюдательности и тонкой насмѣшки.

Кабинда, живописная не менѣе Ланданы и располагающая болѣе обширной бухтой, гдѣ корабли находятъ защиту отъ южныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, хотя и не лежитъ, подобно своей соперницѣ, при устьѣ рѣки, но тѣмъ не менѣе также стала весьма оживленнымъ торговымъ пунктомъ, благодаря самодѣятельности ея обитателей, самыхъ промышленныхъ на всемъ морскомъ побережьѣ. Благодаря же дорогамъ, проложеннымъ отъ нея внутрь страны, она сдѣлалась даже однимъ изъ складочныхъ мѣстъ области нижняго теченія Конго; хотя она лежитъ въ 60 километрахъ къ сѣверу отъ устья Конго, тѣмъ не менѣе по своей торговлѣ она уже принадлежитъ къ бассейну этой рѣки. Главная ея факторія является центромъ всей англійской торговли на протяженіи отъ Габона до Лоанды. Самое большое поселеніе въ португальскихъ владѣніяхъ, Ново Гранде, раскинулось вдоль пляжа, къ югу отъ Кабинды, между банановыми рощицами и садами: одинъ изъ поселковъ этой деревни былъ нѣкогда столицею королевства Нгойо. Часть мѣновой торговли находится въ рукахъ ма-вумбу, серьезныхъ и осанистыхъ людей, съ умнымъ выраженіемъ глазъ, прямымъ и даже орлинымъ носомъ, и вообще съ столь сильно выраженнымъ семитическимъ типомъ, что португальскіе писатели называютъ ихъ judeos pretos, т. е. «черные евреи». Эти ма-вумба также весьма искусны какъ горшечники и кузнецы [1]). Конечно, въ нихъ слѣдуетъ видѣть негровъ съ отчасти израелитскимъ происхожденіемъ, если правда, какъ это говоритъ Бастіанъ [2]), что они соблюдаютъ субботній день, и даже съ такою строгостью, что воздерживаются въ этотъ день отъ всякихъ разговоровъ; вѣроятно, мѣстопроисхожденіе ихъ слѣдуетъ искать на островѣ св. Ѳомы, такъ какъ въ концѣ XV столѣтія на этотъ островъ отвозили еврейскихъ дѣтей, отнятыхъ у родителей. По мнѣнію туземцевъ, ма-вумбу созданы Богомъ въ наказаніе другимъ людямъ, которыхъ они убивали.

Въ административномъ отношеніи, португальскія владѣнія, расположенныя къ сѣверу отъ Конго, причислены къ провинціи Ангола и, вмѣстѣ съ территоріями, находящимися южнѣе устья Конго, вплоть до Амбриза, составляютъ особый округъ, двумя сѣверными уѣздами котораго являются, такимъ образомъ, Кабинда и Ландана, при чемъ самый городъ Кабинда есть административный центръ этого округа.

Глава IV.

Конго.

I. Общій взглядъ.

Рѣчной потокъ, воды котораго на дальнее разстояніе румянятъ море передъ берегами Кабинды, зарождается въ нѣсколькихъ тысячахъ километровъ отъ мѣста своего изліянія въ океанъ, такъ какъ истоки его верховьевъ находятся гораздо ближе къ Индійскому морю, чѣмъ къ Атлантическому океану. На своемъ громадномъ пути, эта рѣка называется весьма различно, хотя всего вѣроятнѣе, что всѣ даваемыя ей наименованія означаютъ или «море въ движеніи», или «великую воду». «Podoroso», т. е. «Могучій», первыхъ мореплавателей, этотъ потокъ впослѣдствіи сталъ именоваться по туземному Запрою (Нзади), какъ вообще онъ называется португальцами и по-сейчасъ. Стэнли, совершивъ свое замѣчательное путешествіе черезъ материкъ Африки, предложилъ было называть эту рѣку по имени своего знаменитаго предшественника, Ливингстона; но это предложеніе не привилось, и нынѣ въ географической номенклатурѣ всѣми принято называть ее «Конго». Такъ же именовалось и то королевство, которое въ XVI столѣтіи занимало часть западнаго бассейна этой рѣки. Наконецъ, это же наименованіе дано и недавно учрежденному новому государству, границы котораго проведены частью по предполагаемому направленію водораздѣльныхъ кряжей, или по теченію главной рѣки и ея при-

[1]) Paul Güssfeldt, ут. соч ;—Hermann Soyaux, „Aus West-Afrika".

[2]) „Die deutsche Expedition an der Loango-Küste".

токовъ, частью же по меридіанамъ и градусамъ широты; но эту громадную территорію, такъ отграниченную на картѣ Африки, предстоитъ еще открыть въ большей части ея протяженія; даже теченіе рѣки, отъ которой новое государство получило свое наименованіе, стало извѣстно лишь очень недавно.

Впродолженіи трехъ столѣтій, слѣдовавшихъ за ихъ первыми открытіями на африканскомъ побережьѣ, португальцы нѣсколько подробнѣе ознакомились лишь съ областью, сосѣднею съ берегомъ. Впрочемъ, посылались экспедиціи и внутрь материка, съ цѣлью подчинить тамошнихъ жителей власти португальскаго короля и найдти золото, а также и отыскать того знаменитаго попа Ивана, котораго тщетно искали въ глубинѣ Азіи. Благодаря этимъ путешествіямъ и показаніямъ туземцевъ, узнали, что рѣка Заира начинается въ глубинѣ Африки и что въ области ея истоковъ находятся великія озера [1]). Однако, начертаніе подробной карты рѣки, соотвѣтственно открытіямъ изслѣдователей, было невозможно въ ту эпоху, и потому въ наносимыхъ на глобусѣ чертежахъ пытались согласовать точныя данныя португальскихъ путешественниковъ съ африканскими легендами и съ классическими преданіями Птоломея. Такъ Joao de Barros утверждалъ, какъ несомнѣнный фактъ, будто Заира выходитъ изъ самаго обширнаго во всей Африкѣ озера, служащаго въ то же время и «таинственнымъ началомъ Нила». То же происхожденіе приписывалъ этимъ двумъ восточнымъ рѣкамъ и Duarte Lopez. Эти ошибочныя географическія представленія удерживаются на картахъ вплоть до 18-го столѣтія, хотя уже въ 1541 году Меркаторъ правильно разграничилъ рѣчные бассейны, соотвѣтственно гребнямъ водораздѣловъ [2]).

Эра научныхъ изслѣдованій въ области верхняго теченія Конго началась съ конца XVIII столѣтія, именно со времени экспедиціи Ласерды (José de Lacerda e Almeida). Въ 1798 году этотъ путешественникъ, отправившись изъ Мозамбика, проникъ въ самую область великихъ озеръ; но на обратномъ пути былъ убитъ, и кромѣ краткихъ свѣдѣній объ его путешествіи, все погибло—путевыя замѣтки, планы, астрономическія наблюденія. Въ 1806 году была совершена болѣе счастливая экспедиція чрезъ материкъ, съ береговъ Атлантическаго океана къ берегамъ Индійскаго; этотъ подвигъ выполнили pombeiros или «начальники каравановъ», но точный маршрутъ ихъ экспедиціи не извѣстенъ; извѣстно только что по ту сторону Куанго—одного изъ главныхъ западныхъ притоковъ великой рѣки—они прошли бассейнъ Конго по южному склону и, для спуска къ Замбэзе въ области озеръ, вышли на дорогу Ласерды. Въ 1843 г., португалецъ Graça, отправившись съ западнаго берега, проникъ, чрезъ высокую долину Кассаи, въ землю племени муата-ямбо; но это, капитальной важности, путешествіе было почти забыто [1]). Первымъ по истинѣ рѣшающимъ изслѣдованіемъ страны, принадлежащей къ Конго по направленію ея водъ, было путешествіе Burton'a и Speke'a въ 1857 и 1858 гг. въ прибрежныя области озера Танганьика; но путешественники не перешли этого внутренняго моря и не могли рѣшить вопроса о принадлежности его къ какому-нибудь изъ рѣчныхъ бассейновъ. Даже, когда Ливингстонъ, въ своихъ замѣчательныхъ путешествіяхъ между 1869 и 1872 годами, посѣтилъ, по ту сторону Танганьики, другія озера и цѣлую сѣть рѣкъ, направляющихся къ сѣверу, и онъ не зналъ, къ какой покатости принадлежатъ тѣ воды, по теченію которыхъ ему приходилось слѣдовать. Онъ воображалъ даже, что эти рѣки нисходятъ къ Нилу, и такимъ образомъ—подобно стариннымъ писателямъ—сводилъ все къ великой рѣкѣ Египта; затѣмъ, изліяніе въ Средиземное море большихъ озеръ внутренней Африки—отъ Бангуэоло до М'вутанъ-Н'циге включительно—стали признавать, вторя Ливингстону, и многіе другіе географы. Между тѣмъ, имѣвшіяся уже свѣдѣнія о рельефѣ материка, о времени разлива различныхъ рѣкъ и о сравнительной величинѣ ихъ водныхъ массъ—должны были привести людей науки къ признанію, что рѣки, открытыя Ливингстономъ, на самомъ дѣлѣ суть притоки верхняго теченія Конго. Такъ, Луа-Лаба [2])—таково названіе Верхней Конго—течетъ въ области менѣе возвышенной, чѣмъ то плоскогоріе, впадины котораго вмѣщаютъ Ніанцу и другія озера Верхняго Нила; ея разливы, обусловливаемые дождями южнаго тропическаго пояса, достигаютъ своего наивысшаго уровня въ январѣ, между тѣмъ какъ повышенія уровня водъ въ Верхнемъ Нилѣ совершаются какъ-разъ въ противоположномъ времени года: въ августѣ и сентябрѣ; и наконецъ, исчисленный Ливингстономъ объемъ водныхъ массъ, изливаемыхъ Луа-Лабою въ періодъ засухи, въ три раза превосходитъ объемъ тѣхъ водъ, которыя катитъ Нилъ книзу отъ сліянія Баръ-эль-Джебеля и Баръ-эль-Гхазаля. Такимъ образомъ, мнѣніе о соединеніи Луа-Лабы съ Ниломъ нельзя было бы поддерживать даже и въ томъ случаѣ, если бы о такой невозможности не существовало и прямыхъ свидѣтельствъ путешественниковъ. Тѣ же самыя соображенія не позво-

[1]) Luciano Cordeiro, „L'hydrographie au treizième siècle".

[2]) „Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik". Мартъ 1887 г.

[1]) Desborough Cooley, „Petermann's Mittheilungen", 1856 г., № 2.

[2]) Лу, луа, ло и ру суть слова языка банту и означаютъ „рѣку".

ляютъ, затѣмъ, находить связи между Луа-Лабою и Хари; а Огоуэ—которую тоже нѣкоторые авторы считали возможнымъ истеченіемъ рѣчной сѣти, открытой англійскими путешественниками,—слишкомъ незначительна выше своихъ пороговъ, чтобы можно было долго останавливаться на предположеніи о томъ, будто именно она-то и составляетъ нижнее теченіе Луа-Лабы. Поэтому, оставались только два предположенія: или, что рѣчной потокъ, видѣнный Ливингстономъ, теряется въ какомъ-то обширномъ, никуда не изливающемся, внутреннемъ морѣ — неизвѣстномъ, кстати, ни одному путешественнику и ни одному начальнику каравановъ; или же, что онъ соединяется съ Заирою. Между тѣмъ, изобиліе воды, наклоненіе мѣстности и совпаденіе періода половодій оправдывали утвержденіе тѣхъ географовъ, которые заранѣе отождествляли Луа-Лабу съ Конго. Вообще, эта проблема сравнительной географіи, оставленная неразъясненною даже такимъ путешественникомъ, какъ Ливингстонъ, могла быть разрѣшена учеными даже на основаніи имѣвшихся книгъ и картъ [1]).

Наконецъ, Стэнли—за пять лѣтъ передъ тѣмъ отыскавшій на берегу озера Танганьики Ливингстона, считавшагося уже погибшимъ,—предпринялъ, въ сопровожденіи цѣлой флотиліи изъ занзибарцевъ и арабовъ, плаваніе внизъ по теченію Луа-Лабы, въ 1876 году. Спустя девять мѣсяцевъ онъ приплылъ къ устью Конго. Такимъ образомъ великая географическая проблема была рѣшена, но цѣною какихъ усилій и опасностей! Путешествіе, по выходѣ изъ Занзибара, длилось 999 дней, а разстояніе, пройденное караваномъ при различныхъ изслѣдованіяхъ, предпринимавшихся какъ въ областяхъ великихъ озеръ, такъ и въ предѣлахъ самой Конго, равнялось 11.663 километрамъ; приходилось спускаться по быстринамъ на порогахъ, обходить водопады, взрывать скалы, переносить пироги черезъ лѣса и овраги, подвергаться голоду и лихорадкѣ и — иногда съ весьма короткими промежутками — выдержать, одна за другою, тридцать двѣ битвы съ туземцами. Изъ четырехъ бѣлыхъ, бывшихъ въ экспедиціи, избѣжалъ смерти лишь одинъ Стэнли, а изъ 356 сопровождавшихъ экспедицію негровъ достигли противоположнаго берега материка только 115 человѣкъ. Послѣ этого достойнаго удивленія подвига, свидѣтельствовавшаго о замѣчательной отвагѣ и энергіи того, кто его совершилъ, о неослабной настойчивости, чрезвычайномъ нравственномъ превосходствѣ и о первостепенномъ военномъ геніи, оставалось лишь провѣрить подробности совершеннаго дѣла, исправить суммарное начертаніе, данное рѣкѣ ея первымъ изслѣдователемъ и связать этотъ основной маршрутъ со всѣми новыми маршрутами, пройденными въ области Конго и ея притоковъ. Этою работою занимается нынѣ цѣлый легіонъ путешественниковъ, и результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи въ первое же десятилѣтіе со времени геройскаго перехода «черезъ черный континентъ», были поистинѣ поразительны.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что западный склонъ озера Танганьики былъ посѣщенъ весьма большимъ числомъ бѣлыхъ путешественниковъ, купцами и миссіонерами, учеными и промышленниками; даже дамы странствовали тамъ въ паланкинѣ [1]). На берегахъ озера имѣются уже дома европейской постройки, и одно паровое судно разсѣкаетъ его воды. К юго-западу отъ Танганьики географическія изслѣдованія доставили менѣе важныя данныя, но со всѣмъ тѣмъ пути, которымъ слѣдовали Ливингстонъ, уже пересѣчены маршрутами путешественниковъ Giraud, Böhm'a и Reichardt'a; на западѣ, Cameron – открывшій в 1874 году истокъ Танганьики въ сторону верховьевъ Конго—изслѣдовалъ также и другія изъ верхнихъ рѣкъ, и, чтобы достигнуть в Бенгуэлѣ атлантическаго берега, онъ прошелъ по линіи водораздѣльныхъ вершинъ между Конго и Замбэзе. Wissman, Gleerup и Oscar Lenz прослѣдовали по бассейну Конго отъ одного моря до другаго, при чемъ на западномъ склонѣ проникали почти во всѣ притоки Конго на всемъ протяженіи ихъ судоходности. Mechow, Büttner, Teppenbeck и Massari изслѣдовали бассейнъ Куанго; Wissmann, de-François и Grenfell изучали ту часть Конго, которая называется Кассаи и которая, съ своимъ притокомъ Санкуру и подпритокомъ Ло-Мами, составляетъ наиболѣе прямую дорогу изъ предѣловъ Нижняго Конго къ области ея верховьевъ; Pierre de Brazza открылъ судоходность Алимы, и, благодаря ему, эта рѣка сдѣлалась часто посѣщаемымъ торговымъ путемъ; Jacques de Brazza, Dolisie, Ponel, van-Gèle и Grenfell изслѣдовали съ разныхъ сторонъ бассейны Нкени, Ли-Куалла, Бунга и У-Банги; тотъ же Гренфелль, маршруты котораго найдутся и во всѣхъ другихъ частяхъ бассейна, поднимался по Чуапа, Икелемба, Лу-Лонго, Мунгала и Итимбири. Менѣе всего извѣстной остается пока сѣверо-восточная часть конгскаго бассейна, которая, однако, является самою интересною областью въ географическомъ отношеніи и, вѣроятно, получитъ современемъ весьма важное значеніе въ исторіи, такъ какъ именно въ ея предѣлахъ и находится водораздѣлъ между бассейнами Нила и Конго. Но, хотя до сихъ поръ этотъ край

[1]) Behm, „Petermann's Mittheilungen", 1872, тетр. XII.

[1]) Mrs Annie B. Hore, „To Lake Tanganyika in a bath-chair".

Африки и не сталъ еще центромъ сѣти маршрутовъ, тѣмъ не менѣе изслѣдованіе р. Уэллэ, совершенное Юнкеромъ, по меньшей мѣрѣ на протяженіи двухсотъ километровъ по прямой средствѣ ея откроется путь также и къ Бахръ-эль-Абіаду.

Благодаря путешествіямъ Юнкера, нынѣ можно, съ нѣкоторыми шансами на приблизи-

Рѣка Лу-Куга.

линіи, параллельно съ долиною бассейна Конго, позволяетъ съ полной увѣренностью утверждать, что и Уэллэ принадлежитъ къ тому же бассейну, и что рано или поздно, при потельную вѣрность, отважиться даже и на исчисленіе поверхности даннаго рѣчнаго бассейна. По исчисленію Льва Мечникова, она равна 4 милл. 75 тысячамъ квадр. километровъ,

такъ что площади, дренируемой р. Конго, должно отвести второе мѣсто между площадями великихъ рѣкъ на земномъ шарѣ. Что же касается численности населенія этой громадной территоріи, превышающей въ восемь разъ Францію, то по отсутствію данныхъ для его исчисленія точной цифры привести пока нельзя; но путешественникамъ много разъ приходилось проѣзжать по густо населеннымъ областямъ, и ихъ сравнительныя описанія позволяютъ сказать, что для совокупности населенія на всемъ протяженіи бассейна число въ двадцать милліоновъ душъ было бы ниже дѣйствительности. Стэнли останавливается, какъ на наиболѣе вѣроятномъ исчисленіи, на цифрѣ въ 29 милліоновъ.

Относительно истоковъ рѣки Конго прежде всего слѣдуетъ указать на тотъ фактъ, что тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе удалены отъ ея устья и которые, слѣдовательно, и должны быть разсматриваемы какъ образующіе самую многоводную вѣтвь рѣки, зарождаются на южномъ склонѣ горъ Тшингамбо, на половинѣ разстоянія между озеромъ Танганьика и озеромъ Ньясса, а по прямой линіи всего лишь въ семистахъ километрахъ отъ Килоа, ближайшаго города на Индійскомъ морѣ. Посѣщена эта область истоковъ Верхняго Конго въ 1879 году Томсономъ и Стюартомъ, а въ 1886 году Ленцомъ. Эти начальные ручьи, зарождаясь на высотѣ приблизительно 1.800 метровъ, текутъ сначала по слегка наклоненному плоскогорію, которое, конечно, не можетъ представить препятствія для проведенія дороги, проѣзжей для экипажей; затѣмъ они образуютъ небольшую рѣку, Чази, которая ниже называется Чамбези, при чемъ, вѣроятно, это наименованіе однозначуще съ названіемъ большой рѣки Замбэзе, которая течетъ на четыреста километровъ южнѣе. Къ тому же, рѣка Чамбези даже и направляется съ сѣверо-востока на юго-западъ, какъ будто-бы она и на самомъ дѣлѣ впадала въ сейчасъ названный могучій притокъ Индійскаго океана, и ея истоки отдѣлены отъ притоковъ Замбэзе лишь незначительнымъ возвышеніемъ почвы. Далѣе рельефъ водораздѣльнаго гребня становится, однако, все выпуклѣе и даже образуетъ горную цѣпь, Мушинга, находящуюся на югѣ той долины, которою Чамбези, соединяясь съ другими рѣками и истоками обширныхъ болотъ, вливается въ озеро Бемба или Бангуэоло, самую южную изъ тѣхъ большихъ водныхъ поверхностей, которыя принадлежатъ къ гидрографической системѣ Конго [1]).

Озеро Бангуэоло,—открытое Ливингстономъ въ 1868 г. и увидѣнное имъ снова спустя пять лѣтъ, но для того чтобы умереть на его берегахъ,—представляетъ весьма неправильную водную поверхность, раздѣленную островами и полуостровами на многочисленные бассейны. Высота, на которой оно находится, исчислена Левингстономъ въ 1.124, а Giraud въ 1.300 метровъ; что же касается протяженія собственно озернаго водоема, то—вслѣдствіе тростниковыхъ зарослей, занимающихъ большую часть того углубленія, въ которомъ озеро находится—въ немъ трудно дать себѣ отчетъ. Поверхность свободной воды или «море» на сѣверной оконечности озера представляется въ видѣ обширнаго, необъятнаго для взора овала, простирающагося въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу на сотню километровъ; въ центрѣ озера поднимается самый высокій островъ архипелага, Кисси, возвышающійся метровъ на двадцать надъ зеленѣющими водами съ тинистымъ дномъ. Ни въ какой части Бангуэоло нѣтъ глубины, превышающей пяти или шести метровъ; а на востокѣ и въ южной части бассейна оно не что иное, какъ тростниковая поросль или затопленный лугъ. Да и сама Чамбези, на протяженіи всего своего нижняго теченія, теряется среди болотъ: плывя по ней, можно цѣлыми днями пробираться по тинѣ, среди тростника, который и придаетъ равнинѣ видъ огромнаго луга. Впрочемъ, деревья настолько многочисленны, что тамъ и сямъ группируются въ небольшіе перелѣски, но всѣ они ростутъ надъ муравейниками, подошву которыхъ омываетъ уже вода. Стезинки для пирогъ обозначаются теряющимися изъ вида канавками между склоненнымъ тростникомъ, а рукава собственно рѣки, медленно змѣящейся среди болотъ, окаймляются лишь слегка выступающими изъ воды краями береговъ. Больше, чѣмъ на половинѣ своей окружности—на востокѣ, на югѣ и западѣ—озеро Бангуэоло отдѣляется отъ прибрежныхъ болотъ лишь стѣною изъ тростника, который въ два раза выше роста человѣка. Путь чрезъ этотъ, скрывающій видъ на озеро, камышъ приходится прокладывать топоромъ, а когда, наконецъ, свободныя воды и будутъ достигнуты, то цѣлые дни надо плыть вдоль однообразнаго берега, окаймленнаго склонившимъ свои головки тростникомъ, подводная часть котораго достигаетъ метровъ четырехъ, а высящаяся надъ водою—трехъ.

Въ юго-восточной оконечности озера, обѣ стѣны тростника сближаются, и озерная водная поверхность превращается въ рѣку; это—Луа-Пула, истокъ Бангуэоло. Этотъ потокъ, глубиною въ шесть, а шириною въ 70 метровъ, змѣится безпрестанными излучинами, при чемъ протяженіе той его части, которая пробѣгаетъ чрезъ громадное болото, заканчивающее на югѣ озеро Бангуэоло, равняется, быть-можетъ, не менѣе, какъ двумстамъ

[1]) Stewart, „Proceedings of the R. Geographical Society". 1880, VII.

километрамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта рѣка, преграждаемая растеніями, разливается широкими травянистыми лужами, по которымъ лишь съ трудомъ скользятъ пироги. На пространствѣ всей этой низменной области есть только одинъ островъ, да и тотъ представляетъ, скорѣе, выдающуюся изъ воды отмель, которая примѣтна съ большаго разстоянія по растущему на ней, единственному во всемъ краѣ, дереву, простирающему свои вѣтви надъ группою хижинъ. При слѣдованіи рѣчнымъ потокомъ далѣе, справа и слѣва начинаютъ показываться за тростникомъ поросшіе лѣсомъ холмы; затѣмъ, тростникъ совершенно прекращается, и рѣка вступаетъ въ долину, которая сначала направляется къ югу и къ юго-западу, а послѣ того дѣлаетъ рѣзкій поворотъ на сѣверо-западъ. На этомъ протяженіи рѣка сначала быстро течетъ между своими береговыми откосами, затѣмъ устремляется среди скалъ по наклонной плоскости и наконецъ низвергается широкимъ водопадомъ, называющимся Момбирима или Момботтута.

Книзу отъ этого опаснаго ущелья, ни одинъ европейскій путешественникъ не слѣдовалъ по теченію Луа-Пула; но, тѣмъ не менѣе, извѣстно, что рѣка дѣлаетъ изгибъ къ сѣверу и затѣмъ впадаетъ въ озеро Моэро или Мэру. На этомъ пути, составляющемъ приблизительно триста километровъ, число каскадовъ должно быть весьма значительно, такъ какъ, по Жиро, разница въ уровнѣ между озерами Бангуэоло и Моэро равняется 450 метрамъ. Само же озеро Моэро лежитъ на высотѣ, по Ливингстону, 1.040, а по Жиро, всего лишь 850 метровъ. Это озеро, будучи немного меньше озера Бангуэоло, представляетъ, однако, одну изъ самыхъ обширныхъ поверхностей свободной воды: оно протянулось приблизительно на пространствѣ 150 километровъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, при чемъ отъ южнаго конца озера Танганьики отдѣляется перешейкомъ, имѣющимъ въ ширину тоже 150 километровъ. Къ югу, гдѣ Луа-Пула вливается въ Моэро, низкіе берега рѣки переходятъ въ болота, простирающіяся по равнинамъ на необозримое пространство, но въ другихъ мѣстахъ вода въ рѣкѣ повсюду глубокая и чистая. Ливингстонъ, дважды посѣтившій берега озера Моэро, удостовѣрился, что разница между высокимъ и низкимъ уровнемъ его водъ достигаетъ по крайней мѣрѣ шести метровъ. Половодія увеличиваютъ поверхность озера на сотни, вѣроятно, даже на тысячи квадратныхъ километровъ, при чемъ въ это время рыбы изъ рода сомовъ, именно clarias capensis, разселяясь по прибрежнымъ мѣстностямъ, пожираютъ, вмѣстѣ съ мелкою рыбешкою, также и насѣкомыхъ, пресмыкающихся и другихъ животныхъ, подхваченныхъ поднявшеюся водою; затѣмъ, когда воды спадутъ, то различнаго рода преграды препятствуютъ уже этимъ сомовиднымъ рыбамъ возвращаться въ ложе рѣки, пользуясь чѣмъ туземцы и налавливаютъ себѣ ихъ тысячами. Туземцы назвали Ливингстону тридцать девять видовъ рыбъ, живущихъ въ озерѣ и поднимающихся по большому его восточному притоку, Калонгози. Въ средней части озера разсѣяно нѣсколько островов, а на сѣверѣ этотъ водоемъ, окаймляемый возвышающимися съ обѣихъ сторонъ холмами и даже горами: Руа—на западѣ, и Кома—на востокѣ, принимаетъ видъ альпійскаго озера расположеннаго между высокими откосами и лѣсистыми склонами: вообще, изъ всѣхъ внутреннихъ морей Африки, Моэро—самое живописное [1]).

Сближаясь другъ съ другомъ, двѣ горныя цѣпи съуживаютъ озеро, заостряютъ его сѣверную оконечность, и воды его, становясь все быстрѣе и быстрѣе, наконецъ, выливаются изъ него, образуя рѣку Лу-Вуа или, иначе, Луа-Лаба, при чемъ это послѣднее наименованіе весьма мало разнится отъ названія Луа-Пула, присвоеннаго, какъ уже упомянуто, верховой рѣкѣ между озерами Бангуэоло и Моэро; Ливингстонъ называлъ Луа-Вуа «рѣкою Уэбба (Webb's river). Воды этой рѣки—прозрачныя, хотя и черноватыя—устремляются къ сѣверо-западу между покрытыми лѣсомъ горами, пробѣгаютъ между скалами отъ одного порога до другаго и изливаются въ третье большое озеро, Ланджи, которое, судя по разсказамъ туземцевъ, слѣдуетъ считать скорѣе постояннымъ наводненіемъ: многочисленные островки его лежатъ вровень съ водою. Однако, въ этомъ именно резервуарѣ и зарождается самая рѣка Конго, такъ какъ, съ одной стороны, въ него съ востока впадаетъ Лу-Куга, истокъ о. Танганьики, а съ другой—въ небольшомъ разстояніи кверху, а можетъ-быть, и въ самомъ озерѣ, оканчивается теченіе западной Лу-Лаба или, иначе, Комоландо. Этотъ западный бассейнъ, ограниченный съ юга горами, составляющими гребень водораздѣла между Конго и Замбэзе, представляетъ значительную сѣть рѣкъ или лу: Лу-Бури, Лу-Фула, Лу-Лаба и Лу-Фира; всѣ эти рѣки катятъ большое количество воды, а Лу-Фира мѣстами образуетъ красивые каскады, изъ которыхъ водопадъ Джуо низвергается съ высоты 25 метровъ и своею бѣлою массою рѣзко отличается отъ горизонтальныхъ слоевъ красноватаго песчаника [2]). Что касается центральной долины, по которой змѣится Луа-Лаба, она то оказывается усѣянною озерами, при чемъ въ верховой долинѣ уединенно ле-

[1]) Victor Giraud, „Tour du Monde", 1886.— Capello e Ivens, „De Angola à Contra-Costa".

[2]) Reichard, „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin". Февраль, 1887.

*

житъ самое большое изъ нихъ, Ло-Хемба, а на протяженіи нижняго теченія рѣки они слѣдуетъ другъ за другомъ на-подобіе жемчужинъ въ ожерельи. По Рейхарду—который переправлялся черезъ западную Луа-Лаба въ 200 километрахъ выше ея сліянія съ Восточною Луа-Лабою—наибольшее количество воды катитъ Луа-Лаба западная, которую, не за длину ея ложа, а за массу ея водъ, и слѣдовало бы считать главною вѣтвью Конго [1]). Вытекающая изъ о. Танганьика рѣка Лу-Куга доставляетъ воды немного, а когда путешественники увидѣли эту рѣчку въ первый разъ, то русло ея было совсѣмъ сухое, такъ какъ вода уже успѣвала испариться еще до своего выхода изъ обширнаго водоема самаго озера.

Озеро Танганьика было извѣстно португальцамъ и арабамъ издавна: подъ различными наименованіями о немъ упоминаютъ многочисленные документы послѣднихъ вѣковъ, но при этомъ его обыкновенно смѣшиваютъ съ другими озерами и въ особенности съ о. Ньясса; изъ трехъ бассейновъ: Ньясса, Танганьика и Ніанца составляли даже одно внутреннее море, простирающееся съ сѣвера на югъ на протяженіи слишкомъ тринадцати градусовъ широты; называли этотъ водоемъ озеромъ У-Ніамези, и, соотвѣтственно сейчасъ приведенному представленію о немъ, онъ изображенъ даже на относящейся ко второй половинѣ XIX вѣка картѣ Эрхардта и Ребманна [2]). Однако путешествіе Burton и Speke'a, въ 1858 году, а затѣмъ изслѣдованія Ливингстона и Стэнли привели къ раздѣленію этого внутренняго моря на три составныя его части. Нынѣ изъ всѣхъ озерныхъ бассейновъ Центральной Африки, озеро Танганьика оказывается извѣстнымъ лучше другихъ, а сравненіе картъ Ливиностона съ картою, начерченною послѣ точныхъ измѣреній новѣйшихъ изслѣдователей, убѣждаетъ въ томъ, что это озеро было тщательно обслѣдовано уже и первыми путешественниками. Площадью озеро Танганьика меньше Ніанцы, но превосходитъ другіе бассейны. Отъ бухты Памбэтэ, находящейся въ самой южной оконечности озера, до впаденія, въ самомъ сѣверномъ его заливчикѣ, рѣки Ру Спзи, разстояніе 630 километровъ, такъ что, слѣдовательно, длина Танганьики превосходитъ длину Ла-Манша, отъ Калэ до Сорлингенскихъ острововъ. Впрочемъ, эта громадная водная поверхность сравнительно узка: самая большая ширина озера равняется 90 километрамъ, а средняя не превышаетъ и 50-ти. Форма озера правильна; во многихъ отдѣлахъ его, выступы на одномъ берегу соотвѣтствуютъ углубленіямъ другаго берега, и въ общемъ оно отъ одной своей оконечности до другой сохраняетъ одно и то же направленіе, именно съ юго-юго-востока на сѣверо-сѣверо-западъ. Только въ сѣверной его части, отъ западнаго, самаго гористаго берега отдѣляется длинный полуостровъ У-Буари, относительно котораго прежде Burton полагалъ, что это островъ, отдѣленный отъ суши проливомъ въ 12 километровъ. Затѣмъ, нѣсколько прибрежныхъ островковъ находятся также вблизи горъ. Озеро Танганьика, одинъ изъ верхнихъ резервуаровъ р. Конго, удивительно походитъ на озеро Ньясса, составляющее, въ свою очередь, озеро-притокъ рѣки Замбэзе. Оба эти водоема имѣютъ одинаковую форму, одинаковое направленіе, сходный внѣшній видъ, и своимъ происхожденіемъ, очевидно, обязаны однимъ и тѣмъ же геологическимъ вліяніямъ. Озера Ньясса, Танганьика, промежуточное между ними озеро Рикуа, а также лежащія сѣвернѣе Мута-Н'цигэ и М'вутанъ-Н'цигэ—какъ будто наполняютъ днища разверзшихся щелей въ треснувшей земной корѣ: такъ именно образуются трещины во всякомъ вязкомъ веществѣ, когда оно подвергается осѣданію или усышкѣ. Какъ бы то ни было, Танганьика совершенно отличается, по способу своего образованія, отъ озера Бангуэоло, которое есть не что иное, какъ постоянное наводненіе, происходящее вслѣдствіе отлива водъ кверху отъ встрѣченной преграды; Танганьика, напротивъ, представляетъ естественный бассейнъ въ геологическомъ строеніи материка: его воды почти повсюду глубоки въ непосредственномъ сосѣдствѣ береговъ. Въ 1.850 метрахъ отъ мыса Кабого, на свободной водѣ, Стэнли не могъ достать дна линемъ въ 365 метровъ; приблизительно въ тѣхъ же самыхъ отдѣлахъ озера Ливингстонъ тоже не ощутилъ дна озера, хотя и спустилъ веревку длиною въ 550 метровъ [1]); Жиро-же, на свободной водѣ, около Каремы, намѣрилъ 647 метровъ. Въ 1862 году, по свидѣтельству арабовъ племени У-Джиджи, озеро закипало и извергало пары, а на другой день берегъ былъ усѣянъ кусками вещества, схожаго съ горною смолою. Многіе изъ этихъ кусковъ собраны Ноге'мъ [2]). Около южныхъ береговъ бьютъ горячіе ключи.

Названіе этого озера, означающее «соединеніе водъ» [3]), вѣроятно въ смыслѣ «большаго скопленія жидкости», оправдывалось бы также и въ томъ случаѣ, если бы оно выражало идею о взаимной встрѣчѣ многочисленныхъ притоковъ. Хотя въ Танганьику впадаетъ много рѣкъ, но большинство ихъ имѣютъ небольшую длину. Самая значительная изъ этихъ рѣкъ—Малагаразн: образующіе ее ручьи берутъ свое

[1]) „Mittheilungen der Deutschen Afrikanischen Gesellschaft". T. IV, май, 1885.

[2]) „Petermann's Mittheilungen", 1856, Таблица I.

[1]) Stanly, „Through the dark Continent".

[2]) „Proceedings of the R. Geographical Society". Янв. 1882.

[3]) Richard Burton, „The Lake Regions of Central Africa".

начало въ наиболѣе отдаленной области; во время половодій ширина ея при устьѣ достигаетъ 1.400 метровъ, а сѣроватыя ея волны на далекомъ разстояніи грязнятъ зеленыя воды

Видъ съ рѣки Уджиджи

озера: въ сухое же время года это лишь потокъ, содержащій небольшое количество воды, хотя, впрочемъ, его нигдѣ нельзя перейти въ бродъ. Что касается притоковъ самой Малагарази, то наиболѣе отдаленный изъ нихъ зарождается въ небольшомъ озерѣ, въ разстояніи 560 километровъ отъ восточнаго моря: это ближайшій къ Индійскому океану истокъ рѣки Конго. Другая рѣка, менѣе обильная, чѣмъ Малагарази, изслѣдована путешественниками очень тщательно: это Ру-Сизи, изливающаяся въ сѣверную оконечность Танганьики. Долина этой рѣки находится какъ разъ на оси большаго озернаго бассейна, и прежде предполагали,

что излишнія воды самаго озера изливаются чрезъ этотъ проломъ въ горахъ для сліянія съ Верхнимъ Ниломъ. Однако, Burton, а впослѣдствіи и Стэнли доказали, что въ дѣйствительности этого нѣтъ, и что Ру-Сизи есть такой же притокъ, какъ и Малагарази.

Такъ какъ притоки Танганьики проходятъ черезъ области мало воздѣлываемыя, жители которыхъ никогда не заботились объ упорядоченіи своихъ рѣкъ, то, вмѣстѣ съ водою, плывутъ также островки, образующіеся изъ наносныхъ древесныхъ вѣтвей и пловучихъ растеній (такъ называемые плавы). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣки, сплошь отъ одного берега до другаго, бываютъ запружены скопленіями растеній, которыя, непрерывно увеличиваясь, превращаются, наконецъ, въ такія густыя и плотныя массы, что путешественники отваживаются ступать на нихъ: сплетеніе корней придаетъ всему наносу одинаковую плотность съ почвою; на немъ укореняются кустарники, начинаютъ рости даже деревья и, потому, даже караваны рѣшаются переходить черезъ такой плавъ. Нѣкоторые же изъ этихъ пловучихъ островковъ кончаютъ тѣмъ, что гдѣ-либо такъ крѣпко застреваютъ и укрѣпляются, что рѣкѣ приходится пролагать себѣ другое ложе; впрочемъ, чаще случается такъ, что нижніе слои такого наноса растворяются, половодья разрываютъ самые плавы и въ видѣ островковъ увлекаютъ ихъ по направленію къ озеру; существуетъ даже разсказъ, будто однажды были поглощены и люди, и животныя при переходѣ каравана по одному изъ такихъ травяныхъ мостовъ, въ то время, когда онъ сталъ уже сдвигаться [1]). Прибылыя воды часто заносятъ эти пловучіе острова даже въ самое озеро. Cameron видѣлъ такіе острова, которые были покрыты мхомъ и поросли деревьями: увлекаемыя теченіемъ, эти зеленыя поверхности, шириною въ нѣсколько сотенъ метровъ, носятся на подобіе плотовъ до тѣхъ поръ, пока, подъ дѣйствіемъ волнъ, совершенно не расползутся.

Бури рѣдки на озерѣ Танганьика; но иногда случается, что восточные вѣтры, внезапно нарушая правильное вѣяніе пассатовъ или обычную смѣну вѣтровъ съ озера на берегъ и обратно, порывисто устремляются съ восточныхъ высотъ и взволновываютъ озерныя воды. При этомъ наиболѣе сильнымъ волненіе обыкновенно оказывается во время засухъ: во время дождей волна бываетъ менѣе высока, но особенно опасны внезапныя бури. Часто повышенія и пониженія уровня воды въ озерѣ смѣняютъ другъ друга: это, очевидно, такъ называемое seiches, наблюдаемое также и на швейцарскихъ озерахъ [2]); однако арабы говорятъ о нихъ, какъ о правильной смѣнѣ между приливомъ и отливомъ. Перевозчики на озерѣ сильно боятся бушеваній; огибая его мысы, они, въ особенности въ періодъ сильныхъ юго-восточныхъ пассатовъ, никогда не преминутъ совершить возліяніе вина и принести жертвы тѣмъ «благороднымъ бѣсамъ», которые обитаютъ на этихъ мысахъ. «Горе, горе тому—говорили арабы миссіонерамъ Эрхардту и Ребманну—кто, при переѣздѣ черезъ озеро, не взывалъ къ демону горы Кабого! Не принесшіе ему въ жертву чернаго барашка или бѣлой курицы не возвратятся никогда; они будутъ поглощены тѣмъ жестокимъ вѣтромъ, который снизойдетъ съ этой горы [1])».

Между тѣмъ этотъ высящійся надъ восточнымъ берегомъ мысъ Кабого, какъ равно и множество другихъ мысовъ, господствующихъ надъ зеленѣющей каймою берега, а также кручи изъ краснаго песчаника, стѣны изъ бѣлой извести и гранитные куполы и башни, разнообразятъ видъ озера, дѣлая его одновременно и величественнымъ, и очаровательнымъ. Прозрачныя воды озера изобилуютъ различными породами рыбъ, между прочимъ, сингой, составляющей большое подспорье для прибрежныхъ жителей, которые очень любятъ ея жирное мясо [2]). Всего болѣе замѣчательна конхіологическая фауна этого бассейна, половина видовъ которой уже не встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ; нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно представляютъ морскія формы и, по сходству признаковъ, должны быть причислены къ ископаемымъ видамъ верхней мѣловой формаціи Европы и Сѣверной Америки [3]).

Вода въ Танганьикѣ совершенно прѣсная, и уже этотъ одинъ фактъ позволялъ предвидѣть существованіе отлива водъ изъ этого озера. Но такъ какъ изливающаяся изъ одного конца озернаго бассейна вода течетъ, почти во всѣхъ озерахъ, по направленію главной оси долины, а Burton, между тѣмъ, доказалъ, что рѣка Ру-Сизи вовсе не уноситъ къ Нилу избытка водъ Танганьики и, слѣдовательно, водоотлива не оказывалось въ томъ мѣстѣ, гдѣ находиться, повидимому, для него было бы всего естественнѣе, то, вообще, усомнились въ его существованіи и заключили, что испареніе съ поверхности озера вполнѣ уравновѣшиваетъ прибыль воды изъ его притоковъ. Между тѣмъ вскорѣ обнаружилось, что уровень воды въ озерѣ можетъ постепенно подниматься, затопляя прежнія низины, наводняя лѣса и покрывая грани скалъ болѣе чѣмъ на три метра въ сравненіи съ прежнею высотою стоянія озерной воды. Это явленіе, въ свою очередь, казалось, лишь доказывало, что

[1]) Verney Lowet Cameron, „Through Africa".
[2]) Richard Burton, упом. соч.

[1]) „Petermann's Mittheilungen", 1856, I.
[2]) V. Giraud, „Tour du Monde", 18 іюня 1887.
[3]) Leopold Tausch, „Sitzungsberichte der Academie der Wissenschaften". 1884.

у бассейна нѣтъ истока: такъ предполагалъ и Cameron, какъ вдругъ ему довелось проникнуть въ рѣку Лу-Куга, этотъ дѣйствительный истокъ озера. Въ то время этотъ каналъ, въ мѣстѣ входа въ него, имѣлъ около двухъ километровъ ширины, но въ большей своей части былъ загражденъ песчаною отмелью. Ниже, берега мало-по-малу сближались, а въ разстояніи восьми километровъ отъ входа, плавы образовали запруду, и несущіяся по теченію деревья скрывались подъ нее. По другую сторону этой преграды рѣка текла опять въ-явь, но затѣмъ новыя запруды снова побуждали ее течь скрытно, подъ плавами. Три года спустя Стэнли также посѣтилъ входъ въ Лу-Кугу, и ему показалось, что на этомъ входѣ все и останавливается: выходнаго потока изъ него примѣтить было нельзя, и даже движеніе воды совершалось въ обратномъ направленіи; такимъ образомъ, въ это время года озерная вода не достигала высоты даже порога своего истока. Но впослѣдствіи Hore и Thomson снова увидѣли Лу-Кугу и могли убѣдиться, что воды ея быстро устремлялись изъ озера, производя около береговъ обширные водовороты. Тростниковой преграды уже не было, а на томъ мѣстѣ, гдѣ она нѣкогда находилась, рѣка неслась черезъ пороги, и отважиться пройти черезъ нихъ не могло бы ни одно гребное судно [1]). Hore, во время высокаго стоянія водъ въ году, не могъ проплыть далѣе девяти километровъ [2]). Благодаря образовавшемуся истоку, уровень воды въ озерѣ понизился къ январю 1882 года на 3 метра 16 сантиметровъ, а къ 1886 году на 4½ метра [3]). Туземцы страшно испугались, видя, что вода уходитъ изъ озера; боялись, чтобы чуждые волшебники, бросая снадобья въ Лу-Кугу, не спустили бы всю воду изъ этого водоема [4]). «Смотрите—говорилъ путешественнику Жиро одинъ изъ туземныхъ начальниковъ про европейцевъ—смотрите, вотъ они переѣзжаютъ черезъ озеро, а съ ними утекаетъ и вода!» Невѣдѣніе туземцевъ относительно прежняго водослива изъ озера, повидимому, доказываетъ, что пока воды не отыскали для себя новаго стока, озерный резервуаръ оставался закрытымъ въ теченіе долгаго времени. Недавно, слѣдовательно, въ этой части Африки усилились также и дожди, и если, какъ утверждаютъ, они уменьшаются въ другихъ частяхъ континента, то, въ предѣлахъ озернаго бассейна, они, напротивъ, возросли.

Исчисленія высоты положенія Танганьики сильно расходятся: по Burton'у она равна—564; по Ливингстону—800; по Стэнли—1.128 и затѣмъ—840; по Cameron'у—826; по Виссманну—814; по Thomson'у—795 и 798 метрамъ; но можно, вмѣстѣ съ позднѣйшими изслѣдователями принять, что она превышаетъ 800 метровъ: паденіе ложа Лу-Куги или Лу-Имби, на протяженіи около 250 километровъ, между озерами Танганьика и Ланджи, приблизительно равняется одному метру на километръ. До сихъ поръ долиною этой рѣки слѣдовалъ только одинъ путешественникъ, Томсонъ, именно въ 1879 году; но, пройдя почти треть разстоянія, онъ долженъ былъ свернуть къ юго-западу, такъ какъ носильщики отказались сопровождать его въ направленіи къ Конго. На протяженіи всей своей верхней части Лу-Кугу течетъ весьма быстро, хотя и не имѣетъ водопадовъ, свергающихся съ большихъ высотъ; что же касается окрестностей рѣки, то вообще мало найдется долинъ столь же красивыхъ, какъ та, по которой несутся пѣнистыя воды Лу-Куги: съ обѣихъ сторонъ ея надъ лугами, по которымъ разсѣяны деревья и пасутся антилопы и буйволы, господствуютъ покрытые лѣсомъ холмы, высотою отъ 200 до 600 метровъ.

Книзу отъ озера Ланджи, Луа-Лаба или скорѣе Конго течетъ на протяженіи сотни километровъ по такой области, которая до сихъ поръ еще не была изслѣдована путешественниками; но книзу отъ своего сліянія съ Лу-Ама, которая приноситъ ему воды съ горъ, окаймляющихъ Танганьику, Конго уже извѣстенъ географамъ на всемъ своемъ остальномъ теченіи вплоть до впаденія въ Атлантическій океанъ. Послѣ сліянія съ Лу-Ама, Конго является уже могучею рѣкою, слишкомъ въ километръ ширины, величественнымъ потокомъ съ глубиною, въ среднемъ, въ нѣсколько метровъ. Сначала рѣка течетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, а потомъ въ сѣверномъ, то соединяя свои мутныя воды въ одинъ каналъ, то дѣля ихъ на нѣсколько рукавовъ, огибающихъ лѣсистые острова и песчаныя отмели. Вливаются въ нее и значительные притоки, при чемъ одни, лѣвобережные, несутъ воды преимущественно съ юго-запада, а другіе, правобережные, болѣе изобильные, зарождаются въ восточныхъ краяхъ. Книзу отъ двухъ ея притоковъ, изливающихся почти другъ противъ друга, Лу-Фу и Канкоры, слышится шумъ водопада. Рѣка, сжатая между глыбами бѣлаго гранита, несется по непроходимымъ для лодокъ порогамъ; за этимъ водопадомъ слѣдуетъ второй, третій и такъ далѣе до седьмого включительно, вслѣдствіе чего перевозчики принуждены переносить черезъ лѣса свои лодки отъ одного тихаго плеса до другаго. При этомъ, болѣе всего сжимается рѣка береговыми скалами въ предѣлахъ послѣдняго порога: въ этой мѣстности разстояніе между бе-

---

[1]) J. Thomson, «Proceedings of the R. Geographical Society». 1880.

[2]) Edw. Coode Hore, тотъ же сборникъ, январь, 1862.

[3]) „Proceedings of the R. Geographical Society", апрѣль, 1887.

[4]) „Missions catholiques".—Exploration, 1880.

регами не превышаетъ 1.200 метровъ, изъ которыхъ около 700 заняты островомъ. Эти семь водопадовъ, совпадающіе съ прохожденіемъ Конго подъ экваторомъ и съ поворотомъ рѣчной долины въ направленіи къ западу, названы Stanley-Falls, «Водопадами Стэнли», въ честь открывшаго и перешедшаго ихъ путешественника.

Книзу отъ водопадовъ, рѣка, текущая на высотѣ 430 метровъ, разливается широкимъ спокойнымъ потокомъ, уже не дѣлящимся вплоть до сосѣдства съ Атлантическимъ океаномъ и не представляющимъ болѣе препятствій для судоходства. Къ ней присоединяются другія рѣки: съ юга — Лу-Билахъ, Лу-Лами или Ло-Мами, родящаяся въ продолженіи долины другой Ло-Мами, впадающей, чрезъ рѣку Санкуру, въ Кассаи; а съ сѣвера— Арахуими, вторая Конго по массѣ своихъ водъ, зарождающихся въ горахъ, расположенныхъ къ западу отъ озера Мута-Нциге. Объ Арахуими Стэнли первоначально полагалъ, что она есть продолженіе рѣки Уэллэ, открытой Швейнфуртомъ въ области Ніамъ-Ніамъ; но послѣдующія путешествія Бондорфа, Луптона, Казати и Юнкера показали, что бассейнъ Уэлле простирается къ сѣверу отъ бассейна Арахуими и сосѣднихъ рѣкъ. По Юнкеру, верховьемъ Арахуими слѣдуетъ признать рѣку Непоко, видѣнную имъ къ югу отъ страны племени Монбутту [1]) Ниже впаденія этого большаго притока въ широкое русло р. Конго, представляющееся почти озеромъ, вливаются съ сѣвера два другихъ притока, менѣе обильныхъ: Лойка, или Итимбири, и Мо-Нгала. Путешественники поднимались и по этимъ притокамъ вплоть до запружающихъ ихъ скалъ, но теченіе въ обоихъ слишкомъ слабо, чтобы можно было отождествить ихъ съ р. Уэлле. Водопады Луби на р. Лойкѣ были самымъ близкимъ къ Судану пунктомъ, до котораго достигали путешественники, до послѣдней экспедиціи Стэнли.

Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Непоко, Юнкеръ прослѣдилъ теченіе Уэлле, или «Рѣки», до разстоянія около 180 километровъ къ сѣверу отъ рѣки Конго, далеко за предѣлы того градуса широты, подъ которымъ находится притокъ Арахуими; но остается еще узнать, въ какомъ мѣстѣ Уэлле,—рѣка, однако, весьма значительная, — вливается или въ Конго или въ одинъ изъ его притоковъ. Тамъ, гдѣ Юнкеръ долженъ былъ повернуть назадъ, въ сезонъ мелководья, Уэлле или Макуа, усѣянная островами, имѣетъ столь большую ширину, что русскій изслѣдователь не могъ даже составить себѣ о ней приблизительнаго понятія; кромѣ того, въ восьми дняхъ пути внизъ по рѣкѣ, въ Уэлле вливается могучій потокъ, Мбомо, усиливаемый, въ свою очередь, водами р. Шіуку, и относительно котораго возможно предположеніе, что это Кута Lupton'я и Баръ-эль-Кута арабскихъ информаторовъ. Куда же дѣвается вся эта масса жидкости? Пока еще ни одинъ изъ изслѣдователей не видѣлъ ни на протяженіи самого Конго, ни на одномъ изъ его притоковъ—ни одного такого рѣчнаго устья, которое можно было бы отождествить съ потокомъ, исходящимъ изъ страны Ніамъ-Ніамъ. Съ другой стороны, невозможно допустить, чтобы во влажномъ климатѣ столь значительная рѣка могла цѣликомъ теряться въ какомъ-либо резервуарѣ испаренія. Слѣдуетъ поэтому, думать что Уэлле, книзу отъ своего сліянія съ Мбомо, продолжаетъ сначала течь съ востока на западъ, затѣмъ делаетъ—параллельно Конго—излучину къ юго-западу, и— приблизительно въ 400 километровъ отъ того мѣста, гдѣ Юнкеръ прекратилъ свое слѣдованіе вдоль ея береговъ,—соединяется съ У-Банги [1]). Правда, рѣка У-Банги была изслѣдована Grenfell'емъ, къ сѣверу отъ 4-го градуса сѣв. широты, далеко за предѣлами тотчасъ упомянутаго пункта соединенія ея съ Уэлле, и путешественникъ этотъ слѣдовалъ западнымъ берегомъ, и къ тому же въ первое, развѣдочное, путешествіе могутъ ускользнуть отъ изслѣдователя многія, даже важныя географическія черты: покрытые лѣсомъ острова, прибрежныя озера, крутыя излучины могутъ замаскировать устье. Плавая по этимъ громаднымъ потокамъ, усѣяннымъ островами и вереницами плавучихъ травъ, такъ легко ошибиться, что Grenfell, полагая, что онъ все плыветъ по Конго, вошелъ, однако, въ У-Банги и въ своемъ недосмотрѣ убѣдился не раньше, какъ проплывъ такимъ образомъ 180 километровъ [2]). * По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Уэлле есть названіе, въ одной части ея теченія, рѣки Убанги (Мобанги), которая впадаетъ въ Конго подъ 0,9° южной широты и 17,41° восточн. долготы (отъ Гринвича), противъ устья истока изъ озера Мантумба *.

Развѣтвляясь на безчисленное множество рукавовъ, которые мѣняются при каждомъ половодьи и даютъ всей рѣкѣ въ совокупности ширину въ 20 километровъ, Конго, принявъ справа Итимбири, направляется къ западу, а пройдя 400 километровъ, начинаетъ течь на юго-западъ. Въ этой именно части теченія рѣки къ ея темнымъ водамъ присоединяются мутныя или прозрачныя, какъ кристаллъ, воды самыхъ мощныхъ ея притоковъ. Именно съ востока подходитъ глубокая Лу-Лонга, усиливаемая, въ свою очередь, притоками Ба-Ринга

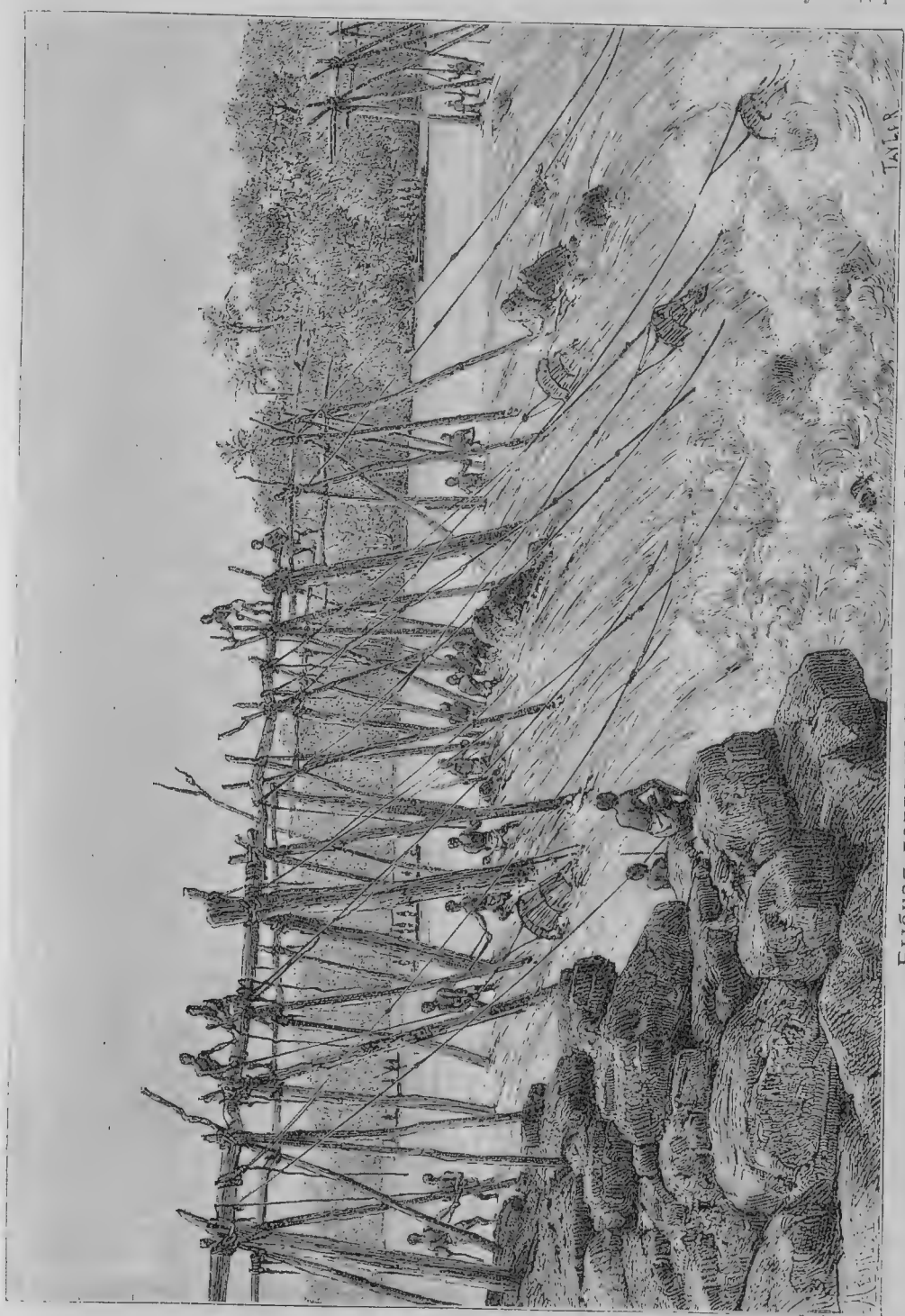
[1]) „Petermann's Mittheilungen", 1882, тетр. XII.

[1]) Wauters, „Mouvement géographique", 1885, 1886 и 1887.

[2]) „Proceedings of the R. Geographical Society", октябрь 1886.

и Лопори; съ той же стороны спускаются р.р. Икелемба, затѣмъ Руки (Бо-Руки) или «Черная»; по всѣмъ этимъ рѣкамъ Grenfell поднимался вплоть до того мѣста, до котораго онѣ судоходны.

скогорій, горъ и водораздѣльныхъ кряжей, простирающагося отъ истоковъ Шари до истоковъ нильскихъ рѣкъ въ землѣ Ніамъ-Ніамъ; это тамъ, вѣроятно, изливаются *Нана*, зарождающаяся на одномъ съ Бенуэ водораздѣль-



Рыбная ловля на седьмомъ порогѣ Стэнли.

Какъ ни многоводны сейчасъ перечисленныя рѣки, онѣ уступаютъ могучей У-Банги, которая течетъ съ сѣвера на югъ, вбирая въ себя воды, вѣроятно, съ громаднаго полукруга пло-

номъ хребтѣ, и воды *лимы*, или «великаго озера», о которомъ столько путешественниковъ слышали въ Камерунѣ, на Бенуэ и въ другихъ мѣстностяхъ, но достичь до котораго всѣ они

пока пытались тщетно. По Франсуа, расходъ воды въ У-Банги, при средней высотѣ ея уровня, равняется восьми тысячамъ кубическихъ метровъ: такимъ образомъ, по количеству движущейся массы водъ, У-Банги была бы вторымъ Дунаемъ и превышала бы Нилъ; однако, слѣдуетъ замѣтить, что Ponel'ю, прожившему одиннадцать мѣсяцевъ на нижнемъ теченіи У-Банги, въ Нкунджіи, такое исчисленіе кажется весьма преувеличеннымъ. Такъ, въ сухое время года русло рѣки,—имѣющее въ ширину 3.250 метровъ и заграждаемое песчаными отмелями,—далеко не заполняется водою, а средняя глубина, не достигая даже и одного метра, оказывается недостаточною для судоходства; зато, въ половодіе, именно съ сентября по ноябрь, объемъ воды въ рѣкѣ становится громаднымъ, въ періодъ же самой сильной прибыли водъ, уровень ихъ на 4 метра и 30 сантиметровъ превышаетъ уровень въ меженное время [1]). Первые пороги, прерывающіе теченіе У-Банги, находятся въ 500 километрахъ отъ входа въ нее, около Цонго, и въ 1886 году, несмотря на періодъ высокихъ водъ, они остановили экспедицію van-Gele; однако, за два года до этого, Grenfell прошелъ-таки чрезъ нихъ. Въ нижней части теченія У-Банги—гдѣ она почти параллельна Конго—прибылыя воды отливаютъ изъ нея на востокъ, въ боковые каналы (мариго) и въ озеро Нгири, а при посредствѣ этихъ перемѣнчивыхъ каналовъ также и въ Конго [2]).

Весьма вѣроятно, что въ одну изъ предшествовавшихъ геологическихъ эпохъ, когда ложе Конго было еще заграждено скалами, и уровень водъ, оттекавшихъ вслѣдствіе этого назадъ, былъ высокъ, потоки Конго, У-Банги и рѣкъ, которыя почти непосредственно книзу развѣтвляются нынѣ дельтообразно, сливались вмѣстѣ, образуя замкнутое море: и теперь еще существуютъ обширныя озера, въ которыя излишняя масса жидкости отливаетъ въ половодія. Таково озеро Матумба, измѣнчивая поверхность котораго далеко простирается въ область лѣсовъ на лѣвомъ берегу, книзу отъ сліянія двухъ главныхъ потоковъ: Конго и У-Банги. Возможно, что и озеро Матумба, въ періодъ половодій, сообщается, при посредствѣ каналовъ-протоковъ, съ другимъ, еще болѣе обширнымъ озеромъ, названнымъ Стэнли «озеромъ Леопольда II» и изливающимъ свои воды въ одинъ изъ южныхъ притоковъ Конго; впрочемъ, Grenfell тщетно искалъ этотъ соединительный каналъ между двумя данными громадными поверхностями водъ. Ничто также не доказываетъ и того, чтобы цѣпь озеръ, болотъ и мариго на востокѣ представляла остатокъ одного изъ рукавовъ Конго, охватывавшаго вмѣстѣ съ рѣчнымъ потокомъ на западѣ, т. е. съ нынѣшнимъ Конго, низменный островъ съ поверхностью въ пятьдесятъ тысячъ километровъ.

Имя У-Банги—одно изъ тѣхъ, которыя чаще всего упоминались въ документахъ, относящихся къ Конго, такъ какъ по сосѣдству съ У-Банги, политическая граница между французскими владѣніями въ Экваторіальной Африкѣ и владѣніями Конгскаго государства долгое время оставалась неопредѣленной. Также точно въ дипломатическихъ документахъ значатся и имена рѣкъ: Санга, Бунга, или Секоли, и Ликона, которыя протекаютъ западнѣе У-Банги. При этомъ Ликона есть просто верхній притокъ большой рѣки, называемой, по Массари, Ликуалла (Ликульна), а по свѣдѣніямъ первыхъ французскихъ изслѣдователей: Моссака или Боссака. Jaques de Brazza и Pecile проплыли по Ликонѣ на протяженіи слишкомъ 300 километровъ [1]), а къ Конго она присоединяется тотчасъ ниже впаденія Бунги, въ мѣстѣ большаго скопленія островов, отмелей и рѣчныхъ потоковъ. Въ этотъ же самый лабиринтъ каналовъ извергается и значительный, тоже правосторонній, притокъ Алима, раздѣляющійся на нѣсколько рукавовъ. Алима обязана своимъ значеніемъ въ особенности направленію орошаемой ею долины, которая представляетъ если не самую короткую дорогу съ береговъ средняго теченія Конго къ морю, то по крайней мѣрѣ одну изъ менѣе трудныхъ. Книзу отъ Алимы, къ Конго присоединяется другая рѣка, Нкени, которая нисходитъ съ тѣхъ же самыхъ плоскогорій, съ которыхъ къ западу спускается рѣка Огуэ; въ той же области зарождается и Лефени, находящаяся книзу отъ Нкени. Почти напротивъ устья Лефени открывается другая долина, вмѣщающая самый большой восточный притокъ Конго, Куа, со всѣми его развѣтвленіями. Теченіе Куа, или «Рѣки», продолжаемой къ юго-востоку рѣками Кассаи, Санкуру и Ло-Мами, составляетъ продолженіе той поперечной впадины, которую образуютъ Габонъ, Огоуэ и Лефини: это путь, предуказываемый для будущей торговли между Атлантическимъ океаномъ и областью верхнихъ истоковъ Конго. Когда наступитъ время строить въ Южной Африкѣ чрезматериковыя желѣзныя дороги, то магистральнымъ путемъ будетъ, вѣроятно, путь изъ Габона къ тѣмъ портовымъ городамъ, которые лежатъ насупротивъ Занзибара, если, конечно, политическія соперничества и духъ спекуляціи не рѣшатъ дѣла иначе.

Такое же важное значеніе въ гидрографическомъ отношеніи, какъ У-Банги въ сѣверной части бассейна, представляетъ, къ югу отъ Конго, рѣка Куа-Кассаи. Самые верхніе истоки

[1]) Ponel, рукописныя замѣтки.
[2]) „Petermann's Mittheilungen", 1887, тетр. VI.

[1]) „Bolletino della società de geografia Italiana", 1887.

этой рѣки родятся въ небольшомъ разстояніи отъ Куанзи и западныхъ притоковъ Замбезе; водораздѣльный гребень, на которомъ начинается Кассаи, находится какъ-разъ подъ той же самой широтой, какъ и самая южная часть р. Конго, по выходѣ ея изъ озера Бангуэоло. Кассаи сначала течетъ въ восточномъ направленіи, между лѣсистыми холмами, откуда получаетъ многочисленные ручьи съ чистою водою, исходящіе изъ водныхъ площадей, образующихся, путемъ просачиванія подъ плоскогорьемъ. Затѣмъ, по минованіи двухсотъ километровъ отъ своего начала, Кассаи выходитъ на болотистую равнину, гдѣ къ ней присоединяется Ло-Танбуа, рѣка, текущая медленно и покрытая папирусомъ, тростникомъ и лотусомъ. Во время дождей эта рѣка затопляетъ свои берега, а истокомъ ей служитъ небольшое, лежащее въ 25 километрахъ къ югу отъ Кассаи, озеро Дилоло, другой истокъ котораго, тоже называемый Ло-Танбуа, впадаетъ уже въ Лоба или Замбезе. Такимъ образомъ, двѣ большихъ рѣки—одна на востокѣ, другая на западѣ—образуютъ непрерывный водный путь чрезъ весь материкъ, и Африка представляетъ, вслѣдствіе этого, примѣръ такого изліянія рѣчныхъ водъ на два противоположныхъ другъ другу склона, которое можетъ быть сравнено съ раздвоеніемъ Кассиквіаре въ Южной Америкѣ. Что же касается озера Дилоло, или «Скорби» (названо такъ на основаніи легенды объ исчезновеніи деревень, поглощенныхъ болотомъ), то оно лежитъ, по Ливингстону, приблизительно на высотѣ 1.200 метровъ.

Непосредственно противъ того кряжа, на которомъ совершается упомянутое раздвоеніе, Кассаи поворачиваетъ къ сѣверу и, спустившись изъ области плоскогорій, начинаетъ прорывать для себя долину, параллельную какъ долинѣ большой восточной рѣки, Лу-Луа, такъ и долинамъ всѣхъ остальныхъ потоковъ, зарождающихся въ южной части бассейна. Достигнувъ же центральнаго углубленія, нѣкогда бывшаго внутреннимъ моремъ, Кассаи, превратясь уже въ большую рѣку, поворачиваетъ на сѣверо-западъ и получаетъ изъ каждой долины по новому притоку; затѣмъ, около водопадовъ Мбимби, она снова принимаетъ сѣверное направленіе, которому и слѣдуетъ вплоть до своего сліянія съ главной восточной рѣкою бассейна, съ Лу-Луа. Эта послѣдняя, повидимому, и должна бы считаться главнымъ русломъ рѣки, не по массѣ водъ и не по длинѣ теченія, но по причинѣ расположенія ея долины на оси всего нижняго теченія Кассаи.— Затѣмъ къ Кассаи присоединяются: съ востока—могучая Санкуру (Санкуллу), долина которой, продолжаемая вверху долиною Ло-Мами, представляетъ самый короткій путь въ область великихъ озеръ; и съ юга: сбѣгающая съ плоскогорій Ло-Анге или Тенда. Ниже этихъ впаденій, Кассаи, уже собравъ въ единое русло развѣтвленія всѣхъ своихъ верхнихъ притоковъ, получаетъ еще и другіе сильные потоки, нисходящіе съ южныхъ плоскогорій, и, кромѣ того, конечно, всѣ тѣ воды, которыя стекаютъ въ нее при наводненіяхъ послѣ дождей. Наконецъ, Кассаи соединяется еще съ другимъ величественнымъ потокомъ, имѣвшимъ наиболѣе важное значеніе въ исторіи Африки: это—Куанго (Куа-Нго), Изади, Запра или Зезерэ туземцевъ, которую португальскіе купцы часто смѣшивали съ Кассаи, иначе называемую тоже Запрою [1]) и которую они считали истинной главной рѣкою [2]), говоря, что она вытекаетъ изъ «неизмѣримо глубокаго» озера, одной изъ «матерей Нила» [3]). Даже и въ текущемъ столѣтіи на картахъ изображали Запру-Куанго выходящею изъ большаго озера Аквилонда.

Куанго зарождается, подобно Кассаи, на высотѣ приблизительно 1.600 метровъ и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ истоками этой рѣки; но, вмѣсто того, чтобы свернуть къ востоку, она сбѣгаетъ съ области плоскогорій болѣе короткимъ путемъ: ея долина, представляющая весьма удлиненную кривую, слѣдуетъ вдоль восточной подошвы западныхъ краевыхъ горъ. Крутость уклона на протяженіи тѣхъ пяти градусовъ, которые, въ верхнемъ своемъ теченіи, Коанго пробѣгаетъ отъ плоскогорій до равнины, дѣлаетъ эту рѣку неудобною для судоходства. Ее прерываютъ пороги и водопады, и изъ нихъ одинъ, Капаранга, свергается не менѣе, какъ съ 50 метровъ; зато послѣдній, Жингунши, ниспадаетъ съ высоты не болѣе одного метра и быть-можетъ, проходимъ для барокъ. Книзу же рѣка судоходна для пароходовъ вплоть до своего устья, на протяженіи приблизительно 300 километровъ. Нижняя часть Куанго приближается къ Конго, который протекаетъ по другую сторону сланцевыхъ гребней, всего лишь въ 35 километрахъ разстоянія; но оба потока движутся въ различныхъ направленіяхъ: Куанго—съ юго-запада на сѣверо-востокъ, а Конго—съ сѣверо-востока на юго-западъ [4]). Описавъ же свою большую дугу къ западу, Куанго направляется къ востоку чрезъ лѣса и, въ двѣнадцати километрахъ отъ своего устья, получаетъ соперничающій съ нею потокъ, называемый Джумою. Grenfell не могъ распознать, которая рѣка многоводнѣе: Куанго или Джума? Почти напротивъ впаденія Куанго, въ Кассаи вли-

[1]) Wissmann, „Bulletin de la Société de Géographie d'Anvers", 1885.

[2]) Ladislas Magyar, „Petermann's Mittheilungen," 1857, тетр. IV и V.

[3]) „Mission evangelica al regno de Congo de la Serafica religion de los Capuchinos.

[4]) Büttner. „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft", 1886, тетр. I.

вается другой рѣчной потокъ, доступный для судовъ: Мфими или Мфини, исходящій изъ озера Леопольда и составляющій продолженіе рѣки Лу-Кеніэ, текущей параллельно Санкуру; должно, однако, замѣтить, что половодія часто измѣняютъ очертанія данныхъ водныхъ поверхностей и ихъ едва выдающихся береговъ: такъ, Стэнли, проникая въ озеро Леопольда, не видѣлъ мѣста впаденія въ него рѣки, а Kund и Tappenbeck, спускаясь по рѣкѣ, не видѣли того озера, чрезъ которое рѣка пролагала себѣ путь [1]).

Книзу отъ своего сліянія съ Куанго и съ Мфими, Кассаи, или Куа (Ква), соединяетъ свои воды въ узкій и глубокій каналъ, вырытый между скалистыми холмами, которые нѣкогда разобщили Кассаи отъ Конго; теченіе въ этомъ каналѣ чрезвычайно быстро и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ 12 или 13 километровъ въ часъ; однако, онъ еще не смылъ всѣхъ скалъ, которыя загромождаютъ ложе рѣки, и потому кое-гдѣ судоходству все еще угрожаютъ опасности. Въ тѣснинахъ рѣчной долины не намѣриваютъ отъ берега до берега болѣе 400 метровъ, т. е. шестой части ширины Кассаи кверху отъ ущелья, но зато глубина потока такова, что лотъ, длиною въ 36 метровъ, не достигаетъ каменистаго дна. Вступая въ Конго, теченіе котораго Кассаи усиливаетъ мощною массою своихъ, «имѣющихъ цвѣтъ чая», водъ, притокъ этотъ не шире 640 метровъ [2]).

Такъ же какъ и Кассаи кверху отъ сліянія, Конго, имѣя ширину отъ двухъ до четырехъ километровъ, течетъ вдоль холмовъ, которые, господствуя надъ его лѣвымъ берегомъ, усѣяны у своихъ подошвъ полевошпатовыми скалами, торчащими изъ воды. Затѣмъ, по мѣрѣ нисхожденія рѣки къ юго-западу, цѣпи высотъ, справа и слѣва, становясь все выше и выше, образуютъ, наконецъ, порталъ въ двѣ тысячи метровъ, по минованіи котораго рѣка вступаетъ въ почти круглое озеро, приблизительно въ 60 метровъ глубины: это Нкуна, болѣе извѣстное подъ именемъ «Stanley-Pool'я», «пруда Стэнли»; оно оживляется проточной водой и занимаетъ большое пространство, равняющееся, по словамъ недавнихъ изслѣдователей, 210 квадратнымъ километрамъ. По этому водоему разсѣяны многочисленные острова, между прочимъ, одинъ сплошь покрытый лѣсомъ и протянувшійся какъ-разъ по оси рѣки, вслѣдствіе чего теченіе ея раздваивается. На правомъ берегу, въ сторонѣ сѣвера, размывающее дѣйствіе воды превратило скалы въ кручи съ вершинами, покрытыми травами, и такъ какъ первымъ, изслѣдователямъ они напомнили крутые берега Англіи, то ихъ и прозвали: Dover-cliffs, Дуврскими утесами.

Всего въ нѣсколькихъ километрахъ разстоянія отъ пруда Стэнли начинается лѣстница изъ водопадовъ, которая дѣлаетъ вполнѣ невозможнымъ всякое сообщеніе водою между среднимъ и нижнимъ теченіями Конго и которая названа Стэнли «Ливингстоновыми водопадами». Отъ станціи Браззавиль до станціи Матади—на протяженіи приблизительно 275 километровъ—тридцать два водопада и многочисленные пороги смѣняютъ другъ друга, при чемъ общая высота уклона рѣчнаго ложа равняется почти 255 метрамъ. Изъ этихъ водопадовъ одни слѣдуютъ другъ за другомъ въ разстояніи всего нѣсколькихъ километровъ, или же соединяются между собою при посредствѣ обращенныхъ другъ къ другу отлогихъ спусковъ, соприкасающихся своими основаніями, вслѣдствіе чего вода сливается съ одного спуска и взбѣгаетъ на другой, смежный, въ формѣ длинныхъ клокочущихъ волнъ; другіе раздѣлены значительными пространствами, не представляющими примѣтнаго для глаза уклона, вслѣдствіе чего рѣчныя воды и текутъ съ спокойною величавостью. Во многихъ мѣстахъ р. Конго, будучи сжата между береговыми холмами, имѣетъ лишь отъ 300 до 400 метровъ ширины, а въ одной тѣснинѣ, книзу отъ Иссангиля, ширина ея не болѣе 225 метровъ [1]); въ другихъ мѣстахъ она округляется, образуя обширные «котлы», въ которыхъ ея воды кружатся въ скалистомъ циркѣ. Видъ рѣки мѣняется безпрестанно: въ ущельѣ повсюду внезапные повороты; водопады, толчеи водъ, клокочущіе водовороты, стремительно сбѣгающія водныя массы, спокойныя бухты, затѣмъ новыя паденія въ пѣнящуюся бездну—слѣдуютъ непрерывной чередой. Перебрасывающаяся отъ одной стороны къ другой между гранитными утесами, рѣка, когда смотришь на нее съ высоты прибрежныхъ холмовъ, кажется похожею на горный ручей, но какой могучій ручей! Сдавленная въ тѣснинѣ, она наверстываетъ потерю въ ширинѣ глубиною и скоростью теченія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она несется съ быстротою болѣе 13-ти метровъ въ секунду, а дно ея ложа углубляется болѣе, чѣмъ на 90 метровъ отъ поверхности воды. На протяженіи всей этой области ущелій, Конго получаетъ съ юга, съ плоскогорій, лишь малозначительные притоки: Лу-Лу, Нкисси, Кунлу, Лу-Фу и Мпозо; а съ сѣвернаго склона—одни лишь простые ручьи.

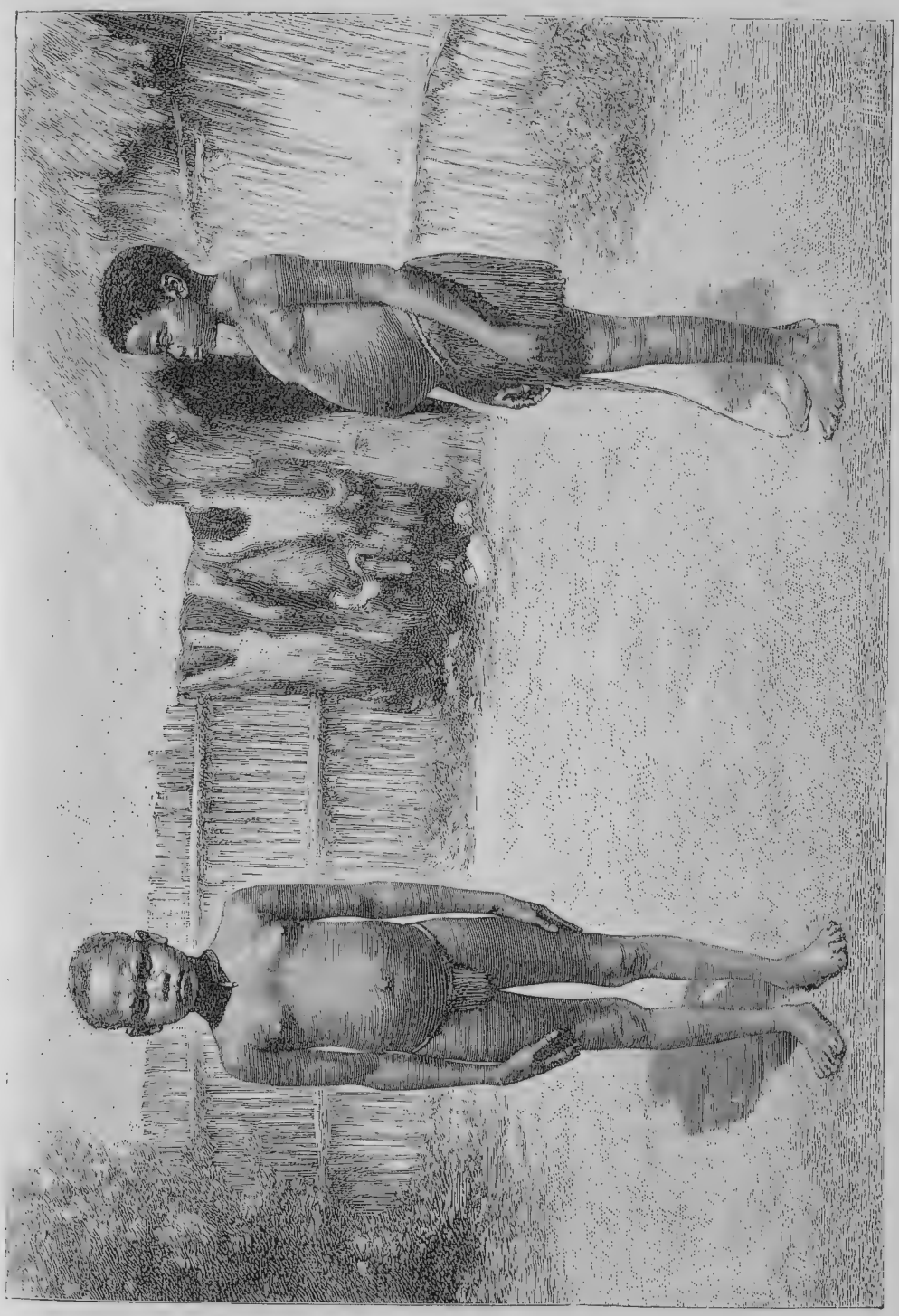
Іеллала—послѣдній водопадъ, но еще и книзу отъ него, километровъ на пятьдесятъ, долина сохраняетъ видъ ущелья, размывавшагося долгою работою водъ. Кручи, съ гранями происшедшими какъ-бы отъ распила,

[1]) „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft", томъ VI, май 1880.

[2]) Grenfell, „Proceedings of the R. Geographical Society", октябрь 1886.

[1]) Meddlycott и Wood, «Petermann's Mittheilungen». 1877, тетр. VIII.

возвышаются надъ рѣкой съ той и другой стороны болѣе, чѣмъ на 100, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже на 300 метровъ; кое-гдѣ вода проносится черезъ пороги; наконецъ, на одномъ внезапномъ поворотѣ своего ложа рѣка вырыла для себя въ циркѣ красной земли пропасть съ отвѣсными стѣнами и глубиною въ 120 метровъ; пропасть эта называется «*Котломъ дьявола*», и водныя массы кружатся въ ней непрерывно, образуя меньшіе водовороты съ радіусомъ, однако, въ два метра и съ углубленіемъ въ 4 или 5 сантиметровъ [1]).



Мужчина и женщина племени акка.

Затѣмъ, по минованіи одного острова—который издали кажется совершенно пре-

[1]) Carlos de Magelhaes, „Boletin da Sociedade de Geographia de Lisboa". 1885, № 3.

граждающимъ потоку путь,—вдругъ видишь передъ собой раскинувшійся лиманъ, усѣянный большими островами и мелями, лиманъ, при началѣ котораго гранитный холмикъ, въ формѣ обелиска, называемый «Бембанбекъ», или также «Утесъ Молніи»—на правомъ берегу, и стѣна другой гранитной же кручи, «Камня Фетиша»—на лѣвомъ, обозначаютъ предѣлъ, который долго не переходили морскія суда. Что касается Камня Фетиша, Pedra de Feitiço, то нѣкогда онъ и на самомъ дѣлѣ былъ украшенъ фетишами, при чемъ во время экспедиціи Tuckey, въ 1816 году, отшлифованная поверхность этого утеса была покрыта барельефами изъ горшечной глины, изображающими людей и животныхъ; съ теченіемъ времени скала выщербилась, и теперь эти изображенія уже не видны. Одинъ изъ островов, находящійся посрединѣ рѣки, къ сѣверо-западу отъ Камня Фетиша, Тшіонго, окаймленъ съ востока громадными глыбами гранита, принадлежащими къ той же самой формаціи, какъ и глыбы Бембандека и Камня-Фетиша. Вслѣдствіе этого, Chavanne полагаетъ, что этотъ островъ нѣкогда былъ соединенъ съ Утесомъ Фетиша, и что рѣка Конго, держась сѣвернѣе отъ этого прохода, направлялась на сѣверо-западъ, быть-можетъ, идя на соединеніе, къ сѣверу отъ Куилу, съ прибрежною лагуною, называемою Банья [1]). Но гипотеза эта, повидимому, не оправдывается видомъ мѣстности. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что рѣка часто перемѣщала свое ложе, и негоціанты въ Бананѣ опасаются, чтобы она не вздумала отвернуться отъ ихъ города и не бросилась бы къ Кабиндѣ чрезъ рѣку «Крокодиловъ» [2]).

Около середины залива, который въ одно и то же время рѣчной—по теченію его водъ, и океаническій—по морскому приливу, разстояніе между берегами превышаетъ 17 километровъ. Но, приближаясь къ морю, лиманъ суживается, и главный его рукавъ, въ среднемъ, не шире шести километровъ, хотя наполняемые при приливѣ боковые притоки съ обѣихъ сторонъ и развѣтвляются тысячью каналовъ, направляющихся внутрь побережья. На линіи впаденія въ океанъ ширина устья рѣки между мысами превышаетъ 11 километровъ, а глубина мѣстами достигаетъ 300 метровъ. Что касается порога при Бананскомъ входѣ, имѣющаго при отливѣ шесть метровъ, а при приливѣ слишкомъ семь метровъ глубины, то онъ тянется наискось рѣки, въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу, составляя продолженіе двухъ песчаныхъ стрѣлокъ: на сѣверѣ—полуострова Банана, а на югѣ—мыса Акулы (Shark-point), или мыса св. Антонія. Если на большей части новѣйшихъ картъ и обозначаютъ мысъ Padrâo, какъ выступъ, наиболѣе выдающійся на юго-западѣ морскаго побережья, то это ошибка; этотъ знаменитый пляжъ совпадаетъ со стрѣлкою Акулы [1]), которой такое названіе далъ мореплаватель Diogo Cam, открывшій въ 1485 году Конго и помѣстившій на упомянутой стрѣлкѣ «патрона» или мраморную колонну въ знакъ завладѣнія этою областью Португаліей. Говорятъ, будто этотъ столбъ былъ въ 1645 году низвергнутъ голландцами [2]); но недавно Schwerin розыскалъ отъ него обломки, превращенные туземцами въ «камней-фетишей» и чествуемые ими [3]).

Самая форма устья доказываетъ, что рѣчной потокъ продолжается и въ открытомъ морѣ; но, будучи отбрасываемы морскимъ теченіемъ, движущимся вдоль побережья съ юга на сѣверъ, эти Конгскія воды устремляются по преимуществу въ направленіи къ сѣверо-западу. Въ то время какъ южный берегъ рѣки далеко выступаетъ за линіею выхода ея въ океанъ, сѣверный, напротивъ, размывается потокомъ ея водъ, отторгающимъ отъ него частицы на всемъ протяженіи берега до самаго Краснаго Мыса, отстоящаго отъ устья на 40 километровъ къ сѣверо-западу. Впрочемъ, рѣчной потокъ даетъ себя чувствовать и гораздо дальше этого предѣла: моряки распознаютъ его, по измѣненію цвѣта и по меньшей плотности воды, уже за нѣсколько дней до появленія на горизонтѣ африканскаго материка. Уже на разстояніи 450 километровъ, воды принимаютъ темноватый оттѣнокъ, а болѣе чѣмъ за 350 километровъ часто встрѣчаются также и несущіяся деревья и плавы, покрытые кустарникомъ, вѣтви котораго сплетаются другъ съ другомъ; эти плавы видѣли даже передъ мысомъ Лопецъ и даже на песчаныхъ берегахъ острова Аннобона [4]). Въ 64 километрахъ отъ устья вода желтовата; а въ 22 кил.—она вполнѣ прѣсна на поверхности океана. Справа же и слѣва рѣчнаго потока, несущагося въ открытый Атлантическій океанъ, образуются противотеченія, и вслѣдствіе противоположнаго направленія ихъ, судно, на протяженіи всего нѣсколькихъ кабельтовъ, т. е. нѣсколькихъ стодвадцати-саженныхъ разстояній, можетъ отыскать для себя теченіе, либо отдаляющее его отъ входа въ рѣку, либо, наоборотъ, приближающее къ нему. А такъ какъ вдоль Кабиндскаго побережья зыбь разбивается водами Конго, то судамъ, идущимъ

[1]) Pechuel-Lösche, „Loango-Expedition;—Josef Chavanne, „Reisen und Forschungen im alten und neuen Kongo-Staate".

[2]) H. Johnston, „The river Congo".

[1]) Ernesto de Vasconcellos, рукописныя замѣтки.

[2]) Pechuel-Lösche, „Loango-Expedition", 3-е отдѣленіе.

[3]) „Proceedings of the R. Geographical Seciety". Іюль 1887.

[4]) Philippes de Kerhallet et Legras, „Instructions nautiques sur la côte orientale d'Afrique".

около берега, для облегченія маневрированія, надо только держаться внутри теченія изъ рѣки. Пограничную линію между водами рѣчными и морскими обозначаютъ скопленія тѣхъ плавающихъ разнообразныхъ вещей, которыя рѣчнымъ потокомъ отодвигаются въ сторону отъ него, а морскимъ теченіемъ, напротивъ, возвращаются обратно въ теченіе рѣчное: такіе подвижные берега безпрерывно разрушаются, но, зато, безпрерывно же и возстановляются [1]). Однако, подъ этими измѣнчивыми берегами существуютъ другіе, открытые лотомъ корабля Buccaneer на днѣ моря. Оказалось, именно, что за перемѣщающимся баромъ Конго долина рѣки продолжается между двумя, явственно выраженными берегами: такъ, въ 22 километрахъ мористѣе Бананы, морское дно этой долины находится на глубинѣ 360 метровъ, а надъ погруженными въ воду ея берегами глубина моря достигаетъ всего лишь 180 метр.; дальнѣйшая же разница между дномъ ложа и его берегами составляетъ уже 1.640 метровъ. Эта морская впадина, составляющая продолженіе долины Конго, простирается въ морѣ на 480 километровъ, при чемъ справа и слѣва ее окаймляютъ возвышенія, очевидно, состоящія изъ тѣхъ веществъ, которыя отлагаются рѣчнымъ теченіемъ при его столкновеніи съ морскими водами [2]): образуется, слѣдовательно, не «дельта», какъ говорили, но подводный, находящійся на днѣ океана, заливъ. Такимъ же образомъ, при посредствѣ лота, были открыты и окаймленныя аллювіальными берегами продолженія рѣчныхъ долинъ на озерахъ Женевскомъ и Констанцскомъ, гдѣ продолжателями явныхъ Рейна и Роны являются Рейнъ и Рона, скрытые подъ водой [3]).

Но если прѣсныя воды Конго уносятся далеко въ море, то и соленыя воды проникаютъ также въ лиманъ. На рейдѣ въ Банана, какъ равно и на протяженіи всего бассейна устья, поверхностная вода всюду принадлежитъ рѣкѣ, а глубокая—морю, о чемъ свидѣтельствуетъ степень солености жидкой массы. Тогда какъ плотность верхневодной площади превышаетъ удѣльный вѣсъ дистиллированной воды всего только въ предѣлахъ отъ 4 до 9 тысячныхъ, соленость слоевъ около дна колеблется между 24 и 27 тысячными; а эти нижніе слои создаются благодаря той соленой волнѣ, которая устремляется въ воронку рѣки далеко подъ прѣсныя воды, развивающіяся на поверхности бассейна на-подобіе выпущеннаго на воду масла. Поэтому, когда по лиману плыветъ пароходъ, то отъ бортовъ его винта на поверхности струи за кормой виднѣется темно-зеленая полоса: это и есть морская вода, тѣснимая съ обѣихъ сторонъ мутными водами Конго, которыя, послѣ отброса винтомъ, стремительно возвращаются обратно и въ своей темной массѣ скоро вскрываютъ показавшуюся на мигъ свѣтлую океаническую воду. Судно, подводная часть котораго окажется одновременно въ толщѣ слоевъ обоихъ теченій, перестаетъ слушаться своего руля, и кормчему не легко бываетъ дать себѣ отчетъ въ равнодѣйствующей двухъ противоположныхъ силъ. И когда, при такой случайности, нельзя бываетъ пустить корабль по вѣтру, то можетъ грозить серьезная опасность. Кверху отъ Понта-да-Ленья и глубокая вода становится уже вполнѣ прѣсною.

Приливъ, проникающій въ Конгскій лиманъ вплоть до самаго лабиринта острововъ, задерживаетъ рѣчной потокъ и повышаетъ его уровень, но не заставляетъ его течь обратно; оттого на берегахъ Конго почти совершенно отсутствуютъ корнепуски, разростающіеся въ экваторіальныхъ областяхъ, на-подобіе изгородей, по берегамъ всѣхъ тѣхъ рѣкъ, въ которыхъ ощущается морской приливъ. Масса прѣсной воды, паденіе которой, къ тому же, между началомъ залива, въ Бома, и поверхностью Атлантическаго океана равняется $12^1/_2$ метрамъ, слишкомъ значительна и обладаетъ слишкомъ большою скоростью, чтобы во всякій часъ имѣть для себя выходъ. Опредѣлить объемъ этой жидкости пытались уже со времени экспедиціи Tuckey'я, и первое исчисленіе замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ исчисленіями, сдѣланными въ наши дни. Такъ, Tuckey находилъ, что средній расходъ воды въ рѣкѣ равняется въ секунду сорока восьми тысячамъ кубическихъ метровъ [1]), а тѣ опыты, возлѣ Stanley-Poel'я, на которыхъ предсѣдательствовалъ Стэнли, опредѣлили для первыхъ дней марта, при мелководіи, истеченіе равнымъ въ секунду 40.776 куб. метрамъ, для періода же дождей, судя по отмѣткамъ на скалахъ, вычислили 71.642 куб. метра [2]). Съ тѣхъ поръ были произведены многочисленныя исчисленія, изъ которыхъ одни опубликованы безъ подкрѣпляющихъ ихъ документовъ и гласятъ, будто данный расходъ равняется ста и даже ста двадцати тысячамъ кубическихъ метровъ; а по другимъ выкладкамъ, данныя которыхъ извѣстны, онъ, между Ноки и устьемъ, колеблется въ предѣлахъ отъ 36 до 55 тысячъ метровъ [3]). Эти различія объясняются перемѣнами въ уровнѣ рѣки, наблюдаемыми даже въ періоды средняго стоянія

[1]) Von Shleinitz, „Voyage de la Gazelle". Hydrographische Mittheilungen" 1874.

[2]) Ernesto de Vasconcellos, „Boletino da Sociedade de Geographia de Lisboa". 1886, № 1.

[3]) Hörnlimann;—F. Forel, рукописныя замѣтки.

[1]) Narrative of an Expedition to explore the river Zaïre.

[2]) Stanley, „Cinq années au Congo".

[3]) Josef Chavanne, „Reisen und Forschungen im alten und neuen Kongo-Staate".

водъ, а также и трудностью полученія точнаго профиля столь широкой рѣки, которая, во-первыхъ, усѣяна островами, а во-вторыхъ, воды которой скользятъ по поверхности подводнаго морскаго потока. Что касается осадковъ, приносимыхъ рѣкою въ море, то, по Chavanne'у, годовое количество ихъ достигаетъ приблизительно 350 милліоновъ кубическихъ метровъ, и, слѣдовательно, осадковъ этихъ достаточно для образованія на днѣ океана острова, основаніемъ въ одинъ квадратный километръ и высотою въ триста метровъ.

Какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что изъ рѣкъ Африки Конго катитъ самую большую массу воды и даже во всемъ Старомъ Свѣтѣ не имѣетъ себѣ соперника: воды Ганга и Брахмапутры, взятыя вмѣстѣ, составили бы лишь двѣ-трети средняго количества водъ въ Конго. Единственная рѣка въ мірѣ, превосходящая Конго объемомъ своихъ водъ, есть рѣка Амазонская, которая, какъ и Конго, родится въ экваторіальной полосѣ и, также какъ онъ, вздувается отъ дождей изъ области безвѣтрія: такимъ образомъ, одинаковый климатъ придалъ одинаковый режимъ этимъ двумъ великимъ потокамъ. У обоихъ замѣчается смѣна половодій и мелководій, соотвѣтствующихъ колебаніямъ уровня въ главныхъ притокахъ; а прибыль и убыль въ притокахъ, въ свою очередь, разнообразно уравновѣшиваются въ общемъ ложѣ низовья рѣки и сообщаютъ равномѣрность ея истеченію; тѣмъ не менѣе, въ тѣснинахъ водопадовъ разность уровней достигаетъ девяти метровъ, а въ Виви, книзу отъ послѣдняго водопада, она превышаетъ четыре метра. На протяженіи своего устья Конго представляетъ въ году два періода повышенія и два періода пониженія, при чемъ самые высокіе уровни выпадаютъ на долю декабря и мая, а самые низкіе на—мартъ и августъ. Очевидно, оба разлива слѣдуютъ за дождливыми временами года: зимнимъ—когда облачный поясъ спускается къ экватору, и весеннимъ—когда онъ снова поднимается въ сѣверное полушаріе; возвышеніе уровня въ нижнемъ теченіи Конго совершается тогда отъ прибыли воды изъ притоковъ праваго берега, каковы Арахуими, У-Банги и Алима. Предварительныя наблюденія, сдѣланныя въ устьяхъ многочисленныхъ притоковъ рѣки, уже даютъ приблизительное понятіе о сравнительномъ значеніи каждаго изъ нихъ въ общемъ питаніи рѣки; но для точнаго опредѣленія доли каждаго притока въ общемъ движеніи водъ бассейна, необходимъ еще долгій и кропотливый трудъ

Вотъ числовыя данныя для оцѣнки сравнительнаго значенія каждаго изъ главныхъ притоковъ Конго:

	Названіе.	Длина рѣки въ километр.	Длина обслѣдованнаго судоходнаго русла рѣки и ея притоковъ. въ килом.	Расходъ воды въ рѣкѣ въ куб. метрахъ въ секунду.
	Конго	3.765?	2.626	50.000
Притоки правые	Мпуру	?	100 (Wester).	
	Арахуими	?	150 (Stanley).	
	Итимбири	?	200 (Grenfell).	
	Ма-Нгала	450?	350 (Baert).	700 (Grenfell, д. 1884 г.)
	У-банги	2.500?	700 (Grenfell).	8.000 (François).
	Бунга	1.500?	210	1.800 (François).
	Ликуалла	600?	300 (Giac de Brazza).	1.000 (Grenfell).
	Лима	500	350 (Ballay).	1.000 (Grenfell).
	Нкепи	250	175 (Ponel).	120
	Лефини	250	150 (P. de Brazza).	
Притоки лѣвые.	Луа-Лаба	1.000	400 (Reichard).	
	Лу-Билахъ	700	250 (Grenfell).	1.000 (Grenfell, ф. 1885 г.)
	Лу-Конго	1.110	960 (François).	1.400 (François).
	Икелемба	450	225 (Grenfell).	
	Тшуана	1.200	1.130 (François).	
	Иребу	200	150 (Grenfell).	
	Кассаи-Куанго	1.940	3 064	9.000
	Бассейнъ Конго	4 280	11.240	50.000

Различныя наименованія главныхъ притоковъ и подпритоковъ Конгскаго бассейна, на протяженіи отъ верховьевъ до устья:

Арахуими: Би-Іеррэ, У-Бинджи, Непоко (?). Куа: Кассаи, Кассаби, Уа-Бума, Изаре, Заире. Куанго: Ибари-Нкуту, Заире. Ликуалла: Ликольна, Боссака, Моссака. Лойка: Итимбири. Лу-Билахъ: Ло-Мами, Лу-Калла, Бо-Локо. Лу-Кеніэ: Лу-Катта, И-Катта. Луа-Пула: Луа-Вуа, Webb's river. Луа-Лаба: Комолондо, М'Колуэ. Нкени: Мкеніэ. Сонга: Бунга, Сэколи. У-Банги: Мо-Банги, Либоко, Уэллэ-Макуа (?).

Судоходные пути, открывающіеся для человѣческой промышленности въ бассейнѣ Конго, громадны и уступаютъ только такимъ же путямъ рѣки Амазонской. Правда, эта цѣпь каналовъ отдѣлена отъ моря гранитною лѣстницею, при посредствѣ которой низвергаются конгскіе водопады, но караваны пѣшеходовъ

поштучно переносятъ кузова и машины пароходовъ въ озеро Стэнли, представляющее великолѣпный входный бассейнъ для всѣхъ путей къ сѣверу, востоку и югу Внутренней Африки. Уже сама главная рѣка, длина которой исчисляется различно—отъ четырехъ до слишкомъ четырехъ съ половиною тысячъ километровъ — представляетъ, на протяженіи между водопадами Ливингстона и Стэнли, свободный путь въ 1.700 километровъ длиною; кромѣ того, болѣе чѣмъ на тысячу километровъ она судоходна также и на протяженіи тѣхъ ея отдѣловъ, которые приходятся на области ея устья и истоковъ; Кассаи, продолжаемая къ востоку рѣками Санкуру и Ломами, доступна для пароходовъ на протяже-

Женщины племени ніамъ-ніамъ.

ніи 3.000 километровъ, которые въ мечтахъ будущаго представляются продолженными, при посредствѣ канала, также до самыхъ высокихъ верховьевъ Конго; кромѣ того, на сотни и сотни километровъ проходимы для пароходовъ и пирогъ также У-Банги, Тшуапа, Лу-Лонго, Алима и другія рѣки, почти всѣ носящія такъ много различныхъ названій, что возможны даже и смѣшенія ихъ другъ съ другомъ. Затѣмъ, общее число всѣхъ судоходныхъ линій станетъ неисчислимымъ, если къ рѣкамъ присоединить также прибрежные каналы-протоки, озера и боковые рукава; нѣтъ, вѣроятно, ни одного мѣста на пространствѣ бассейна, которое, по словамъ Grenfell'я, «находилось бы въ разстояніи больше 160 километровъ отъ какой-нибудь пристани, достижимой со стороны воды». Но эти громадныя облегченія для путешествія внутрь останутся до тѣхъ поръ безъ примѣненія, пока области средняго теченія Конго не будутъ соединены съ поморьемъ хорошими подъѣздными путями. Затрудненія при переноскѣ таковы, что тонна товаровъ, доставляемая изъ Антверпена въ устье Конго за 38 франковъ, раньше своего достиженія до мѣста сліянія Конго съ Арахуими, обременяется дополнительными расходами по перевозкѣ въ нѣсколько сотенъ и даже тысячъ франковъ. Нельзя, слѣдовательно, серьезно помышлять о пользованіи богатствами бассейна раньше, чѣмъ желѣзная дорога дастъ возможность обходить пороги.

Рельефомъ континента въ бассейнѣ Конго объясняется направленіе и характеръ теченія рѣкъ. Горы возвышаются не въ центральныхъ областяхъ, а въ сосѣдствѣ съ океаномъ. Къ востоку отъ краевыхъ цѣпей, тянущихся вдоль Атлантическаго океана на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, простирается центральная низменность, которую въ общихъ чертахъ можно разсматривать какъ ограниченную: съ запада и съ сѣвера, вверхъ отъ пруда Стэнли,—рѣкою Конго и ея большою излучиною вплоть до водопадовъ Стэнли; съ юга—ложами рѣкъ Кассаи и Санкуру, и съ востока—горами побережья Танганьики. Это обширное пространство, по происхожденію, вѣроятно, озерное, позволяетъ р. Конго развернуться къ сѣверу полукругомъ громадной длины, а воды ея сбѣгаютъ къ этому центральному бассейну со всѣхъ сторонъ съ замѣчательною правильностью, обусловливаемою общимъ наклономъ почвы. Къ сѣверу отъ озера Ланджи, притоки Верхняго Конго спускаются съ горъ въ направленіи съ востока на западъ; на югѣ—всѣ притоки Санкуру-Кассаи текутъ съ юга на сѣверъ; а на западѣ—рѣки, находящіяся во французскихъ владѣніяхъ, устремляются на соединеніе съ Конго, змѣясь въ направленіи къ востоку. Всѣ эти соединенныя воды встрѣчаютъ препятствіе въ краевыхъ горахъ, вслѣдствіе чего уровень рѣки поднимается къ верховью, и потокъ изливается послѣдовательнымъ рядомъ каскадовъ въ бреши скалъ, еще недостаточно вырытой размывающею силою воды.

Цѣпи высотъ, возвышающіяся параллельно берегу на сѣверѣ Конго, продолжаются въ томъ же самомъ направленіи также и къ югу отъ этой рѣки. Это тоже скалы изъ гранита, гнейса и древнихъ сланцевъ, гребни вершинъ которыхъ расположены въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Средняя высота ихъ всего 700 метровъ. Когда взойдешь на одну изъ вершинъ, господствующихъ съ юга надъ долиной Конго, то на всемъ кругѣ горизонта едва-ли увидишь какую-либо другую вершину, превышающую избранную для восхожденія [1]); вся поверхность страны перерѣзана глубокими ущельями, въ которыхъ змѣйками извиваются рѣки; весь край представляетъ обширное плоскогоріе, поверхность котораго мѣстами, вслѣдствіе климатическихъ невзгодъ, разрушена и лишена тѣхъ почвенныхъ слоевъ, которые пригодны для прозябанія растеній. Однако, съ приближеніемъ къ югу, горы мало-по-малу становятся все выше: уже къ западу отъ средняго теченія Куанго, нѣкоторыя вершины превосходятъ тысячу метровъ, а въ области верховьевъ Конго, само плоскогоріе, т. е. тотъ цоколь, который служитъ подножіемъ для вершинъ, достигаетъ высоты въ 1.600 метровъ; впрочемъ, сами вершины не высоки, и къ востоку поверхность почвы на взглядъ кажется почти горизонтальною. И вотъ здѣсь-то именно и находится та обширная озерная водораздѣльная поверхность, воды съ которой стекаютъ на обѣ стороны: въ Атлантическій океанъ, при посредствѣ Кассаи, и въ Индійское море, при посредствѣ Замбэзе. Большая часть западной области горъ и плоскогорій покрыта толстымъ пластомъ латерита, образовавшагося отъ разложенія глинистыхъ сланцевъ и другихъ поверхностно лежащихъ камней. По внѣшнему виду этотъ латеритъ походитъ на разноцвѣтный песокъ: красный, коричневый и желтоватый; дождевая вода просачивается чрезъ него быстро, какъ чрезъ рѣшето, и затѣмъ пробивается наружу уже у подошвы высотъ; но по краямъ плоскогорій дожди отторгаютъ отъ этихъ слоевъ громадные отломки, и тогда устоявшая масса, въ видѣ красноватыхъ утесовъ, высится надъ вѣтвистыми деревьями, тѣснящимися у ихъ подошвъ.

На востокѣ бассейна рельефъ менѣе правиленъ, чѣмъ на западѣ; краевые кряжи уже отличаются меньшей правильностью формъ и меньшею прямолинейностью хода, но, зато, въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ они достигаютъ боль-

[1]) Stanley, „Cinq années au Congo"; — I. I, Chavanne, „Petermann's Mittheilungen", 1887 тетр. IV.

шой высоты. Надъ амфитеатромъ горъ—возвышающимся къ югу отъ озера Бангуэоло и своими предгоріями оттѣсняющимъ рѣку Луа-Пула въ направленіи къ сѣверу—господствуютъ вершины хребта Локинги, имѣющія, какъ говорятъ, отъ двухъ до трехъ тысячъ метровъ высоты. Локинга же, при посредствѣ боковыхъ предгорій, соединяется съ терассами горъ Віано, чрезъ которыя протекаетъ Луа-Лаба и которыя продолжаются на сѣверо-востокъ, по направленію къ Танганьикѣ, прерываясь на извѣстныхъ разстояніяхъ притоками Конго въ верхнемъ его теченіи. Къ югу отъ этихъ террасъ, горы Локинги мало-по-малу понижаются въ направленіи къ сѣверо-востоку и кончаютъ сліяніемъ съ высокими равнинами, по которымъ, все отдаляясь, змѣевидно извиваются: *Луа-Нгуа*, притокъ Замбэзе, и *Чисси-Чимбэзи*, главная вѣтвь верхняго теченія Заиры. Эти равнины, или *пури*, усѣянныя небольшими группами деревьевъ, тянутся на необозримое пространство, и на поверхности ихъ не видно никакихъ возвышеній почвы, кромѣ горокъ, построенныхъ термитами. Во многихъ мѣстахъ эти равнины, подобно торфяникамъ сѣверныхъ областей Европы и Сѣверной Америки, на большихъ пространствахъ пропитываются водою, становятся полужидкими и мѣстами содержатъ колодцы, постоянно наполненные прозрачной водою. Левингстонъ назвалъ эти пространства «губками». Во время засухъ, на нихъ образуются длинныя разсѣлины, углубляющіяся вплоть до слоя бѣлаго песка, на которомъ лежитъ болотистая равнина, потомъ, въ періоды дождей, трещины эти закрываются. Воду свою эти губки отдаютъ рѣкамъ лишь весьма медленно, чѣмъ по мѣсяцамъ и поддерживаютъ въ нихъ нормальное теченіе [1]).

Посредствомъ холмистыхъ плоскогорій, несущихъ на себѣ неодинаковой высоты горные кряжи и гряды, область водораздѣла между Конго и притоками Индійскаго моря продолжается также и къ востоку отъ озера Танганьики. Именно: восточнѣе отъ него, между нимъ и озеромъ Рикуа, высятся горы въ двѣ и болѣе тысячи метровъ, а сѣвернѣе, въ У-Ніамези, даже простыя повышенія плоскогорья имѣютъ слишкомъ тысячу двѣсти метровъ высоты; къ западу же отъ Танганьики, гора Мирамби достигаетъ 1.500 метровъ, а гора Мисози поднимается на 1.730 метровъ надъ уровнемъ моря, почти на тысячу метровъ надъ поверхностью самаго озера, воды котораго омываютъ ея подошву. Своимъ величественнымъ видомъ эти горы обязаны обширной поверхности воды, представляющей контрастъ съ ихъ крутыми выступами; но, по высотѣ, онѣ уступаютъ другимъ вершинамъ, слѣдующимъ одна за другой на перешейкѣ, который ограничиваютъ озера: на востокѣ—Ніянца, а на западѣ—Мута-Нзигэ; продолжаясь въ этомъ узкомъ пространствѣ, плато У-Ніамези соразмѣрно повышается и увѣнчивается гребнемъ высокихъ вершинъ. Тамъ высятся три конуса Мфумбиро, съ которыхъ нисходятъ къ югу, къ востоку и къ сѣверу многочисленные притоки р. Кагера, главной вѣтви Нила. Далѣе къ сѣверу, высятся массивы Кибанга и Гамбарагара, которые Стэнли и другіе путешественники видѣли издали, и высоту которыхъ они опредѣляютъ въ три тысячи метровъ. Такимъ образомъ, раздѣльная возвышенность, дающая озеро Танганьика бассейну рѣки Конго, продолжается также и къ востоку отъ озера Мута-Нзиге, какъ бы для пріобщенія и его въ географическомъ отношеніи къ тому же Конгскому бассейну: и дѣйствительно, по общему наклоненію почвы, Мута-Нзиге къ этому бассейну и принадлежитъ, но, по своему мѣстонахожденію, а также, вѣроятно, и по существованію соединительной долины, оно составляетъ часть области Нила. Нѣкоторые географы полагаютъ даже, что въ сѣверо-восточной оконечности Мута-Нзиге находится сточный каналъ, направляющійся въ озеро Альберта; однако, извѣстно, что первый изслѣдователь, Гессп, тщетно отыскивалъ предположенную имъ рѣку, а Масонъ-бей убѣдился лишь въ существованіи, въ юго-восточномъ углу озера, потока красноватой воды, теченіе которой было преграждено растеніями въ одномъ часѣ разстоянія кверху отъ его устья [1]). Также и рѣка, недавно открытая Эминъ-беемъ, признается имъ не за истокъ озера, а за бурный потокъ, нисходящій съ тѣхъ восточныхъ горъ, которыя образуютъ кряжъ У-Сонгора [2]). Если Мута-Нзиге дѣйствительно изливается въ сѣверное озеро, какъ это полагаетъ Кирхгофъ [3]) и какъ это утверждали путешественники арабы изъ племени Типпо-Типъ изслѣдователю van-Gele [4]), то не совершается ли это изліяніе посредствомъ такого канала, теченіе въ которомъ, на подобіе Луа-Лабы, по временамъ прекращается, либо вслѣдствіе заторовъ изъ растеній, либо по причинѣ пересыханія канала, вслѣдствіе убыли воды въ самомъ озерѣ Мута-Нзигэ? Вѣдь, изъ бѣлыхъ путешественниковъ его воды видѣлъ только одинъ Стэнли; да и онъ самъ не проникалъ къ нимъ, а посылавшіеся имъ туземцы возвратились съ сообщеніемъ, что въ данной мѣстности высокая круча воспрепятствовала имъ спуститься къ озеру: такъ, по словамъ этихъ туземцевъ, мѣшки съ

[1]) Livingstone, „Last journal"; —V. Giraud, „Tour du Monde", 1886, 1887.

[1]) „Bulletin de la Société Khediviale de Géographie du Caire", № 5, съ мая 1877 по февраль 1878.

[2]) Письмо Эминъ-бея къ Falkin'у": Scottish geographical Magazine", 1887.

[3]) „Petermann's Mittheilungen", 1887, тетр. IV.

[4]) „Mouvement géographique", 1883, № 13.

солью они были принуждены втаскивать до самой вершины скалъ при посредствѣ веревокъ. *Впослѣдствіи Стэнли и Эминъ-паша нашли, что Мвутанъ-Нзиге, иначе озеро Альберта-Эдварда, есть крайнее юго-западное озеро-истокъ Нила, что оно соединяется чрезъ р. Семлики съ сѣвернымъ о. Альберта, но не имѣетъ никакого сообщенія съ о. Танганьика. Южный и западный берегъ его были изслѣдованы, въ 1891 г., Эминъ-пашей и Штульманомъ, при чемъ было установлено, что озеро это достигаетъ лишь 0,45 южн. шир. и лежитъ на высотѣ 875 метр. надъ уровнемъ моря*.

На сѣверо-востокѣ водораздѣлъ между Конго и «Страною Рѣкъ», родящихъ Нилъ, едва обозначенъ нѣсколькими возвышеніями почвы, уединенными горами, имѣющими до 500 метровъ высоты надъ порогомъ [1]), а также равнинами съ неопредѣленнымъ уклономъ. Вѣроятно, то же самое существуетъ между склономъ рѣки Конго и склономъ Шари, и въ такомъ случаѣ впадина Центральной Африки, значитъ, продолжается отъ древняго Конгскаго озера къ еще существующему озеру Чадъ, этому остатку нѣкогда болѣе значительнаго внутренняго моря. Но—соединяется или нѣтъ область обоихъ бассейновъ при посредствѣ промежуточныхъ равнинъ—не подлежитъ сомнѣнію, что часть даннаго пространства занимаютъ массивы: или уединенные, какъ Мендифъ, или непрерывные, какъ другія менѣе высокія горы. Такъ, къ югу отъ Уэлле возвышается группа уединенныхъ высотъ, которымъ путешественникъ Potagos далъ названіе горъ Георга; а рѣка У-Банги сжата въ стѣнахъ горъ, которыя, если смотрѣть на нихъ съ низовьевъ этой рѣки, по своей внѣшности походятъ на Пиренеи, видимыя съ равнинъ Гасконіи [2]). Вообще, самый неровный и разнообразный рельефъ Конго представляетъ въ области своихъ верховыхъ притоковъ,—этой обыкновенно наилучше ограничиваемой части рѣчныхъ бассейновъ; напротивъ, въ сторонѣ выхода рѣки, препятствіе, образованное краевыми кряжами, первоначально состояло изъ преграды однообразной и сплошной. Задерживаемыя этою запрудою воды должны были пребывать на громадныхъ равнинахъ Внутренней Африки въ теченіе весьма долгаго времени, а взвѣшенныя въ нихъ твердыя частицы имѣли возможность выдѣлиться въ видѣ значительной толщины слоевъ осадочныхъ земель: и дѣйствительно, можно цѣлыми недѣлями путешествовать по берегамъ Кассаи, Санкуру, Лу-Кеніэ, Чуапы, какъ и по другой сторонѣ Конгскаго бассейна, по берегамъ Алимы, Бунги и У-Банги, не находя ни одного камешка [3]).

[1]) Schweinfurth, упом. соч.
[2]) Ponel, рукописныя замѣтки.
[3]) Tappenbeck, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“. 1886.

Рѣдкія же каменныя глыбы, видимыя на берегахъ рѣкъ, кажутся какъ-бы затерявшимися островами посреди моря.

Экваторіальный климатъ области Конго видоизмѣняется въ различныхъ частяхъ территоріи, смотря по формѣ и направленію возвышенностей—краевыхъ кряжей или плоскогорій. Средняя температура, — понижаемая вдоль поморья вліяніемъ береговаго океаническаго теченія, направляющагося съ юга,— никогда не бываетъ чрезмѣрною, такъ какъ въ самые жаркіе мѣсяцы: январь, февраль, мартъ и апрѣль, она рѣдко превышаетъ 33° Ц.; поэтому трудно переносится климатъ европейцами скорѣе изъ-за влажности въ атмосферѣ, чѣмъ изъ-за высоты ея температуры. Съ другой стороны, холода сравнительно чувствительны, такъ какъ въ долинѣ Нижняго Конго въ іюлѣ мѣсяцѣ наблюдали пониженіе температуры до 12°; годовая разница, слѣдовательно, оказывается равною 21°. Но на плоскогоріяхъ она еще значительнѣе, и путешественники жалуются какъ на жары, поднимающіеся въ мартѣ до 36°, такъ и на смѣну дневнаго зноя ночною стужею. Тогда какъ Камеронъ видѣлъ на плоскогоріяхъ, около истоковъ Кассаи, образованіе ночью льда, Ponel констатировалъ на У-Банги температуру раскаленной печи, достигавшую 43°.

Такъ какъ весь анемометрическій режимъ передвинутъ къ сѣверу отъ экватора, вслѣдствіе преобладанія суши въ сѣверномъ полушаріи, то бассейнъ рѣки Конго всецѣло находится въ поясѣ юго-восточныхъ пассатовъ. И дѣйствительно, эти атмосферныя теченія господствуютъ внутри материка тамъ, гдѣ горы не нарушаютъ ихъ нормальнаго хода, но въ южной части бассейна—гдѣ долины правильно расположены въ видѣ параллельныхъ бороздъ, направляющихся съ юга на сѣверъ, и вѣтры слѣдуютъ этому же направленію. На западномъ берегу до сліянія съ У-Банги, въ землѣ Ба-Нгала [1]), пассаты, уклоняясь отъ своего направленія, превращаются въ муссоны, становятся вѣтрами юго-западными и дуютъ даже и прямо съ запада. Господствуютъ эти вѣтры,— обыкновенно довольно сильные—главнымъ образомъ въ сухое время года, достигая своей наибольшей силы въ сентябрѣ и въ мартѣ, именно передъ началомъ сырыхъ сезоновъ. Что касается грозъ въ собственномъ смыслѣ слова, то наиболѣе часты грозы, приходящія съ востока, при чемъ сильнѣе всего тѣ, которыя собираются на сѣверо-востокѣ. Такимъ образомъ, въ западной части материка грозы идутъ изъ внутреннихъ областей къ приморскому берегу [2]); въ восточной области, къ востоку отъ Верхняго Конго, грозы зарождаются на

[1]) Coquilhat, рукоп. замѣтки.
[2]) Wissmann;—von Danckelmann, „Deutsche Colonial-Zeitung“, 15 окт. 1855.

западѣ, слѣдовательно, и здѣсь онѣ тоже несутся къ берегу изъ глубины континента.

Времена года едва разграничиваются другъ отъ друга въ предѣлахъ верхняго теченія р. Конго; но на ея низовьяхъ, засухи и дожди правильно чередуются между собою; именно, какъ и въ Габоніи, короткая зима—съ октября по конецъ декабря—предшествуетъ недолгому сухому времени, съ января до середины февраля; затѣмъ слѣдуетъ періодъ сильныхъ дождей, продолжающійся вплоть до мая; а во всѣ остальные мѣсяцы года, съ мая по сентябрь, стоитъ большая сушь, во время которой не выпадаетъ ни одной капли воды. О распредѣленіи собственно дождей извѣстно, что они быстро уменьшаются къ югу отъ устья Конго и увеличиваются отъ низовьевъ рѣки къ ея истокамъ, отъ поморья въ глубь материка; въ экваторіальной же области рѣки, въ поясѣ затишья, дождь идетъ круглый годъ, хотя періодъ долговременной влажности совпадаетъ именно съ зимними мѣсяцами. По характеру дожди здѣсь почти всегда—сильные ливни, принимаемые грозами: въ декабрѣ 1882 г., выпадевшіе воды, совершившееся въ одну изъ этихъ бурь, равнялось 102 миллиметрамъ, при чемъ дождь шелъ всего лишь три часа. Дожди на низовьяхъ Конго доставили слои воды, равнявшіеся: въ Виви, съ сентября 1880 г. по августъ 1881 г.,—867 миллим.; а въ Понта-де-Іенья, съ сентября 1882 г. по августъ 1883 г.,—739 миллим. [2]). Въ теченіе гибельныхъ 1872 и 1874 годовъ, количество атмосферной воды, полученное полями, не достигло даже 200 миллиметровъ, и голодъ былъ послѣдствіемъ этой чрезвычайной сухости [2]). Но, помимо дождей, слѣдовало бы принимать въ разсчетъ влажность росы и ту, которую растеніямъ доставляютъ утренніе туманы, *касимбо* португальцевъ. Особенно въ іюлѣ бываютъ густые туманы между пятью и семью часами утра, а иногда и въ теченіе всего дня [3]): въ такое время рѣдко бываетъ возможно различить вершины горъ, и завѣса скрываетъ горизонтъ. Свѣтлыя ночи рѣдки, и вообще прекрасное звѣздное небо становится видимымъ только послѣ того, какъ сильные ливни промоютъ атмосферу.

Въ затуманиваніи неба принимаетъ участіе также и дымъ отъ сжиганія травянистыхъ равнинъ, обыкновенно практикуемаго какъ въ низовой области Конго, такъ и на гористыхъ плоскогоріяхъ на югѣ [4]). Von Danckelmann исчислилъ, что количество сожигаемой травы составляетъ на квадратный километръ массу въ 80 тоннъ. А такъ какъ эти выжиганія травъ ежегодно простираются на многія и многія десятки тысячъ квадратныхъ километровъ, то, слѣдовательно, милліонами тонъ приходится исчислять то количество топлива, которое въ видѣ стеблей, кустарниковъ и сухихъ деревьевъ предается пламени и большею своею частію разсѣивается въ атмосферѣ. Надъ громадною горящею поверхностью образуются густые кругловатые клубы дыма, которые, въ концѣ концовъ, разостлавшись сѣроватыми туманами, однообразно и сплошь заволакиваютъ небо и доставляютъ парамъ воды твердыя частицы, на поверхности которыхъ и сгущается влага. Ночью, горѣніе высокихъ травъ представляетъ великолѣпное зрѣлище, при чемъ пламя либо взбѣгаетъ вверхъ по склонамъ, либо громаднымъ потокомъ спускается съ откосовъ горъ. Несясь по поверхности холмовъ, пламя безпрерывно мѣняетъ свои очертанія, въ одномъ мѣстѣ стремительно взбираясь кверху, а въ другомъ мало-по-малу угасая, пока новый порывъ вѣтра не раздуетъ его вновь. Эти перебѣгающіе огни не опасны: травы сгораютъ слишкомъ быстро для того, чтобы полныя соковъ деревья могли бы загорѣться при пробѣгѣ огня; малѣйшій ручей останавливаетъ распространеніе пожара, и потушить огонь можно даже ударами вѣтвей съ густой листвой.

Существованіе этихъ луговыхъ, высокотравныхъ степей на холмистыхъ пространствахъ около Конго слѣдуетъ, однако, относить не къ выжиганію растеній, а къ климату. Въ этихъ областяхъ воздухъ не настолько богатъ влагою, чтобы питать лѣса: тогда какъ изобильные дожди въ Габоніи приводятъ къ тому, что все пространство однообразно покрывается такою лѣсною растительностью, что охотникъ съ трудомъ прокладываетъ чрезъ нее тропу,—луговыя степи становятся все многочисленнѣе по мѣрѣ удаленія къ югу, а по ту сторону рѣки Конго всѣ вершины изборожденнаго плоскогорія оказываются уже лишенными большихъ деревьевъ. Зато долины, по которымъ текутъ ручьи, полны зеленью, и на днѣ каждой изъ нихъ виднѣется узкая полоса деревьевъ, извивающаяся между сѣроватыми стѣнами ущелья. Эта же противоположность между высотами и долинами наблюдается также и къ востоку отъ краевыхъ горъ португальской территоріи, на сѣверномъ склонѣ водораздѣльнаго плоскогорія между Запрою и Замбезе. Объясняется это тѣмъ, что хребты, тянущіеся между двумя параллельными долинами, немедленно послѣ дождя лишаются ниспавшей на нихъ влаги: дождевая вода быстро удаляется книзу по тѣмъ глубокимъ бороздамъ, которыя дожди же промываютъ справа и слѣва по склонамъ данныхъ хребтовъ, и осушенные, такимъ образомъ, утесы высотъ оказываются способными

---

[1]) Von Danckelmann, „Petermann's Mittheilungen", 1885.

[2]) Josef Chavanne, упом. соч.

[3]) Ponel, рукоп. замѣтки

[4]) Cameron;—Monteiro; — Pechuel-Lösche; — Böhm и Kaiser;—von Danckelmann и т. д.

пропитать не деревья и кусты, а лишь кое-гдѣ торчащую низкорослую поросль, почти лишенную даже и листьевъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ виднѣются, затѣмъ, однѣ рѣдкія травы, а есть и такіе, которые совершенно оголены: эти хребты туземцы называютъ квіанами. Впрочемъ, большую часть холмовъ покрываютъ травы дотого высокія, что пѣшеходъ скрывается въ нихъ, какъ въ чащѣ тростника: эти высокія саванны—напоминающія поросшія альфой равнины Берберіи—въ томъ случаѣ, если онѣ состоятъ изъ злаковъ, снабженныхъ острыми рѣжущими влагалищами, португальцы называютъ capim или capim de faca, «травами съ ножами». Деревья встрѣчаются только въ долинахъ, гдѣ они окаймляютъ берега непрерывною массою растительности, переплетенной сѣтями изъ ліанъ: заросли, шириною всего въ нѣсколько метровъ, называются muchitos [1]). Во многихъ мѣстахъ онѣ чередуются съ болотистыми почвами, на которыхъ не видно даже и низкорослой поросли.

Но у выхода параллельныхъ долинъ южнаго склона вода, равномѣрно распредѣленная по равнинѣ, вполнѣ достаточна для поддержанія богатой растительности: снова встрѣчаются группы пальмъ, громадные баобабы, а вскорѣ начинается лѣсъ, далеко простирающійся не только вдоль рѣкъ, но также и по промежуточнымъ пространствамъ между ними. Почти весь полукругъ, ограниченный съ сѣвера большою дугой р. Конго, а на югѣ рѣками Кассаи и Санкуру, представляется какъ-бы громаднымъ лѣсомъ, который мѣстами прерываютъ болота, луговыя степи и лужайки около деревень: такимъ образомъ, дно древняго озера покрылось мощною тропическою растительностью. Гористыя восточныя области, равно какъ и западныя, имѣютъ сплошные лѣса только въ ложбинахъ, гдѣ соединяются воды, нисходящія съ высотъ, да въ тѣхъ частяхъ тропическаго пояса, гдѣ дожди выпадаютъ въ большомъ изобиліи. Далѣе къ югу увидишь уже только луга, по которымъ деревья разсѣяны или группами, на-подобіе англійскихъ парковъ, или въ видѣ аллей, окаймляющихъ ручьи съ ихъ развѣтвленіями, или же, наконецъ, луговыя степи оказываются лишенными всякой древесной растительности. Природа здѣсь вовсе не являетъ того богатства и разнообразія въ флорѣ, которыхъ можно было бы ожидать подъ одною широтою съ Явою и южными берегами Суматры и Борнео. Тогда какъ многія области даннаго бассейна, каковы: страна племени маньема, земли, пересѣкаемыя Лу-Кугою и Лу-Лабою, равнины, обитаемыя племенами ніамъ-ніамъ и монбутту, Лунда, У-руа и весь тотъ край, гдѣ Кассаи сливается съ своими большими притоками, описываются баснословно плодородными и могущими превратиться въ обширные сады, если уже не превращенные [1]), нѣкоторыя другія части конгскаго бассейна—таковы въ особенности пури и «губки» въ восточныхъ округахъ [2]), и сухія латеритовыя плоскогорія на западѣ [3]), представляютъ чрезвычайно монотонный и унылый видъ: кажется, нѣтъ никакой надежды завоевать ихъ когда-нибудь для культуры.

Въ цѣломъ, бассейнъ Конго, хорошо ограниченный кругомъ горъ, плоскогорій и возвышенныхъ пороговъ, являетъ замѣчательное единство въ своихъ растительныхъ и животныхъ видахъ. Объясняется это тѣмъ, что, несмотря на громадность территоріи, климатическія условія остаются одними и тѣми же: и къ сѣверу и къ югу отъ рѣки Конго, а также и отъ экватора, повторяются одни и тѣ же явленія, хотя и въ обратномъ порядкѣ временъ года. Съ другой стороны, границы бассейна во многихъ его отдѣлахъ совпадаютъ съ границами областей распространенія растеній. Швейнфуртъ и Юнкеръ доказали, что горный хребетъ, раздѣляющій въ странѣ ніамъ-ніамовъ воды Нила отъ водъ Конго, въ то же время составляетъ и рѣзкую раздѣлительную линію для весьма большаго числа видовъ: къ сѣверу отъ этой границы уже не встрѣчаются ни пальмы, дающія масло или саго, ни панданы—растенія, характеризующія данный пейзажъ; о масличной пальмѣ слѣдуетъ прибавить, что границами ей служатъ: на югѣ одинъ изъ водораздѣловъ, а въ долинѣ Нижняго Конго—первые склоны плоскогорій Анголы. Для многихъ растеній естественною границею ихъ распространенія является нижнее теченіе р. Конго, а если они и переступаютъ ее, то благодаря лишь вмѣшательству человѣка. Равенство климата, придающее одинъ и тотъ же характеръ туземной флорѣ во всѣхъ областяхъ бассейна, дозволило также и жителямъ вводить почти повсюду одни и тѣ же культурныя растенія: маніокъ (manioka), просо, колокасію (египетскіе образки) и бананы. Табакъ, конопля, ананасъ и сахарный тростникъ также встрѣчаются въ различныхъ областяхъ около р. Конго. Въ лѣсахъ центральной области, на берегахъ Конго и Кассаи, путешественники видѣли дикое кофейное дерево, а также виноградъ и померанцы.

Фауна разсматриваемаго рѣчнаго бассейна—та же, что и на атлантическомъ поморьѣ, въ Габоніи и Камерунѣ. Слонъ, ставшій рѣдкостью въ мѣстностяхъ, гдѣ на него охотятся,

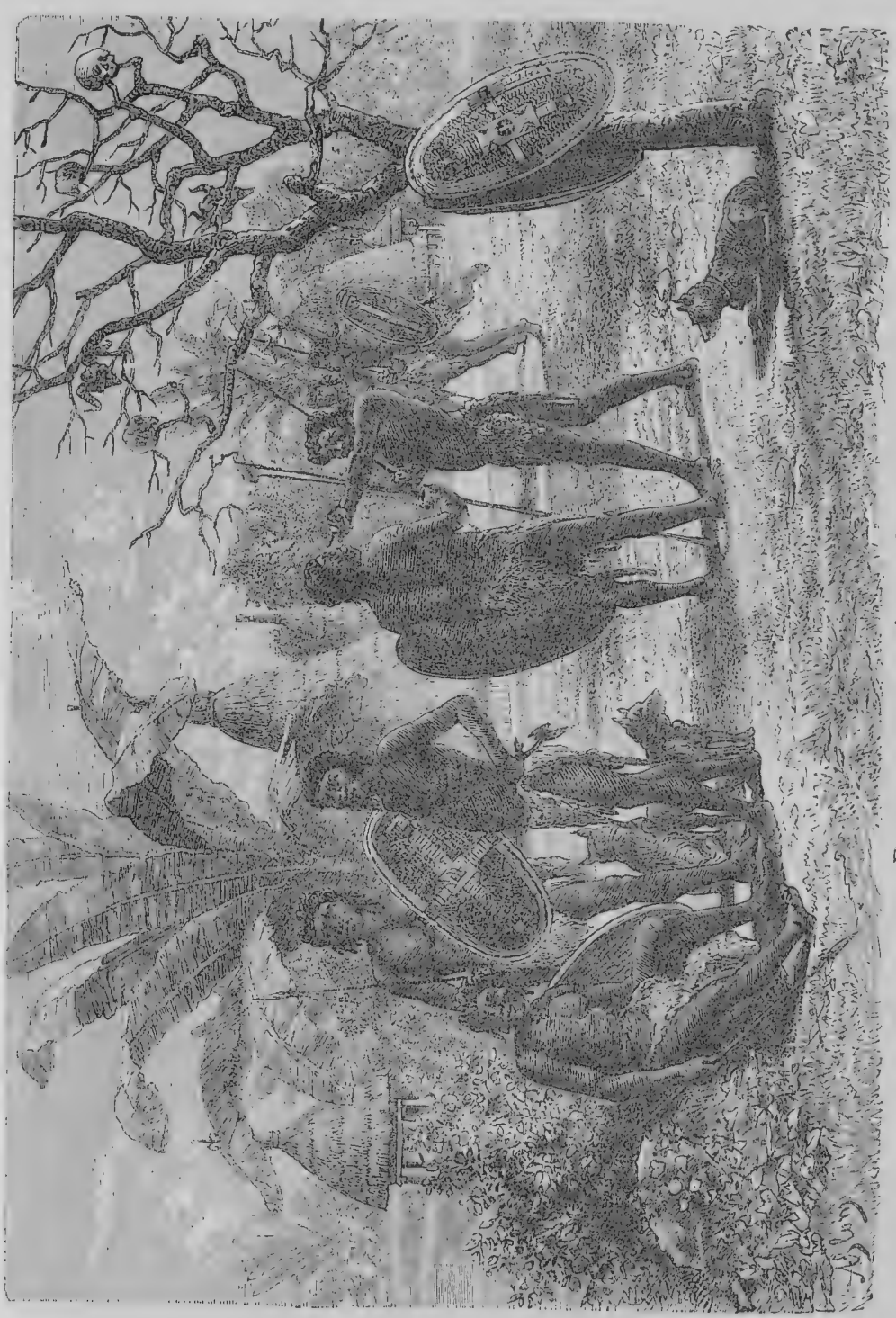
[1] Otto Schütt, „Reisen im südwestlichen Becken des Kongo".

[1]) Livingstone;—Schweinfurth;—Cameron;—Stanley;—Wissmann, и т. д.

[2]) Victor Giraud, „Tour du Monde", 1886 и 1887.

[3]) Pechuel-Lösche;—Chavanne, и т. д.

еще весьма часто встрѣчается въ большей части данной страны; ламантинъ показывается въ низовьяхъ Конго, а бегемотъ во множествѣ населяетъ главную рѣку и ея притоки; Мас-



Воины племени ніамъ-ніамъ.

сори за одинъ разъ видѣлъ ихъ въ водахъ Куанго въ количествѣ болѣе пяти сотъ головъ [1]); во многихъ рѣкахъ они даже стѣсняютъ судоходство. Шимпанзе обитаетъ въ лѣсахъ по берегамъ Конго, но къ сѣверовостоку границы его распространенія тѣ же, какъ и для пальмы саговой и масличной; не проникая въ бассейнъ Нила, онъ также не переправляется и чрезъ Нижній Конго для проникновенія къ югу, въ территорію Анголы. Наблюдаемыя противоположности въ фаунѣ зависятъ въ особенности отъ

[1]) „Mouvement Géographique", 7 ноября, 1886.

мѣстныхъ условій. Тогда какъ западныя саванны, часто опустошаемыя пожарами, почти совершенно лишены животныхъ, и на нихъ не встрѣчаютъ ни четвероногихъ, ни пресмыкающихся, ни птицъ,—природные парки на той высотѣ, гдѣ луговыя степи перемѣшиваются съ группами деревьевъ, населены до чрезвычайности; такъ, въ нѣкоторыхъ округахъ, еще не опустошенныхъ человѣкомъ, лагери путешественниковъ бывали окружаемы стадами слоновъ, буйволовъ и антилопъ.

Бассейнъ Конго принадлежитъ къ областямъ, населеннымъ племенами, говорящими на языкѣ банту, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вкрапленныхъ между другими пространствъ, на которыхъ проживаютъ побѣжденные аборигены, а также и сѣверо-восточной области, населенной ніамъ-ніамами, монбутту и другими племенами, относимыми къ африканцамъ нубійской расы: съ другой стороны, глоссологическая область языка банту, простирающаяся къ югу вплоть до Капской колоніи, переступаетъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ границы также и Нильскаго бассейна, такъ какъ на областныхъ нарѣчіяхъ этого языка говорятъ по всей окружности озера Ніанза. Однако, хотя населенія около Конго и родственны между собою по языку, тѣмъ не менѣе по внѣшнему виду и нравамъ они представляютъ большія различія: поэтому и описывать ихъ слѣдуетъ отдѣльно другъ отъ друга. Хотя большая часть племенъ банту (ба-нту, а-ба-нту), т. е. «людей», разсматриваются какъ рѣзко отличающіеся отъ негровъ оттѣнкомъ цвѣта кожи, формою черепа, чертами и походкою, тѣмъ не менѣе въ области Конго, несмотря на большія мѣстныя различія между племенами, переходы въ общемъ весьма постепенны. Чистый типъ не встрѣчается. Совершающіяся нынѣ непрерывныя смѣшенія постепенно видоизмѣняютъ расу, сохраняя одинъ лишь языкъ. Даже въ историческій періодъ народы-завоеватели проходили по странѣ, покоряя другіе народы и сливаясь съ ними. Затѣмъ переселеніе племенъ и новыя этническія смѣшенія часто обусловливались также временами голода, наводненіями и экспедиціями продавцевъ невольниковъ; наконецъ, и браки у многихъ народцевъ заключаются внѣ своего племени. Повидимому, наименѣе смѣшанною расою слѣдуетъ признать расу аборигеновъ, т. е. тѣхъ низкорослыхъ людей, которыхъ называютъ акка, тикъ-тикъ, вуа-туа, и которые обычно отличаются малостью своихъ размѣровъ. Не предкамъ ли этихъ маленькихъ людей слѣдуетъ приписать какъ тѣ каменныя орудія, которыя были отысканы Ноге'мъ на берегахъ Танганьики [1]) такъ равно и тѣ, которыя недавно найдены на берегахъ Нижняго Конго [1])?

Въ своемъ сочиненіи о новѣйшихъ языкахъ туземцевъ Африки, Cust перечисляетъ для конгскаго бассейна сорокъ два различныхъ нарѣчія, принадлежащихъ, однако, къ одному и тому же корню языковъ банту; затѣмъ, къ этому перечню англійскаго автора другіе писатели присоединяютъ еще нѣсколько языковъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ настоящее время филологи вполнѣ признавая взаимную родственность этихъ языковъ, не въ состояніи, относительно ихъ классификаціи, представить ничего другаго, кромѣ предположеній: только небольшое число изъ данныхъ языковъ и нарѣчій изучены настолько, что оказалось возможнымъ составленіе ихъ грамматикъ или словарей; для остальныхъ же имѣются лишь одни неполные перечни словъ, а относительно нѣкоторыхъ племенъ путешественниками сообщены только по одному слову привѣтствія или угрозы. Не полонъ, наконецъ, и самый перечень племенъ, въ который, къ тому же, вкрались и многочисленныя смѣшенія наименованій, при чемъ либо одному и тому же племени даются различныя наименованія, либо, наоборотъ, весьма различныя племена окрещиваются однимъ и тѣмъ же названіемъ. Существующее предположеніе, будто приставки въ именахъ народовъ: ба, ма, ава, вуа, м, ту и му, указываютъ на извѣстное родство между обозначаемыми такимъ образомъ племенами—довольно вѣроятно; но для того, чтобы отважиться на составленіе даже приблизительной классификаціи—одного подобнаго указанія не достаточно. Въ виду всего этого, всякая попытка группировать конгскіе языки, а также и говорящіе на нихъ народы, имѣетъ значеніе лишь временное, преходящее.

Тѣмъ не менѣе, въ этомъ этническомъ хаосѣ племенъ можно, все-таки, выдѣлить тѣ изъ нихъ, которыя значительнымъ образомъ повліяли на исторію страны, или же которыя отличаются своею торговою или военною дѣятельностью въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи, въ качествѣ посредниковъ торговаго обмѣна между восточнымъ склономъ Африки и бассейномъ Конго, слѣдуетъ упомянуть о ніамези, проживающихъ къ востоку отъ озера Танганьики, и руа, разселившихся къ западу отъ этого озера. Затѣмъ, между р. Конго и озеромъ Мута-Нзигэ, весьма обширную территорію, вплоть до мѣстообитаній племенъ монбутту и ніамъ-ніамъ, занимаетъ племя регга. Къ западу отъ Верхняго Конго и къ югу отъ большой дуги, которую, эта рѣка описываетъ къ сѣверу отъ экватора, встрѣчаются, на большомъ пространствѣ, по берегамъ всѣхъ лѣво-

[1]) „Proceedings of the R. Geographiqual Society", январь, 1882.

[1]) Dupont, „Mouvement Geographique", 24 апрѣля 1887.

сторонних притоковъ,—ба-лоло. Ту-шилонжэ, гордящіеся своею образованностью, занимаютъ область выступленія рѣкъ Лу-Луа и Кассаи на заросшія лѣсомъ равнины; въ той области, гдѣ южные притоки проложили параллельныя долины, господствуетъ племя лунда; затѣмъ, выше, въ сосѣдствѣ съ горными хребтами, на которыхъ родятся сказанные притоки, проживаютъ кіоко—отважные странствователи, предпринимающіе путешествія между Атлантическимъ океаномъ и страною великихъ озеръ. По рѣкѣ Конго, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она начинаетъ поворачивать къ юго-западу, обитаютъ ба-нгала, обладающіе наибольшею воинскою энергіею; также весьма могущественны ба-банги, живущіе нѣсколько ниже, по рѣкѣ того же имени; при этомъ, одно изъ ихъ колѣнъ, ба-фуру (апъ-фуру), живущее по берегамъ рѣкъ: Бунга, Ликуалла и Алима, превратилось изъ грознаго соперника въ драгоцѣннаго союзника французскихъ изслѣдователей. Ба-тэкэ, населяющіе прибрежныя мѣстности по теченію Конго кверху отъ озера Стэнли, оказываютъ большое политическое вліяніе на окрестныя племена, а у-бума, на нижнемъ теченіи Кассаи, стали сотоварищами бѣлыхъ по перевозу товаровъ. Наконецъ, ба-фіоты, болѣе извѣстные подъ именемъ конго или конголэ—по имени одного изъ ихъ колѣнъ, ба-конго,—проживаютъ на берегахъ Нижняго Конго и давна находятся въ торговыхъ сношеніяхъ съ европейскими народами. У всѣхъ этихъ морскихъ племенъ наблюдается на всемъ протяженіи отъ востока къ западу возростающая любовь къ амулетамъ и фетишамъ, при чемъ восточныя племена предпочитаютъ украшенія на всемъ тѣлѣ, а западные—болѣе головные уборы.

Хотя многіе писатели и утверждали, будто одинъ изъ существенныхъ контрастовъ между неграми и другими расами Стараго Свѣта заключается въ неспособности первыхъ группироваться въ значительныя политическія общества, однако, племена банту основывали большія государства, а нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ племенъ являли этому примѣръ также и въ предѣлахъ Конгскаго бассейна. Въ этомъ отношеніи, въ концѣ XV-го столѣтія, времени появленія въ данной странѣ португальцевъ, вся территорія низовой рѣки, а также и большая часть южнаго плоскогорія признавали власть государя, пребывавшаго въ томъ городѣ, который и въ наши дни еще носитъ португальское наименованіе Санъ-Сальвадора: всѣ окрестные начальники племенъ регулярно уплачивали ему дань; а впослѣдствіи и для португальскихъ правителей, въ видахъ превращенія этой африканской имперіи въ португальское вице-королевство въ Африкѣ, не оставалось ничего инаго, какъ исподоволь также подчиниться этому туземному владѣтелю. Въ области, орошаемой притоками Кассаи, политическое преобладаніе принадлежитъ племени лунда, и ихъ королю, муата Ямво (муата—титулъ короля), платятъ подати сотни клановъ, разсѣянныхъ по территоріи, столь же обширной, какъ и Франція. Около истоковъ Луа-Пулы находится другое государство, управляемое королемъ Казембэ, бывшее нѣкогда независимымъ и, какъ кажется, обладавшее, къ концу прошлаго столѣтія, верховною властью надъ сосѣдними государствами. Къ сѣверу отъ Казембэ, верхніе бассейны рѣкъ Луа-Лабы и Лу-Фиры составляютъ владѣнія самаго могущественнаго государя, Мсири. Еще сѣвернѣе, въ области сліянія тотчасъ названныхъ рѣкъ для образованія Конго, племена въ политическомъ отношеніи группируются подъ общимъ верховнымъ главенствомъ короля Кассонго. Кромѣ того, нѣкоторыя племена народовъ, говорящихъ на языкѣ банту, образовали и другія государства, внѣ бассейна Конго. Понятно, впрочемъ, что въ этихъ обширныхъ краяхъ, гдѣ сообщенія весьма трудны и гдѣ племена безъ труда могутъ перемѣщаться съ поляны на поляну, даже перемѣнять долину или рѣчной бассейнъ, политическая связь слаба. Внѣ періодовъ завоеваній, когда многочисленныя орды, обученныя военному ремеслу, насильственно налагаютъ свое господство на мирныя земледѣльческія населенія, племена соединяются между собой лишь по добровольному согласію: они образуютъ скорѣе союзы небольшихъ автономныхъ республикъ, чѣмъ монархическія государства. Кое-какіе подарки, обѣщанія да изъявленія преданности—вотъ все, что главари народцевъ или родовъ, вассальныхъ или подвассальныхъ, удѣляютъ своему сюзерену.

Прибытіе европейцевъ и арабовъ на берега Африки, естественно, должно было способствовать процессу паденія, который мало-по-малу преобразуетъ внутреннія государства. Привыкаютъ обращать взоры къ новымъ господамъ, и прежнее равновѣсіе разрушается. Такъ, вмѣшательство португальцевъ, въ концѣ-концовъ, привело къ паденію конгской имперіи, несмотря на то, что въ политическомъ отношеніи она являла значительную устойчивость: войны во имя религіозной пропаганды одновременно съ экспедиціями негроторговцевъ возбуждали область противъ области, и каждое племя возвращало себѣ свою независимость. Въ этихъ историческихъ преобразованіяхъ, происходящихъ отъ присутствія иностранцевъ на морскомъ берегу, польза разнообразно перемѣшивалась съ вредомъ. Такъ, если одни племена, за которыми охотились негроторговцы, впали въ еще большую нищету и варварство сравнительно съ прежнимъ ихъ состояніемъ, то, въ общемъ, жители Конгской земли богатѣли, вслѣдствіе развитія между ними земледѣлія;

они научились воздѣлывать кукурузу, маніокъ и другія иноземныя растенія, входящія нынѣ такою значительною долею въ составъ ихъ пищи, что исчезновеніе этихъ растеній могло бы повлечь за собою гибель почти всѣхъ туземцевъ. Это введеніе питательныхъ растеній составляетъ одно изъ великихъ благодѣяній европейцевъ и въ общемъ балансѣ болѣе чѣмъ уравновѣшиваетъ продажу ружей, пороха и крѣпкихъ напитковъ. Четыре вѣка тому назадъ конгскія племена могли существовать только охотясь за лѣсными звѣрями, даже за самимъ человѣкомъ, а также благодаря рыбной ловлѣ и земледѣлію въ самой зачаточной формѣ; нынѣ они требуютъ своей пищи уже отъ воздѣланнаго поля, и народонаселеніе можетъ покинуть звѣроловство, не опасаясь быть обманутымъ со стороны плодородной почвы. Ткани, инструменты и мебель доставляются ему также изъ Европы, и хотя вѣроятно, что это только счастливое совпаденіе, но все-таки можно задать вопросъ, не повліялъ ли примѣръ португальцевъ на способъ постройки домовъ на пространствѣ большей части западныхъ конгскихъ областей, до низовьевъ Итимбири и кверху отъ Арахуими? Всѣ эти дома расположены въ формѣ продолговатаго четвероугольника, съ крышею на европейскій манеръ и съ нѣкотораго рода верандою: вообще, отъ хижинъ многихъ европейскихъ странъ они отличаются только матеріаломъ, который взятъ для ихъ постройки. Въ области же Верхняго Конго, а также въ странѣ великихъ озеръ, жилища, хотя чрезвычайно различны въ архитектурномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе, почти повсюду круглы, а крыши ихъ—коническія [1]).

Если бы европейское вліяніе было представлено въ областяхъ р. Конго одними только торговцами изъ Европы, оно всегда оставалось бы въ исторіи Африки значительно ниже вліянія купцовъ арабскихъ. Тогда какъ до перехода Стэнли черезъ черный материкъ европейскія факторіи не проникали за черту низовьевъ лимана, занзибарскіе арабы свободно путешествовали по странѣ къ западу отъ озера Танганьики, въ центрѣ самаго материка, въ 1.500 километрахъ отъ Индійскаго океана. Къ ихъ содѣйствію въ дѣлѣ проникновенія къ чернокожимъ племенамъ должны были прибѣгать какъ Стэнли и Камеронъ, такъ и многіе другіе европейскіе путешественники: безъ арабскихъ торговцевъ Конгскій бассейнъ еще и до сихъ поръ оставался бы невѣдомою страною. Такъ, когда Стэнли рѣшился, слѣдуя вдоль береговъ р. Конго, пройти къ западу, то его сопровождалъ вплоть до водопадовъ арабъ Типпо-Типъ, начальникъ отряда въ семьсотъ человѣкъ; затѣмъ, благодаря содѣйствію этого же торговца рабами, Стэнли могъ предпринять экспедицію и къ верховьямъ Нила. Это арабамъ въ особенности принесли пользу открытія европейцевъ во всей области Верхняго Конго, и караваны ихъ побѣдоносно проникаютъ повсюду, отъ большихъ нильскихъ озеръ до рѣки Ло-Мами. Колоніи этихъ торговцевъ, агентства которыхъ разсѣяны по всей странѣ, не довольствуются покупкой слоновой кости и другихъ цѣнныхъ припасовъ, но преимущественно промышляютъ торговлею рабами; пользуясь всѣми мелкими войнами между племенами и даже возбуждая эти распри, купцы заставляютъ уступать себѣ плѣнныхъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и перепродаютъ часть своей добычи на рынкахъ внутри материка и даже въ приморскихъ областяхъ; юношей, однако, они оставляютъ у себя, вооружаютъ ружьями и превращаютъ такимъ образомъ въ боевую дружину, непреодолимую для мелкихъ племенъ. Отсюда весьма значительное матеріальное преимущество арабовъ въ ихъ торговой борьбѣ съ европейцами, которые, для составленія своихъ каравановъ, должны обращаться къ людямъ свободнымъ, отдающимъ имъ своихъ рабовъ уже въ-наймы, отчего европейцамъ весьма дорого обходятся ихъ транспорты. Про занзибарскихъ арабовъ можно даже сказать, что въ дѣйствительности ими основана въ области Верхняго Конго новая имперія, простирающаяся на нѣсколько сотъ тысячъ квадратныхъ километровъ; впрочемъ, оффиціально эта имперія не могла занять мѣста въ ряду остальныхъ государствъ, такъ какъ въ торговомъ отношеніи она зависѣла отъ Занзибара. Ей недоставало свободнаго выхода къ Индійскому океану, который ей необходимъ, такъ какъ, прервись ея торговля слоновою костью съ Бомбеемъ, прекратилось бы и ея существованіе. Но если проживающіе внутри материка арабы являются въ торговомъ отношеніи вассалами занзибарскаго султана, то и самъ этотъ султанъ, въ свою очередь, находится подъ наблюденіемъ европейскихъ дипломатовъ и пребываетъ на своемъ островѣ какъ-бы въ плѣну: отважиться на увеличеніе своей страны онъ уже не въ силахъ. Ему приходится лишь получать приказанія отъ державъ, которыя опредѣляютъ границы его владѣній, а остальную территорію дѣлятъ между собою: державы эти, при посредствѣ Стэнли, сдѣлали изъ главнаго торговца рабами внутри материка одного изъ главныхъ сановниковъ независимаго государства Конго, и онѣ же указали ему, для вывоза слоновой кости, другой путь, именно чрезъ низовье Конго и Атлантическій океанъ.

Извѣстно, что послѣдствіемъ перехода Стэнли черезъ материкъ, въ 1878 году, было образованіе, подъ предсѣдательствомъ бельгійскаго короля, комитета для изученія Верхняго Конго, и что комитетъ этотъ вскорѣ превратился въ «Международную Конгскую Ассоціа-

[1]) Ed. Pone], рукоп. замѣтки.

цію», задавшуюся обширною миссіею: «разсѣять вдоль береговъ рѣкъ и озеръ цивилизованныя учрежденія, мирнымъ путемъ завладѣть краемъ, придать ему новый обликъ, гармонирующій съ новѣйшими идеями, и основать тамъ такія государства, въ нѣдрахъ которыхъ европейскій торговецъ побратался бы съ чернымъ торговцемъ Африки, и откуда навсегда были бы изгнаны убійство и торговля рабами» [1]). Эта миссія далеко не была выполнена, и ассоціація, не дожидаясь ея достиженія, такъ сказать, короновалась въ 1884 году, преобразовавшись въ монархію, въ пользу основавшаго ассоціацію короля. Эта новая имперія, назван-

Станція Стенли-Пуль.

[1]) Henry M. Stanly, „Cinq années au Congo".

ная «Независимымъ Конгскимъ государствомъ» (Etat indépendant du Congo), ограничена на югѣ: южнымъ берегомъ лимана, затѣмъ геометрическою линіею, проведенною до р. Куанго, въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ шестаго градуса южной широты, и наконецъ совпадаетъ съ параллелью этого градуса вплоть до Лу-Билаха или Верхней Санкуру. Около р. Лу-Билахъ, эта фиктивная граница, проведенная черезъ еще вовсе неизслѣдованныя или же мало извѣстныя области, изгибается къ югу, для того, чтобы подняться по рѣчной долинѣ вплоть до того плоскогорія, на которомъ зарождаются источники этой рѣки; далѣе, граница сливается съ водораздѣльнымъ кряжемъ Конго и Замбэзе; слѣдуетъ по западному берегу озера Бонгуэоло и долиною Луа-Пулы; захватываетъ половину озера Моэро и прямою линіею направляется къ бухтѣ Камеронъ, откуда слѣдуетъ вдоль берега озера Тинганьики вплоть до бухты Ру-Сизи. Отсюда новая фантастическая линія проводится на картѣ такимъ образомъ, что, обойдя справа озеро Мута-Нзигэ, она опредѣляетъ границу Конгскаго государства вплоть до четвертаго градуса сѣверной широты, параллель котораго и признана за его сѣверный рубежъ. На сѣверо-западѣ и на западѣ, теченіе У-Банги, а затѣмъ правый берегъ Конго до городка Маніанга отдѣляютъ новое государство отъ французскихъ владѣній. А около низовьевъ Конго, извилистая линія, проходящая южнѣе истоковъ Ніари и ея притоковъ, направляется къ линіи поморья между Кабиндою и Банана, чѣмъ и заканчивается обширная окружность данной территоріи. Въ общемъ, Конгское государство обнимаетъ поверхность въ 2.252.780 квадратныхъ километровъ, или около половины Конгскаго бассейна; однако, единственными занятыми пунктами на пространствѣ этой громадной области являются лишь нѣсколько постовъ по берегамъ рѣкъ, въ родѣ Ба-Нгала на правомъ берегу Конго; постъ этотъ находится въ странѣ народа того же имени. Внѣ главной рѣки существуетъ только одинъ постъ: Лулуабургъ, на р. Лу-Луа, притокѣ Кассаи.

Остальныя части Конгской покатости также распредѣлены между европейскими державами. Такъ, Германія завладѣла, если не на самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ въ принципѣ, всею тою частью Восточной Африки, которую охраняютъ озера: за сѣверѣ—Ніанца, на югѣ—Ніасса, на западѣ—Танганьика, при чемъ изъ этого обширнаго стратегическаго стана она одновременно командуетъ верховыми бассейнами Нила, Замбезе и Конго. Франція обладаетъ тою частью конгскаго склона, которая находится между Верхнею У-Банги и городомъ Маніанга; наконецъ, Португалія оффиціально завладѣла, къ югу отъ Конгскаго государства, всею тою территоріею, которую орошаютъ притоки Нижняго Конго и Куанго; кромѣ того, она предположительно считаетъ себя «протекторомъ» Лундскаго королевства, будущимъ обладателемъ той южной части бассейна, которая еще не раздѣлена между властителями Европы. Впрочемъ, всѣ конгскія государства, а также и то, которое находится на склонѣ къ Индійскому океану, между Замбезе и пятымъ градусомъ сѣверной широты, объявлены свободными для торговли всѣмъ и каждому. «Всѣ флаги, безъ различія національности, имѣютъ свободный доступъ какъ къ морскимъ берегамъ данныхъ территорій, такъ и къ берегамъ тѣхъ рѣкъ, которыя эти территоріи орошаютъ. Всякое дифференціальное обложеніе судовъ воспрещено, а ввозимые товары освобождены какъ отъ ввозныхъ, такъ и отъ транзитныхъ пошлинъ».

II. Бассейны Луа-Пулы и Луа-Лабы.

Эта область, на протяженіи которой верховые притоки, образующіе Конго, спускаются болѣе, чѣмъ съ половины всего рѣчнаго ската, именно съ 1.500 до 600 метровъ, была, съ конца восемнадцатаго столѣтія, посѣщена лишь однимъ европейцемъ, Ласердою, но никакихъ документовъ не уцѣлѣло отъ этого окончившагося гибельно изслѣдованія. Другія путешествія, совершенныя португальцами, почти не обратили на себя вниманія географовъ, и страна оставалась въ неизвѣстности вплоть до замѣчательныхъ экспедицій Ливингстона. За этимъ піонеромъ африканскихъ земель слѣдовали другіе преданные наукѣ люди, и такимъ образомъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ петли маршрутныхъ сѣтокъ становились все мельче и мельче [1]).

Плоскогоріе, наклоненное къ югу и дающее начало притокамъ Чамбези, рѣки, которая впослѣдствіи становится Конго, населено главнымъ образомъ племенами бембе (ба-емба, му-емба, ло-бемба, вуа-емба). Ихъ деревни, состоящія изъ круглыхъ хижинъ, окруженныхъ палисадами и рвами, разсѣяны по громадной равнинѣ, лежащей на высотѣ приблизительно 1.400 метровъ и покрытой лѣсомъ изъ рѣдко растущихъ древьевъ, который мѣстами прерываютъ болота и саванны. Въ 1884 году, во время прохода чрезъ страну путешественника Жиро, имперія бемба простиралась къ сѣверу—до Танганьики, къ востоку—до Ніасса, а къ западу—до Бангуэоло и Моэро; ей было подчинено все междуозерное пространство къ

[1]) Съ цѣлью изслѣдованія бассейновъ Луа-Пулы и Луа-Лабы совершили путешествія: Ласерда, въ 1798; караванщики или помбейросы, J. A Baptista и A. José, въ 1806; Gamitto и Monteiro, въ 1832; Ливингстонъ, въ 1869—1873; Cameron, въ 1874; Giraud въ 1884; Böhm и Reichard въ 1883—84; Capello и Ives, въ 1885 годахъ.

сѣверу отъ горъ Уа-Биза, и даже король Казамбэ, потомокъ государей, которые въ прошломъ вѣкѣ господствовали надъ племенами столь же большой части Центральной Африки, долженъ былъ согласиться на плату дани королю племени бемба. Также нѣкогда могущественная нація Уа-биза, обладавшая территоріею къ югу отъ Чамбези, была, по выраженію туземцевъ, «съѣдена»: независимыми оставались лишь племена, проживающія на островахъ о. Бангуэоло, нѣкоторыя изъ племенъ, разсѣянныхъ по горамъ, и часть націи, занимающей покатость р. Замбезе. Столица имперіи бембовъ расположена на равнинѣ, къ сѣверу отъ болотъ, чрезъ которыя протекаетъ Чамбези. Въ 1884 году она состояла изъ четырехъ или пятисотъ хижинъ, и хотя, вслѣдствіе своей обширности, не могла быть окружена укрѣпленіями, на-подобіе другихъ деревень, тѣмъ не менѣе три бомы, или частокольныя ограды, защищали семейства и казну знательныхъ лицъ; эти же ограды, въ случая нападенія, могли служить убѣжищемъ также всему остальному населенію.—Деревнямъ, въ этихъ краяхъ, названія даются по именамъ ихъ начальниковъ; такъ, въ 1884 году, главный городъ бембовъ назывался Кетимкуру, нынѣ же его называютъ Марукуту. По умершему королю въ этихъ краяхъ трауръ всеобщій. При этомъ, трупъ государя остается въ королевской хижинѣ, гдѣ нѣсколько старшинъ стерегутъ его до полнаго разложенія; зато остальные жители убѣгаютъ отъ сосѣдства съ мертвецомъ такъ быстро, что не имѣютъ времени даже собрать жатву съ своихъ полей. Часто деревни покидаются окончательно, а новый начальникъ, покоривъ всѣхъ остальныхъ своихъ соперниковъ, закладываетъ свою бому на мѣстѣ, удаленномъ отъ крѣпости своего предшественника [1]). Безпрерывныя войны въ большей части обезлюдили страну; группы хижинъ рѣдки, а въ нѣкоторыхъ округахъ, вслѣдствіе близости разбойниковъ, жить даже опасно; бѣдные земледѣльцы устраиваютъ свои лагерныя стоянки между муравейниками, украдкою обрабатываютъ почву и, собравъ жатву, убѣгаютъ; когда же у нихъ не остается болѣе хлѣба, они питаются отваренными грибами, кореньями, корою деревьевъ и листьями.

Безпокойныя и свирѣпыя, благодаря своему политическому состоянію, бемба, въ физическомъ отношеніи, являются однимъ изъ красивѣйшихъ народовъ племени банту. Большею частью высокіе ростомъ, они одарены длинными и тонкими ногами, хорошо приспособленными для бѣга посреди высокихъ травъ и по наводненной почвѣ. Тѣ изъ нихъ, которые не въ состояніи покупать себѣ у арабскихъ купцовъ ткани, прикрываются кожами и издѣліями изъ лыка; кокетство ихъ заключается въ изборожденіи кожи своего тѣла изящными татуировками и въ убранствѣ головы спицами, коронами и стрѣлами, при чемъ въ волосы вплетается также и глина. Между ними есть искусные ремесленники, кузнецы, волочильщики проволоки и ткачи; хотя воины ихъ употребляютъ еще лукъ и стрѣлы, но исподоволь это оружіе начинаетъ уже замѣняться ружьями. Военное положеніе, въ которомъ живутъ эти населенія, даетъ огромную власть ихъ королямъ, которые изъ-за пустяковъ подвергаютъ калѣченію какъ рабовъ, такъ и свободныхъ людей; окружающія короля толпы музыкантовъ почти цѣликомъ состоятъ изъ евнуховъ, слѣпыхъ и однорукихъ; при входѣ въ каждую деревню на длинныхъ шестахъ развѣшены черепа. Церемоніалъ поклоненія развѣ въ немногихъ изъ африканскихъ областей свидѣтельствуетъ о большемъ уничиженіи: приближающіеся къ королю опрокидываются сначала на спину, хлопая въ ладоши, затѣмъ ложатся на животъ и ползаютъ передъ своимъ властелиномъ, прежде чѣмъ осмѣлиться обратиться къ нему съ словомъ. Знакомъ королевской власти служатъ красныя бусы, покрывающія грудь, животъ и ноги государя. Доставляютъ эти украшенія купцы изъ Ніамези, которые въ обмѣнъ покупаютъ мѣстную слоновую кость, состоящую хотя и изъ небольшихъ бивней, но зато отличающихся «несравненною мелкозернистостью». Эти приходящіе съ востока купцы ввели между жителями страны много различныхъ арабскихъ обычаевъ.

Племена уа-биза и плала, удержавшіяся, несмотря на нападенія бембовъ, на своихъ, окруженныхъ болотами, островахъ и полуостровахъ озера Бангуэоло, а также и въ суровыхъ горныхъ долинахъ, составляютъ небольшія республики; смирные и добродушные люди, они всегда на-сторожѣ, опасаясь появленія непріятеля. Между этими крохотными государствами есть одно, именно государство Синга, территорія котораго—не что иное, какъ лугъ, едва выдающійся изъ тростника. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ этой прэріи, подъ большимъ деревомъ, раскинулась рыбачья деревенька, двадцать пять человѣкъ жителей которой и около тридцати собакъ и составляютъ все населеніе Синги; но зато нигдѣ не увидишь такой массы дикихъ животныхъ, какъ въ сосѣдствѣ этой деревни. «Въ 800 метрахъ къ югу, говоритъ Жиро, горизонтъ застилался стадомъ антилопъ въ нѣсколько тысячъ головъ». По ночамъ эти животныя приближаются къ хижинамъ, собаки окружаютъ нѣсколькихъ изъ нихъ, и туземцамъ остается лишь прикончить ихъ ударами копій. Къ югу отъ болотъ, составляющихъ продолженіе бассейна Банъ-Бангуэоло, нахо-

[1]) Victor Giraud, «Tour du Monde». 1886.

дится, въ землѣ племени илала, село Читамбо, въ которомъ 1-го мая 1873 года скончался Ливингстонъ. Извѣстно, съ какимъ трогательнымъ уваженіемъ негры его каравана отнесли тѣло своего друга за 2.200 километровъ, въ Занзибаръ, при чемъ приложили все стараніе, чтобы пройти съ покойникомъ чрезъ ту самую рѣку Луа-Пула, до которой, будучи живымъ, Ливингстонъ такъ стремился достичь: великій путешественникъ продолжалъ, такимъ образомъ, благодаря преданности своихъ сотоварищей, дѣлать открытія и послѣ своей смерти. Сограждане же его устроили ему торжественныя похороны въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, не предоставивъ ему, слѣдовательно, «того мѣста упокоенія въ тишинѣ большаго лѣса, гдѣ бы никто никогда не потревожилъ его костей», что̀, именно, Ливингстонъ и предпочиталъ всякому иному погребенію.

Ко времени возвращенія каравана Ливингстона, западные берега озера Бангуэоло (Бангвеоло) были заняты племенемъ уа-бизa; но уже и въ то время край подвергался грабительскимъ набѣгамъ вуа-усси, племени, пришедшаго съ юга; нынѣ же вуа-усси сдѣлались уже обладателями страны, и прежніе жители или изгнаны, или платятъ имъ дань. И подобно тому, какъ бемба на восточныхъ равнинахъ, усси основали военную имперію въ гористыхъ областяхъ запада, при чемъ, однако, не могли побѣдить вуа-киссинго, націи, извѣстной своей доблестью, живущей на сѣверныхъ берегахъ озера и энергически защищающей свою родную землю какъ отъ усси, такъ и отъ бемба. Въ одной части территоріи, оспариваемой другъ у друга этими племенами, въ предѣлахъ восточныхъ притоковъ Луа-Пулы, находятся мѣдные рудники, разрабатываемые съ незапамятныхъ временъ туземцами. Однако, въ 1885 году, во время своего путешествія внутрь Африки, Capello и Ivens тщетно пытались перейти черезъ Луа-Пулу и проникнуть въ эту область рудниковъ: вуа-усси преграждали имъ путь. На западъ же отъ рѣки португальскіе путешественники проходили лишь чрезъ обширныя пространства опустошенной страны, при чемъ въ теченіе тридцати дней они должны были добывать себѣ пищу охотою въ безконечныхъ лѣсахъ Капонды, по счастью, изобиловавшихъ крупною дичью: слонами, носорогами, лосями и антилопами. Весьма многочисленны тамъ также львы [1]).

Земля Лунда—простирающаяся къ югу отъ озера Моэро, и которую не надо смѣшивать съ другой территоріей Лунда, составляющей имперію муата Ямво, въ бассейнѣ Кассаи,—также была въ половинѣ XIX столѣтія центромъ обширнаго королевства, которое простиралось очень далеко въ направленіи къ западу. Въ Лундѣ имѣлъ пребываніе муата Казембэ, т. е. «императорскій властитель», наслѣдникъ древнихъ королей Морупуэ, считавшихся, съ шестнадцатаго столѣтія, самыми могущественными властелинами южной Африки. Но въ 1731 году, когда Монтейро и Гаммитто представлялись ко двору этого муата, онъ потерялъ уже всякую власть надъ своими восточными сосѣдями, бембами. Въ 1867 году, во время посѣщенія Ливингстона, отъ его королевства оказались отложившимися многія другія области, и если бы даже самъ Казембэ пожелалъ предпринять, по обычаю своихъ предшественниковъ, ежегодное пилигримство къ священной рѣкѣ Луа-Лабѣ, въ 400 километрахъ къ западу отъ своей столицы [1]), то мятежныя племена навѣрно преградили бы ему путь. Нынѣ онъ не болѣе, какъ вассалъ своихъ прежнихъ подданныхъ, бемба. Однако, если Казембэ и сохранилъ былаго всемогущества, то онъ удержалъ весь сложный церемоніалъ своего прежняго двора, съ министрами, придворными и тѣлохранителями. Красная митра, окруженная плюмажемъ, украшаетъ его голову, а разноцвѣтныя стеклянныя бусы блестятъ на его груди. Передъ его палаткою стоитъ вся окрашенная въ красный цвѣтъ пушка, великій фетишъ, которому проходящіе уплачиваютъ дань [2]). Отрубленныя головы на кольяхъ королевской ограды и многочисленные изуродованные люди въ свитѣ самого государя предваряютъ его подданныхъ о необходимости приближаться лишь со страхомъ и трепетомъ. Ни король, ни лица его свиты не ѣдятъ публично: считаясь стоящими выше обыденныхъ потребностей человѣка, они могутъ насыщаться лишь втайнѣ отъ другихъ. Нѣкогда столица мѣнялась съ каждымъ новымъ царствованіемъ. Резиденція того Казембэ, котораго въ 1798 году посѣтилъ Ласерда, находилась, по словамъ Ливингстона, къ сѣверу отъ Мофуэ, южнаго продолженія озера Моэро; нынѣшній же городъ, обычно называемый, какъ равно и государь, Казембэ, находится на югъ отъ озера Моэро, на оконечности одного острова, на которомъ проживаетъ племя мессира, не смѣшивающееся съ другими потомками древняго народа, покореннаго предками Казембэ: по словамъ Гамитто, они разъ въ году представляются ко двору муата. Въ сосѣдствѣ съ Казембэ, въ Ншинда, или Люсенда португальскихъ путешественниковъ, скончался, въ 1798 году, путешественникъ Ласерда, одинъ изъ первыхъ миссіонеровъ науки, проникавшихъ вглубь Африки.

Нынѣ самое могущественное въ области Верхняго Конго государство есть королевство Мсири

[1]) H. Capello & R. Ivens, „De Angola a Contra-Costa", T II

[1]) Monteiro & Gamitto, „O Muata Cazemba".

[2]) Livingstone, „Dernier journal". „Tour du Monde", T. XXX.

(Мусири), главы ніамезійской расы, семейство котораго недавно пріобрѣло верховную власть надъ всѣми племенами верхняго теченія Луа-Лабы. Государство Мсири, или Гарангая, обнимающее всю часть бывшей имперіи Казембэ, расположенную между Луа-Пула и Луа-Лаба, простирается къ сѣверу—вплоть до озера Кассали или Киконджа, находящагося подъ восьмымъ градусомъ южной широты, а къ югу—до мѣстообитаній племенъ и-рамба или уа-рамба, жителей горъ Мюксинга, отдѣляющихъ Конгскій бассейнъ отъ бассейна Замбезе; эта область водораздѣла—въ среднемъ, имѣющая 1.260 метровъ высоты и доминируемая лѣсистыми горами, направляющимися съ сѣверо-востока на юго-западъ,—представляетъ живописную и здоровую страну, которой, можетъ-быть, предназначено превратиться въ санаторію для европейскихъ путешественниковъ [1]). Нѣмецъ Рейхардъ и португальцы Capello и Ivens посѣтили резиденцію Мсири, Бункейа (Ункеа или Кимпата), большой рынокъ слоновой кости, расположенный на небольшомъ западномъ притокѣ Луа-Пулы; однако, эти путешественники были приняты съ недовѣріемъ. Рейхардъ, вопреки своему желанію, не могъ подняться до истоковъ Луа-Лабы и долженъ былъ возвратиться, сражаясь и беря приступами деревни для того, чтобы достать съѣстныхъ припасовъ и проводниковъ. Другіе изслѣдователи были настолько счастливы, что избѣжали борьбы, но по своимъ же слѣдамъ должны были возвратиться на югъ. Мсири, проживающій во дворцѣ, окруженномъ черепами, располагаетъ двумя слишкомъ тысячами стрѣлковъ, которыхъ онъ употребляетъ для войны съ своими врагами, въ особенности же съ руа (у-руа, у-руа), могущественною націею, занимающею на сѣверѣ всю ту область, которая простирается между восточными берегами озера Ланджи и западными берегами озера Танганьики. Многія изъ женъ Мсири—смѣшанной расы и носятъ португальскія имена, вслѣдствіе чего считаютъ себя высшими существами; самъ король тоже называетъ себя Maria Segunda. Онъ весьма жестокій человѣкъ, хотя, впрочемъ, менѣе, чѣмъ его братъ, правитель Капонды, дворецъ котораго замѣтенъ былъ издали по горкамъ изъ человѣческихъ головъ. Многочисленные черные торговцы изъ Анголы,—называемые, однако, туземцами «бѣлыми», — путешествуютъ по странѣ.

Населеніе королевства Гаранхая, состоящее изъ разнородныхъ элементовъ, безразлично именуется ба-іокэ или ба-іонго. У этого народа, въ противоположность тому, что мы видимъ у большинства африканскихъ племенъ, женщины—не рабыни, а госпожи; онѣ управляютъ домашнимъ хозяйствомъ, земледѣліемъ, даже экспедиціями, и часто принимаютъ непосредственное участіе въ сраженіяхъ. Многочисленное потомство у тамошнихъ женщинъ — чрезвычайная рѣдкость: большею частью онѣ имѣютъ лишь по два ребенка, потому ли, что обычай запрещаетъ имѣть имъ болѣе, или, можетъ-быть, и по неплодовитости ихъ отъ природы. Мужчины, будучи, вслѣдствіе изобилія въ странѣ дичи, страстными охотниками, одѣты всегда въ шкуры, такъ какъ одѣянія изъ тканей быстро рвались бы въ лѣсной поросли. Они пользуются огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое покупаютъ у караванщиковъ изъ Анголы, а также и копьями, острія которыхъ обдѣлываются мѣдною проволокою. Этотъ металлъ, весьма распространенный въ краѣ, обыкновенно добывается изъ малахита, встрѣчающагося или въ видѣ отдѣльныхъ глыбъ, или въ видѣ рудныхъ жилъ. Главныя копи, именно въ Катанга, находятся въ трехъ дняхъ пути къ востоку отъ Бункейя; также чрезвычайно богаты этимъ минераломъ и другія мѣстности, расположенныя на востокъ и на западъ, въ горахъ, но Мсири запретилъ ихъ разрабатывать. Копи въ Калиби, посѣщенныя Capello и Ivens'омъ, были покинуты вслѣдствіе обвала. Золота, однако, вопреки разсказамъ арабовъ Стэнли, въ области копей не встрѣчается; зато, сѣрнистые источники бьютъ тамъ въ изобиліи.

Ливингстонъ много говоритъ о странѣ племени руа; однако, сообщаемыя имъ о ней свѣдѣнія баснословны, а географическій рельефъ ея оказывается совершенно инымъ, чѣмъ онъ предполагалъ. Путешественники, шедшіе по слѣдамъ этого піонера Верхняго Конго, удостовѣряютъ, что отдѣльнаго озера Камолондо, черезъ которое, будто бы проходитъ Луа-Пула, не существуетъ, но что рядъ озеръ, образуемыхъ Луа-Лабой, составляетъ въ совокупности Камолондо, которое ограничиваетъ на востокѣ страну племени руа. Cameron пересѣкъ съ сѣвера на югъ эту территорію, которая оказалась управляемою, на-подобіе государства Мсири, королемъ по имени Касонго. Имперія его, носящая то же имя, занимаетъ въ направленіи съ юга на сѣверъ все пространство, находящееся между королевствомъ Мсири и тою областью къ сѣверу отъ озера Ланджи, въ которой главенствуютъ арабы; границею владѣнія Касонго на западѣ служитъ рѣка Ло-Мами, а на востокѣ—берега о. Танганьики. Негры у-самбе (у-самби), живущіе къ западу отъ Ло-Мами,—не подданные государя племени руа, но платятъ ему лишь дань, какъ равно и своему сосѣду на западѣ, муато Ямво: этимъ путемъ они покупаютъ себѣ миръ, хотя все-таки не избавляются отъ вторженій негроторговцевъ изъ

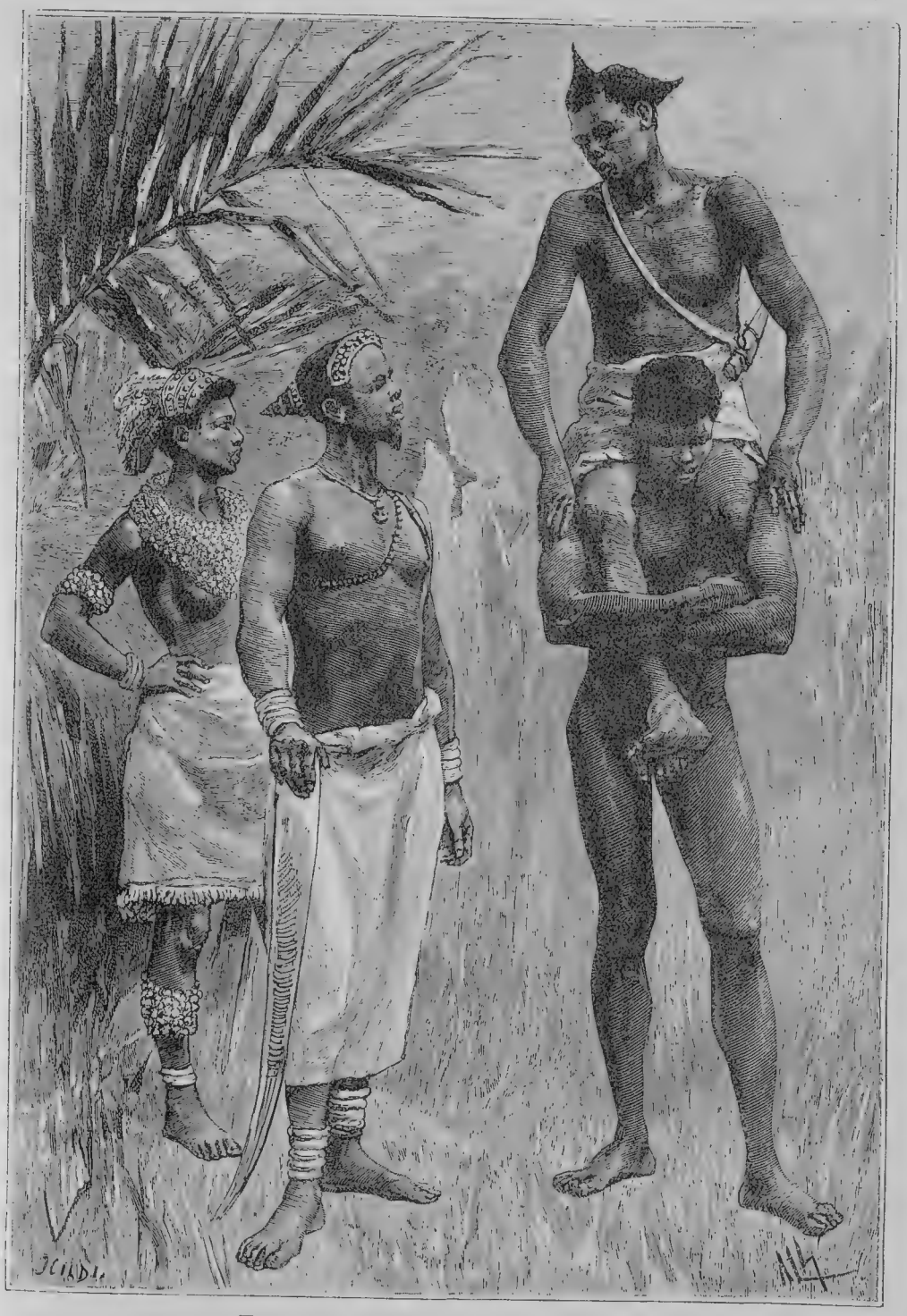
[1]) H. Capello & K. Ivens, ут соч.

арабовъ или португальскихъ негровъ, которые воруютъ у нихъ женщинъ и сжигаютъ деревни Королевство племени руа раздѣлено на округи, управляемые каждый отдѣльнымъ *киколо*, или начальникомъ, наслѣдственнымъ или назначаемымъ только на срокъ четырехъ лѣтъ: при этомъ, если король доволенъ ихъ службою, то они назначаются и на слѣдующіе сроки; если же не доволенъ, то они изувѣчиваются, такъ какъ въ этомъ государствѣ королевскіе нравы не менѣе жестоки, чѣмъ и въ сосѣднихъ краяхъ. Въ странѣ племени у-руа прибѣгаютъ только къ двумъ казнямъ: изуродованію и умерщвленію, почему предъ жилищами короля находятся кладовыя, наполненныя отрубленными головами. Государь почитается богомъ, и самый высшій предметъ почитанія, всемогущій фетишъ, представляетъ основателя династіи. Этотъ фетишъ находится въ лѣсу, доступъ въ который запрещенъ всѣмъ, даже чародѣямъ; женою фетиша считается сестра государя, и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ только она одна, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, имѣетъ право спрашивать совѣта у фетиша. Въ силу своей божественности, государь руа считается мужемъ каждой женщины въ своемъ королевствѣ, за исключеніемъ лишь своей матери. Когда у него родится сынъ, то онъ обертываетъ его въ обезьянью шкуру и жалуетъ правомъ пользоваться съѣстными припасами и тканями изъ хижинъ земледѣльцевъ: въ силу королевской крови, принцу разрѣшается грабить, сколько ему вздумается. Король считаетъ себя стоящимъ выше потребностей человѣческой жизни и могъ бы, говоритъ онъ, обходиться безъ ѣды и питья; если же ему вздумается поѣсть, то онъ дѣлаетъ это тайкомъ отъ другихъ. Большинство подданныхъ подражаютъ ему въ этомъ и не допускаютъ смотрѣть на нихъ во время ѣды: несомнѣнно, что они опасаются роковаго вліянія чьего-либо дурнаго глаза, въ особенности же глаза женщины, которая всегда полуподозрѣвается въ колдовствѣ. Однако, въ отсутствіе государя, вмѣсто него, всегда управляетъ его первая жена. Въ случаѣ ея смерти, супругъ ея долженъ въ теченіе нѣсколькихъ дней оставаться на ложѣ, рядомъ съ трупомъ. Когда же умираетъ самъ король, то жены его уже не ограничиваются обниманіемъ его трупа—необходимо, чтобы извѣстное число ихъ сопровождало его и въ могилу. При этомъ, яма вырывается на днѣ отведеннаго на время ручья; затѣмъ зарываютъ, прежде всего, вторую жену покойника, которая должна бодрствовать у его ногъ; послѣ этого устилаютъ дно могилы живыми женами, и на нихъ помѣщаютъ трупъ. Далѣе, закопавъ могилу, убиваютъ на ней множество рабовъ, и, наконецъ, снова пускаютъ по прежнему руслу воду ручья, которая и должна навсегда сокрыть послѣднее пристанище великаго властелина. Человѣческія жертвы приносятся также и при погребеніи второстепенныхъ начальниковъ; что же касается простаго класса людей, то ихъ трупы бросаютъ въ кусты, а иногда, по словамъ Cameron'a, сажаютъ въ ямы, при чемъ указательный палецъ правой руки приподнимаютъ къ небу.

Край племени руа—одинъ изъ самыхъ богатыхъ во Внутренней Африкѣ. Почва необычайно плодородна; въ горахъ находятъ мѣсторожденія желѣза, киновари, серебра и даже каменнаго угля; въ нѣкоторыхъ долинахъ, нѣкогда бывшихъ озерами, просачивается соленая вода, изъ которой руа и добываютъ то драгоцѣнное вещество, которое составляетъ главный предметъ торговли во всей центральной Африкѣ. Кромѣ того, большая часть туземцевъ отличаются смышленостью и ловкостью въ работѣ: такъ, Cameron описываетъ хижину, построенную однимъ м'руа, которую даже въ Европѣ признали бы художественнымъ произведеніемъ. Геометрически-правильный конусъ ея крыши ниспадаетъ на всей окружности жилища, такимъ образомъ выгадывается мѣсто для устройства круговой веранды, которую поддерживаютъ правильной формы колонки; надъ двухстворчатой раскрашенной и выточенной дверью выведенъ готическій портикъ, кривизны котораго согласованы съ кривыми линіями крыши. Артистическія способности руа обнаруживаются также и въ ихъ причудливыхъ прическахъ, въ каждой изъ которыхъ проглядываетъ какая-нибудь оригинальность, отличающая одного человѣка отъ другаго. Костюмъ руа состоитъ лишь изъ кожанаго передника; но, затѣмъ, у каждаго клана есть какое-нибудь отличительное животное, изъ шкурокъ котораго дѣлаются торжественныя одежды, въ которыхъ члены этого клана являются передъ своимъ государемъ. Какъ и въ сосѣднихъ краяхъ, у-руа умѣютъ также дѣлать одежды изъ луба дерева *міомбо*.

Столица земли У-Руа, Килемба, называемая также Куихама или Муссамба, подобно всѣмъ королевскимъ «резиденціямъ», расположена въ равнинѣ, на притокѣ озера Кассали, одного изъ тѣхъ четкообразныхъ озеръ, чрезъ которыя протекаетъ Луа-Лаба. Килемба представляетъ изъ себя большую деревню, защищенную крѣпкимъ частоколомъ. Въ этой странѣ, подверженной постояннымъ набѣгамъ со стороны второстепенныхъ начальниковъ племенъ, самого короля и негроторговцевъ, большая часть деревень сокрыта въ чащѣ лѣса, при чемъ проникнуть въ нихъ возможно, лишь проползши на колѣняхъ по длинной (изъ скрещенныхъ вѣтвей) галлереѣ, приводящей къ двери, снабженной рогатками. Охотно из-

бираемыми мѣстами убѣжища служатъ также озера. На водахъ небольшаго озера Моріа, лежащаго километрахъ въ сорока къ сѣверо-



Группа изъ племени ка-лунда.

западу отъ Килемба, находятся многочисленные озерные поселки, жители которыхъ сходятъ на сушу только для обработки своихъ полей и для привода козъ на пастбища; лодки привязываются подъ хижинами между сваями. На большомъ озерѣ Кассали пользуются плавучими островами (плавами), которые скрѣпляютъ при посредствѣ настилки изъ бревенъ и хвороста: на эту настилку насыпаютъ слой земли, разсаживаютъ бананы, и люди живутъ тамъ, вмѣстѣ съ своими кура-

ми и козами. Между плавучимъ лугомъ и берегомъ, въ видахъ предотвращенія набѣговъ, прорѣзываютъ каналы, а порою, для увеличенія ширины пролива, плавучій островъ притягиваютъ къ сваямъ, вколоченнымъ посреди озера, и уже на глубокой водѣ укрѣпляютъ островъ на якорѣ. Поля на берегу обрабатываются женщинами, мужчины же становятся на часы на опушкѣ лѣса, для подачи сигнала къ бѣгству въ случаѣ нападенія. Наконецъ, въ горахъ Митумбо и Кунде-Ирунде, господствующихъ съ запада и востока надъ долиной Лу-Фира, тысячи руа обитаютъ въ обширныхъ пещерахъ, имѣющихъ въ длину до 36 километровъ: пещеры эти, съ ихъ тысячами проходовъ, образуютъ обширные подземные города, гдѣ проживаетъ цѣлый народъ, вмѣстѣ со своими домашними животными; чрезъ одну изъ пещеръ пробѣгаетъ даже ручей. На случай осады, для возобновленія съѣстныхъ припасовъ или для обхода непріятеля въ тылъ, у проживающихъ въ такихъ пещерахъ троглодитовъ имѣются многочисленные выходы [1]).

III. Область озеръ Танганьика и Мута н'зиге.

Къ востоку отъ озера Танганьика, изливающагося въ Конго чрезъ р. Лу-Куга, самое обширное и чаще всего упоминаемое въ современной исторіи Африки государство есть У-Ніамези [У-Ніамуэзи]; о немъ, подъ именемъ Мунемуги, т. е. «Страны Луны», упоминаютъ, съ конца шестнадцатаго столѣтія, португальцы и Пигафетта [2]). Оно занимаетъ наибольшую часть областей, орошаемыхъ р. Малагарази и ея притоками, и, простираясь на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ по гребню плоскогорій, захватываетъ также покатость о. Ніанца. Это одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Африки. По невысокимъ и красиво очерченнымъ холмамъ разсѣяны деревья и луга; деревни, довольно многочисленныя, окружены садами, рисовыми плантаціями и хорошо обработанными полями; козы, овцы и горбатые, въ родѣ индійскихъ, быки стадами пасутся на склонахъ; лишь на западѣ простираются болота и сырыя земли, въ перемежку съ озерами и трясинами, около которыхъ выстроено большинство деревень и присутствіе которыхъ и дѣлаетъ край нездоровымъ, въ особенности, когда дуютъ восточные вѣтры, насыщенные міазмами, вслѣдствіе испареній послѣ сезона дождей. Самый важный и наиболѣе извѣстный округъ государства У-Ніамези есть У-Ніамбіэмбэ, чрезъ который протекаетъ рѣка Гомбэ, главный притокъ Малагарази; чрезъ него же проходитъ и большая часть каравановъ, двигающихся между берегами моря и озеромъ Танганьика. Speke, Burton, Grant, Stanley, Cameron и, со времени этихъ піонеровъ-изслѣдователей Африки, также и другіе многочисленные путешественники прослѣдовали чрезъ У-Ніамбіэмбэ, проживая тамъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ; также основались тамъ и духовные миссіонеры, и нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ тамъ появятся также и политическіе администраторы, представители Германіи, какъ сюзеренной державы.

Вуа-Ніамези—имя собирательное, подъ которымъ подразумѣваются племена различныхъ наименованій, населяющія страну, и, повидимому, одного происхожденія съ жителями Гарангая въ королевствѣ Мсири [1])—издавна состоятъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ арабами, которымъ и обязаны значительнымъ превосходствомъ своей цивилизаціи въ сравненіи съ сосѣдними неграми. Тѣмъ не менѣе большинство изъ нихъ сохранило прежнюю татуировку, черты которой—черныя у мужчинъ, голубыя у женщинъ—различаются, смотря по племенамъ: обычно татуируются лобъ и щеки. Женщины вырываютъ по два рѣзца изъ нижней челюсти, между тѣмъ какъ мужчины лишь стачиваютъ внутренніе углы срединныхъ рѣзцовъ, вслѣдствіе чего посреди чистой бѣлизны ихъ зубовъ виднѣется небольшой черный треугольникъ. Вуа-Ніамези обезображиваютъ также мочку ушей, вдѣвая въ нее тяжелыя вещи, деревянныя кружки, куски слоновой кости или раковины. Большинство бреютъ часть головы, а остатокъ волосъ на ней закручиваютъ въ видѣ многочисленныхъ остроконечій, которыя къ тому же еще удлинняются при посредствѣ лучинокъ. Нѣкогда туземное одѣяніе также дѣлалось изъ коры, но нынѣ эта грубая ткань почти повсюду замѣнилась тканями, доставляемыми съ морскаго берега; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ богатые люди носятъ арабскій костюмъ, а также и тюрбанъ. Мѣдныя проволоки для наручней и набедренниковъ въ большомъ употребленіи у вуа-ніамези, равно какъ и стеклянныя бусы; начальники ко всему этому присоединяютъ еще широкіе браслеты изъ слоновой кости, которые надѣваются на предплечія, и въ которые они ударяютъ во время битвъ для возбужденія храбрости въ своихъ воинахъ.

Хотя браки представляютъ простую куплю-продажу и хотя женщины считаются: дѣвушки—собственностью отца, а замужнія—собственностью мужа, но, тѣмъ не менѣе, онѣ пользуются большою матеріальною свободою. До-

[1]) „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutchland", T. IV.

[2]) Krapf;—Rebmann;—Burton;—Speke;—Livingstone;—Grant и т. д.

[1]) Broun;—Cust, „The Modern Languages of Africa".

стигнувъ возмужалости, дѣвушки соединяются въ группы для постройки общей хижины, въ которой и проводятъ свои дни и ночи, принимая всякаго, кто полюбится; однако, если дѣвушка забеременѣетъ, то любовникъ долженъ купить ее у отца. Послѣ брака, мужъ поселяется у своей жены, но также часто случается, что оба лица, сочетавшіяся бракомъ, проживаютъ и отдѣльно другъ отъ друга; вмѣстѣ они никогда не ѣдятъ, и даже ребенокъ, достигнувъ такихъ лѣтъ, что можетъ жить между взрослыми, стыдится быть застигнутымъ за трапезою съ своею матерью. Въ большой части деревень рядъ хижинъ оканчивается на каждомъ концѣ общимъ домомъ, *аугаиса*, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ исключительно женщинамъ, а другой—мужчинамъ; въ мужскомъ общемъ домѣ принимаютъ также и иностранцевъ. Въ веденіи домашнихъ дѣлъ наблюдается полное раздѣленіе труда: мужчина занимается стадами и птичьимъ дворомъ, а женщина воздѣлываетъ сады и поля; однако, свою долю табака каждый изъ нихъ выращиваетъ самъ. Родить женщина должна одна, въ кустахъ; въ случаѣ двоень одинъ изъ близнецовъ, въ нѣкоторыхъ округахъ, убивается, но вмѣсто него мать пеленаетъ тыквенную бутылку и кладетъ ее въ колыбель рядомъ съ ребенкомъ, оставшимся въ живыхъ. Отцу наслѣдуетъ не племянникъ, какъ это практикуется у тѣхъ многочисленныхъ племенъ, у которыхъ частію сохранялись нравы матріархата; здѣсь наслѣдство передается дѣтямъ по прямой линіи, но незаконныя дѣти имѣютъ всегда преимущество, такъ какъ семейная солидарность считается залогомъ успѣха, съ избыткомъ вознаграждающимъ всѣ остальныя преимущества богатства [1]).

Страна земледѣльческая и торговая, У-Ніамези часто бывала предметомъ соперничества для завоевателей. Въ 1871 году, во время перваго путешествія Стэнли, «арабы» были еще весьма могущественны, и у нихъ сохранились еще воспоминанія отъ того времени, когда они могли проходить все пространство между моремъ и большимъ озеромъ «безо всякаго другаго оружія, кромѣ посоха путешественника»; но такъ какъ они стали злоупотреблять своей силой, въ цѣляхъ порабощенія сосѣдей, то и возбудили противъ себя повсюду возстанія. Будучи же разобщены своими торговыми интересами и опираясь только на рабовъ и наемниковъ, они были побѣждены, при чемъ усиліями главаря Мирамбо, или «Дѣлателя Труповъ» [2]), «Чернаго Бонапарта»—военный геній котораго восхваляютъ всѣ путешественники—въ У-Ніамези создалась негрская имперія. Теперь, однако, она уже раздѣлена и половина у-ніамезійскихъ деревень принадлежитъ покровительствуемому арабами державцу. За полученіемъ прохода чрезъ страну путешественники и купцы обращались къ Мирамбо, а одинъ швейцарскій негоціантъ, съ цѣлью получить возможность оспаривать у арабовъ управленіе караванами, даже добился чести стать зятемъ Мирамбо: такимъ образомъ, руга-руга, т. е. «разбойники», столько разъ нападавшіе на торговые караваны, стали охранителями ихъ, въ свою очередь. Тѣмъ не менѣе, превосходство иностранцевъ въ умѣніи вести торговое дѣло сохраняетъ за ними роль главныхъ посредниковъ въ торговлѣ между моремъ и областью великихъ озеръ. Нѣкоторые изъ этихъ «арабовъ» и по расѣ, и по языку, и по религіи,—настоящіе семиты съ азіатскаго полуострова; но большинство—уроженцы Омона, выходцы смѣшанной крови изъ Маската или Занзибара, а охраняющіе ихъ наемники—солдаты «белучи», привозимые изъ Азіи: въ 1872 году, во время путешествія Cameron'а, такихъ белучей было болѣе тысячи, а во всѣхъ вообще гарнизонахъ, оплачиваемыхъ арабами, находилось около трехъ тысячъ человѣкъ всякаго рода и племени. Понятно, что при наличности подобныхъ элементовъ населеніе оказывается весьма смѣшаннымъ: большая часть туземцевъ, живущихъ вдоль торговыхъ дорогъ, говоритъ на трехъ языкахъ: банту, арабскомъ и ки-суахили (изъ Занзибара). Переселенцы же съ востока, вуакимбу, населяетъ особыя деревни, предоставленныя имъ обладателями края. Нѣкоторыя изъ колѣнъ вуа-ніамезійцевъ занимаются лишь своими полями или скотомъ, между тѣмъ какъ другія преимущественно предаются торговлѣ. Цѣлыя деревни оказываются населенными одними носильщиками, съ дѣтства привыкшими идти повсюду за купцомъ, туземцемъ, арабомъ или европейцемъ, и поговорка «кто видѣлъ свѣтъ, у того голова не пустая» повторяется ими чаще всего. Такихъ носильщиковъ встрѣчаютъ не только въ той области Африки, которая находится между моремъ и озерами, но также и на большихъ разстояніяхъ въ направленіи къ западу, въ собственно такъ называемомъ Конгскомъ бассейнѣ. Въ этихъ, столь удаленныхъ отъ ихъ отечества мѣстностяхъ, они поосновали постоянныя колоніи; тѣмъ не менѣе, безъ надежды на возвратъ они рѣдко уходятъ изъ своей страны, съ которою, какъ равно и съ своими присными, они поддерживаютъ непрерывныя сношенія. Встрѣчаясь на пути съ караваномъ, возвращающимся въ ихъ возлюбленную землю, они останавливаются для чествованія вмѣстѣ національныхъ праздниковъ и часто позволяютъ даже увлечь себя къ возврату на родину, при чемъ оставляютъ заработанныя тяжкимъ трудомъ деньги на-

[1]) Richard Burton, „The Leke Regions of Central Africa".

[2]) Jérôme Becker, „La vie en Afrique".

чальнику *кафилаха*; но, убѣгая, они честно оставляютъ ту ношу, которая была имъ довѣрена. Когда же одинъ изъ караванщиковъ умираетъ въ пути, то, при погребеніи, его товарищи обращаютъ его лицомъ къ родной деревнѣ [1]).

Мѣстечко, или вѣрнѣе группа деревень, чаще всего упоминаемая въ разсказахъ путешественниковъ и миссіонеровъ, есть Табора, названная первыми англійскими изслѣдователями Казегомъ, т. е. резиденціею: здѣсь сходятся всѣ караванныя дороги между морскимъ берегомъ и великими озерами; арабы называютъ этотъ пунктъ «Земземъ», въ воспоминаніе объ источникѣ въ Меккѣ. Табора расположена на высотѣ 1.242 метровъ, т.-е. всего лишь нѣсколькими метрами ниже гребня водораздѣльнаго хребта, въ обширной равнинѣ, лишь кое-гдѣ представляющей группы лѣсныхъ деревьевъ, но покрытой воздѣланными полями, бататами, ньямомъ, рисомъ, кукурузою и другими хлѣбами; этимъ - то полямъ округъ Таборы и обязанъ своимъ наименованіемъ: У-Ніамбіэмбэ, или «страна мотыкъ» [2]). Главное село заключаетъ въ себѣ нѣсколько оградъ изъ частокола, и внѣ этихъ бомъ—многочисленныя скопленія хижинъ. Стэнли исчисляетъ все населеніе Таборы въ пять тысячъ человѣкъ,—ніамезійцевъ, арабовъ, занзибарцевъ и белуджей. Нѣкоторые изъ домовъ, обитаемыхъ богатыми купцами, представляютъ пышныя жилища, съ украшенными скульптурою дверями, съ обширной барза, т. е. предназначенными для пріема гостей сѣнями, выходящими на веранду, гдѣ стоятъ вооруженные тѣлохранители; сады, апельсинныя или банановыя рощи, группы гранатовыхъ деревьевъ, виноградники, даже пальмовыя рощи, окружаютъ эти тембэ арабовъ.

Въ окружающей равнинѣ, къ югу и къ юго-западу отъ Таборы, разсѣяны и другія деревни: изъ нихъ Куп-куру, или «деревня короля», окруженная пятью концентрическими оградами, есть резиденція мтеми, господствующаго въ У-Ніамези и пользующагося покровительствомъ арабскаго уали въ Таборѣ. Деревни въ У-Ніамези, состоящія изъ хижинъ, выстроенныхъ очень тщательно и содержимыхъ съ замѣчательною опрятностію, окружены либо по-старинному, т. е. изгородью изъ древовидныхъ молочайныхъ растеній, содержащихъ ядовитый сокъ, либо, по новой модѣ, обведены толстою стѣною. Въ послѣднее время въ Таборѣ и въ мѣстечкахъ: У-Юуи, на сѣверо-востокѣ, и У-Рамбо, на сѣверо-западѣ, появились также европейскія постройки: это дома, школы, капеллы, построенные католическими и протестантскими миссіонерами; по Вильсону, за крѣпкою оградою

[1]) Richard Burton, упом. соч.

[2]) „A l'assault des Pays Nègres. Journal des Missionaires d'Alger".

У-Юуи ютится отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ [1]); У-Рамбо былъ—на что указываетъ и самое его названіе—резиденціею Мирамбо (Ми-Рамбо); Серамбо, на сѣверо-западѣ, на одномъ изъ притоковъ Малагарази, представляетъ, по Стэнли, тоже «большой городъ», приблизительно съ пятью тысячами жителей. Что же касается религіи жителей данныхъ мѣстъ, то—подобно тому, какъ въ большей части другихъ областей Африки, въ которыхъ магометанство и христіанство оспариваютъ другъ у друга обращеніе туземцевъ въ свои исповѣданія—магометанство оказываетъ больше вліянія какъ на нравы, такъ и на идеи, хотя число собственно приписавшихся къ нему новообращенныхъ не велико, и хотя арабскіе купцы не прилагаютъ никакихъ заботъ къ обращенію туземцевъ въ свою вѣру. Религіозные обряды вуа-ніамезійцевъ не многочисленны и большею частью относятся къ покойникамъ; каждый кладетъ свой камень въ томъ мѣстѣ, гдѣ окончилъ дни его другъ, а также насыпаетъ немного песку и тамъ, гдѣ кто-нибудь изъ носильщиковъ изнемогъ подъ своею ношею; иногда онъ бросаетъ что-нибудь—траву, вѣтку или листья—на останки льва или слона, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, видитъ, по уму и храбрости, братьевъ человѣка. Пѣснями и молитвою вуа-ніамезіецъ привѣтствуетъ новую луну, а отправлясь изъ своей деревни въ путешествіе, онъ, для «доставленія землѣ пищи» и пріобрѣтенія ея благорасположенія, посыпаетъ на тропинку немного муки и чертитъ на ней геометрическіе знаки [2]). Во время же самаго пути, внимательно прислушивается къ крику маленькой птички, видя въ ней свою покровительницу и извѣстительницу объ угрожающей опасности [3]).

Къ юго-западу отъ Табора, въ области У-Гунда, германцы учредили постъ, который они надѣялись, рано или поздно, превратить въ центръ дѣйствительнаго господства надъ всѣмъ краемъ къ востоку отъ Танганьики. Свою первую бому они основали въ 1881 году, около деревни Какома, въ области Вуа-Галла; однако, вскорѣ центръ своей дѣятельности они перенесли отсюда въ У-Гунда, на станцію Гонда, расположенную, подобно Какомѣ, на пури, или гладкой равнинѣ, съ разсѣянными тощими деревьями, весьма нездоровой въ дождливое время. За небольшое количество пороха султанша У-Гунды подѣлилась съ ними властью, предоставивъ имъ право налагать натуральныя повинности, приговаривать къ смерти и рѣшать вопросъ о мирѣ и войнѣ [4]); однако,

[1]) „Proceedings of the R. Geographical Society", 1880.

[2]) „A l'assault des Pays Nègres".

[3]) Guillet, „Annales de la Propagation de Foi", Janvier, 1883.

[4]) „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland", 1881—1883.

германцамъ не удалось воспрепятствовать принесенію человѣческихъ жертвъ на могилахъ начальниковъ, и, въ концѣ концовъ, они покинули и самую станцію. Область У-Гунда,

Бома. Общій видъ.

одна изъ самыхъ хлѣбородныхъ, есть житница страны У-Ніамези.

Къ западу отъ У-Ніамези, въ побочныхъ долинахъ р. Малагарази, обитаютъ многочисленные народцы, изъ которыхъ вуа-тута пользуются дурной славой, какъ грабители каравановъ, вслѣдствіе чего купцы заботливо обходятъ ихъ селенія и направляются къ Карагуэ сѣвернѣе, чрезъ населенный городъ Серамбо. Племя, повидимому, господствующее надъ обширной территоріей между У-Ніамези и Танганьикою, называется вуа-хха, и область разселенія его, *У-Хха*, простирается отъ нижняго теченія рѣки Малагарази до тѣхъ го-

ристыхъ мѣстностей, въ которыхъ зарождается Нилъ-Александра или Кагера. Это—пастухи, перегоняющіе, съ копьемъ въ рукѣ, свои стада по обширнымъ болотистымъ равнинамъ; будучи самыми цивилизованными изъ негровъ озерной области, они отличаются также красотою своихъ чертъ, открытымъ и умнымъ взоромъ, хорошимъ вкусомъ при выборѣ украшеній и изяществомъ татуировки; между прочимъ, они приготовляютъ превосходное масло, которое не горкнетъ, какъ масло другихъ пастушескихъ племенъ, и которое находитъ хорошій сбытъ въ У-Ніамези. Между сосѣдними народцами бродятъ также пастухи вуа-тузи, о которыхъ полагаютъ, что они прибыли съ сѣвера и что они одного происхожденія съ у-хума береговъ озера Ніанцы: высокіе, стройные, съ тонкими губами, прямымъ носомъ и съ свѣтлымъ оттѣнкомъ кожи, они походятъ на галласовъ Эѳіопіи; нѣкоторые писатели полагаютъ, что, по происхожденію, они могутъ быть уподоблены племени вуа-хха. Однако, словаря ихъ языка мы еще не имѣемъ, а кочевой образъ жизни удаляетъ ихъ отъ всякаго соприкосновенія съ европейскими изслѣдователями страны; подобно нуэрамъ береговъ Нила, они по цѣлымъ часамъ держатся на одной ногѣ, на манеръ птицъ-рыболововъ. До соединенія всѣхъ племенъ банту въ данномъ краѣ въ одну имперію, что совершилось при Мирамбо, всѣ признавали политическое преобладаніе племени вуа-тузи, какъ вслѣдствіе ихъ близкихъ связей съ остальными племенами, такъ и вслѣдствіе превосходнаго знанія ими края; однако, изъ этого положенія господъ они превратились въ слугъ [1]); многіе изъ нихъ предпочли даже слѣдовать за Мирамбо въ качествѣ добровольныхъ рабовъ, чѣмъ покинуть свои стада: по крайней мѣрѣ они не разлучались со своими животными [2]). Нынѣ арабы изъ Таборы довѣряютъ имъ уходъ за своими стадами, предоставляя въ вознагражденіе за это половину добываемыхъ отъ животныхъ продуктовъ [3]).

Нижнюю долину рѣки Малагаразн занимаютъ области: на лѣвомъ берегу—У-Винца, на правомъ—У-Карага, или «страна земляныхъ фисташковыхъ орѣховъ». У-Винца славится своими солончаками, которые снабжаютъ солью весь край между южными берегами Танганьики, Верхнимъ Конго и озеромъ Ніанца. При этомъ, обширнымъ рынкомъ соли, слоновой кости, рабовъ и товаровъ, ввозимыхъ изъ Занзибара и Европы, является портъ Кахуэлэ или Кавелэ, болѣе извѣстный по имени своего округа, У-Джиджи (Ужижи). Нѣкогда и Танганьика называлась озеромъ или моремъ У-Джиджи, по имени деревни, въ которой совершался торговый обмѣнъ сырыхъ продуктовъ центральной Африки на товары, идущіе съ береговъ Индійскаго океана. Со всѣмъ тѣмъ, это знаменитое мѣсто, на которое на берегу озера впервые ступила нога европейца,—не городъ, а группа хижинъ, расположенныхъ на южномъ берегу полуострова; при чемъ посреди этихъ жилищъ вуа-джиджи, стоятъ нѣсколько домовъ арабовъ и высокія хижины мунтуали, или «тріумвировъ», управляющихъ краемъ: свои приговоры они произносятъ отъ имени султана, которому воспрещается видѣть «море», т.-е. озеро. Съ пляжа У-Джиджи открывается великолѣпный видъ на красные крутые берега, лѣсистые холмы, группы пальмовыхъ деревьевъ, на разсѣянныя поселенія; въ теченіе половины года можно видѣть на другомъ берегу озера горы области У-Гомы, съ низвергающимися съ нихъ и блистающими на-подобіе серебряныхъ пластинокъ водопадами. У-Джиджи—мѣсто нездоровое: пребываніе тамъ было гибельно для многихъ европейцевъ, но до сихъ поръ его не могли замѣнить какъ центръ мѣновой торговли и продовольствія. Торговля жизненными припасами и произведеніями мѣстной промышленности: тканями, маслами и продуктами рыболовства на рынкѣ У-Джиджи совершается ежедневно. Торгуютъ тамъ много и рабами, но со времени прибытія въ страну бѣлыхъ, этотъ торгъ уже не производится явно: рабовъ привозятъ и увозятъ по ночамъ, а содержатъ на отдѣльныхъ дворахъ [1]).

Негры вуа-джиджи—судостроители и съ гордостью указываютъ на большія гребныя палубныя лодки, которыя они строили для арабовъ и которыя первенствовали на озерѣ до появленія на немъ европейскаго парохода. Подъ руководствомъ европейцевъ, эти туземцы хорошо изучили берега своего озера, и между ними стало уже возможно набирать кормчихъ, которые, сдѣлавшись опытными моряками, менѣе приносятъ передъ мысами въ жертву куръ и козъ и менѣе обмазываются бѣлой глиною. Около У-Джиджи виднѣется, въ одной изъ глинистыхъ кручъ, громадное углубленіе, образовавшееся оттого, что матросы здѣсь запасались землею-фетишемъ [2]). Мало-по-малу уменьшаются также и трудности путешествія между У-Джиджи и морскимъ берегомъ, а слѣдовательно, приближается къ океану и озеро Танганьика. Такъ, еще въ 1880 году высчитывали, что на такое путешествіе каравану пришлось бы потратить шесть мѣсяцевъ времени и десять тысячъ франковъ для переноса тонны товаровъ, при чемъ, правда, въ упомянутую сумму включались потери, происходящія какъ отъ грабежей и побѣговъ, такъ и отъ раз-

[1]) Cust, „The modern languages of Africa".
[2]) Jérôme Becker, „La vie en Afrique".
[3]) „A l'assault des Pays Hègres".

[1]) Edw. Coode Hore, „Proceedings of the R. Geographical Society", Janvier, 1882.
[2]) Stanley, „Voyage à la recherche de Livingstone".

ныхъ приключеній въ самомъ пути. Нынѣ же то разстояніе въ тысячу километровъ, которое отдѣляетъ по прямому направленію, съ высоты птичьяго полета, У-Джиджи отъ моря, можетъ быть пройдено путешественникомъ въ сорокъ пять дней, если только сопровождающая его кладь не тяжела. Главное неудобство заключается въ томъ, что муха цеце наводняетъ часть пути, препятствуя проходу животныхъ: такимъ образомъ, нельзя пользоваться повозками, если не прибѣгнуть къ повторенію тѣхъ, дорого стоющихъ опытовъ, при которыхъ, въ качествѣ вьючнаго скота, были употреблены индійскіе слоны.

Къ югу отъ У-Винца, еще двѣ страны: У-Галла—на рѣкѣ того же имени, и У-Кахундэ—на восточномъ берегу озера Танганьика, принадлежатъ еще къ бассейну Малагарази. Въ этихъ областяхъ, видѣнныхъ Стэнли, Камерономъ, Бэмомъ и Рейхардомъ, нѣтъ ни густо населенныхъ деревень, ни большихъ рынковъ; но южнѣе, на берегу Танганьики, находится европейская станція Карема, основанная въ 1879 году Международною Африканскою Ассоціаціею, а затѣмъ уступленная католическимъ миссіонерамъ, подъ эвентуальнымъ протекторитетомъ Германской имперіи. Станція эта, будучи расположена на небольшомъ—господствующимъ надъ бухтою р. Ифульмэ—холмѣ изъ слюдянаго сланца, уже занесла свое имя въ географическую исторію материка, благодаря тѣмъ изслѣдователямъ, которые ее основали и которые сдѣлали ее центромъ своихъ экспедицій. Неприступная для окрестныхъ негровъ, эта крѣпость окружена низинами, которыя во время массика, т.-е. въ періодъ дождей, превращаются въ болота. Во время построенія форта, волны озерныхъ водъ еще разбивались о подошву холма; но послѣ углубленія ложа истока озера, т. е. р. Лу-Куги, на нѣсколько сотенъ метровъ къ западу отступило также и самое озеро; выдавшіяся же, при этомъ, изъ-подъ воды земли покрыты нынѣ уже чащами растеній. Карема—мѣсто не торговое, и караваны узнали къ ней дорогу только послѣ прибытія бѣлыхъ; со времени же отступленія озера, она перестала быть также и портомъ, вслѣдствіе чего, для избѣжанія береговыхъ отмелей, суда бросаютъ якорь въ озерѣ на глубокой водѣ; въ водахъ Каремы, туземцы даже не ловятъ рыбы, хотя она водится тамъ въ изобиліи. По сосѣдству со станціей, въ трехъ километрахъ отъ озера, основалась туземная деревня Вуа-Кахунджэ, состоящая изъ тѣсно скученныхъ соломенныхъ хижинъ. На склонахъ холма, а также и на окружающихъ его низинахъ, бельгійцами разведены сады и древесныя насажденія. До недавняго времени въ смежныхъ съ этими поселеніями зарослях водились во множествѣ львы, которыхъ, однако, неочень боятся, такъ какъ тамъ это—животныя трусливыя, обыкновенно убѣгающія отъ человѣка, даже будучи ранеными. Туземцы даже бываютъ довольны присутствіемъ этого краснаго звѣря вблизи деревень, такъ какъ отъ охоты львовъ на буйволовъ и газелей на долю людей остается та часть этой дичины, которую левъ покидаетъ, удовлетворивъ первый голодъ [1]). Въ схваткахъ львовъ съ буйволами иногда случается, что побѣдителями остаются не львы, а буйволы.

Къ югу отъ негостепріимнаго пляжа, въ берегъ врѣзываются многочисленныя бухты, изъ которыхъ многія могли бы быть превосходными портами. Такъ, въ 75 километрахъ южнѣе Каремы, находится бухта Кирандо, которая хорошо защищена отъ волнъ озера архипелагомъ островковъ; окружающія ее деревни многолюдны, а вдали равнины виднѣются обширныя рисовыя поля. Эта часть восточнаго берега озера принадлежитъ племени вуа-фиба, весьма значительному вслѣдствіе своей численности, населяющему также горы Ліамба и берега озера Рикуа. Долина рѣки Катума или Мкафу, зарождающейся къ востоку отъ Каремы и впадающей въ озеро Рикуа, дѣлится между двумя краями: У-Кононга на сѣверѣ и У-Фиба (У-Фипа) на югѣ. Это послѣднее государство—одно изъ самыхъ населенныхъ въ восточной Африкѣ. Жители его—всѣ моряки, и на своихъ крѣпкихъ, широкихъ пирогахъ плаваютъ далеко по озеру, при чемъ, производя внезапные набѣги на прибрежныя села, овладѣваютъ множествомъ рабовъ [2]). Подлѣ общей границы двухъ странъ: Кононго и Фибы, находится небольшое государство Мфимбуэ, столица котораго защищена съ запада горами Ліамба, а съ востока—степями, далеко продолжающимися по равнинѣ. Около города бьютъ два теплыхъ источника, изъ которыхъ у одного температура колеблется между 46° и 47° Ц.; воды этихъ источниковъ наполняютъ водоемъ, въ которомъ туземцы и купаются на разсвѣтѣ дня: дѣйствіе этой воды, по ихъ словамъ, весьма ощутительно и придаетъ красный оттѣнокъ ихъ зубамъ [3]). Мфимбуэ, разрушенное въ 1880 г. войсками Мирамбо, впослѣдствіи возстановилось неподалеку отъ прежняго своего мѣстонахожденія; между двумя баобабами показываютъ мѣсто, гдѣ, во время битвы, были убиты агенты Африканской Ассоціаціи: Carter и Cadenhead.

Самый лучшій портъ на всемъ озерѣ Танганьика находится неподалеку отъ южной его оконечности, въ странѣ У-Рунгу; туземцы называютъ его, какъ и самое озеро, Ліэмба, что значитъ «озеро» И дѣйствительно, Ліэмба представляетъ круго-образной формы озерный бас-

[1]) Gambier, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland", T. II. 1880—1881.

[2]) V. Giraud, „Tour du Monde", 1887.

[3])Keiser, „Mitth. der Afrik. gesellschaft". т. IV, 1883—85.

сейнъ, на-подобіе кратера вулкана; полуостровъ Мпэтэ вполнѣ защищаетъ его съ сѣвера и съ запада; а на востокѣ высятся откосы плоскогорія. Въ этомъ своего рода циркѣ, оживляемомъ лишь бегемотами да миріадами водяной птицы, можно вообразить себя отрѣзаннымъ отъ всякаго сообщенія съ остальнымъ міромъ. Деревня Катэтэ, господствующая съ высоты 600 метровъ надъ замкнутымъ Ліэмбскимъ портомъ, есть резиденція султанши, называемой «Добрымъ Начальникомъ» и командующей сѣверными вуа-рунгами; дорога, ведущая изъ порта въ деревню, представляетъ безконечную каменную лѣстницу, извивающуюся въ тѣни большихъ деревьевъ Другимъ важнымъ поселеніемъ въ У-Рунгѣ является мѣстечко Цомбэ, представляющее весьма трудную для нападенія крѣпость изъ нѣсколькихъ частокольныхъ оградъ; переходя черезъ городокъ, приходится пройти подъ нѣсколькими укрѣпленными воротами. Цомбэ, лежащій на 700 метровъ выше озера, слѣдовательно, на высотѣ болѣе, чѣмъ 1.500 метровъ надъ уровнемъ моря, представляетъ мѣстность весьма здоровую, съ почти европейскимъ климатомъ; муха цеце сюда не проникаетъ, вслѣдствіе чего можно разводить и скотъ; луга вокругъ Цомбэ составляютъ зоологическую энклаву для рогатаго скота, какою не обладаютъ окружающія территоріи. Женщины въ Цомбэ—большія мастерицы выдѣлывать ткани какъ изъ хлопка, такъ и изъ волоконъ саговой пальмы.

Южнымъ портомъ Танганьики еще недавно была деревня Памбэтэ, расположенная въ столь нездоровой мѣстности, что протестантскіе миссіонеры должны были ее покинуть послѣ тщетныхъ стремленій сдѣлать изъ нея свое главное складочное мѣсто, а также и верфь для всей южной части озера. Пришлось перенести станъ западнѣе, на мысъ Йэмбэ, приходящійся между бухтою Памбэтэ и устьемъ рѣки Ло-Фу. Постъ этотъ не преминетъ сдѣлаться важнымъ въ торговой географіи края, такъ какъ къ нему должна подойти большая проѣзжая дорога, которую Стефенсонъ строитъ между озерами Ньясса и Танганьика. Когда же эти два обширныхъ озерныхъ бассейна соединятся названнымъ путемъ, долженствующимъ имѣть въ длину 450 километровъ, то, вмѣстѣ съ рѣками Ширэ и Замбезе, а также съ побочными дорогами, создастся такой путь, по которому отъ устья Замбезе можно будетъ проникнуть внутрь материка на 2.000 километровъ, при чемъ двѣ трети всего этого протяженія окажутся доступными для пара: такимъ образомъ, рано или поздно, этотъ путь пріобрѣтетъ значеніе также и большой торговой дороги. Долина Ліэндуэ, на берегахъ р. Ло-Фу (Ка-фу), находящаяся къ западу отъ конечной пристани на озерѣ, недавно еще была весьма населенною областью, при проходѣ черезъ которую путешественникъ въ теченіе многихъ дней ходьбы только и видѣлъ кругомъ себя что воздѣланныя поля, но охотники на невольника, арабы и другіе, обезлюдили этотъ край. Hore тщетно пытался подняться по рѣкѣ выше извилистыхъ озеръ ея устья: чащи изъ папируса и скопленія пловучихъ травъ останавливали его гребное судно. Впослѣдствіи одинъ англійскій путешественникъ посѣтилъ истокъ Ло-Фу и нашелъ его очень обильнымъ и образующимъ въ мѣстѣ своего появленія наружу небольшое озеро.

На западномъ склонѣ бассейна, между устьями Ло-Фу и Ло-Фуко, обитаютъ племена птауа и ма-рунгу или уанія-ругу, братья по расѣ и языку вуа-рунгамъ восточной покатости. Эта область густо населена. и нѣкоторыя изъ ея горъ покрыты нивами и жилищами вплоть до ихъ верхушекъ. На мысѣ, господствующемъ съ сѣвера надъ устьемъ р. Ло-Фуко, Международная Африканская Ассоціація основала станцію Мпала, которая расположена насупротивъ Каремы, на противоположномъ берегу озера, и, повидимому, лучше помѣщена съ точки зрѣнія здоровости климата и торговли; охрана ея была ввѣрена католическимъ миссіонерамъ Каремы. Долина Ло-Фуко представляетъ въ этой мѣстности самый легкій путь также и къ озеру Моэро и къ Луа-Пула; ма-рунгу и вуа-руа здѣсь приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и мѣняются своими продуктами. Ма-рунгу принадлежатъ къ числу наименѣе красивыхъ негровъ: челюсть у нихъ выдается кпереди, носъ приплюснутъ, туловище очень длинное, а ноги короткія; однако, по деревьямъ и скаламъ они лазятъ съ проворствомъ обезьянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даннаго края встрѣчаютъ много зобатыхъ [1]). Въ землѣ ма-рунговъ Reichard нашелъ человѣкообразную обезьяну,—соко или сако на языкѣ туземцевъ,—приближающуюся къ шимпанзэ, а не къ гориллѣ, какъ пишетъ Ливингстонъ, видѣвшій соко также и въ странѣ племени маньемовъ. Эти большія обезьяны, ростомъ метръ слишкомъ, живутъ колоніями посреди деревьевъ, на которыхъ и устраиваютъ свои логовища. Туземцы боятся соко больше, чѣмъ львовъ; они боятся также ихъ взгляда, «возвѣщающаго смерть».

Гранитный массивъ У-Гуа, возвышающійся къ сѣверу отъ той бухты, изъ которой вытекаетъ р. Лу-Куга, занимаетъ, какъ показываетъ и его наименованіе, богатое племя вуа-гуа, родственное своимъ западнымъ сосѣдямъ, неграмъ руа. Вуа-гуа отличаются отъ другихъ народцевъ своею высокою прическою, для возведенія которой они прибѣгаютъ къ цѣлому сплетенію изъ желѣзныхъ проволокъ и палочекъ, убран-

[1]) Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society", 1880,—Reichard, „Mittheillungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland, т. IV, 1881—1885.

ныхъ раковинками, стеклянными бусами и металлическими шарами. Они одѣваются въ ткани, сотканныя изъ волоконъ рафіи, добываемыхъ ими изъ страны племени у-руа; богатые же къ этому одѣянію присоединяютъ еще передники изъ обезьяньей или леопардовой шкуры. Мало найдется африканскихъ областей, гдѣ существовала бы болѣе дѣятельная промышленность, чѣмъ у племени у-гуа, которое занимается выдѣлываніемъ глиняной посуды, плетеніемъ рогожъ, корзинъ и другихъ вещей, приготовленіемъ орудій, оружія и украшеній изъ желѣза и мѣди. Столица Руанда расположена на равнинѣ, ограничиваемой съ юга р.

Фетиши племени ма-рунгу.

Лу-Кугою: это сравнительно большой городъ, состоящій по меньшей мѣрѣ изъ четырехъсотъ хижинъ, правильно, въ линію, расположенныхъ вдоль широкихъ улицъ и содержимыхъ въ большой чистотѣ; по улицамъ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, разставлены столбы, на вершинахъ которыхъ помѣщены двуглавыя человѣческія фигуры, долженствующія напоминать жителямъ, что слѣдуетъ одинаково направлять свои мысленные взоры какъ къ прошедшему, такъ и къ будущему, что надо почитать отошедшихъ въ вѣчность предковъ, духовъ-покровителей данной мѣстности, и въ то же время любить ихъ дѣтей, будущихъ защитниковъ племени [1]). О чистоплотности и ремесленности туземцевъ свидѣтельствуютъ также и другія поселенія въ У-Гуа. Съ 1885 года, на островкѣ Кавала,— находящемся на сѣверѣ небольшаго архипелага, расположеннаго вдоль берега, къ сѣверу отъ мыса Кахангуа—возникло и европейское поселеніе: англійскіе миссіонеры избрали этотъ постъ за здоровый климатъ той мѣстности, выставленной очищающему дуновенію пассатовъ, а также по причинѣ превосходной гавани, находящейся тамъ между островомъ и материкомъ. На острова эти часто временно выселяются и туземцы, гонимые войнами. Нынѣ Кавала есть верфь и станція бѣлыхъ на озерѣ Танганьика; съ туземцами здѣсь ведется довольно дѣятельная мѣновая торговля.

Эта станція Кавала составляетъ и послѣдній на западномъ берегу Танганьики, по направленію къ сѣверу, пунктъ, принадлежащій англійскимъ миссіонерамъ. Далѣе слѣдуютъ многочисленные народцы, изъ которыхъ иные еще не были посѣщены бѣлыми: вуа-гома (говорящіе на одномъ и томъ же языкѣ съ вуа-гуа), вуа-сималунго, вуа-сонга, вуа-комбэ, на хребтѣ водораздѣльной области между Танганьикою и

[1]) Edw. Coode Hore, упом. соч.

притоками Конго. Вуа-санзи, живущіе на берегахъ большой бухты Буртона, къ западу отъ полуострова У-Буари, представляютъ племя путешественниковъ, странствующихъ между моремъ и Конго, а также между озеромъ Бангуэоло и страною ніамъ-ніамовъ. Католическіе миссіонеры, поселившіеся въ ихъ краѣ, въ прибрежной деревнѣ Ру-Уэуа (Млуэуа) и въ Кибанга, говорятъ, что мужчины племени вуа-санзи, гордясь своимъ знакомствомъ съ отдаленными народами, отказываются говорить на своемъ собственномъ нарѣчіи, принадлежащемъ къ языкамъ банту: выражаться на немъ они предоставляютъ женщинамъ, а сами говорятъ на языкѣ, составившемся изъ словъ языка кисаухили, и реченій, заимствованныхъ отъ сосѣднихъ племенъ [1]). Въ послѣднее время, эта территорія завоевана арабами, которые проложили чрезъ нее и область Ма-Ньема новый путь къ р. Конго [2]). Деревни племени вуа-санзи занимаютъ равнины и входы въ побочныя долины; племя же вуа-бембэ обитаетъ на склонахъ горъ. По словамъ Стэнли, эти первобытные дикари—людоѣды; когда между рабами проходящаго каравана есть умирающій, то они просятъ продать его имъ, предлагая въ обмѣнъ зерновой хлѣбъ и овощи. Еще сѣвернѣе находятся территоріи племенъ: вуа-вира, искусныхъ горшечниковъ, и вуа-рунди, превосходныхъ земледѣльцевъ, покрывшихъ своими нивами и усѣявшихъ многочисленными, окруженными древовидными молочайными растеніями, деревнями всю нижнюю долину р. Ру-Сизи и двухъ противоположныхъ береговъ на оконечности озера. Вуа-сигэ, на сѣверо-восточномъ берегу Танганьики, еще болѣе многочисленны. Нигдѣ въ центральной Африкѣ нельзя встрѣтить лучшихъ стадъ овецъ, какъ въ области У-Рунди. Тамошніе рыбаки отваживаются пускаться по озеру на плотахъ.

Къ сѣверо-западу отъ этихъ областей покатость о. Мута-Нзиге и водораздѣлъ между Ниломъ и Конго принадлежатъ другимъ народамъ, извѣстнымъ, однако, лишь по наслышкѣ. Ни одинъ путешественникъ не проходилъ чрезъ восточную территорію племени вуа-регга, и единственные дикари изъ этой страны, видѣнные бѣлыми, были добытые отсюда рабы; но на западѣ, нѣсколько колѣнъ изъ племени регга спустились въ обширные лѣса по прибрежьямъ Конго, гдѣ и живутъ уединенно, наподобіе стадъ шимпанзэ. Ихъ постройки показываютъ, что здѣсь мы находимся уже въ поясѣ атлантической покатости: это—удлиненныя прямоугольныя хижины, съ остроугольными высокими крышами. Утварь въ этихъ жилищахъ сравнительно многочисленна и свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ вкусѣ. У каждаго м'регга есть свой выточенный табуретъ, снабженный спинкою; кромѣ того, въ хижинѣ имѣется длинная скамейка, вырѣзанная вся изъ цѣльнаго дерева, и сплетенная изъ тростника постель, на которой могутъ разсѣсться или разлечься по нѣсколько человѣкъ. Въ подвѣшанныхъ къ стѣнамъ сѣткахъ находится деревянная посуда, а другія домашнія вещи размѣщены по полкамъ или висятъ подъ брусьями крыши [1]). Вуа-регга Стэнли и другихъ, посѣтившихъ верхній бассейнъ Конго, путешественниковъ — вѣроятно, тотъ же самый народъ, который Швейнфуртъ называетъ ма-огго, а Бэкеръ—ма-легга. Къ сѣверу же отъ территоріи вуа-регга, сосѣдями ихъ являются племена: ніамъ-ніамъ, монбутту и мади.

[1]) R. N. Cust, упом. соч.

[2]) „Afrique explorée et civilisée", іюнь, 1885.

IV. Берега Конго, отъ озера Ланджи до сліянія съ У-Банги.

Верхній бассейнъ собственно Конго, книзу отъ сліянія главныхъ рѣкъ: Луа-Лабы, Луа-Пулы и Лу-Куги, представляетъ, по словамъ Ливингстона, великолѣпную страну, которая принадлежитъ главнымъ образомъ племенамъ націи вуа-маньема, или «ѣдокамъ мяса», націи, нѣкогда внушавшей страхъ своимъ западнымъ сосѣдямъ, вслѣдствіе своей привычки къ людоѣдству. Такъ, Стэнли разсказываетъ объ одной изъ деревень ма-ньемовъ, изъ конца въ конецъ изукрашенной черепами «лѣсныхъ людей», о которыхъ ему говорили такъ: «Они похищаютъ наши бананы, мы за ними охотимся, убиваемъ ихъ и—съѣдаемъ». Самъ Стэнли, становясь соучастникомъ такихъ «охотниковъ за мясомъ», предлагалъ одному изъ начальниковъ людоѣдовъ, за сотню ужовокъ (маленькихъ раковинъ), доставить ему «живымъ или мертвымъ одно изъ этихъ (т. е. лѣсныхъ) существъ»; однако, выждать доставленія этого гнуснаго подарка Стэнли времени не имѣлъ [2]). Впрочемъ, народцы маньемовъ, старающіеся добывать себѣ человѣческое мясо, не многочисленны: обыкновенно ограничиваются пожираніемъ людей или убитыхъ въ сраженіи, или умершихъ отъ болѣзни, при чемъ такіе трупы вымачиваются въ водѣ; по словамъ этихъ людоѣдовъ, мужское мясо значительно вкуснѣе женскаго [3]). Эти отталкивающіе нравы не препятствуютъ, однако, ма-ньемамъ отличаться отъ большей части другихъ окружающихъ ихъ народцевъ благодушіемъ и кротостью. Равнымъ образомъ они замѣчательны стройностью и красотою чертъ лица; ихъ женщины, весьма цѣнимыя арабами, имѣютъ гибкій станъ, бла-

[1]) Stanley, „Through the Dark Continent".

[2]) Stanley, упом. соч.—См. „Tour du Monde". Второй семестръ, 1878 г., стр. 112.

[3]) Cameron, упом. соч.

городную поступь, а нѣкоторыя изъ нихъ являютъ даже и замѣчательную правильность въ чертахъ своихъ лицъ; волосы у нихъ гуще и менѣе курчавы, чѣмъ у большинства негритянокъ; волосы эти онѣ распускаютъ по плечамъ, а лобъ украшается діадемою, сплетенною изъ тростника. Мужчины тоже прилагаютъ много стараній относительно украшенія своей прически и бороды, но, при этомъ, они главнымъ образомъ пускаютъ въ ходъ глину, изъ которой вылѣпляютъ рога, иглы, пластинки, чешуи и перья. Болѣе одѣтые, чѣмъ женщины, мужчины носятъ передники изъ антилоповой кожи, а старѣйшины одѣваются даже по-арабски, въ бѣлыя просторныя тоги; убившіе же человѣка присвоиваютъ себѣ право прикрываться кожею циветты или нгауа [1]).

Видъ береговъ рѣки Данда.

[1]) Livingstone, „Last Journals".

Ма-ньемы вооружены тяжелымъ, наваренным сталью, копьемъ и короткой саблею, которую они носятъ въ деревянныхъ ножнахъ, украшенныхъ колокольчиками. Такія произведенія ихъ индустріи свидѣтельствуютъ объ ихъ искусствѣ, какъ ремесленниковъ; они умѣютъ также выдѣлывать изъ травъ весьма прочныя ткани, которыя и окрашиваютъ въ нелинючіе цвѣта; ихъ дома, такіе же прямоугольные, какъ дома племени вуа-регга и всѣхъ жителей вдоль собственно Конго, также весьма хорошо выстроены изъ дерева и глины; наконецъ, при посредствѣ ліанъ, ма-ньемы умѣютъ устроивать столь прочные висячіе мосты, что они еле колеблются подъ ногами пѣшеходовъ. Рабы изъ племени ма-ньемовъ весьма цѣнятся и, будучи употребляемы арабами для работъ въ предѣлахъ самой страны, рѣдко вывозятся по ту сторону Танганьики. По словамъ Стэнли, арабы проникли въ данный край только въ 1866 году; здѣсь они сильно нажились, скупивъ большія количества слоновой кости, а затѣмъ вскорѣ сдѣлались и властелинами страны. Вдоль торговой дороги образовались многочисленныя поселенія занзибарскихъ арабовъ, окруженныя полями кукурузы, ма-ньока и дурры; туземцы же, во избѣжаніе порабощенія, должны были бѣжать въ горы [1]).

Другіе народцы, отличающіеся отъ ма-ньемовъ наружностью и обычаями, живутъ восточнѣе, вдоль верховыхъ притоковъ Конго и въ водораздѣльной области. Таковы: вуа-хійя, съ подпиленными зубами и правильной татуировкою, и вуа-винза—повидимому, не одного происхожденія съ одноименнымъ имъ племенемъ, живущимъ по другую сторону Танганьики. Вуа-буджуэ, баджуа Cameron'a, говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ съ вуа-руа и, повидимому, принадлежатъ къ той же расѣ; но бѣдные между ними, содержимые въ унизительныхъ условіяхъ, суть, вѣроятно, аборигены, подпавшіе подъ власть завоевателей, пришедшихъ издалека; женщины носятъ на головѣ украшеніе, имѣющее видъ короны, составленной изъ отдѣльныхъ досчечекъ, а въ верхней своей губѣ продѣлываютъ щель, которую мало-по-малу увеличиваютъ, влагая въ нее древесные и каменные диски, на три или четыре сантиметра выдающіеся надъ отверстіемъ рта: такое обезображивающее ихъ украшеніе мѣшаетъ имъ отчетливо выговаривать слова; лицо у мужчинъ и женщинъ испещрено черными, какъ-бы изъ сажи, пятнами, кажущимися происшедшими отъ какой-либо болѣзни, сопровождающейся высыпью. Между всѣми населеніями Верхняго Конго разсѣяны мелкими группами вуа-туа, негры, проживающіе въ кустахъ, люди робкіе и рѣдко отваживающіеся появляться на рынкахъ сосѣднихъ, болѣе цивилизованныхъ племенъ. Большая часть этихъ пугливыхъ дикарей представляютъ изъ себя низкорослыхъ людей, съ большимъ животомъ и съ тонкими ногами и руками; нѣкоторые изъ нихъ—настоящіе карлики, какъ, напримѣръ, акка въ области обитанія племени монбутту.

Еще до совершоннаго Стэнли перехода черезъ материкъ Африки, арабы изъ Омана и Занзибара поосновали торговыя колоніи на берегахъ Конго, а ихъ караваны уже проходили по такимъ областямъ, куда еще не проникали европейцы. Арабы эти оказываютъ наибольшее вліяніе на туземцевъ своею религіею и своими нравами: такъ, около каждаго араба группируются сотни болѣе или менѣе арабизованныхъ туземцевъ, знающихъ по нѣскольку арабскихъ словъ и выполняющихъ кое-что изъ религіозныхъ предписаній ислама. Самая южная изъ такихъ арабскихъ станцій въ области Верхняго Конго есть село Кассонго, расположенное на небольшомъ разстояніи къ западу отъ р. Конго, неподалеку отъ пороговъ, прерывающихъ судоходство: въ этой-то живописной и здоровой мѣстности Гамедъ бенъ-Могаммедъ или Типпо-Типъ, «Собиратель Богатствъ»,—наслѣдуя прежнему негрскому царьку, оставившему свое имя также и данной группѣ жилищъ,—и основалъ столицу своего «королевства»; въ центрѣ ея возвышается крѣпость, которую этотъ арабъ горделиво прозвалъ «Лондономъ». Въ Кассонгѣ—девять тысячъ жителей, рабовъ и носильщиковъ [1]). Сѣверо-западнѣе лежитъ двойной городъ Ніангуэ, размѣстившійся на высокой горѣ и раздѣленный оврагомъ на двѣ части; этотъ городъ пріобрѣлъ также большое значеніе въ торговлѣ Центральной Африки: по Gleerup'у, въ немъ не менѣе десяти тысячъ жителей, и на протяженіи всей р. Конго это—самый большой изъ прибрежныхъ городовъ. Верхній, т. е. лежащій выше по рѣкѣ, отдѣлъ города занимаютъ арабскіе старѣйшины и ихъ слуги; а въ низовомъ кварталѣ обитаютъ другіе иммигранты съ востока, по преимуществу люди съ береговъ Индійскаго океана; дома окружены банановыми и рисовыми плантаціями. Ніангуэ—главный торговый постъ для всего Верхняго Конго; въ то же время, вмѣстѣ съ Табора и У-Джиджи, это одинъ изъ трехъ большихъ восточныхъ этаповъ, которые служатъ какъ-бы вѣхами пути чрезъ материкъ между океанами Индійскимъ и Атлантическимъ. Пока еще въ Ніангуэ не поселился ни одинъ европеецъ. Городъ этотъ—чисто мусульманскій, и окрестные жители не осмѣливаются вводить въ него своихъ свиней [2]).

За племенами ма-ньема и вуа-регга слѣ-

[1]) Oscar Lenz, „Proceedings of the R. Geographical Society", апрѣль 1887.—Gleerup, „Ymer", 1886.

[1]) Gleerup, „Ymer". 1887.

[2]) Oscar Lenz, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien". Ноябрь, 1886.

дуютъ, книзу отъ Ніангуэ, другіе народцы-людоѣды, тоже состоящіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ арабами. Вообще берега р. Конго весьма населены, а нѣкоторыя изъ деревень имѣютъ даже по нѣскольку тысячъ жителей; однако, съ тѣхъ поръ, какъ арабы посѣтили страну, всѣ почти жители перемѣнили мѣста: поэтому-то путешественники и находятъ лишь небольшое число изъ тѣхъ деревень, о которыхъ упоминаетъ Стэнли. Во время его путешествія главнымъ мѣстечкомъ было поселеніе Иконду, расположенное на лѣвомъ берегу Конго, въ небольшомъ разстояніи кверху отъ впаденія р. Лира, нисходящей съ восточныхъ горъ. Это двойной рядъ хижинъ, продолжающійся, съ короткими промежутками, на протяженіи болѣе чѣмъ трехъ километровъ. По описанію Стэнли, дома, расположенные по обѣимъ сторонамъ безконечной улицы, состоятъ изъ двухъ красивыхъ и прочныхъ рѣшетчатыхъ хижинъ, прикрытыхъ одною общею крышею; и промежуточное между хижинами пространство служитъ для обѣихъ семей мѣстомъ какъ для работъ, такъ и для пріема посѣтителей. Ниже на томъ же берегу и въ мѣстѣ впаденія въ Конго значительной рѣчки находится мѣстечко Риба-Риба, гдѣ у арабовъ имѣются склады товаровъ. Наконецъ, кверху отъ порога Стэнли, на правомъ берегу Конго, торговецъ Кибонго основалъ городъ, который и назвалъ своимъ именемъ: здѣсь нѣсколько тысячъ арабовъ, занзибарцевъ и негровъ занимаются торговлей слоновой костью и воздѣлываніемъ риса. Ленцъ встрѣтилъ здѣсь также одного выходца съ острова Майотты, бѣгло говорившаго по-французски. Большая же часть туземцевъ предусмотрительно удалилась въ чащу лѣсовъ.

Въ области пороговъ необходимо должна была образоваться станція для склада какъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и товаровъ. И дѣйствительно, послѣ того какъ Стэнли, поборовъ препятствія со стороны природы, а также и враждебность жителей, прошелъ черезъ пороги,— этимъ новымъ путемъ сначала стали пользоваться арабы, а затѣмъ и Международная Африканская Ассоціація избрала мѣстомъ для своего ближайшаго къ верховьямъ Конго поста островъ на правомъ берегу рѣки, книзу отъ седьмаго и послѣдняго порога. Выборъ этотъ весьма удаченъ, такъ какъ здѣсь, во-первыхъ, крайняя граница свободнаго судоходства по среднему теченію Конго; во-вторыхъ, здѣсь Конго мѣняетъ свое направленіе, поворачивая къ западу вмѣсто того, чтобы по-прежнему течь на сѣверъ; и въ третьихъ, здѣсь же, не-вдалекѣ, съ широко разливающимся Конго соединяется значительный его притокъ, Лу-Кэбу или Мбуру, несущійся съ горъ и окаймленный по своимъ берегамъ большими селами. Этотъ постъ извѣстенъ подъ англійскими названіями: *Fall-Station* или *Stanley-Falls*. Извѣстно, однако, что недавно нѣсколько европейцевъ, которые находились тамъ съ небольшимъ гарнизономъ, составленнымъ изъ негровъ племенъ: гаусса и бангалла, были умерщвлены или разогнаны арабами; такъ, Capuilhat нашелъ бѣжавшаго начальника станціи въ 75 километрахъ ниже пороговъ, въ деревнѣ Яріэмби. Послѣ этого приходится вновь завоевывать военный путь, который намѣтило чрезъ свои владѣнія Конгское правительство. Стэнли, сознавая слабость европейцевъ въ этомъ краѣ, въ которомъ они оказываются лишь посѣтителями, не имѣющими связей съ окрестными племенами, желалъ заключенія военнаго союза, при чемъ самому богатому изъ арабскихъ купцовъ, т. е. Типпо-Типу, передавалась бы забота о защитѣ поста у «Пороговъ» отъ другихъ арабовъ. Но очевидно, что новое Конгское государство, еще лишь создающееся, должно быть предусмотрительнымъ относительно своего опаснаго союзника, бывшаго негроторговца, уже основавшагося въ центрѣ Африки, въ сильной стратегической позиціи. Этотъ союзникъ уже обладалъ укрѣпленнымъ складомъ на одномъ островкѣ, расположенномъ кверху отъ порога и вообще извѣстномъ подъ его (т. е. Типпо-Типа) именемъ. Почти всѣ гребцы въ области пороговъ принадлежатъ къ неустрашимому племени уэнья (уа-женія); они также весьма искусные рыболовы, и за исключеніемъ мѣсяцевъ половодія: февраля, марта и апрѣля, рѣка въ изобиліи доставляетъ имъ необходимую пищу.

Типпо-Типъ.

Небольшой европейскій постъ Ба-Соко, на берегу Арахуими, при сліяніи ея съ Конго, былъ покинутъ, не вслѣдствіе нападеній арабовъ или туземцевъ, но въ виду экономическихъ соображеній. Прибрежныя населенія храбры, какъ въ этомъ убѣдился, къ своей бѣдѣ, Стэнли во время своего памятнаго путешествія

«чрезъ Черный Материкъ», и какъ это должны были признать, въ свою очередь, послѣ кровопролитныхъ схватокъ, также и арабы Типпо-Типа[1]); но сколько отомщеній, сколько разоренныхъ деревень, сколько избіеній совершено этими работорговцами, ставшими союзниками бѣлыхъ! [2]) Для настоящаго покровительства торговлѣ было бы безусловно необходимо поддерживать тамъ гарнизонъ, и у Стэнли и былъ тамъ лагерь для обезпеченія его сообщеній съ Конго на время экспедиціи въ Уаделай. Вблизи этой станціи находилась та деревня, въ которой Стэнли расхитилъ знаменитый «храмъ изъ слоновой кости», коническая крыша котораго, покоясь на тридцати-трехъ слоновыхъ бивняхъ, прикрывала большаго идола, выкрашеннаго въ красную краску. Племя ба-соко или ба-сонго—давшее свое имя и европейской станціи—хорошіе ремесленники: ихъ инструменты, оружіе и убранство свидѣтельствуютъ о ихъ превосходствѣ надъ большею частью окружающихъ племенъ. Ихъ города, изъ которыхъ одинъ, Ямбумба, имѣетъ, по словамъ Стэнли, не менѣе восьми тысячъ жителей, отличаются отъ другихъ своими крышами, выведенными на-подобіе шляпокъ грибовъ-поганокъ и приподнятыхъ на двойную высоту надъ округлой стѣной хижины. Красивое зрѣлище представляютъ и ихъ воинскія лодки, украшенныя перьями на носу: по бокамъ такой барки пятьдесятъ гребцовъ мѣрно ударяютъ выточенными веслами, а посреди двухъ рядовъ ихъ размѣщаются воины, прикрывающіеся окрашенными въ яркіе цвѣта щитами и размахивающіе дротиками; всѣ они, и воины, и гребцы, увѣнчаны красными перьями и носятъ по браслету изъ слоновой кости. Эти дикари не вышли еще изъ періода людоѣдства: человѣческіе черепа украшаютъ ихъ хижины, а обглоданныя кости выбрасываются въ кухонные остатки. Wester разсказываетъ объ одномъ королѣ этой страны, съѣвшемъ девять своихъ женъ [3]).

Станція, проектированная въ Упото, обѣщаетъ со временемъ получить нѣкоторое значеніе. Мѣстность для нея выбрана на правомъ берегу рѣки, у подошвы холмовъ Упото и неподалеку отъ наибольшей изогнутости той дуги, которую Конго описываетъ къ сѣверу отъ экватора. Слѣдующая станція, основанная изслѣдователями, принадлежавшими къ Африканской Международной Ассоціаціи, находится на главномъ поворотѣ рѣки,—тамъ, гдѣ Конго принимаетъ окончательное направленіе къ юго-западу, — и называется Ба-Нгалою (Бангала), по имени народа, который обитаетъ въ этомъ краѣ и который храбро защищалъ свою страну при проходѣ чрезъ нее экспедиціи Стэнли; нынѣ этотъ городъ поставляетъ рекрутовъ для небольшой арміи Конгскаго государства. Нѣкоторыя изъ нгальскихъ деревень весьма значительны; хижины тянутся вдоль рѣки на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ; промежутки же между рядами домовъ, занятые обыкновенными болотистыми протоками, не превышаютъ 200 или 300 метровъ. Такимъ образомъ, нгальскій городъ, часть котораго и составляетъ вышеупомянутая станція Ба-Нгала, тянется на пространствѣ 35 километровъ. Со стороны лѣса, передъ деревнями находятся мѣста, покрытыя утоптанной, битой глиной и обсаженныя бананами, пальмами или окаймленныя садами: тутъ и происходятъ семейныя собранія, пріемы гостей и различныя церемоніи. Число ба-нгалійцевъ, проживающихъ на берегахъ Конго, Grenfell исчисляетъ въ сто десять тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ семьдесятъ-семь тысячъ находятся на лѣвомъ берегу; Coquilhat же насчитываетъ между станціями Ба-Нгалою и Экваторвилемъ, на обоихъ берегахъ—сто тридцать семь тысячъ [1]).

Эти «Дѣти Рѣки» — ибо таково значеніе слова Ба-Нгала — несомнѣнно, названы такъ вслѣдствіе ихъ проживанія на берегахъ и островахъ р. Конго; они, кромѣ того, называются также и по имени одного верховаго притока, Мо-Нгала (Монгалла), посѣщеннаго Grenfell'емъ, Coquilhat и Baert'омъ, вплоть до границы судоходства, въ странѣ племени себи, вырабатывающаго желѣзо. Въ общемъ бангалійцы—красивые, широкоплечіе люди, и на взглядъ европейцевъ они казались бы привлекательными, если бы не имѣли привычки вырывать себѣ бровей, рѣсницъ и стачивать въ остріе зубовъ. Недавно они дѣлали себѣ костюмы изъ пальмовыхъ волоконъ; но нынѣ начинаютъ замѣнять эти одежды европейскими тканями. Женщины ихъ вытатуирываютъ себѣ на икрахъ гирлянды изъ листьевъ. Бангала очень умны и, подобно цивилизованнымъ европейцамъ, часто позволяютъ своимъ страстямъ увлекать себя или до энтузіазма, или до отчаянія: случаи самоубійства между ними не рѣдки. Grenfell и Comber видѣли, какъ, на похоронахъ одного изъ старѣйшинъ, ба-нгалійскія женщины и дѣти разыгрывали, при посредствѣ пѣнія и танцевъ, настоящія драмы, изображая смерть и воскресеніе. Большинство жителей — рабы; число знатныхъ людей не велико, но они пользуются обширною властью и изъ своей среды избираютъ какъ начальника деревни, такъ и главу цѣ-

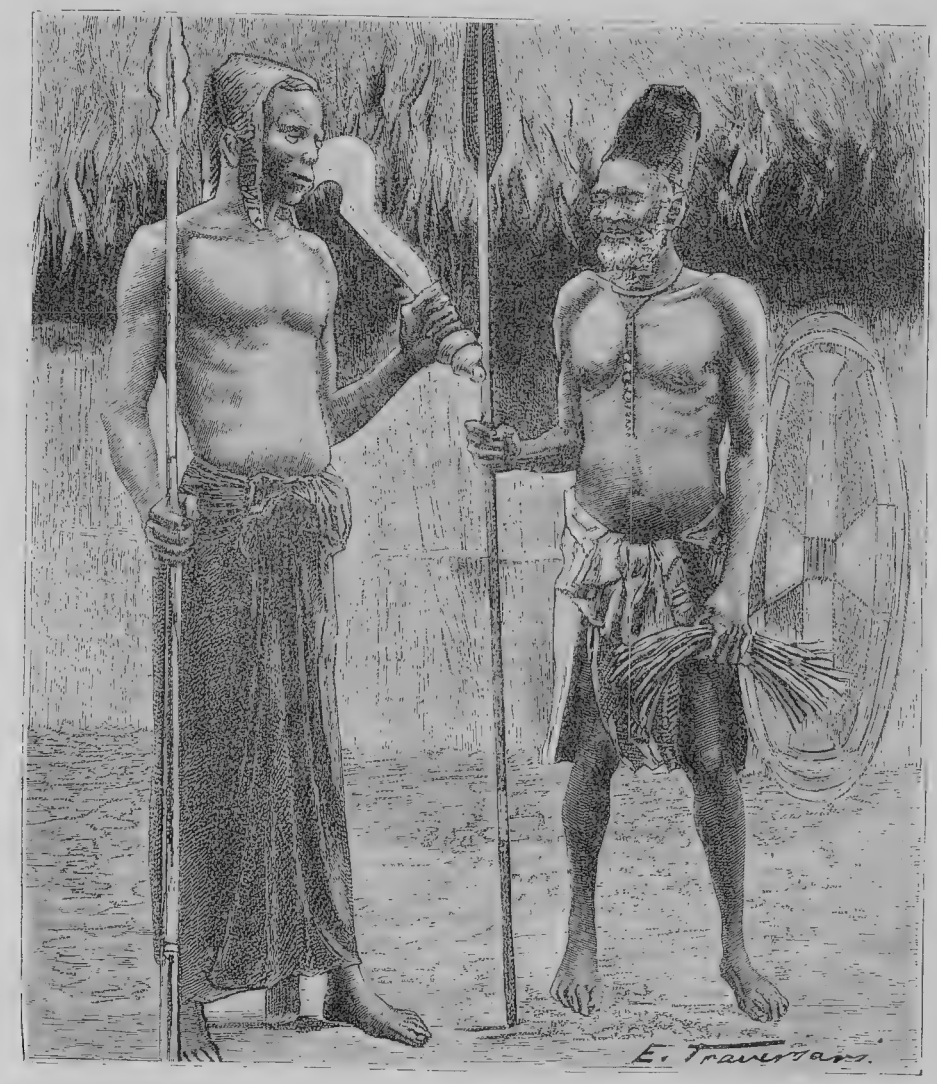
[1]) O. Baumann, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien". Декабрь. 1886.

[2]) Stanley, „Cinq années au Congo".

[3]) Imer, „Tidskrift utgifven of Svenska sällskapet for Antropologi och Geografi, 1886.

[1]) „Bulletin de la Société de Géographie d'Anvers", 1886.

лаго союза. По словамъ преданія, первымъ отечествомъ ба-нгалійцевъ былъ болотистый край Нгири, находящійся между Конго и У-Банги [1]) Къ сѣверу отъ племени ба-нгала, проживаютъ дикіе нгомбэ, наводящіе ужасъ татуировкою своихъ лицъ. Къ югу отъ ба-нгала, вдоль восточнаго берега и въ бассейнѣ рѣки Лу-Лонго, скученныя деревни принадлежатъ



Начальникъ племени ба-нгала и его помощникъ.

народцу у-ранга, воинственный кликъ котораго «йя-ха-ха-ха!», по словамъ Стэнли, похожъ на ржаніе коней; подобно племени себи, у-ранги—весьма искусные кузнецы. Восточнѣе, все еще въ бассейнѣ той же рѣки, но на берегахъ ея большаго правосторонняго притока Лопури, живутъ нгунзи, которые отличаются отъ всѣхъ своихъ сосѣдей формою головы: подобно «плоскоголовымъ» сѣверной Америки, они сжимаютъ между двумя досками черепъ у дѣтей и такимъ образомъ придаютъ ему причудливое очертаніе, съ прямолинейными плоскостями [1]). Въ бассейнѣ Лу-Лонго находится также и малорослое, карликовое племя ба-путу, у котораго, по словамъ туземцевъ, кожа имѣетъ бѣловатый оттѣнокъ, а ростъ колеблется между 1 метромъ 40 сантиметрами и полутора, метрами. Наконецъ, племя марунга, на верховьяхъ, живетъ, во многихъ мѣстностяхъ, въ деревняхъ, выстроенныхъ, на-подобіе жилищъ древнихъ озерныхъ обитателей, на сваяхъ [2]).

Станція Лу-Лонго или У-Ранга, надзиравшая за большимъ городомъ того же имени и за окрестными дикарями, была покинута; но къ югу отъ нея, Экваторвилль еще существуетъ. Экваторвилль заслуживаетъ свое наи-

[1]) Coquilhat, „Chez les Bangala, sur le haut Congo". „Revue de Belgique", 1886.

[1]) Coquilhat, „Mouvement Géographique", 1887.

[2]) Grenfell et von François, „Afrique explorée et civilisée". Февраль, 1886.

менованіе, такъ какъ онъ дѣйствительно расположенъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ равноденственной линіей, на возвышенномъ плоскогоріи, господствующемъ надъ сліяніемъ рѣкъ: Конго и Черной, иначе называемой также Джуапа. Рядомъ съ этой станціей основались также протестантскіе миссіонеры. Берега рѣки Икелембы—впадающей въ Конго двумя километрами выше впаденія Черной рѣки и имѣющей тоже черноватую воду—населены довольно плотно; деревни многочисленны и защищены частоколами и глубокими рвами. Вѣроятно, во всей Африкѣ не существуетъ народовъ, которые столь обезображивали бы себя при посредствѣ татуировки, какъ жители береговъ Икелембы: производя нарѣзы и перетяжки и пользуясь ядами, они усѣиваютъ свои лица наростами въ видѣ горошинъ и шишекъ, различныхъ у большинства отдѣльныхъ лицъ и придающихъ имъ устрашающую наружность. Молодая дѣвушка, видѣнная Grenfell'емъ, имѣла съ каждой стороны носа по шишкѣ, величиною съ яйцо голубя, препятствующее ей смотрѣть передъ собою: чтобы видѣть кого-нибудь, дѣвушка должна была настолько наклонять голову, чтобы взглядъ ея проходилъ надъ этими «шишками красоты».

Въ этихъ областяхъ средняго теченія Конго европейскимъ изслѣдователямъ удалось познакомиться только съ берегами рѣки и ея притоковъ: ни одинъ караванъ не проникалъ вглубь данныхъ странъ для проживанія среди туземцевъ, изученія ихъ характера, нравовъ и промышленности; къ тому же дремучій лѣсъ, въ которомъ господствуетъ копаловое дерево, а затѣмъ низменная и отчасти болотистая почва дѣлаютъ научное изслѣдованіе этого края весьма затруднительнымъ, и потому обитающія въ немъ племена извѣстны лишь по имени. Судя по говорамъ, весьма схожимъ между собой на протяженіи всего пояса, ограничиваемаго громаднымъ кольцомъ р. Конго, различные народцы, слѣдующіе одинъ за другимъ между станціей «Пороги Стэнли» и Экваторвилемъ, принадлежатъ къ одному и тому же семейству расы банту. Семейству этому можно было бы дать коллективное имя балоло, въ виду того, что такъ называется самое многочисленное и самое могущественное изъ составляющихъ его племенъ. Затѣмъ, въ этихъ областяхъ, какъ и въ областяхъ Верхняго Конго, подъ властью племенъ господствующихъ, проживаютъ также угнетенные аборигены вуа-туа, низкорослые и боязливые люди, убѣгающіе въ лѣса для избѣжанія, подобно обезьянамъ, сосѣдства охотниковъ.

V. Бассейнъ Уэллэ, страны племени монбутту и ніамъ-ніамъ.

Эта часть покатости Конго, пока еще не связанная маршрутами изслѣдователей съ главнымъ теченіемъ рѣки, но несомнѣнно принадлежащая къ нему, какъ это установили реляціи Юнкера, есть одна изъ тѣхъ областей, которыя въ будущемъ должны получить весьма важное экономическое значеніе, какъ мѣсто перехода отъ бассейна Конго къ бассейну Нила. Съ этнической точки зрѣнія, страна эта есть также мѣсто перехода отъ народовъ Нигера къ племенамъ банту, такъ какъ обитающіе на данномъ водораздѣлѣ народцы, хотя и составляютъ вполнѣ отличное отъ другихъ семейство, но, тѣмъ не менѣе, сходствуютъ своими обычаями съ обѣими расами. Съ полнымъ правомъ назвалъ этотъ край «сердцемъ Африки» первый проникшій въ него европейскій путешественникъ, Швейнфуртъ, такъ какъ здѣсь, дѣйствительно, перекрещиваются діагонали, проведенныя по материку Африки между устьемъ Конго и дельтою Нила, между заливами Гвинейскимъ и Аденскимъ. Но до сихъ поръ этотъ вершинный поясъ водораздѣльнаго нагорья извѣстенъ еще весьма недостаточно. Послѣдовавшія за столь замѣчательнымъ путешествіемъ Швейнфурта изслѣдованія Бондорфа, Lupton'a, Potagos'a и Casati доставили свѣдѣнія лишь второстепенныя и неравнаго достоинства; зато недавнее опубликованіе путешествій Юнкера было, по истинѣ, громаднымъ географическимъ событіемъ по отношенію къ познанію этой части материка. Затѣмъ слѣдовала экспедиція Стэнли, предпринятая для проложенія пути между Конго и верховьями Нила, а также для освобожденія египетскихъ войскъ Эмина-паши, находившихся въ Уаделаѣ и отрѣзанныхъ отъ пути на сѣверъ.

Рѣка, называемая Уэллэ племенемъ ніамъ-ніамъ, Номайо—племенемъ монбутту и Бахръ-эль-Макуа—арабами, зарождается, подъ именемъ Кибали, въ горахъ, ограничивающихъ съ запада озеро М'вутанъ-Нзиге, и сначала протекаетъ по такимъ областямъ, которыхъ еще не посѣщалъ бѣлый человѣкъ, но затѣмъ вступаетъ въ край, уже прославленный описаніями Швейнфурта, именно въ область племенъ монбутту и мангъ-бату. Край этотъ—одинъ изъ тѣхъ уголковъ Африки, которые отличаются самой роскошной растительностью и прелестью сельскаго пейзажа; это по-истинѣ—«земной рай». Находясь приблизительно на высотѣ отъ 760 до 850 метровъ и представляя волнистую поверхность, съ холмами въ сто и болѣе метровъ высоты, край этотъ пользуется умѣреннымъ климатомъ, несмотря на близость къ экватору; живыя воды змѣятся по всѣмъ ложбинамъ, осѣнен-

ныя высокими деревьями съ переплетающимися вѣтвями; хижины повсюду окружены зеленью банановъ и элаисъ (масляной пальмы). Хотя городовъ нѣтъ, но населеніе тѣмъ не менѣе очень густое. Швейнфуртъ исчисляетъ его въ одинъ милліонъ; такимъ образомъ, принявъ, что поверхность страны равна десяти тысячамъ квадратныхъ километровъ, получимъ по сто жителей на одинъ километръ, что на одну четверть превысило бы даже и среднюю населенность Франціи.

Рѣзко отличаясь отъ своихъ сосѣдей, монбутту имѣютъ почти семитическія черты лица: у многихъ изъ нихъ носъ даже совершенно орлиный. Цвѣтъ кожи у нихъ свѣтлѣе, чѣмъ у ніамъ-ніамовъ и окрестныхъ негровъ; борода длиннѣе, чѣмъ у большей части африканцевъ, тысячи индивидовъ имѣютъ бѣлокурые волосы, впрочемъ, курчавые, какъ и у другихъ негровъ, и почти бѣлую кожу; нигдѣ нѣтъ столь значительной пропорціи альбиносовъ. Конечности у монбутту длинныя и тонкія, но торсъ сильно развитый; ловкость ихъ изумительна. Оставаясь вѣрными костюму своихъ предковъ, мужчины носятъ одѣяніе, сработанное изъ лыка смоковницы, которое съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ видъ муаре; одежда эта красивыми складками облегаетъ вокругъ бедръ и стана, оканчиваясь остріемъ между лопатками; придерживается она опояскою изъ ремешковъ, изукрашенныхъ мѣдью. Женщины, прикрывающіяся значительно менѣе мужчинъ, носятъ лишь по одному простому переднику; въ нѣкоторыхъ же округахъ имъ запрещено даже и всякое одѣяніе [1]); но онѣ замѣняютъ его красивой татуировкой, состоящей изъ соединенія геометрическихъ линій; чаще всего онѣ разрисовываютъ себѣ все тѣло мелкими черными узорами, правильно расположенными и изображающими кресты, звѣзды, пчелъ, цвѣты, различные арабески, зеброобразныя полоски и мушки. Къ каждому празднику изготовляется новое живописное украшеніе, которое кокетка умѣетъ видоизмѣнять до безконечности. Мужчины ограничиваются окрашиваніемъ своего тѣла въ однообразный красный цвѣтъ. Что касается прически, то она одинакова у мужчинъ и у женщинъ: именно, волоса подбираются подъ цилиндрическую шапку изъ тростниковой плетенки, при чемъ иногда на затылкѣ такая шапка спускается на пол-метра ниже, чѣмъ на лбу; у знатныхъ лицъ ее украшаютъ

Женщина племени монбутту.

[1]) Wilson and Felkin, „Uganda".

многочисленными красными перьями и подѣлками изъ мѣди. Обычай прокалывать ухо для введенія туда палочекъ пересталъ уже быть всеобщимъ, хотя монбутту за эту моду получили отъ арабовъ прозвище гуру-гуру т. е. «проколотые». [1]).

Монбутту расчистили и засадили растеніями большую часть своей области, не заслуживъ, однако, чрезъ это наименованія земледѣльцевъ, такъ какъ они не даютъ себѣ труда ни разрыхлять, ни полоть почвы: заботу объ урожайности своихъ плантацій они всецѣло возлагаютъ на благость природы. За исключеніемъ кукурузы, которая, однако, встрѣчается только въ садахъ, они не воздѣлываютъ никакихъ хлѣбныхъ злаковъ; растительная ихъ пища состоитъ главнымъ образомъ изъ банановъ, сладкихъ пататовъ, иньяма, маніока, колоказіи—все, слѣдовательно, изъ такихъ плодовъ, которые превосходно родятся и безъ всякихъ заботъ со стороны земледѣльца; монбутту обладаютъ также двумя видами съѣдобныхъ пасленовыхъ растеній, неизвѣстныхъ вовсе въ Европѣ. Больше же всего заботъ монбутту прилагаютъ къ культурѣ слѣдующихъ растеній: сезама (кунжута), землянаго фисташковаго орѣха и виргинскаго табака или тоббу, отличающагося отъ табака туземнаго, воздѣлываемаго въ странѣ Рѣкъ, на нильской покатости. У каждой хижины птичникъ кишитъ живностью; но, за исключеніемъ куръ, затѣмъ собакъ, мясо которыхъ весьма цѣнится, и полуприрученныхъ кабановъ, туземцы домашнихъ животныхъ не разводятъ, убойный скотъ они добываютъ, грабя окрестныя негритянскія племена; они ѣдятъ также муравьевъ, примѣшивая ихъ къ кукурузѣ; кипятя самцовъ-термитовъ, они добываютъ масло, свѣтлое и блестящее, «вкусъ котораго безупреченъ». Будучи искусными охотниками, монбутту убиваютъ слоновъ, буйволовъ и антилопъ, а также, для своихъ пиршествъ, попугаевъ и другихъ птицъ; но они постоянно воюютъ съ своими сосѣдями, и главнѣйшею дичью для нихъ служитъ человѣкъ. Изъ всѣхъ африканскихъ народовъ-людоѣдовъ, у монбутту, какъ и у ихъ соплеменниковъ, манг-банга, человѣческое мясо, повидимому, входитъ самою большою долею въ обычный составъ ихъ пищи. Окруженные племенами, которыхъ они безразлично обзываютъ презрительнымъ словомъ: «монг-ву» и которыхъ они преслѣдуютъ какъ простую охотничью дичь, выкрикивая: «пишіо, пишіо», т. е. мясо, мясо!—монбутту избиваютъ на поляхъ битвъ по возможности больше враговъ, тотчасъ же коптятъ ихъ мясо и уносятъ его съ собою уже въ качествѣ пищи, заготовленной въ прокъ; что же касается плѣнниковъ, то они ихъ уводятъ, приберегая для удовлетворенія своихъ будущихъ потребностей. У каждаго семейства имѣется свой запасъ человѣческаго мяса, а человѣческій жиръ—самый употребительный. Швейнфуртъ легко могъ собрать болѣе двухсотъ череповъ; но большая часть ихъ были расколоты съ цѣлью болѣе легкаго извлеченія мозга. Зубы же вырываются у черепа изъ лунночекъ его челюстей и нанизываются въ видѣ ожерелья. Монбутту не продаютъ невольниковъ, они ихъ съѣдаютъ.

И, однако, несмотря на свое людоѣдство, монбутту во многихъ отношеніяхъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ между африканскими населеніями: это люди, слово которыхъ вѣрно, а дружба—прочна. У нихъ есть чувство національной солидарности, и они храбро защищаются отъ чужеземца. Въ 1866 году, когда нубійцы, вооруженные ружьями, проникли первый разъ въ страну, монбутту, предводимые женщиною, надѣвшею мужское платье и взявшею дротикъ и щитъ, доблестно отразили врага и принудили его просить мира. Въ домашнемъ быту, жена почти сравнена въ правахъ съ мужемъ; она имѣетъ свою долю въ собственности, свою личную волю и признанныя права. Къ тому же, какъ и у окрестныхъ негровъ, большая часть работъ выполняется женщинами, за исключеніемъ кузнечнаго дѣла, которое выпадаетъ на долю мужчинъ; женщины исполняютъ всѣ тяжелыя работы, какъ земледѣльческія, такъ и промышленныя; имъ же, отчасти, изготовляются разныя художественныя издѣлія по части плетенія и ваянія; но на музыкальныхъ инструментахъ онѣ не играютъ вовсе.

Промышленность, сравнительно, весьма развита у монбутту. Какъ горшечники, рѣзчики, строители судовъ и каменщики, они не имѣютъ себѣ соперниковъ въ области между Ниломъ и Конго. По четвероугольной формѣ ихъ домовъ, архитектура монбутту примыкаетъ къ архитектурѣ западныхъ племенъ, но она превосходитъ строительное искусство этихъ народцевъ размѣрами, придаваемыми зданіямъ, величиною пролетовъ, искусствомъ расположенія частей и богатствомъ украшеній. Недавно разрушенный пріемный залъ короля западныхъ монбутту напоминалъ по своей формѣ нефы большихъ желѣзнодорожныхъ станцій. Сводъ, цѣликомъ сложенный изъ искусно соединенныхъ черенковъ рафіи, имѣлъ въ длину болѣе 30, въ ширину 15, а въ высоту 12 метр.; красиво изогнутый, онъ покоился на трехъ рядахъ колонокъ изъ лоснящагося дерева; трехцвѣтные рисунки, ярко краснаго, желтаго и бѣлаго цвѣтовъ, украшали стойки и панели тысячами геометрическихъ фигуръ; полъ изъ битой глины былъ гладокъ, какъ паркетъ. Дома монбутту кажутся тѣмъ болѣе красивыми, что они всѣ утопаютъ въ зелени; за исключеніемъ столицы, остальныя поселенія со-

[1]) Schweinfurth;—Chaillé-Gong, „Afrique centrale".

стоятъ изъ ряда отдѣльно стоящихъ хижинъ, слѣдующихъ одна за другой по извилистымъ долинамъ; чѣмъ населеннѣе мѣстность, тѣмъ гуще тамъ и растительность.

До недавняго времени, монбутту не имѣли никакихъ торговыхъ сношеній съ своими сосѣдями. Лишь въ 1867 г., спустя годъ послѣ того, какъ арабы и нубійцы тщетно пытались завоевать этотъ край, самый могущественный изъ королей монбутту послалъ одному арабскому купцу приглашеніе поселиться подлѣ его мѣстопребыванія, съ запрещеніемъ, однако, подвигаться далѣе, къ народцамъ монъ-ву въ южныхъ территоріяхъ. Тщетно пройти впередъ пытался также и Швейнфуртъ: владѣтель монбутту желалъ сохранить только для одного себя выгоды отъ непосредственной торговли съ арабами; но, въ свою очередь, и ему пришлось преклониться передъ чужестранными наемниками—абутуркъ, т. е. «отцомъ турка», какъ арабовъ называютъ туземцы. Самыми цѣнными предметами обмѣна являются: слоновая кость, со стороны монбутту, и красная медь, доставляемая чужеземцами. Копья и стрѣлковые дротики дѣлаются изъ чистой мѣди. Доспѣхи короля Мунцы, искусно расположенные позади его трона, блистали на солнцѣ, какъ пламя. Украшеніями же изъ мѣди покрытъ былъ и весь этотъ повелитель: блистающій налобникъ оттѣнялъ глаза; ожерелье изъ мѣдныхъ пластинокъ блестѣло на груди: кольцами изъ латуни покрыты были руки и ноги, а мѣдные блюда и сосуды помѣщались у его ногъ. Какъ и у всѣхъ западныхъ, до Сенегаліи включительно, державцевъ, подъ рукою у короля монбутту были всегда орѣхи кола, которыми онъ лакомился въ присутствіи своихъ подданныхъ, а также предлагалъ и посѣтителямъ; но трапезы его всегда совершались втайнѣ, при чемъ зарывались въ землю всѣ остатки отъ его стола для того, чтобы никто не зналъ, чѣмъ онъ питается. Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ обычай остался еще отъ того времени, когда король имѣлъ притязаніе считать себя богомъ, существомъ, стоящимъ выше обычныхъ потребностей человѣка.

Во время путешествія Швейнфурта, земля племени монбутту дѣлилась на два королевства, одно, не большое,—на востокѣ, другое, болѣе обширное,—на западѣ. Владѣтель западныхъ монбутту былъ весьма могущественная особа; кромѣ монополій слоновой кости и вывоза мѣди, онъ взималъ налоги со всѣхъ произведеній почвы. Тѣлохранители повсюду его сопровождали, чиновники во всѣхъ областяхъ королевства были представителями его власти. Въ особенной оградѣ находились двадцать четыре дома, въ каждомъ изъ которыхъ проживала одна изъ его женъ; эти дома окружали королевскій дворецъ, а внѣ ограды проживали еще сотни женщинъ, такъ какъ король былъ также мужемъ какъ вдовъ своего отца, такъ и своихъ свояченицъ; вообще королевскій гаремъ по своей обширности могъ бы образовать цѣлый городъ. Въ странѣ монбутту умеръ, между прочимъ, путешественникъ Міани.

Другой народъ, который тоже былъ посѣщенъ Швейнфуртомъ, повидимому, принадлежитъ къ той же расѣ монбутту: это племя а-бенга (а-банга или ма-банга), живущее также въ бассейнѣ р. Уэллэ, на одномъ изъ сѣверныхъ ея притоковъ и, послѣ недавнихъ переселеній, въ большей части замѣнившее монбутту къ сѣверу отъ рѣкъ Уэллэ и Бомо-Конди [1]). Подобно монбутту, а-бенга одѣваются въ издѣлія изъ лыка, а воинское одѣяніе и оружіе у нихъ такія же, какъ и у монбутту; къ нимъ гораздо болѣе, чѣмъ къ монбутту, подходило бы прозваніе гуру-гуру, или «проколотые», такъ какъ почти у всѣхъ изъ нихъ ушная мочка прокалывается для вложенія въ нее палочки. Изъ всѣхъ народовъ Африки а-бенга, вѣроятно, самый ловкій: нельзя удержаться отъ сравненія ихъ съ обезьянами, видя, какъ они взбираются на деревья, влѣзая не только по стволу, но скользя также и по гибкимъ вѣтвямъ, и какъ, перекидываясь, цѣпляясь за гирлянды ліанъ, съ вѣтки на вѣтку, они, на-подобіе лазящихъ по снастямъ матросовъ, забираются на самую верхушку дерева. Людоѣдство у а-бенга составляетъ всеобщій законъ: каждый умирающій съѣдается. Дѣти, правда, не насыщаются тѣломъ своего отца, но они его продаютъ или обмѣниваютъ на другой трупъ; а такъ какъ на большую часть естественныхъ смертей смотрятъ какъ на дѣло чьихъ-нибудь чаръ, то вслѣдъ за чьею-либо смертью возникаютъ процессы, убійства и новыя погребальныя пиршества. Однако, не взирая на эти убійства, край а-бенговъ весьма населенъ, и жители его сравнительно не дикари. Женщины у нихъ пользуются большимъ уваженіямъ.

А бармбо или а-баромбо, обитающіе въ лѣсахъ по р. Уэллэ, къ западу отъ монбутту, принадлежатъ къ одной съ ними расѣ; но, бывъ нѣкогда могущественнымъ народомъ, они нынѣ разсѣяны и во многихъ мѣстностяхъ пребываютъ въ рабствѣ у ніамъ-ніамовъ.

Мангъ-баллэ, живущіе на правомъ берегу рѣки, говорятъ на особомъ языкѣ, но и они также соплеменники монбутту.

Между монбутту, и въ особенности между негрскими племенами или банту, живущими южнѣе, разсѣяны многочисленными группами семейства другой расы, именно акка, быть-можетъ, потомки аборигеновъ, населявшихъ страну до нашествія племенъ банту, какъ вуатуа на верхнемъ Конго. Одна провинція къ югу отъ р. Уэллэ, говорятъ, еще и нынѣ за-

[1]) Junker, „Petermann's Mittheilungen", 1884, Heft, III.

нята этими туземцами, которые, вѣроятно, то же самое, что бакка-бакка португальскихъ писателей XVII вѣка, и родственны бадіасамъ У-Ньоро [1]), въ области верховьевъ Нила. Изъ всѣхъ африканскихъ «карликовъ», этихъ акка ученые считаютъ по преимуществу представителями «маленькихъ людей», упоминаемыхъ Геродотомъ по поводу путешествія Назамоновъ. И, дѣйствительно, аккасы—и сами называющіе себя этимъ именемъ—весьма малы ростомъ: такъ, тѣ изъ нихъ, которыхъ Міани прислалъ, въ 1873 году, въ Италію, были въ 1 метръ 30,40 сантиметровъ; самый большой изъ видѣнныхъ Швейнфуртомъ имѣлъ всего полтора метра, а изъ двухъ другихъ туземцевъ, находившихся уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, ростъ одного равнялся 1 метру 34 сантиметрамъ, а другаго 1 метру 24 сантиметрамъ. Что касается тѣхъ нѣсколько болѣе высокихъ индивидовъ, которыхъ встрѣчали между аккасами, поселенными королемъ монбутту въ сосѣдствѣ съ своею резиденціею, то это, очевидно, были метисы, происшедшіе отъ брака между членами двухъ расъ. Чистые аккасы—брахицефалы; отличительные ихъ признаки: большая голова на короткой шеѣ; сильно выдающаяся впередъ челюсть, съ подбородкомъ, подавшимся назадъ, ротъ почти всегда открытъ, но губы не столь толсты, какъ у большинства негровъ; скулы выдавшіяся, а щеки въ морщинахъ; носъ маленькій и отдѣленъ ото лба глубокой впадиной, уши большія; глаза тоже большіе и широко открытые, что̀ придаетъ имъ видъ птицы. Цвѣтъ темной кожи свѣтлѣе, чѣмъ у другихъ негровъ. Тѣло у акка очень неуклюжее и, по Эминъ-бею, издаетъ особенный, очень рѣзкій запахъ. Вслѣдствіе чрезмѣрной развитости лопатокъ, спина представляется сгорбленною, между тѣмъ какъ волосатая грудь плоска и сдавлена съ боковъ; животъ вздутъ, какъ у дѣтей негровъ; конечности длинны и худы, руки очень тонкія, колѣни толстыя, а ступни поворочены внутрь; походка съ неуклюжимъ перевальцемъ. Со всѣмъ тѣмъ проворство и юркость ихъ движеній несравненны: въ травѣ аккасы прыгаютъ «какъ кузнечики», а ловкость ихъ настолько велика, что они не боятся нападать на слона, вонзая ему въ глазъ стрѣлу, или же, какъ разсказываютъ нубійцы,—проскальзывая у слона подъ брюхомъ, прокалываютъ ему копьемъ животъ. Какъ охотники, они отличаются искусствомъ изобрѣтать и разставлять западни, нападать врасплохъ и преслѣдовать дичь; благодаря именно этимъ талантамъ, аккасы живутъ въ мирѣ съ своими могущественными сосѣдями, которымъ они доставляютъ слоновую кость, а также конвоируютъ караваны съ солью, этимъ столь дорого цѣнящимся, внутри Африки, жизненнымъ припасомъ. Но какъ ни велика хитрость аккасовъ въ дѣлѣ охоты и торговли, они, повидимому, не очень понятливы въ отношеніи всего, что чуждо ихъ обычному образу жизни: они не способны выучиться языку тѣхъ націй, къ которыми приходятъ въ соприкосновеніе [1]). Швейнфурту разсказывали, будто для того, чтобы заучить одно иностранное слово, аккасъ нуждается въ нѣсколькихъ недѣляхъ; однако два индивида этого племени, присланные въ Европу Міани, легко выучились бѣгло писать по-итальянски и по-арабски. Наконецъ, и съ нравственной точки зрѣнія, аккасы являютъ весьма неприглядное качество: подобно злымъ дѣтямъ, они любятъ видѣть страданіе [2])

Къ западу и сѣверо-западу отъ территоріи манбутту, область водораздѣла между Нилом и Конго занята значительною націею зандеховъ, или а-зандехъ, болѣе извѣстной подъ именем ніамъ-ніамъ, какъ и племя шангала на нигерской покатости; націю эту называютъ также бабунгера и каракака. Водораздѣльный кряжъ, который между «Страною Рѣкъ» и склономъ къ Уэллэ направляется съ юго-востока на сѣверо-западъ—чрезъ землю зандеховъ проходитъ почти по-срединѣ, образуя собою здоровую область, находящуюся приблизительно на уровнѣ девятисотъ метровъ надъ моремъ, а съ этой высоты красиво-волнистая поверхность почвы спускается въ обѣ стороны до возвышенія надъ моремъ всего лишь на семьсотъ метровъ. Что же касается распространенія расы зандеховъ, то, вѣроятно, что на сѣверо-западѣ она проникаетъ также и въ верхній бассейнъ Хари, притокъ Чада; затѣмъ, большое сходство въ нравахъ и обычаяхъ, наблюдаемое между пагуинами Габоніи и ніамъ-ніамами, позволяетъ думать, что послѣдніе распространяются также на весьма большое разстояніе и въ направленіи къ западу. Эта родственность обѣихъ расъ кажется тѣмъ болѣе вѣроятною, что, выйдя изъ одного общаго для обоихъ племенъ центра, они, при своихъ переселеніяхъ, направились въ противоположныя стороны: въ то время, какъ пагуины говорятъ о своемъ пришествіи на западъ съ востока, ніамы-ніамы разсказываютъ о появленіи ихъ предковъ на востокѣ съ запада. Какъ бы тамъ ни было, часть Центральной Африки, уже извѣстная, какъ принадлежащая ніамъ-ніамамъ, исчисляется Швейнфуртомъ приблизительно въ 150 тысячъ квадратныхъ километровъ, а судя по числу индивидовъ, которыхъ различныя, уже посѣщенныя путешественниками, племена могутъ выставить вооруженными, общее число жителей, принадлежащихъ къ семьѣ зандеховъ или къ населеніямъ

[1]) Emin-bey, „Scottisch Geographical Magazine“, іюнь, 1887.

[1]) „Marchesetti, „Bolletino delle Scienze naturali“. Годъ № 2. III.

[2]) Schweinfurth, „Au coeur de l'Afrique“.

союзнымъ, вассальнымъ или порабощеннымъ, можно считать въ два милліона [1]); при этомъ густо населенныя пространства чередуются съ областями пустынными, раздѣльными поя-

Пейзажъ въ окрестностяхъ Куиссамы.

сами между враждебными княжествами. Ніамъ-ніамы не имѣютъ національнаго единства; такъ, Швейнфуртъ насчиталъ лишь въ одной части изслѣдованной имъ страны тридцать пять независимыхъ начальниковъ, изъ которыхъ у многихъ имѣются воспоминанія о взаимнопролитой крови. По Keane'у, слѣдовало бы въ особенности различать между ніамъ-ніамами племена: банда—въ сѣверо-восточной области; беланда—въ центральномъ округѣ, на сѣдловинѣ двухъ склоновъ, къ Нилу и къ Конго; и «бѣлыхъ» ніамъ-ніамовъ, живущихъ

[1]) Junker, упом. соч.

южнѣе другихъ, вплоть до пространствъ за Уэллэ; эти «бѣлые» ніамъ-ніамы наиболѣе цивилизованы. Изъ другихъ ніамъ-ніамовъ племя иддіо занимаетъ гористый край, находящійся къ западу отъ о. М'вутанъ-Нзиге. На нарѣчія зандехскія, повидимому, повліяли языки банту, хотя бы только въ смыслѣ образованія именъ народовъ съ мѣстоименными приставками. Племя, среди котораго долго прожилъ Юнкеръ, и которое группируется вокругъ города Ндорума, резиденціи короля того же имени,—одно изъ самыхъ могущественныхъ; оно одновременно господствуетъ надъ двумя склонами: однимъ къ Нилу—на высокихъ долинахъ, нисходящихъ къ Бахръ-эль-Джуру; и другимъ, къ Конго—къ притокамъ Верхней Уэллэ [1]). Въ этой водораздѣльной области, леопарды чрезвычайно опасны, и болѣе для людей, чѣмъ для животныхъ. По Юнкеру, каждое колѣно ежегодно теряетъ по крайней мѣрѣ человѣкъ по двадцать отъ зубовъ этого звѣря.

Молва о ніамъ-ніамахъ уже издавна была распространена внѣ ихъ края, между нубійцами и арабами; но превратное, вслѣдствіе отдаленности, представленіе о нихъ приписывало этому таинственному народу странные обычаи и дѣлало изъ него даже особую расу людей, нѣчто въ родѣ высшаго вида обезьянъ. Пресловутые «люди съ хвостами», которыхъ путешественники, будто-бы, встрѣчали по ту сторону областей Верхняго Нила, были не кто иной, какъ ніамъ-ніамы, хотя они и не прицѣпляютъ, на-подобіе племени бонго, къ своему поясу бычачьяго хвоста, который издали могъ бы, дѣйствительно, быть принятъ за естественный придатокъ: шкуры звѣрей, которыя ніамъ-ніамы надѣваютъ на спину, гораздо менѣе способны породить иллюзію. Но прозвище ніамъ-ніамъ, т. е. «ѣдоки»—прилагаемое, впрочемъ, нубійцами и ко многимъ другимъ, отличнымъ отъ зандеховъ, племенамъ—относительно заслужено ими, по крайней мѣрѣ, извѣстнымъ числомъ ихъ колѣнъ. Piaggia, первый путешественникъ, прошедшій съ 1863 по 1865 г. страну ніамъ-ніамовъ въ области склона къ Нилу, могъ за эти два года удостовѣриться лишь въ одномъ случаѣ людоѣдства, при чемъ побѣдители раздѣлили между собою останки павшаго врага. Несомнѣнно, что, взятые въ массѣ, зандехи предаются людоѣдству менѣе, чѣмъ монбутту; но въ большей части ихъ колѣнъ распространено преданіе, гласящее о съѣданіи какъ плѣнныхъ, такъ и тѣхъ, кто умираетъ, не оставляя друзей: при этомъ, всѣ трупы, за исключеніемъ труповъ людей, страдавшихъ какою-либо болѣзнью кожи, признаются годными для стола. Даже и тѣ, которые не ѣдятъ человѣческаго мяса, все-таки весьма плотоядны: они питаются въ особенности домашнею птицею, собаками и дичью, хотя домашняго скота и не разводятъ: тогда какъ у ихъ сосѣдей, бонго, народа, существенно земледѣльческаго и питающагося растительною пищею, одно и то же слово означаетъ «сорго» и «ѣсть», у ніамъ-ніамовъ, какъ равно и у пагуиновъ, одно и то же выраженіе употребляется въ смыслѣ словъ: «говядина» и «пища» [1]).

Голова у ніамъ-ніамовъ круглая и большая; носъ прямой, съ большими ноздрями, губы оттопыренныя, щеки полныя; въ общемъ лицо круглое, почти женское. Впечатлѣніе женственности увеличивается также и вслѣдствіе прически. Волосы, курчавые, какъ у сосѣднихъ негровъ, замѣчательны своею длиною: нѣкоторые ніамъ-ніамы носятъ косы, ниспадающія до пояса; у многихъ борода густая, значительно болѣе длинная, чѣмъ у остальныхъ негровъ. Прическа у ніамъ-ніамовъ проще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, которые, болѣе прихорашиваясь, проводятъ цѣлые дни въ завиваніи своихъ пуклей, въ приданіи волнистости своимъ космамъ и чищеніи своихъ головныхъ повязокъ, уборовъ. Большинство зачесываетъ свои волосы со лба на затылокъ, располагая ихъ правильными возвышенными рядами, наподобіе рядовъ на поверхности дыни; у другихъ на верхушкѣ лба треугольная косма дѣлитъ волосы на два свитка, изъ-подъ которыхъ висятъ косички, обрамляющія лицо; есть и такіе, которые, при посредствѣ кругообразной рамы, прикрѣпленной около головы, придаютъ своей прическѣ видъ вѣнца. Туловище же, въ противоположность сложной прическѣ, почти лишено украшеній. Ніамъ-ніамы презираютъ стеклянныя украшенія, столь любимыя большинствомъ другихъ негровъ; они ограничиваются нѣсколькими украшеніями изъ голубыхъ бусъ и раковины ужовки; насѣкаютъ на животѣ крестъ или какіе-либо другіе знаки: черточки, квадратики или треугольники, а также, какъ знакъ своей національности, располагаютъ на лицѣ прямоугольникомъ нѣсколько татуировальныхъ точекъ. Звѣриная шкура препоясываетъ ихъ туловище, а начальники украшаютъ мѣхомъ леопарда также и свою голову. Всѣ спиливаютъ рѣзцы, превращая ихъ въ остроконечія. Со всѣмъ тѣмъ, несмотря на мягкую округлость ихъ лица и стана, а также и на щегольство женственною прической, ніамъ-ніамы отличаются между всѣми африканцами благородствомъ походки: можетъ-быть, туловище ихъ, сравнительно съ ногами, нѣсколько и длинно, но, тѣмъ не менѣе, ніамъ-ніамы удивительно подвижны. Они умѣютъ владѣть своимъ оружіемъ: копьемъ и желѣзнымъ дротикомъ съ опасной ловкостью.

[1]) „Encyclopedia Britannica".

[1]) G. Schweinfurth, упом. соч.;—Ed, ponel, рукоп. замѣтки.

Отличительную черту зандеховъ составляетъ сильная привязанность между супругами. Въ этомъ краѣ женъ не покупаютъ, какъ это въ обычаѣ почти у всѣхъ африканскихъ народовъ; но молодой человѣкъ, желающій жениться, обращается къ начальнику округа, который и выбираетъ ему подходящую невѣсту. И, однако, несмотря на эту авторитарную форму брака, считающую лишнимъ справляться съ волею самихъ вступающихъ въ супружество, несчастные браки рѣдки: жены, вообще вѣрныя своимъ супругамъ, держатъ себя неприступно въ отношеніи чужихъ мужчинъ. Въ этомъ отношеніи существуетъ полный контрастъ между ними и женщинами изъ племени монбутту. Въ свою очередь, и ніамъ-ніамы страстно любятъ своихъ женъ; поэтому во время войнъ, враги прежде всего стараются забрать въ плѣнъ женщинъ и тѣмъ побудить мужчинъ просить пощады и предложить дань. Бродячіе зандехскіе пѣвцы, весьма схожіе съ тою сенегамбійцевъ, воспѣваютъ въ своихъ пѣсняхъ столькоже любовь, сколько и дѣла славы. Большіе артисты, ніамъ-ніамы страстно любятъ музыку: они цѣлые часы проводятъ въ игрѣ на мандолинѣ, впадая иногда въ истинное опьяненіе [1]).

Подобно монбутту, ніамъ-ніамы предоставляютъ женщинамъ заботу воздѣлывать сады; питательную пищу въ особенности доставляетъ одинъ родъ хлѣбныхъ злаковъ, eleusina koro-kana, изъ которой приготовляется пиво, потребляемое въ краѣ въ весьма большомъ количествѣ. Ніамъ-ніамы воздѣлываютъ также маниокъ, бататы, иньямъ и египетскіе образки; на сѣверной же части края бананы рѣдки, и не видно ни сахарнаго тростника, ни масличной пальмы. Ловкость руки и вкусъ ніамъ-ніамовъ проявляются въ ихъ промышленныхъ работахъ: горшечномъ производствѣ, плетеніи, бондарномъ ремеслѣ и обработкѣ желѣза. Дома и житницы—круглой формы, соотвѣтственно тому, господствующему въ Восточной Африкѣ,—выстроены съ большою тщательностью; вокругъ дверей выложены изъ деревяннаго багета геометрическіе рисунки; крыши, въ видѣ колокола совершенно правильной формы, увѣнчаны шпилями рѣзной работы. Увѣренные въ своей силѣ, ніамъ-ніамы живутъ не деревнями, огороженными палисадомъ,—хижины ихъ разсѣяны посреди садовъ; рѣдко поселки содержатъ болѣе двухъ или трехъ хозяйствъ.

Начальники ніамъ-ніамовъ гнушаются всякимъ внѣшнимъ блескомъ: кромѣ леопардовой шкуры, они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ подданныхъ; тѣмъ не менѣе, они пользуются громадною властью. Они—владыки, и про нихъ разсказываютъ, что иной разъ, когда имъ не представилось случая наказать за преступленіе или за сопротивленіе ихъ власти, они накидываются на кого-либо изъ безвинныхъ людей и собственною рукою обезглавливаютъ такого несчастливца, для того только, чтобы ихъ право располагать жизнью и смертью своихъ подданныхъ оставалось неоспоримымъ. Какъ и въ европейскихъ монархіяхъ, верховную власть наслѣдуетъ старшій сынъ. Доходы королей состоятъ изъ слоновой кости и половины мяса слоновъ, убитыхъ въ королевствѣ. Кромѣ того, королямъ присвоены большія имѣнія, почву въ которыхъ воздѣлываютъ ихъ жены и рабы. Въ западныхъ округахъ, посѣщаемыхъ негроторговцами изъ Дар-Фора, начальники заставляютъ платить себѣ дань юношами и молодыми дѣвушками, которыхъ, затѣмъ, продаютъ чужестранцамъ. При этомъ, въ качествѣ вознагражденія, часть вырученныхъ денегъ уступается семействамъ проданныхъ. Въ южныхъ королевствахъ Канна, расположенныхъ на югъ отъ Уэллэ, могила государя стережется двадцатью пятью дѣвственницами-весталками, которыя, подъ страхомъ смертной казни, должны поддерживать священное пламя подлѣ надгробнаго камня.

Среди племенъ ніамъ-ніамъ, а также и на правомъ берегу Уэллэ, отдѣляющей ніамъ-ніамовъ отъ а-барандо, проживаютъ въ многочисленныхъ деревняхъ а-манди которые., хотя и говорятъ на языкѣ, отличномъ какъ отъ языка зандеховъ, такъ и отъ всѣхъ нарѣчій въ краѣ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки походятъ на ніамъ-ніамовъ: только кожа у нихъ чернѣе, да черепъ почти брахикефалическій; волосы они заплетаютъ косичками на лбу, и почти всѣ, подобно неграмъ а-бенга [1]), имѣютъ по палочкѣ въ ухѣ. Далѣе, въ области сліянія Уэллэ съ Бомоканди, находится территорія племени эмбата, которое, благодаря своимъ ладьямъ, живетъ въ гордой независимости: при малѣйшей опасности, эмбата переплываютъ на другой островъ или на противоположный берегъ и оттуда бравируютъ своего врага. По расѣ и по языку—это братья монбутту.

Къ югу отъ территоріи ніамъ-ніамовъ, въ прибрежныхъ странахъ Конго и ея притоковъ, простирается область тѣхъ народовъ банту, которые еще не изучены европейскими путешественниками и которые извѣстны пока лишь по имени. Изъ нихъ, два, повидимому, могутъ быть сочтены за племена, въ этническомъ отношеніи, переходныя; таковы: абобуа, т. е. «собаки», и нгомбэ, т. е. «коровы»; обитаютъ они въ верховыхъ бассейнахъ притоковъ Конго, между Арахуими и У-Банги. Одною изъ наиболѣе значительныхъ націй, по численности и поверхности занимаемыхъ ею земель, являются могущественные у-банги,

[1]) Piaggia;—Schweinfurt.

[1]) Junker, „Petermann's Mittheilungen", 1883, Heft III.

давшіе имя и большому притоку Конго; но этотъ народъ живетъ не только въ предѣлахъ у-бангійскаго бассейна; онъ далеко переходитъ за его границы, и почти вся область «французскаго Конго», орошаемая рѣками Ликуалла и Алима, принадлежитъ ему. Здѣсь-то у-банги и были впервые встрѣчены путешественниками-изслѣдователями.

VI. Французская территорія Конго.

Изъ предъидущаго уже извѣстно, что восточная часть французскихъ владѣній Габоніи имѣетъ наклонъ къ долинѣ рѣки Конго. Чрезъ эту область протекаютъ многія судоходныя рѣки, открывая такимъ образомъ путь между побережьемъ океана и берегами средняго теченія Конго, кверху отъ пороговъ. Бунга и ея многочисленные притоки: Ликуалла, Алима, Нкени, Лефини — превратятся со временемъ въ торговые пути между Огоуэ и Габономъ, и страна, нынѣ географически несплоченная, въ концѣ концовъ, будетъ составлять однородное цѣлое; даже болѣе: р. У-Банги, правый берегъ которой сдѣлался собственностію Франціи, сдѣлается дорогой въ верхнюю долину Нила и къ центральнымъ равнинамъ, занимаемымъ низменностью озера Чадъ. Однако эта громадная территорія, къ которой недавно заключенная конвенція съ Конгскимъ государствомъ прибавила еще пространство, быть-можетъ, въ сто тысячъ квадратныхъ километровъ, останется безъ всякаго значенія до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ сѣть тропинокъ, по которымъ туземцы проводятъ свои караваны [1]), пока проѣзжія дороги не соединятъ другъ съ другомъ судоходныя рѣки, и пока сами населенія, проживающія въ дикомъ обособленіи, не сблизятся между собою общностью интересовъ. Нынѣ изслѣдователи той части конгскаго склона, которая принадлежитъ Франціи, ограничиваются пока лишь изученіемъ этой области; самый край присоединенъ къ Франціи только по имени, а его внѣшняя торговля, о которой заранѣе объявлялось, какъ объ источникѣ обогащенія для французскихъ торговцевъ, не даетъ еще, какъ и въ первые свои дни, ровно ничего; и только географическое изслѣдованіе страны пополнилось изученіями флоры и фауны и народовъ, ея населяющихъ [2]). Такимъ образомъ, дѣйствительное присоединеніе края и приданіе ему цѣнности—пока еще въ будущемъ.

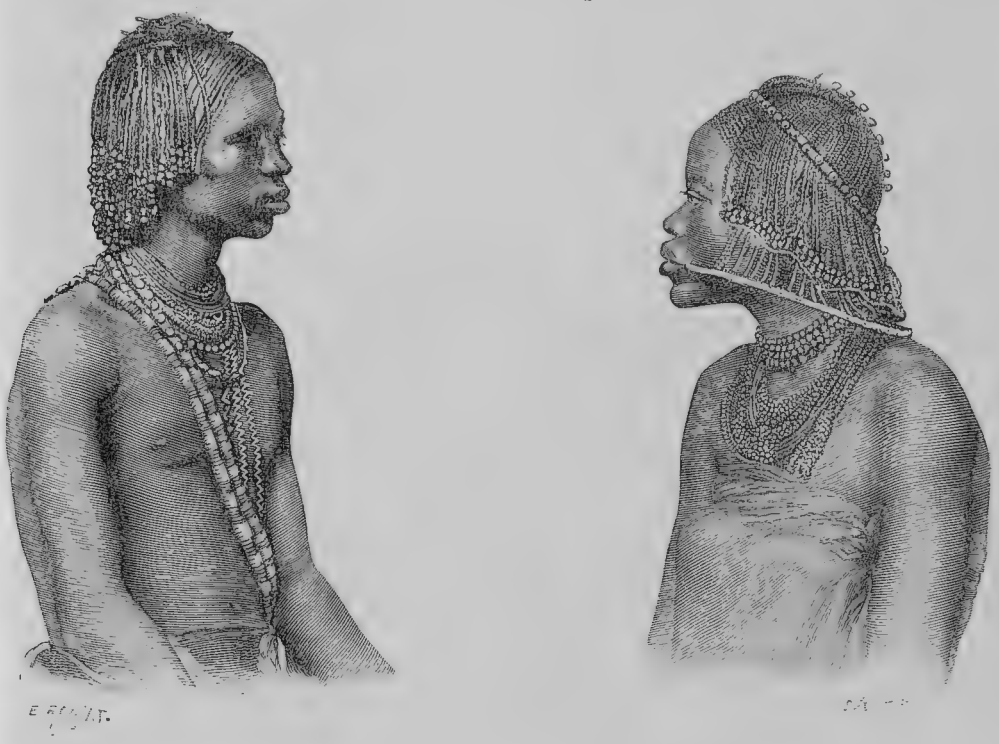
Рѣка У-Банги, по которой Grenfell, этотъ «чародѣй въ очкахъ», поднялся вплоть до области за порогами Конго, извѣстна лишь въ ея нижнемъ теченіи. Къ сѣверу отъ водопадовъ, пароходъ, желавшій проникнуть выше, встрѣтилъ уже стрѣлы туземцевъ, засѣвшихъ въ воздушныхъ селеніяхъ, на помостахъ, поддерживаемыхъ вѣтвями бавольника: такимъ образомъ, въ этой части конгскаго бассейна, мы снова встрѣчаемъ нравы населеній верхняго теченія Хари [1]). Ниже, въ земляхъ, прилегающихъ къ восточному берегу рѣки, значительно гуще населенныхъ, проживаютъ племена: бо-ати, мо-ніембо, мбонджо и мутумби, села которыхъ такъ же сближены между собою, какъ и поселенія племени бангала на р. Конго. По утрамъ, когда мужчины отправляются къ своимъ рыболовнымъ снастямъ, столь же искусно сработаннымъ, какъ и снасти туземцевъ, обитающимъ около пороговъ Стэнли, или когда они сопровождаютъ женщинъ и дѣтей на прирѣчныя поля,— иногда можно видѣть до двухъ или трехсотъ лодокъ, которымъ предшествуетъ нѣчто въ родѣ адмиральскаго корабля: съ этой лодки раздается бой военнаго барабана. Берега Нгири, между У-Банги и Конго, не менѣе многолюдны: деревни, банановыя и пальмовыя рощи безъ перерыва слѣдуютъ на пространствѣ 170 километровъ. Къ западу отъ р. У-Банги, ба-лохи (ба-лои), которыхъ по силѣ и мускалатурѣ можно сравнить съ Фарнезскими Геркулесами разсѣяны въ лѣсахъ, на поворотахъ рѣки. Всѣ эти племена на берегахъ У-Банги замѣчательны своей силой и красотою тѣла; другъ отъ друга они отличаются татуировкою и прическою. Людоѣдство — обычаемъ имъ; всѣ плѣнные съѣдаются [2]). Мбонджо одѣваются въ листву и въ рыболовныя сѣти.

Населенія французскаго Конго, по численности оспаривающія первенство у пагуиновъ бассейна Огоуэ, принадлежитъ къ племени бубанги, обитающему на берегахъ рѣки того же имени. De-Chavannes полагаетъ, что число этихъ негровъ расы банту достигаетъ по крайней мѣрѣ милліона, включая сюда также и тѣ племена, которыя, нося и другія наименованія, каковы: апъ-фуру, на р. Алимѣ, и баянзи, или ба-ніанзи, на лѣвомъ берегу Конго, принадлежатъ, несомнѣнно, къ одной и той же націи, такъ какъ у нихъ одинаковые нравы, одинаковая отличительная татуировка и одинъ и тотъ же языкъ. Въ землѣ у-бангов не рѣдко можно встрѣтить селенія въ двѣ или три тысячи человѣкъ. По преданію, бу-банги пришли, будто-бы, съ сѣвера, въ концѣ XVIII столѣтія, и подвинулись до береговъ р. Лефини, гдѣ были остановлены королемъ племени ба-тэкэ, который, послѣ трехдневной битвы, и побѣдилъ ихъ. Еще и нынѣ бубанги не могутъ спускаться на пирогахъ до

[1]) Ed. Ponel, рукописныя замѣтки.
[2]) „Exposition de la mission Brazza au Museum". „Revue Scientifique", 1886.

[1]) Nachtigal, „Sahara und Sudan.
[2]) Van Gele, „Mouvement Géographique", 8 мая 1887.

пруда или озера Стэнли, не уплативъ пошлины за проходъ ба-тэкэйскому чиновнику, «начальнику надъ рѣкой [1]). Однако, ихъ переселенческое движеніе къ югу продолжается; впрочемъ, они вообще встрѣчаютъ хорошій пріемъ, такъ какъ являются торговыми посредниками между различными племенами; они весьма предпріимчивы, смѣлы въ дѣлахъ и большіе вѣстовщики новостей: стоитъ имъ придти въ село, какъ вокругъ нихъ собирается толпа любопытныхъ. При томъ же въ нихъ видятъ распространителей модъ, такъ какъ они весьма искусны въ заплетаніи волосъ въ косички, въ выкручиваніи изъ нихъ остроконечій, въ расписываніи тѣла, въ покрытіи его татуировкою и мясистыми валиками, которыхъ они добиваются при посредствѣ двухъ бамбуковыхъ палочекъ, образующихъ заволоку; женщины ихъ обрекаютъ себя на муку ношенія сдѣланныхъ изъ массивной мѣди ожерельевъ и набедренниковъ: нѣкоторыя изъ знатныхъ дамъ съ трудомъ двигаются подъ тяжестью драгоцѣнностей, вѣсящихъ въ общемъ до 50-ти и даже до 60-ти килограммовъ. Большія ладьи бу-банговъ весьма красивы, а сидящіе въ нихъ гребцы расписаны и разукрашены перьями. На носу сидитъ ребенокъ, а на кормѣ одинъ изъ мужчинъ и отбиваетъ ногою тактъ для гребцовъ; другой звонитъ въ колокольчикъ для того, чтобы распугать гиппопотамовъ, весьма многочисленныхъ въ боковыхъ каналахъ-протокахъ рѣкъ Конго и У-Банги. Бу-банги, будучи прирожденными торговцами, обзавелись настоящею монетною системою, примѣняемой на всемъ протяженіи рѣки, отъ пороговъ Стэнли до пруда Стэнли; такъ, извѣстное число раковинъ составляетъ одну микату, имѣющую форму спирали изъ туземной мѣди; а десять микатъ, представляемыхъ полоскою изъ европейской латуни, составятъ одно митако [1]). Въ отдаленныхъ областяхъ страны, куда еще не проникала власть бѣлыхъ, начальники бу-банговъ не иначе могутъ переселяться въ другой міръ, какъ въ сопровожденіи многочисленныхъ рабовъ и нѣсколькихъ изъ своихъ женъ; при этомъ, первая жена оказывается вооруженною страшною властью опредѣленія тѣхъ изъ своихъ подругъ, которыя должны послѣдовать за умершимъ мужемъ въ могилу: жены покойнаго, одѣтыя въ трауръ и посыпанныя пепломъ, безмолвно ожидаютъ этого роковаго приказа [2]). Постъ Нкунджіа, учрежденный было французами въ краѣ бу-банговъ, уже покинутъ ими, такъ какъ, находясь на лѣвомъ берегу У-Банги, онъ, вмѣстѣ съ этимъ берегомъ, по недавней конвенціи, отошелъ къ Конгскому государству. Большимъ рынкомъ въ краѣ, территоріальной области независимаго государства, служитъ группа деревень, называемая Иребу (Илебу),



Мужчина и женщина племени куиссама.

[1]) Ed. Ponel, рукоп. замѣтки.

[1]) Ed. Ponel, рукоп. замѣтки;—Pagels, „Ymer“, 1889

[2]) Ed. Ponel, рукоп. замѣтки.

на рѣкѣ, вытекающей изъ озера Монтумба и впадающей въ Конго почти насупротивъ устья У-Банги.

Въ верхнихъ бассейнахъ рѣкъ Бунга и Ликуалла, находящихся къ западу отъ У-Банги, обитаютъ народцы: джамби, окота, оканга, умбээ и бамбу, извѣстные лишь по именамъ, такъ какъ Jaques de Brazza и Pecile, проходившіе чрезъ ихъ территорію, не могли пробыть у нихъ долго, и къ тому же были приняты съ недовѣріемъ. Въ низовой части этихъ рѣкъ, какъ равно и на р. Алимѣ, мы снова вступаемъ въ страну бу-банговъ, называющихся, впрочемъ, иначе, именно—апъ-фуру; извѣстны они также и подъ именемъ ба-фуру; подобно своимъ сородичамъ, они, прежде всего, разносчики товаровъ: такъ, между ними встрѣчаются цѣлыя семейства, члены которыхъ и родились на пирогѣ, и на ней же умрутъ. Во многихъ мѣстностяхъ пловучія деревни болѣе многочисленны и болѣе населены, чѣмъ группы хижинъ на сушѣ. Ба-тэкэ верхняго теченія Алимы продаютъ маніокъ, а судовщики изъ племени апъ-фуру превращаютъ его въ муку и затѣмъ развозятъ по селеніямъ низовья. Ежедневное количество такого маніока, продаваемаго апъ-фурами прибрежнымъ племенамъ Алимы и Конго, исчисляютъ въ десять тысячъ тоннъ [1]).

Благодаря этому торговому движенію, Алима изъ всѣхъ французскихъ рѣкъ конгскаго склона пріобрѣла наибольшую важность въ стратегическомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что, зарождаясь въ одномъ и томъ же съ р. Огоуэ поперечномъ углубленіи материка, Алима продолжаетъ, слѣдовательно, путь, намѣченный этою рѣкою между двумя половинами Габоніи, сѣверной и южной. Къ одному изъ береговъ притока Алимы примыкаетъ также и дорога, проведенная по водораздѣльному плоскогорію къ востоку отъ Франсевилля. Здѣсь, на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, учреждены посты для найма носильщиковъ и для экспедиціи товаровъ. Ближайшая къ истокамъ Алимы станція, Дьэле, расположена на рѣкѣ того же имени; ниже по теченію находится станція Алима, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ сліянія рѣкъ Дьэле и Гомбо образуется и самая рѣка Алима. Затѣмъ слѣдуетъ станція Лекети, расположенная при впаденіи въ Алиму еще одного притока. Станція Помбо или Мбоши—основанная главнымъ образомъ для того, чтобы доставлять «солому» и «бамбукъ» или стволы рафіи прибрежнымъ постамъ на Конго — выстроена въ той мѣстности, гдѣ Алима соединяется съ главной рѣкою.

Племя мбоши, давшее свое имя станціи на низовьѣ Алимы, представляетъ одинъ изъ наиболѣе дикихъ народовъ конгской области: очень жадные къ наживѣ, упрямые и недовѣрчивые, они крайне неудобные сосѣди для ба-тэкэ и апъ-фуру; также и французскій постъ не безъ труда могъ удержаться на ихъ территоріи. Въ физическомъ отношеніи, мбоши велики, рослы, широкоплечи, но у нихъ нѣтъ ни изящества ба-тэкэ, ни скульптурной красоты апъ-фуру. Вѣроятно, происхожденія они смѣшаннаго, и такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые живутъ на берегахъ рѣки, женятся предпочтительно на дѣвушкахъ изъ чужихъ племенъ, то смѣшенія расъ продолжаются и понынѣ. Преданные фетишерамъ, которые въ то же время знахари, судьи и палачи, мбоши прилагаютъ большое стараніе къ отстраненію злаго рока, проводя для этого себѣ вокругъ глазъ, а также и на извѣстныхъ частяхъ лица, многоцвѣтныя черточки, при чемъ бѣлый цвѣтъ предохраняетъ отъ утопленія, красный — избавляетъ отъ ранъ, а желтый—защищаетъ отъ огня. По равнодушію къ красивымъ безделушкамъ и украшеніямъ, мбоши—почти единственные между неграми; они презираютъ туалетъ, заботамъ о которомъ большинство нигритянъ и банту отдаютъ большую часть своего своего существованія. Мбоши совсѣмъ не артисты. Сенегальская поговорка: «какъ только сядетъ солнце, вся Африка пускается въ плясъ» не примѣнима къ мбоши: онъ не пляшетъ и не бьетъ въ барабанъ иначе, какъ въ важныхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ національный интересъ. Но онъ очень заботится о красотѣ своей хижины, и когда ему приходится ее перемѣстить, онъ съ благоговѣніемъ переноситъ матеріалы, изъ которыхъ она была сработана, и съ большою церемоніею возстановляетъ свое жилище на новомъ мѣстѣ. Прежде оружіемъ ему служили копья изъ твердаго дерева, но нынѣ онъ употребляетъ оружіе изъ желѣза и ружье. Рвы, замаскированные зеленью и утыканные отравленными колышками, защищаютъ деревни; при проходѣ чрезъ страну мбошей, слѣдуетъ тѣмъ болѣе быть на-сторожѣ, что въ большей части случаевъ временемъ для нападенія избирается ночь. Мбоши воздѣлываютъ почву, а промышленность ихъ пока самая первобытная, ограничивающаяся обработкой желѣза и тканьемъ передниковъ. Размѣстясь на низовьяхъ Алимы, между областью плоскогорій и Конго, мбоши прежде всего торговцы и продавцы военнопленныхъ, а также украденныхъ женщинъ и дѣтей. Когда умираетъ замужняя женщина, то родители возвращаютъ мужу ея покупную стоимость, но, съ своей стороны, мужъ обязанъ доставить столько рабовъ, сколько покойная жена родила ему сыновей и дочерей. Иногда, для расплаты съ долгами, отцы продаютъ и собственныхъ дѣтей [1]).

[1]) Ch. de Chavannes, „Bulletin de la Société de Géographie de Lyon". Февраль—мартъ, 1886.—De Brazza, упом. соч.

[1]) Ed. Ponel, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris". 3-ій триместръ.—Также и рукописныя замѣтки.

Племя ба-тэкэ населяетъ прибрежныя мѣстности вдоль верхняго теченія Алимы, а также плоскогорія, служащія водораздѣломъ; эти плоскогорія во многихъ мѣстахъ бѣлизною своихъ песковъ походятъ на солончаковыя пространства. Нѣкоторыя изъ батэкэйскихъ племенъ проникли на западѣ—въ бассейнъ Огоуэ, а на югѣ—въ страну, по которой протекаютъ рѣки Нкэни и Лефини; ба-тэкэ переходятъ и за Конго, на лѣвый берегъ, занимая его къ югу отъ устья р. Куа или Кассаи: такимъ образомъ, территорія ихъ не меньше территоріи, занимаемой племенемъ бу-банги; однако, различныя колѣна ихъ весьма отличаются другъ отъ друга. Ба-тэкэ плоскогорій разнствуютъ отъ бу-банговъ какъ внѣшностью, такъ и нравами. Они слабѣе, малорослѣе, менѣе мясисты: большинство изъ нихъ до того худощавы, что ихъ прозвали «ходячими скелетами». Ба-тэкэ удивительно умѣренны въ пищѣ. Немного маньока, насѣкомыхъ, гусеницъ,—которыхъ они собираютъ на ходу, — достаточно для того, чтобы ихъ напитать. Женщины, вооружась длинными палками съ клочкомъ кудели на одномъ концѣ, ловятъ кузнечиковъ, которыхъ, поэтому, и называютъ: «мясомъ ба-тэкэ» [1]); для того же, чтобы удобнѣе было плѣнить этихъ насѣкомыхъ, поджигаютъ травы. Всѣ эти животники, съ гарниромъ изъ катышковъ маніока, составляютъ лакомое блюдо для ба-тэкэ; любятъ ба-тэкэ и копченыхъ жабъ [1]); однако всѣмъ явствамъ они предпочитаютъ жареныя личинки нѣкоторыхъ видовъ мотыльковъ. Къ людоѣдству ба-тэкэ еще прибѣгаютъ въ военное время, съѣдая какъ плѣнныхъ, такъ и трупы непріятеля.

Несмотря на скудное питаніе, ба-тэкэ—рьяные работники. У нихъ мужчины не взваливаютъ воздѣлыванія почвы на однѣхъ женщинъ; однако, это онѣ преимущественно обрабатываютъ поля подъ маніокъ, просо, кукурузу, сахарный тростникъ, земляныя фисташки и табакъ. Будучи весьма уважаемы, женщины имѣютъ голосъ на совѣтѣ, и въ важныхъ случаяхъ ничего не рѣшается прежде, чѣмъ выскажутся также и жены, которыя дѣлаютъ это съ тою же умѣлостью въ сужденіяхъ и выраженіи, какъ и ихъ мужья. Каждая группа жилищъ, весьма опрятныхъ и расположенныхъ на видномъ мѣстѣ, на холмѣ, имѣетъ свою пальмовую рощицу, высота которой свидѣтельствуетъ о давности основанія деревни. Листья этихъ пальмъ служатъ для изготовленія туземныхъ передниковъ, а также и тѣхъ болѣе широкихъ тканей, въ которыя облекаются начальники племени. При сборѣ листьевъ, ихъ оставляютъ только на макушкѣ деревьевъ. Пальмы элаисъ даютъ масло, а пальмы думъ—вино. Однако, при такомъ обращеніи съ деревьями мѣстные туземцы, подобно племенамъ бу-банги и ба-

Усохшіе пальмовые стволы.

[1]) A. Pecile, „Bolletino della Societa Geografica Italiana", Іюнь, 1887.

[1]) Léon Guiral, рукописныя замѣтки.

янзи, кончаютъ тѣмъ, что умерщвляютъ растеніе, которое, будучи лишено листьевъ и принявъ тускло-сѣрый цвѣтъ, становится похожимъ на колъ съ утолщенной верхушкой, вслѣдствіе чего усохшія пальмовыя рощицы кажутся какъ-бы-группами столбовъ [1]). Образовавъ караваны въ триста или четыреста человѣкъ, и будучи сопровождаемы маленькими собачками — которыхъ часто хозяева несутъ на рукахъ и съ которыми они дѣлятъ свою умѣренную трапезу — ба-тэкэ отправляются торговать ко всѣмъ сосѣднимъ племенамъ: вымѣнивая рабовъ на соль, они на сѣверѣ достигаютъ земли племени оканга, на рѣкѣ Салинъ, притокѣ Ликуаллы, а на юго-западѣ доходятъ до страны племени ма-йомбэ, на берегу океана [2]). Ба-тэкэ охотно нанимаются и какъ носильщики: они нагружаютъ въ свои корзины (плетухи) клади отъ 25 до 30 килограммовъ и скорымъ шагомъ идутъ цѣлый день, безъ остановки, до вечера. Вообще, транспортную службу между Франсевиллемъ и Алимою исполняютъ почти исключительно ба-тэкэ, которымъ платятъ за ихъ трудъ тканями, бусами, раковинами, солью и порохомъ.

Къ югу отъ Алимы, на берегахъ Нкени обитаютъ а-бома, гордые туземцы, единственные въ конгской области, не курящіе конопли, и куйя—рыбоѣды, очень суевѣрные относительно своей пищи и изрекающіе «ерунда» надъ большей частію блюдъ. Куйя очень уважаютъ своихъ мертвецовъ; наслѣдники вступаютъ во владѣніе выпадающимъ на ихъ долю имуществомъ не иначе, какъ въ годовщину смерти и послѣ того, какъ черепъ умершаго, извлеченный изъ могилы и обернутый въ красивую ткань, будетъ помѣщенъ подъ очагъ той хижины, которая принадлежала покойному. Плоскогоріе, съ котораго нисходитъ рѣка, занято племенемъ аши-куйя, также принадлежащимъ къ конфедераціи ба-тэкэ, при чемъ главный начальникъ ихъ, Нгіа-Комунгири, раздѣляетъ свѣтскую власть съ Макоко, владѣтелемъ въ Нгантшу. По словамъ Jaques de Brazza, аши-куйя—самые искусные ткачи во всемъ французскомъ Конго [3]). Львы и леопарды весьма многочисленны на берегахъ Нкени, но они рѣдко нападаютъ на людей, между тѣмъ какъ на берегахъ У-Банги эти звѣри весьма опасны. Цапли, птицы-фетиши, гнѣздятся во множествѣ на деревьяхъ по берегамъ рѣки.

Книзу отъ устья Нкени, на французскомъ берегу Конго находится нѣсколько приречныхъ станцій. Изъ нихъ постъ Нганчу, на скалистомъ мысѣ, важенъ тѣмъ, что находится на небольшомъ разстояніи книзу отъ сліянія Кассаи и Конго, насупротивъ мѣстечка Мсуата, на лѣвомъ берегу: эти деревни господствуютъ надъ обширною судоходною сѣтью. Нганчу—портъ небольшаго королевства, государь котораго, или Макоко, пріобрѣлъ извѣстность своими сношеніями съ de-Brazza, а также трактатомъ о вступленіи въ вассальныя отношенія къ Франціи, подписывая который, онъ призвалъ въ свидѣтели своего главнаго фетиша и своихъ домашнихъ боговъ. Взявъ щепоть своей земли и положивъ ее въ ящикъ, этотъ великій фетишеръ произнесъ слѣдующія слова: «Возьми эту землю и отнеси ее главѣ бѣлыхъ; она будетъ ему напоминать о томъ, что мы принадлежимъ ему». Вотъ какимъ образомъ ба-тэкэ и сосѣднія племена: а-бома, а-сирья и ба-лялли—на которыхъ распространяется нѣкоторое религіозное верховенство Макоко — подпали подъ французскій протекторатъ; однако, другіе вассалы должны были признать сюзеренитетъ Конгскаго государства, и по трактату французы отказались отъ своихъ притязаній на эти территоріи. Деревня Мбейо, въ которой пребываетъ главный начальникъ, также извѣстна, равно какъ и онъ самъ, подъ именемъ Макоко или «Начальника надъ рекою»,—родовое названіе, прилагаемое къ всѣмъ королямъ данной династіи [1]). Старинные португальскіе авторы называютъ місоссо этимъ державцевъ земли ба-тэкэ, которыхъ тогда обозначали наименованіемъ «Анзико» [2]).

Главное поселеніе во французскомъ Конго получило названіе Браццавиль, по имени того отважнаго, неутомимаго и кроткаго человѣка, который завоевалъ эти территоріи для географіи. Неподалеку отъ этой именно мѣстности, de-Brazza «похоронилъ» войну между черными и бѣлыми фалла, или «французами». При этомъ была вырыта яма, въ которую побросали пули, патроны, ружейные кремни и порохъ; въ насыпь же надъ всѣмъ этимъ посадили дерево. «Мы погребаемъ войну такъ глубоко, что ни мы, ни наши дѣти не будутъ въ состояніи ее откопать; а то дерево, которое распустится здѣсь, пусть свидѣтельствуетъ о союзѣ между бѣлыми и черными». Такъ говорили начальники племенъ, которымъ, съ своей стороны, Brazza отвѣтилъ: «Пусть миръ продолжается до тѣхъ поръ, пока на деревѣ не выростутъ пули, патроны или порохъ». Завладѣли же постомъ Мфуа—названнымъ впослѣдствіи Браццавилемъ—французы въ 1880 году, пятнадцатью мѣсяцами раньше, чѣмъ на противоположномъ берегу Конго основались другіе европейцы. Два года спустя французы очистили-было эту мѣстность, но въ 1883 году заняли ее снова. Образовались тамъ также двѣ фак-

[1]) Ed. Ponel, рукописныя замѣтки.
[2]) Giacomo di Brazza, «Bolletino della Societá Geografica Italiana», апрѣль, 1887.
[3]) Ed. Ponel, рукописныя замѣтки.

[1]) Léon Guiral, рукоп. замѣтки.
[2]) D'Anville. Карта, напечатанная въ сочиненіи Labat объ Эѳіопіи.—Luciano Cordeiro, „Bolletim da Sociedade de Geographia de Lisboa".

торіи, одна—французская, другая—голландская. Нынѣшняя деревня возвышается на тридцать метровъ надъ рѣкою, будучи расположена на глинистомъ холмѣ, съ котораго

Общій видъ города Санъ-Паоло-де-Лоанда.

открывается обширный видъ какъ на озеро Стэнли, такъ и на амфитеатръ окрестныхъ горъ; въ небольшомъ разстояніи книзу по рѣкѣ начинается рядъ пороговъ, которыми рѣка спускается въ область поморья; рѣчка же Джуэ, которою начинается путь къ Атлантическому океану чрезъ долину Ньярп-Куилу, присоединяется къ Конго къ югу отъ Браццавильскаго плоскогорія. Такимъ образомъ, эта станція занимаетъ перворазрядное географическое мѣстоположеніе, находясь въ точкѣ соединенія, несомнѣнно, весьма важной въ будущемъ континентальной дороги съ естественнымъ путемъ, который рѣка Конго представляетъ въ

томъ мѣстѣ, гдѣ озеро Стэнли образуетъ начальный портъ для обширной судоходной сѣти вглубь Африки. Неподалеку отсюда находился городъ Канкобелла, о былой славѣ котораго разсказываютъ старинные авторы. Въ окрестностяхъ находятся мѣдные рудники, разрабатываемые туземцами, а плодородныя почвы даютъ изобильные урожаи маніока. Во всѣхъ деревняхъ, въ своей совокупности составляющихъ Браццавиль, насчитывается около пяти тысячъ жителей [1]).

Туземцы этой части французскаго Конго, ба-ляли,—крови смѣшанной съ кровью племени ба-тэкэ. Пока они еще людоѣды и поѣдаютъ трупы невольниковъ и караванщиковъ, умершихъ въ предѣлахъ ихъ страны; по прибытіи европейцевъ, они сѣтовали на пришельцевъ за то, что тѣ погребаютъ своихъ покойниковъ, тогда какъ могли бы промѣнивать ихъ на барановъ, бананы и маніокъ [2]). Впрочемъ, тѣла свободныхъ людей они возвращаютъ землѣ, сопровождая это причудливыми обычаями. Такъ, по смерти кого-либо изъ мо-ляли, его тѣло помѣщаютъ въ длинный деревянный цилиндръ и затѣмъ держатъ въ теченіе мѣсяца посреди хижины покойнаго, какъ будто-бы жизнь все еще не покинула трупъ. Когда же наступитъ день похоронъ, то на цилиндръ ставятъ фетишей; украшаютъ его перьями, листьями и лентами, а затѣмъ друзья наматываютъ на цилиндръ ткани, вслѣдствіе чего объемъ его увеличиваются по крайней мѣрѣ вдвое. Высокій катафалкъ, съ сокрытымъ въ немъ гробомъ, прикрѣпляется послѣ этого къ стержню, подъ который подводятъ три длинныхъ параллельныхъ жерди. Носильщики берутся за эти жерди, но вмѣсто того, чтобы идти со своею ношею степенно, они, съ цѣлью испугать злаго духа, начинаютъ кружиться, бѣгая вокругъ разукрашеннаго цилиндра, который подпрыгиваетъ на шпилѣ; такимъ образомъ они наконецъ достигаютъ того мѣста, гдѣ вырыта яма, такая же цилиндрическая, какъ и гробъ. Здѣсь, каждый отбираетъ ссуженныя имъ ткани, и затѣмъ тѣло въ одномъ лишь цилиндрѣ опускается въ могилу; зарывая гробъ, оставляютъ надъ ртомъ покойника дыру, чрезъ которую и вливаютъ пальмовое вино къ похороненному, считающемуся постояннымъ сотрапезникомъ съ оставшимися въ живыхъ.

Въ нѣсколькихъ часахъ ходьбы на юго-западъ отъ Браццавиля, по сосѣдству съ порогами, католическіе миссіонеры основали станъ Линзоло, получившій важное значеніе, какъ образцовая ферма и какъ центръ акклиматизаціи растеній и животныхъ умѣреннаго климата.

[1]) De Chavannes, упом. соч.

[2]) Jaques de Brazza, „Correspondance, publiée par Napoleon Ney".

VII. Бассейнъ р. Кассаи.

Эта обширная и многолюдная область, изобилующая проточными водами и плодородными долинами, уже раздѣлена, съ политической точки зрѣнія, между Конгскимъ государствомъ и Португаліею; но присужденными этимъ государствамъ странами предстоитъ еще овладѣть, а между тѣмъ путешественники еще такъ недостаточно обошли край, что въ сѣти ихъ маршрутовъ встрѣчаются пространства болѣе чѣмъ въ десять тысячъ квадратныхъ километровъ, куда еще не проникалъ ни одинъ изслѣдователь. До сихъ поръ въ территоріи Кассаи основался всего одинъ европейскій постъ, именно кверху отъ сліянія р. Кассаи съ Куанго; также весьма рѣдки и такія деревни, въ которыхъ поселился какой-нибудь купецъ-негръ, именующій себя португальцемъ и вымѣнивающій ткани на слоновую кость. Страна почти вся раздѣлена на маленькія княжества, изъ которыхъ одни вполнѣ независимы, а другія болѣе или менѣе подчинены могущественному государю. Составленная такимъ образомъ большая имперія съ неопредѣленными границами, именно имперія Муата-Ямво, занимаетъ значительную часть территоріи.

Восточныя рѣки даннаго бассейна, родящіяся въ болотистыхъ областяхъ вершинной гряды водораздѣла—гдѣ также берутъ начало притоки рѣкъ Луа-Лабы и Замбезе—орошаютъ области, соприкасающіяся съ имперіей Мсири и обитаемыя, проживающими другъ подлѣ друга, племенами руа и лунда. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ эти племена даже и перемѣшиваются другъ съ другомъ, при чемъ бѣдными оказываются вуа-лунда, одѣтые лишь въ передникъ изъ кожи или лыка, да въ овечье руно, покрытое обмазкою изъ жира и глины, а богатыми—вуа-руа, сравнительно цивилизованные, какъ и тѣ вуа-руа, которые живутъ на берегахъ Луа-Лабы. Находящіяся въ этой области мѣдныя копи были разрабатываемы уже во время путешествія Cameron'a.

Холмистый край—который раздѣляетъ рѣки Лу-Билахъ и Ло-Мами, въ той части ихъ руслъ, гдѣ обѣ эти рѣки направляются къ сѣверо-западу для сліянія другъ съ другомъ и образованія р. Санкуру—занятъ племенами басонжэ, ба-санжэ и другими народцами одного и того же языка. Къ западу отъ р. Лу-Билахъ, эти туземцы извѣстны подъ именемъ ба-луба, между тѣмъ, какъ еще далѣе, на берегахъ Лу-Луа и Кассаи, ихъ называютъ ту-шиланжэ или ба-шиланжэ [1]). Ба-сонжэ, между неграми, самые сильные и самые красивые, хотя лицо

[1]) Büchner;—Pogge;—Wissmann;—Wolf;—Châtelain.

ихъ и напоминаетъ морду дога [1]); они очень смышлены и искусны въ обработкѣ желѣза и мѣди, глины и дерева, изготовляютъ горшечныя издѣлія, ткани и различные предметы изъ плетенія, которые, затѣмъ, со вкусомъ украшаютъ. Въ противоположность большинству остальныхъ африканскихъ народовъ, мужчины племени ба-сонжэ занимаются сами полевыми работами, а на долю своихъ женъ оставляютъ ремесленныя занятія и хлопоты по хозяйству. Ба-сонжэ—искусные охотники, и ихъ религіозные обычаи иногда сопровождаются людоѣдствомъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ба-сонжэ оставались внѣ всякаго сношенія, не только съ европейцами, но также и съ торговцами изъ негровъ западныхъ португальскихъ провинцій; также и арабы, при своихъ торговыхъ экспедиціяхъ, не проникали далѣе земли племени ка-буэ, на лѣвомъ берегу Ло-Мами. Поэтому, когда, въ 1881 году, Wissmann и Pogge проходили чрезъ данную страну, около нихъ собирались толпы любопытныхъ, какъ будто пришельцы были чудовища или боги. Въ караванѣ бѣлыхъ людей все было ново для ба-сонжэ: никогда они не видали ни вьючныхъ воловъ, ни огнестрѣльнаго оружія, ни тысячи тѣхъ любопытныхъ предметовъ, которые эти невиданные люди принесли для обмѣна на слоновую кость и жизненные припасы. Въ западныхъ округахъ, гдѣ еще не видѣли арабовъ, бѣлые были приняты хорошо; но на востокѣ, гдѣ торговыя экспедиціи арабскихъ купцовъ уже посѣщали, всѣ поселяне въ ужасѣ убѣгали или укрывались за свои частоколы; они доходили даже до того, что убивали свой скотъ, если не были въ состояніи быстро угнать его подальше отъ чужеземцевъ. Думая о тѣхъ купцахъ, которые вслѣдъ за нимъ придутъ къ этимъ людямъ, еще не имѣвшимъ никакого соприкосновенія съ такъ называемой цивилизаціею, представителями которой являются по преимуществу порохъ и водка,—Висманъ спрашивалъ себя, слѣдуетъ ли ему радоваться открытію этого народа, столь замѣчательнаго своей гордою красотою, прирожденнымъ умомъ и, безъ сомнѣнія, болѣе счастливаго, чѣмъ голодные пролетаріи въ Европѣ? И не лучше ли было бы, для человѣчества, если бы отравленная стрѣла прикончила его путешествіе, служащее предвѣстіемъ будущаго завоеванія? Такое душевное настроеніе этого путешественника вполнѣ понятно; но можно надѣяться, что блѣднолицые не все же будутъ вносить только пороки и болѣзни: они научатъ новымъ ремесламъ, повѣдаютъ истины, остававшіяся неизвѣстными и, быть-можетъ, когда-либо приведутъ къ болѣе возвышенному пониманію справедливости и свободы.

[1]) Pogge, „Mittheilungen der Africanischen Gesellschaft", т. IV. 1883—1885.

Ба-сонжэ весьма многочисленны: населенность края не уступитъ даже и тѣмъ странамъ Европы, въ которыхъ жители скучены весьма сильно. На каждомъ изъ продолговатыхъ отрывковъ бывшаго прежде сплошнымъ плоскогорія, уцѣлѣвшихъ между рѣками, тянутся нескончаемыя деревни, которыя можно сравнить съ «черными гусеницами, ползущими по травѣ прэрій». Двѣ или три параллельныхъ улицы, окаймленныхъ домами и садами, извиваются змѣйками по длинному хребту; и если бы не форма хижинъ, то можно было бы подумать, что находишься въ Верхней Нормандіи, между ея долинами, спускающимися къ Ла-Маншу; впрочемъ, ба-сонжскія села больше поселеній страны Ко (Caux), и германскіе путешественники употребляли не менѣе пяти часовъ, чтобы пройти изъ конца въ конецъ какое-либо изъ большихъ мѣстечекъ. Wolf исчисляетъ населеніе наиболѣе обширныхъ селъ приблизительно въ пятнадцать тысячъ жителей, такъ какъ путешественниковъ, при вступленіи въ такое мѣстечко, старѣйшины встрѣчаютъ во главѣ болѣе, чѣмъ тысячи воиновъ. Каждое изъ этихъ жилищъ образуетъ небольшую самоуправляющуюся республику, граждане которой признаютъ, однакоже, верховную власть короля, пребывающаго въ краѣ Кото, на лѣвомъ берегу р. Лу-Билахъ. А этотъ король есть въ то же время великій фетишеръ, которому повинуются изъ страха передъ вѣдомымъ ему колдовствомъ; однако, въ лицѣ Pogge и Wissmann'а, онъ встрѣтилъ болѣе страшныхъ фетишеровъ: именно, когда Pogge и Wissmann'у было отказано къ пропускѣ, то они, прибѣгнувъ ночью къ стрѣльбѣ изъ ружей, пусканію ракетъ и сожиганію бенгальскихъ огней, вселили такой страхъ въ этого государя, что онъ поспѣшилъ ихъ не задерживать. Какъ и между маньемами, среди племени ба-сонжэ проживаютъ, гнѣздясь въ убогихъ деревняхъ, нѣкоторыя колѣна тѣхъ низкорослыхъ и робкихъ ба-туа (вуа-туа), въ которыхъ видятъ остатокъ древнихъ аборигеновъ и которые, между прочимъ, воспитываютъ особую породу охотничьей собаки, похожую на левретку [1]). Другіе народцы, обитающіе по берегамъ Ло-Лами, скрываютъ свои хижины въ густой чащѣ вѣтвистыхъ исполинскихъ деревьевъ. Въ лѣсахъ этой области сѣрый попугай живетъ миріадами. На берегахъ рѣкъ Лу-Билахъ, Санкуру и Лу-Кеніэ, эта птица, при закатѣ солнца, поднимается цѣлыми тучами, застилающими небо.

Лу-Вуа, Кассаи и другія рѣки верхняго бассейна орошаютъ главнымъ образомъ территорію племени ка-лунда, націи, значительной по своей численности и носящей то же самое имя, какъ и южные прибрежные жители озера Мо-

[1]) Pogge;—Wissmann, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland", томъ III и IV.

эро: возможно даже, что и тѣ, и другіе принадлежатъ къ одному и тому же этническому корню. Ка-лунда области Кассаи составляютъ главную часть народа того государства, которымъ управляетъ муата Ямво, при чемъ это же наименованіе иногда дается и данному негрскому государству, самому обширному изъ всѣхъ, находящихся въ Центральной Африкѣ. Племя ка-лунда занимаетъ къ западу отъ Лу-Билахъ всю область источниковъ Лу-Луа и Кассаи, вплоть до Замбезе; подъ именемъ ба-луа, они населяютъ тѣ мѣстности, гдѣ р. Лу-Луа выходитъ изъ возвышенныхъ узкихъ долинъ для вступленія на равнину; а по ту сторону Кассаи они обитаютъ также на большой части промежуточной полосы между высотами и низменнымъ пространствомъ. Ка-лунда ростомъ и силою превосходятъ негровъ португальскихъ владѣній западнаго берега; цвѣтъ ихъ кожи нѣсколько свѣтлѣе, а губы у нихъ менѣе толсты; ихъ знатныя лица привыкли сжимать голову своимъ дѣтямъ такимъ образомъ, что задняя часть черепа становится уродливою. Женщины татуируютъ себѣ грудь, животъ и руки, спиливаютъ два верхнихъ рѣзца и вырываютъ два нижніе; онѣ бреютъ голову, между тѣмъ какъ мужчины сохраняютъ всѣ свои волосы и весьма заботятся объ искусномъ причесываніи ихъ. Обыкновенно мужчины прикрыты болѣе женщинъ: такъ, со времени установленія сношеній съ португальскими купцами, мужчины одѣваются въ хлопчато-бумажныя ткани, прикрывающія ихъ отъ пояса до лодыжекъ; одѣяніе же женщинъ не спускается ниже половины бедръ, при чемъ бѣдныя между ними довольствуются передникомъ изъ лыка, кожею съ какого-нибудь животнаго или даже гирляндою листвы. Какъ и въ большей части странъ Восточной Африки, наиболѣе цѣнимые уборы состоятъ изъ латунныхъ проволокъ, которыя навертываютъ вокругъ рукъ и ногъ.

Будучи гораздо менѣе свѣдущими въ ремеслахъ, по сравненію съ ба-сонжами, ка-лунда много зависятъ отъ своихъ сосѣдей въ отношеніи необходимыхъ для нихъ вещей. Съ юго-запада племя кіоко доставляетъ имъ ткани и желѣзо; южныя и юго-восточныя племена продаютъ имъ мѣдь; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у нихъ нѣтъ даже соли, и замѣнять ее приходится золою травъ. Ихъ жилища, послѣ хижинъ вуа-туа,—самыя убогія во всей Внутренней Африкѣ; можно сказать, это—простыя кучи сѣна, въ два—три метра вышины. Никакого украшенія на крышѣ, которая не доходитъ до земли всего лишь на нѣсколько сантиметровъ и позволяетъ, слѣдовательно, проникать внутрь жилища только кое-какому отраженному свѣту; двери всегда низки, будучи просто отверстіями менѣе метра въ высоту; самъ король не можетъ войдти въ свое жилище иначе, какъ ползкомъ. Хижины служатъ и могилами, при чемъ живые уступаютъ свое мѣсто мертвымъ. Деревни, вообще легко отстраиваемыя, перемѣщаются при малѣйшемъ поводѣ къ этому; такъ, въ десять лѣтъ муата Ямво перемѣнилъ три раза свою резиденцію. Скотъ, за исключеніемъ козъ, весьма рѣдокъ вокругъ деревень; въ 1876 году король имѣлъ всего лишь одну корову; все стадо, скопленное его предшественникомъ, было съѣдено во время перемѣны царствованія. Однако, въ общемъ, туземцы, привыкшіе къ растительной пищѣ, имѣютъ жизненные припасы въ изобиліи: плодородіе страны таково, что о запасахъ даже и не помышляютъ. Житницъ у ба-луа не существуетъ, и въ своихъ хижинахъ они сохраняютъ про запасъ лишь нѣсколько кучекъ фасоли, земляныхъ фисташекъ и кукурузы. Въ дождливое время года недостатка нѣтъ ни въ чемъ, а во время засухъ они ѣдятъ умѣреннѣе, но у нихъ все-таки остается маніокъ [1]).

Ка-лунды гостепріимны, доброжелательны, миролюбивы, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ округахъ, которыхъ не посѣщаютъ чужеземные торговцы, изощрившіеся въ обманѣ и обучающіе туземцевъ хитрости и лжи. Нравственной порчѣ населенія въ сосѣдствѣ съ королевской резиденціей способствуетъ также и паразитизмъ, такъ какъ государство муаты Ямво представляетъ истинную феодальную имперію, въ которой всѣ вассалы должны платить дань. Различные начальники, *монч* и *муэнэ*, обязаны повиновеніемъ государю, *муата*, и правильно уплачиваютъ дань, удѣляемую изъ того, что имъ доставляютъ ихъ собственные подчиненные. Налоги не опредѣлены, но разнообразятся въ зависимости отъ тѣхъ продуктовъ, которые доставляются даннымъ краемъ: такъ, одинъ несетъ бивень слона или убитое животное, другой—шкуру льва или леопарда, третій—плоды, маніокъ, зерновой хлѣбъ, ткани или соль. Столь же не выяснено строго и время уплаты дани: оно мѣняется, смотря по тѣмъ разстояніямъ, рѣкамъ или болотамъ, которыя предстоитъ пройти данникамъ, чтобы добраться до своего сюзерена, а также находится въ зависимости и отъ начала и продолжительности дождливаго времени. Обыкновенно караваны отдаленныхъ данниковъ представляются ко двору государя ежегодно по разу; начальники же сосѣднихъ колѣнъ, подчиненные болѣе дѣйствительнымъ образомъ власти сюзерена, являются къ нему съ дарами въ рукахъ нѣсколько разъ въ годъ. Часто случается и такъ, что вассалы изъ отдаленныхъ провинцій, почувствовавъ себя настолько сильными, что могутъ порвать свою зависимость отъ муата Ямво, не радѣютъ о присылкѣ своей дани. Вообще, со времени царствованія династіи государей изъ племени лунда, границы имперіи не

[1]) Pogge, „Im Reiche des Muata Jamwo".

перестаютъ измѣняться, а сами эти государи никогда не знаютъ истиннаго пространства своихъ владѣній.

При перемѣнѣ царствованія, новый муата

Моссамедесъ.

не наслѣдуетъ по праву своему отцу: онъ избирается между сыновьями одной изъ двухъ главныхъ женъ умершаго короля, при чемъ четырьмя великими избирателями будущаго своего повелителя являются: первый и второй «сынъ государства», «сынъ оружія» и «поваръ государства»; впрочемъ, и ихъ выборъ долженъ получить утвержденіе «матери королей и народа», называемой Лукокеша. Въ свою очередь, эта особа, являющаяся тоже королевою и обладающая многими округами во всей полнотѣ царской власти, избирается между дочерьми двухъ главныхъ женъ четырьмя главными министрами, а ихъ рѣшеніе становится

окончательнымъ послѣ одобренія короля. Это установленіе «всеобщей матери», повидимому, указывающее на древній матріархатъ, тѣмъ болѣе любопытно, что въ племени лунда отцу наслѣдуетъ непосредственно сынъ, а не племянникъ со стороны сестры — дядѣ, какъ у кіоко. Изъ всѣхъ жителей страны, только Лукокеша превыше законовъ, только она одна ускользаетъ отъ власти муата Ямво: мать всѣхъ, она не имѣетъ и мужа, а ея избранникъ просто называется ея любимымъ рабомъ; равнымъ образомъ, она не должна имѣть и дѣтей, и потому когда она родитъ, то ея плодъ умерщвляютъ.

Тотчасъ послѣ своего избранія муата Ямво получаетъ знаки царскаго достоинства: желѣзный серпъ, корону изъ перьевъ попугая, браслетъ изъ слоновой кости, ожерелье изъ жемчуга и металла, большой имперскій коверъ и орденъ *лукано*, соотвѣтствующій орденамъ, учрежденнымъ европейскими государями. Затѣмъ, муата располагается лагеремъ на одну ночь около рѣки Каланжи для того, чтобы, вдыхая вольный воздухъ и омывшись въ священныхъ волнахъ, пріобрѣсть силу для возобновленія мощи государства. Но это еще не все; онъ долженъ стать творцомъ, возжечь новый огонь, отъ котораго отнынѣ зажгутся всѣ очаги: и, дѣйствительно, треніемъ другъ о друга двухъ кусковъ дерева, онъ заставляетъ вспыхнуть пламя, что и служитъ доказательствомъ его божественности. Послѣ этого онъ уже богъ, неограниченный властелинъ надъ свободою и жизнью всѣхъ своихъ подданныхъ; онъ назначаетъ на всѣ должности, возвышаетъ или понижаетъ кого захочетъ и завладѣваетъ всѣмъ, что ему понравится. Преданіе воспрещаетъ ему курить и напиваться пьянымъ; но также воспрещено и каждому изъ подданныхъ, подъ страхомъ смерти, видѣть, какъ король ѣстъ, а также и безпокоить его, когда онъ удалится въ потайныя убѣжища королевской хижины. Кромѣ четырехъ великихъ избирателей, существуетъ цѣлый дворъ министровъ и слугъ, поваровъ и чародѣевъ, кузнецовъ и врачей, причесывателей, музыкантовъ и палачей. Во время большихъ народныхъ собраній онъ даруетъ право слова *кололо*, т.-е. важнымъ чинамъ и знатнымъ лицамъ въ королевствѣ; но разъ онъ провозгласилъ свою волю—всѣ уже должны тотчасъ ему повиноваться. Народу онъ является, возсѣдая или на носилкахъ или на плечахъ раба. Ежегодно, во время засухъ онъ наряжаетъ военную и грабительскую экспедицію въ сосѣдніе края; кромѣ того, многочисленныя орды во всякое время опустошаютъ селенія непокорныхъ и дѣлятъ свою добычу съ королемъ. Чужестранные караваны принимаются муата Ямвою, при чемъ онъ назначаетъ имъ мѣсто для лагеря, опредѣляетъ срокъ пребыванія и, не стѣсняясь, пользуется для своихъ нуждъ ихъ товарами. Тѣхъ бѣлыхъ, а также и тѣхъ мнящихъ себя португальцами съ берега океана, которые, либо управляя караванами, либо только сопровождая ихъ, прибываютъ въ страну племени ка-лунда, властитель этой страны считаетъ принадлежащими къ одной и той же расѣ съ европейцами: онъ признаетъ ихъ могущество какъ чародѣевъ и хвастается, что и самъ раздѣляетъ его съ ними.

Резиденція, или муссамба, перемѣщается при каждомъ новомъ воцареніи; однако, мѣстность для этого всегда избирается на пространствѣ большой равнины, которая разстилается между восточными притоками Лу-Луа, рѣками Каланжи и Лу-Иза, такъ какъ столицу полагается всегда строить въ сосѣдствѣ съ святымъ мѣстомъ, гдѣ проживалъ первый изъ муатъ Ямво, именно около праваго берега Каланжи и кладбища, или ензаи, на которомъ погребены тѣла четырнадцати государей, смѣнившихъ другъ друга на королевскомъ коврѣ. Во время путешествія Pogge, въ 1876 году, муссамба была въ Кизимэмэ, на лѣвомъ берегу Каланжи; четыре года спустя, когда, въ свою очередь, засвидѣтельствовать почтеніе къ муата явился Büchner, резиденція, Кауэнда, была перенесена километровъ на двадцать къ юго-западу, въ мѣстность, находящуюся приблизительно на равномъ разстояніи отъ обѣихъ рѣкъ. Хижины города разсѣяны на большомъ пространствѣ, при чемъ однѣ сгруппированы какъ попало, другія окружены прямоугольнымъ палисадомъ изъ кольевъ, вбиваемыхъ въ землю при началѣ дождливаго времени года; вскорѣ затѣмъ, эти колья пускаютъ корни и впослѣдствіи быстро разростаются въ большія деревья; Pogge насчитывалъ отъ 8 до 10 тысячъ жителей, жившихъ, на протяженіи до двухъ километровъ, вокругъ королевской ограды. Переселенцы изъ сосѣднихъ колѣнъ стремятся въ резиденцію; однако, по Pogge, городское населеніе увеличивается не вслѣдствіе избытка рожденій надъ смертностью, такъ какъ почти всѣ дѣти, видимыя вокругъ землянокъ,—маленькіе рабы, наворованные во время военныхъ походовъ. Для женщинъ муссамбы было бы большою честью имѣть много дѣтей, но большинство изъ нихъ не плодовиты.

На сѣверъ отъ страны, которую муаты Ямво избрали для своей резиденціи, ихъ королевство не простирается на большое разстояніе: съ этой стороны, берега рѣки Лу-Луа и ея притоковъ заняты дикимъ племенемъ ка-уанда, которое до сихъ поръ храбро сопротивлялось всякой попыткѣ къ его завоеванію. Разсказываютъ, будто ихъ стрѣлки напитываютъ острія своихъ стрѣлъ весьма сильнымъ ядомъ, неизвѣстнымъ остальнымъ племенамъ; ка-уанда, будто-бы, отравляютъ даже колючки на тропинкахъ, въ предположеніи, что чужестранцы наткнутся на нихъ. Въ ихъ территорію не

проникалъ еще ни одинъ европейскій путешественникъ. Въ томъ же бассейнѣ Лу-Луа, но сѣвернѣе, проживаютъ ту-бинди и ба-бинди, которые также остались въ сторонѣ отъ маршрутовъ изслѣдователей; но за ними начинается край племени ба-луба, занимающихъ обширную страну между Кассаи и Ло-Мами и даже земли на правомъ берегу послѣдней: это братья и сосѣди племени ба-сонжэ и, подобно имъ, кажутся одаренными умомъ и предназначенными для быстраго приближенія къ нравамъ и цивилизаціи бѣлыхъ. Pogge и Wissmann были первыми изъ европейцевъ, посѣтившими этотъ народъ, въ 1881 году. Съ тѣхъ поръ населяемый ими край былъ пройденъ и другими путешественниками, которые, благодаря господствующимъ среди туземцевъ идеямъ о метемпсихозѣ, были хорошо принимаемы: именно, въ нихъ видѣли полководцевъ и родственниковъ короля, которые, послѣ своей смерти, вновь проявились по ту сторону великой воды и возвратились въ свое отечество, обѣлѣвъ отъ пребыванія въ дальнихъ краяхъ. Имъ дали тѣ имена, которыя они яко-бы нѣкогда носили, а родственники и жены приходили засвидѣтельствовать имъ о радости по поводу ихъ возвращенія; затѣмъ ихъ возстановили даже во владѣніи тѣмъ имуществомъ, которымъ они нѣкогда обладали. Равнымъ образомъ и многіе изъ купцовъ-негровъ отдаленныхъ племенъ были сочтены за возвратившихся съ того свѣта и потому признаны за соотечественниковъ. Не убиваютъ туземцы также и обезьянъ, очевидно, полагая, что въ этихъ переряженныхъ животныхъ сокрыты ихъ родственники. Многочисленныя семейства племени ба-луба не дотрогиваются тоже и до мяса собаки, опасаясь съѣсть себѣ подобнаго [1]). Тѣмъ не менѣе, кажется, что въ не очень отдаленную эпоху всѣ ба-луба были людоѣдами.

По преданіямъ ба-луба, они пришли съ юго-востока, т. е. изъ долинъ Верхняго Конго или Луа-Лабы. Въ сѣверо-западной области, въ которую они пришли прежде всего, они приняли имя ту-шиланга или ба-шиланга, которое, кажется, принадлежало древнимъ аборигеннымъ населеніямъ, слившимся нынѣ съ завоевателями. Впрочемъ, различія во внѣшности, нравахъ и въ политическомъ состояніи весьма велики между различными колѣнами ту-шиланга; одни изъ нихъ еще дикари, тогда какъ другіе уже достигли нѣкоторой степени цивилизаціи. Самая важная область ихъ края какъ по своей населенности, такъ и по своей торговлѣ, та, въ которой поселились также и европейскіе изслѣдователи, извѣстна подъ названіемъ Лубуку,—слово, означающее «дружбу». Около 1870 г., жители страны, еще не получавшей этого прекраснаго наименованія, отказывались вступать въ сношенія съ иностранцами: ни одинъ изъ торговцевъ не имѣлъ права проникать въ ихъ территорію. По этому поводу возникъ споръ между молодыми и старыми, при чемъ молодежь желала измѣнить прежнее положеніе дѣлъ, а старики настаивали на сохраненіи запрета торговли иноземцамъ. Король и его сестра приняли сторону молодыхъ, вслѣдствіе чего возникла междоусобная война; множество стариковъ, мужчинъ и женщинъ, были перебиты, а большая часть тѣхъ изъ нихъ, которые пережили эту распрю, бѣжали на правый берегъ Лу-Луа, гдѣ они и проживаютъ въ отдѣльныхъ деревняхъ [1]).

Политическій переворотъ былъ въ то же время религіознымъ и соціальнымъ. Такъ, въ краѣ введенъ новый культъ, за который туземцы получили прозвище Бенія-Рамбія или «Сыны конопли»: по новой религіи, всѣ курильщики ріамбы (ріамба въ восточномъ Конго то же самое, что ліамба въ Огоуэ) называютъ себя друзьями и даже воспрещаютъ себѣ употребленіе въ своихъ деревняхъ оружія; они обязаны оказывать другъ другу гостепріимство; каждый одѣвается, какъ кому угодно; процессовъ о колдовствѣ болѣе возбуждать не должно, и молодыя дѣвушки отнынѣ не продаются своими родителями; запрещается также ѣсть козъ, такъ какъ эти животныя напоминаютъ о времени, когда молодые люди были обязаны приносить ихъ въ качествѣ свадебнаго подарка до увода своей жены. Отнынѣ религіозныя церемоніи состоятъ просто изъ ночныхъ собраній для куренія сообща конопли. И ужасающее зрѣлище представляютъ всѣ эти нагіе и татуированные люди, когда они, надышавшись изъ большой тыквенной бутылки дыма конопли, подъ вліяніемъ наркотическаго вещества судорожно кашляютъ, завываютъ, бѣснуются, проповѣдуютъ или остаются погруженными въ оцѣпенѣніе. Ріамба, соединяя друзей, наказываетъ также и виновныхъ. Почти всѣ прежнія наказанія, а также и испытанія ядомъ, замѣнены ріамбой, вдыхать дымъ которой осужденный долженъ до тѣхъ поръ, пока не впадетъ въ безсознательное состояніе; когда же онъ очнется, то лобъ и грудь ему помазываютъ бѣлою глиною, для засвидѣтельствованія прощенія его преступленія, и какъ знакъ принятія его снова въ собраніе друзей. Для удовлетворенія громаднаго потребленія конопли, ею засѣваются обширныя пространства около деревень бенія-рамбій; однако, такое потребленіе ріамбы для религіозныхъ цѣлей не проходитъ безнаказанно: именно, въ краѣ распространились грудныя болѣзни, а также помѣшательство [2]).

[1]) Pogge, упом. соч.

[1]) Ludwig Wolf, „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin", 1887. № 2.—Wissmann;—Pogge, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft", т. IV, 1883—85.

[2]) Ludwig Wolf, упом. соч.

Нельзя не пожалѣть что ба-луба подвергаютъ себя дѣйствію вещества, ведущаго ихъ къ гибели, такъ какъ среди другихъ африканскихъ народовъ они отличаются своею разумною любознательностью и размышляющимъ складомъ ума: Wissmann идетъ даже такъ далеко, что называетъ ихъ «народомъ мыслителей». «Почему»?—слово, столь рѣдко слышащееся въ серьезномъ его значеніи между африканскими племенами – не сходитъ съ языка у балубовъ, и они считаютъ себя удивлетворенными, только получивъ отвѣтъ и вполнѣ уразумѣвъ его. Весьма храбрые, а также удивительно умѣлые въ отыскиваніи слѣдовъ звѣря, они были бы превосходными солдатами-развѣдчиками во время войны. Они гнушаются рутиною и при своихъ празднествахъ всегда изобрѣтаютъ что-либо оригинальное и неожиданное. Главныя ихъ церемоніи совершаются при пріемѣ каравановъ: ба-луба встрѣчаютъ ихъ пляской и кликами, барабаннымъ боемъ и трескомъ ружейнаго огня; всѣ одѣваются въ самыя красивыя свои платья, а купцы хвастаютъ наиболѣе драгоцѣнными предметами изъ привезеннаго ими обыкновенно плохаго товара. Когда же появляется караванъ данниковъ, то къ пріему его примѣшиваются также и жестокія продѣлки; такъ, прежде чѣмъ войти въ село, и мужчины, и женщины обязаны выкупаться сообща въ сосѣднемъ ручьѣ, послѣ чего они бивакомъ проводятъ ночь на открытомъ воздухѣ; на слѣдующее утро они еще разъ очищаются, уже въ другомъ потокѣ, и только теперь, достойные предстать предъ своимъ повелителемъ, они идутъ, нагими, преклониться передъ нимъ и получить помазаніе глиною на груди и на лбу. Но и это еще не все; толпа завладѣваетъ ими: въ глаза пускаютъ имъ по нѣсколько капель жгучаго настоя краснаго индійскаго перца и въ то же время ихъ подвергаютъ исповѣди, серьезной или шутливой. Наконецъ, ихъ освобождаютъ и посредствомъ подарковъ и пиршествъ, стараются заставить позабыть причиненныя имъ непріятности при пріемѣ.

Ба-луба сохранили обычай «братанія кровью», который встрѣчается также у многихъ африканскихъ народцевъ, какъ и между европейскими славянами, но который не извѣстенъ въ племени лунда. Послѣ того, какъ молодые люди испили крови другъ друга, ихъ собственность дѣлается достояніемъ почти общимъ, такъ какъ они могутъ взаимно, и безъ всякаго вознагражденія, брать другъ у друга все, что пожелаютъ: это право взаимно дѣлиться имуществомъ распространяется даже на членовъ ихъ семействъ. Духъ добросердечія, одушевляющій ба-лубовъ, отражается даже и на формѣ ихъ полей. Такъ, вмѣсто того, чтобы заводить себѣ отдѣльныя плантаціи и работать въ нелюдимомъ особничествѣ, земледѣльцы любятъ оставаться вмѣстѣ и сообща мотыжить поля, которыя, тѣмъ не менѣе, состоятъ все-таки изъ отдѣльныхъ участковъ: иная площадь маніока—въ сборѣ съ которой есть доля каждаго изъ жителей села—тянется на пространствѣ болѣе десяти гектаровъ въ одной межѣ, безъ пограничныхъ ямъ и рубежей. «Сыны конопли»—почти исключительно земледѣльцы; на слоновъ охоты въ ихъ краѣ уже нѣтъ, такъ какъ, съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія, это животное истреблено. Каучукъ, вообще хорошаго качества, составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ ихъ торговли; Pogge ввелъ между ними также воздѣлываніе риса, который быстро поспѣваетъ. Ремесла были прежде рѣдки между ба-лубами, которые ограничивались тѣмъ, что ткали матеріи изъ пальмовыхъ волоконъ и извлекали соль изъ золы одного растенія, произрастающаго въ солоноватой водѣ, на берегахъ Лу-Луа. Почти всѣ потребныя для нихъ издѣлія, ткани, утварь и оружіе доставлялись изъ страны племени кіоко, ихъ наставниковъ въ цивилизаціи [1]); нынѣ ба-луба носятъ панталоны и жакетки, дѣлаютъ кушетки и складные стулья; научились даже и вязать. Каждая работа отдается ба-лубами покровительству одного изъ предковъ, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, жизнь продолжается также и за могилою, и духи вмѣшиваются въ управленіе міромъ.

Территорія «Дружбы» дѣлится на два главныхъ государства, которыя обыкновенно называются по имени ихъ королей: Мукенгэ, сюзеренъ, и Джингенгэ (Чикенгэ), вассалъ. Обѣ столицы также носятъ эти же названія. Король бенія-ріамбовъ — собственникъ всей земли, но растенія на воздѣланной почвѣ принадлежатъ тому, кто своимъ трудомъ взростилъ ихъ. Четвертая часть каждой туши, убитой въ его имперіи, принадлежитъ ему по праву; кромѣ того, свою долю онъ отбираетъ также и отъ всѣхъ товаровъ, доставляемыхъ караванами. Будучи въ дѣловыхъ сношеніяхъ со всѣми окрестными начальниками и съ португальскими купцами, онъ пожелалъ войти въ общеніе и съ государями Европы, и при посредствѣ Pogge писалъ «владѣтелю по ту сторону водъ, повелителю всѣхъ народовъ» письмо, въ которомъ просилъ многочисленныхъ подарковъ, между прочимъ, какое-нибудь лѣкарственное средство, «чтобы воспрепятствовать смерти людей». Большой нововводитель, онъ уничтожилъ многіе изъ обычаевъ своихъ предковъ и свободно ѣстъ передъ подданными. Когда же, сопровождая Pogge и Wissman'а до Ніангуэ, онъ увидѣлъ дома, выстроенные арабскими купцами, то, пораженный удивленіемъ, повелѣлъ построить и себѣ дворецъ въ этомъ

[1]) Marinel, „Bulletin de la Société Belge de Géographie", 1887.

же стилѣ, но подъ своимъ, весьма неискуснымъ, руководствомъ; впослѣдствіи, однако, мѣстные каменщики наловчились, и потому есть уже нѣсколько домовъ очень хорошей внѣшности. Послѣ короля, самою главною личностью въ государствѣ является одна изъ его сестеръ, жрица религіи конопли. Преданіе требуетъ, чтобы, при обращеніи къ толпѣ, она совлекала съ себя всѣ свои одежды.

Маленькія республики тѣхъ ба-лубовъ, которые не признаютъ верховной власти «короля дружбы» и не исполняютъ обрядовъ «религіи конопли», большинствомъ полуцивилизованныхъ ту-шилангэ считаются живущими въ дикомъ состояніи, такъ какъ у нихъ не встрѣчаютъ ни мелкихъ стеклянныхъ подѣлокъ, ни ружей, ни европейскихъ товаровъ. Эти ба-луба—люди почти нагіе, украшенные только скромною татуировкою и яркими разрисовками; голова у нихъ бритая или убрана въ мелкія косички. Въ каждой деревнѣ, подъ сѣнію большихъ деревьевъ, стоятъ фетиши съ человѣческимъ лицомъ, окрашенные въ красный цвѣтъ. Женщины должны рожать въ глухомъ лѣсу, при присутствіи лишь повивальныхъ бабокъ. Какъ и у всѣхъ сосѣднихъ племенъ, юноши подвергаются обрѣзанію; но въ то время какъ исполненіе этого обряда не служитъ въ странѣ ба-ніа-ріамбовъ поводомъ къ празднествамъ, у ба-луба обрѣзаніе сопровождается различными торжествами. Какъ и въ Сенегамбіи, обрѣзанныя дѣти должны въ теченіе нѣсколькихъ недѣль оставаться въ кустахъ, въ уединеніи и одѣтыя въ тростниковую юбку. При возвращеніи же въ деревни, имъ предшествуютъ танцовщики, а затѣмъ начинаются и празднества.

Прибывъ въ страну племени ба-луба, первые изслѣдователи поняли, что въ этомъ столь обширномъ краѣ, среди умнаго ту-шилангійскаго населенія, самое подходящее мѣсто для европейской станціи. Въ 1884 году Wissmann основалъ постъ Лулуабургъ, на высотѣ 533 метровъ и въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ Мукенгэ, на лѣвомъ берегу рѣки, давшей и самое наименованіе новому поселенію. Эта станція, не смотря на трудность снабженія ея съѣстными припасами, сохранена и расширена Конгскимъ государствомъ, и въ 1886 году тамъ проживали двое бѣлыхъ, въ томъ числѣ одинъ миссіонеръ, и болѣе пятидесяти туземцевъ, солдатъ и рабочихъ, а также около тридцати женщинъ, на которыхъ лежитъ уходъ за садами, птичникомъ и небольшимъ стадомъ домашней скотины [1]). Не извѣстно еще положительно, не былъ ли Лулуабургъ,—въ нарушеніе недавняго трактата, по которому границы Конгскаго государства обозначены шестымъ градусомъ южной широты,—основанъ южнѣе этого рубежа, въ поясѣ, оффиціально еще не присвоенномъ какой-либо европейской державѣ? Большое неудобство Лулуабурга заключается въ томъ, что онъ основанъ въ той области теченія рѣки, которая не находится на продолженіи непрерывной навигаціонной линіи къ Кассаи и къ Конго: во многихъ мѣстахъ книзу, вплоть до сліянія Лу-Луа съ Лу-Эбо, пороги прерываютъ ея теченіе. Въ мѣстѣ соединенія сейчасъ названныхъ рѣкъ, приблизительно въ 200 километрахъ отъ Лулуабурга, учрежденъ укрѣпленный постъ Лу-Эбо, въ которомъ пароходы Конгскаго государства находятъ для себя пристань. Выше, именно въ 600 метрахъ на одной и въ 1.000 метрахъ на другой изъ обѣихъ рѣкъ, находятся пороги и водопады, прерывающіе судоходство.

Упомянутая область сліянія рѣкъ принадлежитъ племени ба-куба, народу, вполнѣ отличающемуся отъ ба-луба языкомъ и нравами, и о которомъ нѣкогда разсказывали, будто онъ подчиненъ могущественному чародѣю, приговаривающему къ смерти всѣхъ чужеземцевъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1885 году, путешественникъ Wolf все-таки проникъ въ ба-кубскую территорію. При этомъ ба-кубы сами оказались испуганными приходомъ Вольфа съ его спутниками, которыхъ они приняли за волшебниковъ; съ опасеніемъ взирали они также на вьючнаго вола и собакъ путешественника. Весьма многочисленные, ба-куба обитаютъ къ сѣверу отъ Лу-Луа, въ прогалинахъ лѣсовъ, простирающихся къ Санкуру: съ ба-луба они сообщаются лишь чрезъ посредство ихъ вассаловъ, ба-кэтэ, прибрежныхъ жителей р. Лу-Луа. По преданіямъ, ба-куба пришли, будто-бы, съ сѣверо-запада, тогда какъ ба-луба—выходцы изъ юго-восточныхъ областей. Между ба-кубами, и въ добромъ согласіи съ ними, проживаютъ многочисленные аборигены, ба-туа, уединенные въ деревняхъ, разсѣянныхъ посреди лѣсовъ. Ростъ измѣренныхъ Вольфомъ индивидовъ обоихъ половъ колебался между 130 и 144 сантиметрами, и хотя подвергавшіеся изслѣдованію экземпляры были малорослы, но сложены вполнѣ пропорціонально; ихъ кожа—смугло-желтоватая—гораздо свѣтлѣе кожи ихъ сосѣдей; подобно племени акка, они удивительно подвижны. Ба-туа этихъ округовъ не занимаются земледѣліемъ и живутъ охотою; необходимые же для нихъ маніокъ, оружіе, стрѣлы, мечи и ножи они добываютъ въ обмѣнъ на убитую ими дичь.

Верхній бассейнъ Кассаи не получилъ еще въ исторіи центральной Африки той важности, которая, повидимому, ему должна принадлежать, и которую онъ въ свое время не преминетъ пріобрѣсти. Водораздѣлъ между притоками его и Замбезе, будучи параллеленъ его верховой долинѣ, уже напередъ указанъ какъ

[1]) „Mouvement Géographique“, 27 марта 1887.

главный путь между при-атлантическою областью Бенгуэлы и страною великихъ конгскихъ озеръ: по этой дорогѣ уже не разъ проходили португальскіе караваны и ею же слѣдовали Ливингстонъ, Cameron, Cappello и Jvens въ своихъ переходахъ чрезъ Африку; всѣ эти путешественники хвалятъ плодородіе края, а также мирное настроеніе его жителей. Какъ и верхній бассейнъ Лу-Луа, верхняя территорія Кассаи принадлежитъ въ особенности племени ка-лунда, при чемъ управленіе племенами находится въ рукахъ вассаловъ муаты Ямво: одинъ изъ нихъ—князь территоріи Кабанго или Муанзанза, при чемъ столица его находится на Чихумбо, большомъ западномъ притокѣ Кассаи; другой же начальствуетъ въ Кахунголо—городѣ, построенномъ на притокѣ, изливающемся значительно ниже. Въ области, сосѣдней съ фиктивной южной границей Конгскаго государства, племя ба-куба также представлено могущественными народцами, уже сбросившими съ себя иго племени лунда; при этомъ одному изъ нихъ, именно народцу бена-маи, или «сыны Маи», удалось даже основать независимое государство около большихъ пороговъ Кассаи, въ Маи-Мумэнэ.

Въ юго-западной части группы долинъ притоковъ Кассаи, страна населена предпріимчивымъ племенемъ кіоко—или, вѣрнѣе, чибоко [1]—которому, повидимому, предназначено пріобрѣсти, рано или поздно, преобладающее значеніе между племенами, живущими къ югу отъ р. Конго. Во время путешествія Ливингстона въ бассейнъ Кассаи, племя кіоко еще не проникало туда; нынѣ же во многихъ мѣстностяхъ оно уже господствующее, хотя и находится въ нѣкоторой зависимости отъ муата Ямво. Изъ единогласнаго свидѣтельства ихъ сосѣдей видно, что мѣстомъ происхожденія ихъ была южная область: территорія, которую они прежде занимали, по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ вѣковъ, есть область плоскогорій между истоками рѣкъ Куанза и Куанго, изъ которыхъ послѣдняя составляетъ одинъ изъ главныхъ притоковъ Замбезе; они жили рядомъ съ племенемъ гангуэлла, на которыхъ сильно походятъ языкомъ и нравами, и, повидимому, имѣютъ также нѣкоторое сходство съ племенемъ лунда, которое однако не равно имъ ни по уму, ни по иниціативѣ. Какъ розыскиватели звѣриныхъ слѣдовъ—они удивительно искусны, что объясняется ихъ почти кочевой жизнью. Путешествуютъ же они ордами, перекочевывая все болѣе и болѣе къ сѣверу, при чемъ, въ видѣ торговыхъ колоній, основываютъ свои поселенія между племенами лунда. Они страстные охотники, не прекращающіе преслѣдованіе одного и того же животнаго въ теченіе цѣлыхъ дней: поэтому-то въ постоянно обитаемыхъ ими лѣсахъ и луговыхъ степяхъ оказывается истребленною вся дичь, до крысъ и мелкихъ пташекъ включительно. Впрочемъ, кіоко весьма миролюбивы, что доказывается тѣмъ, что средствъ для своего существованія они ищутъ въ трудѣ, а не въ войнѣ. Ремесленники изъ кіоко, въ особенности кузнецы и корзинщики, весьма искусны; на всемъ протяженіи бассейна Кассаи также весьма цѣнится и выдѣлываемое кіоками оружіе. Люди этого трудолюбиваго племени менѣе кокетливы, въ сравненіи съ ихъ лѣнивыми сосѣдями: прическа у нихъ простая, хотя всегда въ порядкѣ; лицо, однако, они расписываютъ красною краскою, что придаетъ ему странное выраженіе. Большая часть кіоко малы, худощавы и нервны: такимъ образомъ, уже ихъ внѣшность свидѣтельствуетъ о присущей имъ энергіи [1]).

Главный рынокъ въ пограничной полосѣ между племенами кіоко и лунда есть городъ Кимбунду, расположенный на высотѣ 1.200 метровъ, на лѣвомъ берегу рѣки Лу-Во, притокѣ Луа-Нгэ, большой рѣкѣ, текущей параллельно Кассаи. Въ 1876 году, Кимбунду былъ большою деревнею, имѣвшей нѣсколько домовъ или навѣсовъ европейской постройки, принадлежащихъ португальскому купцу; однако, въ тѣхъ поръ торговля перемѣстилась далѣе въ направленіи къ р. Кассаи. По населенности Кимбунду уступаетъ деревнямъ окружающихъ маленькихъ государствъ, служащимъ резиденціей ихъ мона, т.-е. начальниковъ.

Къ сѣверу отъ территоріи племени ба-куба, рѣки Кассаи и Луа-Нгэ протекаютъ чрезъ земли пендэ, ба-конго и другихъ народцевъ расы банту, извѣстныхъ только по имени. Далѣе, по другую сторону р. Санкуру, проживаютъ ба-сонго мино, или «зубатые сонго», прозванные такъ по причинѣ подпиливанія ими всѣхъ рѣзцовъ. Народцевъ этихъ очень боятся, считая ихъ людоѣдами; однако, они отрицаютъ свое людоѣдство, и путешественникъ Wolf, посѣтившій ихъ въ 1886 году, не видѣлъ рѣшительно ничего, что бы могло оправдать взводимое на нихъ сосѣдями обвиненіе. Ба-сонга и ба-куту, живущіе ниже, при сліяніи рѣкъ Санкуру и Кассаи,—высоки и стройны, чѣмъ рѣзко отличаются отъ людей племени ба-куба, которые коренасты, широкоплечи; ба-куту слывутъ негостепріимными, и купцы дѣлаютъ большіе крюки, чтобы не проходить чрезъ ихъ территорію. Наконецъ, далѣе къ сѣверу, между рѣками Кассаи и Лу-Кеніэ, Kund и Tappenbeck посѣтили туземцевъ ба-сенгэ, живущихъ весьма большими селами, съ улицами, длиною въ нѣсколько километровъ,

[1]) Capello e R. Jvens. „De Benguella as Terras de Jacca".

[1]) Otto H. Schütt, „Beiträge zur Entdeckungsgeschichte Afrika's". Тет. IV.

обставленными домами со фронтонами, уютно устроенными, съ постелями и кухонными очагами. Нѣкоторыя изъ этихъ деревень, выстроенныя на расчищенныхъ изъ-подъ лѣса земляхъ, имѣютъ по нѣсколько тысячъ жителей. Ба-сенгэ, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать ни съ ба-сонгэ, ни съ ба-сангэ, имѣютъ особый типъ, еще не встрѣчавшійся у другихъ чернокожихъ народовъ. Они высоки ростомъ; торсъ сравнительно короткій, покоится на длинныхъ ногахъ; волосы заплетены въ косы, обвитыя подъ подбородкомъ. Ба-сенгэ на корнѣ носа дѣлаютъ себѣ по три нарѣзки, чѣмъ и ограничиваютъ свою татуировку; украшеніями гнушаются, и весь костюмъ ихъ состоитъ изъ узкаго передника. У многихъ изъ нихъ лица вполнѣ европейскія, и именно такихъ европейцевъ, которые предаются умственнымъ тру-

Видъ Вальфишской (Китовой) бухты.

дамъ; нигдѣ не увидишь глупаго лица, но часто встрѣтишь физіономію саркастическую. Столица этого замѣчательнаго народа, называющаяся, по имени короля, Га-коко, представляетъ большой городъ, выстроенный, какъ и всѣ остальные, на полянѣ въ дѣвственномъ лѣсу. Kund и Tappenbeck не нашли у ба-сенгэ никакихъ слѣдовъ людоѣдства. Умершіе почитаются; погребаютъ ихъ у выхода изъ деревень, вдоль дорогъ [1]).

VIII. Бассейнъ Куанго.

Хотя эта рѣка принадлежитъ къ бассейну Кассаи, она протекаетъ чрезъ область, совершенно отличную отъ страны Лунда по исторической роли. Извѣстная португальцамъ съ XVI-го столѣтія, Куанго есть истинная Запра, имя которой и понынѣ присвоено низовью рѣки. Тогда какъ края, орошаемые Кассаи и ея восточными притоками, были завоеваны для географіи лишь въ новѣйшую эпоху, долина р. Куанго была посѣщаема, по крайней мѣрѣ въ ея средней части, уже въ теченіе трехъ столѣтій португальскими купцами, при чемъ ея рынки служили посредниками между приморскими городами и дикимъ населеніемъ внутри страны. Однако нижнее теченіе Куанго, внѣ португальскихъ владѣній, до недавняго времени терялось въ невѣдомыхъ странахъ.

Въ области истоковъ Куанго, господствующею расою является племя кіоко, то самое, которое населяетъ верховыя долины Кассаи. Сѣвернѣе на обоихъ берегахъ рѣки, и къ западу на водораздѣлѣ между Куанго и притоками Куанзы, обитаетъ племя минунго. Раздѣленные на множество мелкихъ колѣнъ безъ всякой политической связи, минунго—алчные грабители, обѣднѣвшіе отъ своихъ войнъ и мало склонные къ промысламъ, рослые и сильные, но неуклюжіе, съ тупымъ выраженіемъ лица; большинство ихъ продѣваютъ въ перегородку носа палочку или ость дикобраза, вслѣдствіе чего ноздри расширяются. Свои волосы они намазываютъ такимъ большимъ количествомъ масла, смѣшаннаго съ красною глиною, что, приближаясь къ нимъ, рискуешь замараться; но въ другихъ отношеніяхъ они содержатъ себя въ чистотѣ, и ихъ круглыя хижины тщательно подметаются. Находясь подъ отдаленнымъ вліяніемъ португальскихъ католиковъ, они не ограничиваются только одними фетишами въ видѣ грубоизсѣченныхъ орловъ и быковъ, или старыхъ горшковъ, содержащихъ какія-то таинственныя снадобья: они также почитаютъ покупаемые у португальскихъ торговцевъ деревянные или мѣдные кресты, и даже Распятія, которыми и пользуются для освященія своихъ путей. Трупы своихъ королей они не погребаютъ, но оставляютъ подъ надзоромъ трехъ рабовъ, а сами удаляются для постройки, подъ руководствомъ новаго начальника, новой деревни. Сидящіе же около умершихъ невольники обязаны тщательно собирать всѣхъ червей, падающихъ съ кишащаго ими трупа и класть ихъ въ сосудъ [1]); затѣмъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда отъ трупа остается лишь одинъ скелетъ, всѣ остатки бросаютъ въ кусты. То же самое продѣлывается и у многихъ другихъ сосѣднихъ народцевъ, между прочимъ, у ма-шинджэ, обитающихъ на востокъ отъ Куанго.

Нація, носящая имя ба-нгала—которое принадлежитъ также многимъ другимъ группамъ населенія въ Конгскомъ бассейнѣ—обитаетъ на западномъ склонѣ долины, книзу отъ большихъ пороговъ на рѣкѣ и отъ земли племени минунго. Эти ба-нгала, или «люди рѣки», живутъ земледѣліемъ, торговлею и, на берегахъ рѣки Луи, добываніемъ на солончакахъ соли; съ необыкновенною строгостью требуютъ они таможенныя пошлины съ товаровъ, ввозимыхъ португальскими купцами. Находясь издавна въ сношеніяхъ съ португальцами, они умѣютъ строить обширные, хорошо провѣтриваемые, дома съ фронтонами и высокими крышами. Они погребаютъ своихъ начальниковъ съ большой пышностью и на ихъ костякахъ насыпаютъ курганы, вокругъ которыхъ прокладываютъ широкую дорогу, съ тою цѣлью, чтобы, при поджогѣ травы въ степи, огонь прошелъ бы мимо. Эти могильные холмы покрываются тканями и прежде опрыскивались кровью; нынѣ, для сопровожденія господина въ другую жизнь, уже не убиваютъ рабовъ, но главный начальникъ, родственникъ умершаго, долженъ бодрствовать подлѣ могилы. Наслѣдникомъ собъ, или бангальскихъ главарей, всегда назначается старшій сынъ старшей сестры, но онъ имѣетъ право лишь на имущество, власть же принадлежитъ часто другимъ. Яга или кассанжэ, главный начальникъ племени ба-нгала, бываетъ обязанъ своей властью избранію не народа, а четырехъ главныхъ сановниковъ. Эти сановники не могутъ стать начальниками сами, а также не могутъ сдѣлать свой выборъ внѣ извѣстныхъ трехъ семействъ; но, во время междуцарствій, имъ принадлежатъ знаки королевскаго достоинства, и они же произносятъ и тѣ таинственныя слова, при посредствѣ которыхъ избранный начальникъ превращается въ божественное существо; по словамъ португальскихъ изслѣдователей даннаго края, эти избиратели, будто бы, подмѣшиваютъ въ напитокъ, даваемый ими но-

[1]) „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft" 1883—1886.

[1]) Schütt, упом. соч.—Lux, „Von Loandanach Kimbundu".

вому королю, какой-то тонкій ядъ, который исподоволь подрываетъ здоровье яги и уноситъ его въ могилу ранѣе истеченія полныхъ трехъ лѣтъ со времени избранія. Поэтому, нынѣшній государь, по полученіи скипетра, надѣляющаго его властью, самовольно отложилъ всю остальную церемонію, удовлетворяясь тѣмъ, что сталъ властелиномъ на дѣлѣ, не будучи имъ вполнѣ по праву. Столица страны называется, равно какъ и главный начальникъ, Кассанжэ, но португальцы часто называютъ ее также «Фейра», т. е. мѣсто «ярмарки», на которой совершается обмѣнъ между приморскими купцами и торговцами племенъ кіоко и лунда. До 1860 года, португальцы, господствовали въ Кассанжэ, и яга былъ ихъ вассаломъ, но въ этомъ году вспыхнулъ бунтъ; магазины были разграблены, и изъ двадцати одного купца съ большимъ трудомъ спаслись отъ смерти только семеро. Впрочемъ, впослѣдствіи верховное главенство Португаліи было признано снова.

Къ сѣверу или къ востоку отъ края племени ба-нгала, бассейнъ Куанго цѣликомъ занятъ так называемыми дикими племенами, имѣющими съ приморскими португальцами только ограниченныя торговыя сношенія. Ма-шиндже восточнаго склона, говорящіе на нарѣчіи банту, едва лишь отличающемся отъ нарѣчія племени кіоко, сходны съ ними также и нравами. Холло, проживающіе на полуостровѣ, ограниченномъ съ востока р. Куанго, а съ запада ея притокомъ, Камбо,—мирные земледѣльцы: въ 1880 году они весьма хорошо приняли путешественника Мехова, хотя старинные разсказы изображали ихъ страшными грабителями. Сѣверные кверху отъ водопадовъ, оба берега судоходной рѣки заселены племенемъ ма-якка, обыкновенно называемымъ мунту кіамвоэ, т. е. «люди Кіамво», особы, пребывающей на небольшомъ восточномъ притокѣ рѣки; Кіамво извѣстенъ также и подъ титуломъ муэнэ Путо Кассонго, и то же названіе носитъ и его столица, которая представляетъ скопленіе тысячи хижинъ, окаймляющихъ правильныя улицы и окруженныхъ общимъ высокимъ частоколомъ. Негры этого края, также какъ и ихъ западные сосѣди: ба-конго и чи-конго, помбо и пумбо—люди промышленные; вообще, по мѣрѣ удаленія отъ берега, гдѣ туземцы имѣютъ, однако, передъ глазами примѣръ бѣлыхъ, замѣчаешь, что хижины строятся съ бо́льшею тщательностію, и что оружіе и инструменты находятся въ лучшемъ состояніи; этихъ туземцевъ обзываютъ дикими, потому что они едва одѣты; но въ дѣйствительности они стоятъ выше приморскихъ населеній [1]), и это въ центрѣ материка, у ба-сенгэ, ту-шиланге, лунда,—которые до недавняго времени даже не слыхали объ европейцахъ,—находятся самые цивилизованные люди. Ма-якка сдѣлались страстными курильщиками конопли. Они не вырываютъ и не подпиливаютъ себѣ верхнихъ рѣзцовъ, что дѣлаютъ большинство прирѣчныхъ жителей Конго. Моды, которымъ слѣдуютъ на берегахъ Конго, имъ совершенно не извѣстны, такъ какъ между средней долиной Куанго и европейскими станціями Квамутъ и Стэнлипуль не существуетъ никакихъ торговыхъ сношеній. Собираемые ма-якка каучукъ и табакъ, будучи передаваемы отъ одного посредника къ другому, направляются прямо на западъ, къ португальскимъ рынкамъ. Не имѣютъ ли эти якка какой-либо связи, потомственной или родственной, съ тѣми джагга, которые нѣкогда разрушили Конгскую имперію?

Въ области сліянія рѣкъ Куанго и Кассаи, господствующее племя—ба-тэкэ, какъ и во французскихъ владѣніяхъ конгскаго бассейна; но въ этой области многія села принадлежатъ также другому народцу—уа-бума. Эти уа-бума, тѣ же самые, что и а-бома, обитающіе въ предѣлахъ французскаго Конго,—торговцы и лодочники, спускающіеся изъ Кассаи или Куа до Стэнліева пруда и передающіе свои товары носильщикамъ, доставляющимъ ихъ на низовья Конго; флотиліи ихъ пирогъ причаливаютъ къ пристанямъ въ Киншасса или въ другихъ деревняхъ вдоль Стэнліева озера, гдѣ у нихъ имѣются временныя помѣщенія для остановокъ на берегу. Уа-бума, вмѣстѣ съ ба-нгала принадлежатъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ туземцевъ конгскаго бассейна, которыхъ европейцы успѣли пріобщить къ своимъ трудамъ по водворенію самихъ себя въ странѣ; они умны, трудолюбивы, услужливы и всегда веселы; села ихъ кишатъ дѣтьми. Высшій начальникъ у племени уа-бума—женщина; пребываетъ она на высокой кручѣ праваго берега р. Куа, въ городѣ Мбоши, имѣющемъ около трехъ тысячъ жителей и состоящемъ изъ многочисленныхъ поселковъ, расположенныхъ другъ подлѣ друга на протяженіи, въ общемъ, пяти километровъ. На мысѣ, господствующемъ надъ сліяніемъ двухъ большихъ рѣкъ, Кассаи и Конго, находится станція, носящая англійское названіе Квамутъ, или «устье Куа», данное въ то время, когда еще не знали, какое громадное рѣчное развѣтвленіе присоединяется въ этой мѣстности къ главному руслу Конго.

Станціи Нгомбэ, Луколела, Болобо, слѣдующія одна за другой на красноватыхъ утесахъ лѣваго берега рѣки, кверху отъ Квамута, были покинуты конгскимъ правительствомъ, но тѣмъ не менѣе онѣ остаются еще часто посѣщаемыми пристанями. Этотъ берегъ между устьями рѣкъ У-Банги и Куа-

[1]) Wolf, „Mittheilungen der deutschen Africanischen Gesellschaft". Томъ IV. 1883—1885.

Кассаи, насупротивъ многочисленныхъ притоковъ, прорѣзывающихъ Французскій Конго, представляетъ, повидимому, страну, самую населенную во всемъ бассейнѣ. Болобо, напримѣръ, вмѣстѣ съ своимъ предмѣстіемъ Моуэ, оказывается городомъ, имѣющимъ болѣе пяти тысячъ жителей, а по Стэнли,—даже и десять тысячъ; расположенъ онъ вдоль рѣки и на склонахъ холма. Чумбири, въ пятидесяти километрахъ кверху отъ Квамута, — тоже многолюдный городъ. Прибрежную націю составляетъ племя ба-янзи или ба-ньянзи, родственное племени бу-бангіевъ, обитающему на противоположномъ берегу: въ городахъ обычай человѣческихъ жертвоприношеній, а также оргіи сдѣлали ихъ злыми, наглыми, склонными къ предательству, но нельзя не удивляться ихъ остроумію и живости, вкусу и искусству, съ которымъ они украшаютъ свои инструменты, горшечныя издѣлія и дома. Имѣя сами мало дѣтей, они часто усыновляютъ рабовъ, запечатлѣвая это нанесеніемъ на ихъ лица національнаго герба, состоящаго изъ ряда шишекъ, простирающихся поверхъ лба отъ одного до другаго уха; они даже выдаютъ замужъ за этихъ невольниковъ своихъ собственныхъ женъ и дочерей. Въ противоположность имъ, аборигены края, ба-нуну и ба-тенде, имѣютъ семейства гораздо болѣе многочисленныя [1]) Говорятъ, что около Болобо имѣются мѣсторожденія топазовъ [2]).

IX. Низовья рѣки Конго.

Хотя «независимое» Конгское государство занимаетъ на картѣ обширное пространство, именно болѣе половины того рѣчнаго бассейна, отъ котораго оно заимствовало свое наименованіе, тѣмъ не менѣе торговая и политическая дѣятельность европейцевъ почти вся сосредоточена въ двухъ мѣстностяхъ: около Стэнліева озера, кверху отъ водопадовъ и пороговъ, и на низовьяхъ Конго, между водопадомъ Іеллала и устьемъ Конгскаго лимана. Безъ сомнѣнія, конгская территорія громадна (пространство ея: 2.252.780 кв. километровъ), и занимающее ее населеніе (по новѣйшему приблизительному исчисленію, 14.100.000 душъ) равно народонаселенію могущественныхъ государствъ; однако, исчислить его можно, лишь опираясь на болѣе или менѣе согласующіяся впечатлѣнія путешественниковъ; что же касается бѣлыхъ, то они лишь едва ступили ногою на эту землю. Приготовительный періодъ будущаго присоединенія только-что начался; но правительство, на долю котораго выпала эта задача, располагаетъ лишь малочисленнымъ персоналомъ, къ тому же ежегодно еще уменьшающимся отъ болѣзней, а также не особенно значительнымъ бюджетомъ, обремененнымъ долгами. Къ 31 декабря 1886 г., общая численность европейскаго населенія въ Конгскомъ государствѣ достигала 254 человѣкъ (въ концѣ 1896 года насчитывалось 1.474 европейца, изъ нихъ 882 бельгійца), и вотъ въ этой-то небольшой кучкѣ, разсѣянной по всей территоріи, несущей, при нездоровомъ климатѣ, усиленные труды, и часто на одну десятую уменьшаемой вслѣдствіе болѣзней [1]), выпали на долю: географическое и торговое изслѣдованіе края, основаніе, содержаніе и защита постовъ, наборъ солдатъ, лодочниковъ и носильщиковъ, управленіе и умиротвореніе туземцевъ. (Изъ 254 человѣкъ бѣлаго населенія Конго къ 31 декабря 1886 года было: португальцевъ, почти всѣ торговые агенты—70; бельгійцевъ, офицеровъ и чиновниковъ — 46; голландцевъ, негоціантовъ—39; англичанъ—34; разныхъ національностей: шведовъ, французовъ и т. д.—6[illegible]). Первая половина труда—изслѣдованіе бассейна—съ успѣхомъ выполнена для большей части судоходнаго развѣтвленія рѣки и ея притоковъ, и въ дѣлѣ географическаго познанія территоріи можно удивляться громадности результатовъ, достигнутыхъ съ 1875 года; но относительно остальной части задачи пришлось ограничить усилія низовьями Конго. Впрочемъ, пріобщеніе этихъ низовьевъ къ европейскому міру преслѣдуется сразу тремя государствами, такъ какъ свободное Конгское государство, на своей западной оконечности, владѣетъ лишь лѣвымъ берегомъ кверху отъ Маріанга и правымъ берегомъ вплоть до Нокп, а затѣмъ сюзеренами являются на одномъ берегу Франція, а на другомъ—Португалія.

Берега Стэнли-Пуля (пруда или озера Стэнли), какъ и берега вверхъ по рѣкѣ населены народцами ба-тэкэ, отнынѣ уже подвластными бѣлымъ; однако, еще недавно, островитяне озера относились враждебно къ иностранцу [2]). Нигдѣ въ бассейнѣ Конго не совершилось перемѣнъ, столь быстрыхъ, какъ въ этой области, перемѣнъ, впрочемъ, оправдываемыхъ важнымъ значеніемъ Стэнли-Пуля, представляющаго общій привозный портъ для всѣхъ судоходныхъ путей вверхъ

[1]) Grenfell, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1885.—„Afrique explorée et civilisée“, Февраль 1885.
[2]) Johnston, „The River Congo“.

[1]) Смертность: 1) въ миссіи Brazza въ 1884, 1885 и 1886 г. равнялась 12 человѣкъ изъ 41. (Ed. Pouel, рукоп. замѣтки). 2) Въ Конгской миссіи (Congo Island Mission): съ 1878 по 1885 гг. умерло 12 изъ 50 миссіонеровъ. 3) Шведовъ и датчанъ, служившихъ въ Международной Ассоціаціи до 1886 года, умерло 10 изъ 33. 4) Экспедиціи Ассоціаціи и Бельгіи: съ 1879 по 1885 гг. на 263 взрослыхъ 48 умершихъ, при чемъ 25 вслѣдствіе случайностей

[2]) Comber, Proceedings of the R. Geographical Societ. Февраль 1884.

по рѣкѣ вплодь до сосѣдства съ озеромъ Танганьикою. Главный городъ этой области, Леопольдвилль, построенъ на плоскогоріи, господствующемъ надъ западною оконечностью

Ангра-Пекена.

озера и тою грядою, которая заставляетъ Конго измѣнить свое направленіе; городъ этотъ находится также не подалеку отъ Нтамо, столицы тѣхъ ба-тэкэ, которыхъ конгское правительство отдѣлило отъ сѣверныхъ ба-тэкэ, оставшихся подъ верховнымъ покровительствомъ Франціи. Рядомъ съ Леопольдвиллемъ находятся казармы солдатъ изъ племенъ хаусса и ба-нгала и дома англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ; вокругъ этихъ разсѣянныхъ зданій простираются плодовые сады и огороды, обрабатываемые работниками изъ кафровъ. Промышленная и торговая дѣятельность сосредоточивается въ особен-

ности на берегу озера, въ поселеніи Киншасса, служащемъ портомъ и верфью для Леопольдвилля: здѣсь главный рынокъ для мѣстныхъ продуктовъ, и здѣсь же собираются и снаряжаются тѣ пароходы, которые въ разобранномъ видѣ были принесены съ низовьевъ рѣки на спинѣ человѣка. Основались въ Киншассо, рядомъ съ торговцами, также и миссіонеры. Наконецъ, около восточной оконечности озера, въ Кимпоко, создалась еще одна станція, въ одно и то же время религіозная и земледѣльческая, гдѣ водой ручья пользуются для орошенія и для промышленности. Вокругъ же этихъ европейскихъ поселеній группируются и туземныя хижины. И вообще равнина, простирающаяся къ югу и ограничиваемая полукругомъ горъ, густо населена, а изъ скопленія хижинъ въ Кимбанга, Лемба и Микунга создались настоящіе города. Schwerin прошелъ по этой равнинѣ и взбирался на вершину, высотой въ шестьсотъ метровъ, господствующую надъ равниною съ юга и названную пикомъ-Мансъ (le pic Meuse), въ честь одного леопольдвилльскаго врача. Подобно Дуврскимъ-Утесамъ, на противоположномъ берегу Конго всѣ скалы упомянутаго цирка состоятъ изъ отвердѣвшаго, блестящей бѣлизны, песка и высятся въ видѣ утесовъ, унизанныхъ остроконечными вершинами [1]).

Книзу отъ озера Стэнли, тропинки, которыми слѣдуютъ носильщики, удаляются отъ рѣки, грохочущей между своими скалистыми стѣнами; большинство селъ расположено въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Конго, при чемъ они размѣстились либо въ боковыхъ долинахъ, либо на мысахъ прибрежныхъ холмовъ. Главныя мѣста остановокъ на пути, огибающемъ водопады и пороги, находятся приблизительно на половинѣ дороги между Леопольдвиллемъ и Матади, въ мѣстности, гдѣ рѣка являетъ менѣе быстрое теченіе между двумя главными лѣстницами пороговъ. Въ Лутетэ—станція англійскихъ миссіонеровъ, на лѣвомъ берегу рѣки—носильщики, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ селахъ, иногда останавливаются на нѣсколько дней для отдыха и торговли; король ея—въ то же время крупный торговецъ, которому доставляютъ слоновую кость изъ Моала, города, расположеннаго восточнѣе, посреди банановыхъ рощъ, въ долинѣ Нкисси. Ниже Лутетэ, по обѣ стороны рѣки, другъ противъ друга расположены два мѣстечка Маньянга; затѣмъ, на лѣвомъ берегу, слѣдуетъ станція Лукунгу, почва около которой оказывается наиболѣе пригодною для опыта съ воздѣлываніемъ промышленныхъ растеній. Станція Лукунгу избрана правительствомъ Независимаго Конгскаго государства какъ продовольственный центръ между Леопольдвиллемъ и столицею. Ниже, на томъ же берегу, находится станція Воонда или Baynesville, основанная миссіонерами. Верхняя долина рѣки Куилу представляетъ одну изъ наиболѣе плодородныхъ и населенныхъ долинъ данной области и заключаетъ въ себѣ два города: Банза-Макута и Тунгуа. Первый изъ нихъ, мѣстопребываніе короля,—мануфактурный и торговый городъ, главный рынокъ между озеромъ Стэнли и Амбризомъ; Тунгуа, сосѣдъ Банза-Макута,—тоже большой рынокъ слоновой кости; это—самое многочисленное мѣстечко на всемъ Конгскомъ Низовьи (около двухъ тысячъ жителей) [1]).

Въ той части долины р. Конго, которая заключается между станціею Маньянга и городомъ Бона, господствующимъ, къ сѣверу отъ рѣки, племенемъ являются ба-сунди, энергическіе и гордые люди, считающіе себя не ниже бѣлыхъ и часто сражавшіеся противъ войска Конгскаго государства. Многочисленныя деревни ихъ скучены на берегахъ рѣки, благодаря привлекающему жителей обилію рыбы въ водахъ между порогами и водопадами. Оба берега рѣки на протяженіи между Маньянга и Изангила населены рыбаками, работающими преимущественно по ночамъ, при чемъ зажженные на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга громадные огни отражаются въ быстринахъ рѣки, освѣщая черные образы людей и сѣти, отливающія серебристымъ отблескомъ чешуи рыбъ. Рыбная ловля, а порою и война—вотъ единственныя занятія мужчинъ племени ба-сунди. Женщины же воздѣлываютъ поля, ткутъ матеріи, плетутъ корзины, лѣпятъ горшечныя издѣлія, и на нихъ же лежитъ продажа и покупка товаровъ. Какъ торговки, они весьма умѣлы, и, благодаря имъ, пойманная мужчинами рыба отправляется на большія разстоянія къ племенамъ Внутренней Африки. Главный рынокъ въ этой области Низовьевъ Конго находится на правомъ берегу рѣки въ сосѣдствѣ съ Маньянга: это наиболѣе посѣщаемый между Стэнли-Пулемъ и моремъ рынокъ для мѣновой торговли; выше по Конгской долинѣ купцы изъ приморскихъ негровъ уже не поднимаются. Сходятся на торгъ въ Маньянга изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, даже за нѣсколько дней пути; при этомъ, самый торгъ бываетъ каждый восьмой день, такъ какъ у конгскихъ племенъ, вплоть до края племени ба-янзи [2]), годъ дѣлится не на мѣсяцы и недѣли, но на луны и на періоды времени по четыре дня въ каждомъ. Между двумя торгами, слѣдовательно, проходитъ два такихъ періода [3]).

[1]) „Mouvement Géographique“, 16 января 187.

[1]) Comber, „Proceedings of the R. Geographical Society“, Апрѣль 1879.

[2]) Wester, „Ymer“ 1876.

[3]) Nipperday, „Zur Bedeutung der Wochenmärkte am Congo“. „Revue Coloniale Internationale“. 1887.

Станція Изангила, окруженная стѣнами и рвами, помѣщается на вершинѣ высокой горы, подошва которой подтачивается теченіемъ р. Конго. Въ этой мѣстности рѣка низвергается вертикально съ высоты приблизительно пяти метровъ, затѣмъ описываетъ большую излучину къ югу, чтобы рядомъ ущелій спуститься по послѣднимъ ступенямъ пороговъ; кромѣ того, долина рѣки Лу-фу направляется на юго-востокъ, къ плоскогорью, на которомъ стоитъ Санъ-Сальвадоръ, бывшая столица Конгскаго королевства; а въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу, начинаются овраги, несущіе свои временные потоки уже въ русло рѣки Шп-Лоанго. Такимъ образомъ, Изангала представляетъ одну изъ наилучше выбранныхъ станцій въ предвидѣніи будущей торговли, но, пока, она еще ожидаетъ дорогъ, которыя связали бы ее съ другими прибрежными постами на Конго, а также и съ прибрежными городами: Кабиндою, Ланданою и Лоанго.

Другая станція, Виви или М'Виви, бывшая столицей Независимаго Конгскаго государства, была покинута, послѣ двукратнаго перемѣщенія: первоначально, для мѣстопребыванія правительства, Стэнли избралъ вершину плоскогорія, которое, господствуя надъ правымъ берегомъ рѣки, находится на небольшомъ разстояніи книзу отъ послѣдняго порога; онъ надѣялся, что высота мѣста обезпечитъ европейской станціи чистый и здоровый воздухъ; однако, опытъ не оправдалъ этого ожиданія, и европейскіе чиновники основали себѣ другую резиденцію восточнѣе, на другомъ болѣе широкомъ возвышеніи, менѣе каменистомъ и болѣе подходящемъ для постройки города. Однако же, и второй Виви оказался не здоровѣе перваго, представляя въ то же время одинаковое съ первымъ неудобство въ томъ отношеніи, что находился на большой высотѣ надъ портомъ, къ которому суда приставали не безъ опасности, вслѣдствіе водоворотовъ и стремительности рѣчнаго потока. Такимъ образомъ, подобно первой, опустѣла и вторая столица. Но если правительство Конгскаго государства и было вынуждено переселиться къ низовью рѣки, то мѣстность, гдѣ начинается судоходное теченіе Нижняго Конго, чтобы безпрепятственно продолжаться уже вплоть до моря, представляетъ жизненный пунктъ, слишкомъ важный въ исторической географіи континента, чтобы тамъ не основались многочисленные посты, скромные начатки будущихъ городовъ. Первою станціею на лѣвомъ берегу, книзу отъ водопада Іеллала, недавно былъ портъ Мпозо (т. е. «буйвола»), при устьѣ одноименной съ нимъ рѣки, текущей изъ португальскихъ владѣній; но въ этой мѣстности теченіе еще весьма стремительно для того, чтобы пароходы могли подниматься туда легко; поэтому, большая часть судовъ останавливается въ портѣ Матади (т. е. «камня»), тоже расположенномъ на лѣвомъ берегу рѣки, книзу отъ водоворота около стараго Виви. Затѣмъ, на томъ же берегу слѣдуютъ одинъ за другимъ посты Фука-Фука, Нкала-Нкала, портъ стана миссіонеровъ, называемаго Тундува или Ундерхилль, Уанго-Уанго и Ноки, маленькій португальскій городокъ съ бѣлыми домами, насупротивъ Нконголо. Затѣмъ, на южной сторонѣ рѣки — факторіи Муссуко, а на сѣверной — факторіи Мбинда, расположились между Ноки и Бома (М'бома, Эмбома), новымъ главнымъ городомъ Независимаго Конгскаго государства.

Бома, городъ «великой змѣи» или «ужаса»[1]), бывшій главнымъ невольничьимъ рынкомъ для всей области Заиры, еще до 1876 года не былъ перейденъ европейскими купцами. Это двойной городъ, состоящій изъ «гавани» и «мѣстечка», соединенныхъ другъ съ другомъ двумя дорогами: обыкновенною и желѣзною легкой постройки. Бургъ, возвышающійся метровъ на сто надъ правымъ берегомъ рѣки, на видъ весьма красивъ, съ его бѣлыми домами и галлереями, садами и плантаціями деревьевъ и большихъ баобабовъ въ окрестностяхъ. Внизу, хижины чернокожихъ тѣснятся вокругъ факторій различныхъ европейскихъ національностей: девять туземцевъ, носящихъ еще титулъ короля и охраняющихъ себя отъ черни посредствомъ самаго строгаго этикета, хотя, подобно своимъ подданнымъ, и питаются шикуангомъ, или хлѣбомъ изъ маніока, но, тѣмъ не менѣе, все еще претендуютъ на право владѣнія бомскими землями, и каждый мѣсяцъ являются въ факторіи за полученіемъ «обычнаго», т. е. арендной платы[2]). Плантаціи сахарнаго тростника окаймляютъ одну часть берега, а на самой рѣкѣ разсѣяно нѣсколько острововъ, при чемъ на одномъ изъ нихъ находится много деревень, полей земляныхъ фисташекъ и пальмовыхъ рощицъ: отсюда поставляется для Бома и весь дровяной лѣсъ; но вообще воздѣлываніе «пищевыхъ растеній» въ большомъ небреженіи, такъ что случаются настоящія голодовки, и туземцы бываютъ вынуждены ѣсть мясо гиппопотама, которымъ прежде брезговали. На одномъ изъ острововъ вверхъ по рѣкѣ, именно на Островѣ Государей, находятся могилы бомскихъ королей, а также могилы сотоварищей Tuckey'я, умершихъ во время бѣдственной экспедиціи 1816 г. Самое мѣстоположеніе этой столицы, на Конгскомъ лиманѣ, при входѣ на громадную территорію, простирающуюся вплоть до великихъ озеръ, указываетъ на нахожденіе жизненнаго центра имперіи все еще

[1]) Paul Güssfeld;—Bastion, цитиров. сочиненія.
[2]) Trivier, „Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort" 1886—1887.

по сю сторону области водопадовъ и пороговъ. Правда, что Бома, какъ нѣкогда Петербургъ, городъ Петра Великаго, долженъ стремиться, прежде всего, не къ занятію политическаго центра своихъ владѣній, но къ тому, чтобы оставаться въ частыхъ и легкихъ сношеніяхъ съ Европою, откуда къ нему приходятъ люди, финансовые рессурсы, новости и цивилизація.

Сношенія Конгскихъ портовъ съ Европою уже часты и теперь: пять пароходныхъ линій поддерживаютъ правильное сообщеніе между рѣкою Конго и городами: Лиссабономъ, Ливерпулемъ, Гуллемъ, Роттердамомъ и Гамбургомъ. На самой р. Конго пароходы ходятъ взадъ и впередъ между Бананою и Матади; затѣмъ, нѣсколько пароходовъ, перенесенныхъ въ разобранномъ видѣ, плаваютъ кверху отъ пороговъ; но между Матади и Стэнли-Пулемъ, располагаютъ только носильщиками для экспедиціи товаровъ, при чемъ на путь между этими пунктами, протяженіемъ въ 280 километровъ, приходится тратить восемнадцать дней, а стоимость переноса одной тонны достигаетъ тысячи франковъ [1]). Пытались разводить вьючныхъ быковъ, выведенныхъ изъ Моссамедеса и области Дама-ра, но до сихъ поръ бычачья порода не акклиматизировалась лучше породъ лошадиной и ослиной; стада въ факторіяхъ большею частью погибаютъ къ концу сухаго времени года. Было бы, слѣдовательно, безусловно необходимо соединить обѣ судоходныя части Конго; необходимость этого великаго дѣла сознана уже со времени совершоннаго Стэнли перехода, вдоль Конго, черезъ материкъ Африки, но пока оказалось возможнымъ выполнить лишь одни предварительныя изысканія. Если бы область низовьевъ Конго принадлежала не нѣсколькимъ государствамъ, то, конечно, желѣзный путь былъ бы проведенъ по сѣверному берегу. Начинаясь отъ города Бома, столицы, желѣзная дорога могла бы направиться почти по прямой линіи къ сѣверо-востоку, слѣдуя по водораздѣлу между короткими притоками Конго и водами, несущимися къ Ши-Лоанго и къ Ньяди-Куилу; но въ такомъ случаѣ путь долженъ былъ бы пройти чрезъ территорію, присоединенную къ французскимъ владѣніямъ, и конечною станціею явился бы постъ Брацзавиль, на озерѣ Стэнли, если бы мостъ — устроенный, согласно предположенію Grenfell'я, черезъ которое-нибудь изъ узкихъ ущельевъ въ области пороговъ — не перевелъ бы пути на лѣвый берегъ Конго, книзу отъ города Маньянга. А такъ какъ Конгское государство желаетъ, чтобы проникающая чрезъ его владѣнія линія всецѣло находилась на его территоріи, то оно и благопріятствуетъ въ особенности направленію дороги по лѣвому берегу, отъ Матади, около португальской границы, къ станціи Киншасса, кверху отъ пороговъ и водопадовъ. При этомъ направленіи, которое, впрочемъ, обслѣдовано лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, предполагая, что желѣзный путь будетъ имѣть ту же длину, какъ тропа носильщиковъ, средній подъемъ его выразился бы уклономъ меньшимъ даже, чѣмъ одинъ метръ на километръ; но то, что̀ извѣстно о мѣстностяхъ, чрезъ которыя должна бы была пройти желѣзная дорога, не позволяетъ надѣяться на возможность осуществленія столь постепеннаго поднятія въ гору. Весьма дорого бы стоило проведеніе линіи вдоль всѣхъ рѣзкихъ поворотовъ и крутыхъ гранитныхъ выступовъ берега рѣки, и еще дороже обошлись бы, при удаленіи пути отъ берега, послѣдовательный подъемъ и спускъ чрезъ всѣ промежуточные кряжи, раздѣляющіе глубокія параллельныя долины, врѣзывающіяся къ толщу плоскогорья. Такимъ образомъ, построеніе желѣзнаго пути было бы крайне затруднено, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, пришлось бы привозить издалека и рабочихъ, именно съ Нигера и Сенегамбіи. Къ затрудненіямъ техническаго характера присоединились бы, слѣдовательно, трудности акклиматизаціи всего чужеземнаго, бѣлаго и чернаго, рабочаго персонала. Затѣмъ возникаетъ вопросъ о томъ: возмѣстились ли бы, при нынѣшнихъ условіяхъ, увеличеніемъ торговли тѣ значительныя затраты, которыя пришлось бы сдѣлать для постройки желѣзной дороги? А между тѣмъ, если желѣзный путь проложенъ не будетъ, то «все Конгское государство, какъ бы ни были необъятны его богатства, не стоитъ и двушилинговой монеты». Такъ выразился Стэнли, первый изслѣдователь Конго [1]). Будущей концессіонерной компаніи обезпечены большія выгоды. Государство даритъ полтораста тысячъ гектаровъ земли въ видѣ, во-первыхъ, полосы въ двѣсти метровъ съ каждой стороны рельсовъ и, во-вторыхъ, въ правѣ избранія гдѣ угодно въ территоріи по полторы тысячи гектаровъ на километръ пути. Заранѣе, такимъ образомъ, вводится въ краѣ такое поземельное устройство, которое покоится на крупной собственности. Что же касается торговли, то она уже монополизирована нѣсколькими большими компаніями, встрѣчающими, однако, себѣ истинныхъ соперниковъ между мелкими негрскими королями низовьевъ Конго, располагающихъ даровымъ трудомъ своихъ многочисленныхъ рабовъ. *Теперь строится желѣзная дорога, соединяющая Матади съ Ндоло, близъ о. Стэнли-Пуль. Длина всей линіи будетъ 385 километровъ, изъ которыхъ къ 1 августа 1897 г. были готовы 264 километра.*

[1]) „Tijdschrift van het Aardrijkskundig Genootschapte Amsterdam". 9 октября 1886.

[1]) „Proceedings of the R. Geographical Society". Октябрь 1886.

Книзу отъ Бома, главная станція нижняго лимана носитъ португальское наименованіе: Понта-да-Ленья, т. е. «Лѣсной Мысъ», хотя станція и расположена не на одномъ изъ прибрежныхъ полуострововъ, а на островѣ. Она названа такъ по причинѣ густаго лѣса, въ которомъ топоръ проложилъ широкія просѣки для факторій; рощи апельсинъ—весьма цѣнящагося плода—замѣнили уже дикія деревья вокругъ прибрежныхъ складовъ. Выше, по лиману островъ Матеба уступленъ одному промышленнику, который вывозитъ оттуда кукурузу, фисташки и табакъ; но недавно у него начались распри съ туземцами му-сороно по вопросу о задѣльной платѣ, и онъ сжегъ ихъ три деревни. Книзу отъ Понта-да-Ленья, — которую мало-по-малу размываетъ рѣчной потокъ, — нѣтъ

Типъ племени каконго.

болѣе европейскихъ плантацій вплоть до входа въ заливъ, до города Банана. Этотъ городъ—неудачно названный, такъ какъ около него не видно ни одной банановой рощицы—находится уже на конечномъ полуостровѣ праваго берега, между моремъ и входомъ въ лиманъ. Здѣсь голландскія факторіи, самыя важныя во всей области Конго,—ближайшія къ мысу полуострова; далѣе, по направленію къ лѣсу, слѣдуютъ остальныя торговыя поселенія: французскія, англійскія и португальскія; факторіи же, основанныя государствомъ Конго, находятся посрединѣ полуострова. Отъ размыванія берегъ и постройки защищены сваями; тѣмъ не менѣе, во время бурь случается, что почва Бананы покрывается лужами; такъ, въ 1872 году, сильная калема разрѣзала полуостровъ на-двое: голландскимъ торговцамъ пришлось поспѣшно заполнять размывъ барками, нагруженными камнями [1]). Портъ, по глубинѣ достаточный для самыхъ большихъ кораблей, образованъ русломъ самой рѣки и защищенъ отъ западныхъ вѣтровъ длинною Бананскою стрѣлкою, усѣянною бѣлыми домами. Европейское населеніе Бананы къ 31 дек. 1886 года равнялось 85 человѣкамъ, изъ которыхъ голландцевъ было 30, португальцевъ 18 и т. д. Такъ какъ внутренность Конгскаго государства еще не связана желѣзною дорогою съ другими приморскими областями, то въ портѣ Банана сосредоточивается почти все торговое движеніе, при чемъ привозъ и вывозъ товаровъ оцѣнивается приблизительно въ сорокъ милліоновъ, изъ которыхъ около пятнадцати приходится на долю вывоза; главнымъ образомъ вывозятся: каучукъ, слоновая кость и пальмовые масло и орѣхи. Изъ предметовъ ввоза половину составляетъ болѣе или менѣе неподдѣльная водка.

Торговая дѣятельность трехъ станцій: Бананы, Понта-да-Ленья и Бомы, существовавшихъ еще до изслѣдованія Конго Стэнли, учетверилась со времени этого географическаго событія. Передовыя станціи, основанныя внутри области, увеличили притягательную силу европейскихъ факторій; кромѣ того, прибытіе и

[1]) Chavanne, „Reisen und Forschungen im altem und neuen Kongo-Staate“.

отбытіе на берега Конго бѣлыхъ: чиновниковъ, миссіонеровъ и купцовъ создало, помимо торговли съ негрскими населеніями, также и спеціальное торговое движеніе. Это для нихъ, для бѣлыхъ, ходятъ носильщики, строятся суда, дѣйствуетъ почта. Почтовое движеніе въ 1896 году выразилось такимъ образомъ: внутренняя корреспонденція—74.526, а международная—207.156 писемъ закрытыхъ и открытыхъ. Конгскіе негры, несмотря на свою склонность къ торговлѣ, по обычаямъ настолько разнятся отъ посѣщающихъ ихъ бѣлыхъ, что всѣ попытки ввести монету, какъ мѣновой знакъ, нигдѣ не удались, кромѣ Бананы и Бомы [1]); негры отвергаютъ деньги, берутъ же исключительно либо товары, либо удостовѣренія (*муканда*) о будущей уплатѣ [2]). Тѣмъ не менѣе, въ Бельгіи недавно отчеканили новую монету для надобностей конголезцевъ, соотвѣтствующую монетѣ латинскаго монетнаго союза (декретомъ короля Леопольда отъ 27 іюля 1887 г. введена французская валюта).

Къ сѣверу отъ Банана, на той части берега, которая принадлежитъ Конгскому государству, слѣдуютъ одна за другой нѣсколько прекрасныхъ плантацій; между ними находятся плантаціи Моанда и Виста, славящіяся своими манговыми деревьями: такъ, изъ Висты ежегодно вывозится около тридцати тоннъ приносимаго этимъ деревомъ плода, — манги. Плантація Виста служитъ также дачною мѣстностью для бананскихъ жителей. Затѣмъ, на ней, какъ и на Моандѣ, разводятъ большія стада воловъ для доставленія мяса бѣлымъ, проживающимъ на низовьяхъ Конго. Внутреннія области, т. е. Каконго и Нгуао, извѣстны весьма мало; со времени миссіонеровъ XVIII вѣка, Schwerin былъ единственнымъ путешественникомъ, проникшимъ въ край, простирающійся къ сѣверу отъ Конгскаго лимана. А между тѣмъ край этотъ принадлежитъ къ самымъ плодоноснымъ странамъ и усѣянъ деревнями, которыя по своей обширности могли бы быть названы городами; таковы: Чимъ-Буанда, которую называютъ Томбукту области Нгуао; Каконго-Сонго, старая столица, окруженная лѣсами-фетишами; Н'Леллэ—славящаяся горшечными издѣліями; Чоа, вокругъ которой поля фасоли простираются такъ далеко, что теряются изъ вида [3]).

Конгское правительство было прозвано туземцами «Була Матади»; также называли и самого Стэнли. Такое наименованіе—обозначающее собственно «разбивающій камни», и происхожденіе котораго объясняется молотами и пороховыми минами, къ которымъ Стэнли прибѣгалъ для взрыванія скалъ, мѣшавшихъ ему двигаться далѣе,—удержалось и впослѣдствіи, какъ символическое выраженіе, вполнѣ заслуженное непреклонной волей перваго управляющаго Африканской Международной Ассоціи; впослѣдствіи, отъ Стэнли оно перешло къ его преемникамъ, чиновникамъ Конгскаго государства и, наконецъ, ко всему королевству [1]). Извѣстно, что бельгійскій король, покровитель большинства изслѣдователей, которые отправлялись послѣ Стэнли въ области Конгскаго бассейна, кончилъ тѣмъ, что перемѣнилъ свой титулъ протектора Ассоціаціи на титулъ державнаго короля Конго. Прежній президентъ общества людей, принадлежащихъ ко всѣмъ цивилизованнымъ націямъ, сдѣлался главою африканскаго государства, которое оффиціально считается неимѣющимъ никакого исключительнаго отношенія къ бельгійскому королевству: соединеніе двухъ коронъ есть чисто личная унія. Между тѣмъ, въ силу вещей, оказывается, что во многихъ отношеніяхъ новое государство,—бывъ прежде, подъ управленіемъ Стэнли, почти англійскимъ,—очутилось нынѣ въ зависимости отъ Бельгіи; такъ, три главныхъ администратора: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, составляющіе при королѣ конгское министерство,—бельгійцы; и бельгійцевъ же состоитъ большая часть другихъ чиновниковъ, управляющихъ Конгскимъ государствомъ, либо пребывая на станціи береговъ рѣки, либо даже и не покидая Брюсселя; равнымъ образомъ, и офицеры, начальствующіе различными службами, взяты изъ бельгійской арміи; общества, образующіяся для пользованія естественными богатствами Конго, имѣютъ свое пребываніе въ Бельгіи; вопросы о налогахъ и лотереяхъ, относящихся до бюджета новаго государства, обсуждаются въ бельгійскомъ парламентѣ; а въ конвенціи съ Франціею, присоединеніе Конго къ Бельгіи уже прямо предвидѣно. Мало-по-малу на Конго начинаютъ смотрѣть не какъ на колонію для бельгійскихъ переселенцевъ—чего, за исключеніемъ, быть-можетъ, нѣсколькихъ внутреннихъ округовъ, не дозволяетъ климатъ,—но какъ на мѣсто быстраго движенія по службѣ для молодыхъ бельгійцевъ, принадлежащихъ къ арміи, администраціи, къ торговому міру. Даже католическія миссіи, прежде управлявшіяся французскими священниками, нынѣ, чрезъ посредство духовныхъ властей Мехельнской епархіи, зависятъ отъ Бельгіи.* Король передаетъ, послѣ своей смерти, Бельгіи всѣ свои державныя права на независимое государство Конго, по завѣщанію отъ 2 августа 1899 г.; конвенція, заключенная 3 іюля 1890 г. между государствомъ Конго и Бельгіей, обезпечиваетъ послѣдней право присоединить къ своимъ вла-

[1]) Coquilhat, рукоп. замѣтки.
[2]) Nipperdey, упом. отчетъ.
[3]) „Mouvement Géographique", 19 іюня 1887.

[1]) Oscar Lenz, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien". Январь, 1887.

дѣніямъ это государство, по истеченіи десяти лѣтъ, со всѣмъ имуществомъ, правами, преимуществами и обязательствами, присвоенными его державности; территоріи государства объявлены неотчуждаемыми припискою отъ 21 іюля 1890 г. къ сказанному духовному завѣщанію*.

Конгскимъ государствомъ на мѣстѣ управляетъ генералъ-губернаторъ, при содѣйствіи совѣщательнаго комитета, состоящаго изъ инспектора, секретаря, аппеляціоннаго судьи и одного или нѣсколькихъ директоровъ, назначаемыхъ центральнымъ правительствомъ; въ случаѣ отсутствія генералъ-губернатора, его замѣняетъ главный инспекторъ. Знамя новаго государства—то же самое, какое было и у древней туземной Конгской имперіи: золотая звѣзда по голубому полю [1]). Оффиціальный языкъ—французскій. Территорія дѣлится на округа, во главѣ которыхъ поставлены спеціальные коммисары, обязанные поддерживать общественной порядокъ и располагающіе военною силой государства, состоящею (1895 г.) изъ 6.120 человѣкъ, не считая европейскихъ офицеровъ. Продажа усовершенствованнаго оружія туземцамъ строго воспрещена. Войсками и флотиліею изъ двадцати паровыхъ судовъ командуютъ бельгійскіе офицеры. До недавняго времени большая часть негровъ, употреблявшихся для службы агентами новаго государства, были чужеземцы: хаусса, крумены, даже зулусы изъ Наталя; ввезены были въ страну также и нѣсколько китайцевъ. Чиновники не покупаютъ рабовъ, хотя и пользуются трудомъ негровъ, нанимаемыхъ на нѣсколько лѣтъ; они не вмѣшиваются въ отношенія между начальниками племенъ и ихъ плѣнниками съ цѣлью возстановленія ихъ свободы, и даже помогаютъ союзнымъ царькамъ при отыскиваніи бѣжавшихъ рабовъ [2]); однако, собственникамъ факторій предложено было освободить своихъ рабовъ, и большая часть послѣднихъ остались въ качествѣ служащихъ на жалованіи у своихъ господъ, купившихъ ихъ въ былое время [3]). Благодаря трактатамъ, заключеннымъ съ туземцами, Конгское государство владѣетъ обширными собственными землями, которыя уже и кадастрируются, по крайней мѣрѣ въ той части страны, которая находится книзу отъ водопадовъ и пороговъ [4]). Но эти земельныя имущества (домены) еще мало приносятъ дохода, и бюджетъ въ значительной части пополняется ежегодными авансами, дѣлаемыми государемъ. Доходы государства составляются изъ сборовъ: за регистрацію, почтовыхъ и изъ небольшихъ пошлинъ съ вывозимыхъ предметовъ; на ввозимые же товары нельзя, въ силу международныхъ конвенцій, налагать никакихъ пошлинъ, а когда на берлинской конференціи было сдѣлано предложеніе о воспрещеніи въ бассейнѣ Нигера торговли водкой, то—чтобы не нанести ущерба интересамъ гамбургскихъ купцовъ—этотъ назойливый вопросъ поспѣшили устранить * (съ 1892 г. въ государствѣ Конго снова введена ввозная пошлина) Бюджетъ 1897 г.: приходъ—9.369.300 фр. (въ томъ числѣ: авансъ бельг. казны — 2.000.000, взносъ короля—1.000.000, таможенный сборъ—2.020.000, доходъ отъ доменовъ, подати и налоги натурой—3.500.000 фр.); расходы—10.141.871 фр.*

Въ настоящее время дѣло идетъ о созданіи для новаго Конгскаго государства нормальнаго бюджета при посредствѣ займа въ сто пятьдесятъ милліоновъ, который позволилъ бы ожидать того времени, когда—благодаря постройкѣ дорогъ, плантаціямъ и промышленнымъ предпріятіямъ—будутъ, такъ сказать, вызваны къ жизни рессурсы самой страны. Области, орошаемыя Заирою, получили наименованіе Африканской Индіи, но трудъ еще не вызвалъ къ жизни спящихъ богатствъ этой Индіи. Конечно, они хранятся въ запасѣ внутри Африки, но еще далеко неизвѣстны въ цѣломъ. Однако, были уже попытки составить имъ инвентарь. Такъ, Стэнли считаетъ, что въ области Конго живетъ двѣсти тысячъ слоновъ, раздѣленныхъ на пятнадцать тысячъ стадъ; если же, въ среднемъ, бивни каждаго слона вѣсятъ двадцать пять килограммовъ, то, слѣдовательно, имущество государства, въ видѣ слоновой кости, представляетъ цѣнность въ 125 милліоновъ франковъ! Но, что бы ни говорили, продажа слоновой кости не увеличилась со времени открытія Конгскаго бассейна для европейской торговли, и даже нѣсколько уменьшилась, такъ какъ охотникамъ приходится все дальше и дальше углубляться въ лѣса. Такъ, по Vestendorp'у, изъ Конго вывезено слоновой кости въ килограммахъ: съ 1875 до 1879 г.—441.000, а съ 1879 до 1884 г.—421.000; стоимость же послѣдняго количества равнялась пятнадцати милліонамъ франковъ (въ 1896 г. слоновой кости вывезено на сумму 4.853.000 франк.). Впрочемъ, эти мелкіе вопросы, касающіеся торговли, маловажны въ сравненіи съ капитальнымъ фактомъ открытія цѣлаго материка и введенія въ міръ исторіи цѣлой расы людей, прежде невѣдомыхъ.

---

[1]) Moynier, „Academie des Sciences morales et politiques". Засѣданіе 20 авг. 1887.

[2]) Fr. de Winton, „Proceedings of the R. Geographical Society". Октябрь 1886.

[3]) Chavannes, „Reisen u. Forschungen im alten u. neuen Kongo-Staate".

[4]) „Mouvement Géographique". 30 янв. 1887.

Глава V.

Ангола, отъ рѣки Конго до рѣки Кунэнэ.

Побережье Африки, простирающееся къ югу отъ Запры, стало считаться принадлежащимъ португальскому королевству съ того времени, когда португальскіе изслѣдователи перешли экваторъ, а Діого Камъ положилъ въ 1485 году къ югу отъ Конгскаго лимана камень, въ знакъ овладѣнія данною землею, и съ 1574 года, со времени основанія небольшой лузитанской колоніи на островѣ Лоанда, сношенія между Лиссабономъ и берегомъ Анголы уже не прекращались никогда. Впервые на Ангольскій берегъ вступили семьсотъ человѣкъ, подъ начальствомъ Пауло Діаза, внука того Діаза, который открылъ мысъ Доброй Надежды; но семьи бѣлыхъ основались лишь 21 годъ спустя, послѣ прибытія первыхъ португалокъ. Тогда какъ во многихъ вновь открытыхъ странахъ проходили поколѣнія безъ того, чтобы за первымъ появленіемъ бѣлыхъ слѣдовало дѣйствительное господство ихъ надъ туземцами,—португальцы, въ этой области поморья, не переставали имѣть болѣе чѣмъ въ теченіе трехъ вѣковъ, если не подвластныхъ имъ народовъ, то, по крайней мѣрѣ, племена союзныя. Даже въ 1641 году, когда голландцы завладѣли было приморскими портами, португальцы все-таки оставались въ краѣ, поддерживая этимъ преданіе о прежнемъ сюзеренитетѣ муаты Поту, т. е. «португальскаго короля», или скорѣе, муэнэ Мпоту, т. е. «короля моря» [1]). Впрочемъ, имъ не пришлось долго ждать, такъ какъ прибывшая вскорѣ изъ Бразиліи эскадра отвоевала у голландцевъ эту колонію обратно.

Начальными пунктами для колонизаціи португальцевъ, натурально, служили мѣста якорныхъ стоянокъ. Отсюда ихъ могущество постепенно распространялось вглубь страны, и, несмотря на альтернативы успѣховъ и неудачъ, движенія впередъ и отступленія, вліяніе португальцевъ, представителей европейской цивилизаціи, въ концѣ концовъ, проникло чрезъ горы и плоскогорія гораздо далѣе, чѣмъ въ низменности, по которой протекаетъ Конго. Это объясняется тѣмъ, что сообщенія отъ племени къ племени были гораздо легче на склонахъ и на высокихъ равнинахъ юга, чѣмъ въ узкомъ ущельѣ съ клокочущими водопадами и порогами на протяженіи рѣчнаго потока Конго. Правда, путешествіе Стэнли круто измѣнило существовавшее на материкѣ равновѣсіе, и нынѣ уже въ областяхъ Конгскаго рѣчнаго бассейна совершаются главныя открытія, и подготовляются великія событія общественнаго и политическаго преобразованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ и Португалія, почувствовавшая уколъ своему самолюбію, удвоила свои усилія въ дѣлѣ познанія той обширной области, которая выпала на ея долю, и которую отнынѣ ей обезпечили международные договоры; недавнія путешествія Capello и Ivens'a, а также Serpa Pinto, свидѣтельствуютъ о той важности, которую португальцы придаютъ изслѣдованію ихъ великой африканской колоніи; въ значительной степени географическому изученію Анголы содѣйствуютъ также и американскіе миссіонеры, поселившіеся въ Бихэ. Только до лѣваго берега Куанго, и не беря въ разсчетъ небольшой провинціи, которая находится къ сѣверу отъ Запры, пространство португальской территоріи приблизительно исчисляется въ семьсотъ тысячъ квадратныхъ километровъ. Что же касается до *населенности* этой территоріи, то въ той ея части, въ которой бываютъ суммарныя народныя переписи, она достигаетъ четырехсотъ сорока тысячъ жителей; но если прибавить сюда и племена независимыя или же находящіяся въ болѣе или менѣе крѣпкой вассальной зависимости отъ Португаліи, то окажется, что общая численность жителей края, ограниченнаго на востокѣ рѣкою Куанго, по всей вѣроятности, достигаетъ двухъ милліоновъ. По исчисленіямъ Chavannes'a, населенность сѣверной области, между Амбризомъ и Конго, превышаетъ семь жителей на квадратный километръ, такъ что, слѣдовательно, общее число жителей португальской территоріи простирается до пяти милліоновъ. Всей странѣ сохранено наименованіе Ангола (Нгола), хотя первоначальныя границы этой провинціи, лежащей къ востоку отъ Лоанды, между рѣками Куанза и Бенго, уже давно перейдены. Нѣкоторые царьки внутри края еще и понынѣ носятъ имя нгола [1]). *По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, пространство Анголы, вмѣстѣ съ Лоандой, Амбризомъ, Бенгуэлой, Моссамедесомъ и округомъ Конго, равняется 1.315.460 кв. километрамъ,

[1]) H. H. Johnston, „The River Congo".

[1]) Capello e Ivens, „De Benguella as Terras de Jacca".

а населеніе опредѣляютъ приблизительно въ 12.400.000 душъ*.

Провинцію Ангола часто сравнивали съ Бразиліею, обширною страною, лежащей насупротивъ, на другомъ берегу тропической части Атлантическаго океана; но африканская Бразилія — въ политическомъ отношеніи еще не отдѣлившаяся отъ европейской земли, изъ которой вышли ея первые колонисты—гораздо ниже своей могущественной соперницы по пространству, естественнымъ богатствамъ, числу жителей, экономической цѣнности и общему значенію въ цивилизаціи. Однако, между географическимъ устройствомъ Анголы и Бразиліи существуетъ дѣйствительное сходство. Съ обѣихъ сторонъ океана, на сѣверѣ равнинъ и плоскогорій протекаетъ по великой рѣкѣ; съ обѣихъ сторонъ рельефъ страны представляетъ

Скала «Львиная голова».

*

ступенчатыя террасы, отдѣляемыя одна отъ другой грядами горъ, параллельными морскому побережью. Положеніе подъ соотвѣтственной широтою обусловливаетъ сходство климата и культуръ, и оно же позволяетъ жителямъ обѣихъ странъ мѣнять свое мѣстопребываніе, не встрѣчая большихъ затрудненій въ акклиматизаціи. Если Бразилія могла населиться двадцатью милліонами людей: бѣлыхъ, черныхъ и помѣсей, то ничто не препятствуетъ и Ангольской территоріи тоже стать отечествомъ цѣлаго народа, имѣющаго національную связь, а не состоящаго только, какъ нынѣ, изъ колоній, разсѣянныхъ посреди враждебныхъ населеній. Правда, что въ теченіе почти трехъ столѣтій торговля невольниками обезлюдивала Анголу, чтобы заселять бразильскія плантаціи.

Въ сѣверной части Анголы, ограниченной рѣками: съ сѣвера—Конго, съ востока — Куанго и съ юга—Куанзой [1]), отрывокъ плоскогорія, имѣющій слишкомъ тысячу метровъ высоты, занимаетъ лишь половину восточной полосы и состоитъ изъ гнейса и слюдянаго сланца, сложившихся въ продолговатыя возвышенности, глубоко изрытыя ручьями; при этомъ, въ общемъ, западный склонъ, обращенный къ сторонѣ Атлантическаго океана, представляется болѣе пологимъ, чѣмъ склонъ восточный, откосы котораго нисходятъ въ долину Куанго. Куанза и ея мощный притокъ, Лукалла, прерываютъ гряды высотъ, которыя прямолинейно тянутся съ сѣвера на югъ и вновь появляются по другую сторону этихъ рѣкъ. Непрерывность гористаго рельефа существуетъ только въ юго-восточной части плоскогорія, гдѣ краевая цѣпь Талла-Маноиго раздѣляетъ верхнія теченія притоковъ Куанго и Куанзы и невысокими волнообразными повышеніями и пониженіями почвы соединяется съ водораздѣломъ между рѣками Кассаи и Замбезе.

Къ югу отъ Куанзы, три параллельныхъ ступени, удерживаясь, въ среднемъ, на разстояніи двухсотъ километровъ отъ океана, слѣдуютъ одна за другой въ направленіи отъ моря до той горной цѣпи, которая образуетъ остовъ страны. Возвышенныя вершины господствуютъ надъ сѣдловинами этого срединнаго плоскогорія, разсѣкаемаго рѣчками на нѣсколько второстепеныхъ цѣпей. Гора Ловили, подъ 12° южн. широты, достигаетъ 2.370 метровъ; къ юго-западу отъ этого пика, другая гора, Элонга, возвышается на 2.600 метровъ, и нѣсколько почти столь же высокихъ вершинъ виднѣются тамъ и сямъ по окрестнымъ грядамъ; въ цѣпи Джамба, или Андраде Корво, образующей восточную окраину плоскогорія, нѣсколько конусовъ переходятъ за двѣ тысячи метровъ. Большинство выпуклостей рельефа протянулись въ видѣ цѣпей, доминируемыхъ пиками или хребтами; впрочемъ, нѣкоторыя вершины, или *амба*, кажутся совершенно уединенными, на-подобіе пирамидъ посреди равнины. Такова, напр., Хамби (2.200 метровъ) — громадная скала, треснувшая по срединѣ: про нее можно бы сказать, что это металлическая глыба, расколовшаяся при охлажденіи [1]). Около восточной подошвы горъ Джамбы, разстилается степь Булумъ-Булу, траву которой вѣтеръ волнуетъ на-подобіе морскихъ водъ [2]).

Въ цѣломъ, эти цѣпи, массивы и высокія равнины—чрезъ которые проходитъ главный торговый трактъ изъ Бенгуэлы въ Бихэ—составляютъ самую выдающуюся выпуклость Анголы. Къ югу плоскогоріе значительно понижается, при чемъ самыя высокія его вершины не достигаютъ 1.800 метровъ; на западѣ, вершины, имѣющія своею подошвою цоколь нижняго плоскогорія восточной террасы, не достигаютъ уже высоты пика Ловили и сосѣднихъ съ нимъ возвышеній; тѣмъ не менѣе, многіе изъ нихъ кажутся весьма высокими, благодаря своей уединенности и крутизнѣ своихъ стѣнъ: таковы, наприм., скалы въ формѣ обелисковъ, которыя находятся въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Бенгуэлы; караваны, останавливающіеся у подошвы этихъ *игль*, прозвали ихъ Binga-Yam-Bambi, т. е. «рогами газели». По Magyar'у, онѣ превышаютъ 1.000 метровъ. Сосѣдняя же вершина, Оломбинго, достигаетъ, будто бы, даже 1.500 метровъ. Что касается гребней, приближенныхъ къ морскому побережью, то, покоясь на послѣдней ступени плоскогорія, спускающагося къ морю, они, по высотѣ, различны, колеблясь между 200 и 600 метрами; и такъ какъ подножія ихъ обрѣзаны весьма круто, то во многихъ мѣстахъ они кажутся горами: между тѣмъ большая часть береговыхъ холмовъ—простые столообразные утесы, превосходящіе террасы по высотѣ лишь на сотню метровъ; окружены они осыпавшимися откосами, а похожіе на долины овраги въ толщѣ плоскогорія позволяютъ на нихъ взбираться длинными зигзагами.

Въ южной области территоріи Анголы, высокія земли внутри страны повсюду початы и глубоко размыты притоками Кунэнэ и другими потоками, направляющимися къ морю; къ востоку же отъ Моссамедеса высится уединенный мощный массивъ Шелла, называемый также Serra de Neve, или «Снѣговыя горы»; нѣкоторыя изъ вершинъ этой сьерры не ниже 1.900 метровъ, а свое названіе она получила отъ тѣхъ бѣлыхъ полосъ, которыя послѣ большихъ дождей, приносимыхъ холодными южными вѣтрами, иногда виднѣются въ разсѣлинахъ ея вершинъ. Эти горы, откуда

[1]) Въ областяхъ, колонизованныхъ португальцами, практичнѣе всего придерживаться и португальской орѳографіи.

[1]) Cameron, „Across Africa".
[2]) Ladislas Magyar, „Reisen in Süd-Afrika.

въ изобиліи текутъ воды, повидимому, составляютъ такую область Анголы, которая рано или поздно будетъ имѣть весьма важное значеніе для колонизаціи, такъ какъ климатъ въ этомъ краѣ португальскихъ владѣній въ Африкѣ болѣе всего приближается къ климату южной Европы. Среднее возвышеніе этихъ долинъ надъ уровнемъ моря почти такое же, какъ и всей Анголы, т. е. приблизительно около 1.018 метровъ [1]).

Высокія земли Ангольскаго края состоятъ изъ гнейса и другихъ кристаллическихъ породъ, а также и изъ налегшихъ на эти породы древнихъ сланцевъ. Породы эти, образующія первоначальный остовъ страны, начинаются, въ среднемъ, въ 20 или 25 километрахъ отъ берега моря [2]). Береговые пласты и, во многихъ мѣстахъ внутри страны, пласты, раздѣляющіе гнейсовые массивы, принадлежатъ къ вторичнымъ и третичнымъ образованіямъ: это песчаники, конгломераты, известняки, глины и мѣлы, расположенные въ общемъ чрезвычайно правильно. Мѣловые слои, простирающіеся параллельно морскому берегу и одѣвающіе въ дугѣ Бенгуэлы наружные склоны горъ, весьма богаты ископаемыми, тождественными съ ископаемыми, находимыми въ сходственныхъ напластованіяхъ въ Португаліи [3]). На обширныхъ пространствахъ, геологическіе слои сокрыты подъ латеритами новѣйшаго происхожденія,—бѣлыми, желтыми или красными,—образовавшимися вслѣдствіе разложенія поверхностныхъ слоевъ тѣхъ породъ, которыя находятся подъ ними. Кромѣ того, воды, катящія и сглаживающія осыпавшіеся камни, усѣяли аллювіальными землями какъ внутренніе бассейны, такъ и приморскую полосу. Известняковыя скалы изрыты во многихъ мѣстахъ глубокими пещерами, гдѣ находятъ узкіе, еще неизмѣренные колодцы, породившіе, у дикарей, множество легендъ. Теплые источники бьютъ въ разныхъ мѣстахъ территоріи, но, за исключеніемъ сѣверной части страны, вулканическихъ скалъ не встрѣчаютъ нигдѣ; нѣсколько гнѣздъ базальтовыхъ лавъ—вотъ, повидимому, все, къ чему свелась здѣсь эруптивная дѣятельность. Въ своихъ путевыхъ разсказахъ Владиславъ Мадьяръ упоминаетъ, правда, о вулканѣ, но не прибавляетъ ни слова о томъ, что самъ посѣтилъ его, и все заставляетъ думать, что этотъ путешественникъ былъ введенъ въ заблужденіе невѣрными свѣдѣніями, а можетъ быть даже и романическимъ описаніемъ путешествія, совершеннаго Дувиллемъ [4]).

Эта огнедышащая гора, называемая Мулондо-Замби, или «гора геніевъ», стоитъ, будто-бы, въ краѣ Либолло, въ пятидесяти километрахъ къ югу отъ Куанзы. Изъ самаго верхняго кратера, господствующаго надъ окрестными обнаженными вершинами, извергаются, будто-бы, съ промежутками отъ трехъ до четырехъ часовъ, дымъ и пламя, и распространяется сѣрный запахъ. Туземцы не осмѣливаются приблизиться къ этой горѣ, на которой, по ихъ мнѣнію, обитаютъ духи ихъ предковъ. Вѣроятно, однако, что изверженія горы Геніевъ рано или поздно найдутъ себѣ объясненіе въ какомъ-либо метеорологическомъ явленіи, подобно тому, какъ это случилось съ воображаемымъ вулканомъ Отумби, въ Габоніи.

Ограниченная съ востока теченіемъ Куанго, Ангольская территорія пересѣкается многочисленными рѣками, русла которыхъ, въ видѣ глубокихъ ущелій, прорѣзываютъ либо только одну или двѣ террасы плоскогорія, либо, какъ Куанза и Кунэнэ, всѣ высокія земли по всей ихъ ширинѣ. Въ сѣверной области территоріи, гдѣ годовое выпаденіе дождей сравнительно значительнѣе, чѣмъ въ южныхъ странахъ, въ каждой долинѣ есть свой постоянный водный потокъ, при чемъ, однако, расположеніе склоновъ не позволяетъ всѣмъ этимъ рѣчкамъ соединиться въ одинъ могущественный рѣчной бассейнъ; большая часть водъ не изливается даже непосредственно въ море, а несется либо—къ Куанго, либо—къ Запрѣ, Куллу, Лу-Фу и Мпозо. Рѣки, изливающіяся непосредственно въ Атлантическій океанъ: Лелунда, Мбришъ и Ложе, протекаютъ параллельно другъ другу въ направленіи съ востока на западъ, и при впаденіи въ океанъ загромождены непроходимыми для судовъ барами, такъ что плавать въ этихъ мѣстахъ ихъ устьевъ возможно лишь на небольшихъ плоскодонкахъ. Мбришъ вытекаетъ съ горъ Зомбо, находящихся къ востоку отъ Санъ-Сальвадора; на своемъ пути, онъ образуетъ—въ общемъ на протяженіи 130 метровъ—цѣлый рядъ водопадовъ и пороговъ, при чемъ первый водопадъ низвергается съ высоты 45 метровъ. Рѣки Дандэ и Бенго, судоходныя кверху отъ ихъ баровъ, являются важными путями для внутренней торговли и для плантацій, окаймляющихъ ихъ лѣсистые берега.

Самая большая изъ Ангольскихъ рѣкъ и одна изъ наиболѣе многоводныхъ между второстепенными рѣками всей Африки есть Куанза, долина которой образуетъ при-атлантическую часть поперечнаго углубленія, продолжающагося, при посредствѣ бассейна Замбезе, къ юго-востоку вплоть до Индійскаго океана. Главные истоки Куанзы родятся внѣ областей, непосредственно подчиненныхъ португальскому владычеству, а зачатки ихъ переплетаются съ зачатками Замбезе и Ку-Банго,

---

[1]) Manuel Ferreira Riberro, „A Calonisaçao Luso-Africana".

[2]) Jose de Anchieta, „Boletim de Sociedade de Geographia de Lisbon", 1885 № 9.

[3]) P. Choffat, рукописныя замѣтки.

[4]) J. B. Douville, „Voyage au Congo et dans l'interieur de l'Afrique equinoxiale".

на плоскогоріи, средняя высота котораго не менѣе 1.650 метровъ. Небольшое озеро Муссомбо—въ 1.200 километрахъ отъ моря, если слѣдовать къ нему по извилинамъ рѣчной долины—является началомъ этого большаго потока водъ, который, описывая въ цѣломъ обширный полукругъ, течетъ сначала на сѣверо-востокъ и на сѣверъ, затѣмъ устремляется на сѣверо-западъ и западъ, и, наконецъ, посредствомъ излучины, послѣдней предъ впаденіемъ въ океанъ, направляетъ низовыя свои воды на юго-западъ. Больше половины своего пути рѣка протекаетъ къ востоку отъ тѣхъ гористыхъ террасъ, которыя образуютъ остовъ Анголы. Тамъ, судя по ея направленію, она, казалось бы, должна была стать притокомъ Конго; но, встрѣтивъ на своемъ пути барьеръ изъ горъ, которыя ее отдѣляютъ отъ морскаго берега, она, катя уже значительную массу водъ, прорываетъ эти горы, образуя цѣлый рядъ водопадовъ и пороговъ. Послѣдній водопадъ, Камбамбэ, низвергающійся съ высоты 21 метра, называется также «водопадомъ Ливингстона», хотя великій путешественникъ никогда и не былъ здѣсь; образуетъ же этотъ водопадъ сланцевая запруда, надъ которою справа и слѣва высятся почти вертикальныя стѣны. Во время половодій, ущелье во всю свою ширину бываетъ наполнено клокочущими водами, между тѣмъ какъ въ сухое время года гряды камней раздѣляютъ потокъ на нѣсколько неравныхъ, какъ бы межшлюзныхъ пространствъ. На боковыхъ утесахъ, смачиваемыхъ брызгами пѣны, ковромъ разстилаются растенія, имѣющія толстые просвѣчивающіе стволы и густо усѣянныя бѣлыми цвѣточками (angolaea fluitans) [1]).

Тотчасъ книзу отъ водопадовъ, Куанза становится судоходною для пароходовъ: никакое препятствіе не задерживаетъ суда вплоть до моря, на разстояніи приблизительно 200 километровъ, хотя общій уклонъ рѣки на всемъ этомъ пространствѣ и достигаетъ около ста метровъ. Скалистое ущелье продолжается километровъ на пятнадцать книзу отъ пороговъ между вздымающимися красными, бѣлыми и голубоватыми кручами, къ разноцвѣтности которыхъ присоединяютъ безконечное разнообразіе своихъ красокъ также и ползучія растенія, группы деревьевъ и пелены мха. Книзу отъ послѣдней запруды, значительный притокъ, Мукозо, вливается въ рѣку со стороны сѣвернаго берега, а затѣмъ, все съ того же берега, низвергаетъ свои воды могучая Лу-калла (Луа-Калла), самый большой изъ притоковъ Куанзы, зарождающійся, подобно ей, къ востоку отъ горной оси Анголы, и, подобно ей же, проходящій чрезъ скалистые массивы цѣлымъ рядомъ ущелій, въ которыхъ образуется нѣсколько водопадовъ, при чемъ одинъ изъ нихъ, Ліанзундо, низвергается съ высоты не менѣе 30 метровъ. Подобно Куанзѣ, Лу-калла описываетъ на своемъ пути обширный полукругъ, но какъ-разъ въ противоположномъ направленіи, такъ какъ она родится въ сѣверной части португальскихъ владѣній, неподалеку отъ тѣхъ рѣкъ, которыя несутся къ Конго по противоположному склону. По соединеніи съ Лу-каллой, Куанза содержитъ уже весь объемъ воды, который должна нести въ море: она не получаетъ болѣе притоковъ и даже, напротивъ, разливается направо и налѣво по многочисленнымъ каналамъ-протокамъ, боковымъ резервуарамъ, которые переполняются въ половодія и почти совершенно высыхаютъ во время низкихъ водъ. По мѣрѣ движенія рѣки къ низовью прибрежные холмы все болѣе и болѣе отступаютъ отъ долины; однако на извѣстныхъ разстояніяхъ, по берегамъ рѣки все еще высятся крутые утесы: одинъ изъ нихъ, господствующій надъ лѣвымъ берегомъ, есть знаменитый Pedra das Feiticeiros, т. е. «камень фетишеровъ», съ котораго племя куиссама низвергало своихъ несчастныхъ согражданъ, обвиненныхъ въ колдовствѣ. Входъ въ Куанзу загражденъ трудно-проходимымъ баромъ, чрезъ который лоцманы пускаются на плоту, или, вѣрнѣе, на доскѣ изъ дерева *herminiera*, имѣющей самое большее два метра въ длину и около одного метра въ ширину. Стоя на колѣняхъ на этомъ, такъ сказать, обломкѣ, они управляютъ имъ при посредствѣ простаго весла и такимъ образомъ отправляются къ пароходамъ, бросающимъ якорь иногда въ двухъ километрахъ отъ берега.

Къ югу отъ Куанзы и вплоть до Кунэнэ, рѣки, зарождающіяся на наружномъ склонѣ горъ или въ ихъ западныхъ долинахъ, не могутъ достичь значительнаго развитія и не служатъ для судоходства; къ тому же и количество дождя, питающее ихъ, меньше выпадающаго на сѣверѣ Анголы; многіе же потоки водъ совершенно изсякаютъ во время засухъ: получаются какъ-бы такъ называемыя уади—Африки сѣверной и умарамба—южной. Главныя изъ постоянныхъ рѣкъ суть: Луга, параллельная Нижней Куанзѣ, Куво (Кевэ), Велья, Байломбо, Катумбелла и Копороло. Изъ всѣхъ этихъ небольшихъ потоковъ наиболѣе извѣстна рѣчка Катумбелла, благодаря своему сосѣдству съ городомъ Бенгуэла, при чемъ въ 12-ти километрахъ отъ моря потокъ этотъ образуетъ красивый водопадъ Упа, водная масса котораго заключена въ поперечную долину, имѣющую по меньшей мѣрѣ восемь метровъ въ ширину.

Кунэнэ, не уступающая на Ангольской территоріи въ важности Куанзѣ, получила исключительное политическое значеніе, какъ погра-

[1]) Joachim John Monteiro, „Angola and the river Congo".

ничная линія между португальскими владѣніями и краями, присоединенными къ колоніальной имперіи германцевъ. Подобно Куанзѣ, она родится на востокѣ горъ и течетъ сначала по склону къ внутренней Африкѣ, вмѣстѣ съ Ку-Банго и съ восточными притоками Замбезе; затѣмъ, вырвавшись изъ первоначальнаго бассейна, она тоже описываетъ большую дугу къ западу и для своего изліянія въ Атлантическій океанъ пересѣкаетъ скалистые массивы. Длина ея теченія не менѣе 1.200 километровъ, а площадь орошаемаго пространства исчисляется въ 272 тысячи квадратныхъ километровъ. Зарождаясь въ горахъ Джамбы, болѣе чѣмъ на четыре градуса сѣвернѣе своего устья, Кунэнэ течетъ на югѣ и юго-западѣ вдоль подножія высокихъ земель, принимая справа и слѣва большое число притоковъ. Въ Китевѣ (Quiteve)—деревнѣ, расположенной въ 400 километрахъ отъ истоковъ, на берегу рѣки,—Capello и Ivens, въ іюнѣ, въ сухое время года, нашли ширину въ 150 метровъ, а среднюю глубину въ два съ половиною метра; рѣка течетъ, между лѣсистыхъ крутыхъ береговъ, быстро, но безъ водопадовъ. Въ дождливое время года, хорошенькая рѣчка превращается въ могучій потокъ, по справедливости заслуживающій свое наименованіе: Кунэнэ (Ку-Нонэ), т. е. «великая рѣка». Выйдя изъ береговъ, она разливается по равнинѣ на необозримую ширь. На пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ квадратныхъ километровъ простирается озеро, въ которомъ теряются, какъ въ обширномъ бассейнѣ испаренія, прибылыя воды верхняго теченія Кунэнэ. Послѣ половодій, небольшія озера и лужи усѣиваютъ долину, тростники arundo phragmites занимаютъ илистое дно, а на кустахъ вышележащихъ земель развѣшены, на высотѣ болѣе метра надъ почвою, пуки злаковыхъ растеній, приносимыхъ рѣчнымъ потокомъ [1]). Широкая рѣка Какуловаръ (Какуло-Балэ или «Старое Балэ»), собирающая въ свой бассейнъ воды, сбѣгающія съ Снѣговой сьерры и съ цирка Гунлла, присоединяется къ Кунэнэ на обширной равнинѣ, бывающей то озеромъ, то болотомъ. По единогласному свидѣтельству путешественниковъ, а также и лицъ, постоянно проживающихъ въ краѣ, эта столь болотистая область, однако, не нездорова, что объясняется, можетъ-быть, антисептическимъ дѣйствіемъ мха, разростающагося на стоячихъ водахъ, а можетъ-быть также и высотою положенія края. Capello и Ivens исчисляютъ высоту равнинъ въ мѣстѣ сліянія Кунэнэ съ Какуловаромъ въ 1.067 метровъ; другой путешественникъ, Дюфуръ, опредѣлилъ высоту берега около деревни, находящейся вблизи упомянутаго сліянія, даже въ 1.144 метра.

[1]) H. Capello e R. Ivens, „De Angola à Contra-Costa".

Эта озерная область имѣетъ, однако, и другіе водосливы, кромѣ Кунэнэ. По крайней мѣрѣ три водныхъ потока, извѣстныхъ подъ родовымъ наименованіемъ умарамба, отдѣляются отъ лѣваго берега рѣки чрезъ широкіе проломы въ береговыхъ кручахъ и, держась юга и юго-востока, направляются чрезъ земли племени Ова-Мпо къ большому солончаковому болоту, Этоша, расположенному въ 250 километрахъ отъ рѣки и болѣе чѣмъ на сто метровъ ниже ея уровня [1]). Такимъ образомъ, Кунэнэ представляетъ рѣдкій примѣръ недоразвившейся дельты; по своимъ боковымъ потокамъ рѣка эта принадлежитъ къ системѣ такихъ водъ, которыя, подобно р. Ку-Банти, теряются въ углубленіяхъ пустыни. Теченія Кунэнэ не знали еще даже въ половинѣ нынѣшняго столѣтія, и на картѣ Лопеца-де-Лимы, на которой сведены всѣ географическія данныя того времени, эта рѣка представлена направляющеюся на востокъ и впадающею въ Индійскій океанъ. Нынѣ извѣстно, что она изливается въ Атлантическій океанъ, прорѣзавъ область горъ; говорятъ даже, что она образуетъ одинъ большой и затѣмъ цѣлый рядъ меньшихъ водопадовъ; впрочемъ, невозможно допустить, чтобы не существовали большіе водопады въ этой части теченія рѣки, такъ какъ на 300 километрахъ протяженія, между прорывомъ горъ и устьемъ, паденіе водъ составляетъ около тысячи метровъ. Изслѣдованіе, въ собственномъ смыслѣ этого слова, было сдѣлано пока только въ нижней части долины. Въ 1824 г., англійское судно «Espiègle» пристало къ берегу около устья Кунэнэ, которую и назвали тогда Nurse-river; въ слѣдующемъ году, однако, Owen напрасно отыскивалъ это устье, безъ сомнѣнія, потому, что оно было заперто баромъ, и рѣка пересохла на большомъ разстояніи кверху. Обслѣдовано устье было лишь въ 1854 году, и тогда же по рѣчной долинѣ поднялись километровъ на сорокъ вглубь страны. За исключеніемъ времени съ декабря по апрѣль, т. е. сезона разливовъ, «Великая Рѣка» не сообщается съ моремъ; воды, столь обильныя, что производятъ даже наводненія въ верхнемъ бассейнѣ, почти совершенно испаряются въ обширныхъ озерныхъ водоемахъ верховья, и для нижней долины остается лишь струйка, теряющаяся въ пескахъ.

Территорія Анголы, простирающаяся съ сѣвера на югъ болѣе чѣмъ на 1.200 километровъ, отъ шестаго до шестнадцатаго градуса южной широты, и образующая рядъ уступовъ до 2.000 метровъ возвышенія, представляетъ натурально весьма различные климаты: метеорологическія условія и всѣ относящіяся сюда явленія мѣняются соотвѣтственно географической широтѣ и высотѣ положенія

[1]) Duparquet, „Voyage en Cimbébasie".

данной мѣстности. Однако, въ отношеніи крайнихъ температуръ, разница между этими различными поясами не велика: путешественники такъ же страдаютъ отъ солнечнаго зноя на высокихъ плоскогоріяхъ внутри страны, какъ и на низменныхъ равнинахъ. Термометрическія различія между сезонами, между жарами и стужею, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ удаленнѣе мѣстность отъ экватора и отъ моря; и эти зависящія отъ условій мѣста и времени климатическія измѣненія весьма ощутительны и наиболѣе опасны для иностранцевъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ плоскогорій морозитъ, какъ въ Европѣ. Даже на высотѣ тысячи метровъ, на восточномъ склонѣ горъ, Capello и Ivens страдали отъ пониженія по ночамъ до точки замерзанія температуры, которая днемъ поднималась до 28 и 30° Ц.

Наиболѣе послѣдовательныя метеорологическія наблюденія сдѣланы въ Лоандѣ, столицѣ страны. Они показываютъ, что въ этомъ городѣ, расположенномъ, однакоже, лишь на одну тысячу километровъ къ югу отъ экватора, самый сильный лѣтній зной—имѣя въ виду шестимѣсячный промежутокъ—слабѣе жаровъ въ Лиссабонѣ: именно, наибольшая температура мѣсяца февраля, самаго жаркаго въ Лоандѣ, ниже наибольшей температуры мѣсяца августа въ Португаліи. Путешественники, отправляющіеся изъ Лиссабона лѣтомъ въ Ангольскую территорію, бываютъ удивлены сравнительной свѣжестью климата этихъ тропическихъ областей. Средняя температура въ Лоандѣ не превышаетъ +23° Ц., а годичная разница между крайними температурами каждаго мѣсяца, въ среднемъ, не выше 12°; но разница между самымъ большимъ холодомъ и самымъ сильнымъ жаромъ, 14° (въ августѣ) и 31,7° (въ ноябрѣ), въ 1879 году выразилась приблизительно 18° [1]); на плоскогоріяхъ же внутри страны, подъ одною и тою же широтою и на 1.599 метрахъ высоты, разница эта вдвое больше: именно, крайніе ея предѣлы колеблются между 1° и 37° [2]). Въ Моссамедесѣ—городѣ на берегу моря и отличающемся, по сравненію со всѣми остальными городами, ровнымъ климатомъ—годовая температура колеблется между 20 и 22°, вслѣдствіе чего въ этой приморской гавани акклиматизація европейцевъ и совершается при наименѣе гибельныхъ для нихъ условіяхъ.

Свѣжесть климата зависитъ отъ направленія морскихъ вѣтровъ, дующихъ вообще изъ умѣренныхъ южныхъ областей. Въ данныхъ морскихъ пространствахъ, береговое теченіе, распространяющееся изъ антарктическаго пояса, оказываетъ вліяніе, достаточное для значительнаго пониженія нормальной температуры водъ и находящихся надъ ними слоевъ воздуха; отсюда и наименованіе мыса къ югу отъ Кунэнэ: Cabo Frio, т. е. «холодный мысъ», а также и сосѣдней бухты: Angra Fria, т. е. «холодная бухта». Этотъ морской потокъ, хотя и въ меньшей степени, освѣжаетъ берегъ также и къ сѣверу отъ Кунэнэ; извѣстно, что его вліяніе ощущается даже вплоть до острова Св. Ѳомы. Мористѣе Лоанды, его средняя скорость равняется приблизительно 1.800 метрамъ въ часъ; но иногда случается, что сильные сѣверо-западные вѣтры совершенно останавливаютъ это теченіе, или же мѣстами заставляютъ его воды даже поворачивать назадъ. Южные вѣтры преобладаютъ надъ вѣтрами съ сѣвера на всемъ протяженіи береговъ. Пассаты на нихъ рѣдко ощущаются въ ихъ нормальномъ направленіи съ сѣверо-востока на сѣверо-западъ: они почти всегда отклоняются разрѣженнымъ воздухомъ, поднимающимся съ жаркихъ областей материка, и вслѣдствіе этого, превращаются въ юго-западные и даже въ западные муссоны. По Рибейро, это отношеніе между атлантическими и континентальными вѣтрами выразилось бы немного болѣе, чѣмъ отношеніемъ 5 къ 2. Наблюденія, правильно производимыя въ Маланжѣ, находящемся болѣе чѣмъ въ трехстахъ километрахъ отъ моря, показали, что въ этой области—однако, значительно удаленной отъ пояса береговыхъ бризъ (*viraçao*, или бриза съ моря, и *terral*, или бриза съ берега)—между восточными и западными вѣтрами установляется извѣстная очередь: такъ, по Henn'у, восточные вѣтры дуютъ въ особенности утромъ, а западные послѣ полудня; слѣдовательно, восточное теченіе приходитъ съ той стороны неба (страны свѣта), на которой находится солнце.

Подъ вліяніемъ муссоновъ, насыщенныхъ парами, влажность воздуха всегда весьма значительна. Такъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, именно въ 1879, 1880 и 1881 годахъ, относительная влажность выразилась слѣдующими цифрами: Средняя 82,42; наименьшая 76,69; наибольшая 87,69; разность 10,84 [1]).

Съ мая по сентябрь, воздухъ часто бываетъ почти насыщенъ парами: въ это время туманы, cacimbo, скрываютъ отдаленные горизонты. Однако, на низменностяхъ дожди сравнительно рѣдки; вѣтры увлекаютъ водяные пары вплоть до откосовъ горъ, гдѣ дожди правильно выпадаютъ въ теченіе сезоновъ: съ октября по январь («малые дожди») и съ апрѣля по май («большіе дожди»). Въ Лоандѣ годичное выпаденіе представляетъ большія колебанія: среднее число дождливыхъ дней тамъ иногда не болѣе 15, тогда какъ въ другіе годы оно

[1]) Manuel Ferreira Ribeiro, „A colonisaçao Luso-Africana".

[2]) Въ Маланжѣ (1.150 метровъ высоты и 9°27 южн. широты) средняя температура = 19,5°, а крайнія; 4,3° въ маѣ и 32° въ октябрѣ.

[1]) G. Gomes Caelho Ribeiro, упомян. сочиненіе.

учетверяется. Такъ, въ этомъ городѣ наблюденія дали слѣдующіе результаты:

	Дождл. дней.	Атмосферн. осадки.
1879 г.	— 52	0,571 метр.
1880 „	— 34	0,248 „
1881 „	— 15	0,134 „
Среднее	34	0,318 метр. [1]).

[1]) Ribeiro, упом. соч.

Иногда въ благопріятные сезоны дождевой воды выпадало болѣе полуметра, а въ другихъ случаяхъ собирали всего лишь четверть метра, а то и еще менѣе. Внутри края послѣдствіемъ недостатка дождей неоднократно бывали неурожаи и даже голодовки, которыя влекли за собою обезлюдненіе страны и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе самопродажи изъ-за

Видъ береговъ Лимпопо въ Трансваалѣ.

куска хлѣба [1]). Въ сѣверныхъ округахъ первые дожди всегда вредны для здоровья; воздухъ оказывается тогда зараженнымъ зловонными газами, которые, насыщая пористую, загрязненную растительными остатками почву, подъ напоромъ воды сразу выдѣляются наружу [2]). Количество дождей, выпадающихъ на береговой полосѣ, прогрессивно уменьшается въ направленіи съ сѣвера на югъ: такъ, будучи изобильными въ Санъ-Сальвадорѣ, гдѣ, по von Danckelmann'y («Missions Catholiques»), напр., въ 1884 г., въ теченіе 63 дней выпало 880 миллиметровъ атмосферной воды,—они незначительны въ Лоандѣ и совсѣмъ прекращаются въ Моссамедесѣ и въ области нижняго теченія Кунэнэ; правда, здѣсь уже какъ бы начало пустыни, но зато здѣсь же и самая здоровая область Анголы, благодаря сухости воздуха и почвы, а также и сравнительной свѣжести температуры. Уже на плоскогоріяхъ, ограничивающихъ съ юга теченіе Нижней Куанзы, туземцы изъ племени куиссама вынуждены сохранять дождевую воду въ дуплахъ баобабовъ [3]), откуда, впрочемъ, ошибочно, заключили, будто португальское наименованіе послѣднихъ, imbondeiro, означаетъ бочарное дерево [4]).

Со времени изслѣдованій Welwitsch'a въ Анголѣ флора этой страны извѣстна въ общихъ чертахъ, и остается изучать лишь ея подробности. Вполнѣ поэтому справедливо, что имя этого ученаго ботаника присвоили самому любопытному растенію этой части материка,—вельвичіи (welwitschia mirabilis). Это дерево—хотя оно походитъ скорѣе на грибъ странной формы—произростаетъ въ области Моссамедесъ: къ сѣверу оно не переходитъ за устье уэда св. Николая, а къ югу отъ Кунэнэ встрѣчается въ области Дамара; говорятъ, будто оно можетъ жить цѣлое столѣтіе. У этого растенія, въ нѣсколькихъ сантиметрахъ надъ землею, стволъ, достигающій 3 или 4 метровъ въ окружности, сразу оканчивается горизонтальною поверхностью, которую Welvitch сравниваетъ съ «круглымъ столомъ», несмотря на то, что эта поверхность бываетъ расщепленная и потрескавшаяся во всевозможныхъ направленіяхъ. Отъ наружныхъ ея краевъ отдѣляются два толстыхъ, приблизительно до двухъ метровъ длины, листка, похожихъ на два кожаныхъ диска: это первые листья растенія, сохраняющіеся со времени проростанія и развивающіеся соразмѣрно росту самаго дерева [5]). Концы же этихъ листьевъ раздѣляются на множество змѣящихся ремешковъ, похожихъ на оконечности полиповъ.

[1]) J. Chavannes, „Petermann's Mittheilungen", 1886, Heft. IV.
[2]) Peschuel-Lösche, „Loango-Expedition".
[3]) J. J. Monteiro, упом. соч.
[4]) E'Escayrac de Lauture, „Soudan".
[5]) Orpen Bower, „Nature". Ноябрь, 10. 1880.

Въ сѣверныхъ частяхъ Анголы флора ничѣмъ не отличается отъ растительности на низовьяхъ Конго. Древовидныя молочайныя, эріодендроны, баобабы и хлопчатники составляютъ характеристическія растенія тамошняго пейзажа. Въ нѣкоторыхъ небольшихъ долинахъ, хорошо защищенныхъ отъ морскаго вѣтра и обильно орошаемыхъ, тропическая растительность является во всемъ своемъ разнообразіи большихъ деревьевъ, паразитныхъ растеній и ліанъ; на плоскогоріяхъ же, съ которыхъ вода стекаетъ вскорѣ послѣ своего выпаденія изъ атмосферы, и которыя покрыты лишь тонкимъ слоемъ растительной земли,—простираются безконечныя степи: здѣсь сарім, трава саванъ, скрываетъ подъ своею волнующеюся неоцѣнятною поверхностью дичь, если только степь не подвергается такъ называемымъ queimadas, или періодическимъ пожарамъ, которые и лишаютъ край всей его фауны, до насѣкомыхъ включительно. Въ общемъ же, богатство растительности въ странѣ уменьшается въ направленіи съ сѣвера на югъ, соразмѣрно съ уменьшеніемъ дождей: тогда какъ дѣвственный лѣсъ спускается до самаго моря около мыса Падрао,—къ югу отъ факторіи Кабеса-де-Кобра [1]) онъ мало-по-малу отдаляется вглубь страны, а затѣмъ вблизи морскаго берега лѣсовъ не существуетъ и вовсе; къ югу же отъ Моссамедеса нѣтъ даже и отдѣльно стоящихъ деревьевъ. Тамъ лѣса можно встрѣтить только вдали отъ берега, позади первыхъ террасъ, въ пустыняхъ sertâo. По мѣрѣ уменьшенія съ сѣвера на югъ растительности, нѣкоторыя изъ растеній начинаютъ замѣняться другими: такъ, напр., hyphaene guineensis, столь обыденная отъ устья Конго до Амбриза, вовсе не встрѣчается на болѣе южномъ морскомъ берегу; въ области же Моссамедеса наблюдается переходъ отъ флоры тропическаго пояса къ флорѣ замкнутыхъ бассейновъ Южной Африки. Такъ, въ этой южной провинціи, большихъ молочайныхъ растеній не видно вовсе, тогда какъ гумминосныя растенія въ ней встрѣчаются.

Ботаническій инвентарь Вельвича насчитываетъ для всей Анголы 3.227 видовъ, изъ которыхъ 1.890—растенія явнобрачныя. Изъ этого значительнаго числа многія формы принадлежатъ спеціально данной области: таковы кактусы, о которыхъ прежде думали, будто они встрѣчаются только въ Новомъ Свѣтѣ; растутъ эти виды на хребтахъ плоскогорія, отдаленныхъ отъ морскаго берега и отъ всякаго центра колонизаціи [2]). Изъ растеній многія очень цѣнятся дикарями за ихъ, будто-бы, чудодѣйственныя свойства; таковы въ особенности: ядовитое дерево (erythrophlaeum guineense), кора или nkassa котораго употреб-

[1]) H. H. Johnston, „Congo".
[2]) „Annals do Conselho Ultramarino", дек. 1858.

ляется для испытаній на судѣ, и кустарникъ ndoui (decamera Jovis tonantis), вѣтви котораго навѣшиваются надъ хижинами въ качествѣ громоотвода. На южныхъ пескахъ, на корняхъ молочайныхъ растеній, произростаетъ весьма любопытное чужеядное растеніе изъ рода hydnora, которое остается подъ землею въ теченіе большей части своего существованія, затѣмъ вдругъ выпускаетъ на божій свѣтъ цвѣточную ножку, на которой и выростаетъ большой красный цвѣтокъ, издающій запахъ гнилаго мяса. По мнѣнію туземцевъ, это растеніе обладаетъ многими свойствами: они употребляютъ его сокъ для приданія большей крѣпости лесамъ своихъ удочекъ и сѣтямъ, а въ особенности пользуютъ имъ отъ различныхъ болѣзней. Значительно меньше числомъ тѣ туземныя растенія, плоды которыхъ идутъ въ пищу. Въ ангольской флорѣ насчитывается, напр., не менѣе 32 видовъ винограда, а между тѣмъ едва лишь въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ негры либо употребляютъ его въ видѣ гроздей, либо добываютъ изъ него небольшое количество вина [1]). Однакоже, кофейное дерево miriambambé по-туземному, произростающее въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ внутри страны, доставило плантаторамъ первые саженцы для искусственнаго разведенія; въ ангольскихъ лѣсахъ Вельвичъ нашелъ также либерійскій видъ этого растенія, и нынѣ аравійское кофейное деревцо на весьма многихъ плантаціяхъ уже замѣнено имъ. Что касается питательныхъ растеній, утилизируемыхъ ради ихъ корней, листьевъ, плодовъ или зеренъ, то въ Анголу, какъ и во всѣ остальныя африканскія страны, они были завезены или изъ Азіи, или изъ Новаго Свѣта. Одно изъ этихъ ввезенныхъ растеній — удающееся, впрочемъ, превосходно—именно манговое дерево, въ нѣкоторыхъ округахъ, на берегахъ Куанзы, встрѣчается рѣдко: существуетъ повѣрье, будто его тѣнь приноситъ несчастіе.

Подобныя же, какъ во флорѣ, преобразованія совершаются и въ ангольской фаунѣ. Какъ аборигенныя растенія исчезаютъ передъ иностранными видами, такъ и дикіе звѣри бѣгутъ передъ бѣлымъ человѣкомъ, собаками и другими домашними животными. Не видно уже слоновъ по сосѣдству съ морскимъ берегомъ, хотя съ полвѣка тому назадъ они еще приходили къ берегу океана: такъ, въ 1854 году, первые изслѣдователи Кунэнэ встрѣчали слоновъ въ такомъ большомъ числѣ, что являлось предположеніе назвать Кунэнэ «рѣкою слоновъ»; нынѣ прогнанные съ равнинъ, слоны удалились въ горы и въ серру Шелла, гдѣ они и пасутся по высокимъ склонамъ и вершинамъ [2]). Часто посѣщали по ночамъ улицы приморскихъ городовъ также и львы; при этомъ особенно многочисленны они бывали послѣ дождливаго времени года, когда выходили изъ глубины страны, изъ саваннъ и лѣсовъ, преслѣдуя антилопъ, являвшихся пастись на свѣжую травку; часто нападали львы и на людей, а нѣкоторые изъ нихъ, привыкнувъ къ человѣческому мясу, предпочитали хватать пастуховъ вмѣсто животныхъ изъ ихъ стадъ; туземцы считали львовъ фетишами, и никогда дикарь не осмѣлился бы говорить о львѣ, не придавъ ему титула: «нгана», т. е. «господинъ». Нынѣ эти представители кошачьяго рода появляются рѣдко, и по приморскимъ дорогамъ можно путешествовать уже безбоязненно. Но еще очень обыкновенны пантеры и въ особенности разнаго рода гіены. Ламантинъ, или «рыба-женщина» (peixe mulher), повидимому, исчезъ изъ ангольскихъ рѣкъ, за исключеніемъ верхней части средняго теченія Куанзы, а гиппопотамъ удалился въ боковые потоки рѣкъ. Jacarès, или крокодилы, еще населяютъ многія изъ рѣкъ страны, а акулы, столь многочисленныя къ сѣверу отъ Заиры, не встрѣчаются на берегахъ юга [1]). Въ южныхъ частяхъ страны водится нѣсколько такихъ видовъ животныхъ, которыхъ нѣтъ на сѣверѣ отъ Куанзы: такъ, зебръ встрѣчается только по окраинамъ большихъ южныхъ саваннъ, какъ равно и нѣкоторыя антилопы, принадлежащія къ поясу бассейновъ рѣкъ Оранжевой и Замбезе. Вѣроятно, одну изъ такихъ антилопъ путешественникъ Брошадо и принялъ ошибочно за дромадера [2]), животнаго, котораго никогда не ввозили въ эту страну.

Міръ птицъ представленъ въ Анголѣ большимъ числомъ видовъ: значительная торговля пѣвчими птицами ведется съ Лиссабономъ. Мѣстные негры твердо вѣрятъ въ предзнаменованія, исходящія изъ пѣнія или полета птицъ. Встрѣча съ quioco (telephonus erythropterus) всегда сулитъ благо. Corythrix paulina, хорошенькая птичка, кормящаяся преимущественно зернами плодовъ, слыветъ страшнымъ чародѣемъ, и ея крикъ вселяетъ ужасъ. Хижины, даже деревни покидались жителями потому только, что эта птичка, присѣвъ на сосѣднее дерево, испускала свою зловѣщую нотку; охотники, ловящіе ее въ лѣсахъ для продажи португальскимъ купцамъ, всячески стараются, неся свою добычу, избѣгать деревень изъ опасенія, чтобы туземцы не обвинили ихъ въ умыслѣ колдовства. Птичка эта замѣчательна и въ другомъ отношеніи: именно, блестящая красная окраска ея крыльевъ растворима въ водѣ, при чемъ въ растворѣ оказывается нѣкоторое количество мѣди [3]). Почти

[1]) Conde de Ficalho, „Plantas uteis da Africa Portugueza".
[2]) H. H. Johnston, „The Kilima Njaro Expedition".

[1]) Monteiro, упом. соч.
[2]) „Annals do Concelho Ultramarino", ноябрь 1885.
[3]) Monteiro, упом. соч.

повсюду въ лѣсахъ внутри страны обитаетъ также cuculus indicator, птичка, которая, перепархивая съ вѣтки на вѣтку, приводитъ искателей меда къ улью, а затѣмъ терпѣливо ожидаетъ, усѣвшись на сосѣднее дерево, своей доли. Разсказываютъ также, что иногда эта птица, проникая въ самую густую чащу, сводила охотника лицомъ къ лицу съ слономъ или львомъ [1]). Змѣи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ, рѣдки, но между ними есть весьма опасныя; такова, напр., cuspydeiro или «плевака», которая, будучи раздражена, брызгаетъ ѣдкою и ядовитою слюною; проникновеніе этой слюны въ глазъ угрожаетъ слѣпотою. Насѣкомыя, за исключеніемъ муравьевъ и москитовъ, относительно рѣдки на атлантическомъ склонѣ Анголы. Во все продолженіе сасітѣо ихъ почти не видно; появляются же они только на нѣсколько недѣль или даже дней въ жаркое время года. Рыбою изобилуютъ сосѣднія моря необычайно: порою вода кажется какъ будто массою живаго мяса,— до такой степени она переполнена рыбами, простирающимися на нѣсколько квадратныхъ километровъ въ видѣ движущихся мелей. Ангольскіе туземцы ѣдятъ одинъ мелкій видъ акулы, равно какъ и *pungo*, рыбу-пѣвунью, дрожащія, нѣжныя, какъ звукъ флейты, нотки которой выходятъ изъ тихихъ водъ. Въ рѣкахъ и въ особенности въ лужахъ послѣ разлива водъ по равнинамъ, ловятъ пимелода, изъ сомовидныхъ, достигающаго двухъ метровъ длины и по цѣлымъ часамъ остающагося живымъ также и на сушѣ.

Огромное большинство ангольскихъ негровъ принадлежитъ къ группѣ народовъ банту; но, вѣроятно, между ними, какъ и между населеніями Конго и Огове, находятся также потомки тѣхъ расъ, которыя господствовали въ предшествующую эпоху цивилизаціи, когда Африка еще не получила питательныхъ растеній изъ Азіи и Новаго Свѣта, и когда населяющіе ее народцы, живя лишь охотою, рыбною ловлю и сборомъ дикорастущихъ ягодъ и плодовъ, бродили по лѣсамъ [2]). Эти первобытныя племена, отброшенныя на окраины пустынныхъ саваннъ южной части Ангольской области, отличаются еще и понынѣ отъ своихъ завоевателей какъ образомъ жизни, такъ и языкомъ. Но и сами завоеватели, хотя родственные между собой какъ по происхожденію, такъ и по языкамъ, представляютъ нѣсколько слоевъ послѣдовательныхъ нашествій, изъ которыхъ каждое влекло за собою измѣненіе политическаго равновѣсія страны. Послѣднее изъ такихъ вторженій совершено джагами въ срединѣ 16-го столѣтія, когда, въ свою очередь, и португальскіе мореплаватели уже показались около морскихъ береговъ края; это вторженіе пронеслось по странѣ наподобіе урагана, разрушая государства и сметая народы, при чемъ самихъ завоевателей обыкновенно считаютъ единоплеменниками кафровъ и зулусовъ изъ южныхъ странъ Африки. Въ наши дни этническія перемѣны совершаются болѣе постепенно, но сила ихъ воздѣйствія гораздо значительнѣе: не врагами являются кабиндскіе негры, бразильскіе переселенцы и португальскіе метисы, но вліяніе ихъ тѣмъ легче воспринимается. Для жителей Анголы этимъ путемъ начинается новая цивилизація [1]).

Различныя сѣверныя племена Анголы принадлежатъ, подобно народцамъ, проживающимъ между Конго и Шилонго, къ группѣ ба-фіотовъ: ихъ также, какъ и ту рѣку, около которой они обитаютъ, называютъ вообще племенами конго. Они-то нѣкогда и основали то конгское государство, которое прославилось какъ союзомъ съ португальцами, такъ и успѣхами миссіонеровъ, крестившихъ новообращенныхъ сотнями тысячъ. Государство это существуетъ еще и теперь, но оно очень ослаблено, и большая часть ба-фіотскихъ племенъ уже не входитъ въ его составъ. Му-сороно, братья живущихъ къ сѣверу отъ Запры, му-шиконго, ба-конго, бамба, муйоло и другіе народы фіотской расы слѣдуютъ другъ за другомъ къ югу отъ Нижняго Конго вплоть до бассейна р. Мбришъ, оставаясь лишь въ воображаемой вассальной зависимости отъ пребывающаго въ Санъ-Сальвадорѣ короля и весьма слабо испытывая на себѣ авторитетъ португальцевъ. Страну этихъ сѣверныхъ населеній удавалось посѣтить, къ тому же, немногочисленнымъ путешественникамъ лишь цѣною большихъ опасностей и тяжкихъ трудовъ. Что касается негровъ сонво, живущихъ на полуостровѣ между Конгскимъ лиманомъ и берегомъ моря, то они не имѣютъ никакого отношенія къ своему прежнему сюзерену въ Санъ-Сальвадорѣ: возстаніемъ ихъ начальника, или киламбы—«графа де-Соньо» португальскихъ хроникъ—и началась въ концѣ XVII-го столѣтія дезорганизація имперіи. Возстанія, соперничества миссіонеровъ, захватъ торговыхъ дорогъ кабиндами, и въ особенности продажа туземцевъ въ рабство, совершаемая либо самими монахами, либо португальскими или иноземными негроторговцами—привели къ совершенному разстройству старинное конгское государство, которое, если еще и сохраняется, то подобно «священной римской имперіи» въ средніе вѣка, лишь въ силу мистической мощи преданія.

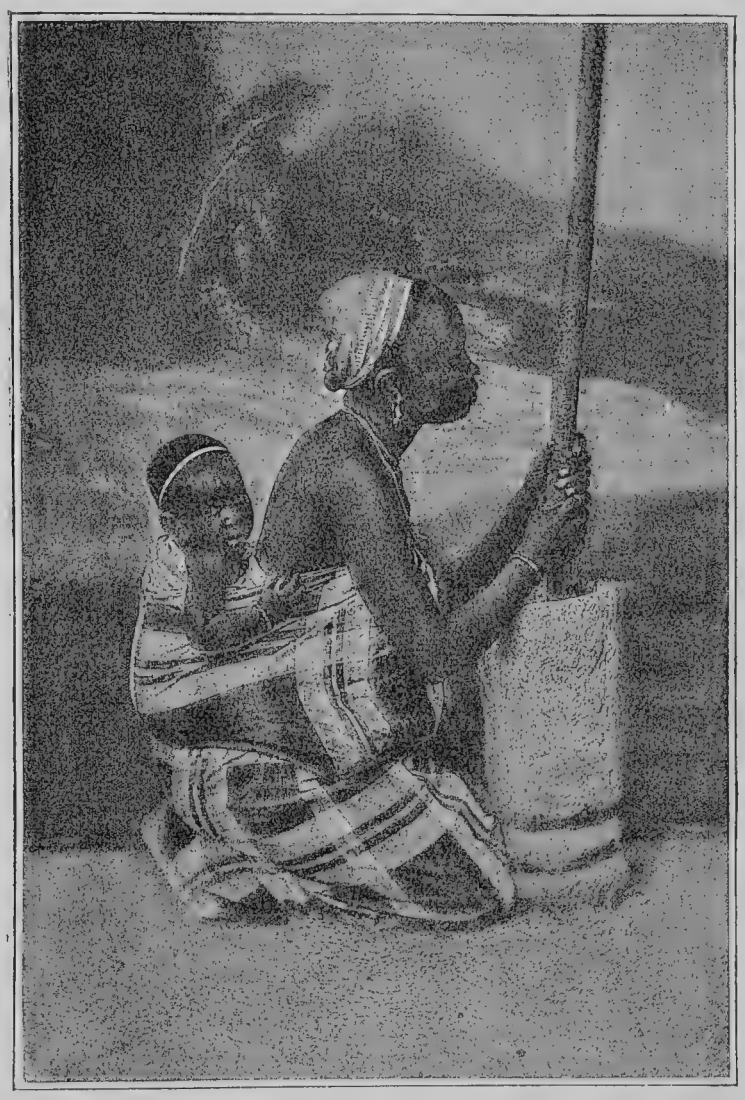
Негры, обитающіе къ западу отъ Санъ-Саль-

[1]) Levaillant;—Spartman;—Livingstone;—Magyar;—Holub;— Serpa Pinto;— Capella e Ivens и т. д.

[2]) Conde de Ficalho, упомян. соч.

[1]) „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa", 1882 № 7.

вадора, именно племена: му-сороно, му-шикоиго и бамба, хотя и находятся вблизи Конго, а также посѣщаютъ и факторіи бѣлыхъ, подверглись иностранному вліянію лишь въ весьма слабой степени; такъ, они остались чистыми послѣдователями фетишизма, безъ примѣси какихъ бы то ни было церемоній, заимствованныхъ у католиковъ; они всегда обуваютъ своихъ покойниковъ по-европейски, въ башмаки или сапоги, конечно, для облегченія имъ путешествія въ невѣдомый міръ [1]). Му-шикоиго, т. е. «рожденные отъ деревьевъ», хотя и не имѣютъ домашнихъ идоловъ, тѣмъ не менѣе считаютъ «фетишами» почти всѣ предметы въ природѣ, а все необъяснимое признаютъ либо чудомъ, достойнымъ обожанія, либо дѣломъ волшебника, внушающимъ страхъ. Міръ духовъ управляетъ живущими. Часто женщины, остающіяся долго безплодными, или потерявшія своего перваго ребенка, даютъ обѣтъ посвятить своихъ новорожденныхъ служенію фетишамъ, и тогда съ малыхъ лѣтъ будущіе жрецы обучаются, подъ руководствомъ великихъ фетишеровъ, бить въ волшебный барабанъ, произносить заклинанія, производить судороги для вызова духовъ, напускать болѣзни или, напротивъ, изгонять ихъ. У бамба посвященіе въ таинства вслѣдъ за обрѣзаніемъ требуетъ много времени: именно, обрѣзанные мальчики удаляются въ лѣса, гдѣ, живя совершенно отдѣльно отъ остальныхъ членовъ и составляя временную республику, учатся познавать волшебныя свойства травъ, деревьевъ и животныхъ и приготовляютъ «мѣшокъ съ лѣкарствами», которыя они должны сохранять въ теченіе всей своей жизни для



Женщина племени му-соронто.

[1]) Monteiro, упом. соч.

предохраненія себя отъ несчастія; домой, въ село они возвращаются не раньше, какъ запасшись этими мощными амулетами. Говорятъ, что король племени бамба, предокъ котораго былъ нѣкогда генералиссимусомъ Конгскаго императора, въ настоящее время является хранителемъ великаго фетиша, живущаго въ священномъ деревѣ, недоступномъ для иностранцевъ. Однако, это таинственное существо остается невидимымъ даже и для своихъ поклонниковъ; будучи смертно, оно, правда, умираетъ, но затѣмъ «этотъ богъ» снова возрождается изъ костей, собранныхъ его жрецами отъ трупа предыдущаго фетиша. Разсказываютъ, будто-бы и всѣ члены племени также должны пройти чрезъ такъ называемую «временную смерть»: именно, когда жрецъ потрясаетъ своею тыквенною бутылкою, наполненною талисманами, то всѣ молодые люди впадаютъ въ каталептическій сонъ и валятся какъ трупы. Только спустя три дня они возрождаются къ жизни, которую съ этого времени и посвящаютъ служенію воскресившаго ихъ фетиша; однако, существуютъ и такіе, которые просыпаются отупѣвшими, и воспоминаніе о предыдущемъ существованіи у которыхъ возвращается лишь медленно. Но каковы бы ни были пріемы бамбаскихъ чародѣевъ, повидимому, правдоподобно, что имъ дѣйствительно удается ввергать молодыхъ людей въ такой сонъ, который походитъ на состояніе послѣ смерти. Тѣ изъ нихъ, которые не подвергались процедурѣ «новаго рожденія», всѣми презираются, и имъ воспрещена пляска [1]). Среди му-шиконго проживаютъ мавумбу, вполнѣ схожіе своею наружностью съ другими ма-вумбу, встрѣчающимися къ сѣверу отъ рѣки, въ сосѣдствѣ съ Лоанго, и тоже узнаваемыми по ихъ семитическому типу [2]). По ихъ преданіямъ, южные ма-вумбу, принадлежащіе всѣ къ могущественнымъ семействамъ, пребываютъ въ краѣ съ незапамятныхъ временъ.

Къ югу отъ племенъ, составляющихъ группу Конго, и вплоть до провинціи Моссамедесъ, простирается глоссологическая область племени бунда (бундо, бондэ), иногда называемаго, какъ и вообще вся территорія, анголою. Названіе «бунда», по одному этимологическому истолкованію его, впрочемъ, мало вѣроятному, означаетъ «людей поражающихъ» или побѣдителей; въ такомъ случаѣ, оно дѣйствительно напоминало бы о послѣдовательныхъ вторженіяхъ этой расы и объ ея побѣдахъ надъ аборигенами [3]). Но, кажется, что данное наименованіе скорѣе означаетъ «семейство, потомство, происхожденіе» [4]), заключая въ себѣ такимъ образомъ указаніе на существованіе у говорящихъ на этомъ общемъ языкѣ сознанія объ ихъ родствѣ. Бунда или *lingua geral* (общій языкъ) Анголы представляетъ одинъ изъ языковъ, наиболѣе распространенныхъ въ Африкѣ, а также одинъ изъ тѣхъ языковъ, которые, не будучи вполнѣ изучены, извѣстны, однако, уже издавна; такъ, въ концѣ XVII-го столѣтія въ Лиссабонѣ была уже издана грамматика ангольскаго языка, а также писались на этомъ языкѣ и религіозныя сочиненія; кромѣ того, уже болѣе двухъ столѣтій, какъ на языкѣ бунда говорятъ европейцы [1]). Глоссологическая область этого языка, начинающаяся, по Monteiro, непосредственно книзу отъ рѣки Дандэ, простирается далеко за предѣлы Анголы: если на бундскомъ языкѣ не говорятъ, то по крайней мѣрѣ его понимаютъ тѣ многочисленныя племена внутри страны, которыя состоятъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ бундскими караванщиками. Такимъ образомъ, жители Анголы распространяютъ употребленіе своего «франкскаго языка» вплоть до бассейновъ Конго, Ку-Банго и Замбезе не въ качествѣ «побѣдителей», а въ качествѣ купцовъ. Въ португальскихъ владѣніяхъ, языкъ этотъ представляетъ два нарѣчія, настолько различающіяся, что ихъ даже классифицировали какъ два особые языка: бунда въ собственномъ смыслѣ или ангола, на которомъ говорятъ къ сѣверу отъ Куанзы, и бунда южное, господствующее во всей области между Бенгуэлою и краемъ Бихэ [2]). Что же касается португальскихъ словъ, то они проникли во всѣ языки внутри Африки, вплоть до Кассаи.

Такимъ образомъ бунда, а-бундо или бинбундо раздѣляются на двѣ группы: сѣверную или южную; но и эти группы, не образующія сплоченнаго или національнаго союза, подраздѣляются, въ свою очередь, на большое число племенъ, достигшихъ весьма различныхъ степеней цивилизаціи: такъ, одни, подвергающіяся вліянію бѣлыхъ, въ сосѣдствѣ съ морскимъ побережьемъ или въ плантаціяхъ внутри страны—сравнительно цивилизованныя; другія же, живущія на плоскогоріяхъ или въ глухихъ долинахъ горъ, остались въ дикомъ состояніи. При этомъ, лучше сохранилась чистота расы, а также и прежніе обычаи, у тѣхъ бунда, которые называются банано, или «люди горъ» и которымъ могутъ быть противупоставлены ба-буэро, или «люди равнинъ» [3]); впрочемъ, Nogueira распространяетъ наименованіе ба-нано или нанно на всю данную національную группу. Сопо-

[1]) Adolf Bastian, упомян. соч.
[2]) Chavannes, упом. соч.
[3]) Cannecatim, „Diccionario de lingua bunda".
[4]) Cust, упом. соч.

[1]) Кинъ-бунда у Magyar'a; hem-boundo у Pinto; am-bunda у Sanders'a.
[2]) Ladislas Magyar, упом. соч.;—Sanders, цитируемый Cust'омъ.
[3]) A F. Nogueira, „A. Raça Negra".

ставляя преданія тѣхъ бунда, которые живутъ въ области горъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Куанзы, Мадьяръ говоритъ, что эти племена пришли съ сѣверо-востока около половины XVI-го вѣка. Предки этого народа, свирѣпые людоѣды, постоянно воевали съ окрестными племенами, добывая этимъ путемъ человѣческое мясо, а когда для битвъ не находили враговъ, то устремлялись другъ на друга. Эти непрестанныя убійства уже начинали угрожать истребленіемъ всей расы, когда, по словамъ легенды, образовалось тайное общество *empacasseiras*'овъ, или охотниковъ на буйволовъ, которые рѣшили не ѣсть другого мяса, кромѣ мяса лѣсныхъ звѣрей; хвостъ буйвола, обвязанный вокругъ головы, а также кольца изъ его кишекъ на рукахъ и ногахъ, служили отличительными признаками членовъ этого сообщества. Наконецъ, союзники сдѣлались настолько могущественными, что открыто возмутились противъ людоѣдовъ, оставшихся вѣрными стариннымъ обычаямъ; однако, имъ пришлось покинуть край и перейти верхнюю Куангу, въ направленіи къ западу, и основаться въ краѣ Байлундо и въ сосѣднихъ территоріяхъ, гдѣ мало-по-малу они начались обработывать почву и сдѣлались вѣрными союзниками португальцевъ, которые уже во времена первыхъ своихъ «черныхъ войнъ» имѣли около себя орды стрѣлковъ изъ лучшихъ, набиравшіяся между этими empacasseiros'ами и достигавшія иногда тридцати тысячъ человѣкъ. Съ другой стороны, тѣ бунда, которые остались къ востоку отъ Куанзы, ослабѣли послѣ выселенія empacasseiros'овъ настолько, что не могли уже господствовать надъ другими народцами страны, будто-бы постепенно сливались съ ними, и хотя еще остались дикими, но нравы ихъ все-таки значительно смягчились.

Какую бы, однако, цѣну ни придавать этимъ разсказамъ, гдѣ легенда перемѣшана съ исторіей [1]), несомнѣнно, что человѣческія жертвоприношенія и остатки людоѣдства сохранялись въ религіозныхъ церемоніяхъ по крайней мѣрѣ до половины текущаго столѣтія. По свидѣтельству Владислава Мадьяра,—который былъ зятемъ короля Бихэ, а, слѣдовательно, и однимъ изъ князей главнаго племени бунда,—обычай требовалъ, чтобы трупъ начальника былъ орошенъ кровью рабовъ, а воцареніе новаго властителя не могло совершиться иначе, какъ послѣ охоты на человѣка, во время которой кандидатъ на власть долженъ былъ завладѣть по одному индивиду изъ каждой профессіи, такъ какъ для того, чтобы всѣ ремесла процвѣтали подъ его управленіемъ, необходимо, чтобы отъ каждаго изъ нихъ была принесена жертва; кромя того, молодыя дѣвушки и даже беременныя женщины обрекались на смерть, для обезпеченія плодородія въ теченіе будущаго царствованія, а дѣти, оторванныя отъ груди матери, служили для фабрикаціи элексира долгой жизни. При перемѣнѣ царствованія предавали смерти кого-нибудь изъ доблестныхъ воиновъ, дабы король могъ съѣсть его сердце; но такъ какъ такой витязь долженъ пасть во время полнаго обладанія своими силами и въ радостномъ состояніи духа, то его убивали неожиданно во время исполненія воинскаго танца. Горе всякому чужеземцу, который встрѣтился бы на пути погребальной процессіи! Его тотчасъ же поволокли бы силой и убили бы на могилѣ. Впрочемъ, обычай разрѣшалъ убійство въ теченіе семи дней между смертью одного короля и воцареніемъ другаго, и регулярные солдаты постояннаго войска, «сыны слона», пользовались этимъ для того, чтобы грабить и убивать по произволу. Но въ обыденное время приносили въ жертву только животныхъ: воинъ приносилъ фетишерамъ черную козу или чернаго же цвѣта телку; а женихъ—какое-нибудь животное, но совершенно бѣлое, безъ пятнышка.

Бунда, въ особенности племя нано, или «люди изъ высокой страны»,—вообще красивы, съ высокой осанкой и открытымъ лицомъ: не рѣдки между ними и лица съ голубыми глазами, хотя такой цвѣтъ вовсе не цѣнится туземцами. У большей части племенъ женщины вытатуировываютъ на себѣ рисунки, изображающіе цвѣты и арабески; головы ихъ остаются непокрытыми, тогда какъ мужчины навертываютъ нѣчто въ родѣ тюрбана себѣ на волосы, или же заплетаютъ ихъ въ множество косичекъ, убранныхъ шариками изъ глины, замѣняющими кораллы. Къ тканямъ одежды главари, или *саба*, прибавляютъ, что, впрочемъ, дѣлается начальниками племени въ Африкѣ почти повсюду,—шкуру пантеры или другаго свирѣпаго животнаго: эта шкура служитъ символомъ того страха, который они должны вселять. Нѣкоторые изъ народцевъ совершаютъ обрѣзаніе, между тѣмъ какъ у другихъ оно неизвѣстно; есть и такіе, у которыхъ обрѣзаны только начальники, при чемъ этой операціи они должны подвергнуться раньше, чѣмъ накинутъ себѣ на плечи тигровую шкуру [1]). Большею частью бунта очень способные: подъ руководствомъ бѣлыхъ они скоро научаются чтенію, письму и музыкѣ; въ нѣсколько мѣсяцевъ они выучиваются правильно говорить по-португальски и становятся превосходными рабочими; каждая община имѣетъ своего кузнеца, который въ то же время и оружейникъ, своего плотника, ткача,

[1]) Travassos Valdez, „Six Years of a Travellers's Life".

[1]) Ladislas Magyar, упом. соч.

горшечника, охотника, засѣдающихъ въ общественныхъ собраніяхъ по порядку старшинства. Главнымъ же образомъ бунда отличаются, какъ торговцы: это они управляютъ дѣлами португальскихъ купцовъ внутри страны, при чемъ часто превосходятъ своихъ учителей торговою сметкою. Называемые Ливингстономъ мамбари, бунды плоскогорій сопровождаютъ караваны купцовъ во внутреннюю Африку; ихъ называютъ также *pombeiros*, по причинѣ ихъ пришествій въ страну кустовъ (кустъ по-туземному называется *pombe*, по-португальски—*sertâo*). Нѣкоторые изъ этихъ каравановъ состояли изъ трехъ тысячъ человѣкъ и иногда превращались въ грабительскія арміи. Многіе изъ банда посылаютъ своихъ дѣтей въ приморскіе города для полученія европейскаго образованія.

Области, занимаемыя племенами бунда, дѣлятся на начальничества, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ весьма населены; однако, каждая деревня составляетъ независимую общину, самоуправляющуюся въ тѣхъ дѣлахъ, которыя не касаются всѣхъ остальныхъ поселеній. Впрочемъ, сограждане обсуждаютъ свои дѣла вовсе не на правахъ равенства, такъ какъ привилегированныхъ лицъ весьма много, и создаются привилегіи частью по праву наслѣдства, а частью по назначенію государя; кромѣ того, болѣе половины народонаселенія—рабы. Войны доставляютъ плѣнныхъ, голодъ побуждаетъ несчастныхъ продаваться, а за долги расплачиваются также и свободою; случалось даже, что для уплаты издержекъ по погребенію продавали собственныхъ дѣтей покойника. Съ другой стороны, почти всѣ рабы женятся на свободныхъ женщинахъ, съ цѣлью свалить свой трудъ на менѣе счастливыхъ плѣнныхъ и обезпечить свободу своимъ дѣтямъ, такъ какъ сыновья и дочери всегда наслѣдуютъ званіе матери. Часто жизнь раба считается столь же цѣнною, какъ и жизнь свободнаго человѣка, именно — въ тѣхъ случаяхъ, когда, чрезъ женитьбу, онъ роднится съ кѣмъ-либо изъ начальниковъ; его трупу, какъ и трупамъ другихъ бунда, колдуны задаютъ вопросы о томъ, не причинена ли ему смерть какою-либо порчею и кто изъ чародѣевъ повиненъ въ этомъ? Задаются же эти вопросы въ силу повѣрья, будто-бы души неумиротворенныхъ мертвецовъ не преминутъ снова явиться на землю и станутъ безпокоить живыхъ до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ воздана справедливость.

По ту сторону верхняго теченія Куанзы, населенія, живущія къ юго-востоку отъ племенъ бунда, хуамба и квимбанда,—разсѣянныхъ въ долинахъ плоскогорья союзныхъ племенъ, состоящихъ изъ кузнецовъ и искателей меда,—извѣстны подъ именемъ гангуэлла; названіе это, означающее «глупцовъ, людей безъ ума», будто-бы свидѣтельствуетъ о томъ презрѣніи, которое питали къ этимъ туземцамъ, при чемъ, въ доказательство тупоумія гангуэлловъ, приводили тотъ фактъ, что они, будто-бы, смотрѣли на водку какъ на ядъ и умертвили первыхъ купцовъ, привезшихъ это губительное снадобье. Собирательное названіе «гангуэлла» прилагается къ многочисленнымъ племенамъ, говоры которыхъ примыкаютъ: на востокѣ—къ нарѣчіямъ племени лобале, а на западѣ—къ нарѣчіямъ племени нано; однако, несмотря на разницу въ соціальномъ состояніи этихъ націй, кажется, что онѣ одного и того же происхожденія, и репутація варваровъ не мѣшаетъ гангуэлламъ быть въ торговомъ дѣлѣ людьми смѣтливыми и предпріимчивыми; по Bastian'у, это между ними слѣдуетъ искать потомковъ древнихъ завоевателей Конго[1]), тѣхъ джигасовъ, которыхъ другіе писатели находятъ между фуллами, галласами или кафрами. Сонго, занимающіе водораздѣльную область между рѣками Куанза и Куанго, болѣе гангуэлловъ подверглись вліянію португальцевъ; и, однако же, мало странъ, гдѣ судъ посредствомъ испытанія ядомъ изъ коры nkassa былъ бы столь же распространенъ, какъ въ этомъ краѣ. Къ нему прибѣгаютъ даже по сущимъ пустякамъ, при чемъ спорящія стороны бываютъ представлены либо толпой дѣтей, либо стаей собакъ. И тѣмъ, и другимъ ядовитый отваръ дается настолько слабый, что не угрожаетъ большою опасностью для жизни, и на чьей сторонѣ впервые послѣдуетъ изверженіе яда, та сторона и выигрываетъ[2]).

На низовьяхъ Куанзы, жители южнаго берега представляютъ болѣе отличій отъ типа племени бунда. Нарѣчія банту, которыми они говорятъ, много разнятся отъ господствующаго языка въ Анголѣ[3]). Племя либалло, территорія котораго ограничена съ востока небольшою рѣкою Конго, состоитъ изъ людей добрыхъ и мирныхъ, искусно воздѣлывающихъ свою почву. Либолло—наслѣдственные враги своихъ западныхъ сосѣдей, киссама, живущихъ въ полуостровномъ пространствѣ, ограниченномъ съ востока и сѣвера большою излучиною Нижней Куанзы, а съ запада и съ юго-запада—морскимъ побережьемъ. Киссама до сихъ поръ сохранили свою полную независимость, хотя и легко было бы присоединить ихъ территорію, почти цѣликомъ вкрапленную въ португальскія владѣнія. Во время одной голодовки, постигшей край, бундскіе негоціанты воспользовались этою нуждою и продавали киссамамъ жизненные припасы въ обмѣнъ на свободу большаго числа голодающихъ. Въ наказаніе за эту гнусность киссамы отомстили въ слѣдую-

[1]) „Enthnologische Forschungen".
[2]) Paul Pogge, „Im Reiche des Muata Jamwo".
[3]) Monteiro, упом. соч.

щемъ же году, плѣнивъ бундскихъ торговцевъ и подвергнувъ ихъ пыткѣ и жженію каленымъ желѣзомъ. Поэтому племя бунда охотно вызвалось бы пособить португальскому правительству въ завоеваніи киссамскаго края. Весьма черные, малые ростомъ, почти всегда грязные, киссама держатся особнякомъ отъ всѣхъ другихъ туземцевъ; однако, для продажи своихъ произведеній въ мѣстахъ съ португальскимъ рынкомъ, они вынуждены переходить за Куазну. Туда они приносятъ, главнымъ образомъ, драгоцѣнный продуктъ — соль въ брускахъ въ полметра длиною, которые отправляютъ внутрь материка и которые замѣняютъ монету въ большой части континента. Торговцы, запасшись фетишами, которые служатъ имъ какъ-бы охранными грамотами, проникаютъ, въ свою оче-

Станъ бушменовъ.

редь, въ киссамскія деревни, доставляютъ европейскіе товары, между прочимъ, стеклянныя подѣлки, которыя киссамскими женщинами употребляются на украшеніе костюма. Ихъ прически, съ короною изъ растительныхъ волоконъ въ видѣ вѣнца, украшаются бусами въ перемежку съ нитями изъ луба; онѣ носятъ также платье, изготовленное изъ луба баобаба и покрытое сзади, у богатыхъ, шкурою антилопы, на которую нацѣплены раковинки, постукивающія другъ о друга при каждомъ шагѣ, вслѣдствіе чего, по шуму отъ этихъ раковинъ на костюмѣ, уже издали слышно приближеніе женщины. Киссама—весьма вѣжливы и церемонны [1]).

Къ югу отъ либолло и киссама живутъ амбоэлла, народъ бантскій, носящій то же самое имя, какъ и многочисленныя къ той же расѣ принадлежащія племена, основавшіяся на юго-востокѣ, на берегахъ Ку-Банго и по верхнему теченію Замбезе. Сели или му-сели, на морскомъ берегу, около Ново-Редондо, были нѣкогда людоѣдами и при своихъ религіозныхъ церемоніяхъ приносили человѣческія жертвы, при чемъ голова и сердце убитаго доставались королю. Южнѣе, дикіе мундомбэ, покоренные лишь въ 1847 году,—кочующій пастушескій народецъ, отличающійся независимымъ, но не злобномъ, характеромъ. Они одѣваются въ шкуры и намазываютъ тѣло прогорклымъ растительнымъ или коровьимъ масломъ, черня его угольнымъ порошкомъ. Единственные между обитателями Анголы, они носятъ сандаліи изъ бычачьей кожи. Въ ихъ деревняхъ хижины, или *кубата*, въ которыхъ съ трудомъ можно стоять, похожи на стоги сѣна и имѣютъ форму правильнаго полушара; находящіяся въ нихъ кровати—не что иное какъ массы глины, выравненныя на поверхности и смазанныя коровьимъ масломъ. Когда му-ндомбэ женится, садятъ рощицу банановъ, и если молодая жена не забеременѣетъ къ тому времени, когда дерево станетъ приносить плодъ, то она можетъ требовать развода [2]). Обыкновенно му-ндомбэ не ѣдятъ другаго мяса, кромѣ дичи; они сильно воздерживаются отъ убоя своего скота, если только не случится смерть начальника, которая служитъ сигналомъ большаго пиршества, во время котораго быки пожираются уже сотнями. Во время этихъ чудовищныхъ поминокъ, которыя длятся отъ десяти до пятнадцати дней, съѣдаютъ всю тушу цѣликомъ: мясо едва поджаренное, кровь, внутренности и даже кожу, опаленную на яркомъ пламени; остаются только кости да рога [3]).

Между Бенгуэллою и Моссамедесомъ, приморская область занята племенами ба-куандо [1]) и ба-куиссе, народцами, которыхъ считаютъ принадлежащими къ какой-то примитивной расѣ, находящейся уже на пути къ исчезновенію. Это люди малаго роста, съ желтовато-черною окраскою кожи, выдающимися скулами, приплюснутымъ носомъ, вздутыми губами, выдвинутою впередъ челюстью и большимъ животомъ на весьма слабыхъ ногахъ. Отъ нихъ убѣгаютъ, точно это опасные люди, а между тѣмъ они и сами-то не что иное, какъ бѣглецы: проживая въ пещерахъ и въ разсѣлинахъ горъ, они покидаютъ одно за другимъ свои пристанища, передъ бѣлыми или чернокожими другой расы; европеецъ въ ихъ глазахъ—почти божественное существо, которому они никогда не осмѣлились бы сопротивляться. Крадучись и прячась отъ иноплеменника, пробираются они къ морю для сбора тѣхъ животныхъ и обломковъ, которые выкинутъ имъ волны, или же отваживаются пускаться на поиски за рыбою, пригнанною къ берегу морскимъ прибоемъ: другой пищи они не ѣдятъ, такъ какъ вовсе не имѣютъ оружія для охоты за дичью. Общественная группировка не переступаетъ у нихъ за предѣлы семейства, и они кочуютъ, подъ предводительствомъ старшаго въ родѣ [2]). Другіе пугливые народцы, ба-кубале (кабаэ) и ба-корока, вѣроятно, смѣшанной расы, находятся на западномъ склонѣ горъ и тоже слишкомъ слабы, чтобы противопоставить хотя-бы малѣйшее сопротивленіе бѣлымъ или чернымъ завоевателямъ. На противоположномъ склонѣ, ба-канкала, малорослые, пузатые и желтоватые, также представляютъ, вмѣстѣ съ ба-куандо и ба-куиссе, бушменскую расу между племенами банту [3]). Въ южной области Анголы больше всего еще сохранилось потомковъ аборигеновъ; но и тамъ народы банту завоевали землю, и языкъ бунда сдѣлался преобладающимъ. Главнымъ племенемъ на правомъ берегу Кунэнэ является басимба (ба-ксимба), *cimberas* многихъ этнологовъ [4]).

Верхній бассейнъ Какуловара, главнаго притока р. Кунэнэ, принадлежитъ различнымъ племенамъ народа ба-нанека, а берега самой Кунэнэ, въ ея верховьяхъ, заселены племенемъ ба-нкомби; въ общемъ, численность этихъ двухъ націй, по Nogueira, простирается до ста сорока тысячъ человѣкъ. Всѣ они говорятъ на бундскомъ языкѣ, и очевидно, по расѣ, это братья сѣвернымъ бунда; изъ преданій ихъ явствуетъ, что они жили нѣкогда въ области верхняго теченія Куанзы и были изгнаны от-

[1]) Héli Châtelin, „Afrique explorée et civilisée". Май, 1887.
[2]) Capello e Ivens, De Benguella as terras de Jacca.
[3]) Monteiro, упом. соч.

[1]) Му-куандо, по Ladislas Magyar.
[2]) Ladislas Magyar, упом. соч.—Nogueira. „A Raça Negra".
[3]) Nogueira, „Exploration du fleuve Cunéné". Рукоп. замѣтки.
[4]) Duparquet, „Voyage en Cimbébasie".

туда племенемъ ба-нано. Ихъ обычаи, въ особенности обычаи племени ба-нкомби, сходны съ арабскими: они бреютъ себѣ голову, оставляя одинъ пучекъ волосъ, и, входя въ домъ къ кому-либо изъ друзей, почтительно разуваются [1]); группы ихъ хижинъ походятъ на дуары и управляются тѣмъ же порядкомъ. Большая часть этихъ народцевъ независимы, и даже тѣ изъ нихъ, которые платятъ небольшую дань своимъ сюзеренамъ, во всѣхъ внутреннихъ своихъ дѣлахъ свободны. Хам-ба, или начальникъ, т. е. тотъ, «кто болѣе, чѣмъ человѣкъ», не можетъ, однако, диктовать свою волю: онъ окруженъ совѣтниками, которые обсуждаютъ съ нимъ всѣ важныя дѣла и часто навязываютъ ему свой взглядъ. Когда охотникъ убьетъ слона, то одинъ изъ бивней доставляется имъ хамъ-бѣ, но никакихъ другихъ налоговъ нѣтъ, если только спорящія стороны не захотятъ обратиться къ суду «отца». Рабство существуетъ, но самаго слова «рабъ» избѣгаютъ, замѣняя его словомъ «сынъ» или «двоюродный братъ»; и дѣйствительно, когда въ семействѣ нѣтъ законнаго наслѣдника, т. е. сына единоутробныхъ сестры или брата, то самый старшій рабъ получаетъ наслѣдство, въ ущербъ даже дѣтямъ покойнаго; женщины не наслѣдуютъ.

На разспросы миссіонеровъ, ба-нанека и ба-нкомби говорятъ о верховномъ богѣ, а объ умершихъ выражаются, «что Богъ приказалъ имъ придти къ себѣ»; однако, поклоненія этому богу они никакого не совершаютъ и смѣшиваютъ его съ солнцемъ. Будучи пастухами и земледѣльцами, они въ особенности чтутъ животныхъ, змѣю, ползающую въ ихъ хижинахъ, и быка, неизмѣнно сопровождающаго ихъ при переходѣ съ одного пастбища на другое. У каждаго му-нанека есть свой любимый быкъ, и когда му-нанекъ умираетъ, то его останки, приведенные, посредствомъ варенія, въ родъ тіста, и хоронятся въ кожѣ его любимца [2]). Великій праздникъ, именно праздникъ изобилія, имѣетъ символомъ бѣлаго или чернаго, но безъ малѣйшаго пятнышка, быка, который шествуетъ подъ начальствомъ музне-хамбо, или «старшаго пастуха», и за которымъ слѣдуетъ корова, называемая «хозяйкой дома» [3]). По окончаніи жатвы, все племя отправляется процессіею, въ предшествіи священныхъ быковъ, въ мѣстопребываніе начальника, чтобы погадать о судьбѣ и приготовиться къ работамъ наступающаго года. Въ дни праздника, радость должна быть всеобщая: не разрѣшается оплакивать даже мертвыхъ; преступленія— весьма, впрочемъ, рѣдкія во время этого періода взаимнаго благоволенія,—считаются не совершившимися; розыскивать ихъ виновниковъ воспрещено. У народцевъ, проживающихъ въ области р. Кунэнэ, всѣ молодые люди обрѣзаны; только подъ этимъ условіемъ они считаются *таба*, т. е. равными; всѣхъ же необрѣзанныхъ, или *ба-суто*, преслѣдуетъ общественное презрѣніе. Кандидаты на равенство должны подвергаться этой операціи, стоя и опершись на лукъ; въ племенахъ этихъ храбрыхъ воиновъ страдать должно молча. Nogueira, прожившій одиннадцать лѣтъ между туземцами р. Кунэнэ, съ удивленіемъ говоритъ объ ихъ достоинствѣ и гражданскихъ добродѣтеляхъ. Помимо преступленій, совершаемыхъ, какъ и во всѣхъ странахъ, ради династическихъ распрей, не бываетъ нападеній ни противъ жизни, ни противъ собственности, хотя каждый носитъ оружіе и никакая полиція не вмѣшивается въ отношенія между гражданами. Развратъ, споры, насилія и бѣдность внесли въ страну португальцы [1]). Какъ почти во всѣхъ странахъ, гдѣ европейцы вступаютъ въ сношенія съ туземцами, дѣло ихъ имѣетъ гибельное начало: они развращаютъ населенія, вмѣсто того, чтобы нравственно улучшать ихъ, а иногда истребляютъ ихъ отчасти, или даже вполнѣ. Прежде, слѣдовательно, чѣмъ совершится единеніе расъ и прогрессъ каждаго народа послужитъ на пользу всѣмъ, протекаетъ періодъ вражды, во время которой слабые побѣждаются сильными.

Полуцивилизованные негры Анголы однообразно называются *pretos*'ами, между тѣмъ какъ туземцы, оставшіеся внѣ португальскаго вліянія, обозначаются словомъ *negros*, которое часто произносится съ презрѣніемъ. *Претосы*, подвергаясь вліянію европейцевъ, а также и переселенцевъ изъ Кабинды, которыхъ, наравнѣ съ бѣлыми, слѣдуетъ считать истинными цивилизаторами жителей Анголы, населяютъ въ особенности приморскіе порты и принадлежащіе къ нимъ городскіе округа; къ нимъ же должны быть также причислены: бунда, на берегахъ нижняго теченія Куанзы; амбакосы, или жители округа Амбака, въ бассейнѣ р. Лу-Калла, и, наконецъ, бихеносы, или населенія на плоскогоріи Бихэ, гдѣ находится водораздѣлъ между рѣками Куанза, Кунэнэ, Ку-Банго и Куандо. Между этими полуцивилизованными неграми не рѣдки люди образованные: изъ нихъ вербуется большинство служащихъ по торговой части, а также и нѣкоторые изъ чиновниковъ въ колоніальной администраціи; многіе изъ нихъ завѣдуютъ или даже и владѣютъ плантаціями. Впрочемъ, раса этихъ претосовъ стала уже значительно смѣшанною, вслѣдствіе чего въ ней встрѣчаются люди со всѣми оттѣнками кожи: отъ чисто чернаго цвѣта до свѣтлаго настолько, что такихъ ту-

[1]) Capello e Ivens, „De Angola a Contra-Costa".
[2]) Capello e Ivens, упом. соч.
[3]) Nagueira, упом. соч.; — João de Andrade Corvo, „Provinzias ultramarinas".

[1]) Nogueira, упом. соч.

*

земцевъ причисляютъ уже къ бѣлымъ. Постепенно эти ангольскіе негры сливаются съ португальцами, на языкѣ которыхъ они говорятъ и идеи которыхъ раздѣляютъ. И, однакоже, многое изъ обычаевъ этихъ претосовъ, живущихъ въ пригородахъ, напоминаетъ о прежнемъ варварствѣ. Владиславъ Мадьяръ разсказываетъ объ одномъ изъ этихъ обычаевъ, который до половины текущаго столѣтія сохранялся среди му-ндомбэ въ окрестностяхъ Бенгуэллы, хотя «цивилизованные» негры и не желаютъ, чтобы ихъ смѣшивали съ дикими мундомбэ изъ внутренней страны. Это—*вкунга*, т. е. продажа съ аукціона, на одну ночь, тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, родители которыхъ не въ состояніи, по бѣдности, оплатить расточительныя свадебныя пиршества. Сопровождаемая женщинами своего участка и въ предшествіи знаменъ и цимваловъ, невѣста переходитъ отъ однѣхъ дверей къ другимъ и отдается тому, кто предложитъ большую цѣну. На слѣдующій день та же процессія матронъ отводитъ невѣсту къ ея будущему мужу; такимъ-то путемъ, оба семейства, и женино, и мужнино, избѣгаютъ срама сыграть свадьбу безъ пира. Этотъ обычай до сихъ поръ также повсемѣстно соблюдаются какъ у оставшихся дикими му-ндомбэ, такъ и въ племени куиссами [1]). Въ деревняхъ внутри страны, невѣста должна совершать свою свадебную прогулку совершенно голая, но съ ногъ до головы покрытая мастикою изъ бѣлой глины, считаемою знакомъ благоденствія.

Въ Анголѣ бѣлыхъ сравнительно немного. Именно, на всю громадную территорію приходится около четырехъ тысячъ европейцевъ, да и тѣ почти всѣ явились сюда съ надеждою возвратиться на родину, въ метрополію. Поселяются въ Анголѣ изъ португальцевъ и другихъ бѣлыхъ либо купцы и промышленники, желающіе быстро нажиться, либо чиновники и военные, для которыхъ пребываніе на службѣ въ отдаленныхъ краяхъ засчитывается вдвое. Поэтому не удивительно, что территоріи между «берегомъ», т. е. берегомъ на Атлантическомъ океанѣ, и «противо-берегомъ», т. е. берегомъ на океанѣ Индійскомъ, между устьями Заиры и Замбезе, остаются въ большей своей части невѣдомыми; и хотя на португальскихъ картахъ онѣ и показываются составляющими какъ-бы одну лузитанскую область, но только немногіе путешественники проходили чрезъ нихъ отъ океана до океана. Рѣдко встрѣтишь въ этой области между европейцами истиннаго переселенца, навсегда основавшагося на африканской почвѣ. Объясняется это тѣмъ, что даже для самихъ португальцевъ попытки къ акклиматизаціи въ тропическомъ поясѣ угрожаютъ опасностями. Конечно, можно привести много примѣровъ того, что бѣлые проводили половину долгой жизни въ прибрежныхъ торговыхъ городахъ или на плантаціяхъ внутри края, но рѣдко случалось, чтобы они обнаруживали ту же энергію къ труду, какъ ихъ соотечественники, остающіеся въ Европѣ; къ тому же чтобы жить, оставаясь здоровыми, имъ необходимо воздерживаться отъ работы на солнцѣ; всѣмъ имъ приходится передвигаться не иначе, какъ въ *tipoya*, т. е. въ паланкинѣ, на висящемъ гибкомъ пальмовомъ шестѣ, опирающемся на плечо двухъ негровъ - скороходовъ. Вообще можно сказать, что бѣлый, и въ особенности прибывшій изъ Сѣверной Европы, лишь въ исключительномъ случаѣ можетъ акклиматизоваться среди Португальской Африки; къ сѣверу отъ Моссамедеса европейская раса не акклиматизуется вовсе; семейства могутъ сохраняться не иначе, какъ только возвратившись въ свое отечество; основавшіяся же тамъ колоніи кончили гибельно. Въ противоположность этому, переселенцы изъ Португаліи или съ о. Мадеры въ округѣ Моссамедеса, находящемся на 1.700 километровъ къ югу отъ экватора, дышатъ въ этой полосѣ сравнительно свѣжимъ и гораздо менѣе влажнымъ воздухомъ, чѣмъ въ Лоандѣ и въ Бенгуэллѣ: поэтому, случаи акклиматизаціи, и только отдѣльныхъ лицъ, но и семействъ, тамъ многочисленны. Многіе португальцы по рожденію съ гордостью показываютъ тамъ своихъ дѣтей, крѣпышей, съ розовыми щеками; и, хотя до сихъ поръ смертность между бѣлыми обыкновенно превышала рождаемость, тѣмъ не менѣе европейская раса тамъ продолжается: тотъ фактъ, что въ Моссамедесѣ встрѣчается мало молодыхъ дѣвушекъ, объясняется переселеніемъ ихъ въ другіе приморскіе города, вслѣдствіе замужества. Такимъ образомъ, климатъ, «губитель» на сѣверѣ Анголы, является «ассимиляторомъ», «усвоителемъ» въ этой части страны [1]). А если семейства бѣлыхъ уживаются на приморскомъ берегу этого округа, то тѣмъ болѣе противостоять климату могутъ тѣ изъ нихъ, которыя проживаютъ въ возвышенныхъ долинахъ внутри страны. Вообще, неправильная линія, очерчивающая весь бассейнъ Кунэнэ, вплоть до плоскогорія, отдѣляющаго этотъ бассейнъ отъ склоновъ рѣкъ Куанзы и Куанго, ограничиваетъ ту часть португальскихъ владѣній, которая уже и нынѣ въ слабой степени является колонизованнымъ краемъ. Но къ сѣверу отъ этого водораздѣла, территоріи не предназначено, собственно говоря, стать колоніею: она можетъ быть только лишь областью для эксплоатаціи естественныхъ богатствъ.

Но не одни португальцы ищутъ для себя

[1]) Lux, „Von Loanda nach Kimbunda".

[1]) Manuel Ferreirra;—Ribeiro, „A Colonisação Luso-Africano".

новое отечество въ южной части Анголы. Къ переселенію съ сѣвера присоединяется и другое этническое движеніе, идущее съ юга. Буры (boers)—по происхожденію голландцы, съ не-

Общій видъ города Капгоуна.

шою примѣсью французскихъ кальвинистовъ-изгнанниковъ — при посредствѣ своихъ развѣдчиковъ продолжили вплоть до Анголы свое поступательное движеніе которое они начали два вѣка тому назадъ, въ Столовомъ заливѣ: съ этапа на этапъ, они выдвинули свои передовыя колоніи такъ далеко, что завладѣли и тѣми плоскогоріями, которыя прорѣзываетъ рѣка Кунэнэ въ верхнемъ своемъ теченіи. И больне подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на трудности перваго поселенія, несмотря на столкновенія, имѣвшія слѣдствіемъ обратное движеніе иммигрантовъ, буры укоренятся въ португальскихъ владѣніяхъ и будутъ содѣйство-

вать ихъ заселенію и цивилизаціи. Но это еще не все: для завладѣнія Анголой при посредствѣ европейскихъ идей, нравовъ и промышленности, нужно разсчитывать также на переселенцевъ изъ Новаго Свѣта, бразильцевъ, которые тоже португальцы по происхожденію, языку и сношеніямъ. Только большинство изъ нихъ принадлежатъ, вслѣдствіе смѣшенія крови, къ двумъ расамъ. Достовѣрная генеалогія, имя, семейныя преданія дѣлаютъ ихъ европейцами, но по матери или по своимъ предкамъ они также и африканцы, и такимъ образомъ являются естественной переходной расой отъ бѣлыхъ къ чернокожимъ, отъ колонистовъ къ туземцамъ. Индусскіе метисы изъ Гоа или «канарцы», прозванные такъ вслѣдствіе своего происхожденія изъ страны Канары, имѣютъ въ Анголѣ своими представителями священниковъ, счетоводовъ и учителей и, слѣдовательно, также участвуютъ въ распространеніи цивилизаціи въ Африкѣ.

Экономическія и соціальныя условія Анголы совершенно измѣнились въ эти послѣдніе годы. Въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій завладѣнія краемъ, факторіи на морскомъ берегу, между устьями рѣкъ Заиры и Кунэнэ, только и служили, что для торговли рабами: это были складочныя мѣста для тѣхъ несчастныхъ, которыхъ купцы съ острова св. Ѳомы—потомки евреевъ, сосланныхъ туда въ концѣ XV столѣтія [1])—покупали внутри страны и вывозили на бразильскія плантаціи. При посредствѣ этихъ cabanons [2]) морскаго побережья, Африка обезлюднилась въ пользу Новаго Свѣта, и не удивительно поэтому, что Ангола осталась такъ далеко позади американской имперіи. Исчисляютъ, что съ начала XVI-го столѣтія такимъ образомъ былъ вывезенъ изъ Анголы по крайней мѣрѣ милліонъ негровъ, и что для полученія возможности продать этотъ милліонъ людей, негроторговцы погубили — во время своихъ набѣговъ съ цѣлью захвата негровъ и при форсированныхъ, затѣмъ, маршахъ съ плѣнными—по крайней мѣрѣ еще втрое или вчетверо больше людей. Правда, что передъ отплытіемъ они испрашивали благословеніе церкви для своего груза негровъ, и еще во время путешествія Бастіана въ Лоандѣ можно было видѣть мѣсто того камня, съ высоты котораго епископъ простиралъ руки къ отплывающимъ кораблямъ, для преподанія плѣннымъ своей апостольской благодати. Впослѣдствіи—когда эта торговля поуменьшилась, а затѣмъ, когда, около половины текущаго столѣтія, она прекратилась совершенно—Ангольскій край пересталъ быть территоріею охоты на человѣка и страна получила возможность снова постепенно заселяться; но торговля человѣческимъ мясомъ продолжалась по плантаціямъ, какъ это дѣлается и въ наши дни по ту сторону Куанго, во внутреннихъ негритянскихъ королевствахъ, и вся система эксплоатаціи почвы, весь колоніальный режимъ, покоились на подневольномъ трудѣ рабовъ въ тѣхъ громадныхъ вотчинахъ, которыя были дарованы государствомъ. Только въ 1878 году въ португальскихъ владѣніяхъ было уничтожено вполнѣ рабство, и негровъ уже перестали приневоливать къ работѣ на непринадлежащемъ им. полѣ; однако, порядокъ землевладѣнія не измѣнился, и мелкая собственность, опора благосостоянія крестьянина, не смѣнила крупнаг землевладѣнія, на которомъ покоится могуще ство земельной аристократіи. Впрочемъ, нельз допустить, чтобы соотвѣтственно такой значительной перемѣнѣ, какъ освобожденіе негровъ. не воспослѣдовалъ внутренній переворотъ в способѣ труда. Равнымъ образомъ не можетъ быть, чтобы возростающая важность Анголы в политическомъ равновѣсіи Африки не имѣл слѣдствіемъ дарованія ей большаго самоуправленія и избавленія ея отъ нахожденія въ полной зависимости отъ министерскихъ распоряженій изъ Лиссабона.

Хотя португальцы торжественнымъ актомъ и признаны владѣтелями лѣваго берега Конго на протяженіи всего низовья этой рѣки, отъ Ноки до мыса Падранъ, но на всемъ этомъ теченіи у нихъ нѣтъ пристаней, посѣщаемыхъ торговцами. Почти всѣ торговыя суда, либо привозящія товары изъ-за границы, либо грузящіяся мѣстными произведеніями, останавливаются на Нижней Заирѣ въ Бананѣ, въ Понта-да-Ленья или въ Бомѣ, на правомъ берегу рѣки, принадлежащемъ «свободному» Конгскому государству. Португальскій берегъ остается почти пустыннымъ. Воды здѣсь, въ среднемъ, менѣе глубоки и, слѣдовательно, менѣе благопріятны для судоходства; также и прибрежныя населенія здѣсь болѣе враждебно относятся къ иностранцамъ. Постъ Санто-Антоніо, защищенный съ запада полуостровомъ мыса Падранъ,—пока только сторожевая станція, лишенная всякаго торговаго значенія. Киссама, пышной растительностью которой пріѣзжаютъ любоваться торговцы изъ Бома, обладаетъ тремя факторіями и плантаціями, произведенія которыхъ могутъ, однако, помѣститься на нѣсколькихъ шлюпкахъ. Конгская пристань на португальской территоріи, гдѣ больше всего останавливается кораблей,—это портъ Ноки (Noqui), или Луканго по туземному; расположенъ онъ около границы, книзу отъ водопадовъ и пороговъ, и приставать къ нему могутъ суда съ вмѣстимостью до пятисотъ тоннъ. Благодаря перемѣщенію торговли слоновою костью съ приморскаго побережья, изъ порта Амбриза, на берега Конго, въ Ноки, рынокъ послѣдняго нѣ-

[1]) Bistian, „Besuch in San-Salvador".

[2]) Cabanons употреблено здѣсь авторомъ въ смыслѣ „темной коморки въ тюрьмѣ" Littré et Beaujean (Перев.).

сколько оживился. Затѣмъ Ноки служитъ также отправнымъ пунктомъ для путешественниковъ, направляющихся на юго-востокъ, къ Санъ-Сальвадору, столицѣ Конгскаго королевства, вассала того «Короля моря», который пребываетъ въ Лиссабонѣ. Пока еще не существуетъ большой дороги, которая прямо соединяла бы этотъ историческій городъ, т. е. Санъ-Сальвадоръ, съ портами морскаго побережья.

Амбасси, негритянскій городъ, который португальцы называютъ Санъ-Сальвадоромъ, занимаетъ господствующее положеніе, какъ это и подобаетъ главному городу имперіи, нѣкогда простиравшейся отъ Габона до Куанзы. Онъ выстроенъ на вершинѣ плоскогорія, имѣющаго элиптическую форму и развертывающагося съ сѣвера на югъ на протяженіи почти двухъ съ половиною километровъ въ длину и одного километра въ ширину. Къ югу, извилистая долина рѣки Луэжи, протекающей болотистыми мѣстами посреди травъ и папируса, описываетъ полукругъ около откосовъ плоскогорія; а къ востоку и къ западу ручьи, съ перекинутыми черезъ нихъ висячими мостами изъ ліанъ, текутъ въ узкихъ ущельяхъ на глубинѣ болѣе сотни метровъ отъ верхнихъ террасъ надъ ними; изобильные источники чистой воды бьютъ изъ-подъ гранита, служащаго подножіемъ изолированному холму Санъ-Сальвадора и окруженнаго со всѣхъ сторонъ древними известняками.

«Великій фетишъ» Санъ-Сальвадора—слава о которомъ была распространена далеко по Ангольскому краю—потерялъ свое обаяніе, и обряды культа, преподаннаго миссіонерами изъ португальскихъ доминиканцевъ и итальянскихъ капуциновъ, недавно были позабыты совершенно. Лишь у нѣкоторыхъ изъ гаваней сохранились Распятія, которыя они считали знаками своей власти, да король сохраняетъ, какъ эгиду, хоругвь, освященную папой Иннокентіемъ VIII; существуетъ въ столицѣ также нѣсколько иконъ, и иногда, въ праздники, ихъ носятъ въ пышныхъ процессіяхъ, сопровождая крестный ходъ колѣнопреклоненіями и молитвами, въ которыхъ изъ прежней литургіи остались лишь слѣды. Священники изъ негровъ, пребывающіе въ Лоандѣ, неоднократно посѣщали свою паству въ Санъ-Сальвадорѣ, для поддержанія внѣшняго единенія этихъ католиковъ съ остальною церковью, и имена такихъ миссіонеровъ выгравированы на священномъ деревѣ, возвышающемся посреди города. Въ это послѣднее время снова возсоединила Санъ-Сальвадоръ съ католическимъ міромъ учрежденная тамъ постоянная миссія. Миссіонеры-баптисты также стараются, хотя и съ малымъ успѣхомъ, вербовать прозелитовъ, особенно между дѣтьми-невольниками, выкупаемыми у купцовъ сосѣднихъ племенъ. Подъ вліяніемъ этихъ иностранцевъ, нѣкоторые изъ старинныхъ обычаевъ исчезли, между прочимъ, испытаніе ядомъ [1]), но многоженство еще обще всѣмъ начальникамъ племенъ.

Порядокъ наслѣдованія—который миссіонеры нѣкогда пытались измѣнить въ смыслѣ римскаго права—совершается отъ дяди къ племяннику, какъ и у большей части африканскихъ племенъ. Во время междуцарствія власть принадлежитъ грозному сановнику, который и называется ма-бома, т. е. «внушитель ужаса»; поэтому-то смерть короля считается вдвойнѣ національнымъ бѣдствіемъ. Страна облекается въ глубокій трауръ; повсюду царитъ безмолвіе, не слышно болѣе пѣсенъ, не видно пляски. Негры не выходятъ изъ своихъ хижинъ; не моются, едва ѣдятъ и даже не ходятъ обрабатывать свои поля. Въ теченіе мѣсяцевъ трупъ сохраняется въ хижинѣ, которую помѣщаютъ передъ дворцомъ; ее украшаютъ символическою фигурою умершаго государя и передъ нею ежедневно благоговѣйно ставятъ тѣ кушанья, которыя онъ ѣлъ при жизни. Послѣ высыханія конечностей, которыя предварительно переламываются, тѣло покрываютъ глиною, а затѣмъ обертываютъ въ шелковую ткань и въ куски хлопчато-бумажныхъ тканей, при чемъ каждый приноситъ свой кусокъ, и вскорѣ мумія пріобрѣтаетъ такой объемъ, что заполняетъ почти всю хижину. Послѣ этого тѣло относится къ мѣсту погребенія, и такъ какъ, при этомъ, должно непремѣнно идти по прямой линіи, то всѣ встрѣчающіяся на пути хижины разрушаются [1]). У му-сороннго король оффиціально погребался не ранѣе какъ по истеченіи двѣнадцати лѣтъ со дня смерти, какъ будто подданные не хотѣли вѣрить, что ихъ верховный начальникъ пересталъ жить.

Санъ-Сальвадоръ, послѣ вступленія его въ сферу европейской цивилизаціи, посѣщался весьма многими путешественниками. Донъ-Педро V, пребывающій въ этомъ старинномъ городѣ, сталъ, какъ и его предки, вассаломъ лиссабонскаго правительства; рядомъ съ королевскимъ жилищемъ основались французскія, португальскія и голландскія факторіи, а миссіонеры, почти столь же почитаемые, какъ и король, превратили Санъ-Сальвадоръ въ центръ пропаганды, для вторичнаго привлеченія населенія въ лоно католической церкви; въ 1885 году, по Chavannes'у, они насчитывали уже около двухъ тысячъ обращенныхъ. Однако, столица не многолюдна; въ 1885 году, тамъ проживало постоянно около семисотъ человѣкъ, изъ которыхъ девять было европейцевъ; многія сотни посѣтителей были привлекаемы туда временно, торговыми дѣлами, и носильщики безпрерывно сновали взадъ и впередъ по ок-

[1]) J. Chavannes, „Petermann's Mittheilungen", 1886, тетр. IV.

[2]) Ad. Bastian, „Ein Besuch in San-Salvador".

крестнымъ дорогамъ [1]). Въ округѣ Санъ-Сальвадора, китанда Лембело,—находящаяся въ мѣстѣ перекрещиванія многихъ дорогъ, является главнымъ рынкомъ для каучука, который доставляется изъ доступной для свободной торговли области, къ югу отъ Конго: одинъ или два раза въ мѣсяцъ, посредники между торговцами являются туда потолковать о своихъ дѣлахъ и помѣняться товарами. Большая, осѣняемая деревьями, площадь въ центрѣ этого рынка нѣкогда служила мѣстомъ казней, и на вѣтвяхъ деревьевъ бѣлѣютъ и до сихъ поръ черепа. Разсказываютъ по этому поводу, что послѣ обезглавленія какого-нибудь несчастливца члены его семейства были обязаны съѣсть, по нѣсколько кусковъ изъ руки его трупа [2]).

Къ югу отъ мыса Падранъ, слѣдуютъ одна за другой нѣсколько факторій, окруженныхъ плодовыми садами и плантаціями: Манге-Пекэно, Кабеса-де-Кобра и Манге-Гранде, въ которыхъ въ особенности воздѣлываютъ кунжутъ, и гдѣ можно добыть самыхъ красивыхъ фетишей Западной Африки, изготовляемыхъ мастерами изъ племени му-сороннго. Мокулла и Амбризеттъ, расположенные у устья рѣки, спускающейся изъ края племени му-шиконго, были нѣкогда значительными приморскими портами по вывозу слоновой кости; нынѣ изъ Амбризетта вывозится соль, добываемая изъ окрестныхъ солончаковъ. Далѣе, къ югу, горделивая пирамида «Пиларъ» по-португальски, холмы, усѣянные гранитными глыбами, изогрызенными атмосферой и похожими издали на стѣны, башни, столбы и обелиски возвѣщаютъ морякамъ о близости Муссеры, нѣкогда цвѣтущаго города, который его могущественный фетишъ, называемой «матерью воды», не защитилъ ни отъ оспы, ни отъ сомноза (мѣстной болѣзни, поражающей африканскихъ негровъ и выражающейся, между прочимъ, въ наклонности ко сну, не выходя изъ котораго больной и умираетъ). Сомнозъ появился къ югу отъ Запры только въ 1870 году и лишь въ одномъ городѣ Муссера, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ поглотилъ двѣсти жертвъ; остальные жители, устрашенные этою болѣзнью, покинули свои жилища и основали другой городъ въ сосѣдствѣ. Муссерскіе рыбаки налавливаютъ въ сезонъ касимбо, т. е. съ іюня до августа, большія количества поющей рыбы, пунго, соленое мясо которой расходится далеко по плоскогоріямъ. Пускаясь на воду, они пользуются попарно соединенными челноками, въ которые садятся такимъ образомъ, что одна нога находится въ одномъ челнокѣ, а другая въ другомъ. По словамъ туземцевъ, чрезъ сосѣдніе съ Муссера смолистые песчаники просачивается асфальтъ, накопляющійся въ небольшихъ лужицахъ, но посѣщать ихъ бѣлымъ не разрѣшено [1]).

Амбризъ, или, скорѣе, Мбришъ, называемый такъ по имени сосѣдней рѣки, представляетъ единственную торговую пристань на берегу моря на протяженіи между устьемъ Запры и Лоандою; португальцами онъ занятъ съ 1855 года, но сосѣдній рейдъ Куиссембо и территорія, простирающаяся къ сѣверу, были предоставлены туземцамъ, и не-лузитанскіе купцы торговали тамъ, не платя пошлинъ. Амбризъ, различные кварталы котораго, или senzala, разсѣяны по высокому крутому берегу, вовсе не имѣетъ порта, и все его приспособленіе къ принятію кораблей состоитъ изъ мола, къ которому въ тихую погоду и пристаютъ суда: открытый рейдъ защищенъ низменною стрѣлкою только отъ вѣтровъ съ юга и съ юго-востока; по счастію, на этой части приморскаго берега никогда не бываетъ бурь. Въ прежнее время Амбризъ посѣщали многочисленные караваны изъ области Санъ-Сальвадора, привозившіе слоновую кость; теперь изъ него вывозится этого товара лишь небольшое количество; тѣмъ не менѣе торговля Амбриза весьма возросла, такъ какъ, несмотря на нахожденіе его внѣ конгскаго бассейна, онъ все-таки лежитъ въ области свободныхъ торговыхъ сношеній со всею Ангольскою страною, ограниченною съ юга рѣкою Ложэ. Изъ него вывозятъ въ особенности кофе, идущій съ юго-восточныхъ плантацій и привлекаемый къ этому порту таможенными льготами; земляныя фисташки, каучукъ и лыко съ баобаба, изъ котораго приготовляютъ писчую бумагу, составляютъ также предметы выгодной вывозной торговли: амбризскіе купцы продаютъ иностранцамъ этихъ товаровъ на сумму отъ четырехъ до пяти милліоновъ. Такъ, въ теченіе финансоваго 1884—85 года торговые обороты въ Амбризѣ достигали 4.147.990 франковъ. Въ Амбризъ была завезена, въ 1872 году, на кораблѣ «Thomas Mitchell», нарывная бразильская блоха (pulex penetrans), которая распространилась затѣмъ и по материку Африки.

Амбризу недостаетъ хорошихъ дорогъ въ направленіи къ области плоскогорій, именно къ Куи-балла, южному мѣстечку въ краѣ мушиконго, и къ Бембэ. Бэмбэ—населенный городъ, расположенный на высотѣ 770 метровъ, на плоскогоріи, и отдѣленный отъ остроконечной горы глубокою долиною, въ которой въ большомъ количествѣ находятъ малахитовыя глыбы, быть-можетъ, принесенныя туда водою. Нѣкогда туземцы продавали ихъ амбризскимъ купцамъ ежегодно тоннъ по двѣсти или по триста; но затѣмъ англійская компанія разорилась на попыткахъ эксплоатировать эти мѣсторожденія минераловъ, а изъ привезенныхъ

[1]) Chavannes, упом. соч.
[2]) Barroso;—Chavannes.

[1]) J. J. Monteiro, упом. соч.

для этого изъ Корнвалиса чернорабочихъ почти всѣ умерли по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Главный военный постъ внутри страны, внушающій страхъ туземцамъ, вслѣдствіе нахожденія тамъ штрафныхъ солдатъ, которыхъ туда посылаютъ умирать отъ лихорадки, составляетъ небольшая крѣпосца Санъ-Жозэ или дасъ-Педрасъ-де-Энкожэ, господствующая съ своего нещеристаго утеса

Король Конго.

надъ высокою долиною Ложэ и надзирающая за границами Конгскаго королевства. Окрестныя лѣса доставляютъ большое количество дикаго кофе. Къ юго-востоку отъ Амбриза, склонъ къ морю, вплоть до Дандэ, занятъ краемъ Моссульскимъ, изобилующимъ копаловою камедью. Эта область еще мало извѣстна, хотя португальскіе сюзерны нѣкогда и возводили её въ «герцогство» для одного негрскаго царька, которому, по этому поводу, на плечѣ начертили португальскій гербъ. Подвергшійся этой неизгладимой татуировкѣ герцогъ гордился ею, и говорятъ, что этотъ же знакъ инвеституры былъ полученъ въ концѣ прошлаго столѣтія еще однимъ изъ моссульскихъ герцоговъ [1]).

Въ долинѣ р. Дандэ, служащей границею ба-фіотскихъ и бундскихъ поселеній, были найдены мѣсторожденія нефти, но разработка ихъ не сопровождалась успѣхомъ. Уже нѣсколько поколѣній негровъ этого края перестали покоряться, и бѣлые не осмѣливались основывать тамъ факторій [2]); на верхнемъ теченіи Дандэ территорія племени дембосъ еще полу-независима.

[1]) Adolf Bastian, „Reise nach San-Salvador".
[2]) Charles Jeannest, „Quatre ans au Congo".

Лоанда — или полностью: Санъ-Паоло-да-Ассумпсаонъ-де-Лоанда—есть столица Ангольской территоріи и представляетъ первый городъ, основанный португальцами на морскомъ берегу, а также и городъ, наиболѣе пригодный, по своему положенію, для торговли; вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, Лоанда превратилась въ сравнительно столь населенный центръ, что болѣе чѣмъ на протяженіи пяти тысячъ километровъ по береговой линіи между Лагосомъ и Капомъ стала самымъ большимъ городомъ. Раздѣленная на верхній и нижній городъ, Лоанда развертывается амфитеатромъ на склонѣ террасы, которую съ юга ограничиваетъ скалистый мысъ, съ крѣпостью на немъ во имя Санъ-Мигуэля. Отъ вѣтровъ открытаго моря бухту защищаетъ узкая песчаная полоса, составляющая, въ свою очередь, продолженіе косы, начинающейся километровъ тридцать южнѣе, на самомъ выдающимся къ западу мѣстѣ Ангольскаго берега: косу эту создало восходящее съ юга на сѣверъ морское теченіе вдоль побережья, и она, ставъ какъ-бы внѣшнимъ берегомъ материка, сопровождаетъ на нѣкоторомъ разстояніи дѣйствительный его берегъ, превращающійся такимъ образомъ уже въ берегъ внутренній. Образовавшійся при этомъ прудъ, затонъ, соединяется съ моремъ только при посредствѣ протока, называющагося баромъ Коримба; протокъ этотъ прорѣзываетъ косу на срединѣ ея протяженія, и чрезъ него небольшія гребныя суда могутъ проникать въ бухту. Вслѣдствіе присутствія этого протока, сѣверная оконечность косы или стрѣлки превращается въ островъ, столь низменный, что во время бурь его берега часто подвергаются затопленію; на этомъ-то островкѣ Лоанды португальцы, еще не осмѣливаясь въ то время строить факторій на материкѣ, и основали, въ 1576 году, свои первыя заведенія. Къ тому же, этотъ островокъ, на которомъ находились семь деревень, или *libata* [1]), былъ мѣстомъ чрезвычайной важности для туземцевъ, какъ ихъ сокровищница или казначейство: на немъ именно они собирали ту раковинку (cypraea moneta), которая имъ служила монетой. Эти лоандскія раковинки цѣнились гораздо болѣе бразильскихъ, привозимыхъ изъ Бахіи, но, въ свою очередь, онѣ уступали раковинкамъ съ Маледивскихъ острововъ. Описанная выше острововидная стрѣлка, осѣняемая кокосовыми пальмами, утилизируемыми для выдѣлки канатовъ и для плетенія различныхъ предметовъ; населена приблизительно тремя тысячами человѣкъ, изъ которыхъ шестьсотъ — рыбаки, потомки древнихъ му-шилоанда [2]). На этой же стрѣлкѣ португальское правительство построило арсеналъ для своего флота, а на ея наружный, морской, берегъ отправляются купаться въ открытомъ морѣ жители Лоанды.

Годъ спустя послѣ образованія факторіи на островѣ, Пауло-Діазъ-де-Новаезъ, внукъ мореплавателя, впервые обогнувшаго мысъ Доброй Надежды, основался на сосѣднемъ морскомъ побережьѣ, и союзы, а затѣмъ также и удачныя войны обезпечили португальцамъ обладаніе территоріею. Лоанда же, въ качествѣ центра торговли неграми между Африкою и Бразиліею, стала городомъ богатымъ и населеннымъ; иногда тамъ виднѣлось въ портѣ до 12 и 15 судовъ, ожидавшихъ нагрузки рабами. Однако, когда эта торговля неграми, причина застоя во всѣхъ остальныхъ торговыхъ отрасляхъ, прекратилась, то Лоанду постигло разореніе; населеніе ея уменьшилось; многія зданія были покинуты; всякій трудъ прекратился, и рѣдкіе обитатели, плохо снабжаемые провіантомъ, рисковали умереть съ голода; проходили мѣсяцы, а на рейдъ не показывалось ни одно бразильское или португальское судно. Уже плантаторы начинали предсказывать, что совершенное прекращеніе рабства приведетъ въ концѣ концовъ къ разрушенію Лоанды, а вмѣстѣ съ этимъ къ потерѣ и всей территоріи. Однако, предсказаніе это не оправдалось. Число жителей, которыхъ въ срединѣ текущаго столѣтія было приблизительно около двѣнадцати тысячъ, увеличилось; городъ, о которомъ выражались какъ о подвергшемся бомбардировкѣ, расширился и украсился; развалины монастырей и церквей были удалены и замѣнены бульварами; улицы выпрямлены, а дома, по большей части выстроенные изъ бразильскаго дерева, не подверженнаго нападеніямъ термитовъ, стали просторными и чистыми; всѣ дома обзавелись верандами и окрасились въ свѣтлые цвѣта: желтый, розовый или нѣжно-голубой; виллы, или муссеки, разсѣяны по всѣмъ окрестнымъ холмамъ, подъ тѣнью баобабовъ и другихъ рѣдкихъ растеній, произростающихъ на малоплодородной почвѣ. Городъ, однако, все еще весьма нездоровъ, и не такъ еще давно жители терпѣли отъ недостатка въ водѣ: колодезь и нѣсколько цистернъ могли доставлять воду лишь въ небольшомъ количествѣ, и потому ежедневно приходилось снаряжать цѣлую флотилію изъ talaveiras'овъ для наполненія боченковъ водою изъ рѣки Бенго. Нынѣ каналъ, которымъ разсчитываютъ воспользоваться также и для орошенія, приноситъ въ городъ цѣлый потокъ чистой рѣчной воды. Начата также постройка желѣзной дороги, которая чрезъ долину р. Бенго (называемую въ верхнемъ своемъ теченіи Зенгою) проникнетъ внутрь страны и рано или поздно достигнетъ станціи Амбака, служащей товарнымъ складомъ для при-конгскихъ племенъ.

[1]) Duarte Lopez, „La Relation du Congo".
[2]) R. Burton, „A Tripto Calumbo".

Этотъ желѣзный путь составляетъ первое звено той линіи, которая современемъ должна соединить, пройдя чрезъ всю Португальскую Африку, берега Атлантическаго и Индійскаго океановъ.

въ Лоандскомъ портѣ перебывало 122 судна, изъ которыхъ 94 были пароходы. Вмѣстительность этихъ судовъ равнялась 95.755 тоннамъ. Цѣнность же товаровъ, будучи, въ общемъ, равна 10.514.500 франкамъ, распадалась на

Портъ Елизаветы.

Въ Лоандскомъ портѣ сосредоточивается болѣе половины ангольской торговли, такъ какъ чрезъ него ввозятся почти всѣ мануфактурныя издѣлія изъ Европы. Въ 1886 году, 4.489.800 фр. для вывоза и 6.024.800 фр. для ввоза. Правда, сами лоандскіе жители оплачивать этотъ ввозъ могутъ только мѣстными рабами; но зато извнутри страны доста-

вляются въ Лоанду продукты въ изобиліи, въ особенности кофе и каучукъ. Пароходы, посѣщая правильно Лоандскій рейдъ, возбуждаютъ торговую дѣятельность; но, къ сожалѣнію, портъ недостаточно для нихъ глубокъ; въ началѣ текущаго столѣтія самыя большія суда еще останавливались въ разстояніи нѣсколькихъ кабельтовъ отъ берега; но пространство, годное для якорной стоянки, постепенно уменьшилось, вслѣдствіе занесенія иломъ дна и увеличенія отлогости берега на счетъ бухты; эскадренныя суда и трансатлантическіе пакетботы должны уже останавливаться болѣе, чѣмъ въ двухъ километрахъ къ сѣверу отъ города, подъ защитою песчаной стрѣлки.

Въ ожиданіи, пока желѣзная дорога непосредственно соединитъ Лоанду съ внутренними плантаціями, самымъ полезнымъ путемъ сообщенія является нижнее теченіе Куанзы. Береговые пароходы, обогнувъ съ запада стрѣлку Пальмеринхасъ и пересѣкши баръ, проникаютъ въ рѣку, по которой и поднимаются вплоть до города Донго. На этомъ пути, одною изъ первыхъ пристаней на правомъ берегу является Калумбо, которую можно разсматривать какъ рѣчной портъ Лоанды, расположенный на сѣверо-западъ всего въ 34 километрахъ и соединяющійся съ рѣкою при посредствѣ хорошей, проѣзжей для экипажей, дороги; также было проектировано и прорытіе соединительнаго канала [1]), о чемъ помышляли уже голландцы, владѣвшіе Лоандою въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ [2]). Почти всѣ плантаціи богатой долины р. Куанзы окаймляютъ правый берегъ, самый низкій и самый плодородный, на которомъ тропическая растительность влажныхъ земель является во всей своей мощи и красѣ, но на которомъ зато и наводненія, производимыя рѣкою, наиболѣе опасны: часто оградительныя береговыя плотины уносились вмѣстѣ съ тѣми культурами, которыя онѣ ограждали; богатое помѣстье Bom Jesus, гдѣ сотни рабочихъ заняты превращеніемъ сахарнаго тростника въ водку, часто подвергалось наводненію. На лѣвомъ берегу Куанзы находится единственный постъ Муксима, который господствуетъ надъ этимъ берегомъ, будучи выстроенъ на вершинѣ известковаго холма, откуда видъ простирается далеко на землю дикихъ киссама; внизу откоса, посреди группы хижинъ, находится церковь, которую туземцы считаютъ большимъ «фетишемъ».

Массангано, кверху отъ сліянія Куанзы съ Лу-каллой, представляетъ торговый постъ, благодаря сосѣдству съ кофейными плантаціями Казенго; однако, центръ торговли находится въ Дондо, расположенномъ при началѣ свободнаго судоходства по Куанзѣ. Этотъ недавно основанный городъ находится на правомъ берегу, въ циркѣ, надъ которымъ господствуютъ лѣсистые холмы; воздухъ обновляется въ немъ рѣдко: поселившіеся тамъ португальскіе купцы называютъ его «пекломъ» Анголы, и причиняемая лихорадками смертность между ними очень велика; въ Дондо выдѣлываютъ пористыя амфоры, а кузнецы работаютъ на желѣзѣ изъ Европы, хотя окрестныя горы весьма богаты желѣзною рудою. Въ небольшомъ разстояніи кверху, около пороговъ Куанзы и негритянской деревни Камбамбэ, которая въ прежнее время была главнымъ городомъ округа, нѣкогда разрабатывали также и серебряные рудники. Первая попытка овладѣть этими рудниками была сдѣлана въ 1595 году, но изъ двухсотъ человѣкъ, участвовавшихъ въ экспедиціи, спаслись бѣгствомъ только семь: всѣ остальные были перебиты.

Наиболѣе богатый, по производству кофе, край въ Анголѣ есть бассейнъ р. Лу-каллы, параллельный бассейну Куанзы, кверху отъ сліянія этихъ двухъ рѣкъ. Кофейное дерево ростетъ въ дикомъ состояніи въ мѣстныхъ лѣсахъ, и чтобы имѣть весьма производительную естественную плантацію, туземцамъ во многихъ мѣстностяхъ стоитъ только очистить почву вокругъ деревьевъ отъ поросли. Однако, большія плантаціи въ Казенго, въ Голунго-Альто и въ сосѣднихъ округахъ были созданы португальцами и бразильцами, которые для этого прибѣгали сначала къ труду рабовъ, нынѣ получающихъ уже задѣльную плату. Первый *fazendeiro*, основавшійся въ Казенго, въ 1837 году, прибылъ изъ Бразиліи. Восемь лѣтъ спустя, онъ собралъ восемь тоннъ кофе, а въ 1880 году вывозъ изъ одного только Казенгскаго округа достигалъ уже 2.500 тоннъ [1]). Въ бассейнѣ Лу-каллы воздѣлываютъ также хлопчатникъ, и во время междуусобной войны въ Америкѣ эта культура сулила хорошую будущность; но нынѣ она мало прибыльна для плантаторовъ. Область эта весьма богата минеральными залежами; однако, разрабатываютъ только желѣзную руду, прославившуюся съ незапамятныхъ временъ превосходнымъ качествомъ тѣхъ продуктовъ, которые туземцы умѣютъ выдѣлывать изъ нея: между прочимъ, употребляемые ими раздувальные мѣхи двойнаго дѣйствія совершенно одинаковы съ изображенными въ подземныхъ храмахъ египтянъ [2]). Въ пескахъ Голунго-альтскихъ ручьевъ находятъ также золотой песокъ, но пока въ столь небольшомъ количествѣ, что добываніе его было бы невыгодно.

Область р. Лу-каллы, одна изъ наиболѣе

[1]) „Relatorios das Obras Publicas das Provincias Ultramarinas". Angola 1877—1880.

[2]) R. Burton, упом. соч.

[1]) J. P. Oliveira Martins, „O Brazil e as Colonias Portuguezas".

[2]) J. J. Monteiro, упом. соч.

богатыхъ въ Анголѣ, прежде до такой степени была лишена путей сообщенія, что носильщикамъ приходилось, вплоть до приморскихъ городовъ, пробираться по колючимъ лѣснымъ тропинкамъ: большая часть туземной торговли приняла даже направленіе къ Амбризу, будучи привлекаема туда хорошимъ мѣновымъ рынкомъ. Нынѣ, въ ожиданіи того времени, когда желѣзный путь привлечетъ продукты края непосредственно къ Лоандѣ, вся внѣшняя торговля вдоль р. Лу-каллы совершается при посредствѣ пароходовъ на Куанзѣ; къ самымъ же пристанямъ на рѣкѣ кофе все еще приносится на спинѣ человѣка. Вычислено, что изъ одиннадцати тысячъ тоннъ, выражающихъ всю мѣновую торговлю на Куанзѣ, на долю бассейна Лу-каллы приходится 5.600 тоннъ; принимая же, что, въ среднемъ, каждый носильщикъ въ состояніи перенести грузъ въ 45 килограммовъ, окажется, что сто двадцать тысячъ носильщиковъ ежегодно совершаютъ тягостное путешествіе между внутренними плантаціями и пристанями на Куанзѣ. Недавно проложена дорога въ 17 километровъ, соединяющая Дондо съ главнымъ пунктомъ округа Казенго, мѣстечкомъ Какулло, расположеннымъ около истоковъ Лу-нинха, сѣвернаго притока Лу-каллы. На этомъ пути, позволяющемъ пользоваться, для доставленія грузовъ, уже иными средствами, чѣмъ трудъ носильщика, черезъ два рукава Лу-каллы будетъ перекинутъ желѣзный мостъ, представляющій самое замѣчательное во всей Ангольской территоріи произведеніе строительнаго искусства [1]).

Памба, городъ, предназначенный стать пунктомъ прибытія будущей желѣзной дороги между Лоандою и округомъ Амбакка, расположенъ не на самой Лу-каллѣ, но въ восьми километрахъ къ западу отъ нея, на утесѣ изъ сланцевъ и песчаника, у подножія котораго извивается рѣка Памба, одинъ изъ небольшихъ притоковъ Лу-каллы; обыкновенно, этому посту даютъ одно и то же наименованіе съ округомъ, въ которомъ онъ находится, именно: Амбакка. Въ 1879 году, когда инженеры уже окончательно трасировали на картахъ будущую, въ 150 километровъ, желѣзную дорогу между Дондо и Амбакка, этотъ послѣдній городъ состоялъ всего изъ одной улицы съ тремя домами и дюжиною соломенныхъ шалашей; жители, одѣтые во все черное, казались печальными и несчастными, а рѣдкіе путешественники, посѣщавшіе край, удивлялись странной мысли избрать именно этотъ поселокъ для связи желѣзнымъ путемъ въ 350 километровъ съ столицею португальскихъ владѣній [2]). Однако, такою привилегіею онъ обязанъ своимъ рангомъ главнаго административнаго пункта, плантаціямъ табака и фисташекъ, покрывающихъ часть окрестностей, своимъ положеніемъ на большой дорогѣ каравановъ, направляющихся въ королевство муата Ямво, а также, можетъ-быть, обаяніемъ своего прошедшаго. Амбакка нѣкогда былъ городомъ многолюднымъ и цвѣтущимъ: это было главное складочное мѣсто, откуда торговцы отправлялись во всѣ концы края на поиски новыхъ рынковъ. Амбаканцы славились во всѣхъ португальскихъ владѣніяхъ своею предпріимчивостью и своимъ богатствомъ: оттого бѣдные чиновники добивались назначенія на едва оплачиваемый жалованьемъ постъ, въ надеждѣ легкой наживы. И они дѣйствовали такъ успѣшно, что жители повыселились, въ особенности въ Пунго-Ндонго, а торговля стала направляться другими путями; поэтому нынѣ амбаканцы болѣе многочисленны въ пограничныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ у себя на родинѣ. Желѣзная дорога не замедлитъ заселить край снова и дать ему возможность утилизировать свои нынѣ лежащія втунѣ богатства.

Въ верхней долинѣ Лу-каллы городовъ не существуетъ. Дуке-де-Браганса, или просто Дуке, самый передовой на сѣверо-востокѣ Анголы португальскій постъ, есть не что иное, какъ *presidio*, пребываніе въ которомъ очень опасно, такъ какъ рѣка, текущая на востокѣ отъ плоскогорія крѣпости, разливается по нездоровымъ болотамъ. Поэтому сюда только и присылаютъ что солдатъ, подлежащихъ исправленію (дисциплинарныхъ), которые живутъ здѣсь путемъ незаконныхъ поборовъ, подъ видомъ налоговъ, послѣдствіемъ чего было, какъ и въ Памбѣ, обезлюдѣніе страны. И хотя отъ природы этотъ край весьма плодороденъ и въ немъ можно воздѣлывать табакъ, хлопчатникъ, земляныя фисташки, а благодаря высотѣ положенія (слишкомъ тысяча метровъ), въ немъ могутъ произростать всѣ европейскія овощи и плодовыя деревья, тѣмъ не менѣе, все добываемое тамъ нынѣ можетъ умѣститься въ нѣсколькихъ мѣшкахъ. Незадолго до прохода чрезъ страну изслѣдователей Capello и Ivens'а, племя джинга, кочевавшее вблизи форта, удалилось въ направленіи къ западу, чтобы избѣжать отобранія у него солдатами домашняго скота.

Бассейнъ главной рѣки, Куанзы, не представляетъ такого важнаго значенія, какое склону Лу-каллы придаютъ его кофейныя плантаціи; но зато онъ болѣе посѣщается, будучи путемъ торговымъ. Дондо, первая пристань на рѣкѣ, дополняется на востокѣ городомъ Пунго-Ндонго («фетишъ Ндонго»), главнымъ складочнымъ мѣстомъ для купцовъ, ведущихъ торговлю съ внутренней Африкой, и однимъ изъ историческихъ городовъ Ан-

[1]) „As Colonias Portuguezas", мартъ 31, 1887.
[2]) B. Capello et R. Ivens, „De Benguella as terras de Jacca".

голы: здѣсь пребывали государи, сообщившіе свое имя странѣ; португальцы же окончательно водворились въ немъ въ 1871 году. Этотъ городъ, на высотѣ болѣе тысячи ста метровъ, расположенъ въ очень живописной мѣстности. Посреди обширной равнины, простирающейся на югъ къ Куанзѣ, поднимаются на высоту отъ ста до двухсотъ метровъ скалы изъ конгломератовъ и другихъ формацій, сланцевъ, гнейсовъ, порфировъ самой разнообразной формы: одни исходятъ на обелиски, другіе на куполы; большинство расположены въ видѣ вертикальныхъ башенокъ, раздѣляемыхъ узкими разсѣлинами, примѣтными издалека по заполняющему ихъ кустарнику съ темною листвою. Въ нѣкоторыхъ долинахъ, являющихся раемъ для ботаниковъ, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія ихъ растительности, деревья совершенно скрыты подъ растеніями паразитными, которыя, переходя съ одного утеса на другой, въ видѣ громаднаго покрывала, распространяются подъ вѣтвями: въ сезонъ цвѣтѣнія, сѣть переплетающихся ліанъ, скрываясь подъ миріадами цвѣточныхъ вѣнчиковъ блестящаго краснаго цвѣта, разстилается словно пурпурное море, окаймленное оградою [1]). Эти чудныя скалы Пунго-Ндонго обыкновенно называютъ Pedras Negras, т. е. «черными камнями», хотя въ теченіе большей части года они не заслуживаютъ такого названія. Къ концу сухаго сезона, камень бываетъ скорѣе сѣроватымъ; но въ декабрѣ, когда образовавшіяся отъ дождей небольшія озера соберутся въ водоемахъ между скалъ, на вертикальныхъ стѣнкахъ ихъ оградъ замѣчаются черноватыя полосы, которыя, мало-по-малу расширяясь и ползя вверхъ, достигаютъ сначала подошвы утесовъ, а затѣмъ кончаютъ совершеннымъ покрытіемъ ихъ боковъ, какъ-бы лакомъ. Эта обмазка состоитъ изъ миріадъ небольшихъ водорослей рода scytonema, развивающихся въ сырости; но съ возвращеніемъ сухаго времени года водоросли чахнутъ, начинаютъ отлупливаться, наконецъ, отпадаютъ, и поверхность скалъ снова становится сѣроватою [2]). На одномъ изъ обелисковъ Черныхъ Камней стоитъ крѣпость, а внизу, въ неровномъ циркѣ, группируются хижины Пунго-Ндонго, окруженныя апельсинными рощами и садами, которые орошаются канавами съ прозрачною водою, и гдѣ плодовыя деревья Антильскихъ острововъ ростутъ въ перемежку съ деревьями европейскими; надъ одною изъ сторонъ небольшой улицы простираются вѣтви громаднаго баобаба, съ которымъ связаны первыя преданія города: здѣсь именно находился дворъ королевы Гинги, одной изъ могущественныхъ властительницъ Африки. Скалы также имѣютъ свои легенды: на нихъ показываютъ мнимые слѣды человѣческихъ ступней и гроты, галлереи которыхъ служили, будто-бы, подступами въ подземные города. День въ Пунго-Ндонго короче, чѣмъ въ другихъ ангольскихъ городахъ: высокіе утесы скрываютъ восхожденіе солнца и ускоряютъ наступленіе сумрака, а туманы часто цѣлыми часами по утрамъ заволакиваютъ самыя кручи скалъ.

Къ востоку отъ Черныхъ Камней, аванпостомъ торговли Лоанды съ внутренними областями служитъ мѣстечко Маланжэ, расположенное на обширной, покрытой злаковыми растеніями, равнинѣ, походящей въ дождливое время года на громадную ниву; на сѣверѣ же простирается нѣсколько болотъ, которыя легко было бы осушить, и откуда исходятъ ручьи, изливающіеся въ Куанзу, книзу отъ великолѣпныхъ водопадовъ. Занимаемый небольшимъ гарнизономъ, Маланжэ является все-еще португальскимъ городомъ: тамъ поселилось нѣсколько бѣлыхъ торговцевъ, которые употребляютъ и свою національную монету; но, чтобы идти далѣе, нужно уже обмѣнять ее на ткани и другіе предметы торга. Здѣсь окончательно организуются *quibucas*'ы, т. е. караваны, купцовъ, *aviados*, или коммиссіонеровъ, и носильщиковъ; отсюда они пускаются по ту сторону Куанго, для торговли съ дикими племенами вплоть до области великихъ озеръ, пріобрѣтая слоновую кость, каучукъ и воскъ. Южная торговая дорога, идущая отъ Бенгуэллы, въ 500 километрахъ отъ Лоанды, также имѣетъ, какъ аванпостъ со стороны внутренней Африки, станцію, лежащую въ области бассейна Куанзы, но гораздо южнѣе Маланжэ, на возвышенной равнинѣ, гдѣ соединяются первыя воды этой рѣки. Постъ этотъ, Бельмонте, не занятъ войскомъ; здѣсь имѣлъ пребываніе знаменитый португальскій путешественникъ Silva Porto, одинъ изъ рѣдкихъ изслѣдователей, прошедшихъ черезъ весь материкъ и, кромѣ того, посѣтившій большое число весьма мало извѣстныхъ внутреннихъ странъ. Деревня Бельмонте, равно какъ и *libata* Кангомбэ, гдѣ царствуетъ могущественный соба, вообще называется Бихэ (Біэ), при чемъ это наименованіе дается всему плоскогорію, приблизительно имѣющему 1.600 метровъ высоты, гдѣ происходитъ раздѣлъ водъ: къ сѣверу—къ Куанзѣ, а къ югу—къ Лу-Банго. По Capello и Ivens'у, бихеносы, численностью до двадцати тысячъ, не представляютъ никакого особеннаго типа. Происходя отъ всякаго рода людей, которыхъ война, рабство или торговля соединили на этомъ плоскогоріи, и позаимствовавъ, кромѣ того, во время своихъ путешествій, самые разнообразные обычаи, бихеносы не являютъ никакихъ, общихъ имъ всѣмъ, характерныхъ чертъ, кромѣ навыка къ торговлѣ и любви къ наживѣ; большое число между ни-

[1]) J. J. Monteiro, упом. соч.

[2]) Welwitsch, „Petermann's Mittheilungen", 1868, тетр. VII.

ми научились читать и писать. Португальскому купцу необходимо обладать самому весьма большимъ лукавствомъ, чтобы извлечь какія-либо выгоды изъ торговыхъ сношеній съ дѣльцами изъ Бихэ: почти вся прибыль обыкновенно выпадаетъ на долю бихеносовъ. Край этотъ, обогащаемый торговлею, могъ бы стать также одною изъ житницъ Африки, такъ какъ красноватая, глинисто-кремнеземная почва обладаетъ чрезвычайнымъ плодородіемъ, и въ дождливое время года растенія, можно сказать, развиваются на глазахъ: такъ, Capello и Ivens, организовавшіе свою экспедицію около Бельмонте, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ послѣ разведенія сада на вновь расчищенной почвѣ, могли уже собрать изобильные урожаи. Путешественники, возвращающіеся изъ дикихъ *sertöes* внутренней Африки, расхваливаютъ, какъ рай

Переселенцы.

земной, этотъ прекрасный Бихейскій край, въ которомъ послѣ долгихъ дней голоданія они находятъ въ изобиліи превосходные овощи и плоды. Объ этой плодоносной области поговаривали какъ о мѣстѣ будущаго переселенія для крестьянъ Португаліи; но въ дождливое время года лихорадки здѣсь не менѣе опасны, чѣмъ и на низменныхъ земляхъ, и, кромѣ того, здѣсь много встрѣчается зобатыхъ [1]). Недавно въ странѣ поселились также американскіе миссіонеры, но главный станъ ихъ находится на западѣ, въ краѣ Байлундо, который Ladislas Magyar называетъ «сердцемъ бундскаго края».

Главнымъ предметомъ мѣноваго торга, совершаемаго при посредствѣ бихеносовъ съ внутренними племенами Африки, служитъ fazenda, бумажная ткань, одноцвѣтная или полосатая, англійскаго производства и вообще дурнаго качества. Также почти всѣмъ племенамъ въ большомъ количествѣ поставляется гибельная гамбургская водка, болѣе или менѣе подмѣшанная всякими снадобьями и разбавленная водою. Бихеносскіе караванщики продаютъ имъ также: пластинки соли, ружья, порохъ и боевые патроны, латунную проволоку, бѣлыя и красныя фарфоровыя бусы и стеклянныя подѣлки, идущія, хотя и при посредствѣ Англіи, главнымъ образомъ изъ Богеміи; также весьма цѣнятся въ королевствѣ муаты Ямво и въ пограничныхъ краяхъ зонтики и ночные колпаки; наконецъ, купцы запасаются коврами, мундирами, вышивками и другими цѣнными вещами, которыми они дарятъ начальниковъ племенъ, при полученіи разрѣшенія на торговлю съ простымъ народомъ. Взамѣнъ же перечисленныхъ европейскихъ товаровъ, купцы получаютъ слоновую кость, каучукъ, воскъ и медъ, пальмовое масло и шкуры краснаго звѣря. Носильщики нанимаются либо на весь путь, либо на часть его, и грузъ каждаго изъ нихъ никогда не бываетъ меньше 45 килогр., а иногда превышаетъ даже 60 килогр.; вообще вѣсъ тюка мѣняется, смотря по времени года и трудности пути. Часто также носильщикъ замѣняетъ себя туземцемъ; а иногда, будучи и самъ торговцемъ, отправляется въ путь въ сопровожденіи одной или нѣсколькихъ женщинъ, которыя несутъ какъ жизненные его припасы, такъ и предметы торговли, купленные при отбытіи въ путешествіе. Услуги носильщика оплачиваются впередъ или полностью или только отчасти, но начальникъ племени, въ присутствіи котораго опредѣляются условія найма, отвѣтствуетъ въ случаѣ бѣгства носильщика съ пути слѣдованія каравана. Со своей стороны, главный торговецъ отвѣчаетъ за всѣ проступки или преступленія, совершенныя его людьми въ томъ краѣ, который посѣтитъ караванъ: малѣйшее нарушеніе обычаевъ является поводомъ къ безконечнымъ препирательствамъ, которыя всегда оканчиваются уплатою штрафа, налагаемаго на чужеземца.

Купцы, путешествующіе изъ края въ край, въ большинствѣ случаевъ бываютъ снабжены такъ называемою «*итретвл*», т. е. паспортомъ, который пишется не на пергаментѣ и не на бумагѣ, но рисуется на тѣлѣ. Въ мѣстѣ отбытія каравана, купцы являются къ начальнику, излагаютъ ему проектъ своего путешествія и подносятъ традиціонный подарокъ: тогда приносятъ въ жертву животное, въ крови котораго и обмакиваются тряпочки. Такую тряпочку путешественникъ долженъ, затѣмъ, хранить какъ драгоцѣнный талисманъ, а равнымъ образомъ также и тотъ кусочекъ мѣла, при посредствѣ котораго государь начерчиваетъ кабалистическіе знаки ему на лбу, на груди и на плечѣ; когда же эти знаки сотрутся, то ихъ подрисовываютъ вновь, опасаясь, однако, измѣнить самыя очертанія [1]).

Къ югу отъ р. Куанзы, въ полосѣ приморскаго побережья, заселеннаго племенемъ кессама, а также и другими, еще независимыми неграми,—нѣтъ города, и на пространствѣ приблизительно въ 200 километровъ существуетъ только нѣсколько небольшихъ мѣновыхъ постовъ. Крѣпостца Бенгуэлла Велья, т. е. «Старая Бенгуэлла», построенная въ XV столѣтіи на мысѣ, господствующемъ съ сѣвера надъ устьемъ р. Куво, покинута, а городъ Ново-Редондо, который долженъ ее замѣнить и который находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья Куво къ югу, есть не что иное, какъ группа хижинъ, расположенныхъ на утесѣ, почти неприступномъ со стороны моря; у подножья этихъ кручъ и крѣпости, основанной въ 1769 году, течетъ небольшая рѣка Гунза, осѣняемая пальмовыми рощами и запружаемая при устьѣ песчанымъ баромъ. По Ladislas Magyar'у, въ нѣкоторомъ разстояніи внутри страны, будто-бы, находятся залежи сѣры; но онѣ столь же мало разрабатываются, какъ и мѣдныя жилы въ Сумбэ-Амбела, около входа въ р. Куво. Кикомбо, къ югу отъ Ново-Редондо, представляетъ группу факторій и продовольственный пунктъ. Эгито или Лусито, на половинѣ пути между Ново-Редондо и Бенгуэллою, населенъ еще менѣе, чѣмъ Ново-Родондо: это просто военный постъ при устьѣ рѣки того же имени; недавно его, такъ сказать, подвергали осадѣ туземцы. По крайней мѣрѣ два раза въ годъ немногочисленному гарнизону приходилось запираться въ крѣпостцѣ и отстрѣливаться отъ нападающихъ.

Бенгуэлла, главный городъ средней провинціи Анголы, меньше Лоанды, главнаго города провинціи сѣверной; но, тѣмъ не менѣе

[1]) Capello e R. Iveus, „De Benguella as Terras de Jacca".

[1]) Ladislas Magyar, упом. соч.

онъ красивъ, благодаря постройкѣ амфитеатромъ на скатахъ утесистаго холма. Его низкіе и широкіе дома, заключающіе въ себѣ обширные patios и окруженные садами, занимаютъ значительное пространство, а обсаженныя деревьями аллеи, мѣста для прогулокъ, еще болѣе увеличиваютъ обширность города. На мысѣ, выдающемся къ юго-западу, стоитъ основанная въ 1617 г. цитадель Санъ-Филиппе, по имени которой оффиціально назывался и городъ Бенгуэлла; ручей Кавако, совершенно высыхающій въ сухое время года и представляющій тогда песчаное ложе, течетъ къ сѣверу отъ города, а нѣсколько километровъ далѣе, впадаетъ рѣчка Катумбелла, надъ которою господствуетъ одноимянный съ нею фортъ, и которая, во время половодій, омываетъ набережныя небольшаго, начинающаго развиваться города. Вокругъ Бенгуэллы, холмы покрыты лѣсомъ, въ былое время—когда между пребывающими въ городѣ португальцами было мало охотниковъ,—изобиловавшимъ дикими звѣрями; для защиты отъ опустошавшихъ плантаціи слоновъ приходилось даже прибѣгать къ артиллеріи [1]). Бѣлое населеніе отчасти состоитъ изъ сосланныхъ преступниковъ; что же касается до чернокожихъ обитателей, то здѣсь сходятся всѣ расы Португальской Африки: бихеносы съ кабинцами, амбаканцы съ кіоками. И когда караваны изъ сѣверныхъ внутреннихъ областей прибудутъ въ городъ, то наблюдатель можетъ подумать, что попалъ въ какую-нибудь libata, принадлежащую муатѣ Ямво. Многіе изъ негоціантовъ построили свои виллы вблизи города, на побережныхъ низинахъ, значительно выдающихся въ море, гдѣ, вслѣдствіе бризъ, климатъ гораздо здоровѣе. Ежегодное торговое движеніе въ Бенгуэллѣ выражается приблизительно пятью—шестью милліонами франковъ.

Торговая тропа, направляющаяся на востокъ долиною р. Катумбеллы, соединяетъ Бенгуэллу съ плоскогоріемъ Бихэ; но двѣ другія дороги, болѣе длинныя, направляются на югъ, одна долиною Кавако и чрезъ деревню Сапа, другая же чрезъ бассейнъ, по которому проходитъ рѣка Капороро. Рѣка эта, отдѣляющая округъ Домбэ-Пекено, на сѣверѣ, отъ округа Домбэ-Грандэ, на югѣ, орошаетъ въ своемъ нижнемъ теченіи обширныя плантаціи сахарнаго тростника, идущаго на приготовленіе водки; когда же лѣтній зной высушитъ рѣку, то песчаное ложе ея русла засѣвается кукурузою и маньокомъ, дающими обильные урожаи, и изъ которыхъ приготовляется мука, тысячами мѣръ отправляемая въ Бенгуэллу и на пристань бухты Куіо, въ которую изливается рѣка Капороро. Хотя эта рѣка и течетъ въ-явь только въ дождливое время года, но тѣмъ не менѣе переходъ вблизи моря чрезъ ея ложе опасенъ: тамъ существуютъ глубокія ямы и лагуны, а мѣстами и оживляемые подземнымъ теченіемъ грязевые намывы, въ которыхъ путешественникъ рискуетъ увязнуть. Оба округа Домбэ важны по своимъ руднымъ мѣсторожденіямъ. Такъ, гнейсъ по сосѣдству съ бухтою Куіо содержитъ вкрапленны богатой мѣдной руды, также какъ и сереброноснаго свинца. Гипсовые холмы, образующіе въ направленіи къ Бенгуэллѣ остовъ края, содержатъ массы чистой сѣры. Monteiro видѣлъ пригорокъ, который показался ему состоящимъ изъ сѣры цѣликомъ; кромѣ того, въ селенитовыхъ пластахъ онъ нашелъ превосходный гипсъ, одинаковый съ добываемымъ въ Парижскомъ бассейнѣ.

Въ области своихъ истоковъ, Капороро, извѣстная подъ именемъ Калунга, пересѣкаетъ богатую долину Quillengues, въ которой пребываетъ могущественный соба. Этотъ верховой бассейнъ, находясь на высотѣ отъ 800 до 1.000 метровъ, обладаетъ еще тропическою растительностью; однако, среди лѣсовъ виднѣются также и обширныя луговины, на которыхъ пасутся стада крупнаго рогатаго скота. Чтобы запастись такимъ скотомъ, часто на долину Quillengues дѣлаютъ набѣги дикіе банано изъ сѣверныхъ окраинъ. Разсказываютъ, что для того, чтобъ заставить животныхъ слѣдовать за собою, имъ вовсе не надо ихъ тащить, а стоитъ только въ тактъ ударять другъ о друга деревяшками и отъ времени до времени повторять призывныя слова. Сьерра Виссекуа, которую слѣдуетъ пересѣчь на востокѣ отъ Quillengues для того, чтобы спуститься въ бассейнъ Кунэнэ, довольно трудна для восхожденія: хребетъ, который предстояло перейти изслѣдователямъ Capello и Ivens'у, имѣлъ высоту въ 1.830 метровъ.

Къ югу отъ Бенгуэллы и Домбэ, первый центръ населенія на морскомъ побережьѣ есть новый и цвѣтущій городъ Моссамедесъ, давшій свое имя также и одной изъ провинцій Анголы. Уже въ 1785 году бухта Ангра-до-Негро, Little Fish-bay англичанъ, получила названіе Моссамедеса, въ честь одного генерала, но только въ 1840 году основалась тамъ первая португальская станица. Эта новая колонія стала развиваться гораздо быстрѣе прежнихъ мѣстечекъ или факторій Ангольскаго побережья. Не имѣя титула «города», Моссамедесъ, однако, превосходитъ Бенгуэллу числомъ жителей, и въ португальскихъ африканскихъ владѣніяхъ уступаетъ по населенности только Лоандѣ. Въ 1884 году сюда прибыло 350 человѣкъ выходцевъ съ Мадеры. Вообще бѣлыхъ въ Моссамедесѣ, относительно, гораздо больше, чѣмъ на другихъ пунктахъ берега, и въ то время какъ въ другія мѣста переселенцы изъ Европы и Бразиліи большей частью являются безъ семействъ, въ Моссамедесѣ они поселяются съ женами и дѣтьми; од-

[1]) Carlos de Mello, рукописныя замѣтки.

нако, смертность здѣсь между бѣлыми превышаетъ рождаемость. Одна изъ причинъ сравнительнаго процвѣтанія этого южнаго города заключается въ томъ, что, въ противоположность Бенгуэллѣ и Лоандѣ, онъ никогда не былъ притономъ для торговли рабовладѣльцевъ. Онъ былъ по преимуществу мѣстомъ рыбной ловли и торговли земледѣльческими продуктами.

Портъ Моссамедеса, глубокій и хорошо защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ, позволяетъ большимъ судамъ бросать якорь на небольшомъ разстояніи отъ пляжа; но, войдя въ бухту, напротивъ этого берега, усѣяннаго дюнами, песчаными равнинами, крутыми скалами, окружающими городъ съ его бѣлыми домами и рядами пальмовыхъ деревьевъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, что̀ можетъ доставить эта безплодная земля торговлѣ, которая, впрочемъ, едва достигаетъ полутора милліона франковъ въ годъ. Такъ, въ 1884 году въ Моссамедесѣ перебывало всего 55 кораблей въ 50.850 тоннъ вмѣстимости. Море по крайней мѣрѣ щедро, такъ какъ кишитъ животными; рыбаки насаливаютъ тысячами большихъ рыбъ, похожихъ на треску, и въ изобиліи добываютъ тресковый жиръ для вывоза. Затѣмъ, если окружающимъ Моссамедесъ полямъ недостаетъ годной для растительности почвы и воды, то ложбины уади, извивающихся между холмами, весьма плодородны; сады, плантаціи хлопчатника, сахарнаго тростника, банановыя и апельсинныя рощи тянутся тамъ непрерывнымъ рядомъ, образуя великолѣпный поясъ зелени; переселенцами изъ Пернамбуко тамъ устроены и сахарные заводы. Въ особенности hortas по рѣкамъ Беро и Жироль, въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу отъ Моссамедеса, даютъ превосходные урожаи, а окрестныя мѣстности богаты домашнимъ скотомъ, который и вывозятъ въ Габонъ и въ Капскую землю; тамъ же, какъ въ землѣ Кафровъ и въ голландскихъ республикахъ Южной Африки, разводятъ быковъ, годныхъ подъ сѣдло (bos-cavallos). Такимъ образомъ, по нравамъ своихъ жителей, южныя провинціи Анголы уже находятся въ связи съ Капскими областями.

Съ восточнымъ склономъ береговыхъ горъ Моссамедесъ сообщается дорогою, которая своимъ проложеніемъ обязана не единственно природѣ: въ мѣстахъ, трудныхъ для подъема, вмѣшался и человѣкъ, сдвигая съ пути камни и уменьшая уклоны; нѣкоторые выступы, прежде непроходимые для вьючнаго скота, нынѣ преодолѣваются при посредствѣ тропы, проложенной зигзагами на бокахъ скалъ; теперь фургоны южныхъ голландскихъ переселенцевъ могутъ переходить гору Шелла и спускаться къ Моссамедесу. Самою важною станціею на западномъ склонѣ горъ является укрѣпленный постъ Капангомбэ, гдѣ можно запасаться провизіею и мѣновыми товарами. Иногда во время пути недостаетъ воды; однако, въ углубленіяхъ гранитныхъ скалъ обыкновенно существуютъ водохранилища. Одинъ изъ такихъ природныхъ резервуаровъ, Педра Гранде, стоящій уединенно посреди равнины огромный камень, выдолбленъ внутри совершенно правильно, словно высѣченъ рукой человѣка. Въ небольшихъ долинахъ, имѣющихъ родникъ или ручей, разсѣяно нѣсколько плантацій. Кровля Шеллскаго водораздѣла представляетъ прекрасное, поросшее травой плато, гдѣ пробиваются наружу ручьи, и гдѣ португальскіе плантаторы недавно стали воздѣлывать сахарный тростникъ и кофейное дерево [1]); высота этого плато надъ уровнемъ моря около 1.650 метровъ.

Бассейнъ р. Кунэнэ, въ который спускается дорога послѣ перевала чрезъ Сьерру Снѣговъ, заключаетъ, въ своей верхней части, нѣсколько маленькихъ центровъ португальскаго господства, которые обѣщаютъ современемъ пріобрѣсти важное значеніе, какъ притягательные фокусы для переселенцевъ, но которые до сихъ поръ остались скромными деревнями. Даже военный постъ Каконда, расположенный на равнинѣ, чрезъ которую протекаетъ одинъ изъ западныхъ притоковъ верхней Кунэнэ, теперь почти совершенно покинутъ торговлей: караваны гангуэлловъ доставляли туда лишь немного слоновой кости и воска. Туземцы — племена нано, хуамбо и гангуэлла—ушли далеко, чтобы избѣгнуть вымогательствъ начальниковъ, являющихся представителями португальской власти; собы, предшественники которыхъ постоянно присягали на вѣрность португальскому королю, отказывались даже отъ подданства ему [2]); обширная и плодородная равнина, которая легко могла бы прокормить милліоны жителей, имѣла ихъ всего лишь не болѣе восьми тысячъ. Со всѣмъ тѣмъ не возможно допустить, чтобы столь богато-надѣленный край не сдѣлался населенною и воздѣланною областью. На этой высотѣ—1.650 метровъ, въ среднемъ,—температура умѣренна, и край, хотя и не избавленъ, какъ о немъ разсказывали, вполнѣ отъ лихорадокъ, но, сравнительно, все-таки здоровъ; рядомъ съ растительностью субтропическаго климата тамъ отлично произростаютъ всѣ растенія умѣреннаго пояса; безъ сомнѣнія, удалось бы и воздѣлываніе кофейнаго дерева, судя по тому, что въ тамошнихъ лѣсахъ встрѣчается дикій видъ его, *criango*. Вообще, по своей растительности, своимъ проточнымъ водамъ и теплому климату, Каконда, находящаяся на высотѣ 1.676 метровъ, является обѣтованною землею, и уже буры изъ Трансваля приходятъ изу-

[1]) O. von Diwitz, „Deutsche Kolonial-Zeitung", 1 марта 1887 г.

[2]) Serpa Pinto, „How I crossed Africa".

чать край въ видахъ основанія тамъ колоній; португальцы, большею частью изъ сосланныхъ, владѣютъ тамъ нѣсколькими садами, разведенными вокругъ крѣпостцы, основанной въ XVII вѣкѣ. Администрація португальская занимается улучшеніемъ тропъ, направляющихся къ сѣверо-западу изъ Каконды и отъ верховьевъ Кунэнэ къ Бенгуэллѣ.

Станція Гуилла, находящаяся у восточной подошвы Сьерры Снѣговъ, въ недавнее время пріобрѣла бо́льшую важность, чѣмъ Каконда, благодаря сравнительной близости морскаго побережья и прибытію нидерландскихъ колонистовъ изъ Трансваля. Католическая миссія, управляемая французами, также водворилась въ Буиллѣ, при чемъ священники миссіи учредили тамъ училище для сыновей побережныхъ купцовъ. Сады, съ европейскими растеніями, окружаютъ жилища, а аллеи, обсаженныя эвкалиптомъ, тянутся вдоль потока, соединяющагося съ Какуловаромъ, главнымъ притокомъ Кунэнэ. Главная колонія буровъ, Санъ-Жануаріо, которой сохранили названіе Гумпата, принадлежащее и всему округу, основана къ сѣверу отъ Гуиллы на террасѣ плоскогорія: тамъ разсѣяны чистенькія деревянныя хижины, крытыя соломою, построенныя голландцами по образцу трансвальскихъ домовъ. Переселенческое путешествіе этихъ голландцевъ длилось не менѣе семи лѣтъ. Гоня передъ собою свои стада, перекочевывая съ пастбища на пастбище, оставаясь по цѣлымъ мѣсяцамъ въ мѣстности, благопріятной для отдыха уставшихъ животныхъ, но также подвергаясь непогодамъ и совершая усиленные переходы по безводной пустынѣ,—буры много переспытали во время этого продолжительнаго trek'а, или путешествія въ изгнаніе [1]). Большое число ихъ перемерло, не вынеся тягости пути, и были даже слухи, будто погибли всѣ. Къ концу 1880 года, только четыреста или пятьсотъ человѣкъ достигли обѣтованной земли, отдалясь на двѣ тысячи километровъ отъ своего отечества; однако, и тамъ, въ благодатномъ климатѣ Моссамедеса, судьба преслѣдовала ихъ: появилась оспа и истребила многихъ между прибывшими; затѣмъ, почти всѣ лошади, которыхъ они привезли съ собой, къ ужасу туземцевъ, погибли отъ истощенія; исчезли всѣ стада овецъ и пало до двухъ третей изъ крупнаго рогатаго скота. Отчаяніе овладѣло многими колонистами, которые и отправились моремъ въ Капскую землю; другіе пошли обратно въ Трансваль; третьи, продолжая свое странствіе съ этапа на этапъ, поднялись дальше въ бассейнъ Кунэнэ и въ область плоскогорій; но были и такіе, которые устояли противъ ударовъ судьбы.

[1]) „Deutsche Kolonial-Zeitung", 1887;—„Petermann's Mittheilungen", 1887, тетр. V.

Нынѣ поля въ Гумпатѣ воздѣланы, тщательно орошены при посредствѣ хорошо проведенныхъ каналовъ и доставляютъ жителямъ жизненные припасы въ достаточномъ количествѣ; кромѣ того, буры ухаживаютъ за остатками своего скота и стремятся расплодить его; будучи охотниками, они преслѣдуютъ слона и гиппопотама, изъ жира которыхъ приготовляютъ мыло; они сдѣлались также рудокопами для добыванія желѣза изъ руды и золота изъ рѣчнаго песка; наконецъ, они стали и торговцами, отправляясь за товарами въ бухту Вальфишъ, въ странѣ Дама-ра и выполняя службу конвоировъ между Гуилой и портомъ Моссамедесъ; завоевать вновь нѣкоторое благосостояніе имъ помогла индустрія, которая обезпечиваетъ долговѣчность ихъ колоній; со времени прибытія ихъ въ страну, мѣновая торговля между обоими склонами удвоилась. Хотя очень недовѣрчивые къ своимъ сосѣдямъ португальцамъ, которые говорятъ на другомъ языкѣ и исповѣдуютъ другую вѣру, буры приспособились, тѣмъ не менѣе, къ этимъ людямъ чуждой имъ расы и защищаютъ ихъ отъ грабежей различныхъ племенъ, которымъ дается родовое наименованіе «готтентотовъ»; бываютъ даже браки между португальцами и дѣвушками угара, —мѣстное наименованіе переселенцевъ изъ Трансваля. Впрочемъ, со стороны португальскаго правительства, которое въ Гумпатѣ представляетъ только одинъ приставъ, до сихъ поръ требуется отъ переселенцевъ лишь теоретическое признаніе португальскаго главенства; затѣмъ, въ своихъ общинныхъ дѣлахъ буры сохранили полное самоуправленіе [1]).

Отъ этихъ первыхъ переселенческихъ группъ отдѣлились уже рои, которые и направились къ другимъ пунктамъ страны; что же касается германскаго переселенческаго движенія, которое пытались поворотить въ направленіи къ бассейну верхней Кунэнэ, то оно туда еще не проникло. Въ 1884 году, путешественникъ Dewitz пріобрѣлъ большое количество колонизаціонной земли въ краѣ Lucequе, при сліяніи Катапи и Кунэнэ, но земледѣльцы не откликнулись на его призывъ. Къ востоку и къ югу отъ Гуилы, другіе военные и духовные посты, каковы Гамбосъ и Гумбе (Кумби), окружены лишь хижинами, обитаемыми неграми, а бѣлое населеніе на протяженіи этой болотистой окраины средняго теченія Кунэнэ представляютъ лишь одинокіе рыбаки, привлеченные сюда неимовѣрно большимъ количествомъ рыбы. Равнымъ образомъ и морской берегъ, простирающійся къ югу отъ Моссамедеса вплоть до Кунэнскаго бара, политической границы Анголы, остается еще пустыннымъ,

[1]) P. J. Van der Kellen, „Tigdschrift van het Nederlandsch aardrikskundig Genootschap", 1855.

*

несмотря на превосходныя качества двухъ гаваней, слѣдующихъ одна за другой на этой части берега: Бахіа-Пинда, или Портъ-Александръ, и Бахіа-досъ-Тигресъ, одинаково образовавшихся вслѣдствіе отложенія песка параллельно континентальному пляжу и вслѣдствіе соединенія южныхъ оконечностей этихъ песчаныхъ мелей, при посредствѣ поперечной плотины, съ твердою землею. На высокомъ мысѣ Кабо Негро, господствующемъ надъ входомъ въ Портъ-Александръ съ сѣвера, видны остатки столба или padrao, воздвигнутаго въ 1485 году Diogo Cam'омъ въ память его открытій. Другой воспоминательный столбъ стоитъ на мысѣ Санта-Марія, между Домбэ-Грандэ и Моссамедесомъ [1]).

Несмотря на плодородіе своихъ долинъ и плоскогорій, Ангола все еще одна изъ тѣхъ странъ Африки, гдѣ сборъ дикорастущихъ плодовъ и охота почти столько же важны, сколько и земледѣліе; впрочемъ, иначе и быть не можетъ въ краѣ, который нѣкогда былъ обезлюдниваемъ негроторговлей, и побережье котораго, превратившееся, вслѣдствіе этого, почти въ пустыню, представляетъ лишь небольшое число плантацій и садовъ. Къ тому же бѣгство животныхъ внутрь страны, а также истребленіе лѣсовъ на берегу все болѣе и болѣе уменьшаютъ естественныя богатства почвы и придаютъ продуктамъ человѣческаго труда сравнительно большую цѣнность. Слоновая кость, бывшая нѣкогда въ Анголѣ наиболѣе цѣннымъ, послѣ рабовъ, товаромъ, стремится исчезнуть, а та, которая вывозится изъ внутреннихъ областей, направляется къ бассейну р. Конго. Какъ на примѣръ отношенія торга рабами къ другимъ отраслямъ торговли, можно указать на доходы провинціи Анголы въ 1834 году, когда отъ продажи негровъ было выручено 446.220 франковъ, или $^4/_5$, а на долю другихъ доходовъ пришлось 106.560 франковъ, или $^1/_5$ всего итога [2]). Точно также количество каучука, котораго ангольскіе негоціанты ежегодно отправляютъ на сумму отъ 3 до 4 милліоновъ франковъ, уменьшится, когда доставляющія его ліаны будутъ срѣзаны во всѣхъ сосѣднихъ съ берегомъ областяхъ. Уже лакмусовой ягель, красильный мохъ, который въ видѣ бороды виситъ на вѣтвяхъ баобаба и другихъ большихъ деревьевъ, сталъ гораздо менѣе распространеннымъ растеніемъ. Копалъ, вывозимый изъ ангольскихъ портовъ ежегодно, принадлежитъ къ товарамъ еще изобильнымъ въ приморской области, а воскъ дикари приносятъ постоянно въ большихъ количествахъ. Кромѣ того, новѣйшая индустрія обнаружила пользу многихъ другихъ естественныхъ продуктовъ Анголы, прежде остававшихся безъ употребленія. Пальмы доставляютъ масло, волокна и плоды, акаціи—смолу, молочайныя растенія — сокъ, *almeidina*; а съ баобаба идетъ кора и лубъ, служащіе для изготовленія веревокъ, тканей и бумаги. А сколько встрѣчается въ лѣсахъ еще растеній, деревомъ, листьями, сокомъ или плодами которыхъ можно было бы воспользоваться для цѣлей врачебныхъ или индустріальныхъ! Между этими деревьями есть и такія, которыя противостоятъ термитамъ. Ангола обладаетъ также и минералами, въ особенности мѣсторожденіями мѣди.

Главныя земледѣльческія культуры—пищевыя растенія, потребляемыя въ самой странѣ. Въ сѣверной части Анголы воздѣлываютъ въ особенности маніокъ, въ южной же — маисъ, просо и сорго. Европейскіе овощи и плоды, а также китайскій чайный кустъ, ввезены въ край и преуспѣваютъ, по крайней мѣрѣ въ высокихъ долинахъ. Съ 1840 года, картофель сталъ воздѣлываться бихеносами, въ области водораздѣла между Куанзою, Куанго и Кунэнэ [2]). Приморскіе города окружены садами, каковы въ Лоандѣ — тѣнистыя *arimos*, а въ Моссамедесѣ — плодородныя *hortas*; насадили даже виноградную лозу. Табакъ, хлопчатникъ и земляные фисташковые орѣхи также находятся въ числѣ произведеній данной страны. Моссамедесъ производитъ тростниковый сахаръ, изъ котораго главнымъ образомъ приготовляется водка, но изъ промышленныхъ культуръ самая важная — культура кофейнаго дерева. Съ половины текущаго столѣтія эта индустрія развивалась быстро и не только въ области Казенго, но также и во всемъ бассейнѣ р. Лукаллы и ея притоковъ. Такъ, въ 1883 году изъ Анголы вывезено кофе на 2.943.342 франка.

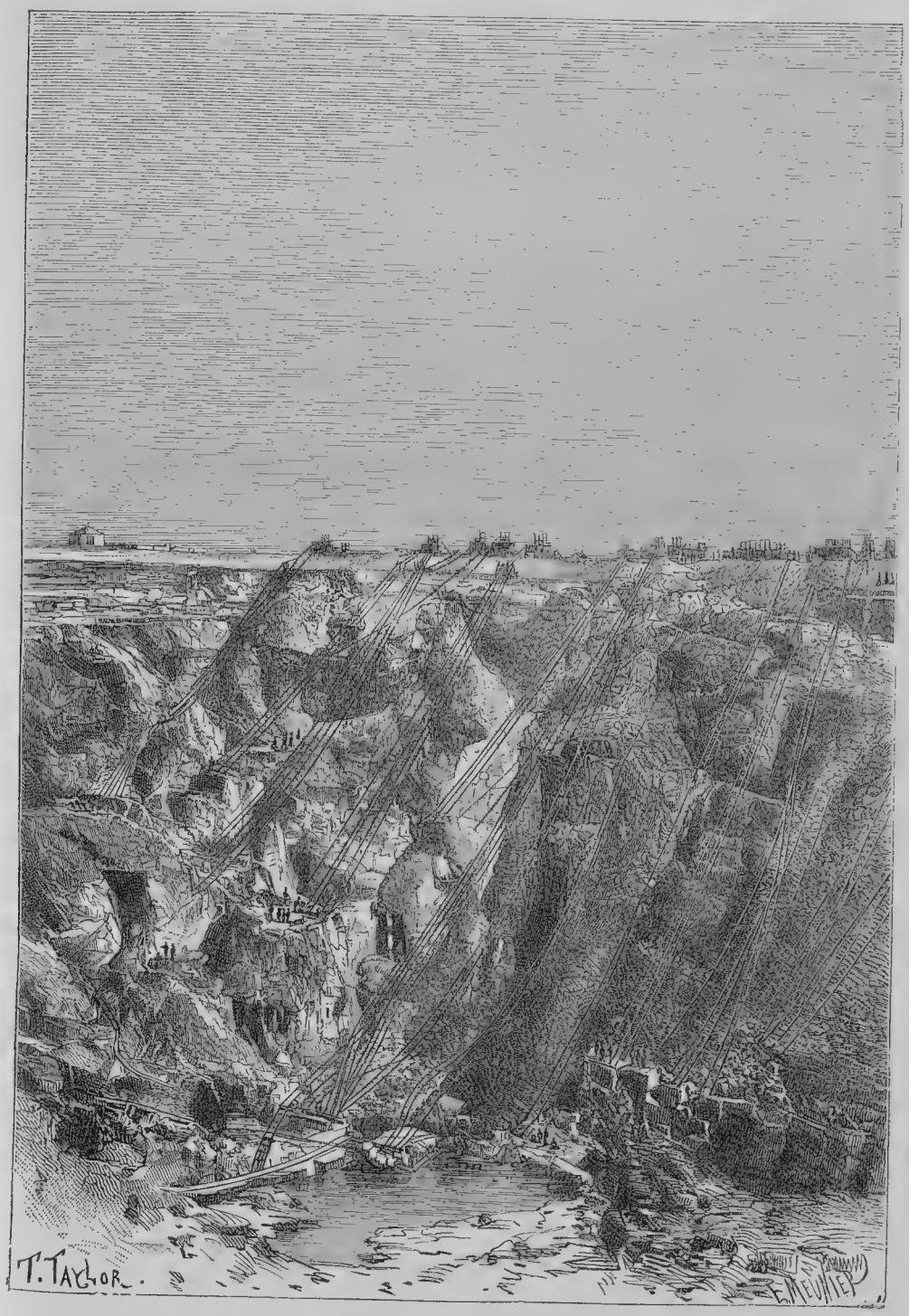
Скотоводство въ прибрежной области имѣетъ весьма незначительное экономическое значеніе: между рѣками Конго и Куанза нѣтъ вовсе рогатаго скота; во многихъ мѣстностяхъ напрасно пытались разводить быковъ, лошадей или муловъ; чахнутъ и теряютъ чутье тамъ даже собаки; въ Бембэ кошекъ въ нѣсколько мѣсяцевъ поражаетъ параличъ [2]). Для снабженія мясомъ приморскихъ жителей, убойный скотъ пригоняется изъ возвышенныхъ мѣстностей. Но почти во всей той части Анголы, которая съ сѣвера ограничена р. Куанзою, разведеніе скота удается весьма хорошо: страшная муха цеце, наводняющая столь большое пространство Восточной Африки, не извѣстна въ Анголѣ, а эпизоотіи тамъ менѣе опасны, чѣмъ въ бассейнахъ Замбезе и Лимпопо.

Гибельное наслѣдство, оставшееся отъ времени рабовладѣльчества, заключается въ режимѣ крупной поземельной собственности. Почти всѣ вотчины плантаторовъ весьма обширны,

[1]) J. Codine, „Decouverte de la côte de l'Afrique".
[2]) Joao de Andrade Corvo, „Estudos sobre as Provincias Ultramarinas".

[1]) Ladislas Magyar, упом. соч.
[2]) Monteiro упом. соч.

заключая въ себѣ сотни и даже тысячи гектаровъ. И это еще не все: рѣдко, а въ нѣкоторыхъ округахъ нѣтъ даже ни одного приса, въ которомъ поземельная собственность болѣе раздроблена и извѣстное число плантаторовъ проживаютъ среди своихъ рабочихъ: тамъ



Кемберлійскія алмазныя копи.

мѣра, чтобы собственникъ пребывалъ вмѣстѣ съ семействомъ на своей плантаціи. Счастливую противоположность въ этомъ отношеніи другимъ округамъ являетъ округъ Моссамедеуступаемые въ пользованіе участки въ земледѣльческой области окрестъ города не должны превышать пятидесяти гектаровъ. Зато, въ сѣверной Анголѣ и въ центрѣ ея обширныя по-

земельныя владѣнія управляются почти какъ во времена рабства негровъ: въ большей части плантацій рабочіе состоятъ изъ такъ называемыхъ contratados'овъ, т. е. временно прикрѣпленныхъ къ землѣ туземцевъ, работающихъ подъ управленіемъ португальскаго надсмотрщика [1]). Рабство, правда, уничтожено, но договоры на долгій срокъ сохранены; негровъ набираютъ даже и для отсылки на два года или на пять лѣтъ на плантаціи острова Св. Ѳомы. Къ тому же большинство рабочихъ въ такомъ долгу у своихъ патроновъ, что вовсе не могутъ разсчитывать на возможность дѣйствительно свободной жизни. Заработная плата ничтожна, а монета, которою расплачиваются съ неграми, меньшей цѣнности, чѣмъ монета, ходящая между бѣлыми: находящіяся въ рукахъ негровъ *reis fracos* представляютъ лишь три пятыхъ *reis fortes* законнаго курса. Для примѣра незначительности задѣльной платы, можно указать на плантаціи Bom Jesus, гдѣ, среднимъ числомъ, дневной заработокъ равняется 45 сантимамъ, изъ которыхъ 15 уплачивается монетою, а 30 припасами [2]). Внѣ плантацій, между неграми рабство существуетъ, вопреки закону: рабу не безъизвѣстно, что онъ могъ бы въ какомъ-нибудь португальскомъ городѣ потребовать своего освобожденія, но господствующіе нравы удерживаютъ его въ рабствѣ. Правда, раба, подобно собственному ребенку рабовладѣльца, называютъ «сыномъ», однако, это не «сынъ утробы», а «сынъ промѣна или торга» или «сынъ ткани» [3]).

Индустрія въ собственномъ смыслѣ этого слова находится еще въ зачаточномъ состояніи въ Анголѣ; однако, уже есть фабрики или мастерскія, гдѣ рабочіе изъ негровъ пользуются европейскими инструментами и машинами. Такъ, около Лоанды существуетъ значительное производство кирпича; въ долинѣ Куанзы — многочисленныя мануфактуры цыновокъ; въ приморскихъ городахъ много винокуренныхъ заводовъ и сигарныхъ фабрикъ, а въ самомъ Моссамедесѣ имѣется прядильная и ткацкая мастерская, учрежденная однимъ эльзасцемъ. Локомотивъ уже появился въ Лоандѣ на желѣзной дорогѣ, строющейся по направленію къ Амбаккѣ; телеграфъ вѣтвится вплоть до кофейныхъ плантацій внутри страны, а пароходы плаваютъ по Куанзѣ; хорошія проѣзжія дороги соединяютъ Лоанду съ берегами двухъ сосѣднихъ рѣкъ, а города: Дондо — съ р. Лу-калла, Домбэ-Грандэ — съ р. Куіо, Катумбеллу — съ Бенгуэллою, и Моссамедесъ — съ различными колоніями въ округѣ. Однако, несмотря на такое увеличеніе всевозможныхъ средствъ для промышленной дѣятельности, внѣшняя торговля Анголы не увеличивается столь быстро, какъ это можно было бы предполагать; въ послѣдніе годы она даже уменьшилась, такъ какъ значительная часть мѣновой торговли перемѣстилась: таможенныя пошлины слишкомъ увеличены, и естественно, что купцы стремятся вывозить свои товары чрезъ свободную окраину на сѣверѣ Анголы. Даже торговцы съ Кунэнэ и изъ Гумпаты предпочитаютъ направлять свои повозки чрезъ болота и горы къ бухтѣ Вальфишъ, удаленной на 900 километровъ по прямой линіи, чѣмъ посылать ихъ въ сосѣдній портъ, въ Моссамедесъ. Болѣе двухъ третей ангольской торговли совершаются съ Великобританіею, такъ какъ почти всѣ ввозимыя въ край ткани производства англійскаго. Португальскіе негоціанты участвуютъ въ ангольской торговлѣ лишь въ весьма малой долѣ, такъ какъ пять седьмыхъ торговыхъ сношеній этого края приходится на долю другихъ рынковъ, а не Лиссабона или Опорто: вслѣдствіе этого, про правительство метрополіи говорятъ, что въ Ангольскомъ краѣ оно выполняетъ лишь роль береговой стражи, охраняющей чужеземную торговлю [1]). Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя о торговомъ движеніи въ Анголѣ: обороты внѣшней торговли составляли: въ 1823 году — 3.219.000 фр. [2]); въ 1847—9.706.950 фр.; въ 1873—1874 гг.—28.216.202 фр.; въ 1886—1887 гг. — 21.070.031 фр.; въ 1891 г.: привозъ—2.870.000, вывозъ—3.250.000 мильрейсовъ. Судовъ въ ангольскихъ портахъ въ 1896 году было въ приходѣ 286, съ вмѣстимостью въ 431.000 тоннъ.

Народное просвѣщеніе гораздо болѣе развито въ Анголѣ, чѣмъ объ этомъ можно было бы заключить по числу школъ, которыхъ въ 1884 г. было: 32 съ учителями и 8 безъ учителей; учащихся же въ школахъ насчитывалось 1.178, при чемъ пять шестыхъ приходилось на долю мальчиковъ. Однако, тысячи негровъ, будучи потомками уже обученныхъ миссіонерами, научаются читать въ своихъ семействахъ, проживая за сотни лье отъ всякаго общественнаго учебнаго заведенія. На болѣе высокій уровень образованія, по сравненію съ краями, имѣющими больше школъ, указываютъ, во-первыхъ — движеніе почтовое, при чемъ въ 1883 году всѣхъ почтовыхъ пересылокъ было 263.558, а телеграммъ въ 1884 году—8.900; и во-вторыхъ, сравнительное развитіе печати: такъ въ 1886 году въ Анголѣ было газетъ и журналовъ—19 [3]).

Португальская провинція Ангола, иногда называемая также «королевствомъ», находится

[1]) „Relatorios das Obras Publicas Provincias Ultramarinas". Angola 1877—1880.
[2]) Chatelain, „Deutsche Kolonial-Zeitung", 1 іюня 1887 г.
[3]) Chavannes, упом. соч.

[1]) Olaveira Martins, „O Brazil e as Colonias Portuguezas".
[2]) Joao de Andrado Corvo.
[3]) Brito Aranha, „Historia do Jornalismo nas Provincias Ultramarinas".

въ совершенной зависимости отъ Лиссабонскаго правительства. Въ ней нѣтъ ни избираемыхъ совѣтовъ, ни другихъ депутатовъ, кромѣ посылаемыхъ въ кортесы въ Лиссабонѣ, при чемъ избирателей въ Анголѣ въ 1884 году было 26.598, а могущихъ быть выбранными 3.261. Ангола должна лишь повиноваться распоряженіямъ, исходящимъ изъ Португаліи и передаваемымъ ей при посредствѣ губернатора, пребывающаго въ Лоандѣ. Этотъ политическій режимъ опеки, который не можетъ не задерживать колоніальнаго развитія, объясняется, впрочемъ—хотя и не оправдывается—небольшимъ числомъ европейцевъ, разсѣянныхъ по громадной территоріи и состоящихъ исключительно изъ негоціантовъ, чиновниковъ (которыхъ въ 1882 году въ Анголѣ было 3.140 человѣкъ) и сольныхъ—все людей, имѣющихъ свои самые важные интересы или свои духовныя связи все еще въ метрополіи. Торговцы и торговые агенты стремятся быстро нажиться или по крайней мѣрѣ пріобрѣсть такое состояніе, которое позволило бы имъ возвратиться въ Европу; чиновники и военные продолжаютъ свою карьеру за границею въ надеждѣ быстраго повышенія по возвращеніи въ отечество; наконецъ, ссыльные *degredados*, путемъ долгаго пребыванія въ колоніяхъ могутъ возстановить свои гражданскія права. Переселенцевъ же, въ теченіе десяти лѣтъ, только и насчитывалось, что 3.348 человѣкъ. Что касается туземцевъ, то они сохранили свой первобытный правительственный строй повсюду, кромѣ мѣстъ близкаго сосѣдства съ городами и плантаціями, гдѣ традиціонныя связи среди извѣстнаго народа или племени ослабѣли или порвались вовсе. Обыкновенно, негры все еще либо избираютъ своихъ *соба*, либо признаютъ ихъ, согласно существующему у даннаго племени обычаю наслѣдованія: непосредственно отъ отца къ сыну, или непосредственно отъ брата къ брату, или отъ дяди къ сыну сестры; однако, рядомъ съ собой, права почина котораго уменьшаются или увеличиваются соразмѣрно съ удаленіемъ отъ португальскихъ военныхъ постовъ, въ краѣ пребываютъ еще *chefes*, назначаемые лоандскимъ губернаторомъ, которые имѣютъ право вмѣшиваться, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, во внутреннія дѣла племени и занимаются въ особенности увеличеніемъ поступленія налоговъ, болѣе, впрочемъ, для своихъ личныхъ пользъ, чѣмъ для португальской казны. Прежде они могли, въ силу декретовъ, заставлять работать негровъ и обращали ихъ такимъ образомъ въ рабовъ, принуждая переносить тюки съ товарами: по собственному произволу они опредѣляли, которые изъ людей должны имъ безвозмездно служить въ качествѣ *carregadores*. Однако, это несправедливое право принуждать къ исполненію повинности натурою, къ барщинѣ, было уничтожено въ 1856 году.

Такъ какъ дѣйствительное господство Португаліи проявляется лишь на небольшомъ числѣ пунктовъ, и такъ какъ племена негровъ состоятъ изъ людей въ большинствѣ весьма покорныхъ, то для выполненія гарнизонной службы или для военныхъ экспедицій губернатору достаточно имѣть лишь нѣсколько сотенъ солдатъ. Бюджетъ почти цѣликомъ имѣетъ въ виду администрацію, и расходы отчасти покрываются таможенными доходами. Нынѣ бюджетныхъ доходовъ достаточно для покрытія расходовъ (бюджетъ 1894—95 г.: приходъ—1.645.000, расходъ — 1.533.000 миль рейс.). Прежде эти заморскія владѣнія постоянно были въ тягость метрополіи, какъ, впрочемъ, это всегда и бываетъ съ большею частью колоніальныхъ земель, не принимающихъ никакого участія въ своей собственной администраціи.

Территорія распредѣлена на четыре округа, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на *concelhos* (уѣзды), довольно обширные; между *concelhos*'ами есть населенные такимъ незначительнымъ числомъ полуцивилизованныхъ людей, что учрежденіе тамъ правильной администраціи еще невозможно. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приведены наименованія concelhos'овъ Анголы, съ указаніемъ ихъ географическаго положенія и населенія ихъ главныхъ городовъ. Лишь два между этими городами считаются въ разрядѣ собственно *cidades*, т. е. городовъ, именно: Лоанда и Бенгуэлла. Всѣ остальные суть *villas*.

Округъ.	Concelhos.	Главные города.
Заира.	Санъ-Антоніо де Соньо. Лѣвый берегъ Нижняго Конго.	Санто-Антоніо.
	Санъ-Сальвадоръ. Бассейнъ Мпозо. Делегація Куиссанги и Коки на Конго.	Санъ-Сальвадоръ. 750 жителей.
	Энкожэ. Верховой бассейнъ Ложэ.	Энкожэ.
Лоанда	Амбризъ. Верховой бассейнъ р. Ложэ.	Амбризъ, 3.000 жителей.
	Альто Данде. Низовой „ р. Ложэ.	
	Барро до Данде. Верховой „ р. Ложэ.	
	Голунго Альто. Плоскогоріе истоковъ Бенго.	
	Зенза до Голунго Низовой бассейнъ р. Бенго.	
	Икола е Бенго Средній „ р. Бенго.	
	Барра де Бенго. Низовой р. Бенго.	
	Лоанда, столица и предмѣстья.	Лоанда, 16 т. жителей.

Округъ.	Concelhos.		Главные города.
Лоанда.	Дуке-де Браганца.	Верховой бассейнъ р. Лукалла.	Дукеде—Браганца.
	Амбака.	Средній „ р. Лукалла.	Памба.
	Казенго.	Низовый „ р. Лукалла.	Какулло.
	Тала-Могонго.	Водораздѣлъ между Куанза и Куанго.	
	Маланжэ.	Верховой бассейнъ Куанзы.	Маланжэ.
	Пунго-Ндого.	Прав. берегъ средней Куазны.	Пунго-Ндого. 1.300 жителей.
	Камбамбэ.	Берега Низовой Куанзы.	Дондо. 2.880 жителей.
	Массангано.	Берега Низовой Куанзы.	Массангано.
	Муксима.	Берега Низовой Куанзы.	Муксима.
	Калумбо.	Берега Низовой Куанзы.	Калумбо.
	Кассанджэ.	Верховой бассейнъ р. Куанги.	Кассанжэ.
	Ново-Редондо.	Морской берегъ къ югу отъ Куво.	Ново-Редондо.
Бенгуэлла.	Эгито.	Поморье.	Эгито.
	Катумбэлла.	Поморье.	Катумбэлла.
	Бенгуэлла.	Поморье.	Бенгуэлла, 3.000 жителей.
	Домбэ Грандэ.	Поморье.	Домбэ-Грандэ, 4.000 жителей
	Quillengues.	Верховой бассейнъ р. Капороро.	Quillengues.
	Каконда.	„ „ р. Кунэнэ.	Каконда.
	Моссамедесъ.	Поморье.	Моссамедесъ, 5.000 жителей.
Моссамедесъ.	Кабангомпэ или Бумбо.	Верховой бассейнъ р. Жироль.	Копангомбэ.
	Гумпата.	Бассейнъ р. Кукуловара.	Гумпа.
	Гунла.	Бассейнъ р. Кукуловара.	Гунла.
	Гамбосъ.	Бассейнъ р. Кукуловара.	Гамбосъ.
	Хумбэ.	Бассейнъ р. Кукуловара.	Хумбэ.

Остальная часть территоріи, населенная такъ называемыми вассальными племенами—въ дѣйствительности, однако, независимыми—не представляетъ другихъ подраздѣленій, кромѣ перемѣнчивыхъ границъ мѣстопребыванія племенъ. Бихэ и Байлундо иногда считались составными частями округа Бенгуэлла. Concelhos, расположенные къ сѣверу отъ Заиры, принадлежатъ къ одному и тому же округу съ Санъ-Сальвадоромъ и со всею полосою лѣваго берега рѣки. Кабонда—главный городъ двухъ областей, которыя отдѣляютъ рѣку и территорію отъ Независимаго Государства Конго.

Глава VI.

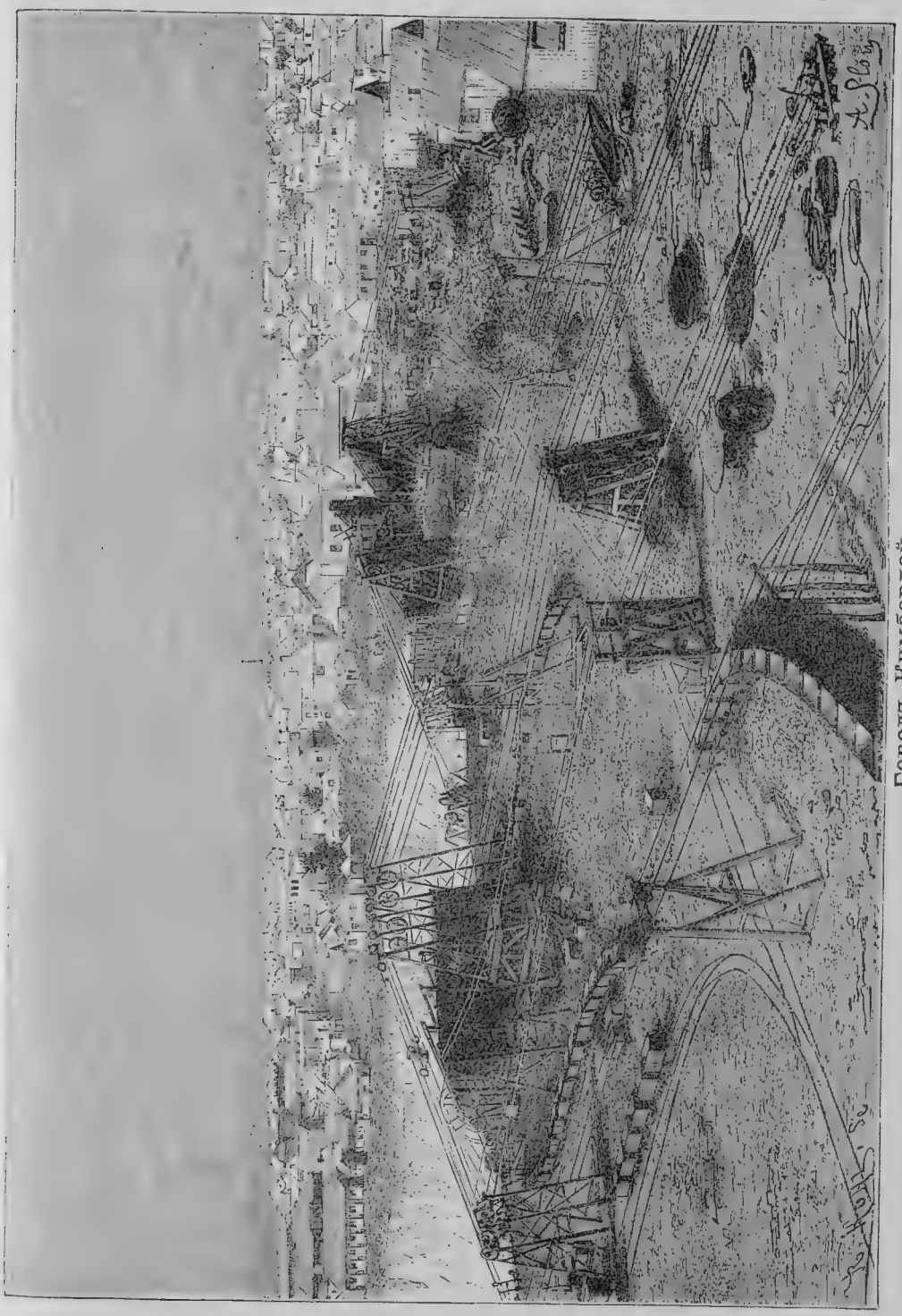
Страны Дама-ра и Нама-Куа.

Области между рѣками Кунэнэ и Оранжевой.

Часть африканскаго побережья, простирающаяся на югъ отъ Анголы вплоть до бара Оранжевой рѣки, на протяженіи по берегу приблизительно 500 километровъ, съ 1884 г. объявлена германскою территоріею, хотя германцамъ не пришлось ее завоевывать: оффиціально она зовется Südwest-Afrika, т. е. «Юго-западная Африка». Прежде она называлась Lüderitzland, по имени того негоціанта, который пріобрѣлъ ее посредствомъ договоровъ, заключенныхъ съ начальниками какъ тѣхъ рѣдкихъ племенъ, которыя проживаютъ на берегу, такъ и племенъ внутри страны, находившихся подъ вліяніемъ прирейнскихъ миссіонеровъ.

Раньше того времени, когда какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, край оказался подпавшимъ подъ протекторатъ Германской имперіи, подразумѣвалось, что верховное владычество Великобританіи распространяется и на эти страны, вплоть до мыса Фріо, хотя въ дѣйствительности англичане владѣли только однимъ постомъ, на берегу бухты Вальфишъ, или Китовой. Въ началѣ, какъ только германскіе дипломаты завели рѣчь относительно станцій, основанныхъ германскими подданными, англійское министерство заявило, что «всякое появленіе какой-нибудь иностранной державы въ данной области было бы нарушеніемъ правъ Великобританіи»; также и правительство Капской Земли вотировало о формальномъ завладѣніи спорною территоріею, но было уже поздно. И послѣ обмѣна депешами, которыя со стороны Германіи приняли почти угрожающій тонъ, «край Людерица», за исключеніемъ бухты Вальфишъ, былъ признанъ

землею германскою; кромѣ того, германскіе дипломаты заключили трактатъ и съ Португаліей, обезпечивающій Германіи владѣніе территоріею, простирающейся къ сѣверу отъ мыса



Городъ Кимберлей.

Фріо вплоть до устья рѣки Кунэнэ. Область «Юго - Западной Африки», простирающаяся вглубь до 20° восточной долготы отъ Гринвичскаго меридіана, или до 17° 40′ отъ меридіана Парижскаго, и равняющаяся поверхности самой Германской имперіи, явилась первою, по времени пріобрѣтенія, въ ряду тѣхъ странъ, изъ которыхъ въ Африкѣ и въ Полинезіи образовались обширныя германскія колоніальныя владѣнія; тотъ же, кто пріобрѣлъ эту область для своей родины, какъ-то таинственно исчезъ въ одной изъ бухтъ южнаго берега. Однако, если о завладѣніи страною оффиціально и оповѣщено, то

на дѣлѣ оно еще далеко отъ осуществленія. Для охраны купцовъ воинской силы еще не назначено, превращеніе туземцевъ въ германскихъ подданныхъ остается пока въ области предположеній и вовсе не мѣшаетъ грабителямъ забирать скотъ германскаго комисара у самыхъ дверей его жилища. Начальниками, которымъ лучше повинуются, въ центральной и южной областяхъ являются протестантскіе миссіонеры; основавшись въ Дама-ра въ 1848 году, они обладаютъ нынѣ болѣе, чѣмъ двадцатью станами между рѣками Кунэнэ и Оранжевой. * Въ послѣднее время въ этой колоніи организовано охранное войско, которое въ 1897 г. состояло изъ 25 офицеровъ, 710 бѣлыхъ и 150 цвѣтныхъ солдатъ*.

Благодаря миссіонерамъ, охотникамъ, розыскивателямъ рудъ и купцамъ, проникавшимъ отъ одного склона края до другаго, новое колоніальное владѣніе Германской имперіи уже хорошо извѣстно въ своихъ главныхъ чертахъ. Даже сѣверная часть этого края, наиболѣе удаленная отъ Капгауна, центра изслѣдованій Южной Африки, была посѣщена Galton'омъ, Anderson'омъ, Baines'омъ, Smuts'омъ, Green'омъ, Hahn и Rath'омъ, Hertley'емъ, Coates'омъ, Palgrave'омъ, Duparquet, а со времени провозглашенія новаго политическаго строя въ эти края отправляются германскіе путешественники десятками, какъ для изученія его географіи, такъ въ особенности для ознакомленія съ его экономическими условіями. Отпечатаны уже спеціальныя карты портовъ и минеральныхъ залежей, составлены проекты шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ: однимъ словомъ, оффиціальное присоединеніе края ускоряетъ и дѣло всесторонняго знакомства съ нимъ.

Въ общемъ, рельефъ страны тотъ же, что и въ Анголѣ: поверхность постепенно повышается вплоть до кровли береговаго плоскогорія, а затѣмъ на востокѣ начинаетъ спускаться по направленію къ бассейнамъ рѣкъ. Весь край, отъ Кунэнэ до Оранжевой рѣки, представляетъ продолговатую, правильной формы, возвышенность, ось которой параллельна оси морскаго берега; кромѣ того, это удлиненное приподнятіе почвы вполнѣ уединенно: тогда какъ плоскогорія Анголы соприкасаются на востокѣ съ возвышенностью водораздѣла между рѣками Конго и Замбезе, плоскогорія Дама-ра и Нама-куа ограничены съ востока глубокими впадинами, на протяженіи которыхъ разстилается пустыня Калахари и извиваются Ку-Банго и верховые притоки Оранжевой рѣки. Будучи отдѣлены отъ горъ Снѣговой Сіерры ущельями, въ которыхъ протекаетъ Кунэнэ, каменистыя высоты края Дама-ра, называемыя Каоко, вначалѣ представляются не особенно значительными, но мало-по-малу, къ югу отъ известковыхъ горъ Отави, онѣ становятся все выше и выше, и многія изъ нихъ достигаютъ и даже превышаютъ 1.000 метровъ. А къ сѣверо-востоку и къ востоку отъ бухты Вальфишъ группируетъ свои куполообразныя вершины и столовидныя скалы уже и настоящій массивъ. Оматако, самая высокая изъ вершинъ этой области, имѣетъ въ высоту 2.300 метровъ; нѣсколько другихъ горъ, болѣе низкихъ, группируются около этой величественной вершины. Южнѣе, срединный хребетъ снова понижается и не достигаетъ даже и тысячи метровъ; во многихъ мѣстахъ исчезаютъ всякія значительныя возвышенія, и видны только отдѣльныя группы холмовъ, покоящіяся на общемъ цоколѣ, имѣющемъ форму щита; тамъ и сямъ утесы возвышаются въ видѣ башенъ и пирамидъ. На юго-германской территоріи, въ странѣ племени нама-куа, возвышаются другія непрерывныя гряды горъ: такъ, дорога, пересѣкающая горный хребетъ къ востоку отъ Ангры Пекены, на пути въ Бетанію, проходитъ около возвышенности въ 1.600 метровъ [1]. Остовъ горъ состоитъ главнымъ образомъ изъ гнейса, слюдяныхъ сланцевъ, кристаллическихъ известняковъ, съ вкрапленнымъ гранитомъ, порфиромъ и другими вулканическими породами; встрѣчались, будто-бы, и базальтовыя массы.

Срединная ось высокихъ земель проходитъ параллельно берегу, въ среднемъ, на разстояніи отъ него приблизительно двухсотъ километровъ; что же касается пространства между самымъ берегомъ и первыми скатами, то во многихъ мѣстностяхъ ширина его значительна. Къ востоку отъ бухты Вальфишъ, это промежуточное пространство образуетъ равнину Наміебъ, называемую голландцами vlakte или veld, а англійскими колонистами просто plain; также можно было бы сравнить ее съ hamada въ Аравіи и въ Сѣверной Африкѣ. Наміебъ по наружному виду равнина, но если стать пересѣкать ее въ направленіи къ востоку, то окажется, что незамѣтно она все болѣе и болѣе повышается, такъ что въ ста километрахъ отъ бухты высота ея достигаетъ уже шестисотъ метровъ, и если смотрѣть на veld съ берега моря, то она заслонитъ и профиль горъ, возвышающихся отъ нея къ востоку; между тѣмъ, при всходѣ на гребни дюнъ кажется, будто поверхность равнины совсѣмъ горизонтальна. Путешественникъ Stapff полагаетъ, что Наміебъ—древнее море; по виду же она походитъ на обширную бетонную поверхность, отцвѣчивающую всѣми оттѣнками, отъ темнаго до бѣловатаго. Въ сухое время, т. е. почти въ теченіе цѣлаго года, по ней можно ходить какъ по мостовой; но во время

[1]) „Petermann's Mittheilungen", 1885.

дождей поверхностный слой известковой или гипсовой глины разжижается, набираетъ въ себя песку, и тогда движеніе бываетъ весьма затруднено: колеса оставляютъ такія глубокія колеи, что онѣ могутъ сохраняться цѣлые годы. Въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ на равнинѣ скопляются дождевыя воды, которыя мало-помалу испаряются, оставляя послѣ себя налеты гипса или соли: salt-pans англійскихъ колонистовъ. По сосѣдству съ горами виднѣются обломки и остатки скалъ: кварцевыхъ, гнейсовыхъ или сланцевыхъ, которыя, повидимому, разрушались подъ вліяніемъ воздуха, а на поверхности почвы оставили пятна различныхъ цвѣтовъ. На нѣкоторыхъ же сохранившихся глыбахъ поверхность оказывается отполированною тѣми песчинками, которыя проносятся вѣтромъ.

Скатъ Наміеба простирается вплоть до моря, но нижняя часть равнины покрыта песками, изъ которыхъ образуются дюны на пространствѣ отъ нѣсколькихъ тысячъ метровъ до сотни километровъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дюнъ поднимаются почти до ста метровъ въ высоту, уподобляясь въ этомъ отношеніи дюнамъ на берегахъ Гасконскаго залива; такія дюны отдѣляются другъ отъ друга ледами, т. е. промежуточными долинами, по которымъ разсѣяны бугорки и холмики. Къ югу отъ Вальфишской бухты должно послѣдовательно перейти чрезъ шестнадцать песчаныхъ гребней, при чемъ западный склонъ горокъ, обращенный къ морскому вѣтру, почти твердъ, между тѣмъ какъ противоположный склонъ, на который отлагаются несомыя вѣтромъ песчинки, гораздо болѣе подвиженъ; немногіе травы и кустарники съ стелющимися корнями произростаютъ на этихъ песчаныхъ холмахъ и на извѣстное время уплотняютъ ихъ почву. Вѣроятно, что эти дюны происходятъ отъ древнихъ песчаныхъ, выступившихъ изъ моря, мелей; что же касается дюнъ внутри страны, то онѣ образовались на мѣстѣ, вслѣдствіе лупленія гнейса подъ вліяніемъ солнечнаго жара. Внутренняя подъемлющая сила дѣйствуетъ подъ этою частью морскаго побережья, повидимому, и въ наши дни: на высотѣ до двадцати метровъ надъ современнымъ уровнемъ моря наблюдаются обширные солончаки, покрытые раковинами, схожими съ раковинами тѣхъ животныхъ, которыя и понынѣ живутъ въ сосѣднихъ пространствахъ океана; отъ берега же на разстояніи отъ 30 метровъ до одного километра встрѣчаются даже цѣлые скелеты китообразныхъ животныхъ, нѣкогда выкинутыхъ волнами [1]). На одномъ изъ пляжей, къ сѣверу отъ бухты, виднѣются налеты сѣры, перемѣшивающіеся съ пескомъ и гипсомъ, а съ земли поднимается тамъ запахъ сѣрнистаго водорода. Вѣроятно, выдѣленіями этого газа и должна быть объясняема та скоропостижная смертность рыбъ въ бухтѣ, которую наблюдали нѣсколько разъ, между прочимъ, въ 1883 году. При низкомъ уровнѣ воды въ морѣ, говорятъ, видѣли даже нѣчто въ родѣ кратеровъ, образовавшихся вслѣдствіе вспучиванія плоскаго берега [1]).

Отъ устройства берега зависятъ отчасти и климатическія явленія. Южные и юго-западные вѣтры, чаще всего дующіе на берегу, приносятъ съ собою дожди лишь весьма рѣдко, а сѣверо-восточные шквалы, дующіе съ мая по іюль въ направленіи, противоположномъ господствующимъ вѣтрамъ, содержатъ влаги еще меньше. Въ теченіе года на берегахъ бухты Вальфишъ насчитываютъ, среднимъ числомъ, отъ пяти до шести дождей, а на берегахъ Ангры-Пекены всего одинъ дождь: къ этому ливню и къ ночнымъ росамъ, иногда весьма изобильнымъ, и сводится весь дождливый сезонъ, нормальный періодъ котораго упадаетъ на начало года, когда, слѣдовательно, солнце поднимается къ сѣверу. Но если низменный берегъ не увлажняется, то морскіе вѣтры низвергаютъ свои ноши дождей на вершины внутри страны; на Hope-mine, въ 1886 году, было семнадцать дождливыхъ дней и, по измѣреніямъ, выпавшей воды оказалось болѣе сорока миллиметровъ; предвѣстниками дождя почти всегда бываютъ вихри, поднимающіе, въ видѣ движущихся колоннъ, песокъ, и дамарцы такъ и называютъ эти песчаные круговороты «приносителями дождя» [2]). Вслѣдствіе такого выпаденія атмосферной влаги, плоскогорья покрыты сплошнымъ травянымъ ковромъ, тогда какъ внизу, по крайней мѣрѣ къ югу отъ Каоко—сравнительно хорошо орошаемаго,—весь край остается безплоднымъ или же усѣяннымъ только колючими кустарниками, и лишь кое-гдѣ, вокругъ родниковъ, виднѣются оазисы. Собаки мрутъ тамъ отъ голода; растенія увядаютъ; и такъ какъ тамъ почва повсюду пропитана на глубинѣ полуметра или даже еще менѣе солью, то взростить кустарныя деревья было бы очень трудно [3]). Хотя, благодаря дождямъ на вершинахъ, въ верховыхъ оврагахъ текутъ ручьи, но они не сливаются вмѣстѣ для образованія рѣкъ и не доходятъ до океана, развѣ только въ случаѣ исключительно изобильныхъ ливней. Потоки являются простыми уади, которые служатъ дорогами и на протяженіи ложа которыхъ путники вырываютъ колодцы, въ надеждѣ, что въ нихъ скопится немного воды. Деревья осѣняютъ откосы крутыхъ береговъ, заимствуя необходимую влагу изъ глубокихъ песковъ, но уви-

[1]) „Petermann's Mittheilungen".

[1]) Stapff, „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin". № 1, 1887.

[2]) Charles John Andersson, „Ngami-river".

[3]) A. de Smidt, „Petermann's Mittheilungen". Октябрь, 1866.

даніе растеній по берегамъ потоковъ заставляетъ думать, что страна становится все суше и суше: такъ, хотя и случается, что послѣ внезапнаго разлива, на береговыхъ кручахъ всходитъ множество новыхъ стеблей, но вскорѣ стебли эти увядаютъ, такъ какъ ихъ корни не успѣваютъ достаточно углубиться въ почву въ поискахъ за влагою. Впрочемъ, жители изъ племени хереро пробили на многихъ мѣстахъ сосѣднихъ плоскогорій глубокія скважины въ известковыхъ утесахъ вплоть до живой воды [1]). Одинъ изъ отысканныхъ, такимъ образомъ, источниковъ въ горахъ Отави—на сѣверѣ края—оказался настоящимъ подземнымъ озеромъ, изобилующимъ рыбами и не измѣняющимъ своего уровня [2]).

Изъ всѣхъ уади страны самый изобильный—Омаруру: воды его сохраняются дольше, чѣмъ въ другихъ рѣчныхъ ложахъ, а окружающая его растительность менѣе рѣдка; горячій источникъ Омбуро пробивается у подошвы базальтовыхъ камней изъ-подъ песка вверху уади, и теченіе ручейка продолжается на протяженіи нѣсколькихъ километровъ. Изъ всѣхъ потоковъ страны больше всего боковыхъ развѣтвленій и наиболѣе длинное русло имѣетъ Тсоахубъ или Свакопъ: длина его теченія превышаетъ четыреста километровъ. Онъ начинается къ востоку отъ главнаго массива Дамарскихъ горъ, пересѣкаетъ плоскогоріе, пробѣгая по глубокимъ ущельямъ, и впадаетъ въ море непосредственно на сѣверѣ Вальфишской бухты. Приблизительно на равномъ разстояніи отъ рѣкъ Кунэнэ и Оранжевой, эта поперечная Тсоахубская борозда дѣлитъ территорію на двѣ почти равныя половины: на сѣверѣ—область Дама-ра,—на югѣ—область Нама-куа. Хозибъ или Кунзипъ, вырывшій себѣ русло глубиной въ 200 метровъ въ толщѣ равнины Наміебъ, также изливается или, правильнѣе, изливался въ Вальфишскую бухту круто поворачивающей излучиной, которая на востокѣ граничитъ съ длиннымъ песчанымъ полуостровомъ мыса Пеликана; въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, предшествовавшихъ 1878 году, въ Хозибѣ не было воды ни разу [3]). Къ югу отъ этихъ двухъ временныхъ рѣкъ, другіе уади прекращаются уже на востокѣ отъ дюнъ, даже не образуя доходящихъ до моря руслъ, но умарамба, или потоки восточнаго склона, идущіе на соединеніе съ рѣкой Ку-Банго или съ Оранжевой, или же теряющіеся далеко въ пустынѣ, въ ея солончакахъ,—рѣки настоящія, если не по массѣ воды или правильности рѣчнаго ложа, то по крайней мѣрѣ по длинѣ того углубленія, по которому онѣ протекаютъ.

Южная часть германской территоріи, состоящая въ большой части изъ скалъ, твердыхъ глинъ и сыпучихъ песковъ, не можетъ имѣть земледѣльческаго значенія; тѣмъ не менѣе германцы присоединили ее первою и тамъ именно основали свои поселенія; однако къ югу отъ Тсоахуба, разведенные миссіонерами по цѣлинѣ сады и огороды не составляютъ, быть-можетъ, въ совокупности даже четырехъ гектаровъ. Но въ сѣверныхъ округахъ, и именно въ долинѣ Кунэнэ, простираются обширныя поля, походящія на португальскія области Гуилла и Гумпата: расположенныя въ одномъ и томъ же бассейнѣ, представляя совершенно одинаковую почву, они имѣютъ также существенно одинаковый климатъ, съ тѣмъ только отличіемъ, что дожди здѣсь менѣе обильны и воздухъ немного суше; однако, влажности и здѣсь достаточно для произрастанія и размноженія деревьевъ въ лѣсахъ. Здѣсь можно еще видѣть гигантскій баобабъ, а вплоть до двадцатаго градуса широты встрѣчаются также и нѣкоторыя пальмовыя деревья. Край Ова-Мбо, съ его рощами и полянами, во многихъ мѣстностяхъ имѣетъ видъ безконечнаго парка; жители занимаются тамъ главнымъ образомъ воздѣлываніемъ почвы и разведеніемъ плодовыхъ деревьевъ [1]). Тамъ, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы благоденствовать также и европейскіе работники, хотя ихъ потребности много превышаютъ потребности черныхъ туземцевъ; трансваальскіе буры, впрочемъ, тамъ уже и поселились. Сотни этихъ эмигрантовъ,—тѣ самые, которые впослѣдствіи направились въ португальскій Моссамедесскій округъ,—основали колонію въ гористой области Каоко; но тамъ, какъ и Гумпатѣ, они занимались болѣе разведеніемъ скота, чѣмъ воздѣлываніемъ почвы, довольствуясь полученіемъ такого только количества хлѣбныхъ растеній, которое было имъ необходимо для годичнаго запаса.

Вообще, внѣ прибрежныхъ равнинъ по р. Кунэнэ и особо благопріятныхъ для земледѣлія небольшихъ долинъ, скотоводство является мѣстнымъ промысломъ, сулящимъ болѣе всего выгодъ. Обширныя травянистыя плоскогорія превращаютъ край въ пастушескую область. Дикія животныя — за исключеніемъ различныхъ видовъ антилопы, нѣсколькихъ представителей кошачьяго рода, шакаловъ и грызуновъ,—истреблены; даже страусъ, котораго разводятъ въ южныхъ англійскихъ колоніяхъ, здѣсь безпощадно преслѣдуется и около морскаго берега уже болѣе не водится. Въ умарамба, выходящихъ изъ Кунэнэ, находятъ еще крокодиловъ; змѣи, ящерицы и кузнечики имѣютъ многочисленныхъ представителей; одинъ видъ ужевидныхъ гадовъ, водящихся въ этомъ краѣ, есть страшный *cuspedeiro*, или «плевака» ангольскихъ португальцевъ; это

[1]) Hahn und Rath, „Petermann's Mittheilungen", 1859.
[2]) Duparquet, „Voyage en Cimbébasie".
[3]) „Petermann's Mittheilungen", 1878, тетр. VIII.

[1]) Duparquet, „Missions Catholiques", 1880.

пресмыкающееся достигаетъ иногда восьми метровъ въ длину, и нѣкогда мѣстные чародѣи обладали искусствомъ заговаривать его, при чемъ приманивали его даже къ ложу больныхъ.

Шатонгъ. Столица племени бу-маганато.

Животныя, водящіяся нынѣ по пастбищамъ на вершинахъ, принадлежатъ къ животнымъ домашнимъ, вывезеннымъ изъ Европы; это— быки и коровы, лошади, овцы и козы. Часто возникала мысль о введеніи въ полупустынныя области, часть которыхъ составляетъ страна Людерица, также и верблюда, но драгоцѣнная порода употребляющагося въ Южной Африкѣ вьючнаго быка вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ перевозки, и, кромѣ того, разница въ покупной цѣнѣ и въ содержаніи дѣлаетъ пользованіе вьючнымъ быкомъ болѣе экономнымъ. Впрочемъ, въ глазахъ новыхъ обладателей

края, важность пріобрѣтенія данной колоніальной территоріи заключается вовсе не въ богатствѣ ея скотомъ: кромѣ испытываемаго ими чувства удовлетворенности вслѣдствіе завладѣнія краемъ, котораго прежде домогались капскіе англичане, они разсчитываютъ на тѣ минеральныя сокровища, которыя таятся въ горахъ страны. Мѣдныя руды въ особенности встрѣчаются въ многочисленныхъ мѣстностяхъ плоскогорій и даже предгорій, и, несмотря на затрудненія, встрѣчаемыя при перевозкѣ, добываніе руды уже началось на многихъ пунктахъ. Къ югу отъ Ангры Пекены нашли также серебряную руду; впрочемъ, отчеты инженеровъ заставляютъ опасаться, какъ бы первоначальныя надежды негоціантовъ не оказались обманчивыми [1]). Когда удобныя дороги прорѣжутъ край, онъ, безъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ нѣкоторую важность какъ рудная область и привлечетъ промышленное населеніе.

Понятно, что жители должны быть весьма рѣдки въ подобной области, гдѣ недостаетъ воды и культурной почвы, и гдѣ путникамъ грозитъ опасность умереть отъ жажды или голода. Во многихъ округахъ края Нама-куа можно идти цѣлыми недѣлями, не встрѣчая ни одной группы хижинъ; но въ сѣверной области, гдѣ горы выше, склоны ихъ болѣе травянисты, а ложа ручьевъ часто бываютъ оживлены журчаніемъ воды, населеніе болѣе плотно: въ каждой долинѣ есть или деревня, или пастушьи хижины. Общее число жителей опредѣляетъ приблизительно въ двѣсти тысячъ, и изъ этого числа огромное большинство приходится на ту половину края, которая расположена къ сѣверу отъ Вальфишской бухты. Въ отношеніи же ко всей поверхности Дамарской и Намакуаской территоріи (830.960 кв. километр.) численность жителей не достигаетъ даже и одного человѣка на четыре квадратныхъ километра.

Что касается расъ, то присоединенная къ Германіи территорія представляетъ переходную страну. Правда, вся южная часть территоріи принадлежитъ расѣ хоинъ-хоинъ; но эти готтентоты чистой и смѣшанной крови повсюду находятся въ такомъ соприкосновеніи съ племенами банту, господствующими къ сѣверу отъ большаго горнаго массива, который пересѣкается Тсоахубомъ, что между ними нельзя провести опредѣленной границы. Приблизительно можно считать, что по крайней мѣрѣ три четверти края заняты племенами готтентотскими, составляющими болѣе одной пятой населенія. Впрочемъ, многія племена принадлежатъ къ смѣшанной расѣ, а что касается европейской крови, то она имѣетъ своихъ представителей какъ въ метисахъ или bastaards'ахъ, такъ и въ странствующихъ по краю бурахъ, португальскихъ pombeiros'ахъ и англійскихъ и нѣмецкихъ купцахъ.

Племена банту, населяющія лѣвый берегъ Кунэнэ, кверху отъ тѣхъ поперечныхъ долинъ, при посредствѣ которыхъ эта рѣка изливается къ морю, обыкновенно обозначаются именемъ ова-мбо, которое дано имъ ихъ юго-западными сосѣдями, племенемъ хереро; но сами они такъ себя не называютъ, хотя не имѣютъ и другаго какого-либо родоваго наименованія для обозначенія всѣхъ своихъ колѣнъ. Они примыкаютъ къ шибикасамъ Шельскихъ горъ и къ населеніямъ по ту сторону Кунэнэ, называемымъ ба-симба (му-ксимба), т. е. «прирѣчными людьми», которыхъ давніе документы именуютъ также симбебасами: отсюда и самое названіе «Симбебазія», до сихъ поръ еще употребляющееся для обозначенія области, по которой проходитъ Кунэнэ, а также и для всего Дамарскаго края. Большая часть этихъ туземцевъ великорослы, сильны, очень смышлены, искусны въ мастерствахъ. Ихъ языкъ лишь немногимъ отличается отъ языка хереро, а, по Duparquet, онъ представляетъ большое сходство также и съ языкомъ ба-фіотовъ; истинное же мѣсто этого нарѣчія въ ряду языковъ банту опредѣлятъ грамматическія изысканія, производимыя миссіонерами.

Территорія племени мбо распредѣлена между дюжиною племенъ, поселившихся въ особенности по берегамъ тѣхъ умарамба, которыя спускаются отъ Кунэнэ къ озеру Этоша, и вполнѣ отдѣленныхъ другъ отъ друга поясами разграничивающихъ ихъ необитаемыхъ лѣсовъ. Почти всегда находясь въ войнѣ, эти народцы—уважающіе, однако, собственность среди своего клана—весьма гордятся воровствомъ скота: такъ, молодые люди отправляются по ночамъ чрезъ промежуточные лѣса для захвата непріятельскихъ стадъ и, если ихъ во-время замѣтятъ, поспѣшно убѣгаютъ во-свояси; чрезъ нѣсколько дней племя, подвергшееся нападенію, старается отплатить имъ той же монетой. Этимъ по большей части и ограничиваются столкновенія племенъ между собою; однако, бываютъ также и настоящія войны, вслѣдствіе чего политическое равновѣсіе въ средѣ народовъ ова-мбо часто нарушалось. Изъ всѣхъ племенъ, общую численность которыхъ Пельгрэвъ опредѣляетъ приблизительно въ сто тысячъ, а Duparquet—въ сто двадцать тысячъ человѣкъ, самое могущественное то, которое населяетъ Куанхаму (Окуаньяму) или «Край мяса»; наименованіе это, повидимому, предполагаетъ существованіе у этого племени въ давнее время привычекъ людоѣдства, нынѣ уже исчезнувшихъ [1]); но собачье мясо они ѣдятъ, что, по-

[1]) Pohle, „Petermann's Mittheilungen", 1886, тетр. VIII.

[1]) Hugo Hahn, „Petermann's Mittheilungen", 1875 тетр. III.

видимому, считается нѣкоторыми изъ ихъ сосѣдей не менѣе омерзительнымъ. Край этотъ очень богатъ крупнымъ рогатымъ скотомъ, козами, овцами, свиньями и курами, а годныя къ культурѣ земли могли бы пропитать весьма значительное населеніе: самое наименованіе жителей «ова-мбо» или правильнѣе «ова-амбо», означаетъ будто бы «людей зажиточныхъ» [1]); это истинные земледѣльцы, воздѣлывающіе весьма тщательно свои земли, каждый въ своей фермѣ, и употребляющіе даже удобреніе; служителей въ краѣ много, но бѣдныхъ совсѣмъ нѣтъ. Куанхама, ограничиваемая на западѣ р. Кунэнэ, кверху отъ ея сліянія съ Какуловаромъ, простирается къ востоку вплоть до сосѣдства съ р. Ку-Банго; управляется эта страна самодержавнымъ королемъ, котораго обычай побуждаетъ откармливаться, чтобы стать жирнымъ. Онъ весьма страшенъ для своихъ подданныхъ, и силу своего могущества даетъ чувствовать даже и бѣлымъ, рѣдко удостоивая аудіенціей тѣхъ европейскихъ купцовъ, которые проникаютъ въ его королевство; его солдаты уже хорошо вооружены усовершенствованными ружьями [2]). Въ этомъ государствѣ, какъ равно и въ другихъ краяхъ племени мбо, наслѣдникъ престола всегда назначается при жизни своего предшественника; но держатъ его въ отстраненіи, почти какъ узника.

Послѣ Каунхамы, самое могущественное государство—Ондонга, или Ндонга, при чемъ нѣкоторые географы распространяютъ это наименованіе на всю группу націй мбо. Это государство, посѣщенное Galton'омъ, а съ тѣхъ поръ и многими другими путешественниками,—самое южное во всей группѣ и находится на пространеніи одного изъ сосѣднихъ съ озеромъ Этоша каналовъ-протоковъ. Сильно пострадавъ однажды отъ набѣга готтентотовъ, Ндонга сдѣлалось снова цвѣтущимъ, и нынѣ оно, чрезъ посредство находящихся тамъ англійской факторіи и стана финляндскихъ миссіонеровъ, оказываетъ наибольшее вліяніе на постепенное измѣненіе нравовъ въ краѣ; между его туземцами имѣются горшечники, мѣдники, кузнецы и фабриканты курительныхъ трубокъ. Одно изъ незначительныхъ по своей численности племенъ данной страны: южные омбланду—называемые также «людьми съ деревьевъ», вслѣдствіе обычая ихъ искать себѣ убѣжища на деревьяхъ при нападеніи врага,—отличается отъ другихъ своимъ республиканскимъ строемъ, а примѣровъ такого политическаго устройства въ мірѣ чернокожихъ весьма мало. Послѣдній король ихъ, доведя до крайности свой деспотизмъ и свои причуды, былъ, наконецъ, растерзанъ подъ собственною своею кровлею своими же подданными, которые и постановили: «не имѣть впредь властелина»; слово они свое сдержали до сихъ поръ и, оставаясь бѣдными и немногочисленными, тѣмъ не менѣе спасли свою независимость отъ притязаній на нее окрестныхъ корольковъ. Одному изъ восточныхъ племенъ, именно окафима, тоже удалось защитить свою свободу отъ племени куанхама, укрываясь, по первому сигналу, цѣлымъ племенемъ въ укрѣпленной оградѣ. Нѣсколько разсѣянныхъ группъ бушменовъ, называемыхъ португальцами *ма-куан-калла*, проживаютъ въ состояніи рабовъ по сосѣдству съ банту: они-то и доставляютъ ова-мбо желѣзную руду и слоновую кость; часто они служатъ имъ и какъ солдаты. На всемъ протяженіи равнинъ, населенныхъ племенемъ ова-мбо, проведены прекрасныя дороги, по которымъ снуютъ повозки какъ европейцевъ, такъ и туземцевъ, которые уже отлично усвоили употребленіе экипажей [1]). А когда экипажи эти туземцы увидѣли въ первый разъ, то падали ницъ и терлись своими лбами о ту пыль, на которой виднѣлся слѣдъ отъ колесъ. По Palgrave'у (въ 1876 г.) и по Duparquet (въ 1880 г.), ова-мбо состояли изъ слѣдующихъ племенъ:

Аварэ—2.500 чел.; окафима или окафина—1.500 чел.; ова-куаньяма или куанхама—30.000 чел. (Palgrave), 60.000 чел. (Duparquet); ова-мбаранду или омбланду—4.000 чел.; большіе и малые омбанджа—15.000 ч.; окарути или окуалуди—6.000 ч.; ова-куамби или окуамби—5.000 ч. (Palgrave),—7.500 ч. (Duparquet); ова-нганджера или ганжера—10.000 ч.; ова-мбо въ Ондонга—20.000 ч. (Palgrave), 15.000 ч. (Duparquet); остальные—4.000 чел.

Въ началѣ 1884 года, пятнадцать семействъ голландскихъ trekkers'овъ, поселившіяся въ области Ондонга, вблизи одного большаго источника, «Groot-Fontain», зарождающагося къ востоку отъ лагуны Этоша, основали «республику», которую и назвали, въ честь одного политическаго дѣятеля Капской колоніи, Уппингтоніей. Новое государство обнимало, по крайней мѣрѣ на картѣ, пространство въ пятьдесятъ тысячъ квадратныхъ километровъ и было раздѣлено на участки по двѣ тысячи четыреста гектаровъ. Къ заселенію этихъ участковъ были уже приглашены колонисты, но насильственная смерть главы этого дѣла и возникшія затрудненія съ туземцами побудили эту группу буровъ отдаться подъ покровительство Германіи [2]).

Племя ова-хереро, т. е. «веселые, радостные» [3]), а также иногда называемыя «дамарами равнинъ» или «дамарами-скотоводами», тоже

[1]) Schinz, „Proceedings of the R. Geographical Society", October. 1886.

[2]) Capello e Ivens, „De Angola a Contra-Costa".

[1]) Duparquet, „Cimbébasie".

[2]) „Proceedings of the R. Geographical Society", Апрѣль 1887.

[3]) Josaphat Hahn, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde". 1869.

принадлежащее къ націи банту, подвинулось далеко къ югу въ готтентотскій край; по ихъ преданіямъ, они обитали, въ срединѣ восемнадцатаго столѣтія, исключительно въ гористой области Каоко, и только въ 1775 году, когда вода была болѣе обильна въ краѣ, большая часть ихъ колѣнъ эмигрировала въ направленіи къ югу; нѣкоторыя же изъ нихъ, однако, остались въ Каоко, гдѣ перемѣшались съ бушменами и, подобно имъ, обѣднѣли. Благодаря трудамъ германскихъ и англійскихъ миссіонеровъ, основавшихся между херерами и напечатавшихъ грамматики, а также и разныя религіозныя сочиненія,—языкъ херерскій нынѣ хорошо извѣстенъ и оказывается чистымъ языкомъ банту, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ округахъ, гдѣ хереро проживаютъ безъ примѣси другихъ расъ, такъ какъ по сосѣдству съ готтентотами образовались мѣстные говоры, гдѣ смѣшаны слова обоихъ языковъ, либо съ префиксами языка банту, либо съ суффиксами готтентотскими [1]). Съ тѣхъ поръ, какъ хереро покинули Каоко, они часто враждовали съ другими народами. Въ началѣ имъ удалось побѣдить «настоящихъ дамаровъ» или «дамаровъ горныхъ», которыхъ они почти всѣхъ и поработили; но, затѣмъ, съ первой половины текущаго столѣтія, они стали подвергаться нападеніямъ намакуаскихъ готтентотовъ и бастардовъ, при чемъ тысячи ихъ погибли или были обращены въ рабство. Не имѣя ружей, съ которыми они могли бы противостоять завоевателямъ, прекрасно вооруженнымъ и находящимся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Капскою землею, хереро, казалось, были обречены на истребленіе, и Galton, путешествовавшій въ этомъ краѣ въ 1850 году, предвидѣлъ уже день, когда нама-куамъ, съ ихъ ненавистью къ чернокожимъ и съ характеризующею ихъ расу настойчивостью, удастся, наконецъ, сокрушить своихъ наслѣдственныхъ враговъ [2]). Однако, опасенія эти не оправдались Болѣе многочисленнымъ и болѣе подвижнымъ, чѣмъ ихъ противники, херерамъ, кромѣ того, посчастливилось получить помощь въ лицѣ шведскаго путешественника Андерсона, который, вслѣдствіе одного кровопролитнаго столкновенія, былъ тоже вовлеченнымъ въ войну; кончилось тѣмъ, что хереро восторжествовали, и, хотя партизанская война продолжалась еще долгіе годы, тѣмъ не менѣе, области распространенія обѣихъ враждующихъ расъ не измѣнились съ половины текущаго столѣтія. Нынѣ территорія племени хереро простирается, къ западу отъ племени ова-мбо, вплоть до моря, а къ югу за предѣлы того большаго массива, съ котораго нисходитъ Тсоахубъ; но политическія владѣнія не разграничены. «Земля принадлежитъ всѣмъ: каждый дама или нама можетъ раскинуть свой станъ, гдѣ ему вздумается; въ языкѣ хереро вовсе нѣтъ слова для выраженія понятія о «границѣ», нѣтъ его равнымъ образомъ и для понятія объ «отечествѣ» [1]). Общая численность «дамаровъ-скотоводовъ», по Palgrave'у, достигаетъ восьмидесяти пяти тысячъ, и приблизительно эту же цифру показываютъ и миссіонеры, основавшіеся въ краѣ; самый главный начальникъ ихъ, пребывающій въ Отиимбинге, имѣетъ тридцать тысячъ подданныхъ. По количеству скота, выгоняемаго на пастбища, легко вычислить—конечно, приблизительно,—и число людей. А такъ какъ каждый начальникъ знаетъ число своихъ животныхъ, то отсюда можно вывести число пастуховъ и ихъ семействъ; при этомъ, въ среднемъ, считаютъ по триста человѣкъ на *werft*, т. е. становье для скота, съ принадлежащими къ нему пастбищами.

Въ физическомъ отношеніи, хереро—одна изъ красивыхъ африканскихъ расъ: они высоки ростомъ, хорошо сложены, хотя въ дѣйствительности и не столь сильны, какъ можно бы думать, судя по великолѣпному развитію ихъ мышцъ; черты лица правильны, почти классическія; физіономія—открытая и веселая, но они вспыльчивы, и гнѣвъ придаетъ лицу ихъ свирѣпое выраженіе. Нѣкогда тѣ изъ нихъ, которые не жили подъ надзоромъ миссіонеровъ, были едва одѣты. Для костюма, какъ и подобаетъ пастушескому народу, имъ почти исключительно служитъ выдѣланная кожа: вокругъ бедеръ у нихъ, въ видѣ бахрамы, навѣшено столько тонкихъ ремешковъ, что они, будучи приложены концами другъ къ другу, вытянулись бы болѣе чѣмъ на сотню метровъ. Кромѣ того, они носятъ желѣзные, цинковые и мѣдные браслеты, перстни и ожерелья, и, подобно большинству сѣверныхъ банту, заплетаютъ свои волосы въ косы, которымъ придаютъ нѣкоторую жесткость при посредствѣ жира и красной глины. Женщины прикрываютъ себя тоже украшеніями, ремнями, нитяными или бумажными тесемками и браслетами, раковинами, а на голову надѣваютъ кожаную шапку, съ тремя высокими ушами, блистающими вслѣдствіе наведенія на нихъ слоя жирной глины. Обыкновенно считается, что приправа соли къ пищѣ безусловно необходима, а между тѣмъ хереро доказываютъ противное: они никогда не покупаютъ соли и не собираютъ ее въ прибрежныхъ лужахъ. Равнымъ образомъ и скотъ ихъ не ходитъ лизать глыбы каменной соли [2]). Остатки матріархата еще сохранились у хереро: жена почти свободна и можетъ развестись во всякое время по своему желанію; при самой большой клятвѣ клянутся «слезами сво-

[1]) R. N. Cust, упом. соч.

[2]) Francis Galton, „Journal of the R. Geographical Society of London", 1852.

[1]) Büttner, „Ausland", 1882, № 42.

[2]) Galton, „Narrative of an Explorer in Tropical South Africa".

ей матери» [1]); въ былое время случалось нерѣдко, что, въ случаѣ смерти матери еще молодою, съ ней вмѣстѣ зарывали и ея ребенка. Всѣ хереро, за исключеніемъ окрещенныхъ дѣтей, обрѣзаны; религіозныя же церемоніи всѣ имѣютъ въ виду обезпеченіе благополучія ихъ скота: коровій калъ употребляется при всѣхъ церемоніяхъ, и каждая окраска животнаго, каждая отмѣтина или оттѣнокъ въ масти имѣютъ въ ихъ глазахъ таинственное значеніе. Дочь начальника, будучи хранительницею священнаго огня, кропитъ скотинъ очистительною водою, а при перемѣнѣ становья, идетъ впереди стадъ съ свѣточемъ въ рукѣ. Большія деревья считаются хererами предками людей, и Galton и Andersson упоминаютъ о многихъ такихъ «растеніяхъ-матеряхъ», къ которымъ хереро приходятъ для засвидѣтельствованія своего благоговѣнія.

Нѣкогда эта нація дѣлилась на племена или скорѣе на касты, *эанда*, образовавшіяся, вѣроятно, изъ потомствъ извѣстнаго семейства и заимствующія свои наименованія отъ звѣздъ, деревьевъ и явленій въ природѣ; такъ, одно колѣно представляло «дѣтей солнца», другое—«дѣтей дождя» и т. д. [2]); теперь эти названія уже исчезаютъ. Нынѣ у этихъ пастуховъ все сводится къ количеству скота. Начальники—располагающіе, впрочемъ, лишь слабою властью—суть собственники скота; и когда они богатѣютъ животными, то, соотвѣтственно приросту ихъ стадъ, увеличивается также и число ихъ подданныхъ; напротивъ, когда бѣднѣютъ, уменьшается также и численность ихъ народа. Богатство властелина составляетъ единственную связь колѣнъ, хотя хереро превосходно сознаютъ общность своего національнаго происхожденія. Часто мѣняются также и политическія группировки; но что не мѣняется, такъ это центры населенія, при чемъ жизнь племени всегда тяготѣетъ къ мѣсту водопоя. Владѣнія каждаго начальника хереро, подобно владѣніямъ маленькихъ королькoвъ ова-мбо, отдѣлены отъ другихъ пограничными кустарниками и скалами, вступать въ предѣлы которыхъ сосѣднія племена отваживаются только въ случаѣ нападенія; но въ этихъ-то внушающихъ страхъ окраинахъ и гнѣздятся разбойники, готтентоты или банту, всегда подстерегающіе отбившихся отъ стадъ животныхъ. Между хереро есть также и пролетаріи, не имѣющіе скота и не связавшіе своей участи съ фортуной какого-нибудь богатаго скотовладѣльца; живутъ такіе хереро охотою или чѣмъ случится; таковы, наприм., ова-тжимба, соплеменники басимбовъ или симбэбовъ, кочующіе большею частью въ сѣверо-восточныхъ округахъ, сосѣднихъ съ ова-мбо. Относительно владѣнія землею нравы здѣсь—чисто коммунистическіе. Продавать почву у хереровъ не дозволяется, и если католическіе миссіонеры были, въ 1879 г., изгнаны изъ края, то это слѣдуетъ приписать скорѣе ихъ неблагоразумнымъ стремленіямъ къ покупкѣ земель, чѣмъ происками ихъ протестантскихъ собратій [1]). Впрочемъ, хереро, изъ примѣра колоніи, знаютъ, что тамъ, гдѣ водворятся бѣлые, чернокожіе вскорѣ перестаютъ быть господами у себя; но, несмотря на всѣ предосторожности хереро, имъ все-таки не избѣжать своей судьбы. Такъ какъ отнынѣ германцы стали ихъ сюзеренами, то они не избѣгнутъ новаго порядка землевладѣнія, который въ концѣ концовъ лишитъ ихъ собственности въ пользу чужеземцевъ.

Ова-зороту, или «дамары горъ», такъ названы бурами для отличія ихъ отъ «дамаровъ равнинъ»; и дѣйствительно, племена, оставшіяся свободными, населяютъ вершины плоскогорій, въ особенности же тѣ столовидныя естественныя крѣпостцы, крутые откосы которыхъ уединяютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. По Galton'у, эти дамары называютъ себя хау-дамонъ, т. е. «дамарами истинными», или же хау-хоннъ, т. е. «истинными хоннами» или готтентотами; но принадлежатъ ли они къ этой расѣ? Galton, напротивъ, видитъ, въ нихъ единоплеменниковъ ова-мбо, на которыхъ они походятъ своими чертами и образомъ жизни, хотя бѣдность и рабство значительно пригнели ихъ. Если же большинство между ними и говорятъ на готтентотскомъ нарѣчіи, то это слѣдуетъ приписать нахожденію ихъ среди ихъ прежнихъ господъ хоннской расы; нынѣ онѣ принадлежатъ уже другимъ властителямъ, чѣмъ какъ-бы оправдывается наименованіе ихъ *дама*, которое, по толкованію многихъ писателей, значитъ: «побѣжденные». Невысокіе, худощавые и слабосильные, они живутъ обработкой почвы, которая, однако, даетъ имъ довольно скудные урожаи. Нѣкоторые изъ ихъ колѣнъ группируются около миссій; большая же часть ихъ находится на службѣ у скотовладѣльцевъ и проживаетъ по сосѣдству съ ихъ становьями или *werften*. Численность ихъ опредѣляютъ различно: отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ; отъ разногласій въ этомъ отношеніи авторамъ нельзя и уберечься, такъ какъ многія колѣна сомнительнаго происхожденія причисляются къ различнымъ расамъ. Горные дамары имѣютъ замѣчательную способность къ музыкѣ; хоромъ они поютъ звучными голосами и совершенно правильно [2]).

Нама-куа, т. е. «люди нама», занимаютъ къ югу отъ Тсоахуба и Кюизипа, почти всю южную часть германской территоріи: подъ именемъ же малыхъ нама-куа, одно изъ этихъ

[1]) Galton;—Andersson;—Hahn, и т. д.
[2]) Charles John Andersson, „The Lake Ngami".

[1]) Büttner, упом. соч
[2]) Hugo Hahn, „Petermann's Mittheilungen". 1867.

племенъ имѣетъ свои станицы къ югу отъ нижняго теченія Оранжевой рѣки, при чемъ обитаемая ими мѣстность стала однимъ изъ округовъ Капской колоніи. И тѣ, и другіе, будучи разсѣяны по безводной территоріи, не многочисленны; именно около средины текущаго столѣтія ихъ насчитывали приблизительно до пятидесяти тысячъ человѣкъ, которые составляли слабые остатки сотенъ тысячъ нама, обитавшихъ нѣкогда въ Южной Африкѣ [1]); по Palgrave'у, ихъ нынѣ не болѣе даже двадцати тысячъ, изъ которыхъ семнадцать приходится на долю большихъ нама-куа и три тысячи на долю малыхъ нама-куа. Они—готтентоты, и въ былое время ихъ считали самыми чистыми представителями расы: тѣ, которыхъ называютъ «красною націею», *гейкусами* гористой области, лежащей къ юго-востоку отъ бухты Вальфишъ—есть готтентоты или хоины по преимуществу; они чванятся тѣмъ, что были первыми завоевателями края, а въ настоящее время исчисляются приблизительно въ двѣ съ половиной тысячи. Топнаары, т. е. «болѣе высокіе», или «первые», сгруппировавшіеся главнымъ образомъ на англійской территоріи бухты,—въ настоящее время значительно поуменьшились въ числѣ и, вообще, это самые выродившіеся изъ нама-куа [2]). Другіе, напротивъ, и именно урламы,—которымъ ихъ первоначальное наименованіе, орангъ-лами, т. е. «старые знакомые» было, будто-бы, дано капскими моряками [3]),—образовались изъ большаго или меньшаго смѣшенія различныхъ элементовъ, и у нихъ можно отыскать даже нѣкоторые слѣды европейской крови; въ теченіе XIX столѣтія они ожесточенно сражались съ хереро. Будучи всѣ воинами и пастухами, и проживая въ полусферическихъ хижинахъ, устроиваемыхъ изъ вѣтвей и древесной коры, нама-куа знаютъ лишь самые рудиментарныя ремесла, подходящія къ ихъ образу жизни: острятъ и насаживаютъ на рукоятки оружіе, мастерятъ деревянныя чашки для храненія молока и ключевой воды.

Отыскикая себѣ пригодныя пастбища и вслѣдствіе этого бродя съ мѣста на мѣсто, большіе нама-куа живутъ отдѣльными кланами, имѣющими каждый своего начальника и свой совѣтъ изъ двѣнадцати старѣйшинъ. Власть же такого царька тѣмъ больше, чѣмъ знаменитѣе родъ, изъ котораго онъ происходитъ, и чѣмъ болѣе онъ одержалъ побѣдъ. Однако, съ тѣхъ поръ какъ капскіе колонисты и пришедшіе съ востока буры окружили ихъ территорію, съ тѣхъ поръ какъ крупные торговцы разъѣзжаютъ по ихъ горамъ, для закупки скота, а германскіе рудокопы принялись за изученіе ихъ скалъ съ цѣлью отысканія жилъ металловъ,—власть начальниковъ, превратившихся номинально въ христіанъ, стала постепенно умаляться; ихъ страшатся уже не соразмѣрно числу ихъ воиновъ, ихъ уважаютъ только за богатство скотомъ. Повидимому, обречена на исчезновеніе и самая раса, такъ какъ численность ея слишкомъ уменьшилась для того, чтобы противостоять разлагающимъ ея условіямъ. Малые нама-куа уже не говорятъ по-готтентотски; миссіонеры, основавшіяся среди большихъ нама-куа, перестали изучать ихъ языкъ, а съ 1882 года уже прекратились и религіозныя изданія на этомъ языкѣ; безполезно, вѣдь, писать книги на языкѣ вымирающемъ, который завтра перестанутъ понимать и который уже замѣненъ голландскимъ языкомъ, какъ однимъ изъ тѣхъ двухъ языковъ, при посредствѣ которыхъ распространяется цивилизація въ Южной Африкѣ [1]). Намское нарѣчіе, бывшее самымъ чистымъ изъ готтентотскихъ діалектовъ, скоро присоединится къ другимъ говорамъ того же происхожденія, отъ которыхъ теперь остались одни лишь имена горъ и рѣкъ, къ тому же почти всѣ искаженныя. Обломки намскихъ племенъ, живущіе въ восточныхъ равнинахъ, сливаются съ презираемыми бушменами.

До сихъ поръ сѣверная часть морскаго берега отъ р. Кунэнэ до бухты Вальфишъ не имѣетъ ни одного порта, посѣщаемаго кораблями. Къ сѣверу отъ песчанаго выступа материка, называемаго cabo Frio, или «Холоднымъ мысомъ», находится angra Fria или «Холодная бухта», но это лишь небольшой заливчикъ, не доставляющій никакой защиты отъ волненія въ морѣ и отъ обычныхъ здѣсь юго-западныхъ вѣтровъ. Хотя двумя стами километрами южнѣе, каралловые рифы Огдана и образуютъ прекрасный, спокойный и обширный водоемъ, кишащій миріадами рыбъ, но сосѣдній берегъ пустыненъ, а потому пустуетъ и эта гавань. Входнымъ портомъ всей территоріи дамаровъ и нама-куа является превосходная и широкая Китовая (Вальфишъ) бухта, расположенная на половинѣ разстоянія между устьями рѣкъ Кунэнэ и Оранжевой, и дающая доступъ къ двумъ главнымъ рѣчнымъ ложамъ страны: Тсоахубъ и Купзипъ. Въ эту бухту могутъ безъ труда пройти, фарватеръ глубиной въ 7 метровъ—даже большія суда, которыя, затѣмъ, становятся на якорь въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ берега, на глубинѣ семи или восьми метровъ. Здѣсь они прекрасно защищены отъ непогодъ, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда

[1]) Josaphat Hahn, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde", 1889.

[2]) Coates Palgrave, „Reports of a Mission to Damaraland and Great Namaqualand in 1876".

[3]) Grundemann, „Missions Bibliothek, Africa".

[1]) R. N. Cust, упом. соч.

дуютъ сѣверные или сѣверо-западные вѣтры. Китовую бухту—обязанную своимъ наименованіемъ китамъ, нѣкогда весьма многочисленнымъ въ этихъ водахъ, посѣщаютъ еще дельфины-великаны, и она не потеряла еще своего рыбнаго богатства: приливы приносятъ цѣлыя стаи рыбъ, которыя поднимаются далеко внутрь материка и при отливѣ иногда остаются запертыми въ лужахъ. Нѣкогда чрезъ посредство этого порта производилась большая торговля слоновою костью и страусовыми перьями; такъ, изъ Китовой бухты было вывезено слоновой кости: въ 1875 г.—17.000 килограммовъ, въ 1885 г.—700 килограммовъ; страу-

Мужской и женскій типы кафровъ.

совыхъ перьевъ: въ 1875 г.—3.000 килограм., въ 1885 г.—1.500 килограм. Затѣмъ, уже издавна купцы изъ Капштадта являются для закупки убойнаго скота для своего города. Поэтому-то, правительство Капской колоніи и позаботилось обезпечить за собою обладаніе этимъ жизненнымъ для колоніи пунктомъ на берегу дамаръ и нама-куа; а германцы, завладѣвая дамарскою территоріею, вынуждены были не посягать на эту англійскую энклаву, пространствомъ въ 1.761 квадр. километровъ. Но, съ своей стороны, и англичане, опасаясь, чтобы новые пришельцы въ край не устроили гдѣ-либо на берегу другаго порта и не отвлекли бы къ нему торговли, объявили Китовую бухту свободною: всѣ продукты страны изъ бухты вывозятся безпошлинно и равнымъ образомъ безпошлинно же всѣ товары изъ Европы и изъ Капской земли направляются къ внутреннимъ пунктамъ, каковы: Омаруру—который шведскій негоціантъ, преемникъ Андерсона, обратилъ въ главный рынокъ для хереро; Отыхбингуэ — на рѣкѣ Тсоахубѣ; Окаханджа и Отыканго или Ней-Барменъ, на той же самой рѣкѣ, но выше; и наконецъ, Ребоботъ—на одномъ изъ притоковъ Куизппа. Нѣсколько сотенъ топнааровъ, которымъ запрещено продавать водку, имѣютъ свои становища на сосѣднихъ съ бухтою дюнахъ.

Но если бы когда-либо англійское правительство и вздумало какъ-нибудь препятствовать торговлѣ въ Китовой бухтѣ, то въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею могли бы устроить свой портъ также и германцы, именно въ бухтѣ, называемой на англійскихъ картахъ гаванью Сандвича, а вообще именуемой Порто-до-Ильео. Бухта эта, хотя она меньше Китовой и подвержена заносу пескомъ, представляетъ ту выгоду, что защищена отъ всѣхъ вѣтровъ и, кромѣ того, въ прибрежныхъ пескахъ содержитъ прѣсную воду; тогда какъ въ Китовую бухту, находящуюся въ 56 километрахъ отъ ближайшаго колодца, судамъ приходится привозить воду изъ Капштадта, здѣсь, т. е. въ Порто-до-Ильео, стоитъ только разрыть на небольшую глубину песокъ, чтобы добыть воды въ изобиліи. Нынѣ на берегу этой бухты находятся хижины небольшой готтентотской деревни Анишабъ.

Портъ южнаго округа, Ангра Пекена, что значитъ по-португальски «малая бухта», и побудилъ Германію—послѣ пріобрѣтенія его купцомъ Людерицемъ—къ дипломатическимъ переговорамъ съ Англіей и къ овладѣнію цѣлою страною въ восемьсотъ тридцать тысячъ квадратныхъ километровъ между рѣками Кунэнэ и Оранжевой. Вопреки своему наименованію, это вовсе не незначительное изсѣченіе въ морскомъ побережьѣ, такъ какъ, развѣтвляясь направо и налѣво, эта бухта продолжается болѣе чѣмъ на восемь километровъ къ югу отъ своего входа. А такъ какъ входъ имѣетъ въ ширину отъ 13 до 14 метровъ, то бухта доступна и для большихъ кораблей; якорная стоянка на ней превосходна: волненіе распространяется только до ея половины, да и то при сѣверныхъ вѣтрахъ. Чего не достаетъ порту Ангры Пекены, какъ равно и Китовой бухтѣ, такъ это хорошаго запаса прѣсной воды, хотя такъ называемый рѣчной потокъ, оврагъ «Little Orange'a», и впадаетъ въ бухту; и здѣсь также—въ ожиданіи, когда возрастающее значеніе порта побудитъ къ вырытію на пляжѣ цистернъ, въ которыя стекала бы вся вода съ дюнъ—торговцамъ приходится запасаться водою, привозимою на судахъ изъ Капштадта. Какъ торговое мѣсто, Ангра Пекена до сихъ поръ не оправдала еще надеждъ своихъ обладателей: скотъ, рыба и нѣкоторые минералы—вотъ все, что изъ нея вывозится; германскіе торговцы даже совершенно покинули въ 1887 году свою факторію.

Находящіеся въ сосѣдствѣ съ портомъ драгоцѣнные острова съ гуаномъ, именно: Ишабоэ, расположенный въ 1.200 метрахъ отъ побережья, къ сѣверо-западу отъ входа въ портъ; Галифаксъ, около полуострова, ограничивающаго портъ съ запада, и другіе издавна считаются принадлежащими къ Капской Землѣ, а самый вывозъ гуано находится на откупу у англійскихъ купцовъ. Эти острова, гдѣ съ октября по ноябрь проживаютъ временно миріады пингвиновъ, баклановъ и другихъ птицъ, въ былое время были покрыты слоемъ гуано толщиною въ нѣсколько метровъ; спекуляторы поспѣшили соскрести всю эту массу вплоть до камня, вслѣдствіе чего около половины текущаго столѣтія острова оказались совершенно оголенными. Нынѣ сборъ гуано упорядоченъ: во время кладки яицъ и высиживанія изъ нихъ птенцовъ доступъ на острова воспрещенъ, и птицы полные ихъ хозяева; только по окончаніи вывода молодыхъ появляются собиратели помета, за который въ 1884 году выручили сумму въ полмилліона франковъ. Въ этихъ пространствахъ океана рыбаки преслѣдуютъ тюленей, которые во множествѣ плаваютъ вокругъ островов и рифовъ. На пляжахъ острова Possession, находящагося къ югу отъ Ангры Пекены, въ бухтѣ Елизаветы, мореплаватель Морелль нашелъ въ громадномъ количествѣ костяки китовъ, по его разсчету болѣе милліона штукъ; происхожденіе этихъ скелетовъ онъ объясняетъ тѣмъ, что песчаный смерчь врасплохъ захватилъ громадную стаю этихъ животныхъ и сразу поглотилъ ихъ [1]).

Внутри Дамарской области самыя большія деревни состоятъ изъ нѣсколькихъ дюжинъ хатъ,

[1]) Philippes de Kerhallet et Grass, „Instructions nautiques sur la côte occidentale d'Afrique".

да и такія поселенія въ большинствѣ лишь временныя. Главными городами являются миссіонерскіе станы: Вармбадъ (Nissbett's bath), на одномъ изъ уади, притокѣ Оранжевой рѣки; и Бетаніенъ (Виѳанія), въ гористой области, которая простирается къ востоку отъ Ангры Пекены. Бетаніенъ считается столицей всего края племени нама-куа, и въ 1884 г. въ немъ было четыре кирпичныхъ зданія: домъ миссіонеровъ, церковь, дворецъ для начальника и магазинъ торговца. Затѣмъ, Штольценфельсъ представляетъ зачатокъ земледѣльческой колоніи, недавно основанной на берегу Оранжевой рѣки, на границѣ съ англійской территоріей: надѣются, что обводнительные каналы, проведенные изъ рѣки, превратятъ въ сады тамошнія безплодныя пустоши.

Глава VII.

Бассейны рѣкъ Оранжевой и Лимпопо.

Англійскія колоніи на Мысѣ Доброй Надежды и въ Наталѣ.—Земли зулусовъ, ба-суто и бе-чуановъ.—Голландскія республики и Португальская территорія Лоренсу-Маркезъ.

I. Общій взглядъ.

Три великія географическія событія послужили вступленіемъ въ новѣйшую эру: открытіе пути на востокъ чрезъ южныя моря, прибытіе каравеллъ Колумба въ Новый Свѣтъ и кругосвѣтное плаваніе Магеллана. Изъ этихъ трехъ фактовъ, имѣвшихъ рѣшающее значеніе въ исторіи планеты, первый совершился въ 1486 г., когда Варѳоломею Діазу посчастливилось обогнуть Мысъ Бурь, который, по этому поводу, и былъ переименованъ въ Мысъ Доброй Надежды. Нѣсколько лѣтъ спустя «добрая надежда» уже осуществилась: Васко-де-Гама достигъ береговъ Индіи; два моря, Западное и Восточное, слились въ одинъ океаническій бассейнъ, и человѣкъ научился измѣрять Землю, которая нѣкогда казалась ему безграничною.

Однако берега, вдоль которыхъ первые португальскіе корабли переплывали изъ одного моря въ другое, долгое время не привлекали къ себѣ вниманія изслѣдователей. Привлекаемые богатствами Индій, Восточной и Западной, мореплаватели не думали останавливаться на землѣ, которая не сулила имъ быстраго обогащенія ни путемъ торговли, ни путемъ добычи; прошло болѣе полутора вѣка, прежде чѣмъ европейцы высадились на эту часть африканскаго материка, съ цѣлью остаться на ней и предаться воздѣлыванію ея почвы. Что касается сожалѣній португальскихъ писателей о томъ, что ихъ предки, въ вѣкъ великихъ географическихъ открытій, не обратили вниманія на эти берега, то такія сожалѣнія напрасны; португальцы были слишкомъ малочисленны для того, что обнять весь міръ, чтобы одновременно заняться завоеваніемъ эльдорадъ Индіи, Зондскихъ острововъ и Америки, и медленной эксплоатаціей годныхъ къ культурѣ мѣстностей въ Южной Африкѣ, между рѣками Запрою и Замбезе. Со всѣмъ тѣмъ, долженъ былъ настать, наконецъ, день, когда и въ этихъ областяхъ Южной Африки переселенцы обрѣли гораздо больше того, что могли имъ дать рудники Голконды и пряности Инсулинда; страна, въ которой они поселились, была, вѣдь, новою Европою, съ климатомъ, лишь немного отличающимся отъ климата ихъ родины, съ почвою, на которой воздѣлываются тѣ же самыя растенія и пасутся тѣ же самые животныя; среда въ которую они попадали, оказалась довольно схожею съ ихъ родимыми мѣстами для того, чтобы, на разстояніи многихъ тысячъ лье и въ другой атмосферѣ, они могли бы сохранить свои привычки и свои нравы. Населеніе европейскаго корня развивалось въ мѣстѣ своего пребыванія медленно, но и такой незначительный приростъ его былъ все-таки достаточенъ для постепеннаго увеличенія занятой имъ площади; съ того же времени, какъ возрастанію числа жителей стало содѣйствовать также и правильное переселеніе, колонисты начали постепенно повсюду завладѣвать землями туземныхъ населеній, и нынѣ они уже господствуютъ во всей Южной Африкѣ на пространствѣ между рѣками Оранжевой и Лимпопо.

Какъ центръ заселенія и цивилизаціи, европейская колонія на Мысѣ Доброй Надежды съ ея дополненіями, Наталемъ и голланд-

скими республиками, оказываетъ уже свое собственное вліяніе, независимо отъ рессурсовъ, которые ей доставляютъ ея сношенія съ метрополіей. Капъ (Капштадтъ, Кэптаунъ) является средоточеніемъ какъ для снабженія съѣстными припасами, такъ и для изысканій по изслѣдованію Южной Африки: изъ этого города исходило почти столько же, сколько и изъ Европы, почина относительно научныхъ работъ и промышленнаго пользованія окрестными странами; вмѣстѣ съ своимъ округомъ и со смежною полосою побережья, Капъ является какъ-бы отрывкомъ Европы, постепенно увеличивающимся и замѣщающимъ африканскій міръ. Часто Капскую колонію сравнивали съ Алжиромъ, который находится на другомъ концѣ материка, и который по своей промышленности, политической и общественной жизни уже сталъ какъ-бы частью Европы. Однако, во многихъ отношеніяхъ превосходство на сторонѣ Алжира. Хотя гораздо меньше пространствомъ, чѣмъ европейскія государства Южной Африки, взятыя въ совокупности, Алжиръ болѣе населенъ, и даже тѣ изъ его жителей, которые принадлежатъ къ бѣлой расѣ, нѣсколько многочисленнѣе бѣлаго населенія Южной Африки; также многочисленнѣе и ежегодное число переселенцевъ въ Алжирію, и, наконецъ, хотя онъ и не обладаетъ ни золотомъ, ни алмазами, но, тѣмъ не менѣе, торговля его все-таки значительнѣе торговыхъ оборотовъ Капской Земли. Объясняется это выгодами географическаго положенія: Алжирія прибрежная страна Средиземнаго моря и лежитъ насупротивъ Франціи, Испаніи и Италіи; всего чрезъ нѣсколько часовъ пути можно изъ ея портовъ достичь до европейскаго материка. Однако, она представляетъ ту невыгоду, что непроходимыя пустынныя пространства вполнѣ уединяютъ ее отъ остальнаго материка: она какъ-бы отрѣзана отъ Африки. Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находятся южныя африканскія колоніи; хотя и онѣ также прилегаютъ къ пустынѣ, но сношенія ихъ чрезъ это не прерываются и, при посредствѣ морскаго побережья, народы, съ той или другой стороны, остаются въ связи другъ съ другомъ. Но на югъ Мысъ Доброй Надежды, обращенъ къ пустому пространству, такъ какъ омывающее его негостепріимное море теряется въ антарктическихъ льдахъ. Затѣмъ, для частыхъ сношеній съ цивилизованнымъ міромъ, капскіе колонисты должны пересѣкать необъятый океанъ: куда не обратиться, въ сторону ли Великобританіи, или къ Индіи, или къ Австраліи— повсюду промежутокъ въ тысячи километровъ. Ближе всего оконечность Южной Америки и, однако, разстояніе до нея равняется 5.400 километровъ. Тасманія же, третій выступъ континентальныхъ земель по направленію къ южному полюсу, оказывается уже въ десяти тысячахъ километровъ къ востоку.

Вотъ нѣкоторыя числовыя данныя для сравненія пространства и населенности Алжиріи, съ пространствомъ и населенностью европейскихъ государствъ Южной Африки:

Алжирія: (Территорія гражданская и военная). Поверхность—478.855 кв. километровъ. Европейское населеніе — 500.000 человѣкъ. Населеніе туземное — 3.320.000 человѣкъ. Средняя населен. на одинъ кв. килом. 8 человѣкъ. Морская торговля—560.000.000 франковъ (1882).

Южная Африка: Поверхность—1.116.270 кв. километровъ. Европейское населеніе 480.000 человѣкъ. Населеніе туземное 20.650.000 человѣкъ. Средняя населен. на одинъ кв. килом. 3 человѣка. Морская торговля—273.000.000 франковъ (1886).

Орографія южныхъ территорій напоминаетъ своими главными чертами орографію всей Африки. А на этомъ материкѣ, разсматриваемомъ въ его цѣлости, цѣпи горъ возвышаются, главнымъ образомъ, по его окружности, при чемъ самые высокіе кряжи и самыя горныя вершины находятся на его восточномъ берегу. То же самое наблюдается и на южной его оконечности: выдающіяся части рельефа протянулись параллельно морскому побережью, оставляя внутри материка обширныя равнины; восточныя горы достигаютъ наибольшаго вызвышенія и стоятъ на болѣе широкомъ цоколѣ изъ плоскогорій. Съ этой стороны главныя вершины приближаются къ тремъ съ половиною тысячамъ метровъ высоты.

Прерываемая Оранжевой рѣкой, закраина горъ и плоскогорій, идущая вдоль берега въ землѣ Большихъ Нама-куа, снова проявляется въ области Малыхъ Нама-куа, хотя уже и не достигаетъ прежней высоты. Съ террасы на террасу мѣстность становится все выше, направляясь къ кровлѣ гранитнаго плоскогорія, на которомъ разсѣяны горные массивы; горделивые со стороны запада, откуда ихъ можно созерцать во всю ихъ высь, они имѣютъ болѣе скромный видъ со стороны востока, гдѣ ихъ основаніе теряется въ однообразномъ гнейсовомъ нагорьѣ, называемомъ Большимъ Бушменлэндомъ: средняя высота ихъ не менѣе тысячи метровъ. Къ югу отъ области племени нама-куа, горный кряжъ, размытый водами, распадается на отдѣльныя расходящіяся цѣпи, изъ которыхъ однѣ направляются на соединеніе съ восточными горами, тогда какъ другія продолжаются въ видѣ параллельныхъ кряжей къ югу, при чемъ каждый такой кряжъ или *rand* образуетъ какъ бы стѣну между приморскими низменностями и высокими равнинами внутри страны. Самаго большаго возвышенія эти валы достигаютъ къ югу отъ рѣки Олифантъ; такъ, Кедровыя горы самою высшею

вершиною имѣютъ *Sneew-kop*, т. е. Снѣговой пикъ, въ 1.831 метровъ, а цѣпь Олифантъ вздымается на 2.085 метровъ своей вершиной *Winter-hoek*, т. е. Зимній пикъ: и дѣйствительно, въ теченіе нѣсколькихъ дней въ году жители Кэптоуна видятъ, на сѣверо-восточномъ горизонтѣ, эту гору убѣленною полосами снѣга, а порою даже прикрытою снѣговой шапкой.

Продолжаясь къ югу, цѣпь Олифантъ оканчивается мысомъ *Hang-Klip*, находящимся насупротивъ мыса Доброй Надежды. Что касается этого знаменитаго мыса, выдвинувшагося западнѣе, въ видѣ серпа, то онъ принадлежитъ къ краевой цѣпи, отъ которой нынѣ остались только отрывки, и которая образуетъ выступъ за черту континентальнаго берега. между заливомъ Св. Елены и бухтою Фальсъ

Портъ Наталь и Дурбанъ.

или Симонсъ. На своей сѣверной оконечности эта цѣпь состоитъ лишь ихъ небольшихъ холмовъ; но къ югу она вдругъ сильно повышается и окаймляетъ Капскую бухту полукруглой оградою, состоящею изъ нѣсколькихъ вершинъ. Изъ нихъ, мощная Столовая гора вздымаетъ на 1.091 метръ свою громадную, зачастую сокрытую въ облакахъ, песчаниковую плиту надъ почти вертикальными стѣнами и крутыми откосами, изборожденными оврагами, въ которыхъ произрастаютъ дубъ и сосна; гранитныя основы горы покрыты зеленью. Затѣмъ, по направленію къ востоку, этотъ горный циркъ оканчивается остроконечной вершиною, называемой «Чертовымъ пикомъ», Devil's реакъ, а по направленію къ западу — длинными крупами Льва, повернувшагося спиной къ городу и взирающаго на море своей величавой головой. По другую сторону Столовой горы, холмы постепенно понижаются въ направленіи къ мысу Доброй Надежды.

На востокъ отъ параллельныхъ горныхъ барьеровъ, тянущихся вблизи Атлантическаго океана, въ направленіи съ сѣвера на югъ,— возвышенія почвы, располагаясь на-подобіе складокъ по краю ткани, продолжаются уже въ восточномъ направленіи, почти параллельно берегамъ южнаго океана; однако, по отношенію къ профилю побережья, эти цѣпи расположены немного косвенно къ берегу, такъ какъ всѣ онѣ теряются въ тѣхъ мысахъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ къ востоку отъ мыса Агульясъ, или «Игольнаго», составляющаго самую южную оконечность материка. Нѣкогда эти горные хребты непрерывно продолжались отъ запада къ востоку; нынѣ же они разрѣзаны на отрывки разной величины потоками, которые открыли себѣ выходныя клюзы въ слабыхъ пунктахъ древнихъ породъ, вдоль сѣверной подошвы которыхъ они текутъ. Эти глубокія ущелья, прорытыя между параллельными цѣпями горъ, придаютъ данной области большое разнообразіе, въ особенности вблизи моря, гдѣ горные склоны большею частью покрыты лѣсомъ. Самая высокая изъ этихъ перерѣзанныхъ потоками цѣпей находится отъ океана дальше всѣхъ остальныхъ. Нѣкоторыя вершины *Groote Zwartebergen*, или Большихъ Черныхъ Горъ, переходятъ за 2.200 метровъ, а по направленію къ восточной оконечности хребта, на сѣверо-западѣ бухты Альгоа, гора Cockscomb, называемая также Groot Winterhoek, достигаетъ 1.818 метровъ.

Къ сѣверу отъ цѣпей, скученныхъ вблизи побережья, другая цѣпь, отстоящая, въ среднемъ, въ двухстахъ километрахъ отъ моря, тянется извилистой линіей, подъ различными наименованіями, по направленію съ запада на востокъ. Такъ, на своей западной оконечности, около при-атлантическихъ береговыхъ горъ, она называется Комсбергъ, а затѣмъ принимаетъ наименованіе Нивевельдъ, при чемъ слово veld указываетъ на большую пологость ея скатовъ въ сравненіи съ крутыми откосами *bergen*. Еще далѣе цѣпь, повидимому, понижается почти до уровня равнинъ; но въ Снѣговыхъ горахъ, *Sneeuw-bergen* она снова поднимается и образуетъ вершину Компасъ въ 2.738 метровъ, которая представляетъ самую высшую точку Капской области въ собственномъ смыслѣ слова. За этимъ массивомъ цѣпь раздваивается; при этомъ, вѣтвь, направляющаяся на юго-востокъ, сначала прерывается однимъ изъ притоковъ Большой Рыбной рѣки, Great-Fish-river, а затѣмъ снова возвышается въ *Groot Winter-berg* (Большая Зимняя гора) до 2.378 метровъ; послѣ этого она направляется къ устью рѣки Кей, составляющей западную границу Кафраріи; другой кряжъ горъ, образуя водораздѣлъ между бассейномъ Оранжевой рѣки и бассейномъ Great Fish-river, извивается сначала къ сѣверу, а затѣмъ къ востоку, идя на соединеніе съ тою высокою цѣпью, которая отдѣляетъ Кафрарію и Наталь отъ области племени ба-суто. Его восточная оконечность, извѣстная подъ именемъ *Storm-bergen*, или Бурныхъ Горъ, прославилась въ экономической исторіи Капланда своими богатствами топливомъ. Стормбергскій каменный уголь, тощій и слоистый, главнымъ образомъ встрѣчается на сѣверныхъ склонахъ горной цѣпи и простирается далеко въ направленіи къ сѣверу; однако, вслѣдствіе дороговизны выкапыванія его, а также и затрудненій въ перевозкѣ, его употребляютъ собственно лишь въ тѣхъ деревняхъ, которыя находятся по сосѣдству съ копями. Въ Бурныхъ горахъ видны еще древніе вулканы, съ явственными кратерами, повидимому, потухшіе со времени тріасовой эпохи.

Усѣянная кустами, волнистая равнина, извѣстная подъ именемъ Большой Кару (готтентотское слово кару означаетъ безплодную почву), простирается съ востока на западъ между краевыми цѣпями и горами водораздѣла. На сѣверѣ, по направленію къ Оранжевой рѣкѣ, другія возвышенныя равнины тамъ и сямъ прерываются небольшими массивами, по большей части состоящими изъ вулканическихъ скалъ, трапповъ и долеритовъ, образующихъ монументальныя природныя колоннады. Эти высокія равнины суть тоже кару (karoo), и на всемъ своемъ протяженіи представляютъ такое же геологическое строеніе; нѣкогда онѣ были покрыты на обширныхъ пространствахъ болотистыми водами, въ которыхъ проживали миріады позвоночныхъ пресмыкающихся, дицинодонтовъ и другихъ, подобныхъ которымъ уже нѣтъ на нашей планетѣ, и которыя, вѣроятно, вымерли передъ окончаніемъ тріасовой эпохи. По Ричарду

Оуэну, эти громадныя ящеричныя животныя были травоядными и, повидимому, имѣли нравы амфибій. Какъ на протяженіи главной кару, такъ и на кару второстепенныхъ, простирающихся къ сѣверу вплоть до Оранжевой рѣки, разсѣяны многочисленныя углубленія, въ которыхъ скопляются дождевыя воды, а по испареніи этихъ водъ обнажаются отложенія соли.

За Бурными горами, изгибъ главной цѣпи въ направленіи къ сѣверо-востоку соотвѣтствуетъ параллельному изгибу берега океана. Цѣпь Дракенбергенъ, или Драконовыхъ горъ, также называемыхъ Куатламбою, развертывается на разстояніи, въ среднемъ, приблизительно 200 километровъ отъ моря, а нѣкоторыя изъ ея куполовъ и остроконечій достигаютъ высоты въ три тысячи метровъ. Продолжая водораздѣлъ между Атлантическимъ и Индійскимъ океанами, эта возвышенная мѣстность походитъ на горный хребетъ только со стороны востока, гдѣ крутыми уступами она нисходитъ къ морю; по другую же сторону, цѣпь оказывается лишь валомъ, окаймляющимъ плоскогоріе, на которомъ высятся другіе параллельные выступы рельефа. Срединное пространство между Драконовыми горами и Индійскимъ океаномъ занято тремя террасами или уступами, которые представляютъ большія неправильности въ рельефѣ и которые во многихъ мѣстностяхъ замаскированы поперечными кряжами, возвышающимися между рѣками. Самая высокая терраса, простирающаяся вдоль подножія Драконовыхъ горъ, имѣетъ въ среднемъ тысячу метровъ въ высоту; уступъ, образующій срединную полосу Кафраріи и Паталя, колеблется между шестьюстами и семьюстами метрами; а береговая платформа, раздѣляемая ложами потоковъ на множество отрывковъ, возвышается надъ изгибами береговъ на триста метровъ.

Къ сѣверу отъ вершины, увѣнчанной вертикальными пластами плитняка и имѣющей видъ крѣпости въ развалинахъ,—откуда и имя этой вершины въ 2.944 метра: *Giant's Castle*—вѣтвь, сохраняющая направленіе оси Дракенбергена, мало-по-малу понижается; преобладаніе уже принадлежитъ тому параллельному ряду высотъ, который пересѣкаетъ территорію ба-суто, подъ именемъ *Blauwbergen* (Голубыхъ Горъ), или, по туземному, Малути, т. е. пиковъ. Далѣе къ сѣверу, горная цѣпь снова начинаетъ именоваться Дракенбергеномъ: горы эти, хотя состоящія изъ песчаника, какъ «столбы» большей части другихъ горныхъ цѣпей Южной Африки, оканчиваются иззубренными вершинами. Боковая цѣпь—главная вершина которой, Шампань-кэстль или Каткинъ, достигаетъ 3.160 метровъ—соединяетъ Драконовы горы съ Малути. Тамъ, гдѣ эти цѣпи сливаются, массивъ представляетъ обширную, въ формѣ плоскогорія, гору, покрытую пастбищами: ба-суто называютъ ее Бута-Бута или Потонгъ, т. е. гора антилопъ; но обыкновенно она извѣстна подъ именемъ Горы Источниковъ: такъ прозвали ее протестантскіе миссіонеры Арбуссе и Дома [1]), вслѣдствіе того, именно, что главныя вѣтви Оранжевой рѣки, а также и многіе другіе водные потоки нисходятъ съ нея къ Индійскому морю; надъ цоколемъ окрестныхъ высокихъ земель она господствуетъ приблизительно на четыреста метровъ; общая же ея высота, по Stow'у, равняется 3.050 метрамъ; впрочемъ, по высотѣ ее превосходятъ большія вершины боковой цѣпи Малути, на которой снѣгъ пребываетъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, съ мая по августъ: это Альпы Южной Африки. Одна изъ вершинъ этой цѣпи, которую миссіонеръ Jacottet назвалъ Горою Гамильтона [2]), достигаетъ 3.480 метровъ, а проходъ, чрезъ который ба-суто переваливаютъ изъ высокой долины Оранжевой рѣки въ долину ея большаго притока Сенкуніанэ, лежитъ ниже горы Гамильтона всего лишь на шестьдесятъ метровъ.

Еще далѣе къ сѣверо-востоку, горная цѣпь, называемая Рандбергъ, т. е. Окраинною Горою, но также, на-подобіе южныхъ горъ, именуемая и Дракенбергеномъ, — принимаетъ характеръ огромнаго утеса: съ одной стороны цѣпи разстилается волнистая равнина, съ другой—крутые откосы и низины, почву которыхъ размываютъ и уносятъ въ море проточныя воды. Общее направленіе окраинной цѣпи параллельно берегу, но протекающія чрезъ нее воды расчленили ее такимъ образомъ, что она превратилась въ стѣну весьма неправильнаго вида: такъ, будучи на одной части своего протяженія циркомъ, она въ другихъ своихъ отдѣлахъ выступаетъ въ видѣ мысовъ, изъ которыхъ одинъ и составляетъ мысъ Каапъ (Капъ), прославившійся своими золотыми рудниками. Вѣковая работа родниковъ и ручьевъ постепенно отодвигаетъ къ западу эту стѣну, пробитую тамъ и сямъ притоками Индійскаго океана. На сѣверѣ, склонъ плоскогорія мало-по-малу понижается въ направленіи къ рѣкѣ Лимпопо: послѣднюю возвышенность, поднимающуюся на двѣ тысячи метровъ на окраинѣ высокихъ земель, представляетъ вершина Bauch'e, названная такъ въ честь изслѣдователя, открывшаго золотоносныя розсыпи въ этой области; впрочемъ, вслѣдствіе рѣзкаго ниспаденія своихъ откосовъ въ долину Лимпопо, внушительный видъ имѣетъ также и конечный массивъ, называемый Zoutpansbergen, или Солеными горами. На юго-западѣ, нѣсколько цѣпей холмовъ

[1]) „Relation d'un voyage d'exploration au nord-est de la colonie du Cap de Bonne-Espérance".

[2]) Edouard Jacottet, „Bulletin de la Société de Géographie".

и бугровъ разсѣяно по высокимъ землямъ, полого спускающимся къ пустынѣ Калахари; однако, эти приподнятія почвы не производятъ большаго впечатлѣнія, вслѣдствіе сравнительно значительной высоты ихъ общаго цоколя. Наиболѣе возвышенныя изъ нихъ находятся около столицы Южно-Африканской республики, Прэторіи, и называются Магалибергенъ.

На протяженіи всей Южной Африки, Капской колоніи, Кафраріи, Наталя и странъ племенъ ба-суто и зулусовъ, гранитныя массы составляютъ то общее основаніе, на которое налегли другія формаціи; потоки водъ, размывая свои берега, повсюду обнажили нижнія массы гранита и осадочные пласты, залегающіе на первичной породѣ; какъ говорилъ Ливингстонъ, гранитный остовъ хотя и скрытъ, но тамъ и сямъ онъ проглядываетъ сквозь одѣвающую его оболочку. Жилы весьма бѣлаго кварца пронизываютъ во всѣхъ направленіяхъ гранитъ и почти повсюду сопровождаются золотоносными прожилками; однако, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ рѣдкихъ округовъ, разработка ихъ не окупила бы затраченнаго труда. Залежи кристаллической извести покрываютъ гранитъ на протяженіи всей береговой полосы, а затѣмъ внутрь простираются каменноугольныя напластованія и девонскія формаціи, увѣнчиваемыя песчаниками. Нѣкоторые геологи указываютъ на груды камней, перемѣщенныхъ и исчерченныхъ, какъ на доказательство существованія древняго ледниковаго періода на восточномъ склонѣ Драконовыхъ горъ. Большинство наблюдателей говорятъ также, что морскіе берега данной части материка Африки находятся въ періодѣ постепеннаго выхожденія изъ-подъ воды: такъ, на всемъ протяженіи отъ мыса Доброй Надежды до пляжей Наталя видны прежнія линіи поднявшихся впослѣдствіи береговъ, покрытыя устричными и коралловыми мелями; между прочимъ, около южной границы Наталя эти мели лежатъ приблизительно на четыре метра выше уровня высокихъ приливовъ [1]).

Главная рѣка Южной Африки и одна изъ наиболѣе значительныхъ на всемъ материкѣ—если не по массѣ водъ, то по крайней мѣрѣ по длинѣ и по обширности бассейна—есть Гаринъ готтентотовъ, *Groote-river* буровъ, или, съ 1770 года, Оранжевая, названная такъ нидерландскимъ офицеромъ Гордономъ, болѣе въ честь королевскаго дома въ Голландіи, чѣмъ за цвѣтъ ея воды. Восточная ея вѣтвь, Сенку—считаемая главной рѣкой, хотя по длинѣ ее превосходитъ другая вѣтвь, Ваалъ,—зарождается въ высокой долинѣ, на южномъ склонѣ Каткина, и течетъ къ юго-западу между Малути и Дракенбергеномъ; и такъ какъ въ этой части ея теченія воды ея имѣютъ темный цвѣтъ, то мѣстно она и называется Черною рѣкою. По соединеніи съ Сенкуньянэ или Малою Сенку, она принимаетъ въ себя р. Малитсуньянэ, которую ей посылаютъ высокія горы на западѣ, и которая низвергается съ вертикальной высоты въ 181 метръ въ труднодоступную пропасть: это—самое величественное зрѣлище, представляемое горами Малути [1]). По выходѣ изъ гористой области, Оранжевая рѣка сливается съ *Kornet-spruit*'омъ и съ другимъ, почти равнымъ ей, потокомъ, Каледономъ: обѣ эти рѣки зарождаются въ верховьяхъ оврагахъ горы Источниковъ и текутъ въ широкихъ ложахъ по песку изъ блестящей слюды. Книзу отъ сліянія, Оранжевая рѣка, извивающаяся затѣмъ въ направленіи къ западу и къ сѣверо-западу, принимаетъ въ себя нѣсколько рѣчекъ или скорѣе уади, сбѣгающихъ съ горъ Каапа, а также притокъ Зекоэ, спускающійся съ Снѣговыхъ горъ; но всѣ эти притоки едва уравновѣшиваютъ потери, производимыя испареніемъ. Единственнымъ значительнымъ притокомъ средняго теченія Оранжевой рѣки является рѣка Ваалъ, или Сѣрая, русловая вѣтвь которой, Намагари, родится, какъ и Каледонъ, въ массивѣ горы Источниковъ, между тѣмъ какъ самый отдаленный истокъ находится на плоскогоріяхъ, господствующихъ надъ побережьемъ Индійскаго океана, къ юго-западу отъ Луренсо-Маркеза. По длинѣ своей долины, Ваалъ—настоящая рѣка; но такъ какъ большею частью ему приходится протекать по пустыннымъ равнинамъ, представляющимъ высохшія озера предыдущаго геологическаго періода [2]), то къ мѣсту сліянія онъ приходитъ обычно почти изсякшимъ. Подобно другимъ рѣкамъ даннаго бассейна, и у Ваала бываютъ внезапные разливы, возобновляющіеся по нѣскольку разъ въ періодъ времени между концомъ ноября и срединою апрѣля и превращающіе его въ грозную рѣку. Оранжевую рѣку, Каледонъ и Ваалъ можно почти всегда переходить въ бродъ; во время же половодій, прибрежные жители, пока не были выстроены мосты и віадуки, переправлялись черезъ эти рѣки на плотахъ.

Оранжевая рѣка уже прошла три четверти всего своего теченія, но все еще змѣится по имѣющему восемьсотъ метровъ высоты плоскогорію; затѣмъ рядъ водопадовъ, пороговъ и каскадовъ—извѣстныхъ подъ именемъ пороговъ Анграбіи или Ста водопадовъ—сразу понижаетъ русло ея водъ болѣе чѣмъ на 120 метровъ. На пространствѣ приблизительно 26 километровъ, рѣка усѣяна безчисленными подводными каменными грядами, островками и даже островами, изъ которыхъ одни низмен-

[1]) Griesbach, „Quarterly Journal of the Geological Society", май 1871.

[1]) E. Jacotett, упом. соч.

[2]) John Shaw, „Quarterly Journal of the Geological Society", февраль 1872.

ны и на поверхности ровны, а другіе унизаны скалами, въ формѣ башенъ. Во время низкихъ водъ, рѣка превращается въ цѣлый лабиринтъ потоковъ, озеръ, водоемовъ и струй, и все это, описавъ всевозможныя извилины, наконецъ, сливается въ узкомъ и глубокомъ ущельѣ, либо присоединяясь къ большому водопаду, либо низвергаясь съ боковой стѣнки. Въ эпоху половодій, многочисленные каскадики, ниспадающіе въ видѣ сноповъ съ верхушки утесовъ и превращающіеся въ пыль на пути въ пропасть, сливаются въ одну мощную водную поверхность, Ніагару, которая и здѣсь такъ же, какъ и американская рѣка, описываетъ обширный полукругъ, но низвергается въ два раза болѣе глубокое ущелье. Изъ второстепенныхъ каскадовъ есть такіе, которые, выбиваясь изъ-подъ хаоса обрушившихся глыбъ, кажутся выходящими изъ живой скалы; одинъ водопадъ бьетъ изъ трещины скалы въ видѣ огромнаго снопа; послѣдній каскадъ называется *Diamond's fall*, т. е. «Алмазнымъ» имя это далъ ему Фарони, нашедшій въ пескѣ у его подножія нѣсколько алмазовъ [1]).

Книзу отъ Ста Водопадовъ, въ Оранжевую рѣку впадаетъ, если не рѣка, то по крайней мѣрѣ развѣтвленіе уади, который, по пространству своего бассейна, превосходитъ даже и самый Ваалъ: это Хигапъ, образуемый Убомъ и Нзобомъ, или Близнецами, такъ какъ ихъ параллельныя ложа часто соединяются другъ съ другомъ; иногда же немного воды Хигапу приносятъ также: Молопо, Куруманъ и другіе овраги. Площадь, съ которой Хигапъ собираетъ воды послѣ ливней, равняется по крайней мѣрѣ четыремстамъ пятидесяти восьми тысячамъ квадратныхъ километровъ; рѣдко, однако, ему приходится течь непрерывно, такъ какъ въ то время, какъ одинъ изъ его притоковъ переполняется водою, другой оказывается высохшимъ; обыкновенно на его протяженіи встрѣчаютъ только болота или же просто сырыя мѣста, и путешественники принуждены выкапывать ямы въ ложѣ Хигапа, чтобы получить немного воды, просачивающейся въ пескахъ. Къ тому же отсутствіе наклона на поверхности Калахари не позволяетъ ея водному бассейну собираться во-едино: послѣ дождей, большое количество выпавшей воды скопляется въ углубленія, не имѣющія водослива, въ небольшіе замкнутые водоемы, влага изъ которыхъ впослѣдствіи исподоволь испаряется. Смотря по времени года, эти углубленія являются или лагунами, пуститься по которымъ не отваживается охотникъ, или топями, или оголенными равнинами. Одни изъ нихъ, имѣя пористое дно, покрываются растительностью послѣ испаренія прѣсной воды: это *vleyen* голландскихъ путешественниковъ. Другія же, съ глинистымъ дномъ, непроницаемымъ для влаги, становятся въ теченіе лѣта еще болѣе пустынными, чѣмъ окружающія ихъ сравнительно возвышенныя земли; по испареніи воды, они являются бѣлыми отъ налета соли, отчего и получили наименованіе: *salt-pans*, или «соляныхъ лоханокъ».

Въ нижней части своего теченія, Оранжевая рѣка уже не получаетъ постоянныхъ притоковъ. Ущелья, открывающіяся справа и слѣва ея ложа въ крутыхъ кварцевыхъ берегахъ, оказываются лишь извилистыми песчаными оврагами. Приближаясь къ морю, рѣка уменьшается въ объемѣ; и хотя во время высокихъ водъ глубина ея и равняется тринадцати метрамъ, тѣмъ не менѣе ее можно переходить въ бродъ въ теченіе почти цѣлаго года въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лощины, соотвѣтствуя другъ другу на обоихъ берегахъ, образуютъ проходъ, пересѣкающій рѣку поперекъ. Однако, въ той глубокой клюзѣ, въ которую проникаетъ Оранжевая рѣка для прохода чрезъ береговую цѣпь, ея берега почти не приступны: во многихъ мѣстахъ карнизы прибрежнаго плоскогорія высятся на сотни метровъ надъ водою, и путешественники могли бы умереть, не находя ни разсѣлины, ни скалистой лѣстницы, которыя дозволили бы имъ спуститься для утоленія жажды водою, которую они видятъ у себя подъ ногами. Рѣка мечется отъ одной скалы къ другой, дѣлаетъ рѣзкіе повороты между гранитными откосами и прежде чѣмъ получить возможность излиться въ море, устремляется, параллельно послѣдней изъ своихъ преградъ, въ направленіи къ югу. Кверху же отъ бара, ея воды скопляются въ большое озеро, надъ которымъ кружатся миріады птицъ. Часто случается, что это озеро оказывается совершенно отдѣленнымъ отъ моря песчаною косой; а во время высокихъ водъ, рѣка хотя и изливается въ море широкимъ устьемъ, но подводныя отмели—образующіяся на тѣхъ скалистыхъ плоскогоріяхъ, о которыя непрерывно разбиваются морскія волны—препятствуютъ проникать въ это устье кораблямъ; вслѣдствіе этого, моряки, желая пристать къ землѣ, принуждены спускаться къ югу отъ устья, въ маленькую бухту мыса Вольтасъ. Такъ кончаетъ великая рѣка, протекающая на разстояніи не менѣе 2.140 километровъ и воспринимающая воды съ бассейна, который обнимаетъ милліонъ двѣсти семьдесять пять тысячъ квадратныхъ километровъ.

Къ югу отъ Оранжевой рѣки, на склонѣ къ Атлантическому океану, а также и по другую сторону мыса Доброй Надежды, на южномъ склонѣ Капской колоніи, рѣки, нисходя съ горъ, расположенныхъ на небольшомъ разстояніи отъ морскаго берега, не могутъ имѣть большаго протяженія, и, несмотря на сравнительное изобиліе дождей, потоки ихъ водъ незначительны.

[1]) „Through the Desert of Kalahari"; — „Tour du Monde", 1886.

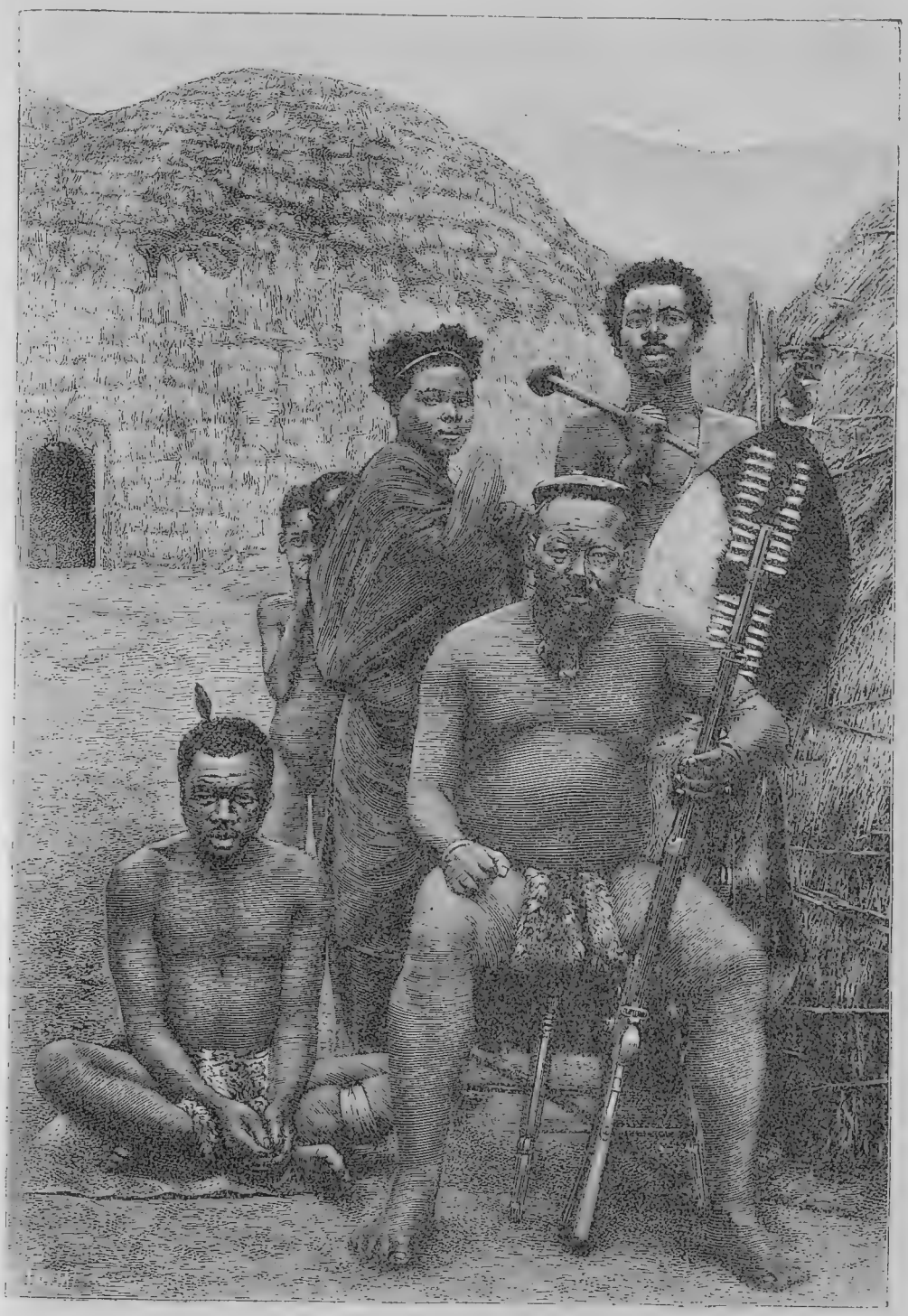
Главнѣйшій изъ этихъ потоковъ на западномъ берегу представляетъ Olifant-river, или Слоновая рѣка. На южной покатости, Breede-river, или Широкая рѣка, уноситъ воды, выпадающія на сосѣднія съ Кэптауномъ горы, и изливается въ море устьемъ, доступнымъ для судовъ вмѣстимостью до 150 тоннъ: такимъ образомъ, Широкая рѣка, будучи однимъ изъ незначительныхъ водныхъ потоковъ Капской колоніи, оказывается тѣмъ не менѣе единственною изъ рѣкъ, имѣющихъ на своемъ берегу морской портъ. Восточнѣе отъ Широкой рѣки впадаетъ въ океанъ Groote-river, или Большая рѣка, называемая также Гауритсъ; развѣтвленія ея похожи на вѣтви широко распростершагося дуба. Затѣмъ Гамтоа или Гамтоесъ—зарождающійся, какъ и Гауритсъ, на равнинѣ Большой Кару и тоже текущій черезъ грозныя клюзы при проникновеніи сквозь параллельныя цѣпи горъ, порою совершенно высыхаетъ на своемъ пути къ впаденію въ океанъ, которое совершается въ бухтѣ Санъ - Франциско. Далѣе слѣдуютъ Sunday-river и Great Fish-river, изливающіяся въ Индійскій океанъ около того мѣста, гдѣ начинается восточный берегъ африканскаго материка. Здѣсь уже обнаруживаются вліянія другаго климата: рѣки, будучи короче, чѣмъ на южномъ берегу, катятъ, однако, большія количества воды.

Рѣка Кей, т. е. «Великая», вытекающая изъ массива Стормбергенъ и горъ Куатламба, получила важное политическое значеніе, составляя давнюю границу сначала готтентотскихъ племенъ, а затѣмъ и англійскихъ владѣній: по ту ея сторону начинаются кафрскія территоріи Транскея, нѣкогда бывшія независимыми. Кей, при весьма быстромъ теченіи, образуетъ превосходные каскады и змѣится въ величественныхъ ущеліяхъ; однако, изъ всѣхъ рѣкъ побережья Кафраріи самая красивая — Умъ-Зимвубу, Saint-John's - river англичанъ. При входѣ это широкая рѣка, имѣющая шестьсотъ метровъ между своими берегами, но, затѣмъ, мало-по-малу она съуживается въ высокомъ скалистомъ порталѣ. И съ той, и съ другой стороны ея возвышаются покрытые деревьями откосы, надъ которыми господствуютъ вертикальныя кручи террасы, а надъ этою террасою, въ свою очередь, возвышаются другія каменныя стѣны, верхнія поверхности которыхъ имѣютъ форму столовъ; затѣмъ, съ обоихъ береговъ долины виднѣются двѣ горы: Sullivan и Thesiger—одинаковыя по размѣрамъ и по величественности; вся же эта мѣстность получила отъ англичанъ наименованіе *Gate* или *Портъ Сентъ-Джонъ*. Для большихъ судовъ входъ въ рѣку преграждаетъ баръ; но малыя морскія суда, при содѣйствіи приливной волны, могутъ подниматься по рѣкѣ километровъ на двадцать, вплоть до начала пороговъ.

Склонъ колоніи Наталь прорѣзываютъ параллельныя ложбины, по каждой изъ которыхъ протекаетъ изобилующая водою рѣка, пересѣкаемая каскадами. Умъ-Зимкулу, Умъ-Команзи, Умъ-Лази, Умъ-Жени, а также и другіе *умы*, т. е. потоки, слѣдуютъ одинъ за другимъ вплоть до могучей рѣки Тугела, главная вѣтвь которой зарождается, подобно Каледону и Валу, въ верховыхъ оврагахъ горы Источниковъ и образуетъ сѣверную границу колоніи со стороны зулусовъ. По ту сторону Тугелы мѣняется рельефъ морскаго побережья, а вслѣдствіе этого, также и характеръ теченія рѣкъ: берега ихъ уже не скалисты, горы оставляютъ между ними и моремъ широкую плоскую полосу, а самыя рѣки, извиваясь по равнинѣ, направляются къ сѣверу. На почти прямолинейномъ пространствѣ, приблизительно въ триста километровъ, морское побережье представляетъ песчаную низину, покрытую дюнами и отдѣленную отъ моря большими лагунами и каналами-протоками; наиболѣе обширную изъ этихъ громадныхъ водныхъ поверхностей— нѣкогда составлявшихъ часть моря, а нынѣ отдѣленныхъ отъ него — представляетъ лагуна, прозванная бухтою Св. Лючіи: длина ея приблизительно равна ста, а ширина, въ среднемъ, двадцати километрамъ. Она занимаетъ южную часть полосы низменныхъ земель; сѣверная же оконечность этой области содержитъ потоки и лагуны, соединяющіеся съ большою бухтою Делагоа или Лоренсу-Маркезъ. Береговой валъ хорошо отграниченъ: на югѣ—протокомъ, ведущимъ въ бухту Св. Лючіи, а на сѣверѣ—рукавомъ моря, проникающимъ въ заливъ Делагоа.

Южная бухта, Санта-Лючія, при выходѣ въ море заграждена баромъ, около котораго держатся ненасытныя акулы, часто набрасывающіяся даже на весла и на лоты моряковъ. Въ 1865 году, когда эти пространства океана подвергались изслѣдованіямъ, производимымъ съ корабля *Нассау*, протокъ, соединяющій море съ бухтою, былъ совершенно загроможденъ песчаною стрѣлкою; даже во время высокихъ водъ, опасный входъ въ бухту представляетъ судамъ ненадежное убѣжище. Однако, какъ ни дурна эта гавань, все-таки она была-бы драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для лишенныхъ выхода въ море голландскихъ республикъ, и потому понятно то стараніе — пока, впрочемъ, безплодное — которое прилагаютъ трансваальскіе буры къ возвращенію себѣ этой области побережья отъ Англіи. Сѣверная бухта, т. е. бухта Делагоа, гораздо важнѣе. Широко открываясь къ сѣверу, она имѣетъ въ глубину до двадцати метровъ, и самыя большія суда могутъ далеко входить въ нее чрезъ хорошо защищенный фарватеръ. Поэтому англійское правительство и оспаривало обладаніе этою драгоцѣнною якорною стоянкою у португальцевъ, сильныхъ своими вѣковыми правами на

данную бухту; въ особенности англичане обнаруживали стремленіе къ завладѣнію островомъ Иньякъ, находящимся при входѣ въ бухвратилъ Португаліи свободное пользованіе всѣми прибрежными землями Делагоаской бухты, этого самою судьбою предопредѣленнаго исход-



Группа зулусовъ.

ту и составляющимъ продолженіе полуострова Ама-Тонга; однако, приговоръ, произнесенный въ 1875 году президентомъ Французской Республики, въ качествѣ третейскаго судьи, вознаго пункта для торговли тѣхъ государствъ, которыя образовались на сосѣднемъ плоскогоріи. Между бухтами Св. Лючіи и Лоренсу-Маркезъ, форма окаймленнаго дюнами побе-

режья, какъ и форма удлиненныхъ въ томъ же направленіи лагунъ, а также ходъ всѣхъ рѣкъ, которыя бросаются къ сѣверу, повидимому, указываютъ на дѣйствіе береговаго противо-теченія, совершающагося съ юга на сѣверъ въ направленіи, противоположномъ Мозамбикскому теченію, и вспомоществуемаго зыбью, которую юго-восточные пассаты гонятъ на берегъ. Вслѣдствіе этого, вѣроятно, и образовалось внѣшнее побережье, которое состоитъ изъ длиннаго ряда песчаныхъ стрѣлокъ, тянущагося впереди низкихъ водъ морскаго берега и истиннаго материковаго берега. Къ сѣверу отъ бухты Лоренсу-Маркезъ, наблюдается обратное явленіе: водоворотъ возвращаетъ теченіе въ направленіи къ югу, и рѣка Манисса, вмѣстѣ того, чтобы по прямой линіи спуститься къ морю, изгибаетъ свое низовье параллельно пляжу, вслѣдствіе чего она долго течетъ въ направленіи къ югу, прежде чѣмъ смѣшать свои воды съ водами бухты.

Къ этому бассейну, т. е. къ бухтѣ Делагоа, направляется нѣсколько рѣкъ: съ юга течетъ Мапута, образующаяся изъ многочисленныхъ потоковъ, несущихся изъ края зулусовъ и изъ земель племени суази; на западѣ, въ лиманѣ, на берегу котораго расположенъ городъ Лоренсу-Маркезъ, соединяются рѣки Темби и Умъ-Бомзи; а съ сѣвера въ него вливается большая рѣка Манисса. Благодаря приливу и естественной глубинѣ ложа, суда могутъ подниматься весьма далеко во всѣ эти притоки бухты; по Маниссѣ, называемой англичанами King George river, мореплаватель Hilliard могъ подняться кверху отъ ея устья на разстояніе, превышающее двѣсти двадцать километровъ, при чемъ ни разу не встрѣтилъ глубины менѣе одного метра и восьми сантиметровъ. Такимъ образомъ эта рѣка представила бы превосходный путь къ золотоноснымъ краямъ внутри страны, если бы во многихъ мѣстностяхъ вдоль ея береговъ не существовали болота, дѣлающія воздухъ нездоровымъ. Долгое время полагали, что Манисса составляетъ нижнее теченіе рѣки Лимпопо, родящейся на западѣ Трансваальской республики; но теперь долина Маниссы хорошо извѣстна, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно также и то, что всѣ свои воды она получаетъ съ восточнаго, обращеннаго къ морю склона береговыхъ горъ.

Лимпомо—извѣстный также и подъ многими другими наименованіями, каковы: Рѣка Крокодиловъ, Мети, Ури, Бэмбэ, Ленапэ, Лебембэ, при устьѣ же Инха-Мпура, а также и Опра на древнихъ португальскихъ картахъ — представляетъ одну изъ большихъ рѣкъ Южной Африки, если не по массѣ водъ, то по крайней мѣрѣ по своей длинѣ. Его первые источники зарождаются на томъ плоскогоріи, на которомъ буры выстроили Преторію, столицу Южно-Африканской республики, въ 520 километрахъ отъ Индійскаго океана, но, если слѣдовать по всѣмъ извилинамъ долины, то разстояніе это втрое больше. Лимпопо въ началѣ течетъ на сѣверо-западъ, какъ бы для того, чтобы спуститься въ долину, дно которой занято озеромъ Нгами и другими соляными озерами: чрезъ разсѣлину онъ переходитъ горную цѣпь Магалисбергенъ, пробирается еще нѣсколькими клюзами и, спускаясь по наклонной плоскости высокой южно-африканской террасы, поворачиваетъ сначала къ сѣверо-востоку, а затѣмъ прямо къ востоку. Протекая по глубокимъ ущельямъ, онъ переходитъ величественнымъ водопадомъ Толо-Азимэ послѣдній гранитный барьеръ, противополагаемый ему горами Зутпансбергенъ, спускается отъ клюзы къ клюзѣ и наконецъ вступаетъ въ равнину; здѣсь онъ направляется сначала на юго-востокъ, а затѣмъ на югъ, сливаясь съ своимъ главнымъ притокомъ, Слоновою рѣкою, или Olifant-river; ниже онъ соединяется съ почти всегда безводнымъ, длиннымъ уади, развѣтвляющимся къ сѣверу по португальской территоріи. Несмотря, однако, на большое число и длину своихъ притоковъ, Лимпомо—не большая рѣка; онъ теряетъ часть своихъ водъ въ тѣхъ болотахъ, которыя и справа и слѣва окаймляютъ его низовье, а въ море изливается устьемъ, имѣющимъ приблизительно триста метровъ ширины и далеко загромождаемымъ широкими отмелями [1]). Шаддокъ поднялся по Лимпопо на пароходѣ на 130 километровъ кверху отъ устья.

Находясь почти цѣликомъ въ умѣренной южной полосѣ, бассейны Оранжевой и другихъ рѣкъ Каплэнда, Наталя и голландскихъ республикъ имѣютъ климатъ, представляющій тѣ же противоположности по временамъ года, какъ и климатъ Западной Европы, съ тѣмъ только отличіемъ, что капская зима соотвѣтствуетъ лѣту въ сѣверномъ полушаріи. Хотя по своей географической широтѣ берегъ Южной Африки почти вполнѣ соотвѣтствуетъ берегу Мавританіи, Кипра и Сиріи, средняя температура его значительно менѣе возвышена; она одинакова съ температурою тѣхъ городовъ сѣвернаго міра, которые находятся на нѣсколько сотъ километровъ далѣе отъ экватора. Вотъ сравнительныя среднія температуры соотвѣтствующихъ географическихъ широтъ въ обоихъ полушаріяхъ:

Кэптаунъ—(33°56′ южн. ш.), 16,5°; Бейрутъ—(34°53′ сѣв. ш.), 20,5°; Дурбанъ—(29°50′ южн. ш.), 19,9°; Каиръ (30° сѣв. ш.), 21,9°.

Равныя температуры въ различныхъ географическихъ широтахъ въ обоихъ полушаріяхъ:

---

[1]) Saint Vincent Erskine, „Journal of the Geographical Society“, 1869.

Кэптаунъ—(33°55′ южн. ш.), 16,5°; Константинополь (41° сѣв. ш.), 16,3°; Дурбанъ—(29°50′ южн. ш.), 19,8°; Тунисъ—(36°48′ сѣв. ш.), 19,6°.

Въ общемъ равновѣсіи климатовъ, сѣверное полушаріе обладаетъ тѣмъ преимуществомъ, что получаетъ гораздо большую сумму тепла, такъ какъ, благодаря неравному распредѣленію суши и воды, воздушныя и морскія теченія, имѣющія болѣе высокую температуру, встрѣчаются другъ съ другомъ въ сѣверной тропической полосѣ. Но есть и другая причина охлажденія оконечности Южной Африки въ сравненіи съ соотвѣтствующими ей по географической широтѣ Средиземно-приморскими областями: причина эта заключается въ томъ, что Южная Африка обращена къ антарктическимъ льдамъ, и отдѣляющая ее отъ нихъ область океана часто приноситъ къ ея берегамъ цѣлыя вереницы снѣжнаго льда и ледяныхъ глыбъ.

Морскія теченія, идущія вдоль береговъ, весьма различны въ своемъ ходѣ, и на двухъ сторонахъ мыса Доброй Надежды представляютъ любопытный контрастъ, выражающійся въ разницѣ между ихъ соотвѣтственными температурами. Полярное антарктическое теченіе съ юга направляется къ западу отъ мыса Доброй Надежды и продолжается по западному берегу вплоть до Конгскаго лимана и Гвиніи. Съ другой стороны, Мозамбикское теченіе, исходящее изъ Индійскаго океана, направляется вдоль Наталя и Кафраріи, проникаетъ въ южныя капскія бухты и огибаетъ оконечности материка, откуда и произошло мѣстное наименованіе его «теченіе Агульясъ, или Игольное». Лѣтомъ—когда антарктическое холодное теченіе, гонимое правильными южными вѣтрами, быстрѣе всего устремляется къ сѣверу, температура его колеблется между 10 и 11 градусами, между тѣмъ какъ непосредственно на востокъ отъ Капа, въ False-bay, вода, приносимая восточнымъ теченіемъ, теплѣе на 9 градусовъ, а въ океаническихъ пространствахъ около Игольнаго мыса достигаетъ 26,6°. Вслѣдствіе этой противоположности въ водахъ, омывающихъ Кэптаунъ и Симонстаунъ—которые отдѣлены другъ отъ друга только ножкою перешейка,—эти города имѣютъ различный климатъ, при чемъ Симонстаунъ, несмотря на свое большее приближеніе къ полюсу, пользуется однако воздухомъ, болѣе теплымъ на полтора градуса.

Правильные вѣтры на берегахъ Южной Африки смѣняютъ другъ друга такимъ образомъ, что уменьшаютъ противоположности временъ года: годовыя колебанія, въ среднемъ, значительно менѣе сильны въ Капской колоніи, чѣмъ въ областяхъ съ соотвѣтствующимъ климатомъ въ сѣверномъ полушаріи. Такъ, юго-восточные пассаты, будучи холодными вѣтрами, дуютъ главнымъ образомъ лѣтомъ, ослабляя его жары; напротивъ, возвратные вѣтры, т. е. воздушныя теченія съ сѣверо-запада, дуютъ на берегъ во время зимняго сезона, когда вся система пассатовъ бываетъ увлечена къ сѣверу вслѣдъ за солнцемъ. Къ тому же, эти нормальные вѣтры часто бываютъ отклоняемы къ плоскоріямъ тепловыми фокусами. Вотъ почему на восточныхъ берегахъ пассатный вѣтеръ иногда направляется прямо на западъ, тогда какъ на южномъ побережьѣ онъ дуетъ на сѣверъ, а на атлантическомъ берегу несется на востокъ. Когда, въ въ теченіе теплаго времени года, сѣверные вѣтры дуютъ послѣ своего пробѣга черезъ пустынныя плоскогорія, то можно сказать, что воздухъ какъ бы обжигаетъ, и тогда-то, именно, больше всего страдаютъ отъ жары, въ особенности въ области высокихъ земель, вдали отъ умѣряющаго вліянія океана. Вообще, по мѣрѣ удаленія отъ морскаго берега внутрь страны, климатъ оказывается болѣе крайнимъ, т. е. не только болѣе холоднымъ во время зимы—что объясняется возрастаніемъ высоты мѣста,—но также и болѣе теплымъ во время лѣта.

Вотъ нѣкоторыя данныя о температурѣ въ различныхъ городахъ Южной Африки, заимствованныя изъ учебника метеорологіи Hann'а:

МѢСТНОСТИ.	Юж. ш.	Высота мѣста.	Средняя температура.	Крайнія среднія температуры.		Разница между ними.	Число лѣтъ набл.
Симонстаунъ	34°12′	15	17,9°	33,8° и	6,6°	27,2°	4
Кэптаунъ	33°56′	12	16,8°	32,9° »	4,3°	28,6°	14
Портъ Елизаветы	33°57′	73	17,6°	35,1° »	5,9°	29,2°	5
Грэгэмстуанъ	33°20′	550	17,[illegible]°	39,2° »	1,2°	38,0°	9
Граафъ-Рейнетъ	32°16′	770	18,[illegible]°	39,5° »	—0,9°	40,4°	3
Блумфонтейнъ	28°56′	1370	16,2°	34,5° »	—5,2°	39,7°	3
Дю-Туатсъ-Папъ	28°45′	1220	17,8°	40,2° »	—4,7°	44,9°	2
Прегорія	25°45′	1360	19,4°	33,5° »	—0,5°	38,5°	3
Портъ-Дурбанъ	29°50′	76	19,8°	0 »	0	0	0
Питеръ-Марицбургъ	29°30′	639	17,5°	35,2° »	—0,4°	34,8°	10

Влажность воздуха значительно меньше, чѣмъ въ Западной Европѣ, если не брать въ разсчетъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстностей, каковы Симонстаунъ и Питеръ-Марицбургъ; особенно сухъ онъ на плоскогоріяхъ. Между прочимъ, о сухости нижняго воздушнаго слоя также свидѣтельствуетъ слѣдующее любопытное явленіе, часто наблюдаемое въ те-

ченіе лѣта на Столовой горѣ: здѣсь юго-восточные вѣтры, ударяясь объ эту громадную глыбу песчаника, поднимаются кверху по юго-восточнымъ склонамъ, при чемъ ихъ пары, уплотняясь въ холодномъ воздухѣ вершины, стелются бѣловатымъ слоемъ по плоскогорью. Однако, эта, на языкѣ моряковъ, «скатерть» не прекращается рѣзко на окраинѣ скалы, но, при спускѣ вѣтра по направленію къ городу, увлекается этимъ вѣтромъ на двѣсти или на триста метровъ книзу въ видѣ великолѣпныхъ каскадовъ тумана, которые сначала колышатся на-подобіе занавѣса, затѣмъ разрываются и, наконецъ, растворяются въ воздухѣ: принесенная пассатомъ влажность оказывается, слѣдовательно, поглощенною; во все же время, пока длится это явленіе, дымится только одна гора; а вся страна остается освѣщенною солнцемъ, блистающимъ на чистомъ небѣ. Затѣмъ зимою, когда господствуютъ сѣверо-западные вѣтры, наблюдается обратное явленіе: тогда широкія полосы облаковъ, спускающіяся съ высоты горы, развертываются со стороны Симонстауна

Дожди распредѣляются весьма неравномѣрно по берегамъ рѣки и внутри Южной Африки; но, въ общемъ, количество выпадающей влаги сравнительно не велико: оно значительно меньше, чѣмъ въ Западной Европѣ; дожди обильны только въ небольшомъ числѣ привилегированныхъ мѣстностей—таковы склоны Столовой горы, гдѣ рельефъ почвы побуждаетъ облака разряжаться ливнями. Годъ въ этихъ областяхъ Африки не дѣлится, какъ въ экваторіальной полосѣ, на рѣзко разграниченные сезоны: одинъ—дождливый, а другой—вполнѣ сухой; дожди наблюдаются во всѣ мѣсяцы, даже и на плоскогоріяхъ внутри страны, но обыкновенно они распредѣляются довольно правильно въ теченіе всего года. Такъ, на антлантическихъ берегахъ влажность приносятъ возвратные вѣтры, слѣдовательно, и самые обильные дожди выпадаютъ зимою, съ мая по августъ, и въ особенности въ теченіе мѣсяца іюля. На остальной части побережья, отъ False-bay до страны зулусовъ, почву орошаютъ юго-восточные пассаты, а такъ какъ они дуютъ лѣтомъ, то самое большее количество дождей приходится между декабремъ и февралемъ. Такъ какъ атмосферная влага доставляется въ особенности Индійскимъ океаномъ, то лѣтомъ во время преобладанія пассатовъ, получаютъ свои, вообще весьма рѣдкіе, дожди и внутреннія плоскогорія, Кару, и высокія земли голландскихъ республикъ. На берегахъ Наталя сильное дуновеніе пассатовъ иногда сопровождается «морскими дождями», которые, однако, выпадаютъ только вблизи побережья, между тѣмъ какъ обыкновенные дожди суть большею частью грозовые ливни, падающіе на склонахъ горъ. Наименьшее количество дождя получаютъ слѣдующія области: Большая Кару, бассейнъ Оранжевой рѣки и пустыня Калахари; въ этихъ областяхъ дожди не представляютъ правильности, но когда они выпадаютъ, то происходитъ внезапный потопъ. Въ этомъ Dorst-veld'ѣ, т. е. «Полѣ Жажды», обширныя пространства покрыты песками, располагающимися въ видѣ дюнъ, похожихъ на морскія волны и часто покрытыхъ растительностью. Родники рѣдки и въ нѣкоторыхъ областяхъ отстоятъ другъ отъ друга на сотню километровъ; однако бушмены умѣютъ пользоваться влажными мѣстами, какъ для утоленія своей жажды, такъ и для водопоя своимъ стадамъ. Втыкая въ песокъ, на глубину приблизительно одного метра, тростникъ, снабженный на нижнемъ концѣ губкою, они втягиваютъ ртомъ воду, накопляющуюся въ губкѣ, и наполняютъ тыквенныя бутылки. Къ тому же, животныя, пасущіяся по Калахари, привыкли пить мало; племя бе-туана водитъ на водопой свой скотъ не иначе, какъ черезъ два или три дня. Козы проводятъ цѣлые мѣсяцы безъ питья, а о нѣкоторыхъ антилопахъ разсказываютъ, будто онѣ никогда не посѣщаютъ родниковъ [1]). Вотъ нѣкоторыя числовыя данныя относительно распредѣленія дождей въ Южной Африкѣ:

Симонстаунъ,—0 м. 68 сант., Кэптаунъ—0 м. 68 сант.; Блумфонтейнъ—0 м. 58 сант.; Дю-Тоатсъ-Панъ,—0 м. 40 сант.; портъ Елисаветы,—0 м. 60 сант.; Грэгэмстаунъ,—0 м. 72 сант.; Граафъ-Рейнетъ,—0 м. 36 сант., Преторія,—0 м. 60 сант.: Портъ-Дурбанъ,—1 м. 09 сант.; Питеръ-Марицбургъ,—0 м. 77 сант.

Часто повторяли, что Южная Африка высыхаетъ. Большинство путешественниковъ согласно высказываютъ, что край племени бечуана, а также и сосѣднихъ племенъ, проживающихъ между Оранжевой рѣкой и озеромъ Нгами, потерялъ свои постоянные ручьи, и что воздѣлываемыя земли должны были, вслѣдствіе этого отодвинуться къ горамъ [2]). Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нынѣшній геологическій періодъ, часть влаги значительно уменьшилась въ южной полосѣ Африки, а превращенныя въ солончаки прежнія озера, равно какъ и сухія ложбины на мѣстѣ бывшихъ рѣчныхъ ложъ могутъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ словъ, повторяемыхъ бе-чуанами: «Край умеръ! Вышній умертвилъ страну!» [3]) Но наблюденія, сдѣланныя въ этихъ областяхъ пребывающими тамъ миссіонерами и проѣзжими по краю путешественниками, недо-

---

[1]) Mackenzie, „Ten Years Nord of the Orange-river".

[2]) Livingston, „Last Journal";—Anderson, „Lake Ngami";—Chapman, „Travels into the interior of South Africa";—James Fox Wilson, „Journal of the Geographical Society of London". 1865.

[3]) Th. Baines, „Explorations in South West Africa".

статочно точны и не обнимаютъ настолько обширную территорію, чтобы было можно рѣшить: послѣдовало ли дѣйствительно уменьшеніе влаги въ этомъ вѣкѣ? или же режимъ

Пейзажъ на восточной границѣ Трансвааля.

водъ сталъ только болѣе неровнымъ, такъ что влажные періоды смѣняются продолжительными засухами? Послѣднее предположеніе кажется вѣроятнымъ, такъ какъ истребленіе лѣсовъ, происходящее повсюду, гдѣ водворились переселенцы, а также и поджоги травъ, совершаемые пастухами, должны были повести къ тому, что ручьи стали неправильнѣе въ своемъ теченіи, и изъ постоянныхъ превратились въ spruits или уади; вслѣдствіе этого, вмѣсто тихихъ водъ, струившихся змѣйкою по хорошо проторенному ложу, «дикія воды» внезапно изливаются на равнины, производя обширныя затопленія ихъ, при чемъ, по-

слѣ стока такихъ водъ, ложи потоковъ оказываются сухими; лишенная травы земля, уплотненная солнцемъ, не поглощаетъ уже болѣе дождевой воды, которая тотчасъ же и сбѣгаетъ, не содѣйствуя прозябанію растеній. Не подтверждаютъ уменьшенія дождей, по крайней мѣрѣ въ прибрежной полосѣ, и тѣ правильныя наблюденія, которыя въ теченіе полувѣка производились на Капѣ и на нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ Южной Африки [1]). На плоскогоріяхъ прежде многія фермы терпѣли недостатокъ въ водѣ, тогда какъ нынѣ, благодаря каптажу источниковъ, цѣлые города въ той же самой мѣстности находятъ воду въ изобиліи.

Капская колонія и сопредѣльныя страны составляютъ одну изъ наиболѣе здоровыхъ областей Земли, и не только для туземцевъ, но также и для европейскихъ переселенцевъ: акклиматизація совершается безъ затрудненій и часто съ выгодой. Даже во внутреннихъ округахъ, гдѣ лѣтнія жары иногда бываютъ очень сильны, европейцы могутъ работать днемъ, все равно, какъ-бы и въ своемъ отечествѣ. Эпидеміи появляются рѣдко и никогда не бываютъ такъ серьезны, какъ въ Европѣ или въ Соединенныхъ Штатахъ: ни холера, ни желтая лихорадка не посѣщали Капа. Грудныя болѣзни очень рѣдки; самыя обыкновенныя болѣзни—ревматизмъ и невралгія. До открытія Суэзскаго канала, большая часть чиновниковъ и офицеровъ, возвращавшихся изъ Индіи, проживали въ окрестностяхъ Капа съ цѣлью возстановить свое здоровье; нынѣ легкость совершенія путешествія побуждаетъ ихъ направляться въ Англію. Рѣдкіе слабые здоровьемъ люди, пріѣзжающіе пользоваться климатомъ Южной Африки—въ видахъ ли выздоровленія или только для облегченія своихъ недуговъ—прибываютъ прямо изъ Великобританіи: встрѣтить ихъ можно въ Кэптаунѣ, Грэгэмстаунѣ и въ Блумфонтенѣ. Но если чистый воздухъ этихъ областей изцѣляетъ нѣкоторыхъ больныхъ, то свойство его особенно благодѣтельно отражается на здоровыхъ, укрѣпляя и улучшая ихъ расу. Семейства процвѣтаютъ столь же хорошо въ англійскихъ колоніяхъ, какъ и въ голландскихъ республикахъ. Не будь даже и переселеній, все-таки населенность страны увеличивалась бы вслѣдствіе избытка рожденій: такъ, не рѣдки села, гдѣ рождаемость втрое превосходитъ смертность.

Флора, развившаяся въ счастливомъ климатѣ Южной Африки,—одна изъ богатѣйшихъ на Землѣ; словно всѣ растительныя формы, предназначенныя для разселенія въ умѣренномъ поясѣ на пространствѣ цѣлаго полушарія, столпились здѣсь, вслѣдствіе факта съуженія африканскаго материка; многія растительныя области какъ-бы сдвинуты одна возлѣ другой на узкомъ пространствѣ. По Armitage'у, въ Капской области насчитывается приблизительно не менѣе двѣнадцати тысячъ видовъ, т. е. вдвое или втрое болѣе, чѣмъ въ Европѣ во всѣхъ областяхъ распредѣленія ея растительности; на одной только горѣ, возвышающейся около Paarl'я, къ сѣверо-востоку отъ Кэптауна, Drège насчиталъ, весною, 750 сосудистыхъ растеній въ цвѣту, расположенныхъ такимъ образомъ, что на каждомъ вертикальномъ пространствѣ въ 325 метровъ составъ флоры мѣнялся вполнѣ. Типы растеній Капа и Австраліи весьма схожи другъ съ другомъ; но хотя поверхность Австраліи вчетверо больше и хотя своими сѣверными берегами Австралія проникаетъ въ жаркій поясъ, тѣмъ не менѣе ея флора лишь немногимъ значительнѣе флоры Южной Африки. Въ громадномъ разнообразіи Капскихъ растительныхъ формъ, эндемическихъ, т. е. принадлежащихъ собственно растительной области Капа, насчитывается около 450.

Ботаническая область, начинающаяся по атлантическому берегу на равнинахъ Clanwilliam и р. Олифантъ, и обнимающая береговыя горы юго-запада материка, вплоть до бухты Альгоа, является хорошо ограниченною. Подобно Средиземно-приморской области, она отличается своими *маки* [1]); почти повсюду видны деревянистыя растенія, имѣющія въ высоту отъ одного до двухъ метровъ и покрытыя темною или голубоватою зеленью: это—*boschjes* или *boschjedsweld* голландскихъ колонистовъ, *bush* англичанъ, среди которыхъ и кочуютъ дикія племена, бушмены или «люди кустовъ». И хотя въ первое время колонизаціи такія чащи были большимъ препятствіемъ для путешествій, тѣмъ не менѣе переселенцы могли пролагать чрезъ нихъ путь своими повозками, запряженными волами; по лѣсамъ же имъ приходится или только ѣхать верхомъ на лошади, или же проходить ихъ пѣшкомъ. Лѣсная растительность рѣдка въ области Капа, за исключеніемъ южнаго склона тѣхъ горъ, которыя господствуютъ надъ моремъ между бухтами Моссель и Св. Франциска. Большинство туземныхъ деревьевъ ютятся въ оврагахъ и вышина ихъ не превышаетъ восьми или десяти метровъ; подтропиковыя же формы еще имѣютъ своихъ представителей здѣсь, на берегахъ Южнаго океана, въ видѣ малорослой финиковой пальмы, алоэ и сагоподобныхъ растеній. На Кедровыхъ горахъ, въ юго-западной области страны, нѣкогда росли виды «кедровъ», имѣвшіе у основанія слишкомъ десять метровъ въ окружности [2]). Одну же изъ наиболѣе характеристич-

[1]) Gamble;—Noble, „The Cape of Good Hope".

[1]) Maquis, по-итальянски macchia, въ Корсикѣ и Сардиніи называются чащи кустарниковъ, каковы миртовыя, лавровыя и т. д. (Littré et Beaujean).

[2]) Alexander, „Expedition of Discovery into the interior of Africa".

ныхъ древесныхъ породъ Капской полосы представляетъ серебряное дерево или *silver-tree* (leucadendron argenteum), листья, вѣтви и стволъ котораго дѣйствительно имѣютъ металлическій блескъ, напоминающій блескъ серебра; порою можно подумать, что эти деревья, съ артистически разрѣзанными вѣтвями, суть произведенія серебрянника, какъ тѣ деревья, которыя украшали сады Великихъ Моголовъ.

Вересковъ, которыхъ въ Капскихъ кустарникахъ насчитываютъ болѣе четырехсотъ видовъ, преобладаютъ между деревянистыми растеніями: вмѣстѣ съ rhenoster'омъ, или *деревомъ носорогов* (elytropappus rhinocerotis)—растеніемъ отъ одного до двухъ футовъ высоты и приближающимся къ нимъ своею формою—вересковъ обусловливаютъ главный характеръ флоры страны: часто случается, во время цвѣтенія, что горы, покрытыя вересками, представляются отъ подошвы до маковки окрашенными въ однообразно розовый цвѣтъ; пряден, гераніумы и пеларгоніи также весьма обыкновенны въ Капской области, между тѣмъ какъ мареновыя растенія—имѣющія такое большое число представителей въ другихъ частяхъ Земли,—въ Южной Африкѣ составляютъ менѣе одной сотой всей ея флоры. Ложа ручьевъ и рѣкъ переполнены камышемъ (acorus palmita или prionium), растеніемъ съ длинными, углубляющимися въ землю корнями и сжатыми стеблями, конечные листья которыхъ образуютъ такіе густые зонтики, что сквозь нихъ не видна прикрываемая ими вода, которая, будучи, такимъ образомъ, защищена отъ солнца, можетъ сохраняться вплоть до середины лѣта: кромѣ того, тысячи мелкихъ запрудъ, образуемыхъ чащами камыша, обусловливаютъ замедленіе въ стокѣ водъ на многія недѣли и даже мѣсяцы. Тогда какъ приносимая ливнями вода, попавъ на какое-нибудь каменистое ложе, тотчасъ же и утекаетъ, обнажая, спустя нѣсколько часовъ послѣ грозы, камень,—воды, достигшія запруженнаго камышемъ ручья, остаются тамъ на долгое время и изливаются лишь медленно; въ такихъ долинахъ нечего бояться, какъ въ ложбинахъ потоковъ Эѳіопіи, быть вдругъ застигнутымъ жидкою лавиною [1]).

Хотя климатъ Капской земли умѣренный, соотвѣтствующій климату Западной Европы, тѣмъ не менѣе Капская флора представляетъ замѣчательный контрастъ съ аналогичными формами противоположнаго полушарія: періодъ ея покоя упадаетъ на теплое время года, а не на холодное. Листьевъ растенія бываютъ лишены въ сухое время года, съ марта по май; затѣмъ, какъ только начнутъ выпадать дожди, то даже и во время холодовъ температура бываетъ достаточна для того, чтобы растеніе пробудилось, пустило листья и расцвѣло. Эти же самыя свойства стали проявлять также и растенія, вывезенныя изъ другихъ краевъ; число такихъ растеній, по Bolus'у, приблизительно равняется ста шестидесяти видамъ; происхожденія они большею частью европейскаго, хотя есть между ними также и вывезенныя изъ Америки и Индіи. Рѣдко случается встрѣтить этихъ чужестранцевъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ дорогъ и домовъ; внутри страны ихъ почти нѣтъ, и можно сказать, что въ общемъ они обнаруживаютъ лишь весьма слабое вліяніе на физіономію всей флоры: туземныя растенія успѣшно противостоятъ растеніямъ переселяющимся, и, будучи предоставлены самимъ себѣ, они, вѣроятно, кончили бы тѣмъ, что вновь отвоевали бы всю территорію. Только два растенія изъ сѣвернаго полушарія нашли въ южной Африкѣ климатъ и почву, которыя вполнѣ удовлетворяютъ ихъ: это смоковница, распространяющаяся по неплодороднымъ пространствамъ, и *pinus pinea*, которая постепенно завладѣваетъ многими каменистыми склонами. Юго-западные города окружены весьма красивыми дубовыми аллеями. Что же касается видовъ, вывезенныхъ изъ Капа въ Европу, то почти всѣ они принадлежатъ къ растеніямъ декоративнымъ: ихъ насчитываютъ сотнями, и они-то и составляютъ славу тѣхъ теплицъ, въ которыхъ воспитываютъ растенія изъ умѣренныхъ климатовъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ текущаго, Капскія растенія цѣнились болѣе всего: мода дѣлала ихъ царями садовъ. Голландскимъ же любителямъ растенія съ Капа доставлялись огибавшими мысъ Доброй Надежды моряками еще до колонизаціи страны, именно съ половины семнадцатаго столѣтія [1]).

Около бухты Альгоа растительность на приморскомъ склонѣ постепенно мѣняетъ свой характеръ; капскіе виды исчезаютъ и замѣщаются растеніями, принадлежащими къ восточнымъ берегамъ Африки: изрѣдка только можно увидѣть кое-какіе папоротники; не болѣе представлены также и гераніумы [2]). Здѣсь начинается уже береговая полоса Индійскаго океана, климатъ котораго теплѣе и влажнѣе климата атлантическихъ береговъ. Нѣкоторые тропическіе виды, каковы кипрейныя растенія, виднѣются вплоть до склоновъ горъ въ бассейнахъ рѣкъ Great Fish-river и Great Kei. Страна все болѣе и болѣе становится зеленѣющею съ удаленіемъ берега въ направленіи къ сѣверо-востоку, къ Кафраріи и Наталю. Растенія дѣлаются объемистѣе, вѣтвистѣе, и большинство ихъ отличаются блескомъ листьевъ и богатствомъ цвѣтовъ: въ Наталѣ цвѣты есть въ каждое время года. Два пальмовыхъ дере-

[1]) Heinrich Lichtenstein, „Reisen im Südlichen Afrika".

[1]) Harry Bolus, „Sketch of the Flora of South Africa".

[2]) Armitage;—Khapman, „Travels into the interior of South Africa".

ва: *phoenix reclinata* и одинъ видъ *hyphaene*, корни которой обдѣлываются какъ растительная слоновая кость, тамъ и сямъ примѣшиваются къ чащамъ много-вѣтвистыхъ деревьевъ. Великолѣпная *zamia cycadifolia* выдвигаетъ кверху свои загибающіеся листья, которые походятъ на перья страуса: такимъ образомъ, хотя данныя области и находятся очень далеко отъ тропиковъ, но флора ихъ уже не походитъ на флору умѣреннаго пояса.

По ту сторону приморскихъ горъ, тамъ, гдѣ начинаются безплодныя плоскогорія, рѣдко орошаемыя дождями, наружный видъ растительности внезапно мѣняется; начинается ботаническая область пустыни Кару. Будучи хорошо ограничена со стороны юга и юго-востока, она уже менѣе рѣзко отдѣляется на западѣ и сѣверо-западѣ по направленію къ плоскогорію племени нама-куа, а также и на сѣверѣ по направленію къ тѣмъ пустынямъ, по которымъ протекаетъ Оранжевая рѣка. Область Кару не имѣетъ другихъ деревьевъ и кустарниковъ, кромѣ одного вида акаціи, *dornboom*, т. е. «колючаго дерева» голландскихъ колонистовъ (*acacia horrida*); въ видѣ шпалернаго растенія, эта акація растетъ по крутымъ или высокимъ берегамъ уади. Ни вереска, ни многія другія семейства, характеристичныя для Капской флоры, не проникли въ Кару; бобовыя растенія тамъ весьма рѣдки; но варварійское фиговое дерево, завладѣвъ полями Капа, завоевываетъ также высокія земли и на сѣверѣ: тщетно пытаются искоренять его вокругъ нѣкоторыхъ фермъ. Область эта весьма богата колючими видами, которые всѣ можно было бы назвать по имени одного изъ нихъ: *wait-a-bit*, т. е. «подожди немного» (*acacia dotinens*), такъ какъ путешественникъ часто раздираетъ свои одежды объ ихъ колючки. Капскія растенія—которымъ, благодаря сочности своихъ корней, стеблей или листьевъ, удалось приспособиться въ области Кару къ сухости климата—представляютъ приблизительно треть флоры. Обыкновенно наружный видъ равнинъ и господствующихъ надъ ними холмовъ—однообразно сѣрый, но послѣ дождей природа внезапно хорошѣетъ: повсюду распускаются цвѣты, земля становится желтою, пурпуровою, голубою и испещряется до безконечности; впрочемъ, эта ласкающая взоръ декорація сохраняется не долго, и вскорѣ растительность принимаетъ свои пепельные цвѣта. Многочисленны растенія односѣмянодольныя, но они, однако, не цвѣтутъ по цѣлымъ годамъ, такъ какъ для ихъ расцвѣта необходимы уже вполнѣ благопріятныя условія въ отношеніи влажности, тепла и свѣта.

Къ сѣверу отъ горъ, которыя ограничиваютъ Кару и флора которыхъ замѣчательно богата сложноцвѣтными,—растенія эти составляютъ четвертую часть туземныхъ видовъ,—простирается поясъ саваннъ и пустынь, вообще называемый поясомъ Калахари, хотя она и начинается по сю сторону пустынь этого имени, къ югу отъ Оранжевой рѣки. При этомъ, тѣ пространства Калахари, которыя плодородны, имѣютъ видъ саванны, покрытой высокими, растущими въ видѣ пучковъ, травами, а также кое-гдѣ усѣянной и деревцами. Сѣверная полоса Калахари занята рѣдкими лѣсами, деревья которыхъ почти всѣ состоятъ изъ акацій, вооруженныхъ страшными иглами. Среди песковъ произрастаютъ нѣкоторыя съѣдобныя растенія, позволяющія путешественникамъ отваживаться на переѣзды чрезъ пустыню; таковъ бушменскій картофель, клубень котораго нѣсколько горекъ на вкусъ, но оставляетъ послѣ себя пріятное ощущеніе во рту, а широкіе, зеленые, испещренные темными пятнами, листья переполнены водою; также весьма цѣнится туземцами одинъ видъ лука, съ бѣлыми цвѣтками, доставляющій калахарскимъ обезьянамъ ихъ главную пищу; но главный рессурсъ для людей и животныхъ составляетъ *nara* или *sama* (*acanthosicyos horrida*), также называемая *дикою дынею*; это—тыквенное растеніе, дѣйствительно похожее на садовыя дыни и содержащее одновременно вкусную мякоть и освѣжающій сокъ; плодъ этотъ можно сохранять въ пескѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Дикая дыня произрастаетъ также въ странѣ племенъ нама-куа и на плоскогоріяхъ, обитаемыхъ племенемъ хереро. Незамѣтные переходы связываютъ флору Калахари съ флорами: Анголы—на сѣверо-западѣ, равнинъ верхняго теченія Замбезе—на сѣверѣ, и верхняго бассейна Лимпопо—на востокѣ. Горы же Магали, надъ Преторіей, можно разсматривать какъ границу, отдѣляющую область растительности Калахари отъ области склона къ Индійскому морю.

Что касается животныхъ, то, въ противоположность богатству собственными растительными формами, Капская область не обладаетъ аборигенными животными: по своей фаунѣ—она лишь простое продолженіе тропической Африки. Столь рѣзкую противоположность между флорою и фауною можно встрѣтить только въ Тибетѣ, гдѣ почти не существуетъ эндемической флоры, но откуда вышло столько животныхъ видовъ. Однако, если Южная Африка весьма бѣдна своими собственными животными типами, то она была недавно,—и есть еще донынѣ къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки,—удивительно богатой особями видовъ, прибывшихъ съ сѣвера; еще въ началѣ этого вѣка сѣверныя области колоніи заслуживали наименованіе «Охотничьяго парка Земли»; нигдѣ не встрѣчали большихъ млекопитающихъ въ такомъ поразительномъ множествѣ; стада антилопъ можно было сравнивать «съ тучами саранчи» [1]).

[1]) Delegorgue;—Gordon Cumming, „A Hunter's Life in South Africa".

Охотничьи сочиненія составляютъ даже большую часть литературы о Капской землѣ. Однако, каждое преуспѣваніе въ заселеніи края влекло за собою отодвиганіе къ сѣверу прежнихъ обитателей страны, какъ людей, такъ и животныхъ; уже *гиппопотамъ*, останки котораго найдены въ намывныхъ земляхъ Каледона [1]), съ незапамятной эпохи пересталъ жить въ бассейнѣ верхняго теченія Оранжевой рѣки. Одновременно съ бушменомъ, съ морскаго побережья удалились слоны, носороги, бизоны, антилопы, обезьяны и страусы. Скоро уже два вѣка, какъ въ округѣ города Кэптауна не видно этихъ животныхъ; нынѣ дикая фауна отброшена по ту сторону горъ и даже за Оранжевую рѣку, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отсталыхъ животныхъ, каковы: навіанъ и гіена, шакалъ и дикая собака, которыя превратились въ сотрапезниковъ человѣка, бродя вокругъ фермъ и овечьихъ загоновъ. Сельскіе жители называютъ всѣхъ этихъ хищниковъ вообще «волкомъ». Говорятъ, будто сторожевыя собаки превосходно сознаютъ свое родство съ дикими собаками, и, даже будучи спущены на послѣднихъ, онѣ уклоняются отъ схватки, или боятся нападать на нихъ. Леопарды, хотя на нихъ и устраиваютъ облавы, все еще тамъ и сямъ скрываются въ густыхъ чащахъ овраговъ, даже по близости Кэптауна. Это самые опасные хищники въ Южной Африкѣ: ихъ страшатся даже болѣе, чѣмъ львовъ.

Эти послѣдніе нѣкогда были настолько многочисленны по сосѣдству съ Кэптауномъ, что, по словамъ старинныхъ хроникъ, первые голландскіе поселенцы опасались, какъ бы въ одну прекрасную ночь львы «не взяли приступомъ форта». Нынѣ въ предѣлахъ колонизованной области ихъ уже нѣтъ; однако, къ югу отъ Оранжевой рѣки, на высокихъ равнинахъ области бушмэновъ, путешественники еще встрѣчаютъ льва. Впрочемъ, это уже не «царь» пустыни, страшный ревъ котораго заставлялъ трепетать человѣка и животныхъ. Сдѣлавшись болѣе робкимъ и лукавымъ, онъ уже не стремится пугать своимъ ужаснымъ голосомъ, а старается захватить свою жертву втихомолку: охотники единогласно свидѣтельствуютъ, что, вблизи дорогъ и жилищъ, левъ нынѣ превратился въ животное молчаливое.

Тогда какъ крупные хищные звѣри удалились на окраины пустыни, слонъ и буйволъ, оставившіе въ географическихъ наименованіяхъ колоніи столько свидѣтельствъ своего прежняго пребыванія, избрали своимъ послѣднимъ убѣжищемъ, въ области морскаго побережья, густые лѣса Книсны, окаймляющіе бухту Плеттенбергъ и нѣкоторыя чащи, сосѣднія съ Снѣговыми горами: въ этихъ энклавахъ запрещено охотиться на нихъ. На островѣ Цейлонѣ, гдѣ для слоновъ имѣется въ изобиліи и вода, и пища, бивнями снабжено только небольшое число этихъ животныхъ, тогда какъ въ Южной Африкѣ бивни есть у всѣхъ слоновъ, и они ими пользуются, какъ для того, чтобы разрывать песокъ безводнаго ложа ручьевъ до подземнаго слоя воды [1]), такъ и для того, чтобы сдирать со стеблей акацій и другихъ деревьевъ кору, которую они затѣмъ медленно и пережевываютъ. Что касается носороговъ, которыхъ существовало и, можетъ-быть, существуетъ еще въ Южной Африкѣ четыре отличныхъ другъ отъ друга вида, то къ югу отъ Оранжевой рѣки они болѣе не водятся. Гиппопотамы лучше избѣжали преслѣдованія человѣка: ихъ еще встрѣчаютъ въ водахъ нижняго теченія Гарипа и, вмѣстѣ съ крокодилами, въ рѣкахъ Кафраріи и страны зулусовъ; въ половинѣ текущаго вѣка, нѣсколько представителей этой старой фауны еще рѣзвились въ водахъ Great Fish-river. Жирафъ, зебра, квагга, буйволъ, гну и большая часть двадцати семи видовъ антилопъ, нѣкогда жившихъ въ колонизованной нынѣ части Южной Африки, откочевали въ сѣверныя области, въ Калахари, страну племени нама-куа и Трансвааль. Граціозная кама (*dorcas*), самая красивая изъ антилопъ, называемая бурами «лосемъ», куду (*strepsiceros*), черная антилопа и большая часть ихъ сородичей уже не встрѣчаются къ югу отъ Оранжевой рѣки. Страусъ сохранился въ дикомъ состояніи въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ колоніи и въ Калахари; по Andersson'у, существуетъ два различныхъ вида этой птицы-великана, которые оба отличаются отъ мавританскаго страуса. Изъ другихъ птицъ Капской земли, естествоиспытатели въ особенности описали philhetaerus'а, или республиканца, колоніи котораго обитаютъ въ громадныхъ гнѣздахъ, защищенныхъ нѣкоторымъ подобіемъ крыши, и секретаря или змѣеяда (*serpentarius reptilivorus*), который, схвативъ змѣю, умерщвляетъ ее или ударами крыльевъ, или подбрасывая кверху, вслѣдствіе чего у змѣи, при паденіи на землю, переламываются позвонки; охотиться запрещено также и за этою птицею. Міръ пресмыкающихся имѣетъ многочисленныхъ представителей, въ числѣ которыхъ есть ядовитыя змѣи: кобра, змѣя-подвязка, змѣя-галстукъ и страшная гадюка (*puff-adder*), которая, къ счастью для прохожихъ, двигается медленно. Приморскія бухты также населены многими видами электрическаго ската и рыбъ, опасныхъ своимъ отравленнымъ остроконечіемъ рыла или своимъ ядовитымъ мясомъ.

Болѣе половины туземныхъ жителей Южной Африки, къ югу отъ рѣкъ Кунэнэ и Замбезе,

[1]) Christol, „Afrique explorée et civilisée". 1884.

[1]) Alexander, „An Expedition of Discovery into the interior of Africa".

принадлежитъ къ большой семьѣ банту. Вообще можно сказать, что линія, проведенная съ юга на сѣверъ чрезъ бухту Альгоа, служитъ западною границею для народовъ банту, отдѣляя ихъ отъ проживающихъ на атлантическомъ побережьѣ готтенготовъ. Восточные склоны горъ, долины верхняго теченія Оранжевой рѣки, Наталь и весь бассейнъ рѣки Лимпопо составляютъ часть той обширной этнической области «Людей» по преимуществу, которая занимаетъ въ Африкѣ южную тропическую полосу и простирается даже по ту сторону экватора, вплоть до Камерунскаго залива. Подобно тому, какъ растительные виды экваторіальныхъ областей постепенно завоевывали морское побережье, будучи увлекаемы, такъ сказать, теплымъ береговымъ теченіемъ, которое переносило ихъ сѣмена съ пляжа на пляжъ; подобно тому, какъ сѣверныя животныя распространились вдоль Индійскаго океана вплоть до южной оконечности Африки,—такъ точно и пришедшія съ сѣвера побѣдоносныя племена банту продолжали свои завоеванія отъ берега до берега до тѣхъ поръ, пока не очутились въ виду океана, простирающагося вдаль, къ области антарктическихъ льдовъ.

Банту англійскихъ и голландскихъ владѣній въ Африкѣ извѣстны подъ именемъ кафровъ, которое дано имъ португальцами во время открытія страны и есть не что иное, какъ названіе «кафиръ», прилагаемое арабами ко всѣмъ «невѣрнымъ» Африки, т. е. къ язычникамъ и не-мусульманамъ. Впрочемъ, это родовое наименованіе потеряло столь обширное значеніе, и его стали примѣнять лишь къ банту Южной Африки, а въ частности къ различнымъ туземнымъ племенамъ той области, которая заключается между Капскою колоніею и Наталемъ. Ихъ братья по расѣ, живущіе сѣвернѣе, въ бассейнѣ рѣки Тугела и вплоть до португальскихъ владѣній, болѣе извѣстны, съ начала текущаго столѣтія, подъ именемъ зулусовъ. Жителей того гористаго плоскогорія, на которомъ зарождаются рѣки Оранжевая и Каледонъ, называютъ ба-суто; племя ба-чуана занимаетъ край, простирающійся къ западу отъ Ваала, а племя ба-калахари кочуетъ по пескамъ, саваннамъ и лѣсамъ той страны, отъ которой оно восприняло свое наименованіе. Другія, менѣе значительныя группы племенъ, населяющія различныя государства или округи восточной территоріи, различаются другъ отъ друга степенью цивилизаціи, нравами и политическимъ строемъ, но всѣ онѣ сохранили нарѣчія корня банту, столь гармоничныя и столь логическія по своей конструкціи, что даже самый малый ребенокъ не можетъ ошибиться, говоря на этихъ языкахъ [1]).

Западная часть Капской колоніи, на склонѣ къ Атлантическому и Южному океанамъ, вплоть до бухты Альгоа, первоначально принадлежала расѣ санъ, слабые остатки которой извѣстны европейцамъ подъ именемъ *bosjesmannen* или бушменовъ (*boesmans* на мѣстномъ говорѣ буровъ); наименованіе это означаетъ не столько «людей кустовъ», сколько низшихъ существъ, полу-людей по формѣ, но скотоподобныхъ по природѣ [1]); впрочемъ, слово башманъ у племени ба-суто значитъ: «необрѣзанный, презрѣнный» [2]). Такъ называютъ не только бушменовъ по расѣ, но также людей бродячихъ, грабителей и бѣглецовъ, какого бы они ни были происхожденія: саны, готтентоты или даже и кафры. Истинные саны—которымъ самимъ не извѣстно какое-либо ихъ общее наименованіе и которые вовсе не сознаютъ единства своей расы—суть, по крайней мѣрѣ въ южной части ихъ этнической области, люди низкаго роста, съ относительно свѣтлой кожею, похожіе на всѣхъ другихъ «пигмеевъ» Центральной Африки: акка, ба-туа, а-куа, или а-бонго, разсѣянныхъ мелкими племенами между населеніями негритянскими или бантуськими вплоть до бассейна Нила. По мнѣнію многихъ антропологовъ, эти разсѣянные различные народцы происходятъ отъ первыхъ обладателей Африки; завоеватели — предки тѣхъ населеній, которыя, въ свою очередь, стали обладателями страны—постепенно истребили или оттѣснили ихъ въ лѣса, въ горныя ущелья и пустыни; но преимущества древности происхожденія сановъ признаютъ, однако, и сами побѣдители: такъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда другіе южно-африканцы принимаютъ сановъ въ сотоварищи по охотѣ, они всегда удѣляютъ имъ часть дичи болѣе значительную, чѣмъ доля своихъ собственныхъ начальниковъ, повидимому, считая эту привилегію принадлежащею по праву первоначальнымъ собственникамъ африканской земли. Въ бушменахъ видѣли «остатки человѣческаго рода, предшествовавшаго нынѣшнему человѣчеству». Какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что большинство авторовъ, писавшихъ о санахъ, подъ вліяніемъ предразсудковъ расы и нравовъ видѣли въ этихъ несчастныхъ, гонимыхъ туземцахъ существа болѣе непохожія на остальныхъ людей, чѣмъ они есть въ дѣйствительности. Между ихъ ожесточенными врагами колонисты-буры заходили такъ далеко, что даже отрицали существованіе у бушменовъ членораздѣльной рѣчи.

Измѣренія, произведенныя нѣкоторыми учеными, не настолько еще многочисленны, чтобы можно было узнать средній ростъ бушменовъ; къ тому же индивидами для этихъ измѣреній

[1]) Jakob Ludwig Döhne, „Das Kafferland".

[1]) G. Fritsch, „Die Eingeborenen Süd-Afrikas ethnographisch und anatomish beschrieben;—Drei Jahre in Süd Africa".

[2]) Eugène Casalis, „Les Bassoutos".

служили почти лишь одни обитатели юго-западной области, въ которой иностранныхъ колонистовъ больше всего и въ которой аборигенная раса живетъ въ самыхъ несчастныхъ условіяхъ, на-подобіе преслѣдуемой лѣсной дичи. Возможно, поэтому, задать себѣ такой вопросъ: не могли ли повліять на уменьшеніе нормальнаго роста сановъ въ этихъ краяхъ родъ ихъ жизни, зимніе холода и въ особенности отсутствіе достаточной пищи? Вѣдь, въ пустынѣ Калахари, на границахъ края племени бе-чуана, около озера Нгами и на окружающихъ его солончакахъ, въ бассейнѣ р. Замбезе, наконецъ, на плоскогоріяхъ, занятыхъ племенами нама-куа и хереро, гдѣ многія колѣна бушменовъ или ба-роа живутъ въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и племена другихъ расъ, вовсе не замѣчаютъ этой разницы въ ростѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ саны даже превосходятъ другихъ какъ своею ростомъ, такъ и силою и ловкостью [1]). «Самые красивые люди», которыхъ видѣлъ миссіонеръ Mackenzie во всей Южной Африкѣ, были мадессана, живущіе на востокъ отъ Нгами; но эти туземцы—которыхъ по ихъ чертамъ, языку, образу жизни и обычаямъ признавали за бушменовъ—въ дѣйствительности были, будтобы, по словамъ Holub'a, бе-чуанами, перемѣшавшими свою кровь съ кровью негровъ изъ-за р. Замбезе. Какъ бы то ни было, невзрачная наружность южныхъ бушменовъ отчасти могла бы быть объяснена условіями той убогой жизни, на которую они себя обрекли, чтобы остаться свободными. Тѣ же изъ нихъ, которые жили въ довольствѣ въ независимомъ состояніи, или которые, закрѣпостясь у кафровъ или готтентотовъ, могли ѣсть досыта, имѣютъ и потомковъ съ нормальными размѣрами [2]); «нама-куа, говоритъ Гольтонъ, это—измельчавшіе бушмены», а нама-куа, вѣдь, самые рослые изъ готтентотовъ. Но что касается южныхъ бушменовъ, нѣсколько жалкихъ представителей которыхъ бродятъ еще къ югу отъ Гарипа, то, конечно, они составляютъ одну изъ наиболѣе малорослыхъ расъ на землѣ: на основаніи десяти измѣреній, произведенныхъ Fritsch'емъ, средній ростъ ихъ немногимъ больше 144 сантиметровъ; и это ростъ самый большой, такъ какъ цифры другихъ ученыхъ еще меньше; напр., по опредѣленіямъ Burchel'я и Lichtenstein'a, онъ равняется всего лишь 122 сантиметрамъ. Такимъ образомъ, если принимать въ разсчетъ даже самыя благопріятныя измѣренія, все-таки оказалось бы, что бушмены Гарипа на шесть сантиметровъ ниже лопарей. Желтоватый цвѣтъ кожи бушменовъ, особенно въ южныхъ областяхъ, наиболѣе удаленныхъ отъ экватора, напоминаетъ окраску страдающихъ желтухою европейцевъ, или здоровыхъ монголовъ [1]; да саны и во многихъ другихъ отношеніяхъ походятъ на этихъ жителей азіатскихъ плоскогорій: подобно имъ, они отличаются малостью блестящихъ глазъ, шириною и выпуклостью скулъ, очертаніемъ рта и подбородка, бѣлизною и правильностью зубовъ. Между лбомъ и корнемъ носа впадина у бушмена всегда широка и глубока, такъ что, въ общемъ, профиль представляетъ скорѣе линію вогнутую, чѣмъ выдающуюся. Лобъ, вмѣсто того, чтобы какъ у монголовъ подаваться кзади, выпуклъ вверху, а черепъ, покрытый бугорками, величиной «съ перечное зерно»,—очень продолговатый (73°,03); что же касается вмѣстимости черепа, то, сравнительно, она, говорятъ, очень мала (1.220 куб. сантиметровъ); однако, физіономія у бушменовъ далеко не лишена ума; напротивъ, она свидѣтельствуетъ о замѣчательной проницательности, и, конечно, умъ у сановъ долженъ постоянно бодрствовать для того, чтобы они могли успѣшно приспособляться къ средѣ и успѣшно бороться съ нуждой, стихіями и врагами. Одною изъ отличительныхъ чертъ южныхъ сановъ, даже молодыхъ, является множественность морщинъ: кожа лица и тѣла, слишкомъ широкая для прикрытія исхудалаго индивида, образуетъ тысячи складокъ; зато, съ улучшеніемъ питанія и образованіемъ жира, она быстро растягивается. Наконецъ, извѣстно, что бушмены, и въ особенности женщины, даже и въ дѣтствѣ, весьма склонны къ стеатопигіи (ожирѣнію сѣдалища).

Языкъ сановъ не единенъ среди африканскихъ нарѣчій; онъ сходенъ съ говоромъ готтентотовъ и, очевидно, происходитъ отъ одного съ нимъ корня, хотя нынѣ значительно отличается отъ готтентотскаго въ синтаксическомъ отношеніи; корни именъ существительныхъ одни и тѣ же въ обоихъ языкахъ, а образованіе новыхъ словъ совершается при посредствѣ суфиксовъ: неоконченный словарь Bleck'a долженъ былъ содержать одиннадцать тысячъ словъ. Это богатство запаса словъ, въ связи съ родствомъ между языками сановъ и хойнъ-хойновъ, служитъ указаніемъ, что въ племени санъ должно скорѣе видѣть націю, хотя уже и лишившуюся своей мощи, но все-таки принадлежащую къ одному и тому же корню съ своими сосѣдями, чѣмъ представителей какой-то расы, почти отличной отъ остальнаго человѣчества. Подобно южнымъ готтентотамъ и кафрамъ, въ говорѣ у бушменовъ есть спеціальныя согласныя, «clics» или прищелкиванія, воспроизвести которыя европейцу весьма трудно и которыя, однако, въ

[1]) Alexander, „Expedition of Discovery into the interior of Africa".

[2]) John Mackenzie, „Ten years North of the Orange-river".

[1]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки;—Ad. Bastian, „Ethnologische Forschungen".

меньшей степени встрѣчаются также и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ. У нѣкоторыхъ колѣнъ сановъ такихъ звуковъ счетомъ до восьми; но только четыре изъ нихъ считаются фундаментальными: щелканіе зубное, звукъ котораго напоминаетъ такъ называемое «baiser de nourrice»; прищелкиваніе небное, напоминающее ударъ клюва дятла по стволу дерева; прищелкиваніе церебральное, похожее на шумъ вылетающей пробки, и прищелкиваніе боковое, которое, если и можно сравнить съ чѣмъ-нибудь, то, по Th. Hahn'у, «развѣ съ крикомъ утки или гуся». Впрочемъ, эти прищелкиванія, такъ сказать, присущи данной территоріи, такъ какъ ихъ встрѣчаютъ не только въ языкахъ бушменовъ и готтентотовъ, но также въ языкахъ южныхъ кафровъ, за исключеніемъ говоровъ: se-tlapu (языкъ племени ба-тляпи) и se-rolong (языкъ племени ба-ролонгъ) [1]); присоединяютъ эти причудливыя согласныя къ нѣкоторымъ словамъ своего собственнаго языка также и буры [2]). Азбуки, введенныя миссіонерами, изображаютъ эти прищелкиванія восклицательными знаками, крестами и нотными черточками. Такимъ образомъ, какъ и въ китайскомъ языкѣ, слова въ языкахъ сановъ и хойнъ-хойновъ имѣютъ различныя значенія, смотря по тому, болѣе или менѣе высокъ тонъ, которымъ они произносятся [3]).

Кочевая жизнь сановъ не позволяетъ имъ, конечно, заниматься какою-либо промышленностью. Въ округахъ, гдѣ не завелись еще ружья, они пользуются луками и отравленными стрѣлами съ наконечниками изъ желѣза, заостренныхъ камней, стекла и осколковъ кремня. Саны прикрываютъ свое тѣло недостаточно; богатые между ними ограничиваются овчиною, называющеюся *kaross*; но всѣ они любятъ украшать тѣло и лицо ожерельями изъ косточекъ, стрѣлъ и страусовыхъ перьевъ; у племени калахари въ перегородку носа вставляются палочки. Большинство сановъ не имѣютъ хижинъ: живутъ они въ пещерахъ или ямахъ, вырытыхъ животными; ночи проводятъ въ тепломъ пеплѣ отъ костра, а отъ вѣтра защищаются рогожами, растянутыми на кольяхъ. Впрочемъ, такая полная приключеній жизнь развиваетъ у нихъ особенную смѣтливость и тѣ, изъ нихъ, которые были плѣнены въ молодости и затѣмъ одомашнились, легко научаются всему, что имъ показываютъ; они становятся умѣлыми рыбаками и незамѣнимыми пастухами; но сколько разъ они покидали тѣ цивилизованныя жилища, въ которыхъ у нихъ была по крайней мѣрѣ въ достаткѣ пища, и все для того, чтобы возвратить себѣ дикую независимость, отдаться снова превратностямъ судьбы и нищенству! Впрочемъ, въ какой бы нуждѣ они ни оказывались, у нихъ все-таки обнаруживается болѣе живучести, чѣмъ у ихъ сосѣдей: они находятъ возможность предаваться танцамъ, пѣнію и импровизаціи; они даже и художники, такъ какъ на камняхъ ихъ пещеръ во многихъ мѣстностяхъ находили нарисованныя красной охрой или даже и разными цвѣтами изображенія животныхъ, охотничьихъ сценъ, сраженій и схватокъ съ ненавистными бурами. Такимъ образомъ жизнь этихъ бушменовъ—которыхъ до недавняго время всякій, кафръ или готтентотъ, голландецъ или англичанинъ, считалъ въ правѣ убивать, какъ дикихъ животныхъ,—не протекаетъ безъ идеала. Сокровищница ихъ басенъ, сказокъ и миѳовъ такъ богата, что удивляетъ изслѣдователей [1]). Разсѣянные отдѣльными группами, безъ всякой національной связи, они, тѣмъ не менѣе, питаютъ симпатію другъ къ другу и, при случаѣ, оказываютъ одинъ другому услуги; послѣ общихъ охотъ не возникаетъ никакихъ споровъ при дѣлежѣ добычи, хотя ни одинъ начальникъ и не главенствуетъ при этомъ. Не существуетъ ни политической, ни соціальной организаціи, нѣтъ также и правильнаго семейства, а между тѣмъ чувства естественнаго влеченія все-таки весьма сильны. Прежде, когда хотѣли овладѣть бушменкою, стоило только украсть ея ребенка: мать уже всегда, сама собою, являлась для раздѣленія судьбы маленькаго плѣнника.

Если бы судить по бушменамъ «колоніи» къ югу отъ Оранжевой рѣки, то можно было бы сказать, что ихъ раса должна вскорѣ исчезнуть, такъ какъ въ предѣлахъ этой колоніи за ними охотились все равно, какъ за дикимъ звѣремъ, и большая часть изъ тѣхъ, которыхъ еще не истребили, спаслась бѣгствомъ въ сѣверныя пустыни. Sparrmann разсказываетъ, что переселенцы подманивали бушменовъ, оставляя въ кустахъ переднюю или заднюю часть убитой скотины, и не щадили ни беременныхъ женщинъ, ни грудныхъ младенцевъ, если не находили нужнымъ увеличивать ими числа своихъ рабовъ. Гдѣ бы ни завидѣлъ бѣлый бушмена, онъ тотчасъ стрѣлялъ по нему и пускался въ погоню верхомъ и съ собаками [2]). Самая доблесть сановъ часто сулила имъ гибель; такъ какъ не было примѣра, чтобы они покидали мертвыхъ или раненыхъ: оставаясь же около павшихъ, они позволяли убивать также и себя. Къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, на границахъ голландскихъ республикъ и бе-чуанскихъ мѣстностей, за бушменами также охотились; но въ Калахари и сѣвернѣе, по направленію къ Зам-

[1]) Coillard, „Bulletin de la Société languedocienne de Géographie", 1885.

[2]) R. N. Cust, упом. соч.

[3]) W. Bleck, „A Comparative Grammar of South African Languages".

[1]) W. Bleck, „A brief Account of Buchman Folk-lore".

[2]) „Voyage du Cap de Bonne Espérance".

безе, многія изъ оставшихся свободными ихъ колѣнъ, повидимому, не уменьшились въ числѣ. Въ областяхъ племенъ хереро и намакуа, бушменовъ приблизительно насчитываютъ отъ четырехъ до пяти тысячъ; число же всѣхъ ихъ соплеменниковъ въ Южной Африкѣ, вѣроятно, вдесятеро больше.

Готтентоты—которые ко времени прибытія европейцевъ занимали почти всю западную часть «нынѣшней колоніи»—еще довольно многочисленны и, не считая метисовъ, составляютъ седьмую часть населенія. Ихъ имя, повидимому, есть не что иное, какъ обидная кличка, данная имъ голландскими и фрисландскими поселянами, такъ какъ приблизительно оно означаетъ: «бормотунъ, лепетунъ», и возникло, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе страннаго выговора готтентотовъ [1]). Въ обыденной же рѣчи полное ихъ наименованіе сократилось и превратилось въ «тоты». Сами они не имѣютъ общаго имени для обозначенія всей своей расы, но слово *хойнъ* (khoin), т. е. «люди», встрѣчающееся во многихъ наименованіяхъ ихъ колѣнъ, было распространено и на всю ихъ націю: нынѣ готтентоты, такимъ образомъ, называются *хойхоинами*, т. е. «людьми изъ людей».

Будучи значительно выше ростомъ, чѣмъ южные бушмены, и отличаясь отъ нихъ болѣе цивилизованнымъ образомъ жизни, готтентоты сходны въ другихъ отношеніяхъ съ бушменами: у нихъ тотъ же оттѣнокъ кожи, та же долихоцефалическая форма черепа; у ихъ женщинъ та же наклонность, и даже, можетъ-быть, въ еще большей степени, къ стеатопигіи; нѣкогда они пользовались на охотѣ и въ сраженіяхъ такими же отравленными стрѣлами и точно такимъ же, какъ у бушменовъ, лукомъ; у нихъ одни и тѣ же музыкальные инструменты; одинакимъ образомъ оба эти племени расписываютъ свое тѣло и украшаютъ его бездѣлушками; наконецъ, и языкъ, на которомъ говорятъ между собой тѣ изъ нихъ, у которыхъ обычной рѣчью не сдѣлался еще англійскій или голландскій діалектъ, очевидно, происходитъ отъ одного и того же корня, какъ и языкъ сановъ; только онъ гораздо богаче, гибче и менѣе варварскій по своимъ звукамъ и формамъ. Въ этомъ языкѣ—три числа и три рода; при посредствѣ же агглютинаціи его односложныхъ корней, на немъ можно выражать какъ отвлеченныя идеи, такъ и различные оттѣнки чувства и мысли. Тогда какъ у племенъ банту слова образуются при помощи мѣстоименныхъ приставокъ, у готтентотовъ частицы присоединяются всегда къ концу корней: ихъ языкъ, слѣдовательно, «суффиксо-прономинальный». Онъ подраздѣляется на большое число говоровъ, которые довольно схожи между собою, несмотря на отдаленность другъ отъ друга мѣстъ обитанія различныхъ колѣнъ этого этническаго семейства; говоры племени нама-куа, повидимому, наименѣе смѣшанные.

Въ тѣхъ округахъ, гдѣ готтентоты и по языку, и по нравамъ не превратились въ простыхъ объевропеившихся пролетаріевъ, они живутъ въ такъ называемыхъ *as*'ахъ—*kraal*'яхъ на языкѣ голландскихъ переселенцевъ, отъ португальскаго *corral'*, т. е. «скотскій паркъ»; это—группы полушарообразныхъ хижинъ, походящихъ издали на грибы, расположившіеся въ видѣ круга посреди прэріи [1]); самыя же хижины выстроены довольно плотно, для того, чтобы въ нихъ не могла проникать дождевая вода; однако, пользоваться ими можно только для укрытія отъ непогоды; стоять въ нихъ нельзя, такъ какъ обычная высота, на которой выводится крыша, не превышаетъ одного метра и тридцати сантиметровъ. Костюмомъ для готтентотовъ служатъ: кожанный передникъ, нѣсколько большій и нѣсколько болѣе разукрашенный у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ; затѣмъ плащъ изъ овчинъ, волосомъ наружу или внутрь, смотря по времени года; у богатыхъ, верхъ «karros'a» бываетъ разукрашенъ вышивками и мѣхомъ. Обыкновенно готтентоты питаются по преимуществу молокомъ и масломъ: мясо они ѣдятъ только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ; однако, рѣшившись убить своихъ животныхъ, они наѣдаются мясомъ до крайняго предѣла вмѣстимости ихъ желудка, и чтобы посодѣйствовать своему пищеваренію катаются по землѣ и растираютъ животъ. При своихъ экспедиціяхъ они носятъ мѣшечки, наполненные высушеннымъ мясомъ, превращеннымъ въ порошокъ. Готтентоты—страстные курильщики табаку или конопли (*dakha*), дымъ которыхъ они проглатываютъ; но иногда случается, что для того, чтобы наказать себя за проступокъ или для умилостивленія судьбы въ видахъ осуществленія какого-нибудь изъ своихъ желаній, они на нѣкоторое время приговариваютъ себя къ воздержанію отъ наркотическихъ веществъ. Мясо зайца, свиньи и курицы считается ими нечистымъ.

О сверхчувственномъ мірѣ представленія у готтентотовъ были въ прежнее время столь ничтожны, что путешественники, даже и не руководясь предвзятыми идеями, могли повторять, что у этихъ народовъ не существуетъ никакой религіи; однако, ихъ нервный темпераментъ столь легко возбудимъ, что миссіонеры изъ методистовъ часто могли повергать ихъ въ религіозный экстазъ. По Bleck'у, тѣ готтентоты, которые пребываютъ въ язычествѣ даже и до сихъ поръ, признаютъ по крайней мѣрѣ двухъ высшихъ существъ, изъ которыхъ одно, быть-можетъ, представляетъ олицетвореніе луны [2]),

[1]) Th. Hahn;—R. N. Cust, упом. соч.

[1]) Gustav Fritsch, „Drei Jahre in Süd-Africa".
[2]) Pierre Kolbe, „Description du Cap de Bonne-Espérance".

такъ какъ оно періодически умираетъ и воскресаетъ. Амулеты, фетиши рѣдки у готтентотовъ, но все-таки существуютъ и большею частью относятся къ культу мертвыхъ; готтентоты приписываютъ большую власть своимъ предкамъ, какъ для дарованія благъ, такъ и для причиненія зла, и въ важныхъ обстоятельствахъ жизни взываютъ къ нимъ: наименованіе «Тсу-Гоабъ», употребляемое миссіонерами для перевода слова «Богъ», вѣроятно, прилагается готтенотами къ какому-нибудь герою древнихъ временъ [1]). Погребенія совершаются съ большою торжественностью, и послѣ помѣщенія мертвеца въ пещеру, при чемъ преимущество отдается логовищу дикобраза, надъ могилою складываютъ кучу камней. По этимъ-то высокимъ могильнымъ холмамъ, воздвигнутымъ надъ мѣстами погребенія, а также по обдѣланнымъ камнямъ, употреблявшимся готтентотами, и узнаютъ объ ихъ пребываніи или проходѣ въ различныхъ областяхъ восточнаго склона, которыя въ наши дни населены иммигрантами изъ расы банту.

Каждое племя готтентотовъ имѣетъ своего главаря, по крайней мѣрѣ внѣ англійскихъ владѣній и республикъ буровъ; впрочемъ, эти начальники не обладаютъ большою властью, и всѣ важныя дѣла обсуждаются въ совѣтѣ изъ всѣхъ членовъ племени, въ томъ числѣ и юношей; часто даже голосъ юношей оказывается преобладающимъ. Но въ европейскихъ колоніяхъ всякое политическое группированіе готтентотовъ было расторгнуто. Такъ, въ Капской территоріи англійская администрація смѣстила послѣдняго начальника готтентотовъ въ 1810 году, замѣнивъ его судебнымъ чиновникомъ изъ европейцевъ [2]). Къ тому же, всѣ туземцы, подвластные европейцамъ, жили въ состояніи рабства: ихъ насильно забирали въ военную службу, заставляя розыскивать и преслѣдовать братьевъ своей же расы, или работать на постройкѣ мостовъ и дорогъ; признаніе за ними правъ свободныхъ людей было совершено англійскимъ правительствомъ только въ 1828 году, къ большому соблазну переселенцевъ, которые видѣли въ этомъ освобожденіи презрѣнныхъ желтыхъ покушеніе на ихъ наслѣдственныя привилегіи и обстоятельство, угрожающее разрушеніемъ колоніи. Многіе изъ переселенцевъ предпочли покинуть край, чѣмъ оставаться рядомъ съ прежними рабами, оффиціально уравненными въ правахъ съ ними.

Но прежде, чѣмъ все это случилось, сколько, въ теченіе полуторавѣковаго сосѣдства съ бѣлыми, было уже истреблено готтентотскихъ племенъ и скорѣе оружіемъ, чѣмъ оспою [3])! Что сталось съ племенемъ кора-на, которое проживало на берегахъ Столовой бухты, когда первые европейскіе колонисты основались въ краѣ, а также и съ племенемъ грикуа, которое кочевало вблизи бухты Св. Елены? Многіе другіе народцы, каковы: гаури, санъ, атта, хайссе, сусси, дама, дунъ, ширигри тоже исчезли, оставивъ послѣ себя лишь названія, данныя рѣкамъ и горамъ. При этомъ, избивавшіе готтентотовъ считали себя исполнителями велѣній рока, почти что судіями праведными, объявляя, что этимъ низшимъ расамъ суждено умереть, оставляя свое наслѣдство бѣлому человѣку. Да и понынѣ еще общераспространенное мнѣніе таково, что хойнъ-хойны находятся на пути къ быстрому исчезновенію; однако, статистика опровергаетъ эти предвзятыя идеи. Правда, число туземцевъ какъ будто уменьшается, но это только такъ кажется, потому, что число бѣлыхъ увеличивается въ гораздо болѣе быстрой пропорціи и въ особенности потому, что перемѣна въ нравахъ мало-по-малу вовлекаетъ туземцевъ въ кругъ притяженія бѣлыхъ, превращая ихъ въ слугъ и ремесленниковъ, уже одѣтыхъ по-европейски, говорящихъ на языкѣ переселенцевъ и приспособляющихся къ ихъ идеямъ, культу, предразсудкамъ и образу жизни. Кромѣ того большое число готтентотовъ, непокорившихся англійской цивилизаціи, выселились, слѣдуя въ обратномъ направленіи по тому же самому пути, по которому шли ихъ отцы, когда они спустились съ сѣвера, по словамъ легенды, «несомые въ большомъ коробѣ». Въ краѣ нама-куа и вплоть до земли племени хереро, *oerlam*, т. е. готтентоты, вышедшіе изъ «колоніи», часто достигали политическаго преобладанія, а по ту сторону рѣки Кунэнэ они, въ сосѣдствѣ Гумпаты, слѣдовали за эмиграціоннымъ движеніемъ буровъ. Нынѣ, сгруппированными въ племена готтентоты остались лишь къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки; таковы племена: гаухойнъ и нама-куа, гри-куа и кора-на. Готтентоты въ европейскихъ округахъ, хотя и смѣшались съ остальною массою населенія, тѣмъ не менѣе при народныхъ переписяхъ считаются отдѣльно. Въ 1798 г. въ четырехъ округахъ, составлявшихъ тогда всю колонію: Капскомъ, Стеленбошскомъ, Свеллендамскомъ и Графъ-Рейнетскомъ, на населеніе въ 32 тысячи насчитывалось 13 тысячъ готтентотовъ. Въ 1865 г., во всей колоніальной территоріи хойнъ-хойновъ было 81.600 человѣкъ; десять лѣтъ спустя ихъ насчитывалось уже 98.560. Правда, что большая часть изъ нихъ, будучи уже смѣшанной расы, являются готтентотами по происхожденію только отчасти, но кровь хойнъ-хойновъ встрѣчается и у 86.540 метисовъ, перечисленныхъ въ той же переписи. Готтентоты на западѣ по большей части составляютъ такъ называемыхъ *гона-куа*, т. е. пограничныхъ готтентотовъ, происходящихъ отъ смѣшенія съ

[1]) Th. Hahn;—Büttner и т. д.
[2]) „Petermann's Mittheilungen", тетр. IV.
[3]) Trunberg, „Travels";—Napier, „Excursions in South Africa".

кафрами [1]). Гри-куа, живущіе къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки съ начала текущаго столѣтія— времени, когда браки между бурами и готтентотами были запрещены закономъ—по большей части называются «bastaards'ами», какое прозваніе они принимаютъ съ гордостью, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ объ ихъ родствѣ съ бѣлыми: говорятъ, они болѣе походятъ на своихъ матерей — готтентотокъ, чѣмъ на отцовъ—европейцевъ.

Общій видъ Преторіи.

Нѣтъ другой страны въ Африкѣ, гдѣ хри-

[1]) Ad. Bastian, „Etnologiche Forschungen".

стіанскіе миссіонеры были бы болѣе дѣятельны и болѣе счастливы, чѣмъ въ Капской области. Моравскіе братья поселились между готтентотами въ 1836 году, и съ тѣхъ поръ къ хойнъ-хойнамъ, санамъ и бе-чуанамъ сотнями посылаютъ своихъ представителей пятнадцать другихъ религіозныхъ обществъ. Исповѣдуютъ же христіанство уже около двухсотъ тысячъ туземцевъ въ Капской колоніи и приблизительно триста пятьдесятъ тысячъ въ тѣхъ областяхъ Африки, которыя граничатъ на сѣверѣ съ р. Замбезе [1]). Преобладаніе европейскаго элемента имѣло послѣдствіемъ увеличеніе расовыхъ смѣшеній и все возростающее вступленіе метисовъ въ среду бѣлыхъ. Такимъ образомъ Капская колонія счастливо отличается отъ Тасманіи и британскихъ государствъ въ Австраліи, въ которыхъ переселенцы дѣйствовали до сихъ поръ путемъ истребленія туземцевъ. Здѣсь, т. е. въ Капской колоніи, туземныя расы, будучи болѣе многочисленными и болѣе энергичными, умѣютъ и лучше защищаться, а, съ другой стороны, переселенцы, являясь въ край малыми группами, принадлежа къ націямъ, различнымъ по языку, происхожденію и нравамъ, не всегда принимались методически, подобно австралійскимъ англичанамъ, очищать мѣсто для себя. Мало-по-малу, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ своего господства они приспособились къ новой средѣ, привыкли терпѣть присутствіе прежнихъ владѣтелей земли и даже, въ извѣстной мѣрѣ, соединились съ ними въ одну новую націю, въ жилахъ которой смѣшиваются двѣ крови: европейская бѣлая и африканская желтая.

II. Капская колонія.

Оффиціально Капская колонія занимаетъ нынѣ пространство слишкомъ въ два раза большее, въ сравненіи съ тѣмъ, которое ей принадлежало въ 1870 году; но въ своихъ прежнихъ границахъ она составляетъ географически цѣлое, имѣющее также и свою особую исторію. Занимая всю южную оконечность материка, эта территорія имѣетъ своими естественными границами: море съ трехъ сторонъ и Оранжевую рѣку; на востокѣ она отдѣлена отъ страны Кафровъ небольшою рѣкою Теесъ, притокомъ Оранжевой рѣки, и рѣками Индве и Гретъ-Кей, изливающимися въ Индійскій океанъ. Поверхность Капской области превышаетъ площадь Франціи, но населена она въ двадцать разъ меньше, хотя ежегодный приростъ жителей и значителенъ. Пространство собственно Капской колоніи: 746.333 кв. километровъ, населеніе (по исчисленію въ концѣ 1896 г.): 1.821.551 чел.; среднее число жителей на 1 кв. километръ: 2,5.

Прошло болѣе полутора вѣка послѣ открытія мыса Доброй Надежды, а европейцы все еще не основывались на немъ окончательно. Моряки, правда, приставали къ нему, но вскорѣ же затѣмъ и покидали его; въ 1620 году, англичане завладѣли имъ именемъ короля Якова I, но ничего не сдѣлали для укрѣпленія за собой этого пріобрѣтенія; временныхъ поселенцевъ, свободныхъ или ссыльныхъ, португальцевъ или англичанъ, сталъ получать также и небольшой островъ Тюленей, Robben-island, въ Столовой бухтѣ, который съ тѣхъ поръ почти всегда и былъ мѣстомъ ссылки. Піонеры колонизаціи на южной оконечности материка появились лишь въ 1652 году. Первый губернаторъ, посланный «Голландскою компаніею Восточныхъ Индій», Ванъ-Рибекъ, въ сопровожденіи своего семейства и сотни солдатъ, присталъ къ подошвѣ Столовой горы и началъ построеніе форта; первые бараки были сгруппированы на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышаются зданія Кэптауна, и тутъ же стали разводить садики и воздѣлывать поля. Несмотря на большія затрудненія вначалѣ, Компаніи все-таки удалось достигнуть преслѣдуемой ею цѣли, состоявшей въ облегченіи снабженія провіантомъ голландскихъ судовъ во время пути ихъ въ Индію. Лагерь исподволь превратился въ колонію, а въ 1654 году изъ Амстердама стали посылать туда дѣвушекъ-сиротъ для того, чтобы земледѣльцы могли обзавестись семьями. Солдаты и матросы покидали службу, чтобы начать обработку почвы, въ качествѣ свободныхъ burgher'овъ, подъ условіемъ продавать свои урожаи непосредственно Компаніи и не торговать съ готтентотами; мало-по-малу число ихъ увеличивалось, и нарождающійся городъ окружился деревнями и полями. Такъ какъ колонисты чувствовали себя еще слабыми для того, чтобы завладѣть землями безъ вознагражденія, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они ихъ покупали; впослѣдствіи же, достаточно усилившись, они стали просто отнимать земли у готтентотовъ, или же, завладѣвая землею, обращали въ рабовъ бывшихъ ея владѣльцевъ, заставляя ихъ работать на себя. Однако, туземцы, привыкшіе лишь къ пастьбѣ скота, а вовсе не къ обработкѣ почвы, не могли, конечно, пособлять голландскимъ фермерамъ въ воздѣлываніи полей подъ зерновой хлѣбъ, въ обработкѣ виноградниковъ и апельсинныхъ и померанцевыхъ рощъ; вслѣдствіе этого, въ 1658 году, на рейдъ Капа прибылъ первый грузъ съ чернокожими рабами, и вскорѣ затѣмъ на плантаціяхъ число невольниковъ уже стало превосходить число свободныхъ людей. Послѣдствія же этого порядка вещей были и для Южной Африки тѣ же, какъ и для странъ

[1]) J. Carlyle, „South Africa and its Missionary Fields".

тропическихъ: именно, на счетъ малоземельныхъ собственниковъ создались громадныя помѣстья, бѣлые привыкли считать трудъ безчестіемъ, переселеніе свободныхъ людей совершалось лишь медленно, и процвѣтаніе колоніи часто задерживалось вслѣдствіе недостатка иниціативы и индустріи. Къ тому же ввозъ негровъ постепенно уменьшался въ теченіе XVIII-го столѣтія, и когда, наконецъ, въ 1834 году, совершилась отмѣна рабства, число подлежащихъ освобожденію людей не достигало даже и тридцати тысячъ. Впослѣдствіи эти освобожденные негры затерялись въ массѣ метисовъ.

Въ 1680 году, двадцать восемь лѣтъ спустя послѣ прибытія первыхъ осѣдлыхъ переселенцевъ, европейская колонія состояла изъ шестисотъ лицъ, включая сюда чиновниковъ и солдатъ, набиравшихся въ сѣверной Европѣ, отъ Фландріи до Даніи. Но вскорѣ къ этимъ переселенцамъ присоединился еще одинъ новый этническій элементъ. Французскіе протестанты, покинувшіе свое отечество послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, и нѣкоторые пьемонтцы изъ вальденскихъ долинъ обратились къ Голландской компаніи Восточныхъ Индій, которая и послала ихъ въ свои Капскія владѣнія. Въ числѣ приблизительно трехсотъ лицъ, считая женъ и дѣтей, они прибыли въ 1687 и 1688 годахъ въ колонію и были надѣлены землями въ долинахъ горъ, окружающихъ городъ. За ними послѣдовали и другіе: будучи въ большинствѣ случаевъ людьми энергичными, такъ какъ ради сохраненія своей вѣры они обрекли себя на изгнаніе и нищету,—французскіе гугеноты оказали большое вліяніе на развитіе колоніи, и имъ именно и обязано своимъ преуспѣяніемъ африканское виноградарство. Въ капскихъ лѣтописяхъ насчитывается девяносто пять фамилій французскихъ семействъ, изъ которыхъ одни исчезли, а другія были передѣланы на голландскій ладъ [1]); тысячи и тысячи буровъ любятъ вспоминать о своемъ происхожденіи отъ гугенотовъ, а на картѣ Южной Африки наименованія мѣстъ, напоминающія о переселеніи гугенотовъ, встрѣчаются на всемъ протяженіи отъ береговъ океана до береговъ Лимпопо. Относительно говоря, буры французскаго происхожденія возростали въ числѣ быстрѣе, чѣмъ другіе, такъ какъ они прибыли въ страну со своими семействами; напротивъ, большая часть голландцевъ, чиновниковъ или солдатъ, пріѣзжали холостыми и женились на мѣстныхъ женщинахъ: отъ нихъ-то по преимуществу и народились «bastaards'ы», т. е. метисы. Однако, французскіе переселенцы были не настолько многочисленны, чтобы могли сохранить родной языкъ въ средѣ своихъ семействъ, когда, по распоряженію Компаніи, въ 1724 году, публичное употребленіе его было запрещено въ церквахъ и школахъ. Ла-Кайлль, посѣтивъ колонію въ 1751 году, встрѣтилъ лишь небольшое число французовъ, которые еще говорили на языкѣ своихъ отцовъ; а Левальянъ въ 1780 году видѣлъ всего одного такого француза.

Мало-по-малу въ теченіе XVIII-го столѣтія, колонія распространялась на востокъ, по ту сторону горъ, наперекоръ Компаніи, по мнѣнію которой Капъ долженъ былъ оставаться лишь пристанью и продовольственнымъ пунктомъ, и наперекоръ губернаторамъ, которые, ревнуя о своихъ прерогативахъ, желали, чтобы всѣ колонисты были подчинены ихъ власти, подвергаясь правиламъ суровой дисциплины и нелѣпому этикету. Часто они издавали приказы, воспрещающіе фермерамъ выходить за предѣлы дарованныхъ имъ земель и проникать внутрь края, угрожая за это «тѣлеснымъ наказаніемъ или даже смертью, а также конфискаціею ихъ собственности». Но на дѣлѣ эти приказы не могли быть осуществляемы, такъ какъ у губернаторовъ не было гарнизоновъ, укрѣпленныхъ мѣстъ и даже опредѣленныхъ границъ въ странѣ готтентотовъ, и буры продолжали свои *trekken*, т. е. переселенія съ этапа на этапъ, вмѣстѣ съ семьями, невольниками и стадами. Это, продолжающееся и до нашихъ дней, медленное движеніе, увлекающее голландскихъ колонистовъ до земель по ту сторону р. Кунэнэ, стало неудержимымъ, и Капское правительство, вопреки своему желанію, должно было провозгласить присоединеніе обширныхъ территорій. Въ 1745 году, оффиціальною границею колоніи была рѣка Гамтоесъ; въ 1786 году ею была уже Groot-Visch-river (Great Fish-river), т. е. Большая Рыбная рѣка. Изъ края готтентотовъ граница была перенесена въ область Кафровъ, и болѣе многочисленнымъ и болѣе привыкшимъ къ военному дѣлу бурамъ приходилось уже состязаться съ болѣе сплоченными и болѣе опасными бандами.

Тѣмъ временемъ и англійское правительство приготовлялось къ захвату Капской колоніи, этой центральной пристани между морями, оказывавшейся почти безусловно необходимой англичанамъ для обезпеченія своей собственной Остъ-Индской компаніи окончательнаго завладѣнія Гангскимъ полуостровомъ. И, дѣйствительно, въ 1780 году англійскій флотъ отправился къ мысу Доброй Надежды, намѣреваясь захватить Капскую крѣпость и плѣнить ея гарнизонъ; однако у архипелага Зеленаго Мыса онъ неожиданно для себя встрѣтился съ французскою эскадрою, которою командовалъ Suffren; англичане были разбиты, и болѣе двухъ тысячъ французовъ высадилось въ Симонской бухтѣ для подкрѣпленія своихъ

[1]) Changuion, „Geschiedenis der Franche Flugtelingen"; —G. Mac Call Theal, „Compendium of the History and Geography of South Africa".

голландскихъ союзниковъ. Такимъ образомъ, на этотъ разъ случай былъ упущенъ. Но въ 1795 году онъ представился снова, когда французы овладѣли Голландіей и буры внутри страны объявили себя независимыми. Вновь англійскій флотъ отправился въ Капу, съ цѣлью возстановить тамъ порядокъ именемъ принца Оранскаго и занять колонію именемъ короля Великобританіи. Для южной Африки начался новый политическій порядокъ, который продолжается и до сего времени. За исключеніемъ трехлѣтняго перерыва, бывшаго результатомъ Амьенскаго мира, Капская колонія не переставала принадлежать Англіи и, хотя медленно, но постоянно продолжала возростать какъ въ численности населенія, такъ и въ своемъ значеніи.

Когда край перешелъ подъ владычество Англіи, число европейцевъ въ немъ равнялось приблизительно 25 тысячамъ, властвовавшимъ надъ 20 тысячами рабовъ изъ готтентотовъ и надъ 30 тысячами рабовъ изъ негровъ. При этомъ, благодаря общности языка, всѣ колонисты, какъ голландскаго, такъ и французскаго происхожденія, считались составляющими одну націю. Что касается переселенцевъ англійскаго языка, то вначалѣ ихъ было весьма мало, такъ какъ въ первые годы увеличеніе на Капѣ англійскаго населенія совершалось лишь въ лицѣ чиновниковъ и солдатъ. Однако, англійскіе губернаторы подготовляли денаціонализацію буровъ, и съ этою цѣлью уже съ 1809 года оффиціальная прокламація рекомендовала изученіе англійскаго языка; въ судахъ, впрочемъ, пользовались пока языкомъ голландскимъ. Потомки старинныхъ колонистовъ все еще продолжали считать себя истинными властителями и ни во что не ставили указовъ, издаваемыхъ Капскими губернаторами; въ 1815 году они произвели даже открытое возстаніе, но оно было подавлено съ безпощадною жестокостью. Прибытіе англійскихъ переселенцевъ началось лишь съ 1820 года, да и то благодаря пособіямъ, отпущеннымъ для этого парламентомъ. Около девяноста тысячъ человѣкъ вызвались отправиться для воздѣлыванія тѣхъ земель, которыя постепенно отнимались у кафровъ во время пограничныхъ войнъ. Изъ этой толпы охотниковъ эмиграціонные агенты выбрали болѣе четырехъ тысячъ колонистовъ, которыхъ правительство и перевезло, на счетъ націи, въ Портъ Елизаветы, въ бухту Альгоа, для поселенія внутри страны, въ окрестностяхъ Грагамстауна. Несмотря на неопытность въ земледѣліи большинства этихъ колонистовъ и на всякаго рода ошибки, присущія такому значительному предпріятію, оно удалось, благодаря превосходному климату и плодородію земель. Англійская колонія быстро увеличивалась и далеко перешла за предѣлы, которые ей были начертаны первоначально. Рядомъ съ Голландскою Африкою на западѣ развилась Англійская Африка на востокѣ, которая, благодаря поддержкѣ правительства, скоро стала почти столь же могущественною, какъ и ея соперница, и относительно которой часто возникалъ вопросъ объ ея обособленіи и дарованіи ей преимуществъ. Съ этого времени два языка подѣлили территорію, и губернаторы стремились обезпечить преобладаніе того изъ нихъ, на которомъ говорили сами. Голландскіе властители запретили оффиціальное употребленіе французскаго языка; въ свою очередь, англійскіе господа запретили употребленіе голландскаго языка; съ 1825 года англійскій языкъ сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ администраціи, а съ 1827 года также и въ судахъ; однако, позже, послѣ учрежденія колоніальнаго парламента, жители, говорящіе на голландскомъ языкѣ, вновь пріобрѣли законное право для своей рѣчи, и, съ тѣхъ поръ, ихъ уполномоченные употребляютъ голландскій языкъ при обсужденіи общественныхъ дѣлъ.

Это еще не все: военные тріумфы Трансваля возвысили политическое значеніе голландцевъ колоніи, и *африкандеры* — т. е. бѣлые уроженцы африканскаго материка, при чемъ голландскаго происхожденія ихъ, вѣроятно, до двухъ третей [1])—разсчитываютъ на близкое завладѣніе властью, тѣмъ болѣе, что женщины буровъ вообще плодовитѣе англичанокъ [2]). Хотя принадлежащіе къ различнымъ политическимъ тѣламъ, голландскіе африкандеры, состоящіе почти всѣ въ родствѣ между собой, отъ Столовой бухты до р. Лимпопо, составляютъ одно великое семейство, обладающее крѣпкой связью: это симпатіи родныхъ и друзей на Капѣ, можетъ-быть, еще больше, чѣмъ храбрости своихъ солдатъ, Трансвальская республика обязана отвоеваніемъ своей независимости. Эта солидарность между южными и сѣверными голландцами обѣщаетъ имъ въ будущемъ созданіе ихъ національнаго единства. Но возростающее вліяніе африкандеровъ не мѣшаетъ тому, что голландскій языкъ, хотя и гораздо болѣе распространенный между туземными чернокожими, изъ-года въ-годъ теряетъ свое относительное значеніе въ интеллектуальномъ развитіи Капскаго населенія. Доказывается это тѣмъ, что съ половины текущаго столѣтія численная разность между періодическими изданіями на двухъ языкахъ безостановочно увеличивается; такъ, уже въ 1875 году англійская печать численно въ шесть разъ превосходила печать на голландскомъ языкѣ.

Выселеніе буровъ въ направленіи къ сѣвернымъ республикамъ, совпадавшее съ иммиграціей новыхъ англійскихъ колонистовъ, усилило

---

[1]) E. von Weber, „Vier Jahre in Africa".
[2]) De Hübner, „A travers l'Empire Britannique".

на время вліяніе британскаго элемента въ Капской территоріи. Большой *trek* буровъ къ странамъ, простирающимся на сѣверъ отъ Оранжевой рѣки, совершился въ 1834 году, во время отмѣны невольничества. Лишенные труда своихъ рабовъ, за которыхъ имъ присудили только двѣ-пятыхъ ихъ рыночной цѣны, при чемъ и эти двѣ-пятыхъ уменьшились еще отъ лихоимства чиновниковъ, фермеры направились къ сѣвернымъ пустынямъ, чтобы имѣть возможность «по своему усмотрѣнію» распоряжаться своею живою «собственностью»: людьми и стадами. Въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, они покинули, въ бассейнахъ рѣкъ Гамтоесъ и Гретъ-фишъ-риверъ, обширныя территоріи пастбищъ и полей, которыя вслѣдъ затѣмъ и были заняты англійскими колонистами.

Но на восточной границѣ этимъ новопришельцамъ приходилось сражаться со своими сосѣдями-кафрами, у которыхъ они исподволь и стали захватывать ихъ земли. Съ обѣихъ сторонъ набѣги для кражи скота были безпрестанны; къ концу же 1834 года, времени великаго trek'а, война сдѣлалась всеобщею. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль вся пограничная область была завоевана кафрами, фермы сожжены, стада, въ числѣ 250 тысячъ головъ, забраны, а запоздавшіе бѣглецы перерѣзаны. Тотчасъ же губернаторъ Урбанъ собралъ всѣ свои военскія силы и устремился на границу: отместка была ужасна, а затѣмъ къ колоніи была присоединена новая территорія; тѣмъ не менѣе, всякаго рода несправедливости, совершавшіяся въ отношеніи туземцевъ, были столь очевидны, что англійское министерство, уступая давленію общественнаго мнѣнія, отказалось санкціонировать дѣйствія губернатора, объявивъ, съ рѣдкимъ въ исторіи правительствъ прямодушіемъ, что поведеніе кафровъ «вполнѣ оправдывается», что они имѣли «несомнѣнное право» противостоять захватамъ своихъ сосѣдей и «силою исторгнуть себѣ то удовлетвореніе, котораго они не могли достичь другими средствами; что, слѣдовательно, самая элементарная справедливость была на сторонѣ побѣжденныхъ, а не побѣдителей». Отнятая у кафровъ территорія была имъ возвращена, но—только на время. Политика захватовъ, набѣговъ, угона стадъ, завладѣнія лугами и полями началась съизнова въ предѣлахъ спорной пограничной области, и въ 1846 году война возгорѣлась вновь по поводу тѣхъ кровавыхъ дѣяній, которыя послѣдовали за покражею топора. Эта «война изъ-за топора (war of the axe)» началась неудачно для колонистовъ; но, по минованіи двухъ лѣтъ военныхъ дѣйствій, сраженій и убійствъ, побѣжденныя племена оказались въ полной власти англичанъ, которые и приступили къ новому выправленію границъ. Британская территорія увеличилась пространствомъ приблизительно въ 200 километровъ въ ширину, между рѣками Большой Рыбной и Кей; при этомъ, восточная часть этого новаго пріобрѣтенія, къ западу отъ Кейскаммы, временно была предоставлена туземцамъ, хотя и подъ верховнымъ владычествомъ англичанъ. Но перемиріе продолжалось всего два года. Въ 1850 году, военныя станицы, учрежденныя вдоль границъ, были атакованы кафрами, вслѣдствіе учиненнаго англійскими солдатами оскверненія кладбища; англичане снова должны были очистить спорную территорію, и сила увѣнчала ихъ притязанія не раньше, какъ по минованіи двухъ лѣтъ новой безпощадной войны. Послѣ этого всякое сопротивленіе со стороны туземцевъ стало уже невозможнымъ.

Тогда совершился одинъ изъ самыхъ необычайныхъ актовъ, о какихъ только повѣствуетъ исторія націй. Чувствуя себя неспособными побѣдить завоевателей своего края естественными средствами, кафры, охваченные повальнымъ безуміемъ, вообразили, что могутъ достигнуть успѣха при помощи чуда. Силъ у живыхъ не хватало, а потому надежда была возложена на мертвыхъ. Пророкъ, по имени *Мхлаказа*, ходилъ по странѣ, возвѣщая своимъ соплеменникамъ ама-коза, что въ извѣстный близкій день всѣ умершіе воины, всѣ прославленные легендами герои выйдутъ изъ своихъ могилъ, и что и сами они преобразятся въ этотъ день, сдѣлавшись юными, красивыми, сильными и непобѣдимыми. Но для того, чтобы приготовиться къ побѣдѣ, слѣдовало представить доказательство непоколебимости вѣры, пожертвовавъ, за исключеніемъ оружія, всѣмъ своимъ имуществомъ; слѣдовало перебить свой скотъ, сжечь зерновой хлѣбъ, не обработывать полей, оставаться нагими и голодными, ожидая сигнала, послѣ котораго зарѣзанныя стада возродятся снова, но уже болѣе красивыми и болѣе многочисленными, а превосходные хлѣба покроютъ поля. Большинство ама-козовъ повѣрили требованіямъ пророка: скотъ перебили, хлѣбное зерно сожгли, приготовивъ, однако, обширные хлѣвы и риги для будущихъ богатствъ; но многія тысячи ихъ — 25 тысячъ, по однимъ сказаніямъ, 50 тысячъ, или треть націи, по другимъ — умерли отъ голода, въ ожиданіи возвѣщеннаго дня. День этотъ не насталъ. Отчаяніе овладѣло оставшимися въ живыхъ кафрами; изъ прежнихъ воиновъ они сдѣлались нищими; ихъ мечта жить свободными — была разбита. Вскорѣ обезлюдѣніе края очистило мѣсто для колонистовъ, и Капское правительство ввело болѣе двухъ тысячъ нѣмецкихъ переселенцевъ въ свободныя земли Кафраріи, окончательно, вплоть до р. Кей, присоединенной къ Капской колоніи. Съ этого времени, завоеваніе края уже не испытывало остановокъ, и присоединенія, отнынѣ легкія, дѣлались уже административнымъ путемъ: доста-

точно было приказаній совѣта, чтобы они были исполнены.

Такимъ образомъ, Капская колонія въ наши дни хорошо обезпечена отъ всякаго возстанія туземцевъ. Правда, государство въ дѣйствительности увеличилось тѣми обширными территоріями, которыя лежатъ вдоль берега Индійскаго океана вплоть до Наталя, и что въ этихъ вновь присоединенныхъ краяхъ почти исключительными собственниками земли являются все еще туземцы; но вся старая колоніальная область, между рѣками Оранжевой и Кей, повсюду плотно населена бѣлыми; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, именно въ городскихъ округахъ, число бѣлыхъ даже преобладаетъ; въ тѣхъ же округахъ, гдѣ бѣлыхъ сравнительно мало, европейцы, будучи организованными, вооруженными и защищаемыми полиціею и всѣмъ административнымъ и военнымъ механизмомъ, не имѣютъ никакихъ основаній опасаться туземцевъ, обѣднѣвшихъ и лишенныхъ взаимной связи; впрочемъ, въ общемъ числѣ жителей колоніи они представляютъ уже цѣлую треть. Можно, поэтому, удивляться, что отъ громадной рѣки британской эмиграціи ежегодно отклоняется столь небольшой потокъ по направленію къ землямъ южной оконечности Африки, землямъ, однако, столь обширнымъ и плодороднымъ, что онѣ могутъ дать хлѣбъ многимъ милліонамъ людей. Причина этого заключается главнымъ образомъ въ общежительномъ инстинктѣ британскихъ эмигрантовъ. Покидая Англію, они хотятъ отправиться въ другую Англію, походящую на первую языкомъ и нравами, связью этническою, если не политическою. Они предпочитаютъ Соединенные Штаты, Австралію и Новую Зеландію Капской колоніи, гдѣ они очутились бы въ соприкосновеніи съ голландцами, готтентотами, кафрами, съ чернокожими и желтокожими всѣхъ расъ; хотя они и политическіе властители, но имъ не нравится составлять со своими единоплеменниками лишь слабое меньшинство, едва шестую часть всего народонаселенія.

По расамъ, подвергающееся переписи населеніе собственно Капской колоніи распредѣлялось въ 1891 г. слѣдующимъ образомъ: европейцевъ или бѣлыхъ—382.198, малайцевъ—13.918, готтентотовъ—51.850, негровъ—(фингo, кафры и бечуаны)—841.238, метисовъ и проч.—250.756.

Кэптаунъ (Капштадтъ), столица колоніи и всей Южной Африки, есть древнѣйшій городъ, основанный европейцами къ югу отъ Бенгуэллы; но, не будучи еще большимъ городомъ, онъ уже давно превзошелъ населенностью и значеніемъ тѣ города, которые португальцы раньше основали на западномъ берегу. Извѣстно, что съ моря Кэптаунъ имѣетъ грандіозный видъ, благодаря величественному амфитеатру окружающихъ его горъ и въ особенности внушительной массѣ Столовой горы. Къ западу отъ города, лапы Льва далеко вдаются въ море, защищая рейдъ отъ сильнаго волненія изъ открытаго океана; молъ, причалы и набережныя опираются на эти скалы, и тамъ открывается обширный бассейнъ, гдѣ ошвартовываются суда. Городъ, раздѣленный на правильные квадраты, поднимается полого къ основанію горъ и усѣиваетъ домиками передовые холмы; на востокѣ, посреди обширной прэріи, которая была болотомъ, и на которой первые колонисты построили свою крѣпостцу, виднѣются низкія постройки «замка», составляющаго собственность англійскаго правительства и символъ британскаго владычества; далѣе по окружности бухты тянется, вплоть до устья извилистой Salt-river (Соляной рѣки), предмѣстье; красивые сады и парки окружаютъ городъ и проникаютъ въ долинки горы. Въ 1887 году начали постройку укрѣпленій, которыя должны превратить Капскую крѣпость во второй Гибралтаръ.

Сдѣлавшись англійскимъ городомъ, Кэптаунъ сохранилъ лишь небольшое число зданій, относящихся ко времени голландцевъ; главная улица не дополняется уже каналомъ, окаймленнымъ деревьями, какъ проспекты Амстердама; однако лица, языкъ и имена еще напоминаютъ о нидерландскомъ происхожденіи половины европейцевъ. Къ бѣлымъ примѣшиваются люди всякаго цвѣта кожи: негры, потомки рабовъ, готтентоты, кафры, малайцы, представляющіе всѣ оттѣнки между чернымъ, кирпично-краснымъ и желтымъ цвѣтами; сѣроватые bastaards'ы и бронзовоокрашенные метисы съ острова Св. Елены. Между малайцами, сыновьями тѣхъ рабовъ, которыхъ голландцы привезли съ Зондскихъ острововъ, нѣкоторые носятъ тюрбанъ и длинные развѣвающіеся плащи: это меккскіе пилигриммы, съ презрѣніемъ смотрящіе на толпу невѣрныхъ, черныхъ и бѣлыхъ, въ ихъ глазахъ заслуживающихъ одинаковое наименованіе «кафровъ». Будучи центромъ распространенія цивилизаціи въ Южной Африкѣ, городъ Мыса обладаетъ музеемъ, драгоцѣнной библіотекой,—въ которой имѣются не только всѣ изданія, относящіяся къ колоніи, но также и рѣдкія книги и рукописи,—ботаническимъ садомъ, занимающимъ площадь въ шесть гектаровъ, гдѣ собраны представители всей туземной флоры и тысячи растеній чужестранныхъ. Вслѣдствіе своего нахожденія вблизи оконечности африканскаго материка, Кэптаунъ является одною изъ наиболѣе важныхъ станцій на нашей планетѣ для геодезическихъ изслѣдованій. Съ 1685 года, французскіе астрономы учредили тамъ временный постъ для наблюденія надъ небесными свѣтилами; въ 1751 году, La Caille произвелъ тамъ свои достопамятныя изысканія для измѣренія градуса меридіана и опредѣленія параллакса луны; въ 1772 году, во время второй экспедиціи Кука,

англійскіе астрономы возобновили снова эти изученія; Maclear и Herschel составили въ Капской обсерваторіи каталогъ звѣздъ антарктическаго неба: нынѣ тамъ сосредоточиваются ренія меридіана Африки, на протяженіи отъ береговъ южнаго океана до порта Александріи. Нынѣшняя обсерваторія помѣщается въ пяти километрахъ къ востоку отъ города, въ Mowbray.

Крааль зулусовъ.

работы по продолженію тріангуляціи морскаго побережья на плоскогоріяхъ Кару и по ту сторону Оранжевой рѣки, въ Бечуаналендѣ, вплоть до р. Замбезе. По проекту астронома Gill предполагается достигнуть такимъ образомъ измѣ-

Соединенный желѣзной дорогой съ восточными округами колоніи и съ голландскими республиками и мѣющій надъ другими портами преимущество большей близости къ Европѣ, Кэптаунъ не играетъ, однако, первенствующей роли во внѣш-

ней торговлѣ страны; въ этомъ отношеніи онъ далеко превзойденъ рынкомъ бухты Альгоа, Портомъ Елизаветы, который, въ срединѣ текущаго столѣтія, былъ лишь группою хижинъ, но который находится по сосѣдству съ болѣе плодородными землями и представляетъ исходный пунктъ для кратчайшихъ путей, направляющихся къ странамъ золота и алмазовъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря своей сравнительно значительной населенности, своей роли столицы и мореходным выгодамъ своего порта, Кэптаунъ сохранилъ высокое мѣсто въ ряду торговыхъ городовъ Африки, въ особенности по вывозу шерсти. Изъ Кэптауна вывозятъ также и лучшія африканскія вина, добываемыя съ виноградниковъ на восточныхъ склонахъ Столовой горы. Въ 1892 г. въ портѣ Кэптауна было въ приходѣ 374 парохода въ 851.742 тонны и 319 парусныхъ судовъ въ 142.457 т. Обороты внѣшней торговли въ томъ же году: привозъ—2.835.458, вывозъ—656.879 фунт стерл.

Городъ дополняется многочисленными дачами, разсѣянными въ окрестныхъ долинахъ. Негоціанты и богатые чиновники живутъ въ деревняхъ и въ городъ являются только по дѣламъ; лѣтомъ, почти все бѣлое населеніе, въ сопровожденіи торговцевъ съѣстными припасами и слугъ, направляется къ морскимъ купаньямъ и тѣнистымъ склонамъ горъ: пригородная желѣзная дорога работаетъ столь же дѣятельно, какъ и около большихъ европейскихъ городовъ. Къ сѣверу отъ города находится мѣстечко Seapoint: его виллы тянутся вдоль пляжа, на который набѣгаютъ атлантическія волны; къ востоку, ожерелье изъ деревень окружаетъ Пикъ Дьявола и затѣмъ продолжаетъ городъ на тридцать километровъ, вплоть до морскихъ купаленъ Kalk-bay. Одну изъ наиболѣе красивыхъ группъ домовъ, въ граціозной долинѣ, соединяющей бухты Table-bay съ Kalk-bay, и надъ которой съ запада господствуютъ горделивые склоны Столовой горы, представляетъ деревня Wijnberg, на половину скрытая въ зелени дубовъ и сосенъ. Неподалеку отъ нея, къ югу, находится усадьба Констанція, давшая свое имя самому прославленному вину въ южной Африкѣ. На югѣ оконечности Африки находится отличающійся правильной формой заливъ False-bay, въ водахъ западной бухты котораго, Simon's bay, отражается городъ Симонстаунъ: въ немъ англійское правительство содержитъ укрѣпленные магазины и арсеналы. Симонстаунъ занимаетъ одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстоположеній южной Африки, на серповидномъ полуостровѣ, имѣющемъ на своей оконечности маякъ Мыса Доброй Надежды.

Нѣсколько городовъ, принадлежащихъ къ обширному округу Кэптауна, разсѣяны по небольшимъ долинкамъ, на атлантическомъ склонѣ тѣхъ горъ, которыя ограничиваютъ съ востока горизонтъ Столовой бухты. Стелленбошъ (*Stellenbosch*), соединенный съ Кэптауномъ желѣзною дорогою,—послѣ столицы самый древній городъ колоніи: это «Аѳины» южной Африки—такъ много въ немъ школъ; въ окрестностяхъ его, именно въ амфитеатрѣ горъ Fransche Hoek'a, т. е. французскаго квартала, поселилась, въ концѣ XVII вѣка, большая часть эмигрантовъ гугенотовъ. Парль (*Paarl*), село, длиною въ двѣнадцать километровъ, окаймляетъ дорогу около подошвы горы Draken-steen; оно тоже было заложено въ первыя времена колонизаціи, и сады, апельсинныя рощи и бесѣдки, окружающіе этотъ «Перлъ»—названный такъ отъ гранитной глыбы, лежащей на скалѣ, какъ жемчужина на корнѣ,—дѣлаютъ изъ него одно изъ очаровательнѣйшихъ загородныхъ мѣстъ; окрестности Paarl'я составляютъ самый значительный въ Капской области винодѣльческій округъ. Болѣе къ сѣверу лежитъ тѣнистое мѣстечко Веллингтонъ, за которымъ желѣзная дорога, проникающая внутрь страны, описываетъ большую дугу и, пользуясь горнымъ проходомъ, достигаетъ, въ долинѣ Breede-river, покатости Южнаго океана. Оба, и Парлъ, и Веллингтонъ, находятся въ верховомъ бассейнѣ рѣки Бретъ-Бергъ, которая, принявъ притоки, исходящіе изъ плодороднаго округа Тульбагъ и «Двадцати-Четырехъ Рѣкъ», изливается въ Атлантическій океанъ, въ бухтѣ Св. Елены. Правильный полукругъ почти постоянно волнующагося залива Св. Елены ограничивается на сѣверо-западѣ мысомъ Св. Мартина. Къ югу отъ залива Св. Елены открывается бухта, или скорѣе озеро, Салданья, названное такъ по имени одного португальскаго адмирала, имя котораго нѣкогда прилагалось также и къ Столовой бухтѣ: здѣсь, неподалеку Васко де Гама былъ раненъ въ 1497 году готтентотами, а Францискъ д'Альмеида, вмѣстѣ съ своими спутниками, убитъ въ 1508 году. Входъ въ бухту легокъ, ея воды глубоки, а многочисленные природные бассейны, защищаемые естественными гранитными молами, представляютъ превосходную якорную стоянку для судовъ. Но этою великолѣпною гаванью,—которая во время господства голландцевъ была сборнымъ мѣстомъ для ихъ военныхъ кораблей и центромъ почтоваго сообщенія между Соединенными Провинціями и Восточной Индіей,—нынѣ едва пользуются: на берегахъ ея находится всего лишь нѣсколько фермъ и стоянокъ рыболововъ. Тамъ нѣтъ даже ни одной деревни: ближайшее мѣстечко, Мальмсбери, находится болѣе чѣмъ въ 50 километрахъ на юго-востокъ внутрь страны, посреди обширныхъ полей пшеницы. Кэптаунъ отвлекъ всю торговлю отъ бухты Салданья.

Къ сѣверу отъ долины р. Great Berg, мѣстность, безводная на большой части своего

протяженія, весьма слабо населена; уѣздные города Пикетбергъ, Кланвильямъ, «печь» Капа, Кальвинія—просто села, въ которыя сосѣдніе пастухи приходятъ запасаться провизіей. Кальвинія, расположенная на высотѣ тысячи метровъ, въ высокой долинѣ горъ, между *Roggeveld*'омъ и *Hantam*'омъ, еще соединяется при посредствѣ большой дороги съ цивилизованными областями Капа; но по ту сторону, къ сѣверу, простираются пустыни Бушменленда, на которыхъ, по берегамъ лагунъ, обитаютъ лишь саны въ небольшомъ числѣ. Округъ малыхъ нама-куа—занимающій сѣверо-западную оконечность территоріи колоніи между Атлантическимъ океаномъ и нижнимъ теченіемъ Оранжевой рѣки—былъ бы, вѣроятно, тоже оставленъ во владѣніе аборигенамъ, если бы эта гористая область не была столь богата мѣдною рудою. По сосѣдству съ главною вершиною, *Vogel-Klip*, т. е. Утесомъ Птицъ (1.324 метра), англійская компанія, обладающая территоріею въ 54 тысячи гектаровъ, разрабатываетъ, съ 1863 года, «неистощимые» рудники *Ookiep*'а, которые ежегодно доставляютъ отъ десяти до двадцати тысячъ тоннъ руды, содержащей въ себѣ три десятыхъ чистой мѣди, болѣе плавкой, чѣмъ мѣдь изъ Чили. Главная шахта, уже вырытая болѣе, чѣмъ на 150 метровъ глубины, еще богаче металломъ, чѣмъ поверхностныя залежи; рудокопами, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, служатъ готтентоты и хереро, руководимые англичанами изъ Корнваллиса и тюрингенцами. Хотя лежащіе на высотѣ 960 метровъ, рудники *Ookiep* связаны съ моремъ желѣзнымъ путемъ, въ 144 километровъ длины, движущею силою на которомъ служатъ мулы. Небольшая гавань, изъ которой вывозится руда, *Port-Nolloth*, нѣкогда посѣщалась американскими китоловами. Мѣдной руды изъ Port-Nolloth'а, въ 1886 году, было вывезено на 13.987.025 франковъ.

На востокъ отъ Капа и залива False-bay, часть территоріи, выдвинувшаяся къ югу отъ горъ, по направленію къ Игольному мысу, этой южной оконечности материка, представляетъ пастбищную область, на протяженіи которой находятся лишь два незначительныхъ мѣстечка: Каледонъ и Бредасдорпъ; но бассейнъ р. Breede, верхніе притоки которой зарождаются къ сѣверу отъ приморскихъ горъ, болѣе населенъ, благодаря большему обилію дождей, орошающихъ данную мѣстность. Главный городъ высокой долины, Ворчестеръ, расположенъ на главномъ пути сообщенія въ краѣ, на той желѣзной дорогѣ, которая соединяетъ Кэптаунъ съ Кимберлеемъ; отъ Ворчестера и начинается подъемъ на плоскогоріе: проникая въ боковую долину р. Нех или «Вѣдьмы», дорога зигзагами поднимается вплоть до кровли тѣхъ террасъ, которыя господствуютъ надъ полями Ворчестера, на высотѣ 600 метровъ; самый же высокій пунктъ линіи, въ 124 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Ворчестера, находится на высотѣ 1.094 метровъ. По сосѣдству съ Ворчестеромъ бьетъ изъ земли обильный источникъ теплой воды. Книзу, р. Breede протекаетъ по полямъ города Робертсона, а затѣмъ по полямъ Свеллендама (*Swellendam*), одного изъ старинныхъ городовъ колоніи, такъ какъ онъ былъ основанъ уже въ половинѣ XVIII столѣтія; отъ этого городка расходятся лучеобразно дубовыя аллеи, направляясь къ *kloofs*'амъ, т. е. къ дикимъ оврагамъ, проникающимъ въ сердце горы. Село Портъ-Бофоръ, расположенное на лѣвомъ берегу рѣки, кверху отъ бара, принимаетъ въ своемъ портѣ нѣсколько небольшихъ судовъ: изъ всѣхъ гаваней, оффиціально открытыхъ внѣшней торговлѣ колоніи, Портъ-Бофоромъ пользуются всего менѣе.

Обширный бассейнъ р. Гауритсъ, который, на востокѣ, слѣдуетъ за бассейномъ р. Бреде, заключаетъ въ себѣ много второстепенныхъ городовъ колоніи. Бофоръ-Вестъ — главная станція желѣзной дороги между Капомъ и берегами Оранжевой рѣки, на высотѣ 893 метровъ—собираетъ первыя воды, стекающія съ горъ Nieuwe-veld'а, и распредѣляетъ ихъ по своимъ садамъ. Село Принцъ-Альбертъ въ безводной области Большаго Кару, также лежитъ на одномъ изъ уади, спускающихся къ Гауритсу; затѣмъ къ югу отъ высокаго вала, образуемаго Черными горами (Zwarte-bergen), на притокахъ Гауритса расположены два мѣстечка: Ледисмитъ и Оудтсгорнъ, изъ которыхъ послѣднее славится своимъ табакомъ, произростающимъ на лучшихъ земляхъ колоніи, все еще плодородныхъ, несмотря на сотни лѣтъ непрерывной культуры. Къ сѣверу отъ Oudtshoorn'а, въ высокой боковой долинѣ открываются гроты Канго: сталактитовыя галлереи, которыя еще не эксплоатируются полностью и въ которыя проникли на разстояніе почти двухъ километровъ. На нижнемъ теченіи Гауритса, извивающагося въ узкихъ ущельяхъ, нѣтъ ни городовъ, ни селъ. Риверсдаль, расположенный посреди пастбищъ Грасвельда, находится въ пятидесяти километрахъ къ западу отъ Гауритса, въ небольшой долинѣ, воды которой текутъ непосредственно къ морю. Аливаль (*Alival-South*), приморскій портъ данной области, выстроенъ на западномъ берегу бухты *Mossel-bay*, при началѣ скалистаго полуострова мыса *Saint-Blaise'a*, который защищаетъ его отъ южныхъ вѣтровъ; въ портѣ этого города торговое движеніе довольно дѣятельно, и по значенію это четвертый портъ колоніи. Въ 1886 году общая цѣнность ввезенныхъ и вывезенныхъ изъ порта товаровъ равнялась 3.887.350 франкамъ; вошло же въ портъ и вышло изъ него по 187 судовъ, или, въ общемъ, 374 судна, вмѣстимостью въ

665.724 тонны На востокѣ, въ прибрежной полосѣ, находимъ нѣсколько мѣстечекъ, у подошвы горъ, которыя Троллопъ сравниваетъ съ Западными Пиренеями, и гдѣ, по его словамъ, находятся самыя живописныя мѣстоположенія въ Южной Африкѣ. Хорошенькое мѣстечко Джорджъ прячется въ зелени; Мельвилль глядится въ золотистыя волны р. Книсны, вытекающей изъ лѣсистыхъ Outeniqua, и впадающей въ глубокій лиманъ, куда могутъ входить большія суда; Гумансдорпъ окруженъ амфитеатромъ тоже лѣсистыхъ горъ. Во внутреннихъ долинахъ приморскихъ горъ расположены уѣздные города Юніондэль и Виллоуморъ. Еще далѣе къ сѣверу, въ безводной полосѣ Кару, но все еще на склонѣ къ Южному океану, находятся два административныхъ центра: Абердинъ и Муррейсбургъ.

Бассейнъ р. Сэндэ, хотя одинъ изъ наименѣе обширныхъ бассейновъ колоніи, принадлежитъ къ числу наилучше воздѣланныхъ и самыхъ богатыхъ областей, благодаря своему положенію въ сравнительно влажной полосѣ, обращенной къ Индійскому океану, и прорѣзывающимъ его путямъ сообщенія: съ одной стороны, въ направленіи къ Оранжевой рѣкѣ и къ Голландскимъ республикамъ, а съ другой—въ направленіи къ странѣ кафровъ. Графъ-Рейнетъ (*Graaf-Reinet*), голландскій городъ, существующій уже болѣе столѣтія, раскинулъ свои низкія постройки по берегу зарождающейся тамъ рѣки, которая дѣлится на каналы, проведенные по аллеямъ и садамъ; контрастъ между безводными плоскогоріями запада и этою долиною доставилъ ей прозвище «Алмазъ Пустыни». Города *Jansenville* и *Uitenhage*, слѣдующіе одинъ за другимъ на дорогѣ къ Порту-Елизаветы, какъ показываютъ ихъ имена, были основаны голландцами; однако Uitenhage принялъ вполнѣ физіономію англійскаго города, что объясняется тѣмъ, что въ 1820 году въ немъ поселилось весьма много британцевъ; нынѣ этотъ городъ служитъ излюбленнымъ мѣстомъ пребыванія удалившихся отъ дѣлъ негоціантовъ, а въ праздничные дни его посѣщаютъ толпы гуляющихъ, для отдыха подъ сѣнью деревьевъ, на берегу текучихъ водъ. Впрочемъ, Уитенгаге — также городъ промышленный: въ разсѣянныхъ по долинкамъ маленькихъ заведеніяхъ, чернокожіе рабочіе, почти все кафры, занимаются промывкою на машинахъ тѣхъ рунъ, которыя милліонами доставляются изъ восточныхъ пастбищъ колоніи.

Портъ-Елизаветы, находящійся въ 32 километрахъ къ юго-востоку отъ Уитенгаге, на западомъ берегу бухты Альгоа,—самый оживленный портъ всей Южной Африки, хотя городъ основанъ всего лишь въ 1820 году; за время одного поколѣнія онъ превзошелъ Кэптаунъ торговою важностью, хотя мореходныя выгоды его рейда уступаютъ качествамъ рейда въ Столовой бухтѣ; даже правильные пакетботы идутъ изъ Англіи прямо въ Портъ-Елисаветы, не заходя въ Кэптаунъ; но, зато, вся торговля ведется при посредствѣ пароходовъ: рѣдкія парусныя суда рискуютъ заходить въ его портъ. Онъ менѣе населенъ, чѣмъ столица, но хвалится, будто имѣетъ болѣе красивыя зданія, лучше устроенъ и болѣе снабженъ средствами новѣйшей цивилизаціи. Въ колоніи, это городъ англійскій по преимуществу, и при малѣйшемъ поводѣ его жители считаютъ долгомъ громко заявлять о своей «лойяльности». Въ Портъ-Елизаветѣ постройки покрываютъ обширный продолговатый холмъ съ отлогимъ спускомъ, а главная его улица тянется, параллельно пляжу, на пространствѣ слишкомъ четырехъ километровъ; его разростающіяся предмѣстья простираются вдоль дорогъ внутрь края, а внѣ верхняго города, на обнаженномъ плоскогоріи, группируются палатки, въ которыхъ проживаютъ кафры, временно прибывшіе въ городъ для заработковъ въ портѣ. Недавно Портъ-Елисаветы былъ лишенъ воды, и потому вокругъ его виллъ имѣлись лишь жалкіе сады; но, благодаря водопроводу, протяженіемъ въ пятьдесятъ километровъ, несущему къ городу родниковую воду, богатая зелень украсила плоскогоріе, ботаническій садъ сталъ великолѣпенъ, а густые парки рѣзко отличаются блескомъ своей листвы отъ окружающихъ городъ печальныхъ пажитей съ рѣдкою и тощею травою.

Торговля Портъ-Елизаветы, которая въ послѣднее время весьма пострадала вслѣдствіе бѣшеной спекуляціи, состоитъ въ особенности въ вывозѣ шерсти и страусовыхъ перьевъ, и въ привозѣ мануфактурныхъ издѣлій изъ Англіи. Въ 1893 году общая цѣнность ввоза составляла 5.162.753, вывоза — 1.908.241 фунтовъ стерлинговъ; судовъ прибыло 551 (изъ нихъ 419 паровыхъ), съ общей вмѣстимостью 1.195.864 тонны. Рейдъ бухты Альгоа защищенъ вблизи города стрѣлкою мыса, который до сихъ поръ носитъ португальское наименованіе «Recife»; но въ лѣтніе мѣсяцы, съ октября по апрѣль, т. е. когда правильно дуютъ южные и юго-восточные вѣтры, морская волна разбивается на плоскихъ берегахъ съ необычайной силой, и матросы должны неусыпно заботиться о безопасности своихъ судовъ. Укрыться за моломъ въ триста метровъ длиною могутъ только суда съ небольшою вмѣстительностью. По бухтѣ разсѣяны острова и подводные рифы: одинъ же изъ нихъ, о. Св. Креста (Santa-Cruz), около котораго кружатся стаи птицъ, былъ посѣщенъ Варѳоломеемъ Діазомъ, во время его достопамятнаго путешествія для открытій на югѣ Африки: на этой землѣ, гдѣ нога европейца впервые попирала берегъ Австраль-

наго океана, Діазъ воздвигъ столбъ въ честь Св. Григорія для засвидѣтельствованія факта завладѣнія островомъ. Два бьющіе на этомъ островкѣ ключа доставили ему также наименованіе Fountain-rock («скала съ фонтанами»).

Портъ-Елизаветы сообщается съ внутренней страной посредствомъ двухъ желѣзныхъ дорогъ: линіей, соединяющей его съ г. Графъ-Рейнетъ, и болѣе важнымъ путемъ, раздваивающимся впослѣдствіи, съ одной стороны, въ направленіи къ областямъ, лежащимъ по ту сторону Оранжевой рѣки, съ другой — къ Греэмстуану и Кафраріи. Греэмстаунъ (Graham's town) уступаетъ порту Елизаветы, какъ своею величиною, такъ и размѣрами торговли, но, по своему рангу, отъ выше его, будучи столицею на восточной области Капленда, мѣстопребываніемъ главныхъ административныхъ, судебныхъ и духовныхъ властей восточныхъ округовъ; въ 1878 году, когда федералисты пытались укрѣпить могущество метрополіи путемъ соединенія англійскихъ провинцій и голландскихъ республикъ въ единое государство, на Греэмстаунъ указывалось какъ на главный городъ въ политическомъ отношеніи, городъ союзныхъ колоній. Этотъ столюбивый городъ не обладаетъ выгодой нахожденія на берегу моря, и чрезъ него протекаетъ лишь мелкій ручей; расположенъ онъ на высотѣ 527 метровъ, въ циркѣ, окруженномъ голыми холмами; однако, во всѣхъ улицахъ города заботливо насаждаютъ деревья; вообще это чистенькій и красивый городъ, и между городами колоніи, которые почти всѣ отличаются здоровымъ климатомъ, Греэмстаунъ можетъ считаться наиболѣе здоровымъ, благодаря умѣренности лѣтнихъ жаровъ и небольшой разницѣ въ зимней температурѣ; много больныхъ поселяются въ немъ съ цѣлью продлить свою жизнь. Основанный въ 1812 г., Греэмстаунъ получилъ важное значеніе только съ 1820 года, со времени иммиграціи англичанъ, но тогда онъ сдѣлался главнымъ военнымъ постомъ во время «кафрскихъ войнъ» и часто служилъ убѣжищемъ пограничнымъ колонистамъ. Нынѣ ему уже не угрожаетъ ничто, казармы его обращены въ помѣщенія для административныхъ службъ, а окрестные кафры превратились въ мирныхъ земледѣльцевъ или въ трудолюбивыхъ ремесленниковъ. Бѣлое населеніе Греэмстауна и его округа по преимуществу состоитъ изъ англичанъ; овцеводство было нѣкогда его главнымъ промысломъ, но такъ какъ область, называемая *Zuur veld'omъ*, производитъ лишь «кислую» траву, не пригодную для стадъ, то во многихъ мѣстностяхъ овецъ замѣнили страусами. Здѣсь именно съ наибольшимъ успѣхомъ практиковалось разведеніе этихъ птицъ и приготовленіе страусовыхъ перьевъ.

Греэмстаунъ зависитъ во внѣшней свой торговлѣ отъ Порта-Елизаветы. Но, такъ какъ ему хотѣлось имѣть и свой собственный портъ, то на ближайшемъ къ нему пунктѣ морскаго берега, въ устьѣ небольшой *рѣки Kowie*, были предприняты обширныя работы по прорытію бара и устройства складовъ; и отнынѣ войти въ рѣку и разгрузиться на набережной новаго порта, названнаго Портъ-Альфредъ, могутъ уже корабли съ водоизмѣщеніемъ болѣе двухъ съ половиной метровъ. Греэмстаунъ соединенъ съ Портъ-Альфредомъ желѣзною дорогою, которая проходитъ чрезъ земледѣльческое мѣстечко Батурстъ (Bathurst). Въ 1886 году, вошедшихъ въ Портъ-Альфредъ и вышедшихъ изъ него кораблей было 117, а общая вмѣстимость ихъ равнялась 214.292 тоннамъ. Лѣтомъ на сосѣднихъ пляжахъ около порта виднѣются многочисленные купающіеся. Мысъ, находящійся на западѣ и ограничивающій вырѣзку бухты Альгоа, называется «cap Pardone», безъ сомнѣнія, вслѣдствіе того, что португальцы, какъ это они дѣлали и на многихъ другихъ мысахъ морскаго побережья, нѣкогда воздвигли «padrao» (колонну) и на немъ. Около этого мыса находится также новое село Александрія.

Бассейнъ Большой Рыбной рѣки (*Great Fish-river*), извивающейся къ востоку отъ холмовъ Греэмстауна, начинается на хребтѣ высокихъ сѣверныхъ горъ, по сосѣдству съ Оранжевой рѣкой, и дѣлится на нѣсколько избирательныхъ округовъ. Миддельбургъ, расположенный на одномъ изъ верховыхъ притоковъ рѣки, находится уже на томъ подъемѣ, по которому желѣзная дорога изъ Порта Елизаветы взбирается на Босвортскій перевалъ, лежащій на высотѣ 1.580 метровъ,—слѣдовательно, выше, чѣмъ перевалы желѣзныхъ дорогъ въ Альпахъ,—а затѣмъ снова спускается въ прибрежныя равнины Оранжевой рѣки. Городъ Крадокъ на томъ же берегу Great Fish-river, также какъ и Таркастадъ на одномъ изъ ея притоковъ, есть одинъ изъ рынковъ колоніи по вывозу шерсти; въ окрестностяхъ Cradock'а еще водится нѣсколько паръ квагги, которую нынѣ охраняетъ законъ объ охотѣ [1]). *Somerset* и *Bedford*— также земледѣльческіе центры, тогда какъ *Fort-Beaufort* сохранилъ еще кое-что изъ своего прежняго военнаго вида; онъ былъ передовымъ постомъ въ краѣ кафровъ, и въ 1851 году отразилъ нѣсколько яростныхъ штурмовъ туземцевъ. Округъ, простирающійся къ сѣверу, на южномъ склонѣ Eland-berg'а, называется нынѣ Стоккенстромъ (Stockenstrom): это была колонія на р. Kat-river, до войны 1851 года принадлежавшая исключительно готтентотамъ; но такъ какъ земли тамошнія плодородны и хорошо оро-

[1]) Holub, „Sieben Jahre in Süd-Afrika".

шаются р. Катъ-риверъ, то бѣлые и нашли обычные предлоги для ихъ захвата; нынѣ посреди прежней готтентотской эпклавы находится мѣстечко Сеймуръ, обитаемое англичанами. Южнѣе, мѣстечки *Lovedale*, центръ миссій и школъ, и *Alice* лежатъ въ долинѣ рѣки Кейскамма (*Keiskamma*); невдалекѣ оттуда, бывшій военный постъ *Fort-Peddie*, сталъ главнымъ мѣстечкомъ той «нейтральной полосы», которую нѣкогда ограничивали съ одной стороны Большая Рыбная рѣка, а съ другой Кейскамма.

На востокѣ пограничная область, оспаривавшаяся у туземцевъ еще позднѣе, тоже имѣетъ свои колоніи бѣлыхъ. Столицею этой завоеванной территоріи служитъ *King-William'stown* (городъ короля Вильяма), вообще извѣстный просто подъ именемъ Кинга: это—большой складочный пунктъ и главный посредникъ въ торговлѣ между англійскою колоніею и кафрами. Почти всѣ фермы по берегамъ протекающей черезъ этотъ городъ рѣки Буфалло (Buffalo-river), разсѣянныя по окрестностямъ, населены нѣмцами, потомками солдатъ англо-германскаго легіона, распущеннаго послѣ Крымской войны; Берлинъ, Потсдамъ, Брауншвейгъ, Франкфуртъ—таковы наименованія селеній въ этой странѣ. Подобно Graham'stown'у, King пожелалъ имѣть свой портъ: посредствомъ желѣзной дороги онъ соединенъ съ одною изъ наиболѣе опасныхъ на южномъ берегу пристаней—Восточнымъ Лондономъ (*East London*), подойти къ которой часто нельзя бываетъ по нѣскольку дней подрядъ. И хотя предпринимались большія работы, устраивались набережныя и молы, углублялся входъ въ портъ, но все это оказалось безуспѣшнымъ: прежде *р. Buffalo*, изливающаяся здѣсь въ море, иногда, при своихъ внезапныхъ разливахъ, смывала также свой баръ, и тогда въ портъ могли входить суда съ осадкой въ шесть метровъ; нынѣ же баръ укрѣпился, и покрывающій его слой воды не бываетъ толще двухъ съ половиной метровъ. Въ южной Африкѣ сложилась даже поговорка, что Восточный Лондонъ — одинъ изъ портовъ, предпочтительно избираемыхъ тѣми арматорами, которые хотятъ погубить свое судно—вмѣстѣ съ экипажемъ, конечно,—чтобы получить страховую премію [1]). Тѣмъ не менѣе, East-London—второй портъ колоніи по вывозу шерсти. Такъ, въ 1886 г., шерсти было вывезено изъ Истъ-Лондона—7.088.500 килограммовъ. Вошло въ портъ 277 судовъ, съ вмѣстимостью въ 525.968 тоннъ; вышло 377, съ вмѣстимостью въ 527.238 тонъ. Общая цѣнность товарообмѣна равнялась 29.929.900 франкамъ. *Въ это послѣднее время гавань его, при помощи землечерпательныхъ машинъ, значительно улучшена; такъ что суда съ осадкой въ 5 метровъ могутъ приставать къ набережнымъ р. Буффало*.

King-William's town, подобно главнымъ городамъ запада, соединенъ съ долиною Оранжевой рѣки желѣзной дорогой, взбирающейся на горы. Она идетъ на *Stutterheim*, *Cathcart* и *Queen'stown*, по хорошо орошенной области, нѣкогда принадлежавшей кафрамъ племени тамбуки, затѣмъ огибаетъ пирамидальную массу *Hang-Klip* и переваливаетъ черезъ гребень Стормбергена на значительной высотѣ 1.702 метра, т. е. на 240 метровъ выше Пюп-де-Дома. Спускаясь, затѣмъ, эта желѣзная дорога пересѣкаетъ каменноугольныя копи Мольтено, доставляющія уголь для желѣзнодорожной сѣти колоніи; послѣ этого, достигнувъ равнины, она направляется на *Burghers* и подходитъ къ берегу Оранжевой рѣки на станціи *Aliwal-North*; на этой станціи производится весьма дѣятельная торговля съ Оранжевой республикой, территорія которой начинается по ту сторону рѣки. Соединяетъ Aliwal-North съ предмѣстьемъ на противоположномъ берегу мостъ въ 260 метровъ. На востокѣ область, заключающаяся между рѣками Оранжевою и Толле и гребнемъ горъ Куатламба, причисляется еще къ Капской колоніи. Главныя села въ этомъ альпійскомъ краю: Herschel, выстроенное на лѣвомъ берегу Оранжевой рѣки, и Barkly, расположенное въ горной долинкѣ, близъ р. Крааль, впадающей въ Оранжевую рѣку въ небольшомъ разстояніи кверху отъ Aliwal-North'а.

На западѣ, полоса колоніальной территоріи, принадлежащая къ бассейну Оранжевой рѣки, постепенно расширяется, но на этихъ высокихъ равнинахъ, нѣкогда обитаемыхъ миріадами большихъ млекопитающихъ, а нынѣ предоставленныхъ пастьбѣ скота, города и села рѣдки. Городъ Кольсбергъ (Colesberg), соединенный желѣзною дорогою съ Портомъ Елизаветы, служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, предназначенныхъ для Оранжевой республики: международный мостъ пересѣкаетъ здѣсь рѣку въ тридцати километрахъ къ сѣверо-востоку отъ города. Два другихъ моста слѣдуютъ за нимъ на сѣверо-западѣ, между территоріею колоніи и ея новымъ пріобрѣтеніемъ, Griqua-land-West'омъ; одинъ изъ этихъ мостовъ находится на желѣзной дорогѣ, направляющейся изъ Кэптауна въ страну Алмазовъ; а другой, находящійся около города Hopetown, представляетъ самое замѣчательное изъ построекъ этого рода въ предѣлахъ Капской колоніи: общая длина его равняется 427 метрамъ. Гопгаунъ (Hopetown), находясь на разстояніи болѣе, чѣмъ тысячи километровъ отъ Атлантическаго океана, является

[1]) Anthony Trollope, „South-Africa"; — De Hubner, „A travers l'Empire Britannique".

послѣднимъ изъ прибрежныхъ городовъ на Оранжевой рѣкѣ; книзу отъ него есть только отдѣльныя фермы, краали готтентотовъ, миссіонерскіе станы, германская «колонія *Штольценфельсъ*» и становища бушменовъ. Дальше внутрь, къ подошвѣ горъ, находятся нѣсколько деревень, служащихъ рынками для окрестныхъ пастуховъ; таковы: *Hanover*, *Richmond*, *Victoria-West*, *Fraserburg* и *Carnarvon*.

По переписи 1891 г., главнѣйшіе города Капской колоніи имѣли слѣдующее число жителей: Кэптаунъ (Капштадтъ)—51.000 жит. (съ предмѣстьями — 84.000); Кимберлей — 29.000; Портъ-Элизабетъ — 23.000; Греэмстаунъ — 10.000; Биконсфильдъ — 10.000; Паарль—8.000; Кингъ-Вильямстаунъ—7.000; Восточный Лондонъ (Истъ-Лондонъ)—7.000; Граафъ-Рейнетъ—7.000; Ворчестеръ—6 000; Уитенгаге—5.000 жит.

Населеніе колоніи быстро увеличивается слѣдствіе избытка рожденій; семейства весьма многочисленны: указываютъ такихъ патріарховъ, семьи которыхъ заключаютъ болѣе двухсотъ еще живущихъ потомковъ [1]). Тѣмъ не менѣе, число жителей еще очень мало въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ территоріи, пригодной для пользованія. Южная Африка, по крайней мѣрѣ во всей ея приморской области, пользуется такимъ климатомъ, который позволяетъ воздѣлывать почву, и каждый фермеръ считаетъ честью производить на своей оградѣ одновременно «зерно и вино, мясо и шерсть». Продажная цѣна земли еще не велика, если только помѣстье находится не вблизи городовъ или не въ очень хорошо отдѣлываемой мѣстности, гдѣ преобладаетъ уже спекуляція; въ среднемъ, цѣнность хорошихъ земель колеблется между 30 и 100 франками за гектаръ; въ округахъ же съ безводною почвою за эту цѣну можно купить участокъ въ квадратный километръ. Большая часть пахатной земли колоніи находится уже въ рукахъ частныхъ собственниковъ; но также существуютъ и обширные кустарники и никѣмъ не занимаемыя земли, которыми владѣетъ «корона» и которыя, послѣ кадастрированія ихъ, поступаютъ въ продажу. Покупщикъ обязуется или уплачивать ежегодно двадцатую часть оцѣночной стоимости, или же вноситъ всю цѣну сразу. Въ восточныхъ округахъ, прежнихъ «выгонныхъ» территоріяхъ капскихъ пастуховъ, большія пространства конфискованныхъ у непріятеля земель были подѣлены на участки, величиной отъ 320 аровъ до 200 гектаровъ, а въ большинствѣ даже и на меньшія доли; эти земли продавались, однако, только такимъ покупателямъ, которые не были еще собственниками имѣній, превышающихъ 200 гектаровъ. Такимъ путемъ хотѣли создать мелкую земельную собственность, и въ этой области дѣйствительно земля весьма раздроблена: англичане, германцы, готтентоты и кафры живутъ тамъ другъ подлѣ друга въ качествѣ мирныхъ земледѣльцевъ, между тѣмъ какъ болѣе къ западу и въ особенности въ пастушескихъ краяхъ преобладаетъ крупное землевладѣніе; въ среднемъ, концессіонеры завладѣли пространствомъ, вчетверо превышающимъ октроированное имъ правительствомъ [1]). Даже по сосѣдству съ Кэптауномъ не рѣдки имѣнія въ тысячу и болѣе гектаровъ; Южная Африка, подобно Великобританіи, имѣетъ, слѣдовательно, и свою земельную аристократію. Къ 31 декабря 1886 года частновладѣльческихъ земель состояло 36.356.808 гектаровъ, и оставалось еще подлежащихъ продажѣ—18.977.930 гектаровъ*. Къ 31 декабря 1894 г. общая площадь состоящихъ во владѣніи колонистовъ земель составляла 417.584 кв. километр., изъ которыхъ въ одномъ только 1894 г. было пріобрѣтено колонистами 10.427 кв. килом., въ 1.269 участкахъ; при этомъ состояло еще 165.301 кв. килом. въ распоряженіи казны, которая владѣла также 1.390 кв. килом. лѣсныхъ дачъ*.

Хлѣбные злаки приносятъ урожаи весьма удовлетворительные для вознагражденія трудовъ земледѣльца; но, тѣмъ не менѣе, въ колонію ежедневно ввозится мукою и зерномъ хлѣба на сумму отъ 7 до 15 милліоновъ франковъ. Пшеницу сѣютъ въ особенности въ сосѣдствѣ двухъ главныхъ городовъ, на востокѣ и на западѣ, а также и въ сѣверо-восточныхъ округахъ, сосѣднихъ съ Кафраріею и Оранжевою республикою. Маисъ и просо являются предпочтительными хлѣбными растеніями въ восточныхъ округахъ, пограничныхъ съ Кафраріею; но тамъ, какъ и повсюду въ колоніи, хорошо удаются и всѣ питательныя растенія умѣренной полосы Европы. Табакъ въ особенности воздѣлывается въ долинѣ рѣки Олифантъ, восточнаго притока Гауритса: годичный сборъ табачнаго листа достигаетъ приблизительно полутора милліона килограммовъ (въ 1894 г.—2.406 тоннъ), которые всецѣло и потребляются въ предѣлахъ колоній Южной Африки. Извѣстно также, что виноградная лоза представляетъ одно изъ первыхъ европейскихъ растеній, введенныхъ колонистами Капа; эмигранты-гугеноты выкапывали ее изъ садовъ, чтобы развести настоящіе виноградники, и округи, гдѣ гугеноты поселились, еще и до сихъ поръ болѣе всего славятся въ колоніи качествомъ своихъ винъ. Климатъ юго-западной оконечности материка удивительнымъ образомъ благопріятствуютъ разведенію винограда, и возможно, что въ этомъ отношеніи

[1]) De Hubner, „A travers l'Empire britannique".

[1]) G. Mac Coll Theal, упом. соч.

не существуетъ другой области на земной поверхности, которая находилась бы въ столь же благопріятныхъ условіяхъ: за весенними дождями, способствующими развитію побѣговъ и гроздій, слѣдуютъ лѣтніе жары, хотя и содѣйствующіе созрѣванію ягодъ, но, благодаря нормальной влажности атмосферы, все-таки не изсушающіе ихъ. Поэтому, годичная производительность виноградниковъ превосходитъ производительность ихъ въ другихъ странахъ свѣта; эта разница между ними такъ велика, что можетъ показаться «невѣроятной» большинству виноградарей: въ то время, какъ въ различныхъ краяхъ, производящихъ виноградъ, продуктивность гектара колеблется между 14 и 15 гектолитрами (во Франціи, напр., въ особо благопріятномъ 1875 году она равнялась 30, въ среднеурожайный 1883 годъ—18, а въ несчастливый 1885 г. всего лишь 14 гектолитрамъ), въ приморскомъ округѣ Капа она достигаетъ 86 гектолитровъ, а во внутреннихъ округахъ, отъ Worcester'a до Oudtshorn'a, количество продукта, получаемое съ гектара, доходитъ до 173 гектаровъ [1]). Несмотря, однако, на такую чрезвычайную продуктивность, въ западной части колоніи воздѣлываютъ подъ виноградники лишь довольно небольшую часть изъ пригодныхъ для этого земель: такъ, хотя эта культура изъ года въ годъ все и возростаетъ, но тѣмъ не менѣе въ 1886 году подъ виноградниками не насчитывалось еще и десяти тысячъ гектаровъ. Въ 1894 г. во всей Капской колоніи насчитывалось 85.706.974 лозы, которыя дали 207.019 гектолитр. вина, 62.855 гектол. водки и 717.244 килограм. изюма. Правда, уборка винограда обыкновенно совершается неразумно, а большая часть винъ, дурно приготовленныхъ и подмѣшанныхъ водою, не нравятся любителямъ. Вообще, прославленность капскихъ домашнихъ винъ, весьма значительная въ первую половину текущаго вѣка, съ тѣхъ поръ значительно поуменьшилась; нѣкоторые виноградари, однако, трудятся надъ возстановленіемъ этой утерянной славы. Пострадали капскіе виноградники, въ свою очередь, также и отъ oidium'a, а въ 1886 году, въ нѣкоторыхъ участкахъ около столицы была обнаружена даже и phylloxera.

Скотоводствомъ и связанными съ нимъ промыслами занимается, какъ полагаютъ, третья часть жителей колоніи (по исчисленію, относящемуся къ концу 1895 г., земледѣліемъ, вмѣстѣ съ скотоводствомъ, заняты 672.458 лицъ). Порода лошадей—происшедшая отъ производителей, привезенныхъ съ Ла-Платы и улучшенная, затѣмъ, примѣсью арабской и англійской крови—обладаетъ рѣдкими качествами въ отношеніи силы, ловкости и выносливости, и у конно-заводчиковъ есть уже «золотая книга» съ прозваніями прославившихся скакуновъ; число лошадей въ колоніи въ 1894 г. около 340.000. Крупный рогатый скотъ далеко превышаетъ численность лошадей (въ 1894 г.—1.930.800 головъ); происходитъ онъ отчасти отъ тѣхъ длиннорогихъ животныхъ, которыя имѣлись у готтентотовъ ко времени прибытія первыхъ колонистовъ; съ тѣхъ поръ порода въ теченіе долгаго времени видоизмѣнялась, вслѣдствіе скрещиванія съ животными, привозимыми изъ Англіи и Голландіи. Сотни тысячъ быковъ употребляются единственно для перевозки людей и товаровъ въ округа колоніи и въ сосѣдніе края, еще не пересѣченные желѣзными путями; нѣкоторые фермеры спеціально занимаются разведеніемъ быковъ подъ вьюкъ и подъ гоньбу: Южная Африка - единственная страна въ свѣтѣ, въ которой имѣется этотъ промыселъ, унаслѣдованный отъ готтентотовъ и кафровъ. Но, съ другой стороны, молочныя коровы сравнительно весьма не многочисленны: собраніе молочныхъ скоповъ и приготовленіе масла производится фермерами только по сосѣдству съ большими городами. Отъ эпизоотій часто исчезали цѣлыя стада.

Нынѣ главное богатство колоніи заключается въ стадахъ овецъ. Когда голландцы поселились въ странѣ, они нашли тамъ овцу съ жирнымъ хвостомъ и жесткою шерстью, встрѣчающуюся въ большей части африканскаго материка; такихъ животныхъ насчитываютъ у бѣлыхъ и желтыхъ фермеровъ колоніи и понынѣ около милліона головъ; недавно число ихъ даже увеличилось, такъ какъ мясо этой породы весьма цѣнится; вслѣдствіе этого, ее преимущественно и разводятъ для убоя на мясо. Первыя европейскія овцы съ тонкою шерстью были привезены только въ 1790 году, и въ 1830 году вывозъ шерсти съ Капа не превышалъ еще и пятнадцати тоннъ: тканье шерсти было не извѣстно въ краѣ, и даже о-сю пору въ старинныхъ семействахъ голландскихъ буровъ не найдется ни одной женщины, которая умѣла бы держать прялку и связать пару чулокъ. Производство шерсти стало значительнымъ только около средины текущаго вѣка: затѣмъ, оно быстро возростало, и въ 1872 году промыселъ этотъ достигъ наибольшей степени процвѣтанія. Послѣ этого, онъ значительно уменьшился, вслѣдствіе продолжительныхъ засухъ и, вѣроятно, также вслѣдствіе того, что шерсть изъ Оранжевой республики, нѣкогда вывозимая чрезъ Капскую колонію и считавшаяся капскою и по происхожденію, нынѣ вывозится чрезъ Наталь. Впрочемъ, изъ Капа въ 1896 году вывезено шерсти на сумму 1.875.000 фунт. стерл. Въ 1894 г. насчитывалось 15.154.753 овцы, изъ нихъ 13.631.011 мериносовъ. Капскіе бараны и овцы были, благодаря своему руну, главными дѣятелями по разсѣеванію растительныхъ видовъ; повсю-

[1]) D. Hahn, „John Noble's Cape of Good Hope".

ду, куда они ни проникаютъ, они приносятъ съ собою также и сѣмена тѣхъ странъ, гдѣ паслись; внѣшній видъ растительности во многихъ мѣстностяхъ странъ, находящихся къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, вполнѣ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ тамъ стали заниматься овцеводствомъ. Съ половины текущаго столѣтія капскіе скотоводы стали акклиматизировать въ своемъ краѣ также ангорскую козу, и существуетъ мнѣніе, будто «могеръ» — т. е. козья шерсть, происходящая изъ Южной Африки, превосходитъ такую же шерсть изъ Малой Азіи тонкостью и нѣжностью, хотя, однако, не можетъ сравняться съ нею своимъ блескомъ. Въ 1896 году вывезено козьей шерсти изъ капской колоніи на сумму 572.000 фунт. стерл. Въ паркахъ колоніи пасутся тысячами различные виды одомашненныхъ антилопъ, главнымъ образомъ породы, называемой *boute-boks*.

До 1864 года страусъ былъ для капскихъ колонистовъ лишь дичью и преслѣдовался такъ усердно, что предвидѣли уже время, когда онъ долженъ былъ совершенно исчезнуть изъ Южной Африки. Однако, два фермера, въ различныхъ мѣстахъ колоніи, занялись прирученіемъ страусовъ и замѣною охоты на этихъ птицъ ихъ разведеніемъ: послѣдствіемъ этого и былъ тотъ фактъ, что, при сельско-хозяйственномъ кадастрированіи въ 1855 году, въ живомъ инвентарѣ колоніи насчитывалось уже 80 страусовъ, доставлявшихъ для вывоза около пятидесяти килограммовъ перьевъ, впрочемъ, менѣе красивыхъ, чѣмъ перья дикихъ варварійскихъ страусовъ. Прирученіе мало-по-малу измѣнило характеръ этого дикаго животнаго, столь пугливаго и столь яростнаго, и безъ большой опасности уже можно было воспитывать молодыхъ цыплятъ; но значительное развитіе промыселъ получилъ только послѣ введенія на фермахъ искусственнаго высиживанія. Число птицъ быстро увеличилось, и въ 1882 году оно достигло приблизительно полутораста тысячъ; при этомъ, количество вывозимыхъ перьевъ равнялось 114.000 кил., а общая ихъ цѣнность достигла 27.350.000 франковъ; охотно платили по 250 франковъ за вылупившагося изъ яйца страусика, а взрослыя птицы съ красивымъ опереніемъ цѣнились въ тысячи и тысячи франковъ. Однако, съ 1883 года, страусоводство перестало быть такимъ выгоднымъ; болѣзни уменьшили надежды на выходъ цыплятъ; издержки возросли; и—еще болѣе важное обстоятельство — непостоянство моды убавило болѣе чѣмъ на половину цѣнность страусовыхъ перьевъ: такъ, средняя стоимость килограмма ихъ на Капѣ достигала въ 1860 году 446 франковъ, а въ 1884 году она уже равнялась всего лишь 228 франкамъ; сдѣлавшись менѣе рѣдкими, эти великолѣпные уборы перестали уже считаться неоцѣнимыми. Со всѣмъ тѣмъ, Капская колонія до сихъ поръ сохранила за собою виртуальную монополію на этотъ родъ торговли: попытки одомашнить страуса въ Алжиріи, Триполи, Австраліи, на берегахъ Ла-Платы и въ Калифорніи не увѣнчались успѣхомъ, а для воспрепятствованія вывоза этого животнаго Капское правительство установило вывозную пошлину въ 2.500 франковъ за каждаго страуса и въ 125 франковъ за каждое его яйцо. Въ 1894 году страусовъ насчитывалось 240.191; перьевъ было вывезено въ 1896 г. на сумму 520.000 фунт. стерл.

Для разведенія животныхъ, а также и для земледѣлія въ собственномъ смыслѣ этого слова, необходимо большое количество воды, а между тѣмъ сильно бьющіе ключи и постоянные ручьи рѣдки; отсюда является забота земледѣльцевъ о задержаніи дождевыхъ водъ и о предотвращеніи ихъ растраты. Оросительныя канавы распредѣляютъ по прибрежнымъ полямъ оплодотворяющую воду большей части рѣкъ; кромѣ того, рѣчная вода и прямо накачивается при посредствѣ наносовъ и водоналивныхъ машинъ. Но тамъ, гдѣ не бьютъ ключи, а также не протекаютъ и рѣки, приходится обнаруживать присутствіе скрытыхъ водъ, рыть колодцы въ тѣхъ ложбинахъ, по которымъ проходятъ глубокія струи, а также и вдоль образуемыхъ скалами запрудъ, задерживающихъ потоки водъ на ихъ подземномъ пути. Пастухи пустыни Кару весьма опытны въ распознаваніи, по растительности на поверхности, тѣхъ скопленій воды, которыя образуются въ глубинѣ. Большая часть собственниковъ, въ помѣстьяхъ которыхъ имѣются овраги или наклонъ поверхности, воспользовались этимъ для возведенія плотинъ, передъ которыми и собираются дождевыя воды: нѣкоторыя изъ такихъ искусственныхъ озеръ имѣютъ по нѣсколько километровъ въ окружности и содержатъ, послѣ дождей, милліоны кубическихъ метровъ воды. Благодаря этимъ водохранилищамъ, видоизмѣнились также и многія области Кару: большія деревья, плодовые сады и зеленые луга виднѣются тамъ, гдѣ прежде находились только безплодныя земли, съ разсѣяннымъ по нимъ колючимъ кустарникомъ. Пожирающія траву тучи саранчи появляются послѣ долгихъ промежутковъ времени, лѣтъ черезъ 15 или 20.

До недавняго времени капскіе англичане и голландцы ограничивались лишь пользованіемъ почвою и отсылкою въ Европу своего сырья; ихъ мѣстные, немногочисленные промыслы состояли лишь въ выдѣлкѣ вещей, самыхъ необходимыхъ въ повседневномъ обиходѣ. Нынѣ уже не то: колонія научается обходиться безъ великобританскихъ произведеній, и для содѣйствія развитію своей собственной промышленности она стала принимать даже и запрети-

тельныя мѣры. У Капа уже имѣются свои винокурни, пивоварни и мукомольныя мельницы, скорняжни и мыловарни, мастерскія для производства мебели, повозокъ и машинъ; уже существуютъ попытки ткать шесть и приготовлять сукна; Капская колонія снабжаетъ Англію всякаго рода консервами и вареньями, тайною приготовленія которыхъ еще недавно обладали голландскія хозяйки. Капъ—также край и горно-промышленный, и между прибывающими туда искать счастья переселенцами есть также многочисленные рудокопы изъ Корнваллиса, удаляющіеся изъ своей родины, вслѣдствіе обѣднѣнія англійскихъ рудъ. Разработка мѣдной руды въ области племени намакуа и каменноугольныя копи въ горахъ Стормбергенъ составляютъ главные горные промыслы колоніи; кромѣ того, методически собирается гуано на островахъ западнаго берега и соль какъ въ тѣхъ приморскихъ бухтахъ, дно которыхъ выступаетъ изъ-подъ воды, такъ и въ низинахъ Кару и бассейна Оранжевой рѣки. Капская соль, превосходная для соленій, употребляется и на нѣкоторыхъ тоняхъ, заготовляющихъ соленую рыбу, какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для вывоза въ Англію. Въ 1884 году Капская рыболовная флотилія состояла изъ 335 судовъ, съ экипажемъ въ 1.800 человѣкъ. Соленей рыбы было вывезено 1.234.000 килограммовъ на сумму 405.150 франковъ.

Торговля колоніи, возростающая съ каждымъ десятилѣтіемъ и гораздо быстрѣе, чѣмъ число ея жителей, однако, временно сократилась съ тѣхъ поръ, какъ засухи, биржевыя спекуляціи, перемѣны модъ и соперничество уменьшили вывозъ шерсти и страусовыхъ перьевъ; но, и при этомъ уменьшеніи, внѣшняя торговля, при раскладкѣ цѣнности ея на каждаго жителя—бѣлаго, желтаго и чернаго—окажется равною заграничной торговлѣ Франціи. Такъ, въ очень благопріятный 1882 годъ, балансъ Капской торговли равнялся 466.965.485 франкамъ; въ 1886 году было ввезено на 94.981.526 франковъ и вывезено на 178.133.900 франковъ, или вмѣстѣ на 273.115.425 фр., что составитъ около 200 франковъ на человѣка. *Въ 1896 г., спеціальная торговля колоніи выразилась слѣдующими цифрами: по привозу—17.347.000, по вывозу—16.700.000 фунт. стерл. *Почти вся капская торговля и въ особенности вывозная ведется съ Соединеннымъ Королевствомъ; затѣмъ, изъ того незначительнаго остатка, который приходится на всѣ остальныя страны, болѣе одной трети выпадаетъ на долю другихъ британскихъ колоній.

Распредѣленіе внѣшней торговли колоніи по странамъ: въ 1896 г (въ тысячахъ фунт. стерл.):

Съ Великобританіею—29.015; съ другими англійскими колоніями—913; съ Соединенными Штатами—1.730; съ Германіей—1.082; съ Бельгіей—335; съ Бразиліей—324; съ прочими странами—593*.

Прямой торговли Франціи съ Капской колоніей почти не существуетъ. Для привоза же и вывоза всѣхъ товаровъ служатъ почти только одни англійскія суда: такъ, изъ 5.447.217 тоннъ общей вмѣстимости судовъ, бывшихъ въ 1885 году въ портахъ Капской колоніи, на долю британскихъ пришлось 5.140.000 тоннъ. *Движеніе судоходства въ портахъ колоніи: въ 1896 г.: въ приходѣ—2.384 судна, вмѣстим. 6.029.097 тоннъ; въ отходѣ—2.361 судно, вмѣстим. 6.012.618 тоннъ*. Хотя прорытіе Суэзскаго перешейка, такъ оказать, устранило Капъ, удаливъ его отъ главной дороги между Западной Европой и Индіей, тѣмъ не менѣе, онъ посѣщается нынѣ гораздо бо́льшимъ количествомъ судовъ, чѣмъ въ то время, когда Красное море еще было отдѣлено отъ моря Александрійскаго. При этомъ должно также замѣтить, что, благодаря успѣхамъ въ механикѣ, пакетботы между Англіею и Австраліею получили возможность, не заходя въ капскіе порты за провизіею и углемъ, проплывать вдали береговъ Южной Африки. Та доля британской торговли, которая совершается при посредствѣ судовъ, огибающихъ мысъ Доброй Надежды, но не пристающихъ къ Африкѣ, исчисляется въ 1.250 милліоновъ франковъ въ годъ. Телеграфный кабель, соединяющій другъ съ другомъ порты западнаго берега Африки, также связываетъ Капъ съ телеграфною сѣтью Европы и Новаго Свѣта.

Сѣть путей сообщенія внутри края возростаетъ быстро. Извѣстно, какъ нѣкогда дѣлались здѣсь путешествія, какъ голландскіе буры совершали свои *trekken* изъ прибрежныхъ областей въ края по ту сторону горъ. Дорогъ не было; приходилось держаться измѣнчивыхъ слѣдовъ отъ прежнихъ проѣздовъ, пробираясь между песками и грязью, кустарниками и каменьями. Повозки, которыми пользовались при подобныхъ путешествіяхъ, строились изъ упругаго и крѣпкаго дерева, скрипѣвшаго при каждомъ толчкѣ; имъ придавали большую ширину, дабы онѣ не могли опрокинуться на косогорахъ, а внутри эти повозки дробились на отдѣленія для помѣщенія тамъ съѣстныхъ припасовъ, хозяйственныхъ принадлежностей, товаровъ и постелей: прочная парусина защищала отъ вѣтра, пыли и дождя путешественниковъ, расположившихся въ этомъ катящимся домѣ. Обычно семейства переселялись по нѣскольку вмѣстѣ, для оказанія взаимной помощи во время бури, а также и при нападеніяхъ дикарей или звѣрей: шесть, десять повозокъ тянулись слѣдомъ одна за другою, будучи запряжены каждая нѣсколькими парами воловъ въ ярмо, но безъ вожжей; вожатый понукалъ воловъ голосомъ, подкрѣпляя

по временамъ свои понуканія ударами хворостины длиною въ нѣсколько метровъ. Почти всегда передъ первою парою воловъ шелъ молодой парень, заставляя ее поворачивать направо или налѣво, а при переправѣ черезъ рѣки даже плылъ передъ животными, воодушевляя ихъ своимъ примѣромъ и препятствуя имъ останавливаться, такъ какъ, иначе, теченіе могло бы опрокинуть всю упряжку. Хотя грузъ каждой повозки не превышалъ одной тонны, но при поднятіяхъ на скалы обычная упряжка оказывалась недостаточной; приходилось припрягать еще нѣсколько животныхъ и такимъ образомъ десять, двѣнадцать паръ воловъ перетаскивали чрезъ трудное мѣсто одну телѣгу, а затѣмъ возвращались назадъ за второю, третьею и слѣдующими повозками. Иногда приходилось даже разбирать повозки и перенести ихъ поштучно черезъ скалистыя мѣста. Часто животныя падали мертвыми отъ изнеможенія, и тогда путешественники располагались станомъ въ пустынѣ, въ ожиданіи, пока колеса не добудутъ подкрѣпленій. И, однако, несмотря на всѣ опасности, на всѣ трудности подобныхъ путешествій, объ нихъ всегда вспоминали съ радостью, а возобновляли ихъ съ удовольствіемъ. Ввечеру повозки располагали кругомъ, зажигали большіе костры, чтобы отогнать дикихъ звѣрей, свѣтящіеся глаза которыхъ порою блистали въ кустахъ, и до поздней ночи развлекались отъ дневныхъ трудовъ музыкою и танцами.

Нынѣ уже не совершаютъ этихъ длительныхъ путешествій по Капской колоніи; телѣги служатъ только для проѣзда и доставленія товаровъ въ отдаленныя деревни. Сѣть большихъ, проѣзжихъ для экипажей, дорогъ избороздила территорію во всѣхъ направленіяхъ, смѣло взбираясь даже и на горы; путевыя сооруженія, проложенныя чрезъ проходы Montague и Southey, въ юго-западной области колоніи, и Catberg, между Оранжевой рѣкой и Грэмстауномъ,—составляютъ славу инженеровъ колоніи; колонисты съ гордостью показываютъ ихъ иностранцамъ. Всѣхъ большихъ дорогъ въ колоніи въ 1885 году было 13.500 километровъ. Желѣзныя дороги, идущія изъ Кэптауна, Портъ-Елизаветы, Портъ-Альфреда и East London'а, проникаютъ далеко внутрь, переваливая чрезъ горныя преграды, высотою въ нѣсколько сотенъ, а иногда даже и свыше тысячи метровъ, и такимъ образомъ достигая до Оранжевой рѣки или же переступая и черезъ нее. *Въ концѣ 1896 г. желѣзныхъ дорогъ въ Капской колоніи было 4.024 километра, въ томъ числѣ 3.626 километр. казенныхъ. Телеграфная сѣть колоніи состояла изъ линій общей длиной 10.308 километр. въ теченіе 1896 года телеграммъ было переслано 2.279.668. Доходы отъ этихъ общеполезныхъ учрежденій составляютъ значительную часть бюджета. Капиталъ, затраченный на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, составлялъ, въ 1893 г., 16.686.750 фунт. стерл.; валовой доходъ, въ 1893 г., равнялся 2.559.542, расходъ—1.560.946 ф. стерл.; перевезено, въ 1892 г.: пассажировъ—4.771.600, товаровъ—713.500 тоннъ*.

Въ продолженіе всей первой половины XIX столѣтія Капская колонія была простою принадлежностью, собственностью «Короны»; губернаторы управляли отъ имени королевы, въ первые годы единолично, затѣмъ, при содѣйствіи совѣтовъ: исполнительнаго и законодательнаго, члены которыхъ назначались непосредственно англійскимъ правительствомъ. Колоніальный парламентъ существуетъ только съ 1853 года; но назначеніе губернатора и его замѣстителя по-прежнему принадлежитъ коронѣ, которая сохранила также право veto. По конституціи, скопированной въ большей своей части съ британскаго образца, парламентъ дѣлится на двѣ палаты: «нижнюю», или «собраніе» (House of Assembly) и «верхнюю или законодательный совѣтъ». Первая состоитъ изъ 76 членовъ, избранныхъ на періодъ въ пять лѣтъ и вознаграждаемыхъ 25 франками за каждое засѣданіе; вторая же имѣетъ только 22 члена, получающихъ титулъ «почтенныхъ» и избираемыхъ на семь лѣтъ между богатыми, имѣющими по крайней мѣрѣ на 50 тысячъ франковъ недвижимости или на 100 тысячъ франковъ собственности движимой. Избирателями въ обѣ палаты являются всѣ британскіе подданные, безразлично бѣлые или черные, собственники имѣнія, приносящаго доходъ по крайней мѣрѣ въ 625 франковъ, или получающіе жалованія не менѣе 1.250 франковъ, безъ пищи, или 625 франковъ, со столомъ и кровомъ. Въ 1886 году избирателей было 88.525; но недавно колоніальное правительство издало постановленіе о лишеніи права подачи голоса тѣхъ чернокожихъ, которые состоятъ собственниками сообща съ другими мѣстными уроженцами. Весьма малое число бѣлыхъ и огромное большинство туземцевъ оказываются, такимъ образомъ, исключенными изъ пользованія избирательныхъ правомъ; впрочемъ, избиратели вообще мало интересуются баллотировкою; изъ чернокожихъ обыкновенно подаютъ голоса лишь тѣ, которыхъ завербовываютъ партіи для проведенія своихъ кандидатовъ. Собраніе избираетъ своего президента и свое бюро; что же касается совѣта, то въ немъ по праву предсѣдательствуетъ chief-justice (главный судья), избранникъ центральнаго правительства. Министры, избираемые губернаторомъ между депутатами законодательнаго корпуса, отвѣтственны передъ палатами; это: главный казначей, онъ же и первый министръ, секретарь колоніи, генералъ-прокуроръ (attor-

ney general) или министръ юстиціи, коммиссаръ публичныхъ работъ и земель. и секретарь по дѣламъ туземцевъ. Подъ предсѣдательствомъ одного изъ ихъ среды министры образуютъ кабинетъ.

Отправленіе правосудія зависитъ еще отъ англійскаго правительства: оно назначаетъ fie'd-cornets (veld-kornet), т. е. сельскихъ судей, и мировыхъ судей; оно избираетъ также членовъ судовъ: окружныхъ, аппелляціоннаго и верховнаго, и въ важныхъ случаяхъ, можетъ переносить рѣшеніе дѣлъ за предѣлы Капской колоніи, въ тайный совѣтъ самой королевы. Англійское правительство равнымъ образомъ принимаетъ участіе въ управленіи военными силами, но оно содержитъ лишь небольшое число солдатъ въ Кэптаунѣ и въ Симонстаунѣ. Колоніальная армія, оплачиваемая изъ африканскаго бюджета, состоитъ изъ полка конныхъ стрѣлковъ (riflemen), при чемъ къ этому постоянному войску изъ 820 человѣкъ въ 1886 году были присоединены 4.392 волонтера всѣхъ оружій. Кромѣ того, всѣ здоровые мужчины, въ возрастѣ между 18 и 60 годами, могутъ быть завербовываемы въ случаѣ войны или революціи, и составляютъ фиктивный резервъ болѣе. чѣмъ въ 120 тысячъ солдатъ.

Недавно Церковь еще была соединена съ государствомъ, но не всѣ вѣроисповѣданія пользовались благодѣяніями бюджета. Съ 1875 г. провозглашенъ принципъ отдѣленія церкви отъ государства; и вѣрующіе должны уже сами заботиться о поддержаніи своихъ церквей; правительственное содержаніе сохранено только тѣмъ членамъ духовенства, которые были назначены ранѣе вступленія въ силу закона о вышеупомянутомъ отдѣленіи; такимъ образомъ, церковный бюджетъ уменьшается изъ года въ годъ путемъ своего истощенія. Въ 1887 году онъ обнималъ всего лишь 216.825 франковъ. Самыя значительныя церковныя общины бѣлыхъ суть тѣ, которыя были нѣкогда привилегированными, именно: голландскихъ реформатовъ и англичанъ; однако, обнаруживаютъ гораздо большую дѣятельность между туземцами миссіонеры-методисты, и большая часть готтентотовъ и кафровъ Капской колоніи присоединяются къ ихъ вѣроисповѣданію. Малайцы остались магометанами и пріобрѣтаютъ даже послѣдователей: Кэптаунъ и Портъ-Елизаветы имѣютъ мечети. По вѣроисповѣданіямъ, населеніе колоніи, подвергавшееся переписи въ 1891 г., распредѣлялось слѣдующимъ образомъ (безъ территоріи бечуановъ): протестантовъ—723.047; католиковъ—17.275; евреевъ—3.009; магометанъ—15.009; другихъ сектъ—1.394; язычниковъ и проч.—758.400.

Между тѣмъ, какъ церковный колоніальный бюджетъ постепенно уменьшается, бюджетъ народнаго просвѣщенія возрастаетъ, хотя посѣщеніе школы и не обязательно для дѣтей. Изъ дѣтей бѣлыхъ посѣщали школы въ 1885 году 70%. И хотя школьныя учрежденія зависятъ преимущественно отъ муниципій, а содержатся главнымъ образомъ на счетъ добровольныхъ взносовъ, тѣмъ не менѣе правительство содѣйствуетъ развитію школъ при посредствѣ: стипендій для бѣдныхъ учениковъ, снабженія книгами, картами и инструментами, а также назначенія и жалованія учителямъ. Изъ общаго бюджета на народное просвѣщеніе въ 1885 году въ 5.098.450 франковъ, на долю правительства выпало 2.291.575 франковъ, и на долю мѣстныхъ бюджетовъ 2.807.875 франковъ. Первоначальныя школы дѣлятся на три группы, смотря по происхожденію воспитанниковъ: расовые предразсудки—господствующіе въ Церкви и распредѣляющіе вѣрующихъ по различнымъ зданіямъ, сообразно цвѣту ихъ кожи—перенесены также и въ школьную систему, и законодатели прилагаютъ заботы къ тому, чтобы сыновья малайцевъ и готтентотовъ не сидѣли рядомъ съ ихъ дѣтьми и не участвовали въ однѣхъ и тѣхъ же играхъ. Публичныя школы бѣлыхъ дѣтей, основанныя въ городахъ и въ деревняхъ, управляются мѣстными коммиссіями; школы для дѣтей метисовъ въ городахъ и въ промышленныхъ округахъ находятся подъ надзоромъ религіозныхъ обществъ; наконецъ, школы для первонасельниковъ (аборигеновъ) остались на попеченіи обществъ тѣхъ миссій, которыя ихъ основали; большею частью это ремесленныя училища, въ которыхъ обучаютъ по преимуществу плотничьему дѣлу и мастерствамъ: столярному, экипажному, переплетному и печатному. Большое число учителей набирается изъ туземцевъ. Колонія обладаетъ также высшими школами или коллегіями, приготовляющими молодыхъ людей къ либеральнымъ профессіямъ, подъ контролемъ университетскаго корпуса, экзаменующаго и присуждающаго дипломы. Не смотря на всѣ облегченія, дѣлаемыя для народнаго просвѣщенія, пропорція учениковъ весьма низка въ сравненіи съ тою пропорціею, которая наблюдается у сѣверныхъ цивилизованныхъ націй: приходится, именно, всего лишь одинъ учащійся въ школѣ на тридцать капскихъ жителей. Въ 1892 году, въ Капской колоніи начальныхъ школъ было 1.809, съ 61.770 учащихся; высшихъ школъ (колледжей) 4, съ 237 воспитанниковъ.

Колоніальное правительство уже имѣетъ государственный долгъ, равняющійся шестилѣтнимъ доходамъ. Пошлины въ таможняхъ, судѣ, при полученіи наслѣдства, гербовый и нѣкоторые другіе сборы пополняютъ болѣе половины бюджета; остальная же часть покрывается доходами отъ желѣзныхъ дорогъ, почтъ, телеграфовъ и мостовъ, а также отъ продажи земель и минеральныхъ мѣсторожденій. Окончательный счетъ финансоваго 1895—96 года

показалъ приходъ въ 6.803.802, расходъ въ 6.360.404 фунт. стерл. Государственный долгъ къ 31 декабря 1896 г. составлялъ 27.396.805 фунт. стерл.

Нижеслѣдующая таблица указываетъ раздѣленіе собственно колоніи на семь провинцій, подраздѣляющихся на 66 финансовыхъ и 69 судебныхъ округовъ, не считая Walvisch-bay; число округовъ возрастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія.

Провинціи.	Судебные округи.
Западная (Western).	Cape-town, Cape-division. Wunberg, Simon'stown, Stellenbosch, Paarl.
Сѣверо-Западная (North-Western).	1. Malmensbury. 2. Piquetberg. 3. Namaqua-land. 4. Porth-Nolloth. 5 Clanwilliam. 6. Calvinia. 7. Worcester. 8. Tulbagh. 9. Ceres.
Юго-Западная (South-Western).	1. Swellendam. 2. Roberston. 3. Riversdale 4 Ladysmith 5 Caledon. 6. Bredasdop 7. Oudtshoorn. 8. George. 9. Uniondale. 10. Mosse-lbay. 11. Knysna
Центральная (Midland).	1. Graaf-Reinet. 2. Murrasburg. 3. Aberdeen. 4. Beaufort. 5. Prince-Albert. 6. Willowmore. 7. Wictoria-West. 8. Prieska. 9. Fraserburg. 10. Sutherland. 11. Carnarvon. 12 Richmond. 13. Hopentown.
Юго-Восточная (South-Eastern).	1. Albany. 2. Bathurst. 3. Victoria-East. 4. Peddie 5. Uitenhage. 6 Jansenville. 7. Humandorp. 8. Alexandria. 9. Port-Elizabeth.
Сѣверо Восточная (North-Eastern.)	1. Fort-Beaufort. 2. Stockenstrom. 3. Albert. 4. Somerset-East. 5. Bedford. 6. Gradock. Steynsburg, 8. Colesberg. 9. Hanover. 10. Middelburg.
Восточная (Eastern).	1. King William'stown. 2. Stutterheim. 3. Komgha. 4. East-London 5. Queen'stown. 6 Cathcart. 7. Tarka. 8. Alival-North. 9 Herschel. 10 Wodehouse. 11. Barkly-East.

III. Западная территорія Гри-Куа.

(Griqua-land-West).

Эта провинція, окончательно присоединенная къ Капской колоніи съ 1877 года, а съ 1880 года ставшая нераздѣльной составною частью одного и того же политическаго тѣла, была бы еще предоставлена ея стариннымъ туземнымъ обладателямъ и фермерамъ изъ голландской или смѣшанной расы, если бы открытіе въ ней алмазовъ не сдѣлало его драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для капскихъ англичанъ. Въ 1871 году, спустя годъ послѣ распространенія слуховъ о замѣчательныхъ находкахъ, правительство пригласило начальника племени гри-куа, бушмена по имени Waterboer [1]), просить о британскомъ сюзеренитетѣ, при чемъ поспѣшило и согласиться на такую просьбу. Поведеніе англичанъ въ этомъ дѣлѣ было полно «наглаго цинизма, и никогда, можетъ-быть, въ колоніальной исторіи Англіи не было болѣе безчестной сдѣлки» [2]). Къ этому времени рудокопами уже была образована независимая республика «Адаманта»; но этотъ совершившійся фактъ не былъ принятъ во вниманіе; съ другой стороны Свободное Оранжевое государство считало эту территорію принадлежащею ему, но въ концѣ концовъ восторжествовалъ, конечно, болѣе сильный изъ соперниковъ, и въ 1877 году буры «Vrijstaat'a» («свободнаго государства») согласились на уступку Англіи спорной области за 2.250.000 франковъ.

Отнынѣ условная линія, проведенная чрезъ плоскогоріе праваго берега Оранжевой рѣки къ лѣвому берегу Ваала, отдѣляетъ отъ голландской республики треугольное пространство, находящееся между тотчасъ упомянутыми двумя рѣками кверху отъ сліянія, и пространство это входитъ уже въ составъ Капской колоніи. Къ нему, затѣмъ, присоединили—и тоже подъ фирмою британскаго протектората — также часть гористаго плоскогорія, простирающагося къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки въ направленіи къ Калахари и къ странѣ племени ба-чуана. Такимъ образомъ, въ своихъ настоящихъ границахъ, провинція Griqua-land-West занимаетъ площадь въ 39.358 квадр. километровъ, съ населеніемъ (по переписи 1891 года) 83.375 душъ, что составитъ по 2,1 жителя на 1 квадратный километръ. Провинція эта имѣетъ здоровый климатъ, несмотря на лихорадки между рудокопами, и число европейцевъ возрастаетъ тамъ вслѣдствіе избытка рожденій, какъ и въ южной колоніи. Средняя высота страны равняется приблизительно 1.000 метрамъ; хотя общій наклонъ поверхности ея—съ востока на западъ, по теченію Оранжевой рѣки, но самыя возвышенныя мѣстности находятся въ западной части; тамъ многіе холмы превышаютъ 1.400 метровъ, а становище Daniels-Kuil находится даже на высотѣ 1.616 метровъ, тогда какъ самая низкая часть территоріи, на берегу Оранжевой рѣки, имѣетъ высоту около 900 метровъ надъ уровнемъ океана. Цѣпи холмовъ, на плоской возвышенности, въ большей части случаевъ, направляются съ сѣверо-востока на юго-западъ, параллельно теченію Ваала; по формѣ, эти холмы притуплены, округлены, а съ виду сѣры и однообразны. Въ углубленіяхъ долинъ, находящихся между двумя рѣками, разсѣяны многочисленные pans, имѣющіе почти всѣ кругообразную форму и въ

[1]) J. Mackenzie, „Ten Years North of the Orange-river".

[2]) James Anthony Froude, „Oceana".

дождливое время года настолько глубокіе и обширные, что въ нихъ можно охотиться въ лодкѣ на дикихъ утокъ; въ остальное же время года, они высыхаютъ или замѣняются слоемъ соли. По пастбищамъ разсѣяны группы мимозовыхъ растеній.

Племя гри-куа, по имени котораго называется и самый край, обыкновенно обозначается голландскими бурами названіемъ «bastaards»: и дѣйствительно, они—метисы, происшедшіе отъ бѣлыхъ колонистовъ и различныхъ готтентотскихъ племенъ, въ началѣ текущаго вѣка прибывшихъ въ страну съ южнаго берега Оранжевой рѣки. Въ этомъ смѣшанномъ населеніи встрѣчаются всѣ типы, отъ типа бушмена до типа кафровъ и европейца. Въ среднемъ, однако, большая часть индивидовъ мужественны и ловки, отважны и настойчивы; они превосходятъ аборигеновъ силою и ростомъ, и отличаются отъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ: «и въ добродѣтеляхъ, и порокахъ» [1]). Какъ среди «Bois-brûlés» Сѣверной Америки, между африканскими «Bastaards'ами» встрѣчаются самыя отважные люди, наиболѣе умные піонеры и самые смѣлые охотники; но зато между ними же встрѣчаются и самые опасные преступники. Въ 1839 году, они мужественно защищали свою территорію отъ угрожавшихъ проникнуть чрезъ Оранжевую рѣку мантати или ба-суто, и отбросили ихъ къ сѣверу, гдѣ эти побѣжденные, въ свою очередь, превратились въ славныхъ завоевателей, подъ именемъ ма-кололо [2]). Бѣлое населеніе Griqua-land—составленное большею частью изъ рудокоповъ всѣхъ націй, англичанъ изъ Корнваллиса и Ланкашира, нѣмцевъ съ Гарца, пьемонтцевъ, американцевъ изъ Калифорніи, и австралійцевъ—тоже самое энергичное, предпріимчивое и независимое изъ всѣхъ жителей Южной Африки; не разъ оно приходило въ столкновеніе съ правительствомъ и заставляло его отмѣнять непопулярныя распоряженія.

Фермеры на берегахъ Оранжевой рѣки уже давно находили драгоцѣнные камни, но цѣну имъ узнали лишь въ 1867 году, послѣ того, какъ два торговца подѣлили между собою деньги, вырученныя за «первый капскій алмазъ», отнятый у одного молодаго бушмена. Два года спустя, одинъ изъ жителей племени гри-куа нашелъ другой алмазъ, прелестный камень въ 83 карата, прозванный «Южною Звѣздою» и проданный почти за триста тысячъ франковъ. Тотчасъ же искатели алмазовъ поспѣшили направиться въ Hopetown'скій округъ, гдѣ были сдѣланы эти первыя находки,—и гдѣ, однако, до сихъ поръ не открыли залежи,—затѣмъ, приступили къ изслѣдованію рѣчнаго песка какъ на протяженіи Оранжевой рѣки до сліянія ея съ Вааломъ, такъ по берегамъ и самаго Ваала, гдѣ, наконецъ, въ разстояніи 160 километровъ отъ сліянія этихъ двухъ рѣкъ и добрались до высоколежащихъ алмазоносныхъ мѣстностей, представляющихъ, вѣроятно, дно бывшихъ озеръ: съ этого момента и началась погоня за счастьемъ. Искатели приключеній бросились толпою въ эльдорадо, въ которомъ въ то время почти не было вовсе жителей: солдаты, моряки, дезертиры, чернорабочіе, служители бѣлые и черные, прибывали толпою, и каждый корабль привозилъ въ Капъ новый контингентъ алчныхъ людей, рудокоповъ и торговцевъ, которые и устремлялись чрезъ пустыни Кару на розыски «золотаго дна»; дрянныя телѣжки въ нѣсколько дней доставляли по тряскимъ дорогамъ достаточныхъ людей къ этимъ розсыпямъ, между тѣмъ какъ бѣдные, пускаясь въ путь пѣшкомъ, шли днями и ночами, разузнавая дорогу у фермеровъ и готтентотскихъ пастуховъ; однако доходили не всѣ: сотни голодныхъ путниковъ, больныхъ или сбившихся съ дороги, умирали на протяженіи этого длиннаго, болѣе чѣмъ въ тысячу километровъ пути, и дикіе звѣри пожирали ихъ трупы. Въ свою очередь, смертность свирѣпствовала и въ лагеряхъ рудокоповъ: отсутствіе удобствъ, дурная пища, чрезмѣрный трудъ и пьянство порождали эпидеміи тифа или «лихорадки рудокоповъ», и каждая нарождающаяся деревня тотчасъ же обзаводилась и кладбищемъ.

Пніель—мѣстность, гдѣ начались первыя промывки алмазовъ—находится на лѣвомъ берегу Ваала; однако, она уже перестала быть центромъ наибольшаго притяженія для искателей богатствъ: розсыпи обѣднѣли, и правительство, въ виду небольшаго числа просьбъ о разрѣшеніи раскопокъ, нашло возможнымъ даже увеличить размѣры отводимыхъ искателямъ участковъ земли или *claims*. Двѣ или три сотни рудокоповъ, черныхъ и бѣлыхъ, работаютъ врознь, не будучи еще порабощены монополіею большой акціонерной компаніи. Городъ *Balkly*, бывшій Klip-drift, находящійся насупротивъ Пніеля, по другую сторону Ваала, служитъ весьма оживленнымъ рынкомъ для всѣхъ «*diggers*», т. е. копателей, разрабатывающихъ прибрежныя земли на протяженіи болѣе сотни километровъ. Ежегодная выручка отъ Ваальскихъ «промывокъ» превышаетъ въ настоящее время милліонъ франковъ; съ 1870 года по 1886 изъ Ваальскихъ алмазоносныхъ песковъ добыто драгоцѣнныхъ камней слишкомъ на пятьдесятъ милліоновъ [1]). Алмазы изъ этого округа отличаются самой чистой водой и наибольшимъ блескомъ; обык-

[1]) Gustav Fritsch, „Drei Jahre in Süd-Africa".

[2]) J. Meckenzie, „Scottisch Geographical Magazine". Іюнь, 1887.

[1]) A. Moulle, Mémoire sur la Geographie générale et les mines de diamants de l'Afrique du Sud".

новенно ихъ находятъ въ соединеніи съ другими кристаллами: гранатами, агатами, кварцами и халцедонами.

Въ концѣ 1870 года вдругъ разнеслась молва, что розсыпи алмазовъ найдены на плоскогоріи, вдали отъ рѣчныхъ намывовъ, приблизительно въ сорока километрахъ къ юго-востоку отъ Пніеля. Тотчасъ же къ этимъ сокровищамъ повалилъ народъ; голландскіе фермеры должны были продать свои земли и, какъ бы по волшебству, появились сотни палатокъ и хижинъ, и скромные начатки того города, который по степени важности въ Южной Африкѣ, нынѣ превосходятъ только Кэптаунъ и Портъ-Елизаветы. Изысканія геологовъ установили, что въ области плоскогорія почва—будучи однообразно покрыта слоемъ краснаго песка, налегшаго на пластъ извест-

Замбезе. Водопады Гоньэ.

коваго туфа—скрываетъ въ своихъ глубинахъ мелафировыя горнокаменныя породы, прорѣзанныя колодцами, или *pipes*, еще не изслѣдованными далѣе 300 метровъ глубины. Думаютъ, что эти колодцы, окруженные базальтовою стѣною, суть не что иное, какъ древніе кратеры; земля, выполняющая ихъ, есть именно алмазоносная формація, вытолкнутая на поверхность напоромъ газовъ и ставшая желтою и рыхлою въ верхнихъ частяхъ, тогда какъ въ глубинѣ, куда не проникало дѣйствіе атмосферы, сохранившая голубой цвѣтъ и плотность: еще и нынѣ тамъ находятъ, особенно по сосѣдству съ каменистыми стѣнами, скопленіе взрывчатыхъ газовъ, довольно опасныхъ при работѣ въ подземныхъ галлереяхъ[1]). На базальтахъ лежатъ пласты каменнаго угля, почему у геологовъ и возникаетъ вопросъ: не былъ ли доставленъ необходимый для образованія алмаза углеродъ именно этими пластами? [2]) На пространствѣ около 18 километровъ въ окружности находится четыре такихъ отверстій подземныхъ кратеровъ, наполненныя землею, гдѣ алмазы распредѣлены въ нѣкоторомъ порядкѣ, извѣстномъ опытнымъ рудокопамъ. Эти четыре алмазоносныя шахты называются: Bultfontein, de Beer, du Toit's Pan и Kimberley. Изъ нихъ послѣдняя, рядомъ съ которой стоитъ городъ того же имени,—самая богатая, какъ на Капѣ, такъ и на всемъ земномъ шарѣ. Геологъ Moulle высказалъ предположеніе, что *pans* одного происхожденія съ этими четырьмя кратерами алмазовъ; но они еще не изучены настолько въ своихъ глубинахъ, чтобы убѣдиться, что тамъ находятся алмазоносныя розсыпи. Chapmann описываетъ одну изъ такихъ лужъ Saul's kuil, какъ вполнѣ правильный разломъ, выполненный конгломератомъ, въ которомъ блистаютъ безчисленные агаты.

Въ первое время разработки рудниковъ, поверхность представляла правильную шахматную доску, между дѣленіями которой были проведены дороги для прохода рабочихъ и провоза выкопанной земли: около пятисотъ углубленій, въ которыхъ рылись тысячъ десять рабочихъ, придавали руднику видъ громаднаго муравейника. Но съ той и другой стороны рудокопы, въ поискахъ за алмазами, захватывали и самыя дороги, которыя впослѣдствіи обваливались, такъ что ихъ пришлось замѣнять мостами. Такъ какъ провалъ слѣдовалъ за проваломъ, то рѣшили очистить всю внутренность копи, которая день-отъ-дня углублялась въ формѣ кратера. Для выноса земли на поверхность вокругъ всей образовавшейся пропасти, на протяженіи болѣе шестисотъ метровъ, возвели въ нѣсколько этажей лѣса, сообщающіеся съ каждымъ участкомъ при помощи безконечнаго ремня, замѣняемаго, при случаѣ, канатомъ изъ желѣза или стали; кабестаны, приводившіеся въ движеніе сначала силой человѣка, впослѣдствіи силой пара, вытаскивали на рудоразборный помостъ изъ пучины какъ рабочихъ, такъ и рудоподъемныя ладьи. Изъ большихъ человѣческихъ сооруженій ни одно не представляло болѣе страннаго вида, чѣмъ эта громадная яма, окруженная сѣтью блистающихъ проволочныхъ канатовъ, гдѣ качались грузы, и надъ которой стоялъ немолчный гулъ, въ которомъ человѣческіе голоса сливались со скрипомъ машинъ. Вскорѣ, однако, внѣшній видъ рудника перемѣнился. Осыпи съ окраины, увлекая мусоръ и разбитую руду, большею частью прикрыли собою днища выемокъ; а во время сильныхъ дождей рудникъ часто дотого переполнялся водою, что издержки на откачиваніе ея поглощали почти всѣ доходы отъ разработки. Пришлось снова измѣнить способъ работы: рыть шахты сквозь вывалившіеся камни, добираться до «голубой» земли подъ покрывающими ее грудами и проводить подземныя галлереи внутри алмазононосной массы: словомъ, изъ каменоломни подъ открытымъ небомъ, Кимберлейская яма превратилась въ рудникъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Самый удачный 1881 годъ доставилъ алмазовъ на сто четыре милліона франковъ; затѣмъ доходъ отъ промысла нѣсколько уменьшился, вслѣдствіе того, что, по причинѣ меньшей рѣдкости алмазовъ, понизилась и ихъ цѣна. Въ общемъ, однако добыча превысила милліардъ франковъ: вѣроятно, къ концу 1887 г., она составляла около семи тоннъ алмазовъ, общей стоимостью въ одинъ милліардъ двѣсти пятьдесятъ милліоновъ франковъ, т. е. значительно болѣе, чѣмъ въ теченіе полутора вѣка было добыто алмазовъ въ Бразиліи [1]). Состоящею изъ алмазовъ оказывается, однако, всего только одна восьми-милліонная часть вырываемой земли.

Для воспрепятствованія кражи камней приходилось прибѣгать къ самымъ строгимъ мѣрамъ, и тюрьмы Кимберлея переполнялись не рѣдко; происходили тамъ, какъ и въ рудникахъ Европы, стачки, которыя жестоко подавлялись. Въ концѣ-концовъ и въ Кимберлеѣ превозмогла крупная собственность: такъ, если въ первые годы никто не имѣлъ права владѣть болѣе чѣмъ двумя участками, то впослѣдствіи акціонерныя общества стали скупать ихъ, а съ 1887 года синдикатъ, пребывающій въ Лондонѣ и въ Парижѣ и располагающій капиталомъ въ 375 милліоновъ франковъ, сдѣлался собственникомъ двухъ главныхъ кратеровъ: Кимберлея и де-Беера: все населеніе рудоко-

[1]) Moulle, упом. соч.

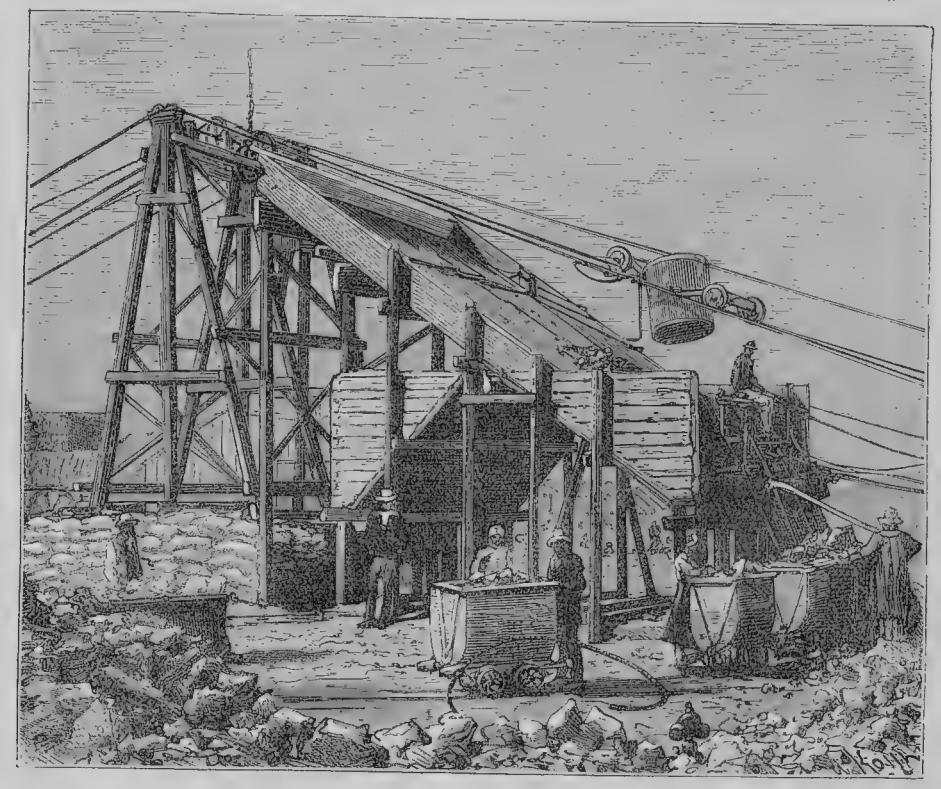
[2]) Dunn;—Ramsay, „Quarterly Journal of the Geological Society". Ноябрь. 1881.

[1]) Cohen, „Ausland", 1883.

повъ состоитъ изъ рабочихъ или служащихъ. Въ 1883 году рабочихъ на рудникахъ Кимберлея было 1.578 бѣлыхъ и 11.800 негровъ и метисовъ. Вначалѣ владѣніе участками было запрещено чернокожимъ, а нынѣ оно доступно только для милліонеровъ. Въ частности, добыча отъ сухихъ рудниковъ (dry diggings)» Гриква-лэндъ-Веста—доставившая съ 1870 по конецъ 1886 года 1.085.000.000 франковъ, не считая контрабанды, оцѣниваемой ежегодно отъ 12 до 15 милліоновъ франковъ въ годъ—распредѣлялась между отдѣльными рудниками слѣдующимъ образомъ:

Рудники.	Поверхность.	Глубина.	Количество извлеченной земли.	Стоимость добытыхъ алмазовъ.
Кимберлей	11,5 гект.	137 метровъ.	8.500.000 куб. метровъ.	525.000.000 франк.
Де-Бееръ.	5,6 „	162 „	8.800 000 „ „	245.000.000 „
Bultfontein	10,5 „	90 „	7.200 000 „ „	150.000.000 „
Du Toit's Pan.	12,1 „	88 „	7.500.000 „ „	155.000.000 „

Главный городъ округа, Кимберлей, выстроенный рядомъ съ самою глубокою проковъ [1]); онъ освѣщается уже электричествомъ; подобно своему сосѣду Биконсфильду, по-



Машина для поднятія алмазоносной земли.

пастью, образовавшеюся при раскопкѣ, представляетъ нынѣ большой городъ, соединенный съ Кэптауномъ желѣзною дорогою въ 1.042 километра, и мало-по-малу наверстывающій, въ качествѣ центра торговли колоніи съ Оранжевой и Трансвальской республиками, утерянное имъ со времени пониженія алмазовъ въ цѣнѣ. Благодаря водѣ изъ Ваала—проведенной, съ большими издержками, на безводное прежде плоскогорье—улицы и площади Кимберлея оказалось возможнымъ обсадить деревьями, а мѣста рудокопныхъ свалокъ превратить въ сады. Народясь всего лишь вчера, этотъ африканскій городъ уже не какой-нибудь tin-town, т. е. не «городъ изъ жести», выстроенный изъ обивки товарныхъ ящиностроенному около рудника Du Toit's Pan, онъ превзошелъ многіе старинные европейскіе города количествомъ машинъ, индустріальными рессурсами, богатствомъ своихъ магазиновъ и роскошью своихъ зданій. Населеніе его, большею частью измѣнчивое, равняется 29.000 человѣкъ.

Къ востоку отъ Ваала, самое населенное мѣстечко называется Грикуатаунъ: основаніе ему дѣйствительно было положено племенемъ грикуа въ 1802 году, во время великаго исхода этихъ голландскихъ и готтентотскихъ метисовъ. Нѣкогда Грикуатаунъ былъ столицею

[1]) E. von Weber, „Vier Jahre in Afrika"; —Farini, „Huit mois au Kalahari".

территоріи Гри-куа; нынѣ же онъ лишь главный городъ одного изъ четырехъ избирательныхъ и административныхъ округовъ (Кимберлей, Barkly-West, Herbert и Upper-Hay или Griqua-town) [1]).

IV. Страна бе-чуановъ.

(Bechuana-Land).

Страна, простирающаяся къ сѣверу и къ сѣверо-западу отъ Griqua-land West'а вплоть до пустынь Калахари и состоящая изъ обширныхъ равнинъ и покрытыхъ лѣсомъ гранитныхъ массивовъ, также находится подъ владычествомъ Великобританіи. Когда голландскіе колонисты Южно-Африканской Республики вторглись на земли своихъ сосѣдей, бе-чуановъ, съ цѣлью основанія двухъ маленькихъ государствъ: Stella-land (Stille-Land, т. е. Тихая страна) и Goosen (Coshen), предназначенныхъ присоединиться впослѣдствіи къ Трансвалю, то англійское правительство поспѣшило вмѣшаться, чтобы защитить территорію туземцевъ, и завладѣло ею само. Область, окончательно присоединенная къ владѣніямъ колоніи, составляетъ лишь часть страны бе-чуановъ, ограничиваемую: на югѣ—Оранжевою рѣкою; на западѣ—почти всегда сухимъ русломъ Хигапа, а на сѣверѣ—долиною его притока Молопо. Трактатъ, заключенный съ Германіею, обезпечиваетъ Великобританіи право на обладаніе всею областью, граничащею на западѣ съ 20° вост. долг. отъ Гринв. мерид. (или 17° 40' отъ Парижскаго), а къ сѣверу съ 20° южн. широты. Эта территорія составляетъ «Протекторатъ», въ который оффиціально включена также и узкая полоса земли, простирающаяся къ востоку между р. Лимпопо и 22° южн. шир. вплоть до границы португальскихъ владѣній [2]). Впрочемъ, вышеупомянутая фиктивная линія на сѣверѣ уже перейдена, такъ какъ, въ силу спеціальной конвенціи, подъ протекторатомъ британскаго правительства находится также и бе-чуанское королевство Хама. Даже нѣкоторые документы говорятъ уже о рѣкѣ Замбезе, какъ объ истинной сѣверной границѣ англійскихъ владѣній въ южной Африкѣ. Вслѣдствіе такой неопредѣленности границъ, нельзя въ точности исчислить поверхность области протектората: въ ея оффиціальныхъ предѣлахъ, проведенныхъ по градусамъ, она приблизительно обнимаетъ четыреста тысячъ квадр. километровъ. Народонаселеніе этой территоріи, уже хорошо извѣстной, благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ, вѣроятно, превышаетъ цифру въ 475 тысячъ человѣкъ; южная часть страны бе-чуановъ, къ югу отъ р. Молопа, имѣетъ 160 тысячъ жителей [1]). *По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, южная часть страны бе-чуановъ, составляющая коронную колонію, имѣетъ пространство въ 181.980 кв. километр., съ 60.000 жит. (1891 г.), а «протекторатъ», т. е. сѣверная часть этой страны, занимаетъ площадь въ 320.000 кв. килом. и съ 1889 г. принадлежитъ къ Британской Замбезіи *.

Эти туземцы расы банту,—которые, какъ гласятъ ихъ преданія, пришли будто-бы въ Южную Африку позже другихъ кафровъ—еще недавно переживали періодъ вынужденнаго переселенія. Убѣгая отъ буровъ съ Оранжевой республики и Трансваля, многія племена должны были броситься на западъ, и, до вмѣшательства англичанъ, между голландцами и туземными племенами велась ожесточенная пограничная война. Нынѣ западные бе-чуаны отдѣлены территоріей голландскихъ республикъ отъ ба-суто и другихъ братьевъ по расѣ: подобно гриква, бе-чуаны должны были раздѣлиться на двѣ группы, уже не имѣющія связи между собою. Но, хотя и раздѣленныя, эти племена сознаютъ общность своего происхожденія и на пространствѣ между Оранжевой рѣкою и Замбезе взаимно считаютъ себя родственниками, классифицируя отдѣльныя племена даже по порядку старшинства: именно, съ общаго согласія, самыми старшими въ бе-чуанской семьѣ должны считаться ба-харутсэ, живущіе къ западу отъ зарождающейся рѣки Лимпопо, на сѣверо-западной границѣ Южно-Африканской республики. Что касается имени бе-чуана или бе-шуана, то Arbousset полагаетъ, что оно, вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ ошибкѣ нѣкоторыхъ путешественниковъ, которымъ, въ отвѣтъ на ихъ разспросы о различныхъ проживающихъ въ странѣ народахъ, говорили: «ба-шуана», т. е. «они схожи другъ съ другомъ». У самихъ же бе-чуановъ, въ различныхъ діалектахъ ихъ языка, не существуетъ общаго этническаго наименованія.

Бе-чуаны принадлежатъ къ наиболѣе красивымъ кафрамъ: всѣ они рослы, сильны, хорошо сложены; правда, что въ нѣкоторыхъ племенахъ всегда избавляются отъ хилыхъ дѣтей [2]). Альбиносы, глухіе и нѣмые бросаются пантерамъ; слѣпорожденныхъ задушаютъ; грудной младенецъ, въ случаѣ смерти его матери, закапывается, у нѣкоторыхъ колѣнъ, рядомъ съ нею, такъ какъ для него не нашлось бы другой кормилицы [2]). Обычай обрѣзанія общераспространенъ у бе-чуановъ - язычниковъ. Возрастъ же, въ который обрѣзаніе совершается, не опредѣленъ: иногда выжидаютъ на-

[1]) E. von. Weber, „Vier Jahre in Afrika"; —Farini, „Huit mois au Kalahari".
[2]) John Mackenzie, „Scottisch Geographical Magazine". Іюнь, 1887.

[1]) Jeppe, „Transvaal Book Almanac for 1881".
[2]) „Relation d'un voyage d'exploration au nord-est de la colonie du Cap de Bonne Espérance".
[3]) Arbousset, упом. соч.

ступленія юношества; однако, дѣти, рожденныя до обрѣзанія ихъ отца, объявляются не имѣющими права на полное наслѣдованіе [1]). Обыкновенно этой операціи молодые люди подвергаются между восемью и четырнадцатью годами, при чемъ одновременно ихъ сѣкутъ плетью, а порою подвергаютъ даже пыткамъ [2]), послѣ чего претерпѣвшихъ все это признаютъ уже равными съ остальными мужчинами даннаго колѣна и достойными носить щитъ и метать дротикъ. Съ своей стороны, молодыя дѣвушки подвергаются вырѣзыванію и, подъ руководствомъ пожилыхъ женщинъ, проводятъ внѣ деревень нѣчто въ родѣ новиціата, для ознакомленія съ своими обязанностями будущихъ женъ и прежде всего для пріученія себя къ безусловному повиновенію. При этомъ, въ видѣ послѣдняго испытанія, имъ дается въ руки горячій брусокъ желѣза, который онѣ и должны продержать нѣкоторое время, не закричавъ. Послѣ этого ихъ объявляютъ женщинами: тѣло ихъ намазывается жиромъ, а волосы на головѣ смѣсью изъ коровьяго масла и охры; затѣмъ, разодѣтыя и убранныя, какъ жены, онѣ могутъ ждать уже и покупки ихъ женихами.

Обрѣзаніе вовсе не составляетъ религіознаго обычая, а есть лишь символъ вступленія въ гражданскую жизнь, и вообще, когда протестантскіе миссіонеры прибыли въ край, то, по ихъ словамъ, они тщетно искали у бе-чуановъ какой-нибудь церемоніи, свидѣтельствующей объ ихъ вѣрѣ въ сверхъестественный міръ: у туземцевъ не было ни бога, ни идоловъ, они не собирались для совершенія молитвъ, и даже не вызывали духовъ, не страшились душъ своихъ покойниковъ. Со всѣмъ тѣмъ, нѣкоторые изъ обычаевъ оставались бы необъяснимыми, если бы не были внушены желаніемъ предотвратить дѣйствіе силъ невѣдомаго міра и добиться ихъ благорасположенія. Такъ, когда громъ разбивалъ дерево, то зарѣзывали домашнюю скотину; то же самое дѣлали, желая дождя или выздоровленія больнаго. При погребеніи мертвыхъ,—которыхъ выносятъ изъ хижины, проламывая стѣну—садятъ въ могилѣ на корточки и лицо обращаютъ прямо на сѣверъ, въ ту сторону горизонта, откуда пришли предки жителей; затѣмъ, въ могилу бросаютъ вѣтку акаціи, отрывки муравейниковъ и куски дерна, какъ символы охотничьей жизни въ лѣсу; на могильномъ курганѣ кладутъ оружіе усопшаго и сѣмена питательныхъ растеній. Однако, въ самое послѣднее время, боязнь доставить—не желая этого—въ руки чародѣевъ черепа умершихъ, побудила многія колѣна погребать мертвецовъ въ самой ихъ хижинѣ, подъ ногами у оставшихся живыхъ [1]).

Послѣ каждой церемоніи, всѣ присутствующіе умываютъ себѣ руки и ноги въ большой лохани воды и призываютъ дождь словами: «пула! пула!». Часто также чародѣи претендуютъ на способность привлекать облака и заставлять ихъ разрѣшиться благодѣтельнымъ дождемъ: если случай поблагопріятствуетъ имъ, они пріобрѣтаютъ великую власть; напротивъ, если предсказаніе ихъ не оправдается, они рискуютъ быть зарѣзанными. «Дѣлатели дождя» практикуютъ даже настоящій культъ, претендуя на способность предотвращать колдовство зловреднаго существа, *Мо-римо*, живущаго въ разселинѣ скалы; оттого и миссіонеры, желая держаться въ нѣкотораго рода религіозномъ преданіи, приняли это наименованіе *Мо-римо*, или «Вышній», для обозначенія Бога христіанъ [2]). Боязливое почитаніе невѣдомаго обнаруживается у бе-чуанъ также въ томъ, что у нихъ есть извѣстныя вещи, къ которымъ запрещено прикасаться, и въ томъ, что обычай запрещаетъ имъ нѣкоторыя яства. Подобно большинству краснокожихъ Сѣверной Америки, каждое племя бе-чуановъ чтитъ какое-нибудь національное животное: крокодила, обезьяну, хищнаго звѣря или рыбу, совершая въ честь его танцы; племя ба-калахаръ строго воздерживается отъ охоты на старыхъ львовъ, въ особенности когда у нихъ развился вкусъ къ человѣческому мясу: когда старый левъ ворвется въ крааль, было бы преступленіемъ оказать ему сопротивленіе; самое большое, что можно сдѣлать—это попытаться испугать его криками [3]). Почитаютъ также и домашній скотъ, какъ равно и колючія вѣтви акаціи (acacia detinens), служащія для сооруженія загоновъ для домашняго скота.

Каждое племя управляется начальникомъ или королемъ, который передаетъ свою власть старшему сыну. Впрочемъ, монархія у бечуанъ не абсолютная: обычаи всемогущи и уважаемы, и потому всѣ второстепенные начальники, а иногда даже и всѣ свободные люди, могутъ, въ важныхъ обстоятельствахъ, составлять *питшо*, родъ парламента для обсужденія общенародныхъ интересовъ, подачи совѣтовъ королю, порицанія или одобренія его поведенія, объявленія его дѣйствій согласными съ обычаями или противными имъ. Но питшо не судили преступленій. До того времени, какъ англичане стали отчасти вводить свои законы въ краѣ,—кражи, убійства и прелюбодѣянія не считались такими фактами, которые интересуютъ все племя. Забота объ отмщеніи принадлежала обиженному: на кражу онъ отвѣ-

[1]) Robert Maffat, „Vingt-trois ans de séjour dans le sud de l'Afrique".
[2]) Mackenzie, „Ten Years north of the Orange river";—Casalis, „Les Bassoutos".

[1]) Gustav Fritsch, „Drei Jahre in Süd Africa.
[2]) Robert Moffat, упом. соч.
[3]) Livingstone, „Travels";—Gustav Fritsch, „Drei Jahre in Afrika".

чалъ кражею, на убійство и прелюбодѣяніе убійствомъ, если его гнѣвъ нельзя было успокоить извѣстнымъ количествомъ скота. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ главныхъ деревняхъ бечуанскаго края основались миссіонерства, въ туземныхъ нравахъ произошли, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, большія перемѣны. Европейскій костюмъ сталъ преобладать во всѣхъ племенахъ, сосѣднихъ съ границею, и племя ба-тлапи умѣетъ даже выкраивать изъ кожъ дикихъ животныхъ панталоны и пальто [1]); почти въ каждой деревнѣ есть школа, капелла и новые дома англійской постройки, вокругъ которыхъ группируются круглыя хижины съ коническими крышами, населенныя бѣдными [2]); во всѣхъ племенахъ встрѣчаются туземцы, говорящіе по-голландски. Воскресенье есть день отдохновенія, даже и у тѣхъ бе-чуанъ, которые не имѣютъ притязанія быть обращенными въ христіанство; у христіанъ же изъ нихъ, въ случаѣ отсутствія миссіонера, начальникъ прочитываетъ литургію и поетъ псалмы въ мѣстахъ общихъ собраній. Обладающій живымъ умомъ, но прежде всего склонный къ подражанію, мо-чуана желаетъ походить на европейца, и порою это вполнѣ удается ему. Во время этого соприкосновенія бѣлыхъ и черныхъ, соприкосновенія, продолжающагося уже въ теченіе почти трехъ поколѣній и начавшагося грабежемъ и убійствомъ, менѣе сильная раса окончила тѣмъ, что приспособилась къ формамъ цивилизаціи, принесенной завоевателями.

Бе-чуаны весьма привѣтливы и всегда говорятъ другъ съ другомъ уважительно. Вообще, они миролюбивы по природѣ; тѣмъ не менѣе, прежде войны бывали часты, и почти постоянно вызывались кражею скота: «О быки! наши отцы теряли жизнь, гоняясь за вами, а теперь и мы находимъ смерть, сторожа васъ!» пѣли недавно молодые ба-мангуато [3]). Но въ послѣднее время большинство бе-чуанъ отказалось отъ военныхъ экспедицій; изъ кочующихъ пастуховъ и охотниковъ, они все болѣе и болѣе становятся осѣдлыми земледѣльцами: каждый мужчина, каждый юноша, даже каждая дѣвушка имѣетъ свою воздѣлываемую землю; уже съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ дитя научается обработывать почву [4]). Еще въ началѣ текущаго столѣтія бе-чуаны предавались религіозной антропофагіи. Храбрецы, убившіе во время войны врага, приносили по куску изъ его трупа, пупокъ съ частицею кожи съ живота; затѣмъ, подъ предсѣдательствомъ чародѣя, собирались для празднованія своей побѣды, при чемъ, сидя на корточкахъ вокругъ большаго огня, они спекали мясо надъ горячею золою и пожирали его, въ видахъ удвоенія своей храбрости при посредствѣ храбрости врага. Наконецъ, для доказательства презрѣнія къ страданію, каждый изъ нихъ выставлялъ свое оголенное бедро: жрецъ однимъ ударомъ острія копья проводилъ между бедреннымъ суставомъ и колѣномъ длинный надрѣзъ, достаточно глубокій, для того, чтобы остался неизгладимый шрамъ; однако, воины, несмотря на такое пораненіе, должны были предаваться пляскѣ вплоть до ранняго утра [1]).

Самое южное изъ бе-чуанскихъ племенъ — племя ба-тларо, живущее на сѣверо-западной границѣ Гриквалэндъ-Веста; впрочемъ, въ большей своей части оно слилось съ племенемъ ба-тлапи [2]), т. е. «людьми рыбы», у которыхъ національною эмблемою дѣйствительно служитъ рыба, и которые никогда не трогаютъ этого священнаго животнаго. Они занимаютъ на сѣверѣ алмазоносной страны гористую область, близкую къ Ваалу, и были также въ числѣ тѣхъ государствъ, которыя оспаривали другъ у друга обладаніе алмазными рудниками. Ба-тлапи представляютъ одну изъ многочисленныхъ бе-чуанскихъ націй; число ихъ, вмѣстѣ съ ба-тларо, опредѣляютъ приблизительно въ тридцать тысячъ человѣкъ. Они также и самые цивилизованные изъ своей расы, благодаря частымъ сношеніямъ съ бѣлыми, англичанами или голландцами, и уже во многихъ деревняхъ оттѣнокъ кожи у дѣтей свидѣтельствуетъ о смѣшеніи расъ. Ба-тлапи имѣютъ очень веселый характеръ и прежде обладали большою сокровищницею пѣсенъ, которыя нынѣ затерялись, будучи замѣнены религіозными гимнами [3]). Въ ба-тлапскихъ садахъ, въ которые проведена питающая ихъ землю вода, въ изобиліи произростаютъ всѣ европейскія овощи и плоды; на поляхъ видишь чернокожихъ, идущихъ за плугомъ. Нѣкоторыя изъ мѣстечекъ ба-тлапскаго края хорошо извѣстны, какъ мѣста для торга и остановокъ на большой дорогѣ, ведущей отъ Оранжевой рѣки къ Зембезе. И тѣ изъ нихъ, въ которыхъ пребываютъ начальники, обыкновенно весьма населены, при чемъ жители соединяются въ такую сплоченную массу въ цѣляхъ защиты. Въ 1801 году Truter и Somerville исчислили въ 15 тысячъ человѣкъ населеніе Латаку (Литаку), города, основаннаго союзными племенами ба-тлапи и ба-ролонгъ на берегу источника Такунъ. Когда же эти два племени раздѣлились, то Куруманъ, новая столица ба-тлапи, быстро стала настоящимъ городомъ приблизи-

[1]) Ed. von Weber, упом. соч.
[2]) J. Mackenzie, „Blue Book.“ C. 3841—1884.
[3]) Chapman, „Travels into the interior of South Africa“.
[4]) J. Mackenzie, „Scottisch Geographical Magazine“. Іюнь, 1887.

[1]) H. Lichtenstein, „Reisen im südlichen Afrika in den Jahren 1803, 1804, 1805 и 1806“.
[2]) „Maatjaping, Bachapin, Matchapees, Batlaping, Ba-Hlapi“ различныхъ авторовъ.
[3]) John Mackenzie, упом. соч.

тельно съ 600 домами и съ населеніемъ въ пять тысячъ человѣкъ.

Королевскія резиденціи, смѣнившія Куруманъ: Таунгъ, расположенная на правомъ берегу р. Катонгъ или Гартъ при выходѣ одного уади; Мамуза, выстроенная въ сотнѣ километровъ кверху на лѣвомъ берегу той же рѣки; Ликатлонгъ, равнымъ образомъ группирующій свои хижины на берегахъ Катонга, не подалеку отъ его сліянія съ Вааломъ, и находящійся въ нынѣшней провинціи Гриквалэндъ-Вестъ, — были или суть и понынѣ населенныя мѣстечки; ибо въ этомъ краѣ поселенія перемѣщаются весьма легко: каждый новый король считаетъ честью дать свое имя какой-нибудь новой резиденціи. Колья изъ дерева акаціи, глина и травы для крыши, какъ матеріалы, находятся повсюду въ изобиліи; а алмазные

Сліяніе Замбезе съ Тшобэ.

рудники, въ 1887 году открытые въ этой области, около *Vrijburga*, бывшей столицы Stella-land, породятъ и еще новые города. Самая главная религіозная миссія находится въ Куруманѣ: ея зданіе выстроено посреди садовъ и зелени, около восточной подошвы одного изъ песчаниковыхъ холмовъ, откуда можно созерцать обширное пространство плоскогорія, ненецреннаго лѣсомъ; миссіонеры являются собственниками большихъ обработанныхъ пространствъ, которыя они сдаютъ въ аренду только тѣмъ изъ туземцевъ, у которыхъ по одной женѣ. Рѣчка Куруманъ, на берегу которой выстроено мѣстечко того же имени, имѣетъ свой истокъ всего лишь въ нѣсколькихъ километрахъ къ юго-востоку. Изъ одной пещеры, открывающейся у подошвы утеса въ нѣсколько метровъ высоты, вода изливается съ такимъ изобиліемъ, что по потоку могло бы плавать судно; рядомъ съ главною пещерою, галлереи, украшенныя сталактитами, позволяютъ проникать весьма далеко вглубь утеса по скользкимъ камнямъ; туземцы разсказываютъ, что въ пещерѣ проживаетъ священная змѣя, покровительница источника, и что какъ только она будетъ умерщвлена, такъ тотчасъ же изсякнетъ и самый родникъ [1]). Въ началѣ текущаго столѣтія львы были такъ дерзки въ этихъ областяхъ, что многіе изъ бе-чуанъ спали въ тѣсныхъ хижинкахъ, устроиваемыхъ на вѣтвяхъ большихъ деревьевъ и поддержанныхъ кольями. Миссіонеръ Моффа разсказываетъ объ одномъ деревѣ въ окрестностяхъ Латтаку, на которомъ было семнадцать такихъ жилищъ.

Ба-ролонги, старинные союзники племени ба-тлапи, раздѣленные нынѣ на нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга колѣнъ, обитаютъ въ сѣверной части спеціально протежируемой территоріи, т. е. въ области, находящейся между ложами почти всегда сухихъ: рѣки Молопо и притоковъ Курумана; большая же часть ихъ главныхъ деревень, каковы: Мафекингъ (Mafeking)—резиденція англійскаго коммиссара, Шуба, Пьетсани, Морокуанэ, находятся вблизи источниковъ Молопо, гдѣ овраги доставляютъ достаточное количество воды для орошенія полей этихъ поселеній. Въ общемъ ба-ролонговъ насчитываютъ до восемнадцати тысячъ, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые образовались изъ помѣсей ихъ съ чуждыми элементами. Между ихъ областью и землею, обитаемою племенемъ ба-тлапи, проживаютъ, въ числѣ пяти тысячъ, остатки одного племени готтентотовъ коро-на, смѣшавшіеся съ бе-чуанами различныхъ колѣнъ. *Bastaards'ы*, отброшенные къ сѣверу при вторженіи англичанъ въ Гриквалэндъ, тоже поселились на бечуанской территоріи и живутъ тамъ маленькими республиканскими общинами [1]).

Ба-харутсэ (ба-хурутсэ), живущіе еще на границахъ Трансваля и Британскаго Протектората, въ области верхняго теченія Лимпопо, представляютъ тоже пришедшую въ упадокъ націю, хотя нѣкогда она была, между бе-чуанами, самою могущественною: еще недавно сыновья другихъ королей отсылались къ нимъ, въ качествѣ посланниковъ, для изученія исторіи ихъ расы, ознакомленія съ обычаями и пріобрѣтенія хорошихъ манеръ; каждое изъ окрестныхъ колѣнъ должно было посылать начальнику ба-харутсэ первинки своихъ урожаевъ. Часть націи, поселившаяся въ округѣ Марико, подчиненномъ Трансвалю, тоже можетъ претендовать на первенство по своимъ успѣхамъ въ земледѣліи: въ 1882 году она обладала уже болѣе, чѣмъ двумя стами плуговъ. Одному изъ харутскихъ колѣнъ удалось убѣжать къ сѣверу отъ Протектората, въ болотистыя равнины, простирающіяся на востокъ отъ Нгами, и тамъ скрываться въ такихъ убѣжищахъ, отважиться проникнуть въ которыя завоеватели не рѣшаются. Племена: ба-катла—національнымъ символомъ или такъ называемымъ «тотемомъ» которыхъ служитъ обезьяна и столица которыхъ, небольшой городъ Гамсохопа, расположена на лѣсистомъ плоскогоріи, по которому протекаетъ одинъ изъ притоковъ Лимпопо; ба-уанкетси—группирующіеся, въ числѣ отъ шести до семи тысячъ человѣкъ, вокругъ города Ханіе, построеннаго на гранитной возвышенности; и наконецъ, ба-куэну, или «люди крокодила», обитающіе немного сѣвернѣе, тоже въ верхнемъ бассейнѣ Лимпопо,—всѣ очень ослабѣли во время войнъ съ сосѣдними голландцами и часто бывали принуждены мѣнять свою резиденцію. Городъ Колобенгъ, гдѣ Ливингстономъ была основана миссія, нынѣ представляетъ лишь развалины. Городъ Литейани равнымъ образомъ былъ покинутъ въ 1846 году, не вслѣдствіе нападеній какого-либо врага, но по причинѣ сосѣдства лѣса изъ гигантскихъ алоэ, мясистые листья которыхъ, отваливаясь и сгнивая на землѣ, превращали край, въ сезонъ дождей, въ нездоровый. Ему наслѣдовалъ городъ Моруакхомо, а нынѣшняя столица, называемая Лепелоле или Молополэ, расположена въ той же самой области, у подошвы длинной ограды изъ скалистыхъ холмовъ съ лѣсистыми склонами. Эта страна, къ которой, такъ сказать, тяготѣютъ метрополіи ба-куэновъ, болѣе всего прославляется въ легендахъ бечуанъ. Вблизи Лепелоле находится глубокій гротъ, въ который Ливингстонъ отважился проникнуть первымъ, а неподалеку оттуда въ

[1]) J. Mackenzie, упом. соч

[1]) A. A. Anderson, „Proceedings of the R. Geographical Society", 1884.

скалѣ выдолбленъ котелъ исполина, откуда, по сказанію, изошли всѣ животныя; та же пропасть породила и самихъ бечуанъ, и на камнѣ до сихъ поръ еще показываютъ отпечатлѣвшійся слѣдъ перваго шага, который сдѣлалъ первый человѣкъ, выходя изъ этой бездны [1]).

Нація ба-мангуато—занимающая, къ западу отъ Лимпопо, сѣверную часть Британскаго Протектората, и даже по ту сторону его болотистыя равнины, простирающіяся по направленію къ Замбезе—находится нынѣ въ періодѣ возвышенія и составляетъ одну изъ могущественныхъ имперій Южной Африки. Прежде ба-мангуато составляли одну группу племенъ съ ба-куэна и съ ба-уанкетси; въ недавнюю же, хотя точно и не опредѣляемую преданіемъ, эпоху эти племена раздѣлились, и ба-мангуато избрали своимъ символическимъ животнымъ антилопу. Затѣмъ сами они распались на двѣ націи: собственно ба-мангуато и ба-тлана, изъ которыхъ послѣдняя обитаетъ въ равнинахъ, находящихся къ сѣверу отъ озера Нгами, въ общей первоначальной родинѣ. Большое число бѣглецовъ—принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ, оттѣсненнымъ къ западу страшными завоевателями ма-табелэ—обратились съ просьбою объ убѣжищѣ къ ба-мангуато и сливаются съ ними въ одну національную общину, гдѣ отдѣльные типы мало-по-малу смѣшиваются. Шошонгъ, столица, представляетъ нынѣ—внѣ англійскихъ колоній—самый большой городъ Южной Африки: по Holub'у и Mackenzie, въ немъ было не менѣе тридцати тысячъ жителей, и къ этой же городской агломераціи слѣдовало бы причислить также многочисленныя подгородныя деревни, расположенныя въ видѣ круга какъ загороди для скота; послѣдовавшія, затѣмъ, одна за другою войны значительно уменьшили населенность Шошонга, такъ что въ 1880 году въ немъ было не болѣе шести тысячъ жителей [2]); но съ тѣхъ поръ городъ разросся снова. Расположенный на высотѣ 1.026 метровъ и не на утесистомъ холмѣ, какъ большая часть бечуанскихъ столицъ, а на обширной равнинѣ, городъ построился по обоимъ берегамъ почти всегда сухаго ручья, надъ которымъ съ сѣвера господствуетъ гранитная гора, длиною около 20 километровъ; параллельно этой гранитной горѣ тянется на югѣ базальтовая возвышенность, а промежуточное пространство между ними занято хорошо воздѣланными садами, по которымъ разсѣяны поселки. Ба-мангуато, подвергаясь уже издавна вліянію англійскихъ миссіонеровъ, большею частью стали христіанами; продажа водки и производство пива воспрещены въ ихъ королевствѣ, подъ страхомъ тяжкихъ взысканій: именно, ста фунтовъ стерлинговъ штрафа для чужестраннаго торговца, англичанина или бура, и изгнанія для туземца. Двѣ большія торговыя дороги бе-чуанскаго края,—одна, направляющаяся на сѣверъ, къ Замбезе, другая—на сѣверо-западъ, къ Нгами,—раздваиваются въ Шошонгѣ. Къ югу общій стволъ этихъ двухъ торговыхъ путей направляется вдоль границы голландскихъ республикъ, проходя—за исключеніемъ лишь одного пункта—по Британскому Протекторату. Въ общемъ итогѣ внѣшняя торговля бе-чуанскаго края исчисляется въ два съ половиною милліона франковъ. Въ началѣ текущаго столѣтія, бечуаны, еще не участвовавшіе въ торговлѣ, не знали моря, и когда слышали о немъ отъ путешественниковъ, то называли его «метсехула», т. е. водою, которая приходитъ попастись, покормиться; такое названіе дается морю по тому, что его волны, при приливѣ, далеко проникаютъ на поверхность земли, а затѣмъ чрезъ нѣсколько часовъ снова покидаютъ береговыя низины [1]).

Одно изъ покоренныхъ племенъ, живущихъ въ горахъ на сѣверо-востокъ отъ Шошонга, прославилось своимъ умѣньемъ обдѣлывать желѣзо: это—ба-шуапенги. Добывая руду въ окрестныхъ мѣсторожденіяхъ, они сами изготовляютъ изъ желѣза употребляющіяся въ краѣ орудія; они знаютъ также, какія изъ деревьевъ доставляютъ лучшій уголь, а изъ тѣхъ кусковъ желѣза, которые всего дольше оставались въ соединеніи съ углемъ, приготовляютъ самыя острыя сѣкиры: такимъ образомъ, имъ была извѣстна сталь еще раньше появленія европейцевъ въ здѣшнемъ краѣ [2]). На востокъ отъ Шошонга и неподалеху отъ рѣки Лимпопо живетъ въ состояніи гордой независимости другое племя, именно ба-силика, которое своею свободою обязано какъ уединенности своего сильнаго города на трудно-доступномъ утесѣ, такъ и благодаря въ особенности той защитительной полосѣ, которую создаетъ вокругъ цитадели этого города муха тсетсэ. Сами ба-силики держатъ свой скотъ въ небольшихъ долинахъ, куда не проникаетъ это страшное насѣкомое; но къ нимъ прибыть со стадами не возможно: нельзя было бы съ пользою также и красть ихъ собственныхъ животныхъ, такъ какъ скотъ перемеръ бы при прогонѣ его чрезъ полосу, наводненную мухою.

Бе-чуаны весьма рѣдки въ западной области Протектората, гдѣ родники не часты, а русла рѣкъ узнаются въ теченіе большей части года только по полосамъ земли, покрытымъ пескомъ.

[1]) Livingstone, „Last Journals".

[2]) Emil Holub, „Deutsche Rundschau für Statistik und Geographie", 1880.

[1]) J. Mackenzie, „Scottish Geographical Magazine", Іюнь, 1887.

[2]) J. Mackenzie, „Ten years north of the Orange-river".

Рѣдкія семейства, встрѣчаемыя въ этомъ краѣ, называются по его же имени: это ба-калахари, именуемые также ба-лала, т. е. «бѣдные». Во многихъ мѣстностяхъ они смѣшались съ бушменами, но между ними есть и такіе, которые въ чистотѣ сберегли свою расу и сохранили свои нравы пастуховъ и земледѣльцевъ. Большая часть ихъ не могутъ разводить другихъ животныхъ, кромѣ козъ, которыхъ они поятъ, собирая воду капля по каплѣ въ скудныхъ ключахъ. Они упорно обрабатываютъ свои садики, хотя бы изсохшая земля не приносила имъ ничего, кромѣ тыквъ и дынь. Бродящіе окрестъ ихъ краалей львы часто являются желанными гостями, благодаря тѣмъ на-половину объѣденнымъ трупамъ, которые они оставляютъ охотникамъ. Чистокровные ба-калахари, хотя и бѣдные, считаются людьми свободными и въ отношеніи къ другимъ бе-чуанамъ состоятъ лишь вассалами; но смѣшавшіеся съ бушменами и называемыя ма-саруа, т. е. «дурные люди», признаются рабами, и добыча ихъ на охотѣ и при сборѣ плодовъ принадлежитъ тѣмъ бечуанскимъ племенамъ, которыя проживаютъ ближе всего къ становищамъ этихъ ма-саруа. Два или три раза въ году ма-саруа должны являться въ села ихъ господъ, но имъ не дозволено входить туда днемъ, они должны останавливаться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ хижинъ и терпѣливо ожидать, пока начальникъ соблаговолитъ ихъ принять. Однако, эти «дурные люди» вообще болѣе сердечно относятся къ своимъ женамъ, чѣмъ большая часть бе-чуанъ, а также оказываются и болѣе привязанными къ своимъ собакамъ, преданнымъ сотоварищамъ на охотѣ, между тѣмъ какъ у другихъ народцевъ съ собаками почти всегда обращаются гнусно [1]).

Фарини сообщаетъ о найденныхъ имъ остаткахъ построекъ въ краѣ ба-калахари, свидѣтельствующихъ о прежнемъ существованіи въ этихъ областяхъ какого-то народа, имѣвшаго цивилизацію, отличную отъ цивилизаціи бечуанъ нашего времени [2]).

V. Истоки Оранжевой рѣки. Край племени Ба-Суто.

(Басуто-лэндъ).

До нашествія голландскихъ буровъ въ края, лежащіе къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, западные и восточные бе-чуаны жили бокъ-о-бокъ по смежнымъ пастбищамъ. Но клинъ постепенно врѣзывался въ сердце дуба. Колонисты бѣлой расы, поднявшись по берегамъ Оранжевой рѣки и Каледона, а затѣмъ достигнувъ, на сѣверѣ, водораздѣла между рѣками Оранжевой и Вааломъ, мало-по-малу захватили пастбища и скотъ и принудили коренныхъ обитателей земли раздѣлиться такимъ образомъ, что западные бе-чуаны перешли черезъ Ваалъ, а восточныя племена той же расы, извѣстныя подъ коллективнымъ именемъ ба-суто, т. е. «пузатые», или «опоясанные» [1]), были на нѣсколько градусовъ отброшены въ верховыя долины горныхъ цѣпей Малути и Дракенбергенъ. Послѣ учрежденія своей Оранжевой республики, земля которой первоначально принадлежала ба-сутамъ, буры, конечно, кончили бы тѣмъ, что отняли бы у туземцевъ ихъ послѣднія убѣжища въ горахъ, ибо пограничная война шла постоянно, прерываясь лишь короткими перемиріями; однако, въ дѣло не замедлили вмѣшаться, въ свою очередь, англичане, въ началѣ для «обезпеченія независимости ба-сутовъ», а затѣмъ и для конфискованія этой независимости въ свою пользу. Война возгорѣлась между покровителями и покровительствуемыми; покровители требовали обезоруженія горцевъ, а горцы не одинъ разъ геройски отражали англійскія войска; вообще метрополіи война стоила болѣе сотни милліоновъ франковъ. Ле-Суто или Басуто-лэндъ—хорошо ограниченный съ юго-востока, съ востока и съ сѣверо-востока главнымъ кряжемъ южно-африканскихъ горъ, а съ сѣверо-запада и съ запада теченіемъ рѣки Каледонъ—нынѣ присоединенъ къ колоніальной территоріи, хотя и управляется непосредственно особымъ резидентомъ, котораго назначаетъ англійское правительство. Бѣлыхъ въ данной области еще немного, приблизительно сотенъ пять. Пространство края исчисляется въ 31.490 квадр. километровъ и по сравненію съ другими краями Южной (австральной) Африки, населенность довольно велика: въ 1894 году цифра населенія достигла 250.000 душъ, что составитъ 8 человѣкъ на квадратный километръ. Изъ этого общаго числа жителей нѣсколько тысячъ приходится на ба-ролонговъ, покинувшихъ Оранжевую республику.

Ба-суто—наилучше изученные представители бе-чуанскаго семейства, такъ какъ уже съ 1833 года между ними поселились французскіе протестантскіе миссіонеры, которые описали ба-сутскіе нравы и содѣйствовали ихъ измѣненію. Вкрапленные между территоріями, принадлежащими европейскимъ переселенцамъ, Капскою колоніею, Трансвалемъ и Наталемъ,—ба-суто должны были приспособляться къ новой средѣ, и они съумѣли это сдѣлать замѣчательно разумно. Тогда какъ въ другихъ краяхъ соприкосновеніе бѣлыхъ и другихъ расъ приводило къ обѣднѣнію, упадку и вымиранію туземцевъ, ба-суто счастливо

[1]) Mackenzie;—Holub.
[2]) „Huit mois aux Kalahari".

[1]) Retzius, „Petermann's Mittheilungen", 1858, тетр. X.

пережили ассимиляціонный кризисъ; выигрывая въ знаніяхъ и въ промышленности, они въ то же время быстро увеличивались въ численности; край, полстолѣтія тому назадъ почти пустынный, сталъ нынѣ однимъ изъ наиболѣе населенныхъ въ Африкѣ. Цивилизація у басуто не только внѣшняя и не состоитъ единственно въ замѣнѣ кожанаго каросса одеждой изъ шерсти и бумаги, ввозимыми изъ Англіи, и въ постройкѣ домиковъ изъ кирпича или камня, вмѣсто хижинъ изъ вѣтвей. Благодаря школамъ, содержаніе которыхъ составляетъ главный расходъ націи, они пользуются уже среднимъ образованіемъ, превышающимъ образованіе многихъ европейскихъ населеній, и на экзаменахъ многіе ба-суто выдерживаютъ испытанія гораздо лучше, чѣмъ ученики изъ бѣлыхъ. Тысячи между ба-сутами говорятъ по-англійски и по-голландски; они читаютъ бе-чуанскія книги и газеты, и хотя почти всѣ христіане—приблизительно одна шестая часть націи—ученики миссіонеровъ (парижская протестантская миссія содержитъ 137 школъ, съ 6.937 учащихся, въ 1895 г.), тѣмъ не менѣе, они не ограничиваются рабскимъ повтореніемъ услышаннаго; есть между ба-сутами и такіе, которые размышляютъ, обсуждаютъ идеи и слѣдуютъ своимъ личнымъ путемъ [1]). Наконецъ, различныя племена перестали сражаться другъ съ другомъ: непрерывная война уже не ведется; пастухи, лишенные своихъ стадъ, не возвратились, однако, къ людоѣдству, которое прежде «существовало повсюду» [2]), и чернокожіе съ тѣмъ же ужасомъ, какъ и бѣлые, взираютъ на нынѣ покинутыя «пещеры людоѣдовъ». Чувство національной связи смѣнило взаимную вражду деревень, и именно благодаря этому духу солидарности, подкрѣпленному геройствомъ въ сраженіяхъ, басуто и могли отстоять большую часть своей политической самостоятельности противъ посягательствъ англійскаго сюзеренитета. Въ былое время горцы вступали въ браки между родственниками, что казалось омерзительнымъ приморскимъ кафрамъ, которые всѣ придерживались экзогамическаго брака, отказываясь даже брать себѣ жену въ чужомъ семействѣ, носящемъ прозвище одинаковое съ прозвищемъ семьи жениха.

Гораздо болѣе богатые скотомъ, чѣмъ полвѣка тому назадъ, когда хищные звѣри бродили еще вокругъ ихъ стадъ, ба-суто все еще считаютъ уходъ за рогатымъ скотомъ и за вновь пріобрѣтеннымъ ими животнымъ, лошадью, самымъ достойнымъ занятіемъ для человѣка: сыновья начальниковъ должны проводить извѣстную часть своей юности въ качествѣ пастуховъ, и даже сами короли покидаютъ свои дворы, отправляясь охранять стада и вести ихъ на новыя пастбища; въ деревняхъ, центральное пространство, находящееся рядомъ съ кхотла или резиденціею короля, всегда оставляется для скота. Однако, къ этому своему національному промыслу, первому источнику своего благосостоянія, ба-суто присоединили также и разумно понятую ими культуру своихъ полей; уже многія тысячи плуговъ введены въ долинахъ Ле-Суты, жители которой не ограничиваются, какъ прежде, сѣяніемъ сорго, своего предпочтительнаго хлѣбнаго растенія; они воздѣлываютъ всѣ хлѣба, всѣ плоды европейскаго происхожденія и своимъ вывозомъ ежегодно содѣйствуютъ пропитанію жителей Капской колоніи; плодовые сады окружаютъ нынѣ всѣ ихъ деревни. Плодородіе почвы, всегда хорошо орошаемой, превращаетъ ба-сутскій край въ одну изъ естественныхъ житницъ Южной Африки, и до сихъ поръ не произошло скопленія въ немногихъ рукахъ земли, которое, конечно, раздѣлило бы націю на богатыхъ и бѣдныхъ: пропитывающая басутовъ почва принадлежитъ всей общинѣ [1]). Лишь самъ работающій имѣетъ право на продукты поля; переставая, въ случаѣ переселенія въ другое мѣсто, обработывать данный участокъ земли, онъ долженъ возвратить его начальнику, который отъ имени общины и ссужаетъ ее другому земледѣльцу. Въ хорошіе годы, стоимость продуктовъ, продаваемыхъ басуто въ Капскую колонію и въ алмазоносную страну, достигаетъ пяти слишкомъ милліоновъ франковъ; въ 1896 г. внѣшняя торговля Басутоленда: привозъ—104.858, вывозъ (хлѣбъ, скотъ, шерсть)—139.495 фунт. стерл. Подобно савоярамъ и овернцамъ, ба-суто ежегодно посылаютъ въ сосѣднія области молодыхъ эмигрантовъ, которые рано или поздно возвращаются въ свое отечество, съ накопленными деньжонками: такъ какъ они неутомимы въ трудѣ, и мнѣніе объ ихъ честности установилось уже издавна, то вообще имъ легко найти себѣ занятіе; однако, когда имъ не отдаютъ условленной платы, то они угоняютъ скотъ у своихъ должниковъ: отсюда частыя затрудненія съ Оранжевой республикой, въ которой большинство ба-сутскихъ выходцевъ работаютъ. Нѣсколько хорошихъ дорогъ проникаютъ вглубь долинъ, склоны горъ изъ года въ годъ все болѣе и болѣе подвергаются обработкѣ, и мало-по-малу создается провинціальный бюджетъ для содержанія путей сообщенія и для основанія школъ. Рудники въ краѣ не особенно разработываются, хотя они и довольно богаты; платиновыя мѣсторожденія весьма многочислены въ ле-сутскихъ горахъ [2]).

[1]) Letourneau, „Physiologie des Passions“,—Elie Reclus, „Revue d'Anthropologie“, 1884.

[2]) Arbousset et Dumas, „Relation d'un voyage d'exploration au nord-est de la colonie du Cap“.

[1]) E. Casalis, „Les Bassoutos, vingt-trois années de séjour et d'observations au sud de l'Afrique“.

[2]) Arbousset et Daumas, упом. соч.

Главный городъ ба-сутскаго края, Таба Боссиго (Таба Боссіу), т. е. «гора ночи», расположенъ на высотѣ болѣе чѣмъ 1.500 метровъ, у подошвы столовиднаго утеса, господствующаго надъ долиной одного изъ притоковъ Каледона; съ высоты этой скалы славный король Мошешъ—т. е. «брильщикъ», такъ какъ онъ кончилъ тѣмъ, что «сбрилъ всѣхъ своихъ соперниковъ»—отражалъ нападенія зулусовъ, скатывая на нихъ каменныя глыбы; затѣмъ онъ съумѣлъ и поладить съ обращенными въ бѣгство врагами, пославъ имъ скотъ и предложивъ свою дружбу. Большая часть другихъ мѣстечекъ Лерибе, Береа, Виоезда, также были резиденціями царьковъ и станами миссіонеровъ; городокъ Масеру, неподалеку отъ лѣваго берега Каледона, въ округѣ Таба-Боссиго, служитъ мѣстопребываніемъ англійскаго коммиссара. — Административныхъ округовъ въ ба-сутскомъ краѣ шесть: 1. Лерибе (50 т. жителей); 2. Береа (25 т. жителей) и 3 и 4. Таба-Боссиго (60 т. жителей)—всѣ къ востоку отъ Каледона; 5. Kornet-Spruit (30 т. жителей), между Kornet-spruit или Makhaleng и Оранжевой рѣкой; и 6. Quithing, между верхнимъ теченіемъ Оранжевой рѣки и горами Дракенбергенъ (12 т. жителей).

Главари ба-сутосовъ теперь не болѣе какъ подчиненные европейскихъ судей: на приговоры ихъ можно апеллировать къ англійскому суду, рѣшенія котораго считаются уже окончательными. Для обсужденія же дѣлъ, имѣющихъ общій интересъ, ежегодно собирается общее вѣче или *питиъ*. Законы о бракѣ измѣнились, и многоженцы могутъ зарегистрировать уплату скотомъ только при покупкѣ своихъ первыхъ женъ; послѣдующихъ браковъ законъ уже не признаетъ [1]) Налогъ, какъ и у кафровъ восточнаго склона горъ, опредѣленъ въ 10 шиллинговъ съ хижины. Въ бюджетѣ ба-сутскаго края за 1895 годъ доходы составляли 46.000, а расходы—43.000 фунт. стерл Употребленіе спиртныхъ напитковъ оффиціально запрещено, но контрабанда между басутскимъ краемъ и Оранжевою республикою производится дѣятельно. Даже и до нынѣшняго режима главнымъ начальникамъ было запрещенно употребленіе пива; въ качествѣ судей, они постоянно должны сохранять полную ясность ума.

VI. Кафрарія.

Съ 1885 года, восточный склонъ горной цѣпи, заключающейся между рѣками Кей и Умъ-Фумовна, цѣликомъ присоединенъ, какъ и край басутовъ, къ Капской колоніи; но англійскіе переселенцы и торговцы не отваживаются посѣщать эту область иначе, какъ съ соблюденіемъ предосторожностей, а въ нѣкоторыхъ округахъ пребываніе имъ даже и воспрещено. Резиденты, пребывающіе въ странѣ рядомъ съ главарями, представляютъ сюзеренную власть колоніи и въ то же время блюдутъ, чтобы ихъ соотечественники не завладѣвали землями, оставленными кафрамъ. Однако непрерывное движеніе впередъ, которое началось со времени первой высадки голландцевъ у подошвы Столовой горы, продолжается добровольно или вынужденно, и двѣ колоніи: Капская и Наталь постоянно стремятся сблизиться другъ съ другомъ чрезъ Кафрскій край, чтобы образовать сплошной поясъ европейскаго населенія. Этническое давленіе тѣмъ сильнѣе, что Кафрарія очень лакомый кусокъ, такъ какъ это край самый здоровый, самый живописный и самый плодородный изъ всѣхъ странъ Южной Африки. Въ 1877 году, двадцать лѣтъ спустя послѣ безуспѣшной попытки колонизаціи, англійскіе переселенцы были приглашены брать земельныя «концессіи» въ Транскеѣ, между рѣками Кей и Кога, а недавно одна европейская компанія пріобрѣла одну изъ лучшихъ мѣстностей Кафраріи,—территорію, по которой р. Сентъ-Джонъ (Умъ-Зимвубу) течетъ къ своему устью, и которая рано или поздно должна сдѣлаться главнымъ коммерческимъ портомъ между Капомъ и Наталемъ; съ 1887 года англичане проявляютъ тамъ непосредственно свою власть и въ политическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, небольшія спорадическія колоніи подготовляютъ будущее завладѣніе страной. Но, хотя кафры болѣе уже политически и не властвуютъ въ краѣ, который ихъ предки отвоевали у варварскихъ племенъ, употреблявшихъ каменныя орудія и оружіе [1]), тѣмъ не менѣе они составляютъ почти все его населеніе, а, благодаря миру, господствующему нынѣ между племенами, годичный приростъ жителей значителенъ; хотя точныхъ статистикъ еще не существуетъ, но большинство проживающихъ въ странѣ европейцевъ согласно свидѣтельствуютъ, что постоянное увеличеніе численности кафровъ, обусловливаемое преобладаніемъ рожденій надъ смертностью, представляетъ безпримѣрное явленіе [2]). Изъ всѣхъ областей Южной Африки, Кафрарія населена плотнѣе всего. Пространство Кафраріи—36.953 кв километр., а населеніе (по переписи 1891 г.)—486.572 душъ (10.312 бѣлыхъ, 470.624 кафровъ и 5.636 готтентовъ), что составитъ болѣе 13 жителей на одинъ квадратный километръ. Спрашивается, поэтому, не случится ли и здѣсь рано или поздно, что туземцы постепенно возьмутъ перевѣсъ надъ бѣлыми, подобно

[1]) „Journal des Missions Evangeliques“, 1886.

[1]) John Sanderson, „Stone Implements of Natal in Anthropological Review“.

[2]) G. Mac Call Theal, „History of the Boers in South Africa“.

тому, какъ это уже произошло въ Центральной Америкѣ и въ одной части Америки Южной.

Въ великой семьѣ народовъ банту, кафры занимаютъ первое мѣсто по физической красотѣ, силѣ, мужеству и умственнымъ способностямъ. Во многихъ этнологическихъ изданіяхъ, гдѣ изображены различные типы человѣческаго рода, европейскіе бѣлые представлены въ видѣ боговъ и богинь, скопированныхъ съ античныхъ статуй; въ то время какъ благородный «кавказецъ», сынъ Прометея, является въ идеальной формѣ, созданной воображеніемъ великихъ художниковъ, люди другой расы: черные, желтые или красные представлены намъ, въ этихъ сборникахъ, красивыми или безобразными, старыми или молодыми, здоровыми и немощными, но всегда такими, какими они являлись передъ объективомъ фотографа, а иногда и подъ карандашемъ каррикатурщика. Очевидно, этотъ способъ изображенія типовъ не справедливъ по отношенію къ такъ называемымъ низшимъ расамъ. Нѣтъ сомнѣнія, если бы художникъ сталъ воспроизводить всѣхъ случайно встрѣтившихся ему лицъ, будутъ ли это европейцы или кафры, то оказалось бы, что именно между кафрами онъ нашелъ бы болѣе того индивидовъ, приближающихся къ совершенной красотѣ, по благородству чертъ и по равновѣсію формъ. Превосходство принадлежитъ европейскимъ бѣлымъ только по отборнымъ индивидамъ. Въ этомъ случаѣ, конечно, оказываются самыми красивыми тѣ, которые болѣе цивилизованы: между двумя типами замѣчается такая же разница, какъ между дикимъ звѣремъ и животнымъ, облагороженнымъ путемъ воспитанія. Кафрами съ болѣе совершенными формами оказались бы, именно, тѣ, которые живутъ по сосѣдству съ бѣлыми и подъ ихъ вліяніемъ, такъ какъ вообще «только цивилизація можетъ сдѣлать людей совершенными» [1]). Черты лица никогда не имѣютъ у кафровъ той тонкости, которую представляютъ красивыя европейскія лица: губы у нихъ почти всегда слишкомъ толсты; зато кафры, а также и готтентоты, обыкновенно превосходятъ европейцевъ чрезвычайною остротою зрѣнія; дальтонизмъ не извѣстенъ у туземцевъ Африки [2]). О томъ же, каковы у кафровъ мужество и въ особенности сила сопротивленія, англичане уже знаютъ какъ по войнамъ, которыя имъ приходилось вести противъ этого племени, такъ и по той дикой энергіи, которую ама-коза проявили во время страшнаго года добровольнаго голоданія. Наконецъ, всѣ занимавшіяся обученіемъ кафрскихъ дѣтей свидѣтельствуютъ о живости и проницательности ихъ ума. Духовная жизнь кафровъ даже слишкомъ напряжена, какъ объ этомъ можно судить по большому числу встрѣчающихся между ними сумасшедшихъ [1]). Нравы кафровъ, первоначально походившіе на нравы ихъ братьевъ по расѣ и по языку, бечуанъ, нынѣ уже сильно видоизмѣнились, вслѣдствіе соприкосновенія этихъ туземцевъ съ бѣлыми. Прежде кафры—заимствовавшіе нѣкоторыя свои религіозныя понятія отъ сосѣднихъ націй—давали Богу названіе тико (отъ готтентотскаго слова ути-ко), т. е. «существо, причиняющее зло» [2]).

Фингосы, амамъ-фингу, т. е. «бродячіе»—которые жили прежде гораздо сѣвернѣе, въ долинѣ р. Тугела, и которые были прогнаны оттуда зулусскимъ завоевателемъ Тшака—нынѣ принадлежатъ къ кафрамъ только по имени. Послѣ своего бѣгства, они попали въ зависимость отъ племени ама-коза, которое мало-помалу превратило ихъ въ совершенныхъ рабовъ и присвоило ихъ племенное названіе «собакамъ». Отсюда смертельная вражда между двумя націями, а для англійскихъ колонистовъ благопріятный случай для вмѣшательства. Воспользовавшись предложеніемъ земель, сдѣланнымъ ихъ сосѣдями изъ колоніи, фингосы массами эмигрировали, чтобы поселиться на берегахъ Большой Рыбной рѣки (Great-Fish-river): тамъ, уплачивая подворный налогъ въ десять шиллинговъ, они по крайней мѣрѣ становились собственниками обработываемой ими земли; затѣмъ, они соединились съ англичанами противъ своихъ прежнихъ властителей, и, благодаря ихъ содѣйствію, ама-козы должны были, наконецъ, признать себя побѣжденными и поступиться, къ востоку отъ р. Кей, обширными территоріями, которыя и были, въ большей части, переданы тѣмъ «собакамъ», изъ которыхъ ама-козы такъ неблагоразумно создали авангардъ бѣлыхъ. Нынѣ кафры племени фингo, впрочемъ, сильно перемѣшавшіеся съ колонистами европейскаго происхожденія, исчисляются приблизительно въ сто тысячъ душъ, въ собственно колоніальной территоріи и въ Транскеѣ; они носятъ тотъ же костюмъ, какъ и бѣлые; употребляютъ плугъ, какъ англійскіе и нѣмецкіе земледѣльцы; посылаютъ своихъ дѣтей въ школы, содержимыя на ихъ же добровольные сборы; издаютъ газеты, переводятъ европейскія аріи и полагаютъ свои пѣсни на музыку [3]); почти всѣ они называютъ себя христіанами и составляютъ касту пролетаріевъ въ восточныхъ областяхъ южно-африканской колоніи. Два главныхъ городка въ краѣ фингoвъ, въ предѣлахъ собственной Кафраріи, къ востоку отъ р. Кей: *Natiqua* и *Butler-*

---

[1]) Gustav Fritsch, „Die Eingeborenen Süd-Africa's".

[2]) „Tijdshrift van het Aardrijkskundig Genootschap." Іюль, 1882.

[1]) „Journal des Missions Evangéliques", 1845;—Elie Reclus, „Revue d'Anthropologie". 1884.

[2]) Robert Moffat, „Vingt-trois ans de sejour dans le sud de l'Afrique".

[3]) G. Mac Call Theal, упом. соч.

worth—расположены оба на восточныхъ притокахъ этой рѣки.

Племя ама-коза, коса, или ксоза, которое еще недавно господствовало надъ финосами, а затѣмъ было вынуждено предоставить имъ западныя земли Транскея и долины, лежащія далѣе вплоть до Большой Рыбной рѣки,—изъ всѣхъ кафрскихъ племенъ наиболѣе пострадало отъ ненависти бѣлыхъ: будучи ближайшими сосѣдями англичанъ, ама-коза первые напали на нихъ и были первыми же изъ побѣжденныхъ англичанами; такимъ образомъ, съ нихъ и началось дѣло искорененія туземцевъ. Гордясь своею былою славою, ама-козы считаютъ себя самыми благородными между кафрами и, дѣйствительно, сосѣднія съ ними племена признаютъ ихъ первенство. Впрочемъ, отъ другихъ кафровъ они, если и отличаются чѣмъ, то только особенностями своего группированія и своими политическими преданіями, ибо языкъ ихъ едва разнствуетъ отъ тѣхъ нарѣчій, которыя употребляются вплоть до бухты Делагоа, а ихъ наименованіе не имѣетъ этническаго значенія, такъ какъ большинство кафрскихъ племенъ, и въ особенности племя коза, получили свои прозванія по имени какого-нибудь прославившагося въ исторіи націи государя; такъ, по имени знаменитыхъ начальниковъ названы и главныя подраздѣленія ама-козовъ: галека и гайка. Впрочемъ, какъ отдѣльная группа, отрасль *гайка* почти исчезла: будучи выселены, въ 1851 году, на западъ отъ р. Кей въ территорію, которая давно уже была захвачена англійскими колонистами, гайкасы разсѣялись по фермамъ и предмѣстьямъ городовъ въ качествѣ рабочихъ, земледѣльцевъ и домашней прислуги, вслѣдствіе чего они исподоволь и сливаются съ другими жителями. Что касается отрасли, именуемой галека, то она занимаетъ свою собственную область, которая составляетъ почти половину территоріи, находящейся между рѣками Кей и Баши (Bashee). Въ 1875 году галекасы представляли сплошное населеніе почти въ семьдесятъ тысячъ человѣкъ. Въ общемъ итогѣ, группы племени коза составляютъ болѣе ста тысячъ кафровъ.

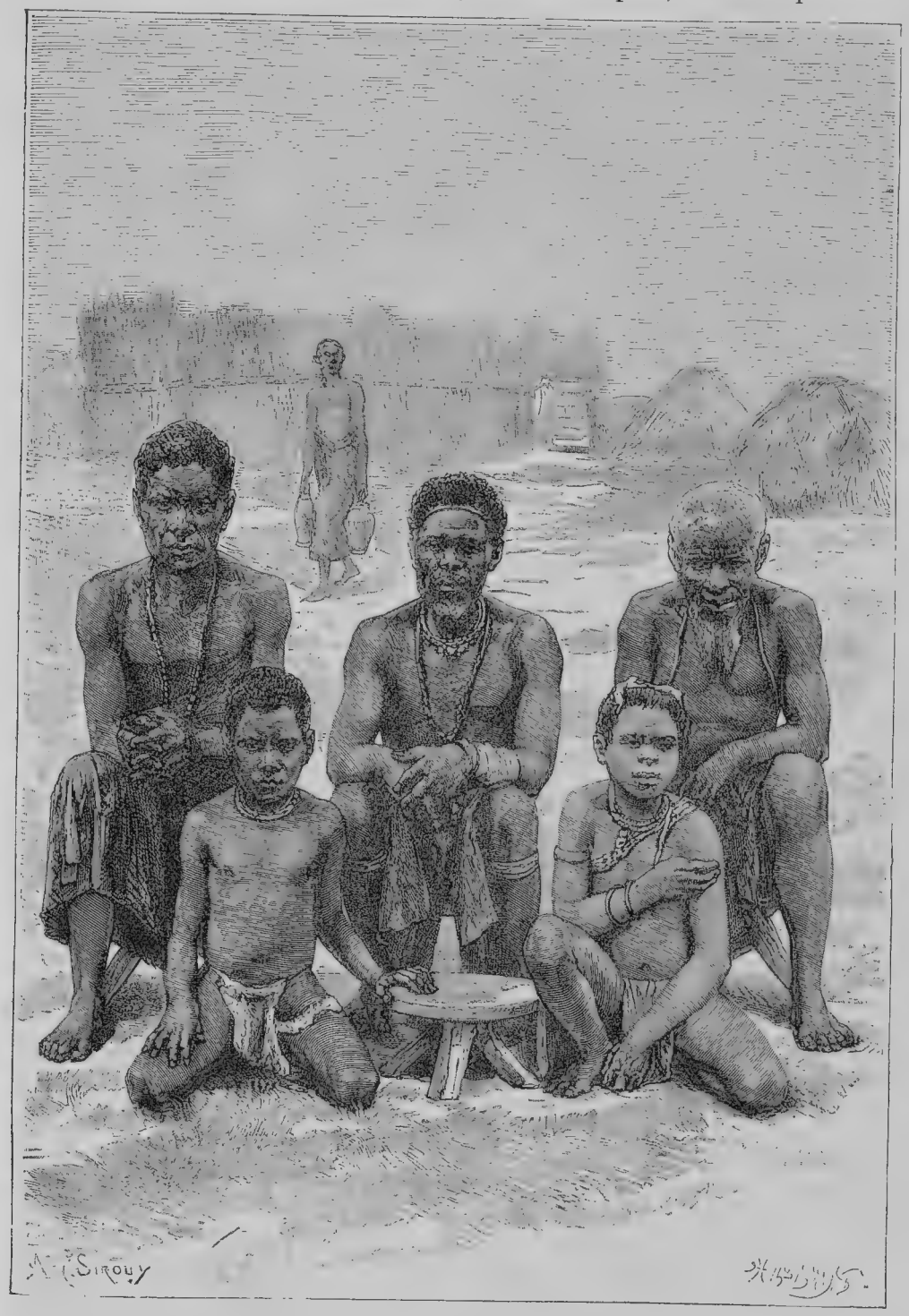
Большинство галекасовъ сохранили свои древніе обычаи. Женихъ еще покупаетъ свою невѣсту, уплачивая за нее извѣстнымъ количествомъ скота, самое же число женъ зависитъ отъ богатства. Въ противоположность бечуанскимъ обычаямъ, въ Кафраріи доятъ коровъ молодые мужчины; ни одна женщина не имѣетъ права войти въ ту священную загородь, въ которой содержится скотъ [1]): присутствіе женщины осквернило бы ее. Женщина—раба и презирается: произносить имя мужчинъ изъ своего семейства ей воспрещено; равнымъ образомъ она не въ правѣ произносить звуки аналогичные звукамъ ихъ именъ: она должна изобрѣсти новый языкъ, отличный отъ языка ея мужа. Неудачный ребенокъ убивается; хорошо-сложеннымъ дѣтямъ дѣлается нѣсколько уколовъ въ разныхъ мѣстахъ тѣла, и небольшой защитительный амулетъ вводится подъ кожу; затѣмъ такого ребенка, какъ равно и его мать, натираютъ красною глиною [1]). Главари—важныя персоны, стоящія выше законовъ, обязательныхъ для остальныхъ людей. Они имѣютъ право конфискаціи имущества у своихъ подданныхъ, и даже ихъ сыновья имѣютъ право воровать и грабить людей изъ ихъ племени, при чемъ пострадавшіе должны считать себя польщенными выборомъ и капризомъ своихъ властелиновъ. Прежде погребались только начальники, трупы же подданныхъ бросались въ кусты; иногда даже не выжидая самой кончины умирающихъ, ихъ тѣло протаскивали сквозь нарочно сдѣланный проломъ въ рѣшетчатой стѣнѣ хижины. Когда же смерть постигла большаго начальника, то національныя церемоніи длились по цѣлымъ недѣлямъ; друзья бодрствовали вокругъ его могилы, защищая ее отъ воздушныхъ духовъ и отъ непогоды. Иногда это бодрствованіе длилось цѣлый годъ, и охранители становились священными въ глазахъ своихъ соотечественниковъ; въ ограду могилы вводились коровы, которыя, затѣмъ, считались тоже освященными и признавались за геніевъ покровителей, вслѣдствіе чего ихъ нельзя было уже ни ѣсть, ни продавать; эта же ограда была также неприкосновеннымъ мѣстомъ убѣжища, святилищемъ, на рубежѣ котораго должны были останавливаться какъ мщеніе, такъ и правосудіе. Можно было бы подумать, что народъ, окружающій личность своего начальника такими знаками суевѣрнаго почитанія, лишенъ общественнаго самосознанія; и однако же, ама-козы умѣютъ, когда нужно, защищать свои обычныя права противъ посягательствъ своихъ начальниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда являютъ доказательства большой семейной солидарности. Такъ, бѣднякъ, приговоренный къ уплатѣ штрафа скотомъ, можетъ разсчитывать на помощь своихъ родныхъ, которые и платятъ за него.

Край, обитаемый племенемъ тембу, Тембулендъ, простирается полукругомъ къ сѣверу и къ востоку отъ территоріи фингосовъ и галекасовъ: начинаясь у горъ Куатламба и заключая въ себѣ многія изъ высокихъ долинъ притоковъ рѣки Кей, край этотъ продолжается на юго-востокъ той частію прибрежной полосы, которую ограничиваютъ рѣки Баши и Умъ-Тата. Называемые обыкновенно тамбуки (tambookies), эти тембусы, или аба-тембу, со-

[1]) J. Mackenzie, „Scottisch Geographical Magazine". Іюнь, 1887.

[1]) Elie Reclus, упом. соч.

ставляютъ народецъ въ сто тысячъ душъ, и хотя превратности войнъ много разъ заставляли ихъ перемѣщаться съ своими стадами, они сравнительно мало пострадали отъ перемѣнъ, внесенныхъ постепеннымъ нашествіемъ бѣлыхъ, и довольно терпѣливо признаютъ власть британскихъ судей. Дороги и телеграфныя линіи пересѣкаютъ ихъ территорію; дѣлаются приготовленія къ разработкѣ залежей угля въ ихъ горахъ, и въ ихъ краѣ основался даже настоящій городъ, Умтата, расположенный на восточномъ крутомъ берегу рѣки того же имени и кверху отъ прелестныхъ каскадовъ. Племя бомвана, обитающее, въ числѣ



Группа племени ба-ротсэ.

отъ 15 до 20 тысячъ душъ; въ приморской области, заключающейся между рѣками Баши и Умъ-Тата, осталось внѣ круга торговаго протяженія англичанъ, и область его разселенія мало извѣстна.

Территорія націи пондо, Пондолендъ, занимаетъ около половины поморья Кафраріи, между рѣками Умъ-Тата и Умъ-Тафуна, изъ которыхъ послѣдняя служитъ границею съ Наталемъ. Благодаря разстоянію, отдѣляющему ихъ отъ Капской колоніи, эти туземцы могли безъ труда удержаться въ своихъ богатыхъ долинахъ: въ числѣ около двухсотъ тысячъ, они постепенно и безъ потрясеній переходятъ изъ независимаго состоянія въ вассальное. Пондосы подраздѣляются на многія племена: ама-конгвэ, ама-конгвела, ама-кобала, ама-квера, ама-ньяти, ама-бала, ама-яли и другія, имѣющія, каждое, своего начальника и не соединяющіяся другъ съ другомъ въ какой-либо федеративный союзъ; однако, они не признаютъ сюзеренство Великобританіи, представительницею которой недавно была вдова одного миссіонера: къ ней всѣ приходили за совѣтами. Многія мѣстечки, предназначенныя для постепеннаго превращенія въ англійскіе города, уже усѣиваютъ поверхность страны, а также на территоріи Пондо, при устьѣ р. Сентъ-Джонъ, основался и портъ, долженствующій стать современемъ главнымъ рынкомъ всего поморья между городами East-London и Durban. Пальмерстонъ—миссіонерскій станъ, постепенно преобразовывающійся въ мѣстечко и обѣщающій со временемъ сдѣлаться многолюднымъ городомъ.

Сѣверо-западная часть Кафраріи отдѣлена отъ края ба-сутовъ Дракенбергенскимъ кряжемъ, ограничена съ сѣверо-востока колоніею Наталь, съ юго-востока и юга Пондо-лендомъ и Тембу-лендомъ; оффиціально она извѣстна подъ именемъ *East-Griqua-land*, т. е. «земля восточныхъ гри-куа», хотя на этой территоріи по преимуществу проживаютъ различныя племена разнообразнаго происхожденія; здѣсь обитаютъ также кафры, именно племена пондомази, ама-бака, ама-креспбэ, и даже фингосы въ небольшомъ числѣ. Гри-куа—давшіе наименованіе самому краю, хотя ихъ всего только отъ двухъ до трехъ тысячъ на семьдесятъ тысячъ жителей, — жили прежде вмѣстѣ съ другими гри-куа bastaards'ами, на плоскогоріяхъ, по которымъ протекаетъ Оранжевая рѣка; но послѣ продолжительныхъ переселеній въ разныхъ направленіяхъ, они отдѣлились отъ остальной націи, и, подъ предводительствомъ главаря, носящаго голландское имя Адамъ Кокъ, отправились въ 1862 году на восточный склонъ Драконовыхъ горъ, гдѣ и заняли территорію, долгое время извѣстную подъ именемъ *No man's Land*, т. е. «ничья земля», и которую вѣрнѣе было бы назвать «всеобщей землей», по причинѣ множества поселившихся на ней эмигрантовъ всякаго племени. Дорога изъ Капа въ Наталь пересѣкаетъ эту страну (состоящую также подъ верховной властью Англіи), направляясь вдоль границы Пондоленда и проходя чрезъ главный городокъ, голландскій Кокстадъ, расположенный на высотѣ 1.500 метровъ, на одномъ изъ притоковъ рѣки Сентъ-Джонъ. Другое большое поселеніе, Мататіэль, находится въ западномъ гористомъ округѣ, въ мѣстѣ встрѣчи многихъ тропинокъ, исходящихъ съ водораздѣльнаго хребта. Многочисленныя семьи ба-сутовъ, вслѣдствіе тѣсноты въ своемъ краѣ, перевалили черезъ горы, для пастьбы своихъ стадъ въ высокихъ долинахъ восточнаго склона. Пространство восточнаго Грикуаленда (East-Griqua-land) — 19.668 кв. километровъ; населеніе, по переписи 1891 г.— 152.609 душъ (4.114 бѣлыхъ, 144.621 баутусовъ, 3.874 готтентотовъ). Пространство Пондоленда — 10.740 кв. километр., населеніе — 150.000 душъ.

VII. Наталь.

Капъ обязанъ своимъ именемъ Вороломею Діазу; Наталь получилъ свое названіе отъ еще болѣе знаменитаго мореплавателя, отъ Васко-де-Гама, который увидѣлъ зеленѣющій мысъ этой страны въ день Рождества Христова, въ 1497 году (по-португальски Рождество—Natal). Прошло, однако, болѣе трехъ столѣтій прежде, чѣмъ этимъ мѣстомъ остановокъ на океанической дорогѣ изъ Европы въ Индію стали пользоваться постояннымъ образомъ. Правда, португальскіе моряки заходили сюда много разъ съ цѣлью запастись провизіею; также и голландцы, впослѣдствіи завладѣвшіе даннымъ моремъ, неоднократно пытались основаться въ Портъ-Наталѣ; но всѣ эти попытки не удавались, и лишь въ 1824 году, спустя болѣе 330 лѣтъ послѣ открытія страны, человѣкъ двадцать англичанъ съ Капа основали на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится городъ Дурбанъ, первый центръ европейской колонизаціи. Въ это время данная территорія, разоренная страшнымъ зулускимъ королемъ, по имени Тшака, была почти совершенно опустошена. Туземныя племена были искорены или принуждены къ переселенію на югъ: отъ моря и до горъ пустыня была полная. Нынѣ эта колоніальная территорія, поверхность которой немного больше поверхности Швейцаріи, имѣетъ свыше полу-милліона жителей, при чемъ ежегодный приростъ населенія значителенъ. Пространство Наталя: 42.920 кв. километровъ; населеніе (1895 г.): 584.326 душъ, что составитъ, среднимъ числомъ, 14 жителей на одинъ квадратный километръ.

Хотя англійскіе колонисты первые основали свои жилища въ Наталѣ, но можно было думать, что голландцы будутъ имѣть здѣсь численный перевѣсъ, какъ и на другомъ скатѣ Драконовыхъ горъ, и что они образуютъ новое государство въ свою пользу. Эмиграціонное движеніе, увлекшее столько буровъ изъ Капской колоніи въ неизвѣстныя внутреннія области, продолжалось все далѣе и далѣе, и въ 1834 году, на хребтахъ здѣшнихъ горъ показались ихъ первые піонеры, которымъ, благодаря ихъ энергіи и терпѣнію, и удалось перевалить чрезъ горный кряжъ, съ своими упряжками; къ концу 1837 года уже около тысячи голландскихъ повозокъ перешли черезъ порогъ цѣпи Дракенбергенъ, чтобы скуститься въ долины восточнаго склона. Но король зулусовъ, Dingaan, вначалѣ благопріятствовавшій вступленію колонистовъ на обезлюденную его братомъ территорію, испугался при видѣ этой все увеличивающейся волны чужеземцевъ и, пригласивъ въ свой станъ буровъ, будто бы на празднество по поводу уступки имъ земель, перерѣзалъ ихъ. Отсюда возникла безпощадная война, при чемъ первая встрѣча воюющихъ произошла на берегахъ одного изъ южныхъ притоковъ рѣки Тужела; сраженіе было несчастно для голландцевъ, и около семисотъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей были перебиты; мѣсто, гдѣ совершилось избіеніе, еще и до сихъ поръ носитъ названіе «Weenn», т. е. «слезы». Однако, оставшіеся въ живыхъ голландцы, укрывшись за ограду изъ своихъ повозокъ и стрѣляя оттуда изъ-за прикрытій, въ концѣ концовъ отбили окружившія ихъ шайки нападающихъ, пули восторжествовали надъ дротиками, и вскорѣ бѣлые перешли даже и чрезъ Тужелу, чтобы атаковать зулусовъ въ ихъ деревняхъ. Въ 1840 году перевѣсъ на сторонѣ голландцевъ былъ полный, они низложили Дингана, замѣстивъ братомъ его, Пандою, сдѣлавшимся съ этого времени ихъ союзникомъ, и основали свободную республику Наталію, подъ каковымъ наименованіемъ этотъ край обозначается трансвальскими голландцами и до сихъ поръ. Столицѣ же своей, Питеръ-Марицбургу, они дали названіе, соединивъ имена двухъ главныхъ піонеровъ иммиграціи, Питера Ретифа и Геврита Марица.

Но Капское правительство не захотѣло признать новое государство и поспѣшило послать войска, чтобы завладѣть имъ отъ имени Англіи. И какъ бываетъ обыкновенно въ дѣлахъ присоединенія новыхъ земель, подъ покровомъ гуманности скрывались честолюбивые военные замыслы: англичане овладѣли Наталемъ во имя «филантропіи», съ цѣлью оказанія покровительства голландцамъ противъ зулусовъ, а зулусамъ противъ голландцевъ [1]). Между тѣмъ голландцы не просили ни о какомъ покровительствѣ. Въ первомъ сраженіи они разбили захватчиковъ; но имъ все-таки пришлось уступить численности англичанъ и удалиться въ высоколежащія долины. Нѣкоторые изъ буровъ остались и мало-по-малу слились съ британскимъ населеніемъ; но большинство главъ семей, возмущенные тѣмъ, что завоеванный ихъ кровью край у нихъ отнятъ, запрягли своихъ воловъ для новаго trek'а и, взобравшись снова на склоны Дрекенбергена, отправились на соединеніе съ своими соотечественниками въ Трансвалѣ. Нынѣ отъ голландцевъ остались лишь наименованія мѣстъ въ нѣкоторыхъ центральныхъ округахъ и въ сѣверной оконечности территоріи: повсюду уже колонисты говорятъ англійскимъ языкомъ, который употребляется также въ судахъ и школахъ, и на которомъ говорятъ съ туземцами.

Туземцы эти не переставали притекать въ колонію, которая, послѣ истребительной войны, представляла столько пустопорожнихъ земель для ихъ стадъ. Съ трехъ тысячъ въ 1824 г., времени перваго появленія англичанъ, число туземцевъ къ 1848 году возросло приблизительно до ста тысячъ человѣкъ. Съ тѣхъ поръ оно учетвертилось, и не только вслѣдствіе значительнаго избытка рожденій въ сравненіи съ числомъ смертей, но также и вслѣдствіе новыхъ переселеній въ данный край. Впрочемъ, такъ какъ статистика рождаемости и смертности не ведется еще въ племенахъ, то численность кафрскаго населенія опредѣляется лишь приблизительно; ведутся записи только бракамъ, да для сбора податей исчисляются хижины. Кафры принадлежатъ къ весьма большому числу племенъ; но иммиграціонное движеніе шло по слѣдамъ завоеванія, въ направленіи съ сѣвера на югъ, а потому большею частью новыми британскими подданными явились чернокожіе зулускаго типа и языка. Эти туземцы группируются еще въ кланы, но безъ всякой политической связи, а администрація много приложила стараній для раздробленія ихъ на множество различныхъ народцевъ: такъ, въ 1886 году насчитывалось въ Наталѣ не менѣе 173 главарей, при чемъ около половины ихъ числа были назначены непосредственно правительствомъ, безъ всякаго наслѣдственнаго на это права. Сами же эти начальники находятся въ непосредственной зависимости отъ англійской администраціи, которая допускаетъ соблюденіе туземныхъ обычаевъ, «если они не причиняютъ какой-либо явной неправды и не противорѣчатъ установленнымъ принципамъ и естественной справедливости». Со времени смерти Дингана

[1]) Anthony Trollope, „South Africa".

никакая война между бѣлыми и черными не обагряла почвы въ Наталіи. Изъ христіанскихъ миссіонеровъ больше всего имѣли вліянія на кафровъ методисты или веслеяне, которыми основана треть миссіонерскихъ становъ, 58 на 160.

Иммиграція бѣлыхъ непосредственно изъ Европы получила нѣкоторое значеніе только около половины текущаго столѣтія, когда группа англійскихъ фермеровъ изъ Іоркскаго графства поселилась въ Натальской колоніи. Отводимыя казной земли вблизи порта стали брать также нѣмецкіе крестьяне; затѣмъ возрастанію бѣлаго населенія содѣйствовали равнымъ образомъ норвежскіе колонисты и креолы съ острововъ Маврикія и Соединенія. Однако, несмотря на климатическія выгоды, представляемыя краемъ—если, впрочемъ, переселяющіеся не принадлежатъ къ людямъ нервнымъ и апоплектикамъ [1])—вольная ежегодная иммиграція никогда не переступала цифры въ нѣсколько сотенъ человѣкъ, и даже происходитъ эмиграціонное движеніе изъ Наталя въ Австралію и въ Новую Зеландію. Причины, почему англійскіе эмигранты относительно пренебрегаютъ этой колоніей, многоразличны. Въ Наталіи преобладаетъ порядокъ земельной крупной собственности, и, слѣдовательно, концессіонеры земель сами не работаютъ; они употребляютъ руки людей другихъ расъ, а лично трудящіеся бѣлые подвергаются съ ихъ стороны презрѣнію; кромѣ того, бѣлыхъ переселенцевъ обезкураживаетъ большое численное превосходство кафровъ. Но эта огромная численная разность между расами пугаетъ и самихъ англійскихъ собственниковъ, такъ что даже основались общества для привлеченія въ колонію ремесленниковъ, рабочихъ и прислуги изъ Европы, которымъ, при заключеніи условія найма на болѣе или менѣе долгій срокъ, предоставлялся даровой проѣздъ. Изъ такихъ приглашенныхъ переселенцевъ, въ теченіе семи лѣтъ, съ 1878 по 1884 годъ, корабли доставили 4.526 человѣкъ, или по 646 человѣкъ въ годъ; эти-то лица и содѣйствуютъ постепенному образованію класса людей изъ бѣлыхъ, средняго между туземцами и крупными землевладѣльцами. Такъ какъ мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ, то послѣднія быстро выходятъ замужъ; старыхъ дѣвъ въ Наталѣ совсѣмъ нѣтъ, и населеніе правильно возрастаетъ вслѣдствіе избытка рожденій. Именно, съ 1880 по 1884 годъ, увеличеніе числа жителей, вслѣдствіе избытка въ рождаемости и переселеніи, равнялось 2.472 въ годъ. Въ частности, въ 1884 году, между бѣлыми въ Наталѣ зарегистровано: браковъ 392; рожденій 1.342, смертныхъ случаевъ 466; такимъ образомъ, избытокъ рожденій равнялся 876. По переписи 1891 г., въ колоніи насчитывалось 37.390 бѣлыхъ (буровъ, англичанъ, нѣмцевъ) и 33.480 индійскихъ куліевъ.

Для обработки своихъ земель англійскіе собственники въ Наталѣ преимущественно прибѣгаютъ къ индусамъ, куліямъ изъ провинцій Калькутты и Мадраса. Прежде они пробовали употреблять на полевыя работы кафровъ, и во многихъ мѣстностяхъ обстоятельства заставляютъ ихъ набирать себѣ рабочихъ между туземцами; но вообще обѣ стороны такъ ненавистны другъ другу, что какъ только срокъ годоваго или двухгодоваго найма окончится, то кафры спѣшатъ возвратиться къ себѣ домой; иногда же они отзываются своими начальниками даже и раньше срока. Вообще они работаютъ для хозяина неохотно: у большинства изъ нихъ есть хижина, мансовое поле, немного скота, и когда европеецъ предлагаетъ имъ трудиться изъ-за жалованья, то они гордо отвѣчаютъ, предлагая и съ своей стороны европейцу поступить къ нимъ на службу. Натальскіе плантаторы ищутъ, поэтому, рабочихъ между менѣе независимыми людьми: такъ они заводятъ себѣ рабочихъ изъ готтентотовъ и людей изъ сѣверныхъ племенъ; но самыми подходящими для нихъ работниками оказываются покорные индусы. Колоніальное правительство ссужаетъ средства, необходимыя для набиранія этихъ азіатовъ, а послѣдніе, въ свою очередь, распредѣляются по плантаціямъ по порядку запроса; работать для одного и того же хозяина они должны по десяти лѣтъ; взамѣнъ же своего ежедневнаго труда съ восьми часовъ утра до десяти вечера куліи получаютъ убогое одѣяніе, безусловно необходимое количество съѣстныхъ припасовъ и деньгами 15 франковъ въ мѣсяцъ. Тѣ, которые отработаютъ такимъ образомъ срокъ своего найма, вольны, затѣмъ, либо возвратиться въ свое отечество, либо начать продавать свои руки по обычнымъ рыночнымъ цѣнамъ. Большая часть ихъ остаются въ краѣ и женятся на одной изъ своихъ соотечественницъ, такъ какъ ввозители куліевъ должны привозить также и по сорока женщинъ на сто мужчинъ. Нѣкоторые изъ отработавшихъ становятся огородниками или мелкими землевладѣльцами вблизи городовъ; другіе заводятъ мелочныя лавочки, и, благодаря своей чрезвычайной умѣренности, успѣшно конкурируютъ съ европейскими купцами, сильно жалующимися на привозъ этихъ опасныхъ соперниковъ. Если же присчитать къ европейцамъ и индусамъ всѣхъ другихъ иностранцевъ, малайцевъ, китайцевъ и, наконецъ, полукровныхъ метисовъ, то окажется, что общее число наталійцевъ экзотическаго происхожденія составляетъ приблизительно шестую часть всего населенія. Почти всѣ они имѣютъ какое-либо спеціальное ремесло, соотвѣтственно своему происхожденію: такъ, переселенцы съ острова Св. Елены служатъ кучерами; нѣмцы — земле-

[1]) Bleek, „Petermann's Mittheilungen", 1856.

дѣльцы и приказчики; голландцы — пастухи, а норвежцы—рыбаки.

Колоніальное правительство обладаетъ еще обширными землями, пригодными для воздѣлыванія или для пастьбы скота. Изъ пространства въ 4.856.000 гектаровъ, правда, со включеніемъ скалъ, осыпей и нѣсколькихъ безплодныхъ вершинъ, еще оставалось въ 1885 году 1.110.000 гектаровъ пригодныхъ либо для продажи, либо для сдачи въ аренду; находились эти земли преимущественно въ южной части территоріи, сосѣдней съ Пондолендомъ; что же касается полей, обработываемыхъ европейцами, то они не превышали 36.000 гектаровъ, т. е. приблизительно сотой доли того, чѣмъ европейцы владѣютъ. Земли же, утвержденныя за кафрами, въ общности, представляютъ пространство въ 800.000 гектаровъ. Размѣры участковъ, продаваемыхъ или оброчныхъ, колеблются, смотря по направленію колоніальной политики. Такъ, первые голландскіе колонисты присвоили каждый по 2.400 гектаровъ или даже больше, такъ что, слѣдовательно, двѣ тысячи собственниковъ могли бы прибрать къ своимъ рукамъ весь край; съ тѣхъ поръ размѣры участковъ уменьшились, хотя все еще было много такихъ, которые содержатъ по нѣсколько сотенъ или даже по тысячѣ гектаровъ; вблизи городовъ земельная собственность, однако, мало-по-малу раздробляется.

Главное воздѣлываемое въ Наталѣ растеніе—маисъ или *mealie*. Это хлѣбное растеніе даетъ въ изобиліи пищу кафрамъ, индусамъ и ихъ домашнимъ животнымъ, а также питаетъ значительную вывозную торговлю. Всѣ другія европейскія хлѣбныя растенія тоже воздѣлываются въ странѣ, и каждый городъ, каждое селеніе окружаютъ плодовые сады, смѣнившіе прежнія, почти совершенно истребленныя топоромъ и огнемъ, лѣсныя убранства земли; почти повсюду искоренены также и приморскіе корнепусты, такъ какъ ихъ нетлѣнное дерево особенно цѣнилось въ плотничьемъ дѣлѣ. Въ 1880 году въ Наталѣ было лѣсовъ 66.360 гектаровъ, а колючихъ кустарниковъ, съ преобладаніемъ видовъ мимозы, 736.400 гектаровъ. Благодаря полутропическому климату, въ Наталѣ произростаютъ также и такія растенія, которыя не встрѣчаются въ умѣренной Европѣ. Прежде здѣсь были обширныя плантаціи кофейнаго дерева, но съ 1872 года, вслѣдствіе заболѣванія этого деревца, разведеніе его почти прекратилось. Пытались замѣнить его чайнымъ кустомъ; но въ 1885 году пространство, занимаемое чайными плантаціями, не превышало 160 гектаровъ, а вывозъ чая достигалъ всего лишь 14 тысячъ килограммовъ. Также воздѣлываютъ коноплю, phormium tenax и другія прядильныя растенія. На большихъ приморскихъ плантаціяхъ воздѣлывается главнымъ образомъ сахарный тростникъ, введенный въ 1851 году. Въ 1884 году, поверхность сахарныхъ плантацій—на которыхъ, между прочимъ, обитаютъ питоны, безвредные для человѣка, но охотящіеся за обыкновенными и лѣсными мышами—равнялась 11.625 гектарамъ; изъ получаемаго продукта (въ 1892 г. 26.111 тоннъ) болѣе трети вывозится *over-berg*, т. е. «по ту сторону горъ», въ голландскія республики; кромѣ того, плантаторы выдѣлываютъ болѣе десяти тысячъ гектолитровъ рома. Разведеніе *крупнаго рогатаго скота*, составлявшее единственный промыселъ въ первыя времена занятія страны голландцами, съ 1855 года сравнительно уменьшилось, такъ какъ въ это время вслѣдствіе эпизоотіи погибали по 95 штукъ изъ 100 животныхъ, пораженныхъ болѣзнью; однако, введеніе прививокъ, новыхъ породъ и лучшей гигіены возстановили стада настолько, что въ 1893 году крупнаго рогатаго скота насчитывалось: у европейцевъ—205.542, у туземцевъ—518.578 головъ, а такое количество должно считаться громаднымъ, такъ какъ оно значительно превосходитъ число жителей; кромѣ того, въ Наталѣ насчитывалось лошадей: у европейцевъ—26.942, у туземцевъ—38.085; овецъ: у европейцевъ—924.920, у туземцевъ—21.075. Впрочемъ, на натальскихъ пастбищахъ овцы иногда бродятъ милліонами, такъ какъ голландскіе пастухи съ плоскогорій Оранжевой республики и Трансваля пасутъ свои стада, смотря по сезону, лѣтомъ—въ высокихъ западныхъ долинахъ, а зимою—спускаются на умѣренныя равнины Наталя. Добываемую ими шерсть они также вывозятъ чрезъ портъ англійской колоніи. Изъ Портъ-Наталя въ 1892 г. было вывезено шерсти 9.278.000 килограммовъ. Овцеводы ввели въ свои стада также и ангорскихъ козъ; но разведеніемъ одомашненнаго страуса почти не занимались, такъ какъ сравнительная неудача ихъ капскихъ сосѣдей не могла, конечно, дѣйствовать ободрительно.

Въ Наталѣ есть мѣсторожденія мѣди, золота и графита, но доходъ отъ разработки этихъ рудъ и розсыпей такъ малъ, что на нихъ не стоитъ и тратиться. Богатъ же Наталь желѣзомъ и углемъ, которые находятся въ сѣверной части колоніи, преимущественно на обоихъ склонахъ горной цѣпи Биггарсбергъ, около города, названнаго Ньюкэстлемъ, какъ бы въ предвидѣніи, что когда-нибудь онъ станетъ соперничать съ одноименнымъ ему каменноугольнымъ городомъ Великобританіи. Поверхность, пригодная для разработки, равняется 3.500 квадр. километрамъ, а толща нѣкоторыхъ пластовъ превышаетъ даже три метра; принимая въ разсчетъ только тѣ горизонтальные пласты, которые опредѣлены неособенно глубокими развѣдками и лишь на британскомъ склонѣ Дракенбергена, инженеръ Нортъ нашелъ, что изъ нѣдръ земли могутъ быть извлечены два милліарда тоннъ угля хорошаго

качества. Однако, до недавняго только времени его употребляли лишь кузнецы, и со времени проникновенія желѣзной дороги въ эти области, уголь стали брать также и для локомотивовъ. Разработка каменноугольныхъ копей несомнѣнно будетъ возростать съ увеличеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, промышленныхъ заведеній, сахарныхъ и рафинировочныхъ заводовъ, кузницъ и инструментальныхъ фабрикъ (добыча угля въ 1893 году: 129.672 тонны).

Натальскія желѣзныя дороги, которыя всѣ принадлежатъ правительству, въ 1897 г. имѣли общую длину 676 километровъ. Главная линія идетъ отъ Портъ-Наталя на сѣверо-западъ, чрезъ Питеръ-Маритцбургъ и Ледисмитъ, къ Ньюкэстлю; вѣтвь изъ Ледисмита проникаетъ въ Оранжевую республику. Строются желѣзные пути въ Наталѣ со всевозможною экономіею: крутые подъемы превосходятъ три сантиметра на метръ, самыя крутыя закругленія не имѣютъ даже и ста метровъ въ радіусѣ, и весь путь ведется только въ одну узкую колею. Дорога взбирается послѣдовательно на всѣ поперечныя цѣпи склона: около деревни Весттаунъ она проходитъ на высотѣ 1.570 метровъ, а на возвышенности въ 1.676 метровъ пересѣкаетъ гребень Дракенбергена и вступаетъ на землю Оранжевой республики. Колесныя дороги, дополняющія сѣть путей сообщенія въ Наталіи, также проведены съ большею смѣлостью по откосамъ овраговъ и бокамъ горъ, и поднимаются до закраины плоскогорія Оранжевой республики. Почти вся нынѣшняя торговля края ведется чрезъ Портъ Наталь.

Южная часть страны, между рѣками Умъ-Тавуна и Умъ Зимкулу—одна изъ наименѣе населенныхъ, и бѣлые еще разсѣяны рѣдкими группами между зулусами и пондо. Недавно тамъ основана норвежцами земледѣльческая колонія Марбургъ, находящаяся приблизительно въ девяти километрахъ отъ небольшаго порта Shepstone, образуемаго лиманомъ рѣки Умъ-Зимкулу, проникнуть въ который часто бываетъ трудно. Далѣе, на поморьѣ, которое по прямой линіи направляется на сѣверъ, находятся избѣгаемые моряками яко бы «порты»: въ устьѣ Умъ-Зумби—портъ Гардингъ, и въ устьѣ Умъ-Памбиніони—портъ Скоттъ. Единственная часть наталійскаго берега, представляющая широкій бассейнъ для кораблей—это та вырѣзка, которую въ 1497 году обслѣдовалъ Васко-де-Гама, и въ которой возникъ портъ Наталь. Въ этомъ мѣстѣ скалистая цѣпь, приблизительно въ 80 метровъ средней высоты, идущая параллельно первоначальному берегу и соединенная нынѣ съ материкомъ поднявшимися изъ воды землями, оканчивается на сѣверѣ «bluff», т. е. крутымъ утесомъ, который и защищаетъ отъ вѣтровъ и волненія широкую бухту, представляющую остатокъ прежняго пролива. У входа въ эту бухту, волны мало-по-малу образовали песчаную стрѣлку, которая, прилегая къ низменному берегу на сѣверѣ бухты, направляется на юго-востокъ, на встрѣчу вышеупомянутой крутой грядѣ, и отдѣляется отъ нея лишь узкимъ проходомъ для кораблей; порогъ при входѣ въ этотъ проливъ мѣняетъ свое положеніе и глубину, сообразно съ приливами и съ бурями. Въ прежнее время, толща воды колебалась, при спавшей водѣ, между 2½ и 5½ метрами, и суда, сидящія въ водѣ болѣе трехъ метровъ, рѣдко отваживались проходить чрезъ баръ. Молъ, примыкающій къ песчаной стрѣлкѣ и направляющійся на сѣверо-востокъ, способствуетъ увеличенію размывающей силы отлива, вслѣдствіе чего баръ понизился на 60 сантиметровъ и, кромѣ того, сталъ менѣе подвижнымъ при перемѣнахъ, наступающихъ въ воздухѣ и на водѣ.

Городъ, построенный на берегахъ Портъ-Наталя, основанъ въ 1846 году, въ лѣсной чащѣ, по которой бродили слоны: его окрестили именемъ Дурбанъ (d'Urban), въ честь одного изъ капскихъ губернаторовъ. Онъ состоитъ изъ двухъ различныхъ городовъ, соединенныхъ желѣзною дорогою: изъ морскаго квартала, Портъ-Наталя, съ его пристанями, магазинами и депо, и изъ гражданскаго квартала на холмѣ, Дурбана, съ его широкими, обсаженными деревьями улицами и великолѣпными садами съ тропическою растительностью, банановыми рощами, бамбукомъ и фиговыми деревьями. На западъ отъ города и отъ бухты тянется лѣсистый холмъ Береа, усѣянный дачами, съ прекраснымъ видомъ на бухту, ея островки и берега: здѣсь, именно, и проживаетъ большая часть богатыхъ купцовъ изъ города; къ западу отъ лимана находится мѣстечко Конжелла, гдѣ первые голландскіе переселенцы основали свой лагерь. Дурбанъ, по населенности, первый городъ въ Наталѣ; благодаря своей значительной колоніи изъ зулусовъ, а также и людей съ востока: индусовъ, арабовъ и китайцевъ, онъ превзошелъ и самую столицу. По переписи 1891 г., въ Дубранѣ было 17.920 жителей (на половину кафровъ и индусовъ). Островъ Салисбюри, на рейдѣ, населенъ слишкомъ двумястами индусовъ, которые почти исключительно занимаются рыбною ловлею и соленіемъ рыбы, поступающей затѣмъ на Дурбанскій рынокъ. Другіе индусы, огородники и садоводы, снабжаютъ городъ овощами и плодами. Хорошей воды въ Дурбанѣ нѣтъ, и потому недавно выстроенъ водопроводъ, который изъ-за 13 километровъ ежедневно приноситъ въ городъ громадное количество воды, именно, не менѣе 1.100.000 литровъ.

Благодаря своему порту и своимъ желѣзнымъ дорогамъ, которыя направляются: на югъ—къ Изипинго и его плантаціямъ сахар-

наго тростника, на сѣверъ—къ мѣстечку Веруламъ, тоже окруженному сахарно-тростниковыми полями, и на сѣверо-западъ—къ Питеръ-Маритцбургу,—Дурбанъ представляетъ торговый центръ для всей Наталіи; чрезъ него же идетъ также и значительная часть торговли голландскихъ республикъ, хотя у нихъ есть выходы: Портъ-Елизаветы и рейдъ Кэптауна, и хотя они, при посредствѣ желѣзной дороги, подготовляютъ себѣ путь въ португальскую гавань Лоренсо-Маркесъ, которой и предстоитъ превратиться въ складочное мѣсто для Индійскаго океана. Въ Портъ-Наталѣ, слѣдовательно, торговое движеніе значительно превосходитъ собственно всю торговлю одной лишь Натальской колоніи; но его торговля должна значительно уменьшится, какъ только двѣ республики Overberg'a, т. е. «загорныя», будутъ имѣть свой прямой путь чрезъ португальскую территорію. Оживленная дѣятельность въ Портъ-Наталѣ уже нѣсколько уменьшилась также и со времени спекуляцій, возбужденныхъ было находками золота и алмазовъ; однако, не взирая на эти временныя заминки, возростаніе торговли за десятилѣтніе періоды весьма значительно. Слѣдующія статистическія цифры даютъ понятіе о торговой дѣятельности въ Портъ-Наталѣ:

1880 г. (годъ самой бойкой торговли). Ввезено на—58.414.000 франковъ; вывезено на—22.271.850 франковъ; итогъ оборотовъ—80.686.450 франковъ.

1885 годъ. Ввезено на—37.963.925 франковъ; вывезено на—21.937.075 франковъ; итогъ оборотовъ—59.901.000 франковъ.

Торговое движеніе съ 1846 по 1875 годъ, въ среднемъ, выразилось цифрой 2.705.425 франк., а съ 1876 по 1885 г.—цифрой 62.943.997 франк. Въ 1892 г.: привозъ—3.165.249, вывозъ—1.480.606 фунт. стерл.

Число пришедшихъ судовъ въ Портъ-Наталѣ въ 1892 году: 542, вмѣстимостью въ 582.752 тоннъ; изъ нихъ 415 было паровыхъ съ вмѣстимостью въ 527.738 тоннъ.

Самую значительную торговлю съ Наталемъ ведетъ Великобританія, затѣмъ слѣдуетъ Австралія, которая шлетъ ему муку; Капская колонія, хотя и значительно ближе къ Наталю, однако въ своей торговлѣ съ нимъ уступаетъ Индіи, Соединеннымъ Штатамъ и Бразиліи. Небольшая торговля въ розницу съ индусами и туземцами почти вся монополизирована арабскими и восточными купцами, пребывающими въ Дурбанѣ

На пути изъ Дурбана въ Питеръ-Маритцбургъ, единственное мѣстечко, претендующее на имя города, есть *Pinetown*, центръ нѣмецкаго населенія въ Наталѣ; одна изъ сосѣднихъ миссій называемая Новою Германіею, и неподалеку отъ нея траписты, въ большинствѣ нѣмцы, основали земледѣльческое поселеніе.

Питеръ-Маритцбургъ, или, короче, Маритцбургъ, столица Наталіи, расположенъ очень удобно, на высотѣ 625 метровъ, въ равнинѣ, которую орошаетъ южный притокъ Умъ-Жени и которую со всѣхъ сторонъ окружаютъ холмы съ красивымъ очертаніемъ. Это одинъ изъ самыхъ чистыхъ и самыхъ пріятныхъ африканскихъ городовъ: растительность его садовъ и рощицъ скорѣе походитъ на растительность умѣренной Европы, чѣмъ на флору тропическихъ областей. Въ Маритцбургѣ менѣе жителей, чѣмъ въ Дурбанѣ, но гораздо больше чиновниковъ и оффиціальныхъ лицъ; кромѣ того здѣсь же находится и лагерь главнаго отряда войскъ, квартирующихъ въ Наталѣ. Будучи въ центрѣ края и рядомъ съ губернаторскимъ дворцомъ, эта маленькая армія можетъ передвигаться непосредственно къ тѣмъ мѣстностямъ, которымъ угрожаетъ опасность. Земледѣльческая колонія, основанная по сосѣдству съ Маритцбургомъ, быстро богатѣетъ, занимаясь культурою раннихъ растеній. Въ 1891 г. въ Маритцбургѣ было 12.317 жителей, въ томъ числѣ 4.000 кафровъ и 800 куліевъ. На сѣверѣ, по другую сторону цѣпи Zwaart-kop, протекаетъ р. Умъ-Жени, прославившаяся своими великолѣпными каскадами. Одинъ изъ нихъ, около мѣстечка Ховикъ, падаетъ съ базальтовой стѣны, представляя цѣльную пѣнистую массу, низвергающуюся, по однимъ, съ высоты 85, а, по другимъ, 98 метровъ; ниже рѣка дѣлится на нѣсколько рукавовъ, а новые водопады, разобщаясь при посредствѣ скалъ и группъ деревьевъ, вытягиваются длиннымъ рядомъ вдоль стѣнъ крутой выси.

Къ сѣверу отъ Маритцбурга, городокъ Лиджеттаунъ находится, подобно столицѣ и Ховику, въ бассейнѣ Умъ-Жени; «голландскій» Грейтонъ расположенъ на верхнемъ теченіи Умъ-Вотн; затѣмъ всѣ остальные города принадлежатъ къ склону р. Тугелы, главному рѣчному потоку въ Наталѣ. Estcourt и Weenen, городъ «слезъ», стоятъ на лѣвомъ берегу рѣки Bushman; Colenso былъ основанъ на самой рѣкѣ, а Ледисмитъ на ея притокѣ, Klip-river; наконецъ, Ньюкэстль (на высотѣ 1.250 метровъ), въ сѣверной оконечности колоніи, находится на небольшомъ притокѣ рѣки Буффало (Buffalo-river), въ свою очередь, представляющей самый значительный притокъ р. Тугелы. Къ сѣверу отъ Ньюкэстля въ томъ клину, которымъ натальская территорія врѣзывается между республиками Оранжевой и Трансвальской, возвышается утесистый холмъ Мажуба (Ама-Джуба), прославленный побѣдоноснымъ приступомъ буровъ, напавшихъ здѣсь въ 1881 году на англійскихъ солдатъ, укрѣпившихся на вершинѣ. На этихъ высокихъ земляхъ, гребни, столы или куполы горъ едва возвышаются надъ длинными волнообразными повышеніями и пониженіями плоскогорія; се-

ленія укрываются здѣсь отъ вѣтра въ углубленіяхъ покрытой травами почвы.

Кромѣ Дурбана и Маритцбурга, только три города Наталіи: Веруламъ, Ледисмитъ и Ньюкэстль были въ 1886 году настолько значительными, что могли образовать изъ себя муниципіи.

Наталь—не автономная колонія, самоуправляющаяся, сама назначающая своихъ министровъ и заботящаяся о своей защитѣ. Это «коронная колонія», еще зависящая отъ британскаго правительства, хотя и пытающаяся уже добиться нѣкоторой независимости. Губернаторъ Наталя назначается королевою, равно какъ и исполнительный совѣтъ, состоящій изъ *chief justice* (главнаго судьи), начальника войскъ, колоніальнаго секретаря, казначея, генеральнаго адвоката, секретаря по дѣламъ туземцевъ и главнаго инженера, къ которымъ присоединены два члена законодательнаго совѣта. Недавно половина этого собранія также назначалась короною; нынѣ же двадцать три изъ тридцати членовъ назначаются голосованіемъ избирателей; пять засѣдаютъ въ совѣтѣ въ силу своихъ высокихъ административныхъ должностей и двое—по назначенію губернатора. Избирателями въ Наталѣ могутъ быть всѣ владѣющіе земельной собственностью по крайней мѣрѣ въ 1.250 франковъ, а также всѣ платящіе 250 франковъ аренды за землю или имѣющіе доходъ въ 2.400 франковъ. Оффиціально никто не лишенъ права голоса изъ-за цвѣта своей кожи, изъ-за своего происхожденія или изъ-за религіи; но, вмѣсто открытаго отстраненія массою отъ выборовъ африканцевъ и азіатовъ, того же самаго достигли при помощи слѣдующихъ юридическихъ ухищреній. «Въ списокъ избирателей не можетъ быть записанъ никто изъ принадлежащихъ къ классу людей, находящихся, въ силу спеціальнаго законодательства, подъ вѣдѣніемъ спеціальныхъ судовъ или подлежащихъ дѣйствію спеціальныхъ законовъ и трибуналовъ». Честнѣе, конечно, было бы прямо высказать, что «подавать голосъ на выборахъ могутъ только одни бѣлые».

Правительство назначаетъ судей верховнаго судилища, судей-резидентовъ и *field-cornets*, надзирающихъ за различными округами. Оно же назначаетъ администраторовъ и чиновниковъ, и даже избираетъ большинство профессоровъ и учителей, такъ какъ школы въ большей своей части зависятъ отъ колоніальнаго бюджета. И въ Дурбанѣ, и въ Питеръ-Маритцбургѣ есть по высшей школѣ (high school), стипендіаты которыхъ могутъ быть посылаемы въ британскіе университеты. Всѣ большія мѣстечки имѣютъ начальныя училища, содержимыя на колоніальныя средства; кромѣ того, правительственныя пособія, деньгами или землями, получаетъ также большое число частныхъ школъ, особенно принадлежащихъ миссіямъ. Изъ послѣднихъ, главнымъ центромъ пропаганды, осуществляемой посредствомъ воспитанія и образованія миссіонерами-методистами,—служитъ Эдендаль, около Питеръ-Марицбурга. Особые инспектора производятъ экзамены въ различныхъ школахъ. Въ 1885 г. правительственныхъ школъ было: для бѣлыхъ—51, съ 3.922 учениками; для зулусовъ—64, съ 3.817 учениками, и для индусовъ—25, съ 1.480 учениками (въ 1891—92 г.г. всѣхъ начальныхъ школъ было 220, съ 13.700 учащихся). Относительное число туземныхъ дѣтей, учащихся читать, въ сравненіи съ общей ихъ численностью, еще весьма ничтожно; изъ дѣтей же бѣлыхъ не училось только 200, т. е. приблизительно одна двадцатая часть дѣтей школьнаго возраста.

Важный вопросъ о защитѣ колоніи служилъ причиною нахожденія Натальской колоніи еще и донынѣ въ непосредственной зависимости отъ англійскаго правительства: колонисты еще не чувствуютъ въ себѣ настолько силы, чтобы охранять самихъ себя. Они окружены такими населеніями, давняя враждебность которыхъ могла бы легко ожить; таковы: на юго-западѣ—пондо; на западѣ—ба-суто; на сѣверо-западѣ—буры; на сѣверо-востокѣ—зулусы, а въ самой странѣ колонистамъ могла-бы представиться необходимость подавлять возстаніе чернокожихъ. Въ виду столькихъ опасностей, они нуждаются въ содѣйствіи метрополіи. Маленькая британская армія, съ небольшимъ въ тысячу человѣкъ,—раздѣленная на три отряда, стоящіе въ Маритцбургѣ, Эсткортѣ и Грейтонѣ—охраняетъ колонію; кромѣ того, она же служитъ и образцомъ для формированія колоніальныхъ войскъ, состоящихъ изъ отряда конной полиціи въ 280 человѣкъ и изъ полка волонтеровъ, болѣе чѣмъ въ тысячу человѣкъ. Въ каждомъ городѣ между бѣлыми учреждены стрѣлковыя общества, которымъ покровительствуетъ и правительство, назначая награды; съ другой стороны, продажа туземцамъ боеваго оружія и патроновъ строго воспрещена. Съ 1856 года, подъ опасеніемъ штрафа или тюрьмы, запрещена какъ продажа, такъ и раздача туземцамъ также и водки. Однако, этотъ законъ часто нарушается, въ особенности продавцами изъ индусовъ.

Бюджетъ колоніи, питаемый главнымъ образомъ таможенными пошлинами и подворной податью съ туземцевъ, въ 1895 г. представлялъ слѣдующія цифры: приходъ—1.170.000, расходъ—1.148.000 фунт. стерл.; долгъ равнялся 8.054.000 фунт. стерл. Бѣлые въ колоніи не платятъ никакого прямаго налога. Почты, телеграфъ и желѣзныя дороги стоятъ государству гораздо больше, чѣмъ даютъ дохода. Еже-

годное внесеніе въ бюджетъ статьи для оказанія пособія переселяющимся въ Натальскій край британцамъ пришлось отмѣнить.

Нижеслѣдующая таблица даетъ списокъ графствъ Наталіи, съ ихъ административными дѣленіями, главными городами и численностью бѣлаго населенія къ 1 января 1885 г.

Графства.	Отдѣлы.	Число бѣлыхъ.	Главные города.
Pieter - Maritzburg...	City	8.474	Pieter-Maritzburg.
	Um-Geni ...	2.519	York.
	Lion's-river .	1.048	Howick.
	Upper Um-Komani...	754	Richmond.
	Ixopo	571	Springvale.
Durban.....	Borough.. .	8.543	Durban.
	Um-Lazi....	2.873	Pinetown.
Victotia	Inanda	1.341	Verulam.
	Lover Tugela	812	Stanger.
Um Voti.....		1.172	Greyton.
Klip-river ..	Klip-river...	1.008	Ledysmith.
	Newcastle...	2.016	Newcastle.
	Um-Zinga...	721	Helpmakaar.
Weenen		1.770	Weenen.
Alfred.....		665	Harding.
Alexandra ..		567	Alexandra.
Всего.....		35.453	

VIII. Страна зулусовъ (Zulu-Land).

Англійскіе и голландскіе сосѣди страны зулусовъ неоднократно заключали съ этими туземцами трактаты, которыми имъ обезпечивалось владѣніе территоріею, находящеюся между границами Наталіи, окаймляющими материкъ горами и португальскими владѣніями; но и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ Южной Африки, оффиціальныя конвенціи не мѣшали тому, что между бѣлыми и черными была постоянная вражда, порою открытая война или происходили время отъ времени вооруженные набѣги, обыкновенно простые захваты земли и скота. Территорія зулусовъ мало-по-малу все болѣе и болѣе сокращалась: буры, спускаясь съ плоскогорій, забирали пастбище за пастбищемъ, а вмѣстѣ съ этимъ создавалась и «Новая Республика» голландцевъ, предназначенная, казалось, вскорѣ стать приморскою провинціею Трансваля. Однако, всѣ эти стремленія голландцевъ встрѣтили противодѣйствіе со стороны англичанъ, и чтобы воспрепятствовать голландскимъ колонистамъ распространить свою политическую область вплоть до моря, а чрезъ это освободиться также и отъ торговой зависимости отъ капскихъ и натальскихъ англичанъ, — британское правительство поспѣшило занять приморскую территорію зулусовъ для себя. Вслѣдствіе этого, вся береговая полоса, отъ устья р. Тугелы до р. Мапуты, впадающей въ бухту Лоренсо-Маркезъ, отнынѣ принадлежитъ Великобританіи, а высокіе приморскіе склоны краевыхъ горъ вошли въ составъ Южно - Африканской республики. Поверхность этой нынѣ раздѣленной территоріи, на которой господствуютъ три племенныя группы: зулусы, тонго и суази, исчисляется въ 50 тысячъ километровъ, съ населеніемъ приблизительно въ двѣсти тысячъ; отдѣлъ ея, подъ названіемъ «Новой Республики», присоединенный къ Трансвалю, обнимаетъ пространство въ 7.392 квадр. километра; а площадь Британскаго Зулулэнда, отнынѣ находящагося подъ управленіемъ натальскаго губернатора, равняется 27.970 квадр. километрамъ, съ населеніемъ (1895 г.) 166.000 душъ.

Зулусовъ (ама-зулусовъ) гораздо меньше въ томъ краѣ, гдѣ они нѣкогда были независимы, чѣмъ въ Натальской колоніи, въ которой надзоръ за ними хотя и строгій, но въ которой они зато хорошо могутъ устроить свою жизнь путемъ труда; въ краѣ, ограничиваемомъ съ юга р. Тугелой, ихъ насчитываютъ не болѣе сотни тысячъ; правда, что безпрестанныя войны, за которыми слѣдовало чужестранное нашествіе, долгое время обагряли кровью зулусскую территорію и обратили въ пустыню цѣлыя провинціи. Послѣдняя большая борьба, въ которой зулусы осмѣлились помѣриться съ англичанами, была въ 1879 году. И несмотря на низкое состояніе дисциплины и вооруженія, въ нѣсколькихъ сраженіяхъ зулусы оказались побѣдителями, какъ, напримѣръ, при Изандхлуанѣ, въ мѣстности, расположенной вблизи лѣваго берега Buffalo-river, къ востоку отъ ея соединенія съ Bloed-river, т. е. «рѣкою крови». Здѣсь находится одинъ бродъ, Borke's drift, часто оспаривавшійся какъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ стратегическихъ пунктовъ страны. Англичане, овладѣвъ имъ, заняли было и восточныя террасы долины, какъ вдругъ, захваченный въ расплохъ ихъ авангардъ, принужденъ былъ поспѣшно отступить; нѣкоторые изъ англичанъ остались въ кустарникахъ, пронзенные дротиками, между прочими, и наслѣдникъ Наполеоновъ, который не хотѣлъ, чтобы о немъ позабыли, и который надѣялся, что его военные подвиги противъ зулусовъ доставятъ ему впослѣдствіи господство надъ французами [1]). Однако, первыя неудачи авангарда были вскорѣ поправлены, и зулусская армія потерпѣла пораженіе на берегахъ р. Умъ-Волози, какъ разъ въ той самой мѣстности, гдѣ, по преданію, народилось въ незапамятное время семейство Зулу, родоначальника племени. Сдѣлавшись властителями въ краѣ, англичане раздѣлили его на тринадцать «покровительствуемыхъ» ими начальничествъ, а впослѣдствіи,

[1]) De Hubner, „A travers l'Empire Britannique".

когда эти мелкія государства поистощились въ междоусобныхъ распряхъ, передѣлили страну и еще разъ.

Ама-зулу, или «люди Зулу», т. е. «Небеснаго», не представляютъ какого-либо отличнаго типа въ ряду другихъ кафровъ восточнаго склона Африки. Народъ зулусскій, сдѣлавшійся могущественнымъ путемъ войны со времени завоеваній короля Тшака, жившаго въ началѣ текущаго столѣтія, въ дѣйствительности состоитъ изъ всѣхъ племенъ, которыя послѣдовательно были «поглощены». Однако, при этомъ пожираніи «Великимъ львомъ» различныхъ народцевъ, они вполнѣ не искоренялись; обыкновенно «Великій левъ» щадилъ женщинъ и дѣтей, обращая ихъ въ собственность націи-побѣдительницы; что же касается молодыхъ людей, то они забирались въ войско. Первобытныя племена были обречены на тѣмъ болѣе быстрое исчезновеніе въ массѣ побѣжденныхъ, что Тшака запретилъ бракъ своимъ воинамъ; только ветераны могли брать себѣ жену, и даже не одну, а столько, сколько они перебили сражающихся [1]). Чтобы устранить у солдатъ всякое чувство состраданія, какъ могущее повліять смягчающимъ образомъ въ ихъ жестокомъ дѣлѣ разрушенія, Тшака приказалъ убивать новорожденныхъ; для примѣра, онъ не праздновалъ, какъ бы слѣдовало по стариннымъ обычаямъ, ни одной свадьбы и приказывалъ умерщвлять всѣхъ своихъ дѣтей тотчасъ послѣ ихъ рожденія: въ качествѣ короля, онъ видѣлъ въ каждомъ рождающемся у него сынѣ будущаго врага и предпочиталъ уничтожить его заранѣе. Этотъ свирѣпый властитель, создавая изъ своего народа какъ-бы военную машину, жертвовалъ всѣми другими государственными интересами дѣлу завоеванія. Его столица представляла только лагерь, а другіе лагери были разсѣяны по всей территоріи. Въ селеніяхъ, окружавшихъ краали воиновъ, женщины и рабы накопляли провіантъ для войска, которое питалось исключительно мясомъ животныхъ: молоко, пища мирныхъ, было запрещено въ войскѣ. Зулусы, страшные въ особенности своей манерой сражаться, покинули дротикъ, метаемый издали, и приняли, какъ оружіе, короткое охотничье копье, которымъ колютъ непріятеля вблизи. Банды воиновъ не бросались въ битву въ безпорядкѣ. Расположенныя на-подобіе «лба быка», войска мало-по-малу обходили противниковъ, которыхъ атаковали сначала однимъ рогомъ, затѣмъ другимъ, при чемъ исподволь отбрасывали непріятельское войско на центральный корпусъ, который уже и совершалъ окончательное избіеніе [2]). Послѣ побѣды устремлялись въ особенности къ захвату скота, угонявшагося пастухами подальше отъ мѣста битвы; но зулусы умѣютъ научать своихъ быковъ также къ внезапнымъ отступленіямъ въ полномъ порядкѣ.

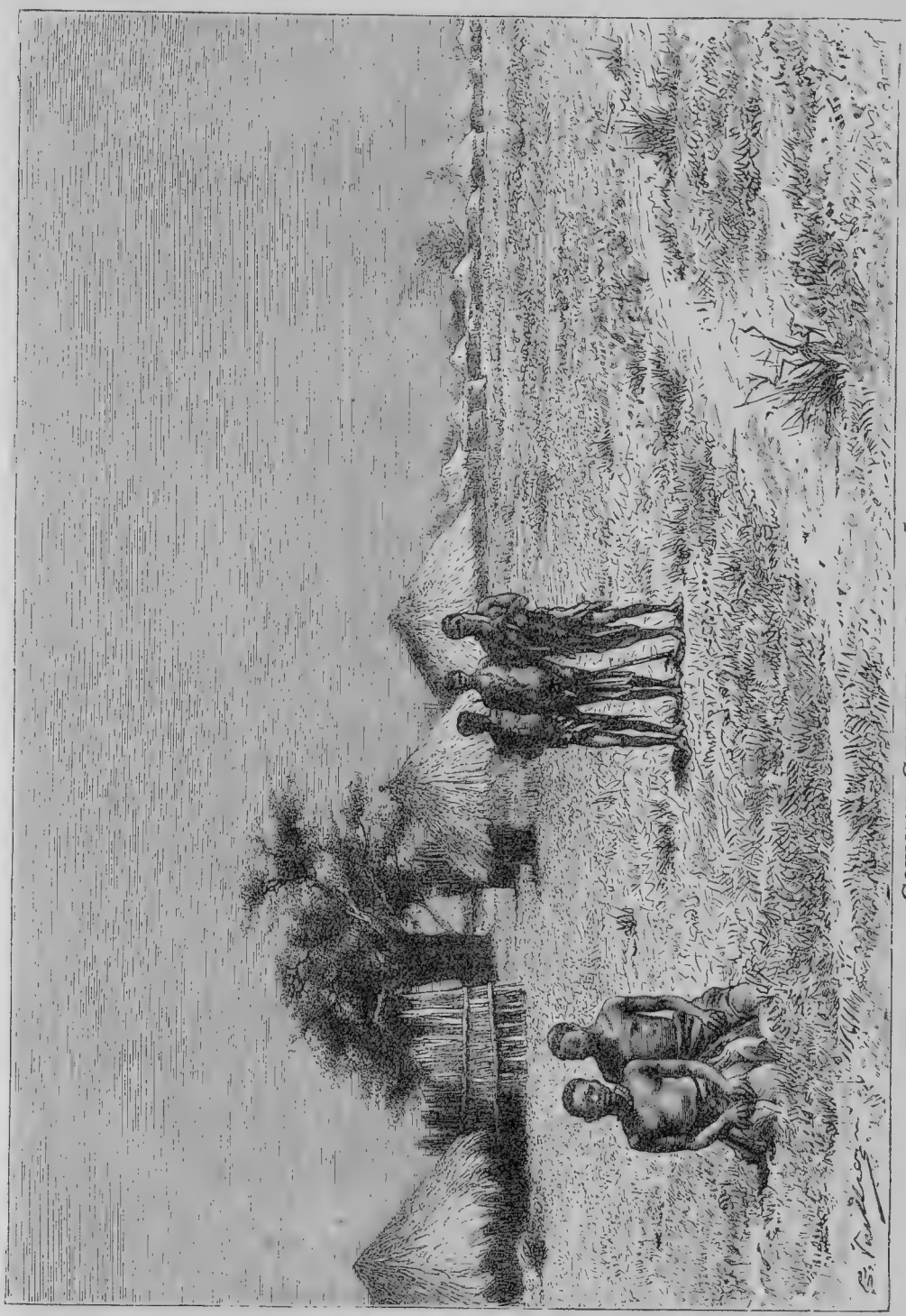
Чисто военная организація націи роковымъ образомъ должна была привести ее къ гибели. Война создала имперію, война же ее и ниспровергла: ударившись объ ограды изъ повозокъ, за которыми укрѣплялись буры, зулусы, не будучи въ силахъ достигнуть искорененія бѣлыхъ, съ остервенѣніемъ повели ужасныя войны другъ противъ друга. Однако, «небесные» гордятся этимъ прошлымъ, полнымъ завоеваній и битвъ, которое погубило ихъ и сдѣлало менѣе способными, путемъ труда, выдерживать борьбу за существованіе. Образованные изъ столь различныхъ элементовъ, зулусы не выдѣлялись среди кафровъ какой-либо иной отличительной чертой, кромѣ своихъ воинскихъ нравовъ, составлявшихъ послѣдствіе полученнаго воспитанія. Но, сыны отборныхъ людей, они вообще красивы, высоки, стройны и сильны, ловки во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ и держатся съ достоинствомъ: въ нихъ столько природной граціи, что къ нимъ идетъ всякій костюмъ. Тщеславясь своими физическими преимуществами, они стараются усилить ихъ, красиво драпируясь въ свою тогу, украшая руки, ноги и грудь браслетами и ожерельями, а голову убирая султанами и цвѣтами. Женатые люди имѣютъ привычку выдѣлывать изъ своихъ волосъ нѣчто въ видѣ короны, смазывая при этомъ волосы камедью или смѣсью изъ глины и охры. Доброжелательные и веселые, они, повидимому, не питаютъ злобы къ своимъ побѣдителямъ, бѣлымъ; но учиненной имъ личной несправедливости они никогда не прощаютъ. Прежде главными ихъ фетишами были—копье и щитъ; путешественники предыдущаго поколѣнія описываютъ съ нѣкоторымъ ужасомъ пляски и воинскія процессіи, во время которыхъ зулусскіе воины, украшенные бычачьими рогами и хвостами, проходили передъ своимъ королемъ, распѣвая «повѣсть о копьѣ». Необходимость жить мирно подъ угрозою другихъ фетишей, ружья и пушки бѣлыхъ, конечно, измѣнитъ ихъ суевѣрія, и хотя по большей части не внимающіе рѣчамъ миссіонеровъ, они, безъ сомнѣнія, скоро перестанутъ видѣть души своихъ предковъ въ безвредныхъ змѣяхъ, живущихъ въ ихъ домахъ. Подобно наталійскимъ зулусамъ, зулусы затугельскіе, переставъ быть воинами, превращаются въ земледѣльцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ стали развиваться у нихъ и неизвѣстныя имъ прежде обыденныя ремесла и промыслы. Впрочемъ, ихъ кузнецы уже издавна выковывали желѣзо, болѣе твердое, чѣмъ металлъ, ввозимый англичанами, а ихъ ювелиры умѣли отливать подѣлки изъ мѣди, покупаемой у португальцевъ Лоренсо-Маркеза.

Болѣе удаленные отъ наталійской границы

[1]) „Journal des Missions Evangéliques"; — Elie Reclus, „Revue d'Anthropologie", т. VII. 1886.

[2]) Wilmot, „History of the Zulu War".

ама-тонгасы, мирные земледѣльцы, живущіе на берегахъ бухты Св. Лючіи и приморскихъ лагунъ, и имя которыхъ напоминаетъ о прежнемъ подчиненіи ихъ зулусамъ-завоевателямъ, долѣе



Сешеки, Столица племени ба-ротеэ.

избѣгнутъ вліянія европейцевъ, благодаря нездоровости низменныхъ земель, на которыхъ они обитаютъ; однако, нѣмецкій негоціантъ Людерицъ, пріобрѣтя Ангру Пекену, пытался также завладѣть прибрежной территоріею Санта-Лючіи. На западѣ, страна племени амасуази, Суазилендъ, угрожаемая болѣе серьезно, чѣмъ область Ама-Тонга, какъ мѣсто перехода между воздѣланными плоскогоріями и бухтой Делагоа, и въ особенности какъ рудная область. Бурскіе пастухи часто проникаютъ въ этотъ край, чтобы воспользоваться своими мнимыми правами на пастьбу; при чемъ для охраненія этихъ правъ являются и вооружен-

ными. Съ своей стороны, съ цѣлью противодѣйствія этимъ, спускающимся съ плоскогорій, захватчикамъ, капскіе и натальскіе англичане требовали назначенія британскаго агента къ особѣ короля племени суази. Англійскіе миссіонеры основались у суази съ 1822 года; и хотя эти піонеры были умерщвлены, но впослѣдствіи другимъ евангелическимъ миссіонерамъ удалось учредить свои станы на ихъ территоріи. Ама-суази, т. е. «сыны прута», въ числѣ, какъ полагаютъ, 80.000 человѣкъ, названы такъ въ воспоминаніе одного изъ ихъ начальниковъ, возсѣдавшаго, въ 1843 году, на шкурѣ льва; прежде они назывались, по имени другаго начальника, ба-ратуза. Примѣтою для племени суази служитъ вырѣзка на ушномъ хрящѣ. Государь этой страны сталъ однимъ изъ самыхъ багатыхъ лицъ Южной Африки съ тѣхъ поръ, какъ образовались многочисленныя компаніи для разработки зототыхъ розсыпей на его территоріи. Его доля въ каждой разработкѣ должна быть не менѣе 7.500 франковъ въ годъ [1]. По договору отъ 14 февраля 1895 г., Англія передала Южно-африканской республикѣ управленіе Суазилендомъ, который, однако, не включенъ въ составъ этой республики, какъ нераздѣльная ея часть*.

Пока въ территоріи зулусовъ европейскаго населенія почти не существуетъ; къ тому же бѣлымъ тамъ временно воспрещена какъ покупка земель, такъ и основаніе плантацій: миссіонеры, нѣсколько пастуховъ, розыскивателей золота и два или три купца по сосѣдству съ морскимъ берегомъ—вотъ и всѣ колонисты въ Зулуэндѣ. Въ немъ нѣтъ и какихъ-либо европейскихъ построекъ, кромѣ небольшихъ укрѣпленій въ стратегическихъ пунктахъ, а также небольшаго числа часовень и школъ, могущихъ служить зародышами будущихъ деревень и городовъ. Естественный центръ края находится въ области сліянія обоихъ руслъ рѣки Умъ-Волози: здѣсь прежде находилась столица зулусскаго королевства, Унодуенго, которую смѣнилъ Улунди, городъ, состоявшій изъ тысячи хижинъ, расположенныхъ въ формѣ укрѣпленнаго кольца вокругъ площади, въ нѣсколько километровъ въ окружности, служившей для сгона скота. Въ свою очередь, Улунди былъ разрушенъ, и отъ него остался лишь незначительный крааль. Равнымъ образомъ, по образцу загона для скота, устроены и другія «городскія» поселенія, какъ у зулусовъ, такъ и у ама-суази.

IX. Оранжевая республика.

(Oranje Vrij-staat.)

Свободное Оранжевое государство, меньшее изъ двухъ голландскихъ республикъ по пространству и населенію, ограничено на протяженіи двухъ третей своей окружности британскими территоріями: на западѣ оно прилегаетъ къ Гриква-лэндъ-Весту; на югѣ—соприкается съ Капскою колоніею, а на востокѣ сопредѣльно съ краемъ племени ба-суто и съ Наталіей. До открытія алмазныхъ розсыпей, большая энклава овальной формы, составлявшая территорію Свободнаго Оранжеваго государства, была хорошо отграничена со всѣхъ сторонъ естественными рубежами: высокая цѣпь Дракенбергенъ отдѣляетъ ее отъ Наталя, между истоками Ваала и Каледона; эта послѣдняя рѣка, затѣмъ предгорья составляютъ границу Басутоленда; на югѣ границею служатъ излучины Оранжевой рѣки, сообщившей свое имя и республикѣ; на западѣ же и на сѣверо-западѣ раздѣльной линіей было избрано теченіе Ваала; однако полуостровное пространство между рѣками Оранжевой и Вааломъ, кверху отъ ихъ сліянія, было отторгнуто отъ республики, и имъ, вмѣстѣ съ его алмазными розсыпями, завладѣла Англія. Въ цѣломъ, страна представляетъ плоскогоріе изъ бугроватыхъ пастбищъ, высотою, въ среднемъ, отъ 1.300 до 1.400 метровъ; съ нечувствительнымъ скатомъ съ сѣверо-востока на юго-западъ и съ плодородными землями только въ сосѣднихъ съ горами восточныхъ областяхъ. Пространство государства исчисляется въ 131.670 квадратныхъ километровъ, что составитъ одну пятую поверхности Франціи; однако, эта громадная территорія пока еще слабо населена: по переписи 31 марта 1890 г., насчитали 207.503 жителя.

Начатки голландской колоніи относятся къ 1837 году: въ этомъ году первый *trekker*, покинувъ англійскую капскую колонію, переправился со своимъ семействомъ, стадами и пожитками чрезъ Оранжевую рѣку, съ цѣлью попытать счастья между кочующими населеніями. За караваномъ этихъ піонеровъ слѣдовали другіе, и мало-по-малу создалось новое государство между рѣками Оранжевой и Вааломъ. Въ свою очередь, англійскіе чиновники устремились вслѣдъ за этими колонистами, ушедшими отъ власти, и въ 1848 году послѣдовало провозглашеніе британскаго «суверенитета» также и къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки. Боэры [1]) или буры, воспротивились этому и, какъ и въ Наталѣ, сначала имѣли успѣхъ; но, не будучи въ силахъ продолжать борьбу противъ англійскихъ войскъ и ихъ союзниковъ, гри-куа,—должны были или бѣжать, или подчиниться. Одни, не желая подчиниться англичанамъ, продолжали свой *trekking* далѣе на сѣверъ, гдѣ и основали новую республику, Трансвальскую, а другіе остались въ краѣ, гдѣ они сдѣлались его главными сановниками. Но, создавъ новое колоніальное владѣ-

[1]) „Afrique explorée et civilisée", Octobre, 1887.

[1]) Boers, на мѣстномъ нарѣчіи, есть обыденное наименованіе голландскихъ африканцевъ; орѳографически правильно слѣдовало бы писать: Boeren, буры.

ніе, англичане унаслѣдовали также и войны съ ба-сутами и съ другими туземцами; вслѣдствіе этого, годовой бюджетъ метрополіи оказался настолько обремененнымъ значительными издержками, что пришлось раскаиваться въ присоединеніи данной области къ Англіи, почему британское правительство кончило тѣмъ, что предложило голландскимъ бурамъ возвратить имъ политическую самостоятельность, подъ условіемъ принятія обязательства о невозстановленіи рабства. Голландцы приняли эти условія, и Свободное Оранжевое государство такимъ образомъ въ 1854 г. возстановилось. Съ тѣхъ поръ оно стало процвѣтать, населеніе его возросло впятеро.

Буры, пользующіеся политическимъ господствомъ въ Свободномъ Оранжевомъ государствѣ, принадлежатъ къ потомкамъ ревностныхъ кальвинистовъ, и большинство изъ нихъ еще исповѣдуютъ религію своихъ отцовъ; остальныя христіанскія исповѣданія имѣютъ своихъ представителей въ англійскихъ переселенцахъ. Въ 1890 году, бѣлое населеніе Оранжеваго Свободнаго государства, по вѣроисповѣданіямъ, распадалось слѣдующимъ образомъ: голландскихъ реформатовъ 68.940; англиканъ 1.753; методистовъ 753; римскихъ католиковъ 4[illegible]; евреевъ 113; лицъ другихъ исповѣданій 1.[illegible]09; лицъ, религія коихъ неизвѣстна, 3.970,— всего 77.716. Не имѣя въ теченіе двухъ вѣковъ другой книги, кромѣ Библіи, буры охотно сравнивали себя съ избраннымъ народомъ. Странствуя, подобно евреямъ, въ поискахъ Обѣтованной Земли, они не сомнѣвались, что всѣ туземныя населенія созданы для служенія имъ: это тѣ же, заранѣе обреченные на рабство или смерть «хананеяне, аморреяне или іевуссеяне». Поэтому, за исключеніемъ воинственнаго народца ба-ролонгъ, который, изъ ненависти къ ба-сутамъ, сдѣлался союзникомъ голланцевъ, всѣ остальныя племена готтентотскія или бантусскія, находившіяся на территоріи Оранжевой республики, подверглись со стороны буровъ или истребленію, или изгнанію. Буры обезлюдниваля передъ собою страну, разрушая всякую политическую организацію туземцевъ, и допускали ихъ существованіе не иначе, какъ въ видѣ своихъ слугъ, лишенныхъ національной связи. Чернокожихъ, правда, гораздо, больше, чѣмъ бѣлыхъ въ предѣлахъ республики (къ 31 марта 1890 года, изъ 207.503 жителей было: бѣлыхъ 77.716, а чернокожихъ 129.787), но это почти все — скудно оплачиваемые иммигранты, кафры, бечуаны, готтентоты или метисы съ острова Св. Елены. Законъ воспрещаетъ имъ подавать голосъ на выборахъ, носить оружіе и быть собственникомъ хотя бы малѣйшаго клочка земли; обычай же возбраняетъ имъ жить рядомъ съ бѣлыми.

Привыкшіе, если не всегда къ труду около земли, то по крайней мѣрѣ къ надзору за полевыми работами, буры вообще заслуживаютъ своего имени (boeren по-голландски — «крестьяне») по солидности своего тѣлосложенія и тяжеловѣсности своей походки. Они сильны и отважны, но не красивы и не граціозны; въ ихъ костюмѣ нѣтъ ничего изящнаго, а убранство жилищъ безвкусно. Они обладаютъ качествами земледѣльца—любовью къ порядку, бережливостью, настойчивостью. Почти всѣ семейства отличаются многочисленностью: избытокъ рождаемости надъ смертностью всегда значителенъ. Поэтому, ихъ численное превосходство, повидимому, обезпечено еще надолго, по крайней мѣрѣ до наступленія такихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, которыя способны совершенно нарушить равновѣсіе въ существующемъ отношеніи населеній. Но если англичане и оказываются между бурами въ меньшинствѣ, то тѣмъ не менѣе они являются носителями высшей цивилизаціи; ихъ языкъ соперничаетъ въ обыденной рѣчи съ языкомъ оффиціальнымъ и далеко опередилъ голландскій какъ орудіе просвѣщенія. Такъ какъ большинство учителей англичане или шотландцы, то ихъ языкъ становится языкомъ школы; онъ также—и языкъ городовъ, такъ какъ тамъ именно поселяются иммигранты, купцы и лавочники, прибывающіе изъ Портъ-Елизаветы и другихъ городовъ англійскихъ колоній. Медленно, но вѣрно, совершается замѣна одного языка другимъ подъ вліяніемъ тысячи интимныхъ перемѣнъ, происходящихъ ежедневно въ нѣдрахъ общества.

Богатство Свободнаго Оранжеваго государства доставляется ему главнымъ образомъ его пастбищами, такъ какъ поверхность воздѣлываемой почвы не превышаетъ 50 тысячъ гектаровъ. Территорія раздѣлена на большія имѣнія, приноровленныя преимущественно для пастьбы: слишкомъ пять милліоновъ овецъ бродятъ по такимъ землямъ. Болѣе, чѣмъ девять десятыхъ шерсти, вывозимой англійскими купцами изъ Дурбана, доставляются этими стадами «изъ-за горъ». Скотоводы Vrijstaat'а разводятъ также немного и страусовъ. При переписи 1890 года, въ Оранжевой республикѣ оказалось: лошадей 131.594; воловъ 147.436, племяннаго скота 404.575 головъ, мериносовъ 5.056.301, капскихъ овецъ 131.846, ангорскихъ козъ 426.535, простыхъ козъ 247.489, свиней 13.227, ословъ и муловъ 4.117 и страусовъ 2.253. Земледѣліе тоже получило дѣйствительную важность въ Оранжевой республикѣ, именно въ восточныхъ округахъ, орошаемыхъ водами Каледона и его притоковъ; во внутреннихъ и западныхъ областяхъ, гдѣ воды рѣдки, собственники земель прилагаютъ большія старанія для задержки ихъ при посредствѣ плотинъ; не пропадаетъ ни одна капля, и посреди сѣрыхъ пастбищъ зеленѣющіе сады и рощицы

украшаютъ подъѣздные пути къ фермерскимъ постройкамъ. Это земледѣльцы Свободнаго Оранжеваго государства и Басутоленда и прокармливали искателей алмазовъ въ то время, когда «алмазная горячка» привлекла тысячи переселенцевъ въ негостепріимныя земли Грикуаленда. Въ Оранжевой республикѣ тоже есть въ небольшомъ количествѣ алмазоносныя глины, содержащіяся, подобно такимъ же землямъ въ Кимберлеѣ, въ ямахъ, повидимому, представляющихъ потухшіе кратеры вулкановъ. Но утилизированіе промышленныхъ рессурсовъ страны стало возможнымъ лишь со времени соединенія ея съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Южной Африки. Въ концѣ 1896 г. общая длина построенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Оранжевой республикѣ составляла 1.000 километровъ, а строящихся и проектированныхъ — 568 километр.

Единственный *«городъ»* Республики, дѣйствительно заслуживающій это наименованіе, есть столица, Блюмфонтейнъ, расположенная посреди безлѣсныхъ равнинъ, на высотѣ 1.370 метровъ и на берегу ручейка, почти постоянно безводнаго, спускающагося къ р. р. Моддеръ и Вааль, и имѣющая около 6.000 жителей (по переписи 1892 г.: 3.115 бѣлыхъ и 2.702 чернокожихъ). Съ небольшаго холма, нѣкогда укрѣпленнаго, городъ виденъ какъ на ладони, съ его правильными улицами, обставленными черными и бѣлыми домами; около резиденціи бѣлыхъ группируются болѣе скромные домики деревни Wray-Hook, въ которой всѣ туземцы изъ города должны проводить ночь. Блюмфонтейнъ, мѣстопребываніе высшей школы, центръ политической и торговой жизни Оранжевой Республики, представляетъ и другія выгоды для иностранцевъ: это, по преимуществу, здоровый городъ, весьма рекомендуемый врачами Южной Африки какъ санаторія для чахоточныхъ, и дѣйствительно туда пріѣзжаетъ много бѣлыхъ изъ Капа и даже изъ Европы.

Къ востоку отъ Блюмфонтейна находилась небольшая туземная территорія, недавно независимая и врѣзавшаяся въ голландскую республику клиномъ, точно также, какъ само Оранжевое государство вкраплено въ другія южноафриканскія государства; территорія эта— земля ба-ролонговъ. Пятнадцать тысячъ изъ нихъ мирно проживали на пространствѣ своей территоріи, а болѣе шести тысячъ группировались въ оградѣ единственнаго города, Тхаба-Ншо, занимавшаго вершину и склоны холма. Однако, постановленіе Блюмфонтейнскаго народнаго совѣта покончило, въ 1884 году, съ самостоятельностью маленькой туземной республики, и сотни ба-ролонговъ, раздраженные недовѣріемъ къ нимъ бѣлыхъ, покинули свой край и попросили себѣ убѣжища у своихъ, нѣкогда враждовавшихъ съ ними, восточныхъ сосѣдей, у ба-сутовъ [1]); Тхаба-Ншо пересталъ быть самымъ значительнымъ городскимъ поселеніемъ во всей той не-британской территоріи, которая заключается между Вааломъ и Оранжевой рѣкою. Различные провинціальные административные центры Республики по большей части суть лишь скромныя деревни, что не мѣшаетъ имъ, однако, быть хорошо снабженными рынками для удовлетворенія потребностей богатыхъ фермъ, разсѣянныхъ окрестъ ихъ. Ледибрандъ (Ladybrand), къ сѣверо-востоку отъ Тхаба-Ншо, важенъ какъ центръ самой плодородной провинціи свободнаго государства, отвоеванной у ба-сутовъ; Смитфильдъ (Smithfield), на низовьяхъ Каледона, и Руксвиль (Rouxville), близъ Оранжевой рѣки, почти насупротивъ англійскаго города Аливаль-Нортъ, служатъ земледѣльческими складочными мѣстами; Бетюли (Bethulie), основанный французскими миссіонерами, сталъ, благодаря построенному чрезъ Оранжевую рѣку мосту, однимъ изъ главныхъ мѣстъ перехода между Капской колоніей и Свободнымъ государствомъ; Филипполисъ (Philippolis) принимаетъ пассажировъ и грузы товаровъ, подвозимыхъ Портъ-Елизаветской желѣзной дорогой къ станціи *Colesberg*, находящейся на другомъ берегу рѣки; Форсмитъ (Fauresmith), лежащій неподалеку отъ рѣки, посреди мало-плодородныхъ плоскогорій, обязанъ своимъ значеніемъ нахожденію тамъ алмазныхъ копей: такъ, въ Jagersfontein'ѣ ежегодно добывается алмазовъ приблизительно на 1.250.000 франковъ. Въ Jagersfontein'ѣ былъ найденъ самый большой африканскій алмазъ, вѣсомъ въ 500 каратовъ, но весьма несовершенный, какъ камень [2]). Оранжевая территорія обладаетъ также и каменноугольными пластами, главнымъ образомъ на западѣ, въ округѣ Kroonstad'a.

Въ сѣверной части республики самое важное мѣстечко—Гаррисмитъ (Harrismith), расположенное на одномъ изъ верховыхъ притоковъ Ваала, около прохода Van-Reenen, чрезъ который спускаются къ Индійскому океану по Наталійскому склону. Harrismith—южныя ворота республики. Между этимъ мѣстечкомъ и Блюмфонтейномъ, главнымъ этапнымъ пунктомъ служитъ Wijnburg, находящійся въ самой неровной мѣстности территоріи.

Управляются Оранжевая республика одною палатою, *Volks-raad*, т. е. «народнымъ совѣтомъ», состоящимъ изъ шестидесяти членовъ, по одному представителю отъ главнаго города провинціи и по одному же представителю отъ каждаго сельскаго округа (*veld-kornetij*). Собраніе избирается на четыре года, но каждые два года

---

[1]) „Blue Book", 1887.

[2]) Th. Reunert;—John Hoble's, „Cape of Good Hope".

половина членовъ выходитъ, чѣмъ и достигается его обновленіе. Во время сессій члены собранія получаютъ содержаніе по 25 франковъ въ день. Они сами избираютъ себѣ предсѣдателя, рядомъ съ которымъ засѣдаетъ, съ правомъ совѣщательнаго, но не рѣшающаго голоса, президентъ республики, котораго тоже выбираютъ всенароднымъ голосованіемъ на пять лѣтъ и который можетъ быть вновь выбранъ. При президентѣ республики, какъ главы исполнительной власти, состоитъ совѣтъ изъ 5 членовъ, изъ которыхъ двое чиновники. Избирательное право принадлежитъ всѣмъ бѣлымъ, рожденнымъ въ предѣлахъ государства, прожившимъ въ немъ не менѣе трехъ лѣтъ, а также тѣмъ, которые послѣ годоваго пребыванія удовлетворяютъ извѣстнымъ условіямъ ценза какъ собственники или рантьеры; по достиженіи 18-ти лѣтъ, каждый гражданинъ можетъ подавать голосъ при избраніи *veld-kornet*, т. е. уѣзднаго судьи; но пользованіе политическимъ голосомъ, т. е. избраніемъ членовъ volks-raad'а или президента республики, приурочено только лицамъ, которымъ исполнилось 21 годъ. Судья, или *lans-drost*, засѣдаетъ въ каждомъ изъ округовъ и судитъ второстепенные проступки и преступленія; кромѣ того, трибуналъ изъ трехъ судей объѣзжаетъ, въ качествѣ ассизнаго суда, различные округи государства. Всѣ бѣлые—солдаты и обязаны по два раза въ годъ собираться для воинскихъ упражненій.

Бюджетъ покрывается главнымъ образомъ таможенными пошлинами (республика съ 1 іюля 1889 г. вступила въ таможенный союзъ съ Капской колоніей), налогомъ на фермы и на крѣпкіе напитки, гербовымъ сборомъ, платежемъ за промысловыя свидѣтельства. Значительная часть бюджета расходуется на народное просвѣщеніе; субсидіи получаютъ равнымъ образомъ и кальвинистскія церкви. Въ 1897 году доходы равнялись 776.910, а расходы 857.100 фунтовъ стерл. (система мѣръ, вѣсовъ и монетъ въ республикѣ — англійская). Государственный долгъ къ 1 марта 1897 г. составлялъ 40.000 ф. стер. Новый заемъ въ $1^3/_4$ милліона употребленъ на пріобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ, которыя теперь почти всѣ принадлежатъ государству.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ находится перечень округовъ Оранжевой Республики, расположенныхъ по относительному ихъ значенію, и съ показаніемъ бѣлаго и туземнаго населеній, по даннымъ народной переписи 31 марта 1880 года.

Округи.	Бѣлые.	Туземцы.	Всего.
Bloemfontein	7.353	5.921	13.274
Harrismith	4.164	14.254	18.418
Wijnburg	6.950	9.268	15.858
Kroonstad	6.201	7.976	14.177
Ladybrand	5.232	6.306	11.538
Fauresmith	4.444	5.993	10.437
Boshof	4.485	4.829	9.684
Heilbron	4.460	4.652	9.112
Rouxville	5 051	3.058	8.089
Bethlehem	4.445	2.397	6.842
Smithfield (Caledon-river)	3.426	2.167	5.593
Philippolis	1.181	2.504	4.385
Béthulie	1.904	2.175	4.079
Jacobsdal	1.036	996	2.032
Всего	61.022	72.496	133 518

Кромѣ того, недавно присоединенная территорія ба-ролонговъ или тхабо-нпо имѣла въ 1886 году около 10.000 жителей.

X. Трансваль, или Южно-Африканская республика.

(Zuid-Afrikaansche Republick).

Оффиціально названная Южно-Африканскою республикою—въ предвидѣніи будущей конфедераціи съ другими республиканскими государствами этой части материка,—Трансвальская республика гораздо обширнѣе Свободнаго Оранжеваго государства: она занимаетъ площадь, втрое болѣе значительную. Но колонизованная позже южной области, она до недавняго времени была занята лишь весьма незначительнымъ числомъ бѣлыхъ. Различіе это между обоими государствами стало быстро исчезать съ тѣхъ поръ, какъ толпы переселенцевъ направились къ золотымъ пріискамъ; и благодаря совершенно здоровому климату, а также плодовитости женщинъ, бѣлое населеніе, прежде почти терявшееся между чернокожими, уже составило внушительное меньшинство: въ обѣ республики, Оранжевую и Трансваль, переселилось много-много что десять тысячъ буровъ; нынѣ же бѣлое населеніе франко-голландскаго происхожденія въ этихъ государствахъ уже значительно превышаетъ триста тысячъ человѣкъ. Недавно государственная территорія Трансваля возросла, вслѣдствіе присоединенія къ ней также и «Новой Республики», составляющей часть прежняго края зулусовъ. Нынѣ пространство Южно-Африканской республики составляетъ 308.560 кв. километр., а населеніе въ 1896 г. исчислялось въ 867.940 душъ (245.397 бѣлыхъ, 622.544 чернокожихъ жит.), такъ что на одинъ кв. километръ приходится около 2,8 жителей.

Болѣе, чѣмъ на половинѣ своей окружности Южно-Африканская республика имѣетъ естественныя границы. На югѣ, она отдѣлена отъ Свободнаго Оранжеваго государства сначала однимъ изъ притоковъ Ваала, а затѣмъ и самимъ Вааломъ; на сѣверо-западѣ и на сѣверѣ, со стороны края племени ма-тебелэ, ея терри-

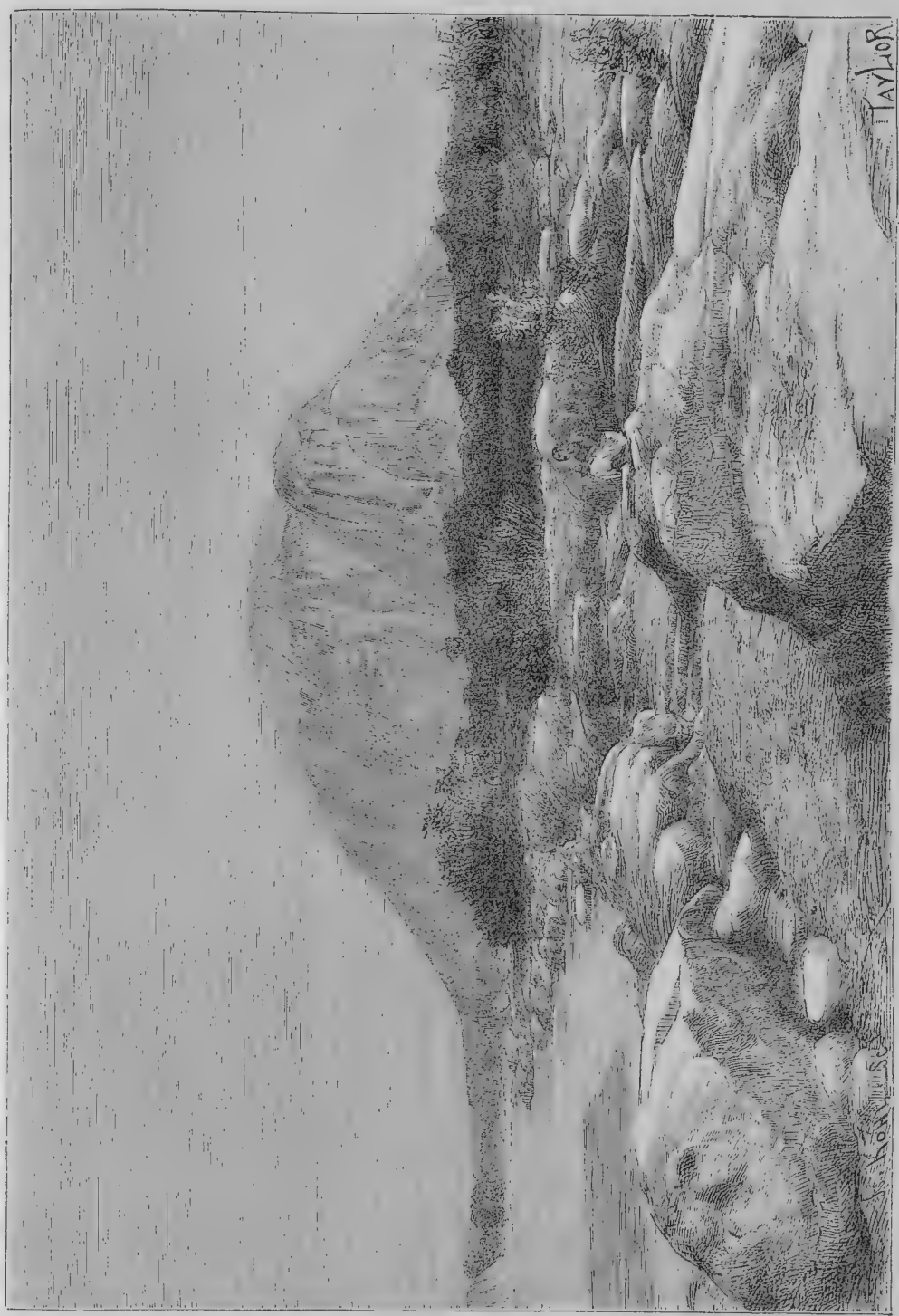
торію ограничиваетъ рѣка Лимпопо; наконецъ, одну часть ея восточной границы составляетъ гребень горъ Лобомбо, склонъ которыхъ къ морю принадлежитъ Португаліи; на юго-востокѣ, отъ Натальской колоніи, ее отдѣляетъ верхнее теченіе р. Буффало. Въ этихъ промежуткахъ между вышеупомянутыми рѣками или горами, республиканская территорія значительно расширилась на счетъ сосѣднихъ странъ: такъ, между Наталіей и португальской территоріей она увеличилась частью долинъ, занятыхъ зулусами и суази, а на западѣ она возросла на счетъ края бе-чуановъ. Въ 1870 году, англичанами была проведена къ западу отъ горъ Макуази, въ округѣ Potchefstroom, граница, которую буры не должны были переступать. Однако, это запрещеніе не останавливало ихъ, и когда сами англичане временно завладѣли территоріею республики, то, въ свою очередь, и они воздержались отъ возвращенія туземцамъ того округа, занятіе котораго было ими запрещено бѣлымъ голландскаго происхожденія. Съ тѣхъ поръ послѣдовали и еще новые захваты: въ силу конвенціи, заключенной въ 1884 году съ Великобританіей, территорія Южно-Африканской республики простирается вплоть до восточной торговой дороги, соединяющей низовья Ваала съ Замбезе чрезъ городъ Шошонгъ и чрезъ край племени ма-тебелэ. Слѣдуя этой дорогой, торговцы коснутся Трансвальской земли только въ одномъ пунктѣ.

Зачатки этого голландскаго государства были очень трудные. Въ 1837 году, когда первые *trekkers'ы* переправились чрезъ Ваалъ, чтобы поселиться въ той части территоріи, гдѣ находится нынѣ городъ Почефстромъ, они столкнулись съ грознымъ властелиномъ племени ма-тебелэ, однимъ изъ самыхъ страшныхъ, дѣйствовавшихъ въ то время въ Южной Африкѣ «пожирателей народовъ». Большая часть голландскихъ переселенцевъ была истреблена, но оставшимся въ живыхъ, тѣмъ не менѣе, удалось прогнать туземцевъ и удержать занятыя земли. Затѣмъ, каждый годъ къ нимъ прибывали все новые *trekkers'ы*, и мало-по-малу создалась небольшая республика, составившаяся изъ бродячихъ искателей приключеній, проживавшихъ подъ шатромъ или въ сплетенной изъ вѣтвей хижинѣ, и передвигавшихся, всегда съ ружьемъ въ рукѣ, вслѣдъ за своими стадами. Въ 1848 г., послѣ сраженія при Boomplaats'ѣ, вслѣдствіе котораго Свободное Оранжевое государство временно потеряло свою политическую независимость, многочисленные бѣглецы изъ него явились просить убѣжища у своихъ за-ваальскихъ братьевъ; въ отвѣтъ на это, предводитель ихъ, Преторіусъ, голову котораго англичане оцѣнили въ 50 тысячъ франковъ, былъ избранъ въ президенты новой республики. Затѣмъ, спустя четыре года, именно въ 1852 году, независимость Трансваля была признана уже и самою Великобританіею.

Но война между бурами и туземцами не прекращалась, сопровождаемая иногда жестокой рѣзней, массовыми истребленіями: каждый шагъ впередъ бѣлыхъ по направленію къ сѣверу покупался кровью. Въ предлогахъ къ вмѣшательству, въ качествѣ посредниковъ, не было недостатка у англійскихъ сосѣдей Трансваля, въ особенности послѣ открытія золотыхъ рудъ на территоріи республики; однако, англичане не довольствовались однимъ лишь предложеніемъ своихъ добрыхъ услугъ, и въ 1877 году, въ Преторіи, столицѣ государства, совсѣмъ неожиданно появился британскій коммисаръ, съ сопровожденіи тридцати вооруженныхъ людей, и отъ своего собственнаго имени провозгласилъ присоединеніе Трансваля къ колоніальной территоріи Великобританіи. Буры сначала не сопротивлялись, такъ какъ позади этихъ тридцати полицейскихъ видѣли англійскую державу съ ея неистощимими средствами. Однако, господство иностранца было принято бурами не безъ протестовъ, и недовольство увеличилось, когда выяснилось, что дѣло доходитъ до запрещенія голландскаго языка въ судахъ и въ школахъ. Въ Лондонъ, поэтому, была отправлена депутація съ просьбою о сохраненіи мѣстныхъ обычаевъ, административной самостоятельности и права оффиціально употреблять голландскій языкъ. Это посольство было дурно принято, и всѣ буры почувствовали себя оскорбленными вмѣстѣ съ нею. Они приготовились къ борьбѣ, не питая, впрочемъ, большой надежды на побѣду, и желая лишь, путемъ сопротивленія, обезпечить себѣ уваженіе побѣдителей. Къ общему, однако, удивленію, въ трехъ послѣдовательныхъ стычкахъ буры восторжествовали надъ англійскими войсками, и война уже грозила превратить всю Южную Африку въ поле битвы, какъ вдругъ капскій губернаторъ получилъ изъ Лондона депешу, какихъ очень мало зарегистровано въ исторіи: «Мы обидѣли буровъ. Заключите миръ». Вслѣдствіе этого, несмотря на превосходство своихъ войскъ, готовившихся побороть всякое сопротивленіе, англійскіе генералы должны были отступить, не одержавъ побѣды, и Трансвальская республика снова пріобрѣла политическую независимость, уже укрѣпленную тяжкимъ испытаніемъ. Экзальтированные удовлетвореніемъ, которое было дано ихъ національному чувству, буры стали гораздо сильнѣе, чѣмъ были до войны, и теперь покуситься на ихъ независимость было бы со стороны англичанъ уже опасно.

Трансвальскіе буры, болѣе удаленные отъ центровъ цивилизаціи, чѣмъ ихъ братья Свободнаго Оранжеваго государства, менѣе, поэтому, цивилизованы, такъ что англійскіе и даже голландскіе путешественники изъ Капа

называютъ ихъ варварами Еще около половины текущаго столѣтія многіе изъ нихъ, подобно кафрамъ, одѣвались въ шкуры животныхъ; лишенные всякихъ удобствъ городской



Сліяніе Ро-Вумы съ Лу-Джендою.

жизни, буры не чувствовали въ нихъ и потребности: по цѣлымъ недѣлямъ полевали они подъ открытымъ небомъ, не имѣли никакой мебели въ своихъ лачугахъ, довольствовались самыми простыми яствами и, вмѣсто всей литературы, имѣли переходящую по наслѣдству Библію, которую многіе изъ нихъ не умѣли даже и читать. Одна изъ причинъ такого дикаго обособленія буровъ заключалась въ чрезмѣрномъ пространствѣ тѣхъ вотчинъ, которыя они себѣ присвоили въ первыя времена овладѣнія краемъ. *Plaats*, т. е. поверхность земли, которую каждое семейство колонистовъ признавало своею, равнялось 3.000 моргенамъ или при-

близительно 2.400 гектарамъ, и, такъ какъ между этими владѣніями точныхъ границъ не существовало, то многіе изъ буровъ заняли пространства, значительно превосходящія даже установленный размѣръ. Тотъ изъ буровъ, который не обладалъ такимъ громаднымъ имѣніемъ, считалъ уже себя обездоленнымъ, подобно своему отцу, покидалъ край и шелъ основывать вдали маленькое королевство по своему праву: такимъ-то, именно, образомъ, отъ одного этапа до другаго и продолжалось по направленію къ р. Замбезе то великое переселенческое движеніе, которое началось съ береговъ Столовой бухты. Это изъ Трансваля вышли тѣ треккеры, которые, странствуя отъ Лимпопо къ Нгами, отъ Нгами къ Кунэнэ, страдая въ пути отъ голода и жажды,—похитившихъ много жертвъ изъ ихъ среды,—кончили, однако, тѣмъ, что послѣ путешествія, длившагося пять лѣтъ, достигли округа Гуилла. Большая часть этихъ эмигрантовъ принадлежала къ сектѣ допперовъ, ревностныхъ кальвинистовъ, хранящихъ нравы и даже костюмъ своихъ предковъ, и въ глазахъ которыхъ новыя идеи, вводимыя въ ихъ край газетами и книгами, представляютъ одну лишь гнусность. Люди «практическіе», буры презираютъ все, что не содѣйствуетъ матеріальному благосостоянію ихъ семействъ: они игнорируютъ музыку, искусство и литературу. Несмотря на ихъ многочисленные *trekken*, участіе ихъ въ научномъ изслѣдованіи края равно почти нулю. Воспитаніе дѣтей и журнальная дѣятельность сосредоточены главнымъ образомъ въ рукахъ англичанъ.

Уединенная жизнь съ своимъ семействомъ и съ своими невольниками или работниками въ имѣніи съ границами, теряющимися за горизонтомъ окружающихъ холмовъ, — таково было нормальное существованіе голландскаго патріарха. Нѣсколько прохожихъ, бродячихъ кафровъ, да иногда сосѣдній собственникъ на рубежѣ своего *plaats*—вотъ единственные человѣческіе образы, которые ему доводилось видѣть въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Но четыре раза въ годъ этимъ отшельникамъ требовалось зрѣлище толпы. Тогда буры надѣвали сбрую на своихъ коней, запрягали повозки и, со всѣхъ сторонъ, мужчины, женщины и дѣти, отправлялись къ часовнѣ, которая служила центромъ ихъ громаднаго церковнаго прихода, въ двадцать или въ пятидесятъ лье въ діаметрѣ. Въ день, назначенный для *nachtmaal*, т. е. причащенія, поселяне толпятся вокругъ храма, на ярмарочномъ полѣ; въ небольшой церкви службы слѣдуютъ одна за другою: супруги причащаются, обрученные вѣнчаются, молодые люди принимаются въ члены церкви, дѣтей крестятъ. Въ окружающихъ кирку лавкахъ дѣлаются покупки; сводятся счеты между заимодавцами и должниками; барышники торгуются съ продавцами; затѣмъ, мало-по-малу площадь пустѣетъ, суматоха утихаетъ, и каждая семейная группа удаляется во-свояси, чтобы снова погрузиться въ уединеніе и тишину среди безконечныхъ равнинъ.

Но силой вещей постепенно совершается соціальное преобразованіе. Земли дробятся, и буры, увеличившись въ числѣ, стали жить ближе другъ къ другу. Всѣ молодые люди переженились, у всѣхъ женщинъ по многу дѣтей, и имѣнія раздѣлились: многіе изъ земледѣльцевъ уже жалуются, что у нихъ всего лишь половина или четверть plaats'a, хотя при тщательной обработкѣ почвы и тысячной доли этого пространства было бы достаточно для прокормленія одной семьи. Съ другой стороны приходятъ чужіе иммигранты, и если и не находятъ сразу продажныхъ земель, чтобы поселиться въ качествѣ колонистовъ, то все-таки случается, что современемъ нѣкоторое число имѣній, цѣльныхъ или подѣленныхъ на участки, мѣняетъ владѣльца, при чемъ весьма часто покупщиками оказываются европейцы или «африкандеры» не голландскаго происхожденія. Почти не было примѣра, чтобы буры поселялись въ городахъ или въ деревняхъ въ качествѣ ремесленниковъ и лавочниковъ: снискиваютъ себѣ пропитаніе этимъ промысломъ англичане и нѣмцы, при чемъ многіе изъ нихъ, сдѣлавшись богаче окрестныхъ голландскихъ земельныхъ собственникомъ, покупаютъ у нихъ часть ихъ имѣнія. Такимъ образомъ ряды земельной аристократіи мало-по-малу пополняются элементами, чуждыми первоначальному классу буровъ. Изъ числа прибывающихъ въ страну бѣлыхъ, болѣе всего неудовольствія въ голландцахъ Южной Африки возбуждаютъ ихъ братья по расѣ и по языку—нидерландцы изъ метрополіи. Отдаленная симпатія соединяетъ эти два народа, о чемъ свидѣтельствуетъ и современная литература; но вблизи воспоминаніе объ общемъ происхожденіи уступаетъ мѣсто нѣкоторому отвращенію. Буръ очень обидчивъ; онъ не любитъ, когда цивилизованный голландецъ смѣется надъ африканскими нравами, или съ аффектаціей отвѣчаетъ на чистомъ языкѣ на вопросъ, сдѣланный на испорченномъ жаргонѣ поселянъ на берегахъ Ваала или Лимпопо.

Что касается туземцевъ, то въ южныхъ округахъ они уже не группируются въ племена и, такъ же, какъ въ Свободномъ Оранжевомъ государствѣ, лишь терпимы въ качествѣ слугъ и работниковъ; но въ западныхъ, сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ провинціяхъ они живутъ еще въ видѣ отдѣльныхъ народцевъ. Племена: ба-ролонгъ, ба-тлапи, ба-катла, ба-мапела, ба-элокоа, ба-венда и ба-соэтла—всѣ принадлежатъ къ великому семейству ба-суто; иногда ихъ также обзываютъ презрительной кличкой Vaalpens. Краевая цѣпь Дракенбергенъ отдѣ-

ляетъ этихъ туземцевъ отъ ба-рока, жителей предгорій и равнинъ, которые, повидимому, одинаковаго происхожденія съ зулусами и матебелэ. Вообще, трансваальскія племена не состоятъ изъ клановъ, родственныхъ по происхожденію: это скопленіе людей различныхъ племенъ, подпавшихъ подъ иго какого-либо завоевателя. Сообразно случайностямъ войны, они увеличиваются или уменьшаются въ численности, разсѣиваются или снова группируются, до безконечности измѣняя свои этническіе элементы. Къ тому же ни одно изъ этихъ племенъ не имѣло времени осѣсть на какой-либо территоріи и пробыть на ней въ теченіе значительнаго числа лѣтъ. Переселенческому движенію буровъ соотвѣтствовали у туземцевъ движенія въ обратномъ направленіи, иногда сопровождавшіяся даже и наступательными возстаніями; вообще населенія здѣсь перемѣщаются непрестанно, подобно водамъ, кружащимся въ водоворотѣ.

Между чернокожими долинъ притоковъ р. Лимпопо, которые не всѣ еще покорены, и изъ которыхъ нѣкоторые заставляютъ сосѣднихъ бановъ даже платить имъ дань [1]), повидимому, дольше всего пребываютъ въ краѣ ма-гуамба, т. е. «люди дьявола», названные такъ своими сосѣдями, потому что проклятія, очень частыя въ ихъ устахъ, всѣ содержатъ воззваніе къ дьявону [2]). Судя по ихъ языку они ближе къ зулусамъ, чѣмъ къ бе-чуанамъ. Первые голландскіе колонисты называли этихъ туземцевъ knob-nuizen или knob-noses, т. е. «прыщавые носы», такъ какъ посредствомъ надрѣзовъ, ма-гуамба выращивали у себя мясистыя бородавки съ горошину, располагая ихъ въ рядъ по направленію отъ корня носа кверху, черезъ лобъ, до волосъ; однако, эта мода теперь почти исчезла, и людей, заслуживающихъ названія *knob-nuizen*, можно встрѣтить развѣ только между стариками. Къ сѣверу отъ Лимпопо, раса гуамба называется ба-хленгуэ или ба-хлоекуа, и людей, говорящихъ тѣмъ же языкомъ, встрѣчаютъ вплоть до береговъ озера Нгесса.

Изъ всѣхъ южно-африканскихъ областей Трансвальская республика, повидимому, обладаетъ самыми благопріятными условіями для того, чтобы рано или поздно сдѣлаться весьма производительнымъ краемъ. Плодородная почва оказывается годною для воздѣлыванія хлѣбныхъ растеній повсюду, гдѣ только плугъ провелъ борозду, при чемъ продукты всегда получаются высшаго качества. Хотя засѣвается лишь весьма незначительная часть территоріи, тѣмъ не менѣе урожаевъ достаточно какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для вывоза въ Наталію. Трансвальскій табакъ — отличнаго качества и весьма цѣнится въ Южной Африкѣ. Всѣ воздѣлываемыя въ Европѣ растенія удаются въ Трансвалѣ, и хотя полутропическій климатъ болѣе пригоденъ для лимона и апельсина, чѣмъ для сѣверныхъ фруктовъ, однако, яблоки и груши очень хороши въ провинціи Преторіи.

Но для скотоводства Трансваль не представляетъ тѣхъ выгодъ, какія имѣются въ Свободномъ Оранжевомъ государствѣ, и въ сѣверной части территоріи есть даже много округовъ, куда человѣкъ не можетъ проникнуть съ своими быками или лошадями: царящая въ этихъ мѣстностяхъ муха цеце препятствуетъ прохожденію домашнихъ животныхъ. Долина р. Лимпопо, на всемъ ея нижнемъ и среднемъ теченіи, вплоть до сѣверо-запада отъ Преторіи, служитъ приблизительно границею распространенія этого бича; роковая область простирается по сю сторону рѣки, въ различномъ разстояніи отъ послѣдней, отъ 10 до 130 километровъ; передъ вступленіемъ въ эту полосу путешественники выпрягаютъ воловъ и слѣзаютъ съ лошадей, чтобы отослать ихъ обратно на южныя плоскогорія. Въ пограничныхъ съ этою полосою мѣстностяхъ, слоны отлично знаютъ, что, для избѣжанія погони за ними всадниковъ, стоитъ только отдаться подъ покровительство мухи цеце: поэтому слоны и убѣгаютъ въ при-лимпопскія области, гдѣ человѣкъ долженъ преслѣдовать ихъ либо пѣшкомъ, либо на лошади, одѣтой въ холстъ такой толщины, чтобъ сквозь него не могло пройдти жало мухи [1]). Полагаютъ, что цеце исчезнетъ изъ края вмѣстѣ съ крупною дичью, въ особенности съ буйволомъ и съ извѣстными видами антилопъ, которыхъ она всегда сопровождаетъ. Путешественники приводятъ примѣры округовъ, откуда это страшное насѣкомое такимъ образомъ уже было изгнано. Вѣроятно, поэтому, что, съ возростаніемъ численности населенія и распространеніемъ воздѣлыванія земель, наступитъ, наконецъ, день, когда на берега Лимпопо человѣкъ будетъ имѣть возможность привести за собою также и своихъ домашнихъ животныхъ. На восточной покатости, разница въ климатѣ между обращенными къ океану долинами и высокимъ плоскогоріемъ Трансваля настолько значительна, что нельзя изъ одного края въ другой переводить крупный рогатый скотъ и лошадей, не рискуя подвергнуть ихъ опасности: этимъ и объясняется дорогая цѣна, которую караванщики платятъ за животныхъ «просоленныхъ», т. е. привыкшихъ къ обоимъ климатамъ [2]). Плевропневмонія, очень обыкновенная на плоскогоріяхъ, лѣчится прививкою и ампутаціею хвоста.

[1]) „Afrique explorée et civilisée", 1883.
[2]) Berthoud, „Afrique explorée et civilisée"; — „Proceedings of the R. Geographical Society".

[1]) John Mackenzie, „Ten Yars North of the Orange-river".
[2]) A. Harriet Roche, „On Trek in the Transvaal".

Въ минеральномъ отношеніи, Южно-Африканская республика богата не менѣе, чѣмъ въ земледѣльческомъ. Если алмазныя залежи, разрабатываемые въ сосѣднихъ южныхъ территоріяхъ, продолжаются въ Трансвалѣ лишь скудными полосками, не представляющими экономической цѣнности, то каменный уголь и металлы находятся тамъ въ изобиліи. Пласты угля, разрабатываемыя въ сѣверной части Наталіи, продолжаются и на голландской территоріи, и фермеры уже употребляютъ это топливо, которое горитъ свѣтлымъ пламенемъ и не оставляетъ пепла. Въ разныхъ мѣстностяхъ страны добываютъ руды, дающія: желѣзо, кобальтъ, мѣдь и сереброносный свинецъ. Золото находится во множествѣ въ жилахъ бѣлаго кварца. Въ 1867 году геологъ Mauch открылъ этотъ драгоцѣнный металлъ на берегахъ Тати, текущей въ землѣ племени ма-калака, внѣ Трансваля, и, чрезъ р. Шаша, соединяющейся съ Лимпопо выше ея изгиба къ юго-востоку. Четыре года спустя, Button констатировалъ существованіе другихъ золотыхъ рудъ, при томъ уже на территоріи самой республики, около *Eersteling'a*, въ девонскихъ холмахъ Макапана, находящихся приблизительно въ 200 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Преторіи. Въ 1873 году, послѣдовали новыя открытія золота въ горахъ Lijdenburg, которыми заканчивается на сѣверѣ краевая цѣпь Дракенбергенъ; въ 1885 году, богатыя находки въ особенности привлекли рудокоповъ къ восточнымъ террасамъ, которыя вплоть до Суазиленда, мысообразно прорѣзываются рѣчками, впадающими въ р. Маннису; теперь всего яростнѣе разрабатываютъ высоты Witwaters-rand'a, находящіяся на плоскогоріи между Преторіей и Почефстромомъ (Potschefstroom). По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, золота вывезено изъ Трансваля: въ 1893 г. на сумму 5.472.997, въ 1894 г.—на 7.370.058, въ 1895 г.—на 8.179.260 ф. стерл. (въ томъ числѣ изъ Витватерсранда—на 7.840.779 ф. стерл.). Добыча золота въ Трансвалѣ въ 1896 году—2.275.428, въ 1897—3.034.674 унцій.

Самыми богатыми изъ недавно открытыхъ мѣсторожденій золота оказались восточныя, извѣстныя подъ названіемъ рудниковъ Каар'а, по имени горы, которая надъ ними господствуетъ, и долины, которая ихъ пересѣкаетъ, и въ особенности мѣсторожденія Witwaters-rand'a или просто Rand'a; но пріобрѣтать ихъ могутъ только бѣлые, такъ какъ горное дѣло дозволено чернокожимъ не иначе, какъ въ качествѣ рабочихъ, при чемъ, подъ страхомъ тюрьмы и бича, воспрещено имъ также полученіе золотомъ и платы [1]); что касается индусовъ и китайцевъ, то они могутъ быть допускаемы не иначе, какъ по уплатѣ за право пребыванія 625 франковъ [1]). Въ рудникахъ Каар'а, формація состоитъ главнымъ образомъ изъ аспиднаго сланца, песчаника и конгломерата, мѣстами пронизанныхъ гранитомъ, кварцемъ и породами огненнаго происхожденія. Рудники Witwaters-rand'a открыты въ особаго рода конгломератѣ, которому даютъ мѣстное наименованіе «nougat»; золотоносные слои (*reefs*) повсюду направляются съ востока на западъ. Песокъ съ самородками золота рѣдокъ, и для извлеченія металла приходится употреблять для дробленія камня многосильныя машины; поэтому, въ Трансваалѣ нѣтъ отдѣльно работающихъ рудокоповъ; разработка ведется въ пользу богатыхъ компаній, правленія которыхъ пребываютъ въ Наталѣ, въ Преторіи, въ Кимберлеѣ и въ Лондонѣ.

Рядомъ съ копями и рудниками создаются населенные города; среди африканскаго міра основываются новые центры европейской культуры; появляется индустрія, въ особенности, однако, представленная водочными заводами. Большую экономическую выгоду представляютъ главные рудники въ томъ отношеніи, что они находятся на пути или на небольшомъ разстояніи отъ прямой дороги, которая соединяетъ Potchefstroom и столицу бухты Делагоа. Желѣзная дорога, безъ которой всякое торговое движеніе республики можетъ развиваться лишь медленно, предположена въ такомъ направленіи, что она будетъ взбираться на плоскогорія, ведущія къ золотоноснымъ горамъ; между Преторіей и Барбертономъ, главнымъ пунктомъ восточныхъ рудниковъ, она должна подняться на 1.950 метровъ высоты. Существенно важный вопросъ о прямомъ соединеніи центральныхъ областей республики съ моремъ былъ уже обсуждаемъ законодателями еще до того времени, какъ англичане завладѣли было Трансваалемъ; съ цѣлью этой постройки были сдѣланы уже значительные займы и выгружены даже рельсы для будущей дороги. Но войны, неопредѣленное политическое состояніе, разорительныя спекуляціи и проявленное англичанами, во время ихъ господства, желаніе направить всю торговлю Трансваля чрезъ Наталь и Капъ—сдѣлали первыя издержки безполезными, и теперь для осуществленія этого, безусловно необходимаго для процвѣтанія края, дѣла, приходится принимать уже новые расходы. * Въ послѣднее время желѣзнодорожная сѣть республики достигла уже значительнаго развитія: въ концѣ 1897 года общая длина открытыхъ для движенія рельсовыхъ

[1]) Законъ 25 іюня 1885 г.—„Blue-Book" C. 1384, 1884.

[1]) Emmrich, „Petermann's Mittheilungen", 1887, тетр. V.

путей составляла 1.152 километра, а длина строющихся линій—434 километра*.

Южная полоса Трансвальской территоріи, вдоль границы съ Оранжевой республикой, еще принадлежитъ къ бассейну Ваала. Небольшой городъ Стандертонъ, расположенный въ области источниковъ рѣки, вблизи угольныхъ копей, и Гейдельбергъ, выстроенный западнѣе, у подошвы пика Жаннеты (высотою въ 1.191 метръ), но еще въ гористой мѣстности, на высотѣ болѣе, чѣмъ 1.500 метровъ,—не пользуются уже полутропическимъ климатомъ, какъ сѣверныя плоскогорія: здѣсь уже не культивируютъ апельсиннаго дерева, воздѣлываемаго въ другихъ частяхъ Трансваля. Почефстромъ (Potchefstroom), въ 150 километрахъ западнѣе и на высотѣ 1.316 метровъ на Мои, т. е. «прекрасной рѣкѣ», небольшомъ притокѣ Ваала,—находится уже въ области гораздо менѣе холодной: здѣсь воздѣлываютъ главнымъ образомъ маисъ и табакъ. Почерфстромъ, бывшій въ первыя времена главнымъ городомъ республики Трансваль, а по числу жителей долго еще сохранявшій первенство и послѣ того, какъ, вмѣсто него, столицей стала Преторія, — городъ очень пріятный; плакучія ивы, привезенныя, по разсказамъ, съ острова Св. Елены, осѣняютъ улицы, а живыя изгороди съ цвѣтущими розами окружаютъ всѣ сады. Во время цвѣтенія растеній, трансвальскіе города представляютъ вообще прелестный видъ. Рѣчка Мои, выходящая изъ пещеристаго известняка, на своемъ пути во многихъ мѣстахъ то выбивается наружу, то исчезаетъ, а затѣмъ снова появляется на днѣ гротовъ: чудеса Wonder-fontein'a, т. е. «чудеснаго фонтана», напоминаютъ дивное зрѣлище, представляемое гротами Каринтіи [1]).

Нынѣшній главный городъ республики, названный Преторіей, въ честь бѣглеца, за голову котораго англичанами была назначена большая цѣна, лежитъ на высотѣ 1.356 метровъ, въ пологой равнинѣ, окруженной холмами со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ сѣверной, гдѣ чрезъ горы Магали, или «Чернаго носорога», прорывается одинъ изъ верхнихъ притоковъ Лимпопо; ручейки орошаютъ улицы Преторіи, бѣгутъ по садамъ, а остатокъ своей воды изливаютъ въ русло, еще узкое, рѣчки. Выстроенная по весьма обширному плану, при чемъ улицы и бульвары перекрещиваются другъ съ другомъ подъ прямыми углами, Преторія долгое время оставалась въ періодѣ перехода между деревнею и городомъ: общимъ своимъ видомъ она походила на большой садъ, въ которомъ тамъ и сямъ виднѣлось нѣсколько низкихъ домовъ. Съ тѣхъ же поръ, какъ черезъ нее стали проходить направляющіеся на сѣверъ, къ золотоноснымъ полямъ, рудокопы, она превратилась въ оживленный городъ; дома стали уже тѣснить другъ друга въ центральномъ кварталѣ, а рынки привлекали значительныя толпы; нынѣ поселеніе ее достигло уже восьми тысячъ человѣкъ. На окружающихъ городъ горахъ виднѣются еще остатки лѣсовъ, а одно изъ деревьевъ, называемое «деревомъ-чудомъ», далеко простираетъ свои вѣтви. Такимъ образомъ, если у Potschefstroom'a есть Wonder-fontein, то у Преторіи имѣется Wonder-boon.

Къ западу отъ Преторіи, небольшіе города Рустенбургъ и Зеерустъ въ провинціи Марико, этомъ «саду Трансваля», находятся также на верхнихъ притокахъ Лимпопо, какъ равно и Нильстромъ (Nijlstroom), названный такъ потому, что основавшій его буръ полагалъ, что имъ будутъ найдены здѣсь источники Нила; ручей, вливающійся въ Лимпопо кверху отъ большаго водопада, доселѣ сохраняетъ данное ему названіе «Нилъ», которое, между прочимъ, напоминаетъ также о большомъ честолюбіи передовыхъ треккеровъ (voortrekkers) изъ буровъ, шествовавшихъ въ Палестину. Между этимъ Ниломъ (Nijl) и рѣкою Олифантъ, вблизи золотыхъ залежей и *Ijzerbeerg'a*, т. е. «желѣзной горы», находится горно-промышленный городъ Эрстелингъ (*Eersteling*), за которымъ слѣдуетъ другой городокъ Марабастадъ (*Maraba's stad*); но къ сѣверу, численность бѣлаго населенія быстро уменьшается: какъ по ту сторону мѣстечка Зоутпансберга, основаннаго въ 1834 году около разрабатывающихся соленыхъ озеръ, представителями европейцевъ на склонѣ къ рѣкѣ являются лишь миссіонеры и нѣкоторые изъ торговцевъ; тамъ же гдѣ рѣка, проникаетъ въ область мухи цеце, ея берега почти еще не изслѣдованы. Встрѣчаются лишь нѣсколько становищъ туземцевъ, отстоящихъ другъ отъ друга на большихъ разстояніяхъ; что же касается самой рѣки, то на всемъ протяженіи той части своего теченія, которое ограничиваетъ территорію съ сѣвера, а также и тамъ, гдѣ рѣка изгибается къ востоку отъ приморскихъ горъ, она течетъ по пустынямъ. Бѣлое населеніе не спускается съ плоскогорій, окраины которыхъ мысообразно изрѣзаны рѣчками, стекающими въ низовья Лимпопо; оно скучено около городовъ Миддельбурга и Лійденбурга, въ верхнемъ бассейнѣ р. Олифантъ, соединяющейся съ Лимпопо въ 200 километрахъ къ верху отъ ея устья, а также въ верховыхъ долинахъ р. Маниссы (Нкомати) и ея притоковъ: здѣсь, именно, и создались новые города Барбертонъ (2.000 ж.) и Эврека, являющіеся такими же центрами горнопромышленной области Каар'a, какъ и Іоганнесбургъ для копей Witwaters-rand'a. Еще

[1]) Holub, „Sieben Jahre in Süd-Afrika".

въ 1887 году, этотъ городъ, уже населенный десятью тысячами жителей, не былъ нанесенъ ни на одну изъ картъ. Построеніе же желѣзной дороги, спускающейся къ порту Лоренсо-Маркезъ, удесятерило какъ поселеніе (въ 1896 г. въ Іоганнесбургѣ насчитывалось уже 103.000 жителей), такъ и торговлю этой части территоріи республики, столь богатой какъ плодородіемъ почвы, такъ и минеральными сокровищами. Внѣшняя торговля Трансваля въ 1897 году: привозъ—около 360 милліоновъ франк.; главные предметы вывоза (точная цифра цѣнности котораго неизвѣстна): золото, шерсть. скотъ, хлѣбъ, кожи, фрукты, табакъ, масло, водка, страусовыя перья и слоновая кость.

Къ югу отъ области золотоносныхъ породъ простирается, вдоль закраинъ высокихъ плоскогорій, территорія New Scotland, т. е. Новая Шотландія, которая, повидимому, весьма богата каменнымъ углемъ, и на протяженіи которой, кромѣ того, находится обширное озеро Chrissie, остатокъ внутренняго моря, которое нѣкогда покрывало большую часть нагорья. Каменноугольная формація продолжается и далѣе къ югу чрезъ провинціи Ваккерстромъ и Утрехтъ, идя на соединеніе съ каменноугольными копями, разрабатываемыми въ Ньюкестлѣ, въ Наталіи. На востокъ отъ плоскогорія, въ энклавѣ Зулусской территоріи, область рѣчныхъ скатовъ двухъ Умъ-Волози: Бѣлой и Черной, въ 1885 г. было всего лишь отъ шести до семисотъ колонистовъ изъ буровъ, преимущественно группировавшихся въ небольшомъ мѣстечкѣ Vrijheid (Свобода), расположенномъ на небольшомъ притокѣ Бѣлой Умъ-Волози.

Южно-африканская республика, подобно Свободному Оранжевому государству, представляетъ страну, въ которой бѣлые присвоили всѣ политическія права: старинные собственники края могутъ отъ своихъ нынѣшнихъ властелиновъ ожидать только или милость или терпимость. Бѣлые—граждане по рожденію, или натурализованные послѣ пребыванія въ краѣ въ извѣстное число лѣтъ и уплаты 625 франковъ—единственные избиратели какъ представителей въ Volks-raad (народный совѣтъ), такъ и президента республики; при этомъ, избранными могутъ быть только лица, имѣющія не менѣе тридцати лѣтъ, родившіяся въ Трансвалѣ или пробывшія тамъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, исповѣдующія протестантскую религію и имѣющія поземельную собственность въ предѣлахъ государства. Отъ каждаго округа въ собраніи засѣдаютъ по три уполномоченныхъ; кромѣ того, каждый горнопромышленный округъ имѣетъ въ парламентѣ своего представителя, избираемаго синдикатомъ рудокоповъ [1]); лишены были права занимать общественныя должности, а также избирательнаго права, всѣ подписавшіе просьбу о присоединеніи Трансваля къ Англіи. Оффиціальный языкъ парламента—голландскій. Президентъ республики избирается на пять лѣтъ и имѣетъ при себѣ совѣтъ изъ пяти членовъ: государственнаго секретаря, командующаго войсками, министра по горному дѣлу и двухъ уполномоченныхъ, избираемыхъ Volks-raad'омъ.

Сюзеренство Великобританіи относительно внѣшнихъ дипломатическихъ сношеній республики—лишь номинальное. Къ тому же конституція, часто измѣнявшаяся со времени провозглашенія «Тридцати трехъ статей» въ 1849 году,—лишь временная: голландскіе патріоты Южной Африки надѣются, что обѣ республики: Оранжевая и Трансвальская—сблизившись другъ съ другомъ сначала при посредствѣ таможеннаго объединенія—соединятся въ одну Африканскую Голландію, а можетъ быть даже въ гораздо болѣе обширную федерацію, въ составъ которой войдутъ всѣ «африкандеры», отъ мыса Доброй Надежды до рѣки Замбезе; голландскія семейства, имѣющіяся въ каждомъ городѣ Южной Африки, составляютъ, не взирая на политическія границы, какъ бы одну великую націю. Часто уполномоченные обѣихъ сопредѣльныхъ республикъ уже и обсуждали будущій договоръ о союзѣ (17 марта 1897 года между этими республиками дѣйствительно заключенъ оборонительный и наступательный союзъ). Нынѣ Volks-rad Южно-Африканской республики, раздѣляющейся на двѣ половины, состоитъ изъ 58 членовъ, избираемыхъ на четыре года и черезъ каждые два года обновляемыхъ наполовину. Немногочисленный отрядъ артиллеріи составляетъ всю постоянную армію государства; въ случаѣ же войны, всѣ здоровые граждане должны взяться за оружіе. Трансвальскій бюджетъ, по преимуществу составляющійся изъ доходовъ отъ продажи земель, таможенныхъ пошлинъ, подворной подати съ туземцевъ и пошлинъ, уплачиваемыхъ рудокопами, съ 1880 года болѣе чѣмъ утроился. Въ финансовомъ 1896 году доходы составляли 4.462.193, а расходы 4.816.657 фунт. стерл. Государственный долгъ въ 1896 году равнялся 2.690.579 фунт. стерл., изъ которыхъ 156.662 фунт. стерл. должно уплатить Англіи въ видѣ вознагражденія.

Территорія республики дѣлится на 16 провинцій или округовъ, которые большею частью носятъ названіе своихъ главныхъ городовъ и управляются *land-drost*'омъ, имѣющимъ весьма обширныя права надъ чернокожимъ населеніемъ. До чрезвычайнаго развитія горнаго дѣла и присоединенія Новой республики, округовъ было двѣнадцать, именно: Bloemhof,

[1]) Scott Keltie, „Statesman's Year book for 1888".

Potschefstroom, Heidelberg, Wakkerstroom, (гл. городъ Wesselstroom), Utrecht, Marico (гл. городъ Zeerust), Rustenburg, Pretoria, Middelburg, Lijdenburg, Waterburg (гл. городъ Nijlstroom), Zoutpansberg (гл. городъ Maraba's-stad).

Въ *Nieuwe-Republik*, т. е «Новой Республикѣ», недавно присоединенной къ Трансвальской территоріи, главный городъ Vrijheid (Свобода).

XI. Бухта Делагоа, владѣнія Португаліи къ югу отъ р. Лимпопо.

Бухта Делагоа или, скорѣе, da Lagoa, т. е. «бухта Лагуны» названная такъ не потому, будто бы, какъ утверждали, что въ нее заходили португальскія суда, направлявшіяся въ Гоа, а по причинѣ сходства ея съ озеромъ [1]), обѣщаетъ со временемъ получить весьма важное значеніе, какъ морскія ворота всего бассейна р. Лимпопо и государствъ нагорья Южной Африки. Форма побережья, глубина хорошо защищенныхъ водъ бухты, въ которую изливаются рѣчки, судоходныя для небольшихъ гребныхъ судовъ, придаютъ этому владѣнію Португаліи первостепенное значеніе, оцѣнить которое капскіе и натальскіе купцы могли тѣмъ лучше, что къ югу отъ этого великолѣпнаго залива всѣ порты неудобны. Въ качествѣ наслѣдниковъ старинныхъ голландскихъ мореплавателей, приставшихъ къ данному краю въ 1720 году, и въ качествѣ обладателей прибрежной территоріи, пріобрѣтенной капитаномъ Owen'омъ въ 1823 году, они, дѣйствительно, не преминули заявить свои притязанія на эту якобы принадлежащую имъ бухту, которая была бы для нихъ столь полезна и которая обезпечила бы ихъ неоспоримое экономическое и политическое господство надъ государствами внутри материка. Извѣстно, что этотъ вопросъ пришлось предоставить въ 1875 году рѣшенію третейскаго суда, и что маршалъ Макъ-Магонъ, президентъ французской республики, избранный въ судьи лондонскимъ и лиссабонскимъ правительствами, рѣшилъ дѣло въ пользу Португаліи, вслѣдствіе чего Делагоаская бухта и возвратилась къ Мозамбикской провинціи. Можно сказать, что, съ торговой точки зрѣнія, приговоръ былъ произнесенъ въ пользу Трансвальской республики, такъ какъ бухта Делагоа служитъ естественнымъ ея выходомъ къ океану, и интересъ Португаліи заключается въ привлеченіи всей торговли плоскогорій къ доставшемуся ей порту. Однако, не обладая еще портовыми сооруженіями и располагая лишь случайными, непрочными сообщеніями съ слабо населеннымъ, едва затронутымъ культурою краемъ, этотъ портъ имѣетъ, такъ сказать, только надежды на будущее процвѣтаніе, а пока вся территорія, для которой онъ служилъ главнымъ городомъ, и которая простирается отъ р. Манута до р. Лимпопо, есть не что иное, какъ дикая страна, покрытая отчасти дѣвственными лѣсами, саваннами и болотами. Португальская территорія Лоренсо-Маркезъ, къ югу отъ р. Лимпопо, занимаетъ площадь въ 39 тысячъ квадр. километровъ, съ 80 тысячами жителей (по Machado); слѣдовательно, на одинъ кв. километръ приходится по два жителя.

Лоренсо-Маркезъ (Лоренсу-Маркесъ), главный городъ одной изъ двухъ провинцій португальскаго «восточно-африканскаго свободнаго государства» (прежде «колонія Мозамбикъ»)—основанный въ 1867 году на мѣстѣ деревни, носившей то же имя и въ 1823 году захваченной племенемъ ва-туа или зулу—названъ такъ въ память мореплавателя, который на берегахъ бухты Делагоа основалъ, въ 1544 году, первую португальскую факторію; воды эти были уже ранѣе изслѣдованы Педро Кваресмой [1]). Низкіе дома, выстроенные изъ камня вдоль прямолинейныхъ аллей, имѣютъ красивый видъ; но почва, на которой они стоятъ, окружена болотистыми протоками, служащими рвами для защиты крѣпости, неприступной для окрестныхъ кафровъ, вслѣдствіе охраняющихъ ее батарей. Нахожденіе Лоренсо-Маркеза на намывныхъ земляхъ дѣлаетъ его нездоровымъ въ сезонъ жаровъ, и нынѣ заботятся объ осушкѣ—посредствомъ дренажа и эвкалиптовыхъ насажденій—тѣхъ самыхъ болотъ, которыя прежде казались представляющими выгоду для зарождавшагося города. Впрочемъ, по сосѣдству есть болѣе возвышенныя мѣста, и мало-по-малу создается, обитаемый въ особенности негоціантами, верхній городъ, расположенный надъ нижнимъ, населеннымъ моряками.

Лоренсо-Маркезъ расположенъ не на самомъ берегу бухты Делагоа, а на сѣверномъ берегу лимана, находящагося на сѣверо-западѣ обширной поверхности спокойныхъ делагоаскихъ водъ; лиманъ этотъ образуется устьями трехъ рѣчекъ, впадающихъ въ этотъ небольшой рукавъ моря. Въ настоящемъ своемъ состояніи портъ недоступенъ для очень большихъ судовъ; въ среднемъ, глубина его колеблется между 5 и 6 метрами, увеличиваясь на 2—3 метра при высокихъ приливахъ; но гавань эта, простирающаяся отъ востока къ западу на 13 километровъ, вполнѣ пригодна для судовъ средней вмѣстимости. Зато въ сосѣдней бухтѣ могли бы стоять на якорѣ сотни самыхъ большихъ судовъ, такъ какъ глубина ея колеблется меж-

[1]) Paiva Manso, „Memorio sobre Lourenço Marques".

[1]) M. L. Riberio, „As Colonias Portuguezas". 1887.

ду 12 и 36 метрами, а входный каналъ, шириною въ двадцать километровъ, при 16-ти метровой глубинѣ, далъ бы доступъ цѣлому флоту. Желѣзная дорога, начинающаяся на самомъ берегу лимана, на южной сторонѣ города, и защищенная прибрежной плотиной, обходитъ городъ и направляется на сѣверо-западъ къ р. Маниссѣ, которой она достигаетъ въ той мѣстности, гдѣ эта рѣка, выходя изъ ущелья Лобомбскихъ горъ — первой краевой цѣпи плоскогорія—становится восточною границею португальской территоріи; дорога эта соединяетъ Лоренсо-Маркесъ съ Преторіей. Грунтовыя дороги, которыми слѣдуютъ эмигранты, со своими животными, между Трансвалемъ и рѣками, текущими къ порту Лоренсо-Маркесъ, имѣетъ ту большую невыгоду, что проведены по низинамъ, которыя обыкновенно бываютъ наводнены мухою цеце; иногда эту полосу удается пройти благополучно; но часто случалось, что путешественники, потерявъ на пути всѣхъ своихъ вьючныхъ животныхъ, принуждены бывали покидать и свои товары. Сады въ пригородномъ округѣ Лоренсо-Маркеса производятъ сахарный тростникъ и тропическіе плоды; есть также нѣсколько плантацій кофейнаго деревца; въ бухтѣ ловятъ много черепахъ.

Торговля бухты Делагоа,—въ которой негоціанты изъ Марсели и баніаны изъ Діу принимаютъ большее участіе, чѣмъ португальскіе купцы,—значительно возростаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ: при этомъ, вывозъ преимущественно состоитъ изъ кожъ и руды, а ввозъ—изъ водки и боеваго оружія. Въ 1891 году въ портѣ Лоренсо-Маркесъ привозъ составлялъ, по цѣнности, 497.533, вывозъ — 895 фунт. стерл.; судовъ въ приходѣ и отходѣ было 208, вмѣстимостью 290.318 тоннъ. Португальская таможня взимаетъ лишь по 3% съ тѣхъ товаровъ, которые проходятъ транзитомъ и предназначаются для Трансваля. Покупка слоновой кости прекратилась; съ 1845 года изъ Лоренсо-Маркеса не вывозятъ болѣе рабовъ [1]); но добровольная эмиграція чернокожихъ въ Наталь весьма значительна: пребывающій въ въ Лоренсо-Маркесѣ агентъ разсылаетъ подарки начальникамъ племенъ, а они, взамѣнъ этого, даютъ позволенія на эмиграцію извѣстному числу молодыхъ людей, которые затѣмъ, по минованіи нѣсколькихъ лѣтъ, возвращаются въ край съ небольшою суммою денегъ [2]).

Къ югу отъ бухты, территорія населена племенемъ ама-тонга, входящимъ въ составъ той же самой группы, какъ и прибрежные жители лагунъ Санта-Лючіи и, не взирая на проведенныя дипломатами границы, признающимъ тѣхъ же начальниковъ. Европейскихъ поселеній на южномъ берегу бухты не существуетъ. На сѣверѣ берега бухты окаймлены дюнами и опасны для судовъ, а устья рѣкъ Маниссы (Нкомати) и Лимпопо трудно доступны; однако, нѣсколько индусовъ баніановъ, занимающихся по преимуществу ввозомъ водки, основали свои поселки на обѣихъ рѣкахъ, и барки поднимаются вплоть до ихъ факторій. На Лимпопо такая факторія основана въ Манджобѣ, начальномъ пунктѣ судоходства по рѣкѣ; краль Манджоба отстоитъ отъ моря на разстояніи 130 километровъ, и до этого мѣста доходитъ морской приливъ. Торговцы вывозятъ въ особенности кожи, каучукъ и пчелиный воскъ [3]). Европейцы не основали ни одного поселенія ни на рѣкѣ, ни на сосѣднемъ морскомъ берегу; единственными жилищами, разсѣянными по лѣсамъ и саваннамъ, являются краали туземцевъ племенъ ма-гуамба или ма-лойо. Эти туземцы, принадлежащіе къ великому семейству ама-тонга или ба-тонга, весьма искусны въ разныхъ ремеслахъ, и тѣ ихъ общины, которыя избѣгли набѣговъ зулусовъ, свидѣтельствуютъ о высокой степени самородной цивилизаціи. Слѣдуетъ, однако, прибавить, что малойо большіе курильщики конопли.

Глава VIII

Инхамбанэ, Софала, страна Газа.

Португальскія владѣнія между рѣками Лимпопо и Замбезе.

Береговые бассейны, слѣдующіе одинъ за другимъ съ юга на сѣверъ, между устьемъ Лимпопо и устьемъ Замбезе, не особенно обширны. Самый большой изъ нихъ, бассейнъ р. Саби, вдается, однако, внутрь материка слишкомъ на 500 километровъ; но далѣе, за этимъ бассейномъ, притоки Лимпопо и притоки Замбезе переплетаются своими истоками, такъ какъ покатости этихъ второстепенныхъ рѣкъ лимпопскаго и замбезскаго бассейновъ

[1]) D. Fernando das Neves, „Hunting Expedition to th Transvaal".

[2]) De Hubner, „A travers l'Empire Britannique".

[3]) Chaddock, „Exploration du Limpopo, Société Neuchateloise de Géographie", 16 мая 1885 г.

только отчасти разграничены гористымъ водораздѣломъ. Пространство этого береговаго пояса до горъ въ странахъ Ма-Тебэлэ и Ма-Шона, можетъ быть приблизительно исчислено въ 280.000 квадр. километровъ; что же касается числа жителей, то путешественники, хотя и не приводятъ положительныхъ данныхъ въ доказательство истины своихъ словъ, но тѣмъ не менѣе согласно показываютъ, что вѣроятное населеніе этой страны, юго-восточной части бывшей имперіи Монопотапа, достигаетъ 500 тысячъ человѣкъ. Не считая португальскихъ офицеровъ и купцовъ, посѣщавшихъ внутренніе округа ранѣе девятнадцатаго вѣка, изъ числа изслѣдователей страны Газа и сосѣднихъ областей должны быть упомянуты: Mauch, Erskine, Vood, Kuss, Cardoso, Paiva d'Andrada, d'Almeida, Browne и O'Donnel. Но за этими отважными піонерами толпою слѣдовали другіе путешественники въ большомъ числѣ. Нынѣ экспедиціи, отправляющіяся изъ горно-промышленныхъ городовъ Трансваля, обходятъ край Газа во всѣхъ направленіяхъ, изучая его горы и рѣки, розыскивая песчинки золота какъ въ кварцевыхъ породахъ, такъ и въ наносныхъ земляхъ плоскихъ береговъ, чтобы узнать, насколько вѣрны португальскія преданія о металлическихъ сокровищахъ страны [1]).

Горы, образующія въ Наталѣ, въ странѣ зулусовъ и въ португальской провинціи Лоренсо-Маркесъ, закраину плоскогорія на западѣ прибрежной области, не продолжаются отъ Лимпомо на сѣверъ правильною цѣпью. Подъемъ прибрежья къ высокимъ внутреннимъ землямъ не прерывается вдругъ каменнымъ валомъ, но совершается незначительными уступами, или даже нечувствительно черезъ степи и лѣса. Нѣсколько уединенныхъ массивовъ высятся среди равнинъ: таковъ массивъ, около котораго рѣка Саби описываетъ обширный полукругъ и который кафрскій властитель Газы избралъ крѣпостью для основанія своего крааля. На этой группѣ горъ, называемой Утаби новѣйшими изслѣдователями [2]), высятся три главныя вершины: Убири, Сипумгамбили и Силинди, представляющія утесы изъ порфира, трапна и базальта, и имѣющія около 1.200 метровъ высоты. Проточныя воды, вырывшія себѣ русло въ живой скалѣ, разрѣзали массивъ на нѣсколько отрывковъ, къ которымъ во многихъ мѣстахъ весьма труденъ доступъ, по причинѣ крутизны стѣнъ и густой высокой травы, чрезъ которую лишь съ большимъ трудомъ можно проложить путь. Однако, три высшихъ пика одѣты лѣсами, гдѣ можно легко проходить по газону между стволами деревьевъ.

[1]) H. E. O'Neill, „Proceedings of the R. Geographical Society", Августъ, 1887.

[2]) Browne and O'Donnel, „Scottish Geographical Magazine". Ноябрь, 1887.

По Erskine'у, верховымъ долинамъ р. Бузи, берущей свое начало въ этихъ горахъ, суждено современемъ стать центромъ европейской колонизаціи и культуры: воздухъ тамъ превосходный, и вполнѣ подходящую почву находятъ для себя какъ сахарный тростникъ, такъ и кофейное дерево.

На сѣверѣ эти горы прислоняются къ плоскогорію изъ краснаго и бѣлаго песчаника, высотою приблизительно въ 1.000 метровъ, а при посредствѣ нѣсколькихъ высотъ соединяются съ кряжемъ Сота Тонга, вершины котораго достигаютъ, вѣроятно, 1.500 метровъ: одна изъ нихъ, остроконечная, названа туземцами Гунди-Иньянга, т. е. «задѣвающая луну». Къ западу отъ р. Саби, гранитныя горы, покоясь на болѣе возвышенномъ плоскогоріи, средняя высота котораго превосходитъ 1.200 метровъ, имѣютъ менѣе величественную внѣшность: большею частью это лишь простыя приподнятія почвы, отдѣленныя одно отъ другаго широкими углубленіями, въ которыхъ воды скопляются въ озера и болота: тѣмъ не менѣе и тамъ, въ цѣпи Матоппо, виднѣются гранитные куполы высотой въ 1.700 метровъ, и нѣкоторые изъ гребней причудливо разрѣзаны на пирамиды и обелиски. Далѣе, возвышенные массивы, расположенные по линіи водораздѣла между притоками Лимпопо и Замбезе, тянутся къ сѣверу отъ истоковъ Саби и въ косвенномъ направленіи къ побережью округа Софала. Самый высокій изъ этихъ массивовъ, надъ которымъ господствуетъ гора Доэ, достигающая по Kuss'у 2.400 метровъ высоты, похожъ болѣе на плоскогоріе, чѣмъ на группу горъ: это—область Маника (Manica), прославившаяся своими золотыми рудниками. Средняя высота ея гранитной массы не менѣе 2.000 метровъ, а командующія надъ этою массою вершины образуютъ лишь холмы или куполы, съ отлогими откосами. Къ востоку отъ горъ Маники, водораздѣлъ между Замбезе и небольшими потоками, несущими свои воды въ море, представляется въ видѣ однообразной равнины, прерываемой на извѣстныхъ разстояніяхъ нѣсколькими гранитными куполами, круто поднимающимися среди равнины; затѣмъ, къ югу отъ водораздѣльной линіи, возвышается, на-подобіе цитадели, сіерра Горонгоза, внѣшніе склоны которой чрезвычайно круты: самая высокая ея гора, Миранга, превышаетъ двѣ тысячи метровъ. Этотъ уединенный массивъ, состоящій какъ и массивъ Маники, изъ гранита, покрытъ въ своей верхней части великолѣпными лѣсами, являющими рѣзкій контрастъ съ окрестными пространствами, усѣянными тощимъ кустарникомъ [1]).

Самая большая рѣка страны Газа, Саби,

[1]) Kuss, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 2-й триместръ, 1882.

собираетъ свои воды съ обширной площади, простирающейся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, отъ горъ Ма-Тебеле до массива Маники. Главный ея истокъ находится въ землѣ племени машона, на высотѣ тысячи метровъ. Первыя верховыя воды рѣки направляются сначала на югъ; но затѣмъ, пройдя область возвышенностей, она, въ разстояніи болѣе трехсотъ километровъ отъ океана, течетъ по равнинѣ прямо на востокъ. Въ сезонъ дождей Саби представляетъ мощный потокъ водъ: ея ложе простирается въ ширину на два или на три километра, а теченіе столь стремительно, что суда не могутъ подниматься вверхъ. Съ наступленіемъ же сезона жаровъ, уровень на рѣкѣ понижается, и ложе ея быстро съуживается: шириною рѣка становится всего метровъ въ тридцать, а глубина по срединѣ русла бываетъ не болѣе полуметра. И, однако, дельта Саби весьма значительна; даже безъ протоковъ сосѣднихъ рѣкѣ, на югѣ—Габулу, на сѣверѣ—Горонгози, которые можно разсматривать какъ принадлежащіе къ той же гидрографической системѣ,—морская кривая дельты протянулась по крайней мѣрѣ на сто километровъ, а площадь всей территоріи, по которой развѣтляются ея рукава, превышаетъ двѣ тысячи кв. километровъ. Въ сухое время года эти рукава превращаются въ морскіе каналы: о солености ихъ воды свидѣтельствуютъ корнепуски, произростающіе на обоихъ берегахъ. Рѣка Бузи, изливающаяся въ океанъ въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ Софалы, не столь многоводна, какъ Саби; тѣмъ не менѣе, неглубоко сидящія барки могутъ подниматься болѣе, чѣмъ на сто километровъ отъ устья [1]). Рѣка Пунгве или Аруангва, протекающая еще сѣвернѣе, въ своемъ нижнемъ теченіи тоже судоходна для судовъ съ осадкою въ два метра; но многіе другіе рѣчные потоки страны, питаемые ручьями, бѣгущими съ горъ, не достигаютъ океана: песчаные бары запираютъ входъ въ ихъ устья.

Большое «Мозамбикское теченіе», выходящее изъ Индійскаго океана между Мадагаскаромъ и материкомъ, чтобы направиться къ антарктическимъ морямъ, ударяется о наидалѣе выдвинутый мысъ, вполнѣ заслуживающій свое португальское наименованіе: cabo das Correntes, такъ какъ касающійся берега въ этомъ мѣстѣ потокъ постоянно движется на юго-юго-западъ со скоростью отъ 1.800 метровъ до $3^1/_2$ километровъ въ часъ. Но, подобно тому, какъ къ югу отъ упомянутаго мыса, вдоль берега Тонгаленда, къ востоку отъ пляжей Санта-Лючіи и бухты Делагоа, происходитъ противотеченіе, такъ точно обратное теченіе, водъ касается берега материка и къ сѣверу отъ мыса Correntes; на существованіе его здѣсь указываетъ форма песчаныхъ стрѣлокъ и прибрежныхъ островов, которые всѣ удлиннены по направленію къ сѣверу или къ сѣверо-сѣверо-востоку, въ обратномъ направленіи къ тому теченію, которое движется мористѣе, въ Мозамбикскомъ каналѣ. Въ неглубокихъ бухтахъ, отдѣляющихъ материкъ отъ ряда островов, называемыхъ Базаруто, туземцы ловятъ жемчужныхъ раковинъ, которыхъ они заставляютъ раскрываться, подогрѣвая ихъ на огнѣ; отъ такого пріема жемчужины портятся, и цѣнность ихъ уменьшается. На берегахъ края Газа проявляютъ свою дѣятельность также полипы; коралловыя мели во многихъ мѣстахъ побережья дѣлаютъ плаваніе опаснымъ, и большинство островов, хотя покрыты дюнами, придающими имъ гористый видъ, покоятся на коралловомъ фундаментѣ.

Климатъ Газскаго края не одинаковъ въ низменной приморской его полосѣ и на террасахъ внутри материка. Вѣтры, дующіе почти всегда съ моря—съ сѣверо-востока, съ востока, съ юго-востока или съ юга [1])—не приносятъ дождей на приморскую область; густыя облака, поднимающіяся съ водъ въ сезонъ дождей, т. е. когда солнце близко къ зениту, съ ноября по мартъ, разбиваются только тогда, когда ударятся о выступы внутреннихъ возвышенностей. Рѣдко дожди выпадаютъ во время вѣянія нормальнаго юго-восточнаго вѣтра, но какъ только это правильное воздушное теченіе смѣнится другимъ вѣтромъ, столкновенія теченій имѣютъ слѣдствіемъ грозу и сильные ливни [2]). На этихъ высотахъ измѣненія температуры весьма рѣзки: жары, въ особенности передъ сезономъ дождей, невыносимы; но южные вѣтры приносятъ также холода, и иногда приходится испытывать на протяженіи нѣсколькихъ часовъ разность температуръ, доходящую до 30° или даже 35° Ц.

Благодаря изобилію водъ, область плоскогорій весьма плодородна, и тамошніе лѣса представляютъ большое разнообразіе древесныхъ породъ, тогда какъ въ равнинѣ растительность рѣдка; флора тамъ гораздо менѣе богата, чѣмъ фауна. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ юга, деревья, мелкія и рѣдко стоящія, всѣ, живыя и мертвыя, подернуты сѣрымъ мхомъ, придающимъ имъ фантастическій видъ [3]). Въ нѣкоторыхъ газскихъ лѣсахъ, также какъ по берегамъ средняго теченія Замбезе, преобладаетъ *мопане*, большое дерево съ пахучими сѣменами, дающее мало тѣни путникамъ, такъ какъ его листья приподняты въ видѣ крыльевъ бабочки въ покоѣ [4]). Приморскій берегъ въ собственномъ смыслѣ этого слова представляетъ

[1]) Browne and O'Donnel, „Scottish Geographical Magazine", ноябрь 1887.

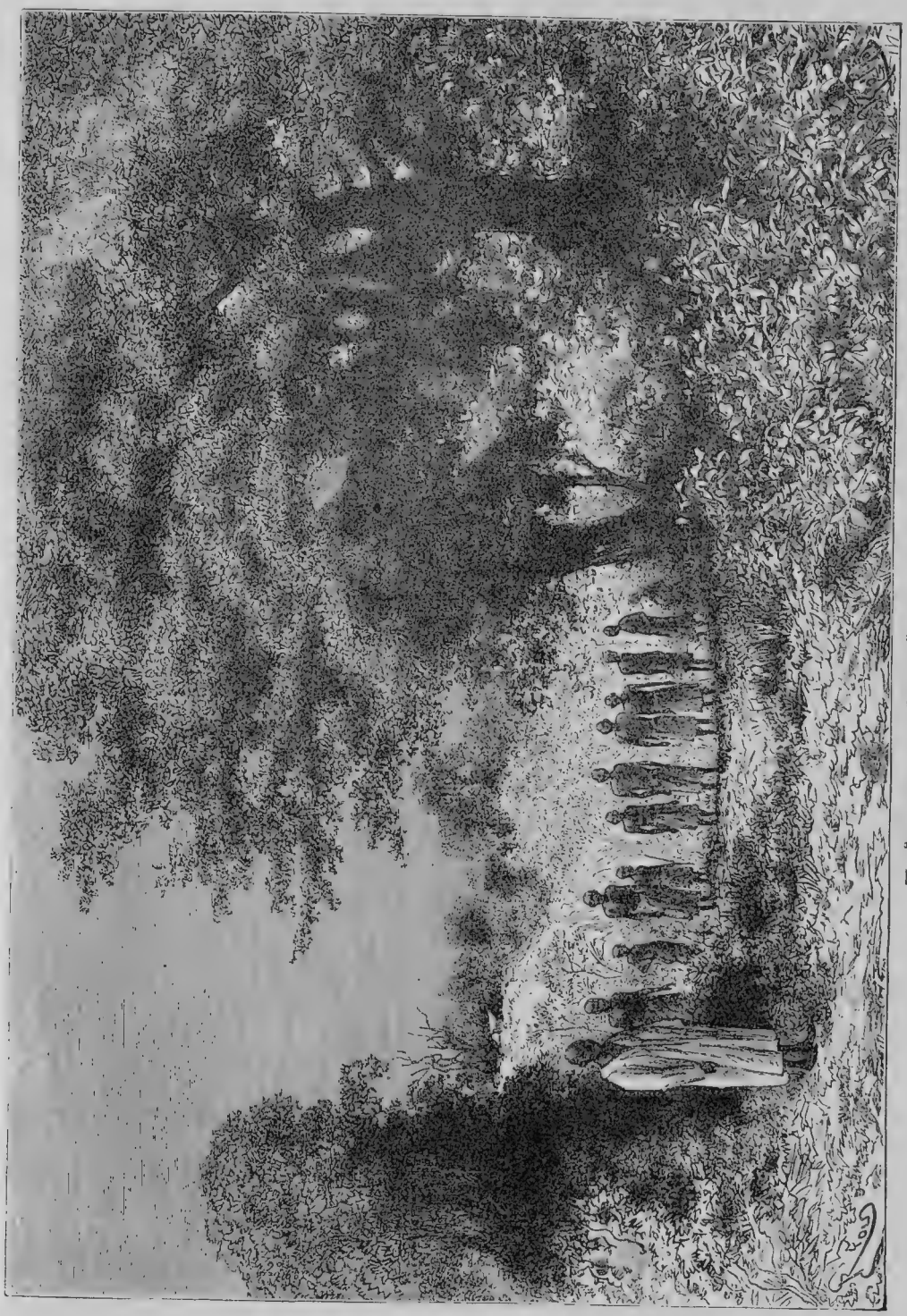
[1]) L. Braut „Mer des Indes. Cartes de la direction et de l'intensité probable des vents"

[2]) Thomas, „Eleven Years in Central South Africa".

[3]) Richards, „Afrique explorée et civilisée". Апрѣль 1885.

[4]) Coillard;—Holub и т. д.

безплодную песчаную полосу; врутри страны, почва, состоящая изъ красноватаго песка, болѣе плодородна и на хорошо-орошенныхъ земляхъ даетъ прекрасные урожаи; впрочемъ, такія мѣстности рѣдки, а лужи, скопляющіяся въ углубленіяхъ почвы во время проходящихъ дождей, вскорѣ изсякаютъ. Почти на всемъ пространствѣ равнины саванны чередуются съ кустарникомъ и колючими деревьями. Въ такой странѣ жители должны бы селиться по берегамъ рѣкъ, гдѣ есть необходимая для воздѣлываемыхъ растеній вода, а между тѣмъ берега пустынны: большая часть племенъ, желая избѣжать слишкомъ частыхъ посѣщеній своихъ зулусскихъ властелиновъ, удалились въ глухія трудно-доступныя мѣстности. Такъ какъ туземцамъ приходится испытывать недостатокъ въ водѣ, то они пріобрѣли большой на-



Пейзажъ въ бассейнѣ Лу-Дженды.

выкъ въ отыскиваніи малѣйшаго резервуара, гдѣ бы просачивалось нѣсколько капель; они знаютъ всѣ лѣсныя растенія, ягоды или листья которыхъ водянисты; въ особенности ими цѣнится каучуковая ліана, *inbounga*, плодъ который утоляетъ жажду. Какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Африки — наприм. въ Фазоглѣ, въ нильскомъ бассейнѣ, и на плоскогоріи, населенномъ племенемъ квиссама, на западномъ морскомъ берегу Африки,—въ Газскомъ краѣ тщательно пользуются для образованія цистернъ дуплами въ стволѣ баобаба. Эти дупла расширяютъ и углубляютъ при помощи топора и огня, такъ что весь стволъ дерева превращается какъ бы въ наземный колодезь; но для наполненія такихъ колодцевъ не всегда бываетъ достаточно зимнихъ дождей; вода въ нихъ мало-по-малу портится и, наконецъ, изсякаетъ; въ такихъ случаяхъ жителямъ приходится покидать свои тайники и отправляться на кочевку по берегамъ рѣкъ.

Тамъ, гдѣ населеніе рѣдко, фауна, избавленная отъ человѣка, ея врага по преимуществу, богата видами и особями животныхъ. Слоны еще весьма многочисленны въ Газскомъ краѣ; гиппопотамы во множествѣ рѣзвятся въ рѣкахъ; крокодилы изобилуютъ; антилопы пасутся въ долинахъ, а буйволы, стадами, живутъ въ гористой области. Гіены и въ особенности леопарды весьма страшатъ пастуховъ. Erskine проѣзжалъ по мѣстностямъ, гдѣ леопарды до того дерзки, что женщины едва осмѣливаются работать въ своихъ садахъ даже среди бѣла дня; хижины же приходится ограждать снаружи при посредствѣ кольевъ, переплетенныхъ ліанами. Что касается льва, то онъ вообще не нападаетъ на человѣка; туземцы, къ тому же, не очень жалуются на его присутствіе, такъ какъ отъ его пиршествъ имъ часто перепадаютъ остатки въ видѣ половины буйвола или антилопы. Во многихъ округахъ самыми опасными животными оказываются всякаго рода термиты, которые нападаютъ на растительность и дѣлаютъ невозможною какую-либо культуру: приходится предоставлять край въ ихъ владѣніе. Домашнія животныя не могутъ совершать переходы чрезъ низменныя равнины, либо потому что тамъ свирѣпствуетъ муха цеце, либо по причинѣ присутствія какого-то «таинственнаго яда» въ воздухѣ [1]). Путешественники, желающіе проникнуть со своими животными на плоскогорія Газскаго края, должны прибывать въ него съ западной стороны, чрезъ территорію племени ма-тебэлэ или ма-шона.

Берега около Софалы, быть-можетъ, были посѣщаемы уже древними мореплавателями: флоты финикіанъ, какъ полагаютъ, доходили до этихъ пространствъ восточныхъ морей Африки. Здѣсь именно, по мнѣнію многихъ авторовъ, находился тотъ Офиръ, откуда Соломону привозили золото, драгоцѣнныя деревья и жемчугъ; но, по мнѣнію другихъ истолкователей Библіи, Индія, острова Индійскаго океана тоже были Офиромъ: такъ какъ о мѣстонахожденіи этой земли золота не существуетъ никакихъ географическихъ свѣдѣній, то можно поддерживать всякія гипотезы. Какая бы изъ нихъ ни оказалась вѣрной, несомнѣнно, что Газскій край посѣщался цивилизованными чужестранцами уже гораздо ранѣе прибытія португальцевъ на восточный берегъ Африки, такъ какъ ими, т. е. португальцами, были найдены тамъ развалины построекъ, по своей архитектурѣ значительно превосходящихъ туземное строительное искусство: въ воображеніи португальцевъ эти зданія казались остатками тѣхъ магазиновъ, которые были возведены царицей Савской для храненія золота, предназначеннаго на уплату дани Соломону. О существованіи этихъ памятниковъ не забыли со временъ первыхъ португальскихъ путешественниковъ, однако, многіе изслѣдователи ихъ искали тщетно: первый, кому удалось (въ 1871 г.) отыскать эти знаменитыя развалины, былъ геологъ Carl Mauch. Развалины оказались расположенными около западнаго притока Саби, въ 300 километрахъ къ западу отъ города Софала, и представляютъ остатки двухъ крѣпостей, построенныхъ изъ гранита на двухъ холмахъ, лежащихъ вблизи другъ друга: изъ крапивы выступаетъ еще башня, вышиною около 10 метровъ. Mauch полагаетъ, что эти военныя постройки охраняли окрестныя копи. Названіе «Zimbaoé», данное имъ португальцами, и «Zimbabyé», употребляемое туземцами донынѣ, означаетъ «королевскую резиденцію». Рисунки, начертанные ромбы, на гранитѣ развалинъ и изображающіе круги, параллельныя линіи и цвѣтки, довольно схожи съ украшеніями на кафрской мебели. Возможно, слѣдовательно, что между нынѣшними обладателями Газскаго края и строителями Zimbabyé существовало нѣкоторое расовое родство; но, съ другой стороны, единогласно высказываемое туземцами преданіе гласитъ, что въ «Резиденціи» обитали «умѣющіе все дѣлать» бѣлые люди. Можетъ-быть, знаменитый Беноматапа, т. е. императоръ Мономотапа, или, другими словами, муэнэ Мотапа, т. е. «священный властитель»—повелѣвавшій всѣми народами въ странѣ во время прибытія португальцевъ на восточный берегъ Африки—и былъ преемникомъ тѣхъ королей, которые возвели форты Zimbabyé и другія постройки, разсѣянныя по плоскогорію, посреди лѣсовъ; возможно также, что жертвы, которыя окрестные чернокожіе приносятъ духамъ въ оградѣ

[1]) Saint-Vincent Erskine, „Journal of the R. Geographical Society“, 1875.

развалинъ, представляютъ лишь традиціонное продолженіе тѣхъ великихъ празднествъ, которыя нѣкогда справлялись могущественнымъ государемъ: Mauch—который, впрочемъ, не присутствовалъ на этихъ церемоніяхъ—полагаетъ, будто можно найти большія сходства между этими жертвоприношеніями и празднествами евреевъ. Нѣкоторыя изъ развалинъ гранитныхъ стѣнъ, около Zimbabyé, называются и нынѣ «алтарями» [1]). Всѣ постройки, открытыя въ этой области впослѣдствіи, находятся вблизи золотыхъ рудниковъ [2]).

Съ половины 16-го столѣтія, португальцы имѣли поселенія на этомъ берегу моря, продовольственные пункты для кораблей на ихъ долгомъ пути изъ Лиссабона въ Гоа. Много разъ предпринимались ими экспедиціи также и внутрь страны, именно въ горно-промышленную область Маники, о каковомъ пребываніи ихъ вдали отъ поморья свидѣтельствуютъ производившіяся ими рудокопныя работы. Правда, что эта дѣятельность португальцевъ со временемъ все уменьшалась: недавно сфера ихъ вліянія ограничивалась окрестностями городовъ Инхамбанэ, Шилоанэ и Софала; но нынѣ они снова дѣятельно занялись территоріею, присужденною имъ общимъ согласіемъ европейскихъ государствъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣятельность ихъ увѣнчается успѣхомъ, благодаря косвенному содѣйствію, доставляемому ихъ переселенцами, миссіонерами, купцами и искателями золота. Однако, истиннымъ властителемъ страны все еще является кафрскій король Газы, принадлежащій къ семейству зулусскаго воина Маникусса, который, вмѣстѣ съ 30 тысячами товарищей, избѣгъ въ 1830 году покоренія грознымъ Тшакой и, бѣжавъ, подобно племени ма-табелэ, въ направленіи къ сѣверу, основалъ тамъ новую державу. Территорія, жители которой платятъ дань Газскому королю, ограничена съ юга, неподалеку отъ Лоренсо-Маркеса, рѣкою Нкомати, притокомъ Маниссы, хотя часто Нкомати и смѣшивали съ самою Маниссою; на сѣверъ территорія продолжается вплоть до Замбезе, а на западъ—до королевства племени ма-тебелэ. Политическій центръ государства находится въ цитадели тѣхъ горъ, гдѣ зарождается р. Бузи. Недавно крааль, въ которомъ пребывалъ король, былъ въ Тшама-тшама, въ верхней долинѣ Умъ-Суэлизи или Верхней-Бузи; съ тѣхъ поръ, королевскій дворъ уже два раза перемѣщался въ другія области горъ.

Газскіе зулусы обыкновенно называются: умгони—южными населеніями, и ландинами—португальцами. Имѣя свои становища вблизи королевской резиденціи, они образуютъ правильное войско, раздѣленное на батальоны и полки, содержимые въ строгости вождями, или *индуана*, пытающимися сохранить преданія той тактики, которой слѣдовали ихъ побѣдоносные предки. Однако, это войско изъ главенствующаго племени, будучи безконечно слабо числомъ въ сравненіи съ численностью подвластныхъ ему племенъ, можетъ господствовать только посредствомъ страха; и, дѣйствительно, появляясь то тамъ, то сямъ, оно опустошаетъ поля и забираетъ припасы и скотъ. Какъ всегда, такое завоеваніе влечетъ за собою обѣднѣніе края и упадокъ цивилизаціи. Скипетромъ государей уже не служитъ, какъ это нѣкогда было у императора Мономотапа, мотыка [1]); они повелѣваютъ нынѣ посредствомъ меча. Племена, нѣкогда бывшія осѣдлыми, превратились въ орды кочевниковъ, покидающія свои поселки и воздѣланныя поля, какъ только приближается королевское войско. Разработка копей имъ запрещена, дабы они не обогатились [2]), а охота на слона не дозволяется потому, что это—благородное занятіе, и рабы не должны равняться съ своими владыками. Нѣкоторыя изъ племенъ перестали держать скотъ; племя ма-ндапда, населяющее равнины къ югу и къ юго-востоку отъ горъ резиденціи, стало разводить собакъ съ тою цѣлью, чтобы угнетатели оставляли бы имъ хотя это презираемое мясо. Недавно политика короля по отношенію къ европейцамъ была крайне опасливая: онъ разрѣшалъ имъ охоту или торговлю, но опредѣлялъ, по какимъ дорогамъ они должны проходить и на какихъ мѣстахъ останавливаться, а также вымогалъ подарки; въ 1872 году онъ заставилъ англичанина Erskine'а два съ половиною мѣсяца ожидать аудіенціи, хотя этотъ путешественникъ былъ политическимъ посломъ отъ Натальскаго правительства, и о присылкѣ его просилъ самъ же Газскій король. Въ наши дни, образъ дѣйствія этого государя измѣнился: неминуемость опасности побуждаетъ его къ большей снисходительности къ посламъ, миссіонерамъ и рудокопамъ. Не чувствуя себя уже довольно сильнымъ для того, чтобы не бояться того, кто вскорѣ станетъ его властелиномъ, онъ—правда, послѣ попытки къ сопротивленію—сталъ формальнымъ вассаломъ португальскаго правительства и обязался исполнять приказанія резидента, назначаемаго лиссабонскими министрами.

Первонасельники этой страны обыкновенно извѣстны подъ именемъ тонга, хотя они и отличаются отъ ама-тонговъ поморья, обитающихъ къ югу отъ бухты Делагоа. Въ большинствѣ они, кажется, родственны ба-сутамъ, на которыхъ походятъ наружностью, нравами,

[1]) Carl Mauch, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen", № 37.
[2]) J. Mackenzie, „Scottish Geographical Magazine", Іюнь, 1887.

[1]) Adolf Bastian, „Ethnologische Forschungen".
[2]) „Petermann's Mittheilungen".

миролюбивымъ характеромъ; они, какъ и басуты, склонны къ земледѣлію и скотоводству, настолько, по крайней мѣрѣ, насколько имъ это позволяютъ умгони; говорятъ они языкомъ, близко подходящимъ къ ба-сутскому. Всѣ эти презираемые тонги отличаются большой смышленостью и любознательностью; какъ только имъ удается освободиться отъ тираніи зулусовъ, они тотчасъ же снова принимаются за воздѣлываніе почвы и за свои промышленныя занятія. Большіе враги воинской дисциплины, они обсуждаютъ между собою свои дѣла и управляются совѣтомъ старѣйшихъ и мелкихъ начальниковъ. Ихъ круглыя хижины, состоящія изъ соединенныхъ ліанами кольевъ, промежутки между которыми заполнены глиною, вообще выше и лучше строятся, чѣмъ хижины зулусовъ и южныхъ кафровъ.

Тшоби, или чоби, т. е. «стрѣлки»—самые южные ба-суто въ Газскомъ краѣ. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ по сосѣдству съ Лимпопо, вдоль приморскихъ дюнъ, порабощены зулусами; сѣвернымъ же тшоби, также называемымъ португальцами миндонгами, удалось сохранить свою независимость, благодаря поддержкѣ, оказанной имъ гарнизономъ города Инхамбанэ; эти сѣверные тшоби и есть тѣ «Boa Gente», т. е. «хорошіе люди», о которыхъ говоритъ Васко де Гама [1]) Эти туземцы страшно обезображиваютъ себя, создавая на своемъ лицѣ три ряда прыщей: одинъ отъ верхняго края лба къ корню носа, и два другихъ отъ одного уха до другаго, при чемъ одинъ рядъ проходитъ чрезъ верхнюю губу, а другой чрезъ подбородокъ; въ этомъ они походятъ на Трансвальскихъ knobnuizen'овъ. Женщины одѣваются въ родъ тоги изъ лыка. На сѣверо-западъ отъ тшоби, по равнинамъ кочуютъ ма-куакуа; однако, занимаемую ими территорію можно проѣхать во всѣхъ направленіяхъ, не примѣтивъ ихъ становищъ, спрятанныхъ въ кустарникѣ; Erskine, напр., нашелъ на пространствѣ сотни километровъ только одни покинутые краали. Несчастные ма-куакуа, оставшіеся еще въ краѣ, не осмѣливаются даже воздѣлывать садовъ: до такой степени они страшатся посѣщеній своихъ братьевъ по расѣ, зулусовъ; однако, они заботливо ухаживаютъ за своими винными пальмами, небольшими деревьями, высотою всего только отъ $1^1/_2$ до 3 метровъ, но дающими весьма большое количество напитка. Ма-гуаза, живущіе на западъ и на сѣверо-западъ отъ ма-куа-куа, на берегахъ Лимпопо и его притоковъ, избѣгли посѣщеній зулусскихъ солдатъ: поэтому, они весьма многочисленны и владѣютъ большими, хорошо обработанными садами, а въ мѣстностяхъ, не наводненныхъ мухою цеце, также и стадами[1]).

Ма-лонгуэ или ма-ронгуи, живущіе къ сѣверу отъ ма-куанца, обитаютъ въ хижинахъ изъ коры; а за ними, по направленію къ дельтѣ Саби, край принадлежитъ племени била-кулу. Племя хленга, гораздо болѣе многочисленное, занимаетъ, на извѣстномъ разстояніи отъ поморья, область равнинъ, простирающихся внутри материка между долинами рѣкъ Лимпопо и Саби. Хленга—народъ лѣсной; не будучи въ состояніи воздѣлывать почву по причинѣ отсутствія воды и вслѣдствіе сосѣдства зулусовъ, они вынуждены жить исключительно сборомъ дикорастущихъ плодовъ и охотою: они отыскиваютъ дичь по слѣдамъ, на-подобіе собакъ, а, ранивъ животное, выслѣживаютъ его изо дня въ день, не упуская изъ виду и ночуя на кровяномъ слѣду. Они изучаютъ небо и вопрошаютъ полетъ ястребовъ, за которыми и слѣдуютъ, въ разсчетѣ принять участіе въ пиршествѣ найденною ястребами мертвечиною. Они весьма искусны въ разставленіи ловушекъ и, несмотря на запрещеніе всѣмъ тонгамъ охотиться на слона, находятъ средство спрятать заостренный колышекъ подъ лиственнымъ покровомъ въ той мѣстности, гдѣ должно пройдти животное: въ случаѣ ранѣнія, острая боль препятствуетъ ему продолжать путь и выдаетъ его охотнику [1]).

Къ сѣверу отъ Саби, племена тонга, будучи подъ непосредственнымъ надзоромъ зулусовъ, ведутъ жалкую жизнь рабовъ: таковы мандандa и ма-вдоуа, которые, повидимому, нѣкогда были весьма могущественны, а нынѣ прячутся въ кустарникахъ, одѣтые въ длинныя тоги, смастеренныя изъ коры баобаба. Что касается туземцевъ племени ки-теви, гуа-теви или абатеви, живущихъ сѣвернѣе, неподалеку отъ горъ Маника, то не представляютъ ли они потомковъ того народа китеве (Quiteve), о которомъ говоритъ доминиканкій монахъ Сантосъ, какъ о значительной націи, образующей центральное ядро имперіи Мономотапа? Традиціи этикета, соблюдаемыя при дворѣ короля племени умгони, кажется, по большей части унаслѣдованы отъ китевскаго государя. Между туземцами разсѣяны группы ба-лемпа, обрѣзанныхъ негровъ, которыхъ Mauch сравниваетъ по чертамъ лица и образу жизни съ евреями: у большинства изъ нихъ глаза красные и вѣки воспалены, какъ у польскихъ евреевъ. Они живутъ въ отдѣльныхъ деревняхъ и занимаются ростовщичествомъ и мелочной мѣновой торговлей, а также выдѣлываютъ желѣзную проволоку для украшеній.

Въ южной части территоріи, португальцы основали лишь одинъ городъ, носящій кафрское наименованіе: Инхамбанэ [2]). Городъ этотъ

[1]) João de Andredo Corvo, „Estudos sobre os Provincias Ultramarinas".

[2]) Richards, „Afrique explorée et civilisée". Апрѣль, 1885.

[1]) Saint-Vincent Erskine, упом. соч.

[2]) Два слога inha, которыми начинаются многія наименованія мѣстъ въ восточной португальской Африкѣ,

расположенъ на восточномъ берегу большой бухты, свободной отъ каменныхъ подводныхъ рифовъ и походящей на бухту Лоренсо-Маркесъ, хотя и съ меньшими удобствами для мореплавателей. Въ южной своей части заливъ этотъ съуживается въ каналъ, соединяющій море съ гаванью: здѣсь-то и находится портъ, доступный лишь для судовъ съ осадкою отъ 3 до 4 метровъ. Городъ, построенный довольно хорошо, возвышается на продолговатомъ холмѣ, который при высокомъ приливѣ почти со всѣхъ сторонъ бываетъ окруженъ морскою водою. Около двухъ тысячъ жителей: бѣлыхъ, черныхъ и мѣднокрасныхъ, христіанъ, магометанъ, баніановъ и огнепоклонниковъ—населяютъ Инхамбанэ; будучи центромъ пропаганды ислама между окрестными неграми, онъ, на-ряду съ христіанскими храмами, имѣетъ также и мечеть; въ сотнѣ километровъ къ сѣверу отъ Инхамбанэ, на прибрежномъ островѣ, виднѣются развалины бывшей арабской деревни. Вывозъ рабовъ и слоновой кости, нѣкогда бывшихъ единственными товарами, смѣнился направленіемъ за границу воска, каучука, копала, орѣха коко и земляныхъ фисташекъ; въ обмѣнъ же за эти продукты, инхамбанскіе торговцы доставляютъ туземцамъ желѣзо въ полосахъ и въ прутахъ. Пальмовыя плантаціи, простирающіяся болѣе, чѣмъ на 400 гектаровъ, содержатъ около 180 тысячъ кокосовыхъ деревьевъ; въ послѣднее время также разведены плантаціи тростниковаго сахара, чайнаго и хиннаго деревьевъ. Весьма важно развивать земледѣльческую культуру въ окрестностяхъ Инхамбанэ и получать продукты для созданія мѣстной торговли, такъ какъ Инхамбанскій портъ, будучи окруженъ пустынями, оказывается на гораздо большемъ, чѣмъ Лоренсо-Маркесъ, разстояніи отъ земледѣльческихъ и горно-промышленныхъ областей внутри страны, отъ которыхъ его отдѣляютъ долина р. Лимпопо и обширныя, почти необитаемыя равнины, гдѣ муха цеце умерщвляетъ скотъ. Въ 1834 году Инхамбанэ былъ взятъ кафрами или ландинами, и даже недавно можно было ожидать новыхъ нападеній.

Къ сѣверу отъ бухты Инхамбанэ, небольшіе португальскіе порты охраняютъ морское побережье; одинъ на островѣ Базаруто, гдѣ производится ловъ, впрочемъ, незначительный, перламутровыхъ раковинъ и голотурій, а другой на островѣ Шилоанэ, мѣстѣ ссылки, въ болотистой дельтѣ р. Саби: здѣсь окрестные солоноватые каналы-протоки населены гиппопотамами. Въ прежнее время, чаще всего посѣщаемая газская гавань находилась внѣ рѣчнаго бассейна, на низменномъ берегу залива, далеко вдающагося внутрь земель: это рейдъ города Софала, къ сожалѣнію, недоступный для судовъ съ большою водоизмѣстимостью. Португальцы, основавшіе въ этихъ мѣстностяхъ свое первое поселеніе между рѣками Лимпопо и Замбезе, полагали этимъ возстановить соломоновскій городъ Офиръ и производили отъ этого имени названіе своей крѣпостцы, отъ которой одна башня сохранилась еще до сихъ поръ; точно также рѣка Саби была названа, по ихъ мнѣнію, въ честь царицы Савской. Раньше открытія превосходнаго порта Бангуэ—образуемаго устьемъ р. Понгуэ или Аруангуа [1])—Софала, центръ нынѣ уже слабѣющей торговой дѣятельности, представлялъ ту выгоду, что былъ ближайшимъ приморскимъ портомъ какъ къ массиву горъ, гдѣ проживали умгони, такъ и къ плоскогорію Маники, прославившемуся своими золотыми розсыпями; песчинки золота находили даже въ пескѣ пляжа около города Софала.

Геологи, посѣтившіе Маику, еще не открыли ни скалъ гранитнаго массива, гдѣ находятся золотоносныя жилы, ни залежей драгоцѣнныхъ камней, откуда женщины добываютъ себѣ чудныя вставки для серегъ. Долина, пески которой эксплоатируютъ путемъ промыванія, находится въ южной части горъ: буровыя скважины, глубиною отъ 5 до 6 метровъ, вырытыя въ наносныхъ земляхъ и превосходно сохранившіяся, напоминаютъ о португальскихъ разработкахъ, которымъ, впрочемъ, предшествовали еще болѣе раннія работы, приписываемыя преданіемъ какому-то «бѣлому народу, съ длинными черными волосами» [2]); около мѣстечка Массикессэ, которое было столицею провинціи, также видны кое-какія развалины древняго города, уже покинутаго въ концѣ прошлаго столѣтія, вслѣдствіе «справедливыхъ репрессалій» возставшихъ туземцевъ [3]), и разрушеннаго, затѣмъ, зулусами. Послѣдніе перебили большую часть жителей и запретили возобновленіе горнопромышленныхъ работъ. Для разработки снова этихъ копей, а также для возстановленія имѣвшей важное значеніе «Маникской ярмарки», происходившей въ Массикессэ, составилась «Офирская компанія»; но, по мнѣнію нѣкоторыхъ геологовъ, пески долины Маники содержатъ золота немного—въ среднемъ, на кубическій метръ не болѣе полуграмма [4]). Будущее богатство края заключается въ плодородіи его долинъ, такъ какъ ни въ какой области Южной Африки нѣтъ земель, лучше орошенныхъ и болѣе плодородныхъ. «Въ Маникѣ не извѣстны ни засухи, ни плохіе урожаи».

представляютъ просто ту согласную, которую испанцы изображаютъ буквою n. („Boletim da Sociedade de Moçambique". 1881. № 5).

[1]) C. Paiva de Andrada, „Relatorio de uma Viagem as terras dos Landins".

[2]) Chauncy Maples;—L. Cordeiro,—O'Neill, „Proceedings of the R. Geographical Society", 1887.

[3]) Fr. Maria Bordalo, „Ensaios sobre a Estatistica das Possessoes Portuguezas no Ultramar".

[4]) Kuss, упом. соч.

Regulo, т. е. «царекъ» негритянскій, пребываетъ въ Мулассѣ, на сѣверо-западѣ массива; будучи вассаломъ португальскаго правительства, онъ находится подъ наблюденіемъ capitâo-mor'a, который помѣстилъ свой маленькій гарнизонъ въ природной крѣпости Массарѣ, расположенной на громадномъ, съ вертикальными стѣнками, утесѣ, доступномъ только по головокружительной тропинкѣ. Три тысячи ландиновъ тщетно пытались взять ее приступомъ: на нихъ скатывали большіе камни, которые и раздавили большое число нападавшихъ [1]). Главный городъ обширнаго округа, называемаго Маника и Китеве, недавно основанъ въ горахъ сьерры Горонгозы, въ селеніи Инхангу, называемомъ *Villa Gouvia* по имени, которое туземцы даютъ capitâo mor'y. Нѣкогда окрестныя горы были совершенно пустынны; нынѣ онѣ заселяются, и роты дисциплинированныхъ ландиновъ правительство употребляетъ уже для защиты этого новаго пріобрѣтенія Португаліи отъ ихъ же соотечественниковъ. Кромѣ того, бывшее королевство Баруэ, завоеванное цѣликомъ «капитанъ-майоромъ» Маники, стало его личною собственностью, и всѣ выгоды отъ мѣстной торговли воскомъ и другими продуктами принадлежатъ исключительно ему [1]).

Глава IX

Бассейны рѣкъ Замбезе и Ку-Банго.

I. Общій взглядъ.

По длинѣ теченія, пространству своего бассейна и объему своей жидкой массы, Замбези или Замбезе—четвертая рѣка Африки, послѣ Конго, Нигера и Нила. Но какъ ни значительна эта рѣка, она, вѣроятно, есть лишь остатокъ прежняго гораздо болѣе могучаго потока водъ. Изливавшіяся въ нее, на западѣ и юго-западѣ, многоводныя рѣки уже перестали его достигать; между центральнымъ и второстепными бассейнами выступили водораздѣльные пороги; образовались водныя площади, которыя уже не имѣютъ истока, а только испаряются. Однако, если съ гидрологической точки зрѣнія единства страны уже не существуетъ, то въ геологическомъ отношеніи, оно тѣмъ не менѣе очевидно, такъ какъ Ку-Банго и Замбезе принадлежатъ къ одной и той же покатости, какъ это было давно уже доказано португальскими изслѣдованіями, предшествовавшими изысканіямъ Ливингстона. Но внѣ Португаліи эти путешествія оставались неизвѣстными большинству географовъ, такъ что собственно открытіемъ верхняго теченія Замбезе міръ обязанъ Ливингстону. По его слѣдамъ ходили многіе другіе путешественники, особенно португальцы, Серпа Пинто, Britto Capello и Ivens, Hermengildo Capello, усердно занимались изслѣдованіемъ этой страны, которая, въ раздѣлѣ Африки, заранѣе присваивается ихъ отечеству, отъ «берега до берега», т. е. отъ Атлантическаго океана до Индійскаго, и которая на картахъ этихъ путешественниковъ изображается,—быть-можетъ, на очень значительномъ протяженіи—какъ будущая Африканская Португалія [2]).

Научное завладѣніе данными странами, предшествовавшее политическому ихъ присоединенію, совершилось отчасти путемъ Замбезе; но эта рѣка,—менѣе глубокая, менѣе широкая, чѣмъ Конго, и въ особенности болѣе преграждаемая въ своей средней долинѣ водопадами,—можетъ служить дорогой для изслѣдователей только въ небольшой части своего теченія; равнымъ образомъ гораздо незначительнѣе, по сравненію съ Заирою, и развѣтвленіе судоходства, пути для котораго доставляютъ притоки Замбезе. Замбезскій бассейнъ уступаетъ также бассейну великой экваторіальной рѣки и естественными богатствами; въ немъ менѣе воды, растительность менѣе разнообразна, населеніе сравнительно малочисленнѣе, хотя, конечно, есть отдѣльные плодородные округи, густо населенные. Въ общемъ, бассейны Замбезе Ку-Банги и другихъ рѣкъ той же покатости представляютъ область, равную приблизительно двумъ милліонамъ квадратныхъ километровъ. Что же касается численности ея населенія, то, по исчисленіямъ, далеко, впрочемъ, не точнымъ, она достигаетъ четырехъ или пяти милліоновъ человѣкъ, между которыми бѣлыхъ, вмѣстѣ съ

[1]) C. Paiva de Andrada, упом. соч.

[1]) „As colonias Portuguezas", 1885.

[2]) A. A. d'Olivera, „Carta da Africa meridional Portugueza". 1886. Escala 1:6.000.000.

проживающими въ Quelimane, быть-можетъ, наберется до двухъ тысячъ Обезлюденіе этихъ богатыхъ странъ, гдѣ было бы привольно даже и двумъ стамъ милліонамъ людей, объясняется тѣми истребительными войнами, которыя велись во многихъ округахъ даннаго края Вотъ относящіяся сюда приблизительныя числовыя данныя:

	Поверхность. кв. кил.	Вѣроятное населеніе.	Нас. на 1 килом.
Бассейнъ Замбезе.	1.235.000	4.000.000	3,2
» Ку-Банго и озеръ	785.000	500.000	0,6
Всего .	2.102.000	4.500.000	2,1

Восточная покатость Африки, въ сопредѣльныхъ бассейнахъ рѣкъ Ку-Банго и Замбезе, начинается въ сравнительно небольшомъ разстояніи отъ Атлантическаго океана; верхніе истоки Ку-Банги или Оковангн находятся всего лишь въ 400 километрахъ къ востоку отъ порта Бенгуэла, между тѣмъ какъ до Индійскаго океана отъ нихъ по прямой линіи 2.500 километровъ. Ку-Банго, зарождающаяся въ краѣ Бихэ (Bihé), на южномъ склонѣ горъ, которыя по другую сторону даютъ начало притокамъ Куанзы, сначала течетъ по направленію къ югу параллельно Кунэнэ и оси приморскихъ горъ Анголы; поэтому многіе путешественники, въ томъ числѣ и Ladislas Magyar, полагали,—основываясь на показаніяхъ туземцевъ,—что Ку-Банго представляетъ притокъ Атлантическаго океана, изливающійся въ него чрезъ рѣку Кунэнэ. Неподалеку отъ своего начала, Ку-Банго скрывается подъ скалами, потомъ мѣстами снова появляется, опять пропадаетъ и окончательно выходитъ на поверхность только въ десяти километрахъ отъ мѣста своего перваго исчезновенія [1]); послѣ этого она змѣится въ узкой долинѣ между холмами, покрытыми травою и лѣсомъ; затѣмъ исподволь поворачиваетъ къ юго-востоку и, увеличиваясь на пути отъ впаденія въ нее тѣхъ рѣчекъ, которыя спускаются по параллельнымъ съ нею и направляющимся съ сѣвера на югъ долинамъ: Ку-Эйо, Ку-Атиръ и Луа-Тута. Въ мѣстности, гдѣ Capello и Ivens переправились чрезъ рѣку, 10 іюля, т. е. по минованіи полуторамѣсячной засухи, рѣчной потокъ имѣлъ въ ширину сорокъ метровъ, при глубинѣ, среднимъ числомъ, въ три метра, и при скорости въ два съ половиною метра въ часъ. Куда же дѣвается эта масса жидкости, сильно возрастающая въ сезонъ дождей и болѣе чѣмъ удвоивающаяся отъ сліянія съ рѣкою Ку-Ито, которая зарождается на поперечномъ водораздѣлѣ Африки, къ югу отъ Куанго и Кассаи, и имѣетъ не менѣе 800 километровъ длины? Два только-что названные португальскіе изслѣдователи высказываютъ предположеніе, что соединенныя рѣки Ку-Банго и Ку-Ито текутъ прямо на востокъ, изливая въ Замбезе, чрезъ Куа-Ндо или Чобе, значительную часть своихъ водъ. Таково же мнѣніе и другихъ путешественниковъ, подкрѣпляемое разсказами туземцевъ. Andrews Anderson, объѣхавшій эту страну во всѣхъ направленіяхъ, указываетъ въ этомъ мѣстѣ только болотистую область, въ которой происходитъ, по крайней мѣрѣ въ сезонъ дождей, медленное перемѣщеніе рѣчныхъ водъ, если не теченіе въ собственномъ смыслѣ слова [1]). Какъ бы тамъ ни было, почти совершенная горизонтальность равнинъ, по которымъ протекаетъ Ку-Банго книзу отъ той мѣстности, гдѣ она приближается къ Куа-Ндо, и обусловливаетъ наблюдаемыя тамъ обратныя теченія водъ. Кажется даже, что Кунэнэ иногда бываетъ въ сообщеніи съ Замбезе чрезъ умарамби озера Этоша и сѣти потоковъ, изливающихся на востокъ [2]). Благодаря именно этимъ временнымъ, порождаемымъ наводненіями, потокамъ, гиппопотамы и могли переселятся изъ лагуны въ лагуну вплоть до восточной подошвы горъ Хереро [3]). Съ этихъ горъ спускаются потоки, изъ которыхъ, по свидѣтельству Андерсона, одинъ никогда не высыхаетъ, даже въ срединѣ лѣта. Одинъ изъ главныхъ источниковъ, который едва можно примѣтить сквозь густую листву растеній, вытекаетъ у подошвы Ватерберга, т. е. «водяной горы», обширнаго песчаниковаго плоскогорья, въ которое просачиваются дожди [4]).

Древнее озеро, наполнявшее эту область Африки между прибрежными высотами Лимпопо и горами Дама-ра, до образованія ущелій р. Замбези, чрезъ которыя опорожнился этотъ обширный бассейнъ, еще вполнѣ не исчезло: остались разбросанные пруды, которые перемѣщаются, увеличиваются или уменьшаются въ размѣрахъ, смотря по обилію или рѣдкости дождей и по количеству осѣдающихъ илистыхъ частицъ. На то, что данныя воды долго пребывали въ обширномъ внутреннемъ морѣ, указываетъ не только горизонтальность почвы, но также и образованіе озерныхъ отложеній. Вся равнина какъ бы вымощена туфомъ, болѣе или менѣе мягкимъ, смотря по тому, выставленъ ли онъ дѣйствію воздуха, или прикрытъ обломками и наносами; повсюду при раскапываніи почвы, находятъ рѣчныя раковины, подобныя тѣмъ, которыя встрѣчаются въ р. Замбезе и понынѣ [5]). Ло-

[1]) Ladislas Magyar, упом. соч.

[1]) „Proceedings of the R. Geographical Society". January, 1884.

[2]) Duparquet, „Cimbébasie". — „Bulletin de la Société de Géographie". 2 semestre, 1880.

[3]) Charles John Andersen, „Lake Ngami".

[4]) „Petermann's Mittheilungen", 1878, Heft. VIII.

[5]) Livingstone, „Explorations dans l'Afrique australe".

же Ку-Банги и рѣчекъ, спускающихся изъ области Дама-ра и затѣмъ развѣтвляющихся въ большой равнинѣ, окаймлены углубленіями, въ которыхъ, въ сезонъ дождей, скопляются воды, образуя временныя озера; кромѣ того, эти рѣчки выдѣляютъ изъ себя вѣтви (*mololl-i* или *laagten* по-голландски), въ которыя изливается излишекъ водной массы, но гдѣ воды текутъ въ обратную сторону и въ сезонъ засухи возвращаются въ главный потокъ: движеніе воды тамъ мѣняетъ направленіе въ зависимости отъ годичныхъ измѣненій въ климатѣ. Такими мололлами, съ нормальнымъ или обратнымъ теченіемъ водъ, окаймлена рѣка Тонкэ, Тонка или Тіожэ, получающая излишнюю воду изъ низовой Ку-Банго, но порою совершенно высыхающая, и ложе которой, перерѣзанное нѣсколькими порогами, служитъ дорогою для бушменовъ. Обыкновенно Тонкэ изливается послѣ дождей, въ озеро Нгами; но съ 1886 года она измѣнила свое направленіе и стала теряться въ обширномъ болотѣ, воды котораго, при посредствѣ различныхъ рукавовъ, направлялись на соединеніе на востокѣ и юго-востокѣ съ ложами рѣкъ Чобе и Зуги [1]). Каждый изъ проникающихъ въ эти пустыни путешественниковъ иначе изображаетъ очертанія озерныхъ поверхностей и развѣтвленія ихъ притоковъ или истоковъ [2]).

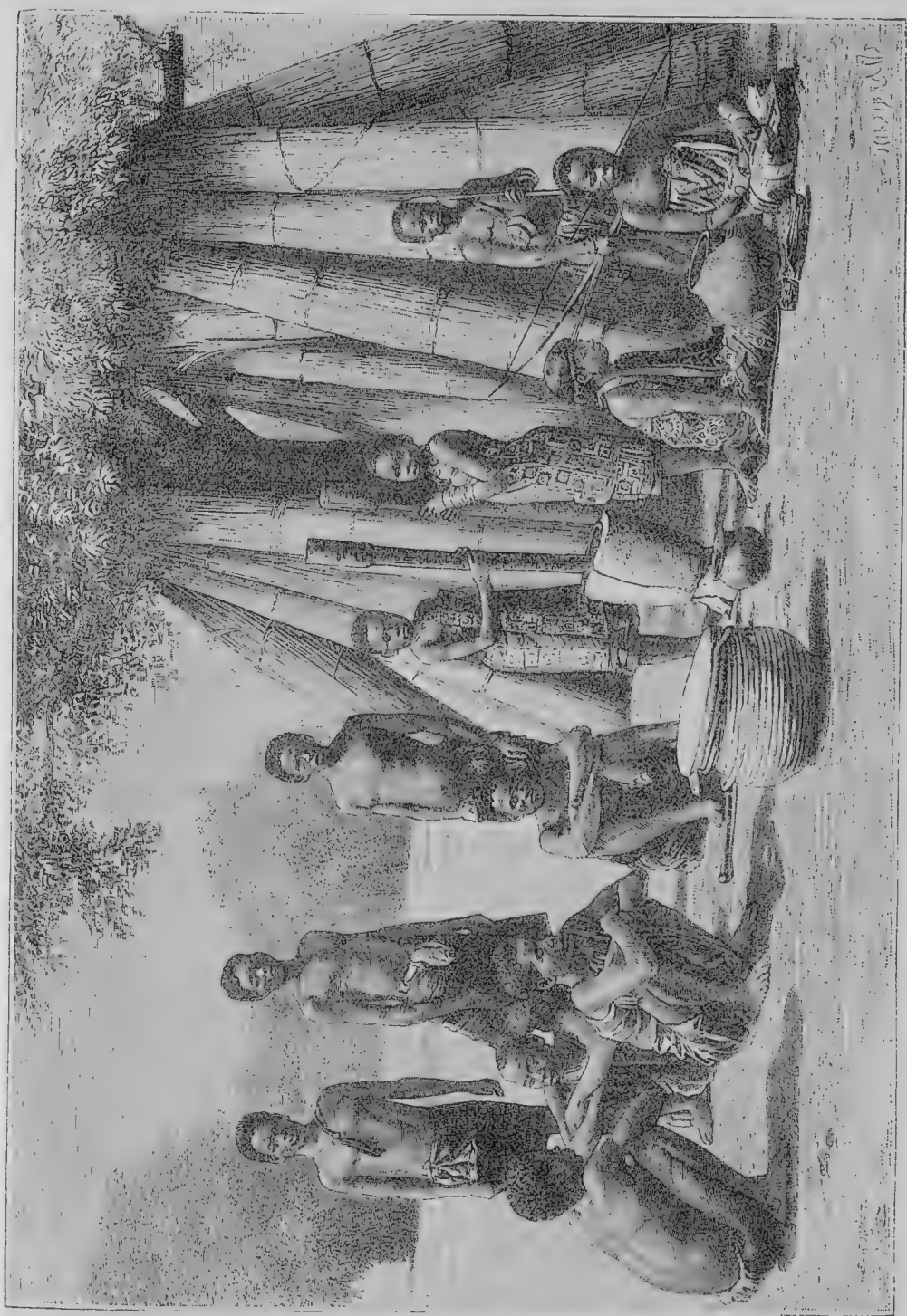
Озеро Нгами, Нагаби или Нааби, т. е. «вода по преимуществу» [3]), или «озеро жирафа», по Чампану, представляетъ одинъ изъ этихъ бассейновъ съ измѣнчивыми берегами, подобныхъ шоттамъ Берберіи: каждый путешественникъ рисуетъ его очертанія различно. Наиболѣе постояннымъ изъ его береговъ оказывается южный, такъ какъ земная поверхность въ этой мѣстности приподнята; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ озера существуетъ даже возвышенность, Маккаполо, превосходящая уровень въ озерѣ на 365 метровъ, а по другимъ исчисленіямъ, на 807 или даже на 893 метра. Нгами, открытое Ливингстономъ къ 1849 году, показалось ему тогда имѣющимъ около сотни километровъ по протяженію съ востока на западъ; въ ширину же оно было гораздо меньше, такъ что съ южнаго берега можно было видѣть сѣверный. Туземцы исчисляли окружность Нгами тремя днями пути; но объѣхать озеро въ лодкѣ было бы затруднительно, такъ какъ мѣстами оно до того мелко, что лодочники не могутъ пользоваться веслами и должны проталкивать шестами свои челноки или тростниковые плоты. Самаго высокаго уровня озеро это обыкновенно достигаетъ въ апрѣлѣ и іюлѣ; тогда его воды, избавившись отъ излишка чрезъ вытекающіе изъ него ручьи, становятся прѣсными; между тѣмъ, во время убыли, по мѣрѣ того, какъ уровень озера понижается, а окружность съуживается, вода становится соленою, при чемъ кристаллы соли отлагаются даже и на прибрежномъ тростникѣ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окаймляетъ озеро полосою въ нѣсколько метровъ ширины. Въ уровнѣ Нгами наблюдаются частыя колебанія, что̀, конечно, зависитъ какъ отъ разницы въ барометрическомъ давленіи на этотъ бассейнъ съ плоскимъ дномъ, такъ и отъ разницы въ приносѣ и уносѣ водъ Тонкою и другими рѣчками. Правильно смѣняющіе друга друга утренніе и вечерніе вѣтры перемѣщаютъ озеро; такъ, утромъ восточная бриза гонитъ его воды къ западу, а затѣмъ, въ соотвѣтствіи съ положеніемъ на небѣ солнца, вѣтеръ мѣняется, и вечерняя бриза увлекаетъ озерныя воды снова на востокъ: «Каждый день озеро отправляется на пастьбу, а затѣмъ возвращается въ овчарню» [1]). По Ливингстону, озеро Нгами питается не только видимыми рѣчками, но также и подземными водами, исходящими изъ-подъ холмовъ на югѣ, гдѣ пористые песчаники покоются на пластѣ изъ водонепроницаемой горной породы. Во многихъ мѣстностяхъ почва довольно хорошо орошается, для того, чтобы древесная растительность могла проявить богатство и блескъ, подобные растительности на наносныхъ земляхъ низовьевъ Замбезе; въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, виднѣются лишь колючія деревья, кустарники, или даже угрюмыя, покрытыя пескомъ пространства.

Въ теченіе большей части года Нгами изливаетъ свои воды на востокъ, чрезъ посредство рѣчки Зуги, которая сначала течетъ на востокъ, потомъ на югъ и затѣмъ опять на востокъ, направляясь на соединеніе съ обширнымъ солончакомъ Макаракара (Макаракари, т. е. «миражемъ», содержащимъ порою лишь немного перемѣщающейся по вѣтру воды. Отъ Нгами до Макаракары, на пространствѣ не менѣе четырехсотъ километровъ отъ заза къ востоку, измѣренія Андерсона не обнаружили почти никакой разницы въ уровнѣ: колебаніе въ нѣсколько сантиметровъ—такова вѣроятная денивелляція дна древняго озернаго бассейна. Оттого малѣйшее препятствіе, малѣйшее измѣненіе въ барометрическомъ давленіи, малѣйшая смѣна сухости и влажности воздуха, появленіе небольшой поросли тростника—достаточны для того, чтобы бродящія по равнинѣ «Тысячи озеръ» воды перемѣнили свое теченіе [2]). Страна повсюду усѣяна рѣчными ложами, содержащими воду, или высохшими лужами и солончаками, которые часто мѣняютъ мѣсто и очертанія. Раз-

[1]) „Peterman's Mittheilungen". 1886 Heft X.
[2]) B. Capello e R. Ivens; — Ch. I. Anderson; — A. Anderson. упом. соч.
[3]) „Petermann's Mittheilungen". 1889.

[1]) Chapmann, „Travels into the interior of Africa".
[2]) Chapmann, упом. соч.

вѣтвленіе laagten'овъ до такой степени перепутано, что въ эпоху высокихъ водъ, когда туземцы отваживаются пускаться на лодкахъ по несущимся по равнинѣ потокамъ, они часто сбиваются съ пути и затѣмъ розыскиваютъ его по цѣлымъ днямъ. Даже Зуга—единственная рѣка на равнинѣ, имѣющая воду во всѣ времена года [1]),—мѣняетъ направленіе своего теченія: такъ, выходя въ апрѣлѣ и въ маѣ изъ Нгами, она течетъ въ него обратно въ слѣдующіе два мѣсяца. Въ періодъ высокихъ водъ, вѣтвь Зуги, Мабабэ, направляетъ свое теченіе на сѣверъ, и между тѣмъ, какъ одна часть ея водъ теряется среди песковъ, другая достигаетъ р. Чобе, притока р. Замбезе. Такимъ образомъ, гидрологическая система Ку-Банги временно бываетъ въ соединеніи съ системою Замбезе, и сліяніе водъ въ од-



Типы племени уа-сагара.

[1]) Emil Holub, „Proceedings of the R. Geographical Society". March, 1880.

номъ и томъ же рѣчномъ бассейнѣ возстановляется [1]). Красивые лѣса, тамъ и сямъ высоко вздымающія свои кроны стройныя пальмы, стоящіе одиноко исполинскіе баобабы, господствуютъ надъ необозримымъ пространствомъ равнины; нѣсколько холмовъ, принимающихъ видъ горъ, разсѣяны островками и архипелагами среди африканскаго моря. Окружность равнины въ большой части состоитъ изъ вулканическихъ формацій [2]).

Рѣка Куа-Ндо (Куандо) или Чобе, нижнее теченіе которой соединяетъ Ку-Банго съ Замбезе, зарождается, какъ и Ку-Банго и Замбезе, на южномъ склонѣ поперечнаго водораздѣла, который протягивается отъ Бихэ до области великихъ восточныхъ озеръ. Она просачивается ручейкомъ изъ болота, образовавшагося въ углубленіи между двумя холмами; по Serpa Pinto, истокъ ея находится на высотѣ 1.362 метровъ. Куа-Ндо течетъ сначала на юго-востокъ, затѣмъ получаетъ цѣлый пукъ другихъ потоковъ, превращающихъ ее въ настоящую рѣку, судоходную на большей части теченія, хотя мѣстами загражденную лѣсами тростника. Въ этой области, Куа-Ндо отдѣляется едва замѣтнымъ водораздѣломъ отъ восточнаго бассейна, т. е. отъ бассейна Замбезе въ собственномъ смыслѣ; однако, она сохраняетъ свое независимое теченіе и, параллельно главной рѣкѣ, спускается на югъ, чтобы вступить въ обширную аллювіальную равнину, куда изливаются также воды Ку-Банго. Иногда, во время исключительныхъ разливовъ, Куа-Ндо, соединяясь съ Ку-Банго, поворачиваетъ къ востоку и образуетъ извилистое озеро, Чобе, которое во многихъ мѣстахъ походитъ на рѣку: когда по ней плавалъ Ливингстонъ, потокъ, въ среднемъ, имѣлъ отъ 4 до 5 метровъ глубины; однако, въ виду крутыхъ поворотовъ рѣки, пароходъ не могъ бы подняться вверхъ по теченію. Съ Замбезе сліяніе Куа-Ндо совершается при посредствѣ многочисленныхъ протоковъ, образующихъ настоящій лабиринтъ; въ числѣ земель, въ промежуткахъ между этими протоками въ области сліянія, находится одинъ островъ вулканическаго происхожденія [3]). Какъ и всѣ другіе потоки въ данной области, Чобе прорылъ свое ложе, съ вертикально поднимающимися берегами, въ слоѣ мягкаго известковаго туфа, отложившагося нѣкогда на днѣ средиземнаго озера. Во время половодій, продолжающихся съ декабря или января по мартъ, возвышенія почвы исчезаютъ подъ всегда прозрачною, обширною поверхностью воды двухъ соединившихся рѣкъ. Годичная разница между высокими и низкими водами колеблется между 6 и 7 метрами.

Хотя Ку-Банго и Куа-Ндо зарождаются на весьма далекомъ разстояніи отъ Индійскаго океана, но за истинную Замбезе принимаютъ небольшую рѣчку, начинающуюся гораздо ближе отъ океана, Либу (Liba), вытекающую неподалеку отъ истоковъ Лу-Луа, мощнаго притока Кассаи; одинъ изъ притоковъ верхней Лубы есть Ло-Тембуа, выходящій изъ открытаго Ливингстономъ, раздѣляющаго два бассейна, озера Дилоло. Большое число другихъ «дѣтей» — такъ называютъ туземцы притоки Либы—сливаются, затѣмъ, съ «матерью», которая вскорѣ становится Ліа-мбаи или Замбезе (Замбези), т. е. «рѣкою по преимуществу» [1]). Но большая часть дождевыхъ водъ, выпадая на совершенно ровную почву, не можетъ достигать рѣки и остается въ видѣ лужъ посреди покрытыхъ тростникомъ равнинъ, издалека походящихъ на безграничную прэрію: лишь кое-гдѣ виднѣются на этомъ болотистомъ пространствѣ нѣсколько покрытыхъ лѣсомъ островковъ. Между рѣчками съ постояннымъ теченіемъ, гдѣ гиппопотамы рѣзвятся въ теченіе цѣлаго года,—главною является Лу-Эна, бассейнъ которой простирается на большое разстояніе къ западу; затѣмъ, въ сотнѣ километровъ отъ той мѣстности, гдѣ Замбезе становится судоходной, она соединяетъ свои черноватыя воды съ желтоватыми водами притока, который Ливингстонъ считалъ главной рѣкой, но который уступаетъ Замбезе по длинѣ и по массѣ жидкости: это — рѣка Кабомпо, изслѣдованная Capello и Ivens'омъ.

Книзу отъ этого сліянія, Замбезе увеличивается, вслѣдствіе впаденія въ нее рѣки Луа-Нго-Нбунго, которая зарождается по сосѣдству съ истоками Куа-Ндо, а затѣмъ протекаетъ чрезъ обширныя равнины Лобали, представляющія, смотря по времени года, то травянистыя болота, то безводныя степи. Книзу отъ впаденія Луа-Нго-Нбунго, видъ мѣстности не измѣняется: соединенный потокъ течетъ прямо на югъ по лишенной наклона равнинѣ, по которой, во время дождей, наводняющіе ее потоки распространяются въ видѣ необъятныхъ водныхъ поверхностей. Волны увлекаютъ съ собой также и травянистые острова, отрываемые отъ мѣстъ своего прикрѣпленія. Въ сухое же время года, рѣка изъ безбрежнаго озера превращается въ правильнаго вида каналъ, текущій между вертикально поднимающимися землистыми берегами, состоящими изъ земли, смѣшанной съ пескомъ и разноцвѣтной глиной, гдѣ щурки и зимородки свиваютъ свои гнѣзда. Рѣка быстро, но равномѣрно течетъ на пространствѣ болѣе, чѣмъ 300 километровъ; затѣмъ, она мѣняетъ направленіе и, миновавъ

[1]) A. A. Anderson, ун. соч.

[2]) Emil Holub, „Mittheilungen der Geographichen Gesellschaft in Wien". Aug. 1886.

[3]) D. Livingstone, упом. соч.

[1]) „Рѣка рыбъ или дичи", по Desborough Cooley.

лѣсистые острова, несется на юго-востокъ между скалами, которыя постепенно сближаются, такъ что вскорѣ между ними остается разстояніе не болѣе 60 — 100 метровъ. Сжатая въ этомъ каналѣ, вода, поднимающаяся во время разливовъ на 15 — 18 метровъ, такъ сильно бурлитъ и клокочетъ, что всякое судоходство становится невозможнымъ; но, кверху отъ быстринъ, называемыхъ «порогами Гоніэ», гребныя суда, которыя со-временемъ будутъ смѣнены пароходами, имѣютъ свободнаго пространства болѣе, чѣмъ на протяженіи 400 километровъ, вплоть до того водораздѣла, на которомъ зарождаются притоки Кассаи. Книзу отъ Гоніэйскихъ пороговъ, перерывы теченія довольно часты: гряды скалъ пересѣкаютъ рѣку, соединяя другъ съ другомъ береговые утесы. Каждый порогъ, каждый водопадъ отличается отъ другихъ видомъ: иной рифъ тянется на одинаковой высотѣ и безъ перерыва, отъ одного берега до другаго, и вода скатывается съ него ровной скатертью, словно съ искусственной запруды; въ другомъ, напротивъ, есть проломы, черезъ которые вода убѣгаетъ какъ-бы черезъ ворота въ шлюзѣ; въ иномъ мѣстѣ ряды скалъ прерываютъ потокъ рѣки въ косвенномъ направленіи, а между клокочущими шлюзами разсѣяны острова. На протяженіи двадцати километровъ, Голубъ насчиталъ сорокъ шесть пороговъ и водопадовъ, изъ которыхъ иные опасно переходить или обходить. Было бы даже не возможно отваживаться на это, если бы не то обстоятельство, что крокодилы держатся на извѣстномъ разстояніи отъ каскадовъ: поднимающіеся вверхъ по рѣкѣ лодочники могутъ приблизиться къ скаламъ, сложить свои товары на какомъ-нибудь выдающемся пунктѣ подводнаго рифа, втащить лодку въ верхній плесъ, быстро влѣзть въ нее и снова поплыть черезъ ряды плавающихъ на глубокой водѣ крокодиловъ. Послѣдній водопадъ называется Катима-Мулело. Книзу отъ него, Замбезе свободна отъ всякаго препятствія на протяженіи 200 километровъ вплоть до сѣти потоковъ, которая разветвляется на югѣ по направленію къ озерамъ Чобэ, выше большаго водопада.

Водопадъ *Mosi oa-Tounya*, т. е. «гремящій дымъ»[1]), чрезъ который вылилось внутреннее море, маленькимъ остаткомъ котораго является озеро Нгами, представляетъ единственное въ мірѣ зрѣлище. Есть много рѣкъ, которыя низвергаются одною струею на бо̀льшую глубину, или у которыхъ обрушивающаяся масса водъ являетъ болѣе величественный видъ; но нигдѣ не видано, какъ на водопадѣ Замбезе, чтобы рѣка цѣликомъ ниспадала въ узкую пропасть, дно которой остается сокрытымъ подъ кружащимися клубами паровъ, и откуда бурлящая масса вырывается чрезъ трещину, которую нельзя даже разглядѣть, развѣ только съ какого-нибудь опаснаго мыса: кажется, будто Замбезе вдругъ погрузилась въ бездну и исчезла въ преисподнихъ земли. Выше водопада, рѣка, шириною болѣе одного километра, тихо катитъ свои воды между лѣсистыми берегами; острова, покрытые богатою растительностью, состоящею изъ перевитыхъ ліанами пальмъ и густолиственныхъ деревьевъ, разсѣяны по рѣкѣ, и одинъ изъ нихъ есть тотъ прославленный Garden-island Ливингстона, садъ котораго уже давно разорили бегемоты. Но вотъ расположившійся поперекъ рѣки рядъ скалъ и островов вызываетъ рябь на гладкой поверхности водъ; рѣка вдругъ наклоняется и нѣсколькими струями низвергается съ общей высоты около 120 метровъ [1]); темно-бурая стѣна, возвышающаяся по другую сторону разсѣлины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отстоитъ не далѣе 35 метровъ отъ лицевой стороны каскада. Лѣсъ изъ пышныхъ деревьевъ, покрывающій утесъ въ разстояніи швырка камнемъ отъ водопада, постоянно купается въ парахъ; вода струится съ листьевъ и снова падаетъ съ утеса, но, будучи остановлена на половинѣ высоты своего паденія токомъ воздуха, который поднимается вверхъ изъ ущелья, дробится на мельчайшія частицы и превращается въ пыль, уносящуюся кверху въ видѣ пара. Не находя себѣ мѣста въ той скалистой расщелинѣ, въ которую низвергается огромный столбъ воды, жидкіе снопы ударяются о противоположныя стѣны и превращаются въ пѣнистыя массы; пары воды взлетаютъ кверху и кружатся надъ каскадомъ метровъ на 350 отъ земли: такимъ образомъ, смотря по измѣненіямъ, производимымъ временами года въ напорѣ воды въ рѣкѣ, то пять, то десять или даже болѣе столбовъ водяныхъ паровъ поднимаются изъ ущелья, клубясь къ голубому небу въ видѣ правильныхъ спиралей или же несясь по вѣтру въ ту или другую сторону. По словамъ Голуба, эти столбы различимы порою уже съ разстоянія 80 километровъ. Издалека извѣщаетъ о водопадѣ также и непрерывный громъ. Ливингстонъ — первый изъ европейцевъ описавшій этотъ величественный водопадъ, который, впрочемъ, до него созерцали также и другіе путешественники—назвалъ его водопадомъ Викторіи *(Victoria-falls)*, и разсказываетъ, что живущіе по сосѣдству съ нимъ туземныя племена не осмѣливаются къ нему приближаться; грохотъ сталкивающихся тамъ другъ съ другомъ водъ страшитъ ихъ, и въ этомъ рокотѣ имъ чудится божій голосъ.

Узкій каналъ, чрезъ который изливается вся масса низринувшейся воды, имѣетъ, при своемъ началѣ, въ ширину не болѣе 30 метровъ, т. е. около $^1/_{36}$ ширины рѣки кверху

[1]) „Дымящій котелъ“, по Ливингстону; „Большая вода“ (?) по Serpa Pinto.

[1]) Ed. Mohr, „Petermann's Mittheilungen“, 1871, Heft V.

отъ водопада; затѣмъ, то расширяясь, то съуживаясь до первоначальныхъ размѣровъ, каналъ дѣлаетъ быстрые повороты въ клюзѣ между мелафировыми утесами, направляясь сначала на западъ, а затѣмъ на востокъ, и повторяетъ повороты вплоть до выхода изъ дефилэ и до постепеннаго возвращенія рѣки къ своей нормальной ширинѣ. Глубокіе овраги изрѣзываютъ стѣны ущелья, а деревья произрастаютъ во всѣхъ его извилинахъ; террасы же походятъ на висячіе сады: отсюда названіе «Семирамидинъ утесъ», данное Голубомъ восточному мысу, господствующему надъ входомъ въ клюзу. Въ геологически недавнюю эпоху, т. е. ранѣе, чѣмъ Замбезе, проломавъ преграду, задерживавшую озерныя воды, открыла для себя это ущелье, она текла на болѣе высокомъ уровнѣ въ боковой долинѣ; сѣверный ея притокъ, *Лекснэ*, течетъ тамъ и теперь, катя свои воды въ направленіи, противоположномъ прежнему потоку [1]).

Книзу отъ «Гремящаго Дыма», Замбезе продолжаетъ течь въ восточномъ направленіи, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, а впослѣдствіи направляется снова на востокъ. Теченіе ея все еще не успокоилось: оно образуетъ пороги Кансало и проходитъ ущельемъ, называемымъ Харриба, затѣмъ принимаетъ въ себя большой притокъ Кафукуэ или Кафуэ, приходящій прямо съ запада и, какъ говорятъ, имѣющій только одинъ каскадъ, «на разстояніи дня ходьбы отъ главной рѣки». Кверху же отъ этого каскада, Кафакуэ не представляетъ препятствія для судоходства вплоть до сосѣдства съ водораздѣломъ между Замбезе и Конго [2]); на долину Кафакуэ уже заранѣе указываютъ какъ на лучшее направленіе будущей желѣзной дороги между атлантическимъ и индійскимъ берегами Африки. Еще ниже по теченію, могучая Лоа-Нгэ приноситъ Замбезе воды съ водораздѣла между озерами Ньясса и Танганьика, и главная рѣка имѣетъ уже почти всю массу своихъ водъ, когда ударяется о подножіе горъ, направляющихся съ сѣвера на югъ, т. е. поперекъ ея теченію. Водопады Чикаронго, затѣмъ пороги Кебрабаса отмѣчаютъ то мѣсто, откуда Замбезе поворачиваетъ на юго-востокъ, не мѣняя уже этого направленія до самой дельты, если не считать небольшихъ излучинъ. Въ этой части своего теченія, которою начинается низовье рѣки, вода въ Замбезе, смѣшиваясь съ прибрежною грязью и обломками растеній, теряетъ свою прозрачность: она мутная и красновато-коричневая, тогда какъ кверху отъ быстринъ и каскадовъ сохраняла относительную прозрачность, даже во время разлива; зависитъ это отъ того, что какъ берега рѣки, такъ и прирѣчныя земли покрыты густою травою, чрезъ которую потокъ фильтруется, оставляя въ ней всѣ свои наносы; скрѣпляемый корнями растеній, берегъ не осыпается, и воды рѣки остаются чистыми [1]).

Ущелье, въ которое проникаетъ Замбезе для прохода чрезъ горы, составляющія сѣверное продолженіе массива Маники, прославилось въ исторіи африканской географіи: преданіе описывало его какъ проходъ между чрезвычайно высокими мраморными стѣнами, покрытыми на вершинѣ снѣгомъ. Самое имя «Лупата», т. е. «клюза или дефилей» [2]), истолковывалось въ смыслѣ «Хребта Міра (Spina Mundi)», такъ какъ въ этихъ горахъ видѣли остовъ материка. Между тѣмъ господствующія надъ этой тѣсниной скалы ниже многихъ утесовъ въ клюзахъ Европы и въ cañones Америки: западная стѣна, самая высокая, вертикально поднимается на высоту двухсотъ метровъ, обнаруживая пласты кремнистаго сланца, расположившіеся во всевозможныхъ направленіяхъ; восточный же склонъ, весьма отлогій и покрытый лѣсами, постепенно повышается по направленію къ горамъ, обрисовывающимся на востокѣ. Рѣка, шириною отъ двухсотъ до трехсотъ метровъ въ ущельѣ и всего около сорока метровъ въ самой узкой части тѣснины [3]), повсюду имѣетъ глубину въ 20 метровъ и свободна отъ рифовъ: пароходы, слѣдовательно, могли бы подниматься здѣсь легко. При выходѣ рѣки изъ ущелья Лупата, имѣющаго болѣе семнадцати километровъ въ длину, двѣ коническія порфировыя горы образуютъ родъ портала; затѣмъ потокъ широко разливается между своими берегами, и намывные острова слѣдуютъ одинъ за другимъ посреди водъ. Ниже рѣка раздвояется, и сѣверный рукавъ, Зіу-Зіу, чрезъ низкія земли и болота, соединяется съ р. Ширэ. Гребныя суда обыкновенно избираютъ этотъ путь, не только для того, чтобы достигнуть верхняго теченія Ширэ, но также и для прохода къ низовьямъ Замбези. Большой треугольный островъ Инха-Нгома (Инья-Нгома) раздѣляетъ двѣ рѣки, но и самъ онъ разрѣзанъ на множество второстепенныхъ острововъ потоками и ложными рѣчками, въ тростникахъ которыхъ суда часто сбиваются съ пути; эти различные потоки извѣстны подъ названіемъ rios de Senna, по имени ближайшаго города. Замбези въ этой области обыкновенно называютъ Куамою (Cuama).

Тогда какъ озера въ верховьяхъ Замбези перестали существовать, обратившись въ болота и солончаки, р. Ширэ получаетъ еще воды изъ обширнаго озера, принадлежащаго къ системѣ внутреннихъ морей Восточной Африки-

[1]) Livingstone;—Baines;—Holub.
[2]) B. Capello e R. Ivens;—Serpa Pinto.

[1]) Livingstone, упом. соч.
[2]) Gamito, „O Muata Cazembe".
[3]) Affonso Moraes Sarmento, „Boletim da Sociedade de Moçambique", 1881, 5.

ки: озеро это—Ньясса (Ньянжа) т. е. просто «озеро», такъ какъ ему не дали особеннаго наименованія ни туземцы, ни посѣщавшіе его европейцы, назвавшіе Викторіей озеро Ньянца, откуда выходитъ Нилъ. Прежде, когда озеро Ньясса было извѣстно только по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя доставлялись объ Африкѣ португальскими миссіонерами и офицерами, его называли Марави, какъ и жителей, населяющихъ его берега, и извѣстно, какія различныя формы придавали этому Maravi или Nhanja Mucuro на картахъ Африки, распространяя его почти на всѣ тѣ области, которыя еще оставались неизвѣстными внутри материка [1]). Только въ 1859 году, благодаря Ливингстону, о. Ньясса было присоединено къ научно-изслѣдованной поверхности земли. Съ того времени оно было пройдено во всѣхъ направленіяхъ другими путешественниками, и бѣлый человѣкъ уже поселился на его берегахъ.

Между Танганьикою и Ньяссою много сходства. Оба бассейна по длинѣ расположены почти въ одномъ и томъ же направленіи, только ось Ньяссы ближе къ меридіану; и то, и другое озеро, повидимому, наполняютъ дно разрывовъ почвы, произведенныхъ однимъ и тѣмъ же напоромъ подземныхъ силъ; но разлина Ньяссы занимаетъ болѣе низкую часть континента, такъ какъ уровень воды въ ней находится лишь на высотѣ 480 метровъ. Ньясса, какъ и Танганьика, представляетъ видъ широкой долины, извилины которой соотвѣтствуютъ на той и на другой сторонѣ; однако, оно представляетъ и нѣсколько съуженій; въ другихъ мѣстахъ, гдѣ его берега сближаются болѣе всего, оно имѣетъ ширину только въ 24 километра, между тѣмъ какъ въ другихъ своихъ частяхъ оно почти вчетверо шире; общая его длина, не считая извилинъ по срединной линіи, болѣе пяти градусовъ, т. е. приблизительно болѣе 600 километровъ, а, по самымъ новѣйшимъ картамъ, вся поверхность озера равняется приблизительно тридцати тысячамъ квадратныхъ километровъ. Мѣсто Ньяссы въ ряду какъ другихъ большихъ африканскихъ озеръ, такъ и самыхъ обширныхъ озеръ другихъ континентовъ, видно изъ нижеслѣдующаго сопоставленія величинъ ихъ поверхностей.

Ньянца-Керевэ — 66.500 кв. килом.; Танганьика—39.000; Ньясса—30.000; Верхнее Озеро (С. Амер.)—83.000; Байкалъ (Азія)—34.925; Ладожское (Европа)—18.130 кв. кил.

Что касается глубины озера, то она значительна: въ 300 метрахъ отъ берега, Young доставалъ дно лишь на 128 метрахъ отъ поверхности; въ другихъ мѣстахъ веревка развертывалась до 179 метровъ у самаго берега; почти повсюду въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ, лишь въ сто брассовъ (въ брассѣ—пять французскихъ футовъ) не доходилъ до дна. Около сѣверо-восточной оконечности озера, надъ его водами господствуютъ горы, образуя кручи, стѣны которыхъ отвѣсно спускаются въ пучину водъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ каскады, блистающіе на бокахъ утесовъ, словно серебряныя пластинки, примѣшиваютъ свою пѣну къ пѣнѣ волнъ. Мели рѣдки; за исключеніемъ нѣкоторыхъ водныхъ пространствъ на западѣ озера, можно плыть цѣлыми днями по сосѣдству съ берегомъ, не видя ни пляжей, ни тростниковыхъ зарослей; но нѣкоторыя бухты усѣяны островками, которые посѣщаютъ бегемоты, переплывая проливы. Вода въ Ньяссѣ совершенно чистая: обшивка судовъ, доставленныхъ на озеро англійскими миссіонерами, не загрязняется по нѣскольку лѣтъ, а въ пароходныхъ котлахъ не находятъ почти никакого осадка.

Бури, разражающіяся надъ Ньяссой, поднимаютъ такія громадныя волны, что моряки сравниваютъ ихъ съ волнами въ Южномъ Атлантическомъ океанѣ и около Игольнаго мыса [1]); и хотя прибрежье озера и обладаетъ многочисленными бухтами и хорошими стоянками, въ особенности около острововъ, тѣмъ не менѣе плававшіе по озеру европейцы много разъ подвергались большой опасности; съ большею же безопасностью плавать стало возможно лишь послѣ того, какъ на сѣверной оконечности озера былъ найденъ легко доступный каналъ-протокъ, р. Ромбахъ. Достаточно 48 часовъ, чтобы подъ парами пройти отъ одного конца озера до другаго, между тѣмъ первые путешественники тратили на этотъ же самый переходъ отъ десяти до пятнадцати дней. Туземцы не отваживаются пускаться вдаль отъ береговъ; они пользуются лодками изъ цѣльнаго дерева, изготовленными при помощи огня и съ краями, загибающимися наружу, направо и налѣво, вслѣдствіе чего лодка и пріобрѣтаетъ устойчивость. Порою случается, что надъ озеромъ разстилается тонкій серебристый туманъ, скрывающій изъ виду горы и затѣняющій блескъ солнца: туманъ этотъ, или *koungou*, образуется изъ мошекъ съ бѣлыми крыльями; падая на палубу судовъ, онѣ покрываютъ ее на-подобіе хлопьевъ снѣга. Прибрежные туземцы собираютъ этихъ мошекъ въ корзину и приготовлютъ изъ нихъ пироги.

Будучи расположено, какъ и Танганьика, въ разсѣлинѣ земли, Ньясса окружено горами почти на всей своей окружности, и горы эти не просто внѣшніе откосы плоскогорія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ образуютъ настоящія цѣпи; сѣверо-восточный берегъ озера окаймляютъ даже альпы, вздымающія свои вершины на высоту болѣе двухъ тысячъ ме-

[1]) Gamito, „O Muata Cazembe“;—Jose de Lacerda, „Reply to Dr. Livingstone's accusations and misrepresantations“.

[1]) Young. „Nyassa. A Journal of Adventures».

*

тровъ; по словамъ же нѣкоторыхъ путешественниковъ, эти горы, названныя, въ честь открывшаго Ньяссу великаго путешественника, горами Ливингстона, превосходятъ даже три тысячи метровъ. Наблюдаемыя съ озера, онѣ оканчиваются на сѣверѣ величественной пирамидою, тогда какъ къ югу онѣ продолжаются параллельно оси озера, въ видѣ сравнительно невысокихъ горъ и холмовъ, прерываемыхъ многочисленными проходами, чрезъ которые и проникаютъ изъ озернаго бассейна въ долины притоковъ Ро-Вумы. На восточномъ берегу, горная цѣпь представляетъ мѣстами лишь незначительный рельефъ и быстро теряется въ отлого-спускающемся плоскогоріи [1]). Въ области истоковъ р. Ро-Вума, господствующею горою является Мтонія, возвышающаяся надъ южнымъ берегомъ озера болѣе чѣмъ на полторы тысячи метровъ.

На западномъ берегу Ньяссы нѣтъ такихъ горъ, которыя можно было бы сравнить съ цѣпью Ливингстона, и даже нѣкоторыя изъ нихъ едва возвышаются надъ плоскогоріями; но нѣкоторые уединенные массивы имѣютъ внушительный видъ; таковъ массивъ Чомбе, которому англійскіе миссіонеры дали имя *Waller*, и который господствуетъ на западѣ надъ одною изъ наиболѣе узкихъ частей озера, вблизи бухты Флоренсъ; это—пирамида, состоящая изъ сѣрыхъ и черноватыхъ пластовъ песчаника и поднимающаяся на 1.664 метра. Другія, меньшей высоты, горы тянутся вдоль берега, между озеромъ и плоскогоріемъ, и соединяются съ горами Моломо, которыя выступаютъ, въ видѣ мыса, между рѣками Замбези и Ширэ. По сосѣдству съ горой Валлеръ въ долинахъ найдены пригодныя для разработки залежи каменнаго угля.

Окруженное возвышенностями, озеро Ньясса не получаетъ большихъ притоковъ. На сѣверной его оконечности, на оси озернаго бассейна, тамъ, гдѣ изслѣдователь Young предполагалъ присутствіе большаго выходнаго потока, существуютъ лишь незначительные ручейки, спускающіеся съ водораздѣльныхъ горъ между озерами Ньясса и Танганьика. Самыя обильныя рѣки нисходятъ съ западнаго склона, т. е. того, который представляетъ самый невысокій рельефъ. На восточномъ склонѣ озера, водораздѣльная линія между Индійскимъ океаномъ и Ньяссою идетъ на разстояніи нѣсколькихъ километровъ вдоль берега и порождаетъ лишь незначительные потоки, низвергающіеся въ видѣ небольшихъ каскадовъ. Имѣя, сравнительно съ своимъ пространствомъ, лишь весьма узкій пріемный бассейнъ, озеро Ньясса представляетъ въ своемъ уровнѣ незначительныя годичныя колебанія, именно менѣе одного метра; по сообщенію миссіонеровъ, въ немъ наблюдалось, съ 1875 по 1880 годъ, пониженіе водъ. На своей южной оконечности, Ньясса оканчивается, какъ и Танганьика, только болѣе явственно, въ видѣ «лошадинаго копыта», и образуетъ двѣ бухты, постепенно съуживающіяся.

Изъ болѣе длинной бухты, именно восточной, выливается выходной потокъ, рѣка Ширэ, вначалѣ широкая и текущая медленно; вскорѣ, однако, она образуетъ небольшое озеро, Памаломбэ, берега котораго повсюду скрыты въ тростникахъ; затѣмъ Ширэ направляется къ югу и достигаетъ края террасы, съ которой и низвергается, направляясь къ Замбезе и образуя цѣлый рядъ каскадовъ, называемыхъ водопадами Мурчинсона: здѣсь пріостанавливается уже всякое судоходство, какъ на гребныхъ судахъ, такъ и на пароходах. Книзу отъ водопадовъ судоходство опять возобновляется, и затѣмъ, вплоть до баровъ, загражданщихъ устья Замбезе, препятствіями для него являются лишь скопленія водяныхъ растеній (нимфейныхъ и тростниковыхъ, pistia stratiotes, alfasinha или *laitue* португальцевъ), чрезъ которыя часто бываетъ трудно пройти на веслахъ, въ особенности въ маѣ и въ іюнѣ, во время самаго сильнаго ихъ произрастанія. Къ югу отъ впаденія въ Ширэ рѣчки Руо или Луо—которая бѣжитъ съ горъ, называемыхъ *Blantyre*, и по которой гребныя суда поднимаются на 80 километровъ—находится почти уединенная и покрытая лѣсомъ гора, воздвигающая среди болотъ свою громаду, достигающую 1.220 метровъ высоты: это—Морамбала, т. е. «гора-часовой», имѣющая въ окружности сто километровъ и служащая пристанищемъ для лодочниковъ съ низовьевъ Замбезе. По разсказамъ, изъ ея подошвы бьютъ ключи теплыхъ цѣлебныхъ водъ.

Соединенный потокъ двухъ рѣкъ,—Замбези и Ширэ,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ отъ берега до берега не менѣе 13 километровъ [1]) и книзу отъ мѣста сліянія течетъ на юго-востокъ, затѣмъ спускается на югъ, еще разъ поворачиваетъ на юго-востокъ, прежде чѣмъ раздѣлиться на вѣтви для образованія такъ называемой «гусиной лапки» дельты. Устьевъ у Замбези много, на югѣ—Меламбэ, на сѣверѣ—Инхамиссенго или Конгони, Лу-Эбо восточный, Катарина или Музелло, Инхаміара и другія. Луассэ же или Западное Лу-Эбо—каналъ-протокъ, открывающійся на югѣ дельты—принадлежитъ къ Замбези только во время высокихъ водъ. Наибольшая масса воды проходитъ чрезъ рукавъ восточный Лу-Эбо, истинный Замбези или Куама; баръ Инхамиссенго,—гдѣ бываетъ, соотвѣтственно вре-

[1]) J. Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society". Май, 1881.

[1]) Griesbach, „Jahrbuch der Geologischen Reichanstalt", 1870.

менамъ года, а также приливамъ, отъ 3 до 7 метровъ воды,—избирается судами чаще всего [1]). Впрочемъ, входы въ Замбези часто мѣняются во время бурь, и по обѣ стороны дельты видны прежніе протоки, бывшіе нѣкогда устьями блуждающей рѣки, а нынѣ превратившіеся въ извилистые ручьи, которые или совсѣмъ отдѣлены отъ Замбези или же соединяются съ нею только во время большихъ разливовъ. Морскія суда легко могутъ поднимать-

Линди.

ся по Замбези вплоть до подошвы Морамбалы, при чемъ они встрѣчаютъ себѣ помощь со стороны восточнаго вѣтра, обыкновенно дующаго въ этихъ водныхъ пространствахъ.

Геологическія данныя свидѣтельствуютъ, что

[1]) Augusto de Castilho, „Relatorio à cerca das Bocas do Zambeze".

прежде дельта была значительно обширнѣе, чѣмъ она оказывается въ наши дни. Можно сказать, что она начинается почти тотчасъ книзу отъ впаденія р. Ширэ. Ряды лужъ и ложныхъ рѣчекъ — остатокъ древняго потока—наполняющіяся водою во время разливовъ, отдаляются мало-по-малу отъ Замбези въ направленіи къ востоку и идутъ на соединеніе съ медленно текущимъ потокомъ, rio Muto, который прежде сообщался съ лиманомъ Квелимане (Quelimane), но который наносы и водяныя растенія совершенно заградили [1]). Лодочникамъ пришлось искать другого выходнаго пути и спускаться ниже по Замбези до того волока, который приводитъ къ Барабуандѣ, чаще называемой Куа-Куа, или «рѣчкою барщины», такъ какъ туземцы были обязаны ее углублять. Этотъ каналъ направляется къ Квелимане и, пройдя 120 километровъ, изливается въ предѣлахъ порта того же имени: пароходы съ водоизмѣщеніемъ въ два метра могутъ плавать по этой рѣчкѣ болѣе, чѣмъ на протяженіи половины ея длины кверху отъ порта. Во время половодія въ Замбези, ея рѣчныя воды, выйдя изъ своихъ береговъ, соединяютъ главный потокъ съ рѣчкою Квелимане при посредствѣ сѣти болотистыхъ низинъ. Кромѣ того, Замбези недавно перемѣстила свое ложе на двѣнадцать километровъ къ сѣверу и приблизилась, такимъ образомъ, къ своему періодическому истоку; прежній же протокъ ея, превратившійся теперь въ кольцеобразное озеро, виденъ еще и понынѣ. Размывающая работа продолжается въ направленіи къ сѣверу, вслѣдствіе чего «Компанія африканскихъ озеръ» была вынуждена покинуть свое зданіе, которое недавно находилось въ 800 метрахъ отъ берега, и поселиться на одинъ километръ далѣе. Если Замбези будетъ постоянно отклоняться въ томъ же направленіи, то она и Куа-Куа сольются, и первоначальная дельта будетъ возстановлена на всемъ своемъ пространствѣ. Впрочемъ, легко было бы установить постоянное сообщеніе между Замбези и Квелимане при посредствѣ канала, прорытаго чрезъ низменныя земли. На югѣ, Замбези сообщается во время половодія также со многими рѣчками Газскаго края посредствомъ одной лагуны своего нижняго притока Zangue и цѣпи каналовъ-протоковъ, продолжающихся вплоть до rio Pungue, впадающей въ океанъ на берегу Софалы [2]).

Въ бассейнѣ, столь обширномъ, какъ бассейнъ двухъ рѣкъ Ку-Банго и Замбези, климатъ, конечно, представляетъ большіе контрасты, соотвѣтственно удаленію отъ моря, положенію мѣста и его возвышенію надъ уровнемъ океана. Въ области истоковъ данныхъ рѣкъ,—составляющей часть того плоскогорія, на которомъ зарождаются также рѣки Куанса и Кассаи,—климатъ тотъ же, какъ и въ Верхней Анголѣ: приносимые западными вѣтрами дожди обильны, но крайнія температуры холода и тепла порою быстро смѣняютъ другъ друга. Равнымъ образомъ, стужи чередуются съ сильными жарами также и на пространствѣ того однообразнаго плоскогорія, по которому протекаетъ Низовая Ку-Банго, но по причинѣ сухости воздуха дожди выпадаютъ тамъ рѣдко; эти страны составляютъ продолженіе Большаго Кару и Калахари; климатическія явленія въ нихъ тѣ же самыя. Восточнѣе, область средней Замбези продолжаетъ собою Трансвальскій край, а полоса морская побережья, изобильно орошенная и подверженная правильному дѣйствію пассатовъ и бризъ съ моря, принадлежитъ къ Тропической Африкѣ; ураганы, столь опустошительные въ открытомъ океанѣ, неизвѣстны на этомъ морскомъ берегу. Лучше всего изслѣдованъ изъ всего бассейна область Ньяссы, такъ какъ тамъ европейскіе миссіонеры пребываютъ уже многіе годы. Такъ, въ Бандауэ, на западномъ берегу Ньяссы, подъ 11°4′ южной широты:

Средняя температура въ полдень, въ самомъ жаркомъ мѣсяцѣ (ноябрь): 29,4°. Средняя температура въ полночь, въ самомъ холодномъ мѣсяцѣ (май): 15,6°. Крайняя т-ра тепла: 37,7°. Крайняя т-ра холода: 12,2°. Разность: 25,5° [1]).

Дожди, начинаясь на берегахъ Ньяссы въ декабрѣ и продолжаясь вплоть до апрѣля или мая, довольно обильны: въ одинъ изъ сравнительно сухихъ годовъ, въ Бандауэ выпало дождевой воды 2 м. 18 сантиметровъ. По направленію къ югу, количество дождя постепенно уменьшается. Въ Тете же, на Замбези, оно достигаетъ всего лишь 85 сантиметровъ. Здѣсь, въ Тете (16°11′ южн. ш.), средняя т-ра равняется 16,7°, при чемъ самая теплая, въ ноябрѣ: 28,7°, а самая холодная, въ іюлѣ: 22,5° [2]).

Растительностью богата приморская полоса, которой различные виды пальмовыхъ деревьевъ придаютъ наружность экваторіальныхъ лѣсовъ, и гдѣ встрѣчаютъ даже «дерево съ ногами», одинъ видъ смоковницы-баньяна; внутри же страны флора обильна только на тѣхъ мѣстахъ, которымъ благопріятствуютъ дожди или природное орошеніе: таковы, напр., вершины кручъ, постоянно увлажаемыя брызгами каскада Mosi-oa-Tounya. Въ общемъ, бассейнъ Замбези, находящійся цѣликомъ въ тропической полосѣ, обладаетъ флорой болѣе бѣдной, чѣмъ бассейнъ Конго, но состоящей изъ формъ,

[1]) J. C. Paiva de Andrada, „Relatorio de uma Viagem as terras do Changamira".

[2]) J. C. Paiva de Andrada, „Relatorio do uma Viagem as terras dos Landins".

[1]) Stewart, „Proceedings of the R. Geographical Society", Май. 1884.

[2]) Hann, „Handbuch der Meteorologie".

самыхъ обыкновенныхъ въ этой ботанической области; однако, нѣкоторые изъ Капскихъ видовъ проникли въ эту область, перейдя на сѣверѣ тропикъ Козерога: однимъ изъ такихъ переселенцевъ, встрѣчаемыхъ на Верховой Замбези, оказывается серебристое дерево (*leucadendrom argenteum*); большое число растеній, принадлежащихъ къ Капской флорѣ, также встрѣчаютъ и на прибрежныхъ горахъ около озера Ньяссы, которыя достигаютъ высоты отъ 1.500 до 2.000 метровъ [1]). Южныя границы бассейна Замбези приблизительно совпадаютъ съ границами области произрастанія баобаба.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ области Замбези фауна еще удивительно богата. Во время путешествія Ливингстона, когда вооруженный ружьемъ бѣлый еще не проникалъ въ страну, по прибрежнымъ саваннамъ бродило несмѣтное множество животныхъ, при чемъ эти животныя спокойно паслись, довѣрчиво подпуская къ себѣ человѣка: слоны, буйволы и кабаны еще не помышляли о бѣгствѣ; вѣтви деревьевъ гнулись отъ сотенъ садившихся на нихъ сарокъ. По словамъ Голуба, естествоиспытателя, тщательнѣе всего изслѣдовавшаго бассейнъ Замбези, въ этомъ краѣ, столь изобилующемъ дикими животными, было семь видовъ носорога, четыре вида льва и три вида слона [2]). Еще не такъ давно Capello и Ivens описывали прибрежныя мѣстности Либы, какъ громадный «зоологическій садъ», въ которомъ охотнику стоитъ лишь выбрать любую дичину на обѣдъ каравану. Въ нѣкоторыхъ округахъ львы до такой степени многочислены, что по ночамъ они осаждаютъ деревни; ревъ ихъ раздается непрерывно; но въ другихъ частяхъ рѣчнаго бассейна охотники уже совершили свое истребительное дѣло: львы смолкли; бегемоты, которые, бывало, шумно фыркали, и хриплое дыханіе которыхъ слышалось за километръ, научились задерживать свое выдыханіе: они плаваютъ втихомолку или же, завидя пирòги, скрываются въ тростникъ. Послѣ введенія огнестрѣльнаго оружія, нѣкоторыя млекопитающія уже исчезли изъ охотничьихъ краевъ. Бѣлый носорогъ, мирное и довѣрчивое животное, былъ искорененъ быстро; что же касается весьма свирѣпаго чернаго носорога, то эта порода еще сохраняется вдали отъ бойкихъ дорогъ. На сѣверной покатости Замбези не видно ни жирафовъ, ни страусовъ; этихъ двухъ животныхъ, повидимому, остановила рѣка, такъ какъ они многочисленны къ югу въ краѣ племени ма-шона и въ пустынѣ Калахари. По Освелю и Ливингстону, дикія животныя Южной Африки постепенно мельчаютъ въ направленіи съ юга на сѣверъ. По мѣрѣ приближенія къ экватору антилопы становятся все мельче и мельче. Также уменьшается и рослость слоновъ, между тѣмъ, какъ размѣры ихъ бивней увеличиваются. Наблюдаютъ также большую разницу въ ростѣ домашнихъ животныхъ обѣихъ областей: скотъ у бе-чуановъ гораздо крупнѣе и сильнѣе скота у племени ба-тока на р. Замбези. Впрочемъ, существуютъ исключенія изъ этого правила.

Вдоль нѣкоторыхъ изъ притоковъ Верхней Замбези и, вѣроятно, также въ Кафукуэ, живетъ одинъ любопытный видъ антилопъ, широкія ступни котораго лучше приспособлены къ плаванію, чѣмъ къ бѣганію. Эти животныя, называемыя жителями Вихэ *quichobos*, проводятъ почти всю свою жизнь въ водѣ, и часто ихъ видятъ плавающими, выставивъ изъ-подъ воды только два своихъ кривыхъ рога: ночью же они выходятъ попастись на берегъ. Если *quichobos* не встрѣчаются болѣе въ низовьяхъ Замбези, то это по причинѣ присутствія тамъ многочисленныхъ крокодиловъ, отличающихся рѣдкою свирѣпостью [1]). Другой видъ антилопы, почти земноводный, *nakong*, обитаетъ въ грязныхъ болотахъ, въ которыя изливается вода изъ Чобе: громадная стопа этого животнаго, не менѣе 30 сантиметровъ вплоть до оконечности копытъ, позволяетъ ему держаться, не проваливаясь, на трясинахъ. Оно пасется по ночамъ, а на день скрывается въ камыши; при погонѣ же, бросается въ воду и, плывя, выставляетъ только свои кривые рога и кончикъ морды. Туземцы поджигаютъ тростникъ для того, чтобы заставить наконга выдти изъ болота: разсказываютъ, что она даетъ сгорѣть своимъ рогамъ, прежде чѣмъ рѣшится выскочить изъ воды, чтобы продолжать свое бѣгство [2]).

За исключеніемъ верховьевъ Замбези, гдѣ животная жизнь сравнительно рѣдка, рыбы весьма многочисленны въ рѣкѣ и въ прибрежныхъ болотахъ. Небольшая рыбка, *mocheba*, населяющая воды средняго теченія Замбези, летаетъ на-подобіе океаническихъ долгоперовъ (exoceti). Послѣ прохода пирòгъ, она бросается въ струю за кормою и, поддерживаемая своими грудными плавниками, можетъ оставаться на воздухѣ на протяженіи нѣсколькихъ метровъ. Орелъ-рыболовъ (*cuncuma vocifer*) уничтожаетъ громадное количество рыбы, гораздо большее, чѣмъ можетъ съѣсть: обычно онъ довольствуется лишь частью спинки рыбы. Порою этотъ орелъ самъ даже и не ловитъ, а завидѣвъ пеликана, набившаго рыбой свой мѣшокъ, стремительно спускается къ нему и хлопаетъ крыльями: пеликанъ со страха поднимаетъ голову, широко раскрываетъ клювъ, а орелъ въ мгновеніе ока и выхватываетъ от-

[1]) Thomson, „Nature“, Октябрь, 21. 1880.
[2]) Bulletin de la Société de Géographie“, 1887, 1-er semestre.

[1]) Serpa Pinto, „Comment j'ai traversé l'Afrique“.
[2]) D. Livingstone, „Explorations dans l'Afrique australe“. Traduction de H. Loreau.

туда рыбу [1]). Въ болотистыхъ областяхъ, водныя птицы живутъ столь же многочисленными стаями, какъ пингвины и чайки на нѣкоторыхъ островахъ океана: одинъ изъ этихъ рыболововъ, *porra africana*, обладаетъ столь широкими лапами, что можетъ пускаться по рѣкѣ на листѣ лотоса, нисколько его не колебля; такимъ образомъ, онъ ходитъ по водѣ, какъ по сушѣ. Крокодилы также населяютъ воды Замбези, и, никогда не нападая на человѣка во многихъ другихъ рѣкахъ, весьма опасны въ этой южно-африканской рѣкѣ: каждый годъ можно слышать разсказы въ прирѣчныхъ деревняхъ о захваченныхъ вблизи берега дѣтяхъ и женщинахъ, а также и объ умерщвленныхъ или изувѣченныхъ путешественникахъ. Говорятъ, будто на Низовой Замбези ежегодно пожирается крокодилами около 250 туземцевъ. У нѣкоторыхъ прибрежныхъ народцевъ раненый крокодиломъ считается нечистымъ, и дабы чрезъ него не приключилось бѣды и всѣмъ остальнымъ, его изгоняютъ изъ племени.

II. Народцы, обитающіе по берегамъ Ку-Банги, Нгами и верхней Замбези, королевство Ба-Роце.

Водораздѣльная область, дающая начало верховымъ притокамъ Ку-Банги и Замбези, не представляя границы для животныхъ, не служитъ также рубежемъ и для населеній. Съ обѣихъ ея сторонъ находимъ племена одной и той же расы и одного и того же языка, спускающіяся съ той или другой покатости, смотря по превратностямъ общественной жизни. Нынѣ переселенческое движеніе совершается въ направленіи съ сѣвера на югъ. Племя кіоко, захватывающее на другомъ склонѣ земли лундовъ, вторгается также на югѣ въ территорію племенъ гангуэлла, лушазэ и амбоэлла. Кіокосовъ можно встрѣтить даже въ равнинахъ нижней Ку-Банги. Тогда какъ въ бассейнѣ Кассаи торговля мало-по-малу увлекаетъ кіоко за ихъ прежніе предѣлы,—по другую сторону водораздѣла ихъ гонитъ къ югу постепенное уменьшеніе дичи въ мѣстахъ охоты [2]).

Высокія долины рѣкъ Ку-Банго и Ку-Ито заняты въ особенности племенемъ гангуэлла, родственнымъ Ангольскимъ гангуэлламъ: племя это подраздѣляется на множество народцевъ, лишенныхъ политической связи. Племя лушазэ, обитающее въ верховьяхъ Куа-Ндо, говоритъ также однимъ изъ нарѣчій гангуэлльскаго языка; это земледѣльцы и ремесленники, весьма искусные въ изготовленіи желѣзныхъ инструментовъ, корзинъ и тканей. Гораздо менѣе кокетливые насчетъ прически, чѣмъ ихъ сосѣди, лушазэ одѣваются въ звѣриныя шкуры и въ балахоны изъ древесной коры. Другая нація, родственная гангуэлламъ, разсѣяла свои колѣна на пространствѣ по крайней мѣрѣ пятисотъ километровъ съ запада на востокъ, по тѣмъ областямъ съ умѣреннымъ скатомъ, чрезъ которыя рѣки Ку-Банго, Ку-Ито и Куа-Ндо проходятъ до своего вступленія въ равнины: нація эта—амбоэлла. Эти пугливые туземцы избѣгаютъ открытой мѣстности; большая часть ихъ живутъ на островахъ по рѣкамъ или на болотистыхъ берегахъ; ихъ тростниковыя, хижины,—не содержащія никакой утвари, кромѣ тыквенныхъ бутылокъ, служащихъ для разнообразнаго употребленія,—всѣ построены на сваяхъ и защищены либо потокомъ, либо трясинами и топями. Хотя большая часть ихъ территоріи занята великолѣпными прріями, и муха цеце тамъ не водится, у амбоэлловъ нѣтъ скота, нѣсколько птицъ - единственныя ихъ домашнія животныя. Но они—отличные земледѣльцы: кукуруза, фасоль, сладкіе пататы, земляныя фисташки, тыквы, хлопчатникъ, клещевинное масло—таковы ихъ главныя произведенія, и, благодаря плодородію почвы, ихъ житницы всегда полны. Весьма привѣтливые и гостепріимные, они устраиваютъ празднества для посѣтившихъ ихъ чужеземцевъ, чествуютъ ихъ игрою на музыкальныхъ инструментахъ и простираютъ свою услужливость даже до уступки своихъ женъ заѣхавшимъ къ нимъ гостямъ [1]).

Переселенческому движенію, увлекающему въ бассейнъ Замбези многочисленныя сѣверныя племена, соотвѣтствуетъ движеніе въ противоположномъ направленіи бушменовъ и готтентотскихъ племенъ въ область Ку-Банго, къ гангуэлламъ и амбоэлламъ. Главный народецъ—му-кассекерэ, боязливые люди, живущіе въ лѣсахъ и всегда готовые убѣжать: не имѣя даже хижинъ, они бивуакируютъ у подножія деревьевъ; питаются же ягодами, корнями и тѣми животными, которыя проходятъ на разстояніи, до котораго можетъ достигнуть ихъ стрѣла; порою они ведутъ кое-какую мѣновую торговлю съ амбоэллами, мѣняя слоновые бивни и воскъ на маніокъ и другіе жизненные припасы. Въ нѣкоторыхъ округахъ они обращены въ рабство; въ другихъ мѣстахъ ихъ преслѣдуютъ, какъ дикаго звѣря, и обвиняютъ во всѣхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ противъ нихъ самихъ. Южнѣе, по равнинамъ, сливающимся съ Калахари, бродятъ другія племена бушменовъ, питающіяся корнями и дичью; любимую же ихъ ѣду составляютъ крупныя лягушки и ящерицы; они даже заставляютъ удава

[1]) D. Livingstone, упом. соч.
[2]) Serpa Pinto, упом. соч.

[1]) Serpa Pinto, упом. соч

изрыгнуть перевариваемую имъ антилопу и съѣдаютъ эту добычу вмѣсто него [1]).

На низовьяхъ Ку-Банги и въ равнинѣ «Тысячи озеръ» обитаютъ многочисленныя племена: дарико, ба-вико, мукоссо и ра-нажоа. Они, вмѣсто хижинъ, устраиваютъ рѣшетчатыя каморки на высокихъ кольяхъ, между которыми разводятъ огонь для того, чтобы отогнать москитовъ. Это—бечуаны, какъ и ихъ западные сосѣди, ба-тоана, которые около начала текущаго столѣтія отдѣлились отъ своихъ соплеменниковъ ба-мангуато и отправились кочевать на берега озера Нгами. Хотя довольно малочисленные, они, тѣмъ не менѣе, стали обладателями края; но, основавшись, прежде всего, на восточномъ берегу озера, они должны были перенести свою главную резиденцію на нижнее теченіе Ку-Банги, среди болотъ, чтобы избѣгнуть нападеній племени ма-табелэ [2]). Первоначальное населеніе края, говорящее языкомъ банту, называется ба-куба, т. е. «рабы»; но сами себя они называютъ ба-се, т. е. «люди». По Chapman'у, число ихъ достигаетъ двухсотъ тысячъ. Это люди мирные, честные и работящіе, занимающіеся охотою, рыбною ловлею и добываніемъ соли; привыкшіе бродить по водамъ, они не любятъ удаляться отъ своихъ болотъ и укрываютъ свои поселенія среди тростника. Будучи весьма суевѣрными, они взываютъ, подобно людямъ изъ племени ма-ра, къ «деревьямъ-матерямъ» [3]). У нихъ, какъ и у большинства сосѣднихъ племенъ, чужестранецъ долженъ избрать себѣ друга, который отвѣчаетъ за него передъ другими жителями, и который, въ обмѣнъ на его товары, даетъ ему пищу, быка и женщину [4]).

Къ востоку отъ края племени амбоэлла, вся Бабалэ, т. е. мѣстность, попеременно бывающая равниной и болотомъ, а также и верхній бассейнъ Замбези, населены племенемъ ба-лунда, братьями ка-лунда конгскаго бассейна и оффиціально признающими сюзеренитетъ муато Ямво, хотя ихъ начальники въ дѣйствительности независимы. Нравы приблизительно одни и тѣ же по обѣимъ сторонамъ водораздѣла между Замбези и Конго. Такъ, южные ба-лунда подпиливаютъ себѣ зубы и татуируютъ животъ, какъ и ба-лунда сѣверные. Равнымъ образомъ они почти голы и вымазываютъ себѣ тѣло клещевиннымъ масломъ или другими маслянистыми веществами растительнаго происхожденія, такъ какъ скота у нихъ нѣтъ, и только изрѣдка случается, что трупъ быка доставитъ драгоцѣнный жиръ ихъ начальникамъ. Какъ и на берегахъ Кассаи, главнымъ украшеніемъ у туземцевъ, проживающихъ по верхнему теченію Замбези, служитъ латунная проволока, и вліятельныя лица, появляясь въ публикѣ, имѣютъ въ изобиліи этотъ металлъ на ногахъ; мода предписываетъ сильно наклоняться на ходу сначала на одинъ бокъ, а затѣмъ на другой, показывая этимъ, что поднять ногу можно лишь съ трудомъ. У ба-лунда этикетъ весьма строгъ. Встрѣтившій начальника или вообще высшее лицо спѣшитъ стать на колѣни и потираетъ себѣ пылью руки и грудь; передъ королями же, возсѣдающими на тронѣ, съ опахаломъ отъ мухъ, изготовленнымъ изъ хвостовъ гну,—припаданію къ стопамъ нѣтъ конца. Начинаютъ также входить въ употребленіе въ краѣ занесенныя купцами привѣтствія мусульманскія и христіанскія: такъ, ба-лунда, встрѣчаясь съ иностранцами, кланяются и произносятъ слова: ave-ria, происшедшія отъ сокращенія словъ Ave-Maria; другіе же при встрѣчѣ выражаютъ свое удивленіе восклицаніемъ «Аллахъ» [1]).

Благодаря плодородію своихъ всегда хорошо орошенныхъ земель, ба-лунда имѣютъ жизненные припасы въ изобиліи и охотно снабжаютъ ими своихъ посѣтителей. Очень гостепріимные, они въ то же время мирны и добродушны. У нихъ не замѣтно ни слѣда людоѣдства, и они не зарѣзываютъ ни женъ, ни рабовъ для сопровожденія главарей на тотъ свѣтъ. Ба-лундскія женщины пользуются сравнительно большой свободою, жены старѣйшинъ участвуютъ въ совѣщаніяхъ объ общественныхъ дѣлахъ, и многія племена управляются королевами: когда королева умираетъ, то село, бывшее ея резиденціей, покидается, и туземцы строятъ себѣ хижины и разводятъ сады на другомъ мѣстѣ. Хотя невѣдомые географамъ, ба-лунда уже издавна торговали, чрезъ посредство бихеносовъ, съ португальцами на западномъ берегу Африки: воскъ, вывозимый изъ Лоанды и Бенгуэлы, въ большой части происходитъ изъ ба-лундскихъ лѣсовъ, гдѣ его собираютъ въ лубяныхъ ульяхъ, подвѣшенныхъ на деревьяхъ и защищенныхъ отъ хищности мародеровъ фетишами.

Различныя племена, населяющія долину Замбези въ собственномъ смыслѣ, книзу отъ сліянія ея съ рѣками Либа и Кабомпо, и строящія свои хижины на едва замѣтныхъ водораздѣлахъ, раздѣляющихъ долину, были соединены въ одно государство, извѣстное у народовъ Южной Африки подъ именами Ба-роце, Унгенге, Луп или Лупна. Основатель этой имперіи, Себитуани, былъ ба-сутскій завоеватель, предводительствовавшій фалангой воиновъ, которая побѣдоносно прошла чрезъ всю область между рѣками Оранжевой и Замбези, забирая въ свое войско молодыхъ людей тѣхъ племенъ, которыя побѣждались на этомъ трі-

[1]) Chapman, „Travels into interior of South Africa".
[2]) „Afrique explorée et civilisée", іюль, 1887.
[3]) Th. Baines, „Explorations in South-West Africa".
[4]) C. Chapman, упом. соч.

[1]) D. Livingstone, упом. соч.

умфіальномъ походѣ. Достигнувъ сліянія Замбези съ Чобе, Себитуани и его ма-кололо основались въ этой полуостровной области, защищенной обширными болотами, и превратили ее въ центръ своего королевства, имѣвшаго не менѣе трехсотъ тысячъ жителей [1]). Здѣсь посѣтилъ ихъ Ливингстонъ, и столица королевства, Линьянти,—городъ съ 15 тысячнымъ населеніемъ, расположенный на сѣверномъ берегу Чобе,—сдѣлался центромъ его экскурсій въ область Замбези. Но слѣдовавшіе за Ливингстономъ миссіонеры были менѣе счастливы, и когда многіе изъ нихъ умерли, отчасти отъ вліянія климата, отчасти отъ яда, распространился слухъ, что ма-кололамъ грозитъ бѣда. И дѣйствительно, катастрофа подготовлялась. Собственно такъ называемые лунны, или бароце, нетерпѣливо переносили иноземное господство. Неожиданно напавъ на ма-кололо, они поперебили ихъ, и говорятъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, были пощажены на всемъ полуостровѣ только двое мужчинъ. Устрашенные вѣстью о погромѣ, ма-кололо, жившіе къ югу отъ Чобе, бѣжали на западъ, гдѣ и попросили себѣ убѣжища у племени ба-тоана, поселившагося на берегахъ Нгами. Ба-тоаны приняли ихъ, повидимому, дружелюбно, но когда просители безъ оружія вступили въ ограду королевской резиденціи, ба-тоанскіе воины бросились и перебили ихъ. Такъ погибла нація ма-кололо. Женщинъ раздѣлили между побѣдителями, а дѣти были, подъ другими именами, воспитаны въ селеніяхъ и станахъ ба-ротцевъ [2]).

Несмотря на перемѣну властителей, королевство ма-кололовъ продолжало существовать, по крайней мѣрѣ къ югу отъ Чобе. Бароце не осмѣливались переступить черезъ линію, защищенную болотами; но къ сѣверу отъ этой границы они смѣнили ма-кололовъ, въ качествѣ властителей, и вскорѣ затѣмъ присоединили всю страну племени ма-бунда (мамбунда), королева котораго была слишкомъ слаба, чтобы удержаться на тронѣ Когда Голубъ посѣтилъ, въ 1875 году, королевство Ба-роце, то 18 большихъ племенъ, подраздѣленныхъ на 83 меньшихъ колѣна [3]), имѣли своихъ делегатовъ при особѣ государя и регентши, его сестры; кромѣ того, въ краѣ проживали и платили дань большое число бѣглецовъ изъ другихъ племенъ, каковы ма-тебелэ, ба-магуато и ма-калала. Отъ мѣста сліянія двухъ рѣкъ, Замбези и Чобе, до сѣверныхъ границъ королевства насчитывалось отъ 15 до 20 дней пути, а общая поверхность его превышала 250.000 квадратныхъ километровъ, на пространствѣ которыхъ, можетъ-быть, проживало, до милліона людей. Каждое изъ племенъ этой громадной державы говоритъ на своемъ языкѣ, но при взаимныхъ сношеніяхъ, а также и въ оффиціальной рѣчи, прибѣгаютъ къ языку ба-суто, т. е. языку истребленныхъ прежнихъ властителей страны. Такимъ образомъ, ма-кололо, хотя и исчезли, но наслѣдство ихъ осталось и, благодаря имъ, глоссологическая область се-суто пространственно удесятерилась Правительственная іерархія въ королевствѣ Ба-роце представляетъ также, по крайней мѣрѣ отчасти, нѣчто завѣщанное ма-кололами; но нравы тамъ—самые кровожадные: «люди въ этой странѣ не состариваются»! По Serpo Pinto, при королѣ состоитъ совѣтъ изъ трехъ министровъ: военнаго и двухъ по иностраннымъ дѣламъ, одного для запада—сносящагося съ Португаліей, и другаго для юга — сносящагося съ капскими англичанами и голландцами южно-африканскихъ республикъ. Регентша, сестра или мать государя, носитъ, какъ и король, титулъ «льва», выходитъ за-мужъ, за кого и желаетъ, при чемъ ея мужъ получаетъ титулъ «зятя націи» [1]). Европейцы только терпимы въ странѣ и могутъ переправлять чрезъ Замбези лишь въ одномъ пунктѣ; тѣмъ не менѣе, вліяніе ихъ значительно. Европейскій костюмъ носитъ уже большинство туземцевъ, и имъ замѣнено прежнее одѣяніе, состоящее изъ кожаныхъ юбокъ или бахоновъ.

Собственно такъ называемые ба-роце населяютъ берега Замбези между устьемъ Кабомпо и устьемъ Чобе: они искусные лодочники и обладаютъ, по сравненію съ нижними конечностями, сильно развитою грудью и плечами; но между ними сильно распространена проказа. Рѣка доставляетъ имъ пищу въ изобиліи, рыбу и бегемотовъ, мясо которыхъ они очень любятъ; особые охотники, поселенные вдоль рѣки и ея боковыхъ притоковъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, обязаны поставлять эту дичь къ столу государя [3]). Намывная почва береговъ оказывается самою плодородною во всей долинѣ и даетъ великолѣпные урожаи; стада скота пасутся въ прэріяхъ, надъ которыми господствуютъ, на востокѣ и на западѣ, откосы плоскогорія. Общая ширина бассейна, населеннаго ба-роце, равняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пятидесяти километрамъ, и въ этой области «голодъ неизвѣстенъ» [4]). Чтобы избѣгнуть ежегодныхъ наводненій, оплодотворяющихъ почву и превращающихъ ее во второй Египетъ, туземцы должны были выстроить свои деревни на ис-

[1]) Chapman, упом. соч.
[2]) Mackenzie, „Ten Years in South Africa"; --Holub, „Sieben Jahre in Süd-Africa".
[3]) Въ другомъ мѣстѣ Голубъ перечисляетъ 104 колѣна, подчиненныхъ племени ба-роце.

[1]) „Journal des Missions Evangeliques", 1886.
[2]) Emil Holub, „Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik", Октябрь. 1887.
[3]) Holub, „Sieben Jahre in Afrika".
[4]) D. Livingstone, упом. соч.

кусственныхъ холмахъ, которые являются островами, разсѣянными по внутреннему морю, во время разливовъ. Ма-бунда, раздѣляющіе съ ба-роце господство въ королевсткѣ, живутъ на высокихъ террасахъ, ограничивающихъ съ сѣвера прибрежныя равнины Замбези. Ба-роце—весьма религіозные люди: они взываютъ къ солнцу, поклоняются новой лунѣ, справляютъ тризну на могилахъ. Вѣра въ воскресеніе изъ мертвыхъ—всеобща: злые возродятся въ видѣ низшихъ животныхъ, а добрые появятся въ болѣе облагороженныхъ формахъ; но «никто снова не желаетъ стать человѣкомъ». Къ будущему переселенію душъ можно приготовиться и въ этой жизни, употребляя въ пищу мясо того животнаго, съ которымъ желаешь породниться, и подражая его походкѣ и голосу. Иногда случается слышать, какъ какой-нибудь мо-роце рычитъ по-львиному, подготовляясь къ загробной жизни [1]).

Изъ другихъ народцевъ королевства, одни прямо порабощены, и состояніе ихъ не лучше невольничества; другіе же остаются независимыми въ своемъ внутреннемъ управленіи, но платятъ дань, либо хлѣбомъ, плодами, плетенками челноками или другими сработанными вещами, либо бивнями слоновъ, или лѣсными продуктами: медомъ, воскомъ и каучукомъ. Ма-супія—рабы, ловящіе рыбу и охотящіеся, для ба-роце въ области сліянія, между Чобе и Замбези. Южнѣе живутъ маденассана: это—нація смѣшаннаго происхожденія, походящая ростомъ и формою тѣла на бечуановъ, а чертами—на негровъ Центральной Африки. Они—тоже порабощенные охотники и земледѣльцы, также какъ и ма-нанза, услуги которыхъ оспариваютъ другъ у друга два сосѣднихъ народа, ма-тебелэ и ба-роце. Еще болѣе значительное покоренное племя ба-тока занимаетъ сѣверный берегъ рѣки, къ сѣверу отъ большаго водопада. Всѣ ба-тока, и мужчины, и женщины, достигнувъ возмужалости, вырываютъ себѣ изъ верхней челюсти рѣзцы, и это вырываніе зубовъ, совершаемое втайнѣ, какъ обрѣзаніе у сосѣднихъ народцевъ, носитъ религіозный характеръ. Тѣмъ, кто спрашиваетъ ба-тока о происхожденіи этого обычая, они отвѣчаютъ, что цѣль ихъ—походить на быковъ. Восточные да-мара, еще не принявшіе христіанства, поступаютъ точно такимъ же образомъ и въ объясненіе обычая ссылаются на тотъ же поводъ [2]). Зубы нижней челюсти, не встрѣчая для себя препятствія въ челюсти верхней, удлиняются и выпячиваютъ губу кпереди, что придаетъ туземцамъ некрасивое очертаніе лица, характеризующее стариковъ.

Къ сѣверу отъ племени ба-тока, въ бассейнѣ Кафукуэ живутъ ба-шукуломпо (укуломбуэ), нагіе люди, о которыхъ разсказываютъ, что они воздѣлываютъ землю мотыками изъ затвердѣвшаго дерева [1]). Они отличаются прическою отъ всѣхъ остальныхъ африканскихъ народцевъ, у которыхъ, однако, встрѣчаютъ удивительное разнообразіе въ манерѣ убирать свои волосы. Присоединяя къ своему руну, намазанному коровьимъ масломъ, волосы различныхъ животныхъ, они изъ всего этого заплетаютъ различной величины конусы, либо наклоненные кпереди, либо торчащіе кверху, вертикально. Ливингстонъ видѣлъ одного начальника, у котораго митра изъ волосъ, завершавшаяся на верху палочкою, поднималась на цѣлый метръ отъ черепа. Изъ европейскихъ путешественниковъ въ край ба-шукуломпо проникли только Silva Pinto и Holub. По счастью, Голубъ путешествовалъ вмѣстѣ съ своею женою, которую изумленные туземцы сочли за сверхъестественное существо: одно племя провозгласило ее королевою, и ея присутствіе не разъ спасало экспедицію отъ совершенной гибели. Къ востоку отъ края ба-шукуломпо простирается Сѣверная Маника, королевство, отличное отъ Маники по ту сторону Замбези. Этотъ край, сопредѣльный съ краемъ Мсири, въ верхнемъ бассейнѣ Конго, управляется королемъ, который, подобно многимъ другимъ государямъ негритянскихъ странъ, «никогда не ѣстъ», т. е. ни одинъ подданный не допускается въ хижину короля во время его трапезы. Въ день же его похоронъ, многихъ изъ его женъ зарѣзываютъ и погребаютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Въ королевствѣ Ба-роце встрѣчаются первыя агломераціи жителей, представляющія какое-либо значеніе въ торговомъ или политическомъ отношеніи; однако, большая часть этихъ городовъ перемѣщается вмѣстѣ съ перемѣною царствованія: всякое общественное несчастіе приписывается гибельному вліянію почвы, и отысканіемъ болѣе благопріятной мѣстности стараются отвратить дѣйствіе злаго духа. Наводненія Замбези также разрушили много городовъ, размывая искусственныя насыпи, на которыхъ они построены: такъ именно прекратилось существованіе Набіэлэ, прежней столицы Ба-роце; теперь это—незначительный поселокъ. Либонта, городъ, гдѣ имѣли пребываніе королевы, тоже развѣнчана, и проѣзжавшій по сосѣдству съ нею Серпа Пинто уже не упоминаетъ о ней. Въ 1878 году, когда этотъ путешественникъ проходилъ долину страны Ба-роце, королевская резиденція была въ Ліалуи, въ двадцати километрахъ къ востоку отъ Замбези, внѣ той низменной полосы, которую затопляютъ воды въ сезонъ дождей. Книзу отъ водопадовъ и стремнинъ Намбуэ, новый городъ Сешекэ (Киссекэ, Ши-

[1]) Jeanmairet, „Afrique explorée et civilisée". Septembre. 1886.

[2]) Ch. Anderson;—Holub.

[1]) B. Capello et R. Ivens, упом. соч.

шэкэ), наслѣдовававшій другому Сешэкэ, сгорѣвшему въ 1878 году, сталъ, въ свою очередь, столицей имперіи, или скорѣе мѣстомъ свиданія для начальниковъ и ихъ приближенныхъ, между тѣмъ какъ Линьяти, нѣкогда метрополія королевства Ма-кололо, потеряла свое значеніе, превратясь въ группу бѣдныхъ хижинъ, расположенныхъ на сѣверномъ берегу Чобе, посреди лабиринта болотъ. Въ 1853 году, когда Линьянти посѣтилъ Ливингстонъ, это былъ, къ сѣверу отъ Шошонга. самый большой внутренній рынокъ Южной Африки; нынѣ главнымъ городомъ на Чобе, но въ верхней части рѣки, является городъ, названный по имени его начальника Матамбьяна. Часть торговли Линьянти перешла къ деревнѣ Мпалера (Импалера, Мпарира, Эмбарира), расположенной на песчаномъ островѣ, при сліяніи Замбези и Чобе, къ верху отъ «Гремящаго Дыма»; невдалекѣ оттуда, на тряской прэріи, бьетъ обильный теплый источникъ, который бываетъ покрытъ водами разлива въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ году [1]). Панда-ма-Тенка, рынокъ, находящійся въ двухъ дняхъ пути къ югу отъ водопада, въ слабо населенной области, представляетъ мѣсто, въ которомъ обыкновенно, на пути отъ Лимпопо къ Замбези, останавливаются южные англійскіе купцы, ма-мбари, португальцы смѣшанной расы и европейскіе миссіонеры. Тамъ іезуитами была основана миссія, которую они, однако, недавно должны были покинуть.

III. Страна племени ма-тебелэ и населеніе на среднемъ теченіи Замбези.

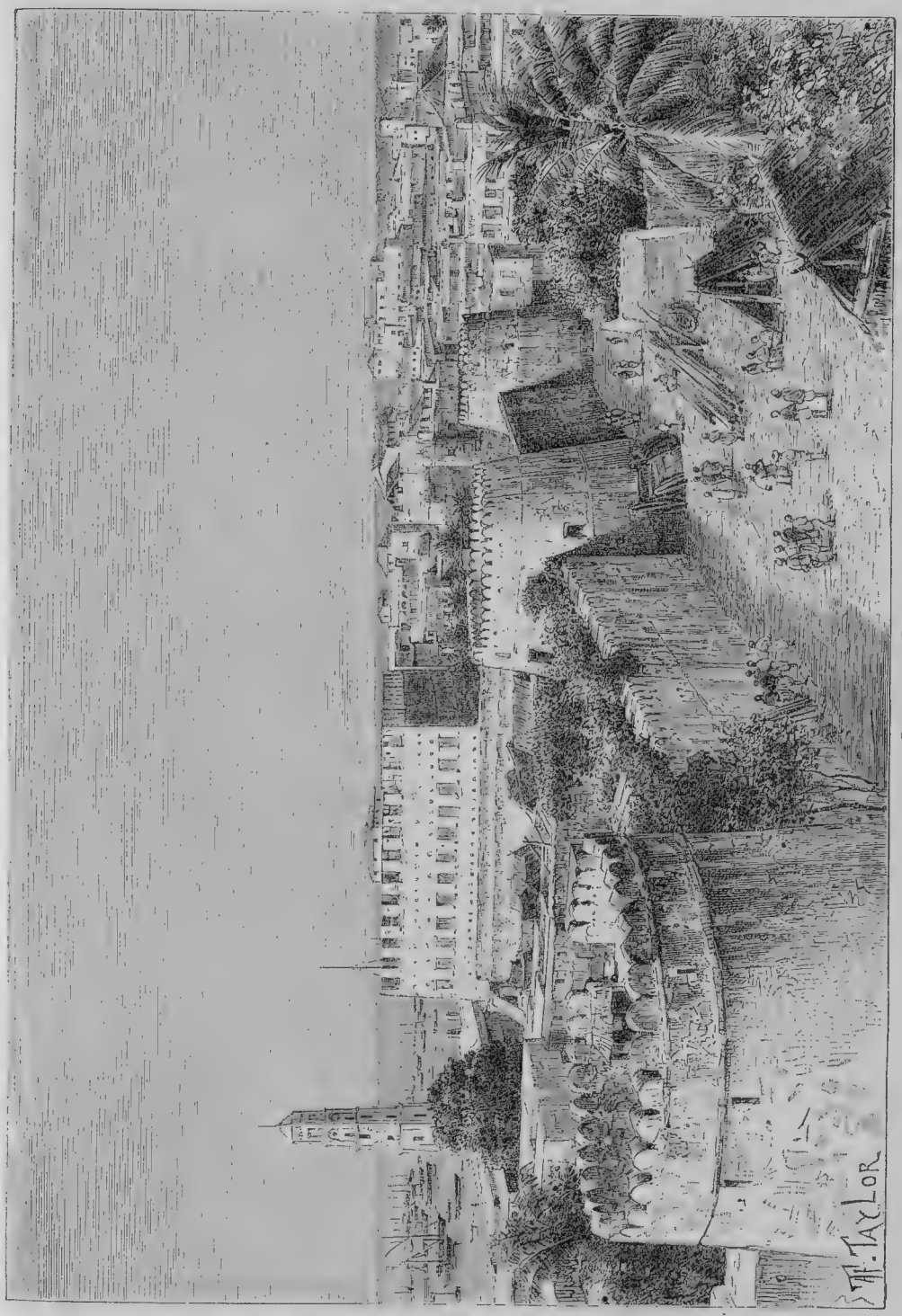
Съ ущельемъ «Гремящаго Дыма» сопредѣльны три державы. Именно, на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, находится королевство Ба-роце; на югѣ, равнины, простирающіяся по направленію къ пруду Макарикари, принадлежатъ къ королевству Ба-мангуато; на юго-востокѣ, бассейны рѣкъ: Гуай, Саньяти, Раньямэ и Мозоэ, зарождающихся на кристаллическихъ горахъ Матоппо и спускающихся къ Замбези, сами эти горы и весь противоположный склонъ вплоть до Лимпопо—составляютъ королевство племени ма-тебелэ или ама-ндебели, т. е. «людей, которыхъ не видно»; прозваны же они такъ потому, что ихъ дѣйствительно почти не видно изъ-за ихъ громадныхъ щитовъ. Для снабженія себя солью, они путешествуютъ какъ повелители вплоть до береговъ Нгами.

Эти ма-табелэ, несмотря на ихъ собирательное имя народа, до недавняго времени было не что иное, какъ войско. Будучи простымъ отрядомъ зулусовъ, которые и сами были воинами изъ различныхъ племенъ, банда племени ма-табелэ, предводимая грознымъ Мусселекатси, пополнялась на своемъ пути рекрутами изъ молодыхъ людей всѣхъ порабощаемыхъ или истребляемыхъ расъ. Въ 1864 г., когда миссіонеръ Макензи посѣтилъ короля ма-табелэй, почти всѣ пожилые мужчины, видѣнные имъ въ его арміи, были аба-занзи, т. е. кафры, уроженцы Наталя и края зулусовъ; затѣмъ воины въ цвѣтѣ лѣтъ были изъ различныхъ колѣнъ бе-чуановъ, которыхъ Мусселекатси покорилъ въ теченіе своего десятилѣтняго пребыванія на территоріи, нынѣ превратившейся въ Трансваль; и, наконецъ, самые молодые солдаты были ма-калака и ма-шуана, уроженцы водораздѣльной области между Лимпопо и Замбези, которая и составляетъ нынѣ королевство Ма-тебелэ. Всѣ эти военные люди начали свою службу въ качествѣ плѣнныхъ: вначалѣ они только и дѣлали, что стерегли скотъ короля; затѣмъ, во время какого-нибудь похода, слѣдовали, для испытанія, за солдатами, неся ихъ оружіе и жизненные припасы; въ концѣ концовъ, привыкнувъ къ виду крови, становились, въ свою очередь, воинами и умерщвляли мужчинъ и женщинъ такимъ же образомъ, какъ были убиты ихъ собственные отцы и матери. Пока ихъ мечи не «испили крови», они считались чужеземцами и рабами, а даваемую имъ говядину предварительно натирали пескомъ: только послѣ перваго убійства ихъ начинали признавать за мужчинъ. Какъ и зулусамъ Чаки, имъ было воспрещено жениться: они не могли воспитывать дѣтей; великая военная семья пополнялась только плѣнными. Лишь насильственная смерть считалась почетною; больные сносились въ укромное мѣсто и отдавались подъ надзоръ врача, который либо снова приводилъ ихъ, по выздоровленіи, въ лагерь, либо бросалъ ихъ трупы въ кусты; старики побивались каменьями Выдрессированные на охотѣ за дичью-человѣкомъ, ма-тебелэ были весьма искусны въ своемъ ремеслѣ истребителей. Слѣдуя «великому закону» короля, они никогда не должны были отступать, вслѣдствіе чего цѣлыя полчища позволяли избивать себя непріятелю, превосходившему ихъ численностью; по приказанію властителя, воины съ однимъ дротикомъ въ рукахъ бросались на льва или буйвола и добывали его живымъ [1]). Гордясь своими ранами и своими побѣдами, ма-тебелэ, однако, унижались передъ своимъ государемъ, котораго привѣтствовали криками: «Великій король! Поѣдатель людей!» По странному контрасту, этотъ царекъ, изъ титуловъ котораго самымъ славнымъ считался

[1]) Bradshaw, „Proceedings of the R. Geographical Society". Апрѣль, 1881.

[1]) G. Fritsch, „Drei Jahre in Süd-Afrika"

титулъ «людоѣда», оказывался весьма чувствительною особою: видѣть мученія ему было непріятно; въ присутствіи его, волопасы должны были воздерживаться отъ бичеванія своихъ



Общій видъ Занзибара.

животныхъ и, довольствуясь лишь длинными хворостинами, ласками понукали скотину [1]).

Подобная армія не могла иначе существовать, какъ походами, часто возобновляемыми: для снабженія себя жизненными припасами у нея не было другаго средства, кромѣ грабежа, а для своего пополненія—кромѣ захвата плѣнныхъ, хотя страна этого племени—одна изъ самыхъ плодородныхъ въ свѣтѣ. Война была единственнымъ промысломъ ма-табелэ; они даже не ждали приказаній короля, а отправлялись по собственному почину опустошать окрест-

[1]) J. Mackenzie, упом. соч.

ныя земли, убивать мужчинъ и захватывать въ плѣнъ женщинъ, дѣтей и скотъ. Такъ какъ всѣ преданія были порваны вслѣдствіе ухода изъ отечества и лагерной жизни, то матабелэ не знали уже ни пѣсенъ, ни поговорокъ, ни вѣрованій тѣхъ расъ, изъ которыхъ они происходили: правда, въ краяхъ, черезъ которые они проходили, они позволяли туземнымъ чародѣямъ совершать жертвоприношенія или заклинанія, но сами въ этихъ дѣяніяхъ не участвовали. Однако, между этими людьми всевозможнаго происхожденія, подконецъ установилось нѣчто вродѣ національной связи, и въ то же время состояніе непрерывной войны должно было уступить мѣсто роду жизни, сходному съ жизнью окрестныхъ племенъ. Уже въ послѣдніе годы царствованія Мусселекатси, законы, воспрещающіе бракъ, перестали соблюдаться; образовались семейства, и воины превратились въ земледѣльцевъ, но сохраняютъ вокругъ обширной тонзуры прическу изъ склеенныхъ волосъ, какъ символъ мужественности. Вліяніе миссіонеровъ и купцовъ заставило открыть торговыя дороги черезъ матебельскую территорію, а сосѣдство дисциплинированнаго войска англичанъ и голландцевъ обязываетъ наслѣдовавшаго завоевателю короля къ большой осторожности. Ему надо опасаться, какъ бы богатство его королевства мѣсторожденіями золота не привлекло чужеземцевъ, которые стали бы властвовать надъ нимъ. Когда посланецъ трансвальской республики явился къ Мусселекатси съ просьбою дать позволеніе европейскимъ рудопамъ на разработку копей, то онъ на-отрѣзъ отказалъ въ этомъ, произнеся слѣдующія слова: «Возьмите эти камни и нагрузите ими свои повозки, но я не желаю, чтобы сюда привели голландскую женщину, корову, овцу или козу, а также, чтобы понастроили домовъ въ моей странѣ».

Нѣкоторое число народцевъ - данниковъ обитаютъ довольно далеко отъ мѣстопребыванія короля, или достаточно защищены устройствомъ поверхности своего края для того, чтобы имѣть возможность сохранить себѣ нѣкоторую политическую независимость. Одну изъ такихъ группъ племенъ представляютъ ба-ньяи, занимающіе южный склонъ долины Замбези, кверху отъ устья Кафакуэ, и общины которыхъ обыкновенно выбираютъ себѣ жилищемъ естественныя крѣпости изъ скалъ. Ба-ньяи вообще красивые люди: они рослы и сильны и тщеславятся сравнительно свѣтлымъ цвѣтомъ своей кожи. Весьма чистоплотные,—чѣмъ рѣзко отличаются отъ большинства своихъ сосѣдей,—они также заботятся о своей прическѣ, при чемъ волосы раздѣляютъ на маленькія космочки, обвивая ихъ, затѣмъ, лыкомъ, окрашеннымъ въ красный цвѣтъ; эта прическа изъ твердыхъ косичекъ напоминаетъ ту куафюру, которую носили египтяне три тысячи лѣтъ тому назадъ. Отправляясь въ путь-дорогу, ба-ньяи приподнимаютъ всѣ эти косички кверху и связываютъ ихъ надъ головою въ узелъ. Нравы у этого племени не такіе раболѣпные, какъ у ихъ сосѣдей: своихъ начальниковъ они избираютъ. Правда, избранный государь обыкновенно сынъ сестры умершаго; но часто случалось, что избиратели, не удовлетворяясь этимъ кандидатомъ, искали себѣ короля у другихъ народцевъ. Когда объ избраніи извѣстятъ выбраннаго, то сначала онъ отказывается, какъ будто на него налагали черезъ чуръ тяжелое бремя; но это не болѣе какъ конституціонная фикція: власть все-таки остается ввѣренной ему, а вмѣстѣ съ нею къ нему же переходитъ также имущество, жены и дѣти его предшественника [1]). Нѣтъ африканскаго племени, у котораго бы женщины пользовались такимъ большимъ вліяніемъ, какъ у ба-ньяи: во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ рѣшающій голосъ принадлежитъ женѣ. Когда молодой человѣкъ сватается къ дѣвушкѣ, то онъ обращается къ ея матери, и если не послѣдуетъ отказа, то покидаетъ свое семейство и идетъ жить къ своей тещѣ, при чемъ дѣлается ея слугою и долженъ оказывать ей величайшее почтеніе: такъ, напр., вмѣсто того, чтобы сѣсть, онъ становится передъ ней на колѣни, опускаясь на корточки, такъ какъ, показавъ ей свои ступни, онъ сильно бы ее обидѣлъ. Дѣти принадлежатъ матери. Если же мужъ сочтетъ для себя тягостнымъ такое состояніе служительства, то можетъ возвратиться къ себѣ, но долженъ отказаться отъ всѣхъ своихъ родительскихъ правъ, если только не купитъ ихъ путемъ даренія извѣстнаго числа коровъ и козъ.

Племена ма-калака и ма-шона — прежніе владѣльцы этой страны, гдѣ въ наши дни господствуютъ ма-табелэ,—въ большинствѣ истреблены, а незначительные ихъ остатки проживаютъ въ рабствѣ. При этомъ, болѣе пострадали ма-калака. Оттѣсненные завоевателями частію къ Замбези, частію къ Лимпопо или къ равнинамъ Калахари, они позабыли даже свой языкъ и говорятъ теперь лишь на зулусскомъ жаргонѣ [2]). Нѣкогда прекрасные земледѣльцы и умѣлые кузнецы, они принуждены нынѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, возвратиться къ кочевой жизни, довольствоваться сборомъ дикорастущихъ плодовъ и охотою, или же предаваться грабежу. Они снова впали въ рабство и не умѣютъ уже строить хижинъ. Со всѣмъ тѣмъ ма-калака по-прежнему выгодно отличаются отъ своихъ сосѣдей строгостью супружескихъ нравовъ; они уважаютъ своихъ женъ и клянутся именемъ своихъ матерей [3]). Съ самаго дѣтства, женщины подвергаются различ-

[1]) D. Livingstone, упом. соч.
[2]) C. Mauch, „Petermann's Mittheilungen". 1870, тетр. I.
[3]) J. Mackenzie, упом. соч.

нымъ операціямъ татуировки, крайне жестокимъ [1]): на одной только груди и животѣ имъ дѣлаютъ болѣе четырехъ тысячъ порѣзовъ, располагая ихъ въ видѣ тридцати параллельныхъ линій, и если кожа не покроется достаточно обозначенными рубцами, то операція повторяется. У ма - калака есть гроты для некрополей, но иностранцамъ они не позволяютъ погребать своихъ мертвецовъ въ предѣлахъ калакской земли: товарищи двухъ изслѣдователей страны, Oates'a и Grandy, умершихъ среди ма-калакъ, должны были вывезти ихъ трупы за предѣлы ма-калакской области [2]). Что касается ма-шоно, составляющихъ основу населенія на склонѣ горъ къ Замбезе, то они не такъ сильно пострадали отъ натиска ма-табелэ, благодаря тому, что знаніе ими ремесла дѣлаетъ ихъ незамѣнимыми для ихъ же властителей; хотя тоже пришедшіе въ упадокъ и обманываемые ма-табелями: «ма-шолэ», т. е. «рабами»,—это они, ма-шона, воздѣлываютъ рисовыя плантаціи, дѣлаютъ мебель, ткутъ хлопчатобумажныя ткани, шьютъ и вышиваютъ кожаные щиты, выковываютъ и оттачиваютъ дротики и мечи. Оспа часто производитъ между ними большія опустошенія, и они такъ боятся этой болѣзни, что часто бросаютъ заболѣвающихъ оспою въ кусты. Нѣкоторые народцы ма-шона, защищенные гористымъ устройствомъ поверхности своей страны, могли сложиться въ независимыя республики; но они живутъ въ постоянномъ страхѣ, убѣгая каждый вечеръ, съ своимъ небольшимъ проворнымъ скотомъ, на уединенные утесы, единственная тропа на которые преграждена сильными палисадами; вблизи же въ нихъ, устроенныя надъ землею, хижины можно только при помощи шестовъ съ зарубками [3]). Между бродячими паріями, встрѣчающимися въ странѣ ма-тебелэ, есть такіе, которыхъ, какого-бы они ни были происхожденія, называютъ бушменами и готтентотами. Ама-зизи, костоправы и врачи, повидимому, и въ самомъ дѣлѣ происходятъ отъ готтентотовъ. Нѣкоторые туземцы, называемые португальцами *pandoros*, пріобрѣли большую власть надъ остальными чернокожими, благодаря своимъ чародѣйствамъ: между прочимъ, они часто удаляются въ лѣсъ для воспріятія своего настоящаго облика дикихъ звѣрей, но показываться людямъ они благоволятъ только въ видѣ людей же! [4])

Центръ государства Ма-тебелэ — населенность котораго исчисляется различно, въ 200 тысячъ и до 1 мил. 200 тысячъ [1])—находится въ бассейнѣ великой рѣки, около источниковъ р. Умъ-Кози, которая, подъ другимъ именемъ, впадаетъ въ Замбези въ ста слишкомъ километрахъ кверху отъ большаго водопада. Королевская резиденція, *Губулувайо*, была расположена по сосѣдству съ гранитнымъ водораздѣломъ между Замбези и Лимпопо. Подобно большей части городовъ внутри Южной Африки, и этотъ городъ перемѣнялъ свое мѣсто, хотя и на небольшомъ пространствѣ. Единственный домъ европейской постройки, именно домъ короля, возвышается на холмѣ въ центрѣ села; онъ окруженъ хижинами, въ формѣ улья, обнесенными частоколомъ для защиты; жилища же торговцевъ разсѣяны въ окрестностяхъ. Кромѣ купцовъ, водворившихся вокругъ столицы, многіе торговцы присоединились къ свитѣ короля, для удовлетворенія потребностей окружающихъ его чиновниковъ и воиновъ, и сопровождаютъ его въ частыхъ поѣздкахъ его въ Иньяти и другія мѣстечки на сѣверо-востокѣ и юго-западѣ, въ горахъ Матопо. Католическіе и протестантскіе миссіонеры также проникли въ страну Ма-тебелэ, а теперь туда вторглись, наконецъ, и долго не пускаемые рудокопы. Съ другой стороны, большое число временныхъ эмигрантовъ ежегодно выходитъ изъ края въ сосѣднія англійскія и голландскія государства въ разсчетѣ зашибить тамъ деньгу [2]). Копи въ Тати, первыя изъ открытыхъ въ бассейнѣ Лимпопо, разрабатываются одною компаніею изъ Капа. Тамъ видны также слѣды древнихъ раскопокъ, сдѣланныхъ какимъ-то неизвѣстнымъ народомъ [3]).

Къ сѣверу отъ страны племенъ ма-тебелэ и ма-шона, въ очень гористой области, откуда быстрые потоки стремительно бѣгутъ къ Замбези, многочисленныя селенія принадлежатъ племени ма-корикори. Люди, не менѣе ма-шонъ промышленные, ма-корикори особенно искусны въ обработкѣ мѣди, изъ которой они вытягиваютъ проволоку, плетутъ изъ нея украшенія. Ихъ женщины прокалываютъ себѣ верхнюю губу и вводятъ въ нее латунное кольцо, иногда украшенное нѣсколькими жемчужинами. Сѣвернѣе, въ долинѣ Замбези, живутъ мтандэ, женщины которыхъ также пронизываютъ себѣ верхнюю губу и вдѣваютъ туда *jaja*, кольцо изъ слоновой кости или изъ дерева. Здѣсь—область мухъ цеце; женщины сушатъ ихъ, стираютъ въ порошокъ съ корою одного корня и примѣшиваютъ это снадобье къ корму своихъ домашнихъ животныхъ: козъ, овецъ и собакъ [4]) По ту сторону, на лѣвомъ берегу Замбези, раз-

[1]) Carl Mauch, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen", № 37.

[2]) E. Holub, „Proceedings of the R. Geographical Society". Мартъ, 1880.

[3]) Montagu Kerr, „Afrique explorée et civilisée". Май, 1886.

[4]) Paiva de Andrada, „Relatorio de uma Viagem as terras do Changamira".

[1]) Peterson, „Proceedinggs of the R. Geographical Society". August, 1879.

[2]) Paiva de Andrada, „Relatorio de uma Viagem as terras dos Landins".

[3]) J. Mackenzie, упом. соч.

[4]) Montagu Kerr, упом. соч.

валины указываютъ на границу той территоріи, которую португальцы нѣкогда занимали внутри Африки: эти остатки принадлежатъ древнему мѣстечку Зумбо, бывшему скорѣе мѣстомъ для ярмарки, чѣмъ городомъ; въ сезонъ сюда сходились тысячи туземныхъ купцовъ для закупки европейскихъ товаровъ [1]). Съ 1836 по 1863 г. Зумбо было совершенно покинуто португальцами [2]). Съ 1863 г., его заняли вновь; нынѣ тамъ пребываетъ capitão mor, и различныхъ расъ купцы, бѣлые и цвѣтные, ведутъ въ немъ торговлю съ туземцами племени ба-сенга. Какъ мѣсто для рынка, Зумбо выбрано весьма хорошо, находясь при сліяніи, кверху отъ Кафакуэ, рѣкъ Луа-Нгуэ и Замбези, и будучи расположено въ плодородномъ и богатомъ лѣсами краѣ, окруженномъ живописными горами: нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно опять пріобрѣтетъ довольно важное значеніе, когда португальцы основуютъ новыя факторіи на берегахъ Верхней Замбези и когда они начнутъ разрабатывать каменноугольныя, желѣзныя и золотоносныя копи въ окрестностяхъ Зумбо.

Тете, послѣдній городъ, которымъ бѣлые или *mazungos* обладаютъ нынѣ вдали отъ моря, построенъ на склонѣ холма, на правомъ берегу Замбези; всѣ европейскіе дома заключены въ оградѣ, подъ защитою пушекъ форта; вокругъ стѣнъ этой ограды расположены предмѣстья туземцевъ, состоящія изъ хижинъ, построенныхъ изъ глины и древесныхъ вѣтвей. Этотъ, нѣкогда процвѣтавшій, португальскій городъ велъ большую торговлю золотомъ, слоновою костью, хлѣбнымъ зерномъ и индиго. Торгъ неграми привелъ его въ упадокъ, такъ какъ не стало рабочихъ ни для обработки почвы, ни для сбора плодовъ; въ наши дни, Тете представляетъ лишь кучку мазанокъ, и его значеніе обусловливается главнымъ образомъ принадлежащей ему политическою ролью, какъ господствующаго надъ краемъ пункта и какъ мѣстопребыванія гарнизона; иногда, вслѣдствіе набѣговъ ландиновъ, онъ бывалъ совершенно отрѣзанъ отъ сообщенія съ моремъ. Въ его округѣ нѣтъ мухи цеце или *пенсэ*, какъ ее называютъ въ Замбези; однако, скотоводы не пользуются этимъ громаднымъ преимуществомъ. Земли по лѣвому берегу особенно плодородны, и прежде тамъ богатые землевладѣльцы имѣли свои виллы. Округъ Тете, къ сѣверу и къ югу отъ Замбези, въ свое время станетъ одною изъ самыхъ важныхъ горнопромышленныхъ областей Африки. Онъ обладаетъ обширными залежами каменнаго угля, желѣзными копями, которыми пользуются кузнецы изъ племенъ ба-сенга и ма-калака, и золотоносными землями. На сѣверѣ, сьерра Максинга, уединенно высящаяся посреди пустынь или sertão, нѣкогда была разрабатываема португальскими рудокопами; горная порода, въ которой содержится металлъ, говорятъ, столь хрупка, что, передъ промывкою, женщины раздробляютъ ее между двумя кусками дерева [1]). Къ югу отъ Тете, у ма-корикори, и главнымъ образомъ въ долинахъ рѣки Мозоэ и ея притоковъ, также находятся золотоносныя мѣстности. Paiva de Andrada упоминаетъ, какъ о будущемъ Эльдорадо, о краѣ Шангамира, который Mauch уже раньше назвалъ «Копями императора Вильгельма». Въ этой странѣ золота мѣстами разсѣяны развалины памятниковъ. Кюссъ разсказываетъ, что туземцы имѣютъ обыкновеніе закапывать въ землю самородки золота, въ увѣренности, что отъ нихъ народятся огромныя количества, «цѣлыя жатвы» золотыхъ блестокъ.

«Умирающая» Сенна или São-Marçal—лежащая на правомъ берегу Замбези, у подошвы высокаго утеса и насупротивъ судоходнаго притока Зіу-Зіу, сообщающаго Замбези съ Ширэ, — еще менѣе процвѣтаетъ, чѣмъ Тете: часто городокъ Сенна бываетъ вынужденъ уплачивать дань своимъ сосѣдямъ, кафрамъ умгони или ландинамъ, а по ночамъ баррикадироваться отъ львовъ [2]). Воздухъ, которымъ тамъ приходится дышать, переполненъ зловонными парами, поднимающимися съ застаивающихся водъ Замбези, которая постепенно перемѣщается по направленію къ сѣверу. Существуетъ мысль о перенесеніи города на лѣвый берегъ, подмываемый, однако, рѣчнымъ потокомъ [3]).

IV. Бассейнъ озера Ньясса и рѣки Ширэ.

Южнѣе рѣки Замбези, банды кафрскихъ воиновъ, пришедшихъ съ юга, основали два королевства: Газа (*Gaza*) и Ма-тебелэ; къ сѣверу отъ этой рѣки, завоеватели того-же происхожденія тоже заняли обширныя территоріи на западномъ склонѣ озера Ньясса, но, раздѣленные на банды безъ національной связи, они не создали большой державы. Эти кафры, называемые ма-вити или ма-зиту, упоминаются Гамитто подъ названіемъ *munhaes;* ихъ также называютъ ма-нгонэ, каковое наименованіе почти тождественно съ умгони, завоевателями области между Замбези и Лимпопо. Дѣйствительно, они очень походятъ на зулусовъ, и, вѣроятно, находились въ сосѣдствѣ съ ними въ еще не очень отдаленную эпоху; въ ихъ языкѣ имѣется также «прищелкиваніе», похожее на прищелкиваніе нарѣчія южныхъ кафровъ [4]). Воины причесываютъ свои волосы,

[1]) J. Nogueira de Andrade, „Descripção da Capitania de Mossambique". 1790.

[2]) Capello et Ivens, упом. соч.

[1]) Küss, упом. мемуаръ

[2]) Augusto de Castilho, „O Zambeze"; — Paiva de Andrada, „Relatorio de uma Viagem as Terras dos Landins".

[3]) „Boletim da Sociedade de Geografia de Lisboa". 1882, № 1.

[4]) Chaung Marles, „Proceedings of the Geographical Society". October, 1885.

при помощи камеди или глинистой охры, такъ, что они образуютъ кругъ въ видѣ ореола; такую же прическу носятъ и зулусскіе воины. Весьма хорошо дисциплинированные, ма-вити бросаются на врага, не отвѣчая на ружейную пальбу или на стрѣлы, и, сойдясь съ непріятелемъ атакуютъ его дротикомъ или мечемъ. Впрочемъ, ма-вити не составляютъ отдѣла той націи завоевателей, которые проникли нандалѣе въ направленіи къ сѣверу, ибо грозные вуатута изъ У-Ніамэзи, на восточномъ берегу Танганьики, также пришли изъ Наталя, и большинство историковъ Африки признаютъ другихъ южныхъ кафровъ въ тѣхъ джага, которые въ концѣ XVII-го столѣтія ниспровергли Конгское королевство. Ма-вити съ береговъ Ньяссы совершали свое дѣло разрушенія ужасающимъ образомъ. Появясь приблизительно въ половинѣ текущаго столѣтія къ сѣверу отъ Замбези, они прошли чрезъ области племенъ ру-вума, затѣмъ ру-фиджи, сожигая села, изгоняя людей въ зрѣломъ возрастѣ, забирая молодыхъ въ войска и продавая женщинъ торговцамъ рабами. Однако, будучи отброшены назадъ, банды ма-вити кончили тѣмъ, что водворились на западѣ озера Ньясса, въ холмистыхъ областяхъ, которыя простираются въ направленіи къ истокамъ Луа-Нгуа, а отставшіе изъ нихъ, покинутые въ земляхъ на востокѣ отъ озера, постепенно слились съ туземными племенами. Тѣ изъ ма-витскихъ воиновъ, которые не разбрелись, произвели, несмотря на свою ослабленность, большія опустошенія между прибрежными жителями озера Ньясса, племенами: уа-тшунгу, ма-римба или ма-нганья. Вслѣдствіе этого, одни изъ жителей этой области, въ видахъ защиты отъ ма-витскихъ набѣговъ, окружили свои поселки двойными или тройными частоколами, а другіе построили свои хижины посреди озерныхъ водъ на сваяхъ или же укрѣпились на узкихъ полуостровахъ [1]). Спеціальный трактатъ установляетъ извѣстную связь между ма-вити и англичанами и обязываетъ ма-вити уважать станціи бѣлыхъ. Уже нѣкоторые обряды ислама проникли къ этимъ кафрамъ. Погребеніе у ма-вити всегда совершается по мусульманскому обряду, и могилы постоянно располагается по направленію къ Меккѣ. Трупы же рабовъ и преступниковъ выбрасываются въ кусты, гдѣ ихъ и пожираютъ вѣдьмы, въ образѣ гіэнъ [2]). Мелкихъ народцевъ, различающихся нравами и нарѣчіями, весьма много: такъ, на западномъ берегу озера насчитываютъ не менѣе семи различныхъ языковъ [3]).

[1]) James Stevart, „Proceedings of the R. Geographical Society". May, 1879.

[2]) Haves, „African Times". „Afrique explorée et civilisée", octobre, 1887.

[3]) J. Stevart, „Proceedings of the R. Geographical Society". May, 1881.

Ма-кололо, обитающіе на рѣкѣ Ширэ, между Ньясса и Замбези, представляютъ замѣчательный примѣръ образованія племенъ внутри Африки. Если бы ихъ исторія не была хорошо извѣстна, то можно было бы подумать, что они братья по расѣ другимъ ма-кололо, живущимъ на р. Чобе, этому обреченному на несчастіе и почти совершенно истребленному народу. Но, хотя ма-кололо рѣки Ширэ и не принадлежатъ къ одной и той же группѣ съ только-что упомянутыми своими тёзками, тѣмъ не менѣе они сохранили общее для обоихъ ихъ наименованіе. Въ 1859 г., начальникъ западныхъ ма-кололо, Секелету, отправилъ съ уѣзжавшимъ Ливингстономъ около двадцати молодыхъ людей, которымъ поручено было идти до морскаго берега и принести оттуда одно сильно дѣйствующее лѣкарство отъ проказы, которою онъ страдалъ. Изъ этой небольшой группы, къ ма-кололо принадлежали, по крови, только двое; остальные же, подобно большей части воиновъ, набиравшихся начальниками ма-кололо, были изъ различныхъ побѣжденныхъ племенъ: ротсэ, тока и селэа. Вся эта группа не пожелала возвратиться къ своему властелину и, поселясь на правомъ берегу Ширэ, кверху отъ водопадовъ, члены ея избрали изъ своей среды себѣ начальника; такимъ образомъ, они превратились, въ свою очередь, въ завоевателей, при чемъ сохранили наименованіе ма-кололо, которымъ гордились. Множество бѣглецовъ изъ другихъ племенъ поспѣшили отдаться подъ ихъ покровительство. Находясь еще подъ вліяніемъ Ливингстона, они не предались, какъ это дѣлали ихъ сосѣди, торговлѣ рабами, и безопасность, которою пользовались люди, подчинившіеся ихъ управленію, вскорѣ привлекла къ нимъ значительное число другихъ народцевъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ періодъ одного поколѣнія создалось могущественное племя ма-кололо на рѣкѣ Ширэ: во время путешествія Young'а, въ 1876 году, всѣ прирѣчныя поселенія, расположенныя между послѣднимъ водопадомъ и притокомъ Руо, находились подъ ихъ главенствомъ; и во всѣхъ этихъ поселеніяхъ національнымъ привѣтствіемъ стало англійское «good morning», въ воспоминаніе знаменитаго миссіонера, подъ вліяніемъ котораго основатели новаго государства перемѣнили свое отечество [1]). Young свидѣтельствуетъ о совершенной честности и трудовой энергіи этихъ ма-кололо. Когда ему пришлось переносить пароходъ «Илала»—первый, который плавалъ на водахъ этого озера,—онъ долженъ былъ нанять цѣлую армію носильщиковъ (около 800 человѣкъ), которые, безъ всякаго надзора, исполнили свою работу по дорогѣ, допускавшей всякую случайность, и, однакоже, къ концу этого длиннаго перехода въ сто кило-

[1]) Young „Nyassa, A Journal of Adventures".

метровъ, всѣ части разобраннаго парохода были доставлены въ цѣлости, до послѣдняго болта включительно. Люди были довольны, ни одинъ изъ нихъ не пытался улизнуть отъ тяжелаго труда, за который имъ пришлось получить всего лишь по нѣскольку аршинъ миткаля!

Главная масса націи кололо состоитъ изъ чернокожихъ ма-ганьянскаго происхожденія. Эти туземцы, наименованіе которыхъ означаетъ «люди озера», живутъ еще отдѣльными народцами въ горахъ, расположенныхъ на полуостровномъ пространствѣ между Замбези и Ширэ. Смѣшиваемые съ народцами, нѣкогда прославившимися подъ названіемъ ма-рави, маганья отличаются, вообще, менѣе своею храбростью, чѣмъ умомъ. Они весьма искусны въ плетеніи, кузнечномъ ремеслѣ и ткачествѣ и гораздо тщательнѣе обработываютъ землю, при чемъ мужчины, женщины и юноши вмѣстѣ занимаются пахотою, а дѣти играютъ подъ тѣнью сосѣднихъ деревьевъ. Раздѣлку нови ма-ганья совершаютъ на-подобіе американскихъ піонеровъ: срубивъ топоромъ деревья, они сваливаютъ въ кучу сучья, сжигаютъ ихъ и разсѣиваютъ золу по будущей нивѣ; затѣмъ сѣютъ, не корчуя пней; когда же доводится поднимать лугъ, то, снявъ поверхностный слой почвы, они сжигаютъ его вмѣстѣ съ травами въ видахъ удобренія. Ма-ганья сѣютъ по преимуществу сорго или *mapira*; впрочемъ, имъ извѣстны почти всѣ остальныя питательныя растенія Центральной Африки, а также табакъ, конопля и два вида хлопчатника: kadja и manga, т. е. «туземецъ» и «чужестранецъ». Пелеле, иначе жажа—т. е. дискъ или кольцо, вдѣваемое въ верхнюю губу—носятъ всѣ красавицы ма-ганьскія, если только онѣ не въ траурѣ. Деревянное у бѣдныхъ, оловянное или изъ слоновой кости у богатыхъ, кольцо это у иныхъ достигаетъ огромной окружности въ 15 или 16 сантиметровъ: при смѣхѣ, губа приподымается, оба глаза скрываются, тогда какъ носъ виднѣется въ отверстіе кольца, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и весь рядъ подпиленныхъ зубовъ [1]). Женщины племени ма-ганья очень проворны: въ играхъ бѣганья онѣ всегда получаютъ призы за скорость.

Въ бассейнѣ озера Ньяссы нѣтъ ни одного португальскаго поста: самый сѣверный изъ встрѣчаемыхъ на Ширэ, Широнжи, находится книзу отъ устья Руо. Къ сѣверу отъ этого поста, починъ въ предпріятіяхъ принадлежалъ англійскимъ миссіонерамъ, за которыми слѣдуютъ и торговцы той же націи. Они воспользовались рѣкой и озеромъ для созданія правильнаго торговаго пути, который на сѣверной оконечности продолжается хорошо устроенной дорогой, ведущей къ мѣстечку Чіунда и къ озеру Танганьика; въ ста километрахъ отъ озера Ньяссы, основанъ въ Муннимуанта миссіонерскій станъ. Въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ дороги, мѣстечко Каронга есть центръ самаго плотнаго населенія на всемъ побережьѣ озера; но обширныя болота и равнины, покрывающіяся водою во время дождей, дѣлаютъ эту мѣстность весьма нездоровой. Поселенія въ долинѣ р. Рикуру пользуются болѣе здоровымъ воздухомъ, и санаторія шотландскихъ миссіонеровъ, Вомбера, находится въ верховьяхъ этой долины. Насупротивъ, на восточномъ берегу Ньяссы, слѣдуютъ одна за другой многочисленныя деревни, выстроенныя, на-подобіе жилищъ древнихъ озерныхъ обитателей, на сваяхъ. Въ этой части озера, наиболѣе защищеннымъ портомъ является Бампа или Мбампа: островки и полуостровъ хорошо охраняютъ его отъ южныхъ вѣтровъ. Около середины западнаго берега, большое поселеніе Бандауэ, близъ котораго шотландскіе миссіонеры основали свою главную станцію, природной гавани не имѣетъ; однако съ небольшими издержками тамъ легко было бы устроить портъ; пунктъ этотъ имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ находящійся въ такой мѣстности, гдѣ правильно совершаются переѣзды съ одного берега озера на другой, при чемъ гребныя суда туземцевъ пристаютъ для отдыха во время пути около двухъ островов: Шизимодо и Дикомо. На восточномъ берегу перевозныя суда причаливаютъ къ селенію Читези, хотя оно находится на пляжѣ, выставленномъ всей силѣ волнъ. Лиссеуа также одна изъ пристаней на этомъ берегу.

На всей окружности озера наиболѣе часто посѣщаемый портъ, центръ торговли, недавно бывшій также большимъ невольничьимъ рынкомъ, есть Кота-Кота, расположенный на западномъ берегу, болѣе чѣмъ въ двухстахъ километрахъ отъ южной оконечности Ньяссы: это почти закрытая бухта, въ которую проникаютъ арабскія шлюпки, благодаря своей небольшой водоизмѣстимости. Поселившихся въ этой деревнѣ занзибарскихъ купцовъ такъ много, что господствующимъ языкомъ въ Кота-Кота сталъ ки-суахэли. Одну изъ выгодъ этой арабской колоніи составляетъ присутствіе въ сосѣдствѣ источниковъ теплой воды, но почва края безплодна, и—на пространствѣ болѣе, чѣмъ ста километровъ въ направленіи къ югу — побережье озера совершенно не обитаемо. Что касается первой изъ основанныхъ христіанскими миссіонерами станцій на берегахъ Ньяссы, Ливингстоніи, то въ началѣ полагали, будто тамъ соединены всѣ необходимыя условія для образованія современемъ большаго города: географическое положеніе, хорошо защищенный портъ и плодородіе почвы; однако, оказалось, что воздухъ возобновляется тамъ недостаточно, вслѣдствіе чего миссіонеры должны были по-

[1]) M-rs Pringle, „Towards the Mountains of the Moon".

кинуть свои постройки, живописно расположенныя на оконечности полуострова, раздѣляющаго южный конецъ озера и превращающаго его, такимъ образомъ, въ двѣ большія бухты.

Центръ европейской дѣятельности внутри бассейна Замбези представляетъ городъ Блантиръ, выстроенный въ 150 километрахъ къ югу отъ Ньяссы, въ одной изъ долинъ «Высокихъ Земель Ширэ»; географическое положеніе его было опредѣлено 1.600 астрономическими наблюденіями путешественника O'Neill'я, и этотъ городъ уже вошелъ въ сѣть маршрутовъ между Замбези и Танганьикою. Названъ онъ былъ Блантиромъ, въ 1876 году, по имени того шотландскаго мѣстечка, въ которомъ родился Ливингстонъ. Находясь на высотѣ болѣе тысячи метровъ, Блантиръ является сравнительно здоровымъ мѣстомъ для европейцевъ, которые могутъ заниматься тамъ ручнымъ трудомъ, соблюдая извѣстную осторожность. Группа миссіонеровъ была усилена въ краѣ купцами и даже плантаторами, которые воздѣлываютъ кофейное дерево и сахарный тростникъ; другіе европейцы замѣстили главарей въ управленіи племенами. Несмотря на отдаленность отъ озера Ньясса, Блантиръ, или, скорѣе, сосѣднее мѣстечко, Мандала, стало также мѣстопребываніемъ правленія «Общества Африканскихъ озеръ», торговой компаніи, которая, основавшись въ 1878 году, для оказанія помощи миссіонерамъ, одновременно съ этимъ ведетъ также торговлю въ своихъ собственныхъ интересахъ; торговля этой компаніи весьма значительна и распространяется до верховьевъ бассейна Конго; между Квелимане и Танганьикою компанія имѣетъ двѣнадцать факторій: уставъ ея воспрещаетъ ей продажу водки. Черезъ Блантиръ проходитъ «дорога миссій», которую составляетъ волокъ въ 120 километровъ, для обхода пороговъ Мурчисона, находящихся на Ширэ между пунктами Матопо и Катонга, къ которымъ пристаютъ пароходы. Другія проѣзжія дороги, обсаженныя эвкалиптовыми плантаціями, соединяютъ Блантиръ съ главными окрестными деревнями и съ нѣкоторыми изъ станцій, сгруппировавшихся вокругъ города-метрополіи. Хотя Блантиръ находится на той границѣ, которую часто оспаривали другъ у друга племена аньясса и яо или аджауа, и хотя данную область часто опустошали также ма-вити, тѣмъ не менѣе самъ Блантиръ ни разу не подвергался нападеніямъ сосѣднихъ племенъ; окружающая мѣстность, находящаяся подъ его покровительствомъ, по большей части населена невольниками, убѣжавшими отъ арабскихъ торговцевъ: Блантиръ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ—подобно «свободнымъ городамъ» среднихъ вѣковъ — тому гостепріимству, которое онъ оказывалъ несчастнымъ и преслѣдуемымъ. Одною изъ наиболѣе здоровыхъ станцій въ краѣ оказывается, лежащая на 125 метровъ выше Блантира, деревня Зомба: она расположена на 50 километровъ сѣвернѣе, на склонѣ горы, которая господствуетъ съ одной стороны надъ водами Ширэ, а съ другой—надъ блистающею поверхностью озера Шируа. Шотландскіе плантаторы владѣютъ тамъ значительными пространствами, на которыхъ разводятъ сахарный тростникъ, кофе и маслянистыя сѣмена; при этомъ сто тысячъ деревъ на кофейныхъ плантаціяхъ были разведены всего лишь отъ одного деревца изъ Эдинбурскаго ботаническаго сада. Въ окрестныхъ горахъ насаждены также и хинныя деревья.

На западъ отъ Блантира высится гора Чоро, на которой обитаетъ могущественный духъ; къ нему-то, отъ имени народа, и обращается, въ случаѣ національныхъ несчастій, его же супруга, избираемая изъ самыхъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ въ странѣ [1]).

V. Низовая Замбези и Квелимане.

Населенія въ области дельты Замбези—очень смѣшанныя, а трехвѣковое вліяніе бѣлыхъ измѣнило первоначальные нравы туземцевъ. По Замбези португальцы имѣютъ военные и торговые посты, къ которымъ и тяготѣетъ политическая и соціальная жизнь прирѣчныхъ жителей. Правда, что недавно лузитанское могущество значительно ослабѣло: поселенія внутри страны были покинуты, важныя станціи превратились въ развалины, и часто завоеватели изъ кафровъ, умгони или ма-вити, извѣстные у португальцевъ подъ именемъ ландиновъ — ама-ланди т. е. «бѣгуны» [2])—прерывали сообщенія между бѣлыми внутри страны и бѣлыми на побережьѣ. Тѣмъ не менѣе торговля и взаимныя сношенія между расами никогда не прекращались; мамбари, т. е. португальцы смѣшанной крови, не переставали проникать во всѣ внутреннія области [3]), и теперь Португалія снова обратила вниманіе на свои отдаленныя колоніи на берегахъ Замбезе. Вниманіе это простирается также и на области зарожденія рѣкъ, при чемъ, при помощи развѣдочныхъ экспедицій, подготовляется проложеніе дороги, которая должна соединить Моссамедесъ съ Квелимане. Но португальцы не единственные изслѣдователи и разрабатыватели богатствъ страны. Возрастаніе населенія Южной Африки увлекаетъ въ направленіи къ сѣверу купцовъ, колонистовъ, рудокоповъ и миссіонеровъ, и въ области средней долины Замбези европейцы уже намѣтили

[1]) M-rs Pringle, упом. соч.

[2]) E. Holub, „Proceedings of the R. Geographical Society" March. 1880.

[3]) D. and Ch. Livingstone, „Narrative of an Expedition to the Sambesi".

пригодныя для нихъ мѣстности. Однимъ изъ такихъ пунктовъ является Сешекэ, столица королевства Ба-роце, въ центрѣ бассейна, образуемаго сліяніемъ Замбези и Чобе, кверху отъ большаго водопада; другой замбезійскій край, къ которому направлены стремленія европейцевъ, представляемыхъ по преимуществу англійскими миссіонерами, есть бассейнъ озера Ньясса, будущая дорога отъ Танганьики и Конго.

Въ округахъ Низовой Замбези, португальское правительство проявляетъ свою власть не непосредственно. Край раздѣленъ на большія вотчины, prazos da coroa, изъ которыхъ поверхность нѣкоторыхъ, истинныхъ королевствъ по величинѣ, доходитъ до 50 тысячъ кв. километровъ и которыя эксплоатируются откупщиками на правахъ государей. Они получаютъ, обыкновенно натурою, налогъ (*mussoco*) приблизительно въ 4½ франка съ каждой туземной хижины и обязуются возможно лучше использовать рессуры своихъ громадныхъ фермъ. При установленіи этого порядка, prazos da coroa были уступлены на срокъ трехъ поколѣній, и порядокъ наслѣдованія долженъ былъ совершаться по женской линіи, подъ условіемъ, что мужьями этихъ женщинъ будутъ европейцы. Такимъ путемъ надѣялись привлечь переселенцевъ въ край; но собственники prazos'овъ, сдѣлавшись могущественными сатрапами, стали продавать въ рабство своихъ собственныхъ подданныхъ, и весь край обезлюдѣлъ [1]). Оффиціально учрежденіе prazos'овъ уничтожено въ 1854 году, но оно удержалось подъ другой, малоотличающейся, формою, и Замбезія по сю пору все еще предоставлена нѣсколькимъ могущественнымъ сеньорамъ, платящимъ въ казну ничтожный оброкъ.

Низовая Замбези, книзу отъ ея сліянія съ Ширэ, не особенно населена. Однимъ изъ главныхъ поселеній, на правомъ берегу, является Шупанга, около которой, подъ сѣнью громаднаго баобаба, находится могила г-жи Ливингстонъ, умершей въ 1862 году, во время той роковой «Замбезской экспедиціи», которая стоила жизни столькимъ отважнымъ сотоварищамъ Ливингстона. Туземцы заботятся о могилѣ, выпалывая растенія, которыя густымъ ковромъ покрываютъ ее послѣ каждаго новаго дождя [2]). Неподалеку покоятся останки другихъ изслѣдователей, которые сопровождали Oven'a во время его путешествія на низовья Замбези. Книзу отъ Шупанги, на лѣвомъ берегу рѣки, мѣстечки Монеа и Мазаро, на половину скрытыя подъ густою листвой манговыхъ деревьевъ, имѣютъ нѣкоторое значеніе какъ пристани для пароходовъ и какъ стражи волока между Замбези и Куа-Куа (Кюа-Кюа) или рѣкою Квелимане. Недавно португальское правительство уступило земли площадью въ 50 тысячъ гектаровъ, на лѣвомъ берегу Низовой Замбези, одной «компаніи для разведенія опіума», которая надѣялась стать соперницею англійскимъ производителямъ этого гибельнаго продукта въ Индіи. Эта компанія пользовалась также значительными привилегіями, между прочимъ, правомъ собирать съ туземцевъ муссоко. Однако обществу этому не повезло, и оно прекратило свое существованіе, отчасти вслѣдствіе возстанія туземцевъ въ 1884 году. Луабо, старинный португальскій городъ, выстроенный около одного изъ устьевъ Замбези, мало-по-малу былъ смытъ рѣчнымъ потокомъ. Съ тѣхъ поръ, главныя факторіи въ этой части рѣки были заводимы уже при устьѣ Инхамиссенго.

Квелимане—хотя и расположенъ къ сѣверу отъ устьевъ Замбези, на лиманѣ, сообщающемся съ рѣкою только посредствомъ неопредѣленныхъ протоковъ—представляетъ, тѣмъ не менѣе, торговый портъ бассейна; еще болѣе значенія онъ получитъ послѣ проведенія дороги, предположенной между лиманомъ и озеромъ Ньясса. Будучи основанъ назадъ тому три съ половиною вѣка, Квелимане не сдѣлался, однако, значительнымъ городомъ и не только по причинѣ своего нездороваго климата, но также и вслѣдствіе тѣхъ стѣсненій, которымъ подвергалась торговля: до 1853 года, портъ не былъ отрытъ для иностранной торговли, и главною отраслью его торга была продажа рабовъ, вывозимыхъ въ Бразилію. Бѣлое его населеніе состояло преимущественно изъ португальскихъ преступниковъ, высылаемыхъ изъ метрополіи. Изъ Квелимане отправился также и Ласерда для совершенія своего достопамятнаго путешествія въ центръ Африки.

Квелимане—или *São Martinho* по оффиціальному наименованію, и Чуамбо по туземному—представляетъ портъ, трудно доступный; баръ, чрезъ который безъ опасности не могутъ отваживаться проходить корабли, сидящіе въ водѣ глубже трехъ съ половиною метровъ, запираетъ узкій входъ въ лиманъ; но воды внутри бара представляютъ превосходную якорную стоянку, простирающуюся вплоть до самаго города, расположеннаго въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ взморья, на сѣверномъ берегу р. Куа-Куа. Кафры составляютъ главную массу городскаго населенія и сгруппировались въ многочисленныхъ селахъ вокругъ города, чтобы пользоваться защитой его небольшаго португальскаго гарнизона. Говорятъ, будто климатъ Квелимане благопріятенъ для страдающихъ грудью; къ несчастью, пребывающіе въ городѣ не располагаютъ санаторіей, проживая въ которой они могли бы избѣжать нездороваго воздуха съ болотъ и рисовыхъ плантацій. Торговля этого порта, производимая

[1]) Sà de Bandeira;—João de Andrade Corvo, „Estudos sobre as Colonias Ultramarinas".

[2]) Young, „Nyassa, A journal ot Adventures".

преимущественно съ Бомбеемъ, и обороты которой съ 1876 по 1885 годъ утроились,—находится отчасти въ рукахъ баньянъ и арабовъ; главною причиною возрастанія торговли были предпріятія англичанъ на берегахъ Ньяссы. Въ 1884 году общій торговый балансъ въ Квелимане достигъ 4 456.890 франковъ, изъ которыхъ на долю ввоза приходилось: 2.558.200, а на долю вывоза: 1.898.690 франковъ. Квелимане занялъ мѣсто порта Мозамбикъ по вывозу слоновой кости, которую ему доставляютъ пароходы съ Замбези, между тѣмъ какъ нѣкогда этотъ торгъ совершался при посредствѣ каравановъ [1]). Вообще же, съ восточнаго берега Африки вывозится вдвое болѣе слоновой кости, чѣмъ съ берега западнаго. Такъ, съ 1879 по 1883 годъ африканской слоновой кости вывезено всего 848 тысячъ килограмовъ, изъ которыхъ на западный берегъ приходилось 284 тысячи, а на восточный 564 тысячи. Общая стоимость этой кости достигала 20 милліоновъ франковъ, а самая кость представляла бренные останки 65 тыс. слоновъ [2]).

Глава X.

Мозамбикъ.

От Замбези до Ро-Вума.

Территорія, принадлежащая Португаліи, простирается къ сѣверу отъ Замбези вплоть до долины р. Ро-Вумы, а къ западу отъ морскаго побережья въ направленіи къ озеру Ньясса; однако, португальское владычество еще довольно далеко отъ того, чтобы чувствовалось на протяженіи всей этой обширной области. Даже вліяніе лицъ, посылаемыхъ изъ Лиссабона, теряется во многихъ мѣстностяхъ уже въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ берегомъ моря, а страны, изображенныя на картѣ принадлежащими «благочестивѣйшему» королю, извѣстны имъ лишь по наслышкѣ. Еще недавно, вся торговля въ этой области сводилась къ торгу невольниками; также ревниво охранялись торговцами и дороги, и никто, кромѣ нихъ, не смѣлъ пускаться внутрь страны, которую они опустошали на-подобіе края, обитаемаго свирѣпыми ордами людоѣдовъ. Постъ Мозамбикъ, точка опоры португальцевъ на поморьѣ, расположенъ на островѣ, а «еще невѣдомая» земля уже начиналась въ небольшомъ разстояніи отъ противоположнаго берега. Подобно другимъ портамъ африканскаго берега, за исключеніемъ Софалы, Мозабикомъ пользовались только для остановокъ на пути въ Индію; какъ отправный пунктъ для изслѣдованія материка онъ не избирался, и португальцы въ теченіе трехъ вѣковъ оставались въ немъ, не знакомясь ни съ сосѣдними странами, ни съ сосѣдними народами, хотя посѣщеніе и тѣхъ и другихъ было легко. Путешествія сначала Ласерды, а затѣмъ Гамитто, были первыми серьезными географическими экспедиціями, но по ту сторону Ньяссы; затѣмъ Рошеръ, Johnson, Last, Cardozo, и въ особенности O'Neill, въ теченіе послѣдней половины этого вѣка, прошли по Мозамбикскому краю во всевозможныхъ направленіяхъ, при чемъ окончательное присоединеніе этого края къ извѣстному міру совершилось, именно, со времени путешествій O'Neill, который, при посредствѣ путевниковъ, тщательно измѣренныхъ и въ общемъ равняющихся 7.000 километровъ, установилъ связь между берегами р. Ширэ и озера Ньясса, съ одной стороны, и приморскими портами, съ другой. Не было бы, поэтому, по словамъ одного англійскаго автора, несправедливостью дать этому краю и наименованіе O'Neill's Land (страны О'Нейля), въ видѣ признанія, что этимъ изслѣдователемъ впервые были нанесены на карту истинныя очертанія страны, ея горъ и бассейновъ, озерныхъ и рѣчныхъ [3]). Недавно пріобрѣтенная, такимъ образомъ, для науки область обнимаетъ пространство почти въ 350 тысячъ квадратныхъ километровъ, а ея населеніе исчисляется приблизительно въ одинъ милліонъ жителей.

Возвышающіяся внутри страны горы направляются на соединеніе съ «Высокими землями Ширэ» и съ прибрежными цѣпями озера Ньясса. Къ западу отъ Мозамбика, самыми возвышенными оказываются горы Намули, представляющія почти уединенный массивъ, о которомъ недавно думали, будто онъ возвышается до линіи вѣчныхъ снѣговъ, и который во

[1]) „Geographische Nachrichten", 15 april 1887.
[2]) Westendorp, „Geographentag zu München", 1885.
[3]) Cust, „Proceedings of the R. Geographical Society". July, 1885.

всякомъ случаѣ образуетъ великолѣпную группу, господствующую какъ надъ равнинами, такъ и надъ долинами расходящихся въ разныя стороны рѣкъ. Средній уровень области, на которой покоится эта мощная масса, равняется приблизительно 600 метровъ; болѣе высокіе и болѣе обрывистые на южномъ склонѣ, наружные откосы массива достигаютъ семисотъ или восьмисотъ метровъ надъ полями и ограничиваютъ неровный цоколь, изрѣзанный узкими ущельями, надъ которыми виднѣются высокіе конусы, между прочимъ, двуглавый пикъ Намули, отъ котораго заимствовано наименованіе и всѣхъ данныхъ высотъ вообще; съ Намули, по преданію, снизошла и человѣческая раса. По словамъ путешественника Last'a, высота этого пика надъ уровнемъ моря равняется 2.440 метровъ, а послѣ грозъ, слои града придаютъ ему порою видъ снѣговой горы. На западѣ, Намули отдѣленъ отъ другаго пика глубокимъ ущельемъ, съ почти вертикальными стѣнками въ нѣсколько сотенъ метровъ: съ другихъ сторонъ, склоны его менѣе грозны, но гладкія, словно отполированныя скалы, на которыхъ путешественникъ O'Neill видѣлъ слѣды ледниковаго періода [1]), не позволили англійскому изслѣдователю взобраться на вершину. Ручьи, весьма обильные въ сезонъ дождей, низвергаются въ видѣ каскадовъ съ верхнихъ плоскогорій и образуютъ многочисленныя рѣки, почти совершенно исчезающія подъ тѣнью деревъ; вплоть до высоты 1.800 метровъ тамъ встрѣчаются деревни, окруженныя зеленѣющими массивами. Вслѣдствіе богатства растительностью, а также и вслѣдствіе красоты пейзажей, горы Намули представляютъ одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ областей Африки. Второстепенные горные массивы, прилегающіе къ Намули, которые тянутся отъ запада къ востоку, постепенно понижаясь и, наконецъ, превращаясь въ террасу надъ равнинами морскаго побережья, представляютъ, покрывающими ихъ лѣсами, контрастъ съ равнинами у ихъ подножія. Къ западу отъ Намули, высоты отчасти размыты и снесены рѣчками; однако, все-таки уцѣлѣло еще нѣсколько группъ горъ съ мощнымъ рельефомъ: таковы горы Миланджи, возвышающіяся къ юго-востоку отъ города Блантира и къ югу отъ того углубленія, въ которомъ помѣщается озеро Шируа. Въ южной части территоріи, по направленію къ Замбези, простираются обширныя равнины, съ разсѣянными уединенными горами; таковы Шиперони и Канга, которыя видны отовсюду съ большаго разстоянія. Въ южной области возвышенія почвы поднимаются надъ плоскогоріемъ незначительно, отъ 100 до 400 метровъ, но откосы ихъ круты, и по многимъ изъ нихъ трудно подняться [1]). Что касается той полуостровной полосы, которую ограничиваютъ рѣка Ро-Вума и ея притокъ Лу-Дженда, то надъ нею господствуютъ побочныя гряды прибрежныхъ горъ озера Ньяссы. Внѣ горъ, общій видъ края печаленъ и однообразенъ [2]).

Между Замбези и Ро-Вума, главныя рѣки начинаются или на горахъ Намули или на сосѣднихъ массивахъ. Такова р. Уалага, которая подъ различными наименованіями направляется сначала къ юго-востоку, а затѣмъ къ югу, и изливается въ Индійское море къ сѣверу отъ Замбезской дельты. Лигонья, впадающая въ море на половинѣ разстоянія между Квелимане и Мозамбикомъ, и Лу-Ріо, пересѣкающая страну Ломуэ и впадающая въ бухту, въ 200 километрахъ къ сѣверу отъ столицы, также получаютъ свои первыя воды съ горъ Намули. Многочисленные потоки, менѣе обильные, зарождаются въ предгорьяхъ и изливаются въ бухты прибрежья.

Ро-Вума, ограничивающая на сѣверѣ Мозамбикскую территорію, представляетъ значительную рѣку, бассейнъ которой обнимаетъ почти весь восточный склонъ прибрежныхъ горъ озера Ньяссы; ея первые притоки зарождаются даже къ югу отъ этого озера, образуя рѣку Лу-Дженда или Ліэнда, которая по длинѣ теченія могла бы считаться главной рѣкой. Недавно даже полагали, что она беретъ свое начало на сотню километровъ южнѣе, въ горахъ Миланджи, и проходитъ чрезъ открытое въ 1859 году Ливингстономъ озеро Килуа или Шируа, Shirwa англичанъ. Но это не вѣрно, потому что Шируа—независимый резервуаръ, безъ водослива; но, кажется, геологически это озеро принадлежитъ къ тому же углубленію, какъ и долина Лу-Дженда, и вѣроятно, въ предшествующую эпоху непрерывность между водами озера и рѣки существовала. Порогъ, ограничивающій съ сѣвера озерной бассейнъ, имѣетъ всего только отъ $4^1/_2$ до 9 метровъ высоты; впрочемъ, онъ находится болѣе чѣмъ въ двухъ километрахъ къ сѣверу отъ озера, и отъ одного конца до другаго покрытъ большими деревьями, свидѣтельствующими объ осушеніи почвы по крайней мѣрѣ вѣкъ тому назадъ; однако, возможно, что въ годы исключительныхъ дождей воды Килуа наполняютъ также болотистые потоки, находящіеся на его сѣверо-западной оконечности, и соединяются на сѣверѣ съ истоками р. Лу-Дженды, огибая порогъ древняго высокаго берега озера; въ этой мѣстности уровень равнины почти горизонталенъ. По словамъ стариковъ, сліяніе водъ, черезъ эту низменную равнину, прежде часто случалось, но въ текущій періодъ уровень Килуа не переставалъ понижаться, такъ что бас-

[1]) „Proceedings of the R. Geographical Society", July 1885.

[1]) Augusto Cardozo, „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa", 11 dez. 1889.

[2]) Chauncy Maples;—O'Neill и т. д.

сейнъ этотъ превратился въ резервуаръ, не имѣющій водослива и подвергающійся только испаренію, и воды его, нѣкогда прѣсныя, нынѣ

Вершина Килима - Нджара.

стали совершенно солеными. Въ нынѣшнемъ своемъ состояніи озеро имѣетъ почти четыреугольную форму: длина его около 60 километровъ, ширина, въ среднемъ, около 30 километровъ, площадь, приблизительно, около 1.800 квадр. километровъ; но оно не глубоко, и съ восточнаго берега можно далеко идти по его водамъ въ бродъ. Самая углубленная часть озера находится тамъ, гдѣ, съ запада, надъ нимъ господствуютъ откосы горы Чикала, круто поднимающейся на 600—800 метровъ надъ

озеромъ, которое само лежитъ на высотѣ 593 метровъ надъ уровнемъ океана. Два скалистыхъ острова, Кизи и Китунгуэ, круто вздымаются изъ средины водъ и указываютъ на присутствіе подводной гряды, которая пересѣкаетъ озеро въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, и которая, быть-можетъ, современемъ выступитъ изъ-подъ воды, какъ выступилъ порогъ, у подошвы котораго сѣверный берегъ теряется въ тростникахъ. Нѣсколько болотъ, ручейковъ и недавно открытое небольшое озеро, Лимби, питаютъ озеро Килуа.

Послѣ того, какъ Килуа перестало быть верховымъ бассейномъ рѣки Лу-Дженда, истокомъ этого главнаго притока Ро-Вумы стали болотистая мѣстность Мторанденга и еще одно болото, по выходѣ изъ которыхъ Лу-Дженда, мѣняя нѣсколько разъ свое наименованіе, послѣдовательно проходитъ чрезъ два продолговатыхъ озера: Чіута и Амарамба. Только по выходѣ изъ озера Амарамба—берега котораго окаймлены хижинами на сваяхъ, служащихъ житницами и мѣстами убѣжищъ для при-озерныхъ жителей,—рѣчной потокъ принимаетъ имя Лу-Дженда. Въ этой мѣстности онъ представляетъ ручей, текущій ровной и быстрою волною между высокими крутыми берегами. Здѣсь начинается одна изъ наиболѣе красивыхъ и наиболѣе плодородныхъ долинъ Внутренней Африки. Высокіе острова, не затопляемые разливами, слѣдуютъ одинъ за другимъ, покрытые высокими деревьями, съ гирляндами изъ ліанъ. По берегамъ потока чередуются луга, воздѣланныя поля и рощицы; вдали виднѣются вершины голубыхъ горъ.

Лу-Дженда, усиливаемая всѣми потоками, которые шлютъ ей прибрежныя горы Ньяссы, течетъ безъ крутыхъ излучинъ въ направленіи къ сѣверо-востоку, затѣмъ поворачиваетъ къ сѣверу и, низвергаясь водопадами, сливается съ Ро-Вумою. Эта послѣдняя, зарождаясь въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ Ньяссы, нисходитъ съ высотъ, имѣющихъ гораздо болѣе крутой уклонъ, въ сравненіи съ тою мѣстностью, по которой течетъ Лу-Дженда. До сліянія съ Лу-Джендою, Ро-Вума проходитъ чрезъ клюзу между гранитными утесами, при чемъ на протяженіи потока разсѣяны громадныя глыбы, а куполы утесовъ, виднѣющіеся между проломами въ крутыхъ берегахъ, столь же оголены, какъ и эти прибрежные утесы; едва можно примѣтить лишь кое-гдѣ кусты въ расщелинахъ скалы. Хотя здѣсь и область экватора, но пейзажъ имѣетъ видъ ущелья сѣверныхъ странъ, исчерченныхъ ледниками и усѣянныхъ моренами [1]). По выходѣ изъ этихъ ущелій начинается область равнинъ: двѣ главныя вѣтви, Ро-Вума и Лу-Дженда, всего лишь на высотѣ 222 метровъ соединяются другъ съ другомъ, при подошвѣ одной гладкостѣнной горы. Ниже этого мѣста сліянія рѣка изливаетъ во время половодія часть своей жидкой массы въ два озера, прилегающихъ къ правому берегу, Лидеди и Наганди, которыя, во время спада водъ, шлютъ свои струи обратно въ Ро-Вума [1]). Въ той мѣстности, гдѣ рѣка, переставъ извиваться между островами и вѣтвиться въ низменностяхъ, попадаетъ въ тѣснину между двумя плоскогоріями, господствующими надъ ея нижнимъ теченіемъ, уровень ея ложа не превышаетъ сотни метровъ. Ливингстонъ поднялся по Ро-Вумѣ приблизительно на триста километровъ отъ устья: былъ октябрь, сезонъ низкихъ водъ, и его гребное судно часто задѣвало за дно; между тѣмъ, во время половодій достаточная глубина повсюду нашлась бы даже и для пароходовъ. Изливаясь въ широкую бухту, Ро-Вума не имѣетъ бара передъ своимъ входомъ; тѣмъ не менѣе, проникая изъ моря въ рѣку, лодки подвергаются опасности, по причинѣ водоворотовъ, образующихся отъ столкновенія водъ [2]).

Часть морскаго берега, приблизительно въ пятьсотъ километровъ, тянущаяся почти параллельно меридіану, отъ бухты Мокамбо къ устью Ро-Вумы, представляетъ рѣзкую противоположность съ пляжами, которые, въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, простираются отъ бухты Софала къ дельтѣ Замбези и къ Мозамбикскому побережью. Тогда какъ на югѣ берега низменные, не имѣющіе гаваней, на сѣверѣ побережье глубоко изрѣзано заливами и бухтами, а расчлененные полуострова, продолжающіеся рядами островковъ, далеко выдвигаются въ глубокія морскія воды. Причины этой противоположности: направленіе Мозамбикскаго теченія и дѣятельность полиповъ. Къ югу отъ Ро-Вумы, океаническая рѣка, т. е. Мозамбикское теченіе, проходитъ весьма близко къ берегу, задѣвая подошвы его кручъ, ударяясь въ мысы и въ видѣ водоворотовъ вливаясь въ каждую изъ вырѣзокъ поморья. Такимъ образомъ, изъ бухтъ вымываются отлагающіеся въ нихъ осадки. Въ то время, какъ океаническій потокъ совершаетъ это свое дѣло, маленькія животныя, производящія кораллы, выводятъ свои постройки на глубокой водѣ насупротивъ берега. Но между этими новыми образованіями и волнами моря происходитъ непрерывная борьба. Здѣсь подводные рифы преобразуются въ острова; тамъ потокъ проламываетъ менѣе плотные изъ коралловыхъ массивовъ, промываетъ узкіе проходы, чрезъ которые морскіе приливы и отливы, съ быстротою рѣчнаго потока, вкатываются, а затѣмъ обратно сбѣгаютъ съ пороговъ

[1]) Josef Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society", February, 1882.

[1]) O'Neil, „Proceedings of the R. Geographical Society", July. 1881.

[2]) Sailing directions, „Instructions nautiques".

рѣки. Къ югу отъ Мозамбика морской потокъ перестаетъ примыкать къ берегу, несется мористѣе, и прибрежныя бухты вслѣдствіе этого постепенно заносятся иломъ. По наблюденіямъ моряковъ, Мозамбикское теченіе совершается правильно, т. е. въ направленіи съ сѣвера на югъ, девятнадцать дней изъ двадцати; но порою оно задерживается, даже пріостанавливается, а въ нѣкоторые исключительные дни наблюдали въ немъ обратное движеніе къ сѣверу [1]).

Между Квелимане и Мазамбикомъ кораллы образуютъ цѣлую цѣпь подводныхъ рифовъ и островковъ, расположенныхъ вдоль берега на разстояніи отъ 20 до 30 километровъ и оставляющихъ между собою и твердою землею узкій проходъ, въ которомъ хорошія якорныя стоянки многочисленны: въ этой морской аллеѣ, внутрь отъ подводныхъ рифовъ Примейры и Ангоши, природные порты-убѣжища слѣдуютъ непрерывнымъ рядомъ. Но въ той мѣстности, гдѣ берегъ принимаетъ направленіе съ юга на сѣверъ, внѣшніе рейды смѣняются портами, скрытыми въ формаціяхъ самаго побережья. Портъ Мокамбо, обширный бассейнъ, въ которомъ могли бы помѣститься цѣлые флоты, почти повсюду имѣетъ глубины отъ 18 до 27 метровъ. Мозамбикъ съ своего низменнаго острова сторожитъ цѣлый лабиринтъ внутреннихъ портовъ. Бухта Кондуція прилегаетъ къ нимъ на сѣверѣ; за нею слѣдуетъ великолѣпная группа якорныхъ стоянокъ въ бассейнѣ Fernão Vellozo или Masasima. Бухты: Мемба, Муамби, Монтепесъ, Ибо, Масимбуа, Майсма—не считая всѣхъ хорошихъ рейдовъ, образуемыхъ островами поморья—дѣлаютъ изъ этого берега одну изъ привилегированныхъ земель для судоходства. Правда, что подводные рифы на глубокой водѣ и набѣгающія на нихъ теченія обязываютъ корабли къ большой осмотрительности. Даже въ сотнѣ километровъ отъ берега, мористѣе острова Ибо, существуетъ значительное приподнятіе морскаго дна, банка Св. Лазаря, гдѣ суда садились на мель, но почти на всемъ своемъ протяженіи она покрыта слоемъ воды отъ 12 до 36 метровъ.

На Мозамбикскомъ берегу пассатные вѣтры не сильны и часто отклоняются отъ своего нормальнаго направленія тепловыми фокусами, образующимися то на западѣ, то на востокѣ, на берегу материка или на большомъ островѣ Мадагаскарѣ. Кромѣ того, широкій, направляющійся съ сѣверо-востока на юго-западъ, Мозамбикскій проливъ представляетъ легкій для прохожденія воздушныхъ теченій путь, которымъ они обыкновенно и слѣдуютъ въ томъ или въ другомъ направленіи, къ экватору или, наоборотъ, къ полюсу: подобно тому, какъ это наблюдается въ горныхъ долинахъ, вѣтры здѣсь чередуются, то нисходятъ, то восходятъ. При этомъ, болѣе всего пассатные вѣтры чувствуются въ холодную половину года, съ апрѣля по сентябрь, когда солнечные лучи вертикально падаютъ на сѣверѣ отъ экватора; тѣмъ не менѣе, даже и въ это время года, вѣтры обыкновенно отклоняются къ сѣверу: они огибаютъ съ юга громадную массу острова Мадагаскара и, несясь надъ Мозамбикскимъ проливомъ, устремляются прямо на сѣверъ, къ морскимъ пространствамъ около Занзибара. Съ октября по мартъ, когда солнце находится надъ южнымъ полушаріемъ и когда вся система воздушныхъ потоковъ передвинулась на югъ, господствующими вѣтрами на Мозамбикскомъ берегу являются вѣтры сѣверо-восточные; они дуютъ параллельно поморью, въ томъ же самомъ направленіи, которому, внизу, въ проливѣ, слѣдуетъ водный потокъ, несущійся съ среднею скоростью отъ 3 до 7 километровъ въ часъ. Въ этихъ морскихъ областяхъ ураганы весьма рѣдки: сорокъ лѣтъ прошло безъ потрясенія атмосферы бурями этого рода передъ тѣмъ, какъ въ январѣ 1841 года разразился циклонъ, взволновавшій Мозамбикскія воды до самаго дна, вырвавшій якоря и выкинувшій суда на берегъ. Въ слѣдовавшіе затѣмъ два года, и въ тотъ же самый мѣсяцъ, было еще по урагану.

Количество дождей, выпадающихъ въ предѣлахъ бассейна Ро-Вумы и другихъ прибрежныхъ рѣкъ, къ сѣверу отъ Замбези, не настолько значительно, чтобы могло питать густолиственную и многовѣтвистую растительность; поэтому высокорослыя деревья, сплоченныя, при посредствѣ обвивающихъ ихъ ліанъ, въ единую, непроницаемую массу, встрѣчаются лишь по берегамъ проточныхъ водъ. Но, хотя въ прибрежной области лѣса только и встрѣчаются, что на орошенныхъ земляхъ, тѣмъ не менѣе весьма трудно проникнуть и чрезъ чащи на террасахъ: кусты и деревца дотого переплетаются другъ съ другомъ, что можно идти по террасѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и ни разу не ступить на самую почву. Караваны, которымъ случается прокладывать путь чрезъ эти заросли, подвигаются впередъ лишь весьма медленно; носильщики бываютъ вынуждены прорубать галлереи подъ вѣтвями деревьевъ, обходить выдающіеся изъ-подъ земли многочисленные корни, а порою и проползать подъ сѣтями перепутавшихся ліанъ. Къ западу отъ этихъ чащей приморскихъ террасъ, внутреннія долины еще бѣднѣе водою, и для растительнаго убранства ихъ имѣются только травы да колючія мимозы: лѣса въ собственномъ смыслѣ этого слова виднѣются только на склонахъ горъ, выставленныхъ всей силѣ вѣтровъ, ко-

[1]) O'Neil, „Proceedings of the R. Geographical Society, June", 1885.

торые тамъ отлагаютъ свою ношу оплодотворяющихъ землю дождей [1]). Копаловое дерево и доставляющая каучукъ ліана произростаютъ только въ поясѣ кустарника.

Мозамбикская фауна удивительно богата; область верховой Лу-Дженды и равнина, по которой Ро-Вума протекаетъ къ низу отъ сліянія съ своимъ главнымъ притокомъ,—такіе края для охоты, какихъ мало въ Южной Африкѣ: различные виды антилопъ, гну, буйволы, кваггі и зебры водятся тамъ миріадами; равнымъ образомъ, многочисленны тамъ и великорослыя животныя изъ семейства кошачьихъ: львы, леопарды и гіены. Но это обиліе животныхъ объясняется малочисленностью людей.

Въ еще близкую къ намъ эпоху, долина Ро-Вумы была густо населена; въ наши же дни на сотню километровъ книзу отъ сліянія Ро-Вумы съ Лу-Джендою видны не деревни, а только многочисленныя развалины, окруженныя покинутыми банановыми рощами; край опустошенъ, и нынѣ, когда не осталось уже ничего болѣе для разрушенія, дикія животныя снова завладѣли долиною. Единственные туземцы, разсѣянныя стада которыхъ еще встрѣчаются на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, суть ма-тамбуэ, защищенные отъ своихъ враговъ рукавами рѣки: въ сухое время года они проживаютъ на островахъ Ро-Вумы, но въ разливы, когда ихъ хижины и поля скрываются подъ водой, они устраиваются на крутизнахъ праваго берега [2]). Нѣкоторыя семейства ма-тамбуэ проживаютъ, въ качествѣ гостей, а то и рабовъ, у тѣхъ могущественныхъ колѣнъ, которыя дали имъ убѣжище. Въ глухихъ поселкахъ, въ области сліянія Ро-Вумы и Лу-Дженды, укрываются группы туземцевъ ма-ньянджа, боязливыхъ дикарей, родственныхъ племени ма-тамбуэ.

Опустошителями края были ма-гуангуара (маконгуара, по Augusto Cardoso), которые кочевали къ сѣверу отъ Ро-Вумы, по сѣверо-восточнымъ берегамъ Ньяссы и въ предѣлахъ области истоковъ Ру-Фиджи. Къ этимъ ма-гуангуара присоединялись другіе хищники, которыхъ вообще называютъ ма-вити, какъ и кафровъ изъ-за Ньяссы; однако, присвоеніе имъ этого прозвища не справедливо, такъ какъ эти воображаемые ма-вити суть уа-нинди, изъ честолюбія стремящіеся продолжать дѣло тѣхъ завоевателей, которые, убивая и сожигая, проходили нѣкогда по ихъ территоріи, и у которыхъ они позаимствовали какъ воинское одѣяніе, оружіе, обычаи, тактику, такъ даже и самое имя зулусовъ. Въ краѣ этихъ чернокожихъ, Porter слышалъ только о двухъ индивидахъ, которые дѣйствительно были изъ кафровъ [1]). Покинувъ свои деревни, находившіяся къ сѣверу отъ Ро-Вумы, уа-нинди превратили въ пустыню весь край ма-тамбуэ; долгіе годы всѣ рынки на морскомъ берегу были переполняемы сотнями и тысячами продаваемыхъ ими рабовъ, и цѣна человѣка стала ниже стоимости козы или барана. Нынѣ уже не то: уа-нинди возвратились въ свои становья и снова предались обработкѣ почвы. Имъ нечего уже было опустошать въ то время, когда занзибарскій султанъ вмѣшался съ цѣлью остановить ихъ хищничества.

Ма-куа занимаютъ обширную территорію на западъ отъ Мозамбикской бухты вплоть до горъ Намули и до тѣхъ озеръ, изъ которыхъ вытекаетъ рѣка Лу-Дженда. Они подраздѣляются на многочисленные народцы, къ которымъ принадлежатъ также медо и михаванг: почти всѣ они враждуютъ другъ съ другомъ, хотя и весьма близки между собою по нравамъ и языку; однако, способомъ прически, татуировкою лица и стачиваніемъ зубовъ каждое колѣно отличается отъ остальныхъ. Междоусобныя войны ослабили расу въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій; развалины деревень и покинутые плодовые сады и поля виднѣются во многихъ мѣстностяхъ; значительныя пространства превратились въ пустыни; массивъ горъ Намули, нѣкогда столь плодородный, нынѣ совершенно обезлюдѣлъ. Культъ духовъ всеобщій, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ, между прочимъ, и въ Мпассу, по дорогѣ изъ Квелимане въ Блантиръ,—у каждаго домика имѣются свои украшенія, принесенныя въ даръ духамъ; передъ каждымъ селомъ навалены кучами приношенія, пища и товары, долженствующіе привлекать благосклонный взоръ боговъ [2]). Last посѣтилъ недавно на южныхъ склонахъ горъ Намули и на берегахъ рѣки Лу-Кугу одно колѣно племени ма-куа, воины котораго еще и теперь питаются человѣческимъ мясомъ. Это—ма-уа: они съѣдаютъ порою своихъ собственныхъ мертвецовъ, затѣмъ плѣнныхъ, а часто также рабовъ и людей, втайнѣ осужденныхъ изъ-за ихъ волшебства или изъ-за дородности. Жертва не должна знать объ участи, которая ее ожидаетъ: на какомъ-нибудь праздникѣ она упивается пивомъ рядомъ съ своими палачами, которые, затѣмъ, внезапно ее схватываютъ и убиваютъ.

Подобно своимъ сестрамъ въ племенахъ ма-ганья, ма-виха и другихъ, женщины изъ племени ма-куа носятъ пелеле. Онѣ считаютъ себя равными мужчинамъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ принадлежитъ даже первенство. Ихъ право имѣть собственность при-

[1]) Josef Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society". February, 1882

[2]) J. T. Last, „Proceedings of the R. Geographical Society", August, 1887;—Thomson, упом. отчетъ.

[1]) „Journal of the Manchester Geographical Society", Yuli—Dec. 1886.

[2]) Rankin, „Proceedings of the R. Geographical Society", October 1886.

знается вполнѣ; онѣ имѣютъ хозяйства, хижины и нивы и могутъ располагать ими по произволу; въ случаѣ развода, земля и дѣти принадлежатъ женѣ. Со всѣмъ тѣмъ, жены главаря становятся передъ нимъ на колѣни и привѣтствуютъ его по командѣ, хлопая въ ладоши; одна изъ нихъ сопровождаетъ его и подаетъ ему мечъ. Часто, вмѣстѣ съ трупомъ какого-нибудь могущественнаго лица, зарывали въ той же могилѣ и живыхъ его женъ. Впрочемъ, обычаи весьма различны въ каждомъ изъ колѣнъ, и нѣкоторые изъ нихъ, напр. обрѣзаніе, имѣющее столь существенное значеніе у большей части народцевъ, у ма-куа предоставляется на волю каждаго. Каждое маленькое королевство управляется начальникомъ и совѣтомъ старѣйшинъ, засѣдающихъ въ теченіе почти цѣлаго дня въ публичномъ зданіи, увѣшанномъ кожами леопардовъ. Ма-куа весьма умѣлые говоруны, и при всѣхъ празднествахъ, которыя ихъ сосѣди справляютъ, танцуя и распѣвая пѣсни, они предаются состязаніямъ въ спорѣ. Каждаго оратора сопровождаетъ другой, держащійся, на-подобіе древняго флейтщика, позади, для регулированія, съ своей стороны, переливовъ голоса мелодіею гармоническихъ слоговъ, заполненія музыкою пробѣловъ между періодами, приданія патетическимъ фразамъ большей трогательной задушевности, усиленія конца рѣчи подобіемъ отдаленнаго раската грома и завершенія всего ораторствованія замирающимъ рокотомъ, на-подобіе теряющагося въ отдаленіи эхо [1]).

Ломуэ, которые, по O'Neill'ю, принадлежатъ къ тому же самому корню, какъ и ма-куа, живутъ главнымъ образомъ въ бассейнѣ Лу-Ріо, къ сѣверу отъ Намули и горъ, которыя продолжаютъ этотъ массивъ къ востоку. Обыкновенно въ нихъ видятъ лишь простой отпрыскъ ма-куа, но они рѣзко отличаются своимъ языкомъ и, кромѣ того, сами считаютъ себя особеннымъ народомъ. Раньше, чѣмъ ихъ край подвергся изслѣдованію, ломуэ считались однимъ изъ самыхъ страшныхъ племенъ: каждый иностранецъ, разсказывали про нихъ, долженъ былъ ожидать отъ совѣта начальниковъ особеннаго приглашенія для вступленія на территорію даннаго племени; иначе смерть его была неминуема. Пустынныя пограничныя области охранялись, будто-бы, охотниками на слоновъ, и каждый вступившій на эти земли убивался ими, если принадлежалъ къ другой расѣ или къ другому племени. Эти разсказы не вѣрны. Ломуэ—люди мирные и боязливые, преслѣдуемые, напротивъ, своими сосѣдями ма-куа, и которымъ грозитъ исчезновеніе, если въ этихъ странахъ не возстановится миръ, подъ вліяніемъ европейскихъ купцовъ и миссіонеровъ [2]).

[1]) O'Neill, „Proceedings of the R. Geographical Society", April, 1882.
[2]) O'Neill, упом соч.

По понятливости и промышленности, первое мѣсто въ Мозамбикской области принадлежитъ уа-хіяо или просто яо, называемымъ также аджауа. Эти туземцы—нѣкогда составлявшіе весьма значительную націю, но также много терпѣвшіе отъ набѣговъ ма-вити и другихъ бандъ, носившихъ это имя,—главнымъ образомъ обитаютъ въ верховой долинѣ Лу-Дженды; ихъ встрѣчаютъ также, въ большей или меньшей смѣси съ другими племенами, на берегахъ Ньяссы и Ро-Вумы, и почти повсюду, гдѣ они поселились, они преобладаютъ въ политическомъ отношеніи. Они не обезображиваютъ чертъ своего лица татуировкою, и жены ихъ не носятъ пелеле; весьма чистоплотные какъ въ одеждѣ, такъ и въ жилищахъ, они охотно свыкаются съ чужеземцами и выдѣляются духомъ предпріимчивости: ихъ можно было бы прозвать мозамбикскими вуа-ніамэзи. Они превосходные земледѣльцы. Яо долины Лу-Дженда превратили ее въ громадный садъ, въ которомъ земляныя фисташки, сладкіе пататы, тыквы, фасоль и мѣстами рисъ произрастаютъ рядомъ съ маисомъ и сорго, т. е. съ хлѣбными растеніями, главнымъ образомъ служащими пищею для мѣстнаго населенія. Въ верхнихъ долинахъ притоковъ Ро-Вумы, они поселились на горахъ съ крутыми подошвами, гдѣ они обезопашены отъ нападеній ма-гуангуаръ: верхніе склоны этихъ естественныхъ крѣпостей усѣяны хижинами. Въ мѣстечкѣ Унь-янго Johnson насчиталъ ихъ по крайней мѣрѣ девять тысячъ; вершина горы кишитъ дѣтьми, которыя бѣгаютъ по террасамъ и взбираются на скалы съ ловкостью обезьянъ. Другая скалистая цитадель, Чіуагулу, населена почти такъ же густо, какъ и Уньянго [2]). Яо часто посѣщаются арабскими торговцами; однако, они остались язычниками, и погребальныя жертвоприношенія, трапезы изъ человѣческаго мяса, хотя и тайно, но все еще практикуются ихъ начальниками. Молодыя дѣвушки и слуги зарываются живыми въ могилы ихъ главныхъ начальниковъ: разсказываютъ, что если кому-нибудь изъ обреченныхъ жертвъ случится чихнуть во время погребальнаго шествія, то его тотчасъ же выпускаютъ на свободу, такъ какъ этимъ чиханьемъ духъ смерти выразилъ нежеланіе принять его въ число сотоварищей умершаго [1]). Недавно, яо обнаруживали свою предпріимчивость въ особенности въ качествѣ продавцовъ невольниковъ; это при посредствѣ ихъ направлялись почти всѣ караваны съ плѣнными въ Килоа и въ остальные порты морскаго побережья. И этотъ торгъ еще не прекратился совершенно: такъ, Thomson исчислилъ приблизительно въ двѣ тысячи число рабовъ, продаваемыхъ яо

[1]) „Proceedings of the R. Geographical Society", September. 1884.

каждый годъ на поморьѣ. Вообще, бассейнъ Ро-Вумы есть, быть-можетъ, та африканская страна, гдѣ очевиднѣе всего ужасныя послѣдствія торговли рабами; поля запущены, деревни повыжжены, а жители разсѣяны. Въ началѣ этого вѣка каждый годъ рабовъ вывозилось отъ 4 до 5 тысячъ. Вообще, мозамбикскіе негроторговцы были настолько могущественны, что устроили возстаніе, когда Португалія провозгласила отмѣну торга неграми.

Благодаря трудности доступа въ ихъ края, ма-виха или ма-хиба, живущіе въ обнесенныхъ крѣпкими частоколами деревняхъ, расположенныхъ по поморью на защищенныхъ чащами кустарника полянахъ, могли ускользать отъ торговцевъ, но только при условіи, съ одной стороны, удаленія своихъ поселеній отъ торговыхъ путей, а съ другой, запрещенія арабамъ вступать въ свои деревни. Однако, покупщики копала и каучука въ концѣ концовъ проникли къ нимъ, и они исподволь втянулись въ кругъ торговаго тяготѣнія къ португальскимъ гаванямъ. Ма-виха замѣчательны граціозностью своего тѣла и изяществомъ манеры держаться, но они обезображиваютъ себя проведеніемъ надрѣзовъ на кожѣ, и не только женщины, но даже и мужчины носятъ пелеле на верхней губѣ. Для жены пелеле изготовляетъ самъ мужъ, при чемъ этотъ предметъ становится символомъ любви и вѣрности, на-подобіе кольца у европейскихъ супруговъ. Когда жена умираетъ, то мужъ благоговѣйно сохраняетъ ея пелеле и никогда не позабудетъ взять его съ собою, идя посѣтить могилу и возлить на нее пиво [1]). O'Neill полагаетъ, что ма-виха принадлежатъ къ той же расѣ, какъ и ма-конде изъ-за Ро-Вумы: нравы у нихъ одни и тѣ же, и прибрежные жители смѣшиваютъ ихъ подъ однимъ и тѣмъ же наименованіемъ. И у той, и у другой націи женщины имѣютъ право выбора себѣ мужей.

Пристани прибрежья, гдѣ поселились европейцы и азіаты для торговли съ неграми внутри материка, не многочисленны; и ни одна изъ нихъ не превратилась еще въ большой городъ. Правда, что въ отдаленныхъ отъ океана областяхъ станы миссіонеровъ являются небольшими колоніями, гдѣ туземныя населенія приходятъ въ соприкосновеніе съ новою цивилизаціею.

Къ сѣверо-востоку отъ Квелимане первый посѣщаемый портъ—Ангошъ, бывшее пристанище негроторговцевъ; но начальнымъ пунктомъ телеграфнаго кабеля и пристанью для срочныхъ пакетботовъ служитъ тотъ знаменитый островъ, которымъ португальцы овладѣли въ началѣ семнадцатаго столѣтія и на которомъ, спустя семь лѣтъ, они основали столицу всѣхъ своихъ владѣній въ Восточной Африкѣ. Островъ Мозамбикъ былъ уже большимъ арабскимъ рынкомъ и торговалъ съ Индіей, когда въ 1498 году къ нему присталъ Васко-де-Гама, и португальцамъ осталось лишь построить укрѣпленіе для того, чтобы обезпечить за собою обладаніе главной пристанью по дорогѣ къ Гоа. Островъ этотъ, каралловый утесъ въ нѣсколько сотенъ метровъ въ ширину и въ три километра въ длину, на половину закрываетъ входъ въ большую бухту Моссорилъ, представляющую вполнѣ безопасное убѣжище для тѣхъ судовъ, которыя во время юго-восточнаго муссона отстаиваются въ Мозамбикѣ и которыя находятъ въ Моссорильской бухтѣ якорныя стоянки съ углубленіемъ отъ 7 до 13 метровъ; однако, къ востоку отъ острова простирается другой портъ, хорошо защищенный отъ морскаго волненія каралловыми отмелями, низменными островами и мысомъ Кабесейра, вдающимся въ океанъ къ сѣверо-востоку отъ Мозамбика и соединяющимся съ твердою землею при посредствѣ лѣсистаго перешейка. Городъ Мозамбикъ—въ которомъ нѣтъ уже и слѣда арабскаго господства — обладаетъ нѣсколькими порядочными зданіями португальской постройки; защищаютъ эти зданія пушки крѣпости Санъ-Себастьянъ, помѣщающейся на южной оконечности острова, а хижины «чернаго города» тѣснятся въ южной части Мозамбика, около форта Санъ-Лоренсо. На этомъ безводномъ островѣ дождевая вода собирается самымъ тщательнымъ образомъ и весьма дорого продается проходящимъ мимо кораблямъ. Недавно пришедшій было въ упадокъ вслѣдствіе уменьшенія торговли, этотъ португальскій городъ снова поднялся въ послѣднее время, какъ административный центръ провинціи, предназначенной къ политическому сліянію съ Анголою, и торговое движеніе опять усилилось. Въ 1893 году въ Мозамбикѣ было въ приходѣ и отходѣ 137 судовъ съ вмѣстимостью 155.982 тонны. Что касается цѣнности товаровъ въ этомъ году, то на долю ввоза приходилось 607.165, а на долю вывоза 401.127 мильрейсовъ. Вывозятъ въ особенности гумми и слоновую кость; вывозъ каучука начался всего лишь въ 1873 году, и въ шесть лѣтъ продажа этого продукта возросла для Мозамбикскаго порта уже на 1.250.000 франковъ; однако, она такъ же быстро сократилась, вслѣдствіе опустошенія цѣлыхъ лѣсовъ; также и слоны къ востоку отъ Ньяссы почти истреблены. Направленіе торговли, производимой почти исключительно съ Англіей и Франціей, находится въ рукахъ нѣсколькихъ сотенъ бѣлыхъ, португальцевъ изъ Гоа, цвѣтныхъ людей и баньяновъ; ввозъ же тканей какъ сюда, такъ равно и въ порты Ибо и Квелимане, почти цѣликомъ производится не-

[1]) J. T. Last, „Proceedings of the R. Geographical Society". August, 1887.

гоціантами изъ Бомбея. Главную массу населенія составляютъ чернокожіе магометане, родомъ изъ различныхъ поморскихъ племенъ, но уже потерявшіе свои первоначальныя привычки и отличительные признаки, и исподволь превращающіеся въ такихъ же пролетаріевъ, какіе наполняютъ европейскіе порты; говорятъ они на весьма испорченномъ жаргонѣ языка ма-куа, одного изъ тѣхъ нарѣчій Восточной Африки, которыя наилучше изучены миссіонерами. Мозамбикъ, имѣющій (1887 г.) слишкомъ 7.000 жителей, представляетъ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ мѣстностей на восточномъ побережьѣ Африки, которыя обладаютъ «учеными» обществами—между прочимъ обществомъ географическимъ - и гдѣ также издаются газеты и книги. На одной изъ сосѣднихъ съ городомъ низменностей собираютъ соль, которую свѣдущіе люди сравниваютъ съ сетубальской, лучшей въ Европѣ [1]).

Естественную принадлежность Мозамбика оставляютъ также *Terras Firmes*, или «твердыя земли» на берегахъ бухты, съ выстроившимися на нихъ деревнями; въ одной изъ нихъ, называемой Моссорилъ, находятся дачи губернатора и европейскихъ негоціантовъ. Деревня эта лежитъ километрахъ въ десяти къ сѣверо-западу отъ города, около основанія полуострова Кабесейра, раздѣляющаго бухты Моссорилъ и Кондусія. Этими великолѣпными природными гаванями: Мокамбо, на югѣ, и Кондусія на сѣверѣ отъ Мозамбика, не пользуются какъ по причинѣ рѣдкости прибрежныхъ жителей, такъ и вслѣдствіе отсутствія дорогъ во внутреннія области. Даже чудная группа портовъ, которую находятъ корабли къ сѣверу отъ Кандусіи, въ заливѣ Фернандо Веллозо (*Veloso*), если не безъизвѣстна морякамъ, то по крайней мѣрѣ не утилизируется ими; но туземцы хорошо знаютъ ей цѣну, такъ какъ прозвали этотъ заливъ «Мозазима», т. е. «Превосходное убѣжище». Онъ проникаетъ километровъ на десять внутрь земель и на своей оконечности дѣлится на два весьма глубокихъ и защищенныхъ отъ всякихъ вѣтровъ порта. Сѣверо-западный портъ, называемый *Нихегежо*, *Belmore-harbour* англичанъ, имѣетъ на порогѣ передъ входомъ въ него слой воды толщиною въ 20 метровъ; Нкала, юго-западный портъ, хотя и менѣе глубокъ на протяженіи узкаго канала, посредствомъ котораго онъ сообщается съ моремъ, но, тѣмъ не менѣе, и въ немъ достаточно воды для самыхъ большихъ судовъ и даже для цѣлыхъ флотовъ [2]). Восточный берегъ этого великолѣпнаго бассейна, развѣтвляющагося на нѣсколько второстепенныхъ портовъ, вздымается въ видѣ кручъ и мысовъ, высотою отъ 30 до 60 метровъ; повидимому, мѣстность эта имѣетъ здоровый климатъ и была бы пригодна для европейской колонизаціи. Западный берегъ низменъ, но тамъ въ море изливаются нѣсколько небольшихъ потоковъ, и наносная почва могла бы производить рисъ, табакъ и сахарный тростникъ. Въ 1870 году эта область была обитаема; нынѣ же она совершенно опустѣла, такъ какъ туземныя племена удалились къ сѣверо-востоку, на полуостровъ Муамхакома, спасаясь отъ притѣсненій царька племени куа.

Въ трехстахъ километрахъ къ сѣверу отъ португальской столицы находится другая торговая гавань, портъ Ибо или Упбо. Островъ, на которомъ построенъ этотъ городокъ, главный пунктъ округа Кабо Дельгадо,—больше Мозамбикскаго рифа, а при низкой водѣ онъ соединяется на югѣ также съ другимъ островомъ, Кверимба; но портъ, впрочемъ, вполнѣ защищенный отъ вѣтровъ и волненія, гораздо мельче, чѣмъ оба порта столицы. Въ 1754 году португальцы, издавна уже основавшіеся въ Кверимбо, укрѣпили островъ Ибо, гдѣ условія защиты противъ пиратовъ были болѣе благопріятны; однако, возрастаніе населенія и торговли шло весьма медленно, такъ какъ коралловые острова, находящіеся вдоль морскаго побережья, представляютъ безплодные утесы, а ближайшая внутренняя область, именно территорія племени ма-биха, населена весьма слабо и къ тому же слишкомъ свирѣпыми людьми, чтобы съ ними могла установиться правильная торговля. На берегу Ибо часто набирались туземные рабочіе для плантацій французскаго острова Носси-бэ. Въ общемъ торговля въ Ибо въ 1884 году достигала суммы въ 610 тысячъ франковъ, изъ которыхъ 374 тысячи приходились на долю ввоза, а 236 тысячъ на долю вывоза.

Между многочисленными островами, рядъ которыхъ тянется на сѣверъ вплоть до мыса Дельгадо, многіе, между прочимъ, Матемо, имѣютъ небольшія группы такого населенія, къ которому уже прикоснулась цивилизація, а нѣкоторыя изъ деревень находятся даже подъ непосредственнымъ управленіемъ португальскихъ чиновниковъ. Такова деревня Мазимбуа (Мюсимба), въ бухтѣ того же имени и въ сотнѣ километровъ къ югу отъ устья Ро-Вумы. Извѣстно также, что въ недавнюю эпоху португальцы возвратили себѣ силою оружія обладаніе бухтою Tungue, которая обезпечивалась за ними какъ прежними трактатами, такъ и конвенціею, заключенною ими въ 1886 году съ Германіею, но которую занзибарскій султанъ пытался оспаривать у португальцевъ, подстрекаемый арабскими негоціантами, управлявшими даннымъ округомъ и въ силу тѣхъ географическихъ изслѣдованій, которыя были произведены въ краѣ отъ его имени. Сила

[1]) „As Colonias Portuguezas".
[2]) Augusto de Castilho, „O Zambeze"

осталась на сторонѣ европейской державы и ея канонерокъ. Но если эта держава и стала сюзереномъ для всего поморья, то представителей ея тамъ пока еще слишкомъ мало. Въ 1857 году прямо изъ Португаліи была прислана группа эмигрантовъ для колонизаціи, къ югу отъ Ибо, береговъ бухты Муамби или Немба, одной изъ наиболѣе безопасныхъ на поморьѣ. Этихъ эмигрантовъ безплатно снабдили землями, скотомъ, провизіею и оружіемъ; но, взамѣнъ всего этого, ихъ подвергли строгой дисциплинѣ, личному надзору и наблюденію въ религіозномъ отношеніи. И упадокъ колоніи, не взирая на сравнительно здоровое мѣстоположеніе ея, послѣдовалъ быстро. Насупротивъ Ибо, на твердой землѣ, находится деревня Кизанга, представляющая небольшой портъ въ бухтѣ Монтепесъ (Montepes), въ которую впадаетъ рѣчка Мтепуэзи.

Управленіе Мозамбикомъ, считавшимся нѣкогда простою пристанью на пути въ Индію, зависѣло до половины XVIII столѣтія отъ Гоа. Съ 1752 года, онъ непосредственно присоединенъ къ Португаліи. Такъ же, какъ Ангола, онъ управляется генералъ-губернаторомъ, при которомъ состоитъ совѣтъ изъ высшихъ чиновниковъ. Кромѣ того, провинціальный совѣтъ разсматриваетъ и утверждаетъ мѣстные бюджеты, равно какъ вѣдаетъ и дѣла второстепенной важности. Спеціальныя коммиссіи завѣдуютъ финансами, публичными работами и гигіеною. Во всѣхъ этихъ коммиссіяхъ и совѣтахъ провинція не имѣетъ своихъ избранныхъ представителей, но прямою подачею голосовъ ея жители выбираютъ двухъ депутатовъ въ кортесы въ Лиссабонѣ. Мозамбикскій бюджетъ, всегда дающій дефицитъ, утверждается центральнымъ правительствомъ. Въ финансовомъ 1894—95 году доходы простирались до 1.335.800, а расходы доставили 1.555.238 мильрейсовъ. Доходы доставляются, главнымъ образомъ, таможнями и поголовною податью въ 8 фр. 60 сантимовъ съ каждаго главы туземнаго семейства. Народное образованіе весьма слабо развито въ провинціи. Такъ, въ учебномъ 1882—83 году начальныхъ училищъ въ Мозамбикѣ было: для мальчиковъ 13, для дѣвочекъ 8; всѣхъ же учащихся было 385 [1]). По почтѣ въ 1883 году переслано 117.829 предметовъ, изъ которыхъ 79.796 было писемъ. Телеграммъ переслано 25.166.

Епархія Мозамбикская, еще и до сихъ поръ подчиненная архіепархіи въ Гоа, имѣетъ свою паству только въ лицѣ португальцевъ и цвѣтныхъ людей изъ торговыхъ заведеній. Хотя первая миссія іезуитовъ, выѣхавшая изъ Гоа, направилась въ «Мономотапу» для «просвѣтлѣнія невѣрныхъ, столь же черныхъ душою, какъ и тѣломъ», и хотя, позже, всѣ военныя экспедиціи были сопровождаемы миссіонерами, которые должны были «покорять туземцевъ ученіемъ Христа, какъ солдаты покоряли ихъ мечемъ» [1]), однако, различныя племена внутри страны не сдѣлались христіанами. Споры іезуитовъ съ доминиканцами, присылка священниковъ, осужденныхъ за гражданскія преступленія или за симонію [2]), и въ особенности торговля невольниками, язычниками или христіанами, привели къ исчезновенію большинства приходовъ, основанныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ приморскихъ городовъ, и церкви превратились въ развалины: остатки ихъ, возбуждающіе суевѣрный страхъ у туземцевъ, еще и до сихъ поръ видны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. В. 1862 году торговля рабами еще производилась между Мозамбикомъ и островомъ Кубою: только въ этомъ году она была окончательно запрещена на большомъ испанскомъ островѣ. В. Мадагаскаръ съ африканскаго берега привезлось такъ много рабовъ, что сакалавы и ховасы такъ и называли ихъ: «мозамбиками». Окончательно исчезло рабство въ португальскихъ владѣніяхъ на морскомъ берегу только въ 1878 году.

Провинція дѣлится на округи, управляемые губернаторомъ, который облекаетъ своими полномочіями, въ селахъ или племенахъ, либо туземныхъ главарей, либо капитанъ-майоровъ (capitâos mors). Въ нижеслѣдующей таблицѣ показаны десять округовъ провинціи, ихъ наименованія и исчисленное или предполагаемое населеніе нѣкоторыхъ изъ окружныхъ городовъ, со включеніемъ также и зависящихъ отъ нихъ предмѣстій, населенныхъ чернокожими.

Округи.	Главные города.	Число жителей.
Кабо Дельгадо....	Ибо.	
Мозамбикъ.....	Мозамбикъ.....	7.000
Ангошъ.....	Ангошъ.	
Квелимане и Сена.	Квелимане.....	7.000
Софала.....	Софала.....	2.000
Шилоанэ и Базаруто.....	Шилоанэ.	
Манпка.....	Вилла Гувейа.	
Инхамбанэ.....	Инхамбанэ.....	6.000
Лоренсо Маркесъ	Лоренсо Маркесъ.	1.200
Тете и Зумбо....	Тете.....	4.000

[1]) „Annuaria estatistico do Portugal".

[1]) Francisco Maria Bordalo, „Provincia de Moçambique, Ensaios sobre a Estatistica das Possessoes Portuguezas".

[2]) „A Africa Portugueza"

Глава XI.

Занзибаръ.

Германскій протекторатъ въ Восточной Африкѣ.

I.

Область поморья, простирающаяся къ сѣверу отъ Ро-Вумы вплоть и даже по ту сторону Момбаза, нѣкогда принадлежала, подобно Мозамбикскому берегу, португальцамъ; благодаря торговымъ сношеніямъ, ихъ власть распространилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже на нѣкоторое разстояніе отъ берега внутрь материка; но въ концѣ XVII вѣка, возстанія чернокожихъ, поддерживаемыя нападеніями арабовъ, побудили бѣлыхъ очистить свои крѣпости, и весь берегъ твердой земли, находящійся насупротивъ Занзибара и двухъ сосѣднихъ острововъ, подпалъ подъ власть Маскатскаго султана. Въ продолженіе полутора вѣка, этотъ государь поддерживалъ свою власть, въ качествѣ «короля моря», отъ Персидскаго залива до мыса Дельгадо; затѣмъ, въ 1856 году, имперія распалась, и африканскіе берега, на протяженіи приблизительно 1.500 километровъ, достались на долю одного изъ сыновей Маскатскаго повелителя; династія этого новаго государя, благодаря совѣтамъ и почти нахожденію подъ протекторатомъ Великобританіи, стала могущественною: имя занзибарскаго султана уважалось во всей Восточной Африкѣ вплоть до Танганьики, въ бассейнѣ Конго; благодаря, именно, его поддержкѣ, путешественники и могли приводить къ благополучному окончанію изслѣдованія, которыя они производили къ западу отъ занзибарскихъ владѣній, внутри материка. Затѣмъ вліяніе Англіи смѣнилось вліяніемъ Германіи, и занзибарскій султанъ превратился въ простаго вассала.

Германцы — извѣстные между туземцами подъ именемъ *ма-дучи*—впервые направили свои стремленія къ пріобрѣтенію территорій на восточномъ берегу Африки въ 1884 году и, по минованіи всего трехъ лѣтъ, область ихъ господства стала весьма значительною; въ той части материка, которая находится насупротивъ Занзибара, между двумя рѣками Кингани и Ру-Фу, эта область обнимаетъ пространство въ 55.660 квадр. километровъ; и однако, это лишь небольшая часть той громадной колоніальной державы, къ постепенному созданію которой вплоть до о. Танганьики, истока Конго, и до о. Ніанца, истока Нила, стремилась Германія. Въ завладѣніи страною, германскіе торговцы, увѣренные въ поддержкѣ своего правительства, дѣйствовали съ рѣдкимъ благоразуміемъ и рѣшительностью. Переодѣтые бѣдными переселенцами, они высадились въ Саадани, и семь дней спустя имп уже былъ подписанъ первый присоединительный трактатъ, за которымъ вскорѣ послѣдовали и многіе другіе. Имъ надо было поскорѣе опереться на совершившіеся факты, и въ слѣдующемъ году они получили отъ берлинскаго правительства сначала «охранную грамоту», а затѣмъ императорскую хартію, и съ этого момента они были уже вполнѣ увѣрены въ томъ, что отнынѣ ихъ интересы будутъ охраняемы противъ занзибарскаго султана и Великобританіи. Германскій флотъ появился передъ резиденціей, и подъ жерломъ пушекъ султанъ призналъ, что всѣ территоріи материка, возврата себѣ которыхъ онъ еще требовалъ, перестали уже принадлежать ему: даже два еще оставшихся у него главныхъ порта на морскомъ побережьѣ онъ отдалъ агентамъ германской таможни, поступившись, такимъ образомъ, и ключами отъ своей казны. Въ 1886 году, спеціальная конвенція, заключенная съ Англіей, признала не только уже сдѣланныя германцами присоединенія, но даже и тѣ, которыя могутъ совершиться впослѣдствіи: условная линія, проведенная въ направленіи къ юго-востоку отъ края Кавирондо (на восточномъ берегу Ніанцы) къ побережью Индійскаго океана, и проходящая къ сѣверу отъ колосса африканскихъ горъ, вѣчно-снѣжнаго Килима-Нджаро, разграничиваетъ отнынѣ «поясы вліянія», или скорѣе тѣ соотвѣтственныя территоріи, которыя Германія и Англія присоединятъ къ своимъ колоніальнымъ имперіямъ послѣ того, какъ утвердятся въ первоначальныхъ своихъ пріобрѣтеніяхъ. На югѣ будущее владѣніе Германіи ограничено рѣкою Ро-Вума. За предѣлами узкой прибрежной полосы, фиктивно признанной принадлежащею занзибарскому султану, область, изображаемая на картахъ германскою, занимаетъ поверхность въ 350 тыс. квадр. километровъ, а народонаселеніе ея исчисляется приблизительно въ три милліона.

Упроченное такимъ путемъ съ политической точки зрѣнія финансовое товарищество, заключившее первые трактаты, могло преобразоваться въ болѣе могущественную компанію, располагающую значительными капиталами. Ему служитъ также персоналъ ученыхъ изслѣдователей, которые изучаютъ минеральныя, земледѣльческія и торговыя богатства края, указываютъ мѣстности, подлежащія занятію, и обозначаютъ направленія тѣхъ дорогъ, которыя соединятъ внутреннія станціи съ прибрежными гаванями. Многочисленные посты уже основаны въ долинахъ рѣкъ Кингани, Уами и Ру-Фу, при чемъ плантаторы уже расчистили нови въ ихъ окрестностяхъ, для посадки кофейнаго деревца, хлопчатника, табака и европейскихъ и африканскихъ овощей. Германскіе миссіонеры, какъ протестанты, такъ и католики, отправились для поселенія въ этихъ новыхъ колоніяхъ и основанія тамъ церквей и школъ. Благодаря вмѣшательству папы, издавна пребывавшіе въ краѣ французскіе миссіонеры были замѣнены германцами. Но, какъ бы ни были дѣятельны «протекторы» племенъ, проживающихъ между Занзибарскимъ проливомъ и Танганьикою, имъ все-таки еще предстоитъ ознакомиться съ большимъ пространствомъ присоединенной территоріи. Наилучше изслѣдованная область въ данной части материка—это полоса караванныхъ дорогъ, перекрещивающіяся линіи которыхъ извиваются чрезъ У-Гого и У-Ніамези, между берегами, съ одной стороны, Индійскаго океана, а съ другой, озера Танганьики: этотъ край пройденъ Burton'омъ и Speke'мъ, Ливингстономъ, Стэнли и Cameron'омъ, а со времени этихъ піонеровъ науки также цѣлою толпою другихъ европейскихъ путешественниковъ, торговцевъ, миссіонеровъ или солдатъ. Часть этой территоріи была даже тщательно снята при помощи астрономическихъ наблюденій: первая карта окрестностей Кондоа, въ долинѣ Уами, основана на серьезной тріангуляціи [1]). Но по обѣ стороны большихъ торговыхъ путей, къ югу и къ сѣверу, объ обширныхъ пространствахъ имѣются лишь смутныя свѣдѣнія, исходящія отъ туземцевъ, и каждый путешественникъ иначе чертитъ ихъ карты. *По трактату 1 іюля 1890 г., Германія уступила Англіи Виту и всѣ лежащія сѣвернѣе владѣнія, въ обмѣнъ на о. Гельголандъ, но получила признаніе своего сюзеренитета надъ всей притязуемой ею областью, отъ морскаго берега до трехъ большихъ озеръ внутри континента; занзибарскій султанъ уступилъ принадлежавшую ему береговую полосу за 4 милліона марокъ, а 1 января 1891 г. было провозглашено германское господство. Нынѣ германская Восточная Африка занимаетъ пространство въ 941.100 кв. километр., съ 3.000.000 жителей*.

[1]) Bloyet, „Bulletin de la Société de Géographie". 1886, 3-e trimestre.

II.

Приморскую область, недавно обозначавшуюся общимъ именемъ «Зангвебарскаго берега», орошаютъ рѣки Ру-Фиджи, Ру-Фу и Уами, природныя границы бассейновъ которыхъ во многихъ мѣстностяхъ еще недостаточно опредѣлены. На юго-западѣ, высокая цѣпь горъ Ливингстона раздѣляетъ первые истоки Ру-Фиджи и тѣ стремительные потоки, которые низвергаются въ озеро Ньясса. Изъ другихъ горъ массивъ Йоматема и плоскогорія продолжаютъ водораздѣлъ въ направленіи къ сѣверу; но мало-по-малу они понижаются и, на пути каравановъ, въ У-Гого, изъ области верхнихъ притоковъ Конго, чрезъ Малагарази, незамѣтно переходятъ въ предѣлы притоковъ Индійскаго океана. Область перехода представляетъ обширное плоскогоріе, съ средней высотою отъ 1.100 до 1.200 метровъ, а въ самыхъ высшихъ пунктахъ даже въ 1.300 метр. Кое-гдѣ показываются гранитные конусы, выдающіеся изъ средины песчаниковъ и пластовъ красноватаго латерита. На сѣверѣ, горизонтъ ограничивается столовидными горами, на которыхъ проживаетъ племя уа-хума: издали эти горы кажутся возвышающимися на нѣсколько сотенъ метровъ надъ уровнемъ плоскогорія.

Горы въ собственномъ смыслѣ этого слова профилируютъ свои вершины внутри береговыхъ бассейновъ, между водораздѣльными равнинами и побережьемъ океана. Burton назвалъ ихъ «африканскими гатами (ghat)», уподобивъ гатамъ индійскимъ, составляющимъ внѣшнія окраины высокихъ земель Декана; однако, возвышенности У-Сагары заслуживаютъ данное имъ наименованіе не только по приморскому ихъ склону; хотя и въ меньшей степени, онѣ тоже горы и по своему континентальному скату, такъ какъ и съ этой стороны онѣ поднимаются круто надъ поддерживающимъ ихъ цоколемъ. Связуемыя съ при-ньясскими горами Ливингстона при посредствѣ слегка наклоненнаго плоскогорія, которое перерѣзываютъ террасообразно верхніе притоки Ру-Фиджи и на которомъ находятся гребни не менѣе двухъ тысячъ метровъ въ высоту,—горы У-Сагара дѣлятся на двѣ параллельныя цѣпи, которыя тянутся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, въ томъ же направленіи, какъ и континентальный берегъ къ сѣверу отъ Занзибара. Однако, на своемъ протяженіи, эти цѣпи представляютъ большія неправильности; во многихъ мѣстахъ отъ нихъ отходятъ поперечныя гряды, и въ хаосѣ вершинъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ горизонтъ, первоначальное направленіе уже трудно распознать. Горы Рубехо, образующія водораздѣльный кряжъ между притоками Ру-Фиджи и

притоками Уами, представляютъ въ цѣломъ видъ цѣпи, направляющейся съ сѣверо-запада на юго-востокъ. На югѣ, въ долинѣ Ру-Фиджи, простираются каменноугольныя залежи, промышленная цѣнность которыхъ различно исчисляется изслѣдователями.

Горы У-Сагара состоятъ главнымъ образомъ изъ гранита, но тамъ видны также діориты и другія вулканическія породы, какъ равно песчаники и сланцы. Главныя вершины превышаютъ двѣ тысячи метровъ: проходъ Рубехо, чрезъ который прослѣдовали въ 1858 году Burton и Speke, оказался на высотѣ 1.737 метровъ. Эти путешественники прозвали его «Страшнымъ проходомъ», по причинѣ неприступности откосовъ и нагроможденія глыбъ, взбираться на которыя имъ, истощеннымъ лихорадкой, было очень трудно. По крайней мѣрѣ эти высокія

Женщины племени масаи.

области купаются въ здоровомъ воздухѣ, и европейцы, ослабленные вслѣдствіе пребыванія въ болотистыхъ равнинахъ побережья, могли бы основать тамъ санаторіи для возстановленія своихъ силъ въ климатѣ, который походитъ на климатъ ихъ отечества. Большая часть деревень У-Сагары выстроена надъ долинами, на выдающихся горныхъ террасахъ[1]).

Нѣсколько небольшихъ рѣкъ изливаются въ море къ сѣверу отъ Ро-Вумы, но лишь въ 300 километрахъ отъ нея находится большая рѣчная дельта, именно дельта р. Ру-Фиджи или Лу-Фиджи. Что касается самой рѣки Ру-Фиджи, то она выходитъ не изъ озера Ньясса, какъ сообщалъ Ливингстонъ со словъ туземцевъ, но самые отдаленные ея притоки зарождаются къ западу отъ этого озернаго бассейна. Въ общемъ, развѣтвленія притоковъ Ру-Фиджи занимаютъ—по обѣ стороны горъ, окаймляющихъ плоскогоріе—весьма обширное пространство, исчисляемое приблизительно въ 1.500 квадратныхъ километровъ. По южной, главной вѣтви, называемой Лу-Уэго или Лу-Ву, до ея истока не поднимались, да ктому же она и не судоходна; вѣроятно, она зарождается въ Ливингстоновыхъ горахъ и течетъ въ сѣверо-западномъ направленіи вплоть до сліянія съ рѣкою У-Ранга, которая подходитъ съ запада, низвергаясь между гранитными стѣнами и образуя цѣлый рядъ водопадовъ; въ судоходныхъ частяхъ У-Ранги, достигающей въ сезонъ дождей ширины порою до двухъ тысячъ метровъ, сотнями виднѣются челноки, выдолбленные изъ стволовъ деревьевъ. По соединеніи, двѣ рѣки: Лу-Уэго и О-Ранга принимаютъ наименованіе Ру-Фиджи, которая, въ нѣсколькихъ сотняхъ километровъ, спускается между гранитными утесами рядомъ пороговъ и водопадовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ: «Каскадовъ Шугули». Кверху отъ этихъ пороговъ, на протяженіи обѣихъ сливающихся рѣкъ находятся скалистые острова, служащіе убѣжищами для туземцевъ. Книзу отъ сліянія Лу-Уэго и У-Ранга, Лу-Фиджи течетъ на сѣверо-востокъ по продолженію долины р. Лу-Уэго. На извѣстныхъ разстояніяхъ есть судоходные плесы на Лу-Фиджи, но скалы, песчаныя мели и пороги во многихъ мѣстахъ останавливаютъ лодки дикарей. Препятствія эти умножаются кверху отъ сліянія съ Руа-Ха, широкою рѣкою, которая течетъ съ запада и бассейнъ которой обнимаетъ весьма большое пространство, въ направленіи отъ У-Рори къ У-Гого. Руа-Ха тоже не судоходна[2]), несмотря на то, что въ сезонъ дождей несетъ такую мощную массу водъ, что на то время превращается въ главную рѣку даннаго бассейна; напротивъ, въ сухое время года она менѣе обильна, чѣмъ Ру-Фиджи.

Теперь главная рѣка собрала уже всѣ свои приточныя воды, и ей остается лишь перейти преграду, которую представляютъ наиболѣе выдвинувшіяся ей навстрѣчу предгорія приморскихъ цѣпей. Этотъ рядъ холмовъ протягивается съ сѣвера на югъ, а такъ какъ рѣка течетъ съ запада на востокъ, то она прямо и ударяется въ нихъ, образуя такъ называемые водопады Пангани: рельефъ горъ, гораздо болѣе значительный на восточномъ склонѣ, чѣмъ на западномъ, позволяетъ предположить, что и денивеляція водъ въ рѣкѣ тоже весьма значительна, но до сихъ поръ уклонъ рѣки еще не измѣренъ. За порогами, въ приморской полосѣ или Мримѣ, Ру-Фиджи судоходна вплоть до моря, на пространствѣ приблизительно двухсотъ километровъ; но, для избѣжанія отмелей изъ песка или изъ ила, образующихся и перемѣщающихся при каждомъ разливѣ, необходимо плавать съ осмотрительностью. Въ этой части рѣчнаго потока прорылся даже новый рукавъ, который змѣится къ югу отъ покинутой водою рѣки. Ниже, въ дельтѣ, рукава Ру-Фиджи измѣняются постоянно: вслѣдствіе перемѣщенія водами наносныхъ земель, ежегодно измѣняется развѣтвленіе протоковъ, а съ другой стороны, съ моря, работа полипниковъ измѣняетъ также очертанія и самаго побережья дельты. Оно весьма обширно, такъ какъ ограничивающая его пляжи кривая имѣетъ около 90 километровъ, а поверхность всей дельты составляетъ не менѣе 1.500 квадратныхъ километровъ. На этомъ пространствѣ дельту перерѣзываютъ около десятка *мто*, или лиманов, изъ которыхъ нѣкоторые находятся въ соединеніи съ рѣкою не всегда, а только въ теченіе большей части года, когда въ ихъ руслѣ смѣшивается соленая вода съ прѣсной. На большую часть рѣчныхъ водъ катятъ сѣверные рукава: Бумба или Мсала, Кіомбони, Симба-Уранга и Кибунья, въ которые при приливѣ приникаютъ и барки. Каботажныя суда особенно часто посѣщаютъ Симбу-Урангу, запасаясь на его берегахъ лѣсомъ для постройки домовъ въ Занзибарѣ. Вблизи моря густыя чащи корнепусковъ окаймляютъ берега протоковъ; по илистымъ же отмелямъ, на сваяхъ возвышаются рѣдкія жилища туземцевъ. Выше, гдѣ земля уже не столь влажна, деревьевъ не видно: почву покрываютъ высокія травы, и земледѣлецъ собираетъ обильные урожаи риса.

Въ сравненіи съ Ру-Фиджи, остальныя изъ впадающихъ въ Занзибарское море рѣкъ менѣе значительны. Кингани, по которой Holmwood поднялся приблизительно на двѣсти километровъ, называется также Мто, Мбази или Ру-Фу, при чемъ всѣ эти названія означаютъ «рѣку»; она зарождается въ долинахъ восточнаго склона, къ востоку отъ горъ У-Сагара. Уами, изливающаяся равнымъ образомъ насупротивъ острова Занзибара, собираетъ свои воды гораздо западнѣе, въ краевыхъ горахъ плоско-

[1]) Pfeil, „Petermann's Mittheilungen", 1886, т. XII.

[2]) Guyot, „Comptes rendus de la Société de Géographie", 1883, № 2.

горія. Но въ пространствѣ между бассейнами этихъ рѣкъ и покатостью Танганьики, разсѣяны ложбины, въ которыхъ скопляются воды, не имѣющія истока. Самый большой изъ этихъ резервуаровъ, къ западу отъ тѣхъ высотъ, гдѣ главныя вѣтви Ру-Фиджи берутъ свое начало, представляетъ озеро Рикуа, Ликуа или Хикуа, открытое Томсономъ въ 1880 г. и видѣнное затѣмъ Catterill'емъ и Kaiser'омъ. Съ высотъ горъ Ліамбы, опоясывающихъ его съ сѣверозапада и отдѣляющихъ отъ Танганьики, Рикуа кажется выполняющимъ какъ бы правильную долину, направляющуюся съ сѣверо-востока на юго-востокъ, параллельно оси озеръ Танганьики и Ньяссы, и въ архитектурѣ материка представляющую часть одной и той же системы углубленій. Высота его положенія исчислена въ 780 метровъ, т. е. метровъ на тридцать ниже уровня Танганьики; вѣроятная длина равняется километрамъ ста, а ширина колеблется между 25 и 30 километрами. Оно получаетъ много притоковъ на обѣихъ своихъ оконечностяхъ, и даже довольно большую рѣку, Катума или Мкафу, берущую свое начало къ сѣверу отъ Каремы, въ прибрежныхъ горахъ великаго озера; но всѣ эти приносы прѣсной воды, испаряющейся затѣмъ изъ бассейна, оставляютъ въ озерномъ водоемѣ осадокъ соляныхъ веществъ; по словамъ туземцевъ, вкусъ его водъ—селитряный.

Горы У-Сагара, возвышающіяся между плоскогоріемъ и морскимъ побережьемъ, составляютъ главную причину противоположностей въ климатѣ, а, слѣдовательно, и всѣхъ зависящихъ отъ него явленій, до явленій, совершающихся въ текучихъ и въ стоячихъ водахъ включительно. Среднее направленіе вѣтра, въ этой области Африки, можетъ быть изображено перпендикулярною линіею къ берегу: дуютъ ли преимущественно юго-восточные пассаты, что бываетъ въ теченіе большей части года; преобладаютъ ли сѣверо-восточные вѣтры, какъ въ январѣ, когда солнце увлекло къ югу всю атмосферную систему; или же ходъ вѣтра опредѣляется притяженіями извнутри материка,—всегда воздушныя теченія устремляются въ направленіи къ морскому побережью, при чемъ расположенныя внутри страны горы задерживаютъ эти потоки воздуха, при ихъ проходѣ, вмѣстѣ съ облаками и дождями. Также и ежедневная бриза чувствуется только на склонѣ къ морю. Противоположные же склоны и защищенныя отъ вѣтра плоскогорія, простирающіеся по ту сторону приморскихъ возвышенностей, тоже оказываются удаленными отъ вліянія моря гораздо болѣе, чѣмъ бы это слѣдовало въ виду геометрическаго разстоянія между ними.

Массика, т. е. сезонъ, въ теченіе котораго приходится оставаться «заточеннымъ» въ своей хижинѣ, начинается обыкновенно, въ приморской полосѣ, въ январѣ, въ эпоху, когда восточные вѣтры уступаютъ свое мѣсто сѣверо-восточному муссону; однако, большіе дожди устанавливаются только въ мартѣ или въ апрѣлѣ; по минованіи мѣсяца они уменьшаются, съ тѣмъ, чтобы возобновиться въ сезонъ *вули*, который продолжается съ средины октября до конца года. Сентябрь—мѣсяцъ наименьшей влажности; тѣмъ не менѣе и въ сентябрѣ бываютъ еще ливни. Въ нѣкоторыхъ долинахъ внутри страны, не защищенныхъ отъ доступа дождливыхъ вѣтровъ, дождь идетъ въ теченіе всего года, за исключеніемъ дней пятнадцати въ сентябрѣ; массика же проявляется гораздо раньше, чѣмъ на морскомъ берегу; кромѣ того, и туманы часто завоакиваютъ горы. Общее выпаденіе дождя несомнѣнно превышаетъ три метра на океаническомъ склонѣ горъ У-Сагары. Существующая около оконечности Южной Африки противоположность между побережьемъ Индійскаго океана и побережьемъ Атлантическаго сохраняется еще и въ этихъ тропическихъ пространствахъ, между 10 и 6 градусами южной широты. Такъ, на равномъ разстояніи отъ экватора, дождей больше на восточномъ берегу континента; также гораздо выше тамъ и температура; по Hahn'у разница между температурами восточнаго и западнаго береговъ, подъ 10-мъ градусомъ широты, т. е. соотвѣтственно устьямъ рѣкъ Ро-Вумы и Куанзы, равняется четыремъ съ половиною градусамъ, такъ какъ температура западнаго берега 22,2°, а восточнаго 26,7°. Контрастъ этотъ зависитъ отъ направленія вѣтровъ и береговыхъ морскихъ теченій. Тогда какъ муссоны на атлантическомъ берегу дуютъ почти постоянно изъ южной области, принося свѣжесть изъ австральныхъ морей,—на восточномъ берегу, наиболѣе частые вѣтры несутся съ востока, т. е. изъ океаническихъ пространствъ, нагрѣваемыхъ вертикальнымъ солнцемъ. Режимъ морскихъ теченій на обоихъ берегахъ разнится еще рѣзче, такъ какъ вдоль атлантическихъ береговъ, съ юга на сѣверъ, восходитъ рѣка холодной воды, а изъ большаго центральнаго бассейна Индійскаго моря, устремляясь чрезъ Мозамбикскій проливъ къ югу, изливается потокъ воды теплой.

Бугристыя плоскогорія, расположенныя на пути вѣтра съ горъ У-Сагара, представляютъ безводную землю, подобно капскимъ Кару. Во многихъ округахъ воды нѣтъ почти совсѣмъ, и туземцы принуждены вырывать глубокіе колодцы въ хрящѣ для сбора въ небольшомъ количествѣ той влаги, которая просачивается въ подпочву. Въ этихъ краяхъ сезонъ вули проходитъ, не принося правильныхъ ливней, а массику иногда прерываютъ изсушающіе вѣтры, предвѣстники голода. Тѣ же самыя воздушныя теченія, которыя приносятъ дождь

на склонъ къ морю, часто похищаютъ необходимую влагу у плоскогорія. Къ сухости воздуха присоединяются дневной жаръ и ночной холодъ; часто смерчи изъ пыли образуются на высокихъ равнинахъ, и ихъ наблюдаютъ несущимися на нивы, при чемъ въ свой круговоротъ они увлекаютъ крупный песокъ, а иногда даже и булыжники. «Seis mezes de polvo—seis mezes de lodo!», т. е. «шесть мѣсяцевъ пыли и шесть мѣсяцъ грязи!», говорятъ испанцы про Филиппинскіе острова, и Burton повторяетъ эту же поговорку относительно У-Гого. Что касается морскихъ тумановъ на океаническомъ берегу, вслѣдствіе которыхъ по ночамъ выпадаетъ сильная роса, то они не распространяются далеко по высокимъ внутреннимъ землямъ. Въ Занзибарѣ средняя температура, выведенная изъ четырехъ-лѣтнихъ наблюденій, оказалась равною 26,7°; въ самый жаркій мѣсяцъ, мартъ, было 29,1°, а въ самый холодный, іюль, 25,2°; дождливыхъ дней—120 и количество выпавшаго дождя—1 метръ и 549 милим.; но въ 1859 году оно достигло 4 метровъ и 24 сантиметровъ [1]).

Богатство растительности соотвѣтствуетъ изобилію дождей. Приморскія равнины, орошаемыя достаточно, повсюду покрыты травами или лѣсами. Къ сѣверу отъ Ро-Вумы, на террасѣ, обитаемой племенемъ ма-кондэ, видъ края тотъ же самый, какъ и по другую сторону рѣки, на томъ скалистомъ цоколѣ, на которомъ разселились ма-вихи; кустарники и деревца перемѣшиваются тамъ въ такую густую массу, что проложить себѣ путь можно только съ топоромъ въ рукѣ. Въ разныхъ мѣстностяхъ приморской полосы, простирающейся сѣвернѣе, растительность, столь же густая и болѣе вѣтвистая, состоитъ изъ большихъ деревьевъ: по выходѣ изъ селъ, тотчасъ же вступаешь въ галлереи, по которымъ носильщики, задерживаемые вѣтвями, съ трудомъ прокладываютъ себѣ путь [2]). Въ другихъ мѣстахъ, деревья либо стоятъ особнякомъ, либо группируются въ живописныя рощицы; по сосѣдству же съ болотами, камыши и злаковыя растенія образуютъ рощи, высотою въ четыре метра, въ которыхъ воры поджидаютъ путниковъ, и куда прокрадываются бѣглые рабы. Копаловое дерево или *мсандарузи*, дающее лучшую изъ извѣстныхъ купцамъ смолу, очень распространено на берегахъ Низовой Ру-Фиджи, въ разстояніи километровъ шестидесяти отъ моря [3]). Что касается горъ, то онѣ покрыты въ особенности мимозами и другими мало возвышающимися деревьями; но тамъ же видны также большія тамаринды, смоковницы съ такими громадными вѣтвями, что подъ ними могли бы пріютиться цѣлые эскадроны, и тыквенники, въ выдолбленныхъ стволахъ которыхъ нашлось бы помѣщеніе для цѣлаго семейства. Горы У-Сагара весьма богаты древесными растеніями съ благоухающими цвѣтками, или съ плодами пріятнаго вкуса, хотя эти растенія еще не усовершенствованы путемъ культуры. Въ предгоріяхъ часто проходишь такими лѣсистыми пространствами, что можно подумать, что этому лѣсу и конца нѣтъ, а между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ подвигаешься впередъ, деревья все болѣе и болѣе рѣдѣютъ, и вскорѣ открывается саванна. По другую сторону горъ, въ У-Гого деревья виднѣются только на орошенныхъ земляхъ, и во многихъ округахъ чувствуется такой недостатокъ въ топливѣ, что приходится жечь коровій калъ, какъ въ пустыняхъ американскаго «дальняго запада». Высокое дерево, всего чаще встрѣчающееся въ этихъ областяхъ,—тыквенное (crescentia latifolia); въ другихъ мѣстахъ на близость жилищъ указываетъ баобабъ съ далеко распростертыми вѣтвями: гигантскіе молочаи служатъ также пристанищами для каравановъ. Но если лѣсная растительность рѣдка, то тѣмъ не менѣе большія животныя водятся въ изобиліи, въ особенности вдали отъ торговыхъ дорогъ: слонъ, носорогъ, жираффъ, буйволъ и страусъ бродятъ еще въ нѣкоторыхъ частяхъ плоскогорія, и еще недавно львы были такъ многочисленны, что, во избѣжаніе опаснаго сосѣдства съ ними, перемѣщались цѣлыя деревни.

Многія изъ племенъ, живущихъ въ сѣверной части бассейна Ро-Вумы, едва отличимы по языку и по нравамъ отъ народцевъ на южномъ склонѣ; нѣкоторыя изъ нихъ часто мѣняютъ свои мѣста и производятъ набѣги съ одного берега рѣки на другой. Такъ уанинди и ма-гуангуара или ма-кондэ—которые, прикрываясь грознымъ именемъ ма-вити, для устрашенія своихъ робкихъ сосѣдей, опустошили столько странъ и поработили столько населеній къ югу отъ Ро-Вумы,—основали свои главныя становища на противоположномъ склонѣ. Двѣ группы племенъ, смотрящихъ другъ на друга съ высоты своихъ террасъ, съ обоихъ береговъ Низовой Ро-Вумы, весьма схожи между собою, и несмотря на различіе въ наименованіи этихъ народцевъ, языкъ у нихъ одинъ и тотъ же. На югѣ—это ма-виха, на сѣверѣ—ма-кондэ; послѣдніе крайне безобразны, благодаря порѣзамъ на лицѣ и тѣлѣ, порѣзамъ, которые они время отъ времени возобновляютъ для того, чтобы образовались выпуклые шрамы; всѣ женщины носятъ также пелеле, которое издали придаетъ ихъ верхней губѣ форму ка-

[1]) John, Robb, „Meteorological Society in London". 1880.

[2]) Richard Burton, „The Lake Regions of Central Africa".

[3]) „Geographical Magazine". Anguot 1, 1874.

баньяго рыла. У ма-кондэ женщинъ не покупаютъ, и родители не присвоиваютъ себѣ право выдавать своихъ дочерей въ замужество: выборъ супруга принадлежитъ всецѣло самимъ дѣвушкамъ. Когда между женихомъ и невѣстою состоится согласіе, то дѣвушка входитъ въ хижину своего жениха, подметаетъ полъ и приводитъ всѣ вещи въ порядокъ; затѣмъ является женихъ и ставитъ свое ружье у двери,—вотъ и всѣ брачныя церемоніи. Брачные союзы очень уважаются; о прелюбодѣяніи рѣдко можно услышать въ странѣ этого племени, а если такой грѣхъ и случится, то онъ всегда наказывается изгнаніемъ виновнаго. Послѣ разрѣшенія отъ бремени, жена живетъ отдѣльно отъ мужа и возвращается въ его хижину только послѣ того, какъ ребенокъ станетъ говорить; иначе, несчастіе постигло бы семью. Когда же настанетъ день соединенія, то мать приноситъ своего младенца къ раздвоенію двухъ тропинокъ, символизующихъ пути въ жизни, затѣмъ натираетъ масломъ свое дитя и передаетъ его отцу: общая жизнь между супругами начинается снова [1]). Послѣ смерти кондэ, все принадлежащее ему зерно тотчасъ же претворяется въ пиво, для угощенія всей общины, и пиршество продолжается до тѣхъ поръ, пока весь напитокъ не будетъ роспитъ. Разбогатѣвъ вслѣдствіе торговли копаловою смолою и каучукомъ, добываемыми въ весьма большомъ количествѣ въ ихъ странѣ, ма-кондэ стали очень горды и допускаютъ къ себѣ чужеземцевъ съ недовѣріемъ. Англійскіе миссіонеры, основавшіеся въ краѣ Мазази, на западной оконечности территоріи ма-кондэ, не могли завязать постоянныхъ сношеній съ этими туземцами. Когда, въ 1887 году, Chauncy Maples проникъ въ одну изъ деревень кондэ, то жители, никогда не видѣвшіе европейцевъ, приняли его за выходца съ того свѣта; однако, согласились дать ему пищу [1]).

Край Мазази принадлежитъ одному могущественному племени тѣхъ макуа, которые южнѣе, занимаютъ Мозамбикскія страны. Яо, Ньясскихъ горъ представлены въ большомъ числѣ въ этой части бассейна Ро-Вумы; тамъ

Типы ма-виха. Начальникъ и молодой мужчина съ пелеле.

встрѣчаются также уа-муэра, слабые остатки нѣкогда значительнаго племени, которое ма-вити истребили почти совсѣмъ: нѣкогда они были весьма многочисленны по сосѣдству съ морскимъ побережьемъ, около Килоа. Уангиндо или уа-гиндо, которые ихъ замѣстили на сѣверѣ или на сѣверо-востокѣ террасы, занятой ма-кондэ, принадлежатъ къ тѣмъ воинственнымъ народамъ, которые претендуютъ на имя ма-вити и которые приняли воинскій кличъ, оружіе и нравы этихъ страшныхъ братьевъ зулусовъ: иногда ихъ зовутъ уали-хуху, въ подраженіе ихъ воинскому клику. Равнымъ образомъ и ма-хенжэ—охотники, населяющіе преимущественно сѣверъ бассейна Ру-Фиджи, между рѣками У-Ранга и

[1]) Joseph Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, February, 1882.

[1]) Тотъ же сборникъ, іюнь, 1880.

Руа-Ха—тоже пытаются заставить другія племена страшиться ихъ, хотя и сами они трепетали передъ завоевателями. Племя уа-ніаканьяка низведено ими на положеніе рабовъ [1]).

Къ востоку отъ племени ма-хенжэ, въ бассейнѣ Ру-Фиджи, страна принадлежитъ уа-идонэ или уа-донди, за которыми слѣдуютъ, въ области между Ру-Фиджи и низовьями Кингани, — уа-зарамо, а затѣмъ суа-хели, т. е. «поморяне». Уа-зарамо большею частью люди средняго роста, но рѣдкой физической силы. Будучи смѣшаннаго происхожденія, они представляютъ большое разнообразіе типовъ; нѣкоторые путешественники были поражены большимъ числомъ альбиносовъ, встрѣчающихся въ ихъ странѣ. По ихъ территоріи, съ половины текущаго столѣтія проходили какъ арабскіе купцы, такъ и европейскіе путешественники; оттого нынѣшнія описанія ихъ сильно разнятся отъ повѣствованій, оставленныхъ первыми посѣтителями ихъ страны. Нынѣ они заимствуютъ костюмъ отъ арабовъ, покупаютъ оружіе, ружья и украшенія у купцовъ и не практикуютъ уже многихъ свирѣпыхъ обычаевъ прежняго времени. Но въ отдаленныхъ округахъ еще и понынѣ можно видѣть уа-зарамо, по лицу которыхъ проведены отъ уха ко рту большіе надрѣзы; все одѣяніе состоитъ изъ травяныхъ юбокъ; прическѣ, при помощи глины, придана форма крыши, а все еще примѣняемыя и сохраняющіяся въ тщательно отдѣланномъ колчанѣ стрѣлы—отравлены. Смерть на кострѣ была не рѣдкостью у уа-зарамо. Они сжигали волшебника, его жену и дѣтей; бросали въ кусты новорожденныхъ, у которыхъ зубы прорѣзывались не по признанному правилу; та же участь иногда постигала близнецовъ и тѣхъ, которые рождались въ дни съ дурнымъ предзнаменованіемъ; даже достигнувъ извѣстнаго возраста, дѣти избивались въ тѣхъ случаяхъ, если скрежетали зубами во снѣ, или если у нихъ обнаруживался какой-нибудь другой физическій недостатокъ, долженствующій навлечь несчастіе на ихъ семью. Съ другой стороны, мать, потерявшая свое дитя вслѣдствіе какой-нибудь случайности или болѣзни, считалась отвѣтственною за это: она должна была покинуть деревню, выпачкать свое лицо землею и безропотно выслушать брань, которой ее подвергали [2]). Уа-зарамо не совершаютъ обрѣзанія, хотя во многихъ другихъ отношеніяхъ они уже подпали подъ вліяніе приморскихъ магометанъ. Большая часть изъ нихъ столь же хорошо говоритъ на языкѣ суахэли, какъ и на своемъ собственномъ; для праздничнаго одѣянія начальники употребляютъ арабскій длинный плащъ, жилетъ и тюрбанъ; женщины тоже одѣты по-мусульмански, но лица не закрываютъ. Жилища богатыхъ людей сравнительно раскошны: это—домики почти европейской наружности.

Родственныя уа-зарамъ племена уа-куэрэ, уа-ками и уа-кхуту, обитающія западнѣе, въ горной странѣ верхнихъ источниковъ Кингани, менѣе тронуты цивилизаціей: туземцы эти едва одѣты въ кое-какія ткани изъ лыка и живутъ въ берлогахъ: процессы о колдовствѣ, оканчивающіеся сожженіемъ обвиняемаго на кострѣ, еще часты въ ихъ землѣ. Ихъ сосѣди на сѣверномъ склонѣ горъ, уа-зегуха или уа-зегура, населяющіе вмѣстѣ съ родственными имъ по языку и расѣ уа-нгуру, мало-плодородныя долины, по которымъ протекаетъ Нижняя Уами, болѣе цивилизованы и, благодаря сосѣдству суахэли и арабовъ, почти всѣ приняли исламъ. Обладаніе огнестрѣльнымъ оружіемъ сдѣлало изъ нихъ страстныхъ охотниковъ на невольниковъ. Уа-зегуха—почти единственные въ этихъ областяхъ Восточной Африки, непризнающіе наслѣдственной власти у своихъ главарей: они отдаются самому сильному или самому великодушному, и безпрерывныя войны свирѣпствуютъ между соперниками. Иногда и ихъ сосѣди вовлекаются въ эту борьбу между племенами: такъ, одно изъ мѣстныхъ племенъ, уа-доэ, почти цѣликомъ исчезло во время опустошавшихъ край войнъ, а бѣглецы изъ этой націи разсѣялись по сѣверу вплоть до сосѣдства съ экваторомъ [1]). Такъ какъ уа-доэ были людоѣдами, то путешественники обходятъ стороной ихъ территорію. Мужчины и женщины обезображивали себя, проводя широкіе красные шрамы между висками и низомъ подбородка; два верхнихъ рѣзца вырывались, а костюмъ состоялъ изъ шкуръ, окрашенныхъ въ желтый цвѣтъ. Когда умиралъ свободный человѣкъ, то съ нимъ зарывали двухъ живыхъ рабовъ, женщину, чтобъ она поддерживала голову во время долгаго сна, и мужчину, вооруженнаго топоромъ для приготовленія огня въ сырой и холодной землѣ [2]). Начальники деревень, старающіеся придать себѣ страшный видъ и обрѣзывающіе свои ногти въ формѣ когтей льва, избѣгаютъ встрѣчаться другъ съ другомъ, такъ какъ ихъ взглядъ, говорятъ они, смертеленъ для соперничествующихъ о власти. Когда имъ приходится совѣщаться объ общихъ дѣлахъ, то они назначаютъ свиданія въ хижинѣ, раздѣленной на особыя помѣщенія; каждый приходитъ съ своего конца, и совѣщаніе совершается черезъ перегородку [3]).

[1]) Porter, „Journal of the Manchester Geographical Society". July to Dec., 1886.

[2]) Horner;—Burton;—Thomson и т. д.

[1]) Richard Burton, упом. соч.;—Richard Brenner „Petermann's Mittheilungen", 1867.

[2]) Horner, „Voyage à la côte orientale d'Afrique".

[3]) Baur, „Annales de la Propagation de la Foi". 1882.

Область горъ, между приморской покатостью и нагорьемъ, занята различными кланами племени уа-сагара, изъ которыхъ одни еще такіе же варвары, какъ и уа-кхуту, а другіе, вслѣдствіе сношеній съ суахэли, арабами и бѣлыми путешественниками, уже нѣсколько цивилизовались. Ихъ языкъ, подраздѣляясь на нѣсколько нарѣчій, одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ: имъ говорятъ нѣкоторые народцы даже въ сосѣдствѣ Момбаза. Уа-загара вообще болѣе бородаты, чѣмъ ихъ сосѣди различныхъ племенъ. Уа-хехэ, на югѣ, въ бассейнѣ Руа-Ха; уа-меги и уа-кагуру, а также уа-жеджа, на сѣверѣ, на границахъ Мазаи,—принадлежатъ къ группѣ сагарскихъ націй. Отличительный признакъ этихъ туземцевъ составляетъ продыравленное ухо, и такъ какъ въ дыру эту вводятъ деревянные, металлическіе и роговые диски, то нижняя доля ушной раковины оттягивается зачастую до плеча: часто этою дырою пользуются для подвѣшиванія ящичковъ, табакерокъ и инструментовъ. У уа-хехэ,—которые говорятъ языкомъ, весьма близкимъ къ языку ки-суахели,—лицо совершенно безволосое [1]). Они порабощили племя уа-бена, мирныхъ людей, прославившихся искусствомъ, съ которымъ они вырѣзываютъ и оттачиваютъ мечи изъ эбенового дерева [2]). Ихъ территорія,—гористое плато въ двѣ слишкомъ тысячи метровъ высотою,—представляетъ страну суровую, по которой разгуливаютъ холодные вѣтры.

Уа-гого, населяющіе области плоскогорія вплоть до раздѣла Уа-Ніамэзи, были нѣкогда страшными грабителями. Разсказываютъ, что когда первый арабскій караванъ появился въ ихъ краѣ, то уа-гого были до такой степени поражены дородностью его начальника, что приняли его за бога и взывали къ нему о ниспосланіи дождя; но такъ какъ мольбы ихъ немедленно услышаны не были, то они хотѣли убить чужеземца, котораго, по счастью, спасъ случившійся ливень [3]). Однако они слывутъ наименѣе суевѣрными между народами Восточной Африки: чародѣевъ у нихъ немного, да имъ они и не особенно довѣряютъ. Большая часть путешественниковъ, проходившихъ чрезъ территорію уа-гого, были поражены малостью ихъ черепа въ сравненіи съ шириною лица, и отдаленностью другъ отъ друга ушей, продыравленныхъ, какъ и у племени уа-сагара; Burton говоритъ, что уши у нихъ похожи на ушки, придѣланныя съ двухъ сторонъ шара. Въ этой части Африки, продыравленныя уши считаются признакомъ свободнаго состоянія: рабы не имѣютъ права ихъ просверливать и не могутъ привѣшивать къ нимъ украшенія. Почти всѣ уа-гого вполнѣ одѣты; даже дѣти носятъ рубашки. По сравненію съ языкомъ сосѣднихъ племенъ, языкъ уа-гого гораздо жестче, и обыкновенно они говорятъ звонко и повелительно, а иногда и нѣсколько грубо, такъ какъ гордятся своею численностью и господствомъ, издавна проявляемымъ надъ робкими торговцами.

Но всѣ народы внутри страны, даже самые могущественные, подчиняются вліянію языка, на которомъ говорятъ эти презрѣнные торгаши. Ки-суахели, нарѣчіе «людей Суахеля», т. е. «прибрежныхъ», распространяется все болѣе и болѣе между всѣми туземцами этой части материка. А между тѣмъ племена, распространяющія это нарѣчіе, не сильнѣе и не многочисленнѣе другихъ; напротивъ, они даже отдѣльно и не существуютъ. «Прибрежники» происходятъ отъ различныхъ племенъ, и къ нимъ примѣшались выходцы изъ сосѣднихъ провинцій: соединяетъ ихъ въ особое населеніе, отдѣльное отъ другихъ банту,—магометанская религія, которую они болѣе или менѣе ревностно исповѣдуютъ; кромѣ того, арабскій элементъ весьма способствовалъ видоизмѣненію нравовъ и превращенію общинъ земледѣльцевъ въ группы торговцевъ. Ки-суахали въ наибольшей своей чистотѣ слышится къ сѣверу отъ Момбаза и Малинди: нарѣчіе въ этихъ областяхъ, извѣстное подъ именемъ ки-нгози, сохранило свои архаическія формы, и стихотворцы употребляютъ его преимущественно передъ всѣми другими. Распространяясь же постепенно въ направленіи къ югу, по морскому побережью и по островамъ вплоть до Мозамбика, «поморскій языкъ» все болѣе и болѣе смѣшивался съ арабскими, индусскими, персидскими и португальскими словами: въ особенности сильно арабизировался онъ въ Занзибарѣ, и всѣ его отвлеченныя слова—происхожденія семетическаго; однако бантуская основа сохраняется, и построеніе фразы остается вполнѣ африканскимъ. Изъ приморскихъ портовъ, торговыхъ центровъ для всей Восточной Африки, ки-суахели распространился также и по внутреннимъ областямъ, и подобно языкамъ: бунда въ Анголѣ и въ сосѣднихъ областяхъ, и се-суто—между горами Дракенбергеномъ и Замбези—сталъ однимъ изъ тѣхъ «общихъ» языковъ, которые, во многихъ мѣстностяхъ, уже замѣнили туземныя нарѣчія. И хотя материнскимъ языкомъ ки-суахели является только для одного милліона людей, тѣмъ не менѣе Cust включаетъ его въ число двѣнадцати великихъ языковъ міра, которые болѣе всего употребляются при сношеніяхъ людей различныхъ національностей. Cameron разсказываетъ, что, пересѣкая Африку по направленію съ востока на западъ, онъ находилъ въ каждомъ изъ

[1]) Joseph Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society". Febr. 1880.

[2]) Pfeil, упом. соч.

[3]) Richard Burton.

внутреннихъ племенъ по одному или по нѣскольку лицъ, говорящихъ на этомъ языкѣ поморья. Сравненіе ки-суахелійскихъ словъ со словами языка банту въ Западной Африкѣ и въ Кафраріи и побудило, въ 1808 году, Лихтенштейна высказать предположеніе—впослѣдствіи подтвердившееся—о единствѣ расы народовъ банту, отъ бухты Альгоа до Момбаза и Габона. Суахелійская литература сравнительно богата. На суахелійскомъ языкѣ есть не только, какъ на большинствѣ негрскихъ нарѣчій, переводы Библіи и другихъ книгъ духовнаго содержанія, но также и сборники пословицъ, легендъ и стихотвореній; и въ этихъ литературныхъ работахъ принимаютъ участіе не только миссіонеры, но также и туземцы. Арабская азбука, нѣкогда употреблявшаяся въ суахелійскомъ языкѣ, нынѣ замѣнена римскими буквами. Какое же изъ нарѣчій слѣдовало бы окончательно признать за языкъ литературный—пока еще писателями не рѣшено: весьма вѣроятно, что побѣда останется за «унгуйа» т. е. за языкомъ, которымъ говорятъ на островѣ Занзибарѣ.

Идеи и обычаи приморскихъ народовъ постепенно овладѣваютъ здѣшними внутренними краями при посредствѣ не солдатъ, а торговцевъ. Многолюдныя деревни, изъ которыхъ самыя большія имѣютъ едва по двѣ или по три сотни хижинъ [1]), слѣдуютъ одна за другой на дорогахъ, соединяющихъ приморскіе порты съ портами великихъ озеръ; но еще многія благопріятно расположенныя гавани почти отрѣзаны отъ всякихъ сношеній съ внутренними областями войнами и облавами, или не имѣютъ иной торговли, кромѣ торга плѣнными, приводимыми, послѣ какого-нибудь набѣга, побѣдителями. Приморскіе порты между устьями Ро-Вумы и Ру-Фиджи все еще, несмотря на надзоръ крейсеровъ, служатъ посредниками въ торговлѣ человѣческимъ мясомъ.

Микиндани, одинъ изъ первыхъ портовъ, которые встрѣчаемъ къ сѣверу отъ Ро-Вумскаго лимана, представляетъ прекрасную якорную стоянку между многими другими портами, въ которыхъ корабли могли бы находить для себя убѣжище; однако, онъ мало посѣщается, и вся его торговля находится въ рукахъ баньянскихъ индусовъ, которые вымѣниваютъ ткани, стеклянныя подѣлки и оружіе на копалъ, слоновую кость и рисъ. Къ сѣверо-западу, бухта Линди, въ которую изливается рѣчка Укереди, имѣетъ на своихъ берегахъ настоящій городъ, населенный приблизительно двумя тысячами человѣкъ; торговля порта Линди, тоже производимая при посредствѣ баньянъ и арабовъ, заключается главнымъ образомъ въ каучукѣ: лѣсъ, въ которомъ каучуковая ліана обвивается вокругъ деревьевъ, занимаетъ вдоль морскаго берега полосу, въ среднемъ, шириною отъ 30 до 35 километровъ. На одномъ изъ утесовъ, неподалеку отъ оконечности лимана, видны остатки португальской крѣпости. Поднявшись долиною р. Укереди, вступаемъ въ край Мазази, въ которомъ англійскіе миссіонеры владѣютъ важною станціею, центромъ культуры и акклиматизаціи европейскихъ растеній въ области племенъ ма-куа и ма-конда; многочисленныя колоніи въ этомъ краѣ имѣютъ также яо, люди бывалые и считающіе себя выше честныхъ ма-куа [1]). Деревня миссіи расположена на небольшомъ сѣверномъ притокѣ Ро-Вумы, въ очень плодородной полянѣ, окруженной холмами, покрытыми высокими деревьями. Мазази лежитъ на высотѣ 560 метровъ и представляетъ одно изъ наиболѣе здоровыхъ для европейцевъ мѣстъ въ Африкѣ; путешественникъ Chauncy Maples полагаетъ, что линія отъ Линди къ верхнему теченію Ро-Вумы чрезъ Мазази была бы самымъ лучшимъ направленіемъ для дороги между морскимъ побережьемъ и озеромъ Ньясса.

За Линди, на томъ же берегу, окаймленномъ коралловыми рифами съ крутыми террасами, слѣдуютъ и другіе порты. Одна изъ вырѣзокъ берега, защищенная островомъ и островками, образуетъ бухту Килоа-Кизіуани, проникающую километровъ на двадцать къ сѣверо-западу внутрь земель и представляющую глубокую якорную стоянку для кораблей. Однакоже этимъ удивительнымъ портомъ, который уже посѣщали персы изъ Шираза въ десятомъ столѣтіи, едва пользуются; его значеніе въ особенности уменьшилось съ XV-го столѣтія. Въ ту эпоху значительный городъ, Килоа (Quiloa) португальцевъ, былъ резиденціею зенджскихъ султановъ, которые царствовали на всемъ поморьѣ, отъ мыса Дельгадо до Момбаза. Въ первой половинѣ XIV-го вѣка, Ибнъ-Батута посѣтилъ этотъ большой городъ, который онъ называетъ Кулуа, и которымъ управлялъ мусульманскій государь, «чрезвычайно великодушный относительно факировъ и ревностный соблюдатель священной войны противъ невѣрныхъ» [2]); въ городѣ имѣлось, будто бы, до «трехсотъ мечетей». Въ 1505 году, послѣ кровопролитной осады, эскадра Франциска д'Альменды овладѣла крѣпостью; но лихорадки вскорѣ начали губить побѣдителей, и городъ мало-по-малу пришелъ въ упадокъ и въ торговомъ отношеніи. Въ 17-мъ вѣкѣ, вмѣстѣ съ остальною частью приморскаго берега, онъ подпалъ подъ власть маскатскаго имама, затѣмъ принадлежалъ занзибарскому султану, нынѣ же входитъ въ составъ германской Восточной Африки.

[1]) Pfeil, „Petermann's Mittheilungen", 1886, Heft XII.

[1]) Chauncy Maples, „Proceedings of the R. Geographical Society". June, 1880.

[2]) L. Marcel Devic, „Le Pays des Zendjs".

Нѣсколько баньянъ и арабовъ проживаютъ на островѣ, въ небольшой деревнѣ Килоа-Кизіуани, т. е. «Килоа на островѣ», надъ которою господствуютъ старинный замокъ и развалины зубчатыхъ стѣнъ.

Мысъ Гвардафуй.

Главное торговое движеніе перенеслось на тридцать километровъ въ сѣверо-западу, въ гораздо менѣе благопріятный портъ, Килоа-Кивиндже, т. е. «Килоа на материкѣ», домики и хижины котораго, перемѣшанные съ развалинами, группируются въ тѣни кокосовыхъ деревьевъ; болота, параллельныя морской кручѣ, помѣшали проведенію дороги внутрь страны. Килоа-Кивинджэ, населенная приблизительно тремя тысячами человѣкъ, была недавно главнымъ приморскимъ центромъ по вывозу рабовъ, и хотя въ принципѣ такой торгъ и запрещенъ, но въ сосѣднихъ заливчикахъ еще

и до сихъ поръ совершаются кое-какія нагрузки невольниковъ на суда негроторговцевъ. Дороги, которыми торгующіе слоновою костью слѣдуютъ между Килоа и озеромъ Ньясса, всегда весьма опасны, такъ какъ они проходятъ по территоріямъ племенъ уа-нгиндо, уапинаи и ма гуангуара, а эти народцы всѣ живутъ грабежомъ и мало дорожатъ жизнью своихъ гостей. Къ сѣверу отъ Килоа, болѣе безопасная дорога идетъ вдоль побережья и пересѣкаетъ Ру-Фиджи кверху отъ развѣтвленій дельты. Въ 1880 г. Beardell видѣлъ не менѣе двадцати семи большихъ судовъ, употребляемыхъ для транспорта каравановъ въ деревню Нья-Нтумбо, которая тогда была проходнымъ пунктомъ [1]). Другая весьма важная пристань на берегахъ Ру-Фиджи есть Корогеро, расположенная книзу отъ водопадовъ и ущелій, пробѣгаемыхъ рѣкою, въ пунктѣ встрѣчи торговыхъ дорогъ, идущихъ отъ Килоа, Даръ-э-Салаама и промежуточныхъ портовъ. Однако, этотъ жизненный пунктъ для торговли подвергается набѣгамъ людей изъ племени уа-махенжи, которые время отъ времени появляются, чтобы сжечь нѣсколько деревень и плѣнить рабовъ. По этому-то, туземцы, собравъ свои жатвы, укрываются на острова рѣки, подъ защиту водъ, населенныхъ крокодилами.

Даръ-эсъ-Салаамъ, лежащій къ сѣверу отъ Ру-Фиджи, есть главный городъ германской Восточной Африки; арабское имя его значитъ: «домъ мира», но, на языкѣ суахели, настоящее названіе его—Дари-Салама, т. е. «надежный кровъ» [2]). Портъ его—одинъ изъ лучшихъ на томъ берегу: проникнуть туда можно не иначе, какъ черезъ длинный узкій каналъ между коралловыми рифами, который приводитъ въ бассейнъ, вдающійся на восемь километровъ внутрь материка и предоставляющій кораблямъ пригодное для якорной стоянки пространство въ нѣсколько квадратныхъ километровъ; и какъ бы море ни бушевало внѣ входнаго канала, внутри порта воды всегда спокойны. Городъ и большая сосѣдняя деревня Мжимуэма выстроены на крутомъ берегу, который нѣкогда былъ коралловымъ рифомъ, господствовавшимъ надъ прежнимъ морскимъ каналомъ, превратившимся въ лиманъ [3]). Германскіе чиновники, водворившіеся въ Даръ-эсъ-Салаамѣ, старались направить къ этому порту часть ввозной торговли, которая прежде устремлялась къ Занзибарскому рейду, и отчасти въ этомъ и успѣли. Даръ-эсъ-Салаамъ представляетъ, къ сѣверу отъ Лоренсо Маркезъ, единственную на морскомъ берегу Восточной Африки мѣстность, гдѣ начали прокладывать внутрь страны проѣзжую дорогу. Эта большая дорога пересѣкаетъ сначала низменныя земли, часто наводняемыя во время дождливаго сезона: затѣмъ, она взбирается на холмы и, достигнувъ, въ разстояніи 51 километра отъ Даръ-эсъ-Салаама, деревни Колы (Kola), начинаетъ спускаться на западъ къ долинѣ р. Кингани. Въ Колѣ произойдетъ и раздвоеніе пути: къ Танганьикѣ и къ Ньяссѣ; при этомъ, дорога къ Танганьикѣ направится къ западу чрезъ долины и горы У-Сагары и У-Гого, а дорога къ Ньяссѣ приметъ направленіе юго-западное, чрезъ волнистыя равнины У-Зарамо, ущелья Ру-Фиджи и долину Лу-Уэго. Хотя Даръ-эсъ-салаамскій путь представляетъ разныя несовершенства, тѣмъ не менѣе на немъ и теперь уже происходитъ значительное движеніе, и прибрежные земледѣльцы уже настолько убѣдились въ его пользѣ, что провели къ нему нѣсколько подъѣздныхъ дорогъ, соединяющихъ съ главною дорогою удаленныя отъ нея деревни.

Городъ Багамойо не имѣетъ порта, подобнаго даръ-эсъ-салаамскому: онъ построенъ на пляжѣ, который полого спускается подъ воду, и большимъ судамъ приходится бросать якорь болѣе, чѣмъ въ трехъ километрахъ отъ берега, но эта часть залива,—которой наименованіе: Бага-Мойо, т. е. «дно сердца», указываетъ на положеніе въ центрѣ углубленія морскаго побережья—представляетъ ту выгоду, что находится какъ-разъ напротивъ Занзибара, отстоящаго всего въ 45 километрахъ; здѣсь именно всего удобнѣе сообщеніе чрезъ проливъ между Занзибаромъ и материкомъ; кромѣ того, Багамойо расположенъ въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ устья р. Ру-Фу или Кингани и, слѣдовательно, господствуетъ надъ выходомъ изъ густо населенной долины, которая спускается съ горъ У-Сагара, составляющихъ стратегическій центръ края. Багамойо—большой африканскій городъ, въ которомъ, въ сезонъ набора караванныхъ носильщиковъ, собирается до десяти тысячъ жителей; какъ въ Занзибарѣ и въ арабскихъ городахъ, въ немъ есть базаръ, а многія изъ его зданій уже европейской постройки; впрочемъ, окрестныя земли низки и нездоровы; улицы и площади засорены всякими зловонными отбросами: на пляжѣ разлагаются на солнцѣ остатки рыбы, составляющей главную пищу мѣстнаго населенія, называемаго уа-рима, т. е. «поморяне»; наконецъ, иногда циклоны проносятся надъ городомъ, сметая съ лица земли хижины и вырывая деревья. Арабы менѣе многочисленны въ городѣ Багамойо, чѣмъ на большомъ сосѣднемъ островѣ; индусы же всевозможныхъ кастъ составляютъ тамъ могущественную колонію: въ ихъ рукахъ сосредоточена торговля, и они же располагаютъ и носильщи-

[1]) „Proceedings of the R. Geographical Society". Nov. 1881.

[2]) Le Roy, „Missions Catholiques". 1886. „Séances de la Société de Géographie". 20 mai 1887.

[3]) Keith Johnson, „Proceedings of the R. Geographical Society". Juli 1879.

ками изъ племени уа-ніамези. Къ сѣверу отъ Багамойо возвышаются многочисленныя зданія католической миссіи, главнаго пункта всѣхъ другихъ миссіонерскихъ постовъ въ Восточной Африкѣ. Около шестисотъ дѣтей, купленныхъ большею частью у продавцовъ невольниковъ, учатся тамъ различнымъ ремесламъ и воздѣлываютъ въ окрестностяхъ плодовые сады и садъ акклиматизаціонный; даже ставъ взрослыми, они остаются подъ «бдительною и благоразумною опекою» [1]) миссіонеровъ и трудятся въ теченіе пяти дней въ недѣлю для общины. Окружающій миссію лѣсъ изъ 160.000 кокосовыхъ деревьевъ доставляетъ такое количество продуктовъ, которое достаточно для удовлетворенія нуждъ колоніи.

Городъ Саадани, въ пятидесяти километрахъ къ сѣверу, занимаетъ мѣстоположеніе, сходное съ положеніемъ Багамойо. Онъ также построенъ на берегу пролива насупротивъ Занзибара, а въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ изливается въ море рѣка Уами. Однако, его рейдъ посѣщается гораздо менѣе; мѣстное населеніе не превышаетъ двухъ тысячъ, и мало въ немъ организуется также и каравановъ, за исключеніемъ, впрочемъ, каравановъ англійскихъ путешественниковъ, которые находятъ себѣ содѣйствіе въ основавшейся въ этомъ городѣ британской миссіи.

Извѣстно, что все торговое движеніе съ морскаго берега къ У-Ніамези и къ озеру Танганьика совершается при посредствѣ носильщиковъ или пагази, изъ которыхъ каждый несетъ на головѣ тюкъ вѣсомъ, въ среднемъ, въ 27 килограммовъ. Большая часть людей, набираемыхъ въ приморскихъ городахъ, принадлежатъ къ племенамъ у-ніамези или у-сукуру; и хотя по имени они свободны, но, въ дѣйствительности, это—рабы арабскихъ или индусскихъ негоціантовъ, держащихъ ихъ въ вѣчной кабалѣ посредствомъ выдачи впередъ заработной платы и ростовщичества. Аскари, конвойные солдаты, которые обыкновенно несутъ половинный грузъ, тоже состоятъ на жалованьи у купцовъ Даръ-эсъ-Салаама или Багамойо, которымъ въ концѣ концовъ и достаются всѣ барыши отъ экспедицій за слоновою костью. Караваны, состоящіе вообще изъ многихъ сотенъ, а иногда даже изъ тысячъ индивидовъ, проходятъ чрезъ территорію наподобіе армій: командуемые *киронгози*, или капитаномъ, они дѣлятся на бригады, имѣющія каждая своего майора или *ньямпара*; порядокъ слѣдованія установляется каждый день: авангардъ предшествуетъ главному корпусу, арьергардъ слѣдуетъ за нимъ, и развѣдчики оберегаютъ фланги войска, «рыская въ травахъ» [2]); женщины и дѣти имѣютъ свои опредѣленныя мѣста какъ во время самаго перехода, такъ и въ лагеряхъ. Въ пустыняхъ Мгунда-Мкхами чрезъ кусты проложены три параллельныя тропы, на разстояніи метровъ двадцати одна отъ другой. По средней тропинкѣ идутъ женщины, дѣти и носильщики, согнувшіеся подъ тяжелыми ношами; по боковымъ же тропамъ слѣдуютъ менѣе обремененные пагази и вооруженные люди [1]). Рѣдко, однако, караванщикамъ приходится отбивать нападенія; имъ скорѣе надо бояться, чтобы мѣстные жители не разбѣжались при приближеніи каравана, вслѣдствіе чего невозможно было бы раздобыться необходимыми жизненными припасами; имъ нужно также опасаться вымогательствъ со стороны царьковъ, которые, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, могутъ потребовать болѣе высокой противъ обыкновенія, *хонго* или платы за проходъ; кромѣ того, они должны приготовиться къ тысячѣ случайностей на долгомъ пути: къ лихорадкамъ, эпидеміямъ, наводненіямъ и высыханіямъ рѣкъ и родниковъ.

Благодаря опытности, пріобрѣтенной со времени первыхъ экспедицій Burton'a, Ливингстона и Стэнли, продолжительность путешествія между Багамойо и берегами Танганьики уменьшилась на три четверти. Можно въ полтора мѣсяца пройти данное пространство, равняющееся приблизительно тысячѣ километрамъ; но попытки замѣнить на этомъ пути носильщиковъ вьючными животными или повозками до сихъ поръ не удались. Лошадьми нельзя пользоваться вслѣдствіе того, что въ десяти дняхъ ходьбы отъ поморья начинаются области, наводненныя мухою цеце; ослы лучше переносятъ уколы этого насѣкомаго, но они также въ концѣ концовъ погибаютъ. Пытались употреблять вьючныхъ быковъ, и Roger Price хотѣлъ было, по примѣру капскихъ торговцевъ, перевозить товары въ фурахъ, запряженныхъ волами; но всѣ эти попытки потерпѣли неудачу, и горцамъ У-Сагары достались повозки, покинутыя около Кондоа или Мкондоа—станціи, основанной въ 1881 году французскимъ комитетомъ Африканской ассоціаціи. Въ 1879 году разрѣшить задачу полагали возможнымъ, привезя изъ Индіи четырехъ хорошо дисциплинированныхъ слоновъ. Дѣйствительно, доблестныя животныя безъ всякой помѣхи прошли одну треть пути: отъ Даръ-эсъ-Салаама до Мпуапуа ихъ не задерживали ни рѣки, ни болота, ни горы, а для пищи они довольствовались только листвою: подвергаясь въ теченіе двадцати трехъ дней уколамъ цеце, они не казались сильно страдающими отъ этого. Полагали уже, что опытъ удался, какъ вдругъ одно животное пало, безъ видимой болѣзни. Вскорѣ затѣмъ погибли и другіе слоны, отчасти ли вслѣдствіе перемѣны пищи и кли-

[1]) Horner Riklin, „La Mission catholique du Zanguebar".

[2]) Giraud, „Tour du Monde", 1887, 1-er semestre.

[1]) Jérome Becker, упом. соч.

мата, или же скорѣе, быть-можетъ, также и отъ чрезмѣрной усталости: именно, по этимъ труднымъ горнымъ дорогамъ, имъ пришлось нести тяжести въ 700 или 800 килограммовъ [1]). Съ тѣхъ поръ, уже не возобновляли дорогостоющаго опыта, и остановились на проектѣ постройки желѣзной дороги, которая мало-помалу проникла бы внутрь материка и такимъ образомъ избавила бы торговцевъ отъ необходимости искать содѣйствія людей или животныхъ.

На перемѣнчивыхъ дорогахъ, ведущихъ отъ поморья къ Таборѣ, городовъ не существуетъ: деревни часто перемѣщаются, и многіе изъ посѣщенныхъ первыми путешественниками столицъ небольшихъ государствъ нынѣ представляютъ однѣ лишь развалины. Мѣстами остановокъ для возобновленія запасовъ провизіи караваны чаще всего избираютъ станціи миссіонеровъ, каковы, напр. Мамбойя и Мпуапуа: обѣ онѣ расположены на западѣ горъ, на плоскогоріи, гдѣ зарождаются верховные притоки Уами, и гдѣ питательныя европейскія растенія удаются на диво; находятся эти станціи приблизительно на половинѣ пути между Багамойо и Таборою. Непосредственно за ними начинается область кустовъ, акацій и камедистыхъ деревьевъ, называемая Маренга-Мкхали, которую путешественники торопятся миновать, что выпоскорѣй достигнуть области разселенія племени у-гого, деревни котораго разсѣяны въ кустарникѣ. Ограниченная съ востока пустынями Маренга-Мкхали, область У-Гого прилегаетъ на западѣ къ другой необитаемой полосѣ, Мгунда-Мкхали, т. е. «поле огня». Это—страшная пустыня, для перехода черезъ которую прежде требовалось не менѣе пятнадцати дней но нынѣ распашка нови постепенно сокращаетъ время, потребное для перехода [2]). Мгунда-Мкхали представляетъ покрытую кустарникомъ равнину, по которой можно идти цѣлыми часами, ни примѣчая ни малѣйшаго измѣненія пейзажа; булыжники, принесенные сюда нынѣ пересохшими потоками, покрываютъ почву. Въ нѣкоторыхъ областяхъ «поля огня», между кустами возвышаются массы гранита или сіенита, при чемъ однѣ изъ нихъ округлены на-подобіе такъ называемыхъ roches moutonnées [3]), а другія выдаются въ видѣ гладкихъ или истрескавшихся башенъ, уединенныхъ или же сгруппированныхъ сотнями, расположенныхъ аллеями, нагроможденныхъ на-подобіе террасъ и возвышающихся въ видѣ порталовъ. Главное мѣсто остановки посреди этой пустыни представляетъ Джуэ-ля-Мкоа, т. е. «деревня у круглой горы»; названа она такъ вслѣдствіе находящагося здѣсь, высотою болѣе чѣмъ въ 60 метровъ, холма изъ сіенита, у подножія котораго и ютятся нѣсколько хижинъ туземцевъ.

[1]) L. K. Bankin, „Proceedings of the B. Geographical Society". Mai, 1882.

[2]) R. Burton, „The Lake Regions of Central Africa".

[3]) „Бараньи лбы", по Кугортѣ, „Ест. Ист. земн. коры". стр. 387.

III.

Островъ Занзибаръ, центръ торговой дѣятельности и религіозной пропаганды, распространяющейся съ поморья вглубь восточной Африки,—земля небольшая; по своему образованію онъ примыкаетъ къ двумъ другимъ островамъ, расположеннымъ также на небольшомъ разстояніи отъ побережья, тоже покоющимся на коралловыхъ рифахъ. Острова Мафія, Занзибаръ и Пемба суть обломки или соединительныя звенья большой земли, образующей рядомъ съ внутреннимъ побережьем, т. е. съ окраиною материка, также другое побережье, почти повсюду представляющее рѣзкія крутизны, о которыя и разбиваются волны открытаго моря. Эти три острова расположены въ томъ же направленіи, какъ и побережье Африканскаго материка, находящееся насупротивъ нихъ: ось Мафіи проходитъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, параллельно сосѣднему берегу, между дельтою р. Ро-Вумы и толчеею водъ около Муамба-Мку; Занзибаръ ориентированъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, параллельно твердой землѣ между Дар-эсъ-Салаамомъ и Саадани; наконецъ, островъ Пемба протянулся, соотвѣтственно противолежащему берегу материка, въ направленіи съ юга на сѣверъ, при легкомъ уклоненіи къ востоку. Большія глубины въ океанѣ начинаются только мористѣе отъ этихъ трехъ острововъ. На западѣ, со стороны материка, рифы весьма многочисленны, при чемъ одни, при спавшей водѣ, усѣиваютъ море, словно остатки «пути гигантовъ», а другіе постоянно находятся подъ водою и своими опасными, скрытыми камнями окаймляютъ извилистые проходы для кораблей. Опаснѣе всего здѣсь судоходство между островомъ Мафія и дельтою Ру-Фиджи, такъ какъ мутныя воды рѣки, простираясь по поверхности болѣе тяжелыхъ массъ морской воды, препятствуютъ лоцманамъ видѣть рифы. Поэтому по ночамъ вовсе не пытаются проходить этимъ путемъ, а вообще большинство судовъ огибаетъ островъ восточнѣе, по глубокимъ водамъ открытаго моря. Занзибарскій фарватеръ шире и глубже фарватера Мафіи; тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ съуживается до 7.400 метровъ, т. е. приблизительно до одной пятой всего разстоянія между обоими его берегами. Посреди фарватера, суда могутъ бросать якорь на глубинѣ 45 метровъ.

Южный островъ, Мафія, иначе Монфія, изъ всѣхъ трехъ—самый малый по величинѣ, населенности и богатству. Эта бывшая коралло-

вая мель, пространствомъ въ 423 квадр. километра, покрыта на всемъ своемъ протяженіи плодородною почвою, осѣняемою кокосовыми пальмами. Къ югу отъ этого острова простирается обширный подводный рифъ, съ высящимися изъ-подъ воды утесами: на одномъ изъ нихъ и находится столица Мафіи, деревня Чобе, бывшая резиденція арабскаго губернатора (нынѣ островъ этотъ входитъ въ составъ германской Восточной Африки) и нѣсколькихъ арабскихъ и индусскихъ торговцевъ. Окрестные берега хорошо обработаны, но не доставляютъ продуктовъ въ количествѣ, достаточномъ для большой торговли. Къ тому же бухточка Чобе едва доступна при спавшей водѣ, и корабли бросаютъ якорь на юго-западъ отъ нея, приблизительно въ 15 километрахъ разстоянія.

Занзибаръ, Унгуйя туземцевъ, т. е. «станція», представляетъ единственную въ Восточной Африкѣ землю, по своему обычному имени напоминающую о народѣ зенджъ, обитавшемъ, по свидѣтельству средневѣковыхъ арабскихъ писателей, въ той части поморья, которая продолжается къ югу отъ мыса Ароматовъ вплоть до невѣдомыхъ морей. Наименованіе: «берегъ Зангвебара», недавно прилагавшееся къ поморью между Момбазомъ и Килоа и нынѣ примѣняемое, въ искаженной формѣ, къ острову Унгуйя, не имѣетъ другаго значенія, кромѣ какъ «берегъ Зенджевъ»: Зангъ-баръ, находящійся насупротивъ Инду-бара, т. е. «берега индусовъ», обозначалъ весь край, ограничивающій Индійскій океанъ. Арабы дали ему названіе: Биладъ-эзъ-Зенджъ. Вѣроятно, про африканскій берегъ говоритъ и Марко Поло, когда упоминаетъ объ «островѣ Занкибарѣ, который тянется на пространствѣ около двухъ миль», и на которомъ «производится большая торговля» [1]).

Островъ Занзибаръ покоится на коралловомъ цоколѣ, но онъ состоитъ не единственно только изъ остатковъ полипняковъ: на немъ есть также холмы изъ красноватой и желѣзистой глины, возвышающіеся волнообразно надъ полями, и во многихъ мѣстахъ прерываемые оврагами и разрѣзанные на колоннады удивительной правильности; въ южной части острова, самые высокіе холмы не превышаютъ 137 метровъ, но на сѣверо-западномъ берегу, рядъ высотъ, протягивающихся параллельно берегу, достигаетъ 315 метровъ: здѣсь-то и находится самая высокая часть острова. Почти вся поверхность Занзибара, исчисляемая въ 1.691 квадратный километръ, подвергается обработкѣ. Вслѣдствіе этого, и населеніе его весьма значительно, именно, около двухсотъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ около половины проживаютъ въ главномъ городѣ: относительно, Занзибаръ гуще населенъ, чѣмъ Франція. Во время же сѣверо-восточнаго муссона, населенность, какъ говорятъ, увеличивается еще 30-ю тысячами человѣкъ: арабами, островитянами съ Коморскихъ острововъ, индусами и персами.

Флора острова одинакова съ сосѣднимъ материкомъ, и спеціально ему принадлежащими растеніями можно считать развѣ нѣсколько орхидей [1]), если только и эти виды рано или поздно не отыщутся на противоположномъ поморьѣ. Плодородная почва Занзибара производитъ въ изобиліи всѣ плоды тропической области: американскіе виды встрѣчаются тамъ наравнѣ съ растеніями инсулиндскими. Она даетъ въ годъ двѣ жатвы зерновыхъ хлѣбовъ и четыре сбора маніока, крахмальная мука котораго служитъ главною пищею островитянъ [2]). Изъ пальмъ господствуетъ кокосовая, образующая громадные лѣса и доставляющая туземцамъ: пищу, напитокъ, строительное дерево, веревки, масло для вывоза за границу и для выдѣлки мыла. Финиковая пальма также произростаетъ на островѣ, но такихъ хорошихъ плодовъ, какъ на оазисахъ пустынь, она не производитъ. Манговыя деревья, миртовидныя, гуйявы, померанцы, лимоны и хлѣбное дерево перекрещиваютъ свои вѣтви съ мангустаномъ и съ дуріономъ (durio zibethinus), этими зондскими деревьями, плодъ которыхъ, оставляя во рту ощущеніе какъ бы отъ лука и остраго сыра, кажется, не имѣетъ себѣ соперника по изысканности своего вкуса. Занзибаръ производитъ также пряности Индіи и Инсулинда: корицу, мускатъ, перецъ и въ особенности, съ 1830 года, гвоздику, при чемъ ежегодный сборъ гвоздики достигаетъ нѣсколькихъ милліоновъ килограммовъ. Такъ, въ 1884 году въ Занзибарѣ ея было собрано 7.875.000 килограммовъ, на сумму 5.250.000 франковъ. Страшный ураганъ 1872 года разрушилъ почти совершенно плантаціи гвоздичныя и кокосовыя: четыре пятыхъ этихъ деревьевъ были вырваны съ корнями, и Занзибаръ временно былъ разоренъ.

Составляя продолженіе африканскаго материка, частью котораго онъ, вѣроятно, и былъ въ предыдущій періодъ, Занзибаръ имѣетъ въ своей фаунѣ животныхъ съ сосѣдней большой земли, но лишь въ маломъ количествѣ, такъ какъ для большей части видовъ островъ оказался тѣсенъ, а съ другой стороны многіе виды были истреблены земледѣльцами. Около 1865 года, одинъ гиппопотамъ переплылъ рукавъ имѣющій въ ширину болѣе 50 километровъ и отдѣляющій африканскій материкъ отъ Занзибарскихъ пляжей; въ теченіе многихъ мѣсяцевъ его видѣли рѣзвящимся въ прибрежныхъ водахъ [3]), но свѣдѣній о подобныхъ же посѣщеніяхъ слона или носорога не имѣется. Боль-

[1]) Marcel Devic, „Le pays des Zendjs".

[1]) Johnston, „The Kilima-Njaro Expedition".
[2]) Grant, „A Walk across Africa".
[3]) Young, „Nyassa. A Journal of Adventures".

шинство занзибарскихъ четвероногихъ принадлежитъ къ малорослымъ животнымъ; таковы: антилопа карликъ (nanatragus), полуобезьяна (otolicnus), циветта, нѣкоторыя изъ кошачьихъ, каковы: сервалъ и дикія кошки; гіэна не водится, есть крысы, изъ которыхъ европейскія привезены на корабляхъ. Міръ птицъ представленъ большимъ количествомъ видовъ, такъ какъ ширина пролива не можетъ утомить крылья обыкновенныхъ птицъ; занзибарская же цесарка, изъ которой хотѣли создать особый видъ, вѣроятно, одинакова съ живущей на материкѣ. Однако, натуралисты нашли также и такихъ животныхъ,—между прочимъ, лемура и ящерицу,—которыя, повидимому, представляютъ особые виды, принадлежащіе къ самобытной туземной фаунѣ острова. Еще недавно Занзибаръ обладалъ, также какъ и о. Пемба, граціозною обезьяною, *colobus Kirkii*, но въ эпоху, когда ученые дали описаніе ея, она становилась уже весьма рѣдкою, а съ той поры, по свидѣтельству Jonhston'a, ее совершенно истребили.

На восточномъ берегу Занзибара проживаютъ еще нѣсколько группъ первонасельниковъ, не смѣшавшихся съ переселенцами: это—уахадиму, которыхъ бантусскій языкъ, болѣе или менѣе видоизмѣненный, сталъ языкомъ почти всѣхъ островитянъ; по вѣроисповѣданію они—мусульмане. Масса жителей состоитъ изъ негровъ, невольниковъ или свободныхъ, но рабскаго происхожденія, которые первоначально пришли изъ различныхъ мѣстностей материка и слились въ почти однородное народонаселеніе, съ однимъ и тѣмъ же языкомъ и съ одними и тѣми же нравами; изъ привычекъ, между прочимъ, весьма распространено между занзибарскими жителями обыкновеніе ѣсть жирную глину. Арабы—господствующіе политически и насчитывающіе между собою нѣсколько чистокровныхъ семействъ, преисполненныхъ презрѣнія къ своему государю, который смѣшанной крови—представляютъ главныхъ собственниковъ на островѣ, и нѣкоторые изъ нихъ живутъ сеньорами на своихъ плантаціяхъ. Они, затѣмъ европейскіе негоціанты, также американцы, португальцы изъ Гоа, выходцы съ Канарскихъ острововъ, и наконецъ индусы—сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ крупную торговлю, которая состоитъ главнымъ образомъ въ вывозѣ слоновой кости, каучука, копала, лакмусоваго лишайника и кожъ, доставляемыхъ съ противоположнаго берега, и во ввозѣ финиковъ и европейскихъ товаровъ, особенно хлопчато-бумажныхъ тканей, называемыхъ американи и служащихъ ходячею монетою въ сношеніяхъ съ неграми внутри материка; на островѣ же законная монета—индійская рупія. Первый торговый трактатъ съ Занзибаромъ былъ заключемъ американцами, именно въ 1735 году; благодаря полученнымъ при этомъ привилегіямъ, торговля американцевъ долгое время превосходила торговлю другихъ націй. Что касается европейцевъ, то большинство ихъ либо спекуляторы, либо проѣзжіе моряки: въ качествѣ негоціантовъ, имъ трудно конкурировать съ восточными купцами, ведущими торгъ съ Индіею и африканскимъ материкомъ. Въ Занзибаръ направляется также много политическихъ личностей, благодаря возникшимъ между европейскими державами соперничествамъ о вліяніи. Съ 1873 года, занзибарскіе купцы уже не могутъ предаваться торговлѣ рабами; раньше же каждый годъ въ порты Аравіи и Персидскаго залива вывозили изъ Занзибара отъ 12 до 15 тысячъ негровъ.

Переселенцами изъ Индіи являются парси, инди (магометане шіиты), кхожа и вхора изъ Бомбея и Сурата, прибывающіе вмѣстѣ съ своими женами, и наконецъ баньяны. Эти послѣдніе, населяющіе отдѣльный кварталъ въ Занзибарѣ, и которыхъ также встрѣчаютъ въ портахъ континентальнаго берега, по происхожденію почти всѣ съ полуострова Катчи, гдѣ находятся ихъ патроны или однообщинники. Они никогда не удаляются изъ отечества вмѣстѣ съ семьями и потому постоянно стремятся возвратиться къ нимъ, чтобы на всей свободѣ предаться культу и нравамъ родной земли: каждый годъ они отсылаютъ въ Индію прибыль отъ своей торговли и оставляютъ у себя лишь то количество денегъ, которое безусловно необходимо для веденія дѣлъ. Они строго соблюдаютъ предписанія религіознаго преданія: бреютъ бороду и голову, оставляя лишь усы, бакенбарды и небольшую косму волосъ надъ лбомъ; головнымъ уборомъ имъ служитъ красный тюрбанъ, а одѣваются они въ одинъ или два куска бумажной ткани, красиво облекающихъ ихъ станъ. Весьма воздержные, они только и питаются, что мучными и молочными кушаньями, овощами и плодами, такъ какъ все исходящее отъ животнаго, наземнаго, воздушнаго или проживающаго въ водѣ,—имъ безусловно запрещено. Чтобы быть увѣреннымъ, что никакая нечистая пища не примѣшается къ ихъ блюдамъ, они выписываютъ со своей родины масло и сами приготовляютъ пищу; если чужеземецъ дотронется до ихъ риса или сыра, то они уже отказываются ихъ ѣсть; воду для питья они черпаютъ или изъ родника или изъ цистерны и остерегаются мірской, оскверненной посуды; пищу же кладутъ на древесные листья. Корова—ихъ священное животное; съ благоговѣніемъ они вымазываютъ себѣ лицо коровьимъ каломъ, а въ дни празднествъ приготовляютъ для сосѣднихъ коровъ настоящія пиршества изъ пататовъ и кукурузы. Своихъ мертвецовъ они всегда сжигаютъ на морскомъ берегу. Обрядъ этотъ начинается съ вколачиванія толстыхъ

гвоздей въ черепъ трупа для того, чтобы онъ не треснулъ подъ вліяніемъ огня; затѣмъ трупъ кладутъ на костеръ изъ столькихъ полѣнъ, сколько баньянъ явилось для отданія почестей мертвецу [1]); послѣ сожженія пепелъ развѣваютъ по вѣтру. Нравы, столь отличные отъ арабскихъ и суахельскихъ, навлекаютъ на баньянъ насмѣшки и оскорбленія; смирные и печальные, они все переносятъ безропотно и мстятъ лишь тѣмъ, что обогащаются на счетъ покупщика. По крайней мѣрѣ они не занимались, какъ арабы, торговлей рабами. Увеличеніе численности баньянъ въ какомъ-нибудь приморскомъ портѣ и уменьшеніе, при этомъ, арабовъ—знакъ добрый. Хотя на самомъ островѣ и запрещена негро-торговля, но рабы не были освобождены, и гражданское состояніе дѣтей обусловливается званіемъ ихъ матери. Говорятъ, будто-бы семейства этихъ плѣнниковъ вообще весьма малочисленны [2]). * Въ 1897 г. послѣдовала отмѣна невольничества, чрезъ что около 140.000 невольниковъ на островахъ Занзибарѣ и Пембѣ получили свободу; однако, рабство само по себѣ можетъ существовать и далѣе, такъ какъ свободу получаетъ только тотъ невольникъ, который самъ того пожелаетъ *.

Городъ Занзибаръ—расположенный около середины западнаго берега острова, къ сѣверозападу отъ своего аванъ-порта на материкѣ, т. е. отъ Багамойо,—самый большой африканскій городъ на побережьѣ Индійскаго моря: чтобы найти соперника Занзибару по населенности, нужно обогнуть на югѣ и западѣ Африки двѣ ея трети, до самаго Алжира. Съ моря Занзибаръ представляетъ красивый видъ, благодаря блеску его обширныхъ бѣлыхъ домовъ, казармъ и фортовъ, съ ихъ толстыми пузатыми башнями, въ формѣ бочекъ; но позади этихъ лучезарныхъ фасадовъ скрываются кучи лачугъ, между которыми извиваются кривыя и грязныя улицы; однако, недавно построенный водопроводъ снабжаетъ городъ чистою водою, къ большой выгодѣ въ смыслѣ чистоты и оздоровленія. Поэтому, въ Занзибарѣ уже не такъ опасно жить, какъ было прежде. Лагуна съ соленой водою, высыхающая при спаденіи водъ и переходимая при посредствѣ двухъ мостовъ, отдѣляетъ собственно городъ, называемый Шангани, отъ его восточнаго предмѣстья, обитаемаго суахели, рабами и продавцами рыбы. При входѣ въ эту лагуну находятся причалы для арабскихъ шлюпокъ, а большіе пароходы, пакетботы и военныя суда останавливаются мористѣе передъ городомъ, на глубинѣ 14 метровъ. Нѣсколько правильныхъ пароходныхъ линій подходятъ къ Занзибару, связуя его съ портами на берегу материка, съ Суэзскимъ каналомъ, Индіей, Маскаренскими островами и Мадагаскаромъ; у самого султана есть около дюжины торговыхъ судовъ и одинъ военный корабль. Что касается движенія судоходства въ Занзибарскомъ портѣ (съ 1892 г. порто-франко), то въ 1895 г. въ приходѣ было 214 судовъ, съ общей вмѣстимостью 331.805 тоннъ. Обороты внѣшней торговли въ 1895 г.: привозъ—21,7, вывозъ—19,8 милліоновъ рупій.

Занзибаръ уже располагаетъ средствами для высшей промышленности: въ немъ есть мастерскія для починки судовъ, снарядъ для дистилляціи морской воды, и его портъ уже освѣщается электрическими огнями. Миссіонерскія учрежденія, католическія и протестантскія, дополняются большими школами для мальчиковъ и дѣвочекъ, а также и мастерскими для техническаго обученія туземцевъ. Въ другихъ частяхъ острова, вмѣстѣ съ разсѣянными прекрасными сельскими домами арабскихъ собственниковъ, находится также нѣсколько заводовъ для производства сахара и кокосоваго масла; одинъ изъ наиболѣе значительныхъ заводовъ устроенъ въ Кокотони, на берегу гавани того же имени; отъ Занзибара онъ отстоитъ километровъ на сорокъ къ сѣверу и превосходно защищенъ отъ волнъ открытаго моря островомъ Тумбату; большія суда бросаютъ тамъ якорь на глубинѣ отъ 7 до 16 метровъ.

Островъ Пемба, третій въ группѣ, съ поверхностью въ 964 квадр. километра, т. е. приблизительно равняющійся двумъ-третямъ поверхности Занзибара, имѣетъ, однако, не болѣе десяти тысячъ жителей, хотя почва его плодородна вплоть до вершинъ холмовъ и хотя его часто обозначаютъ подъ именемъ «Зеленаго» острова или острова «Овощей». Его продукты тѣ же, что и на Занзибарѣ: головки гвоздики и кокосовые орѣхи; крупные арабскіе собственники на островѣ отсылаютъ ихъ на рынки сосѣдняго города. Главный городъ Пембы, Шаки-Шаки, находится на западномъ берегу, у бухты, недоступной при низкой водѣ: даже небольшія барки должны выжидать наступленія прилива, чтобы достичь до пляжа. Напротивъ, въ портѣ Киши-Киши, на сѣверной оконечности острова, глубина достаточна, и большія суда нашли бы тамъ превосходное убѣжище, но фарватеръ входнаго канала, узкаго и опаснаго, еще не обставленъ баканами. Глава арабской аристократіи на островѣ Пембѣ—скорѣе вассалъ, чѣмъ подданный занзибарскаго султана—пребываетъ въ Киши-Киши. Болѣе половины населенія Пембы состоитъ изъ невольниковъ.

* Султанатъ Занзибаръ нынѣ состоитъ подъ протекторатомъ Великобританіи. Султанъ, или сеидъ, получаетъ на содержаніе своего двора около 300.000 рупій и имѣетъ лейбъ-гвардію

[1]) Horner, „Voyage à la côte orientale d'Afrique".
[2]) Richard Böhm, „Von Sansibar zum Tanganjika".

въ 150 челов. Прочія войска: 1.050 регулярныхъ, 1.500 иррегулярныхъ, состоятъ подъ командой англійскаго офицера. Флотъ состоитъ изъ 1 корвета, 1 канонерки и 7 торговыхъ пароходовъ, принадлежащихъ султану. Доходы и расходы въ 1894 г. составляли по 493.000 рупій *.

Глава XII

Килима-Нджаро, Кенія, берега Момбаза и Малинди.

Приморская область, простирающаяся къ сѣверу отъ территоріи, находящейся насупротивъ Занзибара, и ограничиваемая портами: на югѣ—Пангани, а на сѣверѣ—Тана, находится въ политическихъ условіяхъ, аналогичныхъ съ условіями тѣхъ странъ, которыя лежатъ южнѣе ея. И здѣсь также эта прибрежная, недалеко простирающаяся внутрь материка полоса, была недавно подчинена власти или по крайней мѣрѣ сюзеренитету султана; нынѣ же порты принадлежатъ чужеземнымъ торговцамъ, а проживающія внутри племена, будучи въ дѣйствительности независимы, предоставлены, по трактату, европейскому вліянію: германцы сдѣлались властителями въ бассейнѣ р. Пангани, а сѣверный склонъ страны находится уже во владѣніи англичанъ. Подобно тому, какъ относительно другой стороны чернаго континента часто разсуждали о долженствующемъ современемъ осуществиться соединеніи Алжира съ Сенегаліей посредствомъ желѣзнаго пути чрезъ Сахару, такъ точно англійскіе политики предвидятъ тотъ день, когда возможно будетъ прослѣдовать по сѣверо-восточной Африкѣ, отъ Александріи до Момбаза, не сходя все время съ территоріи, всецѣло принадлежащей англо-саксамъ. Однако, между двумя подлежащими завладѣнію территоріями: одной на западѣ, другой на востокѣ Африки,—противоположность велика. Между плоскогоріями Варваріи и берегами Сенегала простирается еще неизвѣстная и почти непроходимая пустыня, между тѣмъ какъ на пространствѣ отъ Египта до горъ У-Самбара слѣдуютъ одна за другой страны, частью безплодныя и пустынныя, частью плодоносныя и населенныя, но уже всѣ пройденныя бѣлымъ человѣкомъ. Наиболѣе прославленная историческая рѣка на материкѣ, самое большое озеро и одинъ изъ двухъ самыхъ высокихъ массивовъ Африки—принадлежатъ къ этой территоріальной полосѣ, обѣ оконечности которой находятся уже въ рукахъ Англіи; не избѣгнетъ присвоенія ею и средняя полоса, если экспедиціи Стэнли удастся возвратить подъ европейское вліяніе весь верхній бассейнъ Нила и такимъ образомъ зайти въ тылъ новому королевству дервишей въ Хартумѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это имѣлось въ виду въ то время, когда Великобританія, посредствомъ трактата, завладѣла, хотя только предположительно, территоріею, которая отъ Момбазскаго берега поднимается къ тѣмъ высокимъ плоскогоріямъ, гдѣ находится озеро Ніанза. Такъ какъ эта территорія пока еще точно ограничена только въ своей восточной части, вдоль моря, то и нельзя привести данныхъ о величинѣ ея поверхности; также отсутствуютъ и свѣдѣнія для достовѣрнаго исчисленія ея населенности. Можно лишь сказать, что область, прямоугольной формы, заключающаяся между Индійскимъ океаномъ, восточною окраиною плоскогорія, наклоненнаго къ западу, въ направленіи къ Ніанзѣ, и двумя параллельными линіями, изъ которыхъ одна проходитъ къ сѣверу отъ Килима-Нджары и У-Самбара, а другая направляется отъ Кеніи вплоть до лимана Таны, представляетъ площадь приблизительно въ 135 тысячъ квадр. километровъ. По даннымъ же Krapf'a, Fischer'a, Томсона, Джонстона и другихъ изслѣдователей, населеніе этой территоріи должно быть исчисляемо приблизительно въ два милліона человѣкъ.

Въ 1883 году, путешественникъ Фишеръ прослѣдовалъ вдоль восточнаго подножія той водораздѣльной горной цѣпи, которая ограничиваетъ на востокѣ бассейнѣ Ніанзы, при чемъ убѣдился, что эта цѣпь, составляя внѣшній крутой обрывъ плоскогорія, развивается съ большою правильностью съ юга на сѣверъ. Вѣроятно, что этотъ обрывъ есть древнее побережье исчезнувшаго средиземнаго моря: внизу высотъ разстилаются пруды, озера и солончаки, напоминающіе о быломъ существованіи внутренняго моря, нынѣ испарившагося.

Вулканическіе конусы, размѣщенные въ извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга на окраинѣ плоскогорія, суть отдушины подземныхъ огней, матеріалъ для которыхъ нѣкогда доставлялся химическими ингредіентами, вырабатывавшимися въ глубинахъ подъ удлиненнымъ озернымъ бассейномъ. Низменности, въ которыхъ содержатся упомянутые остатки прежнихъ жидкихъ массъ, находятся на весьма большой глубинѣ по отношенію къ окраинѣ плоскогорія, среднее возвышеніе котораго достигаетъ приблизительно двухъ тысячъ метровъ; одно только изъ озеръ лежитъ на высотѣ 640 метровъ. Такимъ образомъ, родъ желоба безъ водослива отдѣляетъ высокія западныя равнины отъ возвышеннаго цоколя, на которомъ вздымаются Калима-Нджаро и другія горы, составляющія ея свиту.

На южной оконечности впадины, первое озеро съ соленою водою—Маньяра, о которомъ имѣются одни только разсказы туземцевъ. Въ ста километрахъ къ сѣверу отъ этого «натроваго озера», находится другое, надъ которымъ господствуетъ: съ юга—угасшій вулканъ, именуемый Дуньэ-Нгэ, т. е. «небесная гора» (2.150 метровъ), а съ востока—огромная гора Гелей, превышающая предъидущую почти вдвое, такъ какъ высота ея равняется 4.200 метровъ; говорятъ, будто «минаретъ», т. е. конечный конусъ горы Дуньэ-Нгэ, не перестаетъ никогда куриться: даже въ совершенно ясную погоду черное облако окутываетъ его вершину, а громъ и какъ-бы отдаленная канонада слышится постоянно; лава уже не изливается, но пары около верхушки красны въ ночное время [1]); горячія воды, въ которыхъ караванщики варятъ свою пищу, выбиваются изъ нѣдръ земли у подножія горы и по берегамъ озера.

Къ сѣверу простирается, насколько только хватаетъ глазъ, солончаковая степь, сохраняющая горизонтальность своего ложа, нѣкогда выровненнаго озерными наплывами: это пустыня Догилани, усѣянная кусками обсидіана, «походящими на черепки отъ бутылокъ». Къ западу отъ нея возвышаются черноватые откосы плоскогорія, обозначаемые въ этой мѣстности именемъ Мау, а на востокѣ виднѣются не менѣе грозныя плоскогорія Кантэ и Кикуйу: между этими крупными утесами открываются бухты, гдѣ безплодная—уже давно вышедшая изъ-подъ воды—почва бывшаго дна составляетъ рѣзкій контрастъ съ богатою зеленью на возвышеніяхъ. Величавые вулканы прерываютъ правильныя грани плоскогорій: таковъ Дуньэ-ла-Ньуки, съ большимъ жерломъ и съ длинными склонами, на которыхъ выступаютъ другіе вулканы-паразиты. Таковъ также Дунье-Лонгонокъ, т. е. «гора Большаго колодца», съ широкимъ усѣченнымъ конусомъ, очень красивой формы.

Путешественникъ Томсонъ восходилъ на этотъ послѣдній вулканъ, кругообразное возвышеніе котораго, доминируемое боковымъ пикомъ, имѣетъ 2.500 метровъ въ высоту и 5.500 метровъ въ окружности. Внутренняя котловина не имѣетъ нормальной формы опрокинутаго конуса: она, какъ показываетъ самое наименованіе горы, представляетъ колодезь съ вертикальными стѣнками; ровное дно этого колодца сокрыто подъ лѣсомъ акацій, который съ вершины кажется мшистымъ лугомъ; по словамъ туземцевъ, изъ одной сосѣдней съ вулканомъ пропасти, будто-бы, исходятъ пары, убивающіе всѣхъ проходящихъ вблизи животныхъ: вѣроятно, это трещины, испускающія углекислоту. Съ вершины Лонгонока, видишь у себя подъ ногами, на сѣверо-восточной сторонѣ, блистающую поверхность озера Найваша, усѣяннаго островами, окруженнаго камышами и лугами. Миріады водяныхъ птицъ кружатся надъ бассейномъ, а въ окрестностяхъ зебры пасутся эскадронами. Озеро это, лежащее на высотѣ 1.850 метровъ, представляетъ неглубокій, путемъ наводненія наполняющійся водоемъ, въ который стекаетъ много рѣчекъ, при чемъ приносимая ими жидкая масса уравновѣшивается испареніемъ; вода въ озерѣ прѣсная, что, повидимому, указываетъ на недавнее происхожденіе этого озернаго водоема: образоваться онъ могъ отъ загражденія его сточной долины потоками лавы и грудами пепла, накопившимися на сѣверѣ и на востокѣ, и, такимъ образомъ, отдѣлившими равнину отъ верховаго бассейна Таны. Въ озерѣ Найвашѣ рыба не водится, и быть можетъ, она истреблена выдѣлявшимися изъ его нѣдръ газами [1]).

Вулканическая дѣятельность проявляется также и къ сѣверо-востоку отъ о. Найваша. Тамъ возвышается Дунье-Буру, т. е. «гора паровъ», высотою въ 2.800 метровъ, съ жерлами, изъ которыхъ черезъ короткіе промежутки вылетаютъ струи горячихъ газовъ. Туземцы изъ племени *мазай* приближаются къ этимъ отверстіямъ съ благоговѣніемъ и бросаютъ туда пуки травъ съ цѣлью добиться благосклонности «духовъ Земли»; также съ благочестіемъ собираютъ они красную глину отъ разложившихся горныхъ породъ и вымазываютъ ею свое тѣло для предотвращенія злой судьбы. Гора эта, кратеръ которой часто перемѣщался, потеряла типическую форму вулкана: многочисленные конусы, которые сначала другъ возлѣ друга поднимались, а затѣмъ опускались, слились въ неправильную массу. Углубленіе, дно котораго занято о. Найваша, на сѣверѣ ограничено бугристою равниною, на которой

[1]) Farler, „Proceedings of the R. Geographical Society", February. 1887.—December, 1882.

[1]) Joseph Thomson, „Through Masai Land".

изверженія тоже оставили груды окалинъ; происшедшіе впослѣдствіи трещины и разломы расчленили всѣ эти образованія на многоугольныя массы, и во многихъ мѣстахъ можно подумать, что видишь передъ собой валы и рвы военныхъ укрѣпленій. Тысячи сухихъ деревьевъ торчатъ изъ всѣхъ разсѣлинъ. Что было причиною ихъ гибели? Выдѣленіе ли зловонныхъ газовъ или, скорѣе — какъ полагаетъ Томсонъ—уменьшеніе дождей, обусловленное медленными измѣненіями въ климатѣ?

Къ сѣверу отъ этой печальной области голыхъ скалъ и разсѣлинъ, другія озера, Эльметейта, Накуро, наполняютъ углубленія долины, затѣмъ рѣка, направляющаяся—подобно всей разсѣлинѣ, идущей вдоль водораздѣльной гряды—съ юга на сѣверъ, извивается между двумя параллельными плоскогоріями и впадаетъ въ озеро Мбаринго или Баринго, которое прежде считали сѣверо-восточнымъ заливомъ о. Ніанца. Нынѣ извѣстно, что Баринго занимаетъ замкнутый бассейнъ, приблизительно въ пятьсотъ квадр. километровъ. Хотя оно не имѣетъ видимаго истока, его изобилующія рыбою воды не содержатъ ни малѣйшаго слѣда солености. Томсонъ, первый изъ посѣтившихъ берега Баринго европейцевъ, удивляется, что озеро это не увеличивается въ объемѣ, хотя оно получаетъ, даже въ сухое время года, значительное количество воды: самая большая разница въ озерномъ уровнѣ, между однимъ и другимъ сезонами, не превышаетъ шестидесяти сантиметровъ. По Томсону, такое незначительное годичное колебаніе въ уровнѣ и отсутствіе соли въ озерной водѣ могло бы быть объяснено существованіемъ подземнаго истеченія, однако это невѣроятное предположеніе не можетъ быть серьезно обсуждаемо до тѣхъ поръ, пока не будутъ измѣрены количества приносимой и испаряемой влаги. Посреди озера высится обитаемая земля, Кируанъ, т. е. «островъ», обломокъ бывшаго вулкана, и легкія шлюпки снуютъ между озерными берегами. Въ еще неизслѣдованныхъ областяхъ къ сѣверовостоку отъ Баринго, разсѣлина въ землѣ, по показаніямъ туземцевъ, продолжается на пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ километровъ вплоть до обширнаго солончака Замбуру, окруженнаго пастбищами, по которымъ кочуютъ пастухи изъ племени галла [1]). Къ этому-то конечному углубленію, т. е. къ Замбуру, и направляется рѣка Уэй - Уэй, истоки которой Томсонъ видѣлъ къ западу отъ озера Баринго.

Къ востоку отъ тотчасъ описанной вулканической разсѣлины — на протяженіи которой, отъ Маньяра до Замбуру, слѣдуютъ одно за другимъ озера соленой или прѣсной воды—земли, за исключеніемъ нѣкоторыхъ разсѣянныхъ солончаковъ, всецѣло принадлежатъ къ покатости Индійскаго моря. Даже съ обращенной внутрь материка западной стороны Килима-Нджаро часть водъ изливается въ Занзибарскій проливъ. Но эта покатость весьма гориста, и высоты, начинающіяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ моремъ, постепенно достигаютъ, въ Килима-Нджаро, границы вѣчныхъ снѣговъ.

Первыя возвышенія, видимыя съ моря, суть горы У-Самбара; это—почти уединенный гранитный массивъ, нѣкоторыя вершины котораго, округленныя на верхушкѣ, достигаютъ 1.500 метровъ въ высоту: изъ города Булуа, построеннаго на вершинѣ одной горы, виднѣются, въ разстояніи около ста километровъ, очертанія зеленѣющаго берега съ его заливами и мысами. Къ сѣверо-западу отъ этихъ горъ тянется горная цѣпь Парэ, затѣмъ хребетъ У-Гоно, господствующій съ запада надъ красивымъ озеромъ Джепэ, и къ сѣверу отъ котораго высится мощная масса африканскаго колосса. В постепенно поднимающихся равнинахъ, которы простираются отъ Момбазскаго берега къ Килима-Нджаро, разсѣяны гранитные пики, имѣющіе отъ 1.200 до 1.600 метровъ высоты и во многихъ мѣстностяхъ расположенные въ видѣ правильныхъ рядовъ. Килибази или Килимабази, т. е. «одинокая гора» [1]), затѣмъ усѣченный конусъ Казигао, выщербленная вершина Мокгу—стоятъ одиноко, на-подобіе рифовъ посреди моря. У болѣе удаленной отъ берега Ндаро, называемой также Килама-Кибуру, т. е. «большая гора», имѣется цѣлая свита менѣе возвышенныхъ горъ, а на западъ отъ нея, господствуя надъ простирающеюся по направленію къ Килима-Нджаро равниною, видны, болѣе сближенные и потому представляющіеся въ видѣ цѣпи, массивы, называемые горами Бура. Второстепенныя вершины, одинокія или скученныя вмѣстѣ, высятся на нѣкоторомъ разстояніи со всѣхъ сторонъ—на югѣ, сѣверѣ и западѣ — вокругъ Килима-Нджаро, исполина африканскихъ горъ.

Эта «Гора Величія», или скорѣе, по Томсону, «Бѣлая гора», а по Фишеру, «Гора Дьявола», достигаетъ высоты 5.745 метровъ (по Mayer'у—6.004, а по Томсону даже 6.120 метровъ): такимъ образомъ, она превышаетъ на 1.554 метра Камерунъ и на 1.145 метровъ Сименъ въ Эѳіопіи; она также гораздо выше находящейся въ странѣ Галла горы Вошо, которой Antoine d' Abbadie приписываетъ высоту въ 5.000 метровъ; соперникомъ ей является только гора Кенія, которая, по Томсону, возвышается на 5.600 метровъ. Однако, Килима-Нджаро, повидимому, не была извѣстна древнимъ, если, впрочемъ, они не смѣшивали ее съ одною изъ «Лунныхъ горъ». Впервые объ

[1]) J. Thomson, упом соч.

[1]) Suma de Geographia, на которую ссылаются Равенштейнъ и Джонстонъ.

этой горѣ упоминаетъ,—очевидно, со словъ португальскихъ посѣтителей Момбаза,—испанскій географъ Encizo; называетъ онъ ее «Олимпомъ Эѳіопіи» и говоритъ, «что она богата золотомъ, населена дикими кабанами и людьми, питающимися саранчею». Въ 1848 году, миссіонеръ Ребманнъ былъ первымъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, созерцавшимъ эту величественную, блистающую снѣгами, гору; однако, ученые географы, въ родѣ Desborough Cooley—уже начертившіе, не видавъ дѣйствительной, воображаемую Внутреннюю Африку—оспаривали это открытіе, утверждая, что видѣнное Ребманномъ было либо миражъ, либо плодъ воображенія. На слѣдующій годъ послѣдовало, однако, подтвержденіе со стороны другаго миссіонера, Крапфа, который чрезъ цѣпь Бура спустился къ самой подошвѣ великой горы. Въ 1861 и въ 1862 гг., изслѣдователи фонъ-деръ-Декенъ и Торнтонъ подвинулись еще далѣе: именно, они восходили на южные склоны Килима-Нджаро вплоть до высоты 3.200 метровъ, далеко, впрочемъ, не достигнувъ еще нижней границы снѣговъ. Съ тѣхъ поръ New, Fischer, Thomson и Johnston посѣщали прославленную гору, а Meyer въ 1887 году достигъ высшаго ея купола и даже края кратера, посвятивъ на это восхожденіе пять дней; однако, онъ не могъ взобраться на покрытый льдомъ выступъ, находившійся метровъ на пятьдесятъ выше. Гора эта не преминетъ вскорѣ стать однимъ изъ главныхъ притягательныхъ центровъ для африканскихъ путешественниковъ, такъ какъ отнынѣ она включена въ германскія владѣнія, и если не легкіе пути сообщенія, то во всякомъ случаѣ хорошо извѣстныя тропинки и продовольственные пункты соединятъ ее съ Момбазомъ и съ другими портами восточнаго берега Африки.

Громадная масса этого вулкана имѣетъ не менѣе ста километровъ въ направленіи съ востока на западъ и километровъ пятьдесятъ въ поперечникѣ; въ окружности же гора достигаетъ приблизительно двухсотъ семидесяти километровъ, т. е. вдвое болѣе окружности Этны, могучей горы, нижніе склоны которой прокармливаютъ населеніе, превышающее триста двадцать тысячъ человѣкъ. Въ дѣйствительности Килима-Нджаро состоитъ изъ двухъ соединенныхъ вмѣстѣ вулкановъ: Кибо — центральнаго купола и самаго высокаго пункта; и Кимауэнзи (4.973 метра), остроконечный пикъ котораго, видимый съ восточнаго подножія массива, закрываетъ остальную часть горы. На западѣ, сѣверѣ и востокѣ, Килима-Нджаро правильно вздымаетъ свои склоны вплоть до высшихъ откосовъ; но на югѣ, у подошвы массива, зіяютъ многочисленныя жерла, изливавшаяся изъ которыхъ лава образовала широкую террасу въ 1.200 до 1.800 метровъ высоты, разрѣзанную горными потоками на параллельные отрывки, и которая въ видѣ землистыхъ мысовъ спускается къ равнинамъ. Эта обширная подпирающая гору платформа, выдающаяся километровъ на двадцать кнаружи отъ правильнаго склона вулкана,—есть единственная плодородная и обитаемая часть всей громадной окружности горы; называется она Чага.

Вершины-близнецы Килима-Нджаро покрыты снѣгомъ во всякое время года, либо въ видѣ сплошной однообразной мантіи, либо въ видѣ бахромы и полосъ; видъ горы мѣняется каждое время года, каждый день, даже въ періодъ засухъ. Прежде суахели думали, что этотъ снѣгъ состоитъ изъ серебра, и не разъ на кручи горы предпринимались экспедиціи за драгоцѣннымъ металломъ, который, однако, превращался въ воду въ рукахъ профановъ [1]). Ниже всего снѣгъ спускается обыкновенно въ октябрѣ, и главнымъ образомъ на западномъ склонѣ, на косогорѣ въ 4.250 метровъ надъ уровнемъ моря; въ іюлѣ же и въ августѣ нижняя граница инея поднимается всего выше, на склонахъ вершинъ. Восхожденіе на гору—вообще весьма тягостное во всякое время года — легче всего можетъ быть совершено въ тѣ мѣсяцы, когда падаетъ снѣгъ, такъ какъ въ это время года меньше всего тумановъ и, по странному контрасту, холодъ тогда менѣе рѣзокъ [2]). Рѣдко гора бываетъ совершенно безоблачна: когда снѣжный куполъ покажется надъ густымъ туманомъ, блистая на солнцѣ, онъ представляется тѣмъ величественнѣе, что кажется отдѣленнымъ отъ земли океаномъ паровъ: «это Нгажэ Нгай,—Божій домъ», говорятъ мазаи; обыкновенно же они называютъ ее просто: Дуньэ Эборъ, т. е. «бѣлая гора».

Склоны Килима-Нджаро представляютъ замѣчательную противоположность. Всѣ ручьи, сбѣгающіе по проталинамъ въ снѣгу вершинъ, текутъ по южному склону. Правда, нѣсколько потоковъ зарождаются на востокѣ и западѣ, но лишь у подошвы горы: вверху, нигдѣ не видно каскадиковъ. Что же касается сѣвернаго склона, то его поверхность совершенно суха: ни одинъ потокъ не свергается съ нея, и долина Нждири, простирающаяся съ этой стороны у подошвы горы,—не что иное, какъ пустыня; но и тамъ выбивается нѣсколько родниковъ, питающихъ соленые лагуны и пруды; очевидно, что это отверстія подземныхъ ручьевъ, затерявшихся въ пеплѣ вулкана. Пруды на Нджири—не единственные замкнутые бассейны на окружности горы: такіе бассейны встрѣчаются и у юго-восточной подошвы. Одинъ изъ этихъ бассейновъ, Чала, наполняетъ кратеръ, почти вертикальныя стѣнки котораго окружены короною изъ зелени; вода въ немъ прѣсная и прозрачная. Преданіе мазаевъ гла-

[1]) Krapf, „Reisen in Ost-Afrika".
[2]) H. H. Johnston, „The Kilima-Njaro Expedition".

*

ситъ, будто одна изъ ихъ деревень была взорвана при вспышкѣ вулкана, и, какъ во многихъ другихъ вулканическихъ странахъ, мѣстнымъ жителямъ кажется, будто по временамъ они слышатъ мычанье коровъ, блеяніе овецъ и крики пастуховъ, доносящіеся изъ глубины пропасти, на-подобіе отдаленнаго эхо. Безъ сомнѣнія, иллюзія эта происходитъ отъ шума, производимаго водяными птицами и повторяемаго многократнымъ эхо [1]).

Къ западу и къ сѣверо-западу отъ «Бѣлой горы», на цоколѣ плоскогорія стоятъ многіе другіе массивы вулканическаго происхожденія, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ также достигаютъ значительной высоты. Массивъ Муру—отдѣленный отъ Килима-Нджаро равниною Сижираро, лежащею, въ среднемъ, на высотѣ 1.200 метровъ,—является почти соперникомъ Килима-Нджаро, такъ какъ его конечный конусъ возвышается приблизительно на пять тысячъ метровъ, и въ маѣ мѣсяцѣ иногда на разсвѣтѣ замѣчаютъ поверхностныя полосы снѣга, разстаивающія вскорѣ подъ лучами солнца; однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда скалистая вершина вулкана не бываетъ окутана облаками, на горизонтѣ она представляется черною; вслѣдствіе этого, въ противоположность Бѣлой горѣ, мазаи дали ей наименованіе: Дуньэ Эрокъ-ля-Сижирари, т. е. «Черная гора Сижирари». На сѣверо-западъ отъ Килима-Нджаро, по плоскогорью разсѣяны, на-подобіе пирамидъ, также и другіе Дуньэ-Эроки, изъ которыхъ одинъ достигаетъ четырехъ тысячъ метровъ высоты.

Выступы рельефа, которыми усѣяны возвышенности къ сѣверу отъ Килима-Нджаро, представляютъ во многихъ мѣстностяхъ видъ настоящихъ горныхъ цѣпей. Горы Кіулу и Улу, гдѣ зарождаются притоки рѣки Сабаки, составляютъ длинную гряду, направляющуюся съ юго-востока на сѣверо-западъ, затѣмъ изгибающуюся къ сѣверу, параллельно тѣмъ горамъ, которыя окаймляютъ на востокѣ и на западѣ водораздѣльную разсѣлину. Сѣверная оконечность горъ Улу обращена прямо къ горѣ Кенія, второй въ Африкѣ по высотѣ. Окружность Кеніи весьма значительна, благодаря длинѣ ея склоновъ: истеченіе лавы совершалось по покатости въ 10—12 градусовъ до подошвы самой горы, до цоколя, средняя высота котораго около 1.790 метровъ. Въ центрѣ черноватаго цоколя вздымается высшій пикъ, правильная пирамида метровъ въ тысячу, до такой степени крутая, что во многихъ мѣстахъ снѣгъ не въ состояніи удерживаться на утесахъ. Конусъ этотъ — скорѣе сѣроватый, чѣмъ бѣлый: отсюда мазайское наименованіе его Дуньэ-Эгерэ, т. е. «Сѣрая гора»; однако, по словамъ фонъ-деръ-Декена, ее называютъ также и Бѣлою горою. Кенія, черезъ склоны которой проходитъ, къ сѣверу отъ главнаго пика, экваторъ и которая лежитъ въ трехстахъ километрахъ отъ Килима-Нджаро, находится въ одинаковыхъ съ послѣднимъ климатическихъ условіяхъ; она также весьма часто бываетъ окутана водяными парами; обыкновенно облака скрываютъ ее въ теченіе дня, и она показывается только либо вечеромъ, при закатѣ солнца, либо утромъ, при первыхъ лучахъ его восхода. О существованіи Кеніи узнали въ Европѣ только въ 1849 году, благодаря миссіонеру Крапфу; однако, ни одинъ изъ путешественниковъ еще не всходилъ на нее; даже Томсонъ, приближавшійся къ ней болѣе всего, видѣлъ только ея восточный фасъ. Подобно Килима-Нджаро, Кенія изливаетъ гораздо большее количество воды своими южными долинами, чѣмъ другими сторонами своей обширной окружности.

Къ западу отъ Кеніи, другія горы, цѣпи и массивы, смѣняютъ другъ друга вплоть до береговъ Ніанцы и Нила. Одинъ рядъ высокихъ горъ, которымъ Томсонъ далъ наименованіе горъ Абердаре, тянется съ юго-востока на сѣверо-западъ, въ томъ же самомъ направленіи, какъ и общая ось возвышенностей края Мазаи. Равнымъ образомъ надъ озеромъ Баринго господствуютъ высокія вершины, вздымающіяся съ каждой стороны этой обширной вулканической разсѣлины. Наконецъ, къ сѣверо-востоку отъ Ніанцы виднѣется величавый конусъ Эльгонъ или Лигоньи, имѣющій не менѣе 4.200 метровъ; подобно большей части горъ этой страны, онъ тоже прежде былъ вулканомъ. Въ его стѣнахъ изъ туфа, между двумя слоями твердой лавы, видны глубокіе гроты, высѣченные или по крайней мѣрѣ увеличенные рукою человѣка и заключающіе въ своихъ галлереяхъ цѣлыя деревни и загоны для скота. Снаружи пещерная часть горы представляетъ цѣлый рядъ отверстій, походящихъ на отверстія голубятни и на одномъ и томъ же уровнѣ продолжающихся по всей окружности вулкана. Нынѣ большая часть этихъ пещеръ покинута [1]).

Рѣка Пангани получаетъ свои первыя воды съ горъ Муру и Килима-Нджаро. Изъ всѣхъ этихъ горныхъ потоковъ самый восточный, Луми, начинающійся у подошвы Кимауэнзи, течетъ сначала на югъ и образуетъ, у подошвы откосовъ У-Гоно, продолговатое озеро, Джипэ. Лежитъ это озеро всего лишь на высотѣ 737 метровъ; однако, равнина, простирающаяся къ югу отъ террасъ Килима-Нджаро, еще низменнѣе, такъ какъ одна вытекающая изъ озера рѣчка устремляется, въ сѣверо-западномъ направленіи, къ самой подошвѣ вулкана. Что касается Пангани, то

[1]) A. Wray, „Proceedings of the R. Geographical Society", 1887.

[1]) J. Thomson, ком. соч.

по выходѣ изъ о. Джипэ и по соединеніи съ Ру-Ву и другими притоками, она является уже значительной рѣкой: въ мартѣ мѣсяцѣ Фишеръ нашелъ ширину ея превышающей сто метровъ, а глубину—достигающею почти одного метра. Затѣмъ книзу, почти не получая притоковъ, рѣка сначала течетъ на югъ, затѣмъ на юго-востокъ и переходитъ порогами и водопадами рядъ скалъ. За этими водопадами слѣдуютъ другіе, вплоть до самаго низовья, вслѣдствіе чего Пангани становится судоходною всего лишь въ сорока километрахъ отъ океана между двумя каменистыми террасами коралловаго происхожденія. Во время отлива, на барѣ Пангани, гребныя суда находятъ глубину приблизительно лишь въ два метра.

Типы племени Сомали.

Двѣ другихъ большихъ рѣки даннаго края зарождаются въ западныхъ долинахъ плоско-

горія. Сабаки, т. е. «лѣсная рѣка», получаетъ одинъ изъ своихъ притоковъ, Цаво, со склона Килима-Нджаро, между тѣмъ какъ главные истоки находятся въ горахъ Кіулу и Улу, а также сѣвернѣе, въ окаймляющей плоскогоріе цѣпи, около озора Найваша. Тана, все среднее теченіе которой еще не изслѣдовано, равнымъ образомъ начинается въ сейчасъ упомянутой цѣпи, чѣмъ объясняется и ея наименованіе Килима-нси, т. е. горная рѣка; однако, мощнымъ потокомъ воды она становится лишь къ югу отъ Кеніи, которая посылаетъ ей многочисленные потоки съ своего южнаго склона. На сѣверѣ этой области текутъ другія весьма обильныя рѣки, изъ которыхъ одна, Уруру, т. е. «громъ», такъ названа вслѣдствіе имѣющагося на ней большаго водопада, посѣщеннаго Томсономъ и описаннаго имъ какъ низверженіе воды «съ нѣсколькихъ сотенъ футовъ» въ мрачную пропасть. Уруру и другія рѣки, текущія на сѣверо-западъ и на сѣверъ отъ Кеніи, соединяются вмѣстѣ для образованія Гуазо-н'Эрока, т. е. «Черной рѣки», относительно которой еще неизвѣстно: продолжаетъ ли она течь, къ востоку отъ Кеніи, въ направленіи къ Джубѣ, или же, не поворачиваетъ ли къ юго-востоку, для соединенія съ Таною? Въ Масса—самомъ высокомъ пунктѣ долины, гдѣ проживали братья Денгардъ,—Тана представляетъ собой рѣку, шириною, въ среднемъ, метровъ въ пятьдесятъ; ея глубина колеблется между 4 и 10 метрами; а русло содержитъ лишь небольшое число мелей, покрытыхъ водой по крайней мѣрѣ на одинъ метръ, скорость же ея превосходитъ шесть километровъ въ часъ. Подобно большинству рѣкъ этой части материка, Тана не получаетъ притоковъ на протяженіи нижняго теченія: напротивъ, въ оба ежегодныя половодія она разливается направо и налѣво и образуетъ временныя болота, простирающіяся по низменнымъ равнинамъ на необозримое пространство. Прирѣчные жители, уа-пакомо, возводятъ вдоль рѣки небольшія, высотою едва въ метръ, плотины съ открывающимися на извѣстныхъ разстояніяхъ оросительными каналами, развѣтвляющимися по рисовымъ полямъ; когда же воды въ Танѣ спадутъ, то, чрезъ приподнятыя заставки (шлюзы), въ рѣку начинаютъ обратно сбѣгать потоки изъ лужъ, образовавшихся при наводненіи. Случается, что нѣкоторыя изъ этихъ боковыхъ водныхъ площадей, будучи углублены проточными водами, превращаются въ судоходные каналы, которые сообщаются съ такими же каналами сосѣднихъ плотинъ, сближая такимъ образомъ концы излучинъ рѣки; а такъ какъ порою въ эти каналы устремляется и вся вода изъ русла рѣки, то ложе ея мало-по-малу превращается въ болото. Подходя къ морю, Тана раздѣляется: главный рукавъ ея, Мто-Тана, течетъ на югъ, въ бухту Унгана, *bahia Formosa* португальцевъ, а другой рукавъ, неглубокій каналъ, идетъ на сліяніе, на востокѣ, съ устьемъ рѣки Ози, «Черной рѣки» галласовъ. Этотъ рукавъ скоро оказался бы запруженнымъ тростникомъ, если бы прибрежные жители время отъ времени не вырубали его для прохода ихъ судовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ ручей Белезони или Белондзони, не имѣетъ и одного метра ширины; туземцы даже перепрыгиваютъ черезъ него. А такъ такъ почва здѣсь только намывная, то было бы весьма легко превратить его въ широкій судоходный каналъ; равнымъ образомъ стоило бы только слѣдовать указаніямъ природы, чтобы соединить воды Таны съ водами двухъ рѣкъ, текущихъ болѣе къ югу, Килики и Сабаки. Туземцы говорятъ, что въ время большихъ водъ рѣка пересѣкаетъ озеро и изливается на югъ въ наносныя земли, образуя столь глубокія водныя пространства, что барки, держась внутренняго края приморскихъ дюнъ, могутъ пробираться изъ одной рѣки въ другую, т. е. изъ Таны въ Сабаки [1]); равнымъ образомъ поперечное судоходство возможно и къ югу отъ Сабаки, по тѣмъ озерамъ, которыя образуются во время половодій. По словамъ Томсона, вдоль всего побережья видны слѣды поднятія материка: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ коралловая терраса приподнялась метровъ на 15—20, а внутри даже на 40—60. Однако, въ бухтѣ Тангата наблюдали признаки явленія противоположнаго: вслѣдствіе ли пониженія почвы, или вслѣдствіе размыва береговъ, тамъ исчезли многія деревни, съ ихъ пальмовыми рощами [2]).

Внѣ горъ, вся эта область, простирающаяся отъ моря къ верхнимъ бассейнамъ рѣкъ Пангани, Сабаки и Таны, можетъ быть сравнена, въ цѣломъ, съ ковромъ, по однообразному фону котораго рѣки проложили свои различные рисунки. Это ровное дно страны есть Ньика, т. е. «дикій край», на протяженіи котораго воды не достаточно для поддержанія дѣятельной растительности: безводная почва производитъ только низкія травы, колючіе кустарники, да кое-гдѣ мало-рослыя деревья. Ньика не что иное, какъ *veld* и, конечно, такъ бы ее и назвали голландцы Южной Африки. Племя уа-ньика воображаетъ, что дождь принадлежитъ племени суахели, такъ какъ суахели обладаютъ Кораномъ, книгою великой божественной магіи, и Крапфъ разсказываетъ, что посланцы отъ племенъ изнутри страны являются къ губернатору въ Момбазъ, съ просьбою прислать нѣсколько дождей. Вдоль океаническаго берега, на про-

[1]) Clemens Denhardt, „Petermann's Mittheilungen", 1881, тетр. I.

[2]) Farler, „Proceedings of the R. Geographical Society", Febr. 1879.

странствѣ шириною менѣе 20 километровъ, поля, оплодотворяемыя морскими парами, одѣты богатою тропическою растительностью. Внутреннія горы, гдѣ задерживаются облака, прерываютъ поверхность Ньики зеленью своихъ склоновъ, а сбѣгающія съ нихъ рѣки змѣйками проводятъ чрезъ страну лѣса своихъ береговъ. Кокосовыя деревья, которыя встрѣчаютъ обыкновенно только въ приморской полосѣ, распространяются внутрь вплоть до склоновъ Ндары, на 120 километровъ отъ моря [1]).

Растительность, окружающая подошву Килима-Нджаро, вплоть до тысячи метровъ высоты, кажется тѣмъ красивѣе и тѣмъ разнообразнѣе, что она составляетъ противоположность съ растительностью Ньики, пустынной, безводной и почти безплодной. Однако, лѣса этихъ предгорій не имѣютъ тропической внѣшности; они напоминаютъ скорѣе физіономію лѣсовъ Западной Европы. Дикій эѳіопскій бананникъ, musa ensete, населяетъ долины на высотѣ отъ 900 до 1.800 метровъ; древовидные папоротники, примѣшивающіеся къ растеніямъ нижнихъ отлогостей, высятся на склонахъ, находящихся на высотѣ 2.400 метровъ; затѣмъ, нѣсколькими сотнями метровъ выше появляются верески, въ видѣ кустарника, и сѣроватыя бороды лакмусоваго ягеля, развѣсившіяся по вѣтвямъ большихъ деревьевъ; коегдѣ въ оврагахъ произрастаютъ исполинскіе крестовники, открытые Johnston'омъ и издали напоминающіе юкку: ихъ находятъ еще на высотѣ 4.360 метровъ, въ тѣхъ высокихъ областяхъ, гдѣ иногда уже показываются снѣга. Виды высокой полосы близко подходятъ къ видамъ горъ Дракенбергенъ и Эѳіопіи; кромѣ того, Johnston нашелъ такіе виды, которые приближаются къ формамъ тропической Африки и которые, повидимому, мало-по-малу видоизмѣнялись для приспособленія къ новымъ условіямъ жизни на высокихъ уровняхъ надъ моремъ; наконецъ, два вида изъ найденныхъ на Килима-Нджаро еще не встрѣчались ни въ одной странѣ. Великолѣпные капскіе калодендроны, о которыхъ недавно думали, будто въ направленіи къ сѣверу они не переступаютъ Наталя, оказываются очень обыкновеннымъ растеніемъ на массивахъ Килима и Кенія.

Нѣкоторые виды птицъ, проживающихъ въ лѣсахъ Килима-Нджаро, новы для науки, а въ окружающихъ гору равнинахъ найденъ особый видъ страуса, *struthius danaoides*. Что касается млекопитающихъ, то относящіяся сюда животныя не отличаются отъ тѣхъ, которыя населяютъ смежныя страны; но удивительно, что нѣкоторые виды встрѣчаются на такой большой высотѣ по склонамъ горъ. Такъ, слонъ бродитъ по долинамъ и утесамъ до высоты четырехъ тысячъ метровъ. Левъ и леопардъ поднимаются менѣе высоко, но и ихъ можно встрѣтить еще на высотѣ 2.400 метровъ. Обезьяны, въ особенности бабуины, весьма многочисленны; большею частью онѣ держатся въ сосѣдствѣ плантацій и живутъ въ довольно хорошемъ согласіи съ туземцами; что же касается colobus'a, великолѣпный черный съ бѣлымъ мѣхъ котораго служитъ украшеніемъ у мазаскихъ воиновъ, то обыкновенно онъ избѣгаетъ человѣка; также весьма рѣдко случается охотнику встрѣтить дикую собаку, отличную отъ шакала, но, подобно ему, выходящую изъ берлоги только по ночамъ. Гиппопотамы, нѣкогда весьма обыкновенные въ рѣкахъ, удалились въ прибрежныя лагуны внутри страны. На окружающихъ Кенію равнинахъ Томсонъ видѣлъ стада верблюдовъ, захваченныхъ у галласовъ, но мазаи не пользуются ими ни подъ верхъ, ни подъ вьюкъ: держатъ ихъ они только для мяса. Муха цеце, столь опасная для домашняго скота, наводняетъ нѣкоторые округи; въ другихъ же мѣстностяхъ господствуетъ другая муха, дондеробо, укусы которой смертельны для ословъ [1]). Большая часть поморья избавлена отъ бича москитовъ.

Распредѣленіе расъ совершается въ этихъ областяхъ на-подобіе распредѣленія деревьевъ: тогда какъ мазаи, подобно своимъ соплеменникамъ галласамъ, пастухи и воины, бродятъ въ особенности по травянистымъ и кустарниковымъ или безплоднымъ равнинамъ, лѣсистыя страны заняты земледѣльцами банту, сородичами банту Южной Африки [2]). Эти земледѣльческія племена многочисленны, но для того, чтобы избѣжать нападеній своихъ сосѣдей, они часто бываютъ вынуждены перемѣщаться, и нѣкоторыя обширныя области обезлюдѣли, такъ какъ мирная обработка земли стала тамъ совершенно невозможною.

Банту, живущіе южнѣе, по сосѣдству съ р. Пангани, извѣстны подъ различными наименованіями: суахели зовутъ ихъ уа-шензи, т. е. «побѣжденные» [3]), между тѣмъ какъ уа-самбора, живущіе на расположенныхъ на западѣ горахъ, называютъ ихъ просто уа-бондей, т. е. «люди долины». Впрочемъ, они сильно перемѣшались съ другими порабощенными племенами и мало-по-малу сливаются съ мусульманскимъ населеніемъ поморья, образовавшимся изъ весьма различныхъ элементовъ. Уа-самбара, населяющіе «Африканскую Швейцарію», значительно отличаются отъ сосѣднихъ народцевъ своимъ образомъ жизни. Особенно оригинальны церемоніи при бракосочетаніи: жениха и

[1]) Gissing, тотъ же сборникъ, октябрь, 1884.

[1]) Otto Kersten von der Decken, упом. соч.
[2]) H. H. Johnston, „The Kilima-Njaro Expedition".
[3]) R. Krapf, упом. соч.

невѣсту помѣщаютъ въ одной хижинѣ, по обѣ стороны большаго огня, и оставляютъ ихъ такимъ образомъ въ теченіе пяти дней, безъ всякой пищи, позволяя только, если они ослабѣютъ, пить теплую воду на пятый день имъ даютъ немного полужидкой кашицы, чтобы они были въ силахъ принять участіе въ свадебной процессіи, которая направляется къ хижинѣ тещи. Дружка, одѣтая мужчиною и вооруженная ружьемъ и мечемъ, предшествуетъ жениху и невѣстѣ [1]). Но, однако, съ тѣхъ поръ, какъ, вслѣдствіе торговли, уа-самбора, безпрестанно приходятъ въ соприкосновеніе съ суахели, первобытные нравы исчезаютъ, а общимъ языкомъ мало-по-малу становится суахелійскій. На ки-суахели говорятъ и имъ пользуются при обученіи также и англійскіе миссіонеры, поселившіеся въ Мажила, въ восточной области массива У-Самбара. Магометанство же проникло гораздо дальше въ горныя деревни; впрочемъ, для обращенія въ новую вѣру достаточно какого-нибудь внѣшняго признака. Такъ, плѣнный магометанинъ, будучи приневоленъ къ употребленію въ пищу свинины, становится язычникомъ; а язычникъ, которому обреютъ волосы, превращается въ магометанина. Уже въ 1848 году, когда Крапфъ проходилъ этою страною, два сына короля были обращены въ исламъ, научившись въ то же время читать и писать, и вообще слова «магометанство» и «цивилизація» въ этомъ краѣ считались однозначущими. Султанъ, титуловавшійся «львомъ пустыни», имѣлъ гаремъ, на-подобіе султановъ на морскомъ берегу. Его жены, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, прикрывались, подобно магометанкамъ, вуалью, и никто не смѣлъ восходить на тотъ холмъ, гдѣ находились ихъ жилища, окруженныя садами или chambas'ами, которые воздѣлывали приставленные къ женамъ плѣнники. Многіе изъ обычаевъ въ краѣ напоминаютъ арабскіе нравы. Такъ, четыре святыя деревни, въ которыхъ пребываютъ чародѣи страны, считаются неприкосновенными мѣстами убѣжища. Ни одинъ чужеземецъ не будетъ туда допущенъ, но убійцы изъ племенъ уа-самбара или уа-шензи находятъ тамъ для себя пристанище; равнымъ образомъ тѣ, кто прикоснется къ одѣянію короля, становятся послѣ этого священными. Становятся свободными тоже и рабы, перешагнувшіе порогъ королевскаго жилища; но въ такомъ случаѣ первоначальный продавецъ долженъ вернуть покупную цѣну этихъ освободившихся рабовъ послѣднему ихъ собственнику.

Король земли У-Самбара—государь могущественный, и, по Крапфу, число его подданныхъ простирается до полу-милліона людей: уа-самбара, уа-шензи и другихъ; его держава, заключающаяся между моремъ, долиною Пангани и горами Парэ,—одна изъ плодороднѣйшихъ странъ въ Африкѣ. Недавно она обнимала также большую часть края племени уа-зегуха, къ югу рѣки, и область Парэ; но передовыя уа-самбарскія племена были постепенно оттѣснены, и пограничные народы объявили себя независимыми. Кромѣ того, бѣглые негры образовали маленькія республики въ тѣхъ легко защищаемыхъ зарослях, которыя окружаютъ горы У-Самбара. Всѣ земледѣльцы и пастухи въ краѣ обязаны отдавать ежегодно королю десятую часть своихъ сборовъ съ полей и со стадъ, и этой десятины достаточно для поддержанія, при посредствѣ приморскихъ портовъ, значительной торговли жизненными припасами съ Занзибаромъ и даже Аравіей. Женщины въ королевствѣ все считаются собственностью государя: онъ можетъ выбирать любую, не платя выкупа. «Онъ властитель, онъ богъ!» Всѣ же населяющіе его государство—его рабы, какъ они себя называютъ [1]).

Между племенами уа-самбара и уа-зегуха на островахъ рѣки Пангани живутъ уа-руву, т. е. «люди рѣки», племя, отличающееся отъ своихъ сосѣдей нарѣчіемъ и нравами. Эти «рѣчные» люди поселились въ этихъ природныхъ крѣпостяхъ для того, чтобы избѣгнуть нападеній мазаевъ, бродящихъ по обширнымъ равнинамъ, которыя простираются къ югу въ направленіи къ У-Гого; пастухи, овцы и козы переходятъ на островъ по тряпущимся мосткамъ, крупный же скотъ пускается черезъ рѣку вплавь. Уа-руву слывутъ у своихъ сосѣдей фетишерами, умѣющими околдовывать крокодиловъ, и мусульманскіе караванщики, не довольствуясь воззваніемъ къ Аллаху объ устраненіи этихъ животныхъ, также обращаются къ уа-рувскимъ чародѣямъ, которые бросаютъ въ рѣку какое-то весьма сильно дѣйствующее «лѣкарство», чѣмъ и превращаютъ ея обитателей въ неспособныхъ вредить. Говорятъ, будто никогда караванъ, сопровождаемый уа-рувскимъ проводникомъ, не терпѣлъ несчастій при переправѣ черезъ рѣку; разсказываютъ, будто бы крокодилъ по слову чародѣя выпускаетъ изъ пасти уже схваченное имъ домашнее животное [2]). Кверху отъ Мкарамо, острова рѣки не обитаемы: ихъ населеніе укрылось въ горы. Племя уа-парэ, состоящее изъ земледѣльцевъ и пастуховъ, до такой степени боится нападеній мазаевъ, что не выгоняетъ даже свой скотъ на пастбища; откармливаются ихъ животныя въ хлѣву, но и это часто не спасаетъ

[1]) Farler, „Proceedings of the R. Geographical Society". Febr. 1879.

[1]) Krapf, упом. соч.

[2]) G. A. Fischer, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hambourg", 1882–83. Тетр. I.

ихъ отъ увода грабителями. Уа-гоно, жители горъ, господствующихъ къ западу отъ озера Джипэ, менѣе подвержены нападеніямъ хищниковъ.

Немногочисленный народъ уа-тавета скрывается, къ юго-востоку отъ Килима-Нджаро, въ узкой полосѣ лѣсовъ, окаймляющихъ рѣку Лу-Ми и продолжающихся вплоть до озера Джипэ: сохраненіемъ своей независимости уа-тавета обязаны большимъ деревьямъ. Поселенія окружены частоколами, за которыми туземцы не боятся мазаевъ, вооруженныхъ короткими мечами. Уа-тавета, родственные своимъ сѣвернымъ и восточнымъ сосѣдямъ: уа-чага и уа-теита, говорятъ на діалектѣ, близкомъ къ ихъ нарѣчію. Но уа-таветская раса теперь уже очень смѣшанная, вслѣдствіе скрещиваній съ племенемъ уа-куафи, прибывшимъ просить себѣ убѣжища и земель [1]). Тѣ же изъ этихъ иноплеменниковъ, которые сохранили свой типъ въ чистотѣ, имѣютъ профиль болѣе правильный, чѣмъ профиль у уа-таветовъ, скулы болѣе выдающіяся и физіономію болѣе оживленную; многіе изъ нихъ сохранили также и свой національный костюмъ; но, за исключеніемъ обрѣзанія, которое они практикуютъ еще по мазайскому обряду,— они усвоили себѣ всѣ обычаи своихъ хозяевъ; они обрабатываютъ почву, не скитаются болѣе вокругъ деревень для похищенія женщинъ и дѣтей, и не превращаютъ войны въ ремесло. Въ общемъ, жители края Тавета отличаются добродушіемъ, веселостью и привѣтливостью. Поэтому-то ихъ городъ сталъ главнымъ мѣстомъ отдыха и запаса жизненными продуктами для каравановъ, направляющихся съ поморья въ край мазаевъ и обратно; суахелійскіе купцы выстроили въ сосѣдствѣ съ главнымъ мѣстечкомъ деревню изъ древесныхъ вѣтвей, въ которой заводятъ свои временныя хозяйства. Благодаря этимъ посѣтителямъ съ поморья, уа-тавета сравнительно образованы и почти всѣ говорятъ по-ки-суахелійски столь же хорошо, какъ и на своемъ нарѣчіи банту. Но они не переняли отъ арабовъ обычая носить платье: большая часть изъ нихъ ходятъ нагишомъ, развѣ изъ кокетства или для защиты отъ холода набрасываютъ на плечи мѣхъ или кусокъ сукна.

Государство управляется совѣтомъ изъ пяти старѣйшинъ или *уази*, избираемыхъ обыкновенно между семействами туземной расы; но общественное мнѣніе могущественно, и оно-то и диктуетъ тѣ рѣшенія, которыя постановляются совѣтомъ. Правятъ, собственно, по преданіямъ. Законы брака не строги, но строги обычаи, сопровождающіе сватовство. Молодая дѣвушка, купленная только отчасти, не можетъ уже болѣе выходить изъ дому вечеромъ; ей запрещено разговаривать съ мужчиною, даже если это будущій ея мужъ—до тѣхъ поръ, пока вся стоимость ея, въ видѣ коровъ или воловъ, не будетъ сполна уплачена. Женщина, беременная первымъ ребенкомъ, прогуливается передъ жилищами своихъ друзей въ предшествіи пожилой замужней женщины и разукрашенная всѣмъ, что есть лучшаго въ ея нарядахъ: покрываломъ изъ желѣзной проволоки, бусами, цѣпочками, кольцами и браслетами. Ревностно выполняются также и погребальные обычаи. Трупъ сначала зарываютъ въ сидячемъ положеніи, при чемъ одна рука покоится на колѣняхъ, а другая рука подпираетъ голову. Когда же отъ трупа останется одинъ только скелетъ, то берутъ черепъ—по крайней мѣрѣ если онъ принадлежалъ главѣ семейства или его главной женѣ—и помѣщаютъ его подъ драцену, посреди полей, которыя онъ и долженъ будетъ защищать отъ злыхъ духовъ [1]).

Народецъ уа-чага, раздѣленный на многія мелкія монархическія государства, населяетъ тѣ вулканическія террасы области Чага, которыя прикрываютъ съ юга громадную массу Килима-Нджаро: по нарѣчію эти туземцы—родственны племени уа-самбара. Самое значительное ихъ королевство, Матшамэ, не довольно, однако, могущественно для того, чтобы обезопасить себя отъ нападеній мазаевъ, которые тѣснятъ его съ юга и съ запада; вслѣдствіе этого, совершенно опустѣли такія обширныя, плодоноснѣйшія области, которыя могли бы пропитать сотни тысячъ жителей. Но какими бы убійствами ни сопровождались битвы между мазаями и уа-чага, женщины обѣихъ націй всегда уважаются: они ходятъ между сражающимися, какъ будто миръ и не нарушался [2]). Наконецъ и уединенность усадебъ свидѣтельствуетъ о древнихъ мирныхъ нравахъ, весьма различныхъ отъ нравовъ нынѣшнихъ: каждое семейство проживаетъ въ чащѣ банановыхъ деревьевъ отдѣльно, въ группѣ хижинъ, окруженныхъ высокимъ плетнемъ. Едва-ли можно признать—слѣдуя предположенію Duveyrier—въ уа-чагахъ, обитателяхъ Килима-Нджаро, остатокъ той завоевательной націи джага, которая разрушила въ XVI вѣкѣ Конгскую имперію [3]). Подобно королямъ уа-самбара, главари уа-чага полновластны: всѣ люди—ихъ рабы; всѣ родящіяся дѣти уже заранѣе обрекаются на то или другое служеніе, и какъ только они пріобрѣтутъ необходимую силу, ихъ тотчасъ употребляютъ для «работъ на короля»: на копаніе защитительныхъ рвовъ, оросительныхъ каналовъ, мотыженіе почвы и изготовленіе оружія. Король рѣшаетъ также и о томъ времени, когда дѣ-

[1]) Charles New;—Joseph Thomson и т. д.

[1]) J. Thomson;—H. H. Johnston, упом. соч.

[2]) J. Thomson, упом. соч.

[3]) „Bulletin de la Societé de Géographie de Paris“. Fevrier 1873.

вушкамъ вступать въ бракъ: онъ надѣваетъ невѣстѣ на палецъ брачное кольцо и называетъ въ то же время имя ея будущаго супруга. Браки значительно менѣе ранни, чѣмъ у большинства остальныхъ африканцевъ; физическая зрѣлость супруговъ, вѣроятно, и есть главная причина того, что раса уа-чагская—одна изъ самыхъ красивыхъ въ Африкѣ. Благорастворенiе климата, правильность земледѣльческихъ нравовъ, умѣренность въ пищѣ и превосходное качество плодовъ также содѣйствуютъ тому, что уа-чаги имѣютъ превосходство надъ своими сосѣдями въ силѣ и здоровьѣ. Они ѣдятъ по преимуществу молочныя кушанья, и чаши съ молокомъ ставятъ также на могилахъ, тогда какъ жители равнинъ приносятъ жертвы своимъ мертвецамъ изъ риса и пальмоваго вина. Будучи весьма хорошими земледѣльцами, уа-чаги выращиваютъ превосходный горохъ, различные овощи, пшеницу, и «бананы такого отмѣннаго вкуса, что съ ними могли бы сравниться только плоды съ Сейшельскихъ острововъ» [1]). Промышленности у нихъ почти не существуетъ: они не умѣютъ даже ткать, но какъ кузнецы они не имѣютъ себѣ соперниковъ въ Восточной Африкѣ: копья, метательные дротики, палицы чагскаго образца и разрисованные и расшитые щиты—образцовыя произведенiя искусниковъ-чаговъ. Они ведутъ также дѣятельную торговлю съ поморьемъ, запасаясь въ его портахъ одеждою и произведенiями европейской мануфактуры; между ввозимыми къ нимъ предметами есть особый родъ земли съ южныхъ равнинъ, emballa, которую они растворяютъ въ водѣ и которая служитъ имъ вмѣсто соли. Благодаря отсутствiю цеце во всей долинѣ Пангани, за исключенiемъ береговъ Таветы, караванщики могутъ употреблять ословъ для перевозки своихъ товаровъ въ краѣ У-Чага,—важная выгода, которая обезпечивала бы за путемъ по Пангани преимущество надъ южными дорогами, если бы мазаи часто не нападали на караваны. Мѣстныя преданiя гласятъ, будто португальцы издревле посѣщали данную страну, поднимаясь при этомъ по Пангани. Около начала XVIII-го столѣтiя, въ край являлись для поселенiя также и магометане, которые и основали тамъ династiю; однако культъ ихъ исчезъ совершенно [2]).

Къ сѣверу отъ долины Пангани, представителями расы банту являются въ особенности уа-ньики, т. е. «люди долины», которые подраздѣляются на двѣнадцать колѣнъ: они населяютъ, въ числѣ около 50.000 душъ, весь тотъ край, который простирается по отлогому склону отъ берега Момбаза внутрь материка до возвышенiя надъ уровнемъ моря приблизительно въ шестьсотъ метровъ. Ихъ языкъ, ки-ньика, мало отличается отъ ки-суахели, но онъ не испещренъ арабскими словами. Одно только земледѣльческое племя уа-диго, обитающее въ приморской области, расположенной къ югу отъ Момбаза, заключаетъ въ себѣ приблизительно тридцать тысячъ человѣкъ; другой народецъ, о которомъ имѣются свѣдѣнiя, благодаря сосѣдству миссiй, называется уа-дурума. У уа-ньика время дѣлится на перiоды изъ четырехъ дней, какъ и въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Африки [1]). Солнце—ихъ богъ. У ньикскихъ жрецовъ есть таинственный инструментъ муанза, звуки котораго порою слышатся въ лѣсахъ, но видѣть который не можетъ, по словамъ легенды, никто изъ непосвященныхъ, и, будучи пораженъ смертью. Становясь взрослыми мужчинами, молодые люди, для «обновленiя своей крови» и для доказательства своей храбрости, должны надѣлать себѣ на груди большiе порѣзы. Сыновья же начальниковъ должны подвергнуться другому испытанiю: они должны проживать въ лѣсу до тѣхъ поръ, пока каждому изъ нихъ не удастся убить человѣка; только тогда они могутъ возвратиться въ отцовскiя хижины и объявляются достойными наслѣдовать своимъ отцамъ. Прибывшiе съ сѣверо-запада уа-камба, поморскiе суахели и другiе переселенцы проживаютъ между уа-ньика: такъ, въ ихъ краѣ многочисленныя колонiи основаны магометанами, шейхи которыхъ постепенно начинаютъ соперничать съ ньикскими королькамъ. Значительными станцiями въ ньикскомъ краѣ обладаютъ также и христiане; такъ, между прочимъ, въ срединѣ текущаго столѣтiя Krapf и Rebmann основали постъ Рабай, на одномъ изъ холмовъ вблизи Момбаза; съ вершины этого возвышенiя, приблизительно въ триста метровъ, взорамъ открывается обширный видъ на поля, острова и рифы.

Горы Тента, на пути между Момбазомъ и Килима-Нджаро, также населены банту, по Rebmann'у, приблизительно въ числѣ полутораста тысячъ человѣкъ; говорятъ эти банту на дiалектѣ, близкомъ къ ки-суахели. Уа-тента—племена республиканскiя, и часто изъ-за своихъ скалъ отбивали стрѣлами нападенiя мазаевъ. Они сохранили обычай похищать себѣ женъ, хотя эта процедура и продѣлывается только для видимости. Женихъ и его друзья насильственно переносятъ невѣсту въ будущую ея хижину, послѣ чего новобрачные оставляются заключенными въ ихъ жилищѣ въ теченiе трехъ сутокъ безъ всякой пищи. Однако, такому похищенiю предшествуетъ одаренiе родителей невѣсты скотомъ, при чемъ число коровъ обыкновенно бываетъ столь значительно, что жениться могутъ только богатые;

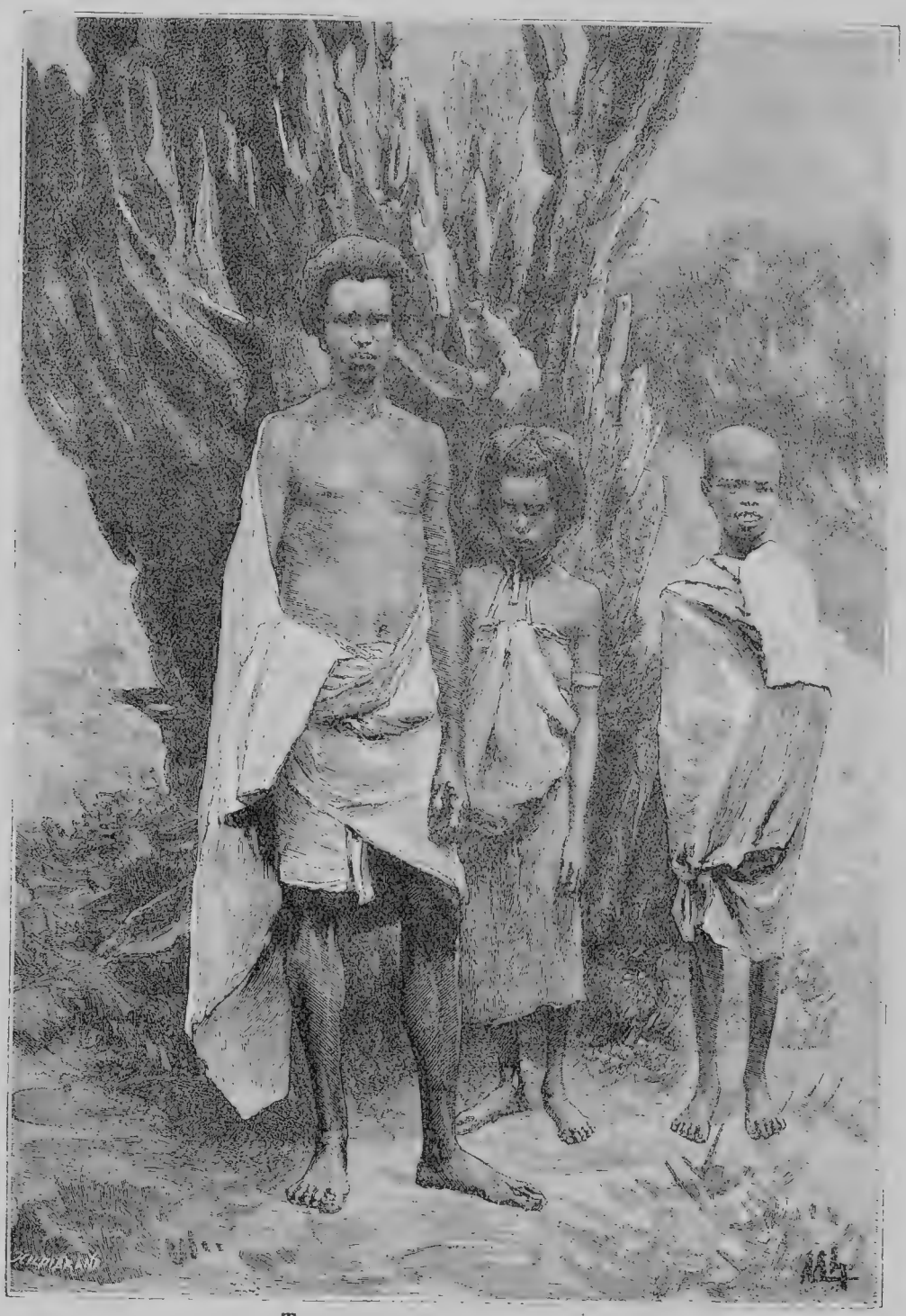
[1]) Otto Kersten, „Von der Decken's Reisen in Ost-Afrika".

[2]) Krapf, упом. соч.

[1]) Krapf;—A. Bastian, „Ethnologische Forschungen".

много, поэтому, браковъ заключается, вслѣдствіе бѣдности, между братьями и сестрами. Теитскія женщины пользуются большою свободою, и оскорбленная жена покидаетъ своего мужа, который не въ правѣ этому противиться. Преобладающая между женщинами мода заключается въ вырываніи себѣ рѣсницъ [1]).

Теиты погребаютъ своихъ покойниковъ, но по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ погребенія, отрѣзываютъ мертвецу голову и помѣщаютъ ее въ костянникъ, куда чародѣй приходитъ совѣщаться съ нею. Хотя теиты богаты скотомъ, но ѣдятъ они только животныхъ, околѣвшихъ вслѣдствіе болѣзни.



Типы племени галласовъ.

Къ сѣверу отъ Момбаза, племена дакало,

[1]) J. Thomson, упом. соч ; — Gissing, упом. мемуаръ

порабощенныя галласами, а также бони и уасаніэхи, основавшіеся на берегахъ бухты Формозы, принадлежатъ къ тому же этническому корню; однако, число ихъ сильно уменьшилось, и мало-по-малу они сливаются съ галласами, на языкѣ которыхъ и говорятъ. У уабони весьма обыденно производство выкидыша, и такъ какъ, по ихъ словамъ, зародыши превращаются въ обезьянъ, то охотники изъ этого племени всегда щадятъ павіановъ въ своихъ лѣсахъ [1]). Путешественникъ Denhardt считаетъ ихъ принадлежащими къ группѣ галласскихъ націй [2]). Что же касается покомо, прибрежныхъ жителей рѣки Покомони или Таны, составляющихъ авангардъ націй банту въ приморской полосѣ Восточной Африки, то они до сихъ поръ сохранили свои отличительныя національныя черты. Правда, что на берегахъ низовьевъ рѣки, покомо приходится платить слишкомъ много налоговъ, удовлетворять заразъ многихъ угнетателей: галласовъ, сомали и суахели; фактически они—рабы, хотя ими не торгуютъ, и они могутъ оставаться въ своемъ отечествѣ. Но, кверху отъ аллювіальныхъ областей, оставшись независимыми и гордыми, покомо являются съ своими природными качествами: честностью, прямотою и добродушіемъ. Нѣтъ въ Африкѣ другаго народа, который принималъ бы болѣе ласково иностранца и который отличался бы большей скромностью и сердечностью; въ этомъ отношеніи, братья Денгардтъ видятъ въ покомо образцовое племя. Въ числѣ 25—30 тысячъ человѣкъ, покомо обитаютъ нынѣ на берегахъ Таны, но кажется, что прибыли они съ сѣвера, и отъ Килима-Нджаро вплоть до ихъ нынѣшней резиденціи, многія наименованія мѣстъ напоминаютъ о прежнемъ пребываніи ихъ тамъ. Занимаемая ими нынѣ область была, по мнѣнію Krapf'a, первоначальнымъ отечествомъ истинныхъ суахели.

Высокіе ростомъ и сильные, покомо имѣютъ также привлекательныя или даже красивыя черты; но какъ и большая часть ихъ сосѣдей, они стремятся разукрасить свое тѣло также и татуировкою; кромѣ того, ихъ женщины вымазываютъ себя такъ называемой нгойей, т. е. привозимой изъ Индіи красною глиною, къ которой прибавляютъ коровье масло или жиръ дикихъ животныхъ. Ни мужчины, ни женщины не причесываютъ волосъ и не носятъ обуви; единственное ихъ одѣяніе — передникъ изъ хлопчато-бумажной ткани. Обрѣзаніе не всеобще: каждый кланъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи своимъ обычаямъ. Когда жена разрѣшается отъ бремени, мужъ долженъ удалиться; повитуха предъявляетъ ему ребенка только по минованіи трехъ сутокъ со дня разрѣшенія, а войти въ супружескую хижину онъ можетъ лишь по истеченіи полныхъ пяти мѣсяцевъ: въ теченіе всего этого времени жена остается взаперти и можетъ выходить только ночью, въ сопровожденіи своихъ сестеръ и родителей. Дѣти воспитываются съ большимъ тщаніемъ и съ самаго нѣжнаго возраста пріучаются къ работѣ; вплоть до замужества дѣвушки остаются при своихъ матеряхъ; но мальчики, достигнувъ двѣнадцати лѣтъ, начинаютъ уже выполнять своей новиціатъ и живутъ съ другими молодыми людьми въ большой хижинѣ. Погребенія совершаются съ весьма строго соблюдаемыми церемоніями, мѣняющимися сообразно полу и возрасту; каждый годъ торжествуютъ національный праздникъ въ честь мертвыхъ: «день всѣхъ святыхъ» у покомо—самый торжественный, и для приготовленія убранствъ въ одеждѣ и совершенія пиршествъ въ этотъ великій день, они дѣлаютъ сбереженія.

Покомо—земледѣльцы: всѣ одинаково участвуютъ въ полевой работѣ, состоящей въ особенности въ воздѣлываніи риса и маиса. Нѣкоторые молодые люди занимаются также охотою и рыбною ловлею; но хотя покомо и весьма работящи, у нихъ, однако, не существует никакой обработывающей промышленности: они не прядутъ, не ткутъ и не куютъ; всѣ необходимые для нихъ предметы они покупаютъ на морскомъ берегу, откуда ввозятъ все, за исключеніемъ своихъ хижинъ и судовъ. И ихъ общинъ организованы небольшія соединенныя республики. Каждая изъ такихъ группъ управляется *мсэ*, т. е. старѣйшиною, вмѣстѣ съ которымъ засѣдаютъ въ совѣтѣ также другіе патріархи, обладающіе при этомъ исполнительною властью. У покомо есть свой обычный кодексъ, въ основу котораго положено возмездіе.

Къ сѣверу и къ сѣверо-западу отъ Килима-Нджаро, наидалѣе выдвинувшіяся племена суть уа-камба и уа-кикуйу; миссіонеръ Wakefield упоминаетъ также объ одномъ племени одинаковаго происхожденія съ первыми, о мбэ или дхайтшо, которое населяло равнины, расположенныя на сѣверо-востокъ отъ горы Кенія. Уа-камба, или уа-римангао, живущіе къ югу отъ Кеніи и исчисляемые Krapf'омъ въ семьдесятъ тысячъ душъ, раздѣлены на столько же республиканскихъ общинъ, сколько находится и деревень. Этимъ предпріимчивымъ людямъ пришлось выдержать много битвъ съ мазаями и галласами; но восторжествовать въ этихъ столкновеніяхъ имъ удалось лишь благодаря той естественной защитѣ, которую представляетъ ихъ горный и покрытый кустарниками край. Однако, одно изъ племенъ должно было, въ 1882 году, выселиться; мужчины, женщины и дѣти, покинувъ опасное сосѣдство съ мазаями, добрались до территоріи У-Сагара, на-

[1]) Richard Brenner, „Petermann's Mittheilungen", 1888, Heft. X.

[2]) „Zeitschrift d. Gesell. f. Erdkunde zu Berlin", 1884.

ходящейся въ пятистахъ километрахъ къ югу, въ верховомъ бассейнѣ р. Уами [1]). Уа-камба привычны къ путешествіямъ: они-то и служатъ торговыми посредниками въ области между о. Ньянца и берегомъ Момбаза; большинство нанимаемыхъ суахелійскими купцами носильщиковъ—уроженцы области У-Камба. Эти туземцы пьютъ молоко своихъ коровъ, предварительно смѣшавъ его съ кровью, выпущенною изъ шеи быковъ [2]).

По ту сторону плоскогорія вулкановъ, на склонѣ къ Ньянза, мы снова вступаемъ въ полосу языковъ банту; горцы кавирондо, весьма отличные отъ тѣхъ кавирондо, которые проживаютъ на берегахъ озера, говорятъ на языкѣ, принадлежащемъ къ бантусской семьѣ и столь близкомъ къ ки-суахели, что поморяне понимаютъ ихъ безъ всякаго затрудненія [3]).

Кромѣ банту, годныя къ культурѣ гористыя, лѣсистыя и аллювіальныя области, говорятъ, имѣютъ также и другихъ обитателей, другихъ потомковъ первобытныхъ расъ: таковы ала, укрывающіеся въ лѣсахъ, между горами У-Самбара и Перэ, и уа-силикомо, или «карлики», которыхъ ошибочно помѣщали на западъ отъ Килима-Нджаро; однако, ни одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ еще не могъ ихъ посѣтить, и даже ихъ существованіе, какъ отдѣльной расы, осталось подъ сомнѣніемъ. Борьба за преобладаніе происходитъ нынѣ только между народцами банту—этими земледѣльцами по преимуществу—и представителями эѳіопской расы: мазаями и галласами, главнымъ образомъ пастухами и воинами. Уа-куафи—хотя они и одного происхожденія съ мазаями—могутъ быть разсматриваемы какъ образующіе переходъ между двумя упомянутыми тотчасъ этническими группами, такъ какъ большинство ихъ племенъ покинуло бродячую жизнь и перемѣшалось съ земледѣльческими и осѣдлыми народцами. Эти уа-куафи разсѣяны по громадной территоріи: одни изъ нихъ встрѣчаются, подъ именемъ хумба, по сосѣдству съ Мамбойя, станціей миссіонеровъ въ У-Самбара; другіе живутъ въ семистахъ километрахъ къ сѣверу, на нижнихъ склонахъ Кеніи; но главная часть націи осѣла въ нѣкоторыхъ частяхъ вулканической и озерной низменности, раздѣляющей два плоскогорія, а также на западной террасѣ, наклоненной къ Ніанцѣ. Въ 1830 году, уа-куафи были также властелинами въ области, границы которой составляютъ: на западѣ—У-Гоно и Парэ, на востокѣ—Теита, а на югѣ—У Самбара; но цѣлый рядъ несчастій обрушился на ихъ головы: предпринятые съ цѣлью грабительства набѣги оказались неудачными; саранча поѣла ихъ жатвы; стада переколѣли, а затѣмъ воины окрестныхъ мазаевъ, устремясь на голодающихъ, большую часть ихъ перерѣзали. Тѣ же, которые остались въ живыхъ, принуждены были просить себѣ убѣжища у сосѣднихъ горныхъ народовъ банту: у тавеита, теита, парэ, гоно, самбара и зегуха; тамъ они основали земледѣльческія и торговыя станціи, и нравственныя послѣдствія этой перемѣны жизни были самыя счастливыя. Именно, нѣкогда столь устрашавшіе другихъ, восточные уа-куафи принадлежатъ нынѣ къ числу самыхъ честныхъ, трудолюбивыхъ и гостепріимныхъ племенъ въ краѣ.

Собственно мазаи, присвоивающіе себѣ это наименованіе и сами, кромѣ того, называющіе себя и своихъ братьевъ по расѣ уа-куафи именемъ илъ-уакобъ, т. е. «люди», «храбрецы» («властители земли», по Ficher'у: «свободные», по Leon des Avanchess'у), считаютъ себя, подобно многимъ другимъ народамъ, избранною націею и разсказываютъ въ своихъ легендахъ, что они происходятъ отъ бога, сидящаго на облакахъ, на горѣ Кеніи. Также какъ и уа-куафи, они различнымъ образомъ перемѣшались съ народами банту; но обитаемыя ими пространства находятся южнѣе земель уа-куафи. Занимая почти всю ту территорію равнинъ, которая отдѣляетъ верхнее теченіе Пангани отъ У-Гого, они весьма многочисленны и въ вулканической впадинѣ между плоскогоріями; треугольная область Догилани, къ югу отъ озера Найваша, принадлежитъ имъ цѣликомъ; впрочемъ, добровольныя переселенія, бѣгства, нападенія и неурожаи часто побуждаютъ ихъ мѣнять свои мѣстообитанія. Численность мазаевъ опредѣляютъ въ нѣсколько сотъ тысячъ, но, если къ ихъ расѣ причислить уа-хумба, сосѣдей у-гого, и уа-хума въ У-Ніамези и на берегахъ Ніанцы, то ихъ окажется болѣе милліона.

Мазайскій типъ—одинъ изъ самыхъ чистыхъ и самыхъ благородныхъ въ Африкѣ. Люди чистокровныхъ племенъ имѣютъ, по Thomson'у, ростъ въ 1 метръ 80 сант.: они вообще стройны и удивительно приспособлены къ бѣгу; ихъ черты часто походятъ на черты европейцевъ, лобъ широкій, носъ тонкій и прямой; но верхніе рѣзцы обыкновенно выдаются впереди, въ особенности у женщинъ, почему у многихъ лишь съ трудомъ губы могутъ быть сведены одна съ другою. У большинства мазаевъ скулы очень выдающіяся, а глазныя щели скошены, какъ у монголовъ. Черепъ, долихокефалическій и хорошо развитый, покрытъ у молодыхъ людей волосами нѣсколько менѣе курчавыми, чѣмъ волосы негровъ, а иногда даже и совершенно гладкими; всѣ же женатые мужчины и всѣ замужнія женщины старательно бреютъ себѣ голову. Равнымъ образомъ, всѣ мазаи продыравливаютъ и удлиняютъ нижнюю долю уха, сначала для вдѣванія палочки, а затѣмъ,

[1]) R. N. Cust, „Modern Languages of Africa".
[2]) Krapf, упом. соч.
[3]) J. Thomson, упом. соч.

для привѣшиванія тяжелыхъ серегъ изъ желѣзной или мѣдной проволоки. Мазайскіе пастухи часто цѣлыми часами держатся, опираясь на лукъ или копье, на одной ногѣ, помѣстивъ на ея икру другую ногу.

Какъ народъ пастушескій, мазаи ведутъ постоянно кочевую жизнь. Ихъ обычаи приспособлены къ пастушеской жизни; при многихъ обстоятельствахъ, они обнаруживаютъ почитаніе своихъ коровъ; уважаютъ даже ту траву, которая служитъ повседневною пищею для ихъ животныхъ, и не позволяютъ себѣ срѣзать ее ни для своей постели, ни для покрытія своихъ хижинъ; не предаютъ они ее и пламени: она—священное растеніе. Ни одна торговая сдѣлка не заключается, если торгующіеся не держатъ пучка травы въ рукѣ; ни одна военная экспедиція не можетъ удасться, если травинки муравы не были брошены по направленію той страны, которую предстоитъ завоевать. Для избѣжанія дурной судьбы, мазай вымазываетъ коровьимъ каломъ себѣ лобъ и щеки; чувствуя же приближеніе смерти, онъ приказываетъ отнести себя къ своимъ коровамъ, среди которыхъ, въ святомъ мѣстѣ, и оканчиваетъ свои дни. Пища мазая—почти исключительно животная: онъ пьетъ молоко своихъ коровъ, ѣстъ мясо своихъ быковъ и бычковъ, но было бы преступленіемъ поѣсть въ одинъ и тотъ же день и молока, и мяса: необходимо, чтобы мазай промылъ себѣ желудокъ сильнымъ чистительнымъ прежде, чѣмъ ввести въ него священный напитокъ. Рѣдко мазаи соглашаются дать или продать молока чужеземцамъ. Принятіе пищи строго упорядочено, особенно въ то время, когда молодые люди, мальчики и дѣвочки, приготовляются къ обрѣзанію и, позже, когда они выполняютъ свой новиціатъ передъ военными походами. Тогда, чтобы «возможно больше запастись мышцами и яростью», юноши наѣдаются до отвалу бычачьимъ мясомъ и прямо изъ жилы пьютъ бьющую оттуда кровь. Табакъ и всякій спиртный напитокъ имъ строго воспрещенъ, такъ какъ національный опытъ свидѣтельствуетъ, что и то, и другое являются причинами физическаго и нравственнаго ослабленія.

Мазайское общество подраздѣляется на воиновъ и на мирныхъ людей, на *эльмуранъ* и *эльморуа*, при чемъ оба эти наименованія приближаются къ *ильмъ-орма*, каковое названіе даютъ себѣ галласы; повидимому, сходство этихъ наименованій свидѣтельствуетъ также и о родственномъ происхожденіи обоихъ этихъ народовъ [1]). Сыновья семействъ, обладающихъ большимъ количествомъ скота, обыкновенно оказываются въ числѣ мирныхъ; тѣ же, у которыхъ стадо не велико,—а такихъ гораздо больше,—рѣшаются раздобыться имъ посредствомъ грабежа. Въ такомъ случаѣ они живутъ отдѣльно—вдали отъ тѣхъ становищъ, въ которыхъ пребываютъ люди семейные—но въ сообществѣ съ молодыми дѣвушками, которыя блюдутъ стада, занимаются заготовленіемъ припасовъ и военныхъ костюмовъ. Такіе хищники отправляются для нападенія врасплохъ на мирныхъ жителей часто за сотни километровъ: они прокрадываются между ближайшими къ нимъ племенами,—которыя держатся на-сторожѣ, затѣмъ, захвативъ тѣ стада, на которыя зарились, возвращаются другими дорогами къ себѣ домой; слѣдуетъ прибавить, что они такъ умѣютъ заставить скотину слѣдовать за собою, какъ если бы она была заколдована. Выбирая своими начальниками только такихъ товарищей, къ которымъ имѣютъ полное довѣріе, они соблюдаютъ во время похода строгую дисциплину и весьма искусны въ хитростяхъ, обманахъ и въ обходныхъ движеніяхъ; сражаются они, соблюдая тишину, безъ барабановъ и безъ воинственныхъ криковъ. Воинъ, оказавшійся трусомъ, изрѣзывается въ куски своими товарищами; не принесшій же домой меча или платья «брата» по оружію—съ которымъ его соединила выпитая одна и та же кровь—обрекается на презрѣніе: онъ уже не найдетъ себѣ друга.

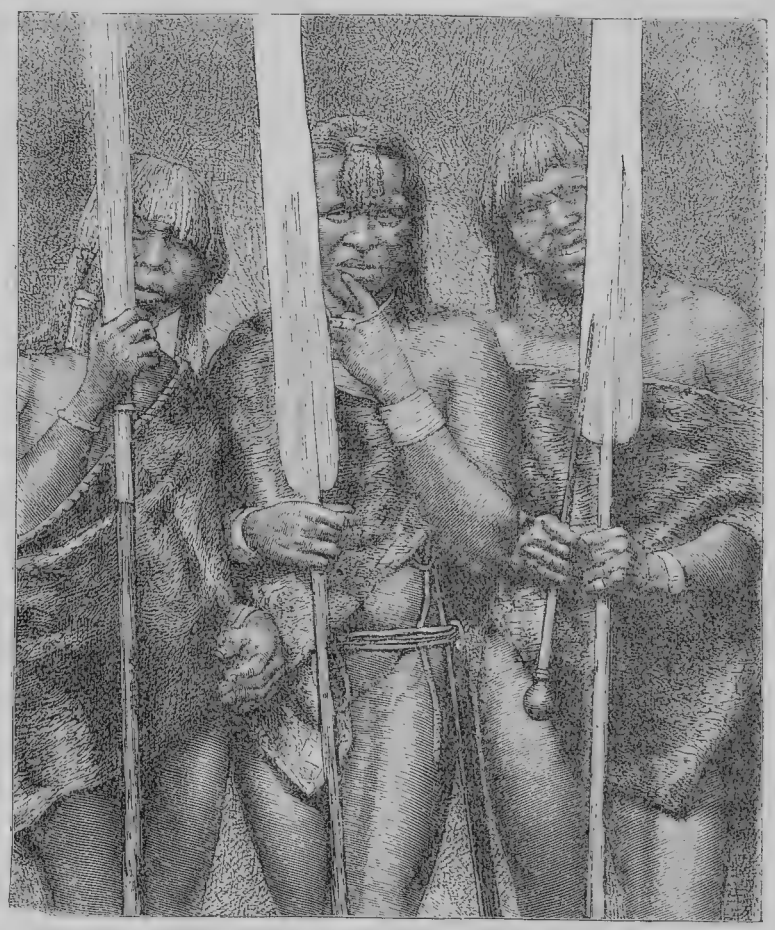
Какъ и всѣ воинственные народы, кафры, ма-тебэлэ, зулусы,—мазаи стараются отличить себя пышностью костюма. Они любятъ окрашивать свое тѣло въ красный цвѣтъ. Накидка изъ бумажной матеріи, съ каймою или полосами яркаго цвѣта, развѣвается на спинѣ, завязанная на шеѣ на-подобіе *poncho* мексиканцевъ; вокругъ овала своего лица они навѣшиваютъ мѣдную полоску, которую украшаютъ гривою зебры, кисточками изъ кабаньей щетины, или черными перьями страуса; пуки же бѣлыхъ перьевъ колышатся надъ головою; иногда они удлиняютъ свою прическу при помощи лыка. Роговое кольцо и спираль изъ латунной проволоки защищаютъ ихъ руки; на икры нацѣплены бѣлыя гривки colobus guereza, а колокольчики позвякиваютъ на пятахъ. Короткій мечъ заткнутъ за поясъ кожаной юбочки; въ одной рукѣ—длинное копье, а другая опирается на щитъ, на которомъ различными цвѣтами разрисованы геральдическія фигуры. Женщины одѣваются менѣе роскошно: обыкновенно на нихъ только одно одѣяніе изъ дубленой кожи, оставляющее открытыми одну изъ рукъ и половину бюста; но онѣ обременены металлическою проволокою, которую обматываютъ вокругъ рукъ, икръ и около шеи. Надо удивляться, что, нося такія тяжести изъ желѣза и мѣди, онѣ могутъ выполнять столько работы, ухаживать за своими мужьями и дѣтьми, доить коровъ, заниматься хозяйствомъ и торговать съ чужеземцами путешественниками.

---

[1]) H. Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie", Fevrier, 1873.

Менѣе жестокія и менѣе падкія на добычу, онѣ часто защищали гостей отъ своихъ братьевъ и мужей.

Обыкновенно существованіе войною и хищничествомъ прекращается для эльмуранъ, когда они задумаютъ жениться, разбогатѣвъ настолько, что могутъ, въ видѣ приданаго, преподнести невѣстѣ добытыхъ ими животныхъ. Женясь же, молодой человѣкъ носитъ въ теченіе мѣсяца костюмъ той дѣвушки, на которой женился, очевидно, для того, чтобы, такимъ образомъ, выразить, что любовь его поработила: это африканскій Геркулесъ, сидящій у ногъ Омфалы. Обычай требуетъ, чтобы супруги первый лунный мѣсяцъ питались молокомъ; но позже имъ возвращается свобода: прежній воинъ, ставъ мирнымъ человѣкомъ, уже не ограничивается питаніемъ молокомъ и бычачьимъ мясомъ; онъ можетъ ѣсть овощи, зерна и плоды; ему уже не запрещено нюхать или жевать табакъ, а также появляются у него въ домѣ и бродящіе, т. е. спиртуозные напитки. Съ этого времени онъ занимается мѣстною политикою, принимаетъ участіе въ собраніяхъ, на которыхъ совѣщаются объ интересахъ общины, подаетъ голосъ при избраніи лайгонани, т. е. «говорящаго отъ его имени», который и представляетъ его во время важныхъ совѣщаній. Всегда гордый и высокомѣрный, онъ принимаетъ торговцевъ какъ вельможа и снисходитъ даже до того, что, въ доказательство своего благорасположенія, плюетъ на нихъ; сердечно встрѣчаетъ друзей, при чемъ гостепріимство налагаетъ на него обязанность уступить даже свою жену. Лично онъ не работаетъ и не знаетъ никакого промысла: все необходимое дѣлаютъ женщины, а затѣмъ, различными ремеслами занимаются порабощенныя племена; таковы уа-ндороббо, которые приготовляютъ для воиновъ оружіе, а для женщинъ котлы, также охотятся на буйвола и слона. Своими чертами, языкомъ и костюмомъ, эти ремесленники походятъ на мазаевъ; но рабство ихъ принизило. Крапфъ видитъ въ нихъ братьевъ тѣхъ аборигеновъ, называемыхъ ала, которые бродятъ по долинамъ племени у-самбара. Они разсѣяны по деревнямъ въ лѣсахъ, по склонамъ Кеніи и по горамъ Кикуйу и питаются мясомъ дикихъ животныхъ.



Мазайскіе воины.

У мазаевъ нѣтъ опредѣленнаго культа, хотя,

будучи поражены чѣмъ-нибудь или устрашены, они часто взываютъ къ сверхъестественному существу, называемому Нгай и смѣшиваемому ими съ воздушными пространствами, солнцемъ, снѣгами горъ, звукомъ грома и блескомъ молніи. Лайбоны, или чародѣи, многочисленны: они истолковываютъ полетъ птицъ, всѣ явленія въ одушевленной природѣ, благословляютъ скотъ, отвращаютъ болѣзни и заговариваютъ стихіи. Великій чародѣй, *mbatin*, считающійся самымъ ученымъ разъяснителемъ судебъ,—самая богатая особа въ краѣ; онъ обладаетъ громадными стадами и, подобно всѣмъ остальнымъ мазайскимъ пророкамъ, долженъ свидѣтельствовать о своемъ рангѣ тучностью: съ трудомъ лишь, поэтому, онъ можетъ двигаться. Въ нѣкоторыхъ округахъ, мазаи, какъ и уаньика, имѣютъ нѣчто въ родѣ культа гіены, какъ животнаго, которое пожираетъ тѣла, брошенныя въ кусты; они называютъ гіену: «отецъ гіена» [1]), и когда находятъ трупъ этого животнаго, то цѣлое племя должно облечься въ трауръ: гіена считается патрономъ данной расы, а смутное вѣрованіе въ переселеніе душъ гласитъ, что духи предковъ внѣдрились въ этихъ хищныхъ животныхъ [2]). Однако въ южныхъ областяхъ края Fischer не видѣлъ никакого слѣда этого культа: тамъ наиболѣе чествуемымъ у мазаевъ животнымъ является особый видъ аиста, который также раздираетъ трупы и слѣдуетъ за воинами въ ихъ грабительскихъ экспедиціяхъ [3]). Мертвые не закапываются, такъ какъ помѣщеніе труповъ въ землю влекло бы за собою ея оскверненіе; поэтому мертвыхъ кладутъ подъ деревья. Проходящіе караваны увозятъ своихъ мертвецовъ и обыкновенно скрываютъ ихъ въ тюкѣ съ тканями, чтобы мазаи не опасались загрязненія ихъ почвы [4]).

Въ бассейнѣ р. Таны, родичи мазаевъ, галласы—за которыми слѣдовали сомали—оттѣснили къ югу народцевъ расы банту. Они раздѣляются на двѣ главныя группы: бараретта, живущіе на правомъ берегу Таны, и кокауэ—обитающіе на лѣвомъ; впрочемъ, послѣдніе почти совершенно истреблены сомалями. Въ 1878 году оставалось только четыре деревни племени кокауэ. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ галласы исчезли бы въ этомъ округѣ, если бы суахели и арабы не заступились за нихъ передъ ихъ наслѣдственными врагами: приморскіе торговцы, хотя были очень рады видѣть униженіе наглыхъ галласовъ, но не желали, однако, потерять эту кліентелю покупателей. Лишенные своихъ стадъ, галласы этого края должны были обратиться къ охотѣ, земледѣлію и торговлѣ. Ихъ кланы управляются начальникомъ, избираемымъ изъ членовъ одного изъ знатныхъ семействъ; въ свою очередь, этотъ начальникъ, называемый *heiyoi*, подчиненъ другому, который тоже избирается, но только на семь лѣтъ. Будучи, въ направленіи къ югу, авангардомъ націи илмъ-орма, эти галласы не забываютъ общности своего происхожденія съ эѳіопами, и иногда, какъ говорятъ, посылаютъ къ нимъ своихъ пословъ [1]).

Къ сѣверо-западу отъ озера Баринго, въ верхней долинѣ р. Уей-Уей, спускающейся къ сѣверу по направленію къ Замбуру, обитаютъ соплеменники мазаевъ, уа-камазія и уа-эльгейо, люди мирные и трудолюбивые, не походящіе на своихъ сосѣдей образомъ жизни. Весьма искусные въ раздѣленіи ручьевъ на тысячу небольшихъ струй, они орошаютъ свои поля очень тщательно, почитая благодѣтельную воду какъ великое божество. Рѣдко туземецъ проходитъ чрезъ водяной потокъ, не плюнувъ, въ знакъ уваженія, на пучекъ злаковыхъ растеній и не бросивъ его, затѣмъ въ струи ручья [2]).

Съ тѣхъ поръ, какъ португальцы были вынуждены покинуть крѣпости, которыми они владѣли на восточномъ берегу Африки, къ сѣверу отъ Занзибара, арабы и суахели сдѣлались единственными посредниками въ торговлѣ между внутренними областями и приморскими портами. Хитрецы эти любятъ хвастаться умѣлостью въ дѣлахъ: «Развѣ мы не суахели?» спрашиваютъ они, когда кто-нибудь выразитъ сомнѣніе въ успѣхѣ ихъ предпріятій [3]). До недавняго времени ни одинъ европейскій купецъ не поселялся на этой части берега: единственными бѣлыми въ краѣ были миссіонеры въ Мажила (въ У-Самбара), въ Frere-town и Rabai (около Момбаза). Но это перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ пароходы, ходящіе между Занзибаромъ и Аденомъ, стали приставать и къ этой части африканскаго побережья. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ ближайшемъ будущемъ тѣ приморскіе города, изъ которыхъ выходятъ караваны въ направленіи къ о. Ньянца, сдѣлаются очагами европейскаго вліянія и центрами самостоятельной торговли, не зависящей отъ занзибарскихъ товарныхъ складовъ.

Группа деревень, расположенная на лѣвомъ берегу р. Пангани, вблизи ея устья, составляетъ настоящій городъ, именуемый тоже Пангани: болѣе тысячи суахели, уа-зегуха и негровъ-метисовъ возвели тамъ свои хижины на низменной землѣ, окаймленной со стороны

---

[1]) Krapf, упом. соч.

[2]) Fischer, „Proceedings of the R. Geographical Society", 1884.

[3]) Hildebrandt, „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin", 1874, № 2.

[4]) Thomson;—Fischer и др.

[1]) Cl. Denhardt, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde". 1884.

[2]) Thomson, упом. соч.

[3]) Krapf, „Reisen in Ost-Afrika".

моря опушкою изъ корнепусковъ; напротивъ, на правомъ берегу, деревня Буани пріютилась у почти вертикальной горы въ 60 метровъ. До того случая, въ 1878 году, когда вышедшій изъ этого города караванъ пропалъ, Пангани, т. е. «городъ въ Яминѣ», былъ такимъ мѣстомъ на берегу моря, въ которомъ почти исключительно составлялись торговые караваны, отправлявшіеся въ область Килима-Нджаро и въ край южныхъ мазаевъ; нынѣ его таможня управляется германскими чиновниками. Недавно, арабы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не принимали почти никакого участія въ панганійской торговлѣ. Они гораздо многочисленнѣе въ Тангѣ (Муоа), городѣ, расположенномъ на южномъ берегу небольшаго, хорошо защищеннаго порта, къ которому ведетъ глубокій узкій каналъ-проливъ между двумя стѣнами изъ рифовъ. Изъ всѣхъ городовъ на твердомъ берегу къ сѣверу отъ Пангани, Танга, опоясанная кокосовыми деревьями, можетъ доставить болѣе всего жизненныхъ припасовъ для мореплавателей. Изъ Занзибара въ нее ввозится большая часть его убойнаго скота; рыбою же, овощами и плодами она изобилуетъ. Въ Тангѣ путешественникъ фонъ-деръ-Декенъ составилъ свой караванъ для изслѣдованія Килима-Нджаро. Муоронго, въ бухтѣ Тангата, между Пангани и Тангою, представляетъ также портъ, посѣщаемый судами. Въ окрестностяхъ его видны многочисленныя развалины и могилы [1]).

Момбазъ, Момбаса арабовъ, Мвита суахели, городъ, воспѣтый Камоенсомъ, былъ уже прославленъ раньше португальскихъ мореплавателей: въ XIV вѣкѣ онъ уже былъ резиденціею короля племени зенджъ и «большимъ городомъ, къ которому приставали корабли» [2]). Васко-де-Гама обслѣдовалъ входъ въ Момбазскій портъ, при чемъ сильно рисковалъ быть захваченнымъ въ плѣнъ. Однако, прибытіе португальцевъ не только не увеличило торговли города, но, напротивъ, послужило началомъ его разоренія. Въ 1500 году Pedro Alvares Cabral снова появлялся въ этихъ морскихъ пространствахъ, а пять лѣтъ спустя Francisco d'Almeido предалъ городъ пламени. Въ 1522 году, европейцы снова поселились въ Момбазѣ, затѣмъ потеряли было его, но еще до исхода XVI-го столѣтія завладѣли имъ опять. Они-то и возвели тамъ ту грозную крѣпость, которая еще виднѣется къ югу, расположенная на небольшомъ возвышеніи коралловаго утеса; на входныхъ ея воротахъ можно прочесть и цифру «1635», высѣченную португальскими архитекторами. Однако, въ 1660 году, маскатскій имамъ овладѣлъ цитаделью, а въ 1698 году португальцы были изгнаны окончательно, и арабы, ставъ властелинами въ городѣ, разрушали церкви, для постройки своихъ дворцовъ. Въ XVIII столѣтіи велись новыя войны, но «король моря» вышелъ изъ нихъ побѣдителемъ. Нынѣ арабы не болѣе какъ торговые дѣльцы, подъ протекторатомъ Великобританіи; самый же городъ почти разоренъ. Недавно онъ пересталъ быть даже и отправнымъ пунктомъ для каравановъ внутрь страны; три экспедиціи, вышедшія изъ него для слѣдованія чрезъ край мазаевъ въ Кавирондо, потеряли болѣе сотни носильщиковъ; купцы, поэтому, не отваживались уже болѣе посылать караваны этимъ опаснымъ путемъ, который въ 1882 и 1883 годахъ былъ даже совершенно покинутъ. «Арабы ушли изъ Момбаза, какъ крысы съ тонущаго корабля» [1]).

Момбазъ расположенъ на восточномъ берегу коралловаго острова, выступающаго изъ-подъ воды болѣе, чѣмъ на 12 метровъ надъ уровнемъ моря. Нѣсколько каменныхъ домовъ, принадлежащихъ арабамъ и баньянамъ, и кучи хижинъ, осѣняемыхъ кокосовыми пальмами, составляютъ городъ. Большіе корабли бросаютъ якорь въ томъ узкомъ каналѣ-проливѣ, который вдоль острова направляется съ востока: это превосходный портъ, прекрасно защищенный, но весьма узкій для значительнаго флота. Правда, что на западной сторонѣ острова открывается другой портъ, глубокій и надежный, Килиндини, который вѣтвится къ сѣверу и образуетъ другіе бассейны, въ которыхъ могли бы бросать якорь суда даже съ весьма большою вмѣстимостью. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ заливъ почти совсѣмъ загроможденъ песчаными мелями, шоссе соединяетъ островъ съ твердою землею, къ сѣверу отъ Момбаза. На сѣверо-востокъ отъ города, на противоположномъ берегу канала-прохода, осѣняемаго мангустановыми деревьями, находится англійская станція Frere-town, названная такъ по имени той политической личности, которая занималась колонизаціею африканской земли, пользуясь для этого освобожденными рабами. На западѣ, на возвышенности, деревня Рабай, занятая съ половины текущаго вѣка миссіонерами, также пріютила многочисленныхъ бѣглецовъ изъ внутреннихъ областей. Недалеко отъ этой станціи находятся высокіе куполы горъ, различаемые моряками еще въ открытомъ морѣ и указывающіе на близость порта. Португальцы назвали ихъ: corôa de Mombaça, т. е. корона Момбаза.

Порты, слѣдующіе другъ за другомъ къ сѣверу отъ только-что описаннаго древняго города, вплоть до устья Таны, — еще менѣе важны. Килефи (Келифа), въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ рѣки того же имени,

[1]) Horner, „Voyage à la côte occidentale d'Afrique
[2]) Marcel Devic, „Au pays des Zendjs".

[1]) Joseph Thomson, „Au pays des Massaï".

имѣетъ лишь низменный берегъ, гдѣ часто садятся на мель арабскія шлюпки; великолѣпныя гавани въ окрестностяхъ совершенно покинуты, и Тангаунку, бывшій большимъ городомъ въ XVIII столѣтіи, нынѣ не болѣе какъ становище рабовъ, разсѣянныхъ по кустарникамъ. Далѣе къ сѣверу открываются рейды Малинди, знаменитые въ исторіи мореходства: здѣсь присталъ Васко-де-Гама послѣ того, какъ обогнулъ мысъ Доброй Надежды, и здѣсь же принялъ онъ на бортъ и индійскихъ лоцмановъ; въ воспоминаніе же своего прохода, онъ, километрахъ въ шести къ сѣверу отъ нынѣшняго города, приказалъ поставить padrão или столбъ, который существуетъ понынѣ, и на которомъ въ португальскомъ гербѣ виднѣется крестъ: это единственный памятникъ, напоминающій на этомъ берегу о времени лузитанскаго могущества. Всѣ надписи, открытыя въ пришедшемъ въ упадокъ городѣ, гдѣ еще недавно отваживались появляться ночью слоны [1]), происхожденія персидскаго или арабскаго: и дѣйствительно, по преданіямъ, этотъ городъ основали персы изъ Шираза. Въ Зенджскія времена онъ славился чародѣями и очаровывателями змѣй. Въ эти послѣдніе годы Малинди сталъ вновь заселяться.

Глава XIII

Страна сомалей и восточныхъ галласовъ.

Эта восточная область Африки, выступающая изъ остальной массы материка настолько, что ограничиваетъ на югѣ Аравійскій заливъ почти на протяженіи тысячи километровъ, есть одна изъ странъ, представляющихъ наиболѣе единства, какъ по географическому расположенію, такъ и по населяющимъ ее народамъ. Въ цѣломъ Сомалія или Сомаль представляетъ страну треугольной формы, ограничиваемую на сѣверѣ—Аденскимъ заливомъ, на востокѣ и юго-востокѣ—рифами и пляжами Индійскаго моря вплоть до устья р. Таны, а на западѣ—горной цѣпью, посѣщенной лишь въ немногихъ мѣстахъ, которая образуетъ внѣшнюю окраину плоскогорій, отъ Кеніи до Вошо и до Анкоберскихъ горъ. Это пространство, площадь котораго превосходитъ милліонъ квадратныхъ километровъ, населено племенами, представляющими большое этническое сходство на всемъ его протяженіи и, повидимому, не измѣнившимися съ тѣхъ временъ, о которыхъ повѣствуютъ памятники древняго Египта.

Хотя Сомалія принадлежитъ къ исторіи уже нѣсколько тысячелѣтій, она почти совершенно осталась внѣ европейскаго вліянія, преобладающаго нынѣ почти во всѣхъ странахъ, омываемыхъ океанами. Далеко не окончено даже географическое изслѣдованіе территоріи: такъ, не извѣстны ни маршруты Jorge'a de-Abreu, въ 1525 г. сопровождавшаго эѳіопскую армію къ берегамъ озера Зуаи, ни маршруты Antonio Fernandez'a, проѣзжавшаго чрезъ край спустя столѣтіе [1]). Маршруты путешественниковъ, проникавшихъ далѣе всего внутрь страны: Gruttenden'a, Burton'a, James'a, von der Decken'a, Brenner'a, Menges'a, Révoil'я, Paulischke, Mokhtar-bey'я — останавливаются на большомъ разстояніи отъ тѣхъ горъ, которыя ограничиваютъ плоскогоріе галласовъ, и не соединяются съ маршрутами посѣтителей Эѳіопіи: Abadie, Avanchess'a, Cecchi и Traversi; сѣти дорогъ еще не перекрещиваются, какъ въ большей части другихъ странъ африканской территоріи. Къ тому же, современное политическое состояніе сомальскаго края дѣлаетъ его изученіе труднымъ, опаснымъ и дорого-стоющимъ, такъ какъ, вслѣдствіе раздѣленія племенъ на небольшіе отдѣльные кланы, путешественники при каждой остановкѣ вынуждены уплачивать, хотя и подъ видомъ подарковъ, за право прохода [2]). Затѣмъ чужеземцамъ, какъ и во всей тропической Африкѣ, приходится приспособляться къ опасному климату, хотя, благодаря своей сухости онъ менѣе гибеленъ, чѣмъ климатъ въ другихъ знойныхъ областяхъ; многіе изъ путешественниковъ не вынесли трудностей пути и скончались, а иные даже были убиты. Вообще, извѣстнымъ въ своемъ цѣломъ край этотъ сдѣлается только послѣ того, какъ въ приморскихъ городахъ поселятся европейцы и какъ имъ удастся—въ качествѣ ли союзниковъ, или въ качествѣ властителей—проложить торговыя дороги внутрь страны. Уже въ правленіе хедива Измаила, когда египтяне овладѣли верхнимъ бассейномъ

[1]) Ravenstein, „Proceedings of the R. Geographical Society". Май, 1884.

[1]) Krapf, упом. соч.

[2]) Joseph Menges, „Petermann's Mittheilungen". 1885 Тетр. XII.

Нила вплоть до границъ У-Ганды, они пытались основать свое могущество и на Сомальскомъ берегу, и флотъ ихъ появлялся передъ нѣкоторыми портами на этомъ побережьѣ; однако, вмѣшательство Англіи воспрепятствовало новымъ фараонамъ присоединить къ своей державѣ также «страну благоуханій». Нынѣ взаимно соперничествующими въ утвержденіи своего вліянія являются въ особенности Великобританія и Германія. Германцы оффиціально присоединили южный берегъ, на которомъ они уже и окрестили одинъ изъ портовъ Hohenzollern-hafen'омъ; англичане же властвуютъ въ сѣверныхъ областяхъ края, расположенныхъ насупротивъ ихъ могущественной крѣпости, Адена. Островъ Сокотра, который, находясь въ самомъ углу материка, стережетъ одновременно оба берега, также считается

Видъ Джебель-Карона.

англичанами принадлежащимъ къ британской территоріи.

Относительно оси горъ, направляющихся отъ Кеніи къ эоіопскому массиву, можно высказать лишь одни предположенія; не извѣстно, пока, гдѣ оканчивается окаймленная вулканами низменность, которая, въ краѣ мазаевъ, раздѣляетъ двѣ половины плоскогорія между Ніанцой и склономъ къ океану. Судя по разсказамъ туземцевъ, кажется вѣроятнымъ, что эта великая разсѣлина не переходитъ границъ озерной равнины Замбуру, и что къ сѣверу отъ этого бассейна, горы, орьентированныя съ юго-запада на сѣверо-востокъ, и параллельныя побережью Индійскаго океана, расположены въ видѣ послѣдовательно повышающихся одна надъ другой цѣпей, какъ уступы нагорья. Въ одной изъ этихъ цѣпей высится гора Вошо, которую Аббади видѣлъ съ разстоянія 200 километровъ. Далѣе, къ сѣверу, Cecchi и Chiarini—перейдя, въ 1879 году, краевыя горы, достигающія здѣсь, въ среднемъ, высоты отъ 2.800 до 3.000 метровъ,—спустились съ плоскогорья, на которомъ возвышается Уариро, а затѣмъ, чрезъ горный проходъ, проникли и на нижнія террасы, изливающія свои воды въ бассейнъ р. Уэби [1]). На сѣверѣ, двѣ параллельныя цѣпи угасшихъ вулкановъ ограничиваютъ углубленіе, на которомъ находятся три озера, видѣнныя путешественниками издали: самое сѣверное изъ нихъ, Зуай, лежитъ на высотѣ 1.840 метровъ; о немъ прежде полагали, будто оно притокъ Ауаша, тогда какъ, напротивъ, оно само получаетъ нѣсколько притоковъ съ сѣвера, и, между прочимъ, «огромную» рѣку Катару (Katara); затѣмъ, по словамъ туземцевъ, оно изливается на югъ во второе озеро, Хогга; возможно, что одинъ истокъ изъ этихъ резервуаровъ направляется къ югу на соединеніе съ р. Джуба [2]). На сѣверѣ, Ауашъ прорѣзываетъ также гору, образуя глубокую клюзу, за которою виднѣются профили горныхъ вершинъ страны Шоа.

Между краевой цѣпью нагорья и берегомъ океана, склонъ страны не представляется однообразнымъ: Guillain, Wakefild, James и другіе изслѣдователи упоминаютъ о существованіи какъ уединенныхъ пиковъ, такъ и возвышенностей въ видѣ цѣпей и массивовъ, которые прерываютъ однообразіе равнинъ. Въ сѣверной же части Сомальскаго края наблюдается приподнятіе поверхности въ видѣ неправильныхъ горъ, въ цѣломъ тянущихся параллельно побережью Аденскаго залива, и по своей формаціи походящихъ на тѣ аравійскія цѣпи, которыя находятся насупротивъ, по ту сторону этого рукава моря: такимъ образомъ, вулканическіе массивы на обоихъ берегахъ соотвѣтствуютъ другъ другу [1]). Группа Харрарскихъ горъ—окружающихъ величественнымъ амфитеатромъ городъ того же имени—можетъ быть разсматриваема какъ западный предѣлъ этой береговой цѣпи. Одна изъ тамошнихъ вершинъ, находящаяся къ юго-западу отъ города Харрара, Мулата, имѣетъ около 3.000 метровъ высоты; другая, Хама, на сѣверо-западѣ отъ одноименнаго съ нею города, достигаетъ 2.263 метровъ, а остальныя вершины переходятъ за двѣ тысячи метровъ. Къ востоку отъ этихъ гранитныхъ горъ, водораздѣлъ между склонами къ Аденскому заливу и къ Индійскому океану выравнивается и представляетъ лишь незначительныя возвышенія; онъ простирается даже въ видѣ обширной, почти непрерывной степи, сѣверная окраина которой постепенно понижается въ направленіи къ сѣверному побережью моря; Burton назвалъ эту степь «преріей» Марарской. Это плоскогоріе, огу по сомальски, прорѣзанное оврагами, почти всегда сухими, рѣзко оканчивается кручами и откосами *бора* (*bor*), т. е. береговой горной цѣпи; эти кручи и откосы состоятъ изъ гранита съ прожилками бѣлаго кварца, а вершины ихъ покрыты песчаниками и известняками: потоки, образующіеся изъ дождей, орошающихъ высоты, сносятъ растительную землю въ овраги, въ которыхъ и виднѣются кое-какія, имѣющія блѣдную листву, акаціи, похожія на захирѣвшія оливковыя деревья; клюзы, по которымъ, послѣ ливней, сбѣгаютъ ручьи, открываются въ видѣ разсѣлинъ въ скалахъ *бора*, а внизу простирается приморская равнина *goban*, съ ея уади, ея попеременно болотистыми и солончаковыми углубленіями, дюнами и пляжами.

Къ югу отъ Берберы высятся вершины приморскихъ горъ, изъ которыхъ одна, Ганъ Либашъ, или Торо, съ двойнымъ лѣсистымъ пикомъ, превышаетъ двѣ тысячи метровъ (по Haggenmacher'у 2.895 метровъ) [2]); узкій проходъ между двумя склонами къ морю находится на высотѣ 1.350 метровъ. Затѣмъ, по направленію къ востоку, хребетъ все болѣе и болѣе приближается къ морскому побережью: высокія вершины, какъ-то: Голисъ, Анкоръ (1.130 метровъ), пирамида Хансъ (1.880 метровъ), гора Айренситъ (1.590 метровъ), вблизи прохода Яффаръ, въ среднемъ, находятся не болѣе, какъ въ тридцати километрахъ отъ поморья; скалистые откосы слѣдуютъ одинъ за другимъ между гребнемъ горъ и плоскимъ песчанымъ берегомъ, и лишь мѣстами виднѣются узкія зеленѣющія равнины около устьевъ овраговъ. Оконечность выступа африканскаго материка разрѣзана глубокими брешами на

[1]) A. Cecchi, „Da Zeila alle frontiere del Caffa".
[2]) Traversi, „Bulletino della Societa Geografica Italiana". 1887, 4.

[1]) G. Révoil, „La Vallée du Darror".
[2]) „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen", № 47.

отдѣльныя плоскогорія, большіе четыреугольные массивы, на которыхъ виднѣются тамъ и сямъ уединенныя вершины. Такимъ образомъ восточный выступъ материка явственно ограниченъ на югѣ оврагомъ Тогуэни, нисходящимъ по направленію къ Аденскому заливу, и другимъ, спускающимся къ Индійскому морю. Около окраинъ этого известковаго плоскогорія возвышаются: на западѣ—Джебель Карома (Курмо), высотою въ 1.220 метровъ, еще и понынѣ носящая лишь едва измѣненное наименованіе «горы благоуханій (aroma)», нѣкогда данное ей греческими мореплавателями [1]); на востокѣ—Горъ-Али, имѣющая ту же высоту, и еще одна вершина около мыса Гвардафуй, достигающая 760 метровъ.

Самый мысъ—прославленный «мысъ благоуханій», расъ Ассиръ, т. е. «Невольничій мысъ», Джардъ-Хафунъ арабовъ, Гирдифъ, Гирдифо или Ярдафъ по-сомальски, и Гвардафуй европейскихъ мореплавателей—представляетъ почти вертикальную стѣну, господствующую на 275 метровъ надъ тѣми волнами, которыя катятся у его подножія. Корабли могутъ огибать этотъ мысъ около самой скалы; однако, несмотря на глубину около него моря, мало найдется морскихъ пространствъ, гдѣ бы, сравнительно, кораблекрушеній было больше, или гдѣ бы кораблямъ приходилось бросать лотъ съ большею осторожностью для избѣжанія несчастія: поэтому большинство моряковъ, вопреки этимологіи, объясняютъ наименованіе мыса происходящимъ отъ итальянскаго слова guarda, употребляемаго въ франкскомъ языкѣ въ смыслѣ «берегись»! Во время юго-западнаго муссона, море обыкновенно находится въ волненіи, погода пасмурна, и горизонтъ скрывается въ густомъ туманѣ; кромѣ того, теченія въ морѣ весьма стремительны и быстро мѣняются по сосѣдству съ землею, направляясь то къ берегу, то въ открытое море; вотъ отчего, очутясь посреди этихъ мощныхъ спорныхъ теченій, мореплаватели начинаютъ чувствовать себя въ безопасности лишь на глубинѣ шестидесяти метровъ. Если же суда оплошаютъ, то увлекающее ихъ теченіе сноситъ ихъ всегда къ югу отъ мыса, къ берегамъ хорошо извѣстной бухты, гдѣ ихъ и поджидаютъ люди, пользующіеся кораблекрушеніями [2]). Въ 150 километрахъ къ югу отъ мыса Гвардафуй, въ море вдается другой опасный мысъ, Расъ-Хафунъ или Медуду. Въ дѣйствительности, это—обрывистый четвероугольный островъ, верхнее плоскогоріе котораго усѣяно холмами, высотою отъ 120 до 185 метровъ. Низменный перешеекъ, длиною приблизительно въ двадцать километровъ, покрытый скуднымъ кустарникомъ, соединяетъ островъ Расъ-Хафунъ съ твердою землею, разграничивая, такимъ образомъ, двѣ бухты: южную и сѣверную, въ которыхъ, попеременно, смотря по тому или другому направленію муссона, арабскія гребныя суда и бросаютъ якорь. Owen упоминаетъ объ одномъ преданіи, которое гласитъ, будто португальцы начинали прокапывать каналъ между двумя бухтами, съ цѣлью превратить островъ въ неприступную крѣпость [1]). Возможно, что приподнятіе песчаной стрѣлки Расъ-Хафуна надъ водою произошло вслѣдствіе общаго измѣненія въ уровнѣ земель и морей, такъ какъ во многихъ мѣстахъ видны прежніе, усѣянные раковинами, пляжи, далеко вдающіеся внутрь континента [2]). Вся эта часть берега, за исключеніемъ устьевъ дождевыхъ потоковъ, скалиста. Къ югу отъ Расъ-Хафуна, на протяженіи болѣе 500 километровъ, морское побережье называется Барръ-эль-Хассайнъ, т. е. «суровая земля», «земля скалъ»: можетъ-быть, говоритъ Owen, наименованіе «Хассайнъ» тождественно съ именемъ «Azania», уже употреблявшимся греками, и съ именемъ «Земля Ажанъ», означеннымъ на старинныхъ картахъ. Высота прибрежныхъ утесовъ колеблется между 60 и 120 метрами, а прорѣзывающіе ихъ овраги ведутъ къ каменистымъ степямъ, валуны которыхъ во многихъ мѣстностяхъ прикрыты черноватымъ кремнистымъ слоемъ, усѣяннымъ желѣзистыми «комками». Эти высокія равнины напомнили Révoil'ю видъ провансальской Crau. На берегу полоса вышедшихъ изъ-подъ воды каралловъ, шириною въ нѣсколько километровъ, повидимому, свидѣтельствуетъ о поднятіи земель или о пониженіи моря въ этихъ морскихъ пространствахъ: цѣпь дюнъ, указывающая прежнее побережье, находится въ нѣкоторомъ разстояніи внутри материка [3]).

Самою значительною изъ рѣкъ сомальскаго края—какъ по обилію водъ, такъ и по длинѣ—должна быть признана та рѣка, которая зарождается въ самомъ сердцѣ Эѳіопіи, подъ именемъ Гугзы (Gougsa), и въ началѣ описываетъ большую кривую къ сѣверу, востоку и юго-востоку Каффскихъ горъ, какъ будто идя на соединеніе, на западѣ, съ рѣкою нильской системы—Собатъ. Такое именно предположеніе и высказывалъ Antoine Abbadie, видѣвшій въ этой рѣкѣ южную дружку Голубаго Нила, которая, посредствомъ подобной же дуги, описываемой въ обратномъ направленіи, идетъ на соединеніе съ Бѣлымъ Ниломъ. Но, хотя ни одинъ путешественникъ еще не видѣлъ долинъ и клюзъ, которыми Гугза—называемая въ этой части своего теченія также Умою—вы-

[1]) G. Révoil, „Voyages au cap des Aromates".
[2]) G. Révoil, рукописныя замѣтки.

[1]) G. Révoil, „La Vallée du Darror".
[2]) Owen, „Narrative of Voyages to explore the shores of Africa, Arabia and Madagascar".
[3]) Richard Brenner, „Petermann's Mittheilungen", 1868. Тетрадь X.

ходитъ изъ области Эѳіопскихъ Альпъ, однако показанія туземцевъ согласно свидѣтельствуютъ, что, обогнувъ на югъ массивъ Вонно, рѣка, чрезъ проломъ въ краевой цѣпи, убѣгаетъ на востокъ и течетъ по странѣ галласовъ; называется же она прибрежными пастухами и земледѣльцами Дауа или Дурка, а также Уэби (Вебп), при чемъ послѣднее наименованіе едва отличается отъ «Абаи», т. е. Верхній Нилъ, и также означаетъ «рѣку» или «текущую воду». Соединясь со многими другими Уэби, эѳіопская рѣка принимаетъ, наконецъ, направленіе съ сѣвера на югъ и впадаетъ, километрахъ въ сорока къ югу отъ экватора, въ Индійское море; это Джуба (Джебъ, Джубъ) арабовъ, и rio dos Fuegos древнихъ португальскихъ мореплавателей.

Масса воды, несомой Джубою, не настолько обильна и сильна, чтобы глубоко размывать баръ, образующійся при устьѣ, вслѣдствіе чего морякамъ лишь съ большимъ трудомъ удается проводить свои небольшія гребныя суда надъ этимъ порогомъ при входѣ; въ 1798 году, англійскій военный корабль производилъ было изслѣдованіе водъ около устья Джубы, но шлюпка, пытавшаяся проникнуть чрезъ баръ, опрокинулась, и весь экипажъ ея погибъ, либо утонувъ въ Джубѣ, либо подвергшись смерти отъ руки прибрежныхъ сомалей. Въ 1865 году, изслѣдователь фонъ-деръ-Декенъ также проникъ въ рѣку, но вскорѣ затѣмъ въ ея порогахъ потерпѣлъ крушеніе. Въ 1873 году, американецъ Chaille Long, посланный хедивомъ, проникъ чрезъ баръ и поднялся вверхъ по рѣкѣ на 278 километровъ; не будь онъ, затѣмъ, отозванъ, онъ могъ бы плыть и дальше, такъ какъ Джуба достаточно глубока. Воды рѣки, будучи задерживаемы при устьѣ цѣпью красныхъ дюнъ, окаймляющихъ берегъ, перемѣщаются, параллельно побережью, къ югозападу, въ одномъ и томъ же направленіи съ прибрежныхъ теченіемъ въ морѣ. Въ этомъ же направленіи расположены, кверху отъ устья, боковыя озера и болота, въ которыя изливается избытокъ водъ при наводненіяхъ. Рѣка Шери, родящаяся въ этой болотистой области и извивающаяся въ направленіи къ югозападу, въ углубленіе, параллельное плоскому берегу и грядѣ его дюнъ—повидимому, есть не что иное, какъ прежній рукавъ Джубы, хотя между устьями ихъ обоихъ и оказывается разстояніе въ 130 километровъ. Южное изъ этихъ устьевъ, т. е. устье Шери—называемое по-суахелійски Мто-Бубаши, а по-англійски Портъ Дурифордъ,—нынѣ окрещено германцами именемъ «Гогенцоллернская гавань»; это превосходный портъ, въ которомъ самые большіе корабли могутъ становиться на якорь въ разстояніи нѣсколькихъ километровъ кверху отъ бара. Цѣпь рифовъ—образующійся будущій берегъ—протягивается впереди нынѣшнихъ пляжей; всѣ же физическія черты поморья: подводные рифы, берега, дюны и теченіе въ рѣкѣ орьентированы въ одномъ и томъ же направленіи.

Рѣка Уэби, подобно другой Уэби, начинающейся въ Каффскихъ горахъ, имѣетъ свой главный истокъ тоже въ Эѳіопіи, но въ Гураге и на предгоріяхъ краевой цѣпи, въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ Ауаша. Эта Уэби, т. е. «рѣка», не имѣетъ особаго наименованія въ географической номенклатурѣ; питаютъ ее воды, собирающіяся съ весьма большаго бассейна. Къ ней устремляются всѣ потоки на пространствѣ отъ Гураге до Харрара; но не всѣ они достигаютъ ея, особенно въ сезонъ суши, и многіе теряются въ солончакахъ. Подобно Нилу, Уэби выходитъ изъ своихъ береговъ, орошая богатыя равнины Огадена, этого «рая Сомаліи». Въ нижнемъ своемъ теченіи, она, какъ и Джуба, поворачиваетъ къ югу; но, подходя къ морю, она уже не имѣетъ достаточно силы, чтобы проложить себѣ путь чрезъ валъ изъ дюнъ; поэтому, пройдя по прямой линіи вдоль внутренняго фаса вала на протяженіи приблизительно 275 километровъ, Уэби теряется въ болотѣ, не докативъ, такимъ образомъ, своихъ водъ до Джубы. Это любопытное явленіе, что могучій потокъ тщетно усиливается пробить себѣ дорогу сквозь песчаный валъ и слѣдуетъ вдоль подошвы этой ограды, образуя какъ бы широкій ровъ въ военномъ укрѣпленіи. Туни,—коса, отдѣляющая сейчасъ описанную часть нижняго теченія Уэби отъ океана—имѣетъ, въ среднемъ, километровъ двадцать въ ширину. Ядромъ этой цѣпи дюнъ служатъ нѣсколько скалистыхъ массивовъ, которые образовались изъ тѣхъ же рифовъ, выступившихъ изъ-подъ воды.

Другія рѣки, текущія къ сѣверу отъ Уэби, по той области Сомальскаго края, которая постепенно съуживается къ сѣверо-востоку,—достигаютъ до моря только послѣ исключительно обильныхъ дождей; по крайней мѣрѣ влагою ихъ песчанаго ложа питаются прибрежные кустарники. Самая большая изъ этихъ рѣкъ, зарождаясь непосредственно къ востоку отъ Уэби въ Харрарскихъ горахъ, пропадаетъ, подъ именемъ Тугъ-Фагъ, въ болотѣ области Гауйя. Другой *тугъ* или уади, беря свое начало къ югу отъ горъ Бербера, теряется въ области Миджертинъ, болѣе, чѣмъ въ двухстахъ километрахъ отъ моря. Послѣдній *тугъ* на океаническомъ берегу—это Тугъ-Даррорь т. е. «ручей тумана», устье долины котораго открывается между Расъ-Гафуномъ и Гвардафуемъ. На склонѣ Аденскаго залива, русла потоковъ представляютъ лишь короткіе овраги въ толщѣ утесовъ: въ нихъ вода течетъ столь же рѣдко, какъ и въ ущельяхъ противоположнаго, Аравійскаго, берега.

Климатъ Сомальскаго края походитъ на кли-

матъ Занзибара—въ южныхъ областяхъ, на климатъ Аравіи—на склонѣ Аденскаго залива, а на западѣ, на терассахъ и на предгоріяхъ Эѳіопіи, онъ приближается къ климату Шоа. Правда, что, въ цѣломъ, территорія сомалей находится въ сферѣ сѣверо-восточныхъ пассатовъ, но подъ вліяніемъ измѣненій барометрическаго давленія и температуры, въ направленіи этихъ вѣтровъ часто наблюдаются уклоненія, при чемъ вѣтры начинаютъ уже дуть внутрь материка, либо Африки, либо Аравіи. Съ наибольшею правильностью дуютъ пассаты, въ направленіи юго-запада, параллельно Сомальскому берегу, въ теченіе мѣсяцевъ сѣверной зимы, съ октября по мартъ; въ теченіе же лѣтнихъ мѣсяцевъ, нормальный вѣтеръ держится въ обратномъ направленіи: муссонъ несется къ сѣверо-западу и даже въ сѣверу; иногда частные скачки увлекаютъ этотъ атмосферный потокъ, вмѣстѣ съ облаками и влагою, также и на западъ. Средняя температура зимы колеблется между 24° и 26°, а лѣтомъ она приблизительно держится на 30°; по Менгесу, крайнія температуры, наблюдаемыя на берегу Берберы, представляютъ лишь разницу въ 12°; ночью съ 28 на 29 ноября было 19,8°, а днемъ 2 апрѣля 31,8°. Правильные зимніе дожди, впрочемъ, не обильные и сопровождающіеся легкими грозами, приносятся сѣверо-восточными пассатами, съ декабря по мартъ; но обыкновенно небо чисто въ это время года, или же затемняющія его облака проходятъ надъ берегомъ, не разражаясь дождемъ. Періодъ влажности бываетъ во время южнаго муссона, съ апрѣля по іюль или августъ: тогда сѣверныя бури разражаются надъ поморьемъ, ливни переполняютъ кратковременные потоки и степь снова зацвѣтаетъ. За этимъ сезономъ дождей, га или гуги по-сомальски, слѣдуетъ хага, облачное, но сухое время, въ продолженіе котораго земля опять становится безплодною; послѣ этого наступаетъ даиръ, т. е. сезонъ дождей, и джилалъ—мѣсяцъ суши, предшествующій большимъ дождямъ. Эти различные сезоны запаздываютъ въ направленіи съ востока на западъ, т. е. отъ поморья къ плоскогоріямъ, но дождевыя облака, удерживаемыя на склонахъ горъ, изливаютъ тамъ гораздо большее количество воды: годичную высоту слоя дождя, выпадающаго на Шоа, исчисляютъ въ одинъ метръ [1]).

Въ низменной области, мало орошаемая почва, конечно, неплодородна; рѣдки такія привилегированныя мѣстности, гдѣ растительность походитъ по богатству и блеску на растительность индійскихъ побережій подъ тою же широтою: скудные дожди и ручьи, переполняющіеся солоноватою водою, могутъ питать только тощія и не густо растущія растенія. На берегу моря виднѣются только солянки (salsolae) и другія растенія солонцоватыхъ земель, если вблизи нѣтъ уади, берега которыхъ, въ такомъ случаѣ, окаймлены зеленѣющими деревьями; на холмахъ и горахъ видны камедистыя акаціи, мимозы, молочаи, росно-ладанныя терминаліи, деревья, приносящія ладанъ и мирру,—все растенія съ рѣдкою и мелкою листвою; olibanum или boswellia произрастаютъ даже на обнаженныхъ скалахъ, къ которымъ ихъ бѣлые корни прикрѣпляются на-подобіе пластыря [1]). Однако, въ направленіи къ югу, вѣтвистыя и густо-лиственныя деревья становятся все многочисленнѣе и многочисленнѣе. Финиковыя пальмы показываются группами только по сосѣдству съ приморскими городами, но плоды ихъ не достигаютъ зрѣлости, такъ какъ сомали не научились оплодотворять женскія деревья, а торгующіе финиками арабы упорно воздерживаются отъ обученія ихъ этому [2]). Пальма думъ произрастаетъ тамъ и сямъ, но банановыя деревья существуютъ только въ приморскихъ садахъ. Въ горахъ внутри страны, ботаники собрали большое число новыхъ видовъ. Нѣкоторые хорошо орошенные склоны горъ, каковы, напр., на Ганъ-Либахѣ, покрыты роскошной растительностью, не менѣе красивою, чѣмъ растительность эѳіопскихъ горъ. Натуралистъ Менгесъ нашелъ тамъ гигантскій можжевельникъ и великолѣпную джибару, выносящую свою цвѣтовую стрѣлку на нѣсколько метровъ въ высоту. Кофейныя деревца процвѣтаютъ на предгоріяхъ массивовъ Шоа. Центральная область края, Огаденъ, возвышеніе которой, въ среднемъ, достигаетъ девятисотъ метровъ, представляетъ, по Sottiro, обширное степное пространство: послѣ дождей она становится моремъ высокихъ травъ, прерываемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистыми полями [3]).

Что касается фауны, то она такая же, какъ и на землѣ галласовъ въ эѳіопскихъ горахъ, съ тою только разницею, что, по мѣрѣ приближенія къ морскому побережью, она все болѣе и болѣе бѣднѣетъ. Слоны и другія большія животныя водятся лишь въ южныхъ и западныхъ частяхъ страны, которыя обильнѣе всего орошаются и которыя обладаютъ самою богатою растительностью; стада этихъ массивныхъ толстокожихъ взбираются на откосы Ганъ-Либаха, уже весьма трудно доступные и для человѣка; они населяютъ также степи Огадена и отходятъ къ берегамъ Уэби, чувствуя приближеніе смерти. Въ лѣсахъ, кустарникахъ и каменистыхъ мѣстностяхъ сѣверныхъ областей водятся различные ви-

[1]) Brault;—Haggenmacher;—Julius Hann, „Handbuch der Klimatologie“,—Josef Menges, „Petermann's Mittheilungen“. 1885, тетрадь XII.

[1]) G. Révoil, „La Vallée du Darror“.

[2]) G. Révoil, рукописныя замѣтки.

[3]) Arthur Rimbaud, „Comtes rendus des séances de la Société de Géographie“. № 3, fevrier.

ды обезьянъ, особенно павіаны; левъ рыскаетъ въ кустарникахъ Огадена, леопарды, гепарды, шакалы, гіены и другія животныя изъ семействъ кошачьихъ охотятся тамъ на живыхъ звѣрей или же питаются трупами; страусы и стада дикихъ ословъ, газелей и антилопъ, между которыми Менгесъ открылъ новый видъ, пасутся на плоскогоріяхъ; зайцы и другіе грызуны обыденны въ приморскихъ областяхъ; *macroscelideæ*, которыхъ Révoil называетъ «крысами съ хоботомъ», сидятъ на скалахъ на-подобіе бѣлокъ, моются передними лапками и моментально подскакиваютъ, чтобы схватить какое-нибудь насѣкомое. Между ящерицами есть одна, *agama Rueppellii*, которая мѣняетъ цвѣтъ, когда ее пытаются схватить; другая, *uromastix batilliferus*, укрывается въ щель скалы и выставляетъ оттуда своему преслѣдователю хвостъ, усаженный колючками. Къ фаунѣ страны принадлежитъ также очень красивый видъ цесарокъ, *acryllium vulturinum*; у него голова коршуна и въ большей части также и повадки этой хищной птицы, такъ какъ онъ питается не только зернами, но также маленькими звѣрьками и падалью [1]). Натуралисты, посѣтившіе Сомальскій край, между прочимъ, фонъ-деръ-Деккенъ и Ревуаль, нашли много новыхъ видовъ моллюсковъ и насѣкомыхъ [2]), и между послѣдними новый видъ термита, возводящій свои муравейники въ формѣ обелисковъ [3]). Въ сосѣднихъ моряхъ, рыбаки налавливаютъ много акулъ, мясо которыхъ вывозятъ въ Занзибаръ, а плавники въ Китай, гдѣ эта слизистая снѣдь считается лакомствомъ.

Сомали африканской оконечности, называвшейся тогда Пунтъ, были извѣстны древнимъ египтянамъ: въ одномъ изъ храмовъ Ѳивъ, Деиръ-эль-Бахари, путешественники Dümichen и Mariette нашли замѣчательную стѣнную живопись, изображающую уплату дани камедью, роснымъ ладаномъ и миррою, полагаемыми передъ египетской царицей жителями Пунта, которые, на картинѣ, одѣты въ костюмъ нынѣшнихъ сомалійцевъ и имѣютъ такую же наружность. Такъ какъ эти древніе обитатели Пунта уже обладали металлами, то слѣдовательно найденные во многихъ мѣстностяхъ края орудія изъ кремня принадлежатъ къ эпохѣ, предшествовавшей по крайней мѣрѣ на тридцать шесть вѣковъ [4]). Однако, большинство сомалей, не зная своего настоящаго происхожденія и въ то же время заботясь, въ качествѣ ревностныхъ мусульманъ, о томъ, чтобы въ числѣ ихъ предковъ были святые, имѣютъ претензію считать себя происходящими изъ одного семейства арабскихъ Корейшитовъ; подобно данакилямъ, они именуютъ себя близкими родственниками пророка, а въ Меккѣ показываютъ и домъ своихъ предковъ [1]). Развалины, открытыя въ Сомальскомъ краѣ,—совершенно безформенныя, такъ что невозможно опредѣлить по характеру ихъ архитектуры, въ какой цивилизаціи: египетской, ассирійской или персидской—принадлежали древніе обитатели края; однако, нашли тысячу предметовъ, которые свидѣтельствуютъ о значительной торговлѣ со всѣми тѣми приморскими областями, которыя соединяетъ періодическое движеніе муссона: эмальированныя и стеклянныя вещи, лакированныя чаши, каменныя и алебастровыя вазы, драгоцѣнныя жемчужины и самоцвѣтные камни доказываютъ, что предки сомалей были въ то время въ сношеніяхъ съ промышленными и богатыми восточными народами; внезапное разрушеніе какого-нибудь торговаго города на поморьѣ не дало бы случая раскапывателямъ отыскать въ мусорѣ развалинъ столько замѣчательныхъ остатковъ, сколько представляютъ руины городовъ, разрушенныхъ двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Сомальскаго края многочисленны также могильные курганы, относящіеся къ этимъ отдаленнымъ временамъ; они вообще представляютъ пирамидальныя нагроможденія камней, съ разсѣянными по нимъ раковинами, костями рыбъ и инструментами изъ послѣдовательныхъ періодовъ, каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго [2]) Могилы, которыя были разрываемы въ окрестностяхъ Зейлы, повидимому, галласкаго происхожденія, а по сосѣдству туземцы показываютъ кладбище «огромнаго города», который будто бы, тоже принадлежалъ галласамъ; однако, ближайшія деревни галласкаго племени находятся нынѣ въ двухстахъ километрахъ разстоянія отъ Харрарскаго края. Происходили, слѣдовательно, великія переселенія, перемѣщавшія народцы и расы; но слѣдуетъ замѣтить, что исходы и перемѣны отечества продолжаются и въ наше время, и столь дѣятельно, какъ никогда раньше.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, взятые въ цѣломъ, сомали родственны своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, данакилямъ, а также сосѣдямъ западнымъ и южнымъ, галласамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ трудно установить національность переходныхъ населеній, съ неопредѣленнымъ типомъ. Къ тому же наименованіе «сомали» не имѣетъ точнаго значенія, которое безъ колебанія могло бы быть прилагаемо ко всѣмъ обитателямъ края, простирающагося

[1]) Otto Kersten, von der Decken, упом. соч.
[2]) Hartmann, „Abyssinien und die Ostküste A rika's".
[3]) Joseph Menges, „Petermanns's Mittheillungen", 1884. Heft XI.
[4]) Revoil, „Bulletin de la Société Normande de la Géographie", 1884.

[1]) G. Révoi', „Bulletin de la Société Languedocienne", 1880.
[2]) Gouillon;—G. Révoil;--Paulitschke, и т. д.

между заливомъ Таджурахъ и рѣкою Джубою. По Гильдебранду, это этническое наименованіе означаетъ «черный», «смуглый»; однако, такое толкованіе не приложимо ко всѣмъ сомалямъ, хотя вообще у нихъ цвѣтъ кожи болѣе темный, чѣмъ у данакиловъ и галласовъ. Другіе этимологи полагаютъ, что слово *сомаль* означаетъ «маловѣръ» или же «свирѣпый»; сами сомали не берутся объяснять его смыслъ. Галласы зовутъ ихъ «тумръ». Арабы называютъ этотъ край: Баръ-эсъ-Сомаль, т. е. «жилище сомалей»; но границы этого мѣстообитанія точно не опредѣлены. На югѣ сомали быстро распространяются по землямъ сопредѣльныхъ населеній галласкаго или бантусскаго происхожденія. Еще недавно рѣка Джуба указывалась какъ южная граница территоріи сомалей, но въ послѣдніе годы они выдвинулись вплоть до р. Таны, километровъ на 450 къ югу; они даже перешли эту рѣку, какъ бы для того, чтобы подать руку другимъ завоевателямъ, грознымъ мазаямъ. Напротивъ, на противуположной оконечности своего мѣстообитанія, на берегахъ Аденскаго залива, сомалямъ пришлось податься передъ напоромъ данакилей. Такимъ образомъ, можно сказать, что колебаніе границъ области проживанія сомалей совершается въ одинаковомъ направленіи съ прибрежнымъ теченіемъ въ морѣ и съ пассатнымъ вѣтромъ, т. е. въ направленіи съ сѣвера на югъ.

Общаго для сомалей типа не существуетъ: вслѣдствіе разницы въ образѣ жизни, въ климатѣ и этническихъ скрещиваніяхъ велико также и различіе какъ между племенами, такъ и между отдѣльными людьми. Однако, вообще можно сказать, что сомали, походя на данкали, превосходятъ ихъ ростомъ (по Paulitschke, ростъ племенъ: хабръ-ауаль—1 метръ 85,3 сант.; исса—1 м. 66,5 сант.; гадибурси—1 м. 66,1 сант.), зато сомали менѣе сильны, хотя станомъ болѣе стройны, наружность имѣютъ болѣе воинственную и оттѣнкомъ кожи болѣе темны; сомали кажутся тѣмъ выше ростомъ, что, сравнительно съ тѣломъ, голова у нихъ мала. Хворые почти не встрѣчаются у сомалей, хотя старѣютъ эти туземцы быстро: человѣкъ въ двадцать лѣтъ кажется имѣющимъ сорокъ; сорока-лѣтній же походитъ на старика [1]). Между сомалями—и даже такими, у

Женщина изъ племени сомали.

[1]) Album. Paulitschke.

которыхъ лицо совершенно черное,—а таковы сомали изъ Шиллука или Уолофа,—часто можно наблюдать такихъ индивидовъ, у которыхъ черты лица столь же правильны и столь же тонки, какъ у самыхъ красивыхъ европейцевъ. Многія женщины - сомали возбуждаютъ удивленіе гармоніею чертъ лица и благородствомъ поступи, а также нѣжностью и очаровательностью своего голоса. Правда, чрезмѣрный трудъ старитъ вообще женщину ранѣе тридцатаго года, а стеатопигія, рѣдкая у молодыхъ дѣвушекъ, становится довольно общею у женщинъ послѣ первой беременности. Образцы красоты, часто встрѣчаемые между сомалями, полагали возможнымъ объяснить скрещиваніемъ ихъ съ не-африканскими народами, особенно съ семитами. Конечно, эти смѣшенія существовали, особенно въ тѣ вѣка, когда торговое движеніе совершалось весьма дѣятельно на морскомъ берегу; въ видоизмѣненіи первоначальнаго сомальскаго типа могло имѣть нѣкоторую долю и арійское вліяніе, въ лицѣ персовъ и грековъ; однако, извѣстно также, что и многіе негры Внутренней Африки тоже отличаются почти классическимъ очертаніемъ лица. Походящихъ на арабовъ сомалей—какъ физіономіей, такъ и нравами—больше всего въ приморской области. Западные сомали, особенно исса, болѣе близкіе къ галласамъ, представляютъ также большое число индивидовъ съ типомъ своихъ сосѣдей; именно они отличаются отъ другихъ сомалей болѣе широкимъ лицомъ и болѣе грубыми чертами. На югѣ же, чаще всего встрѣчается у раханунинскихъ завоевателей типъ негра, т. е. плоское лицо и выдающіяся скулы.

Языкъ сомальскій, нынѣ уже извѣстный по словарямъ, грамматикамъ и сборникамъ пословицъ, указываетъ,—также какъ физическій типъ и преданіе, — на родство этой націи съ данакилями и галласами; тѣмъ не менѣе, частыя сношенія сомалей съ арабами—установившіяся послѣ распространенія ислама во всемъ краѣ между равнинами и предгоріями, между моремъ и эѳіопскими горами—ввели въ сомальскій языкъ большое число арабскихъ терминовъ и оборотовъ, а тѣ рѣдкіе сомали, которые умѣютъ писать, пользуются буквами, употребляемыми ихъ учителями изъ Азіи. Они заимствовали отъ нихъ также многія изъ учрежденій, а принятіе корана видоизмѣнило также и ихъ нравы. Сѣверные сомали, болѣе всего приближенные къ Аравіи, строго сообразуются съ религіозными предписаніями; въ городахъ, гдѣ только есть лачуга, носящая названіе мечети, они аккуратно посѣщаютъ ее, для принесенія въ опредѣленные часы молитвъ; муэдзинъ ихъ сзываетъ, а арабскіе муллы прочитываютъ священныя молитвы. Отправляющійся въ дорогу не выйдетъ изъ дому безъ того, чтобы не взять съ собою деревянный сосудъ, предназначенный для наполненія водою въ видахъ совершенія омовеній. Взрослые люди бреютъ себѣ голову по-мусульмански, и ихъ костюмъ едва отличимъ отъ арабскаго одѣянія.

По внутри земель и въ южной части края сомали сохранили свои анимистическія суевѣрія и родъ жизни, схожій съ жизнью данакилей и беджа. Мужчины еще клянутся каменьями и благоговѣютъ передъ большими деревьями. Они носятъ передникъ и нѣчто вродѣ тоги изъ бѣлой хлопчатобумажной ткани; въ эту тогу они задрапировываются по-гречески, оставляя обыкновенно правое плечо обнаженнымъ. Въ пути они обуваютъ сандаліи. Обыкновенно они обмазываютъ свои густые волосы на головѣ тѣстомъ изъ извести и глины, которое защищаетъ ихъ отъ солнечныхъ лучей, а также освобождаетъ отъ паразитовъ; чтобы не портить своей прически, они спятъ, кладя шею на деревянныя изголовья, въ родѣ тѣхъ, какія можно видѣть въ Японіи и у большинства народцевъ Внутренней Африки. У большей части сомалей нижняя доля уха широко продыравливается на-подобіе того, какъ это дѣлаютъ народы банту, но украшенія—дерево, перламутръ, слоновую кость или металлы—они вдѣваютъ въ уши рѣдко; на шеѣ же носятъ шарики (бусы) изъ янтаря или изъ коралловъ. Нѣкоторые изъ нихъ еще татуируютъ руки, грудь или животъ, но, въ противоположность большей части южныхъ племенъ, у нихъ эти знаки не имѣютъ уже символическаго или отличительнаго значенія. Подобно племени беджа, сомали расчесываютъ свои волоса на головѣ вычеканеннымъ скребкомъ и часто употребляютъ зубочистку, сдѣланную изъ благовоннаго дерева: зубы у нихъ всегда ослѣпительной бѣлизны. Женщины, одѣтыя въ красную юбку и бѣлую тогу, перехваченную цвѣтнымъ поясомъ, обыкновенно разряжены болѣе мужчинъ; всѣ онѣ носятъ серьги, ожерелья, цѣпочки, на рукахъ кольца, браслеты и амулеты. Обычай предписываетъ совершать обрѣзаніе у мальчиковъ въ возрастѣ трехъ лѣтъ; въ шесть лѣтъ дѣвочки подвергаются болѣе жестокой операціи—вырѣзыванію и инфибуляціи. Случается иногда во время эпидеміи, особенно когда свирѣпствуетъ оспа, что больныхъ выкидываютъ въ пустыню, на съѣденіе львамъ и гіенамъ.

Смотря по обстоятельствамъ, сомали—какъ и большая часть народовъ, подвергающихся голодовкамъ,—попеременно бываютъ то большими обжорами, то образцами воздержанія. За исключеніемъ приморскихъ рыболововъ, никто изъ сомалей не дотрогивается до рыбы, равнымъ образомъ они не ѣдятъ ни домашней птицы, ни яицъ; также воздерживаются отъ мяса животныхъ, воспрещенныхъ Кораномъ; антилопъ же и газелей предоставляютъ паріямъ.

Какъ напитокъ, кофе не употребляется въ краѣ сомалей, но часто его ѣдятъ такимъ же образомъ, какъ это дѣлаютъ галласы, т. е. превративъ въ порошокъ и смѣшавъ съ коровьимъ масломъ; эту же смѣсь употребляютъ и для натиранія тѣла. Употребленіе спиртныхъ напитковъ не допускается, за исключеніемъ Огадена, гдѣ изъ молока верблюдицы приготовляютъ бродящій напитокъ. Табакъ не курятъ, но его нюхаютъ и жуютъ, смѣшавъ съ золою; наконецъ, подобно харрари, сомали собираются по вечерамъ, чтобы жевать листья растенія катъ (celastrus edulis), что позволяетъ имъ удлинять посидѣлки. Крайне любопытный, сомали втыкаетъ мечъ у входа въ свою деревню, чтобы преградить дорогу иноземцу, и пропускаетъ его только послѣ того, какъ разспроситъ о событіяхъ въ отдаленныхъ странахъ [1]).

Страну сомалей опустошаютъ непрерывныя войны. «Единственная нива, которую тамъ воздѣлываютъ—говоритъ въ восточномъ стилѣ Ревуаль—есть нива смерти». Раздѣленные на большое число мелкихъ государствъ, почти всѣ сомали пребываютъ въ борьбѣ другъ съ другомъ. Каждый подозрѣваетъ своего ближняго. Воинъ никогда не выходитъ безъ оружія: у богатаго есть ружье, купленное въ одномъ изъ приморскихъ bender'овъ; у бѣднаго же—копье и дротикъ, иногда большой обоюдоострый ножъ и палица для размозженія головы поверженному на землю врагу. Обычная поза сомальскаго воина, какъ и мазайскаго,—это стоять опершись на копье и поднявъ правую ногу, на-подобіе голенастыхъ птицъ. Убить человѣка—считается большой славой, и убійца никогда не преминетъ воткнуть себѣ въ волосы страусовое перо или надѣть себѣ на руку браслетъ изъ слоновой кости. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, друзья воздвигаютъ около могилы сомали столько камней, сколько рука умершаго поразила жертвъ [2]). Но если сомали не задумывается лишить жизни своего противника, то и самъ онъ не боится смерти: будучи раненъ, онъ страдаетъ, не жалуясь, и стоически протягиваетъ руку своему товарищу, который ее прижигаетъ либо раскаленнымъ желѣзомъ, либо держа надъ племенемъ. Впрочемъ, благодаря климату, сомали обыкновенно выживаютъ отъ такихъ ранъ, которыя были бы смертельны для европейцевъ. Но если почетно умерщвлять, то вовсе не почетно грабить, конечно, если это не явная война: никто не воруетъ въ мирное время, «такъ какъ всѣ сомали—братья», и никто, поэтому, и не запираетъ своего дома. Но противъ иностранца все позволительно, и онъ не можетъ проникнуть въ страну, пока не найдетъ себѣ, за деньги, абана, т. е. покровителя. Когда корабль разбивается около берега, то сомали присвоиваютъ себѣ право на выкидки, и хищники сбѣгаются изъ-за сотни верстъ: на полуостровѣ Гвардафуй нѣтъ ни одной хижины, въ которой не нашлось бы вещей, принадлежавшихъ европейцамъ, потерпѣвшимъ кораблекрушеніе. Graves разсказываетъ, что одному шейху, жившему вблизи мыса Гвардафуй, было поручено денно и нощно молить Аллаха о ниспосланіи кораблекрушеній христіанскимъ судамъ.

Приморскіе сомали, именно миджертины, считали бы униженіемъ для себя обрабатывать землю. Они пастухи, лодочники или купцы. Нѣкоторые изъ нихъ даже отважные моряки, и на своихъ лодкахъ, вмѣстимостью отъ 40 до 50 тоннъ, путешествуютъ до Бомбея или Занзибара [1]). Большое число—полукочевники и бродятъ, слѣдуя за своими стадами, по травянистымъ областямъ внутри края. Промышленность, главнымъ образомъ состоящая изъ производства рогожъ, почти всецѣло находится въ рукахъ женщинъ, которыя всѣ весьма работящи. Немногія изъ племенъ пользуются лошадью; вѣроятно, что это животное введено въ край всего лишь нѣсколько столѣтій: ей сохранено и ея арабское наименованіе *faras* [2]). Въ Огаденѣ, каждая деревня, говоритъ Сотиро, обладаетъ нѣсколькими дюжинами страусовъ, пасущихся отдѣльно подъ надзоромъ дѣтей и спящихъ по ночамъ въ хижинѣ; при переселеніяхъ, они шествуютъ въ караванахъ позади верблюдовъ. И, однако, имъ не даютъ плодиться въ неволѣ: подновляютъ стада одомашенныхъ страусовъ, налавливая дикихъ.

Рабство неизвѣстно у сѣверныхъ сомалей [3]); людей убиваютъ, но не продаютъ и не покупаютъ. Но въ центральныхъ и южныхъ областяхъ поступаютъ иначе: тамъ часть населенія порабощена, и съ рабами обращаются съ необыкновенной жестокостью. Почти у всѣхъ этихъ несчастныхъ на ногахъ кольца, которыя соединяются желѣзною цѣпью; кормятъ ихъ одними отбросами, и тѣмъ не менѣе они должны каждый день тащиться на поле и работать подъ томительнымъ зноемъ палящаго солнца; каждая ошибка искупается муками; не рѣдки, поэтому, случаи, когда рабы налагаютъ на себя руки, чтобы избавиться отъ своей горькой доли. Во многихъ областяхъ сомальскіе воины предаются охотѣ на человѣка, и монетная единица выражается въ плѣненныхъ: на рынкѣ такой товаръ цѣнится отъ 120 до 150 талари [4]). Часты также случаи продажи сомалями въ рабство членовъ своихъ семействъ. «Если ты не презираешь жену, ре-

[1]) R. Burton, „First footsteps in East Africa".
[2]) R. Burton, упом. соч.

[1]) Toni, „Explorazione", febbrajo.
[2]) Cruttenden;—Burton, и т. д.
[3]) Ph. Paulitscke, „Beiträge zur Ethnographie und Antropologie der Somâl, Galla und Harâr".
[4]) G. Révoil, „Tour du Monde", 2 semestre, 1885.

бенка и слугу, то они тебя будутъ презирать», гласитъ одна изъ сомальскихъ поговорокъ. По Burton'у, новобрачный, по приводѣ къ нему его жены, беретъ въ руки бичъ и начинаетъ порядкомъ ее хлестать, чтобы показать этимъ свои права господина; однако, женщины свободно ходятъ въ деревняхъ. Какъ и въ другихъ магометанскихъ краяхъ, мужъ отсылаетъ отъ себя жену, когда ему вздумается, а въ случаѣ его смерти, его жена поступаетъ въ наслѣдство оставшемуся въ живыхъ брату. Большинство такихъ разведенныхъ или покинутыхъ женъ поступаютъ на службу въ караваны для несенія козьихъ мѣховъ съ водою.

Не имѣя никакой національной связи, сомали раздѣляются и подраздѣляются на большое число клановъ, *rer* или *fakida*, которые соединяются и разъединяются, сообразно съ превратностями войнъ и союзовъ. Тѣмъ не менѣе, признаютъ существованіе трехъ главныхъ этническихъ семей или группъ племенъ: рахануины на югѣ, хауйя въ центрѣ и хашія на сѣверѣ. Рахануины—находящіеся постоянно въ войнѣ съ галласами и банту, и постепенно оттѣснившіе ихъ даже къ югу отъ Таны—менѣе всего извѣстны изъ сомалей: не знаютъ даже названій большей части клановъ этой воинственной націи. На берегахъ Уэби, гдѣ они занимаютъ южный берегъ, ихъ называютъ гобронъ; южнѣе, въ узкомъ полуостровѣ между р. Уэби и морскимъ берегомъ бенадировъ, проживаютъ туни, самые мирные изъ сомалей, носящіе палку вмѣсто копья [1]). По Paulitschke, абгалы—живущіе къ сѣверу отъ рѣки, свирѣпые враги всѣхъ и кое-гдѣ еще сопротивляющіеся исламу - также должны быть причислены къ рахануинамъ. Эти fakida почти постоянно ведутъ войну съ факидами хауйевъ.

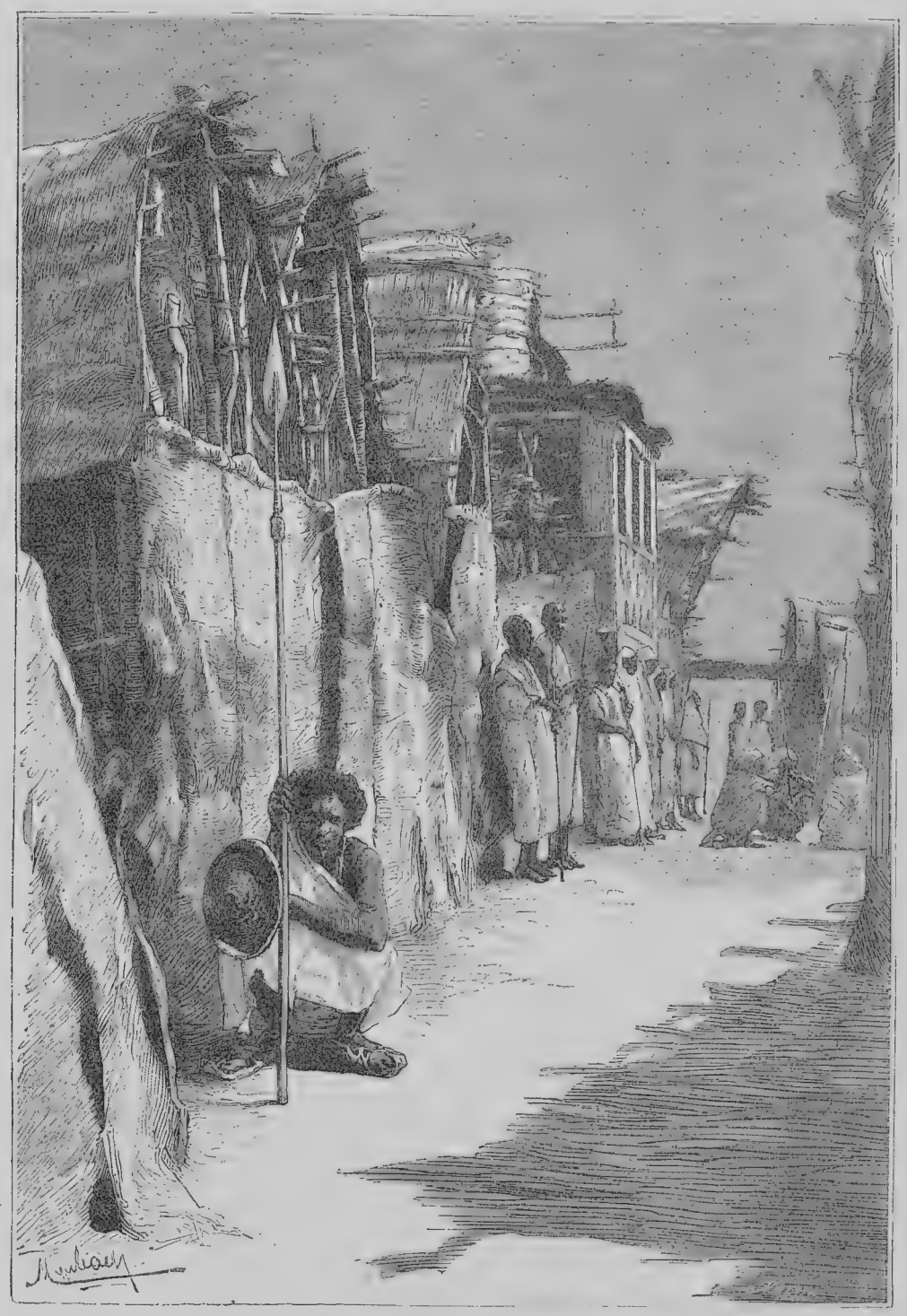
Хауйи, господствующіе въ большомъ центральномъ государствѣ страны, въ Огаденѣ, по своему могуществу—«первый народъ между сомалями». По свѣдѣніямъ Ревуаля, они менѣе воинственны, чѣмъ остальные представители расы, но фанатичнѣе и опаснѣе для иностранца; они не принадлежатъ къ одной и той же магометанской сектѣ, и ихъ обычаи приближаютъ ихъ къ вагабитамъ; по свѣдѣніямъ, собраннымъ Соттиро, они сильно смѣшались съ галласами [2]); цвѣтомъ кожи они менѣе черны, чѣмъ сомали на поморьѣ. Во внутреннихъ областяхъ, большинство ихъ осѣдлые земледѣльцы, что зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ болѣе возвышеннаго положенія края, лучшаго орошенія и бо̀льшаго плодородія въ сравненіи съ приморскою полосою; въ Огаденѣ, краѣ травянистомъ и скотоводственномъ, всѣ они—номады. Во многихъ округахъ своей области, хауйи находятся въ меньшинствѣ: они составляютъ высшую касту; большинство же жителей—презираемые плебеи, принадлежащіе къ другимъ племенамъ или даже къ покореннымъ расамъ. Такъ, адонэ, въ Южномъ Огаденѣ, вполнѣ отличаются отъ сомалей; ихъ нравы и языкъ позволяютъ помѣстить ихъ въ число народовъ банту; нарѣчіе ихъ весьма близко къ ки-суахели на поморьѣ [1]). Двѣ касты: іебиръ и томаль—гадальщики и кузнецы—считаются также инаго происхожденія, чѣмъ хауйи. Іебиры—нѣсколько чародѣи; они приготовляютъ амулеты, очаровываютъ змѣй, заговариваютъ болѣзни, могутъ и сглазить и устранить дѣйствіе дурнаго глаза, принимаютъ участіе въ церемоніяхъ и въ празднествахъ. Томали или хандады выковываютъ наконечники копій, и хотя, въ качествѣ такихъ ремесленниковъ, они безусловно необходимы для общины, тѣмъ не менѣе, будучи въ то же время напустителями порчи, они должны держаться внѣ деревень и могутъ вступать въ бракъ только въ своей средѣ. Мидганы, называемые также рами, т. е. «стрѣльцами изъ лука», еще болѣе презираются: это послѣдніе изъ послѣднихъ. Они обожаютъ деревья и змѣй, ѣдятъ всѣ виды запрещеннаго мяса, рыбу, домашнюю птицу, яйца, зайцевъ и газелей; будучи неустрашимыми охотниками, они нападаютъ на льва и слона, которыхъ и умерщвляютъ своими отравленными стрѣлами. Подобно іебирамъ, они также знахари и весьма искусные костоправы. По словамъ сомальской легенды, низшія касты произошли отъ абиссинскихъ женщинъ, оплодотворенныхъ злыми духами; происхожденіе же мидганъ еще менѣе благородно: ихъ предки были, будто-бы, рабами этихъ эѳіопскихъ женщинъ.

Сѣверные сомали или хашія, чаще называемые аджи, имѣютъ въ своихъ жилахъ болѣе всего арабской крови. Въ отношеніи къ нимъ, вышеупомянутое преданіе отчасти справедливо, и хашіи могутъ до извѣстной степени возводить свою генеалогію до корейшитскаго семейства хашимовъ, одинъ изъ членовъ котораго, воинъ, по имени Арабъ, переселился, будто-бы, въ Африку къ концу двѣнадцатаго столѣтія, т. е. спустя менѣе шестисотъ лѣтъ послѣ эгиры: его резиденція, ставшая столицею могущественной державы, находилась, по ихъ сказаніямъ, въ Зейлѣ или въ ея окрестностяхъ [2]). Эти хашійскія колѣна подраздѣляются на двѣ группы, обозначаемыя по именамъ двухъ правнуковъ Араба: Тарудъ, т. е. «изгнанники», и Ишакъ. При этомъ, къ потомству Таруда принадлежитъ племя миджертинъ, самая прославленная хашійская нація, состоящая изъ тридцати племенъ, подъ общимъ главенствомъ *boghor'a*, т. е. султана; къ потомкамъ

[1]) G. Révoil, „Voyages au cap des Aromates".
[2]) Arthur Rimbaud, „Comptes rendus des séances de la Société de Géographie", № 3, 1 fevrier, 1884.

[1]) James, „Proceedings of the R. Geographical Society", October, 1885.
[2]) Paulitschke, уп. соч.

же Ишака относятся: исса (или лучше ейсса) и гадибурси; эти сомали лучше всего извѣстны европейцамъ, какъ прибрежные жители



Улица въ Берберѣ.

залива Таджурахъ и сосѣди портовъ Зейлы и Берберы. Къ этой же группѣ присоединяютъ всѣ тѣ племена, наименованію которыхъ предшествуетъ слово *habr*, таковы: хабръ-толь, хабръ-гхаръ-хаджи, хабръ-ауаль. Слово *habr* означаетъ на сомальскомъ языкѣ «бабушка, почтенная женщина», и, повидимому, напоминаетъ о томъ прежнемъ общественномъ строѣ, когда придавали большое значеніе происхожденію по женской линіи, единственному признававшемуся у большинства африканскихъ

народовъ: такимъ образомъ, у этихъ гордыхъ сомалей, съ такимъ презрѣніемъ относящихся къ женщинѣ, сохранились слѣды матріархата [1]). Самые красивые изъ сомалей, именно, и встрѣчаются въ этихъ трехъ колѣнахъ «бабушки».

Хашіи юго-западные, гхирри, берсубъ, бертири, кажется, находятся въ союзѣ съ галласами и составляютъ даже, вмѣстѣ съ однимъ изъ племенъ этой націи, джерсо, политическую конфедерацію, *worra*, т. е. «родъ или кланъ», на языкѣ галласовъ. Въ этой области торговыя и сосѣдскія сношенія остановили истребительныя войны, которыя повсюду въ другихъ мѣстахъ ведутъ сомали съ галласами, часто называемыми ихъ врагами дурръ, т. е. «гнусными». Сами они называютъ себя орома, т. е. «люди или храбрецы», и ильмъ орма, т. е. «сыны людей». Хотя и презираемые сомалями, они, однако, превосходятъ ихъ умомъ, трудолюбіемъ мирными нравами и прямодушіемъ характера; они также гораздо многочисленнѣе, благодаря плодородію ихъ равнинъ, красноватую и легкую почву которыхъ они воздѣлываютъ съ любовью. По словамъ египетскихъ офицеровъ, недавно начальствовавшихъ въ городѣ Харрарѣ, народонаселеніе присоединенной къ имперіи хедива провинціи на верхнемъ теченіи Уэби достигало нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ; Paulitschke же, подтверждая, что «населеніе тамъ очень густое», низводитъ къ милліону тремъ стамъ тысячамъ вѣроятное число тѣхъ сѣверо-восточныхъ галласовъ, которые обитаютъ въ верховомъ бассейнѣ рѣки Уэби. Жители скучены также южнѣе, въ тѣхъ долинахъ, по которымъ протекаютъ рѣки, изливающіяся въ Джубу и въ Тану. Можно считать по крайней мѣрѣ въ три милліона число тѣхъ галласовъ, которые живутъ внѣ собственно такъ называемой Эѳіопіи, на склонѣ къ Индійскому морю. Что же касается сомалей, то вѣроятно ихъ не болѣе милліона, изъ котораго сто тысячъ приходится на миджертинъ. Сомалей прибрежныхъ, около Аденскаго залива, между Джебель-Карома и Ганъ-Либахъ, Ревуаль насчитываетъ не болѣе тридцати тысячъ.

Однако, эта самая слабая, по численности, нація всегда оказывается нападающею при непрерывныхъ пограничныхъ войнахъ. Кочевники, всегда вооруженные и всегда на-сторожѣ, сомали имѣютъ громадныя преимущества передъ осѣдлыми галласами, предающимися воздѣлыванію на своихъ поляхъ дурры (сорго). Лишь къ сѣверу отъ Харрарскихъ горъ, на границахъ пустыни, нѣкоторые кланы галласовъ, будучи кочующими пастухами, восприняли и нравы своихъ наслѣдственныхъ враговъ. Подъ напоромъ нападающихъ—которыхъ влекутъ въ особенности любовь къ хищничеству и жажда добычи—*оромо* во многихъ мѣстностяхъ были вынуждены покинуть свои плодородныя поля и свои хижины, или же сдѣлаться рабами и поставщиками побѣдоносныхъ сомалей. Извѣстно, что въ южной области они перестали защищать территорію, заключающуюся между рѣками Джуба и Тана; но въ сѣверной области они борются болѣе энергично, и рѣка Эрреръ, главная вѣтвь харрарской Уэби, не была еще перейдена ихъ противниками: патрули племени эннія постоянно бодрствуютъ на границахъ территоріи. Впрочемъ, галласы, при случаѣ, оправдываютъ свое прозвище «храбрецовъ» и часто, будучи даже въ меньшемъ числѣ, они отбивали нападенія номадовъ. Когда городъ Харраръ былъ еще во власти египетскихъ войскъ и когда эти войска пытались расширить область своего господства надъ окрестными галласскими племенами, то часто бывало, что воины-оромо, вооруженные всего лишь мечами и кинжалами, устремлялись съ своимъ боевымъ кликомъ: *кукуку, кукуку!* на полки стрѣлковъ, колебали ряды этихъ вражескихъ войскъ и иногда даже обращали ихъ въ бѣгство. Подобно эѳіопамъ и галласамъ-горцамъ, восточныя племена кастрируютъ побѣжденныхъ.

Восточные ильмъ-орма отличаются отъ своихъ эѳіопскихъ братьевъ только оттѣнками кожи и нѣкоторыми позаимствованіями отъ сосѣднихъ народовъ: данакилей, сомалей или мазаевъ. Съ физической точки зрѣнія, они имѣютъ не менѣе красивыя формы, а ихъ женщины представляютъ такое же изящество очертаній, такую же грацію и иногда такое же благородство чертъ лица. Будучи здоровою расою, еще неослабленною наслѣдственными болѣзнями, галласы долговѣчны; не рѣдкость встрѣтить между ними столѣтнихъ стариковъ. Веселые, полные увлеченія, неизмѣннаго благорасположенія, никогда не предающіеся гнѣву, по крайней мѣрѣ въ присутствіи иностранцевъ, благожелательные, склонные къ состраданію, они выгодно отличаются отъ своихъ сосѣдей, сомалей, между которыми встрѣчаешь столько людей жестокихъ и вѣроломныхъ. Они чистоплотны, по крайней мѣрѣ на свой ладъ, такъ какъ заботятся о своемъ тѣлѣ вмѣсто того, чтобы его мыть; они тщательно очищаютъ свои хижины и поддерживаютъ плодородіе своихъ полей соблюденіемъ сѣвооборотовъ, а также удобряя почву и вводя улучшенія. Несомнѣнно, что галласы, хотя и не обнаруживаютъ еще никакой національной связи, тѣмъ не менѣе представляютъ одну изъ тѣхъ африканскихъ націй, которыя имѣютъ передъ собою великую будущность прогресса и сотрудничества въ общемъ дѣлѣ человѣчества.

Находясь подъ владычествомъ египтянъ, галласы въ окрестностяхъ Харрара были вынуждены принять иностранныхъ чиновниковъ,

[1]) Leon Metchnikow, рукоп. замѣтки

преслѣдовавшихъ лишь одну цѣль: собраніе налога. Нынѣ эти же самые галласы и большая часть тѣхъ, которые живутъ къ востоку отъ эѳіопскихъ горъ, подчинены власти Менелика; но, повсюду, гдѣ племена сохранили свою первоначальную независимость, они образовали республики. Управленіе общиною сосредоточено въ рукахъ совѣта именитыхъ людей, предсѣдатель котораго, называющійся *моти*, облеченъ исполнительною властью: его министры, избираемые на восемь лѣтъ, суть: казначей, первосвященникъ и *боку*, т. е. предсѣдатель въ собраніи гражданъ. Боку руководитъ совѣщаніями, держа въ рукѣ деревянный скипетръ, и не можетъ заключить преній раньше, чѣмъ будетъ достигнуто полное единогласіе: всѣ имѣютъ право veto, какъ въ польскомъ сеймѣ; поэтому совѣщанія часто продолжаются по нѣсколько засѣданій. Зато, послѣ принятія окончательнаго рѣшенія, постановленіе собранія становится уже священнымъ; совершаются возванія къ предкамъ, и въ честь ихъ приносится въ жертву быкъ безъ пятнышка; боку обмакиваетъ свой скипертъ въ крови быка, а жрецы, обернувъ руки и шею въ его кишки, проходятъ по краю, возвѣщая всѣмъ жителямъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ національнымъ собраніемъ. Спеціальные чиновники обязаны наблюдать за путями каравановъ и узнавать новости, и отъ этихъ агентовъ не ускользаетъ ни одно изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя интересуютъ членовъ ихъ племени. Подобно эвксенамъ грековъ, они также должны быть представителями своихъ согражданъ передъ гостями, вводитъ ихъ въ деревни и подноситъ имъ чашу съ молокомъ, символизующую гостепріимство; одинъ изъ стариковъ, подъ видомъ благословенія, долженъ— слѣдуя въ этомъ случаѣ обычаю мазаевъ— три раза плюнуть на одежду путешественника [1]).

Будучи отчасти присоединены къ королевству Шоа, восточные галласы болѣе отличаются отъ горныхъ ильмъ-орма религіей, чѣмъ политическими условіями. Большинство западныхъ галласовъ—еще язычники, почитающіе деревья, горы и рѣки; однако, многочисленныя племена присоединились также къ христіанской церкви Абиссиніи. Магометане составляютъ меньшинство между этими горскими населеніями. Въ области предгорій и равнинъ— наоборотъ: основанныя въ Харрарѣ и по сосѣдству съ нимъ католическія миссіи пріобрѣли лишь немного прозелитовъ, между тѣмъ какъ магометанскіе миссіонеры проникли вглубь южныхъ странъ, далеко за предѣлы р. Уэби, и присоединили къ исламу почти всѣ населенія племени оромо. Подъ вліяніемъ новаго культа и обычаи измѣнились: молодые мусульманскіе галласы не татуируютъ уже болѣе лица, рукъ и живота; они бреютъ голову, вмѣсто того, чтобы заплетать волосы и смазывать ихъ глиною и коровьимъ масломъ; обрѣзаніе, не совершавшееся у галласовъ-язычниковъ этихъ странъ, отнынѣ обязательно выполняется надъ всѣми мальчиками въ возрастѣ между 10-ю и 15-ю годами; смѣнились на мусульманскія также и тѣ прекрасныя имена, которыя родители давали своимъ дѣтямъ, напр. «Радость», «Надежда», «Доброе утро» и т. п. Въ противоположность жителямъ Эѳіопіи, галласы не ѣдятъ сыраго мяса. Брачныя церемоніи совершаются по арабскому обычаю, и молодые люди уже не отправляются тріумфально увозить своихъ невѣстъ. Однако, нѣкоторые обычаи горныхъ ильмъ-орма сохранились еще и въ равнинѣ. Не смотря на полигамію, случается, говоритъ Paulitschke, что, вслѣдствіе численнаго перевѣса женщинъ, большое число дѣвушекъ остаются безъ мужа. Въ этомъ случаѣ дѣвушка имѣетъ право сама выбрать себѣ мужчину и оставаться при немъ въ качествѣ жены до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается матерью. Также въ обычаѣ, что семейства, не имѣющія потомства, усыновляютъ мальчика. Когда старѣйшины деревни согласятся на такое усыновленіе, то избранный ребенокъ уводится въ лѣсъ, гдѣ новые родители какъ бы и находятъ его; затѣмъ убиваютъ быка, кровью и жиромъ котораго вымазываютъ тѣло новаго сына: у мальчика появляются новые отецъ и мать, и съ этого времени онъ уже перестаетъ знать свою прежнюю семью [1]). Повидимому, у восточныхъ галласовъ нѣтъ презираемыхъ кастъ, какъ у ихъ сосѣдей, сомалей. У галласовъ нѣтъ также и рабовъ, но негроторговцы могутъ проходить чрезъ ихъ страну, не будучи обязаны освобождать своихъ плѣнныхъ.

Главныя галласскія племена въ верховьяхъ рѣки Уэби суть: полэ, живущіе въ верхнихъ долинахъ Харрарскаго края; джарсо, т. е. «старые», которые соединились въ особое государство съ своими сомальскими сосѣдями: барсубами, итту и ала; эти послѣдніе, по египетскимъ переписямъ, имѣютъ не менѣе 2.182 деревень. Южнѣе находятся: эннія, затѣмъ джидда и орусси или арусси, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ арусса, обитающими въ верхнемъ бассейнѣ Джубы и составляющими, какъ говорятъ, «націю-мать» восточныхъ галласовъ. Крапфъ разсказываетъ, что эти туземцы сражаются нагими, «для устрашенія враговъ», или, скорѣе, выполняя преданіе своихъ предковъ. Панигалы, на половину помусульманенные, почитаютъ могилу апостола, который принесъ имъ Коранъ и перевелъ его на ихъ

[1]) Paulitschke, упом. соч.

[1]) P. Paulitschke, упом. соч.

языкъ [1]). Борани или вуорана, встрѣчаемые къ югу вплоть до самаго сосѣдства съ горою Кенія, представляютъ также весьма значительную галласскую націю, достигающую, по Бреннеру, ста пятидесяти человѣкъ и находящуюся въ борьбѣ съ сомалями и мазаями; борани — неутомимые ѣздоки верхомъ. Будучи религіозными, борани почитаютъ верховное существо, которому приносятъ—передъ черными камнями или же у подножія высокихъ деревьевъ, уединенно стоящихъ на равнинѣ,—черныхъ же животныхъ, козъ или быковъ. Они не татуируются, но грудь ихъ покрыта рубцами отъ тѣхъ порѣзовъ, которые они себѣ наносятъ во время воинскихъ танцевъ. Мертвыхъ они погребаютъ въ сидячемъ положеніи, придавая имъ видъ человѣка размышляющаго, такъ какъ, говорятъ они, «человѣкъ не умираетъ, а только погружается въ грезы» [1]). Говорятъ, что борани раздѣляются на двѣ главныя группы: я и юль; но въ этихъ областяхъ, заключающихся между берегомъ Сомали и невѣдомыми странами Южной Эѳіопіи, большая часть племенъ еще неизвѣстны.

Слѣдующая таблица содержитъ наименованія и приблизительную численность главныхъ націй въ странѣ сомалей и западныхъ галласовъ:

Націи.			Численность.
Сомали.			
Раханупны		Калабда.	
		Тупи, Элан, Бараua	20 т. (Бреннеръ).
		Джиду	25 » (онъ же).
		Уаданъ.	
		Адгалъ.	
Хауйя		Гургатэ.	
		Хабаръ Гадеръ.	
		Карапдэ.	
Хашійя	Сыны Таруда	Миджертины	104 т. (Graves).
		Уаръ-Сенжели.	
		Долбохантъ.	
		Огаденъ.	
		Мареханъ.	
		Юзуфъ.	
		Тенадэ.	
	Сыны Ишака	Хабръ Гахръ-Хаджи.	
		Хабръ-Дуаль	50 т. (Graves).
		Хабръ-Толь.	
		Хабръ-Толь-Джаллехъ.	
		Хабръ-Юнисъ.	
		Исса (Ейса)	70 т. (Graves).
		Гадибурси	25 т. (онъ же).
		Гхири.	
		Бертири	12 т. (Burton).
		Бабилли.	
		Берсубъ	20 т. (онъ же).
Галласы.			
Джарсо, полэ, ала, эннія, арусси, арусса, борани.			

Южная оконечность Сомальскаго берега представляетъ ту область, въ которой совершили свои первыя попытки къ присоединенію германскіе негоціанты, нынѣ сдѣлавшіеся концессіонерами всего побережья до Джебель-Карома, а вмѣстѣ съ этимъ и «протекторами» населяющихъ побережье жителей; это также одна изъ тѣхъ африканскихъ областей, которые обѣщаютъ широко открыться для торговли, такъ какъ долина р. Таны, впадающей въ предѣлахъ этой области въ море, представляетъ естественную дорогу къ бассейну Верхняго Нила. Въ 1885 году, братья Денхардтъ—за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ уже объѣхавшіе страну,—побудили султана Виту, Ахмеда, прозваннаго Симба, т. е. «Левъ», уступить имъ территорію, пространствомъ около 1.200 кв. километр., ограничиваемую на югѣ р. Ози, и поставили подъ сюзеренитетъ Германіи весь данный край. Тщетно занзибарскій султанъ протестовалъ во имя давнихъ своихъ правъ и даже подготовлялъ военную экспедицію: подъ угрозою германскихъ пушекъ онъ былъ вынужденъ признать совершившійся фактъ. Населеніе земли Виту и сосѣдняго архипелага—одно изъ самыхъ смѣшанныхъ въ Восточной Африкѣ. Сюда переселялись толпами галласы и южные банту, тѣ ау-дуэ, которые недавно считались людоѣдами; равнымъ

[1]) Ravenstein, „Proceedings of the R. Geographical Society", мая, 1884.

[1]) Krapf, упом. соч

образомъ, со всѣхъ концовъ поморья тысячами сбѣгались сюда невольники, увѣренные въ томъ, что найдутъ здѣсь для себя пріютъ и земли. Наконецъ, чтобы доставить вновь прибывшимъ также и женщинъ, «Левъ» привлекъ въ свое королевство бантусовъ различныхъ племенъ уа-покомо и уа-бони. Португальскій элементъ также представленъ въ Виту нѣсколькими семействами смѣшанной крови [1]).

Многочисленныя развалины, видимыя на морскомъ берегу, вблизи устьевъ Таны, свидѣтельствуютъ о важномъ торговомъ значеніи, которое нѣкогда имѣла эта страна. Около двухъ маленькихъ городковъ Шагга и Кипини, покинутыя, осаждаемыя песками, древкія постройки походятъ на разрушенныя зданія Мелинды; онѣ относятся, по мнѣнію Денхардта, къ XV или XVI столѣтіямъ. Новый городъ Кипини, основанный въ 1868 году, развивается быстро, благодаря торговлѣ: спустя десять лѣтъ послѣ своего основанія, онъ имѣлъ уже двѣ тысячи жителей, и занзибарскій султанъ прислалъ туда вали и учредилъ тамъ таможню. Кверху по рѣкѣ, другой маленькій городокъ, Кау, расположенный тоже на лѣвомъ берегу рѣки Ози, населенъ суахелійскими купцами, которыхъ очень боятся за лукавство, и которые желѣзною рукою управляютъ несчастными земледѣльцами изъ племени покомо, обработывающими область дельты. Городъ Виту, резиденція отдавшагося подъ покровительство Германіи «Льва», находится не на берегу моря: хижины его группируются на берегахъ небольшой рѣки, впадающей въ Ози передъ Кау. Портомъ на Индійскомъ морѣ для Виту служитъ Ламу, представляющій открытый узкій каналъ-проливъ между двумя островами, Лама и Манда; надъ этимъ портомъ командуетъ большой фортъ, на которомъ нѣкогда развивалось знамя занзибарскаго султана. Ламу—по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, населенный пятнадцатью тысячами жителей,—представляетъ пристань для паровыхъ пакетботовъ, ходящихъ вдоль восточнаго берега Африки; дюны грозятъ поглотить часть города. Рейды другихъ превосходныхъ портовъ, каковы Манда и Патта, развѣтвляются подъ защитою острововъ приморскаго архипелага: развалины, окаймляющія эти внутреннія гавани, напоминаютъ о давнихъ временахъ прибытія португальцевъ: происходя отъ арабскихъ крѣпостей и персидскихъ и индусскихъ построекъ, эти развалины внушаютъ страхъ сомалямъ, галласамъ и суахели, считающимъ ихъ мѣстопребываніемъ злыхъ духовъ. Особенно Патта нѣкогда была очень многолюдна. Нигдѣ лучше нельзя наблюдать, какъ къ сѣверу отъ этого острова и залива, Мто-Бубаши, явленіе двойственности морскаго побережья, т. е. существованія на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега материка еще ряда коралловыхъ рифовъ. Въ этихъ водахъ каждый проливъ даетъ доступъ къ прекрасному природному порту.

Кизмайу или Кизимайу представляетъ, въ области сомалей, послѣднюю въ направленіи къ мысу Гвардафуй, якорную стоянку, которая заслуживала бы названіе порта; но такъ какъ въ этихъ морскихъ пространствахъ движеніе торговыхъ судовъ еще незначительно, то пока Кизмайу служитъ только портомъ-убѣжищемъ, гдѣ укрываются суда въ непогоду. Однако, Кизмайу — естественный исходный пунктъ обширнаго бассейна рѣки Джубы, изливающейся въ море въ двадцати километрахъ къ сѣверо-востоку. До 1869 г. этого города не существовало; только въ этомъ году сомальскіе переселенцы — прибывшіе съ верховьевъ рѣки, особенно изъ окрестностей Бардеры, иначе Баль-Тира, главнаго рынка внутри страны—поселились въ этой благопріятной приморской мѣстности и основали тамъ заведеніе для непосредственной торговли съ Занзибаромъ; впослѣдствіи миджертины, самые дѣятельные изъ приморскихъ торговцевъ, увеличили собою населеніе въ Кизмайу, которое въ 1873 г. достигло 8.600 жителей [1]); арабскіе торговцы и небольшой гарнизонъ изъ белутши являлись въ этомъ городѣ представителями сюзеренства занзибарскаго султана. Въ 1870 году, одинъ торговый домъ Марсели поднялъ-было въ Кизмайу французское знамя, но, послѣ Седанской битвы, султанъ поспѣшилъ возстановить свою власть. Бардера населена мусульманами, хотя не вахабитами, но по крайней мѣрѣ столь же ревностными, какъ и эти сектанты: они не курятъ и не нюхаютъ табаку и насильно обращаютъ окрестныхъ сомалей въ исламъ. Послѣдствіемъ этого являются возстанія, убійства и переселенія племенъ [2]). Въ 1843 г., Бардера была совершенно разрушена: мужчины были перебиты, а женщины и дѣти были проданы въ рабство. Однако, нѣкоторымъ бѣглецамъ удалось прорвать цѣпь осаждающихъ, и они основали, въ землѣ Ганане, на лѣвомъ берегу Уэби, городъ, ставшій мѣстомъ значительной торговли. Такимъ образомъ Бардера возродилась изъ пепла. Тамъ, въ 1865 году, были убиты два путешественника: фонъ-деръ-Декенъ и Линкъ. Судно, на которомъ плыли эти изслѣдователи, сомали вытащили изъ пороговъ и обратили въ паромъ, на которомъ и переправлялись съ одного берега на другой.

[1]) R. Brenner, „Petermann's Mittheilungen", 1868, Heft X.

[1]) Richard Brenner, „Petermann's Mittheilungen", 1884, тетр. I.

[2]) Krapf, „Petermanns's Mittheilungen", 1886, тетр. II;—R. Brenner, тотъ же сборникъ, тетр. VIII.

Къ востоку отъ бѣгущаго параллельно океану потока Низовой Уэби, берегъ материка описываетъ вогнутую кривую, которой арабы дали названіе эль-Бенадеръ, т. е. «порты», хотя расположенныя на берегу деревни представляютъ лишь внѣшніе, часто опасные рейды. По имени же берега, т. е. банадерами или бенадерами, часто называются также и прибрежные жители племенъ: бималь, тунн, абгалъ и уаданъ. Первый изъ этихъ рейдовъ, Брава или Барэуа, гдѣ небольшія ладьи находятъ нѣкоторое укрытіе позади цѣпи скалъ, имѣетъ то преимущество, что обладаетъ, по крайней мѣрѣ, въ изобиліи водою: тамъ поднимающіеся къ мысу Гвардафуй корабли находятъ для себя эгваду, т. е. мѣсто запасенія прѣсною водою. Браву можно считать пристанью Низовой Уэби, такъ какъ эта рѣка, раньше, чѣмъ потеряться въ болотахъ и въ пескахъ, протекаетъ по сосѣдству съ городомъ, всего лишь въ 12-ти километрахъ, по ту сторону горной цѣпи, возвышающейся на 120 — 130 метровъ въ видѣ бастіоновъ и башенъ, словно городская стѣна. Въ Бравѣ, посреди сомалей поселились также нѣсколько арабскихъ и суахелійскихъ семействъ. Хотя магометане, жители Бравы, представляющіе помѣсь сомалей съ галласами,—не особенно фанатичны; ихъ женщины ходятъ съ открытымъ лицомъ, а волосы зачесываютъ со лба на затылокъ и затѣмъ распускаютъ по спинѣ.

Мерка, на скалистомъ мысѣ, есть бандаръ или «портъ», всего лучше оправдывающій наименованіе этой части берега. Въ его хорошо защищенную отъ сѣверо-восточныхъ пассатовъ бухту приходятъ арабскія ладьи за кожами, слоновой костью и копаломъ; полуразрушенная, нѣсколько наклоненная башня напоминаетъ о португальской оккупаціи въ XVI столѣтіи [1]). Къ сѣверу отъ Мерки слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько городовъ въ развалинахъ, затѣмъ на берегу стоитъ большой четыреугольный фортъ, господствующій надъ домами съ террасами города Магдошу [2]). Это тотъ прославленный городъ, которому Ибнъ-Батута приписывалъ огромные размѣры, и имя котораго, возвеличенное молвою, въ концѣ концовъ, было присвоено и острову Мадагаскару. Марко Поло, разсказывая о чудесахъ міра, описалъ въ видѣ острова и берегъ «Zanquebar»; то же самое онъ сдѣлалъ и съ Магдошу или Madeigascar'омъ [3]), который, дѣйствительно, въ видѣ острова изображенъ на атласѣ Мартина Бехайма: по словамъ Грандидье, это именно и есть та земля, относительно которой португальцы полагали, будто бы она была открыта ими послѣ того, какъ они обогнули Мысъ Доброй Надежды и прибыли въ великую страну, обитаемую мальгашами. Въ наши дни Магдошу уже въ упадкѣ: развалины, засыпаемыя пескомъ и кое-гдѣ подтачиваемыя волнами, покрываютъ обширныя пространства; нѣсколько мечетей, окруженныхъ лачугами, напоминаютъ о славномъ зодчествѣ древняго города; на одномъ изъ этихъ зданій означенъ 636 годъ геждры, соотвѣтствующій 1238 году послѣ Р. Х.

Магдошу дѣлится на два квартала: Хамаргуннъ и Шингани. Хамаргуннъ, почти покинутый, постепенно превращается въ развалины, такъ что большинство жителей, въ числѣ около пяти тысячъ, сгруппировано въ Шингани; въ промежуткѣ между обоими кварталами возвышается правительственный дворецъ. Въ городѣ живутъ нѣсколько арабскихъ семействъ, между которыми есть *шеурфа*, т. е. «потомки пророка», затѣмъ немного индусовъ, и одна или двѣ тысячи сомалей; двѣ же трети населенія составляютъ абеши, происходящіе отъ освобожденныхъ рабовъ, и на которыхъ лежитъ почти вся работа. Главная промышленность Магдошу—производство хлопчатобумажныхъ тканей: до переполненія африканскихъ рынковъ мануфактурными продуктами Европы и Америки магодушскія ткани вывозились далеко вглубь материка, также въ Аравію и даже на берега Персіи; нынѣ число покупщиковъ ихъ значительно уменьшилось. Другіе промышленные продукты страны, обувь и цыновки, также находятъ лишь незначительный сбытъ. Будущее Магдошу зависитъ отъ торговаго обмѣна, который разовьется между заграницею и бассейномъ Уэби вплоть до края галласовъ, въ Харрарѣ и въ Эѳіопіи. Всего только около сорока километровъ отдѣляютъ Магдошу отъ его рѣчнаго порта, Гелиди, города съ коническими рѣшетчатыми хижинами, въ которомъ умеръ отравленнымъ, въ 1869 году, изслѣдователь Кинцельбахъ. Арабскіе авторы среднихъ вѣковъ говорятъ о рѣкѣ, текущей къ западу отъ Магдошу, какъ о второмъ Нилѣ, подобномъ египетскому; нынѣ же въ Гелиди, ширина Уэби не превышаетъ тридцати метровъ, и сомали переплываютъ рѣку на небольшихъ паромахъ, двигающихся при помощи веревокъ изъ ліанъ [1]).

Деревня Уаршекъ (Уарширъ), гавань которой непригодна для судовъ во время сильнаго вѣтра, представляетъ послѣдній, въ сѣверномъ направленіи, прибрежный пунктъ, относительно котораго занзибарскій султанъ могъ бы требовать возстановленія своихъ правъ. Далѣе простирается область недавно независимыхъ сомальскихъ племенъ, а нынѣ присвои-

[1]) George Révoil, „Voyages au cap des Aromates".

[2]) Могдушу, Макдишу, Мадиша, Могадишо. На португальскихъ картахъ онъ названъ Магадоско.

[3]) Jule. „The Book of ser Marko Polo".

[1]) G. Révoil, „Proceedings of the Geographical Society, 1883.

ваемыхъ Германіею въ силу трактата, заключеннаго съ султаномъ Опіи, мнимымъ «начальникомъ всѣхъ сомалей». Это становище Опія—которое вдругъ преобразилось въ столицу, но къ которому никогда не направится эмиграціонный потокъ, такъ какъ въ окрестностяхъ нѣтъ воды, а въ сосѣднемъ морѣ нѣтъ пристанища, — расположено на высокомъ мысѣ, между территоріями гауйевъ и меджертиновъ. Изъ этихъ племенъ, меджертины—самые могущественные изъ націи хашія,—населяютъ всю сѣверную часть морскаго берега вплоть до Аденскаго залива; въ наибольшемъ числѣ они собираются на Расъ эль-Хайлѣ, т. е. «лошадиномъ мысѣ» близъ вырѣзки побережья, въ которую, въ сезонъ дождей, изливаются воды уади Ногаль: по Graves'у, на рынкѣ Расъ эль-Хайля иногда собирается до двѣнадцати тысячъ сомалей; на-половину арабскимъ, на половину португальскимъ наименованіемъ Бендеръ-Агоа—обозначается то мѣсто, къ корому пристаютъ гребныя суда. Въ 1881 г., во время путешествія Ревуаля, султанъ меджертинской націи пребывалъ въ Бергелѣ (Berghel), поселкѣ изъ сорока хижинъ, надъ которыми господствуютъ на сѣверѣ песчаные склоны и высокіе контрфорсы Джебель-Каромы, оканчивающіеся мысомъ Гвардафуй. Въ окрестностяхъ этой убогой столицы виднѣются древнія могилы и остатки становища.

Окаймляющая Аденскій заливъ часть Сомальскаго берега изрѣзана большимъ числомъ второстепенныхъ заливовъ, которымъ даютъ наименованіе: Бари или Махаръ, если это восточные порты, и Дальбедъ или Дабиръ, когда дѣло идетъ о гаваняхъ западныхъ. Нѣсколько пристаней слѣдуютъ одна за другой на этомъ берегу, находящемся насупротивъ Аравіи; торговыя сношенія на этой части поморья гораздо легче, чѣмъ на той, которая обращена къ открытому морю, а близость травянистыхъ горъ, съ ихъ стадами и древесными рощами, доставляютъ прибрежнымъ жителямъ болѣе продуктовъ. На самомъ сѣверномъ пунктѣ поморья, между двумя песчаными стрѣлками, находится бендеръ Аллула (Халулехъ, Лулехъ), надъ которымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ развѣвалось египетское знамя. Затѣмъ, по направленію къ юго-западу, возвышается мысъ Расъ-Филукъ, т. е. «мысъ Слона», испещренные утесы котораго, видимые съ запада, въ самомъ дѣлѣ походятъ на голову этого громаднаго толстокожаго [1]). Протокъ, схожій съ протокомъ Аллула, пересѣкаетъ на югѣ песчаный пляжъ мыса и образуетъ небольшой портъ, бендеръ Филукъ (Фелекъ), за которымъ слѣдуетъ бендеръ Мерайя, принадлежащій еще меджертинамъ и часто избираемый ихъ султанами для резиденціи. Чрезъ эту пристань вывозится большое количество мирры и ладана, собираемыхъ женщинами. Въ первые дни марта дѣлаютъ надрѣзки на всѣхъ деревьяхъ, а спустя три мѣсяца смолы оказываются уже годными для снятія.

Бендеръ Хоръ или Боттіала отличается отъ остальныхъ своимъ положеніемъ на лиманѣ: морской приливъ распространяется здѣсь километровъ на десять внутрь земель, въ ущелье между горами, чрезъ которое протекаетъ рѣчка Такуина; слѣдуя по ней, арабскія суда подплываютъ къ домамъ Боттіалы, пріютившимся у подножія глинобитныхъ башенъ, имѣющихъ форму усѣченныхъ пирамидъ. Новый городъ, Гандала, надъ которымъ также господствуютъ оборонительныя башни, живописной наружности, виднѣется, къ сѣверо-востоку отъ Боттіалы, на пляжѣ, недавно выступившемъ изъ-подъ воды; въ сосѣднихъ съ нимъ откосахъ горъ, находятся залежи каменной соли. Гандала заимствовалъ свое имя отъ дерева ганда, произрастающаго въ окрестныхъ лагунахъ; сомали остерегаются къ нему прикасаться: «стоитъ сломать вѣтку, чтобы потерять кого-нибудь изъ своихъ родныхъ» [1]).

Далѣе показывается, защищенный четырьмя фортами, Боссасса или бендеръ Гхаземъ, главный рынокъ всего меджертинскаго побережья: племена уаръ-сангели и долбоханты длинными караванами приходятъ сюда изнутри страны, для обмѣна своихъ продуктовъ на европейскіе товары. Съ этимъ бендеромъ Гхаземъ соперничаетъ расположенное въ сотнѣ километровъ къ западу, по ту сторону мыса Расъ Хадада, мѣстечко Ласъ-Горэ, служащее портомъ для націи уаръ-сангели, обитающей къ югу отъ горъ Альмедо; султанъ пребываетъ въ приморскомъ городѣ, защищенномъ двумя глинобитными башнями.

Еще западнѣе находится портъ племени Хабръ-гхаръ-хаджи, Майетъ (Мехетъ), въ которомъ, какъ гласитъ преданіе, умеръ шейхъ Ишакъ, предокъ всѣхъ племенъ хабръ или «бабушки», которыя принадлежатъ къ большому роду хашія. Нѣкогда престарѣлые сомали собирались отовсюду изъ окрестностей къ священной могилѣ Ишака для того, чтобы быть погребенными рядомъ съ костями этого святаго. Городъ группировалъ всѣ свои хижины около этой могилы; нынѣ онъ перемѣстился къ западу, къ устью одного потока. Островокъ, виднѣющійся къ сѣверо-востоку отъ Майета и по причинѣ чернаго цвѣта его лавъ прозванный англійскими моряками *Burnt-island*, т. е. «горѣлый островъ», покрытъ гуано: это Джебель-Тіуръ, т. е. «гора птицъ». Арабы

[1]) „Esploratore", anno terzo, 1879.

[1]) G. Révoil, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", mars 1884.

*

изъ порта Макаллы, въ Хадрамаутѣ, являются на островокъ ежегодно и нагружаютъ лодокъ сорокъ этимъ тукомъ для удобренія своихъ табачныхъ плантацій.

Къ западу отъ Майета, слѣдуютъ одна за другой пристани: Хейсъ, Анкоръ, Керемъ, принадлежащія націи хабръ-толь; затѣмъ показывается расположенный въ глубокой вырѣзкѣ побережья, портъ Бербера, единственная на всемъ этомъ берегу хорошо защищенная гавань, а, слѣдовательно, и торговое мѣсто, существовавшее въ самой отдаленной древности: въ названіи города сохранилось данное южному берегу залива древнее греческое наименованіе Barbaria. И однако, несмотря на свои выгоды въ мореходномъ отношеніи, эта привилегированная мѣстность обратилась-было въ пустыню: въ 1870 году война между сомалями, гадибурси и долбохантами заставила всѣхъ жителей Берберы покинуть городъ [1]). Подъ владычествомъ Великобританіи, завладѣвшей краемъ въ качествѣ наслѣдницы Египта, Бербера стала значительнымъ торговымъ городомъ: такъ, она имѣетъ маякъ, пристани, склады и водопроводъ, изобильная вода въ которомъ, горячая въ своемъ родникѣ, проводится изъ-за 12 километровъ. Къ сѣверо-западу отъ Берберы, на низменныхъ земляхъ полуострова Тамаръ видны развалины города Бендеръ-Аббаса, предшествовавшаго Берберѣ. Бербера—будучи расположена на 265 километровъ къ югу отъ Адена и находясь почти на одной и той же съ нимъ долготѣ—раздѣляетъ съ другимъ, принадлежащимъ Англіи портомъ, съ Зейлою, мѣновую торговлю въ западной части залива. Въ 76 километрахъ къ западу, на морскомъ пляжѣ Булхаръ, находится ярмарочное поле, на которомъ берберскіе купцы встрѣчаются съ караванами, идущими изъ Харрара и изъ всѣхъ сомальскихъ и галласскихъ краевъ, съ юга и съ запада. На этомъ рынкѣ, съ января по октябрь, иногда толпятся тысячъ пятнадцать людей; затѣмъ, когда мѣна продуктами окончится, палатки складываются, вереницы верблюдовъ расходятся по всѣмъ направленіямъ, на ладьяхъ поднимаются паруса, и песчаный берегъ становится пустыннымъ. Торговые обороты Берберы и Булхара въ 1885 году достигали $6^1/_2$ милліоновъ франковъ. Сомали предпочитаютъ Булхарскій рынокъ главному городу, вслѣдствіе того, что находятъ въ его окрестностяхъ пастбища для своихъ стадъ, между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ Берберы лишь кое-гдѣ виднѣется стелющійся кустарникъ; зато порта въ Булхарѣ не существуетъ, и на рокочущемъ и пѣнящемся берегу виднѣются остовы отъ многихъ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе. Изслѣдователи, отваживающіеся вступить на плоскогорія, встрѣчаютъ тамъ могилы и большія развалины.

Дорога, направляющаяся на юго-западъ, къ городу Харрару, начинается въ Булхарѣ, но инженеры проектировали установить въ Самауанакѣ или въ Дунгаротѣ начальный пунктъ того желѣзнаго пути, который, рано или поздно, направится, чрезъ территорію племени гадибурси, къ большому городу Верховой Уэби, къ восточному аванпосту королевства Шоа: поэтому-то Франція и Англія недавно и оспаривали другъ у друга обладаніе этимъ будущимъ портомъ на материкѣ. Обладаніе имъ въ концѣ концовъ осталось за англичанами, но взамѣнъ этого признано полное господство Франціи надъ другими воротами Африки—надъ заливомъ Таджурахъ (Таджура).

Такъ завершается, на окружности материка, цѣпь завоеваній, посредствомъ которыхъ европейскія державы постепенно присоединяютъ къ своимъ владѣніямъ громадныя страны, населенныя чернокожими. Съ каждымъ годомъ кругъ этихъ пріобрѣтеній все болѣе и болѣе съуживается, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются свѣдѣнія какъ о земляхъ, такъ и о народахъ материка. Осталось лишь небольшое число африканскихъ областей, въ которыя не осмѣливаются вступать бѣлые, предшествуемые дурной славой благодаря той молвѣ, которую создалъ имъ торгъ неграми. Въ качествѣ мирныхъ путешественниковъ, они проникаютъ нынѣ вплоть до центра Африки, и научные развѣдчики достигли истоковъ Нила, Заиры и Замбези. Европеецъ уже отрѣшился отъ жестокаго предразсудка, будто рабство составляетъ нормальное состояніе для негра; онъ удостоиваетъ видѣть въ немъ человѣка, а взамѣнъ этого негръ приближается къ намъ и становится нашимъ другомъ. Хотя порою и любятъ повторять, будто африканцы обречены на вѣчное дѣтство, тѣмъ не менѣе факты свидѣтельствуютъ о преуспѣяніи, совершившемся на протяженіи полустолѣтія и, можетъ-быть, сравнительно, превзошедшемъ успѣхи, которыхъ европейцы достигли въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ; иной недавно предававшійся людоѣдству народъ, какъ, напр., ба-суто, превосходитъ нынѣ и по матеріальной цивилизаціи, и по образованію многихъ изъ отсталыхъ европейскаго міра. Бѣлые и черные, нѣкогда различныя и враждебныя другъ другу расы, начинаютъ понимать, что они принадлежатъ къ одному и тому же человѣческому роду.

---

[1]) „Petermann's Mittheilungen", 1873.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ двѣнадцатый.

Западная Африка: Атлантическіе Архипелаги.—Сенегамбія и Западный Суданъ.

А.

Абананконъ, государство, 469.
Абеокута, республика, 445, 480, 488.
Абетифи, городъ, 438, 444.
Абешръ, городъ, 643.
Або-драпгъ-по, колонія, 467.
Абомей (Агбоме), городъ, 473, 488.
Абуджа, территорія, 576.
Абуре (Абуде), деревня, 432.
Абури, городъ, 442.
Абу-шарибъ, племя, 639.
Аватиме, городъ, 439, 444.
Авеквомы, народъ, 399.
Авопъ, озеро, 447.
Авуна, провинція, 442.
Аганта, провинція, 442
Агаэте, мѣстечко, 123.
Агграви, городъ, 439, 442.
Агпи, племя, 400.
Агомэ, рѣка, 469.
Аготимэ, племя, 425.
Агула, водопадъ, 131.
Агупа, городъ, 414.
Агуэ, область, 445, 468, 487.
Адамауа, страна, 506, 588, 589, 599, 637, 660.
Адангбе, городъ, 464, 487.
Адангмэ, провинція, 442.
Адапси, горы, 408, 413, 427.
Адаръ (Тадгаръ), провинція, 559.
Адафудія, городъ, 571.
Адда, портъ, 439, 442.
Аделе, провинція, 426, 444.
Адо, городъ, 606.
Адо, королевство, 478.
Аджаманти, горы, 413.
Аду, страна, 399.
Аэре, пристань, 264.
Ажуда, область, 443, 450, 488.
Азорская Атлантика, 5—21.
Азорскіе острова, 21—61.
Азорское море, 17.
Азорцы, народъ, 37, 41.
Азумъ, уади, 617.
Аиръ, оазисъ, 546, 554.
Акасса, деревня, 607.
Акба (Комоэ), рѣка, 397.
Аквапемъ, горы, 418, 413, 445.
Аквапемъ, область, 415, 433, 442.
Аке, городъ, 484.
Акемфо, пристань, 432.
Акимъ, племя, 414, 424.
Акимъ, страна, 431, 442.
Акокинъ, деревня, 605.
Акора, городъ, 603.
Акпосо, провинція, 444
Акра, городъ, 432, 442.
Акра, горы, 415.
Акра, племя, 425.
Акра, страна, 433, 442.
Акропонгъ, городъ, 433, 442.
Аксимъ (Эссемъ), городъ, 366, 427, 442.
Акуаму, городъ, 439, 442.
Акуба, городъ, 444.
Акумъ, городъ, 603, 612
Ала, городъ, 673.
Алабаши, городъ, 602.
Алагоа, городъ, 48, 61.
Алантика, гора, 507.
Алеграпса, островъ, 110.
Алкалауа, городъ, 472.
Альбани, городъ, 426, 442.
Альби, заливъ, 398.
Альдеа-Санъ-Николао (Альдеа), мѣстечко, 123.
Алькатрасъ, скала, 315.
Альмади, скала, 261.
Альто-де-Гарахонай, пикъ, 130.
Альто-де-Мальпасъ, гора, 88.
Аманахія, провинція, 442.
Анага, горы, 128.
Анага, мысъ, 125
Анамабоэ, пристань, 432, 442.
Ангвоэ, городъ, 439.
Ангвоэ, провинція, 442, 444.
Анагодо, горы, 603.
Ангра, округъ, 61.
Ангра, портъ, 52.
Андопи, племя, 596.
Аніако, племя, 440.
Анкобра, область, 409.
Анно-Бомъ, островъ, 507.
Ансонго, гора, 502.
Анумъ, городъ, 439.
Анумъ, провинція, 444.
Аньяши, пристань, 601.
Аовинъ, страна, 427.
Аодуа, деревня, 428.
Аполлонія, городъ, 442.
Арабы, народъ, 662.
Аргага, ущелье, 131.
Аргинегинъ, городъ, 123.
Аргунинская мель, 256.
Аргунинъ, островъ, 172, 255.
Ардра, городъ, 470.
Арибинда (Гурма), берегъ рѣки Нигеръ.
Арибинда, горы, 535.
Аро, городъ, 606.
Аррезифе, городъ, 113, 139.
Артепара, деревня, 123.
Арухазъ, деревня, 123, 139.
Архипелагъ Зеленаго Мыса, 149—168.
Ассаба, городъ, 605.
Ассафуда, городъ, 571.
Ассела, племя, 677.
Ассерхарбу, гора, 500.
Ассини, деревня, 403.
Ассини, область, 398.
Ассини, озеро, 397, 402.
Ассинъ, область, 442
Ассинъ, племя, 414.
Ассинъ-Данкира, провинція, 442.
Ассуаникъ, племя, 531.
Атагара, городъ, 567.
Атакпаме, городъ, 464.
Атактопе, мѣстечко, 483.
Атеобу, городъ, 439, 442.
Атиджере, область, 480.
Атжауа, городъ, 603.
Атлантида, 1—5.
Атлантика, 5—19.
Атласъ, горы, 1.
Ауладъ-гамеды, племя, 653.
Ауладъ-муса, племя, 677.
Ауладъ-слиманы, племя, 646, 647, 653.
Аусса, берегъ Нигера, 500.

Ауэллимиденъ, племя, 536.
Афаде, городъ, 572.
Афо, племя, 603.
Афрамъ, рѣка, 437.
Ахаггаръ, горы, 503.
Ахаггары, племя, 537.
Ачати, провинція, 443.
Ашанти, королевство, 422, 429, 442.
Ашантіи, народъ, 415, 422, 434, 456.
Аяматъ, племя, 307.

Б.

Бабиръ, племя, 661.
Бабиръ, страна, 617, 671.
Ба-Буссо, рѣка, 624.
Багасы, племя, 337—339.
Багеле, гора, 599.
Багида, деревня, 467.
Багинта, порогъ, 524.
Багирмійцы, народъ, 675, 676, 679.
Багирми, страна, 675—682.
Бадагри, городъ, 443, 445, 477, 488
Бадамиджо, городъ, 599.
Бади, деревня, 300.
Бадумбе, постъ, 271, 285.
Балоты, племя, 229, 307.
Бакель, уѣздъ, 285.
Бакель, фортъ, 200, 230, 250, 265, 280, 299.
Бакъ и Дучи, горы, 584.
Баланты, племя, 149, 319.
Бальмаду, провинція, 303.
Бамаку, область, 246, 493.
Бумаку, фортъ, 285, 524, 532.
Бамбайя, мѣстечко, 344.
Бамбара (Бамбарасы), племя, 232, 270, 517—520, 527, 531.
Бамбукъ, страна, 286, 287, 300.
Банамба, городъ, 527.
Бангаси, городъ, 272.
Бандасума, городъ, 366.
Бандіагара, городъ, 533.
Банжіары, племя, 307.
Бансуколо, рѣка, 349.
Баньюны, племя, 307, 319.
Баолъ, область, 213, 286.
Баолъ, племя, 210.
Баноро, городъ, 386.
Баноро, область, 390.
Баранкеръ, городъ, 488.
Барлинъ, племя, 378.
Зарра-Кунда, скала и водопадъ, 277, 289, 300.
Баруа, городъ, 670.
Басса, племя, 379.
Бассама, народъ, 589.
Бассикуну, городъ, 534.
Баторъ, городъ, 439, 442.
Батта, племя, 589.
Батурстъ, городъ, 296—300.
Бауре, городъ, 395.
Бауле, ручей, 185—271.
Баучи, городъ, 599.
Баучи, провинція, 583, 586.
Бафингъ, область, 272, 287.
Бафингъ, рѣка, 176, 185, 189, 288, 332, 357.
Бафулабе, воен. постъ, 219, 271, 272, 285.
Бахорма, городъ, 366.
Бахой, рѣка, 528.
Бахръ-эль-Газаль, рѣка, 496.
Бахръ-Эсъ-Саламата, рѣка, 624.
Бахуну, область, 517, 537.
Бачикамъ, рѣка, 624.
Баэле, племя, 662.
Беари, городъ, 577.
Бегіенъ, городъ, 427.
Бегоро, городъ, 442.
Бедде, племя, 661.
Бекваа, городъ, 431.
Бекваа, провинція, 443.
Беле, племя, 587.
Беле-дугу, провинція, 185, 268, 513, 517, 519, 525.
Беледъ-эль-Мра, государство, 679.
Белемъ, городъ, 599.
Белери, племя, 524.
Бени-гауара, племя, 103, 134.
Бенинъ, городъ, 480
Бенинъ, рѣка, 508.
Бенуэ, рѣка, 493, 506, 508, 548, 578, 581, 584—586, 587—589, 597, 601, 602.
Бенъ-баширъ, племя, 102.
Берберы, народъ, 104, 168, 204, 391, 398.
Бермудскіе острова, 21.
Беруаны, народъ, 655.
Бесса, городъ, 385.
Бетанкурія, городъ, 117.
Біа, рѣка, 398.
Біассе, деревня, 464.
Біу, городъ, 671.
Біафары, племя, 323, 324.
Бигъ-Нинго, деревня, 433.
Бида, городъ, 551, 574, 577.
Бизасма-Канфалъ, городъ, 388, 390.
Бильбасъ, островъ, 191.
Бильма, солончакъ, 646.
Биргимъ, рѣка, 430.
Бирго, село, 282, 271.
Биркамъ, городъ, 304.
Бирменау, городъ, 670.
Бирни-н' Гуари, городъ, 576.
Бирни-н' Кебби, городъ, 504, 568, 577.
Бирни-эль-Джебидъ (Кафила), городъ, 667.
Бирри, горный проходъ, 601.
Биссагосъ, архипелагъ, 178, 180, 315—318, 323, 329.
Биссанду, городъ, 521.
Биссао, городъ, 327, 328.
Бобовусуа, островъ, 427.
Боджехъ, городъ, 387.
Бокайна, проливъ, 115.
Боке, деревня, 344.
Боккаса, область, 338, 390.
Болама, портъ, 328.
Боленъ, мѣстечко, 390.
Болосы, племя, 586.
Большая Басса, бухта, 369.
Большая Скарсія, рѣка, 350, 358, 361.
Большой Басса (Боканапъ), область, 389, 380.
Большой Басса, портъ, 389.
Большой Бассамъ, деревня, 403.
Большой Бассамъ, область, 395.
Большой Буту, поселеніе, 389.
Большой Питопъ, гора, 80
Большой Попо, городъ, 469.
Бомпата, городъ, 431, 442.
Бона-Виста, островъ, 141, 147, 156, 160.
Бонду, государство, 223, 267, 270, 286, 288, 300.
Бонни, лиманъ, 509, 578, 588, 595, 607, 612.
Бонтуку, городъ, 443.
Борада, провинція, 443.
Боргу, островъ, 446.
Боре, мѣстечко, 533.
Борку, городъ, 646.
Борну, страна, 654—675.
Боро, село, 573.
Борсари, городъ, 670.
Боссеа (Ламга), область, 286.
Боссо, рѣка, 503
Бофера, факторія, 346.
Боху, городъ, 346.
Боэмъ, государство, 444.
Брава, островъ, 141, 148, 166, 167.
Бракна, племя, 171, 218, 264.
Бракна, территорія, 287.
Брамея, рѣка, 332.
Брамы, племя, 319.
Бронгъ, городъ, 412, 434.
Брассу, провинція, 333.
Брассъ, станція, 607.
Буби, золотые прінски, 388.
Бугоманъ, городъ, 681.
Будіе, провинція, 303, 304
Бужаго, племя, 323, 325.
Була, племя, 589.
Булаласы, племя, 677.
Булалы, племя, 640, 644.
Булебане, городъ, 267.
Булломы, народъ, 347, 355,
Бумба, мѣстечко, 365.
Бумбади, мѣстечко, 365.
Бунди, городъ, 670, 673.
Буне, городъ, 671.
Бунса, городъ, 565.
Бунунъ, рѣка, 192.
Бурбури, племя, 404.
Бургу, земля, 532.
Буре, область, 523.
Бурумъ, округъ, 500.
Бу-сба, племя, 255.
Бусепунъ, племя, 639.
Бусса, городъ, 492, 504, 571.
Бусса, государство, 571.
Буссамъ-Оче, озеро, 408.
Бусси, племя, 377, 388.
Буссо, страна, 436, 442, 444.
Буссуасы, племя, 562.
Бусумъ-Пра, озеро, 408.
Бѣлый мысъ (Бланко), 177, 256
Бѣлый островъ (Бранко), 148, 159.
Бэ, городъ, 464.

В.

Вакарія, городъ, 345.
Вальверде, городъ, 138, 139.
Вансвахъ, факторія, 387.
Вассавъ, племя, 414.
Вассау, провинція 412, 427, 442.
Веи, племя, 356, 378, 386.
Веми, рѣка, 448, 472.
Венегуэра, долина, 96.
Верблюжій мысъ, 193.
Вергойо, гора, 136.
Вилла-да-Прайя, городъ, 164.
Вилла-до-Порта, городъ, 43.
Виллафранка, городъ, 48.
Виннеба, пристань, 432.
Виннебахъ, городъ, 412.
Волчій островъ, 116.
Вольта, рѣка, 408, 410, 413—415, 433, 435, 446, 448.

Врасо, городъ, 432.
Вуди, городъ, 670.
Вукари, городъ, 612.
Вуккахъ, горы, 388.
Вурно, городъ, 567, 577.
Вурно, королевство, 559.
Вуруку, племя, 586, 578 598.
Вушекъ, городъ, 671, 673.

Г.

Габери, племя, 677.
Га-дугу, рѣка, 271.
Гала, городъ, 654.
Галаба, городъ, 521.
Галакка, источникъ, 631.
Галинасы, племя, 356, 357, 378
Галиньясъ, островъ, 315.
Гальдаръ, городъ, 123, 139.
Гамарауа, провинція, 589.
Гамберу, городъ, 665.
Гамбійцы, народъ, 291.
Гамбія, колонія, 300.
Гамбія, рѣка, 288, 289, 291, 297, 332.
Гамергу, племя, 672.
Гаміенъ, мѣстечко, 644.
Гана, королевство, 539.
Гангаранъ, область, 287.
Гангаранъ, рѣка, 271.
Гандіоль, кантонъ, 193, 254, 284.
Ганди (Бакура), рѣка, 567.
Гандигинъ, деревня, 644.
Гандо, городъ, 551.
Гандо, королевство, 559.
Гандопъ, уѣздъ, 284.
Гаражоной, островъ, 88.
Гарперъ, городъ, 390.
Гару, городъ, 546.
Гассауа, городъ, 562, 277.
Гассаны, племя, 205.
Гаусса, государство, 511, 534, 543, 551, 559 - 562, 577, 655.
Гауссанцы, народъ, 554, 558, 656, 661.
Гауссуа, племя, 587, 662.
Гаэ, мѣстечко, 264.
Гвія, городъ, 139.
Гвидали, крѣп., 328.
Гвинея, страна, 316, 319, 326.
Геба, рѣка, 174, 311, 318, 323, 504.
Гере, городъ, 615, 616.
Герки, городъ, 566, 577.
Гіамамъ (Гаманъ), государство, 427, 433, 443.
Гіеръ (Паніефуль, Мерингагемъ), озеро, 192.
Гидимаха, земля, 287.
Гинги, рѣка, 573
Гинье, городъ, 531.
Гирабо, городъ, 433.
Гладжебо, пристань, 572.
Гле, озеро, 395, 399.
Глебо, племя, 399.
Глехуэ, см. Ажуда.
Гоберасы, племя, 536, 562.
Гоберъ, область, 554, 566.
Гого, городъ, 537, 546.
Годоме, деревня, 477.
Голасы, племя, 377.
Голеа, мѣст., 247.
Гомба, городъ, 493, 534.
Гомба, деревня, 569.
Гомбатъ, провинція, 443.
Гомбе, городъ, 600, 612.
Гомбори, гора, 535, 538.
Гомера, островъ, 124, 130, 131, 139.
Гонфуде, мѣстечко, 272.
Горея, область, 196, 199, 212, 241, 246, 260—262, 282, 283.
Горта (Хорта), городъ, 58, 59, 282, 283.
«Горѣлый берегъ», 112.
Госсенако, городъ, 562.
Гранъ-Канаріа (Большая Канарія), островъ, 88, 96, 100—106, 108, 115, 118, 123, 139
Граціоза, островъ, 23, 32, 53, 61, 110.
Гребо, племя, 378.
Гуандіова, территорія, 435.
Гуанчи, племя, 103—106, 126.
Гуджба, городъ, 617, 671, 673.
Гунмаръ, городъ, 129.
Гумбу, городъ, 531.
Гуммель, скала, 670.
Гумо, долина, 433.
Гундуми, область, 567.
Гунуй, поселеніе, 528.
Гурамъ, городъ, 534.
Гуре, городъ, 570.
Гуринъ, городъ, 598, 512.
Гуфей, городъ, 672.

Д.

Да, рѣка, 430.
Даба, земля, 287.
Дабу, факторія, 403.
Дагана, городъ, 264, 285.
Дагано (Уало), область, 284.
Дагомба, королевство, 422, 436, 442, 444.
Дагомей, королевство, 444, 445, 451, 463, 454, 456, 471
Дагомейцы, народъ, 453, 474
Даза, племя, 628, 645, 651.
Дакалифо, племя, 208.
Дакаръ, городъ, 285.
Дакаръ, область, 210, 233, 236, 250.
Дакаръ, округъ, 285.
Дала, скала, 565.
Дамга, провинція, 230.
Дамергу, территорія, 561.
Дампа, гора, 408.
Дамфари, страна, 287, 530.
Даніасси, провинція, 443.
Данкама, городъ, 563.
Данкира, племя, 414.
Данкира, страна, 412, 422, 447.
Дарфуръ, страна, 222, 617, 638.
Даура, городъ, 562.
Двиранса, мѣстечко, 431.
Двонгъ, городъ, 444.
Дебаба, племя, 677.
Дебена, мѣстечко, 522.
Дебо, озеро, 496, 532, 534
Де-ла-Крузъ, гора, 132, 134.
Де-лосъ-Мучачосъ, гора, 132, 134.
Дель-Зедро, гора, 132, 134.
Демса, область, 598, 599.
Дендина, провинція, 569.
Деніанке, племя, 231.
Джалла-Кота, деревня, 300.
Джаллаху, гора, 474.
Джаллонке, народъ, 221, 279, 291, 358.
Джалонъ-Дугу, область, 171.
Джарра, городъ, 270.
Джеджи, племя, 451.
Дженди, земля, 408, 435
Дженне, городъ, 532, 533.
Дженне, страна, 497.
Джигуши, племя, 307.
Джое, островъ, 301.
Джоква, городъ, 442.
Джолиба, рѣка (Нигеръ), 521
Джолафъ, область, 210, 213, 286.
Джонни-крикъ, рѣка, 385.
Джорджъ-тоунъ, факторія, 299.
Джуабинъ, городъ, 431.
Джуабинъ, провинція, 443.
Джункъ, рѣка, 369, 389.
Діабе-дугу, область, 287.
Діавара, племя, 269, 520.
Діагну, долина, 304.
Діака, городъ, 532.
Діала, мѣстечко, 270.
Діаласфаръ, область, 270.
Діангирте, городъ, 270.
Діафарабе, мѣст., 532.
Діо, область, 251, 287.
Діамбохо, провинція, 270.
Дибелончи, городъ, 654.
Диди, деревня, 523.
Дикій островъ (Брава), 152, 156.
Дикоа, городъ, 673.
Дикковъ, городъ, 442.
Димаръ, провинція, 230, 264, 286.
Димма, гора, 289.
Дингирай, городъ, 272.
Дирэ, мѣстечко, 534.
Долоо, городъ, 673.
Домасы, племя, 590.
Дора, городъ, 547.
Дуабугу, селеніе, 528.
Дуаншъ, область, 287.
Дуаншъ, племя, 208.
Дугассу, городъ, 528.
Дуку, городъ, 601, 162.
Дучи, городъ, 552, 566.
Дуэнца, городъ, 534.
Дьега, городъ, 569.
Дюбайя, городъ, 365.
Дю-кокъ, пристань, 264.
Дюкъ-таунъ, городъ, 608.

Ж.

Жанда, рѣка, 521.
Жандіа, полуостровъ, 116, 117.
Жанубіо, озеро, 89.
Желѣзная гора (Годейс), 369.
Желѣзный островъ (Ферро), 138.
Жережъ, факторія, 299.
Жирапо, гора, 64.
Жоаль, городъ, 263, 283, 286.

З.

Загоши, городъ, 572.
Зеленаго мыса, острова, 141, 142, 146, 147, 152, 153.
Зеленый мысъ, 140, 173, 177.
Зенгъ-Нуми, городъ, 474.
Зибу, городъ, 588.
Зига-Пора-Зуэ, территорія, 388, 390.
Зигиншора, территорія, 302, 310.
Зогавы, племя, 640.
Зоглогбо, городъ, 474
Золотая рѣка, см. Сенегалъ.
Золотой берегъ, 404—443.
Золу, городъ, 388.
Зу-Зу, городъ, 388.
Зхиру, рѣка, 601.

I.

Іебу, племя, 460.
Іеди, городъ, 671, 673.
Іелу, городъ, 563
Іенди, городъ, 444.
Іеу, рѣка, 504, 562, 566, 628, 651, 666, 670.
Іола, городъ, 598, 599, 612.
Іола, племя, 307.
Іоруба (Яриба), племя, 451—461, 463.
Іоруба, страна, 444, 484, 485, 573. 591, 592.

И.

Ибаданъ, городъ, 485.
Ибаданъ, государство, 488.
Ибо, пристань, 601.
Ибосы, племя, 591, 592.
Игаонъ, деревня, 484.
Игарри (Игалла), народъ, 590.
Игбегбе, деревня, 604.
Игбидо, городъ, 576.
Игбира, государство, 604.
Идафе, скала, 134.
Идда, городъ, 590, 605, 612.
Иджайе, городъ, 485.
Идраренъ-Деренъ, гора, 1.
Икодъ-де-лосъ-Виносъ, городъ, 129, 139.
Икораду, озеро, 447.
Икту, племя, 460.
Икунгъ, городъ, 570.
Илоринъ, городъ, 551, 572, 574, 577
Никванта, провинція, 430, 431. 443.
Инсуанмъ, городъ, 431.
Инсута, провинція, 443.
Ирлабе, область, 286.
Иелеть, полуостровъ, 101, 105.

К.

Каарта, страна, 232, 269, 270, 513, 517, 519, 520.
Кабалла, городъ. 365.
Кабауа, племя, 519.
Кабба, рѣка, 365.
Кабиль, племя, 307.
Кабинда, племя, 608.
Кабрасъ, острова. 52.
Кавалла, рѣка, 369, 390.
Каддера, рѣка, 583, 601.
Каде, мѣстечко, 329
Кадуна (Лифумъ), рѣка, 505, 574.
Казаманка, рѣка, 301—310
Кайарнъ (Хомакъ), озеро, 191.
Кайесъ, городъ, 251, 252, 268.
Каймуры, племя, 307.
Кайоръ. область, 210. 213, 286.
Каноръ, озеро, 264.
Какаида, племя, 576.
Какрима, рѣка, 288, 332.
Какулима, гора, 335.
Кала, городъ, 532.
Калабугу, пригородъ, 528
Калаканди, государство, 571.
Кала-кафра, городъ, 586, 673
Каламъ, королевство, 583, 600.
Кальдвель, деревня, 387.
Кальдейра-да-Санта-Барбара, гора, 21.
Кальдера-де-Бандама, островъ, 119.
Кальдера-де-лосъ-Мартелесъ, островъ, 119.
Кальдера-де-Техеда, горн. циркъ, 119
Камалле, гора, 616.
Каманія, городъ, 566.
Камбари, племя, 569.
Камергу, племя, 662.
Камерунскія горы. 597.
Камерунъ. гора, 507.
Камане, гора, 566, 577
Кана, городъ, 488.
Канарійцы, народъ, 110.
Канарскіе острова, 81 - 139.
Канга, городъ, 681.
Кангаба, городъ, 524.
Канемъ, страна, 645—654.
Канемъ-бу, племя, 648 - 650, 656. 662.
Канканъ, область, 521, 522.
Канкаре, деревня, 523.
Кано, городъ, 564, 577.
Кано, область, 575.
Каптакора, городъ, 577
Кантинъ, мысъ, 21
Кануріи, народъ, 587, 600, 662, 677
Каньябакъ. островъ, 315. 316.
Каолакъ, округъ, 263, 286.
Карибское море. 16, 20.
Кардонъ, горы, 117.
Карпентера, скала. 363.
Касасокобули, городъ, 345.
Касръ-Энгоме (Бирни), городъ. 664.
Кассанга, племя, 304.
Кассини, лиманъ, 288, 315, 317.
Кассо, королевство, 270, 286.
Кассокано, городъ. 571.
Кассонке, племя, 221.
Катагумъ, городъ. 566, 577.
Катако, рѣка, 331.
Катанга, городъ, 573.
Кауа, городъ, 669
Кауена, городъ, 555, 562, 577.
Кацена, область, 573
Кашео, городъ, 320.
Каяйе. мѣстечко, 528.
Ква, племя, 596, 611.
Ква-ква, племя, 399.
Квантамно (Тинтино), городъ, 433, 434, 443
Квеа, рѣка, 369.
Кветта, городъ, 442.
Кветта, лагуна, 410.
Кебби, область, 568.
Кебби, рѣчка, 506.
Кеза, островъ, 504.
Кель-ова, племя, 648.
Кеніеба, деревня, 268.
Кеніера, городъ, 512, 523.
Керибины, племя, 656.
Керри-Керри, племя, 661.
Керри-Керри, страна, 617.
Кете, городъ, 436, 444.
Кеффи (Кеффи-Абдъ-эсъ-Сенга), городъ, 603, 604. 612.
Кіеби, городъ, 412,
Кингъ-Уильямсъ-таунъ, поселеніе, 379.
Киджабо, городъ, 402.
Киротачи, городъ, 548.
Кисси, племя, 515.
Кита, гора, 272.
Кита, городъ, 199, 252, 272, 280, 286.
Ко, болото, 473.
Коба, государство, 330.
Кобитай, государство, 330.
Коболіа, городъ, 386.
Коге, городъ, 270.
Кодогусъ, мѣстечко. 643.
Кокороче, городъ, 681.
Кокофу, провинція. 431, 443.
Комбо. область, 298.
Коммендa, городъ, 442.
Компони, рѣка, 330
Кона, колонія, 533.
Конакри, деревня, 346.
Конго, государство. 615.
Конго, рѣка, 624, 682.
Конгро, озеро, 45.
Конгъ, городъ, 433, 522. 528.
Конгъ, горы, 395, 547
Коно, племя, 356.
Консотаки, городъ. 570
Конча, городъ, 598
Конелласъ, мѣстечко, 49
Кораба, рѣка, 497.
Коранца, провинція, 434, 443.
Корбелья, островъ. 315.
Корво, островъ, 21, 23, 59—61, 138.
Коро, городъ, 386.
Коромантинъ, пристань, 601.
Коссу, племя, 357.
Котону (Анни), портъ, 476.
Коямъ, племя, 656, 662.
Кпандо, городъ. 439, 444.
Кпонгъ, городъ, 439, 442.
Кракіе, городъ, 476, 444.
Кракіе, область, 444.
Красная гора (Монтанья Бермеха), 126, 129.
Красный мысъ (Рохо), 177, 178.
Креда, племя, 653.
Крепи, племя и городъ, 611, 612.
Кробо, государство, 439, 440. 442.
Кробо, племя, 425.
Кру, область, 389.
Крумены, народъ, 379—383, 608.
Кру-баръ, мѣстечко, 379.
Куампаниса, городъ, 571.
Куапа, городъ, 584.
Куаръ, оазисъ, 646.
Кука, городъ, 615, 625, 637, 659, 663, 667, 673.
Кукасы, народъ, 640.
Кукинцы, племя, 677.
Кукуруку, племя, 590.
Куликоро, воен. постъ, 251, 285, 524. 525.
Кульфо, городъ, 570.
Кумаву, городъ, 431.
Кумасси, провинція, 429 — 432 443
Кумбре, портъ, 135.
Кунду, военный постъ, 272, 285.
Куніакари, городъ, 270.
Куніакари (Тараколе), рѣка, 186, 268.
Курайе, городъ, 487, 501.
Куранко, племя, 357, 358, 515.
Кури, народъ, 652.
Куромбо (Трибу), провинція, 444.
Куррефи, городъ, 560.
Кусукула, городъ, 672.
Кута, рѣка, 643.
Кути, племя, 640.
Куфусы племя, 677.

Кенъ-Костъ, городъ, 442.
Кенъ-Костъ, колонія, 408, 426, 428, 442.

Л.

Лабе, городъ, 289, 329.
Лагенсъ, городъ, 56.
Лагобе, племя, 556.
Лагосъ, городъ, 441, 445, 480, 488.
Лагосъ, островъ, 478.
Лагу, рѣка, 394, 396.
Лагуна, городъ, 91, 92, 139
Лагуна, горы, 125.
«Лагуна Комаровъ», 192.
Лангдонъ, гора, 395.
Ландуманы, народъ, 339.
Лапзаротъ, островъ, 32. 83, 84, 87, 89, 91, 92, 104, 112, 122.
Лас, область, 286.
Ласъ-Пальмасъ, городъ, 120, 139.
Лахобе, племя, 303.
Леке, деревня, 479.
Либерія, страна, 365 - 392.
Либтако, провинція, 536, 547.
Лимба, племя, 356, 361.
Литль-Кру, поселеніе, 379.
Литль-Кэпъ-Маунтъ-Риверъ, рѣка, 387.
Логозахи, городъ, 474, 488.
Логонъ, область, 672.
Логонъ, рѣка, 506, 624.
Логонъ-Корнакъ, городъ, 672.
Локко, портъ, 364.
Локоджа, городъ, 612.
Ломе, деревня, 467.
Лосъ, архипелагъ, 335, 346.
Лосъ-Льяносъ, городъ, 139.
Лосъ-Саузесъ, мѣстечко, 136.
Львиная, гора, 363.

М.

Маба, племя, 639, 643.
Мабани, городъ, 672.
Мавры, народъ, 207, 257.
Магаджири, озеро, 671.
Магаръ, гора, 616.
Маги, область, 445.
Магинъ, округъ, 479.
Магони, племя, 655.
Магомери, городъ, 671, 673.
Мадера, архипелагъ, 64 - 80.
Мадина, городъ, 385.
Мадуари, городъ, 670.
Мазо, мѣстечко, 36.
Май-ду-гери, городъ, 673.
Майо, островъ, 140, 147, 156, 163, 166, 167.
Макадіамъ-бугу, постъ, 272.
Макари, племя, 675, 677.
Макъ-Иверъ, гора, 584.
Макъ-Карти, островъ, 299.
Малая Скарсія, рѣка, 335, 339 353, 365.
Мали, городъ, 534
Мали, королевство, 537.
Малый-Бассамъ, бухта, 396.
Малый-Буту, скала, 389.
Малый-Питонъ, гора, 80.
Малый-Попо, округъ, 415, 468 487.
Мампонгъ, провинція, 431, 443.
Манга, племя, 651, 661, 662.
Манга, страна, 613, 645
Мандара, племя, 662.
Мандара, страна, 632, 633.
Мандинги, народъ, 180, 209, 283, 291—293, 297, 319, 388, 415, 521.
Манса, рѣка, 335.
Маніана, племя, 316.
Мансу, городъ, 428, 430, 444.
Мапюэль, мысъ, 261.
Мао, городъ, 653, 654.
Марабуты, народъ, 212.
Марали, городъ, 566.
Маради, рѣка, 567.
Марги, племя, 660—662.
Маррахъ, гора, 615, 617.
Марте, городъ, 671, 673.
Марфа, рѣка, 377.
Маршаль, портъ, 389.
„Масляныя рѣки", лиманы, 607.
Массалиты, племя, 639.
Масса-си, племя, 520.
Массенья, городъ, 680
Массина, провинція, 513.
Матаконгъ, островъ, 335
Матамъ, островъ, 264
Маунтъ („Мысъ Горы"), 385.
Махамиды, племя, 643.
Махи, провинція, 474.
Машена, городъ, 670, 673.
Мбиджемъ, округъ, 285.
Мбулу, рѣка, 672.
Мбумъ, племя, 589.
Мгарбы, племя, 647.
Медина, округъ, 199, 246, 269, 285.
Медого, гора, 6 6.
Мезурадо, графство, 392.
Мезурадо, мысъ, 369.
Мелла-Корея, рѣка, 180, 280, 340, 346, 350.
Менди, племя, 356.
Медифъ, горы, 615.
Мерилендъ, графство, 392.
Мерипагенъ, округъ, 284.
Мессаура, округъ, 499.
Мило, рѣка, 521.
Мина, племя, 425.
Минасы, племя, 452.
Минделло, архипелагъ, 158
Миннеминне, племя, 645.
Мирикъ, мысъ, 192
Миссене, городъ, 672.
Мини (Мичи), племя, 589.
Могодомъ, городъ, 671.
Мописанъ, провинція, 443.
Моке-Форе, племя, 339.
Монбутту, племя, 223.
Монбутту, страна, 624.
Монровія, городъ, 371, 377, 386, 387, 390.
Монтанья-Бланка, гора, 112.
Монтанья-Клара, гора, 99, 110.
Монте-Верде, гора, 147.
Монте-Гордо, гора, 160.
Монте-фамара, гора, 88, 111.
Мора, городъ, 673.
Моребія, рѣка, 335.
Морину, гора, 584.
Морро-Гранде, гора, 23.
Морро-до-Бразиль, вулканъ, 52.
Морфиль, островъ, 187, 191, 264.
Моссіи, племя, 548.
Мпаль, городъ, 240, 285.
Музарду, территорія, 388, 390.
Мунїо, городъ, 671.
Мурдіа, городъ, 601.
Мури, горы, 584, 586.
Мусло, племя, 659.
Мысъ св. Павла, 445, 448.

Н.

Накуамачъ (Бамаши), государство, 570.
Налумы, племя, 323, 325.
Налусы, племя, 339.
Напа-Кру, поселеніе, 379.
Нгала, городъ, 672, 673.
Нгаундере, городъ, 506, 598.
Нгигми, городъ, 627, 670.
Нгиджены, племя, 651, 654.
Нгорну, городъ, 667, 670, 673.
Нгури, городъ, 654.
Нгурутуа, деревня, 670.
Ндандъ, городъ, 259.
Ндаръ, округъ, 285.
Нджими, городъ, 654.
Ндіаго, кантонъ, 284.
Ндіамбургъ, территорія, 285.
Ндіанге, округъ, 285.
Ндони, рѣка, 606.
Невольничій берегъ, 443—488.
Неліа, деревня, 521.
Немъ-немъ (Емъ-емъ), племя, 586, 587.
Нерико, рѣка, 287.
Ніагассола, постъ, 251, 271, 285.
Ніаконго, городъ, 533.
Ніанингъ, городъ, 263.
Ніогомера, городъ, 270
Ніоро, городъ, 270.
Нигеръ, верхній, рѣка, 511 - 534.
Нигеръ, средній, рѣка, 534 - 548.
Ники, королевство, 571.
Нимро, мѣстечко, 644.
Нифу, племя, 379.
Нконіа, провинція, 444.
Нкранъ, городъ, 432.
Новый Калабаръ, городъ, 607, 609.
Новый Калабаръ, рѣка, 516.
Нохуэ, озеро, 448, 477.
Нта-фуфу (Гуандьова), провинція, 443,
Нунъ, мысъ, 82.
Нунъ, рѣка, 508, 592.
Нупе, городъ, 577, 590.
Нупе, государство, 572, 574.
Ньеллемы, племя, 679.
Нямъ-Нямъ, территорія, 578, 624.

О.

Область «рѣкъ Юга», 329—346.
Огбомошо, городъ, 486, 488.
«Огненная гора», 112.
Огунъ, рѣка, 478, 481, 485.
Оде, пристань, 479.
Одумасси, городъ, 439, 442.
Ойо, этапъ, 486.
Ойоно, рѣка, 510, 612.
Океаданъ, королевство, 478.
Окпара, рѣка, 478.
Окрика, городъ, 608.
Окуа, рѣка, 603.
Окуаго-Дюкоманга, пристань, 414.
Окуаго-Кодсабе, пристань, 444.
Окурике, лиманъ, 612
Ольдъ-таунъ, деревня, 611.
Онича, городъ, 605, 612.
Оранго (Гарагъ), островъ, 315.
Оротава, городъ, 128, 139.
Орфеллы, племя, 647.
Ослиный, мысъ, 503.
Осомари, пристань, 606.

Осса, островъ, 478.
«Острова Блаженныхъ», 81.
«Острова на вѣтрѣ», 168.
«Острова подъ вѣтромъ», 168.
Оши, рѣка, 573.

П.

Пакао, провинція, 303.
Пальма, деревня, 479.
Пальма, островъ, 88, 89, 96, 100, 105, 107, 132, 139,
Пальмовый, мысъ, 389, 391, 397, 403.
Пами, деревня, 435, 444.
Панда, городъ, 604.
Папель, племя, 149, 320, 326.
Пауль-да-Серра, ланда, 66.
Пекн, городъ, 438.
Перечный берегъ, 375.
Песси, племя, 377.
Пико, островъ, 23, 24, 56.
Пико-Альта, гора, 24.
Пико-да-Вара, гора, 24, 44, 59, 61.
Пико-да-Эсперанца, гора, 24.
Пикъ, гора, 54, 55.
Пикъ-де-Тейде (Эчейде), гора, 16, 88, 91, 96, 126.
Пикъ Короны, гора, 157.
Пикъ-Креста (Пико-де-ла-Круцъ), гора, 46, 88.
Пого, область, 443.
Подоръ, округъ, 285.
Позо-де-ла - Ніеве, островъ, 88, 112.
Поке, городъ, 427.
Покра, королевство, 478.
Понта, островъ, 315.
Понта-Дельгада, городъ, 43, 48.
Понта-Дельгада, округъ, 61.
Порто-Гранде, городъ, 156.
Порто-Ново, городъ, 445, 574, 576
Порто-Санто, островъ, 67, 70, 72 80.
Портюдаль, округъ, 263, 286.
Пра, рѣка, 438.
Прайа, городъ, 53, 142.
Прамрамъ, деревня, 433.
Прасу, городъ, 430, 442.
Приспине, островъ, 507.
Пунта де-ла-Дегеса, мысъ, 137.
Пустынные о-ва, 67, 72.
Пуэрто-де-Кабрасъ, городъ, 117.
Пуэрто-де-ла-Луцъ, портъ, 1:0.
Пуэрто-де-ласъ-Ніевесъ, пристань, 123.
Пуэрто-де-Наосъ, портъ, 113.
Пуэрто-де-Оротава, городъ, 89, 90, 129.
Пуэрто-Рико, бухта, 129.

Р.

Рабба, городъ, 572, 573.
Разо (Гладкій о-въ), 159.
Раута, городъ, 600, 612.
Рей-Буба, городъ, 598.
Ріо-Гранде (Комба), рѣка, 174, 288, 312, 314, 317, 318, 328.
Ріо-дель-Рей, рѣка, 510, 597.
Ріо-Кашео, рѣка, 302, 309, 311, 327.
Ріо-Нуньецъ, рѣка, 173, 174, 180, 330, 331, 336.
Ріо-Понго, рѣка, 331, 336, 340, 346, 360.
Ріо-Санъ-Педро (рѣка св. Петра), 369.
Ріо-Форкадосъ, рѣка, 509.
Рибаго, городъ, 599, 612.
Рибейра-Брава, портъ, 160.
Рибейра-Гранде, городъ, 49, 61, 158 164.
Риверсайдъ, деревня, 439.
Рингимъ, горы, 583.
Робертспортъ, городъ, 385, 390
Роганъ-Кото, мѣстечко, 603.
Рокель, рѣка, 173, 349, 353, 363.
Рококо, гора, 486.
Россъ, кантонъ, 284.
Руиво (Красная гора), 67.
Русвурмъ, островъ, 389.
Рѣка св. Іоанна, 194.
Рѣка св. Павла, 368, 375, 378, 388.
Рюфискъ, городъ, 262, 285.

С.

Сабакано, городъ, 571.
Сабрина, островъ, 47, 48.
Сабуспре, деревня, 269.
Савалу, городъ, 474.
Сави, деревня, 472.
Сай, городъ, 493, 503, 534, 546, 547.
Сакерда, племя, 653.
Салага, городъ, 435, 443.
Салага, страна, 408.
Саламатъ, племя, 598, 662, 677.
Салумъ, страна, 213, 286, 372.
Саль (Соляной о-въ), 141, 147, 156, 160, 167.
Сальде, округъ, 232, 264, 285.
Сальморе, скалы, 138.
Сальрей, городъ, 163.
Самбатикила, мѣстечко, 522.
Сананкоро, городъ, 521.
Сангара (Сангарасы), племя, 340, 575.
Сангареа, рѣка, 330, 332.
Санго-Катабъ, мѣстечко, 576.
Сангомаръ, островъ, 195.
Сапи, племя, 589, 660.
Сансандигъ, городъ, 530, 531, 496.
Сансане-Анса, крѣпость, 566.
Санта-Барбара, котловина, 51.
Санта-Круцъ, городъ, 53, 89, 90, 108, 127, 139.
Санта-Люція, островъ, 159.
Санта-Марія, островъ, 22, 23, 28, 43, 61.
Санта-Урсула, гора, 128.
Сапу-Холе, рѣка, 242.
Санъ-Винцентъ, островъ, 151—155, 158, 166, 167.
Санъ-Винцентъ, портъ, 157.
Санъ - Кристоваль (Бона - Виста), островъ, 163.
Санъ-Мигуэль, островъ, 21, 23, 33, 35, 39, 44—47, 61.
Санъ-Мигуэль-де-Тегизе (Тегиза), городъ, 112.
Санъ-Педро, рѣка, 394.
Санъ-Себастіанъ, городъ, 131, 139.
Санъ-Томе, островъ, 507.
Санъ-Филиппе, островъ, 165.
Сапе, племя, 338.
Сараки, городъ, 573, 577.
Саранда, горы, 583.
Сарасы (Сара), племя, 678, 679.
Сараколе (Сонинке), племя, 209, 219—221, 232, 253, 516, 517, 527, 531.
Сарау, городъ, 598, 612.
Саргассовое море, 21.
Сардинасъ, портъ, 123.
Саузаль, городъ, 128.
Сафой, провинція, 443.
Сафроко, племя, 356
Сахви, провинція, 427, 443.
Св. Антонія, островъ, 141, 147, 155—157, 167.
Св. Георгія, мысъ, 63.
Св. Георгія, островъ (Санъ-Жорже), 23, 36, 54, 61.
Св. Іакова, островъ (Сантъ-Яго), 140, 142, 148—150, 151—155, 163, 167.
Св Креста (Санта-Круцъ), мысъ 64.
Св. Лаврентія, мысъ, 64, 67.
Св. Николая, островъ, 155, 156, 159—160.
Сегала, городъ, 530.
Сегу, городъ, 527, 528.
Сегу, область, 232, 513.
Сегу-Сикоро, городъ, 528.
Сегу-Коро, городъ, 528.
Сегу-Кура, городъ, 528.
Сегъ-Сегъ, городъ, 555.
Сегъ-Сегъ (Саріа, Со-Со), область, 575.
Седіу, постъ, 301, 302, 308.
Сельвагенъ, скалы, 80.
Сенегалъ, рѣка, 169, 171, 174, 179, 180, 183, 190, 193—203, 206—209, 219—223, 232, 236, 237, 240, 243, 245, 246—282, 287.
Сенегамбія, страна, 167—287.
Сентъ-Андре, гора, 395.
Сентъ-Бери, островъ, 296, 297.
Сену-дебу, постъ, 268 285.
Сенъ-Жозефъ, крѣпость 268.
Сенъ-Жозефъ-Ніасобиль, мѣстечко. 263.
Сенъ-Жоржъ, постъ, 309.
Сенъ - Луи, округъ и городъ, 199, 210, 211, 233—236, 244—246, 248, 250, 252—255, 259, 279—282, 284, 297.
Сенъ-Пьеръ, крѣпость, 268.
Сереры, племя, 215—217, 283, 284, 298.
Сестра-Кру, поселеніе, 379.
Сефуй, провинція, 443.
Сефуръ, деревня, 274.
Сіаде, провинція, 436, 444.
Сіерра-Леоне, страна, 345—365.
Сиби, деревня, 524.
Сибила, городъ, 532.
Синдеръ, городъ, 546, 673.
Синдеръ, страна, 671.
Сину, графство, 214, 286, 392.
Сисильбе (Силлебау), племя, 556 568.
Скарси, рѣка, 174.
Со, племя, 661.
Соадра, городъ, 431.
Согирма, городъ, 493, 577.
Согоранъ (Джауамбе), 556.
Соко, провинція, 443.
Соколо, городъ, 532.
Сокоро (Сокоросы), 675, 680.
Сокото, городъ, 567, 570.
Сокото, область 556—559.

Сокото, рѣка, 493, 505, 548—553, 569.
Сокоторо, пригородъ, 273.
Солимасы, племя, 358.
Сомопо, деревня, 528.
Сомраи, народъ, 678.
Сонгаи, племя, 547, 548, 559, 569.
Сапгрогу, рѣка, 302, 304.
Старый Калабаръ, городъ, 609.
Старый Калабаръ, страна, 578, 591, 596.
Столовая гора, 369.
Сублумъ, городъ, 387.
Сулери, городъ, 671, 673.
Сумата, мѣстечко, 365.
Суна, провинція, 303.
Сунго, рѣка, 602.
Супъ-ду-мали (Судумали), гора, 175.
Суррикоро, городъ, 670.
Су-Су, горы, 333.
Су-Су, племя, 334—344, 358, 361, 515, 539.
Суфискъ, городъ, 235.
„Счастливые" острова, 81, 138.
Сѣверный Беле-дугу, область, 287.
Сѣверный Копоръ, область, 286.
Сюрми, городъ, 566, 567.

Т.

Табачная гора, 369.
Тадемаки, племя, 535.
Тадимъ, горы, 507.
Такороите, мѣстечко, 128.
Талико, городъ, 365.
Тама, горы, 639
Тамасы, племя, 639.
Тамба, мѣстечко, 272.
Тамбакка, племя, 365.
Тамбау, область, 287.
Тамбаура, городъ, 242.
Тамбура, гора, 176.
Тангала (Тангаласы), племя, 586, 587.
Тангале, гора, 584.
Танкиссо, см. Бафинтъ.
Танлія, лагуна, 214.
Тантафора, деревня, 521.
Тануэ, рѣка, 397, 409, 414.
Тарабинъ, рѣка, 503.
Тарква, городъ, 428, 442
Тафассасетъ, рѣка, 503.
Тебула, мѣстечко, 600
Тельде, городъ, 123, 139.
Темби, рѣка, 494, 495.
Тенда, территорія, 287.
Тене, рѣка, 187, 274.
Тенерифъ, островъ, 83, 89, 91, 97, 104, 105, 108, 109—124, 125, 139, 140.
Теніахе, озеро, 194.
Тероръ, городъ, 123.
Терсейра, островъ, 23, 61.
Тессауа, городъ, 562.
Тесси, деревня, 433.
Тіапи, племя, 329.
Тіесъ, округъ, 259, 285.
Тиббусы, племя, 656, 662.
Тилли, городъ, 569.
Тимбо, городъ, 272, 274.
Тиме, мѣстечко, 522.
Тимни, племя, 342, 353—356.
Тинглингъ, гора, 583.
Тинъ, округъ, 433, 503.
Тирдзе, гора, 615, 618, 638.
Тишитъ, оазисъ, 535.
Того, территорія, 443, 445, 447, 464—468.
Томбо, мысъ, 346.
Томбукту, городъ, 534—537, 539, 540, 542—545.
Томине, рѣка, 312—314, 320.
Тонди, гора, 535.
Торо, племя, 557.
Тороло, племя, 231, 557.
Тороны (Торонги), племя, 522.
Трарца, племя, 171, 206, 208, 255, 264.
Трехконечный мысъ, 407, 428.
Тринидадъ, островъ, 48.
Туареги, народъ, 247, 488, 503—533, 534, 536, 540, 544, 559, 561, 562, 661, 662.
Туатъ, страна, 499.
Тубе, округъ, 284.
Тубури, болото, 506.
Тукулеры, народъ, 529, 539, 557.
Тунджу, племя, 647.
Тунтурунъ, деревня, 289.
Туфоль, провинція, 442.
Туэй, лагуна, 192.

У.

Уадай, страна, 637—645.
Уалата (Биру), городъ, 544.
Уалата, оазисъ, 531, 535.
Уало, область, 210, 213, 264.
Уангара, страна, 506.
Уандала, горы, 616.
Уара, городъ, 639, 643.
Уари, деревня, 606.
Уархоръ, деревня, 263.
Уассулу, страна, 512, 516.
Уассулусы, нація, 516, 519.
Убаку, городъ, 570.
Удени, городъ, 603, 612.
Удже, провинція, 672.
Уладъ-Махмудъ, племя, 530.
Уладъ-Мбарекъ, племя, 530.
Уладъ-Тишитъ, племя, 530.
Уладъ-Уалата, племя, 530.
Уладъ-эль-хаджъ, племя, 208.
Улли, государство, 299.
Умонъ, лиманъ, 612.
Умъ-эръ-Рбіа, рѣка, 184.
Уолофы, народъ, 81, 149, 203, 208, 210, 212—214, 229—231, 244, 260, 298.
„Уши Осла", гора, 117.
Уэлле, рѣка, 586, 624, 682.

Ф.

Фа-дугу, территорія, 287, 527.
Файяль, островъ, 23, 33, 56, 61.
Фала, рѣка, 335.
Фалаба, рѣка, 523.
Фалама, рѣка, 523.
Фалеме, рѣка, 187, 189, 201, 210, 230, 242, 267, 268, 288, 332.
Фали, племя, 587, 589
Фантія, народъ, 414, 423.
Фанта, провинція, 403, 414, 442.
Фарабана, мѣстечко, 268, 483.
Фара-бугу, городъ, 532.
Фаранна, мѣстечко, 521.
Фаринъ, городъ, 327.
Фаріонесъ, мысъ, 111.
Фаре, рѣка, 506, 507.
Феллаты, народъ, 603.
Фелупы, племя, 149, 297, 307.
Ферло, мѣстечко, 264.
Фернанъ-до-По, островъ, 507.
Феррарія, мысъ, 47.
Ферро, островъ, 84, 88, 102, 107, 137—139.
Фессабуэ, городъ, 388, 390.
Фика, племя, 661.
Финнемъ, деревня, 603.
Фиргасъ, городъ, 123.
Фирду, городъ, 303.
Фитри, озеро, 616, 675.
Фишермэнъ, озеро, 377, 385, 388.
Фишмены, племя, 379.
Флоресъ, островъ, 14, 23, 24, 32, 59, 61.
Фогни, племя, 307.
Фого („Огненный"), островъ, 140, 141, 165—167.
Формоза, островъ, 315.
Фритаунъ, городъ, 345, 350, 353, 359—363, 521.
Фула-дугу, государство, 272.
Фулы, народъ, 180, 210, 222—229, 232, 253, 276, 287, 291, 319, 339, 531, 533, 556, 558, 559, 573—575, 588, 640, 656, 662, 677.
Фунчаль, городъ, 78—80.
Фура, бухта, 363.
Фурна, портъ, 167.
Фута, область, 229.
Фута-Джалонъ, горы, 171, 174—176, 179, 180, 183, 186, 235, 287, 288, 312, 316, 329.
Фута-Джалонъ, страна, 228, 272—274, 278, 329.
Футумба, городъ, 274.

Х.

Хабу, область, 301.
Хабунке, народъ, 303.
Хадеджа, городъ, 670, 673.
Хаджаръ-Теусъ, утесъ, 654.
Халидатъ („Вѣчные"), острова, 72
Халипъ-Анагимъ, гора, 177.
Хамера, страна, 287.
Хандія, гора, 117.
Харарскіе пороги, 503.
Хассакъ, рѣка, 254.
Хахо, озеро, 447.
Хозамъ, племя, 677.
Холмы Сестеръ, гора, 396.
Христіансборгъ, портъ, 411, 432, 442.
Хубусы, племя, 357, 358.
Хума, кантонъ, 285.

Ч.

Чадъ (Цаде), озеро, 439, 507, 535, 548, 581, 613, 617—619, 625, 626, 628, 634, 637, 651, 654, 656, 661, 663, 667, 682.
Чамба, городъ, 598.
Чарко-Верде, источникъ, 136.
Чаро, городъ, 601.
Часна, селеніе, 129
Черепашьи (Галапагосъ), острова, 35.
Чипуде, селеніе, 131.

Ш.

Шаамба, область, 247.
Шабу, городъ, 601.

Шама, городъ, 422, 628, 442.
Шари, рѣка, 615, 619, 624, 636, 655, 657, 662, 672 678.
Шербро, островъ, 177, 178, 347, 360.
Шифауа (Сифауа), городъ, 568.
Ш а, племя, 602, 643, 677.
Шонга, пристань, 573, 577.
Шуггаръ-Лофъ, гора, 348.

Э.

Эбо, городъ, 606, 612.
Эбріе, лагуна, 397, 400, 403.
Эгай, долина, 628.
Эгба, племя, 460.
Эгга, городъ, 576, 577.
Эгобби, городъ, 575, 577.
Эйо, племя, 595.
Элефантъ-Айлендъ, островъ, 299.
Эльмина, городъ, 412, 429, 430, 442.
Эльфъ, городъ, 672.
Эль-Ходъ, территорія, 530, 531.
Эпе, городъ, 479.
Эссемаку, городъ, 422.
Эуэ, племя, 451—453, 463.
Эуэме, страна, 451.
Эфикъ, племя, 579, 612.
Эффонъ (Шеби), племя, 577.

Ю.

Южный - Беле - дугу, территорія 287.

Я.

Я, мѣстечко, 575.
Якоба, городъ, 599, 600, 612.
Якоба, область, 586.
Ямина (Ньямина), городъ, 527
Ямина, деревня, 299.
Яссинъ, провинція, 303, 304.
Яуа, городъ, 644.
Яури, провинція, 569, 570.
Яхіа-бенъ-отмаръ, племя, 255

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ тринадцатый.

Южная Африка: Южный Атлантическій океанъ.—Камерунъ.—Габонъ.—Конго.—Ангола.—Да-Мара.—Лимпопо.—Ку-Банга.—Мозамбикъ.—Занзибаръ.

А.

Аба-занзи, племя, 616.
А-бармбо (а-баромбо), племя, 246.
Аба-тембу, племя, 521.
Абгалы, племя, 743, 755.
Абенга, племя, 246.
Абердаре, горы, 696.
Абеши, племя, 756.
Або-буа, племя, 254.
А-бома, племя, 263, 264.
А-бонго, племя, 122.
Або (Абіангъ), рѣка, 56.
Аверэ, племя, 398.
Агоа-Гранде, рѣка, 35.
Агульясъ («Игольный»), мысъ, 415.
Аджумба, племя, 112.
Азинго, озеро, 92, 112.
Айренситъ, гора, 728.
Аккасы, племя, 246, 247.
Ала, племя, 713, 750.
Алима, рѣка, 137, 175, 225, 259.
Алима, станція, 137, 259.
Аллула, страна, 757.
Альбертъ-Пикъ, гора, 53.
Альгоа, бухта, 415, 436, 438.
Ама-зиди, племя, 621.
Ама-коза, племя, 519, 520.
Ама-ланди, племя, 630.
Ама-ндебели, племя, 615.
А-манди, племя, 254.
А-марамба, озеро, 639.
Ама-суази, территорія, 542.
Ама-Тонга, полуостровъ, 425.
Ама-тонгасы, племя, 543.
Амбака, округъ, 342.
Амбака, станція, 356, 361.
Амбаканцы, народъ, 342, 356.
Амбасскій островъ, 76.
Амбасси (Санъ-Сальвадоръ), городъ, 349.
Амбоэлла, племя, 339, 607.
Амбризеттъ, факторія, 351.
Амбризъ (Мбришъ), городъ, 352.
Апанге, озеро, 92.
Ангола, провинція, 307.
Ангошъ, округъ, 652.
Ангошъ, портъ, 647, 652.
Ангра-Пекена, портъ, 407, 408.
Анкоръ, гора, 728.
Анкоръ, пристань, 759.
Аннобонъ, островъ, 10, 30, 31.
Аньясса, племя, 629.
Апанги, племя, 112.
Апинжи, племя, 112.
Апъ-Фуру, племя, 256, 259, 260.
Арабы, народъ, 683.
Арахунди, рѣка, 159, 175.
Ассинья, племя, 264.
Ассиръ, мысъ, 729.
Ауанши, племя, 112.
Ауашъ, рѣка, 727.
Ашанго, племя, 120.
Ашира, племя, 120.
Ашука, селеніе, 137.

Б.

Ба-ати, племя, 256.
Ба-банги, племя, 193
Ба-бинди, племя, 276.
Ба-буэро, племя, 333.
Ба-вико, племя, 609.
Ба-вили, племя, 112, 120, 124, 137.
Багамойо, городъ, 675, 676.
Базоруто, округъ, 652.
Ба-іэке (ба-іонго), племя, 206.
Байлундо, край, 333, 383.
Ба-йяка, племя, 137.
Ба-калахари, племя, 443, 502, 511.
Ба-калэ, племя, 110, 120.
Ба-камба, племя, 125
Ба-капкала, племя, 340.
Ба-катла, племя, 508.
Бакишъ, племя, 63.
Бакоко, племя, 63, 79, 80.
Ба-конго, племя, 193, 284, 289.
Ба-куандо, племя, 340.
Ба-куба (байеуэ), племя, 282, 284.
Ба-кубалэ, племя, 340.
Ба-куирри, племя, 63, 64, 68, 71.
Ба-куиссы, племя, 340.
Ба-кунду, племя, 68.
Ба-кунду, равнина, 63.
Бакунду-ба-Мусака, городъ, 77.
Бакунду-ба-Намбелэ, городъ, 77.
Ба-кунія, племя, 125.
Ба-куэна, племя, 508.
Балавби-ма-Мбу, городъ, 77.
Ба-доло, племя, 193, 239.
Ба-лонги, племя, 63, 69.
Ба-лохи, племя, 256.
Ба-луба, племя, 268, 277, —280.
Ба-лумбо, племя, 123, 124.
Ба-лунда, племя, 609.
Ба-мангуато, племя, 509, 609, 612.
Бамба, племя, 328, 330.
Бамбу, племя, 259.
Бамбуку, племя, 63.
Бампа, портъ, 628.
Банана, городъ, 301, 302.
Банана, полуостровъ, 173.
Ба-нанека, племя, 340.
Ба-нано, племя, 333.
Ба-нгала, племя, 193, 239, 240.
Бангала, станція, 235.
Ба-нгуэ, племя, 112.
Бангуэлло, озеро, 147, 180, 199.
Банда, племя, 250.
Бардауэ, городъ, 604, 628.
Банза-Макута, городъ, 296.
Ба-нкомби, племя, 340.
Ба-ноко, племя, 63, 79, 109.
Банту, народъ, 69, 191, 396, 443, 500.
Банья, лагуна, 121.
Ба-пьян, племя, 619.
Баньяны, народъ, 684, 685.
Ба-пуко, племя, 63, 79, 109.
Ба-пунго, племя, 120.
Ба-путу, племя, 238.
Бараретта, племя, 719.
Барбэртонъ, городъ, 562.
Бардера, городъ, 754.

Ба-Ринга, рѣка, 160.
Баринго, озеро, 696, 720.
Ба-ролонги, народъ, 307, 547, 550, 556.
Бароце, королевство, 614, 615.
Барръ-эль-Хайссанъ, побережье, 730.
Ба-сенга, племя, 623.
Ба-силика, племя, 510.
Ба-симба, племя, 340, 396.
Басоко, постъ, 234.
Басонжэ, племя, 268, 270, 284.
Басса, племя, 53, 71.
Ба-сунди, племя, 296.
Ба-суто, племя, 416, 443, 512—516, 536.
Бусуто-лэндъ, страна, 511—515.
Ба-танга, племя, 79, 80.
Ба-теке, племя, 193, 259—261, 290, 292, 294.
Ба-тлапи, племя, 503.
Ба-тларо, племя, 504,
Ба-тоана, нація, 509, 609, 612.
Ба-тока, племя, 613.
Батта, гора, 85.
Батуа, племя, 282.
Бауанкетси, племя, 508, 509.
Бафарами, горы, 77.
Бафарами, племя, 63.
Ба-фіотъ, племя, 126, 128, 193.
Ба-фуру, племя, 193.
Ба-харутсэ, племя, 500, 508.
Бахіа-досъ-Тигресъ, гавань, 375.
Бахіа-Пинда, гавань, 375.
Ба-шуапенги, племя, 510
Ба-шуколомпо, племя, 613, 614.
Ба-яка, племя, 120, 124.
Ба-янзи, племя, 256, 291.
Беджа, племя, 740.
Беланда, племя, 250.
Бельмонте, постъ, 364.
Бемба, племя, 200, 201.
Бембанбекъ («Утесъ Молніи»), холмъ, 171.
Бенга, народъ, 109, 110.
Бенго, порогъ, 314.
Бенгуэлла, городъ, 369.
Бенгуэлла-Вельха, крѣпость, 368.
Бендеръ-Аббасъ, городъ, 759.
Бендеръ-Агоа, пристань, 757.
Бендеръ-Хоръ, портъ, 758.
Бенбера, портъ, 759.
Береа, округъ, 515.
Берегъ Малинди, 687.
Берегъ Момбаза, 687.
Бетаніенъ, страна, 409.
Бетума, племя 432.
Бечуана-лендъ, страна, 499—511.
Бечуаны, народъ, 500, 509, 510, 609.
Бибунди, деревня, 76.
Била-кулу, племя, 580.
Бималь, племя, 755.
Бимбія, гавань, 56, 77.
Бихеносы, народъ, 342.
Бихэ, область, 364, 383.
Блантиръ, городъ, 629.
Блумфонтейнъ (Блюмфонтейнъ) городъ, 435, 547.
Боденъ, горы, 132.
Болобо, станція, 290, 291.
Большая Ба-Танга, рѣка, 59.
«Большая Кару», равнина, 416.
Большой Элобей, островъ, 131, 132.
Бома, городъ, 298, 303.
Бомвана, племя, 522.
Бонн, племя, 711.
Борани, племя, 751.
Боуэ, постъ, 136.
Боформъ-Вестъ, станція, 470.
Брава, рейдъ, 755.
Браццавиль, городъ, 264.
Буасса, селеніе, 77.
Бу-банги, племя, 256, 258.
Буби, племя, 41, 42.
Бубэ, островъ, 3.
Будиманъ, племя, 63.
Бузи, рѣка, 570, 571
Булу, племя, 107.
Булуа, городъ, 792.
Булумъ-Булу, степь, 412.
Булхаръ, городъ, 759.
Бумба, рѣка, 660.
Бунга, рѣка, 255, 259.
Бунда, племя, 331, 334, 342.
Бунджи, постъ, 136.
Бура, горы, 692.
«Бурныя горы», 416, 417.
Буры, народъ, 536, 545, 552, 555.
Бухта Зачатія, 37.
Бушменлэндъ, страна, 412, 462.
Бушмены, народъ, 445, 447.
Буэ, гора, 132.
Буэа, деревня, 77.
Бэмбэ, городъ, 352,
Бя-лялли, племя, 264, 267.

В.

Ваалъ, рѣка, 419, 420, 492, 512.
Вальфишъ, бухта, 388.
Вармбадъ, городъ, 409.
Ватербергъ, гора, 586.
Веллингтонъ, мѣстечко, 468.
Веруламъ, городъ, 535.
«Вершина Компасъ», гора, 416.
Викторія, станція, 70.
Вилла-Гувейя, городъ, 652.
Виту, городъ, 752.
Вольтасъ, мысъ, 422.
Ворчестеръ, городъ, 470.
Восточная Лу-Эбо, рѣка, 600.
Восточные галласы, народъ, 724, 725.
Восточные пльмъ-орма, народъ, 748.
Воша, гора, 627.
Вуа-буджуэ, племя, 231.
Вуа-бэмбэ, племя, 227.
Вуа-вниза, племя, 231.
Вуа-вира, племя, 227.
Вуа-Галла, область, 216.
Вуа-гома, племя, 226.
Вуа-гуа, племя, 224.
Вуа-Кахуиджe, деревня, 222.
Вуа-кимбу, племя, 214.
Вуа-киссинго, племя, 203.
Вуа-комбэ, племя, 226.
Ву-куири, племя, 76.
Вуа-маньема, племя, 228, 231.
Вуа-ніамези, племена, 212, 213.
Вуа-регга, племя, 227, 228.
Вуа-руа, племя, 224.
Вуа-рунда, племя, 227.
Вуа-сиге, племя, 227.
Вуа-сималунго, племя, 226.
Вуа-сонго, племя, 226.
Вуа-санзи, племя, 227.
Вуа-туа, племя, 191, 231.
Вуа-тузи, племя, 219.
Вуа-тута, племя, 217.
Вуа-уссн, племя, 203.
Вуа-фиба, племя, 222.
Вуа-хійя, племя, 231.
Вуа-хха, племя, 218.
Вури, племя, 63, 71.
Вури, рѣка, 56, 78.

Г.

Габонія, страна, 81—139.
Габонъ, бухта, 88, 89.
Габонъ, область, 32, 97.
Габонъ, рѣка, 98, 99, 106, 132.
Гадибурси, племя, 760.
Газалэндъ, страна, 567—583.
Гайка, племя, 519.
Га-Коко, городъ, 287.
Галека, племя, 519.
Галифаксъ, портъ, 408.
Галласы, народъ, 719.
Галоа, племя, 107.
Гамбарагара, гора, 182.
Гамбосъ, городъ, 383.
Гамсохопа, городъ, 508.
Гамтоа (Гамтоесъ), рѣка, 423.
Гангуэлла, племя, 283, 335, 372, 607.
Гандала, городъ, 758.
Ганъ-Либахъ, горы, 734.
Ганъ-Либашъ, горы, 728.
Гауритсъ («Большая рѣка»), рѣка, 423, 470.
Гвардафуй, мысъ, 729.
Гвинейское море, 1.
Гайдельбергъ, городъ, 561.
Гелей, гора, 689.
Гелиди, городъ, 758.
Глассъ, факторія, 132.
Голисъ, гора, 728.
Голубыя горы, 417.
Голунго-Альто, область, 360.
Гомбэ, рѣка, 212.
Гора-куа, племя, 452.
Гонзало-Альварецъ, островъ, 11.
Гора боговъ, 60, 63, 5, 776.
Гора Гамильтона, 418.
Гора Источниковъ, 418.
Гора Митры, 85.
Гооранхай, королевство, 205.
Горы Ливингстона, 599, 656.
Готтентоты, народъ, 449, 450—452.
Греэмстаунъ, городъ, 473, 474.
Гретъ-Кей, рѣка, 455.
Гриквалэндъ-Вестъ (Грикуалендъ-Вестъ), страна, 504.
Грикуа, племя, 452, 453, 491.
Грикуастаунъ, мѣстечко, 499.
Грэгэмстаунъ, городъ, 435.
Гуазо-н'Эрока, рѣка, 699.
Гуей, рѣка, 615.
Гуа-теви (аба-теви), племя, 580.
Губулувайо, городъ, 622.
Гугса (Гугза), рѣка, 730.
Гумба, городъ, 383.
Гумба, племя, 120.
Гунди-Иньянга, гора, 570.
Гунза, рѣка, 368.
Гхаземъ, фортъ, 758.

Д.

Да-мара, страна, 383—409.
Дандэ, рѣка, 314, 354.
Данкили, племя, 736.
Дарико, племя, 609.

Даръ-эсъ-Салаамъ, городъ, 675, 676.
Дасъ-Карбасъ, островъ, 32.
Дасъ-Роласъ, островъ, 32.
Де-Бееръ, рудникъ, 497.
Делагоа, бухта, 565—568.
Джаванджа, селеніе, 79.
Джагга, племя, 115.
Джамба, гора, 311, 312.
Джамби, народъ, 259.
Джарсо, племя, 650.
Джебель-Тіуръ, островъ, 758.
Джемстоунъ, городъ, 23.
Джидда, племя, 750.
Джингене, государство, 280.
Джипо, озеро, 696.
Джуапа («Черная»), рѣка, 239.
Джуба, рѣка, 731, 737.
Джума, рѣка, 166.
Джуо, водопадъ, 150.
Джуэ, рѣка, 265.
Джуэ-ля-Мкоа, деревня, 680.
Дикомо, островъ, 628.
Диколо, озеро, 165, 592.
Діэле, станція, 137.
Догилапи, пустыня, 689
Докало, племя, 710.
Долбохаяты, племя, 758.
Домбэ-Грандэ, округъ, 369, и городъ, 384.
Домбэ-Пекено, округъ, 369.
Донга, племя, 71.
Донго, городъ, 359.
Дондо, городъ, 359, 360, 362.
Доэ, гора, 570.
Дракенбергенъ (Драконовы горы), горы, 417.
Дуалла, племя, 63, 70, 72.
Дуке, городъ, 362.
Думэ, постъ, 136.
Дунгарета, портъ, 760.
Дунье-Буру, гора, 690.
Дунье-Лонгонокъ, гора, 690.
Дуньэ-ла-Ньюки, гора, 689.
Дуньэ-Нгэ, гора, 689.
Дуньэ-Эборъ, гора, 694.
Дуньэ-Эгере, гора, 695.
Дуньэ-Эрокъ-ля-Сиджирари, гора, 695.
Дурбанъ, городъ, 532.
Дьэле, рѣка, 259.

З.

Замбезе (Замбези), рѣка, 583—607.
Зандехъ, раса, 78, 251, 253.
Занзибаръ, городъ, 685, 686.
Занзибаръ, островъ, 653—687.
Западная территорія Гриква, 489—499.
Зеерустъ, городъ, 562.
Зейла, портъ, 759.
Зекоэ, рѣка, 420.
Зіу-Зіу, рѣка, 588, 596.
Зоненге, озеро, 107.
Зуай, озеро, 727.
Зуги, рѣка, 587.
Зулусы, народъ, 443, 536, 538, 539, 540, 582.
Зумбо, мѣстечко, 623.

И.

Ибеа, племя, 63, 81,
Ибо, городъ, 650, 652.
Ибо, островъ, 641.
Ивили, племя, 112.
Ивиндо, рѣка, 90, 115.
Игумби-Иделэ, гора, 87.
Иддіо, племя, 251.
Изангила, станція, 297.
Изубу, племя, 63, 64.
Икалемба, рѣка, 161, 176.
Иконду, мѣстечко, 233.
Илала, племя, 202, 203.
Илъ-уакобъ, племя, 714.
Ильмъ-орма, племя, 747.
Индве, рѣка, 455.
Ипинга, племя, 107.
Инхамбанэ, страна, 567—583.
Инхамиссенго, рѣчн. устье, 600, 632.
Инхаміара, рѣка, 600.
Инха-Нгома, островъ, 596.
Ихангу, селеніе, 584.
Иньякъ, островъ, 425.
Йоматема, гора, 656.
И-рамба, племя, 205.
Исса, племя, 739.
Итайя, племя, 224.
Итимбири, рѣка, 176.
Итту, племя, 750.
Ифульма, рѣка, 221.
Ишабоэ, островъ, 408.
Ишого, племя, 112.
Йэмбэ, мысъ, 223.

І.

Іеллала, водопадъ, 168.

К.

Кабеса-де-Кобра, факторія, 351.
Кабесейра, мысъ, 648.
Кабинда, городъ, 140, 297.
Кабинды, племя, 129.
Кабого, мысъ, 152, 156.
Кабо-Дельгадо, округъ, 652.
Кабомпо, рѣка, 592.
Кабонда, городъ, 384.
Кабо-Негро, мысъ, 375.
Кавала, островъ, 226.
Кавиропдо, край, 654, 713.
Кагеръ, рѣка, 182.
Казембэ, государство, 194, 205.
Казенго, область, 360.
Казигао, гора, 692.
Каконго, область, 303.
Каконго, племя, 303.
Каконго-Сонго, городъ, 303.
Каконда, область, 384.
Какупаваръ, рѣка, 317, 340.
Калабаръ, область, 33.
Каланжи, рѣка, 276.
Калахари, пустыня, 387. 440, 449.
Каледонъ, мѣстечко, 469.
Каледонъ, рѣка, 420, 443, 512.
Калибази, горы, 692
Калидини, портъ, 722.
Калумбо, портъ, 359.
Калунда, племя, 271, 272, 283.
Кальвинія, городъ, 469.
Камбамбэ, водопадъ, 315.
Камбо, рѣка, 289.
Камеронъ, бухта, 3, 199.
Камерунъ, гора, 48.
Камерунъ, городъ, 78.
Камерунъ, мысъ, 58.
Камерунъ, рѣка, 56, 63.
Камерунъ, страна, 45—81.
Камма, племя, 120.
Камоландо (Западная Луа-Лаба), рѣка, 150, 206.
Канга, гора, 635.
Канкобелла, городъ, 267.
Канкора, рѣка, 158.
Кансало, пороги, 595.
Канъ-Гранде, гора, 32.
Канъ-Пекено, гора, 32.
Каоко, область, 387, 399.
Капороро, рѣка, 369, 374.
Капская, колонія, 455—580.
Каптэ, плоскогорье, 689.
Капъ (Капштадтъ, Кэптаунъ) городъ, 463, 477.
Карагуэ, область, 218.
Карема, станція, 221.
Кару, область, 439,
Кассаи, рѣка, 165, 167, 175, 183, 187, 193, 268, 270, 282—284.
Кассали, озеро, 210.
Кассонго, село, 232.
Катару, рѣка, 727.
Катума, рѣка, 661.
Катумбелла, округъ, 316, 383.
Катумбелла, рѣка, 369.
Катумъ (Мкафу), рѣка, 222.
Кау. городъ, 753.
Ка-уанда, племя, 276.
Кафрарія, страна, 515—524.
Кафры, народъ, 517, 518.
Кафукуэ (Кафуэ, Кафакуэ), рѣка, 595, 606, 613, 620, 623.
Кахангуа, мысъ, 226.
Кахунголо, городъ, 283.
Кахуэле, портъ, 219.
Квелимане, городъ, 603, 630, 633 641, 647.
Кверимба, островъ, 650.
Квимбанда, племя, 335.
Кебрабаса, пороги, 595.
Кедровыя, горы, 412, 436.
Кей, рѣка, 416, 423, 464, 516, 520.
Кенія, гора, 687, 695, 696.
Керемъ, пристань, 759.
Кетимкуру, городъ, 201.
Кибонги, горы, 182.
Кибо, гора, 693.
Кибонго, городъ, 233.
Кибунья, рѣка, 660.
Кизанга, деревня, 651.
Кизи, островъ, 639.
Кизмайу (Кизимайу), портъ, 754.
Киконджа (Кассали), озеро, 205.
Кикуйу, плоскогорье, 689.
Килемба, городъ, 208,
Килефу, портъ, 722.
Киллама-Кибуру, гора, 692.
Килима-Нджаро, гора, 654, 687, 692, 694, 701, 706.
Килима-иси, рѣка, 699.
Килоа-Кивинджe, портъ, 673.
Килоа-Кизіуани, деревня, 673.
Килуа. рѣка, 639.
Кимауэнзи, гора, 693.
Кимберлей, городъ, 495.
Кимберлей, округъ, 427.
Кимбунду, городъ, 284.
Кименди, озеро, 78.
Кимпоко, область, 295
Книгани, рѣка, 653, 660.
Книгвилльямстаунъ, городъ, 475.
Киншасса, поселеніе, 295.
Кинини, городъ, 753.
Кирандо, бухта, 222.
Кируанъ, островъ, 691
Киссі, островъ, 148.

Ки-тева, племя, 578.
«Китовая бухта», 404.
Китунгуэ, островъ, 639.
Киши-Киши, портъ, 686.
Кіоко, племя, 193, 271, 283.
Кіомбони, рѣка, 660.
Кіулу, горы, 695.
Кларанстаунъ, городъ, 44.
Книсна, рѣка, 471.
Кога, рѣка, 516.
Кокауэ, племя, 719.
Кокотони, городъ, 686.
Кокстадъ, городъ, 524.
Колобенгъ, городъ, 508.
Комо, рѣка, 89, 107, 115, 119.
Комсбергъ, гора, 416.
Конагомбэ, мѣстечко, 383.
Конго, государство, 291, 306, 384.
Конго, область, 139 306
Конго, племена, 328.
Конго, рѣка, 139—267.
Кондусія, гавань, 649.
Кора-на, племя, 451.
Кориско, островъ, 88, 104, 107, 109.
Корогеро, пристань, 675.
Кота-Кота, портъ, 628.
Кото, край, 270.
Кристальный кряжъ, гора, 89.
Кру, племя, 128.
Куа, рѣка, 164, 175.
Куа-Куа (Барабуанда), рѣка, 603, 632.
Куа-куа, рѣчка, 57.
Куама, см. Замбезе.
Куанго, рѣка, 166, 175, 189, 283, 287—291.
Куанза, рѣка, 311, 314, 315, 379.
Куа-Ндо (Тиобэ), рѣка, 586, 592.
Куанхама, край, 397.
Ку-Атиръ, долина, 585.
Куатламба (Драконовы горы), 417.
Ку-Банго, область, 532.
Куп-балла, мѣстечко, 352,
Куизинъ, область, 391.
Куп-Киру, деревня, 215.
Кунлу, рѣка, 95.
Куиссама, племя, 336, 339, 343.
Куп-Ито, рѣка, 607.
Куіо, бухта, 370.
Куйя, племя, 263.
Кумба, городъ, 78.
Кумбэ, племя, 109.
Кунде-Ирунде, гора, 211.
Кунене, рѣка, 342, 372, 374, 383, 391, 392.
«Куполъ Льва», гора, 415.
Куруманъ, городъ, 505.
Куруманъ, рѣка, 505.
Ку-Эйо, долина, 585.
Кэптаунъ, городъ, 435, 447, 463, 467, 477, 485.
Кэптаунъ, округъ, 467.

Л.

Лакундже, рѣка, 53
Лалли, рѣка, 95.
Ламу, островъ, 753.
Ландана, гавань, 188, 297.
Ланджи, озеро, 150, 228.
Лапбарэнэ, портъ, 136.
Ластурвилль, постъ, 136.
Ласъ-Горэ, мѣстечко, 758.
Латаку, городъ, 504.
Ледисмитъ, городъ, 531, 334, 535.
Лекети, станція, 137.
Лекопэ, рѣка, 595.
Лелунда, рѣка, 314
Леопольдвилль, городъ, 293, 294.
Лепелоле (Молополе), городъ, 508.
Лерибэ, округъ, 515.
Лефини, рѣка, 164, 175, 255, 256.
Либа, рѣка, 592.
Либолло, племя, 336.
Либревилль, городъ, 132.
Ливингстонія, станція, 628.
Лигонья, рѣка, 636.
Лидеди, озеро, 640.
Ликатлонгъ, рѣка, 505.
Ликона (Ликуалла), рѣка, 164.
Ликуалла, рѣка, 255, 259.
Лимби, озеро, 639.
Лимпопо, рѣка, 409, 427, 443, 508, 551, 563—565, 567, 568
Линди, бухта, 671, 672.
Линзоло, станція, 267.
Линьянти, городъ, 611, 615.
Лиссеуа, пристань, 628.
Лиссока, мѣстечко, 77.
Ліамба, горы, 661.
Ліапзундо, водопадъ, 316.
Ліэмба, озеро, 222.
Ліендуэ, долина, 223.
Ло-Анге, рѣка, 166.
Лоангири, селеніе, 138.
Лоанго, королевство, 126.
Лоанго, портъ, 297.
Лоа-Нгуэ, рѣка, 595.
Лоанда, городъ, 319, 320, 355, 356, 359, 379, 384.
Лобалэ, равнина, 592, 609.
Лобомбо, горы, 551.
Лобэ, рѣка, 82.
Ловили, гора, 311.
Ложе, рѣка, 314, 352.
Лойка, рѣка, 159, 175.
Логинга, гора, 181.
Ло-Мами, рѣка, 206, 268.
Лопори, рѣка, 236.
Лопури, рѣка, 247.
Лоренсо-Маркезъ, территорія и городъ, 566, 652.
Ло-Танбуа, рѣка, 165.
Ло-Тембуа, рѣка, 592.
Ло-Фу, рѣка, 223, 224.
Ло-Фуко, долина, 224.
Ло-Хемба, озеро, 147.
Луабо, городъ, 632.
Лу-Ама, рѣка, 158.
Луа-Лаба (Верхняя Конго), рѣка, 158, 175, 181, 200, 228.
Луа-Нге, рѣка, 284.
Луа-Нгуа, рѣка, 181, 623, 625.
Луа-Пула, рѣка, 149, 199, 200, 203 228.
Луассэ (Западная Лу-Эбо), рѣка, 600.
Луа-Тута, рѣка, 585.
Лу-Блахъ, рѣка, 159, 175, 199.
Лу-Бури, рѣка, 150.
Лу-Во, рѣка, 284.
Лу-Дженда, рѣка, 636—645.
Лу-Йза, рѣка, 276.
Лу-Кала, рѣка, 316, 360—362.
Лу-Кенiэ, рѣка, 167, 175.
Луколела, станція, 290.
Лу-Куга, рѣка, 150, 151, 157, 158, 228, 644.
Лу-Кэбу (Мбуру), рѣка, 234.
Лу-Ламп, рѣка, 159.
Лу-Лонга, рѣка, 160.
Лу-Лу, рѣка, 168
Лу-Луа, рѣка, 165, 198, 276, 283.
Лулуаборгъ, постъ, 199.
Луми, горный потокъ, 796.
Лунгази, рѣка, 57.
Лунда, племя, 193, 194, 268.
Лунда, страна, 187, 287.
Лупата, гора, 596.
Луренсо-Маркезъ, бухта, 537.
Лу-Ріо, рѣка, 636, 645.
Лутетэ, городъ, 295.
Лу-Уэго, рѣка, 659.
Лу-Фира, рѣка, 150.
Лу-Фу, рѣка, 158, 168, 297.
Лу-Фула, рѣка, 150
Лушазе, племя, 607.
Лу-Эбо, рѣка, 282, 600.
Луэжи, рѣка, 296.
Луэмме, рѣка, 95.
Лу-Эна, рѣка, 592.

М.

Мабабэ, рѣка, 590.
Ма-бунда, племя, 611.
Ма-вити (ма-зиту), племя, 625.
Ма-виха, племя, 647.
Ма-вумба, племя, 139, 331.
Магали, горы, 561.
Ма-ганья, племя, 627.
Магадошу, городъ, 756.
Ма-гуаза, племя, 579.
Ма-гуамба, край и племя, 557.
Ма-гуангуара, племя, 643, 675.
Маденасана, племя, 445, 613.
Мади, племя, 228.
Ма-дума, племя, 107, 111.
Мажила, область, 703.
Мазази, край, 666, 672.
Мазан, племя, 702, 714, 715, 718
Мазаро, мѣстечко, 631.
Мазимбуа, деревня, 650.
Мазуна, племя, 115.
Ма-Йумба, факторія, 137.
Майапа, бухта, 641.
Майетъ, портъ, 758.
Майи-Мумэнэ, рѣка, 283.
Ма-іомбе, племя, 120, 124.
Ма-Калака, племя, 614, 620, 621.
Макапапа, горы, 559.
Макаракара, солончакъ, 588.
Ма-Кима, племя, 115.
Ма-Коло, племя, 612, 626.
Ма-Конде, племя, 647, 665.
Ма-Корикори, племя, 622.
Ма-Куа, народъ, 644, 645. 666.
Ма-Куакуа, племя, 579.
Макуази, горы, 551.
Максинга, гора, 623.
Малагаразн, рѣка, 155, 212, 217.
Маланджи, горы, 635.
Маланжэ, городъ, 364.
Малгаши, народъ, 755.
Малемба, городъ, 138.
Малимба, рѣка, 57.
Малинди, рейдъ, 723.
Ма-лонгуэ, племя, 580.
Малый Элобей, островъ, 131.
Мальмсбери, мѣстечко, 468.
Мамбари, племя, 615, 634.
Мамбойя, станція, 679.
Мамуза, городъ, 505.
Мангъ-баллэ, племя, 246.
Манге-Гранде, факторія, 351.
Манге-Пекэно, факторія, 351.

Мангюэнзо, поселеніе, 127.
Манда, островъ, 753.
Мандала, мѣстечко, 629.
Ма-нданда, племя, 578, 580.
Манджобъ, мѣстечко, 568.
Мандолэ, островъ, 76.
Ма-ндоуа, племя, 580.
Маника, округъ, 571, 582, 652.
Маниса, рѣка, 427, 559, 562, 568.
Маніанга, городъ, 199.
Мансъ, гора, 295.
Манъ-банга, племя, 243.
Ма-Ньема, область, 227.
Ма-ньемы, племя, 187.
Маньянджа, племя, 643.
Маньяра, озеро, 689.
Мапута, рѣка, 427, 537.
Ма-рави, племя, 627.
Маракуту, см. Кетимкуру.
Марара, степь, 728.
Маренга-Мкхали, область, 679.
Ма-римба (ма-нганья), племя, 625,
Марихо, округъ, 508.
Ма-ронгуи, племя, 580.
Ма-рунгу, племя, 224.
Масаруа, племя, 511.
Масеру, городъ, 515.
Масимбуа, бухта, 641.
Массаби, факторія, 138.
Массангано, городъ, 359.
Массара, племя, 511.
Массикессэ, мѣстечко, 582.
Ма-супія, племя, 613
Матади, портъ, 297.
Ма-тамбуэ, племя, 643.
Матамбьяна, городъ, 615.
Мататіэль, поселеніе, 524.
Матеба, островъ, 301.
Ма-тебелэ (Матабеле), племя, 509, 551, 557, 615, 616, 624.
Матебелелендъ (Матабелелендъ), территорія, 615.
Матемо, островъ, 650.
Матоппо, горы, 570, 615.
Матумба, озеро, 163.
Матшаме, королевство, 706.
Мау, плоскогорье, 689.
Мафія, островъ, 680.
Мафра, горы, 79.
Ма-хенджэ, племя, 675.
Ма-шона, страна, 569 620.
Ма-шинджe, племя, 288, 289.
Машона, племя, 621.
Ма-якка, племя, 289, 290.
Мбакши, племя, 115.
Мбаринго, озеро, 691.
Мбенга, племя, 115, 131.
Мбо, племя, 396.
Мбомо, рѣка, 140.
Мбонджо, племя, 256.
Мбоши, племя, 259.
Мбришъ, рѣка, 314, 352.
Мбу, озеро, 55.
Мбойэ, деревня, 264.
Мвутанъ-Нзиге, озеро, 152, 240.
Мгунда-Мкхами, пустыня, 678.
Медо, племя, 644.
Мексіасъ, проливъ, 92.
Меламбэ, устье, 600.
Мельвиль, мѣстечко, 471.
Мель св. Лазаря, 641.
Мемба, бухта, 641.
Мемэ, рѣка, 54, 62.
Мендифъ, гора, 183.
Мерка, портъ, 755.
Мессира, племя, 205.
Мжитуема, деревня, 675.
Миддильбургъ, городъ, 562.
Миджертины, племя, 742, 757.
Мисови, гора, 181.
Микиндани, портъ, 671.
Минунго, племя, 287.
Миранга, гора, 570.
Миримби, гора, 181.
Митумбо, горы, 211.
Михавани, племя, 644.
Моала, городъ, 295.
Моанія, рѣка, 59.
Мозамбикскій проливъ, 641.
Мозамбикское теченіе, 640.
Мозамбикъ, городъ и портъ, 633, 641, 648, 649.
Мозамбикъ, колоніальн. владѣніе, 633—652.
Мозамбикъ, островъ, 648.
Мозоэ, рѣка, 615, 624.
Мокамбо, бухта, 640.
Мокамбо, портъ, 641, 650.
Мококуэ, озеро, 79.
Мокулла, городъ, 351.
Мокуирри, племя, 67.
Молопо, притокъ, 421, 499, 507.
Момбазъ, городъ, 721, 722.
Момбера, санаторія, 628.
Монбуту, племя, 187, 191, 288, 231, 240—245, 251.
Мо-Нгала, рѣка, 159, 206.
Монго-ма-Лоба, гора, 48, 51.
Монго-ма-Этиндехъ, городъ, 50.
Монгу, гора, 694.
Монеа, мѣстечко, 631.
Моніембо, племя, 256.
Монтепесъ, бухта, 641, 651.
Монъ-ву, народецъ, 245.
Морамбала, гора, 600.
Моріа, озеро, 211.
Моруакхомо, городъ, 508.
Моссамедесъ, городъ, 344, 368.
Моссамедесъ, округъ, 371, 383.
Моссорилъ, бухта, 648.
Моуэ, предмѣстье, 291.
Моэро, озеро, 149, 199, 201.
Моэру, гора, 695.
Мпала, станція, 224.
Мпозо, портъ, 297.
Мпозо, рѣка, 168.
Мпонгуэ, племя, 106.
Мпуапуа, станція, 679.
Мпуру, рѣка, 175.
Мпэтэ, полуостровъ, 223.
Мсири, королевство, 200, 206.
Мсуата, мѣстечко, 264.
Мтандэ, племя, 622.
Мтепуэзи, рѣка, 651.
Мтонія, гора, 599.
Мтоpанденга, мѣстность, 639.
Мто-Тана, рѣка, 700.
Муамби, бухта, 641, 650.
Муамхакома, полуостровъ, 650.
Муата-Ямво, имперія, 268.
Муйоло, племя, 328.
Му-кассекерэ, племя, 608.
Мукенге, государство, 280.
Мукозо, рѣка, 375.
Мукоссо, племя, 609.
Муксима, постъ, 359.
Муксингъ, область, 205.
Муласса, городъ, 583.
Мулата, гора, 728.
Мулондо-Замби, гора, 314.
Мунго, рѣка, 55—57, 63, 69, 77.
Му-ндомбэ, племя, 339, 343.
Муни, рѣка, 88.
Муннимуанта, городъ, 628.
Муоди, гора, 54.
Мусоронго, племя, 328, 329.
Мусседжи, племя, 109.
Муссера, городъ, 351.
Муссомбо, озеро, 315.
Мута-Нзиге, озеро, 152,13, 192, 199, 211.
Му-тумби, племя, 256.
Муфунду, племя, 63.
Мушиконго, племя, 328, 329.
Мфимбуэ, государство, 222.
Мфими, рѣка, 167.
Мфуа, постъ, 264.
Мфумбиро, гора, 182.
Мшоби, городъ, 290.
Мысъ Обрѣзанія, 8.
Мысъ «Пеликана», 391.
Мысъ «Фетишъ», 91, 129.
Мерайя, округъ, 757.

Н.

Набіэлэ, городъ, 614.
Нагандн, рѣка, 640.
Назаретъ, бухта, 88, 91.
Найваша, озеро, 690.
Накуро, озеро, 691.
Намагари, рѣка, 420.
Нама-куа, страна, 383—407.
Наміебъ, равнина, 388.
Намули, горы, 634, 635, 644.
Нанге-Нангэ, селеніе, 135.
Нано, племя, 334.
Наталь, страна, 524—537.
Нгами, озеро, 587, 588, 607.
Нганчу, постъ, 263.
Нгили, селеніе, 136.
Нгири, озеро, 256.
Нгомбэ, племя, 237, 253.
Нгомбэ, станція, 290.
Нгуао, область, 303.
Нгунзи, племя, 237.
Нгуніе, рѣка, 101, 136.
Нджири, долина, 694.
Ндорума, городъ, 251.
Нжолэ, селеніе, 136.
Николь, островъ, 77.
Нинже, см. Сенъ-Жанъ.
Ніамбіамбэ, округъ, 212.
Ніамези, племя, 192.
Ніанга, рѣка, 93.
Ніангуэ, городъ, 239.
Ніанца (Ніанза), озеро, 151, 182.
Ніамъ-Ніамъ, область, 240—255
Ніамъ-Ніамы, племя, 187, 191, 228, 240.
Ніари-Бабуэндэ, постъ, 137.
Ніари-Лу-Дима, постъ, 137.
Ніевэвельдъ, см. Комсбергъ.
Ніуту, постъ, 137.
Нкала, портъ, 649.
Нкепи, рѣка, 161, 171, 263.
Нкисси, рѣка, 168.
Нкомати, рѣка, 577.
Нкоми, племя, 107.
Нкуна («Прудъ Стэнли»), 167.
Нкунджія, постъ, 258.
Н'Леллэ, деревня, 303.
Ново-Редондо, городъ, 384
Ноки, портъ, 348.
Нолэ, племя, 750.
Нтамо, городъ, 293.
Ншинда, городъ, 204.

Ньика, край, 700.
Ньюкэстль, городъ, 535.
Нья-Нтумбо, деревня, 675.
Ньясса, озеро, 597—599, 604, 624—633.

О.

Обамба, племя, 112.
Обомби, поселеніе, 136.
Ова-Зороту, островъ, 402.
Ова-нганджера (ганжера), племя, 398.
Ова-куамби (окуамби), племя, 398.
Ова-куньяма (куанхама), племя, 398.
Ова-мбаранду (омбланду), племя, 398.
Ова-Мбо, острова, 392, 398.
Ова-Мпо, племя, 318.
Овенга, рѣка, 92.
Огаденъ, область, 734.
Огуэ, область, 5, 111.
Огуэ, рѣка, 89—93, 104, 112, 113, 133, 143.
Оерлямы (см. Готтентоты).
Озп, рѣка, 700, 752.
Оканга, племя, 112.
Окарутхи (окуалуди), племя, 398.
Окафима (окафина), племя, 398.
Окоа, племя, 123.
Оконга, племя, 263.
Окота, племя, 112, 259.
Окота, поселеніе, 136.
Олифантъ, рѣка, 436, 562.
Оломбинго, гора, 312.
Омаруру, уади, 391, 407.
Оматако, гора, 388.
Омбанджи, племя, 398.
Омбланду, племя, 397.
Омбуру, ключъ, 391.
Ондонга (Ндонга), государство, 397.
Оніико, гора, 87.
Опій, городъ, 756.
Оранжевая республика, 543—550.
Оранжевая рѣка, 408—524.
Орунгу, племя, 107.
Оруссп, племя, 750.
Осіэба, племя, 115.
Островъ Вознесенія, 24—30.
Островъ Горлицъ, см. Дасъ-Роласъ.
Островъ до-Принсипе, 35.
Островъ Молніи, см. Кориско.
Островъ «Неприступный», 12.
Островъ Санта-Круцъ, 11.
Островъ св. Елены, 15—24.
Островъ св. Матвѣя, 9.
Островъ св. Ѳомы, 32—34.
Островъ Тюленей, 456.
Отави, гора, 388.
Отомби, горы, 87.
Отьимбинге, миссіонерск. станъ. 400.

П.

Пагуане, народъ, 116—119.
Пальмовый мысъ, 1, 3.
Памаломбо, озеро, 600.
Памба, городъ, 361.
Памба, рѣка, 361.
Памбэтэ, бухта, 441.
Памбэтэ, деревня, 223.
Пангани, городъ, 687, 721.
Пангани, рѣка, 687, 696, 698, 707.
Панда-ма-Тенка, мѣстечко, 615.
Паншалы, племя, 750.
Пасса, рѣка, 136.
Патта, островъ, 753.
Пемба, островъ, 686.
Пендэ, племя, 284.
Перлъ, село, 468.
Перси, гора, 54.
Пикъ-Девиль, гора, 415.
Пикъ Дьявола, гора, 467.
Пикъ Жаворонка, гора, 54.
Пикъ Жаннеты, 561.
Питеръ-Марицбургъ, городъ, 534—536.
Пніель, мѣстность, 492, 493.
Пово-Гранде, селенія, 139.
Покомани, рѣка, 711.
Покомо, племя, 712.
Помбо, станціе, 137.
Пондо, племя, 523.
Пондолэндъ, территорія, 523.
Понта-да-Ленха (Понта-да-Ленья), станція, 301, 302.
Понта-Негра, мысъ, 138.
Пороги „Стэнли", станція, 239.
Порто-до-Ильео, бухта, 407.
Портъ-Бофоръ, колонія, 470.
Портъ Гардингъ, 531.
Портъ Елизаветы, городъ, 471, 472, 473.
Портъ-Наталь (Дурбанъ), 532, 533.
Портъ-Скоттъ, 531.
Прайя-Лянса, гора, 31.
Преторія, городъ, 561, 562.
Пунго-Ндонго, городъ, 362—363.

Р.

Рабай, постъ, 708.
Рамбоэ, рѣка, 136.
Ра-нажоа, племя, 609.
Рандебергъ, гора, 418.
Раньямэ, рѣка, 615.
Расъ-Филукъ, мысъ, 757.
Расъ-Хафундъ, мысъ, 729.
Рахануины, нація, 743, 751.
Регга, племя, 192.
Республика „Адаманта", 490.
Риба-Риба, мѣстечко, 233.
Риверсдаль, городъ, 470.
Рикуа, озеро, 152.
Рикуру, рѣка 628.
Ріо-дель-Рей, рѣка, 53, 54, 75.
Ріо-Муни, бухта, 131.
Ро-вума, племя, 625.
Ро-Вума, рѣка, 633, 636, 640, 642, 643, 653, 654, 664.
Ротсэ, племя, 626.
Руанда, городъ, 225.
Руа, племя, 192, 205, 206, 208, 268.
Руа-ха, рѣка, 659.
Рубехо, горы, 656.
Руки (Черная), рѣка, 161.
Румби, гора, 53.
Руо (Луо), рѣка, 600.
Ру-Сизи, рѣка, 151, 155, 156, 199, 227.
Рустенбургъ, городъ, 562.
Ру-фиджи, племя, 625.
Ру-фиджи, рѣка, 659, 660, 661.
Ру-фу, рѣка, 653, 655.
Рѣка «Вѣдьмы», 469.
Рѣка «Крокодиловъ», 171.

С.

Саандани, городъ, 653, 677.
Сабаки, рѣка, 696, 699, 700.
Саби, рѣка, 567, 570, 580.
Салданья, озеро, 468.
Самауапака, портъ, 759.
Санкуру (Санкулу), рѣка, 165, 187, 270.
Саны, племя, 446.
Санта-Анна-Шавесъ, гора, 35.
Санта-Изабелла, гора, 36.
Санта-Лючія, бухта, 424.
Санъ-Жануаріо, колонія, 373.
Санъ-Жозе, крѣпость, 353.
Санъ-Карлосъ, бухта, 38.
Санъ-Сальвадоръ, городъ, 297, 350.
Саньяти, рѣка, 615.
Себи, племя, 236.
Себитуани (Зебитуани), государство, 610.
Сели (му-сели), племя, 339.
Селэа, племя, 626.
«Семь кряжей», горы, 86.
Сена, округъ, 652.
Сенку, рѣка, 356, 420.
Сенкуніанэ, рѣка, 418.
Сенна, городъ, 624.
Сенъ-Жанъ, мысъ, 86, 87, 131.
Серамбо, городъ, 216, 218.
Сешокэ, городъ, 614, 631.
Сижирари, гора, 595.
Силинди, гора, 569.
Симба, рѣка, 660.
Симонстаунъ, городъ, 467.
Синга, государство, 202.
Сипумгамбили, гора, 569.
Слоновая гора (см. Муоди), 60, 79.
Слоновая рѣка, 423, 428.
Собатъ, рѣка, 731.
Соляныя горы, 418.
Соловьиный островъ, 12.
Сомали, народъ, 735—741, 752.
Сомалія (Сомалъ), страна, 723.
Сонго, племя, 336.
Соньо, племя, 328.
Сопа, селеніе, 77.
Сота-Тонга, гора, 570.
Софала, городъ, 575, 582, 640, 652.
Софала, округъ, 652.
Стандертонъ, городъ, 561.
«Сто Водопадовъ», 421.
Столовая гора, 415, 456.
„Столъ", гора, 54.
Стэнли-Пуль, озеро, 248.
Суелаба, мысъ, 53, 58.
Сѣверная Маника, страна, 614.
„Сѣдло", гора, 54.

Т.

Табора, мѣстечко, 215.
Таджурахъ (Таджура), заливъ, 760.
Такунъ, источникъ, 504.
Талло-Маноиго, гора, 311.
Тана, портъ, 687, 699, 700.
Танга (Муоа), городъ, 721.
Танганьика (Танганика), озеро, 151—157, 181, 192, 199, 211—228.
Тангата, бухта, 700.
Тангаунку, городъ, 723.
Тати, рѣка, 559.
Тейта, гора, 708.
Тете, городъ, 604, 623, 652.
Тетэ и Зумбо, округъ, 652.

Типпо-Типъ, 182, 234.
Тока, племя, 626.
Токуина, рѣка 758.
Тонкэ, рѣка, 587.
Тонта, племя, 578, 580.
Топпаары, племя, 403.
Трансваль, республика, 557, 559.
Тристанъ д'Акунья, островъ, 2, 8, 12—15.
Тсоакхуба, мѣстечко, 392.
Тубинди, племя, 277.
Тугела (Тужела), рѣка, 424, 443, 534, 538.
Тумбату, островъ, 686.
Тунгуа, городъ, 296.
Тунп, коса, 732.
Тупи, племя, 743, 755.
Ту-шилонжэ, племя, 193.
Тхаба-Боссиго, округъ, 515.
Тхаба-Ншо, городъ, 548.
Тхабо-ншо, племя, 550.
Тшама-Тшама, село, 577.
Тшіонго, камень, 171.
Тшоби, племя, 579.

У.

Уа-бена, племя, 669.
Уа-бизы, племя, 202, 203.
Уа-гого, племя, 669.
Уа-гоно, племя, 705.
Уаданы, племя, 755.
Уадиго, племя, 708.
Уа-доэ, племя, 668.
Уа-дурума, племя, 708.
Уа-дуэ, племя, 752.
Уа-жеджа, племя, 669.
Уа-зарамо, племя, 667.
Уа-зегуха, племя, 668.
Уа-кагуру, племя, 669.
Уа-каммазія, племя, 720.
Уа-камба. племя, 708, 712, 713.
Уа-ками, племя, 668.
Уа-кикуйу, племя, 712.
Уа-куафи, племя, 713, 714.
Уа-куэрэ, племя, 668.
Уа-кхуту, племя, 668.
Уилага, рѣка, 636.
Уали-хуху, племя, 666.
Уа-меги, племя, 669.
Уами, рѣка, 655, 656, 660.
Уа-муэра, племя, 666.
Уа-нгиндо, племя, 666, 675.
Уанго, рѣка, 92.
Уа-нгуру, племя, 668.
Уа-нинди, племя, 644.
Уа-ніа-каньяка, племя, 667.
Уа-ньика, племя, 700, 707.
Уньянго, мѣстечко, 646.
Уа-пакомо, племя, 699.
Уа-парэ, племя, 704.
Уа-рима, племя, 676.
Уариро, гора, 727.
Уа-руву, племя, 704.
Уаршекъ, деревня, 756.
Уаръ-сангели, племя, 758.
Уа-сагара, племя, 669.
Уа-самбара, племя, 702.
Уа-саніэхи, племя, 711.
Уа-силикомо, племя, 713.
Уа-тавета, народъ, 705.
Уа-тишунгу, племя, 625.
Уа-гэнта, племя, 708.
Уа-хехе, племя, 669.
Уа-хіяо (яо), племя, 646.
Уа-хума, племя, 656.
Уа-эльгейо, племя, 720.
У-банги, племя, 255.
У-банги, рѣка, 80, 160, 164, 175, 176, 183, 199, 255, 259.
У-бири, гора, 569.
У-Буари, полуостровъ, 227.
У-бума, племя, 193.
У-Винца, область, 219.
У-Галла, страна, 221.
У-Гого, область, 220, 656, 664, 679.
У-Гома, область, 220.
У-Гоно, гора, 692.
У-Гуа, скала, 224.
У-Гунда, страна, 216.
У-Джинджи, округъ, 219.
У-Самбара, горы, 692, 704.
У-Самбэ, племя, 206
У-Карага, область, 219.
У-Кахуэндэ, страна, 221.
У-Кереди, рѣка, 671.
У-Кононга, государство, 222.
Улу, горы, 695.
Улунди, городъ, 543.
Умбеэ, племя, 259.
Умгони, племя, 577.
Умтата, городъ, 522.
Умъ-Волози, рѣка, 538, 543.
Умъ-Жени, рѣка, 534.
Умъ-Зимвубу, рѣка, 423.
Умъ-Зимкулу, рѣка, 531.
Умъ-Зумби, рѣка, 531.
Умъ-Кози, рѣка, 622.
Умъ-Памбиніони, рѣка, 531.
Умъ-Тавуна, рѣка, 531.
Умъ-Тата, рѣка, 523.
Унгана, бухта, 701.
Унгенге, племя, 610.
У-Ніамези, государство, 212, 213.
У-Ніамези, озеро, 451.
У-Ніамези, племя, 217.
Унодуенго, городъ, 543.
Уо-ндороббо, племя, 718.
Упото, горы, 335.
У-Рамбо, городъ, 216.
У-Ранга рѣка, 659, 660.
У-Руа, племя, 188, 205.
У-Рунгу, страна, 222.
У-Рунди, область, 227.
Уруру, рѣка, 699.
У-Сагара, племя, 669.
У-Самбара, гора, 703.
У-Самбара, область, 703.
У-Сонгора, гора, 182, 222.
У-таби, горы, 569.
Утесъ птицъ, 469.
У-Фиба, государство, 222.
У-Хха, область, 218.
Уэби, рѣка, 727, 732, 748.
Уэй-Уэй, рѣка, 691, 720.
Уэлле, рѣка, 240—255.
Уэнья, племя, 234.
У-Юуи, мѣстечко, 215.

Ф.

Фанъ, племя, 115.
Фернандо-Веллозо, заливъ, 649.
Фернандо-По, островъ, 30, 32, 36—45.
Фиго (аманъ-фингу), племя, 518.
Франсевиль, станція, 136.
Фріо, бухта, 404.

Х.

Хабръ-ауаль, племя, 739, 752.
Хабръ-гахръ - хаджи, племя, 752, 758.
Хабръ-толь, нація, 752, 759.
Хапсъ, гора, 728.
Хариба, ущелье, 595.
Хари, рѣка, 82, 248.
Харраръ, городъ, 760.
Хауйя, народъ, 743, 751.
Хама, гора, 728.
Хапіе, городъ, 508.
Хашійя, племя, 743.
Хаусса, племя, 305.
Хейсъ, пристань, 759.
Хереро, горы, 586.
Хереро, племя, 400, 401.
Хиганъ, рѣка, 421, 499.
Хленга, племя, 580.
Хогга, озеро, 727.
Холло, племя, 289.
Хойпъ-хойны, племя, 452.
Хумпата, см. Сапъ-Жануаріо.

Ц.

Цаво, рѣка, 699.
Цомбэ, деревня, 223.

Ч.

Чага, область, 706.
Чази, рѣка, 147.
Чала, бассейнъ, 694.
Чамбезе, рѣка, 148, 200.
Чикала, гора, 638.
Чикаронго, водопадъ, 595.
Чимъ-Буанда, городъ, 303.
Читамбо, село, 203.
Чихумба, рѣка, 283.
Чіуагулу, цитадель, 646.
Чіута, озеро, 638.
Чоа, городъ, 303.
Чобэ, озеро, 591 (Куа-Нда).
Чомбе, гора, 630.
Чуамбо, портъ, 632.
Чумбири, гора, 291.

Ш.

Шагга, городъ, 753.
Шаки-Шаки, городъ, 686.
Шампань-кэстль, гора, 418.
Шангамира, страна, 624.
Шангани, городъ, 686.
Шаша, рѣка, 559.
Шекіани, племя, 109.
Шелла, горы, 312.
Шизимодо, островъ, 628.
Ши-Лоанго, рѣка, 138.
Шилоанэ, островъ, 581.
Шиншошо, постъ, 138.
Шиперони, горы, 635.
Широкая, рѣка, 423.
Широнжи, городъ, 627.
Шируа, озеро, 635.
Ширэ, рѣка, 624—630.
Шіуку, рѣка, 160.
Шошонгъ, городъ, 509, 510, 551.
Штольценфельсъ, колонія, 410.
Шупанга, мѣстечко, 631.
Шэри, рѣка, 731, 732.

Э.

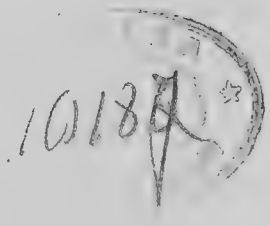
Эгара, племя, 109.
Эгито, городъ, 326.
Эдендаль, городъ, 536.
Эдея, рѣка, 59.
Экваторвиль, городъ, 238.
Элобей, островъ, 88.
Элонга, гора, 311.
Эльгонъ, гора, 696.
Эльметейта, озеро, 691.
Эмбата, племя, 254.
Эннія, племя, 747.
Эстейрасъ, мысъ, 88.
Этоша, солончакъ, 318.

Ю.

Юль, племя, 750.

Я.

Я, племя, 750.
Ябіянга, рѣка, 69.
Ялибонго, племя, 112.
Ямбумбу, городъ, 235.
Ямво, королевство, 367.
Яо (аджауа), племя, 629.
Яффаръ, горн. проходъ, 728.



98

15 p.